СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

МОСКВА

1912

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ

ДРЕВНЕЙ РОССІИ

СЪ

ДЕРЖАВАМИ ИНОСТРАННЫМИ.

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію

ИЗДАННЫЕ

Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

МОСКВА.

1912

ПАМЯТНИКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ ГОСУДАРСТВОМЪ.

ТОМЪ IV.

1598—1608 гг.

Изданы подъ редакціей **С. А. Бѣлокурова.**

Печатано подъ наблюденіемъ Члена Совѣта С. Ѳ. Платонова.

Настоящій томъ, содержащій въ себѣ документы Смутнаго времени, издается Обществомъ къ 300-лѣтней годовщинѣ освобожденія Москвы и избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Документы по сношеніямъ Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за 1598—1608 гг. сохранились до нашего времени далеко не всѣ: очень многіе изъ нихъ отсутствуютъ въ Архивѣ Посольскаго приказа, находящемся нынѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Составленныя въ XVII вѣкѣ описи дѣлъ этого приказа, выдержки изъ коихъ напечатаны далѣе на страницахъ 1—36, даютъ матеріалъ для сужденія о времени исчезновенія этихъ документовъ. Изъ нихъ видно, что за періодъ времени послѣ 1627 г. документовъ пропало сравнительно немного (см. въ II описи, 1626—1627 гг., №№ 1, 2, 4—7, 12, 27, 29, 162, 164, 168, 175, 176, 179; въ III описи, 1632 года, № 6; въ IV описи, 1673 г., №№ 1, 8, 12, 13), но весьма значительное

число ихъ погибло въ Московскій пожаръ 1626—1627 гг., ибо въ описи дѣлъ Посольскаго приказа, составленной послѣ него, не находимъ цѣлаго ряда документовъ, бывшихъ въ приказѣ въ 1614 г. (см. въ I описи, 1614 г., №№ 1—19, 21, 57, 62—105, 107—111). А нѣкоторыхъ документовъ по сношеніямъ Польши съ Россіей за 1598—1614 гг. не было въ Посольскомъ приказѣ и въ 1614 г.; это особенно можно сказать по отношенію къ многочисленнымъ посольствамъ «царя Дмитрія Ивановича» въ 1605—1606 гг.— Недостающихъ въ Архивѣ Посольскаго приказа документовъ за 1598—1614 гг. не видно и въ другихъ русскихъ древлехранилищахъ. Императорская Публичная Библіотека, судя по свѣдѣніямъ о рукописяхъ ея, любезно сообщеннымъ И. А. Бычковымъ, не владѣетъ документами, отсутствующими въ Архивѣ Посольскаго приказа.

Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за 1598—1608 гг., сохранившіеся въ этомъ послѣднемъ Архивѣ (Архивѣ Посольскаго приказа), восполняются документами захваченнаго при взятіи въ 1794 г. русскими войсками гор. Варшавы Архива царства Польскаго, часть коего, а именно дѣла внѣшнія по сношеніямъ Польши съ иностранными дворами, поступила въ 1798 году въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а отсюда въ тотъ же Московскій Архивъ ея. Въ Архивѣ царства Польскаго находимъ не только списки нѣкоторыхъ документовъ изъ числа тѣхъ, какіе имѣются въ Архивѣ Посольскаго приказа, но и новые документы, и притомъ какъ о тѣхъ же сношеніяхъ, о которыхъ говорятъ русскіе документы, такъ и о тѣхъ, свѣдѣній о коихъ въ послѣднихъ не находимъ. Къ сожалѣнію и этотъ Архивъ дошелъ до нашего времени не въ полномъ составѣ... Въ части того же Архива царства Польскаго, хранящейся нынѣ въ Мо-

сковскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, «Литовской метрикѣ», по сообщенію завѣдующаго ею Н. П. Чулкова, нѣтъ документовъ, пополняющихъ собраніе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Неудовлетворительный отвѣтъ относительно Варшавскаго Главнаго Архива Древнихъ Актовъ сообщенъ начальникомъ его проф. Ѳ. Вержбовскимъ. Нѣкоторые дополнительные документы имѣются въ Польскихъ архивахъ и библіотекахъ, какъ напр., въ Краковѣ — въ библіотекѣ Краковской Академіи Наукъ (Czubek, Katalog rękopisów Akademii Umiejętności, Krak. 1906), музеѣ Чарторыскихъ, въ Львовѣ — въ библіотекѣ Оссолинскихъ (Kętrzyński, Katalog rękopisów biblioteki zakładu nar. im. Ossolińskich. T. I—III. Lwów, 1881—98), въ Познани — въ библіотекѣ Рачинскихъ (Сосновскій и Курцманъ, Katalog biblioteki Raczyńskich w Poznaniu, Posen. B. I, 1875).

Въ настоящемъ томѣ «Сборника» напечатаны всѣ памятники дипломатическихъ сношеній между Польшею и Россіей, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ изъ Архива Посольскаго приказа, такъ и изъ Архива царства Польскаго, съ начала царствованія Бориса Годунова и кончая заключенной въ Москвѣ 20 іюля 1608 г. перемирной грамотой, согласно коей были отпущены въ Польшу задержанные въ маѣ 1606 года поляки, въ томъ числѣ Марина и Юрій Мнишекъ, кн. Вишневецкій, Стадницкіе, Тарло и др. Въ «Дополненіяхъ» помѣщены нѣкоторые документы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ нимъ и находящіеся въ другихъ архивахъ и библіотекахъ.

Въ составъ тома вошли не только Посольскія книги (т. н. «Статейные списки»), но и дѣла, подлинныя грамоты и трактаты. Въ томъ случаѣ, когда какой-либо документъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ, они сравнивались,

текстъ печатался по лучшему списку, а разночтенія другихъ списковъ отмѣчались въ примѣчаніяхъ. При изданіи документа по черновику приводились въ примѣчаніяхъ и всѣ болѣе существенныя исправленія его. Тексту документовъ того или другого посольства предшествуютъ замѣтки о самыхъ документахъ.

При печатаніи по возможности выдержано правописаніе документа, но введены прописныя буквы и согласно смыслу разставлены знаки препинанія.

Настоящій томъ изданъ подъ редакціей С. А. Бѣлокурова; заключающіеся въ томѣ документы на польскомъ языкѣ печатаны подъ смотрѣніемъ И. С. Рябинина.

10 Февраля 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Документы по сношеніямъ Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за 1598—1613 гг., хранившіеся въ Посольскомъ приказѣ въ 1614—1673 гг.

II.

1599 г. февраль. Посольство въ Польшу Мих. Татищева и дьяка Ив. Максимова.

III.

1600 г. апрѣля 10—іюнь. Отправленіе въ Москву гонца Барт. Бердовскаго.

IV.

1600 г. іюля 15—1601 гг. Посольство въ Москву Сапѣги, Варшицкаго и Пельгржимовскаго.

V.

1601 г. августа 6—30 января 1602 г. Посольство въ Польшу Салтыкова-Морозова, Плещеева и дьяка Власьева.

VI.

1602 г. апрѣль-май. О разграниченіи земель между гг. Торопцемъ и Велижемъ.

VII.

1604 г. сентябрь—1605 г. Посольство въ Польшу Посника Огарева.

VIII.

1605 г. май—іюль. Бытность въ Польшѣ посланника царя Дмитрія Ивановича.

IX.

1605 г. іюля 21 — сентябрь. Пріѣздъ въ Москву къ боярамъ гонца отъ воеводы Сендомирскаго Юрія Мнишка — Яна Бычинскаго.

X.

1605 г. Посольство Гонсевскаго.

XI.

1605 г. сентября 5 — май 1606 г. Посольство Аѳ. Власьева.

XII.

1605 г. сентября 22. Посылка Петра Чубарова отъ Московскихъ бояръ къ Юрію Мнишку въ отвѣтъ на его грамоту.

XIII.

1605 г. декабря 16. Грамота царя Дмитрія Ивановича королю Сигизмунду III о назначеніи имъ въ Польшу на сеймъ пословъ кн. Масальскаго, М. И. Татищева и дьяковъ В. Янова и А. Иванова.

XIV.

1606 г. мая 29—13 февраля 1607 г. Посольство въ Польшу князя Г. К. Волконскаго и дьяка Андрея Иванова.

XV.

1606 г. Посольство Гонсевскаго и Олесницкаго.

XVI.

1606 г. іюнь. Грамота патр. Іова князю В. К. Острожскому о «ростригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ».

XVII.

1606 г. О пребываніи Стадницкихъ въ Московскомъ государствѣ.

XVIII.

1608 г. апрѣля 20 — іюнь. О пребываніи въ Москвѣ Польскихъ пословъ Олесницкаго, Гонсевскаго и кн. Масальскаго.

XIX.

1607 г. мая 22 — августъ 1608 г. Пріѣздъ въ Москву посланниковъ Витовскаго и князя Соколинскаго. Переговоры ихъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ послами Олесницкимъ и Гонсевскимъ. Отпускъ всѣхъ ихъ, Мнишка и др. Польскихъ и Литовскихъ людей, задержанныхъ съ 1606 г.

1. — Документы по сношеніямъ Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за 1598—1613 гг., хранившіеся въ Посольскомъ приказѣ въ 1614—1673 гг..

Изъ описей архива Посольскаго приказа, составленныхъ въ 1614, 1626—1627, 1632 и 1673 годахъ, печатается здѣсь выборка всѣхъ тѣхъ документовъ, которые относятся къ сношеніямъ Москвы съ Польшей за время съ 1598 по 1613 гг.. Для удобства цитированія документовъ введена нумерація ихъ, отсутствующая въ подлинныхъ описяхъ. Первая опись составлена княземъ Д. И. Мезетцкимъ и дьякомъ П. Даниловымъ по царскому указу отъ 16 ноября 7123 (1614) г.. — Вторая — Ѳ. Л. Бутурлинымъ и дьяками И. Болотниковымъ и Г. Нечаевымъ по царскому указу отъ 26 декабря 7135 (1626) г.: «переписывали въ Посольскомъ приказѣ всякія дѣла, что осталися послѣ пожару, какъ горѣло въ Кремлѣ городѣ» (3 мая 1626 г.. Отрывокъ этой книги, лл. 141 — 146, представляетъ Польское дѣло 1587 г. № 2).— Третья — Л. И. Долматовымъ-Карповымъ и дьякомъ И. Переносовымъ по указу отъ 6 октября 7141 (1632) г.: «пересмотрити въ Посольскомъ приказѣ всякіе государевы дѣла противъ Переписныхъ книгъ прошлого 135-го году..., и что сверхъ тѣхъ старыхъ Переписныхъ книгъ какихъ дѣлъ объявитца и что послѣ тѣхъ Переписныхъ книгъ со 135-го году по нынѣшней по 141-й годъ октября по 6-е число въ Посольскомъ приказѣ какихъ дѣлъ вновь прибыло, — переписати». Согласно этому указу «чего противъ прежнихъ Переписныхъ книгъ не сыскано, и что по осмотру окольничего Л. И. Долматова-Карпова да дьяка Ивана Переносова какихъ дѣлъ сверхъ прежнихъ Переписныхъ книгъ (7135 г.)... сыскано, и что грамотъ и всякихъ посольскихъ и приказныхъ дѣлъ со 135-го году по нынешней по 141-й годъ октября по 6-е число вновь переписано, — и то все писано въ сѣхъ книгахъ подлинно порознь по статьямъ».—Четвертая опись составлена въ бытность начальникомъ Посольскаго приказа А. С. Матвѣева, именно въ 7181 (1673) году. Ея полное заглавіе: «книга переписная в. г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., чиновнымъ книгамъ венчанію и помазанію благочестивыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Російскихъ на великое княженіе и Російское царствіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ, и радостнымъ ихъ государскимъ

спискомъ, и свят. патріархомъ поставленію, и духовнымъ, и крѣпостямъ вел. князей, и отпускомъ на посольскіе съѣзды вел. и полномочныхъ пословъ, и во окрестные государства пословъ и посланниковъ и гонцовъ, и къ в. г. ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу, в. в. и м. и б. Р. с., изъ окрестныхъ государствъ посольскимъ и посланничьимъ и гонецкимъ пріѣздомъ и отпускомъ, въ книгахъ и въ столпѣхъ, и грамотамъ изъ окрестныхъ государствъ съ послы и посланники и з гонцы, и инымъ государственнымъ и сыскнымъ приказнымъ всякимъ дѣламъ».

I (1614 г.).

(л. 1) В болшой окованой коробьѣ:. . . . .

(л. 51) Въ той же коробье ящикъ 11-й, а в нем:...

(л. 51 об.) 1. Отписка от Оршанского старосты в Смоленескъ к боярину ко князю Василью Кардануковичю, лѣта по литовски писаны от Рожества Христова 1604-го...

(л. 52) 2. Грамота Жигимонта-Августа короля Полсково по челобитью Смольнян посадцких людей, с королевскою печатью, лѣта от Рожества 1603-го.

3. Грамота от панов-рад к царю Борису прислана с посланникомъ Ольбрехтом Заболотцким во 112-м году...

(л. — об.) 4. Грамота от Аршансково моршалка земского от Ондрѣя Ворыпая в Смоленескъ к боярину ко князю Василью Кардануковичю Черкаскому.

5. Грамота польская к патриарху Иеву, а отъ ково писана *(л. 53)* и которого году, и того не написано.

6. Грамота от Карлуса Хаткѣева во Псковъ к воеводе ко князю Василью Туренину.

7. Грамота к царю Борису князя Василья Острожского, лѣта по литовски писана от Рожества Христова 1603-го году.

(л. — об.) 8. Челобитная к царю Борису Литвина Семена Волковыйскова, въ которомъ году, того не написано...

9. Грамота от Оршанского старосты от Ондрѣя Сопѣги в Смоленескъ к боярину и воеводе ко князю Василью Кардануковичю Черкаскому.

10. Грамота вестовая из Литвы *(л. 45)* к царю Борису, а от ково имянем грамота, тово не написано.

(л. 55) Сундукъ окован, а в нем дѣла розных государствъ.

(л. 63 об.) Дела Литовские:

(л. 97) 11. Грамота Жигимонта короля Польского к царю Борису, прислана с послы со Львомъ Сопѣгою, с канцлѣромъ великого

княжества Литовского, да с паномъ Станиславомъ, с каштеляномъ Варшавскимъ, да с писаремъ з Голіящемъ Пилигримовскимъ въ 7109-м году.

(л. 116 об.) 12. Грамота Жигимонта короля Польского к царю Борису, писана по неметцки, прислана з гонцом з Брюшманом въ 108-м году.

(л. 149) Да что выбрано из розных сундуков и ис коробей, а положены в одной коробьѣ:

13. Грамота Жигимонта короля Польского *(л. — об.)* съ немчином с Павлом Гориным во 106-м году, писана по свѣйскиі.

14. Грамота Жигимонта короля к царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русиі, писана по неметцкиі, прислана во 107-м году; а с кѣмъ прислана, і того не написано.

(л. 150) 15. Грамота Жигимонта короля Польсково, прислана во 111-м году, а писано по свѣйскиі, прислана из Смоленска.

16. Грамота от Жигимонта короля, писана по свѣйскиі, прислана во 117-м году съ немчиномъ з Друшманомъ.

(л. — об.) 17. Грамота Жигимонта короля к царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русиі, писана по свѣйски, прислана во 107-м году; а с кѣм прислана, того не написана.

(л. 157) 18. В свяске грамоты Литовские розных годов.

19. В свяске грамоты и переводы Полские и Литовские при царѣ Василье.

(л. 177) Ящикъ оболочен бархатом червчатым, оковы серебрены, а в немъ дѣлъ:

(л. 178) 20. Запись перемирная, какъ были у царя Бориса от Жигимонта короля послы Левъ Сапѣга, канцлѣр великого княжества Литовского, да Станислав Варшитцкной, каштелян Варшевски, во 109-м году, и учинили перемирья з государевыми *(л. — об.)* бояры на 20 лѣт, писана литовскимъ числомъ с лѣта от Рожества Христова 1602-го до лѣта 1622-го; а у грамоты 3 печати посолские.

21. Грамота утверженная Жигимонта короля Полсково с царемъ Борисомъ, подкрепил и крестъ целовалъ Жигимонтъ король по договору посла Лва Сопѣги, какъ были у Жигимонта короля послы боярин Михаило Салтыковъ, да Василей Плещѣевъ, *(л. 179)* думной дьякъ Ѳѳонасей Власьев; а у ней печать королева привѣсная, писана литовским числомъ лѣта 1602-го.

22. Запись перемирная Литовских панов Миколая Алешнітцкого каштеляна Малогоского, да Олександра Госевского, да посланников

Станислава Витовского, да князя Яна Соколинского, как были у ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. и учинили договор о воеводе Сендомирскомъ, и о дочери ево Маринке, и о перемирье; *(л. — об.)* а у ней 4 печати посольские, лѣта писано по литовскиі 1608-го.

(л. 180) 23. Запись договорная Литовскихъ послов Миколая Малоглосково, да Олександра Гасевского, да посланниковъ Станислава Витовского, да князя Яна Саколеского з бояры со князем Ондрѣемъ Васильевичемъ Голицынымъ, да с- Ываномъ Колычовымъ, да з думным дворянином с Васильемъ Сукиным, да з дьяки з думным с Васильемъ Телепневым, да с Ондрѣемъ Ивановым, лѣта по литовскиі 1608-го; а у грамоты *(л. — об.)* руки и печати посольские.

24. Запись договорная гетмана Станислава Желковского з бояры со князем Ѳедором Ивановичемъ Мстисловскимъ с товарыщи, какъ обрали на Московское государство королевича Владислава, лѣта римским колендаромъ 1609-го; а у записи печать и рука гетманская да руки полковников и ротмистров...

25. Запись вора Гришки розстрыги, которой назвался царевичем *(л. 181)* Дмитреемъ, какъ договорился с воеводою Сендомирскимъ и запись на него взял; рука воеводы Сендомирского.

Свяска, а в ней 10 грамот Полских:

26. Грамота от Жигимонта короля.

27. Грамота от Ондрѣя Бабыли.

28. Грамота от Яна Бычинского.

29. Наказ Яну Бычинскому, какъ встречалъ Маринку.

30. Другая наказная память Яну ж Бычинскому, какъ ему говорить воеводе.

(л. — об.) 31. Списокъ з грамоты, что писал розстрига к папе.

32. Грамота к розстриге легата папина.

33. Рѣчь тайная от ростриги к послу к Олександру Гасевскому.

34. Грамота Клавдѣя Ранганиуша.

35. Грамота легата ж папина к ростриге. — Заверчены в одномъ мѣсте.

Свяска, а въ ней 9 грамот:

(л. 182) 36. Грамота воеводы Сендомирского к розстриге из Менска.

37. Отпись воеводы Сендомирсково, что дал Яну Бычинскому.

38. Грамота от розстриги къ Яну Бычинскому, розстрыгина рука.

39. Грамота воеводы Сендомирсково к розстриге ис Кракова.

40. Грамота воеводы Сендомирсково к розстриге из Магилева.

(л. — об.) 41. Грамота Яна Бычинсково к розстриге ис Кракова.

42. Грамота чорная от ростриги к воеводе Сендомирскому, писмо Станислава Бычинсково.

43. Грамота воеводы Сендомирсково к розстриге из Борисова.

44. Роспись рука Яна Бычинсково, сколько воеводе платить долгов ис тѣх денег, что ему розстрига посылал. — Заверчены в одномъ мѣсте.

(л. 183) Свяска, а в ней 8 грамот:

45. Грамота папина легата к розстриге.

46. Грамота с списка папы Павла к Бернарду Мацеескому кардиналу Краковскому.

47. Грамота чорная, какову послалъ розстрига к папе Римскому, писмо Станислава Бычинсково.

48. Грамота Гасевского свидѣ(те)льства.

(л. 183 об.) 49. Грамота Олександра Гасевсково с Посольсково двора к розстриге, за ево рукою, какъ он был на Москвѣ.

50. Рѣчи королева посла Олександра Гасевсково, какъ говорилъ от короля розстриге втайне.

51. Грамота, что писал розстрига к Литовскому королю с папиным посломъ с Олександром Раганиушем.

52. Грамота легата папина к розстриге. — Заверчены всѣ в одномъ *(л. 184)* мѣсте.

(л. 185) Из задние полаты пересматриваны дѣла въ ящикахъ.....

(л. 191) 5-й ящикъ, а въ немъ:

53—56. Въ 4 свясках рознь Литовская, и Неметцкая, и Крымская при царѣ Борисе и после царя Бориса по Владислава; да тут же свяска о всяких дѣлехъ.

(л. 192) Роспись книгамъ посольских дѣлъ розных государствъ, и столпомъ и чертежемъ.

(л. 248 об.) 57. Книга Литовская, а в ней посольство Литовского посла Лва Сопѣги *(л. 249)* с товарыщи, как он был на Москвѣ во 109-м году, да приѣздъ Литовского гонца Яна Порадомского, прислан от короля к послом ко Лву Сопѣге с товарыщи.

58. Список с перемирные грамоты Литовских послов Лва Сопѣги с товарыщи, 109-го году.

59. 5 связокъ тетратей непереплетены 114-го году, а в них писано приѣзды Литовских послов Миколая Олешницкого да Олександра Гасевского и как они были на *(л. — об.)* Москве; а иных тетратей многих нѣт.

60. Да свяска тетратей непереплетеных, 114-го году, после ростригина убивства отпускъ в Литву государевых посланников князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова и приѣздъ их из Литвы.

61. Книги Литовские, лѣта 7121-го году, отпускъ в Литву и приѣздъ из Литвы посланника Денисья Оладьина.

(л. 296) Столпы Литовские, и Волоские, и Мутьянскіе и мѣлкая рознь.

(л. 301) 62. Столпъ 107-го году приѣздъ из Литвы посланника Михаила Татищева *(л. — об.)* да дьяка Ивана Максимова.

63. Столпъ 107-го году о задорѣх.

64. Столпъ 107-го году заказной о хлѣбе, чтоб в Литву за рубеж хлѣба не продавать.

65. Столпъ 107-го году ссылки из государевых порубежных городов воеводам в Литовские в порубежные городы с старостами и з державцы о государских и о земских дѣлех.

(л. 302) 66. Столпъ Литовской 107-го году о задорѣх.

67. Столпъ 107-го году о литвине о Семене о всяком приѣздѣ его і отпускъ.

68. Столпъ 107-го году о задорѣх.

69. Свяска о Семене Овсяном в розных годѣх.

70. Столпъ 107-го году о Запорожскихъ черкасех.

71. Столпъ 108-го году приѣздъ и отпускъ Литовского посланника Бартоломѣя Бердовского.

(л.—об.) 72. Свяска 108-го году вестовая литвина Семена Овсяного.

73. Столпъ Литовской 108-го и 109-го году о задорѣх.

74. Столпъ 109-го году писано изо Пскова в Литовские в порубежные городы о всяких дѣлех.

75. Столпъ 109-го году, какъ были в Литвѣ послы Михаило Салтыков с товарыщи.

(л. 303) 76. Наказ 110-го году о межеванье Меншого Волынского с товарыщи.

77. В свяске Литовские дела, какъ были на рубеже об межеванье князь Василей Звенигородцкой да Григорей Микулин, и иная рознь, 110-го году и иных годов.

78. Столпикъ Литовских торговых людей челобитные в розных годѣх.

79. Столпъ Литовской 110-го году о Прилутцком городище, а из нево наказы и росписи отданы в Розряд діяку *(л. — об.)* Сапуну Аврамову для Прилутцкого городища.

80. Столпъ о обидных и о земских дѣлех, каков дан Литовским послом Лву Сапѣге с товарыщи; таков же з государевыми послы с Михайлом Салтыковымъ с товарыщи и з розмежевальщиком дан таков же.

81. В свяске выписки, и кормовые росписи, и памяти, і наказы черные и иная Литовская рознь.

(л. 304) 82. Въ свяске рознь Литовская о съѣзде с Литовскими судьями и сыскъ о рубежахъ, 110-го году.

83. В свяске рознь старая о полоняникѣх и списки имянные и что за ково окупу дать.

84. Столпъ 110-го году о обидных дѣлех ссылки Лутцких воевод в Литовские в порубежные городы с старостами и с урядниками.

85. Свяска 110-го году, а в ней роспись *(л.— об.)* паномъ-раде коруны Польской, хто под кѣмъ садитца, и памяти и наказы в розных годѣх.

86. Столпъ 110-го и 111-го году о задорѣх.

87. Столпъ 111-го году, какъ был на Москвѣ Литовской посланникъ Богдан Хрептович.

88. Столпъ межевальной 111-го году.

89. Столпъ Литовской полоняничной.

(л. 305) 90. Столпъ 111-го году приѣздъ Литовского посланника Яна Деветольского.

91. Столпъ 111-го году какъ были на межеванье Меншой Волынской с товарыщи.

92. Столпъ 111-го году о рубежах.

83. В свяске 3 списка старых імена Литовским полоняником.

94. Столпъ 112-го году Запорожскихъ черкас.

(л. — об.) 95. Столпъ о воре о Гришке Отрепьеве.

96. Столпъ 112-го году о литвине Семене Овсяномъ.

97. Столпъ 112-го году о заставах от Литовского рубежа от морового повѣтрея и о посланнике Олбрехте Заболотцком.

98. Столпъ Литовской 113-го году, что посыланы в Чернигов і во Псков образцовые грамоты о ссылке.

(л. 306) 99. Столпъ 113-го году ссылки из Новагородка-Северского от боярина от князя Микиты Романовича Трубетцкого да от Петра Босманова в Литовские в порубежные городы с старостами и з державцы о государских дѣлех и о земских.

100. Столпъ 113-го году в Чернигов заказной о хлѣбе, чтоб не продавали за рубеж хлѣба.

101. Столпъ 113-го году—отпускъ въ Литву посланника Посника Огарева.

(л. — об.) 102. Столпъ 113-го году—отпускъ в Литву Смирного Отрепьева, да приѣздъ к Москве и отпускъ с Москвы Литовского посланника Олбрехта Заболотцкого.

103. Столпъ 114-го году—приѣздъ к ростриге воеводы Сендомирского з дочерью и иных Полских и Литовских людей.

104. Столпъ 114-го году—отпускъ в Литву посланника князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Іванова.

(л. 307) 105. Столпъ 114-го году—после ростригина убивства ссылки из Смоленска бояром і воеводам с Оршанским старостою о государских и о земских дѣлех.

106. Столпъ 114-го году — приѣздъ из Литвы посланников князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Іванова.

107. В свяске всякие Литовские дѣла 114-го году.

108. В свяске выписки и росписи и иная Литовская рознь 115-го году и иныхъ годов.

(л. — об.) 109. Столпъ 116-го году — отпускъ з государевым жалованьем к Запорожским черкасомъ атамана Богдана Мстиславца.

110. Столпъ 116-го году — ссылки о управных дѣлех Псковских воевод в Литовские в порубежные городы.

111. Въ сундукѣ столпы Литовские и книги в тетратех і мѣлкая рознь со 113-го году по 118-й год о Сендомирском, и о Маринке, да какъ были на *(л. 308)* Москвѣ Литовские послы и посланники Миколай Олешнитцкой с товарыщи, и какъ был на Москвѣ Станислав Желковской с товарыщи.

Столпы Литовские, что выбраны іс Передней Подписной полаты, положены в особную коробью с ыными столпы:

112. Столпъ 106-го году обиранье на царство царя Бориса, начало отодрано.

113. Столпъ 121-го году — отпускъ в Литву гонца *(л. — об.)* Денисья Оладьина; того ж году столпикъ приѣздъ Денисья Оладьина.

114. Столпъ 122-го году, Ржевской, и Можайской, и Старорускской, да в нем же образцовые списки в Острь и в Оршу.

115. Столпъ 122-го и 123-го году — грамоты от государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русиі под Смоленескъ к столнику і воеводе ко князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкаскому.

116. Столпъ 122-го и 123-го году — отпускъ *(л. 309)* по городом Литовских людей.

117. Столпъ 123-го году — отпускъ в Литву ротмистра Родвана.

II (1626—1627 гг.).

(л. 91 об.) Глава 8. Грамоты Литовские.

(л. 143 об.) 1. Грамота Литовская, писана по руски, на харатьѣ, бес печатей, как приходили к Москве Литовские послы *(л. 144)* Лев Сопѣга, да Станислав Варшитцкой, да писарь Гельяшъ Пилгимовской; 109-го году при царѣ Борисе, прописана золотом, поплѣла.

2. Грамота вѣрющая Жигимонта короля Польского к царю Борису на послов ево на Лва Сопѣгу с товарыщи, за королевскою печатью, писана лѣта от Рожества Христова 1600-го году.

3. Грамота перемирная Литовских послов Лва Сопѣги с товарыщи, на которой крестъ целовали при царѣ Борисе, о середке пригорѣло в 4-х строках, *(л. — об.)* печати ростопилися, толко осталися деревяные ящики, в чемъ печати были; писана на харатьѣ белорусским писмомъ, лѣта от Рождества Христова 1600-го году. Положена в бархатной ящикъ.

4. Грамота перемирная Жигимонта короля Польского к царю Борису, печать ростопилась вся, и в грамоте против печати 3 мѣста выгорели; писана на харатьѣ белорускимъ писмомъ, лѣта от Рождества Христова 1602-го году. Положена в бархатной ящикъ.

(л. 145) 5—7. Три грамоты Литовского Жигимонта короля от державцовъ от князя Юрья Соколинского да от Олександра Гасевского, писаны при царѣ Борисе на Бѣлую к воеводе к Ѳедору Бобрищеву-Пушкину, да на Луки Великие к воеводе ко князю Костянтину Шеховскому, да на Невль к воеводе ко князю Михаилу Шеховскому по посольскому договору о съѣзде о межевыхъ и о обидных дѣлех; писаны по белоруски, лѣта от Рождества Христова 1602-го, и с нихъ со всѣхъ трех списки в столпцѣх.

8 — 15. Столпикъ, а в немъ переводы *(л. — об.) 8)* с утверженные записи воеводы Сендомирского руки, что вор ростригa утвержался с воеводою с Сендомирскимъ, будучи у него в Санборе, какъ было ему, доступив Московского государства, женитись на дочери ево на Маринке, а ему было пану Юрью Мнишке дати ростриге із Московского государства милион денегъ золотых Полскихъ тысяча тысячь, а женѣ своей Маринке дати было ему два государства великиі Новгород и Псковъ со всѣми доходы, і городками, и с посады, и с селы, и со всякими владѣньи, і вольно ей в тѣх удѣлных государствах костелы *(л. 146)* і монастыри вѣры римские каталицкие созидати, бискупы, попы і училища латынские ставити, и самой при

немъ ростриге на дворѣ поповъ себѣ держати, сколко похочет; также было ему со всяким промыслом радѣти, чтоб все Московское государство в римскую вѣру привести.—Да тут же переводы з грамотъ писма латынского, *9)* что писалъ к ростриге Клавдиушъ Ронгоусъ епископъ Режиі, посол папинъ, которой живет у Польского короля в Кракове, писалъ от книгъ, а все приводилъ о соединениі християнские вѣры с римскою, да *10)* перевод с латынские *(л.—об.)* грамоты, какову послал рострига к папе Римскому, да *11)* переводъ Павла Пятого, папы Римского, к ростриге о соединенье ж християнские вѣры с римскою, да *12)* перевод с писма Марцыуса Малакрида к ростриге ж о заплате служилых людей, и о торговых людех, и о иных розныхъ дѣлех, да *13)* перевод с польского писма — рѣчь Литовского посла Олександра Гасевского, что говорил от короля ростриге, какъ у него былъ наодинѣ втайне, да *14)* перевод з грамоты Олександра Гасевского к ростриге, какъ он писалъ на Москвѣ с Посольского *(л. 147)* двора, что в листу, которой дан ему на отпуске, недописано королевское титло, да *15)* перевод же с полского писма, что писал рострига к Литовскому королю с папиным посланником с Олександром Рагамиушомъ о 6 стотьяхъ.

16—23. В листу заверчено 8 грамотокъ за печатми, а назаді листу подписано, рука Петра Третьякова: грамоты к ростриге и от ростриги, казаны послом для свидѣтельства. А на грамоткахъ подписано: на 1-й грамоте—легата папина к ростриге; *(л.—об.)* на 2-й подписано: грамота черная, какову послал рострига к папе Римскому, писмо Станислава Бычинского; на 3-й подписано: грамота Павла папы Римского к ростриге, за приписью канцлѣра папина; на 4-й грамоте: с списка папы Павла к Бернарду Мадѣевъскому кардиналу Краковскому; на 5-й грамоте: папина легата к ростриге марта въ 17-й день; *(л. 148)* на 6-й грамоте: рѣчь королевского посланника Олександра Гасевского, что говорил от короля ростриге втайне; на 7-й грамоте: Олександра Гасевскаго к ростриге с Посольского двора, какъ былъ на Москвѣ, за ево рукою; на 8-й грамоте, что писал рострига к Литовскому королю с папиным посланникомъ с Олександром Роганиушом.—А на всѣхъ грамотах подпись дьяка Петра Третьякова, а писаны всѣ грамоты по полскиі.

(л.—об.) 24. Перевод з грамотки Клавдиуша Рангониуса посла от папы Римского к ростриге, переведен с латынского писма.

25. Перевод з грамоты писма латынского, что писал к ростриге Клавдиуш Рангониусъ, епископъ Режиі, посол папинъ, которой живет у Польского короля в Кракове; за его печатью і за рукою.

26. Въ дву бумашках 20 грамотак посылных ростригиных, і воеводы Сендамирского, и Яна Бучинского.

(л. 149) В Литовском ящике в бархатном.

27. Грамота опасная на послов на Станислава Витовского, войского Парцовского, с товарыщи, цела вся, у ней 4 печати в ковчежцех деревяных, *(л.—об.)* писана на харатьѣ белоруским писмомъ, лѣта от Рождества Христова 1608-го году. Положена в бархатной ящикъ.

28. Грамота договорная Литовскихъ пословъ Николая Олешницкого з бояриином со князем Ондрѣемъ Васильевичем Голицыным с товарыщи при царѣ и великом князе Василье Ивановиче, у ней 4 печати на красном воску, писана белоруским писмомъ, лѣта от Рождества Христова 1608-го году; излита воском. Положена в бархатнай ящикъ.

(л. 150) 29. Листъ, а на нем написано: рѣчи, что говорили царю Василью на посольстве Литовские послы Николай Олешницкой да Олександра Гасевской.

30. Спискъ с перемирные грамоты Литовскихъ пословъ Миколая Олешницкого да Олександра Гасевского с товарыщи, какъ они учинили перемирье на Москве с царем и великим князем Васильемъ Ивановичем всеа Русиі на 3 годы.

31. Спискъ с перемирные грамоты Жигимонта короля Польского *(л. — об.)* с царем и великим князем Васильемъ Ивановичемъ всеа Русиі, лѣта от Рождества Христова 1608-го году.

32. Спискъ с перемирные грамоты, какова дана на Москвѣ при царѣ Василье Литовскимъ послом і посланником Миколаю Олешницкому с товарыщи.

33. Список с утверженные з договорные записи, какову дали бояромъ при царѣ Василье Литовские послы і посланники Миколай Олешнитцкой с товарыщи.

(л. 151) 34. В связочке грамоты Литовские и челобитные при царѣ Василье о Литовскихъ людех о вязнех и с них переводы не со всѣхъ.

35. Запись договорная гетмана Станислава Желковского з бояры Московского государства, за гетманскою рукою, і за печатью, и за полковниковыми руками 118-го году, и спискъ с той грамоты рускимъ писмом. Положена в дубовой ящикъ.

36. Список з записи, какову дали гетману бояре, которые с нимъ *(л. — об.)* утвержалися, князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской с товарыщи, что всего Московского государства всякимъ людем послати бити челом к Жигимонту королю о сыне Владиславе.

37. Грамота из Литвы от короля к бояром ко князю Өедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи по Желковского договору, изадрана вся і назади поплѣла, а печать королевская цела, писана лѣта 7119-го году.

38. Грамота от государя святейшего патриарха Өиларета Никитича Московского *(л. 152)* і всеа Русиі, какъ он, государь, будучи митрополитом Ростовскимъ, посыланъ в послѣх к Польскому Жиґимонту королю, і писал от себя ис под Смоленска к Москве к патриарху Ермогену, какъ у них земское дѣло дѣлаетца, и какъ имъ Лев Сапѣга говорил о крещенье про королезича і о вѣре, и что он, государь, Лву Сопѣге о вѣре говорилъ.

39. Грамота от послов от боярина от князя Василья Васильевича Голицына с товарыщи к бояромъ ко князю Өеодору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, какъ они пришли х королю под Смоленескъ, і как имъ была *(л.—об.)* встрѣча, і какъ они были у короля в отвѣте, і хто імянем с ними с послы Литовских людей в отвѣте і на встрѣче были.

40. Грамота от бояр от князя Василья Васильевича Голицына к бояром ко князю Өедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи о іхъ посольстве.

41. Грамота от послов же іс-под Смоленска к бояромъ ко князю Өедору ж Ивановичю Мстиславскому с товарыщи о посольстве ж і о ихъ нуже.

42. Грамота Литовская от короля ис-под *(л. 153)* Смоленска, писана к бояром ко князю Өедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи о послѣх, что пришли с Москвы митрополитъ Өиларет Ростовской и Ярославской да бояринъ князь Василей Голицын с товарыщи; писана на бумаге белоруским писмом во 119-м году, у ней печать была королевская да испортилась, а грамота ветха, по згибом изодралась.

43. Грамота Литовская, писана от короля к бояром ко князю Өедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, прислана во 119-м году *(л. — об.)* с Литовскимъ посланником с Тренцасом, писано, чтоб прислать с Москвы посланника к Смоленскимъ сидѣльцом, чтоб они здалися; писана на бумаге, по згибамъ изодралася вся, одва прочесть мочно.

По росписи, какову отдал государь царь и великиі князь Михайло Федорович всеа Русиі думному дьяку Петру Третьякову, взято в Посольской приказ королевскихъ листов, что

писаны от короля из Литвы к боя р о м, за королевскою печатью и за рукою Лва Сопѣги во 119-м *(л. 154)* і во 120-м году:

44. Листъ от короля к патриарху Ермогену и к бояром и ко всей землѣ, что король на Московское государство сына своево дати хочет, а над Колужскимъ вором промышлять.

45. Листъ от короля к бояромъ, за королевскою печатью і за рукою Лва Сопѣги, велено Лву Плещѣеву быти в оружейничихъ на Иваново мѣсто Измайлова; писан во 119-м году генваря въ 21-й день.

(л. — об.) *46.* Листъ от короля к бояром, велено Ивана Микитина сына Салтыкова отпустити х королю под Смоленескъ; писан от Рождества Христова 1611-го генваря въ 2-й день.

47. Листъ Семена Прокоѳьева сына Крюкова, да Якова Юшкова, Василья Хитрова, Григорья Протасова отпущены от короля ис-под Смоленска к Москве.

48. Листъ боярина князя Ивана Куракина, велено ему дати жалованье 300 рублевъ.

(л. 156) *49.* Листъ столника Ивана Васильева сына Головина, отпущен от короля ис-под Смоленска к Москве для того, что мать лежитъ болна.

50. Листъ Литовского короля Жигимонта в Нижней Новгород к воеводе ко князю Олександру Репнину, за королевскою печатью, а за рукою канслѣра Лва Сопѣги, велено Григорью Доможирову в Нижнем отдати старой ево двор, которой отдан былъ при царѣ Василье Олексѣю Башмакову, и бѣглых Григорьевых людей и крестьян на Курмышѣ и в Мещерскихъ городѣхъ, сыскавъ, *(л. — об.)* отдати ему по прежнему; писан от Рождества Христова 1610-го году, печать цела.

51. Листъ от короля к бояромъ о Персидцкомъ послѣ, которой шол от цесаря, чтоб ево чтили и через Московское государство пропустили; писана 1611-го апрѣля въ 11-й день.

52. Листъ от короля к бояромъ о Семене Ѳедорове сыне Сытине, что он отпущен к Москве.

53. Листъ дворян и детей боярскихъ *(л. 156)* розныхъ городовъ Степана Татищева, да Ивана Быкова, Ильи Беклемишева, Ивана Бегичева, 14 человѣкъ, отпущены к Москве; присланъ во 119-м году декабря въ 19-й день.

54. Листъ Новгородцкимъ помѣщиком — Онтона Загоскина з братьею да Микиѳора Спиридонова велено испомѣстити из Михайловскихъ помѣстей и вотчинъ Нагово; привез Богдан Дубровской во 119-м году ѳевраля въ 5-й день.

(л. — об.) 55. Листъ Обросима Иванова сына Старого Милюкова, отпущен ис-под Смоленска к Москве.

56. Листъ королевской, велено Овдокиму Витоѳтову быти в Ноугородцкомъ Розряде в думных дьяцех.

57. Листъ Ѳилимона Озерова, велено двор его очистить, а Ивана Чичѣрина сослать долой; прислан во 119-м году.

58. Листъ Олексѣя да Сергѣя Сабакиных, велено испомѣстить изъ Измайловых *(л. 157)* помѣстей.

59. Листъ от короля к бояром о князе Иване Шеховскомъ, о Богдане Дубровскомъ, об Онтоне Загоскине, что они отпущены к Москве.

60. Листъ Олександра Чичѣрина, велено отдати в Козельску отца ево помѣстье братье его.

61. Листъ Истомы Сунбулова, велено ему помѣстной оклад учинити 1500 чети, денегъ 260 рублевъ.

(л. — об.) 62. Листъ Михайла Бегичева, велено быти во дьяцех в Казанскомъ Дворцѣ на Олексѣево мѣсто Шапилова.

63. Листъ от короля к бояромъ, велено Михаилу Тюхину быти в Болшом Дворцѣ въ дьяцех, а с нимъ в товарыщах Богдану Губину; писан во 119-м году генваря въ 19-й день.

64. Листъ от короля к бояром, велено Дмитрею Грабову дати помѣстье князь Ивановское Шуйского на 700 четьи.

(л. 168) 65. Листъ боярина князя Григорья Петровича Ромодановского, велено учинити помѣстье 2.000 четьи и іспомѣстить окладъ сполна; привезен во 119-м году ѳевраля въ 3-й день.

66. Листъ, велено околничему князю Юрью Хворостинину учинити помѣстной оклад 2.000 четьи, денежного жалованья 300 рублевъ.

67. Да по другому листу велено ему ж дать князь Михайлову вотчину Шуйского село Новое да Красною Слободу.

(л. — об.) 68. Листъ, велено Ивану Зубатому да дьяку Семейке Дмитрееву вѣдати на Земскомъ дворѣ.

69. Листъ о купцѣ цесаря крестьянского и о Литовских купцех Ондреяна Така і Ѳилипа Гольбена, велено товары их, что поймал у нихъ рострига, и что будет ныне есть в казнѣ, і чего в казнѣ нѣтъ, сыскати и прислати под Смоленескъ, да и роспись тѣм таваром прислати.

70. Листъ по челобитью Троецкого архимарита Деонисья да келаря *(л. 159)* Аврамья о пошлинах конской площадки, велено збирати на монастырь по прежнему; прислан во 119-м году.

71. Листъ Ивана Гридича, что послан он для королевского дѣла, а велено бояромъ, выслушав, во всемъ ему вѣрить; прислан с Ываномъ Гридичем во 119-м году августа въ 17-й день.

72. Наказ Литовской пана Ивана Михайлова сына Гридича, писан на тетратных на 4-х листѣхъ.

(л. — об.) 73. Листъ от короля к бояром Лва Плещѣева, велено ему дати помѣстья в Новгородцкомъ уѣзде в Бѣжецкой пятине ис черныхъ волостей Котлован с Липенскою волостью, а в ней 370 четьи, да из Дворца рядокъ Боровичи 40 четьи, да село Осечно з деревнями 300 четьи; писан во 119-м году генваря въ 23-й день.

77. Листъ от короля к бояромъ, велено оружничему Лву Плещѣеву учинити помѣстной окладъ 1.200 четьи, денегъ из чети 150 рублевъ; *(л. 160)* писан во 119-м году генваря въ 24-й день.—Оба за концлѣровою рукою и за печатью королевскою.

75. Листъ от короля Григорью Шорину, Саве Черному, Бажѣну Левашову за соболи, что взялъ у них под Смоленскимъ король, дать на Москвѣ ис казны 1640 рублевъ; за канцлѣровою рукою и за королевскою печатью.

76. Листъ купца Миколая о товарех, что у нево взято на розстригу, а велено ему ис казны заплатити *(л. — об.)* за тавар денгами, і что сыщетца в казнѣ товару, и то ему заплатить товаромъ; а какой тавар, того в листу не написано.

77. Листъ от короля к патриархў о архимарите Еуѳимье Спаского Нового монастыря да о Троетцком келаре о Аврамье Палицыне, что их отпустилъ іс-под Смоленска к Москве.

78. Листъ пана Гасевского, велено ему быти на Москвѣ в уряде.

(л. 161) 79. Листъ о подьячих о Иване Дѣдькове да о Юрье Данилове, что они ис-под Смоленска збежали без отпуску и их велено опять прислать под Смоленескъ.

80. Листъ от короля, что он сына на государство дати хочетъ, за приписью дьяка Михайла Тюхина; прислан во 119-м году.

81. Листъ королевской князя Василья да князь Ѳедора Звенигородцких, написано им околничими, велено их поверстати денгами і окладом *(л. — об.)* против околничихъ.

82. Листъ Михайла Молчанова, велено взяти у торговых людей у Мылниковых двор и, очистив, отдати ему Михайлу.

83. Листъ от короля к бояромъ Ивана Горихвастова, велено ему быти в Нижнемъ в діацѣхъ.

84. Листъ Олексѣя Собакина о помѣстной придаче, придати окладу къ 700 четьямъ 100 четьи да къ 50 рублемъ 10 рублевъ.

(л. 162) 85. Листъ Матвѣя Ржевского, велено ему служити с Москвы.

86. Листъ Семена Щапкина, велено за нимъ справить помѣстья в Козельску село Колодези.

87. Листъ белевца Ивана Юшкова, велено сына ево Исака поверстати сына ж ево Ивановым окладомъ въ 500 четьи, из чети 8 рублевъ.

88. Листъ Семена Шапкина о дворѣ и о четвертном жалованье, велено ему прежней ево окладъ *(л. — об.)* жалованья 60 рублев справити і двор въ ево двора мѣсто дати иной порозжей.

89. Листъ князя Тимоѳѣя Долгорукова о помѣстном и о денежном верстанье.

90. Листъ Ивана Безобразова, велено ему быти в ловчих.

91. Листъ Богдашка Исакова, велено ему быти у дѣла в Новом Девичье монастырѣ на Путятино мѣсто Ондрѣева, и велено ему быти на Вологде *(л. 163)* у Вологодцкого архиепископа в приказных людехъ; писан во 119-м году генваря въ 3-й день.

92. Листъ Ондрѣя Змеева, велено помѣстья придати к прежнему ево окладу 100 четьи, денегъ 10 рублевъ.

93. Листъ можаитина Семена Олексѣева сына Лопотова, велено ево поверстати и велено ему служити із Можайска.

94. Листъ Тимоѳѣя Григорьева сына Корнѣева, велено ему прибавить к прежнему ево окладу 50 четьи, денегъ 2 рубли.

95. Листъ князя Ѳедора княж Ѳедорова сына Мещерского, *(л. — об.)* велено ему быти в окольничих, а у вора он был в окольничих же.

96. Листъ князя Григорья Ромодановского, что велено ево отпустити с Москвы х королю і листъ проѣзжей велено ему дати.

97. Листъ от короля к бояром, велено Ивану Михайлову сыну Салтыкову быти в Стрелецком приказе в боярех; писан от Рождества Христова 1610-го сентября въ 21-й день.

98. Листъ Остаѳья Нелюбова сына Сукова, велено ево поверстати против ево братьи, кому он в версту по достоинству.

(л. 164) *99.* Листъ Василья Нелюбова, велено ему быти в дьяцех во Дворцѣ; прислан во 119-м году декабря въ 2-й день.

100. Листъ Ивана Чепчюгова, велено ему быти въ яселничих.

101. Листъ князь Василья Звенигородцкого, велено ему быти в окольничих.

102. Листъ Ѳилимона Озерова, велено ево справить в Московской списокъ.

103. Листъ Ивана Васильева сына Головина, велено ему быти в окольничихъ.

(л. — об.) 104. Листъ князь Петра Збарецкого, велено его написать в Московской списокъ.

105. Листъ Олексѣя Безобразова, велено ему оклад учинити 800 четьи, денегъ 50 рублев; писан во 119-м году февраля въ 25-й день.

106. Листъ Ивана Безобразова, велено ему быти ловчимъ і думным двоgreниномъ.

107. Листъ Михайла Салтыкова с товарыщи, которые наперед х королю приѣхали, велено им старые их дворы очистить, а будетъ розарены, і имъ дать новые, гдѣ пригоже, и животы ихъ розграбленые, сыскавъ, отдати.

(л. 165) 108. Листъ Ондрѣя Палицына, велено его написати в стряпчие.

109. Листъ Тимохи да Васки Микулиных, велено им оклады учинити Тимохе 750 четьи, а Васке 650 четьи, денегъ Тимохе 37 рублев, а Васке 20 рублевъ.

110. Листъ Гаврила Хрипунова, велено быти в думных дворянехъ; присланъ во 120-м году июня въ 10-й день.

111. Листъ Кирила Скоробовидцкого, *(л. — об.)* велено ему быти в думных дьяцех в Новгородцкой чети, и велено его поверстати против Посольскихъ и Розрядных думныхъ дьяковъ, и велено ему дати Петровские помѣстья Басманова.

112. Листъ Өеонасья Власьева, велено его взять к Москве и быти ему по прежнему в казначѣехъ и в думных дворянех.

113. Листъ князь Өедора княж Ондрѣева сына Звенигородцкого, за рукою Льва Сопѣги и за королевскою *(л. 166)* печатью, велено ему быти в околничихъ; писанъ во 119-м году декабря въ 3-й день.

114. Листъ от короля к бояромъ, велено дати пану Яну Сопѣге 2.000 рублевъ.

115. Листъ от короля к бояромъ о Литовскомъ гонцѣ о Яне Комаровском, что он посланъ къ Москве о послѣх, что король шлет к Москве пословъ.

116. Листъ от короля, за королевскою *(л. — об.)* печатью, к патриарху Ермогену и ко всему вселенскому собору и к бояромъ и всякихъ чиновъ людемъ, что он послал к Москве (п)о Михайле Салтыкове с товарыщи Олександра Гасевского говорити і становити о всяких дѣлехъ; писан от Рождества Христова 1610-го августа въ 18-й день, а руки ничьей нѣтъ.

117. Листъ от короля к бояром, велено дати Олександру Збаровскому деньгами и собольми и золотыми на 1.000 рублевъ.

(л. 167) 118. Листъ от короля к бояромъ о жолныренехъ, которые после ростригина убійства были въ Новѣгородѣ в тюрмѣ, и в тѣ поры у нихъ животы их взяты, і тѣ іхъ животы велено, сыскавъ, і отдати имъ и отослать под Смоленескъ.

119. Листъ от короля к бояромъ, что прислали они х королю пословъ, чтоб онъ сына своего на Московское государство далъ, и король сына своего на Московское государство дать хочетъ, и отпустил к Москве пословъ *(л. — об.)* Василья Сукина да дьяка Сыдавного Васильева; писан во 119-м году в декабрѣ.

120. Листъ от короля к бояром, велено Эверту Винкенману за товары, которые у него взяты при царѣ и великом князе Иване Васильевиче всеа Русиі заплатити деньги; припись у грамоты писаря Литовского Яна Соколинского.

121. Листъ черной от бояр к паном к сенаторем о послѣх о митрополите Өиларете Ростовском и Ярославском да о боярине о князь Василье Васильевиче Голицыне с товарыщи, что они отпущены х королю бити челом, чтоб он дал *(л. 168)* на Московское государство сына своего королевича Владислава; а на нем помѣчено: тот листъ переписан.

122. Листъ от короля, за ево печатью, к бояромъ ко князю Өедору Ивановичю Мстиславскому, что прислали они Ростовского митрополита Өиларета да боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарыщи бити челомъ и говорити, что царь Василей по прошенью всего Московского государства для пролития християнские крови царство оставил, а на Московское б государство король пожаловал дал сына своего королевича Владислава; писана во 119-м году декабря въ 6-й день, рука у грамоты Лва Сопѣги, а назади припись дьяка Михайла Тюхина.

(л. — об.) 123. Листъ от короля к бояромъ Московским: нѣмцам велено держати кабаки по прежнему.

124. Листъ ото Лва Сопѣги к діаку к Ивану Грамотину, что велено по королевской грамоте пану Яну Петру Сопѣге дати 2.000 рублевъ, и тѣ де ему деньги даны не сполна, и он бы велѣл тѣ достальные денги додати, кому велит; листъ писмо польское.

125. Грамота на листу Олександра Гасевского, писалъ к Василью Сукину, да к Өедору Челюсткину, да к діаку к Степану *(л. 169)* к Звягину, чтоб они королевичю служили и к смуте не пристовали; писана во 119-м году өевраля въ 3-й день.

126. Листъ, писмо немецкое, переводчика Анцы Арпова, писалъ из Выбору к женѣ своей, какъ он ушолъ ис Корѣлы, і с нево перевод.

127. Листъ от караля к архиепископу Арсенью Архангельскому и ко всему освещенному собору и к боярину ко князю Θедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи о Московскихъ послѣхъ о митрополите Θиларете и о боярине о князь *(л.—об.)* Василье Васильевиче Голицыне с товарыщи, бутто они посольство правили ізмѣною і совѣтом Смоленскихъ сидѣльцовъ и с Прокоѳьемъ Ляпуновымъ, а не такъ, какъ имъ Московского государства от властей и от бояр приказано.

128. Списокъ с листа, что писан х королю от Арсенья архиепископа і ото всего священного собора, и от бояр, і ото всякихъ чинов людей о послѣх Московского государства.

129. Листъ от короля, за королевскою печатью і за Сопѣгиною рукою, к боярину ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому *(л. 170)* писано, что он королю і сыну ево Владиславу Жигимонтовичю служитъ правдою и с великим радѣньемъ і они ево за то пожалуют.

130. Листъ от короля к бояромъ ко князю Θедору Ивановичю Мстисловскому с товарыщи, за королевскою печатью і за Сопѣгиною рукою, велено боярину князю Ивану Семеновичю Куракину за ево х королю и сыну ево службу быти в Казанском Дворцѣ дворецким; писан от Рождества Христова 1611-го декабря въ 2-й день.

131. Листъ от короля к бояром, велено князю Юрью княж Никитину сыну Трубецкому дати за службу на подмогу 300 рублев; писана от Рождества Христова лѣта 1611-го апрѣля въ 29-й день.

(л. — об.) *132.* Листъ от короля к бояром ко князю Θедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, что он сына своего Владислава на Московское государство дать хочет; писан лѣта от Рождества Христова 1612-го марта въ 14-й день, ветхъ добрѣ, изодрался.

133. Грамота из Литвы от короля, писана белорускимъ писмом, к боярину ко князю Ивану Куракину, пишет к нему король, похваляючи службы ево, і обечает к нему вперед чести і нагороду, и пишет к нему о новом крестном целованье, чтоб на Московском государстве привесть всякихъ людей х крестному целованью на ево имя.

134. Другая грамота такова ж, писана о том же, слово в слово, к боярину к Михайлу Глѣбовичю Салтыкову. — А печатей и рук у них ничьих нѣт, а писана белорускимъ писмом.

(л. 171) *135.* Листъ от короля к бояром ко князю Θедору Ивановичю Мстисловскому с товарыщи о томъ, что король взял Смоленескъ; писан лѣта от Рождества Христова 1611-го июля въ 15-й день, за королевскою печатью и за рукою Лва Сопѣги.

136. Листъ от короля к бояром ко князю Θедору Ивановичю Мстисловскому с товарыщи, за Сопѣгиною рукою, велено Ортемью

Ильину сыну Плещѣеву помѣстной окладъ учинити 500 четьи, и дати помѣстье отца его 150 чети, рядок Ровной *(л. — об.)* и Великой Порог; писан 119-го генваря въ 23-й день.

137. Листъ от канцлѣра Сапѣги ко князю Василью Мосалскому о здоровье, что писано к пану старосте Велижскому о государскомъ и о земском дѣле, и ему б поговоря послать вскоре мочно ль учинить, что писана к старосте; писан въ 119-м году генваря въ 25-й день.

138. Листъ Литовского короля Жигимонта к бояром ко князю Ѳедору *(л. 172)* Ивановичю Мстисловскому о князе Ондрѣе Мосалском, что велено ему быти в крайчихъ с путемъ и в путь дан Гороховецъ.

139. Листъ писан по полскиі, пишет король по городом ко всякимъ людемъ, чтоб по дорогам для проѣзду к Москве мостили мосты, что сынъ его Владислав с войском своимъ идет к Москве; рука у листа писаря Яна Куцборсково.

140. Листъ к бояром, за Сопѣгиною рукою, о Лвове помѣстье Плещѣева, *(л. — об.)* да *141)* другой листъ к бояром же о помѣстье ж, почему ему тѣм помѣстьем владѣти, да *142)* Лву ж листъ королевской, за Сопѣгиною рукою, в Можайском уѣзде на село Бѣли, а то де село Бѣли ево старинное.

143. Листъ королевской к бояром, за печатью і за Сопѣгиною рукою, по челобитью Семена Тютчева велено ему дати дьяка Путилово помѣстье Григорьева.

144. Листъ королевской Гаврилу Хрипунову *(л. 173)* на Бѣлское помѣстье на село Пашково з деревнями, за рукою корунного подканцлѣра пана Кривского.

145. Грамотка посылная ко Лву Плещѣеву ото Лва Сопѣги, за ево рукою, о Михайле Молчанове да о Степане Соловецком, по их челобитью, о помѣстьях.

146. Листъ королевской, за королевскою печатью и за подканцлѣровою пана Кривского рукою, по челобитью Ѳедора да Гаврила Хрипуновых *(л. — об.)* на Новгороцкое помѣстье Бѣжецкие пятины на волость Утротцкую да на приселок Глининецъ.

147. Листъ королевской, за печатью и за канцлѣровою за Сопѣгиною рукою, по челобитью Гаврила Хрипунова на Григорьево помѣстье Благово Ржевсково уѣзду.

148. Листъ, за королевскою печатью и за рукою подканцлѣра корунного пана Кривского, по челобитью Ѳедора, да Гаврила, да Якова Хрипуновых *(л. 174)* о помѣстьях Клинского уѣзду о Солочинской волости, да в Холмском уѣзде дѣда их о Путятине помѣстье

Хрипунова Дубенского о селцѣ Ролне, да о Новоторжском о Иванове помѣстье Сабурова о селцѣ Яковлеве.

149. Листъ королевской, за королевскою печатью і за приписью писаря Януща Скумина, по челобитью Гаврила да Ѳедора Хрипуновых Ржевского уѣзду на вотчину на селцо Брещену да на селцо *(л. —об.)* Третьсея, да о селцѣ Глазове, о селцѣ Белянине, о селце Лосе, о помѣстьях княж Олександровы княгини Ростовского, да об Ондрѣевском помѣстье Виселицына о селцѣ Острецове, о селцѣ Стане, Клинского уѣзду о вотчине о селцѣ Хлуденеве, о селцѣ Владычкине, Московского уѣзду о вотчине княж Григорьевские княгини Бѣлского, Ноугороцкого уѣзду о Ѳедоровском помѣстье Оболнянинова, Холмского уѣзду о Романовском помѣстье Хрипунова, Новоторжского уѣзду о селцѣ Заходне.

(л. 175) 150. Листъ королевской, за Сопѣгиною рукою, по челобитью князя Ивана Михайловича Воротынсково, велено вотчину ево, что дано Михайлу Салтыкову, село Кнеинино отдати ему князю Ивану назад.

151. Грамота из Литвы от короля к бояром ко князю Ѳедору Ивановичю Мстисловскому с товарыщи, за рукою Лва Сопѣги, писана на смуту, о договоре пана Желтовского, во 120-м году сентября въ 8-й день с Литовскимъ гонцомъ Станиславом Бачановскимъ; по згибом грамота *(л. —об.)* изодралась, печать отпала.

152. Грамота Жигимонта короля Полского к бояром ко князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарыщи, и к окольничимъ, и к дворяном, и к дьяком думным, и стольником, и стряпчим, и к приказным и всяких чинов ко всякимъ людемъ, что они присылали к нему ото всей земли великихъ послов первыхъ Ѳиларета митрополита Ростовского и Ярославского, да боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарыщи, а потом бояр князя *(л. 176)* Юрья Никитича Трубецково, да Михаила Глѣбовича Салтыкова, да думного дьяка Василья Янова, а после тово ж думного дьяка и печатника Ивана Грамотина, и королевичь де в ту пору занемог, и за тѣм позамешкалъся, а какъ королевичь поздоровел, и он с сыном с королевичем идет к Москве самъ, и они б их приходу ожидали; писана белорускимъ писмом, прислана во 121-м году октября въ 2-й день с паном Жабровскимъ; грамота поплѣла, и печать отпала і на згибех подралася.

(л. —об.) 153. Грамота Польского королевича Владислава к бояром и ко всей землѣ Московского государства, что отецъ его на Московское государство отпущает и будет вскоре; прислана во 121-м году октября въ 11-й день с паном Жабровскимъ.

154. Список з грамоты, какову посылали во 121-м году з Денисом Оладьиным власти и бояре и всяких чинов люди Московского государства к Жигимонту королю Польскому об отказе королевичеве и об отпуске государевых послов из Литвы; писана, *(л. 177)* вычитая их неправды.

155. Грамота Войтеха Борановского и от панов рад духовных и светцких к Москве к митрополитом, и ко всему освященному собору, и к окольничимъ, и к дворяном, и к детем боярскимъ и всяких чинов людем Московского государства, писана против боярские грамоты, какова была к ним послана з Денисом Оладьиным; а у ней были 4 печати да ростопились, писана лѣта 1613-го году.

(л.—об.) 156. Список з грамоты, какову привез Московского государства к бояром и ко всей землѣ от панов-рад Денис Оладьин во 121-м году июля въ 20-й день......

(л. 370) Книги Литовские.

(л. 380 об.) 157. Тетрать дестовая 106-го году марта зъ 26-го числа августа по 13-е число — записка проѣзжимъ грамотамъ, которые иноземцы отпущены с Москвы на Смоленескъ, и сколько с ними таваров і людей; тетрать поплѣла і подрана.

158. Книга по ростригине убивстве отпускъ в Литву при царѣ и великом князе Василье Ивановиче всеа Русиі посланников князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова и приѣздъ іхъ к Москве.

159. 26 тетратей Литовсково посольства *(л. 381)* Миколая Олешницкого да Олександра Гасевского, какъ они были на Москвѣ при царѣ Василье во 115-м и во 116-м году, смѣшены, а иные і поплѣли; первых тетратей и середнихъ и послѣднихъ нѣтъ.

160. 3 тетрати, а в нихъ 32 листа роспалися, згнили, писаны белорускимъ писмомъ, при царѣ Василье Ивановиче послом боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому с товарыщи отвѣт от Литовскихъ пословъ от Миколая Олешницкого с товарыщи, отвѣтъ про Гришку ростригу, какъ он *(л.—об.)* пришол в Литву ко князю Адаму Вишневецкому и назвался царевичем Дмитреемъ, какъ імъ тотъ отвѣтъ подали на посольстве.

161. Книги Литовские лѣта 7121-го году отпускъ в Литву і приѣздъ из Литвы посланника Дениса Оладьина, и 122-го и 123-го году отпускъ с Москвы і приѣздъ к Москве посланников Ѳедора Желябужского да подъячего Семена Матчина, да отпускъ с Москвы

в Литву гонца олексинца Артемья Нечаева, і 124-го году приѣздъ к Москве і отпускъ Литовского посланника *(л. 382)* Максимильяна Каличинского.

(л. 494) Столпы Литовские.

(л. 496) 162. Столпъ, а в нем отпускъ в Литву при царѣ Борисе послов боярина Михайла Глѣбовича Салтыкова с товарыщи, 110-го году, верху нѣтъ.

163. Столпикъ, а в нем отпускъ в Литву от бояр к Сендомирскому воеводе Петра Чюбарова во 114-м году.

164. Имянной списокъ Польским і Литовским людемъ, которые посланы при царѣ Василье Ивановиче всеа Русиі въ Ярославль с воеводою с Сендомирскимъ сь Юрьемъ Мнишком, а иные на Кострому, і на Вологду, і на Белоозеро, *(л. — об.)* и в ыные городы; а в котором году, того не написано.

165. Столпъ Литовской послов Миколая Олешницкого да Олександра Гасевского, да посланников Станислава Витовского да князя Яна Друцкого-Соколинского, 116-го году при царѣ Василье; ісподу нѣтъ, изотлѣлъ.

166. Столпикъ Литовскихъ послов Николая Олешницкого да Олександра Гасевского, какъ были у бояр в отвѣте со князем Ѳедором Ивановичем Мстиславским с товарыщи, і отпускъ імъ с Москвы *(л. 497)* при царѣ Василье; верху нѣт, изотлѣл.

167. Столпъ, а в немъ клеены росписи кормовые, что давано на Москвѣ корму Литовскимъ послом Миколаю Олешницкому да Олександру Гасевскому с товарыщи и іхъ людемъ 314-м человѣком; исподу нѣтъ, поплѣлъ.

168. Столпикъ, а в немъ были написаны 24 статьи отвѣтные Литовским послом; сверху 9-ти статей нѣтъ, отодраны.

169. Статейной списокъ 118-го году, что был *(л. — об.)* у гетмана у Желковского, каковъ ему дан на первомъ съѣзде, за рукою дьяка Василья Телепнева; роспался весь.

170. Наказ, каковъ дан великому государю преосвященному митрополиту Ѳиларету Никитичю Ростовскому и Ярославскому да боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарыщи во 118-м году.

(л. 605) Рознь Литовская.

(л. 606) 171. Роспрос пана Сендамирского, какъ ево роспрашивали бояре после ростригины смерти про растригу; писана белоруским писмом.

172. Роспись королевскимъ листом, что отдалъ государь царь и великиі князь Михайло Өедоровичь всеа Русіі в Посольской приказ думному дьяку Петру Третьякову, хто о чем имали *(л. — об.)* под Смоленском у Польсково короля жаловалных грамотъ о помѣстьях і о чинѣх.

(л. 644) Въ ящике Ивана Грамотина.....

(л. 654) Да в дубовомъ ящике:...

173. Перевод с Полского листа, что прислал из Вязмы Павел Руцкой во 121-м году к боярину ко князю Дмитрею Тимоөѣевичю Трубецкому да к столнику ко князю Дмитрею Михайловичю *(л. 655)* Пожарскому с укоризною.

(л. 691 об.) Въ ящике у подьячево у Олексѣя Шахова, после ево, какъ он посланъ на Унжу, осталося дѣлъ:...

(л. 697) *174.* В свяске выписки ис посольских книг розных годов, хто посылан в послѣхъ при прежних государех в Полшу и в Литву, і хто которым намѣстником писан, и что кому для посольствъ давано государева жалованья и подмоги; да тут же выписка о съѣздех прежних государей посломъ с Литовскими послы в розных годѣх зъ 90-го году по 109-й год.

(л. 699 об.) *175.* Списокъ с ростригины грамоты, какову писал к царю Борису ис Киева, ѣдучи к Московскому рубежу.

(л. 701) *176.* Грамота писана во 113-м году генваря въ 2-й день от Ермогена патриарха Московского и всеа Русіі в полки под Новгородокъ Сѣверской к бояром и воеводамъ ко князю Өедору Ивановичю *(л. — об.)* Мстиславскому, да ко князю Дмитрею Ивановичю Щуйскому с товарыщи, и ко всѣмъ воеводам и ко всему воинству о укрепленье, чтоб против ростриги и Полских и Литовских людей стояли крѣпко и неподвижно, и смуте воровской никакой не вѣрили, і об отпуске в полки чюдотворнаго образа пречистые Богородицы, юже написа Петръ митрополит Московскиі и всеа Русіі, и с чюдотворными мощми и з святыми водами, а послана с Чюдовским архимаритом с Варламом в первой посылке...

(л. 703) Да в Олексѣеве ж росписи в начале написано: выписки Литовские о Литовскихъ гонцѣхъ, какъ бывают на Москвѣ у бояръ, и тому сыскана свяска, а в ней розные дела, и та свяска переписана подлинна. А в ней:

177. Выписка, какъ посыланы после смерти блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русіі

зъ 92-го году *(л. — об.)* по 107-й год посланники в розные государства обестити на государстве блаженные памяти государя царя и великого князя Өедора Ивановича всеа Русиі и после ево царя Бориса, хто имянем посланников, і что имъ давано государева жалованья и подмоги.

178. Выписка ис посольскихъ книгъ, хто были бояр, и окольничих, и дворян и дьяковъ в отвѣте с послы розныхъ государствъ съ 74-го по 113-й год...

(л. 710) 179. Списокъ с отвѣту, каковъ дан Поснику Огареву в Литвѣ при королѣ.

(л. 710 об.) Да у Олексѣя ж въ ящике дела сверхъ его росписи:

180. Выписка съ 69-го году по 109-й год, 'какъ приходили по опасным грамотамъ из Литвы послы блаженные памяти к царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русиі, и к царю и великому князю Өедору Ивановичю всеа Русиі, и к царю Борису, и цысаревы и Аглинские послы, и хто с ними были бояр и діаковъ в отвѣте, и какъ приходил ко государю *(л. 712)* царю и великому князю Михайлу Өедоровичю всеа Русиі от Аглинсково Якуба короля посол князь Иван Мерикъ, и ково к нему государь посылалъ бояр в отвѣт.

181. Выписка — которые рѣчи подали на съѣзде бояре князь Өедоръ Ивановичь Мстиславской с товарыщи гетману корунному пану Желковскому по статьямъ, да тут же вверчены статьи о крещенье *(л. — об.)* королевича, да тут же вверченъ отвѣт по статьямъ, каковъ привез к бояром от гетмана Желковского Переирей Секирин.

(л. 717 об.) 182. Связочка всякой розни, а в ней челобитные, и памяти, и выписки о Литовскихъ посланникехъ; у иныхъ верху, а у иныхъ ісподу нѣт.

III (1632 г.).

(л. 4) Въ Посольском приказе по пересмотру околничево Лва Ивановича Долматова-Карпова да дьяка Ивана Переносова против прежнихъ переписных книгъ околничево Өедора Левонтьевича Бутурлина да дьяка Ивана Болотникова 135-го году всякихъ дѣлъ не сыскано:

(л. 5 об.) 1. Грамоты Литовские от короля ис-под Смоленска, писана была к бояром ко князю Өедору Івановичю Мстисловскому с товарыщи о послѣх, что пришли с Москвы митрополит Өиларетъ

Ростовской и Ярославской да бояринъ князь Василей Голицынъ с товарыщи; писана была на бумаге, белоруским писмомъ, во 119-м году, у ней печать была королевская да *(л. 6)* испортилась, а грамота была ветха і по згибамъ изодрана.

(л. 6 об.) 2. Листа Литовского, велено было окольничему князю Юрью Хворостинину учинити помѣстной оклад 2000 четьи, денежного жалованья 300 рублевъ; а от кого и х кому имянемъ и в котором году тот листъ былъ писанъ, и того в прежнихъ книгах имянно не написано.

(л.7) 3. Листа Литовского к бояром о Лвове помѣстье Плещѣева, почему было ему помѣстьемъ владѣть; а от кого и х кому имянемъ и в котором году тотъ листъ был писан, и того в прежних книгах имянно не написано.

4. Листа Литовского Захарьяша Заруцкого, писанъ был к Сопѣге, да с того ж листа был перевод в столпцах; *(л.—об.)* а о каком дѣле и в котором году тот листъ и перевод былъ писанъ, и того в прежних книгах имянно не написано.

5. Листа Александра Гасевского к Маринке; а о каком дѣле и в котором году тот листъ был писан, и того в прежнихъ книгах имянно не написано.

(л. 15) 6. Списка с ростригины грамоты, какову грамоту писал к царю Борису ис Киева, ѣдучи к Московскому рубежу; а в котором году и о каком дѣле было писано, и того в прежних книгах имянно не написано.

(л. 18 об.) 7. Статейного списка 118-го году, что был у гетмана Жолковского, каков ему былъ данъ на первомъ съѣзде за рукою дьяка Василья Телепънева, — роспалъся *(л. 19)* весь; а при которомъ государе и гдѣ был съѣздъ и с кѣмъ имянемъ послы и о чемъ, и то в прежних книгах имянно не написано.

(л. 26 об.) 8. Роспросу пана Сендамирского, какъ ево роспрашивали бояре после ростригины смерти про ростригу; писанъ былъ белоруским писмом.

(л. 33) И про тѣ несыскные всякие дѣла Посольского приказу подъячие Григорей Лвов с товарыщи сказали окольничему Лву Ивановичю Долматову-Карпову да дьяку Ивану Переносову: которые де грамоты і иные дѣла по прежним переписным книгам окольничево Федора Левонтьевича Бутурлина да дьяка Івана Болотникова ныне не объявились, і про то они не вѣдают; а чают, что тѣ дѣла в тѣх же переписных делах смешались, а иные дѣла после прежние переписки вклеены по столпам, которое дѣло пад

которой *(л. — об.)* столпъ довелось подклеить. А которые подъячие преже сего в Посольском приказе у тѣх дѣл были, и из них иные померли, а иные от дѣла отставлены.

(л. 36) Да сверхъ прежних Переписных книг окольничево Фѣдора Левонтьевича Бутурлина да дьяка Ивана Болотникова сыскано в Посольском приказе розных государствъ грамот и книг и столпов до 135-го году.

(л. 43) Грамоты Литовские.

(л. 4) 9. Писмо отвѣтное Жигимонта короля царя Борисову посланнику Поснику Огареву, что король пришлет послов своих о вѣчном договоре и о Московских дворянех о Петрѣ Хрущове с товарыщи, что въ ево землѣ тѣх дворянъ нѣтъ; писано то писмо на трех листах, а году в том писмѣ не написано и печати нѣт.

(л. — об.) 10. Грамота Жигимонта короля к бояром ко князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарыщи, чтоб дали из Московские казны полоненику Петру Сопѣге 3000 рублев денег, и в тѣх денгах под тою же грамотою Сапѣгина отпись, за ево рукою, писана от Рождества Христова 1611-го году маия въ 20-й день; у той грамоты печать цела.

(л. 48) 11. Грамота Жигимонта короля к бояром и ко всему Московскому народу, чтоб они крестъ целовали королевичю изнова, а он ихъ хочет жаловать помѣстьями і вотчинами; писана по белоруски, от Рождества Христова 1611-го году августа въ 26-й день, печать цела.

(л. — об.) 12. Листъ Жигимонта короля и Владислава к бояромъ ко князю Ѳедору Ивановичю Мстисловскому с товарыщи о отпуске Василья Колевинского *(л. 49)* да Семена Шорина; писан по руски во 119-м году генваря въ 20-й день, печать цела.

(л. 50 об.) 13. В мешечке портяном Литовские листы к Струсу, что привезли Сардюкъ Каѳтырев да Михайло Томилов; да тут же Олманак печатной.

(л. 346 об.).... И что в сѣх же книгах написаны несыскные дела, чево против прежних Переписных книгъ окольничево Федора Левонтьевича Бутурлина да дьяка Ивана Болотникова 135-го году не сыскано, *(л. 347)* и о том докладывали государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіі окольничей Лев Ивановичь Долматовъ-Карпов да дьяк Иван Переносов. И государь царь и великиі князь Михайло Федоровичь всеа Русіі указал: тѣ несыскные

всякие дела сыскивать Посольского приказу подъячим; а сыскав про тѣ дѣла сказать. И сѣ переписные книги и всякие дела отдать в Посольском *(л. — об.)* приказе печатнику и думному дьяку Ивану Тарасьевичю Грамотину да дьяку Максиму Матюшкину.

IV (1673 г.).

(л. 367) Полские и Литовские (книги).

(л. 383 об.) 1. Книга Литовская 7101-го году по 109-й год, а в ней: приѣздъ к Москве и отпускъ с Москвы Литовского посланника Яна Девялтовского, да отпускъ в Литву гонца Петра Пивова и приѣздъ ево из Литвы, да приѣздъ к Москве і отпускъ с Москвы Литовского посланника Яна Корсака, да приѣздъ к Москве из Литвы государевых послов боярина Михайла Глѣбова Салтыкова да Василья Плещѣева да думного дьяка *(л. 384)* Афонасья Власьева.

2. Список с статейного списка великих послов боярина Михайла Глѣбовича Салтыкова-Морозова с товарыщи 7109-го году, как они были в Польше у Жигимонта короля....

3. Книга Литовская 7114-го году по 115-й год, *(л. — об.)* по ростригине убивствѣ отпускъ в Литву от царя Василья Ивановича всеа Росіи к Жигимонту королю посланников князя Григорья Волконского да дьяка Андрѣя Иванова и приѣздъ их из Литвы к Москве.

4. Тетрати Полские в розни, приѣздъ к Москве въ 7015-м *(sic)* году Литовских посланников Станислава Витовского да князя Яна Соколинского, присыланы они к Москве для договору о перемирье і о свободе с Москвы Литовскихъ послов Миколая Олещицкого да Александра Госевского и Сендомирского и дочери ево и іных Литовских людей, которые были при воре ростриге.

(л. 385) 5. Книга Литовская 7121-го году, а в ней: отпускъ в Литву от бояръ посланника Дениса Оладьина и приѣздъ ево к Москве, да отпускъ посланников Федора Желябужского да подъячего Семена Матчина 122-го году и приѣздъ ево во 123-м году, да отпускъ с Москвы в Литву гонца алексинца Артемья Нечаева 124-го году и приѣздъ ево к Москве, да приѣздъ и отпускъ с Москвы Литовского посланника Максимилияна Колочинского.

(л. 399) Столпы Литовские.

(л. 399 об.) 6. Столпъ, а в нем приѣздъ к Москве Полскихъ посланников Станислава Витовского да князя Яна Друцкого-Соколинского, 116-го году.

7. Столпикъ невеликъ ветхъ, а в нем блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича, всеа Росіи самодержца, двѣ грамоты писаны з жалобою на Полского короля к Матьяшу цесарю Римскому во 121-м году...

(л. 525) Сундукъ дубовой окован желѣзомъ, а в немъ грамоты Полские:

(л. 535 об.) *8.* Грамота Жигимонта короля к царю Борису Ѳедоровичю, 1600-го году...

(л. 536) *9.* В обертке рѣчи Полскихъ пословъ Миколая Олешницкого да Александра Корвина-Гасевского, что говорили будучи на посольстве царю Василью Ивановичю всеа Русіи во 116-м году...

(л. — об.) *10.* 5 грамотъ Жигимонта короля Польского *(л. 537)* к бояромъ ко князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи из-под Смоленска во 119-м году; погнили гораздо.

11. 15 грамотъ Полского короля Жигимонта, писаны к бояромъ ко князю Федору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, указные ис-под Смоленска во 119-м году....

(л. — об.) *12.* В тетрати отвѣтное письмо Жигимонта короля, каково дано царя Борисовым посломъ Поснику Огареву.

13. Грамота Жигимонта короля к великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи въ 1607-м году, поплѣла и подрана...

(л. 538) *14.* Перемирная запись царя Бориса Ѳедоровича з Жигимонтомъ королемъ Полскимъ на 20 лѣтъ, писана на паргаминѣ, 7109-го году, печати нѣтъ...

(л. 539) *15.* 53 листа полского и белоруского писемъ, королевские, и сенаторские, и Хмелницкого уневерсалъ, і иные письма старые.

16. Белоруское писмо Полскихъ пословъ, писано *(л. — об.)* к боярину ко князю Дмитрею Ивановичю Шуйскому о заступленіі к царю и великому князю Василью Ивановичю, чтоб велѣл их отпустить с Москвы, не задержавъ...

(л. 556) В бѣлой коробьѣ Полские же листы і иныхъ повытей.

(л. 574 об.) *17.* Листъ Жигимонта короля в Нижней Новъгород *(л. 575)* к воеводе ко князю Александру Репнину о Григорье Доможирове, чтоб ему в Нижнемъ отданъ двор ево, которой отнялъ у него князь Василей Шуйской Алексѣю Бавмакову; печать у того листа королевская, при печати припись: „Левъ Сопѣга канцлѣр", 1610-го году сентября въ 25-й день.

18. Грамота Польского Жигимонта короля и панов-рад, писана к боярину ко князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому и Московского

государства ко всѣмъ чиномъ духовным и мирскимъ о послах, чтоб слать со обоих сторон для договору на рубежи; писмо белоруское, *(л. — об.)* у грамоты 21 печать, поплѣла и подрана, 1611-го году.

19. Грамота Жигимонта короля жаловалная, за королевскою печатью, за рукою канцлѣра Лва Сапѣги, князю Ивану Куракину, что велено ему быть во дворечествѣ, в Казанском Дворцѣ, на Иваново мѣсто Салтыкова, 1611-го году; грамота згнила и писма мало знать.

20. Грамота Жигимонта короля к боярину и конюшему ко князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, чтоб *(л. 576)* отдали из казны товары, что взяты при великомъ князе Иване Васильевиче у Евертъ Винкенмана, 1611-го году.

21. Грамота Жигимонта короля Полского Московского государства бояромъ конюшему и намѣстнику Володимерскому князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, 1611-го году.

22. Грамота Полского Жигимонта короля Московского государства к бояромъ х конюшему и намѣстнику Володимерскому к Ѳедору Ивановичю *(л. — об.)* Мстиславскому с товарыщи о посылке Хоткѣевича с войскомъ под Москву для обороны, которые под Москвою стоятъ и разорение чинятъ, да чтоб прислали к Московскимъ посломъ к преосвященному Ѳиларету Никитичю митрополиту Ростовскому да к боярину ко князю Василью Голицыну наказ или б с наказомъ о договорех дѣлъ прислали пословъ иных, 1611-го году; грамота поплѣла и изодрана гораздо.

23. Листъ Лва Сапѣги канцлѣра великого княжства Литовского к боярину ко князю Ивану Семеновичю Куракину, что онъ Левъ по писму ево королю службу ево доносил, *(л. 577)* и король и с сыномъ своимъ королевичемъ жаловать ево будутъ, а ныне пожаловалъ ево король дворецкимъ Казанским, 1611-го году.

24. Грамота Полского Жигимонта короля к бояромъ ко князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, что онъ с королевичемъ Владиславомъ идетъ на Московское государство и бояре б приход ево ожидали, 1612-го году.

25. Листъ князя Войтеха Барановского арцыбискупа Гнезнинского, и иных всѣх арцыбискуповъ, и воевод, и каштеляновъ, *(л. — об.)* и всѣхъ пановъ-рад коруны Полской и великого княжства Литовского, духовных и мирских, великого государства Московского к преосвященнымъ митрополитомъ, к архиепископомъ, и епископомъ, и архимаритомъ, и игуменомъ, и ко всѣму освященному собору, и к бояромъ, и к околничимъ, и к чашникомъ, и столникомъ и ко

всѣмъ чинам Московского государства, 1613-го году; посреди листа были 4 печати отвалились.

(л. 585) 26. Грамота Жигимонта короля, писана ис-под Смоленска к бояромъ к боярину и намѣстнику Володимерскому ко князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи о справке князя Петра Зборецкого по Московскому списку въ 7119-м году.

27. Грамота Жигимонта короля к бояромъ ко князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи с посланникомъ ихъ с Ываномъ Михайловымъ сыномъ *(л. — об.)* Гридичемъ въ 7119-го году.

28. Грамота Жигимонта короля к бояром же о жалованье князю Ивану Куракину, того же году.

29. Грамота Жигимонта короля к бояромъ же об окупе князя Ивана Шеховского да Богдана Дубровского, того же году.

30. Грамота жаловалная Жигимонта короля, какова дана Алексѣю Собакину, к бояром же *(л. 586)* о прибавке за рану помѣстного и денежного окладу, того же году.

31. Грамота Жигимонта короля к бояром же о справке жалованья Семену Шапкину, того же году.

32. Грамота Жигимонта короля к бояром же, чтоб велѣли держать нѣмцомъ Московским продажное питьѣ, того же году.

33. Грамота Жигимонта короля к бояромъ *(л. — об.)*, велено дать ис казны Петру Сапѣге денег 3.000 рублевъ, того же году.

34. Грамота Жигимонта короля и сына ево Владислава к бояром же помѣстная Сергѣю да Алексѣю Сабакиным, того же году.

35. Грамота Владислава королевича к бояром, чтоб дали ис казны Зборовскому 1.000 рублевъ, того же году.

36. Грамота Жигимонта короля к бояромъ о справке в списокъ в стряпчие Андрѣя Палицына, того же году.

(л. 587) 37. Грамота Жигимонта короля Полского к бояром ко князю Ѳедору Ивановичю Мстиславскому с товарыщи, за подписью подканцлѣра Лва Сопѣги, 120-го году; погнила и изодрана, печать королевская ростопилась.

38. Листъ от бояръ и от всяких чиновъ людей писан к паномъраде о королевиче, 120-го году...

(л. 596) 39. Грамота Жигимонта короля к бояромъ помѣстная Гаврила Хрипунова, какъ он ѣхал под Смоленескъ, и за то ему дано помѣстье во Ржевскомъ уѣзде Володимеровы, а с нимъ отъѣхалъ князь Яковъ Борятинской да полковникъ немчин Зердвартъ Горнъ, того же году.

40. Грамота Жигимонта короля к бояромъ об Алексѣе Романове сыне Безобразове, велено ему учинить оклад помѣстной 800 четьі, денег 50 рублевъ, того же году.

41. Грамота Жигимонта короля и сына ево *(л. — об.)* Владислава королевича к бояромъ жаловалная Лву Аѳонасьеву сыну Плещѣеву, велено ему Лву быть в оружейничих на Богданово мѣсто Измайлова, и оружейную казну Лву у Ивана велено принять, а Иван Измайловъ послан в Сибирь; того же году.

42. Грамота Жигимонта короля и сына ево Владислава королевича к бояром же помѣстная окольничему князю Юрью Дмитриевичю Хворостинину, того же году.

43. Грамота Жигимонта короля к бояромъ помѣстная жаловалная новгородцомъ *(л. 597)* дворяномъ Антону да Ивану да Григорью Загосткинымъ, того же году.

44. Грамота Жигимонта короля к бояромъ о справке Ивана Васильевича Головина во околничие, того же году.

45. Грамота Жигимонта короля к бояромъ, велено поверстать околничих князя Василья да князя Ѳедора Звенигороцкихъ помѣстными и денежными оклады противъ иных околничих, кому они в версту, того же году.

(л. — об.) 46. Грамота Жигимонта короля и сына ево Владислава королевича к бояромъ жаловалная оружейничему Лву Плещѣеву, велено ему оклад учинить помѣстной 1200 четьі, того же году.

47. Грамота Жигимонта короля к бояромъ об отпуске Ивана Головина, того же году.

48. Грамота Жигимонта короля к бояромъ, и к окольничимъ и къ думнымъ людемъ, что велено быть Михайлу Салтыкову в боярех, сидѣть в Стрелецкомъ приказе; *(л. 598)* того же году.

49. Грамота Жигимонта короля о жалованье князю Юрью Никитичю Трубецкому, велено ему дать на покупку лошадей 300 рублев да испомѣстить противъ ево родства, того же году.

50. Грамота Жигимонта короля к бояромъ о Иване Зубатомъ, да о дьяке о Семене Дмитриеве, что имъ сидѣть в Земскомъ приказе, того же году.

(л. — об.) 51. Грамота о Иване Безобразове, что ему быть в ловчих, того же году.

52. Грамота о Львѣ Плещѣеве, что ему дано помѣстье в Можайскомъ уѣзде, того же году.

53. Грамота Жигимонта же короля к боярину ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому, жаловалная, вотчинная о селцѣ Княянине з деревнями в Нижегороцком уѣзде; того же году.

(л. 599) 54. Листъ межевых судей Литовских реѳерендаря Литовского Александра Корвина-Гансевского, писанъ на Луки Великие к воеводе к Борису Кокореву, 119-го году...

(л. — об.) 55. Листъ писанъ к бояромъ ко князю Ѳедору *(л. 600)* Ивановичю Мстиславскому с товарыщи от Костянтина Плихты каштеляна Сохачевского да от Олександра Корвина-Гансевского реѳерендаря Литовского, которого году не вѣдомо, конца нѣтъ; у того же листа были 5 печатей и печати ростопились.

(л. 612) Коробья бѣлая болшая с пробои без замка, а в ней столпы Полские, которые были въ Посолскомъ приказе в шкаѳѣ:

56. Выписка из Полскихъ приѣздовъ, какъ были у великого государя у стола Полские послы въ 90-м, да въ 92-м, да въ 94-м годѣхъ, а государевы великие послы у Полского короля у стола же *(л. — об.)* въ 91-м, да въ 99-м, да во 109-м годѣх; начала нѣтъ.

57. Столпикъ невеликъ, а в немъ наказ, каковъ данъ былъ великому господину преосвященному Ѳиларету митрополиту Ростовскому и Ярославскому да боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарыщи, какъ они посыланы были в Литву во 118- м году...

(л. 1332) Ящикъ дубовой, что бывал думных дьяковъ, а в немъ дѣлъ по росписи думного дворянина Ивана Аѳонасьевича Гавренева да дьяка Микиѳора Демидова — 162-го году:...

(л. 1342 об.) Да сверхъ той росписи в томъ же ящике по пересмотру во 175-м году объявилось дѣлъ:...

(л. 1343) 58. Договорная запись старыхъ дѣл з Желковским, 1610-го году по счислению от Рождества Христова.

(л.1369) Въ ящике, что бывал діака Еѳима же Юрьева, дѣлъ:

59. Списокъ со утверженные записи, какову дал бояромъ под Москвою Станислав Желковского во 118-м году августа въ 27-й день...

(л. 1376) 60. Связка, а в ней 6 росписей сенаторемъ и урядникомъ корунным и Литовскимъ, да роспись о сылке со окрестными государствы, да выписка о послѣхъ и о посланникахъ, которые посыланы в Полшу и в Литву, и о намѣсничестве...

(л. 1435) В прошломъ во 143-м году августа въ 24-й день по государеву цареву и великого князя Михаила Өедоровича всеа Русиі имянному приказу дьяки думной Өедоръ Лихачевъ да Максимъ Матюшкинъ, собрав государственные началные великие дела со окрестными государи докончальные и перемирные грамоты и договорные посолские записи и всякие болшие крѣпости, положили в сундукъ, и за печатью думного дьяка Өедора Лихачева ис Посолского приказу отнесенъ тот сундукъ на Казенной Дворъ и постановленъ в большой полате и приказан беречь Казенному дьяку Гаврилу Облезову. А сколко в томъ сундукѣ положено порознь какихъ дѣлъ и в чемъ тѣ дела положены, и тому роспись:

(л.—об.) Ящикъ бархатной с петлею с серебряною с цѣлою, а в немъ:

61. Грамота перемирная Лва Сапѣги с товарыщи при царѣ Борисе, у ней 3 печати были в ковчегахъ деревяныхъ, всѣ роспались, писана от Рожества Христова 1601-го году...

(л. 1436) 62. Договорное письмо Литовскихъ пословъ Александра Гасевского с товарыщи, 1619-го году.

63. Грамота договорная Литовскихъ пословъ Миколая Олешницкого съ товарыши, при царѣ Василье Ивановиче, лѣта от Рожества Христова 1608-го году, писана белорускимъ письмомъ, а у ней *(л. — об.)* 4 печати на красномъ воску...

(л. 1439 об.) Ящикъ оболоченъ кожею, а в нем:

(л. 1440 об.) 64. Грамота перемирная Жигимонта короля к царю Борису, испорчена и прогорѣла, 1602-го году, печати нѣтъ.

(л. 1444 об.) В томъ же сундукѣ положены дела, которые привезли ко государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі из Литвы его государевы великие послы бояринъ и намѣстникъ Суздалской князь Алексѣй Михайловичь Лвовъ-Ярославской с товарыщи во 143-м году:

В липовомъ ящике:

(л. 1445 об.) 65. Запись за руками и за печатми пановъ *(л. 1446)* рад и повѣтныхъ пословъ о гетманскомъ же договоре...

В томъ же сундукѣ оберчено въ 2-х листахъ в олександрѣйской бумаге грамоты *(л.—об.)* и всякое письмо, что привезли из Литвы государевы послы бояринъ князь Алексѣй Михайловичь Лвовъ с товарыщи:

66. Грамота на листу вѣрющая Ермогена патриарха и всего освященного собору и бояръ и всякихъ людей к Жигимонту королю,

какъ посланы были блаженные памяти великиі государь святѣйшиі патриархъ Ѳиларетъ Никитичь Московскиі и всеа Русиі и бояре князь Василей Васильевичь Голицынъ с товарыщи; за печатью Ермогена патриарха.

(л. 1147) 67. Грамота Московского государства бояръ и всякихъ людей князя Ѳедора Ивановича Мстиславьского с товарыщи сенаторемъ, что отпустили х королю бояръ князя Юрья Трубецкого да Михайла Салтыкова бити челомъ королю и королевичю, чтоб шолъ к Москве; за двемя печатми ото властей и за бояръскою.

68. Двѣ грамоты вѣрющие архиепископа Арсения Архангелского и бояр и всякихъ чиновъ людей о послех о князе Юрье Трубецкомъ с товарыщи; бес печатей, у одной были двѣ печати на красномъ воску, а у другой одна печать.

(л. — об.) 69. Грамота Ермогена патриарха и всего освященого собору к Жигимонту королю, чтоб отпустилъ на Московское государство сына своего королевича Владислава; была за красною печатью, печати у ней нѣтъ.

70. Грамота Ивана Салтыкова да Петра Третьякова, писана к Владиславу королю, какъ ему Ивану велено быть в Новѣгороде и какъ новгородцовъ ко кресту приводил и иные городы приводил под королевичеву руку.

(л. 1148) 71. Грамота архиепископа Смоленского Сергия да Михайла Шеина, писана ис Смоленска к паномъ-раде к Станиславу Желковскому с товарыщи, чтоб они били челомъ Жигимонту королю, чтоб людей от Смоленска отвелъ и поволил бы имъ Московского государства с послы ис Москвы ссылатца.

На столпцехъ:

72. Три грамоты бояръ князя Ѳедора Ивановича Мстиславского с товарыщи, за руками, какъ писали вь Ярославль, на Кострому, в Переславль Залѣской к воеводамъ и ко всякимъ людемъ, чтоб королевичю добили челомъ.

(л. — об.) 73. Рѣчь, что говорили на посолстве Жигимонту королю послы бояринъ князь Василей Васильевичь Голицынъ с товарыщи.

74. Выписка из статейного списка, что прислан статейной списокъ к послом.

75. Грамота Московского государства бояр князя Ѳедора Ивановича Мстиславского с товарыщи к Жигимонту королю и к сыну его Владиславу из Москвы про новъгородцовъ, что Ивана Салтыкова казнили и что писал Яковъ Пунтусовъ под Москву в полки к Про-

коѳью *(л. 1149)* Ляпунову, что Свѣйской арцыкороль хочетъ на Московское государство дать сына своего королевича; была за красною печатью, печати нѣтъ.

76. Грамота бояръ князя Ѳедора Ивановича Мстиславского с товарыщи к Жигимонту королю о томъ, что они писали к посломъ к боярину ко князю Василью Васильевичю Голицыну с товарыщи, какъ имъ бити челомъ Жигимонту королю, и что писали к Смоленскимъ сидѣлцомъ, и списки о томъ,что писали х королю послали; печать у грамоты боярина князя Ѳедора Ивановича.

(л. — об.) 77. Грамота бояръ князя Ѳедора Ивановича Мстиславского с товарыщи к Жигимонту королю, что они по ево королевскому листу Московского государства к посломъ писали, чтоб они били челомъ королевичю, чтоб онъ шол к Москве, да и в Смоленескъ к Смоленскимъ сидѣлцамъ к Михайлу Шеину с товарыщи писали, чтоб они ему королю и королевичю добили челомъ и Литовскихъ людей в город пустили; печать у грамоты боярская.

78. Грамота к Жигимонту королю и к сыну ево Владиславу бояръ и окольничихъ и думныхъ людей князя Ѳедора Ивановича *(л. 1150)* Мстиславского с товарыщи, что Прокоѳей Ляпуновъ от Владислава королевича отложился, и в городы, которые королевичю послушны, воевод и головъ с ратными людьми от себя посылаетъ, и городы и мѣста заседаютъ, а братъ ево Захарей поѣхалъ с Москвы под Смоленескъ с послы з бояриномъ со княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицыным с товарыщи и ис-под Смоленска з братомъ своимъ ссылаетца.

79. Книги Ржевичь, и Зубчанъ, да Бѣжецкие пятины всякихъ чиновъ людей, которые крестъ целовали королевичю Владиславу 118-го году.

(л. — об.) 80. Отписка Ивана Салтыкова к Жигимонту королю и к сыну ево Владиславу.

81. 14 тетратей посольства Аѳонасья Власьева.

---

2. — 1599 г. февраль. — Посольство въ Польшу Михаила Татищева и дьяка Ивана Максимова.

Въ 1614 году въ архивѣ Посольскаго приказа хранился «столпъ 107-го года» объ этомъ посольствѣ (см. опись І-ую, № 62), но ни этотъ столпъ, ни какіе-либо другіе документы посольства Татищева не перечисляются въ дальнѣйшихъ описяхъ архива и не сохранились до нашего времени. Объ этомъ посольствѣ имѣется только упоминаніе въ статейномъ спискѣ слѣдующаго посольства М. Г. Салтыкова-Морозова, В. Т. Плещеева и думнаго дьяка А. И. Власьева въ 1602 году (кн. № 24, л. 85 об.; см. ниже стран. 117—118). Печатаемые документы заимствованы изъ находящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ книги № 6 Метрики Литовской, лл. 193 об. — 196.

(л. 193 об.) Листъ верущый от князя великого Московского Бориса Өедоровича до кор(олевское) его милости, принесеный через посланника его Михаила Татищева в року 1599-м.

Милосердиа ради милости Бога нашого, в них же посети насъ восток свыше во еже направити ногы наша на путь мирен, сего убо Бога нашого в Троицы славимого милостию, от великого господара[1] цара и великого князя Бориса Өедоровича, всея Русии самодержца, Владимерскаго, Московского, Новгородского, царя Казанского, цара Астараханского, господара Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, господара и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сиберские земли, и Сиверныя страны повелителя и *(л. 194)* господара Иверские земли Грузонских (sic) царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских

[1] Написано: „гд҃ра", раскрывается вездѣ согласно написанному ниже на сей же страницѣ полностью: «господара».

князей, и иных многых господарствъ[1] господара[2] и обладателя [3], — Божиею милостию, великому господару Жикгимонту Третему, королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитскому, Мазовецкому и иных. Послали есмя к тебе, к великому господарю Жикгимонту королю, посланника нашого думного дворанина и ясельничого и наместника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да дьяка нашого Ивана Максимова о некоторых о многих делехъ; и что от нас учнут тебе говорити, и ты-б им верилъ, то есть нашы речы. Писана в господарствия нашего дворе царствующаго града Москвы лета от создания мира 7107-го ѳевраля мѣсяца.

Инструкцыя посельства того посланника.

Речы по повеленью великого господаря царя и великого князя Борыса Ѳеодоровича, всея Русии самодержца, Владимерского, Московского, Новгородского, цара Казанского, цара Астороханского, государа Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцского, Болгарского и иных, господара и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сиберские земли, и Сиверные страны повелителя, и господаря Іверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горскихъ князей, и иных многих господаря и облаадателя, его царского величества посланникъ думной дворанин и ясельничей и наместникъ Можайской Михаило Игнатьевичъ Татищевъ *(л. — об.)* да диякъ Иванъ Максимовъ говорили великому господарю Жикгимонту, Божиею милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жомоитскому, Мазовецкому и иных.

Великого господаря царя и великого князя Борыса Ѳедоровича, всея Русии самодержца и многих господарствъ господара и обладателя, его царского величества посланникъ думной дворанинъ и ясельничей и наместникъ Можайской Михаилъ Игнатьевич Татищевъ говорил: Божиею милостью великий господаръ царь и великий князь Борисъ Ѳедоровичъ, всея Русии самодержецъ и многих господарствъ господарь и обладатель, тебе, великому господару Жикгимонту, Божиею милостию, королю Польскому и великому князю Литовскому, велел говорити: Божыим изволением и праведным судомъ великого господара цара и великого князя Ѳеодора Ивановича, всея Русии самодержца и многих господарствъ господаря и облаадателя, правед-

[1] Написано: „гд҃рствъ“, раскрывается согласно дальнѣйшему написанію полностью: «господарствъ». — [2] Написано полностью. — [3] Слово «облаадатель» пишется въ этой книгѣ и съ двумя *а* и съ однимъ.

наго, и храбраго, и славнаго, и милостиваго, Богом почтенного, и Богом превознесеннаго, и Богом украшеннаго, ноипаче в добре просиявшого, и в милостивей славе пребывающого, высокостольнейшого, и господарствам многым заступника, и славным господаром пособство подателя, над великими господари[1] высочайшого, славою и честию от Бога устроеннаго, разумом пространствия превысокий был столпъ, корень благоверия, благочестия цветъ, степень царский, и неисчетные хвалы достойнаго, господара моего пресветлаго цара праведная его и безпорочная преблагая душа от сего света къ Богу отошла, оставль земное царьство, отъиде въ вечное блаженство в небесное царьство. А по милости Божыей и по приказу блаженные памети великого господара цара и великого князя Ѳедора Ивановича, всея Русии самодержца и многих господарствъ господаря и облаадателя, и по благословению сестры нашое великое господарыни благоверное и хрыстолюбивое *(л. 195)* царицы и великое княгини иноки Александры Ѳедоровны всея Русии, а за прошеньем и молением светейшого Иева патриярха Московского и всея Русии, и митрополитовъ, и архиепископов, и епископовъ и всего освещенного вселенского собора, и за челобитьем царей, и царевичей, и многих господарских детей розных господарствъ, которые под нашею царскою высокою рукою нам нине служать, и бояр наших, и окольничих, и князей, и воевод, и дворан, и приказных людей, и детей боярских, и всяких служалыхъ людей всих городовъ Московского господарства и всего народного множества людей Росийского царствия, — мы, великий господаръ царь и великий князь Борыс Ѳедоровичъ, всея Русии самодержецъ, на великом господарстве на Владимеръскомъ, и Московскомъ, и на Новгородцком, и на царствах Казанском и Астараханском, и на всих господарствах Росийского царствия, и на новоприбылых господарствах учинилися есмя великим господарем царем и великим князем, всея Русии самодержцем, и венчалися царским венцем и диадимою по древнему обычею. И наше господарство обестити, по прежнему обычею, послали есмя к тебе к великому господару к Жикгимонту королю посланника нашого думного дворанина и ясельничого и наместника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да дьяка Ивана Максимова и с ними наказали о всяких о добрых делех, что годно всему хрестьянству, чтобъ нами, великими господары, и нашым господарским осмотрением хрестьянство высвобожоно было из рукъ бесерменских, и чтобъ хрестиянская рука вышиласе, и была в покою и в тишине, а бесурмянская рука

---

[1] Написано полностью.

нижыласе. — Да посылаем ныне къ великому господару к брату нашому дражайшому и любезнейшому Рудельѳу цесару Рымскому, по прежнему обычею, господарство свое обестити гонца нашого Ѳѳанасья Власьева, и ты-бъ, великий господаръ Жыкгимонт король, на того нашого гонца велел дати свою опасную грамоту и через свои господарства пропустити велелъ до цесара по прежнему обычаю.

(л. — об.) Великого господара цара и великого князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русии самодержца и многих господарствъ господара и обладателя, его царского величества дьяк Иван Максимовъ говорилъ: Божиею милостию великий господаръ царь и великий князь Борис Ѳедоровичь, всея Русии самодержецъ и многихъ господарствъ господаръ и обладатель, тобе, великому господару Жыкгимонту, королю Польскому и великому князю Литовскому, велелъ говорити: били челом нашему царскому величеству гости и всякие торговые люди нашых господарствъ, которые ходят торговати въ вашы господарства в коруну Польскую и въ великое княжество Литовское, что емлють деи с них и зъ их товаров въ вашей земли по городом и по селам державцы, и урадники, и мытники тамгу великую, и головщины, и мостовъщины и явки, и перевозы частые, и подарки великие; и в котором городе они торгують или не торгують, а тамги деи с нихъ в тех во многих городех емлють многие; а где им и не доведетца стояти, и урадники деи и мытники их держать для своее корысти долгое время и с них подарки емлють многие. А в нашем господарстве по нашего царского величества указу с вашых со всяких торговых людей пошлины емлют в Смоленску и на Москве только в двух местехъ по прежнему без прибавки, и обиды им ни от кого не живеть, торгуютъ повольною торговлею. И ты-бъ, великий господаръ Жыкгимонт король, велел заказать о том накрепко и беречы того, чтобъ с нашых с торговых людей въ вашей земли лишних пошлин и подарковъ во всих городехъ не имали, и обид и задержанья никоторого им не чинили; а учнуть вперед вашы урядники и всякие пошлинники лишние пошлины и подарки с нашых с торговых людей имати, и по нашому указу с вашых с торговых людей потому-жъ по многим городом пошлину учнут *(л. 196)* имати, какъ и в твоем господарстве во многих городех и по местом с нашых с торговых людей лишние пошлины емлють.

Великого господара цара и великого князя Бориса Ѳедоровича, всея Русии самодержца и многих господарствъ господара и облаадателя, его царского величества посланникъ думной дворянин и ясельничый и наместник Можайской Михаило Игнатьевичъ Тати-

щевъ говорилъ: Божиею милостью великий господаръ царь и великий князь Борис Өедоровичь, всея Русии самодержец и многих господарствъ господаръ и облаадатель, тобе, великому господару Жикгимонту, Божиею милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, велелъ говорити: а об ыныхъ о великих делех приказали есмя посланнику нашому думному дворанину и ясельничому и наместнику Можайскому Михаилу Игнатьевичу Татищеву говорити с паны-радами, и ты-бъ, великий господаръ Жикгимонт король, велел с посланником нашым и з думным дворанином и с ясельничым и с наместником Можайским с Михаилом Игнатьевичом Татищевым и з дъяком с-Ыаном Максимовым паном-радам говорити о всяких добрых делех, которые дѣла пристоят нам, великим господарем християнским, и нашым господарствам к разшыренью к прибавлению и всему хрестиянству к покою.

3.—1600 г. апрѣля 10—іюнь. Отправленіе въ Москву гонца Бартломея Бердовскаго.

Опись архива Посольскаго приказа, составленная въ 1614 году, указываетъ «столпъ 108-го году», содержавшій «пріѣздъ и отпускъ» Бердовскаго (см. опись І-ую, № 71). Этого столпа нѣтъ нынѣ, нѣтъ его и въ другихъ описяхъ (см. выше). Печатаемые документы о присылкѣ этого гонца заимствуются изъ той же книги № 6 Литовской Метрики лл. 196 об.—198.

(л. 196 об.) Листъ от его кор(олевское) милости до великого князя Московъского о кглеитъ на послы великие, через гонца пана Бартломея Бердовского писаный.

От наяснейшого и великого господара Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского, великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазовецкого, Киевского, Волынского, Подольского, Подляского, Инфлянъского и иных, и дедичного короля Шведского, Кготского, Вандальского, и великого княжати Өинлянского и иных, Божью милостью, великому господару и великому князю Борису Өедоровичу всея Руси, Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иных. Што присылал еси к нам посланника своего думного дворенина и ясельничого наместника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева, а дъяка Ивана Максимова, оповедаючы то, иже по зойстью з сего света великого господара и великого князя блаженное памети Өедора Ивановича всея Руси, по Божой воли, учинилсе еси ты, Борис Өедоровичъ,

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

великим господарем и великим княземъ Володимерским, Московским и иных господарствъ. И тотъ же посланникъ твой думный дворянинъ ясельничый и наместникъ Можайский Михаило Татищевъ а дьяк Иванъ Максимов говорили с паны-радами нашыми короны Польское и великого князства Литовского о многих добрыхъ делех, которые пристоят нам, великимъ господарем хрестиянским, и нашым господарствам к розшыренью и к прибавленью, *(л. 197)* и всему хрестиянству к покою; и панове-рада нашы слова тых посланниковъ твоих нам объявили. Ино мы за радою и прозьбами панов-рад нашых короны Польское и великого князьства Литовского посылаем до тебе пословъ нашых великих о многих добрых делех. Ты бы нам на послы нашы великие опасную грамоту водлугъ звыклого обычаю послал; а того гонца дворанина нашого урожоного Бартломея Бердовского без мешканья до насъ назад отправил. Писан у Варшаве лета Божъего нароженья 1600-го мѣсяца апреля 10-го дня.

Инъструкцыя гонцу и дворенину его королевское милости урожоному Бартломею Бердовскому до князя великого Московского, з Варшавы отправленому в року теперешнем 1600-м мѣсяца апреля 10-го дня.

Наяснейшый и великий господаръ Жикгимонт Третий, Божью милостью, король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Киевский, Волынский, Подольский, Подляшский, Иѳлянъский и иных, король дедичный Шведский, Кготский, Вандальский, и великое княжа Ѳинлянское и иных. Тобе, Божью милостью, великому господару и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Русии, Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных, поклонитисе и здоровье твое мне, гонцу и дворанину своему, наведити и видети велелъ. — Затымъ листъ его королевское милости отдаст. А в ынших всих речах помененый гонец его королевское милости учстиве и пристойне поступовати собе будет, постерегаючы достоенства и славы маестату его королевское милости. — Писан у Варшаве.

(л. 197 об.) Кглейтъ на послы великие его кор(олевское) мил(ости) от князя великого Московского, через того же пана Бердовского принесеный.

Бога всемогущаго и во всих всяческая действующаго, везде сый и вся исполняющаго, и утешения благая всим человѣком дарующаго, Того силою и действом человѣколюбия жизнидателя, в Троицы славимаго милостию, и властию, и хотением и благоволением, Богом

избранный утвердившаго скиѳетръ держати в православии во осмотрение и во обдержание великого Росийского царствия и многих новоприбылых господарствъ, и з Божиею помощыю соблюдати мирно и безмятежно на веки — от великого господара цара и великого князя Борыса Ѳедоровича, всея Русии самодержца, Владимерского, Московского, Новгородского, цара Казанского, цара Астараханского, царя Сибирского, господара Псковского, и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, господара и великого князя Новагорода Низовское земли, Черниговского, Рязанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондынского, и всея Северныя страны повелителя, и господара Иверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Чер(ка)ских и Горских князей, и иных многих господарствъ господара и обладателя, — великому господару Жикгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жомо(и)тскому, *(л. 198)* Мазовецкому и иных. Кого к нам, к великому господару цару и великому князю Борису Ѳедоровичу, всея Русии самодержцу, ты, великий господаръ Жыкгимонтъ король, пошлешь послов своих великих, и тем твоим послом к нашому царскому величеству приехати и от нас отъехати добровольно со всими их людьми и з жывоты безо всякого задержанья. А ся наша царская грамоты на твои послы и опасная. Писана в господарствия нашого дворе царствующаго града Москвѣ, лета от создания миру 7108-го июня мѣсяца индикта 15, а господарствъ наших 3-го.

---

4. — 1600 г. іюля 15 — 1601 г. Посольство въ Москву Льва Иван. Сапѣги, Стан. Варшицкаго и Гел. Пельгржимовскаго.

«Книги Литовской» содержавшей это посольство, указываемой также одной описью 1614 г. (см. № 57), не сохранилось. Не дошли до нашего времени: 1) «вѣрющая» грамота Сапѣги (см. въ описи архива I-ой № 11 и въ II-ой № 2) и 2) данный ему «столпъ о обидныхъ и о земскихъ дѣлѣхъ» (I, № 80). Среди русскихъ документовъ имѣются только печатаемые ниже: а) позднѣйшая выписка (послѣ царя Василія Шуйскаго) о написаніи перемирной грамоты и отпускѣ пословъ (№ 56-й IV-й описи?) и б) перемирная грамота — «царево и великаго князя слово» и «королево слово». Остальные документы заимствуются изъ книги № 6 Литовской Метрики, лл. 198 — 216 (наказъ — Instructia посламъ см. ниже стр. 45 — 53) былъ напечатанъ въ 7-мъ выпускѣ

«Сборника князя Оболенскаго», М. 1838 г.).—Объ этомъ посольствѣ также упоминается въ статейномъ спискѣ посольства Салтыкова-Морозова, Плещъева и Власьева (см. ниже стрр. 83, 84, 91—95, 109—122, 138—140 и сл.).

(л. 198) Отправа послов его королевское милости великих до господара и великого князя Московского.

Листъ его королевское милости до великого князя, через панов послов писаный.

От наяснейшого и великого господара Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазовецкого, Киевского, Волынского, Подольского, Подляшского, Лиѳлянъского и иных, и дедичного короля Шведского, Кготского, Вандальскаго, княжати Ѳинлянского и иных,— Божью милостию, великому господару и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Руси, Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, *(л. 198 об.)* Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных. За радою и прозьбою пановъ-рад наших короны Польское и великого князьства Литовского посылаем к тобе, великому господару и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Руси, тебе наведити и поздоровити послов наших великих — ясневельможного пана Лва Ивановича Сапегу, канцлера наивышшого великого князьства Литовского, старосту Слонимского, Пернавского и Могилевского, державцу Ретовского и Блудненского, а вельможного пана Станислава Варшыцкого, кашталяна Варшавъского, старосту Кобрынского и Осецкого, и урожоного Гелияша Пелкгримовского, писара великого князьства Литовского, лесничого Юрборского, давшы им достаточную науку и моць зуполную о добрых делех межи нами, великими господарями хрестиянскими, и межы господарствы нашими ку доброму и пожиточному всего хрестиянства мовити и становити. Ты бы, великий господаръ и великий князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Руси, тым послом нашым великимъ, што они говорити будуть, во всем зуполную и досконалую веру дал: бо што они говорити будуть, то суть слова нашы; а што они с тобою, великимъ господарем, и з бояры твоими думными намовять и постановят, тое мы, великий господаръ король и великий князь, з господарствы[1] нашыми моцно держати хочем. А тых бы еси послов нашых, не задержываючи, к нам отпустилъ. Писан у Варшаве лета Божого нарож(енья) 1600-го мѣсяца июля 15 дня.

---

[1] Это слово написано полностью.

(л. 199) Instructia albo navka posłom ie° kr. mczi wielkim do kniazia wielkiego Moskiewskiego odprawionym, jaśnie wielmożnemu Leonowi Sapiezie, canclerzowi w° xª L°, Słonimskiemu, Pernawskiemu, Mohilowskiemu etc. staroście, Retowskiemu i Bludnienskiemu dzierżawcy, a wielmożnemu Stanisławowi Warszyckiemu, casstellanowi Warszawskiemu, staroście Kobryńskiemu i Osieckiemu, y vrodzonemu Heliaszowi Pielgrzymowskiemu, pisarzowi w° xª L°, leśniczemu Niemonoieskiemu, dana w roku teraźnieyszym tysiąc ssesćsetnym.

Pierwszy poseł ma mówić: Naiaśnieyszy i wielki hospodar nasz Zygmunt Trzeci, z łaski Boży król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmódzkie, Mazowieckie, Kiiowskie, Wołyńskie, Podolskie, Podlaskie, Inflanskie i ynnych, i dziedziczny król Szwedsky, Gotski, Wandalski y wielkie xiąże Inflandskie etc. tobie, z Bożey łaski wielkiemu hospodaru y wielkiemu kniaziu Borisu Fiedorowiczu wsieia Rusi, Włodzimierskiemu, Moskiewskiemu, Nowhorodzkiemu, Kazańskiemu, Astarachańskiemu, Pskowskiemu, Twierskiemu, Juhorskiemu, Permskiemu, Wiatskiemu, Bołharskiemu y innych, pokłonić się i zdrowie twe nam posłom swoim nawiedzić roskazał.

(л. 199 об.) Zathym listh wierzący oddać. A po liście pozdrowienie na hospodarstwie w te słowa pierwszy poseł ma vczynić: Naiaśnieyszy i wielki hospodar nass król i wielki kniaź tobie, wielkiemu hospodaru y wielkiemu kniaziu Borisu Fiedorowiczu, mówici roskazał. Przisyłałeś do nas posłanika swego, dumnego dworzanina y jasielniczego, namiesnika Możayskiego Michaiła Ihnacieiewicza Taciszczowa, a diaka Iwana Maximowa, oznaymuiąc, iż za Bożą wolą wielki hospodar i wielki kniaź Fiedor Iwanowicz, ostatni potomek wielikich hospodarów y wielkich kniaziów Moskiewskich, s tego świata sczedł, a ty, Borys Fiedorowicz, vczyniłeś się hospodarem i wielkim kniaziem Moskiewskim y pragniesz tego, co by było ku dobremu wszistkiemu chrześciaństwu; tedy my, wiedząc, że Bóg Wszechmogący króle, hospodarze y kniazie sam stanowi i według woli swey Boskiey królewstwa, monarchie przenosi i daie komu chce, a yż też z wolei swey świętey tobie, Borisu Fiedorowiczu, dał vsieść na tym wielkim hospodarstwie i państwie Moskiewskim, my, widząc twóy vmysł i dobrą chęć, ktorąś nam przez posłanika swego Michaiła Taciszczewa, a diaka Iwana Maximowa opowiedział, my ciebie na tym wielkim hospodarstwie pozdrawiamy, życząc tobie w łasce Bożey do wieku długiego, fortunnego pożycia w dobrey przyiaźni z nami.

(л. 200) Wtóry poseł ma mówić: Naiaśnieiszy wielki hospodar Zygmunt Trzeci, król Polski, wielki kniaź Litewski y innych, tobie, wielkiemu hospodaru y wielkiemu kniaziu Borysu Fiedorowiczu wsieia Rusi, Włodzimierskiemu, Moskiewskiemu y innych, roskazał mówić. Przez tegoż posłannika swego, dumnego dworzanina y jasielniczego, namiesnika Możayskiego Michaiła Taciszczewa, a diaka Iwana Maximowa, roskazałeś do nas, że ty, Boris Fiedorowicz wsieia Rusi, życząc wszystkiemu chrześciańtwu dobrego, pragniesz być z nami w zgodzie, w miłości i w dobrey prziaźni, tedy my, vpatruiąc i dobrze to v siebie vważaiąc, co na zgodzie, miłości y ziednoczeniu nas, wielkich hospodarów, nie iedno narodom tym, nad któremi z łaski Bożey szczęśliwie panuiemy y którzi iakoby z iedney wiary, iednego języka są y z iednego narodu słowieńskiego idą, ale wszistkiemu chrześciańtwu należy, chcemy s tobą, Borisem Fiedorowiczem wsieia Rusi, być w zgodzie, miłości y ziednoczeniu.

Trzeci poseł ma mówić: Naiaśnieiszy i wielki hospodar Zygmunt Trzeci, król Polski, wielki kniaź Litewski y innych, tobie, wielkiemu hospodaru i wielkiemu kniaziu Borisu Fiedorowiczu wsieia Rusi, Włodzimierskiemu, Moskiewskiemu y innych, roskazał mówić, isz *(л. 200 об.)* o tym ziednoczeniu i wieczney prziaźni iuż przedtym między przodkami naszemi, królmi Polskimi y wielkiemi xiążęty Ltewskimi y innych, a między przodkami twemi, wielkiemi hospodarmi i wielkiemi kniaźmi Moskiewskimi, namawiać i tractować poczęto. Tedy my za radą i prozbami pp. rad naszych corony Polskiey i wielkiego x^a Litewskiego szlemy do ciebie posłów naszych wielkich, jaśnie wielmożnego Leona Sapiehę, canclerza wielkiego xięstwa Litewskiego, Słonimskiego, Pernawskiego, Mohilewskiego starostę, dzierżawcę Retowskiego i Bludmeńskiego[1], a wielmożnego Stanisława Warszickiego, casstellana warszawskiego, starostę Kobryńskiego y Osieckiego, Heliasza Pelgrzimowskiego, pisarza wielkiego x^a Litewskiego, leśniczego Niemonoieskiego, dawszy im moc zupełną y navkę dostateczną o tych rzeczach mówić, tractować i stanowić, co by ku wiecznemu pokoiowi i dobrey stateczney prziaźni między nami a tobą y między państwy naszemi należało, ty byś o tym z niemi mówił, stanowił, a cokolwiek oni z sobą namówią, postanowią y poprzisięgą, to my przisięgą naszą stwierdzić y trzymać chcemy, y potomkowie naszy będą. A gdy wielki kniaź Moskiewski boiarom swym dumnym z niemi o tym tractować poruczy, tedy posłowie naszy maią napilniey o tym tractować, o czym

[1] Выше: Bludnieńskiemu.

iusz *(л. 201)* przedtym za panowania przodków naszych mowy y tractaty bywały takim sposobem. Aby między nami Zygmuntem Trzecim, z łaski Bożey królem Polskim y wielkim xiążęciem Litewskim, Ruskim, Pruskim, Żmódzkim, Mazowieckim, Inflanskim y innych, i po nas będącemi królmi Polskiemi i wielkiemi xiążęty Litewskimi, a między Borisem Fiedorowiczem, wsieia Rusi wielkim hospodarem y wielkim kniaziem Włodzimierskim, Moskiewskim, Nowohrodskim y innych, y po nich będącemi wielkiemi hospodary wsieia Rusi, także między narody Polskim, Litewskim, Ruskim, Pruskim, Inflanckiem y innemi królestwu naszemu podległemi, a między narody Włodimierskim, Moskiewskim, Nowohrodzkim y wsieia Rusi Borisu Fiedorowiczu podległemi pokóy i społek wieczny, prziiaźń i iedność wieczna trwała tak, iż w każdei potrzebie zawsze spólnie ratować się i ieden drugiego bronić maią wedle naywiętszych sił y możności swoiey, ieden drugiemu wszystkiego dobrego życząc y o dobre iego, iako o swoie własne, staraiąc się. У kto by był prziiacielem nam, Zygmuntowi Trzeciemu, y po nas potomkom naszym, królewstwu Polskiemu y wielkiemu xięstwu Litewskiemu y państwom nam podległym, temu też wielki hospodar y wielki kniaź Borys Fiedorowicz i po niem potomkowie iego, wielcy hospodari *(л. 201 об.)* y wielcy kniaziowe wsieia Rusi, prziiacielmi byc maią. A kto by też wielkiemu hospodaru Borisu Fiedorowiczu wsieia Rusi i potomstwu po niem będącemu i państwom iego Włodzimierskiemu y Moskiewskiemu, Nowogrodzkiemu y ynnym iemu podległym prziiacielem był, temu my, Zygmunt, y potomkowie naszy, także corona Polska i wielkie xięstwo Litewskie mamy być prziiacielem. A kto by też nam, Zygmuntowi Trzeciemu, i potomkom po nas będącym, także coronie Polskiey i wielkiemu xięstwu Litewskiemu był nieprziiacielem, temu i Boris Fiedorowicz wsieia Rusi y potomkowie iego, wielcy kniaziowie Moskiewscy, y państwa Włodimierskie, Moskiewskie, Nowohrodzkie y wsieia Rusi maią być nieprziiacielem. У kto by Borisu Fiedorowiczu wsieia Rusi y potomkom iego wielkim hospodarom i państwom ich Włodimierskiemu, Moskiewskiemu, Nowhorodzkiemu był nieprziiacielem, temu my, Zygmunt Trzeci, potomkowie naszy y corona Polska y wielkie xięstwo Litewskie maią być nieprziiacielem. A zmowy, przemierza s postronnemi narody ieden ku szkodzie drugiego żadnych czynić y stanowić nie ma, ale spólnie z sobą się pierwiey o tym porozumiawszy i naradziwszy, a ieśli by które były do tego czasu vczynione, tedy te takowe dzierżane być maią. A ieśli by się który postronny nieprziiaciel na którego kolwiek targnął, oburził abo *(л. 202)* powstał, tedy drugiego szczyrze, życzliwie, bez chitrości

ma ratować, pomóc wedle naiwiętszych sił i przemożenia swego. A ieśli by się co spólnemi siłami z rąk któregokolwiek postronnego nieprziiaciela odyskało, tedy to, do czego by zdawna prawo corona Polska i wielkie xięstwo Litewskie, ziemia Ruska, Pruska, Inflantska y inne miały, to przi coronie Polskiey y wielkim xięzstwie Litewskim zostać ma. A co by też zdawna państwom Ruskiemu, Włodzimierskiemu, Nowhorodzkiemu y innem należało, to przi państwach Ruskich, Włodzimierskich, Nowhorodzkich zostać ma. A ieśli by którego państwa, królewstwa, ziemie albo prouinciey iakiey spólnemi siłami nabyli, to abo spólnie trzymać, abo po połowicy między się rozdzielić maią. Do tego ludziom narodu Polskiego, Litewskiego, Ruskiego, Inflantskiego i ynnych wszem poddanym króla je^{o} mczi wolno być ma ieździć do wielkiego hospodara Borisa Fiedorowicza na służbę, w woyskach służyć, żołdy brać i w ziemiach w^{o} hospodara służyć, maiętności, prziaźni nabywać, ożeniać się, wysługować, kupować y onych maiętności dzierżeć, vżywać takim prawem, pod iakim ona maiętność leży, y tam na dworach y woyskach służbą się bawiąc, osiadać y z maiętnościami swemi y wynosić się z onemi i tam mieszkać, gdzie by się podobało, maiętności takowych spokoiem vżywaiąc bez wszelakiey przekazy. Tak też ludziom narodu Włodzimierskiego, *(л. 202 об.)* Moskiewskiego, Ruskiego w Polszcze, w Litwie, w Inflanciech i w inych państwach coronnych y w^{o} x^{a} Litewskiego wolno będzie dla służby na dwory królów ich mci Polskich y do innych stanów coronnych y w^{o} x^{a} Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego y innych prziieżdżać, w woyskach służyć, żołdy brać, wysługować prziiaźni, maiętności nabywać, ożeniać się, kupować y nabytych maiętności dzierżeć y vżywać takim prawem, pod iakim ona maiętność leży, i tam osiadać z maiętnościami swemi y wynosić się z niemi, gdzie się będzie podobało, y onych vżywać w pokoiu bez żadney przekazy. Ale zbiegowie, złodzieie, zapalacze, wywołańcy y którzy by przewiniwszy, vchodząc karania, do państw tych ziednoczonych vciekali, takowi bez żadnego prawa y zwłoki na obiedwe stronie wydawani być maią. A w tych maiętnościach nabytych liudziom narodu Moskiewskiego wolno będzie cerkwie religey Ruskiey budować, nadawać y nabożeństwa vżywać. A polakom y Litwie także w Moskwie wolno będzie kościoły budować, nadawać y nabożeństwa rzymskiego wolnie vżywać. Iakoż y to posłowie perswadować maią wielkiemu kniaziu Moskiewskiemu, aby w Moskwie, także i w innych miastach głównieyszych i dalszych, iako w Pskowie, w Nowogrodzie, w Smoleńsku i inszych miastach kościoły catolickie fundował dla polaków i Litwy, którzi by tam na służbę do *(л. 203)* niego przi-

i eżdżali, aby nabożeństwa swego catolickiego wszędzie dobrowolnie vżywać mogli. Także y szkoły przi tychże kościelech aby były założone i fundowane collegia, aby się liudzie narodu Moskiewskiego ięzyka łacińskiego vczyli, gdyż to ym barzo[1] potrzebno y pożyteczno być może. A hereticstwa aby wielki kniaź Moskiewski w swey ziemi nie dopuszczał, iako aduersarzów Rzymskiey i Greckiey religei. Wolno też być ma ludziom narodu Moskiewskiego dzieci swe dawać na navkę i ćwiczenie do szkół w Polszcze y w Litwie, gdzie się komu będzie podobało, kupiecstwa, handle z sobą zobopólnie wieść; narody te w ziemiach mianowanych wolno y bezpiecznie mogą w mieściech, w miasteczkach, przystaniskach, gdzie by się zdało w państwach zobopólnych, miesca do stanowienia kupi sposobne obrać, rząd w tym potrzebny vczynić, towarzystwo spólne sposobić, starsze postanowić ma im być wolno, żeby iako ludziom państw corony Polskiey y wielkiego xięstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego etc. w państwach Ruskich, Włodzimierskich, Moskiewskich y daley do Kiezułbas, do dalszych ord, gdzie by się ym podobało, kupie prowadzić y zaś nazad wolność beła. Tak też liudziom ziem Ruskich, Włodzimierskich, Moskiewskich do państw Polskich y w° x[a] Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego i daley do Niemiec, do Włoch, do Angliey, do Franciey, do Hiszpaniey, do Portugaliey, do Turek, Wołoch, Węgier y gdzie by się im zdało i także nazad do ziem swoich wolność była, a *(л. 203 об.)* podwysszania żadnych myt na kupce być nie maią tak w tych, iako i w owych państwach, ale tak iako zdawna płacone być maią. A yż spólne przijacioły i spólne nieprziiacioły te państwa mieć maią, tedy dla więtszego związku i ziednoczenia ich i porozumiewania się maią mieć zobopólne posły na dworzech panów swoich, tak żeby vstawicznie mieszkali na dworze królów ich mczi Polskich y xiążąnt Litewskich etc. posłowie państw Ruskich, Włodzimierskich, Moskiewskich, s którėmi by król je° mcz Polski y stany Coronne y w° x[a] Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflanckiego, o czymby potrzeba było, znosić się mogli, zwłaszcza około poselstw, gdy do ynnych obcych panów wyprawować ie albo ich od nich przymować przydzie, za wiadomością posłów tych czynić to maią. A na dworze także hospodara Ruskiego, Włodzimirskiego, Moskiewskiego etc. posłowie Polscy y wielkiego xięstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflanckiego maią bydź, którzi o wszelakich obselstwach, tak wyprawowaniu ich do panów obcych, iako też przy-

---

[1] Слово вписано надъ строкой.

mowaniu ich od nich, i o wszystkich rzeczach, państw ziednoczonych dotykaiących się, wiedzieć maią. Więc gdzie by przyszło wyprawować gdzie poselstwa, za spólnym wprzód obesłaniem, pod spólnemi obu panów tytuły i przez posły spólne ma to być, aby ten, który by był poselstwem obsyłany tym, widząc *(л. 204)* związek tak możnych państw, siły ich vważać y na nie się oglądać musiał. Stanowienia też przemierza wszelakiego y wszech rzeczy, do dobrego państw tych należących, za spólnem zniesieniem się panów obu rad y stanów wszystkich państw być maią czynione y zawierane. Dla vznawania y rozsądzania przipadłych różnych między państwy temi lub o długi, lub o grunty abo o iakiekolwiek inne rzeczy maią być z obu stron commisarze w każdem roku „ na myesce y czas pewny wysyłani. A yż dla obrony potoczney, dla besurmanów z dóbr króla je° mci Polskiego y corony tey na każdy rok pewna suma pieniędzy oddawana bywa, i za nie ludzie służebni chowani bywaią, tedy s państw Ruskich, Włodzimirskich ma także pewna suma postanowiona być dla obrony od spólnych nieprziiaciół pogan, która w Kiowie ma być kładziona. Miasta Narew, Iwanow grod pod spólną panów ziednoczonych państw władzą być maią, a cła z miast tych przichodzące na spólną także państw tych obronę oddawane i obracane maią być. Porozumieć się też spólnie maią między sobą panowie około założenia armaty na morzu Czarnym y Warhackiem, aby za tym państw swych granic iako nadaley vmknąć y rozszyrzić ie mogli, a wychodzić maią armaty od Narwie, Iwanowa groda, od porohów z Dniepra y z ynnych mieszcz, *(л. 204 об.)* gdzie sie napilniei będzie zdało, a potrzeba vkaże. A król je° m. Polski sprawcami vmieiętnemi i biegłemi w sprawach woiennych morskich opatrować ie ma y także ludzi rycerskich dla obrony posyłać tam na służbę. Hospodar zaś Ruski, Włodzimirski, Moskowski etc. dodawać ma drzewa ile trzeba sposobnego, do tego smoł, przędziw, łoiów y innych potocznych potrzeb, a strzelbę zwykłemi potrzebami, żywność także oba panowie obmyszlawać spólnie maią. Mynca w państwach ma być iednaka y iedney ceny y wagi. I dla doskonałego iedności tych państw oświadczenia wszystkiego świata maią być dwoiste corony vrobione, które by znaczyły panów dwu y państw ich nierozdzielny związek, w Polszcze—iedna, która ma być przez posły hospodara Ruskiego, Włodzimirskiego, Moskiewskiego etc. na króla je° mci Polskiego etc. głowę kładziona, a druga w Moskwie, która także przez posły króla ie° mci Polskiego etc. na głowę hospodara Ruskiego, Włodzimirskiego, Moskiewskiego kładziona być ma. A iż śmierci podlegli są królowie, monarchowie tak, iako wszyscy

inszy liudzie, tedy gdzieby król ie° m. Polski (co racz, Panie Boże, iako nadalei oddalić) s tego swiata sczedł, *(л. 205)* maią senatorowie corony Polskiey y w° x^a^ Litewskie° o śmierci pana swego oznaymić hospodaru Ruskiemu Borisu Fiedorowiczu y stanom Ruskim, Włodzimierskim, Moskiewskim y o obraniu nowego pana porozumieć się z niemi, nie zagradzaiąc przistempu synowi króla je° m., żeby go narody Polski i Litewski y inne należące wedle praw swoich za wolnemi głosami za króla obrać mogli, na którą electią nowego pana od stanów coronnych y w° x^a^ Litewskiego złożoną ma też posły swe posłać hospodar wielki Boris Fiedorowicz, s któremi stany coronnemi y w° x^a^ L° w obieraniu pana znosić się maią, nic iednak wolney electiey nie umuiąc. A król od stanów coronnych i Litewskich nowo obrany, poprzisięgaiąc prawa y wolności coronne i Litewskie, zarazem też tamże związek, iedność, spółek i wieczną przyiaźń postanowioną między państwy przerzeczonemi poprzisiądz ma y mocno y nienaruszenie dzierżeć powinien będzie. A przi coronatiey króla ie° mczi Polskiego poseł hospodara Ruskiego ma też być y po włożeniu corony Polskiey przez arcybiskupa Gnieźnieńskiego na głowę króla coronowanego ma też poseł hospodara Ruskiego kłaść drugą coronę osobno na to vrobioną. A gdzieby syna króla ie° mci pana nasze° *(л. 205 об.)* (czego Boże vchoway) nie stało, tedy niezagraiąc sobie stany corony Polskiey y w° x^a^ Litewskie° obrać za pana hospodara Ruskiego, który, poprzisiągszy prawa y wolności narodom Polskim i Litewskim i będąc królem dobrowolnie obranym, a będąc panem dwu państw tak wielkich y szyrokich, ma dwie lecie mieszkać w Polszcze i w Litwie dla odprawowania spraw Polskich i Litewskich, a rok w Moskwie dla odprawowania spraw Moskiewskich, a w odiachaniu swym tu s Polski y z Litwy do Moskwy ma tu zostawić albo postanowić na miescu swym syna swego, miał li by go lat dorosłego, przidawszy do niego trzech liudzi przednich, iednego z Wielkiei, drugiego z Małey Polski, trzeciego z Litwy, którzi by hospodara przez listy się dokładaiąc i s posły iego, którzy vstawicznie w coronie tey być maią, porozumiewaiąc się, rzeczami corony tey y wielkiego x^a^ L°, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego y innych państw należących władali. A te osoby, którym by zawiedanie to państw corony Polskiey y w° x^a^ Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego miało być zlecane, na każdy rok odmieniane być maią. A że namowy o iedności państw tych obu przestrzegać będą, przisięgać maią. A ieśliby też y *(л. 206)* hospodar Ruski, Włodzimirski, Moskiewski etc. nie zostawił syna, tedy takowe trzi osoby, iako się wyszey spomniało, ma na kożdy rok stanowić, którzy by sposobem wyszey pomie-

nionym sprawy corony tey y w° x^a L°, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego y innych państw należących pod niebytność odprawowali, którzi przisięgami obowiązani bydź maią. Jeśliby też (co racz Panie Boże przewlec iako nadłużey) hospodar Ruski, Włodzimirski, Moskiewski wprzód vmarł, a syna zostawił, ma ten syn hospodarem po niem państw tamtych być y ten namówiony między państwy przerzeczonemi związek poprzisiądz y zatrzymać nienaruszenie. Wszakże na coronatią ma za oznaymieniem posłać król je° m. Polski posły swe, przed któremi hospodarz ten związek między narodami przerzeczonemi postanowiony poprzisiądz y mocno go trzymać ma i powinien będzie. A przi coronowaniu ma też poseł króla Polskiego kłaść coronę na głowę hospodara Ruskiego, na to vmyślnie vrobioną vt supra. Jeśli by też, czego Boże vchoway, syna nie było, tedy król je° m. Polski, xiąże wielkie Litewskie, Ruskie, Pruskie, Inflantskie etc. ma być hospodarem Ruskim, Włodzimirskim, Moskiewskim, a także dla spraw Polskich, Litewskich w Polszcze dwie lecie, a w Moskwie dla spraw Moskiewskich *(л. 206 об.)* trzeci rok mieszkać ma. A w niebytności swey syna swego, będzie li go miał, ma tam starszym zostawić, przidawszy dla lepszego porządku y zawiedania o rzeczach państw tamtych kogo z narodu Ruskiego, Włodzimirskiego, Moskiewskiego etc. A o wszystkim posły je° królewskiey mosczi, którzi tam zawsze być maią, znosić się będą y tak y potoczne rzeczy odprawować. A o zachodzących barzo tamto państwo y ten związek navki je° królewskiey mci dosięgać. A że związku postanowionego przestrzegać będą, przisiądz ma y ten przidany, y stany także tameczne. A ieśliby y je° królewskiey mci, strzeż Boże, syna nie stało, tedy na miescu je° królewskiey mczi ma tam być postawiony człowiek z Ruskiego, Włodzimierskiego etc. narodu y przisięgą obowiązany, który by wyszey wspomnianym sposobem sprawy państw tamtych zawiedał y odprawował, namowy o iedności państw tych strzegąc. To k temu przikłada się, yż dignitarstwa y vrzędy, które wacuią albo wacować będą tak w państwach corony Polskiey y w° x^a Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego, iako w państwach Ruskich, Włodzimierskich, Moskiewskich etc., nie maią być nikomu dawa *(л. 207)* ne, ażby pierwiey je° królewskiey mci y potomkom je° królewskiey mczi coronowanem y także hospodarowi Ruskiemu, Włodzimierskiemu, Moskiewskiemu etc. y potomkom jego hospodarom tamecznym i tym ziednoczonym państwom obiema z strony zadzierżenia tey iedności przisięgę vczynił. Granice tych państw trzymane być maią tak, iako są teraz trzymane do tego czasu, a gdzie by spór jaki był o granice, tedy

maią byc zesłane na to commisarze z obu stron, którzi by te różnice rozsądkiem swym vznawali i vspakaiali, ktorą tho namowę, aby wiecznie nienaruszona trwała, hospodar Ruski, Włodzimierski, Moskiewski przi bytności posłów króla je° mczi Polskiego y wielkie° xiążęcia Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego poprzisiądz z boiary dumnemi y ze wszystkiemi stany ma, y posłowie iego królewskiey mczi też tam na tem przisiądz maią. A potym król je° mcz Polski także też z radami swemi coronnemi i wielkiego xięzstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Inflantskiego przi bytności posłów hospodara Ruskiego, Włodimirskiego, Moskiewskiego etc., także dignitarze, vrzędnicy wszyscy państw tych obu ziednoczonych y naznaczeny do tego s koła poselskiego poprzisiądz maią mocnie y nienaruszenie to wszystko trzymać, obiecuiąc i przisięgami *(л. 207 об.)* siebie i potomki swoie obowięzuiąc, abo więc namowy o tym vczyniwszy, do seymu to odłożyć, aby na seym posły swe słał hospodar Moskiewski z mocą niezamierzoną zawierać te rzeczy. A gdzieby takie ziednoczenie albo pokóy wieczny dobremi conditiami postanowiony był, a domagali by się imieniem kniazia Moskiewskiego tytułu carskiego albo, polskim językiem mówiąc, królewskiego (gdyż co po słowieńsku car po polsku król znaczy), tedy posłowie naszy tituł carski pozwolić mu maią. Także ieśliby pragnęli, aby go król je° m. bratem pisał, tedy za takim ziednoczeniem i tego bronić nie maią.

A ieśli by takim sposobem posłowie naszy pokoiu wiecznego namówić nie mogli, tedy maią przemierza pewnego wziąć na lat trzidzieści, czterdzieści albo pięćdziesiąt albo iako się będzie zdało s sławą i z dostoieństwem maiestatu naszego, a z bespieczeństwem rzeczy pospolitey wszystkiey. Co wszystko zlecamy wierze, cnocie przerzeczonych posłów naszych, którym thym sumnienia i wiarę obowięzuiemy, aby te rzeczy tak tractowali, iakoby nalepiey rozumieli być z sławą i dostoieństwem maiestatu naszego y narodów thych Pol *(л. 208)* skiego y Litewskiego y innych, którym my szczęśliwie panuiemy, a z nalepszym bespieczeństwem rptey.

Podpis ręki króla je° mci.

Въ книгѣ Литовской Метрики далѣе читается: «которие пословe его кор. милости, не могучисе з бояры думными князя великого Московского на вечный покой згодити, толко дочасное перемирье на 20 год намовили и постановили от выйстья першого.

Лист перемирный от князя великого Московского, послом его кор. милости даный *(лл. 208 — 212).*

Лист перемирный, от послов его кор. милости князю великому Московскому даный на Москве *(лл. 212 об. — 216. Дальнѣйшіе листы сей книги по 221 включ. чистые).*

(Изъ дѣла 1591 г. № 2).

Въ 109-м году какъ Литовские послы Лев Сапѣга с товарыщи приговорили з бояры о перемирье и, справя послы списки каковым быти перемирнымъ грамотам, велѣли писати на харатьяхъ. А бояре велѣли писати грамоту государево слово на харатью жъ.

И поѣхали послы Лев и Станислав на подворье, а у грамот остался писарь Галияш да секретарь Александръ Велижской. А у государевы грамоты у справки остались печатник Василей Щелкалов да дьяки думной Елизарей Вылузгин да Офонасей Власьевъ.

И того дни писарь Галияш і секретарь Александръ у государя на дворѣ ѣли в Набережной в меншой полате; а против писаря сидѣл в скамьѣ пристав Посник Огарев, и которая ѣства с стола сходила, и тѣ ѣствы Галияшъ отсылал к себѣ на подворье.

И того дни грамот не написали, что стало поздо. И государь велѣл писаря Галияша отпустити на подворье, а велѣл имъ быти назавтрее в Отвѣтной полате у печатника у Василья, і у дьяков у Елизарья да у Ѳѳонасья, і грамоты перемирные дописати.

И назавтрее того дни писарь Галияш і секретарь Александро были у государя на дворѣ, а пріѣздъ его на двор был по прежнему, и шел в Отвѣтную полату к печатнику и к діаком. И того дни грамоты перемирные дописали, а стола того дни на дворѣ писарю не было, что был день постной.

А как Литовские послы у государя на дворѣ были на отпуске, и приѣздъ их был ко государю на двор по прежнему. А государь царь и великиі князь Борис Ѳедорович і царевич Ѳедор в тѣ поры сидѣли в Середней в подписной в Золотой полате, государь в царском платье с киѳетром і сь яблоком, а царевич в саженой шубе. А при государе сидѣл в кривой лавке от государева мѣста по правую сторону Касымовской царь Ураз-Магмет; а в болшой лавке и в кривой, отодвинувся от царя мѣста с три, и на окольничем сидѣли бояре, и окольничие, и большие дворяне по прежнему. А встречали послов встрѣчники прежние ж, первая встрѣча вышед іс сѣнеі Проходные полаты на рундукѣ, а другая встрѣча середи сѣнеі. А как послы вошли в полату, и явил их государю царю Борису и царевичю окольничей Михаило Глѣбов Салтыков. И госу-

дарь спрашивал послов о здоровье; и послы били челом государю і царевичю на их государеве жалованье.

И государь велѣл послом сѣсти на скамейке. А посидѣв немного, велѣл государь печатнику и Посольскому діаку Василью Щелкалову молыти посломъ, чтоб шли в Отвѣтную полату.

И послы шли в Отвѣтную полату, а провожали послов встрѣчники до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали. И посылал государь к посломъ бояр і діаков прежнихъ же, а велѣл к перемирной своей грамоте печать свою привѣсити.

И пришед к посломъ, говорил боярин князь Ѳедор Івановичь Мстиславской рѣчь: которой грамоте перемирной, царского величества слову, быть у Жигимонта короля, и царское величество к той грамоте велѣл печать свою привѣсити; а которую грамоту они послы написали, королево слово, а быти ей у его царского величества, и они б к той грамоте печати свои привѣсили, і, дастъ Богъ, перед его царскимъ величеством крестъ целуют.

И послы, сѣдчи по мѣстом, справливал Лев с посольским діакомъ съ Ѳеонасьемъ Власьевым перемирные грамоты.

И, справя грамоты, велѣли бояре ко государеве перемирной грамоте печать государѐву привѣсити на алом шолку з золотом, печать большая на красном воску; а послы печати свои привѣсили х королеву слову к перемирной грамоте на красном шелку, воскъ бѣлой, а под печатью воскъ червчат. И как послы к грамоте печати привѣсили, и бояре шед сказывали про то государю и грамоту перемирную, государево слово, отнесли ко государю.

И государь велѣл протопопу Благовѣщенскому Семиону принести к себѣ крестъ воздвізальной; и протопоп нес крестъ в патрахѣли і в поручах, положа на блюде на саженой пеленѣ, и поставил крестъ, по государеву указу, в полате на окнѣ от царского мѣста по правой сторонѣ. И велѣл государь Литовским послом итти к себѣ, а княжат і дворян всѣх, которые при послѣх бывают при государе, іс полаты высылати государь не велѣл; а протопопу Семиону велѣл государь іс полаты выйти. А как послы шли ко государю, і встрѣчи им были по прежнему. А как послы вошли ко государю в полату, (и явилъ) государю челом ударити окольничей Михаило Глѣбов Салтыков по прежнему. И государь велѣл послом сѣсті на скамейке.

А посидѣв немного, велѣл государь послом встати и молыти рѣчь печатнику и Посольскому діаку Василью Яковличю Щелкалову. А как по государеву указу Василей послом рѣчь изговорил, и госу-

дарь велѣл грамоту, свое слово, чести Посольскому діаку Ѳеонасью Власьеву. А крестъ на блюде с окна велѣл государь взяти боярину князю Ѳедору Ондрѣевичю Ноготкову і держати до тѣх мѣст, покамѣста перемирные грамоты, его царское слово и королево слово, діаки прочтут. А послом велѣл государь стояти блиско себя, а бояром всѣм велѣл государь приступити к себѣ ж. А дворян королевских в то время іс полаты государь высылати не велѣл.

И как діак Ѳеонасей Власьевъ грамоту прочел, і царь і великиі князь велѣл грамоту Жигимонтову королеву чести писарю Галияшу. И как писарь грамоту прочел, і царь і великиі князь велѣл обе грамоты сложити вмѣсте, свое слово на верхъ, а королево слово под испод, і велѣл положити на блюде, да на грамотах велѣл положити крестъ. А крестъ на грамотах велѣл держаті боярину и дворетцкому Степану Васильевичю Годунову, а блюдо под крестом держал боярин князь Ѳедор Ондрѣевичь Ноготков. И встав царь і великиі князь молыл: Лев, Станиславъ, Галияшъ! Целую крестъ на сей перемирной грамоте, что нам, великому государю, держати в тѣ перемирные лѣта о всемъ потому, какъ в сеі нашей перемирной грамоте писано; а как будут у Жигимонта короля наши послы, і Жигимонтъ бы король перед нашими послы также намъ крестъ целовал на грамотахъ і правил бы о всем потому, как в сей в нашей грамоте писано. И целовав государь крестъ, сѣл в своем царском мѣсте; і царевич сѣл же в своем мѣсте. І велѣл государь королеву писарю чести припись у перемирные грамоты королева слова, на чом послом крестъ целовать. И как писарь припись чел, а послы Лев и Станислав говорили с нимъ припись слово в слово и на приписи перед государем послы крестъ целовали. І государь царь велѣл Жигимонтову королеву грамоту взяти Посольскому діаку Ѳеонасью Власьеву; а свое государево слово перемирную грамоту велѣл государь дати перед собою королевым послом Лву Сопѣге с товарыщи. І велѣл государь послом сѣсти на скамейке по прежнему.

А посидѣв мало, велѣл государь послом сказати отпускъ печатнику Василью Щелкалову. А как имъ Василей отпускъ сказал, и государь царь і великиі князь приказал х королю поклон встав; а молылъ: как будете у государя своего Жигимонта короля, і вы ему от нас поклонитесь. Да звал государь пословъ к руце, а после послов жаловал государь, звал королевских дворян к руце. Да звал государь послов ѣсти; а молыл: Лев, Станислав, Галияшъ! Будьте у нас у стола. А после послов звал государь ѣсті королевскихъ дворян. І велѣл государь приставом с послы итти в Отвѣтную по-

лату дожидатись стола; а провожали послов встрѣчники до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали.

И того дни Литовские послы были у стола у царевича Ѳеодора Борисовича, а стол был в Грановитой полате. А царевич Ѳеодор сидѣл в саженом опашенкѣ за золотым столом в своем мѣсте. А бояре сидѣли: в большой лавке от царевича по правой рукѣ—боярин князь Ѳедор Івановичь Мстиславской, боярин князь Ѳедор Михайловичь Трубецкой, боярин Іван Васильевичь Годунов, боярин князь Ѳедор Ондрѣевичь Ноготков и иные бояре по мѣстом. А против их в скамьѣ сидѣли окольничие: Яков Годунов, Степан Степанов сынъ Годунов, Михайло Глѣбов Салтыков. А от бояр и от окольничих сидѣли дворяне большие, и дворяне думные, и дьяки і дворяне, которые служат по выбору, в нагольных шубах. А на окольничем мѣсте сидѣли князи служилые и Черкаские. А поставец был большой около столпа, вшед в полату на лѣвой странѣ над трубою, выбор изо всѣхъ поставцов. А против посольского стола поставлены были суды, инроги, и барсы, и лвы и олени. А в сѣнехъ перед полатою по правой сторонѣ, что от Пречистые, стояли бочки і вѣдра серебряные, и чары, и ковши большие; а с краю от дверей стоял лев серебрян литой. А по другой сторонѣ, вышед ис полаты налеве, стояли суды ж серебряные ж, кубки, и чары, и ковши большие і всякие розные суды.

И как царевич сѣлъ за стол, и к столу звати послов посыланы приставы их князь Ондрѣй Елетцкой да Посник Огарев. А как послы шли к царевичю за стол в Грановитую полату, і встрѣчи им были двѣ прежние ж: одна на Красном крыльцѣ, а другая в сѣнех; и шли встрѣчники в полату перед послы. А как послы вошли к царевичю в полату, и явил их царевичю окольничей Михайло Глѣбов Салтыков. И царевич велѣл послом сѣсти. А сидѣли послы в кривом столѣ от царевича по лѣвой рукѣ о Благовѣщенью против середнего окна, а у них сидѣли королевские дворяне; а против послов сидѣли и подчивали послов приставы князь Ондрѣй Елецкой да Посник Огарев. А от дворян королевских сидѣли в лавке і в скамьѣ посольские люди лутчие і до окольничего мѣста, і в другомъ столѣ под окольничим мѣстом; а которые посольские люди не усѣлись за столом, и тѣм стол был в Набережной в большой полате, что была Зборная, а подчивали их Михаило Молчанов, да Іван Чепчюгов, да Дворцовой діак Григорей Трусов. А подачи послом была большому послу Лву Сапѣге после бояр болших, другому послу Станиславу Варвитцкому после окольничих, діяку Гельяшу Пелгримовскому после больших дворян.

А после стола жаловал царевич послов, а являл государево жалованье послом казначѣй Игнатей Татищев. Лву: ковшъ золот с лазоревым яхонтом, да платно Перситцкое шолкъ лазорев з золотом на соболѣх, образцы низаны жемчюгом, завяски золоты, да сорок соболей. Станиславу: кубок двойчат серебрян золочен, камка Кизыльбашская розные шелки з золотом, да сорок соболей. Галияшу: кубок серебрян золочен да сорок соболей. И послы Лев Сопѣга с товарыщи царевичю на его государеве жалованье били челом.

И после того царевич князь Ѳедор Борисовичь жаловал послов и королевских дворян к руце, и приказывал к Жигимонту королю поклон, встав; а молыл: Лев, Станислав, Гельяшъ! Как будете у государя своего Жигимонта, короля Польского і великого князя Литовского, і вы от нас ему поклонитесь. И отпустил послов на подворье.

И поѣхали послы на подворье. А до подворья провожали послов приставы, а шли перед послы с свечами с Литовскими сытники до подворья. А после стола посылан послов на подворье подчивати Іван Ѳедоровичь Басманов, а с ним ключник і сытники. А что послом и дворяном в столѣ было государево жалованье подачи, и тѣ всѣ ѣства посланы к послом на подворье.

Перемирная грамота.

а) «Королево слово».

Подлинная грамота въ Архивѣ въ числѣ трактатовъ съ Польшей подъ № 49 (1601 г. марта 11). Современный списокъ ея въ Польскихъ дѣлахъ 1601 г. № 1 (указывается описью 1614 г., см. № 58) и въ книгѣ № 6 Литовской Метрики. Печатается по подлинной; изъ списковъ, вполнѣ согласныхъ съ подлинникомъ, заимствуются заключенныя въ круглыя скобки слова для мѣстъ плохо сохранившихся; чтеніе географическихъ названій въ подлинной грамотѣ провѣрено и по спискамъ. Отмѣченныя разночтенія — изъ книги Литовской Метрики.

Мы великий господаръ Жикгимонтъ Третий, Божью милостью, король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лиѳлянский и иныхъ. Што прысылали есьмо до васъ, Божью милостью, великого господара и великого князя Борыса Ѳедоровича всея Руси, Владимерского, Московского, Новгородского, Казанского, Азстараханского, Пъсковского, Тверского, Югорского, Пермьского, Вятского, Болгарского и иных, послов своих великих пана Льва Ивановича Сапегу, канцлера великого князьства Литов-

ского, старосту Слонимъского, Пернавского, Могилевского, державцу Ретовского и Блудненского, а пана Станислава Варшыцкого, кашталяна Варшавского, старосту Кобрынского и Осецкого, и пана Гелияша Пелкгримовского, писара нашого великого князьства Литовского, лесничого Юрборского, о вечном докончанию и соединению, а бояре ваши думные съ послы нашими говорыли о вашом царском именованью; и то на тот час межи нас великих господарей не сталосе. И мы великий господаръ Жикгимонтъ Третий, Божью милостью, король Польский и великий князь Литовский, с вами, Божью милостью, великим господарем и великим князем Борысом Ѳедоровичом всея Руси, и господарства наши коруна Польская и великое князьство Литовское зъ господарьствы вашими взяли перемирья къ прежнему перемирью знову на 20 летъ от прежнего перемирья от Успения пречистое Богородицы мѣсяца августа 15-го дня в року блиско пришломъ 1602-мъ ажъ до таковогo жъ свята Успения пречистое Богородицы, которое будет в року от Рожества Господа и Бога нашого Исус Хрыста 1622-мъ мѣсяца авъгуста 15-го дня подлуг календара римского, на томъ, што в тые перемирные лета о тых о всех о добрых делех нам, великим господаремъ, на обе стороны слати своих великих послов делати и становити. А в тые перемирные лета межи нас великого господара Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и великого князя Литовского, а межы вас, Божью милостью, великого господара и великого князя Борыса Ѳедоровича всея Руси, и промеж великих господарьствъ наших рати и войне не быти и ничим нам, великому господару Жикгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, ваших, Божью милостью, великого господара и великого князя Борыса Ѳедоровича всея Руси земель не воевати и не зачепляти Московское земли всее, и Новагорода великого, и Новъгородскихъ пригородовъ Иванягорода, Ямы, Копорьи, Корелы и всих пригородов Новгородских и волостей, и Новъгородское земли всее, города Пъскова и Пъсковских городов Опочки, Красного, Острова, Велии, Вороноча, Изборска, Гъдова, Кобылья, Врева, Выборы, Дубкова, Вышегорода, Володимерца, города Себежа и волостей Себежскихъ, и волостей Пъсковских и Пъсковское земли всее, города Твери и Тверское земли всее, города Пераславля Резанского и Резанское земли всее, города Пронска и Пронское земли въсее, так тежъ и городов Рыльска з волостьми, города Путивля з волостьми, города Новагородка Сиверского з волостьми, города Радогоща з волостьми, города Чернигова з волостьми, города Стародуба з волостьми, города Почепа з волостьми, города Поповы Горы

з волостьми, и волостей Залесья, Бабичь, Светиловичь, Голодна, Скарбович, Лапич, города Карачева з волостьми, и волостей Хотимля, Сновъска, Хоробора, Мъглина, Дрокова, города Трубческа з волостьми, города Масальска з волостьми, города Серпейска з волостьми, и волостей Замошья, и Тухачева, Дегны, Ѳоминич, Погостищъ, Мощыны, Демены, Городечны, Ужеперети, Снопота, Ковыльни, Шуи, Лазарева Городища, Ближевич, Лубуни, Данилович, города Бранска з волостьми, и волостей Соловьевич, Прыкладней, Пацыни, Ѳедоровского, Осовика, Копынич, Сухора, Всеславля, Вороцыня, Жерыни, города Рославля з волостьми. А рубежъ городу Рославлю зъ Мстиславлемъ: промеж Словнева да Шыпнева къ Гневкову Доброю речкою на Водоносъ, а от Водоноса Доброю жъ речкою в Остръ, черезъ Великий боръ в реку Шумячу къ Стрекуле, к рубежу Кричевскому; а от Кричева городу Рославлю рубеж река Щумяча, а Шумячою в реку Немелицу, а из Немелицы старим рубежом къ Заборью в Ыпутъ реку да внизъ Ипутьею къ Хъмелю. Города Смоленска с путьми и з волостьми, што к нему тягнетъ, и волостей Еловца, Балваницъ, Лазаревщыны, Пустоселья, Романовского, Копоткович, Молохвы всее, што к ней потягло, и Петровского держанья Кутева, и Зверович, Дубровенского пути Катыни, Каспли, Поречья, Руды, Щучьи. А рубеж Смоленску и волостямъ Смоленскимъ з Дубровною, и з Романовым, и зъ Горами, и зъ Мстиславлемъ: от Днепра ниже города Смоленска рекою Мереею уверхъ межь Пречистое Възруба и Зверович в Ывату реку, а из Ываты реки на Еленский рубеж да в Городню, а Городнею въ Вехру в Чорный мох, а из Вехри въ Пруделъно, а ис Прудильна в Железницу, а Железницою под Дуденки у Вехру, а из Вехры в Лютую воду, а з Лютое воды въ Выпино, а из Выпина в Сож, а Сожом на низ в Березыню, а Березынею уверхъ сухомъ промеж селъ Почина и Гладкович по холмом, а оттоле в Пулневу; а за рекою за Днепромъ рубежъ Смоленску вниз по Днепру реце нижей Клементея светого 5 верстъ. Города Мъценска з волостьми, и городища Дмитровца, и новых городов города Ливенъ, города Воронежа, города Мещеска з волостьми, города Опакова з волостьми, и волостей Золидова, Недоходова, Бышковичъ, Лычина, города Вязьмы, и волостей Вяземских всих, што къ Вязьме потягло, города Дорогобужа, и волостей Дорогобужских всих, што к нему потягло изстари, города Белое з волостьми, и Верховья, и Большева, и Шоптова, и Монивидовы слободы, города Лук великих, и волостей Луцкихъ, Долысы, Березое[1], Усвея, Ловца, Весны, Болога, города

[1] Березуя.

Холму и волостей Холмъских Велилы и Лопастицы, и Буйца, города Заволочья, тож и Ръжевы пустое, и Ръжевских волостей, города Невля, города Торопца, и всих Торопецких волостей Данковы, Любуты, Дубна, Рожна, Туры, Бибиревы, Старцовы, Нижельское, Плавецкое, Жыжецкое, Велѣжы, Озерецкое, Казариновское. А рубежомъ быти всих городов по старимъ рубежомъ. А Торопьцу і всим Торопецким волостям, и Новгородским землям и волостям, городу Лукам великим, и городу Невлю, што у Пуповичах, и городу Ръжеве, и городу Острею, и городу Заволочью, и волостям Долысе, Березаю, и городу Усваю, Ловцу, Весне, Бологу, и городу Холму, и Холмъским волостям Велиле, и Лопастицам, и Буйцу и иным волостям всее земли Новгородское зъ нашою землею Литовскою, и с Полочаны, и з Видбляны земли и воде рубежь по старим рубежом.—И нам, великому господару Жикгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, в тые ваши, Божью милостью, великого господара и великого князя Бориса Өедоровича всея Руси, въ городы и земли и въ угодья не вступатсе и не воевати, и ни чи̂мъ не зачепати[1], городов и земель не заседати, и новых городовъ не ставити до того перемирного року.—Такъже и вам, Божью милостью, великому господару и великому князю Борису Өедоровичу всея Руси, и господарьствам вашим в тые перемерные лета наших великого господара Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и великого князя Литовского, господарьствъ коруны Польское и великого князьства Литовского земель не воевати и не зачепляти ничимъ: города Киева з волостьми, города Канева з волостьми, города Черъкас з волостьми, города Жытомира з волостьми, города Овручья з волостьми, города Любеча з волостьми, города Гомъя з волостьми, и селъ Уваровичь, Телешевичь, Тереничь, Кошелева лесу, Морозовичь, Липиничь, Полешан, города Турова з волостьми, города Мозыра з волостьми, и волостей Бъчыча, Брагиня, Речыцы, Горволя, Стрешына, Чечерска, Пропойска, Могилева, города Мстиславля з волостьми, и волостей Хотславичь, города Кричева з волостьми, города Дубровны з волостьми, и волостей Горъ и Романова, города Оршы з волостьми, и волостей Любавичь и Микулина, города Витебъска, и волостей Бруса, Дречьих Лукъ, города Суража и Суражских волостей, города Усвята, города Озерыщъ, города Велижа. А земля Велижу по старим рубежом, какъ было Витебской земли с Торопецкою землею: Витебьская земля зъ городом Велижом къ Витебьску, а Торо-

---

[1] Зачепляти.

пецкая къ Торопцу. Города Полоцка с прыгороды и з волостьми, города Копья, города Красного, города Улы, города Туровли, города Дрысы, города Копъца, тожъ и Дисна, города Козъян, города Ситна, города Нещерды, города Сокола, да Полоцкого жъ повету города Лукомля з волостьми, города Бельмаковъ з волостьми, города Ушачи, города Лебедка, да Полоцкихъ волостей Мошниковъ, Непоротовичь, Вербиловы слободы, Кубъка, Вязна, Клина, Замошъя, Истца, Неведрея, городища Кречета, што на озере на Отулове на Кугони з волостьми, города Друи з волостьми, города Икажна з волостьми. Тежъ вам, Божью милостью, великому господару и великому князю Борысу Ѳедоровичу всея Руси, не воевати и не зачепляти ничимъ в тые перемирные лета Курлянское земли всее и городов в земли Инѳлянской города Рыги болшое, города Рыги малое, города Доленя, города Коркельма, города Куконоса, города Скровного, города Леноварта, города Крыжборха, города Ишкеля, Радопожа, города Дынамента, города Инеса, и трехъ городов Кремоня, тожъ и Турайна, Трейдена, Зейквольта, города Сонцеля, города Нитавы, города Юрензборха, города Нарбея, города Розембека, города Розеня, города Лемзеля, города Муяна, города Летепера города Кеси, города Орля, города Невгини, города Пиболды, города Шкуйна, города Зербеня, города Смилтипа, города Борзуна, города Чествина, города Треката, города Ровного, городища Лявдуну, городища Гольбина, города Резицы, города Лужи, города Влеха, города Володимерца, города Илысена, города Плетемберха, города Алыста, города Векера, города Векеля, города Новагородка Ливонского, города Керепети, города Кговъи, Курслова, города Юрьева, Мукова, Рандега, Рынголя, Конгота, Кавлетя, Лаюса, Борхолма, (Полчева), Пайды, Вильяна, Тарваса, Пернава старого, Пернава нового. А рубежом быти всих тых городовъ по старим рубежом. И вамъ, Божью милостью, великому господару и великому князю Борысу Ѳедоровичу всея Руси, в тые наши великого господара Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и великого князя Литовского, въ городы и земли и въ угодья потомужъ не вступатисе, и не воевати, и ни чим не зачепляти, и новых городов не ставити до того перемирного року. А о рубежах, и о спорных землях и о обидных делех во всих местцах слати нам, великим господарем, межи себе на обе стороне судей, з обеюхъ сторон по ровну по 50 чоловека[1]; а выслати судей на рубеж въ два места — межи Чернигова и Остра, да меж Торопца и Велижа мѣсяца мая 1-го дня в року 1602-мъ. И тым судьям,

[1] Чоловѣковъ.

зъехавшисе, зыскавши старожыльцовъ въправду, з обеюх сторон учинити рубеж Витебской земли и городу Велижу с Торопецкою землею, как было изстари Витепъской земли с Торопецкою землею по старим рубежом; а межи Усвята и Усвятского уезда, и Суража, и Суражского уезда, и Озерыщъ и Озерыщъкого уезда з Луцким уездом, и з Невельскимъ и з Бельскимъ уездом, и в Черниговском и въ Путивльском уезде, и в Новъгородском, и во Пъсковскомъ уезде в рубежах и обидах росправу учинить. Также и по иным по всим местом, гдѣ будет спор и обиды, з обеюх сторон выславши изъ пограничных городовъ судей, изыскавъ правду, з обеюх сторонъ по всим по тым местомъ учинити рубеж во всемъ, якъ было изстары, по всим местом по старим рубежом, и в обидных во всяких делех росправу учинити въправду. А войне в тые перемирные 20 лет на обе сторонѣ не быть, и войны не вщинать, и ничим не зачеплять, и з обу-двух сторонъ мест нигде не поседать, и городовъ новых не ставить, и в земли и во всякие угодья тых городов и волостей до того перемирного року не вступатисе. А в которих местцах[1] судьи з обе стороне в рубежахъ меж не въчинят, и нам, обославсе посланники, гонцы, межь себе зослати других судей панов-рад и думных людей, и о тых о спорныхъ землях по сыску рубеж учинити, и тое дело въ рубежах довершыти; а тыми делы перемирья не нарушывати и не розрывати. А хъто нам, великому господару Жикгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, и господарствам нашим коруне Польской и великому князьству Литовскому и всим землямъ, которие до коруны Польское и до великого князьства Литовского належать, будетъ недругъ, и вам, Божью милостью, великому господару и великому князю Борысу Ѳедоровичу всея Руси, и господарьствам вашим против нас, великого господара короля и великого князя Жикгимонта Третего, и наших господарьствъ, коруны Польское и великого князьства Литовского, всякому нашому недругу в тые перемирные 20 летъ людьми и казною не въспомогать, по сей нашой перемирной грамоте. Такъже и вамъ, великому господару, Божью милостью, и великому князю Борысу Ѳедоровичу всея Руси, и вашим господарьствам и всим землям, которие къ господарьствамъ вашим належать, хто недругъ будеть, и нам, великому господару Жикгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, и великим господарьствам нашим коруне Польской и великому князьству Литовскому изо всихъ земель,

[1] Местехъ.

до коруны Польское и великого князьства Литовского прыналежачих, против васъ, Божью милостью, великого господара и великого князя Борыса Өедоровича всея Руси, и против господарьствъ ваших всякому вашому недругу людьми и казъною не помагати в тые пере(мирные лета, по) сей перемирной грамоте. А кого к нам вы, великий господаръ, Божью милостью, и великий князь Борыс Өедоровичь всея Руси, пошлешъ своих великих послов в тые перемирные лета о всяких добрых делех, и тым вашимъ великим послом приехати к нам, и от нас отъехати добровольно безо всякое зачепъки и задержанья. Такъже кого мы вели(кий господаръ) и великий князь Жикгимонт Третий, пошлем къ тобе, Божью милостью, великому господару и великому князю Борысу Өедоровичу всея Руси своих великих послов о всяких добрых делех, и нашим великим послом къ вам добровольно приехати и отъехати безо всякого задержанья и зачепъки. А купъцом вашим зо всих ваших зем(ель) во вси наши земли приехати зо всяким товаром и торговати на всякий товаръ; а приехати им и отъехати добровольно безо въсяких зачепок. А нашим купъцом изо всих наших земель во вси ваши земли приехати зо всяким товаром, и торговати потомужъ на всякий товар; а приехати имъ и отъехати добровольно безо всякое зачепки и обиды. Такъже которие ваши послы, альбо гости, где кольвекъ пойдут от васъ, альбо к вамъ через наши земли зъ яким кольвекъ товаром, и нам у тых ваших послов и гостей товаров не отыймати[1], а пропущати нам послов и гостей к вам зо всяким товаром через свои земли безо въсяких зачепокъ. Такъже нашы послы и гости куды кольвек пойдут от нас, альбо к нам, через ваши земли зъ яким же кольвек товаром, и вамъ в тых наших послов и гостей товаровъ не отнимати, а пропущати вамъ къ нам наших послов и гостей зо всяким товаром через свои земли безо всяких зачепок. А которие послы от иных господарей от кого кольвек пойдут к намъ через ваши земли и гости с ними, альбо опрочь послов пойдутъ гости к нам через ваши земли зъ яким кольвекъ товаромъ, и вамъ у тыхъ пословъ и въ гостей товаровъ не отыимати, а пропущати к нам тых пословъ и гостей зо всяким товаром через свои земли безо въсякихъ зачепокъ.—А в тые перемирные лета учинитьлисе якая обида межи наших князей, и воевод, старостъ, и наместников, и всяких людей в землях и въ водахъ и в ыных въ якихъ обидныхъ делехъ, и наши князи, воеводове, старостове, и наместники, и волостели украинные сославъшисе, и тым обидным делам всяким

---

[1] Отыймовати.

управу учинят на обе стороны. А въ яких обидных делехъ князи, воеводове, старостове, и наместники, и волостели не учинят управы, и намъ о том сослати судей, и они, зъехавъшисе, да тымъ обидным деломъ всим управу учинят на обе стороне без хитрости. А татя, беглеца, холопа, робу, должника по украинам по исправе выдати; а даное, заемное, положоное, поручное отдати. А отойдутъ по сим перемирным грамотам межы нас урочные лѣта и розмирье межы нас учинитсе, а в тую пору которие вашое земли послы, альбо купъцы, прылучатсе въ наших землях, и нам тыхъ ваших пословъ и купъцовъ не порубати и жыботов ихъ у них не отыймати, а пустити нам ихъ всихъ добровольно зо всими их животы. А которие наши послы, альбо купъцы, прилучатсе в тую пору въ ваших землях, и вамъ нашихъ послов и купъцов такъже не порубати, и не имати, и жывотовъ ихъ у нихъ не отыймати, а отпустити ихъ всих добровольно со всими их жывоты.—А на том на всем, якъ в сей перемирной грамоте писано, мы, великий господаръ Жикгимонт Третий, Божью милостью, король Польский и великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Иифлянский и иных, целовали есмо крест къ вамъ, Божью милостью, великому господару и великому князю Борысу Өедоровичу всея Руси, Владимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермъскому, Вятскому, Болгарскому и иных на том, што нам и панствомъ нашим по сей перемирной грамоте до тых урочных летъ тот мир держати крепъко потому, якъ в сей перемирной грамоте писано.

На сей перемирной грамоте мы, великого господара Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазовецъкого, Лиөлянътъского и иных послы, я Левъ Ивановичь Сапега, канъцлеръ великого князьства Литовского, староста Слонимъский, Пернавский и Могилевский, державъца Ретовский і Блудненский, я Станислав Варшыцкій, каштолян Варшавский, староста Кобрыньский и Осецкий, а я Гелияшъ Пелькгрымовский, писарь его королевское милости великого князьства Литовского, лесничый Юрборский, целовали есмо крестъ, и печати свои тей перемирной грамоте прывесили на томъ, што господару нашому Жикгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, з великимъ господаремъ з Борысом Өедоровичом, Божью милостью, господаремъ всея Руси, и великим князем Владимерским, Московским, Новгородским, Казаньским, Азстараханскимъ, Псковским, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермъскимъ, Вятскимъ,

Болъгарскимъ и иных, тое перемирье до урочныхъ 20 летъ держати крепъко во всемъ потому, якъ в сей перемирной грамоте писано. А якъ будуть у великого господара нашого Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и великого князя Литовского, великого господара Борыса Өедоровича, Божью милостью, господара всея Руси и великого князя, великие послы, и великому господару нашому Жикгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, с тое грамоты, у которое мы печати свои прывесили, и крест на ней целовали, велети написати свою грамоту слово в слово, и печать свою господару нашому къ той грамоте прывесити, и крестъ на той грамоте целовати перед великого господара Борыса Өедоровича, Божью милостью, господара всея Руси и великого князя, послы, и тая грамота великому господару нашому Жикгимонту, королю Польскому и великому князю Литовскому, дати Божью милостью, великого господара и великого князя Борыса Өедоровича всея Руси послом, и пословъ его отпустити к нему без задержанья.— Писано на Москве лета от нароженья Господа нашого Исусъ Хрыста 1601-го мѣсяца марца 11 дня.

«Подлинная грамота писана на пергаминѣ, внизу загнута и прошита шолковыми красными шнурами, на коихъ привѣшены въ деревянныхъ ковчегахъ три восчаныя печати, но оныя растопились и крышки съ ковчеговъ утрачены; грамота же въ трехъ мѣстахъ пробилась, и потому снизу подклеена бумагою».—Въ 1614 г. печати еще были цѣлы (см. въ I-ой описи № 20); онѣ погибли въ Московскій пожаръ 3 мая 1626 г., когда пострадала эта грамота. Опись 1626—1627 гг. говоритъ о ней: «о середкѣ пригорѣло въ 4-хъ строкахъ, печати растопилися, только осталися деревянные ящики, въ чемъ печати были» (см. № 3; ср. въ IV-ой описи № 61).

б) „Царя и великого князя слово“.

Подлинная грамота въ Архивѣ въ числѣ трактатовъ съ Польшей подъ № 51 (1602 г.). Списокъ въ книгѣ № 6 Литовской Метрики.

Божіею милостию мы, великиі государь царь и великиі князь Борисъ Феодоровичь, всеа Русіи самодержецъ, Владимерскиі, Московскиі, Новгородцкиі, (царь Казанскиі, царь Астараханскиі, государь Псковскиі и великиі князь Смоленскиі, Тверскиі, Югорскиі, Пермьскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иных, государь і великиі князь Новагорода Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскиі, Ярославскиі, Белоозерскиі, (Удорскиі, Обдорскиі, Кондійскиі, и всее Сибир-

ские земли и) Сѣверные страны повелитель, и государь Иверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горскихъ князей, (и иных многих государствъ государь) и облаадатель. Что присылал до насъ, до великого государя, вы, великиі государь, Жигимонтъ (Третій, Божіею милостію), король Польскиі и великиі князь Литовскиі, Рускиі, Прускиі, Жемоитцкиі, Мазоветцкиі и иных, послов своих великих Лва Ивановича Сопѣгу, канцлѣра великого княжества Литовского, старосту Слонимского, Пернавского и Могилевского, державцу Ретовского и Блудневского, Станислава Варшитцкого, каштеляна Варшевского, старосту Кобрынского и Осетцкого, Гельяша Пелгримовского, писаря великаго княжества Литовского, о вѣчном докончанье и о соединенье, а нашего царского величества бояре с послы вашими говорили о нашем царскомъ именованье; и то меж нас, великих государей, ныне в се время не ссталося. И мы, великиі государь, Божиею милостию, царь и великиі князь Борис Федоровичь, всеа Русиі самодержецъ и многих государствъ государь и облаадатель, с вами, с великим государем Жигимонтом, Божиею милостию, королем Полским и великим князем Литовским, и великие наши государства с коруною Польскою и с великим княжеством Литовским взяли к прежнему перемирью вновь перемирья на 20 лѣт от прежнего перемирья Успеньева дни святые Богородицы августа съ 15-го дня лѣта 7110-го году до Успеньева жъ дни святые Богородицы августа до 15-го дня лѣта 7130-го году на том, что в тѣ перемирные лѣта о тѣх о всѣх о добрых дѣлех нам, великим государем, на обе стороны слати своих великих послов дѣлати и становити. А в тѣ перемирные лѣта меж насъ, великого государя, Божиею милостию царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русиі самодержца, и вас, великого государя Жигимонта, Божиею милостию, короля Польского и великого князя Литовского, и меж наших великих государствъ и меж коруны Польские и великого княжества Литовского рати и войне не быти и ничѣм намъ, великому государю, Божиею милостию, царю и великому князю Борису Федоровичу, всеа Русиі самодержцу, (вашихъ) великого государя Жигимонта, короля Польского и великого князя Литовского, земель не воевати и не зацепляти: города Киева с волостми, города Канева с волостми, города Черкас с волостми, города Житомиря с волостми, города Вручья с волостми, города Любеча с волостми, города Гомья с волостми, и сел Уваровичь, Телешевичь, Тереничь, Кошелева лѣсу, Морозовичь, Липиничь, Полѣшан, города Турова с волостми, города Мозыря с волостми, и волостей Бчича,

Брагина, Речицы, Горволя, Стрѣшина, Чичерска, Пропойска, Могилева, города Мстисловля с волостми, и волостей Хотславичь, города Кричева с волостми, города Дубровны с волостми, и волостей Гор и Романова, города Орши с волостми, и волостей Любавичь, Микулина, города Витепска, и волостей Бруса, Дречьихъ Лук, города Сурожа и Сурожских волостей, города Усвята, города Озерищъ, города Велижа. А земля Велижу по старымъ рубежамъ, как было Витепской землѣ с Торопетцкою землею, Витепская земля з городом с Велижем к Витепску, а Торопетцкая к Торопцу. Города Полотцка с пригороды и с волостми, города Копья, города Красново, города Улы, города Туровли, города Дрыси, города Кобца, тожъ и Дисна, города Козьяна, города Ситны, города Нещерды, города Сокола, да Полотцково жъ повѣту: города Лукомля с волостми, города Белмаков с волостми, города Ушачи, города Лебедка, да Полотцких волостей: Мошников, Непоротовичь, Вербиловы слободы, Кубка, Вязна, Клина, Замошья, Исца, Неведрея, городища Кречета, что (на) озере на Отулове на Кугони, с волостми, города Друи с волостми, города Икажна с волостми. Такъ же нам, великому государю, Божиею милостию, царю и великому князю Борису Федоровичу, всеа Русіи самодержцу, не воевати, ни зацепляти ничѣмъ в тѣ перемирные лѣта Курлянские земли всеѣ и городов в землѣ Лиѳлянской: города Риги болшіе, города Риги малые, города Долѣня, города Киркольма, города Куконоса, города Скровного, города Леневарда, города Круз-борха, города Ишкиля, города Радопожа, города Дынемента, города Инеса, трех градовъ Кремона, тож и Турайна, Трейдена, Зейвольда, города Сенцела, города Нитова, города Юрензборха, города Нарбѣя, города Розенбека, города Розеня, города Лемзеля, города Мояна, города Летепери, города Кеси, города Эрли, города Невгина, города Пибольды, города Шкуйна, города Зербеня, города Смильтина, города Борзуна, города Чествина, города Треката, города Ровново, городища Левдуна, городища Гольбина, города Резицы, города Лужи, города Влеха, города Володимерца, города Илисеня, города Плетенберха, города Алыста, города Векеря, города Векеля, города Новагородка Ливонского, города Керепети, города Говьи, Курслова, города Юрьева, Мукова, Рандега, Рынголя, Конгота, Кавлетя, Лаюса, Борхольма, Польчева, Пайды, Вильяна, Тарваса, Пернова старова, Пернова нового. А рубежом быти всѣх тѣх городов по старым рубежом. И в тѣ городы и в земли не вступатися, и не воевати, и городов не заседати, и новых городов (не ставити до того перемирного сроку. Также и вам, великому государю Жигимонту, Божиею милостию, королю Польскому

и великому) князю Литовскому и коруне Польской и великому княжеству Литовскому в тѣ перемирные лѣта наших великого государя, Божиею милостию, царя и великого князя Бориса Федоровича, (всеа Русиі самодержца), земель не воевати, и не зацепляти ничѣм Московские земли всеѣ, и Новагорода великово, и Новгородцких пригородов Иванягорода, Ямы, Копорьи, Корѣлы, и всѣх пригородов Ноугородцких, и Новгородцких волостей, и всеѣ Новгородцкие земли, города Пскова и Псковских пригородов Опочка, Краснова, Острова, Вельи, Вороноча, Изборска, Гдова, Кобылья, Врева, Выбора, Дубкова, Вышегорода, Володимерца, города Сѣбежа и волостей Сѣбежских, и волостей Псковских и Псковские земли всеѣ, города Твери и Тверские земли всеѣ, города Переславля Резанского и Резанские земли всеѣ, города Пронска и Пронские земли всеѣ, города Рыльска с волостми, города Путивля с волостми, города Новагородка Сѣверского с волостми, города Радогоща с волостми, города Чернигова с волостми, города Стародуба с волостми, города Почепа с волостми, города Поповы горы с волостми, и волостей Залѣсья, Бабичь, Светиловичь, Голодна, Скарбовичь, Лапичь, города Карачева с волостми, и волостей Хотимля, Сновска, Хоробора, Мглина, Дрокова, города Трубческа с волостми, города Мосалска с волостми, города Серпѣйска с волостми, и волостей Замошья, Тухачева, Дегны, Ѳоминичъ, Погостищь, Мощина, Демены, Городечны, Ужеперети, Снопота, Ковыльни, (Шуи, Лазарева городища), Ближевичь, Любуни, Даниловичь, города Брянска с волостми, и волостей Соловьевичь, Прикладней, Пацыни, Федоровского, Осовика, Копыничь, Сухоря, Всеславля, Вороцня, Жерыни, города Рословля с волостми. А рубежъ городу Рословлю со Мстиславлем: промежъ Словнева да Шибнева к Гневкову (Доброю рѣчькою на) Водонос, а от Водоноса Доброю жъ рѣчкою в Острь черезъ Великиі бор в реку в Шумячу к Стрекуле к рубежу Кричевскому; а от Кричева городу Рословлю рубеж рѣка Шумяча, а Шумячею в реку в Немелицу, а из Немелицы старым рубежом к Заборью в Выпуть реку да вниз (Ипутьею къ Хмелю. Города) Смоленска с путьми и с волостми, что к нему тянет, и волостей Яловца, Болваниц, Лазаревщины, Пустоселья, Романовского, Копотковичь, Молохвы всеѣ, что к ней потягло, и Петровского держанья Кутева, и Зверовичь, Дубровенского пути Катыни, Каспли, Порѣчья, Руды, Щучьи. А рубеж Смоленску (и волостямъ) Смолѣнским з Дубровною и с Романовым, и з Горами и со Мстиславлем: от Днепра ниже города Смоленска рекою Мереею вверх меж Пречистые Взруба и Зверовичь в Ѡватту

реку, а из Ыватты реки на Елинскиі рубеж да в Городню, а Городнею в Верхру в Чорной мохъ, а из Вехры в Прудильну, а из Прудильны в Желѣзницу, а Желѣзницею под Дуденки в Вехру, а из Вехры въ Лютую воду, а из Лютые воды в Выпино, а из Выпина в Сож, а Сожем на низ в Берызыню, а Березынею вверхъ сухом промеж сел Почина и Гладковичь по холмом, а оттоле в Пулневу; а за рекою за Днепром рубеж Смоленску вниз по Днепру рекѣ ниже Клеметья святого 5 верстъ. Города Мценска с волостми, и городища Дмитровца, и новых городов города Ливен, города Воронежа, города Мещейска с волостми, города Опикова с волостми, и волостей Залидова, Недоходова, Быжковичь, Лычина, города Вязьмы и волостей Вяземских всѣх, что к Вязьме потягло, города Дорогобужа и волостей Дорогобужских всѣх, что к нему потягло изстари, города Бѣлые с волостми, и Верховья, и Большева, и Шоптова, и Монивидовы слободы, города Лук великих и волостей Лутцких, Дол(ысы, Березая, Усвая, Ловца), Весны, Бологa, города Холма и волостей Холмских, Велилы, и Лопастиць, и Буйца, города Заволочья, тож и Ржевы пустые, и Ржевских волостей, города Невля, города Торопца и всѣхъ Торопецких волостей, Данковы, Любуты, (Дубны), Рожны, Туры, Бибиревы, Старцовы, Нежельские, Плаветцкие, Жижетцкие, Велижские, Озеретцкие, Казариновские. А рубежом быти всѣхъ городов по старым рубежом. А Торопцу и всѣмъ Торопетцким волостям, и Ноугородцким землям и волостям, городу Лукам великим, городу Невлю, что в Пуповичах, и городу Ржеве, и городу Острею, и городу Заволочью, и волостям Долыси, Березаю и городу Усваю, Ловцу, Веснѣ, Бологу, и городу Холму и Холмским волостям, Велиле, и Лопастицам, и Буйцу, и иным волостям всей землѣ Ноугородцкой с вашею землею Литовскою и с Полочаны и с Видбляны землѣ и водѣ рубежи по старым рубежом. И вам, великому государю Жигимонту, Божиею милостию, королю Польскому и великому князю Литовскому, в тѣ наши великаго государя, Божиею милостію, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русиі самодержца, городы и в земли и в угодья потомужъ не вступатися и не воевати, и ничѣмъ не зацепляти, и городов и земель не заседати, и новых городов не ставити до того перемирного сроку.—А о рубежах, и о спорных землях и о обидных дѣлех во всѣх мѣстех слати намъ, великим государем, меж себя на обе стороны судей, с обе стороны поровну с стороны по 50 человѣкъ; а выслати судей в два мѣста на рубеж меж Чернигова и Остря, да меж Торопца и Велижа на срокъ мѣсяца маія 1-го дня лѣта 7110-го году. И тѣм судьямъ, съѣхався и сыскав

старожилцы вправду, с обе стороны учинити рубеж Торопетцким землям с Витепскою землею и з городом с Велижом, как было изстари Витепской землѣ с Торопетцкою землею по старым рубежом; а меж Усвята и Усвятцкого уѣзда, и Сурожа и Сурожскаго уѣзда, и Озерищь и Озерищского уѣзда с Лутцким уѣздом, и с Невельскимъ, и з Бѣлским уѣздом, и в Черниговском, и в Путивлском уѣзде, и в Ноугородцком, и во Псковском уѣзде в рубежахъ и в обидахъ росправа учинити. А по иным по всѣмъ мѣстом, гдѣ будет спор и обиды, с обе стороны выслав ис пограничных городов судей и сыскав вправду, с обе стороны по всѣмъ по тѣмъ мѣстом учинити рубеж во всем, как было изстари, по всѣмъ мѣстом по старым рубежом и в обидных во всяких дѣлех росправу учинити вправду. А войнѣ в тѣ перемирные 20 лѣт на обе стороны не быти, рати и войны не всчинати, и ничѣм не зацепляти, и с обе стороны мѣстъ нигдѣ не поседати, и городов новых не ставити, и в земли и во всякие угодья у тѣх городов и у волостей до того перемирного сроку не вступатися. А в которых мѣстех судьи с обе стороны в рубежах меж не учинят, и нам, обослався посланники и гонцы, меж собя сослать других судей думных людей и панов-рад, и о тѣх о спорных землях по сыску рубеж учинити, и то дѣло в рубежахъ довершити; а тѣми дѣлы перемирья не нарушивати и не розрывати. А хто нам, великому государю, Божиею милостию, царю и великому князю Борису Федоровичу, всеа Русіи самодержцу, и нашим государствам и всѣм землям, которые ко государствам нашимъ, недруг будет, и вам, великому государю Жигимонту, Божиею милостию, королю Польскому и великому князю Литовскому, и коруне Польской и великому княжеству Литовскому и изо всѣх земель, которые х коруне Польской и к великому княжеству Литовскому, против нас, великаго государя, Божиею милостию, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русіи самодержца, и наших всѣх государствъ всякому нашему недругу в тѣ перемирные 20 лѣт людьми и казною не вспомогати по сей нащей перемирной грамоте. Также и вам, великому государю Жигимонту, Божиею милостию, королю Польскому и великому князю Литовскому, и коруне Польской и великому княжеству Литовскому и всѣмъ землям, которые х коруне Польской и к великому княжеству Литовскому, хто недруг будет, и нам, великому государю, Божиею милостию, царю и великому князю Борису Ѳедоровичу, всеа Русиі самодержцу, и нашим государствам против вас, великого государя, и против коруны Польские и великого княжества Литовского всякому вашему недругу в тѣ перемирные 20 лѣтъ

потомужъ людьми и казною не вспомогати по сей перемирной грамотѣ. А кого к нам вы, великиі государь Жигимонтъ король, пошлешь своих великих послов в тѣ перемирные лѣта о тѣх о всѣх о добрых дѣлех, и тѣм вашим (великимъ посло)мъ приѣхати к намъ, и от нас от(ъеха)ти добровольно безо всякие зацѣпки и задержанья. Также кого мы, великіи государь царь и великиі князь Борисъ Ѳедоровичь, всеа Русіи самодержецъ, пошлем к вам, к Жигимонту королю, своих великих послов о тѣх о всех о добрыхъ дѣлѣхъ, и нашимъ) великим послом к вам (добровольно приехати и отъехати безо всякого задержанья и зац)ѣпки. А купцом вашим изъ всѣх вашихъ земель во всѣ наши земли приѣхати (со всякимъ товаромъ) и торговати на всякой товар; (а приѣхати и отъехати добровольно безо всякихъ зацѣпокъ. А нашим купцомъ изо всѣх наших земель во всѣ ваши земли приѣхати со всякимъ товаромъ, и торговати потомужъ на вся)кой товар; а приѣхати им и отъѣхати (добровольно безо всяких зацѣпокъ. Также которые ваши послы или гости, гдѣ ни пойдут от вас или к вам через наши земли, съ какимъ товаромъ нибуди, и намъ у тѣхъ вашихъ пословъ и гостей товаровъ не отымати, а пропущати намъ к вам пословъ и гостей со всяки)м товаром через свои земли (безо всякихъ зацѣпокъ. Также наши послы и гости куда ни пойдутъ отъ насъ или къ намъ черезъ ваши земли, съ какимъ товаромъ ни буди, и вамъ у тѣхъ нашихъ пословъ и гостей товаров не отымати, а пропущати къ намъ нашихъ послов и гостей со всякимъ товаромъ черезъ свои земли) безо всяких зацѣпокъ. А которые послы (отъ иныхъ государей, от кого ни буди, пойдутъ к нам через ваши земли и гости с ними, или опричь послов гости пойдут к нам через ваши земли, съ какимъ товаромъ нибуди, и вамъ у тѣхъ пословъ и у гостей товаровъ не отымати, а пропущати къ намъ тѣхъ послов и гостей) со всяким товаром через свои (земли безо всякихъ зацѣпокъ. А въ тѣ перемирные лѣта какова учинитца обида межъ нашихъ князей, и воеводъ, и намѣстниковъ и всякихъ людей въ земляхъ и въ водахъ и въ иныхъ всякихъ в обидныхъ дѣлехъ, и наши князи, и намѣстники и волостели украинные, со)слався, да тѣмъ обиднымъ дѣламъ (всякимъ управу учинятъ на обѣ стороны. А въ какихъ обидныхъ дѣлехъ князи, и намѣстники и волостели не учинятъ управы, и намъ о томъ сослати судей, и они, съѣхався, да тѣмъ обиднымъ дѣломъ всѣмъ управу учинятъ на обѣ стороны безъ хитрости). А татя, беглеца, (холопа, робу, должника по украинамъ по исправѣ выдати; а даное, заемное, положеное, поручное отдати. А отойдутъ по семъ перемир-

нымъ грамотамъ межъ насъ урочные лѣта и розмирье межъ насъ учинитца, а въ ту пору которые вашей земли послы) или купцы прилучатца (въ нашихъ земляхъ, и намъ тѣхъ вашихъ пословъ и купцовъ не порубати и животовъ ихъ у нихъ не отымати, а пустити намъ ихъ всѣхъ добровольно со всѣми ихъ животы. А которые наши послы или купцы прилучатца въ ту пору въ нашихъ земляхъ, и вамъ нашихъ пословъ и купцовъ также не по)рубати, и не имати, и животов (ихъ у нихъ не отымати, а отпустити ихъ всѣхъ добровольно со всѣми животы. — А на томъ на всемъ, какъ въ сей перемирной грамоте писано, мы, великиі государь, Божиею милостию, царь и великиі князь Борис Феодоровичь, всеа Русиі самодержецъ, Владимерскиі, Московскиі, Новгородцкиі, царь Казан(скиі, царь Астараханскиі, государь Псковскиі и великиі князь Смоленскиі, Тверскиі, Югорскиі, Пермьскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иных, государь і великиі князь Новагорода Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскиі, Ярославскиі, Белоозер)скиі, Удорскиі, (Обдорскиі, Кондийскиі, и всея Сибирские земли, и Сѣверные страны повелитель, и государь Иверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей и иных многих государствъ государь и облаадатель, цѣловали есмя крестъ к вамъ, великому государю) Жигимонту, Божиею милостию, королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитцкому, Мазоветцкому и иныхъ, на томъ, что намъ и государствамъ нашимъ по сей перемирной грамотѣ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ тотъ миръ держати крѣ)пко потому, (какъ въ сей перемирной грамотѣ писано. Писана въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта от создания миру 7109-го марта мѣсяца, индикта 14, государствия нашого и царствъ 4-го).

Грамота писана на пергаминѣ, въ началѣ ея заставка, сдѣланная золотомъ. Царскій и королевскій титула писаны также золотомъ, который очень плохо сохранился. Грамота сильно повреждена, а конца совсѣмъ не имѣетъ (см. въ описи II-ой № 1; IV-ой № 14; ср. I-ой № 58). Недостающія слова возстанавливаются по списку ея, находящемуся въ книгѣ № 6 Литовской Метрики. Ср. перемирную грамоту 1570 г. въ Сборникѣ Императ. Историческаго Общества, т. 71-й, стран. 724—729.

5.—1601 г. августа 6—30 января 1602 г. Посольство въ Польшу боярина М. Г. Салтыкова-Морозова, В. Т. Плещеева и думнаго дьяка А. И. Власьева.

Документовъ, относящихся къ отправленію этого посольства, указываемыхъ описями 1614 и 1626—1627 гг., (см. въ I-ой описи № 75 и 80, во II-ой № 162) не сохранилось; не имѣется и данного посламъ наказа, о которомъ упоминается въ ихъ Статейномъ спискѣ. Не дошли до насъ и ихъ отписки, объ отправленіи коихъ говорится тамъ же (см. ниже стр. 75 и въ концѣ статейнаго списка). До нашего времени уцѣлѣли только: 1) ихъ Статейный списокъ (см. о немъ въ IV-ой описи № 2; ср. № 1) и 2) привезенная ими королевская перемирная грамота (подтвержденная). Статейный списокъ ихъ имѣется въ Архивѣ въ нѣсколькихъ видахъ: а) бѣловой, полный экземпляръ въ книгѣ № 24; б) второй бѣловой съ нѣкоторыми поправками, внесенными въ первый списокъ, въ книгѣ № 25; начинается: «лѣта 7109-го августа въ 6 день» (см. ниже стр. 75), конца не имѣетъ, обрывается на словахъ:... «до дверей сѣнныхъ канцлеръ Левъ да подканцлеръ Габріель» (кн. № 24, л. 168; см. ниже стр. 158); в) бѣловой же, на столбцахъ (Польскія дѣла 1601 г. № 2), съ поправками по мѣстамъ, сдѣланными, быть можетъ, дьякомъ А. И. Власьевымъ; содержитъ только вторую половину списка, со словъ:... «и государя своего на то наводить, чтобъ великого государя нашего царское имянованье въ перемирную грамоту велѣлъ написать» (кн. № 24, л. 110 обор.; см. ниже стр. 131). Статейный списокъ печатается здѣсь, по книгѣ № 24, а изъ другихъ экземпляровъ его отмѣчаются всѣ болѣе существенныя разночтенія, при чемъ книга № 25 обозначается буквой **Ч**, *а дѣло 1601 г. — буквой* **С**.*—Небольшія выдержки изъ Стат. списка имѣются также въ Польскомъ дѣлѣ 1582 г. № 2.—О привезенной послами подтвержденной королевской перемирной грамотѣ см. ниже стр. 169—170 по окончаніи Статейнаго списка.*

(л. 1) И генваря въ 30 день въ субботу приѣхали ко государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі изъ Литвы послы боярин Михайло Глѣбович Салтыков, да дворянин Василей Тимофѣевич Плещѣев, да діякъ думной Офонасей Власьев и правилі государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі от Жигимонта короля Полского і великого князя Литовского поклон; а великому государю царевичю князю Федору Борисовічю всеа Русиі от королева от Жигимонтова сына от Владислава королевича правили поклон и поздравленье. Да сказывали государю, что они его,

великого государя царя і великого князя Бориса Өедоровича всеа Росиі, дѣло здѣлали по его *(л.—об.)* государеву наказу, что Литовской Жигимонтъ корол перемирье, что здѣлали у его царского величества Литовскіе послы Лев Сапѣга с товарыщи, закрепил, крестъ на перемирных грамотах целовал, і грамоту перемирную новую корол свое слово с посолскіе грамоты написалъ слово в слово і запечатал, и им отдал; и они тоѣ грамоту да и посолскую грамоту, что послы его дали на Москвѣ к нему ко государю прівезли.

А как ся у них государево дѣло дѣлалос, і они тому подали государю список.

А се список, что дали послы боярин Михаило Глѣбович Салтыков с товарыщи.

(л. 2) Лѣта[1] 7109-го августа въ 6 день великій государь царь і великій князь Борис Федорович, всеа Русиі самодержец, для своего государева дѣла і земского послал к Жигимонту королю Полскому і великому князю Литовскому послов своих великих боярина і намѣсника Суздалского Михаила Глѣбовича Салтыкова-Морозова, да дворянина і намѣсника Ряского Василья Тимоөѣевича Плещѣева, да діака своего думного Офонасья Іванова сына Власьева[2]. А ис Смоленска послы пошли сентября въ 13 день, а на Литовской рубеж на реку на Іватту[3] пришли сентября въ 17 день, а въ Оршу пришли сентября въ 20 день, и поставили пословъ *(л.—об.)* въ деревне в Кутеине, гдѣ преж сего послы стаівали. А какъ послы перешли за рубеж, и хто на рубежѣ і у Орши послов встречалі, и что в розговорех говорили, и что послы, ѣдучи дорогою і в Кутеине стоя, вестей провѣдали,—и о том о всемъ ко государю царю і великому князю Борису Федоровичю, всеа Русиі самодержцу, писано сентября въ 17 день с Өедором с Еөимьевым, да сентября въ 18 день съ вожемъ сь Якушемъ Слепымъ, да сентября въ 21 день с Игнатьемъ с Мещериновымъ, да сентября въ 26 ден с смольяниномъ с Олешкою Івановымъ, да октября въ 8 день с смольянином с Осипом с Кирпичниковым, *(л. 3)* да октября въ 15 день с смольяниномъ съ Тарасом с Шейковым.—А стояли послы в деревне в Кутеине пол-четверты недѣли, корму королевского[4]) не давали, и приходить никому ни с чѣмъ не велѣли, покупали людцкоі и конской кормъ собою по нуже; а лошеді ходили зимою на поле на снегу.

---

[1] *Этими словами начинается списокъ въ книгѣ № 25.*
[2] И послы великие на Литовской рубеж *Ч.*
[3] *Въ Ч. сперва было написано:* Ватту, *потомъ приписана буква* і.
[4] *Въ Ч. зачеркнуто:* ничего.

А из Орши перевели послов за Днѣпръ октября въ 15 день і поставили на Боране, имѣнье воеводы Виленского Христопа Радивила; а для береженья с послы ѣхал Станислав же Прилутцкой і говорил послом, ѣдучи, в розговоре, что до королевского разсказанья постоять в Толочинѣ, имѣнье канцлѣра Лва *(л.—об.)* Сопѣги, а пристава де королевского и шафиря ждут вскоре.

И октября въ 18 день приходил к послом Станислав Прилутцкоі і говорил послом: преже сего вам, великого государя великим послом, сказывали, что до королевского разсказанья постояти вам в Толочинѣ і указу от короля і приставов і шафиря ждали вскоре; и ныне яз по любви сказываю вам, что тою дорогою на Толочино вам не ити, ждать королевского розсказанья здѣсь на Боране. А чаю, что итти вам к государю нашему наяснейшему к Жигимонту королю въ Лиѳлянскую *(л. 4)* землю Двиною рекою в судѣх отсюду з Борана; а приставы к вам королевские і шаѳир, кому кормъ вам даваті, будут вскоре. А завтро к вам будет с розсказаньемъ Александръ Велижской.

И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи Станиславу говорили: великій г. ц. і в. к. Борисъ Федоровичь, в. Р. с. і многих государствъ государь і облаадатель, послалъ нас своихъ великих послов ко государю вашему Жигимонту королю по перемирнымъ грамотамъ за крестным целованьем і по договору государя вашего Жигимонта *(л.—об.)* короля послов Лва Сопѣги с товарыщи; и какъ есмя пришли в государя вашего землю,—тому ныне 5-ая недѣля, а пристава нам королевского нѣт, и х королю не ведут и корму не дают. А преже сего ты, Станислав, намъ говорил, что постоять намъ, царьского величества великим послом, до королевского розсказанья въ Толочинѣ, а приставы от короля и о корму розсказанье будет вскоре; а ныне говориш, чтоб стояти нам в таком нужном мѣсте, хуже деревни Кутеіны, і кормов людцкого и конского купить мало добыть. І то дѣлаетца мимо прежней обычай, чего ни в которых государьствахъ *(л. 5)* над послы не ведетца, не токмо во крестьянскихъ, ни в мусульманских, что въ перемирное время держати послов долгое время в таких нужных мѣстех и такое утесненье і безчестье дѣлать. Мы вам сказываем, что великиі государь нашъ ц. і в. к. Борис Федорович, в. Р. с., за тѣ непригожіе дѣла терпѣти въперед не учнет.— А что нам сказываешъ от себя, что нас, царского величества великихъ послов, хотят вести к Жигимонту королю в Ливонскую землю Двиною рекою в судѣх,—и мы того и слушати не хотим: великій г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., прислал нас, послов своих

великих, ко государю вашему Жигимонту королю *(л.—об.)* с великими дѣлы, хотя видети вперед во хрестьянстве покой и тишину, а не кроворозлитье; а на посольстве велѣл нам быть у государя вашего Жигимонта короля в коруне Полской или в великом княжствѣ Литовском, в котором городе государь ваш в то время будет. А в Ливонскую землю и Двиною рекою нам въ судѣх[1] не хаживать, — того себѣ и в мысли не держите: хоти будет над нами король и неволю которую велит учинить, и нам мимо царское повелѣнье ничего учинить не мочно. А которое будет безчестье над нами, царского величества великими послы, государь ваш Жигимонтъ король велит учинити или велит нас вести въ Ливонскую землю к себѣ сильно, — и то доброму дѣлу будет и урыв; а которая поруха мирному постановенью илі *(л. 6)* кроворозлитье во хрестьянстве за вашим безмѣрьемъ и непригожими дѣлы учинитца, и тое крови Бог взыщет на государе вашем Жигимонте королѣ и на тѣх, от кого взыщетца[2].

И Станислав Прилутцкой говорил, что того он подлинно не вѣдает, куды послов вести; то он сказывает послом от себя за любовь.

И о к т я б р я въ 19 д е н ь к послом к боярину Михаилу Глѣбовичю с товарыщи пріезжали из Орши Александръ Велижской да Станислав Прилутцкой. И вшед в-ызбу, сняв шапку, Александръ Велижской говорил послом: преже сего как по государя своего росказанью приѣхал есми в Оршу и увѣдал *(л. — об.)* про вас, великого государя великих послов, что вамъ никоторые королевские чести и корму нѣтъ, и яз тотчасъ послал з грамотою ко государю своему наяснейшему Жигимонту королю посланца своего, да и в Вильну к паном-радам, которые были в Вильне при королевиче, к бискупу Виленскому к Войнѣ и к иным паном-радам писал. І от государя нашего наяснейшаго его королевские милости посланецъ мой назад ко мнѣ и посямѣста не бывал; а от панов-рад из Вильны приѣхал ко мнѣ посланецъ мой з грамотою, а сказывает, что замешкался затѣм, что государя нашего его королевского величества большой сенатар княз бискупъ Виленской Война отъезжал к себѣ в ымѣнье, *(л. 7)* и койчас грамота моя до него дошла, тотчасъ приѣхав в Вильну, с ыншими паны-радою о том радили, и с той рады прислали ко мнѣ из Вильны князь бискуп Виленской[3] Война и иные паны-рада

---

[1] *Въ Ч. слова* въ судѣхъ *приписаны другой рукой надъ строкой.*

[2] *Въ Ч. написано по подчищенному:* взочнется.

[3] *Въ Ч.:* великой.

грамоту. А в грамоте своей ко мнѣ писали, велѣли вас, великого г. і в. к. Бориса Өедоровича в. Р., государя вашего милостивого великих послов наведити[1], и здоровье ваше братьи своей[2] відеті и челом ударити; потом велѣли вам ізвестити, что они о вас, братье своей думных людех, скорбят, что вы в таких нужных мѣстех стоите долгое время, а учтивости вамъ королевские и корму нѣт; и они, паны-рада, жалѣя о вас, о братье своей, с челобитьем писали (*л.—об.*) ко государю своему Жигимонту королю, просячи того, чтоб вас, великого государя великих послов, велѣл вести к себѣ, и о приставех и о корму велѣл росказанье учинить вскоре. А тому паны-рада вам, братье своей, думным людем, удивляютца, что вы, великие послы, учинили не по прежнему обычею, пришли в государя нашего государство сильно без его королевского указу; а государя нашего наяснейшаго Жигимонта короля, его королевские милости, Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга писал ко государя вашего воеводе Смоленскому ко князю Василью Голицыну, чтоб вы, великие послы, до королевского росказанья позадержалися[3] в Смоленску, без вѣдомости королевские (*л. 8*) за рубеж не ходили для того, что государь нашь Жигимонтъ король пошол для своего дѣла на измѣнника своего на арцы-Карла в Ливонскую землю. И вы, великие послы, того не послушали, в государя нашего землю пришли силно, и вам то здѣлалось от себя; а только-б вы в Смоленску позадержались, а пришли по королевскому росказанью, как бы к вамъ вѣдомости учинили, и вам бы во всем учтивость была, и пристав и подводы и кормъ по прежнему обычею и свыше того. А ныне вы, великие послы, учинили, чего в прежние лѣта николи[4] не бывало, чтоб государя вашего Московские послы въ государя нашего государство в коруну Полскую і в великое княжество Литовское без королевского (*л. — об.*) указу шли гвалтом оприч того, что преже сего ты же Михайло с товарыщи приходил; а ныне тѣм же есте обычаем учинили. И паны-рада то меж себя розсужали, что вы то дѣлаете гордостью; а большое полагают на то, что поспешили есте итти для того, чтоб вам у государя нашего перемирье, что ныне учинено[5], вскоре утвердить крестным целованьем. И паны-рада ныне[6] все то отставили, что вы учинили не по прежнему обычаю, ко государю своему к Жигимонту

[1] *Въ Ч.:* навестити.
[2] *Въ Ч.:* моей.
[3] *Въ Ч.:* задержалися.
[4] *Въ Ч.:* ничего.
[5] *Въ Ч. это слово надписано другими чернилами.*
[6] Ныне *нѣтъ Ч.*

королю о том[1] писали, а положили половину вины вашей на себя, будто они опоздали о том писать в Смоленескъ, чтоб вы, великие послы, в государя нашего землю не ходили.—Да паны ж рада (*л. 8* bis) вам, братье своей великим послам, велѣли известити: быти вам у государя нашего Жигимонта короля вскоре, а итти вам отсюды прямо[2] государь нашь будет; а ныне государь наш, его королевская милость, в Ливонской землѣ. I вас по королевскому росказанью вести на Полотескъ к Двинѣ, и приставы к вам большие и шафирь будет тотчасъ, и кормы вам будутъ з достатком, и учтивость во всем; толко б вам людей і лошадей отпустить назад в Смоленескъ, а самим итти не со многими людьми для поспешенья; а будет похотите себѣ легость учинить и итти спешнѣе, и вам бы ѣхати водяным путем в судѣх Двиною рекою; и то вам будет скорѣе и покойнее. А которых людей и[3] лошадей в Смоленескъ отпустите, и по *(л. — об.)* королевскому росказанью и на тѣ люди и на лошади на кормъ деньги вам учнут давати; а будет не похотите людей и лошадей отпустить в Смоленескъ, і вам бы людей и лошадей оставить в государя нашего землѣ в которомъ городе или[4] в мѣсте в Литовской землѣ, а с ними будет королевской пристав и кормъ им учнут давати доволен. А торговых людей, которые с вами идут с товары, и вамъ бы, великим послом, отпустити их в Вильну или в ыные мѣста торговать, а тамги с них и всяких пошлин имати не учнут, так же, какъ было им при вас быти для того: которою дорогою вас вести королю, в котором[5] городе будет король, и по той дороге кормы людцкие и конские *(л. 9)* дороги, не мочно добыть купить хоти и з деньгами, потому что тою дорогою шли и ныне безпрестани идут в Ливонскую землю воинские люди. Сами вы, великого государя[6] великие послы, увидите, как будете у государя нашего, какое великое несчетное войско, и кормы людцкие и конские дороги, в 15 золотых беремя сѣна купят.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи Александру говорили, что государя вашего Жигимонта короля паны-рада братья наши велѣли тебѣ нас, царского величества великих послов, навѣдити и о здоровье спросити. И мы от них от братьи своей *(л.—об.)*

---

[1] О том *надписано другими чернилами въ Ч.*

[2] *Вст.*: гдѣ *Ч.*

[3] *Исправлено на* или *Ч.*

[4] *Въ Ч. сперва было написано:* или землѣ въ Литовской землѣ, *потомъ исправлено, какъ напечатано.*

[5] *Сперва было написано:* в том *Ч., потомъ исправлено.*

[6] Великого государя *надписано надъ строкой другими чернилами.*

приимаем в любов, и за то похваляем, и[1] против того сами будем чтить. А что говорил еси от братьи нашей, панов-рад, что они, жалѣя о нас, братьи своей, царского величества великих послѣх, с челобитьем писали ко государю своему к Жигимонту королю, просячи того, чтоб нам, царского величества великим послом, велѣл итти к себѣ, и о приставе и о кормѣх росказанье велѣл учинити вскоре,— и нам, в. г. ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., его царского величества великимъ послом, таких гордыхъ і непригожих слов от панов-рад слушати непригоже: такие высокие и гордые слова к доброму дѣлу не пристоят, *(л. 10)* что паном-радам об нас, царского величества великих послѣх, королю бити челом; таких бы непригожих и гордых слов паны-рада въперед к нам не приказывали, тѣм доброму дѣлу порухи не чинили.—А что говорил еси, что паны-рада покладывают на нас, что будто мы, царьского величества великие послы, дѣлаем гордостью, и итти будто в государя вашего государство поспешили для того, чтоб намъ, царского величества великимъ послом, у государя вашего перемирье закрепить вскоре,— и то приказывают к нам паны-рада не по пригожу: идем мы от в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., ко государю вашему к Жигимонту королю *(л.—об.)* по прежнему обычаю, а не для того, чтоб нам перемирье у государя вашего крестным целованьем утвердить; в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичу, в. Р. с., то перемирье не нужно и спешить было нам, царского величества великим послом, для того нѣчего: нынешнее перемирье, которое учинено меж великих государей наших и меж их великих государствъ, им паном-радам и коруне Полской і великому княжству Литовскому больши нашего надобеть, потому что у вас многие недруги и войны частые, да у вас же Божье посещенье—хлѣбной недород. А у в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., Божьею милостію и его царским *(л. 11)* счастьем недруга никоторого нѣт, отовсюду его царским премудрым разумом і бодроопасным содержательством и храбрством великимъ государьствам его прибавленье і разширенье. А нынешнее перемирье великиі государь наш велѣл учинити по своему царскому милосердому обычаю, жалѣя о хрестьянстве, чтоб кров хрестьянская въперед не розливалась, и за челобитьемъ и за печалованьем сына своего в. г. нашего ц-ча князя Өедора Борисовича в. Р., по прошенью государя вашего Жигимонта

---

[1] *Сперва было написано:* и за то будемъ сами чтить, *потомъ исправлено, какъ напечатано.*

короля послов Лва Сопѣги с товарыщи. Государь крестьянский—милосердый государь, николи не желает того, чтоб кровь хрестьянская розливалась, всегда хочет видеть то, чтоб их великих государствъ *(л.—об.)* православное хрестьянство въперед были в покое і в тишинѣ і во благоденственном житьѣ, а не для иного чего. И паны-б рада к нам, царского величества великим послом, таких гордых и непригожих слов въперед не приказывали, того остерегали, чтоб в таких непригожих дѣлех[1] доброму дѣлу порухи не учинить. А что говорил еси нам, царского величества великим послом, от братьи нашей от панов-рад, чтоб нам итти х королю отселе сухим путем или водою Двиною рекою в судѣх, гдѣ король будет, а итти б с невеликими людьми, а иных людей и лошадей отпустить в Смоленескъ или здѣся в котором городе оставить, а торговых людей с товары отпустить въ Вильну или в ыные мѣста *(л. 12)* торговати,—и мы, царского величества великие послы, тому удивляемся: каким обычаем паны-рада братья наши такое нестаточное дѣло к нам приказывают, чему статися нелзѣ? Великій государь нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., з государем их з Жигимонтом королем похотя быти вперед в дружбе и в любви, прислал к нему нас, послов своих великих, по перемирным грамотам по договору послов его Лва Сопѣги с товарыщи і о иных о великих дѣлех, которые годны всему хрестьянству, а велѣл нам итти к Жигимонту королю і быти у него на посолстве в коруне Полской или в великом княжествѣ Литовском, в котором городе или в мѣсте будет, а только Двиною *(л.—об.)* рекою итти, и то мы знаем, что тот ход к Ливонской землѣ.—Да ты-ж Александръ говориш, что мы, царского величества великие послы, увидим сами рать государя вашего, как будем у государя вашего на посольстве. І нам, царского величества великим послом, к Двинѣ сухим или водяным путем і в Ливонскую землю і в рать ко государю вашему, не хаживать, и посольства в Ливонской землѣ і в войске не правливать; и ни о каких дѣлех не дѣлывать, и людей своих и лошадей в Смоленскъ не отпускивать і здѣсь не оставливать, и торговыхъ людей от себя не отпускивать, быти нам, царского величества великим послом, всѣм вмѣсте, а не нарознь; того себѣ і в мысли не держите, что нам учинити *(л. 13)* мимо царское повелѣнье. А будет государю вашему Жигимонту королю нас, царского величества великих послов, приняти ныне не время будет для своего воинского дѣла,—і государь бы ваш Жигимонтъ король велѣл нам себя ждати

---

[1] Словах *Ч.*

в Литовской или в Полской землѣ, гдѣ велит, и кормъ нам велѣл давати по прежнему обычаю; и мы государя вашего дожидаемся, гдѣ нам велит, в Полской или в Литовской землѣ, хотя долгое время. А что говориш будто мы, царского величества великие послы, пришли в государя вашего землю сильно, и мы в государя вашего землю сильно не хаживали, пришли по перемирным грамотам за крестным целованьем и по договору *(л.— об.)* Жигимонта короля послов Лва Сопѣги с товарыщи, и из Смоленска царского величества воевода и намѣсникъ Смоленской князь Василей Васильевич Голицын к Оршанскому старосте к Ондрѣю Сопѣге многижда о нас писал. А как есмя на Литовской рубеж пришли, и встрѣтили нас на рубежѣ от Оршанского старосты от Ондрѣя Сопѣги шляхта Василей да Иван Олешковичи и говорили нам, царского величества великим послам, что дорога нам чиста. А на первом стану от рубежа пріезжали к нам от Ондрѣя же Сопѣги шляхта Өилип Михайлов с товарыщі і говорили, что встрѣчи и приставы и кормы *(л. 14)* и во всемъ учтивость нам будет в Бахове. А от Орши версты за 3 встрѣтили нас Оршанской земской судья Ондрѣй Ворыпай с товарыщи и говорили нам, что встречает он нас, царьского величества великих послов, по королевскому росказанью: писал к нему Жигимонтъ король, а велѣл насъ, царьского величества великих послов, встрѣтити, а приставы де королевские будут к нам въперед; да и то сказал, что ему Ондрѣю быть у нас в приставех, а до королевского росказанья велѣл у нас быти Станиславу Прилутцкому.—И только б королевского указу не было, и Ондрѣю было Сопѣге для чего шляхтичевъ к нам с такими речьми высылать? И Ондрѣй-б *(л.— об.)* Ворыпай нас не встречал и королевского росказанья нам не сказывали, только б на то указу королевского не было. А ныне над нами, царского величества великими послы, дѣлаетца мимо прежней обычай, чего николи над прежними послы великих государей наших, царей Російских, не бывало: перепустя за рубеж, держали у деревни Кутеины на поле на морозе и на снѣгу полчетверты недѣли; а за Днѣпръ перешед, поставили въ таком же худом мѣсте и стоим 5-й день, а королевского указу и пристава нам нѣт, и корму не дают, и х королю не ведут, и приходить к нам никому ни с чѣм и продавать не велят, и убытки в людцких и в конских кормѣх в таком долгомъ задержанье учинили нам великие. Того ни в которых *(л. 15)* государствах не ведетца не токмо во хрестьянских, ни в мусульманских, что над послы такая теснота и безчестье дѣлать. А как меж в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., и меж государя вашего Жигимонта ко-

роля и меж их великих государствъ перемирье учинено, і в перемирных грамотахъ о том имянно написано, что послом и посланником на обе стороны путь чистъ[1], притти ко государю вашему и назад отъѣхати добровольно безо всякого задержанья и зацѣпки, и безчестья никоторого не учинить. И ныне в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., увѣдав над нами, послы своими, такое безчестье и *(л. — об.)* задержанье и тесноту, терпѣти не учнет; и от таких бы ваших непригожихъ дѣл і задержанья доброму дѣлу и мирному постановенью поруха которая не учинилась, і царьской бы гнѣвъ не воздвигся, и меж великого государя нашего его царьского величества и государя их Жигимонта короля нелюбье и меж их великих государствъ кроворозлитье не всчалось, — того паномъ-радам пригоже остерегать крѣпко; а только доброму дѣлу которая поруха или кроворозлитье во хрестьянстве учинитца, и то от государя их Жигимонта короля Бог того взыщет на нихъ, от кого та причина учинитца. Мы, царьского величества великие послы, говоримъ *(л. 16)* им от себя за совѣт, что в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Ѳедоровича, в. Р. с., его царская любовь государю вашему Жигимонту королю и всему их государству коруне Польской и великому княжеству Литовскому царское милосердье пригоже знать и царские чести остерегать, чтоб в чом доброму дѣлу порухи не учинить. А больши всѣхъ пановрад царьское милосердье пригоже памятовать государя вашего Жигимонта короля послом Льву Сопѣге с товарыщи, каково им ныне было царское жалованье не по посолскому обычею, каково[2] никоторымъ Литовским посломъ преже сего николи *(л. — об.)* не бывало, — сам ты, Александръ, видел. И мы, царского величества великие послы, чаяли себѣ от государя вашего Жигимонта короля такие-же чести.

И Александръ Велижской говорил, что ко мнѣ государя нашего наяснейшаго Жигимонта короля его королевского величества паны-рады писали, а велѣли вам, великим послом, известити, і яз то и говорил; а что вы, великого государя великие послы, не хотите итті Двиною в войско или в Ливонскую землю, и яз чаю вам быти у короля в Бряславе или во Свеѣ въ Литовской[3] землѣ блиско рубежа, *(л. 17)* или в Полоцке, будет на то его королевская милость изволит; и вам бы, великим послом, итти ко государю нашему для поспешенья не со многими людьми, гдѣ государь нашъ велит. А что говорите, что вам не пригодитца итти ко государю нашему

---

[1] Путь чистъ *надъ строкой другими чернилами Ч.*
[2] Таково *Ч.*
[3] Ливонской *Ч.*

в войско і в Лиѳлянскую землю,—и Лиѳлянские городы государя нашего земля. А то вам и самим вѣдомо: напред сего при великом государе вашем і великом князе Іване Васильевиче всеа Русіі послы государя вашего хаживали в войско ко государю нашему к Стеѳану королю и меж их государей дѣла дѣлали; и вам бы, великимъ послом, ныне потому же учинити. А только пойдете ко государю нашему по его воле, куды велитъ, не *(л.—об.)* со многими людьми,—и то вы учините сходительно, и паном-раде государя нашего, братье вашеі, от вас, великих послов, будет за великую ласку, и самим вам будет спешнѣе. А пристав к вам будет, и кормы давати учнут тотчасъ, и поведут вас х королю вскоре и подводы готовы. А только такъ не учините, и от того-б доброму дѣлу поруха какая не учинилась, что вы повелѣнья государя нашего не слушаете: пришед в чюжое государство, хотите дѣлать по своей воле; пришед в чюжое государство, указывать. А что хотите государя нашего ждать долгое время, и то не статочное дѣло: почему нам и вам государя нашего мысль вѣдать? Только государь нашъ учнет в войске *(л. 18)* быть год или два, или гдѣ инде пойдет, а вам только до тѣх мѣстъ нынешнего нового перемирья не закрепить, а прежнее перемирье выходит всего з 10 мѣсяцъ; и не дай Боже того, чтоб до тѣх мѣстъ доброе дѣло не розорвалось. А паны-рада о том радѣютъ, чтоб вам, великим послом, быти у государя нашего вскоре, і которое перемирье учинено с великим государем вашим государю нашему и меж их государствъ, то б государь нашъ закрепил крестным целованьем и отпустил вас вскоре. І вперед надѣемся на Бога, что меж государя вашего и государя нашего и меж их великих государствъ будет покой и добрая пріязнь. А только ныне вам, великимъ послом, вскоре перемирья не закрепить, і в государстве *(л.—об.)* государя нашего многие лихие, а иные вольные, люди не хотят миру; а в государя вашего государстве есть такие же люди, которые хотят воеватца, и от них бы нынешнему доброму дѣлу порухи которые не учинилось.—Да толко Бог по своему милосердью над хрестьяны все дѣлает лутчее и на кровь не произволяет. А что говорите про государя своего жалованье, і в. г. і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. жалованье было великое ко государя нашего послом ко Льву с товарыщи и к намъ, королевским подданым, в кормѣх і во всем достаток; только были всѣ заперты в одном мѣсте, никуды нас не пускали, а мы люди вольные, в теснотѣ жити не извыкли, хотя-б мы чего не доѣли, только-б нам воля была.

(л. 19) И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи Олександру говорили: мы, царского величества великие послы, в го-

сударства государя вашего пришли по прежнему обычаю, а не с указом, и дѣлаем по повелѣнью государя своего: велено нам, великим послом, итти ко государю вашему Жигимонту королю по прежнему обычаю в коруну Польскую или в великое княжество Литовское, в котором городе или в мѣсте король будет; да не токмо в котором городе, хотя в обычномъ селѣ велит нам быть, и мы ѣхать готовы. А Двиною рекою в судѣх и в Ливонскую землю і в рать не идем, и людей намъ от себя не отпускивать, и на рознь не хаживать, ѣхать всѣм вмѣсте; о том накрѣпко отказываем, *(л.—об.)* чтоб паны-рада того себѣ і в мысли не держали, что нам, царского величества великим послом, учинить то, чего преже сего не бывало; итак мы многих людей и лошадей воротили из Орши в Смоленескъ. Мы, царского величества великие послы, тому удивляемся, как вы о таком малом дѣле не стыдитеся с нами говорить. Государь вашъ Жигимонтъ король — великой государь, коруна Польская і великое княжество Литовское — государьства великие, а царского величества великих послов, нас, с такими с невеликими людьми и лошадьми кабы прокормить не мочно. Ныне тому 5 недѣль, какъ мы пришли в государя вашего землю, а корму нам посямѣста не даютъ, и х королю не ведут, покупаемъ *(л. 20)* людцкой и конской кормъ собою, и убытки нам в кормѣх починились великие, и только про такие их непригожіе дѣла увѣдают пограничные государи, и Жигимонту королю и коруне Польской и великому княжеству Литовскому в том от них не хвала-же будет, что над нами, царского величества великими послы, такая нужа и теснота и безчестье учинилось. А что говорил еси, что преже сего блаженные памяти в. г. ц. і в. к. Івана Васильевича, в. Р. с., послы были в войске у государя вашего Стеѳана короля, — и то дѣлалось тѣм обычаем за грѣх нашъ і всего православного хрестьянства, блаженные памяті в. г. ц. і в. к. Івану Васильевичю, *(л.— об.)* в. Р. с., многие недруги учинилися: Турской салтан, и Крымской царь и иные пограничные государи; і государь их Стефан король в то время поруша крестное целованье послов своих, сложась с Свѣйским Яганом королем, наступил на государство государя нашего и городы поимал. И блаженные памяти в. г. ц. і в. к. Іван Васильевич, в. Р. с., по ссылке с Стеѳаном королем посылал к нему послов своих. Да то было их государские дѣла вопчіе меж их великихъ государствъ; а ныне у Жигимонта короля война с Свѣйским с арцы-Карлом, и городы Ливонские — земля спорная, кому еѣ въперед Богъ дастъ владѣть, и прежніе *(л. 21)* дѣла, что дѣлались при Стеѳане королѣ, къ нынешним к добрым дѣлем не пристоят,

и говорить и поминать их не пригоже. Великій государь нашъ ц. і в. к. Борис Өедорович, в. Р. с., ко государю вашему Жигимонту королю любовь свою объявил, а коруне Польской і великому княжеству Литовскому милосердье свое показал, велѣл перемирье учинить, каково при прежних великих государей наших царей Росиіских і государей ваших при королѣх Польских и великих князех Литовских и доконча̀нье таково не бывало, каково ныне учинено перемирье. І вам царского величества сходительство и милосердье к покою *(л.— об.)* хрестьянскому надобеть знать, и дѣлать во всем потому-же, как царское величество любовь свою ко государю вашему к Жигимонту королю показал.

И Александръ говорил: что ко мнѣ государя нашего Жигимонта короля паны-рада из Вильны писали, и яз вам, царского величества великим послом, то известил; а что от вас слышу, и я тѣ ваши рѣчи отпишу в Вильну к паном-радам; а что паны-рада ко мнѣ отпишут, и яз вам, великим послом, о том ъперед вѣдомо учиню, а до тѣх мѣст постояти вам на Боране.

(л. 22) И назавтрее того октября въ 20 день приходил к послом Станислав Прилутцкой і говорил послом в. г. і в. к. Бориса Өедоровича в. Р.: к вам, к великим послом, прислали меня государя нашего его королевского величества Оршанские большіе думные люди і все рыцерство посполитое Оршанского повѣту, да его королевские милости секратарь Александръ Велижской, а велѣли вам, великим послом, известити: о которых дѣлех вчерась пріезжали к вам Александръ Велижской, и говорил вам его королевские милости от больших сенатарев и панов-рад, и что вы против его речей ему отвѣтъ учинили, *(л.— об.)* — он Олександръ і всѣ большие думные люди и рыцерство вас, великих послов, отвѣтъ выразумели и тому удивляютца, что вы упрямо и сердито так отказываете, ко государю нашему к Жигимонту королю на Полотцкъ Двиною рекою і в Ливонскую землю не хотите итти, и людей и лошадей и торговых людей не отпустите; і вам бы, великим послом, меж себя о том помыслить и здѣлать по воле государя нашего, чтоб в чом доброму дѣлу порухи не учинить.

И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи Станиславу говорили: как мы Александру Велижскому *(л. 23)* отказали, так и ныне то-же тебѣ, Станиславу, говорим, что нам, царского величества великим послом, ко государю вашему к Жигимонту королю в Ливонскую землю и в рать не хаживать, и водою в судѣх Двиною не ѣзживать, и людей нам своих и лошадей от себя в Смоленескъ не

отпускивать и здѣся не оставливать, и торговых людей нам никуды от себя не отпускивать же, быть всѣмъ вмѣсте. А по повелѣнью царского величества ко государю их Жигимонту королю в коруну Польскую или в великое княжество Литовское итти готовы, гдѣ государь ваш велит нам быть у себя на посольстве в городе в котором или в мѣсте или хотя в селѣ в Литовской или в Польской землѣ. *(л.—об.)* И Станислав говорил: дивимся вам, великим посломъ, что вы хотите дѣлать по своей воле, а не по росказанью государя нашего, что не хотите ко государю нашему итти в Ливонскую землю; вѣдаете и сами, что тѣ городы, гдѣ ныне государь нашъ в Ливонской землѣ, государя нашего Жигимонта короля в прежних перемирных и в нынешней перемирной грамоте написаны за государем нашим: Рига, Куконос и иные городы. А вы так дѣлаете упрямо и не слушаете росказанья государя нашего. Гдѣ то слыхано, что, пришед в чюжое государство, дѣлать по своей воле? Вчерашним вашим словам Александръ і всѣ здѣшние Оршанские большие думные люди и все рыцерство *(л. 24)* удивляютца, и по вашему отвѣту чают, что государь вашъ помочь чинит государя нашего измѣннику шведу арцы-Карлу. И нѣчто будет вы для шведа в Ливонскую землю ко государю нашему не идете; і велѣл вам Александръ Велижской говорити и Оршанские думные люди і все рыцерство Оршанского повѣту: только вы, великие послы, по государя своего росказанью пойдете ко государю нашему в Ливонскую землю, і вам пристав будет тотчасъ и корм королевской учнут вам давати завтро.

И послы говорили: нам с тобою, с Станиславом, о таких дѣлех много говорить *(л.—об.)* не пригоже, не токмо с тобою, ни з братьею своею с паны-радными: какъ намъ, великимъ послом, что учинить без повелѣнья царского величества? А что говоришь про перемирные грамоты, и то не твое дѣло: человѣкъ ты не думной, почему тебѣ перемирные грамоты вѣдать,—нѣчто будет слышал еси у Александра? А что говорил еси, будто мы, царского величества великие послы, затѣм не идем ко государю ихъ Жигимонту королю, чают, что царское величество помочь чинит Свѣйскому арцы-Карлу, и то Оршанские думные люди и рыцерство і Александръ Велижской говорят не свойские слова: таких имъ непригожих слов говорить не годитца. Великій государь нашъ ц. і в. к. *(л. 25)* Борис Өедорович, в. Р. с., Свѣйскому арцы-Карлу против государя их Жигимонта короля никакие помочи учинить не велит. Государь — милосердый, истинный крестьянский государь, по своему царскому милосердому обычаю николи не хочет того, чтоб кровь хрестьянская розливалася

всегда о том радѣет и промышляет, чтоб всѣ крестьянские государи были меж себя в дружбе и в любви, а государства б их были в покое і в тишинѣ. И они-б въперед таких непригожих слов, которые слова к доброму дѣлу не пристоят, к намъ, царского величества великим послом, не приказывали. А то с тобою, Станиславом, послѣднее приказываем, чтоб Александръ и Оршанские думные люди и все рыцерство того себѣ и в мысли *(л.—об.)* не держали, что нам, царского величества великим послом, итти въ Ливонскую землю в войско; будет им есть королевской указ вести нас в Литовскую или в Польскую землю, и они-б нас велѣли вести х королю, гдѣ король въ Полской или в Литовской землѣ будет, и кормы велѣли нам давати и подводы по прежнему обычаю. Самим имъ вѣдомо, что нам, царского величества великим послом, и так многая теснота и убытки учинилися: шестую недѣлю в государя вашего землѣ покупаемъ кормы людцкие и конские собою. А в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Ѳедоровича, в. Р. с., жалованье у нас, у великих послов, жемчюгу, и каменья, и золотых, и денег, *(л. 26)* и платья дорогово и лошадей много, а у торговых людей товары многие; только у нас купити нѣкому, а людцких и конских кормов купити не добудем, нихто не везет.

И Станислав Прилутцкой говорил: которые рѣчи слышел есми от вас, великого государя великих послов, и яз тѣ ваши рѣчи донесу до старшихъ своих, от ково пріезжал и въперед вамъ, великимъ послом, вѣдомо учиню.

И октября въ 25 день приѣхал к послом на Боран из Вильны пристав королевской *(л.—об.)* Ондрѣі Завиша да шаѳирь Ондрѣй Булгак[1].

А на завтрее октября въ 26 день пріѣхал из Орши большой пристав Ондрѣй Ворыпай. И того ж дни приходили к послом і го-говорил Ондрѣй Ворыпай: государь наш, наяснейшиі Жигимонтъ Третій, Божьею милостію, король Польскиі і великиі князь Литовскиі, вѣдая про вас, великого государя царя православнаго[2] і великого князя Бориса Ѳедоровича в. Р. великих пословъ, писал ко мнѣ, к Ондрѣю, а велѣл от вас, великих послов, вѣдать про в. г. вашего царя православнаго і в. к. *(л. 27)* Бориса Ѳедоровича в. Р. здоровье, і вы пошли от государя своего и здѣся в государя[3] землѣ стоите долгое время; а государю нашему Жигимонту королю про

---

[1] Булюгакъ *Ч.*
[2] Православнаго *надписано надъ строкой въ Ч.*
[3] *Вст.:* нашего *Ч.*

великого государя вашего вѣсть бывает часто, мало не ежедень, что в. г. ваш і в. к. Борис Ѳедорович в. Р. дал Бог здорово. И государь нашъ, слыша про государя вашего здоровье, радуетца, и вас, послов его великих, велѣл государь нашъ вести к себѣ в Ливонскую землю в обоз; а в приставех велѣл быти у вас старшимъ мнѣ, Ондрѣю, да Витепскому каштеляновичю Ондрѣю Завише да Адаму Лукашеву, и шаѳиря подскарбей по королевскому росказанью Ондрѣя Булгака к вам прислал, и кормъ вамъ *(л.— об.)* государь нашъ велѣл давати доволен, і во всем учтивость велѣлъ чинить, как годно великого государя великим послом. I вы нам дайте писмо, что с вами и з дворяны людей и лошадей и что вам давати корму. А посямѣста корму вам королевского не было для того, что государь наш про вас не вѣдал: пришли есте в государя нашего землю сильно без его королевского росказанья.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи говорил Ондрѣю Ворыпаю с товарыщи: говорили есте нам, что государь ваш Жигимонтъ король велѣл вам от нас вѣдать про здоровье великого государя нашего *(л. 28)* ц. і в. к. Бориса Ѳедоровича, в. Р. с.; і о здоровье великого государя нашего спрашивает государь вашъ Жигимонтъ король нас, послов, в то время, как мы будем у него на посолстве. А как мы отпущены от царского величества, і Божьею милостіею в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., и многих государствъ государь и облаадатель, і его царского величества сынъ в. г. нашъ ц-вич к. Ѳедор Борисович в. Р. в добром здоровье.— А что говоришь, что государь ваш Жигимонтъ король велѣл нам, царского величества великим послом, итті к себѣ в Ливонскую землю, и мы вам сказываемъ, а наперед сего Александру Велижскому *(л.— об.)* и Оршанским думным людем і всему рыцерству тоже сказали, что нам, царского величества великим послом, в Ливонскую землю в рать ко государю вашему не хаживать, и посольства в Ливонской землѣ і в войске не правливать, и ни о каких дѣлех не дѣлывать; того себѣ и въ мысли не держите, что нам, великимъ послом, учинить мимо царского величества повелѣнья. А будет государю вашему Жигимонту королю нас, царского величества великих послов, приняти ныне не время для своего воинского дѣла, и государь бы ваш Жигимонтъ король велѣл намъ себя ждати в Литовской или в Польской землѣ, гдѣ велит, и кормъ нам велѣл давати по прежнему обычаю; и мы государя вашего дожидаемся хотя долгое *(л. 29)* время. А что говорите, будто мы пришли въ государя вашего землю силно, и мы в государя вашего землю сильно не хаживали, пришли царского

величества мы великие послы по перемирным грамотам и по посолскому договору; а из Смоленска царского величества воевода и намѣсникъ Смоленской князь Василей Васильевич Голицын к Оршанскому старосте к Ондрѣю Сопѣге об нас писал многижда. И как мы, царского величества великие послы, пришли за рубеж, и встрѣтили нас на рубежѣ от Оршанского старосты от Ондрѣя Сопѣги шляхта Василей да Иван Олешковичи и говорили намъ от Ондрѣя, что дорога нам в государя вашего *(л.—об.)* землю чиста. А на первом стану пріезжали к нам от Ондрѣя-ж Сопѣги шляхта Ѳилип Михаилов с товарыщи і говорили нам, что встрѣчи, и приставы, и кормы и во всем учтивость будет в Бахове. А от Орши версты за 3 встрѣтили нас ты, Оршанской судья земской Ондрѣй Ворыпай с товарыщи, и говорил нам, что въстречаешь ты нас, великих послов, по королевскому росказанью: писал к тебѣ Жигимонтъ король, а велѣл нас встрѣтити; а приставы де королевские будут к нам въперед, а быть де у нас в приставех тебѣ, Ондрѣю. А до королевского росказанья велѣли есте у нас для береженья быти Станиславу *(л. 30)* Прилутцкому. И только-б королевского указу не было, і Ондрѣю Сопѣге для чего к нам с такими речьми высылать? И ты-б Ондрѣй с товарыщи нас не встречал, и королевского росказанья нам не сказывал, толко б указу королевского не было. А ныне царского величества над нами, великими послы, дѣлаетца мимо прежней обычай, чего николи над прежними послы не бывало, и ни в которых государствах того над послы не ведетца, не токмо во хрестьянских, ни в мусульманских, что над нами, царского величества (великими послы), безчестье і задержанье і убытки многіе учинилися, что тебѣ, Ондрѣю, и самому вѣдомо: перепустя нас, царского величества великих послов, *(л.—об.)* за рубеж, держали у деревни Кутейны на поле, на морозе и на снегу, пол-четверты недѣли; а за Днѣпръ переведчи, поставили в таком же худом мѣсте, і стоим 2 недѣли, а королевского указу намъ никоторого нѣт, х королю нас не ведут, і корму не дают, і приходить никому ни с чѣмъ продавать не велят, ї в людцких і в конских кормѣх в таком в долгом задержанье убытки нам многие учинилися. А как меж в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Ѳедоровича, в. Р. с., і государя вашего Жигимонта короля и меж ихъ великих государствъ перемирье учинено, і в перемирных грамотах написано, что послом и посланником на обе стороны путь чистъ, *(л. 31)* притти ко государю вашему і назад отъѣхати добровольно безо всякого задержанья и зацѣпки, и безчестья над послы никоторого не учинить. И ныне в. г. нашъ ц. і в. к. Борис

Ѳедорович, в. Р. с., увѣдав над нами, послы своими, такое безчестье і задержанье и тесноту, терпѣти не учнет; и от того-б их непригожего дѣла и задержанья[1] доброму дѣлу и мирному постановенью поруха которая не учинилася, і царской гнѣвъ не воздвигся, и меж великих государей наших нелюбье, а меж их великих государствъ кроворозлитье не всчалося. А только доброму дѣлу которая поруха или кроворозлитье *(л.—об.)* во хрестьянстве[2] учинитца, и то от государя их Жигимонта короля; мы им говоримъ от себя за совѣтъ, что государю их Жигимонту королю царская любовь і всему их государству коруне Польской і великому княжеству Литовскому царское милосердье пригоже знать, і царские чести остерегать, чтоб в том доброму дѣлу порухи не учинить. А больши всѣх панов-рад царское милосердье пригоже памятовать государя их послом Лву Сопѣге с товарыщи: каково им ныне было царское жалованье не по посольскому обычаю, каково никоторымъ Литовскимъ послом преже сего николи не бывало, сам ты, Ондрѣй, видел. И мы царского величества великие послы, чаяли *(л. 32)* себѣ от государя их Жигимонта короля такие же чести.

И Ондрѣй Ворыпай говорил: в том бы вам, великим послом, за зле не поставить, что вам посямѣста корму королевского не было, потому что государь нашъ пошол на измѣнника своего на арцы-Карла в Ливонскую землю в войско; а по королевскому росказанью писал Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга в Смоленескъ к воеводе многижда, чтоб вы, великие послы, позадержалися в Смоленску, в государя нашего землю без указу государя нашего не ходили, и вы пришли сильно без королевского указу, а король про вас потому и не вѣдал, столь *(л. — об.)* скоро вас в свою землю не начаялся. И какъ вы, великого государя великие послы, пришли за рубеж в государя нашего землю, и Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга тотчасъ писал ко государю нашему Жигимонту королю, и государь нашъ его королевская милость писал в Вильну к подскарбею, а велѣлъ к вам, великимъ посломъ, послати шаѳиря, и кормъ вам велѣл давати з достатком. А к нам государь наш писал, велѣл с вами, великими послы, ѣхати к себѣ в Ливонскую землю в обоз.— А что говорите, чтоб за ваше задержанье меж государей наших доброму дѣлу какая поруха не учинилася, и мы вѣдаем, что великій государь *(л. 33)* ваш, милосердый, побожный, мудрый государь, лиха

---

[1] И задержанья *надъ строкой въ Ч.*

[2] Во крестьянстве *надъ строкой въ Ч.*

никакого хрестьяном не похочет, і вперед на Бога надѣемся, что меж великихъ государей нашихъ будет вѣчной мир.

Да казали королевские листы, что к ним присланы, что корол велѣл им с послы итти в Ливонскую землю и говорили: коли вы, великого государя великие послы, ко государю нашему в Ливонскую землю итти не хотите, мы о том отпишем ко государю своему к Жигимонту королю; і что будет на то воля его государская, и мы учнем его государского росказанья ждать. А ныне вам даем на волю: идем с вами прежнею дорогою, которою прежніе послы хаживали—на Борисов да на Менескъ. *(л. — об.)* И кормы вам учнут давати з достатком, а чего будет не достанет, и шафирь вамъ за то учнет давати деньгами. А которые убытки вам в государя нашего землѣ в людцких и в конских кормѣх учинилися, и какъ будете у государя нашего, і государь нашъ тѣ убытки велит вам нагородить, дастъ Бог, будете у государя нашого. А ныне что вам надобе корму, і вы нам дайте писмо, и шаѳирь потому кормъ учнет готовить.

И послы говорили: итти мы прежнею дорогою готовы, а кормъ людцкой и конской дайте нам, примѣряся к тому, как было царское жалованье ко государя вашего послом ко Льву Сопѣге с товарыщи. А людей с нами, *(л. 34)* царского величества с великими послы, и з дворяны 615 человѣкъ, да 895 лошадей; а 200 человѣкъ да 300 лошадей отпустили есмя із Орши назад в Смоленескъ, видя то, что корму нам долгое время не дадут. А писма нам давать не пригоже, мы пріѣхали ко государю вашему Жигимонту королю не с указом, вѣдает государь ваш, чѣм нас, царского величества великих послов, чтить. А будет говорить вам о кормѣх, і вы говорите с подъячим. І велѣли послы говорити с ними о кормѣх подъячему.

И Ондрѣй Ворыпай говорил: великого государя вашего жалованья и кормов *(л.—об.)* государя нашего послом и нам было много всего з достатком, і в свою землю есмя привезли. И канцлѣр Лев Іванович, не забывая государя вашего жалованья, велѣлъ был вам, великимъ послом, до королевского росказанья давати свои кормы, и готовы были; а ныне пріѣхал королевской шаѳирь от подскарбея, і вам учнут давать кормы королевские, что достанут. А вѣдаете сами, что у нас не потому дѣлаетца, как у государя вашего, все на деньги купят, а ныне по грехом по нашимъ хлѣбной недород.

Да Ондрѣй же Ворыпай говорил: государя *(л. 35)* вашего царя православного і в. к. Бориса Ѳедоровича, в. Р., і сына его в. г. ц—ча к.

Ѳедора Борисовича в. Р. жалованья Лев и мы всѣ королевские подданые, которые были с ним, не забываем, всегды за них государей и Бога молим, чтоб ему, великому монарху, и потомку его Бог подаровал здоровье и счасливое владѣнье на многие лѣта. А о том Лев добрѣ скорбитъ, что государь не пожаловал его, ничего взяти у него не велѣл, чѣмъ ему государю і царевичю били челом. А то есмя слышели, что у государя вашего не бывает того, что у посла поминки имати, і в том его государева воля, хотя-б он, великій государь, у старшего нашего посла *(л. — об.)* велѣл взять, чѣмъ ему государю бил челом, чтоб его царское жалованье Лву и его потомком было на память.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи Ондрѣю говорили: в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Федорович, в. Р. с., и его царского величества сын в. г. нашъ ц — вич к. Ѳедор Борисовичь в. Р. жаловали послов Лва с товарыщи и вас, королевских дворян, не по посольскому обычаю, по своему царскому милосердью, чего николи прежним Литовским послом такие чести не бывало. А то издавна *(л. 36)* у великих государей наших царей Росиіских въ их царских поведениих у послов и у посланников даров не емлют, жалуют своим царским жалованьем. И Лву о том нѣчего оскорблятца, ко Лву царское жалованье і вперед будет, смотря по его службе.

И октября въ 28 день приезжали к послом приставы Ондрѣй Ворыпай, да Ондрѣй Завиша, да шаѳирь Ондрѣй Булгакъ, да Станислав Прилутцкой. А пришед к послом, говорил Ондрѣй Ворыпай прежние-же рѣчи, чтоб послы шли х королю в Ливонскую землю и давал послом королевские грамоты; а говорил: будет вы, великие послы, не вѣрите тому, что государь наш к нам писал, і вы посмотрите государя нашего *(л. — об.)* грамоты. — И грамоту держал в руках за королевскою рукою и за печатью. — Да коли де вы, послы, ко государю нашему в Ливонскую землю итти не хотите, а говорите, что идете прежнею дорогою, которою преже сего послы Московские хаживали, — и то вы вѣдаете, как себѣ хотите, а мы о том отпишем ко государю своему, а с вами идем по вашей воле прежнею дорогою, ожидая росказанья государя своего; а указ к нам от государя нашего будет вскоре, а до тѣх мѣстъ постояти нам немного в Менску, а кормъ вам королевской шаѳирь учнет давати по росписи. — И казал послом роспись, что давать учнут корму. І в том их пісмѣ корму написано было мало и *(л. 37)* половины людем и лошадем прокормитьца нѣчем.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи говорили: какъ

есмя преже сего от Лиѳлянской землѣ отъказали, так и ныне говорим, что нам, царского величества великим послом, в Ливонскую землю ко государю вашему не хаживать, того себѣ и в мысли не держите; а прежнею дорогою в Литовскую или в Польскую землю итти готовы. А что написали есте нам корму, и того корму нам не станет и на половину людей; и вы-б нам, царского величества великимъ послом, кормъ велѣли давати потому-же, какъ царского величества жалованье было государя вашего послом Лву с товарыщи, и как мочно *(л. — об.)* людем нашим и лошадем сытим быть. А такого корму нам не имывать; и так нам в государя вашего землѣ въ 6 недѣль, стоя в худых и нужных мѣстех, в людцких и в конских кормѣх учинились убытки великие и теснота и безчестье, каково николи над прежними послы не бывало.

И приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи послом говорили: какъ вы, великие послы, будете у государя нашего Жигимонта короля, и государь нашъ убытки ваши, что вам учинилися, велит нагородить; а ныне б кормъ вам, великим послом, взять, что добудем и как мочно сытим быть для того, что по грехом по нашимъ хлѣбной *(л. 38)* незгожей, и мѣста убогіе, а люди здѣся вольные, мало слушают, имѣнья все панские, а не королевские, ничего не смѣть учинить или купить сильно.

И послы дали роспись корму приставом. И приставы по той росписи кормы хотѣли давать сполна, а на иных бы деі станѣх взять то, что добудут купить, а сполна кормы будут вперед.

И послы говоря о том много, чтоб кормъ давали сполна, учали имать кормъ по нуже, что добудут купить, а ино и прикупали собою. *(л. — об.)* И пошли послы из села Борана октября въ 30 день, а подвод дали 65; а шли на имѣнье Лва Сопѣги, и на село на Коханово да на Толочино.

И ноября въ 1 день в Толочинѣ к послом к боярину к Михаилу Глѣбовичю с товарыщи от канцлѣра Лва Сопѣги с почесным кормом приезжал урядникъ его Ян Берестовской. А, пришед к послом, говорил: наяснейшаго Жигимонта короля Польского і великого князя Литовского, его королевские милости, канцлѣр великого княжества Литовского Лев Іванович Сопѣга, вѣдая про вас, в. г. *(л. 39)* і в. к. Бориса Ѳеодоровича в. Р. великих послов, прислал меня, подданого своего, велѣл васъ наведити, и здоровье ваше видети, и челом ударити; и, памятуя великого государя вашего к себѣ великое жалованье, прислал к вам, к великим послом, и к дворяном государским для почести кормъ: яловицы, бораны, гуси, куры, пиво,

мед, и пряные зелья, и конской кормъ, овес и сѣно. І вам бы, великим послом, от пана моего приняти вдячне[1].

И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи Львову служебнику говорили: говорил еси нам, царского величества *(л. — об.)* великим послом, от пана своего, что он в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., его царского жалованья не забывает; и мы, царского величества великие послы, Лва Івановича в том похваляем, что он великого государя нашего жалованье памятует, і вперед бы царское милосердье памятовал и во всемъ ему, государю, добра хотѣл. А что к нам, царского величества великим послом, и к дворяном прислал для почести кормъ, и мы приимаем то в любовь и сами против того любовью своею воздавать готовы. А как будеш у пана своего, и ты от нас, царского величества великих послов, исправь поздравленье *(л. 40)* и[2] поклонъ. И кормъ у Лва взяти велѣли.

И того-же дни в Толочинѣ приходили к посломъ приставы Ондрѣй Ворыпай да Ондрѣй Завиша и говорили: преже сего мы вам, великого государя великим посломъ, государя нашего наяснейшаго Жигимонта короля росказанье сказывали, что государь наш велѣл вам, великим послом, итти к себѣ в Ливонскую землю в обоз; и вы нам сказали, что в Ливонскую землю не идете, а идете ко государю нашему в коруну Польскую или в великое княжество Литовское прежнею дорогою. И мы ваши рѣчи писали ко государю своему Жигимонту королю, и ныне прислал к нам из Вильны подскарбей королевского коморника Станислава, *(л. — об.)* которого к нему прислал государь нашъ о вас, великих послѣх, с указом; а велѣл вам[3] государь наш наяснейшиі Жигимонтъ король итти к себѣ в Ливонскую землю в обоз наскоро. А итти отселе ис Толочина на Красное, да на Лукомль, да на Лепль, подле Полоцка, в Ригу; а от Риги, гдѣ государь наш в обозе будет, тут вам у государя нашего на посольстве быть; и кормы вам тою дорогою изготовлены.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи приставом говорили: преже сего говорили есмя вам и не одинова, что нам, царского величества великим послом, ко государю вашему Жигимонту королю в Ливонскую землю і в рать *(л. 41)* не хаживать, и посольства в Ливонской землѣ і в войске не правливать, и ни о каких дѣлех не дѣлывать и не говаривать; того себѣ и в мысли не дер-

---

[1] Вдячне — привѣтливо, благодарно.

[2] И поклонъ *нѣтъ въ Ч*.

[3] Намъ Ч.

жите, что нам учинити мимо повелѣнье царского величества. В.г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., прислал нас, послов своих великих, ко государю вашему к Жигимонту королю со всѣмъ з добрымъ дѣлом, хотя видети въперед во хрестьянстве покой и тишину, а не кроворозлитье. А на посольстве велѣл нам быть у государя вашего Жигимонта короля в коруне Польской или в великом княжествѣ Литовском, в котором городе государь вашъ Жигимонтъ король в то время будет. *(л. — об.)* И нам мимо того как что учинить? А будет государю вашему насъ ныне приняти не время, и государь бы ваш велѣлъ нам себя ждати в котором городе в Литвѣ или в Польше; и мы ждем, покамѣста из Ливонской земли придет. Да и сами есте то наперед сего нам сказали, что итти прежнею дорогою, которою преже сего послы хаживали, на Борисов, да на Менескъ; а ныне говорите иные рѣчи. Нѣчто будет то дѣлают паны-рада без королевского вѣдома? А государь ваш Жигимонтъ король того не похочет, что ему, забыв к себѣ царского величества любовь и сходительство, которое к нему государь наш ныне показал, да против того нелюбовь свою ко государю нашему *(л. 42)* показати и нам насильство учинить, мимо прежней обычай вести в Ливонскую землю в войско; тѣм доброму дѣлу порухи не похочет учинить. Мы вам послѣднее сказываем: будет государь ваш Жигимонтъ король, забыв государя нашего сходительство и любовь, над нами, царского величества великими послы, похочет насильство и тесноту учинить[1], и нам никоторыми дѣлы в Ливонскую землю и в войско не хаживать; а от кого доброму дѣлу поруха или кроворозлитье во хрестьянстве учинитца, и того взыщет Бог на том, от кого кроворозлитье взочнетца. А государю нашему перемирье и не нужно. Самимъ вам вѣдомо, что нынешнее перемирье государю вашему Жигимонту королю и коруне Польской *(л. — об.)* і великому княжеству Литовскому больши надобе. Сами вѣдаете, что вам многие недруги учинилися, да к тому-же Божье посещенье, хлѣбной недород. А в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с., никоторого недруга нѣт. Божьею милостию, і его царским счастьем и милосердьем и премудрым разумом и храбростью отовсюду прибавленье и расширенье государствам его, и многие новоприбылые государства под его царскою высокою рукою[2] учинилися; Бог его, государя нашего, всѣм прославил, ото всѣх великих государей. А нынешнее перемирье царское величество велѣл учинить по своему царскому милосердью, жалѣя о хрестьянстве,

[1] Чинить *Ч.*

[2] Подъ его царскую высокую руку *Ч.*

і за челобитьемъ *(л. 43)* и за печалованьем сына своего в. г. нашего ц—ча к. Өедора Борисовича в. Р. по прошенью государя вашего послов. И государю вашему Жигимонту королю царского величества[1] любовь, а паном-радам и всей Литовской и Польской землѣ царское милосердье пригоже знать, и таких непригожих дѣл не всчинать, чего въ прежних лѣтех не бывало.

И приставы послом говорили: преже сего[2] мы с вами, великими послы, говорили, слыша от вас, что вы не хотите ко государю нашему итти в Ливонскую землю, и мы с вами хотѣли[3]) итти прежнею дорогою на Борисов, да на Менескъ, а в Менску было ждати *(л.—об.)* королевского росказанья. И ныне не потому учинилось: приѣхал севодни к нам королевской коморник от подскарбея с указом с королевским, а велѣл государь нашъ вам, великим послом, итти к себѣ в Ливонскую землю. И нам мимо королевское росказанье как что учинить? Будет нам не вѣрите, і вы самі смотрите грамоты; а коморник перед вами-же стоитъ, і вы его сами спрашивайте.

И послы приставом говорили: того себѣ и в мысли не держите, что нам в Ливонскую землю ко государю вашему итти, послѣднее есмя вам отказали; хоти будет над нами король и неволю велит учинить, и нам в Ливонскую *(л. 44)* землю не хаживать. Как намъ мимо царского повелѣнья учинить? — Да о том послы приставом отказали накрѣпко, что им в Ливонскую землю никак не хаживать.

И приставы послом говорили: видим сами, что вы нам отказываете накрѣпко, ко государю нашему в Ливонскую землю не идете; и мы о том отпишемъ ко государю своему Жигимонту королю, да і в Вильну к подскарбею, а до королевского указу пойдем с вами в Менескъ и учнем дожидатца королевского указу в Менску.

И пошли ис Толочина назавтрее, ноября въ 2 день.

И ноября же въ 3 день к послом к боярину к Михаилу *(л. — об.)* Глѣбовичю с товарыщи приходили на Бобрѣ приставы Ондрѣй Ворыпай, да Ондрѣй Завиша, да шаѳирь Ондрѣй Булгак, і говорили послом: говорили есмя вам, великим послом, и не одинова, что его королевская (милость) государь нашъ велѣл намъ с вами итти в Ливонскую землю к себѣ в обоз; і вы, великие послы, нам отказали, что в Ливонскую землю ко государю нашему не идете. И мы тѣ ваши рѣчи писали ко государю своему Жигимонту королю, а с вами пошли прежнею дорогою до его королевского росказанья.

---

[1] Царскаго величества *нѣтъ въ Ч.*
[2] Преже сего *нѣтъ въ Ч.*
[3] Хотѣли *нѣтъ въ Ч.*

И ныне государь нашъ наяснейшій Жигимонтъ король против нашего писма прислал к подскарбею великого княжества Литовского к Завише и к нам свое росказанье, хотя быть с великим *(л. 45)* государем вашим, царем православным, в дружбе и в любви, и на то не смотря, что вы, великие послы, пришли насильством без его королевского указу: коли вы в обоз и в Лиѳлянскую землю къ его королевской милости итти не похотѣли, и государь наш из обозу для вас придет в Ригу, а вам государь нашъ велѣл к себѣ итти в Ригу; да тут вас и отправит вскоре, і задержанья вам не будет никоторого. І вам бы итти с нами, не мешкая, наспех; а итти вам на Красной стан, поворотить отселе от Бобра въправо с милю.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи приставом говорили: многижда есмя вам отказывали и ныне тоже говорим, *(л.—об.)* что нам, царского величества великим послом, ко государю вашему Жигимонту королю в Ливонскую землю в обоз і в Ригу ни хаживать; того себѣ и в мысли не держите. Как намъ то учинить, чего преже сего николи не бывало, что послом ходити в войско тѣмъ обычаем, кабы от васъ миру добыватца или увидя какое униженье и тесноту государствам государя нашего? Вѣдомо вам и самим, какъ в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Федоровича, в. Р. с., Бог прославляет і высит, и его царским счастьем и премудрым разумом отовсюду великим его государствам Росиіского царствія прибавленье і расширенье, и недруга царскому величеству і его великим государствам нѣт никоторого *(л. 46)*: всѣ великие государи — цесарь Римской, и король Ишпанской, и Ѳранцовской, и Аглинская королева, и Датцкой король, и иные крестьянские государи и короли, и навышшій папа Римский, и мусульманские государи, шах Персидцкой, и салтан Турской, и царь Крымской, и иные мусульманские государи присылают къ его царьскому величеству с великимъ прошеньем и с челобитьем, просячи того, чтоб царское величество был с ними в дружбе, і в любви, і в ссылке, а с ыными и в докон// чанье, и стоял на всѣх недругов заодин. І в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с., нѣчего для нынешнего перемирья добиватца. И больши того говорить *(л.—об.)* с вами о том не хотим. Будет вам указ есть о нас, что нам итти в Литву или в Польшу, и мы с вами итти готовы; а будет того указу у вас нѣт, и мы ѣдем назад к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с. І в том волен Богъ да государь нашъ царское величество, на каковѣ мѣрѣ учинить з государем вашимъ. А отселе з Бобра на Красной стан в Ливонскую землю не идем. — А что говорите, что будто мы пришли в государя

вашего землю сильно, и мы вам о том и преже сего многижда сказывали, что царского величества мы, великие послы, сильно не хаживали, пришли по царского величества *(л. 47)* указу, и по перемирным грамотам, и по договору государя вашего послов Лва Сопѣги с товарыщи.

И приставы говорили о том много, чтоб послы по королевскому росказанью шли в Ригу. А только в Ригу не пойдете, и государь нашъ Жигимонтъ король и паны-рада выразумѣли вашу мысль, что вы не идете ко государю нашему для шведа; хотите того, чтоб государь нашъ пришол из обозу, отставя свое дѣло, что ныне у него дѣлаетца с ызмѣнником его с шведом. И то от вас шведу доброхотство, а государя нашего дѣлу помѣшка. Да коли вы упрямилис, в Ригу итти не хотите, і государь наш прислал к нам другое росказанье свое, *(л.—об.)* а велѣл вам стоять до своего государского указу в Толочинѣ, покамѣста указ свой пришлет, куды вас велит вести. И ныне мы с Толочина прошли, и просим вашей мысли: назад ли воротитца в Толочино или итти въперед к Борисову і в Менескъ, і в Менске ждать королевского росказанья?

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи приставом накрепко отказали, что имъ х королю в Ригу і в ыные городы в Лівонскую землю опричь коруны Польские и великого княжества Литовского никуды не хаживать. А поведете нас в Борисовъ і в Менескъ, *(л. 48)* и мы итти готовы, и королевского росказанья в Менску ждем; а в Толочино назад не пригоже ворочатца. А что говорите, будто мы ко государю вашему не идем для того, чтоб государя вашего отвести от войска из обозу, тѣмъ бы дѣлу его помѣшку учинить, а шведу доброхотство, і вам таких непригожих слов не годитца говорить: такие слова нѣхто вмѣщает враг Божей і всего православного хрестьянства на ссору, не хотя меж великих государей наших видеть дружбы і любви и меж великих государствъ покоя и тишины. Мы, царского величества великие послы, государя вашего Жигимонта короля из Ливонские земли из войска не отводим и помѣшки никакие ему не чиним; а что будет у вас с арцы-Карлом дѣлаетца, *(л.—об.)* и до того намъ и дѣла нѣт. А о том ко государю своему Жигимонту королю и к паном-радам имянно отпишите, что нам, царского величества великимъ послом, ныне і вперед в Ливонскую землю і в Ригу не хаживать; только будет въперед из Борисова или из Менска велит нас король вести в Ригу и в ыные в Ливонские городы, — ѣдем назад к царскому величеству, то доброму дѣлу будет и урыв.

И приставы послом говорили: того Боже не дай нам слышеть, что вам ѣхать назад без дѣла. Дастъ Бог, пойдете от государя нашего совсѣмъ з добрым дѣлом. А мешканья вам у государя нашего долгово не будет; а поведем *(л. 49)* вас прежнею дорогою на Борисов да на Менескъ; а в Менске вам постояти до королевского указу.

И пошли послы из Бобра в Менескъ назавтрее ноября въ 4 день.

И ноября въ 6 день приходили к послом в Борисове приставы Ондрѣй Ворыпай, да Завиша, да Адам Лукашев. І говорил Адам: государь нашъ наяснейшій Жигимонтъ Третій, Божьею милостію, король Польскій і великиі князь Литовскиі, прислал меня, подданого своего, а велѣл у вас, в. г. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р., *(л.—об.)* великих послов, быти в приставех с товарыщи моими с Ондрѣемъ Ворыпаем да з Завишею и ѣхати с вами.

А из Борисова послы пошли ноября в 8 день.

А в Менескъ пришли ноября въ 9 день, в понедѣлник, и поставили на посаде, гдѣ преже сего послы ставились. А как ѣхали в посад, і в то время у посаду і в посаде стояли многіе люди по обе стороны.

Ноября же въ 24 день приезжал к посломъ к боярину к Михаилу Глѣбовичю с товарыщи *(л. 50)* от Виленского воеводы от Хриштопа Радивила служебникъ его Карлусъ с почесным кормом, с рыбою з живою. А, пришед к послом, говорил: в. г. наяснейшаго Жигимонта Третьяго, Божьею милостию, короля Польского і великого князя Литовского, пана нашего милостивого, пан мой его милости, воевода Виленской, гетман навышщий великого княжества Литовского, Хриштопъ Миколаевич, вѣдая вас, в. г. і в. к. Бориса Өедоровича в. Р. великих послов, прислал меня служебника своего вас і дворян государских наведити, и здоровье ваше видети и челомъ ударити, и для почести прислал к вам кормъ рыбы свѣжіе, і вам бы велѣти приняти.

(л.—об.) И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи рыбу велѣли принять, а к воеводе приказали, что от него примают то в любовь, и против того сами будут его чтить.

Вѣдомо послом учинилося, что Жигимонтъ король из Ливонские земли в Вильну пришол декабря въ 13 день, а при нем деі в Вильне послы Крымские. Да послом же не учали в Менску давати корму декабря съ 9-го числа для того, что прежней шаөирь Ондрѣй Булгакъ умер, а из Вильны нового шаөиря и к приставомъ денег на кормъ не прислано. А говорили приставы послом с прошеньем, что

имъ посломъ и дворяном *(л. 51)* велѣть кормъ покупати собою; а как шаѳирь приѣдет, и тѣ деньги по росписи тотчасъ отдадут.

И декабря въ 16 день послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи посылали по приставов и говорили им: вѣдомо вам, что мы, царского величества великие послы, пришли въ государя вашего государство тому 4-ой мѣсец, и стоимъ въ Менску 4 недѣли без дѣла. А преже сего сказывали есте нам, что государь ваш Жигимонтъ король в Лиѳлянтех, а нам, царского величества послом, велѣл постояти в Менску до тѣх мѣстъ, покамѣста из Лиѳлянтъ воротитца в Литовскую землю. Да вы-же *(л.—об.)* нам говорили, что государь ваш Жигимонтъ король велѣл нам, царского величества великим послом, всякую почесть воздавать и кормы давати довольны. И ныне над нами дѣлаетца не потому, как вы от государя своего говорили: чести нам по се время никоторые не учинено; а просите у нас того, чтоб нам, царского величества великим послом, и дворяном в тѣ поры, покамѣста шафирь пріѣдет, деньги давать в росход свои. А вѣдомо вам самим: преже сего как есмя пришли в Оршу и стояли в Кутейне и на Боране, и нам корму не давали 6 недѣль; а после того учали кормъ королевской давать не сполна, и людцкие і конские кормы прикупали *(л. 52)* мы собою. І в том нам, царского величества великим послом, учинили убытки великие. А ныне вѣдомо нам учинилося, что государь ваш Жигимонтъ король из Лиѳлянтъ пришол в Вилну, а отправливаетъ Крымских пословъ, а нас, царского величества великих послов, к себѣ вести не велит, тѣмъ к великому государю нашему нелюбье свое оказует. І вы наши рѣчи пишите ко государю своему к Жигимонту королю, чтоб Жигимонтъ король велѣл нас, царского величества великих послов, вести к себѣ не задерживаючи. А будет государь вашъ[1] нас, царского величества великих послов, вскоре к себѣ вести не велит, і государь бы ваш велѣл насъ отпустить назад к царскому величеству. *(л.—об.)* І в том вѣдает Богъ да государь нашъ его царское величество.

И приставы говорили: чтоб вам, великим послом, того себѣ за зле не поставить, что стояли есте в Менску долгое время; ныне ждем с часу на часъ государя своего росказанья, велит вас вести в Вильну к себѣ вскоре, подлинно на нынешней недѣле. А то вам сказываем, что государь нашъ Жигимонтъ король в Вильну пришол для вас, великого государя великих послов, а не для иного кого;

---

[1] *Вст.:* Жигимонтъ король *Ч.*

отправя, тотчасъ из Вильны пойдет на сьем в Городень. А что корму не учали вам давати, и мы вас о том просили, чтоб вам давать в росход свои деньги; а как шафирь прiѣдет, тотчасъ тѣ *(л. 53)* деньги к вам принесет.

И писали есмя о том в Вильну к подскарбею, чтоб шаѳиря нового и денег на кормъ прислал; и шаѳиря ждем вскоре, а деньги от подскарбея к нам привезли. И доколе шаѳирь приѣдет, и мы кормы учнем давати сами, и на 10 ден, что вы здѣся в Менску давали свои деньги, заплатим. А что вам, великим послом, корму не давали в Орше и на Боране 6 недѣль, и то не наше дѣло: мы в тѣ поры у вас въ приставех не были; а как будете у государя нашего, и вы о том будете говорить паном-радам. А что говорите, чтоб вам ѣхать ко государю своему назад без дѣла, и того Боже не дай слышеть; всѣ о том молим Бога, чтоб меж государей наших *(л. — об.)* въперед была любовь и добрая згода, а меж их государствъ докончанье и соединенье. А которые есмя слова слышели от вас, и мы о том отпишем ко государю своему и к паном-раде гонца пошлем нарочного о указе.

И кормъ послом учали давать по прежнему декабря со 18-го числа.

И декабря въ 20 день приходили к послом приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи и говорили: наяснейшиі государь нашъ Жигимонтъ король Польскиі і великиі князь Литовский писал до нас, подданых своих, велѣл с вами, в. г. і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. *(л. 54)* великими послы, ѣхати к себѣ в Вильну, и шаѳиря подскарбей прислал Сумορока, и кормъ вам учнет давать доволен; і вам бы, великим послом, итти ко государю нашему вскоре, а в Вильну притти в четвергъ.

И пошли послы из Менска декабря въ 21 день в понедѣльник, а шли на село на Радошковичи, имѣнье Яновых[1] детей Глѣбова, да на Лебедево, да на королевские городки на Крев да на Мѣдник.

И декабря ж въ 24 день на Мѣднике к послом к боярину к Михаилу Глѣбовичю с товарыщи приходили приставы *(л. — об.)* и говорили: наяснейший государь нашъ Жигимонтъ король писал к нам, велѣл намъ с вами, с великими послы, притти в Вильну завтрея в пятницу; а встречати от короля вас, великих послов, будут от Вильны за полмили королевские сенатари пан Адам Талвашъ, староста Дынемборскиі, да пан Ярош Песотцкий, староста Кгерановский и Липинский.

---

[1] Новыхъ *Ч.*

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи приставом говорили: в том государя вашего воля, как нам, царского величества великим послом, велѣл быти к себѣ, и мы ѣхать готовы; только завтро нам в Вильну притти невозможно, потому что завтро у нас у всѣх хрестьян *(л. 55)* великой торжественой празник Христово Рожество, не слушав обѣдни, итти не мочно; да і для того: сами есте видели, что шли дорогою с великою нужею—дорога худа, снѣги великие, лошади многие пристали, и нам бы в Вильну притти завтро в суботу.

И приставы говорили: мы ваши рѣчи отпишем ко государю своему, і в том его королевская воля.

И назавтрее декабря въ 25 день с утра говорили приставы послом: рѣчи есмя ваши писали государя нашего к паном-радам, а паны-рада доносили до государя нашего; і государь *(л.—об.)* нашъ наяснейший Жигимонтъ король вам, великого государя великимъ послом, дал на волю, велѣлъ вам притти в Вильну завтро.

И на Рожество Христово послы дневали на Мѣднике.

А пошли из Мѣдника декабря въ 26 день в суботу и того дни в Вильну пришли. И не доезжая Вилны версты за 3, въстрѣтили послов от короля думные люди Адам Талваш, староста Дынемборскиі, да Ярош Песотцкиі, староста Кгерановскиі и Липенскиі, да староста Брясловскиі Ян Ѳедоров сын Скумина, а с ним дворян королевских, и шляхты и мещан торговых людей *(л. 56)* на конех человѣкъ з 200. А съѣхався встрѣчники с послы, сошли с лошадей наперед, и послы к ним потому-же с лошадей сошли.

И говорил Адам послом рѣчь, сняв шапку, а послы шапки сняли-же: наяснейшиі государь наш Жигимонтъ Третиі, Божьею милостию, король Польскиі і великиі князь Литовской, Рускиі, Прускиі, Жемоитцкиі, Мазоветцкиі, Киевскиі, Волынскиі, Подольскиі, Подляшскиі и иных, и дѣдичный король Шведцкиі, и Годцкиі, Вандальскиі и княже Ѳинлянской, и иных, вѣдая вас, великого государя православного ц. і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. великих послов, прислал нас, сенатарев своих, вас встрѣтити, и учтивость велѣл *(л.—об.)* вам воздавать, и ѣхати с вами до господ[1].

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи встрѣчником говорили: преже сего которые послы прихаживали от великих государей наших царей Росиіских х королем Польскимъ і великимъ князем Литовским, і встрѣчники их от короля спрашивали о здо-

---

[1] Господа = гостинница, дворъ.

ровье; а ныне нас, царского величества великих послов, король не пожаловал, о здоровье спросить не велѣл.

И встрѣчники Адам с товарыщи говорили: какъ нам от государя нашего наказано, так мы вам и говорили, і вам бы того за зле не поставить. А какъ, оже дастъ Бог, придете *(л. 57)* в Вильну, и мы ваши рѣчи до государя своего донесем; і государь наш вас, великих послов, о здоровье пришлет спросить.

І витався встрѣчники с послы ѣхали перед послы и проводили послов встрѣчники до дворов, и поставили в городе на дворех у торговых людей на 3-х улицах; а как ѣхали в город, и в то время стояли посадцкие люди по обе стороны без пищалей. А гдѣ послов поставили, и у той улицы поставлены гайдуки для береженья, и решетки подѣлали, и тыном огородили; а на ночь решетки замыкали, и людей посолских и торговых людей никуды не пущали, и к посольским двором никого тутошних і пріезжих людей не пущали.

Декабря въ 27 день к послом к боярину к Михаилу Глѣбовичю с товарыщи пріезжали от короля Адам Талваш, да Ярош Песотцкиі, да приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи. І, вшед в полату, говорил Адам: по повелѣнью государя своего наяснейшаго Жигимонта короля встречали мы вчерась великого государя васъ, великих послов; и вы говорили нам о том, что вас от короля не спрашивали о здоровье. И мы ваши рѣчи доносили до государя своего, і государь наш наяснейший Жигимонтъ король прислал нас, своих сенатарей, к вамъ, к великим послом, велѣл вас спросити про здоровье в. г. і в. к. Бориса Өеодоровича в. Р.; потом его королевское *(л. 58)* величество велѣл спросити вас: здорово-ль есте ѣхали его государствы, и нужды вамъ какие не было ль? А здѣся велѣл государь нашъ во всем вам честь воздавать, чтоб во всем вамъ достаток был. Да государь же нашъ велѣл вам сказать: быти вам у него, государя нашего, і руку его государскую целовать завтро. И будет похотите того дни говорити о дѣлех с паны-радами, и вам на воле; а будет не похотите, и вы будете говорити с паны-радами иншими часы.

И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи говорили: спрашивали есте нас от государя своего о здоровье в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өеодоровича в. Р.; *(л.—об.)* и как, оже дастъ Бог, будем у государя вашего у Жигимонта короля на посольстве и спросит нас король о здоровье царского величества, и мы в то время государю вашему о царском здоровье известим; а вам сказываем: какъ есмя поѣхали от царского величества, і Божьею милостью в. г.

нашъ ц. і в. к. Борис Θедорович, в. Р. с., и многих государствъ государь і облаадатель, и его царского величества сынъ великиі государь нашъ ц—вич к.[1] Θедор Борисович в. Р. на своих преславных государствах в добром здоровье. А что пожаловал Жигимонтъ король велѣлъ нас, царского величества великих *(л. 59)* послов, спросити о здоровье, и мы на его жалованье челом бьем; а Божьею милостию і в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Θедоровича, в. Р. с., і его царского величества сына в. г. нашего ц—вича к. Θедора Борисовича в. Р. здоровьемъ и жалованьем посямѣста здорово. А что нас спрашиваете: какая нам почесть в государя вашего землѣ была и нужи какие не было-ль, и мы о том будем говорити паном-радам иным временем; а чаю вам и самимъ мочно вѣдать, что нам в Орше, в деревне Кутейне, и на Боране и в Менску какие убытки и тесноты были, корму не давали 6 недѣль, *(л.—об.)* а коли и дают, то не сполна.

И Адам и Ярош говорили: государя нашего Жигимонта короля росказанье, велѣл вамъ во всем честь воздавать и кормы давать з достатком. А что мы слышим у вас, и мы ваши рѣчи донесем до панов-рад.

И послы Адаму и Ярошу говорили: которого дни государь ваш велѣл нам быти у себя на посольстве, и мы ѣхати готовы; только о том вам говорим, чтоб того дни, которого дни быти нам у государя вашего Жигимонта короля на посольстве, никоторых государей послов и посланников у короля не было; а будутъ *(л. 60)* у короля наперед нас, царского величества великих послов, иных государей послы, и мы не токмо с королевского двора, и ис полаты от короля пойдем назад и посолства нам не правливать.

И Адам и Ярош говорили: послов і посланников в тѣ поры иных государей не будет, оприч васъ, великого государя великих послов.

И декабря въ 29 день во вторник приходили к послом приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи и сказывали: быти вам, великого государя великим послом, у государя нашого на посольстве сегодни; а приѣдут по вас от короля его королевские *(л.—об.)* сенатари, которые вас встречали, Адам Талвашъ да Ерош Песотцкой.

И того-же дни были послы у короля на посольстве, а приезжали послов звати к королю Адам Талваш, да Ерош Песотцкиі, да приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи; а с нимъ ѣхало дворян королевских человѣкъ с 30. І ѣхали с послы Адам и Ерош, а при-

---

[1] Князь *написано надъ строкой въ Ч.*

ставы і государевы дворяне и королевские дворяне ѣхали перед послы. А как ѣхали х королю на двор, и у ворот у городовых по мосту и на дворѣ королевском стояло гайдуков человѣкъ з 200 с пищальми. А взъѣхав на королевской двор, ссѣли *(л. 61)* с лошадей послы и дворяне у лѣсницы на нижнемъ крыльцѣ на приступ.

И как послы взошли на лѣсницу на середнее крыльцо, і встрѣтили послов от короля подскарбей дворной Литовской Ерош Волович, да писарь Матфѣй Война, да дворянин королевской Хриштопъ Держка. А какъ послы вошли в сѣни перед королевскую полату, встрѣтили послов в сѣнных дверех воевода Смоленской Ян Аврамович, да каштелян Жемотцкой Миколай Нарушевич. А в дверех в полате у короля встрѣтили моршалок великой Литовской Хриштопъ Дорогостайской[1] да моршалок дворной Литовской *(л. — об.)* Петръ Веселовской. А говорили всѣ встрѣчники: государь нашъ Жигимонтъ король выслал нас, своих сенатарей, велѣл вас, великого государя великих послов, для учтивости встрѣтити.—І витався с послы, шли встрѣчники перед послы.

И как послы вошли х королю въ полату, и объявил пословъ королю моршалок великой Хриштопъ Дорогостайской. А молыл: наяснейшиі великиі государь Жигимонтъ король! Великого г. і в. к. Бориса Өедоровича в. Р. великие послы.

И боярин Михайло Глѣбович от г. ц. *(л. 62)* і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., і от г. ц—ча к. Өедора Борисовича в. Р. Жигимонту королю правил поклон по государеву наказу.

И как поклон исправил, и королъ спросил про государево здоровье, стоя, сняв шляпку. А говорил: великого г. і в. к. Бориса Өедоровича в. Р. как Бог милует?

И боярин Михаило Глѣбович говорил: как есмя поѣхали от царского величества, і Божьею милостию в. г. нашъ ц. і в. к. Борисъ Өедорович, в. Р. с., і многихъ государствъ государь і облаадател, і его царского *(л.—об.)* величества сын в. г. нашъ ц-вич к. Өедор Борисович в. Р. на своих преславных государствах в добромъ здоровье.

И король вспрашивал послов о здоровье. И послы на его жалованье били челомъ.

А после того король звал послов к руце; и послы, бывъ у руки, боярин Михаило Глѣбович подал грамоту вѣрющую. И грамоту велѣл король приняти канцлѣру Лву Сопѣге. И Лев, приняв грамоту, пришед х королю, прочол. И король, выслушав грамоты, призвал к себѣ панов-рад; і грамоты слушалі паны-рада, а стояли у короля,

[1] Дорогостанской *Ч.*

сняв шапки. А король *(л. 63)* им против шляпку сымал-же. И как паны-рада грамоту выслушали, і король велѣл молыть канцлѣру Лву Сопѣге, чтоб говорили рѣчь.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи говорили королю рѣчь по государеву наказу.

И как послы рѣчь изговорили, и король велѣл посломъ сѣсти на скамейке; а скамейка была поставлена бliско ковра. І звал король дворян Михаила Дмитреева с товарыщи и подъячего к руце; а послы в тѣ поры сидѣли. *(л.—об.)* А после того являл королю посольские и дворянские поминки по писму моршалок великой Хриштоп Дорогостайской[1]; а примали поминки подскарбей Ондрѣй Завиша да стряпчие королевские и относили въ другую полату. И как моршалок поминки явил, и король призвал к себѣ панов-рад, и с ними говорил; и паны-рада, отшед, сѣли по мѣстом.

И канцлѣр Левъ Сопѣга, стоя у короля, говорил послом рѣчь: наяснейшиі государь нашъ Жигимонтъ король, слыша про в. г. *(л. 64)* і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. и про его государского сына здоровье, радуетца і всею своею мыслью и прямым серцем жедаетъ имъ, государем, чтоб они здоровы были и счасливы на многіе лѣта, а съ его королевскою милостью были въ приятельстве и в крѣпкой дружбе и в любви. А которые рѣчи говорили есте государю нашему, и наяснейшиі государь наш его королевская милость, ваши рѣчи выслушав, велит вам у себя быти иншимъ часом и о тых дѣлех говорить с вами, с великими послы, велит сенатором своим. А ныне государь нашъ велѣл вам ѣхати к себѣ на господы.

И послы, ударя челом королю, пошли от короля *(л.—об.)* ис полаты. И паны-рада, встав, посломъ поклонилися; а послы потому же на обе стороны паном поклонилися. А провожали послов встрѣчники до тѣх же мѣстъ, где хто встречал. А до дворов посолских провожали Адам Талваш, да Ярош Песотцкиі, и приставы и дворяне королевские.

А как послы были у короля, и на королѣ было платно неметцкое: плащь короткой, бархат чорнъ, круживо золото кругом, да чепочка золота, да колпак чорнъ неметцкой[2], кругом запоны с каменьем, а в болшой запоне *(л. 65)* перо. А мѣсто учиненено королю середи палаты у стены, сидѣл на стулце, оболоченъ стулец бархатом[3] червчатым; а позади короля застѣнок, и над королем

---

[1] Дорогостаньской *Ч.*

[2] *Вст.:* и *Ч.*

[3] Бархатомъ червчатымъ... шолкъ бѣлъ *пропущено въ Ч.*

подволока вислая, алтабас шолкъ бѣл з золотомъ. Стѣны въ полате обиты запонами неметцкими.

А при королѣ были паны-рада, сидѣли по обе стороны на скамьях. По правую сторону от короля сидѣл: бискупъ Виленской Венедиктъ Война, воевода Тротцкой Миколай Радивил Сиротка, пан Тротцкой Юрьи Радивил, воевода Новгородцкой Ѳедор Скумин, *(л. — об.)* подскарбей Ондрѣй Завиша; а по лѣвую сторону от короля сидѣли: воевода Виленской Хриштопъ Радивилъ, воевода Смоленской Ян Аврамович, каштелян Жемотцкой Миколай Нарушевич, канцлѣр Левъ Сопѣга, подканцлѣр Гаврила Война. А ниже панов-рад сидѣли в крѣслех по обе стороны моршалки с лѣсками: по правой сторонѣ сидѣл моршалок дворной Литовской Петръ Веселовской, а по лѣвую сторону сидѣл моршалок великой *(л. 66)* Литовской Хриштопъ Дорогостайской. Да по правую же сторону у короля стояли: подскарбей дворной Ерош Волович, да писари: Матфѣй Война да Галіяш Пелгримовской, да секратарь королевской Семен Руднитцкой. А за паны-радами по обе стороны стояли дворяне королевские і шляхта. А в сѣнех и по крыльцу и по переходом стояло всяких людей человѣкъ с 500 да дробантов з бердыши перед королевскою полатою человѣк з 20.

Декабря же въ 30 день приходили к послом к боярину *(л.—об.)* к Михаилу Глѣбовичю с товарыщи приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи и говорили: государь нашъ наяснейшиі Жигимонтъ король вам, великого государя великим послом, велѣл быти у себя завтра и с паны-радами о дѣлех говорити. А паны-рада его королевские милости велѣли вам, великимъ посломъ, говорити, чтоб вам приѣхати ко государю нашему со всѣми дѣлы, что есть с вами от государя вашего, и говорити-б вам о всяких дѣлех с ними короткими словы; и паны-рада, выслушав у вас всѣ дѣла, донесут до государя своего до Жигимонта короля, и государь нашъ на тѣ дѣла отвѣт вам велитъ учинить вскоре. А быти вам у государя нашего на отпуске в недѣлю, а в понедѣльникъ государь наш отселе пойдет для своих справ в ыные мѣста. *(л. 67)* А больши того королю здѣся в Вильне не жить: государь наш Жигимонтъ король, отставя всѣ свои дѣла в Лиѳлянтах, приѣхал в Вильну для вас, великого государя великих послов, чтоб вас вскоре отправить.

И послы говорили: мы ко государю вашему ѣхати готовы и с паны-радами будем говорити по царьского величества наказу.

И декабря въ 31 день послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи были у короля вдругорядь; а приезжали звати х ко-

ролю на двор и ѣхали с послы прежние встрѣчники *(л. — об.)* Адам Талвашъ, да Ярошъ Песотцкой, да приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи,—и дворяне. А приѣздъ посольской х королю на двор і въстрѣчи послом были по прежнему, и спрашивали встрѣчники послов от короля о здоровье; а были послы у короля въ других полатах. И как послы вошли х королю, и явил послов королю моршалок великой Хриштопъ Дорогостайской. И король велѣл послом сѣсти на скамейке да призвал к себѣ король моршалка Хриштопа *(л. 68)* Дорогостайского да канцлѣра Лва Сопѣгу, и поговорил с ним немного.

И канцлѣр Левъ Сопѣга, отшед от короля, говорилъ послом рѣчь: пришли есте ко государю нашему наяснейшему Жигимонту королю Польскому і великому князю Литовскому от в. г. і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р.; и которые рѣчи говорили государю[1] нашему на посольстве, і государь наш ваши рѣчи выслушал и вразумѣл. І вы говорили в речи от государя своего, что прислал вас, своих великих послов, того перемирья закрепити, которое перемирье приговорили з государя вашего *(л. — об.)* бояры послы государя нашего Левъ с товарыщи, и государю б нашему то перемирье закрепить, и крестъ на перемирных грамотах целовать и отпустить вас не задержав; а что приказ с вами говорить от государя вашего в. г. і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. о иных о великих[2] дѣлех и о тѣх бы дѣлех говорить вамъ с паны-радами, и государь нашъ наяснейшиі Жигимонтъ король высылает к вам, великого государя великим послом, о тѣх дѣлех говорить сенатарей своих ближние своей рады князя-бискупа Виленского Венедикта Войну, воеводу Виленского и гетмана навыщщего великого княжества Литовского Хриштопа Радивила, да воеводу Тротцкого Миколая *(л. 69)* Радивила, каштеляна Тротцкого Юрья Радивила, и иных панов-рад своих. І вы подите говорити с ними о дѣлех.

И послы, ударя челом королю, пошли в Отвѣтную полату, а встрѣчники шли перед послы. И после послов пришли в Отвѣтную полату паны-рада: бискупъ Виленской Венедиктъ Война, да воевода Виленской Хриштопъ Радивилъ, да воевода Тротцкой Миколай Радивилъ, каштелянъ Тротцкой Юрьи Радивилъ, воевода Смоленской Ян Аврамович, моршалок великой Хриштоп Дорогостайской, моршалок дворной Петръ Веселовской, канцлѣр Левъ Сопѣга, *(л. — об.)* да подканцлѣр Габриель Война, подскарбей Ондрѣй Завиша, да

[1] Государю нашему... говорили въ рѣчи *пропущено въ Ч.*
[2] Какихъ Ч.

подскарбей земской Ярош Волов, да писари Матфѣй Война да Гельяшъ Пелгрымовской. И послы панов-рад встрѣтили Василей и Өөонасей въ треть полаты, а Михаило отшед немного с мѣста своего, і, витався, сѣли по мѣстом. Послы сидѣли в лавке на болшом мѣсте, а паны-рада сидѣли на скамьях.

И канцлѣр Лев Сопѣга, встав, сняв шапку, говорил рѣчь, а паны-рада стояли: государь нашъ наяснейшиі Жигимонтъ король Полскиі і великиі князь Литовскиі, за прозьбою панов-рад своих, посылал к в. г. вашему і в. к. Борису Өедоровичю в. Р. послов своих великих меня, *(л. 70)* Лва, с товарыщи о вѣчном доконча̀нье и соединенье; и государя вашего бояре, которые были с нами в отвѣте, говорили с нами о доконча̀нье, и о соединенье, і о государя вашего царском именованьи и о титле, и то на тот час не сссталось; а приговорили с нами перемирья на 20 лѣт. И крестъ на перемирных грамотах государь вашъ в. г. і в. к. Борис Өедорович в. Р. перед нами послы целовал, а мы перед нимъ, государем, за государя своего за Жигимонта короля и за коруну Польскую і за великое княжество Литовское крестъ целовали; и ныне того перемирья закрепить государь ваш прислал вас, пословъ своих великих. І вы говорили на посольстве в речи от государя своего о царском же *(л. —об.)* имянованье, чтоб въ перемирную грамоту написать царское имянованье и титло государя вашего сполна; да вы же говорили, что государь вашъ в. г. і в. к. Борис Өедорович в. Р. наказал вам и о иных дѣлех дѣлать и становить. И государь нашъ его королевская милость прислал к вам, к великим послом, своих сенатарей, панов-рад ближние своей рады, о тѣх дѣлех говорити; и что с вами государя вашего о которых дѣлех наказ, и вы-б тѣ дѣла государя нашего паном-радам объявили, и паны-рады, выслушав у вас тѣ дѣла, донесут до государя своего до Жигимонта короля; и государь наш на тѣ дѣла велитъ вамъ отвѣт учинити. А объявили б есте короткими *(л. 71)* словы для того, что государь наш, его королевская милость, отправливать вас хочет вскоре для того, что государь наш, его королевская милость, пріѣхал в Вильну для вас, оставя свои великие дѣла, которые у него были в Лиөлянтех с ызмѣнником его с арцы-Карломъ; и ныне, отправя вас, государь наш пойдет из Вильны для своего дѣла тотчасъ.

И послы боярин Михайло Глѣбович паном-радам говорил: присылал к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., государь ваш Жигимонтъ король послов своих великих Лва Івановіча Сопѣгу, канцлѣра великого княжества *(л. —об.)* Литовского, да Станислава

Варшитцкого, каштеляна Варшевского, да писаря великого княжества Литовского Гелияша Пелгримовского о докончанье и соединенье. I в. г. нашъ ц. i. в. к. Борис Өеодорович, в. Р. с., выслушав их посольства и хотя всего добра хрестьянству, з государем вашим Жигимонтом королем похотя быти в любви и в докончанье и в соединенье, чтоб меж их великих государей и меж их великих государствъ доброе дѣло и любовь на вѣчный покой и соединенье на бесермен совершилося, велѣл с ними бояром своим, которые были в отвѣте, говорити о докончанье, и о соединенье, и о своем царском имянованье, и о титле, что ему, великому государю, Бог дал *(л. 72)* от прародителей великих государей царей Росиiских. И послы государя вашего Левъ Сопѣга с товарыщи о докончанье и о соединенье говорили, многие статьи вставливая, зачѣмъ вѣчному миру сстатися было невозможно; а о царскомъ имянованье и о титле наказ королевской сказывали. И в то время докончанье и соединенье меж в. г. нашего ц. i в. к. Бориса Өеодоровича, в. Р. с., и меж государя вашего Жигимонта короля и меж ихъ великихъ государствъ не сталось. И послы государя вашего царского величества з бояры говорили о перемирье, чтоб великому государю нашему его царскому величеству для крестьянского покою прежнее перемирье до урочных лѣтъ додержати *(л. — об.)* и вновь наколько пригоже велѣти перемирья прибавити; а о царском iменованье сказали, что имъ на перемирье о царском имянованье без королевского вѣдома дѣлати невозможно, а как они послы будут у государя своего у Жигимонта короля, и они о том известят государю своему Жигимонту королю i вам, паномъ-раде, и о том договор будет в то время, как будут царского величества великие послы у государя вашего у Жигимонта короля. I в. г. нашему ц. i в. к. Борису Өеодоровичю, в. Р. с., на перемирье и дѣлати было непригоже за несходительством государя вашего Жигимонта короля, что царского величества именованье не описует с полнымъ царским именованьем. Да в. г. нашъ *(л. 73)* ц. i в. к. Борис Федорович, в. Р. с., истинный милосердый хрестьянскиi государь, по своему царскому милосердью жалѣя о хрестьянстве, а за челобитьемъ и за печалованьем сына своего, в. г. нашего ц-ча к. Өеодора Борисовича в. Р. велѣл з государя вашего послы дѣлати на перемирье; и царского величества з бояры государя вашего Жигимонта короля послы приговорили меж в. г. нашего ц. i в. к. Бориса Өеодоровича, в. Р. с., и меж государя вашего Жигимонта короля и меж ихъ великихъ государствъ перемирья к прежнему перемирью вновь на 20 лѣтъ от Успеньева дни святые

Богородицы лѣта 7110 году *(л. — об.)* до Успеньева ж дни святые Богородицы лѣта 7130-го году, а прежнее перемирье держать до урочных лѣт по прежним перемирным грамотам. И в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Өедорович, в. Р. с., прислал того перемирья закрепить и о своем царском имянованье договор учинить насъ, послов своих великих, меня боярина своего и намѣсника Суздалского Михайла Глѣбовича Салтыкова-Морозова, да дворянина своего и намѣсника Рязского Василья Тимофѣевича Плещѣева, да діака своего думного Өеонасья Іванова сына Власьева; и государь бы ваш Жигимонтъ король велѣлъ перемирную свою грамоту *(л. 74)* написати с полным царским имянованьем: царем, всеа Русіі самодержцом, и с титлы сполна, как царское величество описуетца в своих грамотах ко всѣмъ великимъ государем, и какъ его царское величество описуютъ всѣ великие государи по его царскому достоинству, что ему государю Бог дал от прежних великих государей царей Росиіских, и печать бы свою к той грамоте велѣл привѣсити, и крестъ на ней к в. г. нашему ц. и в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., целовал перед нами, царского величества великими послы, и по той бы своей грамоте государь ваш Жигимонтъ король тот мир держал до урочных лѣтъ вовсем потому, какъ в перемирных *(л.—об.)* грамотах написано, и ту свою перемирную грамоту с своею печатью дал нам, царского величества великим послом, и отпустил нас к царскому величеству не задержавъ.

И как послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи рѣчь изговорил, и паны-рада, встав, отшед, думали меж себя долгое время. А пришед к посломъ паны-рада и сѣдчи по мѣстомъ говорили: слышали есмя ваши рѣчи великого государя великих послов, і выразумѣли, и тому радуемся[1], что государь ваш в. г. і в. к. Борисъ Өедоровичь в. Р. з государем нашимъ ныне мирное постановенье учинил *(л. 75)* і вперед хочет всего добра крестьянству; также и государь нашъ наяснейшиі Жигимонтъ король и паны-рада обоих государствъ коруны Польские и великого княжества Литовского и вся Рѣчь Посполитая, за помочью Божьею, хотим и радѣем всего добра хрестьянству. Вы, великие послы, бывали от государей своих въ посольстве, и вы вѣдаете все, что промеж государей наших дѣлаетца. Преже сего после небощика государя нашего славные памяти Стефана короля на олекцѣе, обиранье королевскомъ, паны-рада коруны Польские и великого княжества Литовского и послы со всѣх

[1] Ради есмя Ч.

повѣтов і вся Рѣчь Посполитая, хотячи всего добра хрестьянству *(л. — об.)* и для невинного кроворозлитья во хрестьянстве, против неприятелей креста Христова Турка и иных поганцов, государя вашего славные памяти в. г. і в. к. Ѳедора Івановича в. Р. с послы з бояриномъ с Степаном Васильевичемъ Годуновымъ с товарыщи говорили о постановленье вѣчного покою; і в то время о докончанье вѣчном и о соединенье не приговорили, а приговорили перемирья на 15 лѣт, а в тѣ перемирные лѣта слати меж себя государем нашим о вѣчномъ докончанье і соединенье пословъ своихъ. И мы пана-рада духовные и светцкие коруны Польские и великого княжества *(л. 76)* Литовского, хотя добра хрестьянству, вспомня о томъ, въ прошломъ году на сьеме приговоря с послы повѣтными и со всею Рѣчью Посполитою коруны Польские и великого княжества Литовского, просили есмя у государя своего Жигимонта короля, чтоб для покою хрестьянского з государемъ вашимъ с в. г. і в. к. Борисомъ Ѳедоровичем в. Р. был в доброй любви, и в згоде, и в вѣчномъ докончанье и соединенье. И государь наш наяснейшиі Жигимонтъ король, разумѣвъши добрую мысль пановъ-рад своих и всеѣ Рѣчи Посполитые коруны Польские и великого княжества Литовского, с того сьему *(л. — об.)* послал ко государю вашему к в. г. і в. к. Борису Ѳедоровичю в. Р. о вѣчномъ докончанье і соединенье послов своихъ великихъ ясневелеможного пана Лва Ивановича Сопѣгу канцлѣра великого княжества Литовского с товарыщи, дав им артыкулы, на чем докончанье і соединенье приговорили паны-рада и послы повѣтные коруны Польские и великого княжества Литовского на сьеме. І государь ваш в. г. і в. к. Борисъ Федорович в. Р. з государемъ нашим з Жигимонтомъ королем в вѣчном докончанье и в соединенье быти не похотѣл, *(л. 77)* а государя нашего послов держал у себя долгое время запертых тѣм обычаемъ кабы въ нятстве и нужа имъ и теснота была великая, и сторожі у дворов были, никуды их не пускали; а держав у себя их долгое время, велѣл учинити перемирье и титул государя нашого дѣдичной Свѣйского королевства, что государю нашему Бог дал, у послов государя нашего вытиснул, и в перемирныхъ грамотах не написали. И то государя вашего любовь ли ко государю нашему? А ныне говорили есте на посольстве государю нашему и с нами паны-рады говорите, чтоб государь нашъ Жигимонтъ король въ перемирной грамоте написалъ *(л. — об.)* государя вашего с полным царским титулом; і то не может быти, что государя вашего написати с полным царским титулом. Пишет государь наш Жигимонтъ король ко государю вашему к в. г.

і в. к. Борису Өедоровичю в. Р. и с послы своими приказывал титул государя вашего по прежнему обычаю, как преже сего к великимъ государемъ вашимъ и великим князем всея Русиі прежние государи наши, короли Польские и великие князи Литовские, писывали, также и великие государи ваши и великие князи к прежним королемъ Полскимъ і великим княземъ Литовским грамоты (*л. 78*) свои присылывали без царского титула. Посмотрите сами прежних государей своих и великих князей всеа Русиі грамот докончальных и перемирныхъ. Прежней государь вашъ і великиі князь Іван Васильевич всеа Русиі был государю нашему Александру, королю Польскому и великому князю Литовскому, тесть, дочь его государская великая княгиня Елена была за государем нашим; и в докончальных грамотах написано имя государя вашего без царского имянованья великим княземъ: хотя были въ приятельстве, зять ему, а титула государю вашему царского не написалъ. Да и сами государи ваши того царского (*л. — об.*) титула до в. г. і в. к. Івана Васильевича в. Р. не хотѣли: всчал то ново государь ваш і в. к. Іван Васильевич в. Р. И царской титул государя вашего ныне и вперед на перемирье не может быть. А о том вам, великим послом, объявляем: как послы государя нашего перемирную грамоту государя вашего ко государю нашему наяснейшему Жигимонту королю привезли и донесли[1] о том, что государь ваш в. г. і в. к. Борис Өедорович в. Р. у государя нашего титул его дѣдичной Шветцкой отнялъ, і государь нашъ о томъ оскорбился и на (*л. 79*) послов своих опалу свою положил; и паны-рада короля о том просили и били челом, чтоб для хрестьянского покою на то не ображался, чтобы перемирье велѣл здержати. И государь наш наяснейшій Жигимонтъ король, как есть государь крестьянскиі, на то не смотря, то перемирье посямѣста здержалъ и вперед того перемирья не рушит, а титула своево дѣдичного Шведцкого не отставит, писать себя велитъ полным титулом: дѣдичнымъ королем Шведцким, Годцкимъ, Вандалским и Өинлянским, что ему, государю, Бог дал.—А канцлѣр Левъ Сопѣга, сидя, тоже говорил и паномъ-радам росказывал, что бояре государевы у них титул государя их дѣдичный Свѣйской неволею вытиснули, (*л. — об.*) держали их на Москвѣ долгое время кабы въ нятствѣ, и нужа и теснота им была великая, стояли мы, послы, и дворяне королевские и люди наши не на многих дворех, а иные в земляных избах жили, и мало есми не згорѣли. Самъ есми многижда берег

---

[1] Не донесли Ч

от огня; а иные люди наши, да и мы сами, от духу мало не здохли. А как приѣхали есмя к Москве, и мы государских очей не видели 6 недѣль; а как были на посольстве, руку его государскую целовали, и мы после того не видели его государских очей 18 недѣль. Потом от великого государя вашего думных бояр слыхали есмя много слов пышных, вытискаючи у нас великого государя *(л. 80)* вашего его царского титула, чтоб мы написали государя вашего с полным царским титулом. И яз имъ сказывал также, как и ныне говорю, что намъ отъ государя нашего наказу о царском титуле на перемирье нѣтъ; а на докончанье наказ королевской был о царском титуле, толко б государь ваш по тѣмъ по всѣм статьямъ, каковы мы дали бояром, згодился; а будет не похотят доброго дѣла, и мы просилися и без дѣла. И били есмя о том челом государскому сыну, чтоб он государь донес до отца своего государя, чтоб насъ задержати не велѣл, велѣлъ бы отпустити і без дѣла. И к тому нас привели, что просили есмя смерти себѣ за то, что над нами такъ дѣлаетца: ни дѣла ни дѣлают, ни отпустят. *(л. — об.)* Да и то нам государя вашего люди сказывали, что хотят нас, послов, розослать по городом и засадить и дворы де нам подѣланы гдѣ сидѣти. И мы с серца приставом и то говорили: будет государь ваш не велит нас отпустить, и мы на кони сядем и поѣдем сами; а хто нас станет бить, и мы учнем сами бить, потому что пришло нам не до государские чести, до своего живота; намъ животъ свой всего дороже в неволе жить не извыкли. И ты, Ѳонасей, к нам от государских бояр приѣзживал с кручиною. И мы, видя такую над собою тесноту приговорили на перемирье по неволе. І государь ваш и титул у государя нашего дѣдичной Свѣйской бояромъ своимъ велѣл *(л. 81)* у нас вытиснуть, что государю нашему Бог дал от дѣда и от отца его и по корунованью, что государь нашъ на Свѣйское королевство коруновался, и есть ныне Свѣйским королем. И мы государя вашего з бояры много говорили и плакали о том: Боже святый! Увидь укривженье государя вашего над государем нашим, что без Божьей воле отымает титул дѣдичный государя нашего. И на то нас неволею привели, что и титул государя своего из грамоты вычернили. И после того бояром государя вашего о том говорили есмя, что мы, послы королевские, приѣхав, государю своему и паном-раде скажемъ, что мы то учинили неволею, вытиснули на нас титул государя нашего силно. И приѣхав есмя государю *(л. — об.)* своему Жигимонту королю и паном-раде, братье своей, всѣм о томъ извещали, что над нами то учинелось неволею, утиском титул государя нашего, дѣ-

дичной Свѣйской, отняли. І государь наш на нас за то опалу свою положил, что есмя учинили не по его государскому наказу. Да и о городѣх есте о Лиѳлянских о Ругодиве, о Колывани и о иных городѣх, о которыхъ приговор был преже сего і записи договорные, бояре государя вашего договору с нами никакого не учинили; а тѣ городы Лиѳлянские вотчина государя нашего Жигимонта короля, а дал их государю нашему отецъ его небощикъ Яганъ король Шведцкой при себѣ, а ныне и по Готову по Свѣйскому королевству тѣ *(л. 82)* городы государя нашего.

Да хотѣли паны-рада казать послом прежние докончальные грамоты и перемирные великих государей царей Росиіских.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи паном-раде говорили: говорили есте нам, царского величества великимъ послом, что в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., з государемъ вашимъ з Жигимонтомъ королемъ и государства государя нашего з государьствы государя вашего с коруною Польскою и с великим княжеством Литовским в докончанье і в соединенье быти не похотѣл. Мы *(л. — об.)* вам о том объявляем, что в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., з государемъ вашимъ з Жигимонтомъ королемъ в докончанье і в соединенье быти хотѣл, да не токмо з государем вашим, і со всѣми хрестьянскими государи въ дружбе и в любви быти хочет, и о том ныне и всегда радѣет и промышляет, чтоб всѣ хрестьянские государи, меж собою утвердяся в любви и въ дружбе, стояли на бесерменских государей заодин. И с послы государя вашего великиі государь нашъ его царское величество бояромъ своимъ о докончанье и о соединенье говорити велѣлъ, на чом меж великих государей *(л. 83)* наших и их великих государствъ докончанью и соединенью мочно сстатися. И послы государя вашего многие статьи вставливали, зачѣм докончанью и соединенью сстатися было невозможно, и затѣмъ в то время докончанье и соединенье не сстадося. А по прошенью государя вашего послов и для хрестьянского покою царское величество велѣл бояром своим приговорить перемирья на 20 лѣт.—А что говорили есте, что государю вашему Жигимонту королю на перемирье государя нашего с полным царскимъ именованьем не писывать, а писать потому, как прежние короли ко государем нашим писывали, — и преже сего к великимъ государемъ нашим, царем Росийским, *(л. — об.)* короли Польские і великие князи Литовские писывали без царского именованья по своему безмѣрью, і за то и по се время меж великих государей наших нелюбье и крови многие за то лились. І вперед только король вели-

кого государя нашего не учнет описывать царем и самодержцом, и титлы сполна,—і за то меж великих государей наших любви совершенные і вѣчного миру въперед не будет; и будет похочет король с царскимъ величеством быти в совершенной дружбе и в любви, и король бы великого государя нашего описывал с полным царским именованьем царемъ и самодержцом всеа Русиі по его царскому достоинству. А та превысочайшая царская степень величества великому *(л. 84)* государю нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., дана от Бога от прародителей, великих государей наших, царей Росиіских, почень от великого государя царя і великого князя Владимера Манамаха, от Грекъ высокодостойнейшую честь восприимшаго, и венчан царскимъ венцем и діадимою от великих государей от Констянтинопольских царей, совѣтомъ святейших вселенских четырехъ патриархъ и всего вселенского собора, и именован царь і великиі князь Владимер Манамах. Даже и до в. г. ц. і в. к. Івана Васильевича, в. Р. с., и сына его хвалам достойнаго *(л.—об.)* в. г. ц. і в. к. Өедора Івановича, в. Р. с., мстителем неправды, і закосненным прародительским землям обретателей, и многих мусульманских царствъ победителей і облаадателей. Потом Божьимъ праведным судомъ та превысочайшая царская степень величества дойде до в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., не токмо, что Російского государства царское именованье великому государю нашему Бог подаровал, и мусольманских государствъ царства Казанского і Астараханского и Сибирского, и многие крестьянские и мусульманские цари на своих царьствах великому государю нашему его царскому величеству *(л. 85)* послушны учинилися, и ныне великому государю нашему служат. И прославлена превысочайшая его царская степень величества славою і честію во всей вселенней от всѣхъ великих государей, і всѣ великие государи—цесарь Римской, и король Ишпанской, і всѣ крестьянские государи и короли, и навышшій папа Римскій, и мусульманские государи всѣ описуют великого государя нашего его царское имя, с полным царским имянованьем, царем и самодержцомъ, и титла сполна по его царскому достоянью. А как з Божьею помощью в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Өедорович, в. Р. с., учинился на своих преславных великих государствах Росиіского царствия царем і великим князем, всеа Русиі *(л.—об.)* самодержцом, і венчался царским венцемъ и діадимою по древнему обычаю, і великиі государь нашъ его царское величество посылал к Жигимонту королю государство свое обестити посланника своего и дворянина думного і яселничего і намѣсника Можайского Михайла Игнатьевича Тати-

щева да діака Ивана Максимова и с ними к Жигимонту королю приказывал, чтоб Жигимонтъ король писал к великому государю нашему къ его царскому величеству с полнымъ царским именованьем, чтоб меж ими великими государи за то нелюбье не воздвизалось. И Жигимонтъ король и ныне великому государю нашему нелюбье свое оказует, его царское *(л. 86)* величество описует не с полным царским именованьемъ, царем и самодержцем, и титлъ его царских сполна не описует. И послы государя вашего Жигимонта короля ты, Лев Сопѣга с товарыщи, царского величества бояромъ в отвѣте на перемирье королевского наказу о царском именованье у себя не сказали, переменя прежние свои рѣчи, что преже того великого государя нашего о царском именованье наказ королевской у себя на докончанье сказывали; і царскому величеству на перемирье і дѣлати было непригоже за несходительством государя вашего, что его царского именованья и титлъ сполна не описует. Да государь наш, истинный милосердый государь, по своему царскому милосердому обычаю, *(л. — об.)* жалѣя о кроворозлитье хрестьянскомъ, чтоб кровь хрестьянская литися престала, вовсемъ на себя поступая, оставя всѣ мѣры, без чего было и дѣлать непригоже, хотячи видеть во хрестьянстве покой и тишину, велѣлъ здѣлати на перемирье. И государю вашему Жигимонту королю і вам, паном-радам, царского величества любовь і сходительство к покою хрестьянскому пригоже знать, і великого государя нашего его царского именованья и титла писать сполна по его царскому достоинству, что ему, в. г., Бог дал; а без того въперед дружба и любовь не крепка. А как будет меж великих государей наших дружба и любовь, и тогды *(л. 87)* з Божьею помочью могут против всѣх своих недругов стояти і своею царскою любовью, прося у Бога милости, могут православное хрестьянство из рукъ бесерменских высвободить. А то вам самим вѣдомо, как были великие государства Греческое, и Серпское, і Угорское, и иные крестьянские государства, и тѣ всѣ великие государства за незгодою і за несходительством крестьянских государей посѣли мусольманские государи, и гдѣ были церкви Божьи, и в них славилося имя Божье, и Агнецъ Божій закалался, тут ныне мечети и мизгити татарские; и гдѣ была вѣра православная, тут ныне *(л. — об.)* вѣра магметцкая, и тѣх государьствъ люди православные истинные вѣры в какой нуже и в неволе колко сот лѣтъ живут, от бесерменъ стражут, а молят і просят у Бога милости, и ожидают себе утешенія и свободы от бесермен. И нам бы с обе стороны у Бога милости просити, чтоб милосердый Бог по-

слал Дух Свой святый в серца великих государей наших крестьянских, чтоб, меж себя учинясь въ дружбе і в любви, стали на бесермен заодин, и тѣх бѣдных и неволных крестьян, которые много лѣт в великой бедѣ и в нуже пребывают, из рук бесерменских высвободили; а, прося у Бога милости, такое дѣло может быти. *(л. 88)* І вам бы, паном-радам, государю своему о том радить, чтоб Жигимонтъ король въ нынешнюю свою перемирную грамоту царского величества имя велѣл написати с полным царским именованьем и с титлы сполна, по его царскому достоянью, потому же, какъ в государя нашего грамоте писано. Сами то можете разсудить: которая в том государю вашему Жигимонту королю прибыль, что великого государя нашего его царского величества именованья не описует сполна, по его царскому достоинству? Какой то мир и любовь: перемирье б держати, а царские честі умаливать? Тот мир въперед не прочен. Добро-б любовь и дружба прочная, чтоб было бес досады; а дружбе начало то, что друг другу честь воздает і вперед тут дружбе и любви прибавленье бывает; а хто чести уменьшивает, *(л. — об.)* тутъ гнѣв воздвизаетца. — А что говорили есте, будто в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., государя вашего Жигимонта короля послов Лва съ товарыщи задержати велѣл долгое время кабы в нятстве, и тесноты им были великие, и розослать будто их хотѣли по городом, и перемирье будто учинили по неволе, и титул государя вашего Свѣйской сильно у них вытиснули,—и то послы государя вашего государю вашему Жигимонту королю и вам, паном-радам, сказывают на ссору, не хотя видеть меж великих государей наших дружбы и любви, и меж их великих государствъ покою и тишины: задержанья им и тесноты въ государя нашего государстве не было *(л. 89)* никоторого; позадержались послы государя вашего на Москве для того: за наш грѣх і всего православнаго хрестьянства в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Ѳедорович, в. Р. с., его царское величество ношкою долгое время недомогал, выходу его государского не было; а как в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с., облегченье дал Бог, и царское величество государя вашего послов, тебя Лва с товарыщи, дав вам (видѣть) свои царские пресвѣтлые очи, тотчасъ вскоре отпустити велѣл. А безчестья вам никоторого не было, во всемъ вам царскимъ жалованьем почесть была великая, чего прежнимъ послом николи не бывало, жаловал вас *(л. — об.)* царское величество не по посольскому обычаю.—А перемирье царское величество велѣл учинити бояром своим по прошенью государя вашего

послов, тебя Лва с товарыщи: говорили есте государя нашего бояром в ответе и со мною с Офонасьем приказывали, чтоб царского величества бояре били челом в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., чтоб его царское величество для крестьянского покою велѣл с вами дѣлати на перемирье, на колко лѣт пригоже; а послѣднее говорили, чтоб перемирье учинить лѣт на 30. I царского величества бояре доносили до в. г. нашего ц-ча к. Өедора Борисовича в. Р., а государь царевич бил челом отцу своему в. г. *(л. 90)* нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., чтоб его царское величество для хрестьянского покою велѣлъ з государя вашего послы дѣлати на перемирье. I в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Өедорович, в. Р. с., истинный крестьянскій милосердый государь, жалѣя о хрестьянстве, чтоб кровь крестьянская литися престала, во всем на себя поступая, по своему царскому милосердому обычаю отставя всѣ мѣры, без чего было им дѣлати нельзя, за челобитьем і за печалованьем сына своего в. г. ц-ча к. Өедора Борисовича в. Р., велѣл бояром своимъ с послы государя вашего перемирья приговорить на 20 лѣт. И перемирную *(л.—об.)* грамоту писали послы государя вашего, как хотѣли по своей воле, и по договору государя нашего бояры какъ приговорили, потому и написали, а не неволею и не утиском. Царскому величеству того перемирья нѣчего было добиватца: Божьею милостью, и его царским счастьем, і премудрым разумомъ, і милосердьем, и храбрством отовсюду его великимъ государствам Росиіского царствія прибавленье и разширенье, и люди воинские многие устроены и пожалованы, и недруга царскому величеству и его великим государствам нѣтъ никоторого; всѣ великие государи цесарь Римскиі, і король Ишпанскиі, і Өранцовской, и Аглинская королева, и Датцкой король, и мусульманские государи—шах Перситцкой, и салтан *(л. 91)* Турской, і царь Крымской, и иные крестьянские и мусольманские государи к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., присылают с великим прошеньем и с челобитьем, просячи того, чтоб царское величество был с ними въ дружбе и в любви і в ссылке, а с иными и в докончанье, и стоял на всѣх недругов заодин. I в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичу, в. Р. с., нѣчего было для перемирья добиватца, и пословъ государя вашего неволить.—А титла государя вашего у послов не вытискивали, и сильно ничего не дѣлывали: дѣлали на перемирье и грамоты перемирные писали *(л. — об.)* государя вашего послы Лев с товарыщи по своей воле, какъ хотѣли, и неволи имъ никоторые не было. Мы, Михайло и Өөонасей, з государя вашего послы

были в отвѣте и мы вѣдаемъ, как что дѣлалось; а ты, Лев, ныне говоришь на ссору, не потому, как дѣлалось. — А что говорите, что государь ваш коруновался Свѣйскою коруною и есть ныне королем Свѣйским, і в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с., про Свѣйское коронованье государя вашего никоторого вѣдома не бывало, с царским величествомъ о том не обсылывался; только про то вѣдомо, какъ государь ваш Жигимонтъ король ходилъ *(л. 92)* в Свѣю и над нимъ в Свѣйской землѣ незгода учинилась. А только б государь ваш коруновался Свѣйскою коруною, и он бы о том прислал обестить царскому величеству, и сам бы был на Свѣйском королевстве, а не арцы-Карло. Ныне на Свѣйском королевстве арцы-Карлус, а не Жигимонтъ король, а Жигимонту королю до Свѣйского королевства и дѣла нѣтъ. І вам о Свѣйском титле порозжих слов говорить и писать того нѣчего, чего за собою не имѣете. — А что ты, Лев, говорил о Ливлянских городѣх — о Ругодиве і о Колывани, что царского величества бояре об них с вами послы не приговорили, і царского величества бояром о тѣх городѣх с вами какъ было говорити *(л. — об.)* и какому договору об них быти: тѣ Ливлянские городы — вотчина великих государей наших царей Росиіских, і вперед з Божьею помочью тѣх городов великому государю нашему доступать, за кѣмъ ни будут, и никому их не поступыватца. А ныне тѣ городы не за государем вашим, и вам об них порозжих слов нѣчего и всчинать и за чюжие городы говорить. — А что паны-рада говорили есте, да и ты, Лев, говорил, что будто вы послы в государя нашего государстве были заперты за сторожи, и никуды вас, послов, не пускали, и стояли на[1] наемных дворех, а иные в земляных избах, и то ты говоришь не гораздо, не потому, как было: к вамъ, послом, царское жалованье дворы вам даны были стояти многіе, *(л. 93)* улица вся была очищена и дворы великие; а береженье было на дворѣ от огня, потому что у вас послов во дворех конского корму сѣна и соломы было много, люди ваши хаживали ночью с огнем небережно. И того было как не беречи? А за двором сторожи были не для безчестья, — для береженья, чтоб над вами послы и над королевскими дворяны какое лихо не учинилось. А в государстве государя нашего вам, послом, и дворяном, и людем вашимъ никоторое безчестье не учинилося; не так, какъ над нами, царского величества великими послы, в государя вашего землѣ дѣлаетца, каково безчестье и теснота николи над прежними послы

[1] *Написано въ подлинникѣ:* не. *Въ Ч:* на немногихъ.

не бывало и ни в которых государствах того над послы не ведетца, не токмо во крестьянских, ни в мусольманских, *(л. — об.)* въ перемирное время послов держати в таких нужных мѣстех долгое время и убытки нам в людцких и в конских кормѣх многие учинилися; перепустя нас, царского величества великих послов, за рубеж, держали в Орше, у деревни Кутейны на поле, на морозе и на снегу, пол-четверты недѣли, а у станов наших поставлены гайдуки, никуды людей наших и к намъ никого с людцкимъ и с конским кормом не пускали. А за Днѣпръ переведчи, стояли в таком же худомъ мѣсте на Боране 2 недѣли 2 дни. А королевского корму нам в Орше и на Боране не давали, и лошади наши ходили на снегу в морозы, и людцкой и конской кормъ покупали собою по нуже, и добыть было купить не мочно *(л. 94)* и от того давали гайдуком подарки, чтоб пропущали с людцким и конским кормомъ; а которой мужик привезет продать, и с тѣх продавцовъ имали посулы. А как повели нас з Борана и учали кормъ королевской давать, и нам дорогою приставы и шафирь кормовъ людцких и конских[1] многих не додавали. Да в Орше-ж приходили розбоемъ на стада конские и на люди наши Ян Оловенитцкой и людей наших билъ и грабил. А в Менску держали нас 6 недѣль, а кормъ давали потому же, не сполна. Да на нас же приходили в Менску воры ночью, хотѣли нас и людей наших побить, и людей наших сѣкли, и на дворы к торговым людем государя нашего приходили татьбою. И после того ѣхал из Менска литвин Корсакъ, и против *(л.—об.)* двора, гдѣ я Михайло стоял, приѣхав с ним многие люди пьяни, стреляли по мнѣ ис пищалей; а мнѣ в то время лучилось смотрить в окно, мало меня не убили. И мы то сказывали приставом, и прiставы стрельбы и осматривали; и говорили есмя о том приставом накрепко, чтоб они о том писали ко государю своему Жигимонту королю. И того не вѣдаемъ: писали-ль о том или нѣтъ. И то пригожее ль дѣло над нами в государя вашего землѣ дѣлаетца?

И паны-рада говорили: мы вам государя своего росказанье сказываем, что государю нашему на перемирье (*л. 95*) с царским именованьем государя вашего не писывать, а писать по прежнему обычаю, как писывали преже сего к великим государемъ вашим. А то государя вашего не любовь ко государю нашему, что титул его государской дѣдичной велѣл бояромъ своим у послов государя нашего вытиснуть. Нѣчто будетъ тѣмъ Свѣйскому арцы-Карлу помочь

[1] И конскихъ не давали Ч.

чинитъ? А вѣдомо всѣм, что Шведцкой арцы-Карлъ измѣнникъ государя нашего, целовав государю нашему крестъ, изменилъ и больших Свѣйских думных людей, которые государю нашему присягали и прямили, тѣх всѣх побил, и городы было в Ливонской землѣ поимал. А ныне Божьею милостью и государя нашего правдою и счастьемъ измѣнника его арцы-Карла государя нашего люди в Лиөлянтех побили, и городы, *(л.—об.)* которые поимал былъ, назад у него поимали, и сына его Бенкарта взяли, и иных его больших людей поимали; а дастъ Бог, и самово возмут, не убежит он и за морем. И для тое причины государю нашему нѣчего тово своего дѣдичнаго титла и королевства Свѣйского поступовать; въперед то, Бог дастъ, исправитца и будет все за государем нашим. Сами то розсудите: восе которой измѣнник учинит также у государя вашего, отступит въ царстве Казанском или в Астараханском і в Сибирском, і государю вашему того измѣнника не доступать-ли? И для такие причины тѣх государствъ государю вашему ис титлъ не выступливать стать. К тому же подобно: государь великой крестьянской цесарь Римской, *(л. 96)* і за нимъ земли Угорские немного, а то вся земля за Турским; и ныне цесарь воюетца съ Турским за Угорскую землю нѣсколько лѣтъ, а ис титула своего Угорского титула не выставит. А Ишпанской король пишетца Ерусалимским, а Ерусалим за Турскимъ; толко он себя Ерусалимским пишет же для того, что побыл немного за предки ихъ. А потому же не токмо что за Шведом Свѣйская земля, и Ливонская будет. Не дай Боже того: хотя за которым государем за великимъ будет, и государю нашему тѣх своих земель доступать и въ титле писатись, потому что государь прироженной и ныне есть король Свѣйской. Да и то есмя вам объявляем, что з государя вашего *(л.—об.)* стороны многая кривда дѣлаетца, из государя вашего городов государя вашего люди государя нашего к измѣннику къ Шведу в войско привозили всякую живность и всякие запасы; и так де не годитца дѣлать. Государь наш Жигимонтъ король и паны-рада чают, что государь ваш тѣмъ Шведу помочь чинит.—А что говорите, что государя нашего Жигимонта короля послы, какъ были у государя вашего на Москвѣ, сказывали в отвѣте наказ королевской у государя вашего о царскомименованье на докончанье,—и яз, Лев, того не запираюся, и ныне тоже говорю: которые есмя статьи на докончанье в артыкулех подал государя вашего бояром, и только бы государь ваш *(л. 97)* на тѣ на всѣ статьи згодился быти з государем нашимъ в докончанье і в соединенье, і государя нашего наказ о царском титуле с нами был;

а на перемирье никак с нами государя нашего наказу не было, и быти ныне і вперед то не может, что государя вашего в. к. Бориса Өедоровича в. Р. писать царем на перемирье. И то есми на Москвѣ говорил же государским бояром, что они на мнѣ царского титула вытискают, а у меня наказу о том королевского нѣт; а как будем у государя своего у Жигимонта короля, и мы о том донесем до государя своего и до панов-рад и всего рыцерства, и о томъ какъ государь нашъ и паны-рада и рыцерство Посполитое постановят. И только б государь ваш насъ у себя не задержал, отпустил вскоре, и яз бы х королю *(л.—об.)* на сьем поспел, и тѣ всѣ статьи, которые дали нам государя вашего бояре в отвѣте на докончанье против наших артыкулов, донес до государя своего до Жигимонта короля и до панов-рад и до послов повѣтных и до въсего рыцерства. И мы приѣхали ко государю своему, сьему не застали, паны-рада при королѣ были немногие Литовские, а Польские паны-рада и послы повѣтные розъѣхались. И ныне только хотите государя своего царского титула, і вам надобе с прямого сердца говорить, какъ бы мочно сстатися вѣчному миру; и ныне мы видимъ, что с вами о докончанье и о соединенье наказу нѣт, а говорите об одном государя своего о царском именованье и о титло на перемирье. *(л. 98)* И мы вам освещаемся Богом: как есмя у государя вашего на Москвѣ государя вашего бояром говорили, так и ныне говорим: никако государю нашему на перемирье государя вашего с царским именованьем не писывать, і в мысли себѣ не держите; и вам бы[1] говорити с нами и объявляти государя своего дѣла наказаные коротким словы для того, что государь нашь не хочетъ вас здѣся держать. Преже сего вам сказывали есмя, что государь нашъ, отставя всѣ свои великие дѣла, которые у него съ Шведом были, и из Лиөлянтъ пришел для вас, великого государя великих пословъ, и ныне, отправя васъ, хочет государь нашъ итти вскоре отселе для своих дѣл на сьем в Городень.—А что сказываете, *(л. — об.)* что вамъ въ государя нашего землѣ нужа и теснота и безчестье было великое и корму вам не додавали, убытки в людцких и в конских кормѣх учинились великие, и мы то донесем до государя своего до Жигимонта короля и государь наш велит все то исправить.—А что говорите о шти недѣлях, что стояли в Орше, у деревни Кутейны, и на Боране, а корму вамъ королевского не давали, и то вам сталось от себя, пришли есте в государя нашего землю без вѣдомости

[1] Было Ч.

государя нашего Жигимонта короля гвалтомъ. По повелѣнью государя нашего Жигимонта короля Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга писал в Смоленескъ к воеводе и намѣснику Смоленскому *(л. 99)* ко князю Василью Голицыну многижда, чтоб вы въ государя нашего землю без указу государя нашего не ходили, позадержались в Смоленску для того, что государь нашъ в тѣ поры пошол для своего дѣла в Ливлянты на своего измѣнника на Шведа на арцы-Карла; і вы того не послушали, пришли в государя нашего землю сильно. А только-б вы пришли по государя нашего указу, и вам бы во всем учтивость была.

И послы паном-радам говорили: говорите намъ о царском именованье, что государю вашему на перемирье царского именованья не писывать, а о доконча̀нье и о соединенье с нами наказу не чаете; и мы, царского величества великие послы, *(л. — об.)* о том вам, паном-радам, объявляем: как, аже дастъ Бог, с нами в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., о царскомъ именованье договор учините и в перемирной грамоте напишете царское именованье с полными титлы, и мы, приговоря и постановя о том, учнем с вами говорить о доконча̀нье и о соединенье. І вам бы ныне наперед говорити о царском именованье, чтоб государь вашъ Жигимонтъ король царского величества имя писал с полным царскимъ именованьем и с титлы, какъ его царское величество описуетца в своих грамотах и как его царское именованье описуют всѣ великие государи с полным царским именованьем *(л. 100)* и с титлы по его царскому достоянью; а приговоря о том, учнем говорити о доконча̀нье и о соединенье.—А что сказываете, что будто в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Өедорович, в. Р. с., у государя вашего пословъ Свѣйской титул велѣлъ вытиснути, кабы помочь чинячи арцы-Карлу, и со всякою живностью и з запасы в войско к арцы-Карлу государевы люди ѣздили, и вам таких непригожих слов не годитца говорить: такие слова вмещаетъ нѣхто враг Божей і всего православного хрестьянства на ссору, не хотя меж великих государей наших видеть любви и меж ихъ великих государствъ покоя и тишины. А мы, царского величества великие послы, вам преже сего говорили, *(л. — об.)* что в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Өедорович, в. Р. с., бояром своимъ у государя вашего пословъ титла государя вашего вытискать не веливал и не отъимывал, писали послы государя вашего перемирные грамоты по приговору; и арцы-Карлу помочи никоторые чинить не велит, и людем государства своего к арцы-Карлу в войско запасов никаких возить не велит, и того царское

величество николи не жедает, чтоб меж крестьян крови лились, всегда хочет того, чтоб православные хрестьяне были в покое и в тишинѣ.—А что говорили есте, будто мы пришли в государя вашего землю сильно, и мы в государя вашего землю силно не хаживали: пришли *(л. 101)* царского величества мы великие послы ко государю вашему Жигимонту королю по перемирным грамотам и по посольскому договору государя вашего послов Лва Сопѣги с товарыщи. А из Смоленска царского величества воевода и намѣсникъ Смоленской князь Василей Васильевич Голицын к Оршанскому старосте к Ондрѣю Сопѣге об нас, царского величества послѣх, писал многижда. И как мы, царского величества великие послы, пришли за рубеж, і встрѣтили нас на рубежѣ от Оршанского старосты от Ондрѣя Сопѣги шляхта Василей да Иван Олешковы, и говорили нам от Ондрѣя, что дорога нам в государя вашего землѣ чиста. А на первомъ *(л. — об.)* стану приезжали к нам от Ондрѣя же Сопѣги шляхта Ѳилип Михайлов с товарыщи, и говорили нам, что встрѣчи и приставы и кормы і во всемъ учтивость будет в Бахове. А от Орши за 3 версты встрѣтили нас Оршанской земской судья Ондрѣй Ворыпай с товарыщи и говорили нам, что встречает онъ нас, великого государя великих послов, по королевскому росказанью: писал к нему Жигимонтъ король, а велѣл насъ встрѣтити; а приставы де королевские будут к намъ вперед, а быть деи у насъ в приставех ему Ондрѣю да подскарбиеву брату Ондрѣю Завише, да Адаму Лукашеву; а до королевского росказанья велѣл Ондрѣй Сопѣга быти *(л. 102)* у нас для береженья Станиславу Прилутцкому. И только б королевского указу не было, и Ондрѣю Сопѣге для чего к намъ с такими речьми высылать? И Ондрѣй бы Ворыпай с товарыщи нас не встречал и королевского росказанья нам не сказывал, только б указу королевского не было. А ныне над нами, царского величества великими послы, дѣлаетца мимо прежней обычай, чего николи над прежними послы не бывало и ни в которых государствах над послы в перемирное время не ведетца не токмо во хрестьянских, ни в мусульманских, что над нами, царского величества великими послы, безчестье и убытки в людцких и в конских кормѣх многие учинилися. А какъ меж в. г. нашего *(л.—об.)* ц. і в. к. Бориса Федоровича, в. Р. с., і государя вашего Жигимонта короля и меж их великих государствъ перемирье учинено, і в перемирных грамотах написано, что послом и посланником на обе стороны путь чистъ, притти ко государю вашему и назад отъѣхати доброволно безо всякого задержанья и зацѣпки, и безчестья над

послы никоторого не учинить. И ныне над нами не потому учинено, как царского величества жалованье было ко государя вашего послом.

И паны-рада, выслушав посольские рѣчи, встав, отшед думали долго; а пришед говорили: *(л. 103)* рѣчи есмя ваши выслушали и вразумѣли; и мы паны-рада издавна о том зычим, чтоб меж великих государей наших была любовь и меж их государствъ соединенье против неприятеля креста Христова. Толко государю нашему Жигимонту королю и нам, паномъ-раде, о докончанье и о соединенье ныне говорити не мочно, потому что ныне панов-рад тольких при государе нашем Жигимонте королѣ нѣт; а в государя нашего государстве в коруне Польской и в великом княжестве Литовском в обычаех ведетца, ни одинъ без одного, Литовские паны без Польских, болшого дѣла дѣлать не могут; также Польские паны-рада без Литовских панов-рад не дѣлают. А в перемирных грамотах написано, что государемъ нашимъ с обе стороны ссылатца о докончанье и о соединенье *(л.—об.)* послы своими, и мы въперед тѣх дѣл не отставливаем и хотим того, чтоб меж государей і государствъ их вѣчный покой застановить; только ныне без панов-рад коруны Польские такое дѣло дѣлать, ино кабы меж насъ панов-рад оман будет. А которые рѣчи слышим от вас, великих пословъ, и мы о том о всем донесем до государя своего Жигимонта короля.—И пошли паны-рада х королю, а послом сказали: как вам государь наш велит у себя быть, и мы, доложа государя своего, вѣдомо вам учиним с приставы; а ныне б вамъ ѣхати к себѣ в осподы.

И послы поѣхали к себѣ, а провожали послов встрѣчники до тѣх же мѣстъ, гдѣ встрѣтили; а до дворов провожали Адам Талваш, да Ерош Песотцкой, и королевские дворяне.

(л. 104) И того же дни вечере приезжали къ посломъ приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи и говорили: государь нашъ Жигимонтъ король велѣл вам, великого государя великимъ посломъ, быти у себя завтро и с паны-радами о дѣлех говорити.

И назавтрее генваря въ 1 день послы боярин Михайло Глѣбович Салтыков с товарыщи были у короля въ третьие, а приѣздъ их х королю на двор і встрѣчи были по прежнему. А как послы вошли х королю в полату, і явил пословъ моршалок великой Хриштопъ Дорогостайской.

(л. — об.) И король послом велѣл сѣсти на скамейке и призвал к себѣ моршалка Хриштопа Дорогостайского да канцлѣра Лва Сопѣгу и поговорил с ними. И, отшед от короля, говорил канцлѣръ

послом рѣчь: наяснейшиі государь нашъ Жигимонтъ король в. г. и в. к. Бориса Өеодоровича в. Р. вам великим послом велѣл говорити: о которых есте дѣлех говорили вчерась с паны-радными, и тѣ дѣла его королевские милости вѣдомы; и вам бы ныне итти с паны-радами о тѣх дѣлех договор дѣлати не задерживаючи; а как договор учините, и его королевская милость отпустити вас велит вскоре.

(л. 105) И послы, ударя челом королю, пошли от короля ис полаты в Отвѣтную полату. А паны-рада при королѣ сидѣли прежние, только один прибыл, сидѣл по правую сторону ниже пана Троцкого Юрья Радивила—староста Жемоитцкиі Карлус Хоткѣевич.

И того же часу пришли к послом в Отвѣтную полату паны-рада: бискупъ Виленской Венедиктъ Война с товарыщи, которые наперед того были. И, сѣтчи по мѣстом, говорил канцлѣр Лев: говорили есте вчерась с паны-радами о многих дѣлех и объявляли мысль государя своего, что государь вашъ в. г. і в. к. Борис Өеодорович *(л.—об)* в. Р. з государем нашимъ з Жигимонтомъ королем в крѣпкой любви и в дружбе быти хочет, да не токмо з государем нашимъ, и со всѣми хрестьянскими государи; а потом говорили есте государя своего о царском титуле. И паны-рада о тѣх о всѣх дѣлех доносили до государя своего Жигимонта короля, і его королевская милость, пан хрестьянскиі, рад тому, что государь вашъ хочет с ним, з государемъ нашим, и с ыными хрестьянскими государи быти в дружбе и в любви, и похваляет о том государю вашему, и хочет з государем вашим также быть в крѣпкой дружбе и в любви и в докончанье і в соединенье. А что говорили есте о титле государя своего, и на перемирье царского титула написати ныне не мочно, *(л. 106)* наперед надобе государем нашим сойтися искреннею прямою любовью и говорити о докончанье и о соединенье, что меж государей наших утвердилась истинная сердечная братцкая любовь и дружба и меж их государствъ вѣчный покой. А как вѣчное докончанье и соединенье меж великого государя нашего і великого государя вашего и меж их великих государствъ учинитца по тѣм статьям, которые статьи подали государя нашего Жигимонта короля мы послы на Москвѣ государя вашего бояром, тогды и о царском титуле приговорим и писати тѣми титулы государя вашего будем.

И послы паном-раде говорили: преже сего мы, царского величества великие послы, вам *(л. — об.)* паном-раде, братье своей, говорили, что в. г. нашь ц. і в. к. Борис Федорович, в. Р. с., з государемъ вашимъ Жигимонтомъ королем въ дружбе і в любви быти

хочет, только б государь вашъ к великому государю нашему ныне любовь свою показал, въ нынешнюю перемирную грамоту велѣл написати полное царское именованье—царем всеа Русиі і самодержцемъ — и титлы сполна по его царскому достоинству, что великому государю нашему Бог дал от прежнихъ великих государей царей Росиіских, и как его царское величество описуют всѣ великие государи. Мы вам тому и грамоты подлинные покажем, как всѣ великие хрестьянские *(л. 107)* государи и мусульманские государи к великим государемъ нашим царем Росийскимъ писывали преже сего и ныне пишут с полным царскимъ именованьем: цари всеа Русиі и самодержцы — по их царскому достоинству. Преже сего к великому государю блаженные памяти к ц. і в. к. Василью Івановичю, в. Р. с., цесарь Максимилиян Первой писал великим государем кесаремъ і великимъ князем всеа Русиі, и в докончальных грамотахъ о том писано. Также к в. г. ц. і в. к. Івану Васильевичю, в. Р. с., цесарь Максиміліян Второй и к в. г. ц. и в. к. Ѳедору Івановичю, *(л. — об.)* в. Р. с., Рудольфъ цесарь писали великими государи цари, всеа Русиі самодержцы. Да и всѣ великие государи крестьянские, король Ишпанской, и Ѳранцовской, и Датцкой, и Аглинская королева, также и навышшій папа Римскиі преже сего писали и ныне к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳеодоровичю, в. Р. с., пишут с полным царским именованьем царем всеа Русиі и самодержцем; толко с одной з государя вашего стороны сходительства нѣт: государь ваш Жигимонтъ король мимо всѣх великих государей царского именованья и титлъ сполна не описует, тѣмъ к царскому величеству нелюбовь *(л. 108)* свою показует. І вам, паном-радам, пригоже о том радѣти и государя своего Жигимонта короля на то наводить, чтоб въ нынешнюю перемирную грамоту Жигимонтъ король велѣл написати с полным царским именованьем. А только государь ваш Жигимонтъ король великого государя нашего ныне въ перемирной грамоте не похочет писать царем и самодержцем и титлы сполна, і царское величество Жигимонта короля не учнет королем писати, а велит писати Жигимонтом Польским і великим князем Литовским. И то какая честь государю вашему? А ведь всѣ великие государи славою и честью прославлены от Бога, и свое царское имя описуют цари по царскому венчанью, а короли по коронованью. *(л.—об.)* Почтит государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего, і царское величество против учнетъ его чтить; а не почтит король, і великиі государь нашь против не учнетъ чтить. И тут какому миру и дружбе и любви быть?

Да казали послы грамоты докончальные цесаревы, и Францовские, и Датцкого короля, и королевы Аглинские, и папины, которые писаны с царским именованьем.

И паны-рада, смотрив грамот, говорили: цесарь Римской, и иншие короли, и навышшиі папа Римскиі преже сего писали и ныне пишутъ к великим государем вашим і великим князем с царским титулом по любви для того, что меж их розни и брани *(л. 109)* никакие не бывало, государства дальние, ничѣм з государствы государя вашего не сошлись; а меж государей наших королей Польских і великих князей Литовских і великих государей ваших і великих князей многие войны бывали, и крови многие лились, и земли зашли за государей ваших[1]. И ныне государю нашему на перемирье какъ царской титул государю вашему писать? Наперед надобе, чтоб всѣ прежние незгоды исправить, и сойтись искреннею сердечною прямою любовью, и учинить меж собою вѣчный покой, потом будет и царской титул; а на перемирье царского титула не писывать.

И послы боярин Михайло Глѣбович *(л. — об.)* с товарыщи говорили: сказываете, что всѣ великие государи—цесарь Римской, і всѣ великие крестьянские государи и короли, и навышшиі папа Римскиі пишут к великимъ государем нашим по любви для того, что им нигдѣ з государем нашим в землях не сошлось, а меж великих государей наших и ваших многие крови лились. І вы и сами вѣдаете, что меж государей наших многие крови лились за царское именованье, что государи ваши короли Польские і великие князи Литовские по своему безмѣрью великих государей наших царей Росийских царского именованья и титлъ сполна не описывали; и ныне только государь ваш Жигимонтъ король не велитъ написать в. г. *(л. 110)* нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., царского именованья и титлъ сполна, і за то меж великих государей наших любви совершенные и вѣчного миру въперед не будет и кровем литися. А великие государи цесарь Римской, и иные крестьянские государи и короли, и навышшиі папа великих государей наших царей Росиіских именованье царское пишут по их царскому достоинству, что великим государем нашимъ Бог дал; а иных государей и земли сошлись з государя нашего землею и войны преже сего бывали, и тѣ всѣ описуют государя нашего с полным царским именованьем. А что говорите, что многие земли государей ваших позашли за государей наших, і вам и самимъ вѣдомо, *(л.—об.)*

---

[1] *Вст:* и великихъ князей многіе *Ч.*

что многие государя нашего земли зашли за государей ваших, государю вашему Жигимонту королю пригоже то исправить, а царскому величеству нѣ в чем исправливать и своей царской чести не выкупать стать. I вам бы, паном-радам, о том порадѣть и государя[1] своего на то наводить, чтоб великого государя нашего царское именованье въ перемирную грамоту велѣл написать потому же, какъ всѣ великие государи царское именованье описуют сполна: сами есте видели и чли всѣх государей грамоты. Какая в том прибыль или повышенье государю вашему, что царского именованья не описывать, и какое униженье или убыток что описывать государя нашего царское именованье? Мы вам послѣднее сказываем: *(л. 111)* будет государь ваш Жигимонтъ король с в. г. нашимъ ц. і в. к. Борисомъ Θедоровичемъ, в. Р. с., похочет быти въперед в совершенной дружбе и любви, и Жигимонтъ бы король ныне в перемирной грамоте і вперед велѣл писати великого государя нашего царское именованье и титла сполна. А только царского именованья и титлъ сполна не напишет, і вперед за то, что учинитца меж государей наших и меж іх государствъ, и того Бог взыщет на государе вашем и на вас.

И паны-рада, отшед, думали много; а, пришед к посломъ, говорили: слышали есмя ваші рѣчи *(л.—об.)* і разумѣли, и тѣ грамоты, которые есте нам казали, и чли, і вам объявляемъ, что государь нашъ Жигимонтъ король и мы, паны-рада, того не отставливаем, и пригоже государю вашему титул царской писать, только то будет въперед, какъ меж государей искренняя сердечная любовь і вѣчное докончанье совершитца; і вам надобе наперед говорить о вѣчномъ докончанье и о соединенье по тѣмъ по всѣмъ статьям, которые есмя подали на Москвѣ; совершитца и исправитца во всемъ безо всякого нелюбья, и тогды царской титул государю вашему будем писать. А тѣ государи, которых есмя грамоты видели, были с вашими с прежними великими государи всегды в любви; а меж государя вашего *(л. 112)* государства и меж государя нашего государствъ кроворозлитья было много, и наперед надобе учинить вѣчная любовь и соединенье, чтоб один одново не берегся, а не так, как нынешнее перемирье на время, скоро минетца, и после того хто вѣдает, каков хто государь на котором государстве будет. И ныне на перемирье какъ царской титул писать? Будет с вами есть наказ о докончанье и о соединенье, і вы с нами говорите о докончанье; а какъ, Богъ дастъ, великие государи наши на вѣчное докончанье и соединенье згодятца, і тогды і царской титул будет.

---

[1] *Этими словами начинается списокъ въ Польскомъ дѣлѣ 1601 года № 2.*

чества великим послом, что вам безо всѣх панов-рад коруны Польские говорити и дѣлати о докончанье не мочно: в обычаех у вас тово не ведетца, что о такихъ о великих дѣлехъ одним паном-радамъ великого княжества Литовского говорить. А ты Лев говорил, что приѣхал еси от царьского величества после сойму панов-рад корунных и послов повѣтных, да и Литовских панов-рад немного при королѣ заѣхал, и посямѣста, чаю, тѣхъ статей, которые вам поданы от бояр царского величества на ваши статьи, паном-раде не объявлено.

(л. 115) И паны-рада Виленской воевода і иные, выслушав посольские рѣчи, говорили Льву: есть ли на тѣ статьи, что вы подали, государев отвѣт на которые статьи згодилися-ли?

И Лев хотѣл был отвѣтные статьи, что дали бояре, чести. И как первую статью прочол, и паны-рада, встав і отшед, думали много и пришед говорили: будет вам, великим послом, о докончанье и о соединенье говорити и дѣлати с нами по тѣм по всѣм статьям, какъ паны-рада коруны Польские і великого княжества Литовского, і послы повѣтные і вся Рѣчь Посполитая уложили на съеме, какъ *(л.—об.)* государя нашего послы государя вашего бояром на писмѣ подали, и мы потому дѣлать с вами будем и бес корунных панов; а будет которые статьи вам отставливать, и мы васъ, великих послов, о том не скрываем, бес тѣх безо всѣх статей докончанья и соедененья нам бес корунных панов-рад нельзѣ дѣлать потому: которые статьи от государя вашего бояр даны посломъ государя нашего на Москвѣ, и паны-рада корунные и послы повѣтные тѣхъ статей не слушивали; да и паны-рада Литовские немногие слышали. И мы то отставим вперед. А в перемирных в нынешних грамотах написано, что в тѣ перемирные лѣта о докончанье и о соединенье и о всякихъ *(л. 116)* добрых дѣлех меж себя государем нашим ссылатца; и мы о докончанье и о соединенье вперед будемъ говорить, и того не отставимъ, что меж государей нашихъ и их великих государствъ началось[1], всѣмъ серцемъ хотим радѣть, чтоб меж великих государей нашихъ и ихъ великих государствъ докончанье и соединенье совершилось на вѣчный покой. А на перемирье царского титула государю нашему не писывать: то мы вам давно отказываем.

И послы говорили: мы вам, паном-раде, братье своей, удивляемся: какъ вы такие неслушные слова говорите, чему сстатись невозможно? Как то может сстатись, чтоб по всѣмъ *(л.—об.)* тѣм

---

[1] Началось всѣмъ. . . . . государствъ *вписано другой рукой надъ строкой въ С.*

статьям, которые послы государя вашего царьского величества бояром подали, докончанья и соединенья приговорить? Государь вашъ Жигимонтъ король, і вы паны-рада коруны Польские і великого княжества Литовского, и послы повѣтные, и вся Рѣчь Посполитая уложили, какъ вам надобеть, а царское величество велѣл бояром своим на тѣ статьи отвѣтъ учинить и говорить, какъ ему государю годно, на чем докончанью и соединенью возможно сстатись, и тѣ обои статьи сносить вмѣсте и говорить об них, какъ которой статьѣ пригоже быть. А ныне коли вам бес панов-рад корунных о докончанье дѣлати невозможно, і вы, панове-рада, ныне *(л. 117)* приговорите с нами о царском именованье и о титле, и государю своему Жигимонту королю о томъ радите, и на то государя своего наводите, чтоб государь вашъ в нынешнюю в перемирную грамоту велѣл великого государя нашего написати с полным царским именованьем, і вперед писал царем всея Русиі и самодержцем, какъ его великого государя нашего ныне описуют и преже сего писали всѣ великие государи по его царскому достоянью, что ему, великому государю, Богъ далъ от прежних великих государей царей Росийских. Видели есте сами грамоты, какъ к великим государем нашим пишут всѣ великие государи. Почтит государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего, и царское величество против его *(л.— об.)* вперед учнет чтить, и будет з государем вашим в совершенной любви і в дружбе; то будет и начало докончанью и соединенью меж обоих великих государей наших и меж ихъ великих государствъ. А не почтит король государя нашего, і великиі государь нашъ против тово не учнет чтить. О том и преже сего вам говорили есмя.

И паны-рада говорили: о царском есмя титуле многижда вам отказывали и ныне говоримъ, что государю нашему царского титула на перемирье никакъ не писывати; коли будет меж государей наших и меж их государствъ докончанье и соединенье совершитца, и тогды и царской титул будет государю вашему. А *(л. 118)* которые рѣчи слышели есмя от вас, и мы ваши рѣчи донесемъ до государя своего до Жигимонта короля.

И пошли паны-рада х королю, а послом велѣли побыть в Отвѣтной полате.

И после того приходили к послом от короля моршалок великой Хриштоп Дорогостайской, да канцлѣр Лев Сопѣга, да подканцлѣр Гаврила Война, да подскарбей Ондрѣй Завиша.

И говорил послом канцлѣр Лев: наяснѣйшиі государь нашъ Жигимонтъ король велѣл вам, великого государя великим послом,

бити у себя завтро и с паны-радами *(л.—об.)* договор о всем учинити; и вам говорити короткими словы. Итак за вами государь нашъ здѣсь долгое время мешкает; отпустя вас, тотчас пойдет отселе.

И послы говорили: велит государь вашъ Жигимонтъ король с нами, царского величества великими послы, вам паном-радамъ тѣ дѣла, о которых есмя с вами говорили, постановить хоти в один час, не токмо в один день, и мы дѣлати готовы; только вам, паном-радам, надобе в себѣ поискати к доброму дѣлу и к покою крестьянскому сходительства, чтоб меж великих государей наших утвердилась вперед прочная дружба и любовь потому, какъ есмя вам *(л. 119)* волю и хотѣнье государя своего объявляли.

И витався с ними, поѣхали к себѣ. А провожали тѣже встрѣчники до тѣх мѣстъ, гдѣ хто встречал; а до дворов провожали Адам Талваш, да Ярошъ Песотцкой, и приставы и дворяне королевские.

И генваря въ 2 день послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи были у короля в четвертые; а приѣздъ их х королю на двор и встрѣчи были по прежнему. А какъ послы пошли х королю в полату, и явил ихъ королю моршалок великой Хриштоп Дорогостайской. И король послом *(л.—об.)* велѣл сѣсти на скамейке, и призвал к себѣ моршалка Хриштопа да канцлѣра Лва Сопѣгу и поговорил с ними.

И, отшед от короля, говорил послом канцлѣр Лев: о которых есте дѣлех говорили вчерась з государя нашего сенатари, и тѣ дела его королевской милости, государю нашему милостивому, вѣдомы; а ныне б есте шли с паны-радами о тѣх дѣлех договор дѣлати, а дѣлать бы вам короткими словы: государь нашъ за вами здѣся мешкаетъ итакъ долгое время, а хочет ѣхать для своих справ.

(л. 120) И послы, ударя челом королю, пошли от короля ис полаты в Отвѣтную полату. А прі королѣ сидѣли паны-рада прежние, только один прибыл, сидѣл по правую сторону от короля ниже воеводы Новгородцкого Ѳедо(ра) Скумина воевода Берестийской Хриштоп Зиновьевич.

И того же часу пришли к послом в Отвѣтную полату паны-рада прежние—бискупъ Виленской с товарыщи, да с ними же воевода Берестийской Хриштопъ Зиновьевич.

И витався паны-рада с послы и сѣдчи по мѣстомъ, говорилъ Лев Сопѣга: *(л.— об.)* государь нашъ Жигимонтъ король паном-раде своей велѣл с вами договор о дѣлехъ учинити короткими

словы, чтоб здѣся государю нашему за вами не замешкатца; вѣдаете и сами, что у государя нашего многие дѣла настоят с ызмѣнником своим Шведом. И мы, паны-рада, с вамі, послы, посямѣста ни о которых дѣлех не постановили затѣм, что домогаетесь на нас титула царского государя своего; и мы вам послом отказывали многижда, что никоторыми обычаи ныне на перемирье царской тітул не может быть, а какъ меж государей наших искренняя прямая сердечная любовь и вѣчный покой доконченье і соединенье *(л. 121)* совершитца, і тогды царской титул может быть. I вам бы о царскомъ титуле ныне говорить отставить; ажо дастъ Богъ, вперед тово не отставливаем, будемъ о вѣчном доконченье и о титле государя вашего говорити иншими часы[1], сошлютца государи наши вперед иными послы.

И послы паном-радам говорили: в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Федорович, в. Р. с., похотя з государем вашимъ з Жигимонтом королемъ быти в крѣпкой дружбе и в любви і в доконченье и в соединенье, велѣлъ нам, послом своим, государю вашему Жигимонту королю *(л. — об.)* и с вами сенатари его в отвѣте говорити, чтоб вы, паны-рада, государю своему о том радили и на то приводили государя своего, чтоб государь вашъ Жигимонтъ король царскому величеству любовь свою показал, велѣлъ написати в нынешней своей перемирной грамоте і вперед писал к великому государю нашему с полным царскимъ именованьемъ — царем всеа Русиі самодержцем и с титлы сполна по его царскому достоинству, потому-ж, как в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Федоровича, в. Р. с., описывают всѣ великие государи, которые есте грамоты и сами видели. Напоминаетъ *(л. 122)* великиі государь нашъ, государя вашего приводячи к тому, чтоб тѣм любовным дѣлом вперед меж великих государей наших крѣпкая дружба и любовь, и меж ихъ великих государствъ вѣчный покой доконченье і соедіненье на веки утвердилося, а не для иного чего. Вѣдаете сами, что и без государя вашего царской титул великому государю нашему Богъ дал. И против Божьей милости кому стоять? Только тѣм лише Бога раздражать и меж себя нелюбья и гнѣв воздвизать. Сами можете то разсудить: которая в том государю вашему Жигимонту королю прибыль, что великого государя нашего его царского величества именованья не описует. Какоі тот *(л. — об.)* мир і любовь: перемирье держати, а царские чести не описывать? I вам паном-радам, пригоже о томъ радѣти и государя своего на то на-

[1] *Вст.*: какъ *Ч.*

водить, чтоб большому дѣлу дружбе и любви і вѣчному докончанью и соединенью ныне начало тѣмъ учинити, чтоб писати царское именованье сполна; а бес того и мир вперед непрочен будет.

И паны-рада, выслушав посольских речей, і отшед, думали; а пришед говорил Лев: о том есмя вам, послове, преже сего говорили, что государю нашему, его королевской милости, никако того не дѣлывать, на перемирье государя вашего его царского титула *(л. 123)* не описывать: то дѣло великое. Покамѣста государи наши в докончанье і в соединенье не учинятца, и царской титул не может быть. А то вам сказываем, что государь нашъ государя вашего царской титул вперед учнет писати, какъ болшое дѣло совершитца. Кому у государя вашего то отнять и кому не дать, что государю Богъ дал? Только ныне о том на перемирье не говарить и не дѣлывать. Государь нашъ, его королевская милость, велѣл сенатарем своимъ с вами послы договор учинить, чтоб о докончанье и о соединенье съѣхатись вперед, приговоря срокъ, на границе паном-радам и государя вашего бояром думнымъ; и они съѣхався вѣчное (*л. — об.*) докончанье и соединенье приговорятъ, и о царском титуле тогды-же договор учинят; государя вашего бояре учнут з государем нашим обсылатца, а паны-рада з государем нашим учнут ссылатися, і тогды всѣ добрые дѣла утвердятца. А ныне-б закрепить то перемирье, что приговорили государя нашего послы, яз Лев с товарыщи, з государя вашего бояры.

И послы, видя то, что о царском именованье паны-рада дѣлать не хотят, и накрѣпко отказали, и о докончанье і о соединенье не дѣлают, а отпустить хотят вскоре, — паном-раде говорили: *(л. 124)* мы вам, братье своей, государя своего сходительство и любовь ко государю вашему объявляли и хотѣли тово, чтоб великие государи наши меж собою были в совершенной дружбе і любви, и государства-б ихъ в покое і в тишинѣ, і вы на то не произволяете і царского полного именованья, что великому государю нашему Богъ дал, ныне в перемирную грамоту писать не хотите; і вы, паны-рада, приговорите с нами і записи договорные о томъ напишемъ, что государю вашему Жигимонту королю в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Федоровича, в. Р. с., вперед писати с полным царскимъ *(л. — об.)* именованьемъ и с титлы, как его царское величество описуют всѣ великие государи по его царскому достоинству, а о докончанье и о соединенье прислати государю вашему Жигимонту королю к царскому величеству послов своих, приговоря срокъ. А ныне б государь вашъ то перемирье на 20 лѣт, которое приговорили царского ве-

личества з бояры государя вашего послы, ты Лев с товарыщи, крестным целованьем утвердил и велѣл написати перемирную грамоту свое слово с тое грамоты, которую послы государя вашего написали на Москвѣ слово в слово, и печать свою к ней велѣл привѣсить, и крестъ к в. г. нашему *(л. 125)* ц. і в. к. Борису Федоровичю, в. Р. с., целовал перед нами, великими послы, и тот мир держал до урочных лѣтъ во всем по тѣм перемирным грамотам, и ту свою грамоту отдал нам, царского величества великим послом, и отпустил нас к великому государю нашему не задержав.

А о съѣзде государевых бояр да и панов-рад на рубеж говорити о доканчанье і о соединенье послы паном-раде отказали, что с ними о томъ наказу нѣтъ.

И паны-рада говорили: то не может быти, что нам ныне о царскомъ титуле договор учинити и государя вашего вперед писати *(л. — об.)* царем до тѣх мѣстъ, покамѣста доканчанье и соединенье совершитца. А о доканчанье і о соединенье государи наши вперед послы своими сошлютца по перемирным грамотам; тово государь нашъ Жигимонтъ король и мы паны-рада вперед не отставим. А ныне государь нашъ то перемирье, которое учинено у государя нашего на 20 лѣт, крестным целованьем утвердит, перемирную грамоту свое слово написати и печать свою к ней привѣсити велит, и крестъ на перемирныхъ грамотах перед вами, великими послы, целует, и тот мир учнет держати крѣпко во всем по перемирным грамотам. Только государь нашъ Жигимонтъ король велит в своей *(л. 126)* перемирной грамоте написати полными титлы: королем Свѣйским, Годцкимъ, Вендѣйским, Вандалским и княжатою Ѳинлянским; а городы в Ливонской землѣ Ругодив и Колывань и іные быти им написанымъ в королеву сторону. А то мы можем разумѣти, что государя вашего бояре учинили над послы государя нашего умышленьем, покинули тѣ городы глухо, в перемирной грамоте не написали, ни договору об них не учинили, ни опричненной записи не написали же. Да и титул государя нашего дѣдишной Свѣйской вытиснули для жетово, хотя Ругодива и Колывани и иных городов вперед доступати. *(л. — об.)* Да в перемирной же грамоте написано, что государя нашего Жигимонта короля послы говорили о доканчанье и о соединенье, а государя вашего бояре говорили о царском именованье, и тое статью выставить: в прежнихъ в перемирных грамотах не написано.

И послы паном-радам говорили: говорили есте намъ, что государю вашему Жигимонту королю въ перемирной грамоте в своем

слове писати себя титлы Свѣйскимъ, и о городѣх о Ругодиве и о Колывани і о иных городѣхъ, о которых преже сего были особные договорные записи, и чтоб выставить тое статью, что *(л. 127)* царского величества бояре говорили о царском именованье. И мы таких слов, которые к доброму дѣлу не пристоят, от вас и слушати не хотим, дѣлать нам и грамота перемирная королево слово писать потому, как у государя нашего на Москвѣ царского величества з бояры послы государя вашего договор учинили, и перемирную написали, и печати свои к ней привѣсили, і крестъ на ней за государя вашего Жигимонта короля и за коруну Польскую и за великое княжество Литовское целовали, потому і дѣлать, а не прибавить, ни убавить ничего. Присылал к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Федоровичю, в. Р. с., *(л. — об.)* государь вашъ Жигимонтъ король послов своих великих Лва Івановича Сопѣгу, канцлѣра великого княжества Литовского, с товарыщи, а с ними прислал вѣрюющую грамоту. А в грамоте своей писал, что послал их, послов своих, к царскому величеству, дав им подлинной наказ и мочь, о всяких о добрых дѣлех говорить и становить, и что они будут говорить, то слова его королевские; а что они приговорят и постановят, і Жигимонтъ король з государствы своими крѣпко держать хочет. І в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Федорович, в. Р. с., для крестьянского покою велѣл бояром своимъ с послы *(л. 128)* государя вашего перемирья приговорить вновь на 20 лѣт. И по договору послов государя вашего перемирную грамоту написать і печать свою царскую привѣсить к ней велѣл, и крестъ ко государю вашему на обѣих грамотах на своем и на королеве слове целовал перед послы государя вашего на том, что тот мир держать до урочных лѣтъ во всемъ потому, какъ в тѣх в перемирных грамотах написано, и ту свою перемирную грамоту к государю вашему послал сь его послы; а за государя вашего Жигимонта короля и за коруну Польскую и за великое княжество Литовское перемирную грамоту королево слово написали, і печати свои привѣсили, и крестъ к в. г. нашему ц. і в. (*л. — об.*) к. Борису Федоровичю, в. Р. с., целовали послы государя вашего, Лев с товарыщи, королевскою душею потому же на обѣих грамотах на том, что государю вашему Жигимонту королю и коруне Польской и великому княжеству Литовскому тот мир до урочныхъ лѣтъ держать во всем потому, как в тѣх перемирных грамотах написано. А как будут царского величества великие послы у государя вашего Жигимонта короля, и государю вашему свое слово перемирную грамоту велѣть написать с тоѣ грамоты слово в слово, которую грамоту написали

на Москвѣ, і печати свои прівѣсили, и крестъ на ней целовали послы государя вашего, и печать свою велѣть *(л. 129)* к ней привѣсить, и крестъ на обѣих грамотах на государя нашего и на своей целовать перед нами, царского величества великими послы, і дав ту свою перемирную грамоту нам, посломъ, отпустить к царскому величеству не задержав. И ныне намъ, великого государя посломъ, какъ мимо того дѣлать, что уже утвержено государьскими душами? Тово себѣ і в мысли не держите, чего изначала ни в которых государствах не повелось, что крестное целованье рушить не токмо что великих государей, хоти и подданых ихъ. Да не токмо что крестное целованье, хоти слово великие государи іли ихъ послы молвят, и то живет крѣпко и неподвижно. — А что говорите о Ругодиве *(л. — об.)* и о иных городѣх, о которых преже сего были особные договорные записи, чтоб написати их в государя вашего сторону, и то новое дѣло всчинаете, такими дѣлы меж великих государей наших гнѣв воздвизаетца, а нелюбовь множитца. Ругодив, и Колывань, и иные городы, і вся Лиѳлянская земля — вотчина великих государей наших царей Росиіских, почен от великого государя Ярослава-Георгия, какъ ходил на тоѣ землю ратью, и еѣ плѣнил, и поставил[1] в свое имя город Юрьев, по неметцкиі Дерптъ, і в нем церковь[1] ангела своего Георгия страстотерпца; тому ныне 574 годы, о чом государя вашего послом подлинно[1] *(л. 130)* в отвѣте писмо дано. І вперед з Божиею помочью в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳеодоровичю, в. Р. с., и его царского величества сыну в. г. ц — чю кн. Ѳедору Борисовичю в. Р. только доброе дѣло не учинитца, тоѣ своеѣ искони вѣчные вотчины Лиѳлянские земли городов, о которых ныне говорите, вперед доступать, за кѣм она ни будетъ, и никому еѣ не поступыватца. А какъ у царского величества были государя вашего Жигимонта короля послы, ты Лев с товарыщи, і вам о тѣхъ городѣх отказано, что царскому величеству тѣх городов не поступыватца и записей договорныхъ *(л. — об.)* об них не писывать. І вы послы о тѣх городѣх говоря, и отставили дѣлать и говорить об них не учали. А которые городы Лиѳлянские земли были написаны х коруне Польской і великому княжеству Литовскому, а поимал ихъ арцы-Карло к Свѣйскому королевству, и царское величество, оказуючи любовь свою ко государю вашему, велѣл тѣ всѣ городы в перемирную грамоту написать в государя вашего сторону, хотя и не за государем вашим. И государю вашему Жи-

---

[1] *Въ С. надъ строкой другой рукой.*

гимонту королю и вам, паном-раде, сходительство государя нашего пригоже знать. А за Ругодив и за иные городы, что были за Свѣею, не токмо нелюбье меж царского величества *(л. 131)* и государя вашего Жигимонта короля будет, ни коими обычеи покой крестьянской сстатись не может, и кроворозлитье во крестьянстве не престанет. А что говорите, что были записи об них пописаны особные, і то было преже сего, как были государя вашего Жигимонта короля послы Станислав Радиминской с товарыщи, і в то время на Свѣйском королевстве был Яган король, государя вашего Жигимонта короля отецъ; а ныне тѣ всѣ городы за Свѣйским за арцы-Карломъ, а не за государем вашим Жигимонтом королем, и не х коруне Польской і к великому княжеству Литовскому. И о чюжих городѣх что і говорить порозжие слова? Ныне нам дѣлати *(л. — об.)* потому, какъ государя вашего послы, будучи у царского величества, здѣлали, и перемирные грамоты написали і крестным целованьемъ утвердили, а мимо того нам не дѣлывать.

И паны-рада, сердитуя, говорили: сказываете государя вашего к государю нашему любовь и сходительство. І государь нашъ и мы паны-рада любви государя вашего и сходительства никотораго не видали опричь тово, что государь вашъ нелюбье свое показует и титул Свѣйской у государя нашего, что ему государю Богъ дал от прародителей его, отымает. И тут какому добру быть? Государь нашъ *(л. 132)* у государя вашего никакие чести не убавливает и титла не отымает. О том мы вам сказываем, что мы паны-рада і вся Рѣчь Посполитая обоих государствъ коруны Польские и великого княжества Литовского волим горла свои за честь государя своего дать, а того титула Свѣйского и городов не поступыватца. Хоти-б государь наш Жигимонтъ король похотѣл бес того дѣлать, и нам, паном-радам, тово не поступывать, потому что нам Жигимонтъ король на том присягал, что Свѣйскому королевству быти вмѣсте с коруною Польскою и с великим княжествомъ Литовским. И намъ тово как поступитца? Сказываем вам послѣднее: будет *(л. — об.)* потому дѣлать не похотите, і вам ѣхати назад без дѣла.

И сердитовав, пошли х королю. И, быв у короля, пришли к послом подканцлѣр Гаврилъ Война да подскарбей Ондрѣй Завиша. Говорили послом: рѣчи ваши паны-рада извещали государю своему Жигимонту королю, и государь нашъ во всемъ хочет грамоту написать такову, какову послы его Лев с товарыщи на Москвѣ написали, опричь того, что свое титло дѣдишное Свѣйское хочет

написати. Государь вашъ над государя нашего послы велѣл учинить насильствомъ и теснотою, а не по своей то *(л. 133)* воле послы государя нашего учинили і не по государя нашего наказу. Государю нашему Жигимонту королю того своего дѣдишного титула, что ему Богъ дал, никакъ никому не отступывать. Какъ меж государей наших доброе дѣло и любовь может сстатись за такое великое укривженье, что у государя нашего дѣдишной титул отнят невѣдомо за что, о котором мы всѣ жалуем серцем. А то вам и самим вѣдомо, что государь вашъ славные памяти в. г. і в. к. Өедор Іванович в. Р. тѣм титулом государя нашего описывал в то время, как послы государя вашего здѣлали мир с Свѣйским, *(л.—об.)* і в записях в договорных писали государя нашего Жигимонта короля[1] Свѣйским королем, и дѣлали Свѣйские послы з государя вашего послы государя нашего Жигимонтовым королевымъ именем, да то еще в то время государь нашъ на Свѣйскомъ королевстве не корунован был. А после того государь нашъ Жигимонтъ король ходилъ в свое государство в Свѣйскую землю, да и коруновался в Свѣе, і есть и ныне королем Свѣйским. А то измѣну учинил над государем нашимъ Швед арцы-Карло. И Богъ государя нашего правду видит: Лифлянские городы многие у Шведа государя нашего люди поимали назад, и сына его *(л. 134)* Бенкарта взяли, и самого его, дастъ Богъ, доступим, хоти будет за морем. И на то нѣчего смотрить и титул прироженной у государя отымать. Мы вам сказываемъ и освещаемся Богом, что государю нашему того своего дѣдишного титла не поступыватца, тово себѣ і в мысли не держите.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи говорили: в. г. нашъ ц. і в. к. Борис Федорович, в. Р. с., над послы государя вашего насильства і тесноты никакие дѣлать не веливал, и тітула *(л.—об.)* никакого не отъимывал; то государю вашему Левъ с товарыщи не прямо донесли. Мы сами были с ними с послы в отвѣте, и над ними насильства и тесноты никоторые не было, о всяких дѣлех приговаривали, и перемирную грамоту писали по своей воле, какъ хотѣли и какъ имъ от государя вашего наказано; а приговоря и перемирную грамоту написали и крестным целованьемъ утвердили на том, что государю вашему Жигимонту королю и коруне Польской великому княжеству Литовскому тот мир держати до урочных лѣтъ во всемъ по тѣмъ перемирнымъ *(л. 135)* грамотамъ. А только-б над послы государя вашего насильство какое учинено, и Лев бы

---

[1] Короля . . . . Жигимонтовым *въ С. приписано надъ строкой.*

с товарыщи у крестного целованья великому государю нашему о том били челом, что то учинили царского величества бояре насильствомъ, титул государя вашего отставiли, да на том бы перед царскимъ величеством креста не целовали, i в railinaприписи у перемирные записи того не приписывали, что государю вашему Жигимонту королю велѣть своя перемирная грамота написать слово в слово с тоѣ грамоты, что они написали. И мы вамъ сказываем, что намъ, царского величества великимъ посломъ, дѣлать потому, как государя *(л.—об.)* вашего послы, будучи у царского величества, приговорили, и перемирную написали, и на ней крестным целованьемъ утвердили; а мимо тово намъ никак не дѣлывать, и ис перемирной грамоты ни одново слова ни убавить, ни прибавить[1]. Тово себѣ i в мысли не держите; хоти будет и без дѣла намъ ѣхати, i мы ѣхать готовы.— А что говорите, какъ дѣлано меж государя нашего государствъ и Свѣйского королевства, i в то время государя вашего описывали королем Свѣйскимъ, и тогды то дѣлано Свѣйскимъ королевством[2], нѣчто будет чаючи его любовь, вперед будетъ *(л. 136)* на Свѣйском королевстве. А после того как Корѣлу отдавали, i розъезжали границы, и договорные писаны Свѣйскимъ королевством, а не з Жигимонтом и не с арцы-Карломъ. А ныне на Свѣйском королевстве арцы-Карло, а не Жигимонтъ король. И чюжими титлы, чего за собою не держит, описыватись непригоже.

И подканцлѣр и подскарбей послом говорили: коли есте доброго дѣла не похотѣли и ни на которую мѣру не сойдете, и государь нашъ Жигимонтъ король велѣл вамъ сказати отпускъ, быти вамъ у его королевские милости на отпуске *(л.—об.)* завтра генваря въ 3 день, а ѣхать вам без дѣла.

И послы сказали, что они ѣхати готовы и без дѣла; а которое кроворозлитье во крестьянстве за их безмѣрьемъ учинитца, и того Богъ взыщет на государе их и на них на радных панѣхъ, хто крестное целованье рушит.

I назавтрее г е н в а р я в ъ 3 д е н ь приезжали от короля к посломъ приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи и говорили: наяснѣйшиi государь нашъ Жигимонтъ король велѣл вамъ быти у себя государя завтро на отпуске i велѣли вамъ *(л. 137)* сказати, чтоб вы были готовы; а ѣхать вам без дѣла, потому что вы сами доброго дѣла не похотѣли, дѣлаете все упором. Государь вашъ отнял у государя нашего титул его дѣдишной Свѣйской, на Москвѣ

[1] Ни прибавить *нѣтъ Ч.*

[2] Нѣчто.....королевстве *нѣтъ Ч.*

у государя нашего послов велѣл бояром своим насильством вытиснуть; а вы ныне неволите и не хотите писать. И государю нашему того Свѣйского титула не поступыватца. Вѣдомо всѣмъ государем, что государь нашъ прироженной король Свѣйской и коруновался в Свѣе. А что государю нашему арцы-Карло изменилъ, и городы в Лиѳлянской землѣ поимал, і ныне Богъ над нимъ по его неправде учинил: государя нашего люди людей ево побили, и городы *(л.—об.)* в Ливонской землѣ поимали назад, и сына арцы-Карлова взяли, и сами его увидите на отпуске. И будет только государь вашъ для тоѣ причины титул у государя нашего дѣдишной Свѣйской отъимает, что государю нашему Швед изменил, и то вперед все исправитца по правде государя нашего.

И послы приставом говорили: мы к государю вашему Жигимонту королю к отпуску і в дорогу ѣхати готовы. А о том говорим: хто доброго дѣла не похотѣл, и перемирья нынешнее, которое утвержено государскими душами, рушит и кроворозлитье во крестьянстве хочет всчать, и Богъ тоѣ *(л. 138)* крови взыщет на том, хто того похотѣл. А в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Федоровича, в. Р. с., сходительство к покою крестьянскому Богъ свыше зрит і в правде помагает. А титла у государя вашего царское величество не отъимывал никакова. А мы послы дѣлать по государя своего наказу хотѣли во всем потому, какъ государя вашего послы у царского величества на Москвѣ договор учинили, и перемирную написали, и крестнымъ целованьемъ утвердили. Ты Ондрѣй Варыпай был самъ у царского величества на Москвѣ с послы государя своего, и то вѣдаеш, что послы государя вашего царского величества з бояры *(л. — об.)* дѣлали во всем по своей воле, и перемирную грамоту, государя вашего слово, писали по государя своего наказу и по договору, да на том и крестным целованьем государскими душами утвержено; а какъ будутъ царского величества великие послы у государя вашего, и государю вашему Жигимонту королю с тоѣ грамоты, которую послы его на Москвѣ написали и крестъ на ней целовали, велѣти написати нова грамота такова ж слово в слово, и печать своя велѣть привѣсити, и крестъ на обѣихъ грамотахъ на государя нашего и на своей перед нами, царского величества великими послы, целовати, и тоѣ свою грамоту отдати *(л. 139)* нам, царского величества великим послом. И ныне паны-рада с нами говорят, чему ссتатись невозможно: велят нам то дѣло, что царского величества з бояры государя вашего послы приговорили и крестным целованьем государскими душами утвержено, передѣлывать.

И нам мимо государя своего повелѣнья ни прибавить, ни убавить ни одного слова не мочно. А только то передѣлывать, что утвержено крестным целованьемъ государскими душами, і вперед чему вѣрить? Как меж государей послом ходить?

И генваря въ 4 день приезжали к послом от короля приставы Ондрѣй Ворыпай *(л. — об.)* с товарыщи и говорили: вчерась есмя вам, великим посломъ, по государя своего королевскому росказанью сказывали, что быти было вам на отпуске у короля севодни; и ныне вам у государя нашего не быти, зашлі государя нашего иншие справы, а быти государь нашъ велѣл вам на отпуске завтро.

И генваря въ 5 день послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи были у короля в-пятые, а приѣздъ их х королю на двор і встрѣчи были во всемъ по прежнему. А какъ послы вошли х королю в полату, и явил королю послов маршалок великой Хриштоп Дорогостайской.

(л. 140) И король велѣл послом сѣсти на скамейке; а посидѣв немного, призвал к себѣ король подканцлѣра Габриела Войну и говорил ему тайно.

И подканцлѣр, отшед от короля, говорилъ: наяснѣйшіі государь нашъ Жигимонтъ король велѣл вам, великого государя великим посломъ, итти с сенатари своими о дѣлех говорити. І послы, ударя челом королю, пошли от короля в Отвѣтную полату, а встрѣчники шли перед послы. И того же часу пришли к послом в Отвѣтную *(л. — об.)* полату от короля паны-рада: бискуп Виленской Венидиктъ Война с товарыщи.

І сѣтчи по мѣстам, говорили паны-рада: по ономѣднешнем вашем розъѣзде какъ есмя с вами розъѣхались, о добрых дѣлех не приговоря, вельми нам жалосно было, слыша ваши жестокие і гордые слова и к любви и к покою крестьянскому несходительны, что государя нашего Жигимонта короля дѣдишный Свѣйской титул не хотите и не велите в перемирную грамоту писати; государю нашему тот титул дан от Бога от дѣдъ и прадед его. А государь вашъ велѣл *(л. 141)* бояром своим у послов государя нашего тот титул вытеснить на Москвѣ сильно; а ныне вы потому-же упрямством хотите дѣлать, чему сстатись невозможно, что титула своего отступитись. И какъ есмя тѣ ваши послѣдние слова донесли до государя своего Жигимонта короля, что вы ни на которую мѣру не сойдете, титул его Шветцкой отставливаете, кабы не хотя покою крестьянского, і государь нашъ, слыша от нас, сенатарей своих,

тѣ ваши слова, добрѣ кручинился, какъ государь вашъ такую нелюбовь свою к нему показует, титул его отымает; а его королевская милость ничѣмъ государю вашему не виненъ и никакие чести и титула никоторого *(л. — об.)* не отставливает, только вперед хотѣл того, чтоб меж ихъ государей любовь и дружба сердечная множилась, и ту свою невинность перед Богомъ и передо всѣми людьми полагает на государя вашего и на вас послов, что доброму дѣлу поруха от вас дѣлаетца,—вы того похотѣли. И хотѣл вас государь нашъ отпустити ко государю вашему без дѣла і отпускъ вамъ был сказанъ, и ныне велѣл был вам быти на отпуске, руку свою целовать. И мы, паны-рада, хотячи всего добра крестьянству, государя своего о том просили, чтоб намъ велѣл ещо с вами поговорить. И государь нашъ Жигимонтъ король нам, сенатарем своимъ, поволил с вами о том говорити. І вам бы, великим *(л. 142)* послом себѣ о томъ помыслити, і всего добра крестьянству похотѣть, тѣм доброго дѣла не розорвать, а государя нашего титла дѣдичного не отымать. Сами себѣ разсудите: какъ государю нашему того отступитись, что ему Богъ далъ? Какая то неволя государю нашему, что в своей грамоте не писать титулом своим? Восе государь вашъ в своей перемирной грамоте пишетца царемъ, і государь нашъ да и мы о том вам и не говорим: какъ хочет государь вашъ, такъ и пишетца. И ту перемирную грамоту государя вашего государь нашъ приимует, только лише государь нашъ государя вашего до часу в своем листѣ царемъ не пишет. А коли любовь будет меж великих государей нашихъ и меж ихъ великих *(л. — об.)* государствах вѣчное докончанье и соединенье, тогды и титул царьской государя вашего будет и учнет государь нашъ государя вашего писати с царским титулом. А ныне государь нашъ Жігимонтъ король то перемирье, которое учинено, хочет закрепить, только в перемирной своей грамоте хочет писатца своим дѣдичным титуломъ королемъ Шветцкимъ, і вы с нами потому дѣлайте. А будетъ того не похотите, и вы подите к руке к государю нашему. То вамъ и отпускъ. А то вамъ сказываем: тот у государя нашего титул дѣда его и отца хто может отняти?

И послы боярин Михайло Глѣбович *(л. 143)* с товарыщи говорили: мы вам, паном-раде, преже сего говорили, что нам мимо тово, как послы государя вашего приговорили, будучи на Москвѣ, царского величества з бояры, і крестным целованьем утвержено, не дѣлывать, і в перемирной грамоте государя вашего слова мимо царского повелѣнья прибавить, ни убавить ничего не мочно; быть по-

тому, какъ здѣлано. Того себѣ і в мысли не держите. — А что говорите: будет мы, царского величества великие послы, потому дѣлать, какъ вы нам объявили, и перемирные грамоты (съ) Свѣйским титулом не похотим, и нам бы итти к государю вашему к руце, то *(л. — об.)* нам и отпускъ. И мы вам, паном-раде, сказываем: будет государь вашъ не похочетъ доброго дѣла, того нынешнего перемирья не закрепит, и отпустит нас к царскому величеству без дѣла, — і в томъ его воля. Мы к в. г. своему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с., ѣхати готовы. Только вамъ о том говорим: какъ вперед меж великих государей наших посломъ ходить і чему вѣрить, коли уже то не здержано, что великие государи наши своими государьскими душами утвердили? Присылал государь ваш Жигимонтъ король к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, *(л. 144)* в. Р. с., послов своих великих, тебя Лва Івановича Сопѣгу с товарыщи, а с вами прислал вѣрюющую грамоту; а в грамоте своей писали: о которых дѣлех учнут государя вашего послы говорить, и имъ бы вѣрить, то слова его королевские; а что приговорят и постановят, и то государь вашъ Жигимонтъ король и государства его крѣпко будут держати. И царское величество, вѣря государя вашего вѣрющей грамоте, и для крестьянского покою, по прошенью вас, послов, велѣл бояром своим приговорить перемирья на 20 лѣтъ. И по договору вас послов перемирную грамоту царское величество написати велѣл, и печать свою к ней привѣсити, *(л. — об.)* и крестъ ко государю вашему целовал перед его великими послы, перед тобою Львом с товарыщи, на обѣих грамотах на томъ, что мир держати до урочных лѣтъ во всемъ потому, какъ в перемирныхъ грамотах написано, и тое свою перемирную грамоту царское величество послал ко государю вашему с вами, послы. А за Жигимонта короля и за коруну Польскую и за великое княжество Литовское грамоту перемирную, государя вашего слово, написали, и печати свои привѣсили, и крестъ к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Федоровичю, в. Р. с., государя вашего душею *(л. 145)* целовали Жигимонта короля послы, ты Лев с товарыщи, потому-же на обѣих грамотах на том, что государю вашему Жигимонту королю тот мир держати до урочных лѣт во всемъ потому, какъ в тѣхъ перемирныхъ грамотах написано. А как будут царского величества великие послы у государя вашего, и государю вашему Жигимонту королю с тоѣ своей грамоты, которую вы послы на Москвѣ написали, и крестъ на ней перед царскимъ величеством целовали, велѣти написати новая своя грамота такова-же слово в слово, и печать своя велѣти привѣсити,

і то перемирье закрепить, крестъ на обѣихъ *(л. — об.)* грамотах, на государя нашего грамоте и на своей грамоте, перед нами, царского величества великими послы, целовати, и тое свою грамоту отдати нам, царского величества великим послом, и отпустити нас к царскому величеству, не задержав. И ныне вы, паны-рада, с нами, царского величества великими послы, говорите, чему сстатись невозможно: велите нам то дѣло, что царского величества з бояры государя вашего послы, ты Лев с товарыщи, приговорили, и крестным целованьем великих государей нашихъ душами утвержено, передѣлывати. И нам того учинить никакъ не мочно, мимо государя своего *(л. 146)* повелѣнья ни прибавить, ни убавить ни одного слова; как приговорили и как великие государи наши утвердили своими государскими душами, потому і быть. — А о Свѣйском титуле порозжие слова что вам и говорить? Мы того и слушать не хотим: Свѣйское королевство за арцы-Карлом, а не за государем вашим. Вперед его кому Богъ дастъ, тот им и учнет писатца. — А к отпуску государю вашему і ѣхати к царскому величеству готовы і без дѣла. I в том волен Бог да государь нашъ царское величество, как з государемъ вашим вперед похочет быть. А то вѣдаете і сами, что перемирье нынешнее вам больши нашего надобнее: многие недруги государю вашему учинились, *(л. — об.)* Свѣйской арцы-Карло и Мутьянской воевода. А к тому Божье посещенье — хлѣбной недород. А Крымские люди нынешней осени государя вашего землю — Волынь и Подолье воевали, не потому, как ты Лев государя нашего бояром сказывал, что Крымской на лѣто и на осень хотѣл быти на государя нашего землю войною. И твои слова не совершилися; ты сказывал, по ссылке государя своего, быти имъ на государя нашего землю[1], а они оборотилися на государя вашего землю, і вперед имъ быть на государя же вашего землю; а о том вам і самим чаю вѣдомо. Как у царского величества были государя вашего Жигимонта короля послы, ты Лев с товарыщи, *(л. 147)* и в то время присылал к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., Свѣйской арцы-Карло послов своих с великим прошеньем и с челобитьем, чтоб царское величество велѣл с ними докончанье і соединенье учинить і стояти б на государя вашего заодин; а он за ту царскую любовь поступаетца великому государю нашему Лиөлянские земли городов. И царское величество на государя вашего Жигимонта короля с арцы-Карломъ стоять не похотѣл, послов арцы-Карловых отпустити велѣл без дѣла,

---

[1] А они... землю *нѣтъ Ч.*

а похотѣл быть в любви и в дружбе з государем вашим з Жигимонтом королем мимо всѣх. И вам, паном-раде, государя нашего сходительство пригоже знать, и новых *(л. —об.)* дѣл, чему сстатись невозможно, не всчинать. Как то передѣлывать, что уже крестным целованьем утвержено государскими душами? То вам от нас послѣдней отказ, и больши того с вамі говорить не хотим. Государя нашего правду и сходительство к покою хрестьянскому Богъ зрит и в правде помогаетъ; и от кого кровь хрестьянская взочнет литись, і тое крови взыщет Богъ на государе вашем и на том, хто крестное целованье великих государей рушит. Всѣ великие государи, увѣдав про то, не будут похвалять, и послом государя вашего не будут вперед вѣрить.

И паном-раде накрепко отказали, что с ними никако о том государева наказу нѣт, мимо им того ничего ни прибавить, ни убавить не мочно.

(л. 148) И паны-рада, отшед, думали долго. А пришед говорили: государь нашъ и мы, паны-рада, тому удивляемся, что вы послы так упорно дѣлаете, у государя нашего у Жигимонта короля титул его дѣдічной Свѣйской отъімаете, в перемирную грамоту не хотите пісать. А как был у государя нашего посланник государя вашего Михайло Татіщев, и он нам сказывал, что государь вашъ государю нашему Свѣйской титул учнет писать. А вы ныне того не хотіте писать, что государю нашему Богъ дал. И по вашимъ по нынешним словам доброе дѣло никак не могло-б сстатись, да государь нашъ, пан крестьянскиі, всегда хочет доброго пожитка во крестьянстве, и на то не *(л. — об.)* смотря, что вы титул его государской дѣдічной вытискаете, велѣл перемирную грамоту написать и без Свѣйского титула, против тоѣ, какову послы государя нашего на Москвѣ написали; только велѣл в перемирной грамоте внизу приписать, что Свѣйское титло в ту грамоту затѣм не написано, что нынешнее перемирье здѣлано со стороны коруны Польские и великого княжества Литовского, а не с Свѣйским королевствомъ. И мы потому грамоту писать велим.

И послы паном-раде говорили: многижда есмя вамъ о томъ говорили, что намъ мимо перемирные грамоты, что послы *(л. 149)* ваши, будучи при царском величестве, на Москвѣ написали, не дѣлывать, писать вам государя вашего грамота перемирная слово в слово с списка, каков мы вам дадим с посолские ваше грамоты; а мимо того нам никако не дѣлывать, того себѣ і в мысли не держите. Как нам в перемирную грамоту мимо царского повелѣнья что

прибавить іли убавить? Таких ваших порозжихъ слов вперед мы и слушати не хотим.

И отказали о том накрепко.

А что говорите, бутто царского величества посланникъ Михайло Татищев вам сказывал, что великиі государь нашъ государя вашего Жигимонта короля учнет Свѣйскимъ титлом писать, и то не статочное *(л. — об.)* дѣло, что Михайлу о том вам сказывать; приказу с нимъ о том не было, опричь того, чтоб государь вашъ Жигимонтъ король к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с., писалъ сь его царскимъ полнымъ именованьем и с титлы. И ныне с нами о том наказу нѣт же. Писать вам в перемирной грамоте титло государя своего против перемирные посольские грамоты.

И отказали о томъ накрѣпко, что имъ мимо того не дѣлывать.

И паны-рада говорили: которые есмя рѣчи слышели у вас, и мы тѣ рѣчи *(л. 150)* донесем до государя своего, і в том его государская воля. А то мы разумѣемъ, что вы Свѣйского титула не хотите писать для городов Ругодива і Колывани і иных городов, которые не написаны в перемирной грамоте; и мы вам сказываем: то дѣло Божье, кому их дастъ Богъ, хотя тѣ городы і в грамоте не написаны, только их никому не поступыватца.

И были паны-рада у короля долгое время. А пришед к посломъ говорили: много есте говорили сходительства государя своего словы, а дѣлом несходительство показуете, у государя нашего дѣдичный Свѣйскиі титул государь вашъ *(л. — об.)* отъимает, нелюбовь свою тѣм ко государю нашему показует. Однако же государь нашъ, правый крестьянскиі государь, для крестьянского покою припоминавшися тому, что уже на нас на Москвѣ вытеснено, и для ради нас, вѣрных слугъ, подданых своих, милуя нас, какъ отецъ дѣтки свои, хоти мы то учинили через его королевское повелѣнье вытесненьем вашимъ, для сходительства и покою крестьянского, и на то не смотря, велѣл перемирную грамоту написать против тоѣ грамоты, что мы послы его, написали на Москвѣ и перемирье хочет держать во всем против грамот. Только вам то сказываем, что государю нашему у крестного целованья освещатца, что ему Свѣйского титула и Ливонских городов Ругодива и Колывани и иных никому не поступыватца, і в тѣхъ перемирных 20 лѣтехъ Ливонских городов і Свѣйского королевства доступать не токмо за Шведом, хоти хто ни будет ихъ держать.

И послы паном-раде говорили: Ливонские городы Ругодив и Колывань и иные городы і вся Ливонская земля — вотчина великих

государей нашихъ царей Росийских. Самим вамъ вѣдомо, что Лиѳлянские земли городы за Стефана короля і за Свѣйского Ягана короля зашли при в. г. ц. і в. к. Іване Васильевиче, в. Р. с., *(л. — об.)* потому что в то время за грѣх всего крестьянства многие недруги в. г. нашему ц. і в. к. Івану Васильевичю, в. Р. с., учинились: Турской салтанъ, и Крымской царь, и Большие орды Нагаи Заволжские, и Казыев улус, и Кабардинские Черкасы, и Горские, и Кумытцкие люди, сложась заодин, безпрестани на государеву землю приходили войною и к городомъ (приступали) и царского величества рати всѣ были против ихъ. И государь ваш Стефан король, поруша крестное целованье и сослався и утвердяся заодин с Свѣйским Яганом королем, стали на государства государя нашего, и городы в Лиѳлянской землѣ поимали. *(л. 152)* И то учинилося незгодою. Великого государя нашего государства николи на одной мѣре не стоят. А вперед кому еѣ за собою ни держать, а в. г. нашему ц. і в. к. Борису Ѳедоровичю, в. Р. с., и сыну его в. г. ц—чу к. Федору Борисовичю в. Р. тѣхъ городов, о которых ныне говорите, доступати, за кѣм они ни будут. — А что государь вашъ Жигимонтъ король у крестного целованья хочет говорить про Свѣйскоі титулъ, и про Лиѳлянские городы, про Ругодив и про іные, і в том государя вашего воля. А мимо перемирных грамот креста целовать не пригодитца. Что *(л. — об.)* государю вашему в том прибыль, что такие порозжие слова мимо перемирных грамот говорить? Целовать ему государю крестъ на том на всем, какъ в перемирных грамотах написано, и держать тот мир до урочных лѣт во всем по перемирным грамотамъ. А освещанья у крестного целованья ни о чом не пригодитца. То порозжие, а не дѣлные слова. Мало-ль хто словы что говорит? А быть тому, как написано и утвержено.

И паны-рада просили перемирные грамоты посольские, а говорили, что им новая грамота пісать с тоѣ грамоты; а какъ король крестъ поцелует и грамоту перемирную свое слово новую им (*л. 153*) дастъ, и послом бы посольская грамота, что писана на Москвѣ, отдати назад паномъ-раде.

И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи паном-раде говорили: грамоту перемирную государя своего слово велите писать (съ) списка; мы вамъ дадим список с тоѣ грамоты, которую написали на Москвѣ послы государя вашего и печати свои к неі привѣсили. А у вас потому-же есть списки. І вы велите грамоту писать с списков. А подлинные посольские грамоты с нами нѣт. — А что говорите, что вам посольская грамота взяти у нас назад, и вы, паны-рада, то ново

всчинаете. Издавна то *(л.—об.)* у великих государей наших царей Росийских въ их царских поведеньех бывает: какъ государеі ваших королей Польскихъ і великих князей Литовских послы будут у государей наших, и перемирья приговорят и закрепят, і грамоту королево слово напишут и печати свои привѣсятъ, и дадут при государе нашем; потом послы государя нашего будут у государя вашего, и то перемирье закрепят, и король велит написать новую перемирную грамоту, такову-же, слово в слово, и, печать свою привѣся, отдастъ государя нашего послом. А посольские грамоты назад изначала не имывали; обе грамоты королево слово, что дастъ при себѣ государя нашего послом и посольская грамота за посольскими печатьми, *(л. 154)* что писали послы на Москвѣ, обе привезутъ государя нашего послы ко государю нашему. И ныне нам дѣлати по прежнему обычею, как изначала повелось. І вам бы нового дѣла не всчинати и дѣлати по прежнему обычаю, как было преже сего. Самим вам о том вѣдомо: которые послы от государей наших царей Росийских ни бывали при прежних королѣх и у нынешнего государя вашего Жигимонта короля, и тѣ всѣ послы перемирных грамот с посольскими печатьми назад не отдавали, привозят их назад к царскому величеству. А послѣднее у государя вашего у Жигимонта короля в послѣх был от в. г. нашего блаженные памяти ц. і в. к. Федора Івановича, в. *(л.—об.)* Р. с., яз Михайло, и перемирные обе грамоты государя вашего Жигимонта короля слово, новую, что дал нам царского величества послом при себѣ, и посольскую грамоту послов государя вашего Габриела Войны, привезли к царскому величеству, по прежнему обычаю, как изначала повелось. А ныне быть потому же и грамота перемирная писать с списка.

И паны-рада говорили, что им бес тоѣ перемирные грамоты, которую послы на Москвѣ дали, новые грамоты не писывать, а списку не вѣрят.

І послы говорили о том накрепко, чтоб с списка *(л. 155)* грамота перемирная писать, да на то не уговорили; а сказали паномраде, что перемирную посольскую грамоту подлинную привезут завтро и справят перед собою с спискомъ; а справя і взяв тоѣ грамоту назад, поѣдут Михайло и Василей к себѣ на подворье, а на королевском дворѣ останетца тоѣ грамоты писать и справить Оѳонасей. Да на том и приговорили.

И канцлѣр Лев говорил, чтоб ему для поспешенья дать список и он с того списка грамоту к утрею изготовит; а, приѣхав из утра, тоѣ грамоту справят с подлинною с посольскою грамотою. И послы

Лву списокъ дали *(л. — об.)* и говорили паном-радам о Велижской волости, и о обидных дѣлех, и о задорех в порубежных городѣх, которые учинились в перемирные лѣта з государя ихъ з Жигимонтову королеву сторону против государева наказу.

Да послы же говорили паном-раде о торговых людех, чтоб они до государя своего до Жигимонта короля донесли: которые торговые люди государствъ великого государя нашего ныне приѣхали с нами, царского величества великими послы, и государь бы вашъ Жигимонтъ король велѣл тѣмъ торговым людем дать торгъ повольной здѣсь в Вильне і гдѣ поѣдут в-ыные городы в Польшу, и пошлин *(л. 156)* бы с них таможных и никаких і по мытам мытов имати не велѣл, и грамоту-б имъ проѣзжую велѣл дати потому же, какъ царское величество жаловал государя вашего торговых людей, которые были с вами, послы.

І паны-рада говорили, чтоб послы тѣм обидным дѣлом дали писмо, и они, выслушав, до государя своего до Жигимонта короля донесут; і в которых будет дѣлехъ мочно росправу учинить, и государь нашъ и мы паны-рада тотчас велим росправу учинить. А которые давно зашлые дела, и мы по тѣм статьям отвѣтъ учиним писмомъ же под тѣми же статьями. А Велижской волостi быть по прежнему, *(л. — об.)* какъ держано при Стефане королѣ и ныне при Жигимонтѣ королѣ, и вперед ей быть потому же; о том сам государь нашъ будетъ с вами говорить. А об ыных о порубежных дѣлех, о задорех и о спорных землях по перемирным грамотамъ съѣдутца с обе стороны судьи и тогды о спорных землях договор учинят. А которые люди есть с вами ныне о управах, и государь нашъ Жигимонтъ король тѣмъ людем велит росправу дати тотъчас; и торговым людем, которые приѣхали с вами, велит дати торгъ и пошлин никаких не велит имать.

И послы дали паном-радам обидным *(л. 157)* дѣломъ список.

Да Лев же говорил: бил есми челом государю вашему в. г. і в. к. Борису Федоровичю в. Р. о измѣннике государя своего, которой государю нашему израду учинил, город государя нашего Озерищо зжог, и утек в государя вашего город на Сѣбеж; и государь мнѣ жаловальное свое слово сказал, хотѣл того измѣнника, сыскав, отдать. И с вами есть ли о том государской приказ?

И послы говорили: приказу с нами от царского величества о томъ нѣтъ. А твои рѣчи, *(л. — об.)* что слышим, какъ, дастъ Богъ, будем у царского величества, и мы о том донесем до государя своего. А коли ты сказываеш, что великиі государь тебѣ Лву жа-

ловальное слово свое самъ сказал, и царское величество велит того литвина сыскивать.

И поѣхали послы к себѣ, а паны-рада, витався с послы, пошли х королю; а провожали послов встрѣчники до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали.

I генваря въ 6 день послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи были у короля на дворѣ у панов-рад в Отвѣтной полате. *(л. 158)* А приезжали по послов Адам Талваш, да Ярошъ Песотцкиі и королевские дворяне. А какъ послы ссѣли с лошадей, і встрѣтили послов на лѣснице писарь Матвѣй Война да дворянин королевской Хриштоп Дершка; і, витався с послы, шли перед послы в Отвѣтную полату.

И того же часу пришли к послом в Отвѣтную полату канцлѣр Левъ Сопѣга, да подканцлѣр Габриель Война, да писарь Матвѣй Война, да Гольяш Пелгримовскиі. И, сѣдчи по мѣстом, говорил Лев: вчерась нам грамоты перемирные писать было *(л. — об.)* поздно, и мы приговорили съѣхатись северни, а вам привести было грамота подлинная, какаву мы дали на Москвѣ, и справити; и у нас грамота готова написана, и печать приложена, только не запечатана.

I послы справливали перемирную грамоту со Львомъ, и грамота писана слово в слово. И, справя грамоту, Лев казал послом перемирную грамоту государево слово, а говорил: в государя вашего грамоте написано индиктъ, и лѣта государства и царства его; и нам ныне в королеве слове в перемирной грамоте потому же написать индиктъ, *(л. 159)* и годы королевства его Польского і великого княжества Литовского и королевства Шведъцкого.

И послы Лву с товарыщи отказали, что то дѣло не сстаточное. Как вам мимо перемирные грамоты государя своего писать? Коли в перемирной грамоте в начале в титлех не написан государь вашъ Свѣйским королем, и на исподи писать непригоже; а быти грамоте таковой, как ныне написана. I вам порозжие слова что и говорить, чему сстатись невозможно?

И Лев, говоря и сердитуя о том много, печать королевскую к грамоте привѣсилъ и запечаталъ *(л.—об.)* при послѣх. И послы новую перемирную грамоту, королево слово, справя, запечатали въ ящике своими печатьми и отдали Лву; а прежнюю грамоту, что за посольскими печатьми, и список с неѣ взяли къ себѣ назад.

И канцлѣр Лев Сопѣга послом говорилъ: быти вам, великого государя великим послом, у государя нашего на отпуске завтро в

четвергъ, и крестъ государь нашъ перед вами на грамотахъ поцелует; да ѣсти вам у государя нашего завтро, а после стола и отпускъ *(л. 160)* вам учинит. I вам бы послом завтро привести перемирная грамота, что мы послы дали на Москвѣ, с собою-же, и государь нашъ Жигимонтъ король на своей перемирной грамоте, которую ныне мы написали, и на государя вашего грамоте крестъ поцелует, и отдастъ новую грамоту вам; а у вас прежнюю нашу грамоту возмет к себѣ. Вам в ней дѣла нѣт никотораго, коли ужъ государь нашъ крестным целованьемъ утвердит і новую свою грамоту дастъ.

И послы Лву о том накрепко отказали: намъ вашие перемирные грамоты привозити завтро нѣчего для, с списком и с новою *(л. — об.)* грамотою справливана, а назад еѣ вам не отдавать. Того николи не бывало, что посольские перемирные грамоты отдавати назад. Привозят государя нашего послы обе грамоты государя вашего—новую перемирную грамоту и прежнюю, что за посольскими печатьми, к царскому величеству к Москве.

Да Лев же, справливая грамоту, говорил: Богъ ныне здѣлал меж государей наших доброе дѣло — перемирья на 20 лѣтъ, и то мало не вѣчной же мир. А вперед мы, паны-рада, и рыцерство, и вся Рѣчь Посполитая просимъ у Бога милости, чтоб меж великих государей наших *(л. 161)* утвердилась сердечная крѣпкая братарская любовь и дружба и меж ихъ государствъ вѣчный покой — докончанье і соединенье, стояти-б всѣм на бесерменъ заодин. Люди есмя всѣ Божьи, какъ вы, так мы; вѣра одна, язык один, а живем меж собою поблiску. И какъ, оже дастъ Богъ, будете у государя своего, і вам бы бояром і всѣмъ думным людем государю своему в. г. і в. к. Борису Федоровичю в. Р. бити челом, и на то государя своего наводити, чтоб государь ваш был з государем нашимъ в докончанье і соединенье; а государь нашъ Жигимонтъ король и мы паны-рада того вперед не отставимъ, о докончанье и о соединенье *(л. — об.)* говорить и дѣлать будем.

И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи говорили: мы вам, братье своей, говорили преже сего, да и бояре царского величества в отвѣте тебѣ Лву с товарыщи говорили, что государь нашъ в. г. ц. і в. к. Борис Федорович, в. Р. с., з государемъ вашим з Жигимонтом королем в докончанье и в соединенье быти хочетъ, и всегда о том радѣет, и промышляет, чтоб всѣ крестьянские государи меж собою были в дружбе і в любви, и, утвердясь меж собою в докончанье и в соединенье, стояли против бесерменских государей заодин, чтоб ими, великими государи *(л. 162)* нашими,

православное крестьянство из рукъ бесерменскихъ высвобожено было. А нынешние ваши слова, какъ, оже дастъ Богъ, будем у царского величества, и мы о том ему, великому государю, донесемъ. А государю вашему пригоже было ныне в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Өедоровича, в. Р. с., видя его к себѣ царского величества любовь и сходительство, написать в нынешнюю перемирную грамоту і вперед писать его царское имя с полным царскимъ именованьем и с титлы, что ему, великому государю, Богъ дал. То дружбе и любви начало. А только государь вашъ великого государя нашего не учнетъ вперед писать с полным царским именованьемъ, *(л.—об.)* и доброму дѣлу вперед не бывать.

И Лев говорил: как, дастъ Богъ, будут государи наши меж себя искреним прямым серцем и утвердитца докончанье и соединенье, і тогды то все исправитца, и государя вашего с царским титулом государь нашъ учнет писать; а на перемирье то не может быть. И сами вѣдаем, что пригоже государю вашему с царским титулом писать. Коли ему, государю, Богъ дал, кому того не дать? Только то будет вперед, какъ будете сами сходительны. Ныне все говорите ласковыми словы, а дѣлы не то чините; и ныне у государя нашего отняли есте титул его государской *(л. 163)* дѣдичной Свѣйской, что ему, государю, Богъ дал от дѣда его и отца его.

Да Лев же говорил: в перемирных грамотах написано государя нашего, также и в государя вашего, что в перемирные лѣта посломъ, и посланником, и гостем, и купцем на обе стороны путь чистъ, и приѣхать и поѣхать повольно совсѣм; а татя беглеца выдать назад. Другое тому подобно: как государь вашъ в. г. і в. к. Борис Өедорович в. Р. позволил государя нашего наяснѣйшего Жигимонта короля великим послом до себя государя итти і грамоту свою государскую опасную на государя нашего послы прислать. А написано в грамоте, что *(л.—об.)* послом государя нашего приѣхати ко государю вашему и назад отъѣхати доброволно, безо всякого задержанья и зацѣпки, со всѣми людьми и животы. Ино над нами над послы не потому у государя вашего учинено: задержали нас долгое время, а мы люди вольные, в такой неволе і в нуже жити есмя не извыкли; много было всего государскимъ жалованьем и ѣсть и пить, только сѣдили заперты. Да у меня же подговорили служебников моих больши 10 человѣкъ Кохоновского и иных; а тот Кохановской от меня збежал покрадчи. И государь бы пожаловал, против грамот велѣл исправить, Кохановского велѣл мнѣ отдать; *(л. 164)* а яз бы ему никакова лиха не учинил, только-б ево от себя отослал.

Да в перемирных же грамотах написано, что о спорных землях и о всяких обидных дѣлех судьямъ съѣхатца к маю мѣсяцу в дву мѣстех. И ныне потому же ли быть: в оба мѣста в одно время судьям съѣхатца или в которое мѣсто наперед?

И послы боярин Михаило Глѣбович с товарыщи говорили: какъ тебѣ Лву с товарыщи на Москвѣ царского величества бояре сказывали, а мы ныне тебѣ многижда о томъ говорили и ныне говорим, что вы *(л.—об.)* позамешкались на Москвѣ за государя нашего немочью. И сами есте видели: по грехом по нашим і всего хрестьянства в то время великиі государь нашъ ношкою изнемогал; а какъ великому государю нашему дал Богъ облегченье, и онъ, царское величество, тотчасъ вас и отпустилъ. — А что говоришь про Кохановского и про иных людей, будто их от тебя подговорили, и царскому величеству Кохановской і люди ваши не надобе, и без нихъ у царского величества иноземцов розныхъ государствъ много, подговаривати их не учнут; нѣчто будет какими случаи остались у племяни своего. Вѣдомо вам самимъ, что у великого государя нашего Поляков и Литвы много і с ними ваши люди всегда на государском дворѣ видались. *(л. 166)* Только нам о ваших людех не вѣдомо. — А что говорил еси о спорных землях в порубежных мѣстех, в оба ль мѣста в одно время судьямъ съѣхатца или в одно мѣсто наперед, и государь б вашъ Жигимонтъ король о том с в. г. нашим ц. і в. к. Борисом Федоровичем, в. Р. с., вперед обослался. И в том волен Богъ да государь нашъ. А какъ приговорено і написано в перемирных грамотах, і царское величество потому велит учинити, чтоб в оба мѣста в одно время судьям на обе стороны съѣхатца, чтоб на обе стороны никому никого не ждать.

Да послы ж Лву і Габриелу говорили: дали есмя *(л.—об.)* вам обидным дѣлом список, которые обиды учинились государя нашего людем от Литовских людей, и в спорных землях и челобитные торговых людей о управах на Вильневцов и на иных купетцкихъ людей, чтоб вы, паны-рада, тѣм обидным дѣлом список и челобитье торговых людей донесли до государя своего до Жигимонта короля, чтоб Жигимонтъ король велѣл царского величества людем по списку и челобитным росправу учинити потому-же, какъ царское величество пожаловал Литовских торговых людей, которые были на Москвѣ с тобою со Лвом с товарыщи, во всяких дѣлех велѣл имъ бояромъ своим управу учинити. И ныне намъ никотораго отвѣту против списка и росправы *(л. 166)* торговым людем посямѣста нѣт, и о торгу торговым людем королевского указу нѣт. И паны-б рада

наши слова о всѣх дѣлех, и челобитные і списокъ донесли до государя своего и на тѣ на всѣ статьи, что в списке написаны, отвѣт нам учинили, и торговым людем росправу велѣл учинить і торгъ дать повольной потому же беспошлинно, как государя вашего купетцким людем, которые были с тобою со Львом, по повелѣнью царского величества, учинено. Тебѣ Льву о томъ самому вѣдомо.

И Лев говорил: в. г. вашего царя православного і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. жалованье *(л.—об.)* его государское было великое к нам послом, опричь задержанья, и управу государь вашъ государя нашего людем тотчас велѣл учинить, и кому было что на ком взяти, то все на них побрали, и на Василье на Щелкалове и на Михайле на Татищеве побрали. І тое есми государю своему Жигимонту королю і паномъ-раде государя вашего милость и ласку извещали. И государь нашъ государя вашего похваляетъ, а паны-рада его царскую милость выславляют, что он государь крестьянской милостивой велѣл учинить по правде; и государя вашего людемъ торговым і всякимъ также велит управу учинити. А о обидных дѣлех государь нашъ велит вам отвѣт *(л. 167)* учинити под тѣми же статьями. И торговым людем, которые приѣхали с вами, велит дать торгъ повольной.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи говорили Льву и подканцлѣру о кормѣх, что в Орше стояли 5 недѣль и имъ в кормѣх убытки учинились великие; а как почали королевской кормъ давати, ино и в тѣ поры многих кормов не додавали. И того николи не бывало, чтоб послы на своих кормѣх ходили. И они б Лев и Габриель донесли о том до короля, чтоб велѣл то исправити.

И Лев говорил: что вам, великим послом, не давано *(л.—об.)* корму, какъ вы стояли в Кутейне 6 недѣль, и то вам учинилося от себя: пришли есте в государя нашего землю гвалтомъ, и государю нашему про вас вѣдома не было, был в Лиѳлянтех для своего дѣла. А что дорогою, и в Менску, и здѣс в Вильне недостаточно давали корму, и государь нашъ велит вамъ то нагородить. А вперед велит всего з достаткомъ давати; а то дѣлает не гораздо подскарбей бес королевского вѣдома. А здѣся люди волные, мало и государя своего слушают.

И послы, справя грамоту и запечатав, отдали Льву, поѣхали к себѣ. А провожал *(л. 168)* послов ис полаты и до дверей сѣнных канцлѣр Лев да подканцлѣр Габриель[1] Война; а до крыльца провожали писарь Матвѣй Война да Хриштоп Дершка; а до двора про-

[1] *На этомъ обрывается списокъ Ч въ книгѣ № 25.*

вожали Адам Талваш, да Ерошъ Песотцкой, и приставы Ондрѣй и Ворыпай с товарыщі, и королевские дворяне.

Генваря въ 7 день в четвергъ к послом к боярину Михайлу Глѣбовичю с товарыщи приезжали от короля приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи і говорили: государь нашъ наяснѣйшиі Жигимонтъ король велѣл вам, в. г. і в. к. Бориса Федоровича в. Р. великим послом, *(л. — об.)* быти у себя государя на отпуске; и быти вам сегодни у государя нашего на веселье.

И того дни послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи были у короля на отпуске; а приѣздъ их х королю на двор и встрѣчи были во всемъ по прежнему. А какъ послы вошли х королю в полату, и явил послов королю моршалокъ великой Хриштоп Дорогостайской. И король послом велѣл сѣсти на скамейке противъ себя. *(л. 169)* А посидѣв немного, принесли ис королевскихъ полатъ грамоту перемирную въ ящике, за посольскими печатьми. И послы, выняв из ящика грамоту и осмотрив, дали Лву. И Лев обе грамоты государеву грамоту да и королевскую положил на блюдо.

І говорил посломъ Левъ Сопѣга от короля рѣчь: приходили есте ко государю нашему наяснѣйшему Жигимонту, королю Польскому и великому князю Литовскому, от в. г. своего і в. к. Бориса Федоровича в. Р.; а на посольстве в речи говорили есте, что прислал вас, послов своих великихъ, *(л.—об.)* государь вашъ в. г. і в. к. Борис Өедоровичъ в. Р. ко государю нашему того перемирья закрепить, которое ныне учинено меж государя нашего и государя вашего и меж ихъ великихъ государствъ, и о иных о добрых дѣлех говорить и становить. І государь нашъ Жигимонтъ король высылал к вам в отвѣтъ сенатарей своих ближнихъ князя-бискупа Виленского Венедикта Войну, да воеводу Виленского и гетмана навышшего великого княжества Литовского Хриштопа Радивила и иных. И вы з государя нашего сенатари о болших дѣлех о докончанье і соединенье не приговорили, только есте домогались чести государя своего царского титула, *(л. 170)* хотячи государю своему чести і повышенья; а у государя нашего у Жигимонта короля титул его дѣдичной Свѣйской государь вашъ да і вы послы отъимаете, і в перемирной грамоте титула государя нашего Свѣйского не написали, которой титул государю нашему дан от Бога, дѣда его и отца его. І о Лиөлянских городѣх о Ругодиве, и о Колывани и о иных не хотѣли есте писати; а тѣ Лиөлянские городы принадлежатъ государя нашего государствамъ, х коруне Польской и к великому княжеству Литовскому. И его королевской милости жаль было того

слушать, что титул его дѣдичной отняли. Да государь нашъ, правый, хрестьянскиі, побожный, милостивый *(л.—об.)* государь, для крестьянского покою і за прозьбою панов-рад своихъ, на то не смотря, что есте титул его в грамоту не напісали, не руша того перемирья, которое учинено через нас, послов его королевские милости, на 20 лѣт, то перемирье закрепляет, самъ крестъ на грамотах целовати хочет. А в том государь нашъ Жигимонтъ король освещаетца пред Богом, и перед паны-радою своею, и перед всѣм рыцерством, и посполитою шляхтою коруны Польские и великого княжества Литовскаго, и перед вами, в. г. і в. к. Бориса Өедоровича в. Р. великими послы, что ему титула своего дѣдишного Свѣйского, которого не хотѣли есте *(л. 171)* в перемирной грамоте писать, никому не отступывать, и Ливонской земли городов Ругодива і Колывани и иных, которые были к Свѣйскому королевству, никому не поступыватца, за кѣм они ни будут, и государю нашему их доступати в тѣ перемирные 20 лѣтъ. А о Велижской волости, которая належит к городу Велижю, хотя она в перемирных грамотах написана в государя вашего сторону, а держати еѣ государю нашему к городу к Велижю по прежнему, какъ было за прежним за Стеөаном королем. И мы послы у государя вашего в той Велижской волости потому же у крестного целованья освещались. А что есте говорили с паны-радами о обидных дѣлех і письмо *(л.—об.)* есте тому дали, и государь нашъ Жигимонтъ король о тѣх обидных дѣлех и о спорныхъ землях в пограничных мѣстех по перемирным грамотам пришлет судей своих в нынѣшнем лѣте в два мѣста; и съѣхався тѣ судьи з государя вашего судьямиросправу во всяких дѣлех учинят. А что меж государей наших и ихъ великих государствъ большое дѣло докончанье и соединенье на нынешние часы не ссталось, і о том в перемирных грамотахъ написано, что в тѣ перемирные лѣта о докончанье и о соединенье и о всяких добрых дѣлех слати на обе стороны послов своих. І государь нашъ Жигимонтъ король и паны-рада і вся Рѣчь Посполитая коруны Польские *(л. 172)* і великого княжества Литовского того вперед не отставливают, хотят о том радѣть и з государем вашим с великим государем і великим княземъ Борисом Өедоровичем всеа Русіи государь нашъ Жигимонтъ король хочет быть вперед в сердечной и в братарской в крѣпкой дружбе, и в любви, и в приязни, и в вѣчном докончанье и соединенье, и стояти на поганцов заодин[1].

---

[1] *Въ С дальнѣйшаго нѣтъ до словъ:* „и бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ говорилъ: целуй...“ (*л. 174 об., см. ниже стр. 162.*)

И бояринъ Михайло Глѣбович говорил: великиі государь Жигимонтъ король! Целуй, государь, крестъ к в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичу, в. Р. с., на том на всемъ, как в перемирных грамотахъ написано. А титла, государь, у вас, великого *(л. — об.)* государя, государь нашъ в. г. ц. і в. к. Борис Өедоровичь, в. Р. с., никаково не отъимаетъ. А грамота перемирная, ваше слово, писана по приговору царского величества з бояры послов вашихъ Лва Сопѣги с товарыщи; дѣлали и писали грамоту по своей воле, какъ хотѣли. А ныне писана грамота, ваше слово, против тоѣ грамоты, что написали послы ваши у царского величества на Москвѣ слово в слово. А мы, царского величества послы, ни прибавили, ни убавили из неѣ ничего, и титула вашего никакова не отъимаем: Свѣйское королевство ныне за арцы-Карломъ, а не за тобою. А Лиөлянские, государь, земли городы Ругодив *(л. 173)* и Колывань и иные городы — искони вѣчная вотчина великих государей наших царей Росийских. А которые, государь, городы в Лифлянской землѣ написаны преже сего в перемирной грамоте в вашу сторону, тѣ и ныне написаны за вами, хоти многие из них за арцы-Карломъ Свѣйским. А Ругодива и Колывани и иных городов, которые не написаны в перемирной грамоте, а ныне за Свѣею, в. г. нашему ц. і в. к. Борису Өедоровичю, в. Р. с., и его царского величества сыну в. г. ц-чю к. Өедору Борисовичю в. Р. доступать, за кѣмъ они ни будут, и никому их не поступыватца. А Велижская волость в прежних и в нынешнихъ в перемирных грамотах *(л.— об.)* написана в государя нашего сторону к городу к Торопцу с Торопетцкими волостьми; і вы б, великиі государь, до тѣх мѣстъ, покамѣста по перемирнымъ грамотам съѣдутца судьи, вступатись і владѣти ею не велѣл.

И как Михайло изговорил, и х королю поднесъ бискупъ Виленской хрестъ хрустальной, обложен золотом, с каменьемъ и з жемчюги; а под крестом блюдо серебрено-золочено. И король велѣл положить на блюдо под крестъ перемирные грамоты — свое слово наверхъ, а государево наниз. И, призвав к себѣ панов-рад всѣхъ и послов, и целовал крестъ на обѣих грамотах.

А у крестного целованья *(л. 174)* говорил король самъ: целую крестъ к в. г. і в. к. Борису Федоровичю в. Р. за коруну Польскую и за великое княжество Литовское на том, что мнѣ, Жигимонту королю, и государствам нашим тот мир держати во всемъ потому, какъ в перемирной грамоте написано. А в том перед святым крестомъ освещаюсь, что мнѣ своего дѣдичного титула Свѣйского королевства не отступыватца, также и в Ливонской землѣ городов Ругодива и Колывани

и иныхъ, которые ныне за Свѣею, в тѣ перемирные лѣта доступать, за кѣмъ они ни будутъ, и никому их не поступыватца. А Велижской волости быти по прежнему х коруне Польской *(л.—об.)* и к великому княжеству Литовскому.

І боярин Михаило Глѣбович говорил: целуй, государь Жигимонтъ король, крестъ к великому государю нашему на том на всем, какъ в перемирныхъ грамотах написано.

И паны-рада бискупъ Виленской, і моршалокъ Хриштопъ Дорогостайской, и канцлѣр Левъ Сопѣга молыли: целует государь нашъ крестъ на том на всемъ, какъ в перемирныхъ грамотах написано. Да и сам король после ихъ молыл, что целует крестъ на том, какъ в перемирных грамотах написано.

(л. 175) А какъ король крестъ поцеловал, и грамоту з блюда взял канцлѣр Лев Сопѣга и говорил посломъ: государь нашъ Жигимонтъ король перемирье закрепилъ, крестъ на обѣихъ грамотах, государя вашего и на своей, целовал и грамоту вам велѣл взять. А которая грамота перемирная у вас послов государя нашего, меня канцлѣра Лва с товарыщи, и государь нашъ велѣлъ ту грамоту у вас взяти назад; и вы еѣ отдайте.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи говорили: нам мимо прежней обычай, чево преже сего не бывало, не дѣлывать, грамоты намъ посольские не давывать, вести *(л.—об.)* нам обе грамоты государя вашего Жигимонта короля і ваша посольская к царскому величеству; о том есмя вам, паном-раде, и преже сего отказали.

І Лев говорил: коли ныне вы послы упрямились, грамоты нашие посольские не отдадите, і государь нашъ будет о том писати к государю вашему. — И перемирную грамоту королево слово отдали послом.

А после того король звалъ послов ѣсти. А говорил моршалок великой Хриштоп Дорогостайской: государь нашъ Жигимонтъ король жалует вас, великого государя великих послов, велѣл вам быти у себя на обѣде; а ныне подите дожидатись стола в Отвѣтную *(л. 176)* полату.

И послы на королеве жалованье били челом; и, ударя челом королю, пошли в Отвѣтную полату. А король против послов шляпку снимал же. И дожидались послы стола в Отвѣтной полате, а сидѣл с послы воевода Смоленской Ян Аврамович, да пан Жемотцкой Миколай Нарушевич, да канцлѣр Лев Сопѣга, и встрѣчники Адам Талвашъ да Ярош Песотцкой, и приставы и иные королевские дворяне многие. А грамоту перемирную Ѳеонасей отвез на подворье. А к столу приходил звать от короля писарь Матвѣй Война. *(л.—об.)* А как шли послы

х королю, і встрѣчники и дворяне королевские шли перед послы. А у дверей от короля встрѣтил послов и явил послов королю моршалок великой Хриштопъ Дорогостайской.

А сидѣл король за столом, мѣсто учинено против дверей полатных середь полаты у стены в крѣслех, а крѣсла оболочены бархатом червчатым; над мѣстом покрыто алтабас бѣл з золотом. А паны-рада сидѣли за столом по правую сторону от короля. А послом король велѣл сѣсти по лѣвую сторону. А в скамьѣ пониже послов, против дворян, *(л. 177)* сидѣли і подчивали послов Адам Талвашъ да пристав Ондрѣй Ворыпай. А дворяне государевы и подъячие сидѣли поодаль послов в лавке і в скамьѣ; а ниже подьячих сидѣли встрѣчники Ерош Песотцкой да Хриштоп Дершка, да приставы Ондрѣй Завиша да Адам Лукашев. А у стола стояли у послов и у дворян кравчие королевские.

А в стол присылал король к послом кравчего своего Павла Войну, і говорил от короля послом кравчей: государь нашъ наяснѣйшиі Жигимонтъ король пьет про вас, великих послов. И послы на *(л.—об.)* королеве жалованье били челом. И король, выпив склянице, прислал к послом в 3-х кубкахъ вин красных. А после того в стол же пили чашу паны-рада про г. ц. і в. к. Бориса Θедоровича, в. Р. с., и про г. ц — ча к. Федора Борисовича в. Р., и про Жигимонта короля и про королевича. И послы против ихъ такъже пили чашу государеву, и царевичеву, и про короля и про королевича. А подачи послом от короля в стол не было. А какъ стол почали издавать, поставили сахары и овощи. И в тѣ поры пришол *(л. 178)* х королю сынъ его королевичь Владислав, а перед нимъ шло стольников и дворян человѣкъ с 30. И послы встав поклонились королевичю потому же, какъ и паны-рада; и королевичь сѣл по конец стола по правую сторону от короля в крѣслех, а крѣсла оболочены бархатом червчатым.

И послы, поговоря межъ себя, обослались с паны-радами і говорили канцлѣру Лву Сопѣге: приказ с нами в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Федоровича, в. Р. с., его царского величества сына великого государя нашего царевича князя Θедора Борисовича всеа Русіі ко Владиславу королевичу, и они-б о том вѣдомо учинили, какъ *(л.—об.)* Жигимонтъ король велит королевичю от государя царевича приказ исправити — ныне-ль после стола или иным временем. И канцлѣр Лев Сопѣга ходил х королю і докладывал о том короля; и приказал к послом, что Жигимонтъ король велѣл имъ рѣчь говорить королевичю ныне после стола, а после того и отпускъ им будетъ.

I какъ скатерть с стола и сперед короля сняли, и стол отнесли, и с посольского стола скатерть сняли, і послом поставили скамейку против короля; а паны-рада сѣли по обе стороны короля в крѣслех. И король велѣл *(л. 179)* послом сѣсти на скамейке. А посидѣв немного, послы, встав, от г. ц — ча к. Федора Борисовича в. Р. королевичю боярин Михайло Глѣбовичь правил поклон по государеву наказу. И какъ Михайло королевичю поклон исправил, и королевич про царевичево здоровье спросил, встав, шляпку сняв. А спрашивал, стоя у королевича, про царевичево здоровье Лев; а говорил, что приказал в. г. і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. сынъ его государской князь Федор Борисович в. Р. к Владиславу королевичю *(л. — об.)* поклон, и Владислав королевичь то приимует вдячне и спрашивает про его государское здоровье.

И боярин Михайло Глѣбович говорил: какъ есмя поѣхали от царского величества, і Божиею милостию в. г. нашъ ц-вичь к. Ѳедор Борисовичь в. Р. дал Богъ в добром здоровье.

І Лев от королевича говорил: Владислав королевичь, слыша про государя вашего сына про князя Ѳедора Борисовича здоровье, радуетца и поздравляет, чтоб он вперед был здоров и счаслив, а с ним был в ссылке и в любви.

(л. 180) Да говорил послом Лев: возможно-ль им и похотят ли итти х королевичю к руце?

И послы говорили: будет королевичь нас пожалует, и мы к руце идем, — государской сынъ. Для чего нам к нему к руце не ити?

І королевич звал послов к руке. А как послы ходили к руке, и королевич в тѣ поры против послов сымал шляпочку. И быв у королевича у руки, велѣл король послом сѣсти на скамейке.

І посидѣв немного, говорил канцлѣр Лев от короля рѣчь: *(л.—об.)* за зволением Божиим государь нашъ наяснѣйшиі Жигимонтъ, король Польский і великиі князь Литовскиі, хотѣл быти з государем вашимъ с в. г. і в. к. Борисомъ Федоровичем в. Р. в вѣчном доконочанье и соединенье; и то на сей час меж государей нашихъ не ссталось, а учинилось перемирья з государем нашим і з государствы государя нашего с коруною Польскою і с великим княжеством Литовскимъ на 20 лѣтъ. И долгое перемирье, за вспоможеньемъ Божьим, тоже, что и вѣчной мир. И то перемирье ныне государей наших душами закреплено. І за то мы всѣ крестьяне хвалу Богу воздаем, что меж крестьян покой. А вперед государь нашъ Жигимонтъ король з государемъ *(л. 181)* вашимъ с в. г. и в. к. Борисом Федоровичем в. Р. хочет быти в доконочанье и в соединенье навеки. А мы, паны-рада

коруны Польские і великого княжества Литовского, вперед того не отставим, государя своего учнем просить и напоминать, чтоб нам государей своих ввести в дружбу и в любовь в братцкую в сердечную, а государства б их были в вѣчном покое. А вы, государские послы, как будете у государя своего, донесите государю своему государя нашего хотѣнье и наше панов-рад радѣнье. Да и бояром государским думным говорите, чтоб государю своему в. г. і в. к. Борису Өедоровичю в. Р. били челом, чтоб великий государь вашъ з государем нашимъ похотѣл *(л. — об.)* быти в вѣчном докончанье і соединенье, и стояти-б имъ государемъ и государствам их на поганцовъ заодин. А государь нашъ Жигимонтъ король великому государю вашему хочет всего добра і жедает слышеть государя вашего здоровья, чтоб онъ государь здоров был и счаслив на многие лѣта на своих государствахъ. А вас, послов, ныне отпущаетъ ко государю вашему.

І какъ Лев изговорилъ, и король встал і, сняв шапку, приказал ко государю поклон; а молыл: какъ будете у государя своего, і вы в. г. і в. к. Борису Өедоровичю в. Р. от нас поклонитесь.

(л. 182) Да звал король послов к руке.

А после того приказывал ко государю царевичю князю Өедору Борисовичю в. Р. королевичь поклон, встав-же и шляпку сымал. А говорил рѣчь Лев: государя нашего Жигимонта короля от сына Владислава королевича в. г. і в. к. Бориса Федоровича в. Р.его государскому сыну князю Өедору Борисовичю поклонитесь и поздравленье известите.

И были послы у королевича у руки. А после послов были у короля і у королевича у руки *(л. — об.)* дворяне государевы и подъячие. И послы, ударя челом королю и королевичю, и паном-радам поклонясь на обе стороны, пошли от короля. А провожали послов встрѣчники до тѣх же мѣстъ, гдѣ хто встречалъ.

А ідучи послы от короля, говорили канцлѣру Лву Сопѣге, что они отпускают к царскому величеству отселе дворянина, и он бы о том доложил Жигимонта короля, чтоб поволил отпустить из Вильны и подводы велѣл дать. И Лев сказал, что он доложит государя своего Жигимонта короля; і о том вперед вѣдомо учинит с приставы.

(л. 183) А за столом при королѣ сидѣли паны-рада в лавке: бискупъ Виленской Венедиктъ Война, Виленской воевода Хриштоп Радивил, воевода Тротцкой Миколай Радивил, каштелян Тротцкой Юрьи Радивил, воевода Ноугородцкой Өедор Скумин, воевода Берестѣйской Хриштоп Зиновьевич, канцлѣр Лев Сопѣга. В скамьѣ сидѣли: староста Жемотцкой Карлус Хоткѣевич, воевода Смо-

ленской Ян Аврамович, каштелян Жемотцкой Миколай Нарушевич, *(л.—об.)* подканцлѣр Габриель Война, подскарбей Ондрѣй Завиша.

А на королѣ за столом и до стола у крестного целованья платно было Неметцкое, юпа короткая бархат чорнъ, окладен золот с алмазы, шляпа Неметцкая чорна, на ней окладен золот же с алмазы-же, да кордъ Неметцкой. А на королевиче было платно Неметцкое же бархатъ чорнъ-же, шита вся золотом, шляпка Неметцкая шита золотом з запоны золотыми и с каменьем, кордик Неметцкой.

А у короля по правую сторону стоял *(л. 184)* подчашей корунной Ян Данилович, а против короля кравчей Павел Война; а у послов стоял кравчей дворянин королевской Станислав Собек, а у дворян стояли 2 стряпчих королевских подчивали.

А ѣствы перед королем и перед послы было ѣствъ съ 70, розные звѣри и птицы и рыбы золочены с сахары, да овощей всяких на 30 блюдех. А питья подносили красные вина: алканъ, мушкатѣль, малмазѣя, романѣя. А переменяли ѣству трожды. А блюда и торѣлки перед королем были серебряные золочены, а в столы серебряны белы. А в стол пѣли по мусикей, *(л. — об)* и в трубы трубили, і в арганы играли человѣкъ с 40. А на дворѣ у королевскихъ полат вверху на переходех трубили трубники и по набатом били.

А после стола приезжали к послом на подворье от короля подчивать с вины дворянин королевской Янъ Буховитцкой с товарыщи; а вшед пили чашу г. ц. і в. к. Бориса Өедоровича в. Р., и Жигимонта короля, и г. ц-ча к. Өедора Борисовича в. Р., и Владислава королевича.

А назавтрее генваря въ 8 день присылал *(л. 185)* король к послом з жалованьем конюшего своего Яна Домашевского, да скарбного писаря Яна Исаковского. А пришед к послом говорилъ писарь государь нашъ Жигимонтъ король в. г. и в. к. Бориса Өедоровича в. Р. вас, великихъ послов, жалует, велѣл вас о здоровье спросити; потом велѣл вам известить: что есте вы, послы великие, и дворяне принесли ко государю нашему поминков, и то государю нашему от вас завдячне и против тѣхъ ваших поминков жалует вас, прислал к вам свои поминки; да і ваши поминки і дворянские назад прислал.

И послы на королеве жалованье били *(л. — об.)* челом. А жалованья королевского к посломъ прислано по кубку да по портищу алтабасу, а дворяном по отласу по цветному, да по камочке по одамашке; а подьячему отлас жолтъ.

І того же дни послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи посылали х канцлѣру ко Лву Сопѣге на подворье подьячего Микифора Спиридонова; а приказали ему говорити Лву: что говорили они у короля на дворѣ с паны-радами и с нимъ со Лвом о обидных дѣлех, и список обидным дѣлом Лев у них взял, а хотѣли к послом против того списка отвѣт учинити; и против того и посямѣста отвѣту не *(л. 186)* учинено. Да послы же приказали говорити, чтоб росправу учинилъ по обидному списку и по челобитным торговым людем, которые ныне при послѣх, и королевскую б грамоту проѣзжую имъ дал, чтоб имъ повольно в Литвѣ і в Польше торговать беспошлинно. Да послы же приказали говорити Лву: преже сего на королевском дворѣ говорили ему Лву, что отпущают они ко г. ц. і в. к. Борису Федоровичю, в. Р. с., к Москве дворянина Михаила Дмитреева для того, что они послы какъ отпущены от царского величества, і тому ныне долгое время, а царскому величеству про них вѣдома нѣтъ никоторого, и король бы поволил имъ из Вильны *(л.—об)* отпустити дворянина ко государю, и пристава и подводы до рубежа велѣл дати.

И подьячей Микифор, пришед к послом, сказал: говорил деи ему Лев, что список обидным дѣлом отвѣтной пришлет, и росправу государевымъ торговым людем, которые ныне с послы, учинят; а что посылают послы ко государю дворянина, и он о том доложит короля и король поволит отпустити.

И после того послы приказывали ко Лву с приставы многижда да и писарю Матвѣю Войнѣ говорили, чтоб Лев списокъ обидным дѣлом прислал, и торговым людем росправу *(л. 187)* учинил, и грамоту королевскую торговым людем дал, что им торговати в Вильне и по городом беспошлинно; да и о Михаиле Дмитрееве, чтоб его отпустить ко государю из Вильны. И Лев и посямѣста отвѣтного списка обидным дѣломъ не прислал, і росправы никоторые торговым людем, которые приѣхали с ними с послы, о управных делех ничего не учинили, и грамоты беспошлинные торговым людемъ не дастъ, і о дворянине, что посылаемъ к царскому величеству, указу королевского не учинил.—І после того Лев обидным дѣлом списка не присылывалъ; а о дворянине, что послы посылают *(л.—об.)* ко государю, приставы сказали: велѣл де имъ канцлѣръ Лев известить имъ, посломъ, что государь ихъ Жигимонтъ король поволил послом ко государю отпустити дворянина из Менска, и подводы и пристава велѣл дать.

Да генваря въ 10 день приходил к послом от канцлѣра ото Лва Сопѣги скарбной Лукаш Мамонич и говорил послом: гово-

рили вы, в. г. і в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. великие послы, государя нашего Жигимонта короля паном-раде и канцлѣру Лву Сопѣге, чтоб они, доложа государя своего Жигимонта короля, с торговых людей, которые приѣхали ныне с вами, *(л. 188)* тамги і пошлин никаких имати не велѣти, а торговати б имъ беспошлинно; а иным бы которые похотят ѣхати торговати в Польшу, дати проѣзжая грамота торговати беспошлинно. И государь нашъ Жигимонтъ король государя вашего государствъ торговым людем, которые приѣхали с вами, велѣл торговати в Вильне беспошлинно; а какъ исторгуютца, и грамоту им королевскую проѣзжую назад дадут. А в Польшу по городом торговать и грамота беспошлинная давать не пригодитца: в Польше справы свои, николи того не бывало, чтоб вашим торговым людем в Литвѣ давати грамота беспошлинная в Польшу по городомъ торговати *(л. — об.)* беспошлинно. И у вашего деи в. г. і в. к. Бориса Федоровича в. Р. в государстве на Москве также ведетца: которые торговые люди государя нашего земель Вильневцы і иных мѣстъ были с послы государя нашего с нимъ со Лвом с товарыщи на Москвѣ, и тѣм торговым людем повольно было, по государя вашего жалованью, торговати въ одномъ государстве на Москвѣ, и пошлинъ с них не имали; а по инымъ городом грамот беспошлинных не давали. А в Новгород і во Псков і в ыные в дальные городы торговать не отпускают. И ныне на государя вашего торговых людех пошлин никаких не возьмут в Вильне с ихъ товаров; а хто поѣдет *(л. 189)* в Польшу, і имъ пошлина платить: в Польше государя нашего справа во всем иншее.

И послы боярин Михайло Глѣбович с товарыщи говорили: пригоже было Лву в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Ѳедоровича, в. Р. с., милосердье и жалованье пометовати и государю своему Жигимонту королю извещать. Литовским торговым людем, которые были со Лвом, поволил царское величество не в одномъ своем государстве на Москвѣ торговать беспошлинно; только б которые ваши торговые люди не исторговались на Москвѣ, и царское б величество і в ыных *(л. — об.)* городѣх поволил имъ торговати также беспошлинно. И тѣ Литовские торговые люди исторговались на Москвѣ потому, что в. г. нашего ц. і в. к. Бориса Ѳедоровича, в. Р. с., царство Московское великое, гостеі и торговых людей, Московскихъ жилцов, много, и из ыныхъ изо всѣх городов на Москвѣ бываютъ беспрестани гости и купцы со всякими товары, и государя вашего у торговыхъ людей всякие товары покупают и меняют на товары на Москвѣ. А то есмя говорили паном-раде і Лву царского величества о торговых людех,

которые приѣхали *(л. 190)* с нами о грамоте, чтоб поволили имъ ѣхати в Польшу и торговать беспошлинно для того, что здѣся имъ в Вильне не исторговатца, людей ныне здѣся торговых мало, иных земель людей торговых нѣт; а только имъ в одной Вильне торговать, и имъ будет на бесцѣнок товары свои менять. Итакъ проѣлися и убытки великие учинилися в долгомъ задержанье. И Лев бы, доложа государя своего Жигимонта короля, царского величества торговым людем дал проѣзжую грамоту — в Польше и в Литвѣ торговати беспошлинно потому же, какъ государя вашего торговым людем, которые были со Львом, по царского величества повелѣнью, *(л. — об.)* учинено, чтоб имъ задержанья и убытков не было.

И Лукаш говорил: что у вас, великого государя великих послов, слышу, и яз тѣ рѣчи ізвещу Лву, а Левъ донесет до короля.

И послы пошли из Вильны того же дни генваря въ 10 день, в суботу. А списка обидным дѣлом Лев не присылывал и отвѣту никакова не учинил. А провожали послов за посад в версту на всполье Адам Талваш, да Ярош Песотцкий, и королевские дворяне. И, витався с послы, воротились назад. *(л. 191)* А с послы поѣхали приставы Ондрѣй Ворыпай с товарыщи. А шли послы прежнею дорогою на Менескъ. А из Менска отпустили ко г. ц. и в. к. Борису Федоровичю в. Р. дворянина Михаила Дмитреева генваря въ 15 день, а сами пошли из Менска того же дни. А шли на Борисов, и из Борисова пристав Адам Лукашев воротился назад. А до Орши ѣхали с послы приставы Ондрѣй Ворыпай, да Ондрѣй Завиша, да шаѳирь Суморок. А в Оршу пришли генваря въ 22 день. *(л. — об.)* А кормъ давали королевской и до Орши, как мочно сытым быти, а конского корму прикупали собою. А подводы от Вильны и до рубежа давали против прежнего 65 подводъ. А на рубеж послы пришли генваря въ 24 день, в недѣлю.

Привезенная въ Москву послами М. Г. Салтыковымъ-Морозовымъ, В. Т. Плещеевымъ и думнымъ дьякомъ А. И. Власьевымъ грамота короля Сигизмунда, данная имъ въ Вильнѣ 7/17 января 1602 г., подтверждающая перемиріе, заключенное въ Москвѣ послами Л. И. Сапѣгою, Ст. Варшицкимъ и Г. Пельгржимовскимъ 11 марта 1601 г.,—хранится въ Архивѣ въ числѣ трактатовъ съ Польшею подъ № 50 (1602 г.). Грамота писана на пергаминѣ, въ двухъ мѣстахъ прогорѣла и потому подклеена съ оборотной стороны; внизу загнута и прошита золотымъ съ серебренымъ шнуромъ, на которомъ была печать, не сохранившаяся до нашего времени. Грамота эта, также какъ и грамота 1601 г. (см. выше стр. 66 и 73) пострадала въ Московскій пожаръ 1626 г. Опись архива

Посольскаго приказа 1614 г. указываетъ «привѣсную королеву печать» (см. въ I-ой описи № 21), а опись 1626—1627 гг. говоритъ: «печать растопилась вся и въ грамотѣ противъ печати 3 мѣста выгорѣли» (см. № 4; ср. въ IV-ой описи № 14). Текстъ грамоты дословно тотъ же самый, что и текстъ перемирной грамоты Сапѣги 11 марта 1601 г. (см. выше, стр. 58—66) за исключеніемъ слѣдующихъ двухъ мѣстъ: а) въ началѣ грамоты читается: «в року теперь идучомъ 1602-мъ» вмѣсто: «в року блиско пришломъ 1602-мъ» и б) въ концѣ грамоты послѣ словъ: «до тыхъ урочныхъ лѣтъ тотъ миръ держати крѣпко потому, якъ въ сей перемирной грамотѣ писано» здѣсь читается еще: «Писанъ у Вильни лета от нароженья Господа нашого Исус Христа Сына Божьего 1602-го мѣсяца генваря 17-го дня водлугъ нового поправленного Римского календара».

Статейный списокъ Салтыкова-Морозова, Плещеева и Власьева напечатанъ былъ въ IV книгѣ Древней-Россійской Вивліоѳики, 2 изд., стр. 14—120 (пропущены стрр. 109—128 и 161—162 настоящаго изданія).

6.—1602 г. апрѣль—май. О разграниченіи земель между гг. Торопцемъ и Велижемъ.

Согласно перемирной грамоты 1601—1602 гг. для размежеванія Торопецкой земли съ староствомъ Велижскимъ отправлены были въ апрѣлѣ мѣсяцѣ судьи Меньшой Григорьевичъ Волынской съ русской стороны и кн. Ю. Друцкой-Соколинской и А. Корвинъ-Госѣвскій съ польской. Такъ какъ русскіе судьи не поспѣли на срокъ 1 мая, то польскіе, не дожидаясь ихъ, сами провели границу Велижской волости и увѣдомили объ этомъ пограничныхъ русскихъ воеводъ. Изъ документовъ, касающихся этого разграниченія, сохранились только (въ спискахъ) отправленныя польскими комиссарами письма русскимъ воеводамъ (Польскія дѣла 1602 г. №№ 1—3; печатается по списку, находящемуся въ дѣлѣ № 2-мъ 1602 г.; было напечатано въ 8-мъ вып. Сборника кн. Оболенскаго стр. 26—30. Упоминанія о посылкѣ русскихъ комиссаровъ см. въ Польскихъ стат. спискахъ №№ 33 и 34 и въ грамотѣ Московскихъ бояръ польскимъ вельможамъ отъ 12 декабря 1620 г.). Но въ Посольскомъ приказѣ въ 1614—1627 гг. были и другіе документы о межеваньѣ земель въ 1602 г.: а) наказъ о межеваньѣ, б) «Литовскія дѣла, какъ были на рубежѣ объ межеваньѣ князь Вас. Звенигородскій и Григ. Микулинъ 110 года», в) «рознь Литовская о съѣздѣ съ Литовскими судьями и сыскъ о рубежахъ 110 года», г) «столпъ 111 года, какъ были на межеваньѣ Меньшой Волынской» и д) очевидно оригиналы печатаемыхъ писемъ вмѣстѣ съ современными русскими копіями (см. въ I-ой описи №№ 76, 77, 82, 91, ср. № 80; во II-ой №№ 5—7).

Наяснѣйшаго и великого господара Жикгимонта Третего, Божиею милостию, короля Польского и великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жомоитцкого, Мазоветцкого, Киевского, Волынского, Подольского, Подляшского, Лиөлянского и иных, навышшего господаря и князя господарствъ Молдавских, Волоских и Мутьянских, Шветцкого, Спотского, Вандальского дедичного короля, княжати Өинляндского и иных — слуг и вѣрных подданных его королевского маестату от князя Юрья Павловича Друцкого-Соколинского, старосты Усвятцкого, подокоморего Витепского, а от Александра Ивановича Корвина-Кгасевского старосты Велижского, секретаря господарского и войта Витепского,—великого господаря и великого князя Бориса Өедоровича, всеа Русі самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Казанского, Астараханского, Псковского, Тверского, Югорского, Пермского, Вяцкого, Болгарского и иных воеводе Невелскому князю Михаилу Ивановичю Шаховскому. Что по приговору з наяснѣйшего маестату его королев(ские) милости и великого князя, господара нашего милостивого, великими послы зъ ясневелеможным паном Лвом Ивановичем Сопѣгою, канцлѣромъ великого княжества Литовского, старостою Слонимскимъ, Пернавскимъ и Могилевскимъ, и с товарыщъми великого господара и великого князя Бориса Өедоровича всеа Русі господара вашего бояръ и думных по перемирнымъ грамотамъ и по крестному целованью с обеюх их милости великих господарей нашего и вашего был положон, и в грамотах перемирных есть описан, и припал был срокъ выехати с обеюх сторон судьямъ наровну по 50 чоловѣка на рубеж меж Велижа и Торопца в году теперешном от нарожения Исуса Христа Господа нашего 1602-го мѣсяца маия 1-го дня; и тым судьямъ, зъѣхався и сыскав старожильцы вправду, с обе стороны учинити рубеж Торопецким землям с староством Велижским, какъ было изстари Витепской земли с Торопецкою землею, такъже Усвяту и Усвятцкому уѣзду, Суражу и Озирищам з Луцким уѣздом, с Невельскимъ и з Бѣлским, и в ыных мѣсцах рубежи, якъ было изстари по старым рубежем, также и о обидных во всяких дѣлехъ суд и управу по правде удѣлати и все успокоити. Ино нояснѣйшиі и великиі господарь король и великиі князь, господарь нашъ милостивый, яко великиі господарь хрестьянскиі, жедаючи все доброе видеть во хрестьянстве, и абы границы господарствъ его королевское милости успокоены были, а люди его королевское милости от людей господара вашего больши того обиды не терпѣли, какъ посямѣста много обид и розливанья крови от людей господара вашего людямъ его королевское милости господара нашего бывало, а за тым абы большое кровопролитье

хрестьянское з обеюх сторонъ не всчалося, выслати рачил нас зъ стороны своей с товарыщами нашими. И мы по велѣнью его королевское милости, господара нашего милостивого, к Велижу зъехавши в 1-й день мѣсеца мая на рубеж промеж Торопца и Велижа к селу Огрызкову, Шаврину, Островну, гдѣ рубеж Торопецскиі з Велижскимъ зшолсе, и гдѣ перед тымъ судьи от короля его милости господара нашего светобливое памяти Стеѳана въеждгали[1], и гдѣ большие задоры людемъ его королевское милости от людей господара вашего деютсе, становилисе есмо. И тамъ о судьях[2] зъ стороны господара вашего вѣдомо никоторого не маючи, ѣздили и были есмо по рубежомъ Велижу с Торопцом, судей ваших сами есмо и через людей нашихъ сыскивали; и не токмо 1-го дня мѣсяца мaия, але 2-го, аж до дня нынешнего 3-го дня мѣсяца мая на них ожидали. И в людей господара вашего порубежныхъ опытавать есмо велѣли, нижли по весь тот час судьи от господаря вашего на рубеж ни в которое месцо не бывали; и вѣдома никоторого нам, судьям его королевское милости, господара нашего милостивого, не удѣлали. И тым зъ стороны господара вашего перемирнымъ грамотам и крестному целованью досыть не сталосе. А мы, судьи, з руки его королевское милости господара нашего по перемирнымъ грамотам и по крестному целованью обеюх великих господарей нашего и вашего правечи, сыскав старожилцов мужов старых, которые з дѣдов, с прадедов своихъ искони вѣка на тых земляхъ мешкают, о томъ есмо пильно опытывали, рубежом и знаком горазду пригледелись, и дознавши того и оже опричо того, что рубеж Витепской земли скони вѣка был далеко и безчисленно Витепское земли за вашимъ господаром, але и тот рубежъ якъ нинече люди его королевское милости господара нашего правят неправе, давных часов за короля его милости господара нашого светобливое памяти Жикгимонта Первого з Витепском к великому княжеству Литовскому держано; а люди господарей вашихъ под перемирьемъ землю Витепскую з Велижом не по правде завладѣвши и рубежи давные помешали. А потомъ судом Божиим король его милость и великиі князь господарь нашъ святобливое памяти Стеѳан город Велижъ со всѣми волостми под господаремъ вашимъ моцью взял и, на Заполской Яме перемирье становечи, город Велиж совсѣмъ, какъ был рубежъ перед тым Витепской земли с Торопецкою землею при господарстве его королевское милости и великом князьстве Литовском, зостал; и потом

[1] *Въ другомъ спискѣ:* выѣзжали.

[2] *Ibid.:* съѣздах.

в перемирных грамотах прошлых и недавных теперешних описано рубеж промеж Велижа и Торопца быть, якъ изстари бывало. Ино мы, судьи, рубеж Велижу с Торопцом и з иными городами господара вашего, вправду по старому зыскавши, и при городе Велижу к великому княжеству Литовскому зоста(ви)вши и описавши, людем его королевское милости господара нашого держати и крѣпко боронити велѣли. Ты-бы, воевода Невельскиі, о томъ вѣдаючи, людемъ господара своего приказал, штобы у волость Велижскую в села в Огрызково, в Островно по реку Двину, рѣчку Бунену, и по озеру Путно в Усочорт по озеро Вусорчорто, и по рѣчку Ельшу, и в ыные вси деревни и помѣстья города Велижа, также у волости уѣзда Усвятцкого, Озерицкого, Суражского, у волости Полотцкие, и во вси иные у земли и у воды и во всякие угодья через старые рубежи, якъ перед тымъ бывало и теперь держать, не вступалисе, обид и задоров никоторых не чинили, и перемирья до урочных лѣтъ промеж великих господарей нашого и вашого не нарушали. А о замордованье и розлитье крови окрутное и непомерное и о спаленье на смерть з деревнею шляхтича и ротмистра его королевское милости господара нашого пана Александра Каменского и людей его, о побранье животов всеѣ маетности его, и о иных многих обидах, о которых вжо к тебѣ з Велижа грамоты бывали, иж бы еси, вборзде обыскъ учинивши и срок положивши, справедливость удѣлал и за все людем его королевское милости скрывжоным обидным досыть учинити велѣлъ, постерегаючи того, штобы потом большое кровопролитие не дѣелось, а перемирье бъ промеж великих господарей нашего и вашего не нарушалосе. А посланцов бы еси наших отпустил к нам вборзде не задерживаючи и грамоту свою к нам приписал. Писан на рубежу Велижском и Торопецком лѣта от нарожения Исуса Христа Господа Бога и Спаса нашего 1602-го мѣсяца мая 3-го дня по греческу.

Дословно такія же письма: а) въ Луки Великія воеводѣ Константину Ивановичу Шеховскому (сохранилась часть, со словъ: «по перемирнымъ грамотамъ и по крестному цѣлованью обеюх ихъ милости великих государей нашего и вашего был положенъ»..., см. выше стр. 171)— въ Архивѣ въ Польскихъ дѣлахъ 1602 г. № 1 и б) на Бѣлую воеводѣ Ѳед. Ив. Бобрищеву-Пушкину (сохранилась часть со словъ: «рубежомъ и знакомъ гораздо пригледелись и дознавши того»... см. стр. 172)— тамъ же 1602 г. № 3. Въ концѣ послѣдняго приписано: «таковъ листъ привезли на Бѣлую мая въ 6 день Литовские люди Миколай Ѳедоров, Юрка Ивановъ да Омельянко Клемятинъ».— Всѣ три письма отъ одного и того же числа—3 мая.

7.—1604 г. сентябрь—1605 г. Посольство въ Польшу Посника Григ. Огарева.

Въ 1614 г. въ Посольскомъ приказѣ былъ, несохранившійся до нашего времени, столпъ 113 г., содержавшій «отпускъ къ Литву Огарева» (см. въ I-ой описи № 101). Упоминаніе объ этомъ посольствѣ въ Стат. спискѣ кн. Волконскаго кн. № 26, л. 64—65; см. ниже стр. 244. Печатаемая грамота находится въ книгѣ Метрики Литовской № 6, лл. 222—226 и была напечатана въ Сборникѣ князя М. А. Оболенскаго, вып. 8, М. 1838 г. Описи архива Посольскаго приказа указываютъ и «списокъ съ отвѣта, даннаго Огареву въ Литвѣ», бывшій въ архивѣ въ 1626—1627 гг., не найденный въ 1632 г. и оказавшійся опять при описи 1673 г. (см. во II-ой описи № 179, въ III-ей № 9 и IV-ой № 12).

(л. 222) Посельство от Борыса Өедоровича князя великого Московъского через посланьника его Посника Грыгорьевича Окгарева, который былъ прымован и слухан на сейме вальномъ у Варшавѣ року 1605-го.

Листъ Борысов до кор(олевское) его мил(ости) через того посланьника.

Милосердия ради милости Бога нашого, в них же посети насъ востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь мирень, сего убо Бога нашого милостью, отъ в. г. ц. и в. к. Борыса Өедоровича, в. Р. с., Владымерского, Московъского, Новъгородского, цара Казаньского, цара Азстараханьского, цара Сибирского, господара Пъсковъского, и в. к. Смоленского, Тверского, Югорского, Пермъского, Вятского, Боргаръского (sic) и иныхъ, г. и в. к. Новагорода Низовъское земъли, Черниговского, Резанъского, Ростовъского, Ярославъского, Белоозерского, Удоръского, Обдорского, Конъдинского, и всея Северныя стороны повелителя, и господара Иверские земли Грузинъских царей, и Кабардинские земъли Черкаских и Горскихъ князей, и иных многих господаръствъ господара и обовладателя — великому господару Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жомоитьскому, Мазовецкому и иныхъ. В прошлом во 109-мъ году прысылалъ къ нашому царскому величеству вы, Жыкгимонт король, пословъ своих великих Льва Ивановича Сапегу, канъцлера великого князьства Литовъского, старосту Слонимъского и Могилевского, да Станислава Варшыцкого, кашталяна Варшавъского, да писара великого княз(ьс)тва Литовского Гелияша Пелькгрымовского, штоб нам, в. г., прежнее перемирье, которое учынено межь в. г. ц. а в. к. *(л.—об.)* Өедоромъ Ивановичомъ, в. Р. с., и вами, великимъ господаремъ Жыкгимонтомъ королемъ

подкрепити и держати до урочных летъ, и вперод бы для хрестиянского покою перемирья прыбавити летъ на 30 и больше. И мы, в. г. ц. и в. к. Борыс Өедорович, в. Р. с., по вашему прошеню велели бояром своимъ с послы вашыми межы насъ, в. г., и межы нашых великих господарствъ премирья прыговорыти въновъ на 20 летъ от Успеньева дни 110-го году до Успенява-жъ дни 130-го году; а на 30 летъ и большъ того перемирья не учынили для некоторых меръ. И на тых прымерных грамотах целовали есмо крестъ, што держати во въсемъ потому, якъ в нашых премирных грамотах написано; а за вас великого господара перед нашымъ царскимъ величествомъ цаловали крестъ вашы великие послы канцлер великого княз(ьс)тва Литовского Левъ Иванович Сапега с товарышы, што быти до урочных летъ во въсем потому, як в нашыхъ перемирных грамотах написано. И после отъпуску пословъ вашыхъ посылали есмо къ вамъ того премирья закрепити послов нашых великих боярына и наместника Суздальского Михаила Глебовича Салътыкова-Морозова, да дворанина и наместника Разского Василя Тимоѳеевича Плещеева, да думъного дьяка нашого Өеанасева Уласъева. И вы, в. г., на тых перемирных нашых грамотах къ намъ, в. г., перед послы нашыми крестъ цаловали, што деръжати вамъ до урочныхъ летъ во въсемъ потому, якъ в тых премирных грамотах написано. А в перемирных нашых грамотах написано, што было о обыдных делех и о рубежах в спорных местцах слати з обеюх сторонъ судей и, сыскав старожылцы вправду, у рубежы учынити по-прежнему, якъ было изъстары, и обыдным всякимъ деломъ розправу учынити. И мы, в. г. ц и в. к. Борыс Өедоровичъ, в. Р. с., по перемирным грамотамъ и по договору пановъ-рад с послы нашыми, посылали на зъездъ для рубежей межы Торопъца и Велижа и в-ыные места воеводы наместника Козельского Меньшого Грыгорьевича Волынского с товарышы, а межы Чернигова и Путивля воеводы и наместника Щацкого князя *(л.223)* Василья Анъдреевича Звенигородского с товарышы з вашыми судьями, которые к тому делу прысланы будутъ. И вашы судьи староста Усвятский князь Юрьи Соколинский да секретарь Александер Кгосевский прыехалъ на Усвятъ, не сославшысе з нашыми судьями, по рубежу не ездя, землями нашыми завладили многими мимо старые рубежы, чого през сего не бывало, и кроворозлитье и убытки людемъ нашым порубежным многое почынили, воинъскимъ обычаем, розбоем и грабежом безпрестани посеместа переходя за рубежъ в нашу землю. А межы Чернигова и Путивля судьи вашы на сезъдъ з нашыми судьями не бывали, и судьи нашы, ждавшы судей ва-

шых долъгое время, розъехалисе ис тых местъ, и посяместа в Черниговскомъ и Путивльскомъ уезьде и в-ыных многих местах нашым людем задоры и обиды великие од ваших порубежных людей делаютьсе. И бояре нашы о тых задорах писали къ вашымъ паномъ-радамъ многожды, штобы во въсех порубежных местех задоры сыскати и росправу на обе стороне учынити; и вы и вашы панове-рада тымъ всимъ обиднымъ дѣломъ зыскъ и росправы и отъвету посяместо не учынивъшы. Да не токъма што старые обиды и задоры зысканы и росправа учынена, и вновъ многие задоры и обиды (въ) порубежных местах нашымъ людем од вашых людей безпрестани чынятся, и местам нашое земли осваивают безпрестани обычаемъ, хотячы нашыми землями завладети, и задор учынити, и межъ насъ, в. г., нелюбие видеть, и межъ нашых господарствъ кровурозлитье учынити. Вишневецкие воровством своим в нашемъ господарстве в Северской земли Прылуцкое и Снетино городище освоивають и хотят завладати; а то Прылуцкое и Снетино городище искони вечная отчына нашая великих господарей. А о тых земълях преж сего пры великих господарехъ царех Росийскихъ и предковъ вашых Польских королей и посяместа никоторое прычыны и помину не бывало. А в нинешнее премирное время пры тобе, Жыкгимонте королю, такие ссорные[1] и задорные дела въщынаютьсе, чего през сего не бывало. А делают то Вишневецкие самовольным обычаем и воровством-*(л. — об)* якъ бы не маючы над собою вас господаремъ и пановъ, рад. — Да с вашое стороны делаетьсе неведомо якимъ умышленымъ обычаемъ, чого нам, великим господаремъ хрестиянскимъ, делать не годиться. Ведомо намъ учынилосе, што въ вашомъ господаръстве объявилсе вор, розтрыга, чернецъ, а наперод того был он в нашомъ господаръстве в Чудове монастыре в дяконех и в Чудовского архимандрыта въ келеникахъ, чернец Грышко; а и-Щудова[2] монастыра для писма был у богомольца нашого Иева патрыарха Московъского во дворе. А до чернечества в мире звали его Юшкомъ Богданов сын Отрепеева. А якъ был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слухал, впалъ въ ересь, и воровал, крал, играл въ зернью, и бражничалъ, и бегалъ отъ отца многожда; и заворовавъся пострыгсе у черницы и не оставил прежнего своего воровъства, як былъ в миру до чернечества, отъступилъ отъ Бога, впал въ вересь и в чорнокнижье и прызыване духовъ нечыстых, и отъреченья от Бога у него вынели. И богомолец нашъ Иевъ патрыарха, уведовъ

[1] *Написано:* есорные.
[2] И-Щудова = изъ Чудова.

про его воро(в)ство, и прызыванье нечыстых духов и чернокнижъя, со всим вселенъскимъ соборомъ, по правилом светых отец и по соборному уложенью, прыговорыли сослати с товарышы его, которые с ним были въ совете, на Белое озеро въ заточенье на смерть. И тотъ вор чернецъ Грышко, видечы свою погибель, што его воровство всимъ явно стало, с товарышы своими щерницами с попомъ Вавъраамомъ (sic) да с крылашаниномъ с Мисаиломъ с Повадином з Москвы збежали за рубежъ у ваше господарство у Киев, и были в Печерскомъ манастыре, и в Острогу, и въ Брагиню, и в Дермане манастыру дьякономъ былъ. А после того тотъ воръ чернецъ Грышко Отрепеев прышол къ Вишневецкимъ, и по вражую действу свою ересь отступлене отъ нащое истенное веры хрестиянъское всим явно показал, забывъ свое иноческое объвещанье, объразъ иноческий испоругалъ, чернеческое платье скинулъ, учалъ воровати. И своимъ злодейственным своровейскимъ обычаем, по совету таких же воровъ советников своих, которые учали есто[1] на то *(л. 224)* прыводити своимъ воровъскимъ и злодейственнымъ не хрестиянскимъ обычаемъ, учалъ се называти блаженное памети в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., сыномъ княземъ Дмитром Углетскимъ. И в томъ в. г. ц. и в. к. Ивану Васильевичу, в. Р. с., помазанника Божью, и намъ, великим господаремъ хрестьянскимъ, имяни нашому ругательство и укоръ. А о томъ всемъ изветно, што в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., по его изъволеню был сынъ князь Дмитрей не от законъное семое жоны, и после преставленья блаженное памети в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., дан ему был з матерью город Углеч, который по нашому жалованью нине за Густавомъ королевичом Крыковым[2] королевым сыномъ Швейского. И ва ева во 109-м году того князя Дмитрея не стало на Углечы, поколол самъ себя, а былъ болен черною болезнью и положен на Углечы. О томъ всемъ людям не только што Росийского господарства, и иных господаръствъ всяким людемъ подлинно ведомо; да и вашым людям чаю ведомо-жъ. А мать его Марья и нане жыва, а дядья его Нагие служат намъ, в. г. И нине къ нащому царскому величеству писали из Украинных городов воеводы нашы и прыказные люди, што тотъ вор розтрыга Грыщко Отрепеев называетсе князем Дмитреем Углецкимъ по совету Вишневецких, и Ратомского, и иных панов, которые къ его воровству прыставаютъ; и многие воровъские грамоты къ нашым украинным людямъ тотъ вор пи-

[1] Его?
[2] Ириковымъ?

шет, называючы себя князем Дмитремъ Углецкимъ, и на Донъ къ вором къ Донским атаманом и х козакомъ такъже свои воровские грамоты пишет и зная[1] свое к атаманом и х козакомъ з литвином Щасным Свирскимъ пryславъ, подкупаючы их на нашы украинные места. И Донские козаки, воры, розбойники, которые были изъ господарства нашого от смерное казни вместе з вашыми черкасы Запороскими, по того вора и советъников его прысилку сына боярского нашого Петра Хрущова, который был прысланъ къ нимъ для Крымского дела, оковавъ, къ вамъ в Литву послали. Да посланы из нашых Украиных городов в проезжые станицы для остереганья отъ Крымских людѣй дети боярские Иванъ Ревутовъ *(л. — об.)* да Аѳанасей Сухачевъ с товарышы; и в нинешнемъ во 113-мъ году в сентябрѣ погромили их вашы люди Литовские черкасы и прывели их въ кошъ на усте Орчыка к отаману к Софрону с товарышы. И пры них прышли къ тому Сооѳрону литвинъ Щасны Свирский зъ Запороскими черкасы, который прыеждчал къ Донскимъ козакомъ; и тых станичников детей боярских литвинъ Щасный роспрашывал про нашы Украинные городы и про остроги, и пытали их и огнем жъгли, а иных побили. И то крестьянское дело делаетъца?.. И многие лазучники вашего господарства, прыходя в наше господаръство, воровское писма прыносил, и въ городех на посадех и по дорогам листы воровские мечут того вора именемъ, хотечы тым въ хрестиянстве кроворозлитье въсчати. Да с тым же вором и зъ геретыком черньцомъ зъ ростырою по совету из Остра Михаило Ратомский безпрестани прысылаеть в нашу землю въ Черниговъской уездъ людей своих воинскимъ обычаемъ, и людей нашых украинных побивають и грабеть, и кровь хрестиянскую проливають, чого крестьяном делати не годитца. И мы, в. г., тому удивъляемсе, якими обычаи ваше господаръство таких воров и богоотъступниковъ прыимають и ему верать, а подлинъно про него не розпросят и не сыщут, и такому богоотступънику вору поверыли и тымъ смуту чынят, а меж нас, в. г., нелюбъе воздвигають, и межъ нами мирное постановенье нарушають, и кроворозлитье въщынають. Хотя тотъ вор и прамой дилъ[2] князь Дмитрей Углецкий из мертных встал, и онъ не отъ законъное, семое жоны. И такому было што зъделати господарствамъ нашым? Только услышат о таком воровъскомъ деле пограничные городы, нимъ то всим во удивленье будеть, и всякие тому посмеетца, и вашому имени и господарству вашому будеть ругателество

[1] Знамя?
[2] Былъ?

и укоръ в томъ, што таки воръ и богоотступъникъ, прышед в такие великие господаръства, своимъ злодейством и ведовствомъ въсмущаеть, прошаеть вас и панов вашых и господарства вашы, абы в томъ ему позволилъ. А нашого *(л. 225)* царского величества и в нашемъ господаръстве и прамой господаръской сынъ дяди вашого Швейского Ирыка короля сынъ Густав королевич, и нашому царскому величеству безпрестанье бити чоломъ, штобъ мы, в. г., дали ему помочь и позволили ему доступати Лиѳлянтское земли. И мы, в. г., по своему царскому милосердъному обычаю, жалея о хрестиянстве и помъня свое крестное целованье, якъ есмя на перемирных грамотах вамъ, в. г., крестъ целовали, не хотя в томъ мирномъ постановенью порухи учынити, Густаву королевичу в томъ отъказали и ему не поволили. А вы такому вору и богоотъступнику черньцу в томъ поверыли и поволили, и держыте его в господарстве своемъ, и его именьемъ къ вором къ Донскимъ козаком литъвина Щастного Свирского посылали, прыводячы их на то, штобъ они шли на нашы украины, сулячы имъ за то свое жалованье, забывъ свое крестъное целованье а мирное постановене.—Да нам же, в. г., ведомо учынилосе и Крымский Кази-Кгерей царь с послы своими къ намъ писал, што вы, Жыкгимонт король, накупил на нас и на господаръства нашы Крымского Кази-Кгерея цара и с ним о том зъсылалсе. Писал къ нему Казы-Кгерей царь[1] зъ гонъцомъ его с Онтономъ черкашениномъ и словомъ прыказывалъ о томъ же вор чернецъ Грышко Отрепеевъ, што будто у вас в Литве царыкъ Дмитрей Углецъкий, сын г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р, и вы, Жыкгимонт король, будто его отъпущаешъ на нашу землю войною, и с нимъ посылаешъ рать свою, и Крымский бы царь далъ тобе помочь, и послалъ на нашу землю рать свою; а отъ того хотечы и Крымскому цару дати дань многую казну, чого онъ попросит и обещалсе с ним быти въ дружъбе. И Казы-Кгерей царь послалъ къ тобе с отъветомъ посланника своего Сеѳер-Казыя князя Дервишева сына Куликова. И намъ, в. г., то во удивленье учынилос, яким обычаем вы, Жыкгимонт король, забывъ свое крестъное целованье, бесермянъ на крестьян накупаеш, и такие дѣла непрыгожые въщынаешъ, и крестьянского кроворозлитья жедаешъ, и ведомого вора богоотступника и геретыка розтрыгу называешъ господаръскимъ сыном? И крестиянскимъ господаремъ такъ дѣлати не годитца; *(л. — об.)* не только што намъ, в. г., (и простымъ людемъ) такъ дѣлати не годитъца, а прыгожеи было намъ всимъ хрѣстиянскимъ господаремъ стояти на бесурман, и измен-

[1] Казы-Гирею царю?

никовъяпского кроворозлитья искати, и бесурмянъ и изменниковъ воровъ накупати. Намъ, в. г., то не страшно, хотя ты и Турского на нас учънешъ накупати, не только Крымского; и мы, прося у Бога милости, против всих своих недруговъ учнем стояти, сколько Бог помощы додаст, а ни отъ кого помощы собе не ищѣмъ опрочъ Бога. Коли было в нинешнее время за нашъ хрѣстъ и всего хрѣстьянства блаженное памети пры в. г. ц. и в. к. Иване Васильевичу, в. Р. с., на его господарства многие встали были недъругы Турские, и салътан, Крымъский царь, и Большые Нагаи, и Сибирская и Казанская земъля, и Стеѳан король со въсею Польщею и Литъвою и з-ыными наемными людьми, и отец твой Яган король Светский; и в те поры царское величество въспоможенья опрочъ Бога не хотели, и не искали ни от кого, и против всих своих недругов стоял один своими ратъми, а чужых людей на помочь не прызывал и не наймовалъ. А нине Божею милостью недруга намъ никоторого нетъ, и Крымский царь с нами в дружбе; прося у Бога милости, за наше крестное целованье, и за правду, и за честь великих господарей помазанниковъ Божых в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., и сына его в. г. ц. и в. к. Ѳедора Ивановича, в. Р. с., и за наше царское имя и за господаръства нашы стояти хотимъ, сколько намъ Бог помочы подаст. А хто накупаеть бесурмянъ на хрестиян, и та кровъ взыщетца на немъ. И вы-бъ, Жыкгимонт король, розсудили: прыгожое-ль дело в нинешнее перемирное время зъ вашое стороны делаетъца, забывъ крестъное целованье, такие непрыгожые дела въщынаете и мирное постановленье рушыте. Мы, великий господаръ, мирное постановенье держали и во въсем потому, якъ в нашых перемирных грамотах написано, и ни въ чомъ крестъного целованя не нарушыли и вперед держати хотели. А вы такие непрыгожые дела въщынаете, чего и в мусульмаеских господаръствах не деетъца, што великимъ *(л. 226)* господаремъ утвердять межъ себя крестъным целованьемъ и своими господаръскими душами, да то рушыти. И для того посылали есмя къ тобе посланника нашого Посника Грыгорьевича Огарева на вас того проведати: з вашего ли ведома и панов-рад с прыговору тые непрыгожые дела з вашое стороны делаютца, и вперод вамъ мирное постановенье держати ли, штобъ намъ о томъ ведати, по которой мерѣ с вами делаете? А о томъ вамъ, Жыкгимонту королю, даю ведати: будете вы с нами, в. г., похотите быти по-прежнему в прымерьи и тотъ мир держати до урочных летъ потому, якъ есьмя крестным целованьемъ нашым господаръскимъ душами утвердили и перемирными грамотами, — и вы-бъ,

Жыкгимонт король, богоотступника и геретыка розтрыгу Грышка Отрепеева, што называетца князем Дмитрем Углецкимъ, и его советъников, которые его на то прывели и ему советовали, сысковъ, велели того вора и тых его советниковъ казнити, и сына боярского нашого Петра Хрущова къ намъ отъпустили, и обиднымъ делом всемъ росправу велели учынити и в земли нашы порубежные вступатисе не велели. А будеть богоотступника и еретыка и его советниковъ сыскати и казни имъ учынити не велилъ, и сына боярского нашого Петра Хрущова к намъ не прышлешъ, и обидным делом росправы учынити не велиш, и которое кроворозлитье за такие непрыгожые дела, што делаетца з вашое стороны, възочнетца, и того взыщет Богъ на вас. А нашу правду възърыти Богъ, што есмя от тое крови чысты. И ко въсимъ хрестиянским господаремъ къ брату нашому великому господару и цесару Рымскому, и к папе в Рымъ, и ко всемъ господаремъ хрестиянскимъ посылаемъ посланников своих о тых делех объявити, и перед ними во всемъ оправъдатисе, штобъ имъ было изветъно, што мирное постановлене рушытца и кроворозлитье вщынаетца от вас; а мы во всем в томъ просимъ у Бога милости, што в томъ чысты и кровы въщынать не хотели, передо всими великими господарьми хрѣстиянскими в томъ оправдаемъся. И вамъ бы, Жыкгимонте королю, о том всемъ *(л.—об.)* намъ, великому господару, противъ сее нашое грамоты ведомо учынити. А што посланникъ нашъ учнетъ отъ нас вамъ, в. г., говорыти, и вы-бъ ему верыли; то есть нашы речы. Писан у великого господара нашого его царского величества господарстве въ царствующемъ граде Москве лета от созданья миру 7113-го сенътебра мѣсяца.

8.—1605 г. май—іюль. Бытность въ Польшѣ посланника ц. Дмитрія Ивановича.

Здѣсь помѣщаются: а) грамота короля Сигизмунда III къ Юрію Мнишку отъ 24 мая 1605 г., хранящаяся въ Архивѣ среди дѣлъ о самозванцахъ подъ № 6 (напечатана была во II-мъ томѣ С. Г. Г. и Д., № 86, стран. 195) и б) «исчисленіе времени»—хранящееся тамъ же подъ № 11. Послѣдній документъ, судя по находящимся въ немъ выраженіямъ, что «послы могутъ быть черезъ 6 недѣль—28 августа», относится къ срединѣ іюля нов. стиля или къ началу его по старому стилю. Русскій переводъ см. въ Русской Вивліоѳикѣ, изд. Н. Полевымъ, т. I, М. 1833 г., стр. 319—320.

Zygmunth III, z Bożey łaski król Polski, wielkie xiążę Lithewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieczkie, Żmudzkie, Inflianczkie etc. y Szwedzki, Gottski, Wandalski dziedziczny król.

Wielmożny, uprz. nam miły. Staranie to, które uprz. w. o uisczęnie rath nam zatrsymanych czynisz, wdzięcznie przymuięmy; ażebysz uprz. w. dalszych w tym zwłok nie zażywał, pilnie żadąmy y napominamy. Z strony posłańcza Dimitrowego z Moskwy takeśmy się namyślili, abyś uprz. w. sam z nim pospołu do nasz nadiachał, zakrywszy go familią swoią, która aby tesz była w małey lidzbie, radzibyśmy to widzieli. Życzemy za tym uprz. w. zdrowia dobrego od Pana Boga. Dan w Krakowie, dnia XXIIII maia, roku Pańskiego MDCV, panowania królestw naszych Polskiego XVIII°, Szwedzkiego roku XII°.

Sigismundus Rex.

Внизу: Do p. woiewody Sędomirskie°.

На оборотѣ надпись: Wielmożnemu Jerzemu z Wielkich Konczyc Mniszkowi, woiewodzie Sendomierskiemu, Lwowskiemu, Samborskiemu, staroście naszemu, uprz. nam miłemu. № 6 *(сначала было:* № 8, *затѣмъ перечеркнуто). Грамота запечатана королевскою печатью подъ кустодіею.*

Porachowanie czasu.

Pyrszy poseł do k. j. m. opowiedaiąc sczęśliwe osiedzenie państwa y o pannę.

Przy tymże poślie do je° msc. pana woyewody o pannę y pieniądze.

to 28 augusty. Czy posłowie mogą bycz za 6 niedziel.

to 25 septemb. Mieszkanie tych posłów 4 niedziele.

Czysz posłowie mayą miecz lysty zarazem do k. j. m., na wesele proszucz.

to 6 nowem. Czy posłowie wrócą się 6 niedziel.

20 nowemb. Wyechać s panną w ośm niedzieli po poslech.

to 17 ianuari. S panną yechacz, 8 niedziel przybycz.

На оборотѣ:

K. j. m. ośmdzieszął tysięcy,
na gunca (?) 55 tysięcy,
wyprawa panny 100,
przyaciołom . .[1] sposobie po stu,
gayduków 50,

[1] Передъ *sposobie* было: *żolnyrzom*, затѣмъ перечеркнуто.

strawa 20,
popłacenie długów nad 100 tysię(cy),
wesele k. j. 50 (?).

На особой обертк̀ѣ рукою XVII в. написано: «роспис, Яна Бычинского рука, сколько воеводе платити долгов ис тѣхъ денегъ, которые ему рострига посылал».

---

9. 1605 г. іюля 21—сентябрь. Пріѣздъ въ Москву къ боярамъ гонца отъ воеводы Сендомирскаго Юрья Мнишка—Яна Бычинскаго.

(Польскія дѣла 1605 г. № 1).

..... королевские милости Юрья Мниш(ка с великихъ) Кончицъ, воевода Сендомирской, староста Льво(вской) и Самборской, Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Дмитрея Ивановича, в. Р. с., Владимерского, Московского, Новгородцкого, Казанского, Астороханского, Псковского, Тверского, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского и иных вам, бояром думным его царского величества, и всему рыцерству велѣл поклонитися и о здоровье вашем спрошати.

И бояре боярин князь Федор Ивановичь Мстиславской да с товарыщи спрашивали гонца про воеводу про Юрья Мнишка о его здоровье; а молыл боярин князь Ѳедор Ивановичь: брат нашъ пан радной Юрьи Мнишка, воевода Сендомирской, по здорову ли?

И гонец молыл: какъ яз ис Кракова поѣхалъ, а воевода Сендомирскиі Юрьи Мнишка дал Бог здорово.

А после того бояре звали гонца к руке. И гонецъ Бычинскиі, быв у бояр у руки, подал грамоту; и грамоту у гонца принял діякъ думной Иван Грамотин.

А после грамоты гонецъ говорил от воеводы Сендомирского Юрья Мнишка бояром рѣчь: Божьимъ изволеньем был в г. нашего земле в коруне Полской в. г. ваш цесарь и в. к. Дмитрей Ивановичь в. Р., в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р., Московского государя, сынъ, и жил в Полше и Литвѣ немалое время; а про то ещо в Полше и в Литвѣ подлинного вѣдома не было, что он государь вашъ — сынъ в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. И увѣдалъ про его цесарское величество пан мой воевода Сендомирскиі Юрьи Мнишка, что государь вашъ цесарь и в. к. Дмитрей Ивановичь в. Р.— прироженный Московского государя ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. сынъ, и пан мой, воевода Сендомирскиі, Юрьи Мнишка об немъ

старался и его цесарскимъ дѣломъ, по его государеву приказу, промышлял, как бы ему, государю, доступити престол прародителей своих, а неприятелей своих сокрушити под свои цесарские ноги. И не токмо пан мой Юрьи Мнишко казны своей и имѣнья не щадилъ, и здоровье свое на смерть менял, служачи ему государю. А ныне ему вѣдомо учинилось, вы, его цесарского величества бояре думные, и все рыцерство Московского государства и всѣ государства Росиского царствия, узнавши его, государя своего цесаря и в. к. Дмитрея Ивановича, в. Р. с., ему, в. г., поклонились, добили челом и ему, государю своему, во всем прямите и служите. И воевода Сендомирской, пан мой, Юрьи Мнишка за то вас, бояр думных, и все рыцерство похваляет и дякует, и велѣл вас навидети и ваше здоровье видети и жедает того, чтоб ему ваше здоровье самому видети.

И боярин князь Өедор Ивановичь говорил гонцу, что Сендомирской воевода Юрьи Мнишко сподобился послужити такому великому государю цесарю и в. к. Дмитрею Ивановичю, в. Р. с., и радѣнье свое и прямую службу показал, и здоровье свое на смерть менял за него за государя против его неприятелей; и мы его за то похваляем, что он учинил какъ есть учтивый и разумный пан. А что он прислал тебя нас, цесарского величества бояръ, навидѣти, и мы вас за то похваляем и приимуем то вдячне; а как, дастъ Богъ, будет Юрьи Мнишко у великого государя нашего при его цесарском величестве, и мы ему сами будем против дяковать.

И отпустили гонца на подворье.

А сесь списокъ з грамоты к бояром Сендомирского воеводы Юрья Мнишка з гонцомъ его з Бычинскимъ 113-го августа въ 21 день.

Наяснейшего великого господаря Жигимонта Третьего, Божьею милостию, короля Польского і великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазоветцкого, Киевского, Волынского, Подольского, Подлязского, Лиөлянского и иных, Вандальского дедичного короля и княжати Өинлянтъского і иных, от пана-рады его королевские милости от Юрья Мнишка с великих Кончицъ, воеводы Сендомирского, старосты Лвовского и Самборского, Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Дмитрея Ивановича, в. Р. с., Владимерского, Московского, Новгородцкого, Казанского, Астороханского, Псковского, Тверского, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского и иных, бояром думным его царского величества, и всему рыцерству Московскому, здоровье от Господа Бога і помноженье любви межи народы нашими хотим. Скоро мене одно Господь Бог поневолил до того, чтобы по-

мощникомъ был царю его милости Дмитрею Ивановичю в дохожење господарьства, правам прироженым ему належачого; хотяжъ есми речь видел полную трудность и моцы людцкой неподобную, вси однакъ труды зычливости до того и здоровье мое обернул есми на славу и целость господарьства Московского, которым народ з молодости лѣт своих у великой любви мелъ есми, розумеючи то быть речь неслушную і с кривдою вашею же тое панство так зацное, которого великая и большая часть хрестьянства тиранствам невласного господаря утисненое было, также и теперь в такъ великой опатръности Божей, которую над паремъ его милостию Дмитреем Ивановичем господаремъ вашимъ прироженым и над вами самими перед всим свѣтомъ изделалъ, радоватись вельми могу, дякуючи Господу Богу, што пана и господаря власного прироженого, которое пановање есть зноснейшое и ласкавшое, вам привернул, а вас тежъ от насильства неприроженого пана дивне над сподеванье людское высвободил, что все Господь Богъ к великой славе и розмноженью панства вашего и доброму всего хрестьянства и ку лѣпшому вас всих изделати рачил. Кгдыжъ завъжды тые, которых Господь Богъ с подобною тому окрутенства перед тым выбавлял панством своим и подданымъ много славы причиняли и несмертельную им память в людех по себе застововали, также разумею, што и вы немалую потеху і славу с теперешнего пана своего, которого тыранского некрестьянская окрутность замордовати хотела, а моць Божья знову цудовне его оживала и паном вамъ дала, мети будете заскоро, дасть Богъ, за волею Его святою и царя его милости, а кданьемъ там буду, старотися пильно хочю, абы вѣра и статечность вашая против его царскому величеству похвалу и вдячность от господаря своего мела, а яком был началом і причиною, за презреньемъ Божьимъ, до привернења вам царя вашего прироженого, так зычю собе ещо быть помошником розмноженья прав ваших, певен того будучи, же яко за першые мои труды и зычливость, такъ и за тые хути мои милость и вдячность вашую познавати буду. Писан в столечномъ мѣсте господаря короля, его милости пана моего, Кракове, лѣта от нароженья Исуса Христа и Спаса нашего 1605-го мѣсяца июля 21-го дня.

А припись у грамоты: всѣх вас бояр думных братьи моей и всего рыцерства і миру тамошнего всего добра зычливый Юрьй Мнишекъ з великих Кончицъ, воевода Сендомирский, староста Львовскій и Самборскии[1].

---

[1] Грамота по этому же списку была напечатана во II-мъ томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, № 94, стран. 210—211.

10. 1605 г. сентября 22.— Посылка Петра Чубарова отъ Московскихъ бояръ къ Юрью Мнишку въ отвѣтъ на его грамоту.

(Польскія дѣла 1605 г. № 1. Имя и фамилія «Петру Чубарову» въ наказѣ вездѣ вписаны другой рукой. Вѣроятно это дѣло разумѣетъ II-ая опись, см. № 163).

(л. 11) Лѣта 7114-го сентября въ 21 день. По г. ц. и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. указу память Петру Чюбарову. Ѣхати ему в Литву[1], в котором городе скажут ему Сендомирского воеводу Юрья Мнишка, для того: послана с ним от государевыхъ ц. и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. бояр от князя Ѳедора Ивановича Мстиславского да от князя Ивана Михайловича Воротынского[2] с товарыщи к пану-раде коруны Польскіе къ Юрью Мнишке грамота. И Петру ѣхати до рубежа[3], не мешкая нигдѣ; а какъ Петра приѣдет в Путивль, и ему в Путивле говорити воеводе князю Ондрѣю[4] Бахтеярову, чтоб его Петра, по государеву указу, ис Путивля на Литовскоі рубеж отпустил не замешкав. Да как ис Путивля воевода князь Ондрѣй на Литовской рубеж отпустит, и Петру иттi на рубеж не мешкая, роспрашивая на которые на Литовскіе городы ѣхати будет лутче к Сендомирскому воеводе. А приѣхав в первой Литовской город от рубежа, говорити уряднику, или хто в том городе будет, что послан онъ цесарского величества от бояр к паном-раде къ Юрью Мнишку з грамотою, и он бы его пропустил не задержавъ, *(л. 12)* и пристава и подводы и кормъ велѣлъ дати; и будет пристава и подводъ и корму не дастъ, и Петру ѣхати и без пристава, роспрашивая как мочно на тѣ мѣста, гдѣ скажут Сендомирского воеводу. А будет его в котором в Литовскомъ городе или в мѣсте державцы или урядники вскоре не похотят отпустити, а похотят позадержати, а учнутъ говорити, что им без вѣдама панов-рад пропустити его вскоре, покамѣста об нем указу не будет, нелзѣ, — и Петру тѣмъ державцом или урядникомъ говорити, что послан онъ цесарского величества от бояръ от князя Ѳедора Ивановича Мстиславского да от князя Ивана Михаиловича Воротынского[2] с товарыщи к пану-раде коруны Польские къ Юрью Мнишку з грамотою против того, что он присылал цесарского величества

[1] *Сперва было написано:* до Путивля, и до Литовского рубежа, и в Литовскіе городы, гдѣ ему.

[2] Да от князя И. М. Воротынского *вписано между строкъ.*

[3] *Зачеркнуто:* Путивля.

[4] *Зачеркнуто:* Ивановичю.

к бояром посланца своего Бычинского з грамотою, и они-б [1] отпустили его к пану-раде къ Юрью Мнишке не задержав, и приставав ему и кормъ і подводы велѣли давати. А будет ему скажутъ, что ныне пан Юрьи при королѣ в Польше, Варшеве или в Кракове или въ его имѣнье, и Петру и туды к пану Юрью проситись ѣхати не мешкая, хотя будет и без пристава, роспрашивая. А приѣхав в тот городъ, *(л. 13)* гдѣ его скажут, велѣти наперед про себя пану Юрью сказати, что он прислан цесарского величества от бояр от князя Өедора Ивановича Мстіславского да от князя Ивана Михаиловича Воротынского[2] с товарыщи к нему к пану Юрью з грамотою, и он бы велѣл ему быти у себя вскоре.

Да как ему Петру пан Юрьи велит быти у себя, и Петру, пришед к пану Юрью, правити от бояр поклон; а молыти: наяснѣйшаго и непобедимаго самодержца великого государя Дмитрея Ивановича, Божіею милостію, цесаря и великого князя всеа Русіи и всѣх Татарскіхъ царствъ и иных многих государствъ, Московские монархи подлеглых, государя царя і облаадателя его цесарского величества бояре: боярин и намѣстникъ Володимерской князь Өедор Ивановичь Мстиславской да боярин и намѣстникъ Казанской князь Иван Михаиловичь Воротынской с товарыщи великого государя Жигимонта Третьяго, Божиею милостію, короля Польского и великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мозоветцкого и иных тебѣ пану-раде коруны Польские Юрью Мнишке съ великих Кончицъ, воеводе Сендомирскому, старосте Лвовскому и Самборскому, велѣли поклонитися і о здоровье спросити. А после того подати грамота.

А подав грамота, говорити от бояр пану Юрью рѣчь: *(л. 14)* наяснѣйшаго и непобедимаго самодержца и великого государя Дмитрея Ивановича, Божиею милостию, цесаря и великого князя всеа Русіи и всѣх Татарских царствъ и иных многих государствъ, Московские монархи подлеглых, государя царя і облаадателя его цесарского величества бояре князь Өедор Ивановичь Мстиславской да князь Иван Михайловичь Воротынской[3] с товарыщи велѣли тебѣ пану-раде говорити: присылал еси к нам грамоту с посланцомъ своимъ з Бычинским, а в грамоте своей к нам писал еси и рѣчью приказывал с посланцом своимъ, что ты пан-рада великому государю нашему его цесарскому величеству в дохоженье прироженных панствъ

[1] *Зачеркнуто:* новых причин не всчинали.
[2] Да от князя И. М. Воротынскаго *вписано между строкъ.*
[3] Да князь И. М. Воротынской *приписано.*

его служил, и промышлял с великим радѣньемъ, и его цесарского здоровья остерегал, разумѣючи то, что великие такие государства от невласного государя утеснены были; да и ныне ты пан-рада о великом государе нашемъ цесарскомъ величестве радѣешъ, и его цесарского величества имя выславляеш, и вперед его цесарскому величеству служити и во всем добра хотѣти хочеш. И мы его цесарского величества бояре думные и все рыцерство Московское, грамоту твою приняв любительно, выслушали есмя и тебя[1] в том похваляем[2], *(л. 15)* что ты о его цесарскомъ величестве преже сего[3] радѣл и промышлял, да и ныне радѣеш и доброхотаешь, и вперед потому-ж хочешь радѣти и его цесарскому величеству служити хочешь; и как, аже дастъ Богъ, вперед будешь у цесарского величества и его цесарскіе очи і жалованье увидишь, и мы тебя пана-рада будем похваляти[4] и за твою любительную к нам ласку и любовь будем тебѣ воздавати против, как возможно.

И будет пан Юрьи спросит его цесарского величества про бояр о здоровье, и Петру говорити: как онъ поѣхалъ із царствующаго града Москвы и великого государя цесаря и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русіі самодержца, бояре князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской да князь Иван Михаиловичь Воротынской[5] с товарыщи при нем цесарском величестве дал Богъ в добром здоровье.

А будет его Петра пан Юрьи учнет спрашивати: какъ ныне государь царь и великиі князь Дмитрей Ивановичь всеа Русіі пришел на свой царской престолъ и венчался царским венцом, и Петру говорити: Божиимъ праведнымъ судомъ и его крѣпкою десницею и по степени[6] великих государей царей *(л. 16)* Росиіских[7] в. г. нашего ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., и[8] в. г. нашего ц. и в. к. Федора Ивановича, в. Р. с., государь нашъ[9] великиі государь цесарь и великиі князь Дмитрей Ивановичь, в. Р. с., учинился на великих государствах на Владимерском, и Московскомъ, и Ноугородцком, и на царствах Казанскомъ, и Астороханскомъ, и Сибирском, и на всѣх великих и преславных государствах Росиіского царствія

---

[1] *Зачеркнуто:* пана-рада Юрья Мнишка.
[2] *Зачеркнуто:* и о том тебѣ дякуем.
[3] *Зачеркнуто:* об немъ государе.
[4] *Зачеркнуто:* и тебѣ дяковати.
[5] Да князь И. М. Воротынской *приписано надъ строкой.*
[6] *Зачеркнуто:* прародителей своих.
[7] *Зачеркнуто:* отца его.
[8] *Зачеркнуто:* брата его.
[9] Государь нашъ.... самодержецъ *приписано надъ строко .*

цесарем и великим князем, всеа Русиі самодержцем, и, прося у Бога (л. 17) милости і по благословенью матери его великие государыни нашие царицы и великие княгини иноки Мареы Федоровны всеа Русиі венчался от святейшаго патреарха царским венцом и диадимою по древнему их цесарскому[1] обычею, как издавна бывает их цесарское[2] венчанье от прародителей их великих государей, цесарей[3] Росиіских. А богомольцы его патреархъ, и митрополиты, і архиепископы, і епископы и весь освященный собор, также цари, і царевичи, і многие государскіе дѣти, і бояре, і окольничие, и дворяне и всяких чинов люди всего Росиіского царствія, узнав его прироженнаго государя своего, въ его цесарском повелѣнье ему, великому государю, с радѣньем служат.

А будет панъ Юрьи учнет его спрашивати про какие про иные про великие дела, и ему говорити, что он человѣкъ служилой[4] и ему про такпе дела вѣдать и слышать ни от кого не лучилося, а вѣдают про такие дела государевы думные люди, которые при нем при государе живут блиско. И говорити с воеводою[5] о которых о невеликих дѣлехъ, смотря по его рѣчем, (л. 18) а о больших ни о каких дѣлехъ ничего не розговаривати. А побыв день или 2, приказати с приставом или с кѣмъ будет пригоже к воеводе[6], чтоб его отпустил назад, и против грамотъ, которые он привез, свои грамоты цесарского величества к бояромъ послалъ, и проводити-б его до рубежа послал, и подводы-б и кормъ велѣл давати. Да как его отпустит, и ѣхати к рубежу на которые мѣста ближе; а с рубежа гонити наперед на подводах, а, пріѣхав к Москве, явитись в Посольском приказе діаку Ивану Грамотину.

(л. 19) Да память Петру Чюбарову. Будучи ему в Литвѣ, провѣдывати о всяких вѣстех, как ныне король с цесарем, и с Турским царем, и как с Крымским царем, и как з Датцким и з Свѣйскою землею; и послы х королю от кого бывали-ль, и будет были, и о чем приходили? И сеѣ весны и сего лѣта в Литовскую землю войною Крымские люди или царевичи или иных которых государствъ люди приходили-ль; и будет приходили, и многие-ль люди были, и которые мѣста воевали, и дѣло гдѣ Литовским людем с Крымскими людьми было-ль? И послов своих король к Турскому и х Крымскому

---

[1] Цесарскому *надъ строкой.*

[2] *Сперва было написано:* царское.

[3] *Сперва было написано:* царей.

[4] *Сперва было написано:* не пригосударной.

[5] *Сперва было написано:* с ним.

[6] *Сперва было написано:* к пану Юрью.

царю сего лѣта посылывал-ли; и будет посылал, и кого именем и с чѣм посылал? И от Турского войны на Литовскую землю не чают ли; а будет чают, и за что быти войнѣ от Турского на Литовскую, и на которые мѣста, и что о том королево и земское умышленье—как ему против Турского и Крымского стоять ли или миритца? Или будет Литовской король с Турскім̃ъ помирился, и поминки Литовской король к Турскому *(л. 20)* посылает-ли, и почему посылает? И ныне сего лѣта что король к Турскому послал, и кого именемъ посланников или гонцов послал? Да Петру-же провѣдывати: как ныне Рудельѳъ цесарь с Турским салтаном—ссылка меж ихъ какая была-ль; и будет была, и о чем ссылаютца—миритца-ль хотят или помирилися и на чем помирилися; а будет не помирилися, и меж ихъ война ест ли? И сего лѣта Турским и Крымским людем с цесаревыми людьми гдѣ бои бывали-ль; и будет был, и на которую сторону людей больши пало? И что у Турского цесарь или Турской у цесаря городов взял внове, и чего вперед меж ихъ чаять—миру-ль или войны; и будет вперед меж ихъ чаять войны, и хто с цесарем на Турского в соединенье? И король Литовской цесарю помогает ли, и хто иных государей с цесарем стоят заодин против Турского?—Да и того Петру провѣдывати, будучи въ Литвѣ, что ныне говорят в Литвѣ про государя цесаря и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русиі, и какъ король з государем хочет быти на каковѣ мѣре—то-ли мирное постановенье хочет держати до урочныхъ лѣт, которое учинено въ 109-м году, или вѣчным миром миритись хочет? Того провѣдывати накрепко тайно у всяких людей; а что провѣдает, то все записати себѣ тайно.

(л. 21) Наяснѣйшего и непобедімаго самодержца, великого государя Дмитрея Ивановича, Божиею милостию, цесаря и великого князя всеа Русиі, і всѣх Татарских царствъ і иных многих государствъ, Московские монархи подлеглых, государя царя и облаадателя, его цесарского величества от бояръ, от боярина и намѣстника Володімерского от князя Федора Ивановича Мстиславского, да от боярина и намѣстника Нижегородцкого от князя Ивана Михаиловича Воротынского[1] с товарыщи пану-раде коруны Польские Юрью Мнишке с великих Кончицъ, воеводе Сендомирскому, старосте Лвовскому и Самборскому. Прислал еси к намъ грамоту с посланцом своимъ з Бычинскимъ, а в грамоте своей к намъ писал еси и рѣчью приказывал с посланцом своимъ, что ты пан-рада великому государю на-

---

[1] Да от боярина.... Воротынского *вписано между строками.*

шему, его цесарскому величеству в дохоженье прироженных панствъ его служилъ и промышлял с великимъ радѣньем, и его цесарского здоровья остерегал, *(л. 22)* разумѣючи то, что великие такие государства от невласного государя утеснены были; да и ныне ты, панрада, о великомъ государе нашемъ цесарскомъ величествѣ радѣешь, и его великого государя нашего цесаря и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русиі самодержца, имя выславляешь, и впередъ великому государю нашему, его цесарскому величеству, служіті и во всемъ добра хотѣті хочешь. И мы, великого государя нашего цесаря и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русиі самодержца, бояре думные и все рыцерство Московское, грамоту твою приняв любительно, выслушали есмя, и тебя, пана-раду Юрья Мнишка, в том похваляем и о том тебѣ дякуем, что ты о великом государе нашем цесарскомъ величествѣ прежъ сево об немъ государе радѣл и промышлял, да и ныне радѣешь и доброхотаешь, и вперед потому же хочешь радѣті і ему великому государю нашему цесарскому величеству служити хочешь. І какъ, ожъ дастъ Богъ, вперед будешь у великого государя нашего цесаря и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русиі самодержца, и его цесарские очи и жалованье увидишь, и мы тебя, пана-рада, будемъ похваляти и[1] за твою службу и доброхотѣнье к великому государю нашему любительно воздавати жъ. Писан в великого государя нашего в царствующем граде Москвѣ, лѣта 7114-го сентября мѣсяца.

А подписана грамота на загибке против того, как к нему писано в грамоте; а запечатана двемя печатьми на бѣлом воску под кустодьею бояръ княжъ Өедоровою Ивановича да княжъ Ивановою Михайловича печатьми.

(л. 23) От царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русиі в Путивль воеводе нашему князю Ондрѣю Ивановичю Бохтеярову. По нашему указу отпущен в Литву[2] от бояр наших к Сендомирскому воеводе Петръ Чюбаров. И как к тебѣ ся наша грамота придет и Петръ Чюбаров в Путивль приѣдет, и ты-б в Путимле у детей боярских и у казаков и у всяких людей велѣл взяти 5 лошадей добрых, а одну из них полутче[3], и велѣл тѣ лошади оценив дати Петру[4]. А как Петръ из Литвы придет, и вы-б тѣхъ ло-

---

[1] *Зачеркнуто:* и тебѣ дяковать.

[2] *Зачеркнуто:* к паном радам.

[3] *Сперва было написано:* взяти осмеро лошадей, чтоб были мерины добры.

[4] *Зачеркнуто:* да по ценѣ на Петрѣ на Чюбарове за тѣ лошади велѣл деньги взяти и отдати тѣм людем, у которых тѣ лошади возмут. И отпустил бы еси Петра Чюбарова ис Путивля в Литву не задержавъ, чтоб ему въ Путимле за лошадьми не замешкати.

шедей, взяв у Петра, отдали назад тѣм людем. Писан на Москвѣ лѣта 7114-го сентября въ 22 день.

А Петру Чюбарову дано до Путивля и до Литовского рубежа 7 подводъ, а в них 2 съ телѣгами.

11.—1605 г. декабря 16. Грамота царя Дмитрія Ивановича королю Сигизмунду III о назначеніи имъ въ Польшу на сеймъ пословъ князя В. М. Мосальскаго, М. И. Татищева и думныхъ дьяковъ Василія Янова и Андрея Иванова.

Nos serenissimus ac invictissimus monarcha Demetrius Ioannis, Dei gratia, imperator et magnus dux totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, monarchiae Moschoviticae subjectorum, dominus et rex, serenissimo principi domino Sigismundo, Dei gratia, regi Poloniae, magno duci Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiaeque etc. etc., nec non Sveccorum, Gottorum Vandalorumque haereditario regi salutem et fraternum amorem.

Serenissime princeps!

Significatum est nobis, ser^{tem} v^{ram} conventum generalem regni sui pro futura quadragesima habere velle. Quod ut magno desiderio hactenus multis gravibusque de causis expectavimus, ita sine ulla mora, non expectata ejus rei denunciatione a ser^{te} v^{a} ad eadem comitia celeriter expedire constituimus legatos nostros: ill^{rem} et mag^{cum} Basilium Michaelis ducem Maszalscium, senatorem et supremum imperii nostri marschalcum, gubernatorem Severiae et capitaneum Inferioris Novogardiae, mag^{cum} Michaelem Ignatii Tatiscovum, okolnicium nostrum, Mosaiscensem capitaneum, nec non generosos Basilium Janovum et Andream Ivanovum secretarios et notarios nostros, idque magnorum non solum utrique nostrum atque imperiis nostris, sed etiam universae christianae reipub^{ae} salutarium ac necessariorum negotiorum causa. Iisdem, ut litteras securitatis pub^{cae} secundum morem seren^{s} v^{ra} quam celerrime dari et mitti praecipiat, rogamus. Quod reliquum est, ser^{m} v^{m} diu faeliciterque regnare, ac consiliorum suorum quam optatissimum exitum videre optamus. Datum Moschoviae in urbe nostra regnante, die 16 decembr., anno Domini 1605, imperii vero nostri primo.

На оборотѣ написано: Listu copia od cara Dimitra do krola je. m. Polskiego Sigmunta, in materia poslow swoich na seym 1605. «11-mo»[1].

---

[1] Грамота (Дѣла о самозванцахъ 1605 г. № 23) была напечатана во II томѣ. С. Г. Г. и Д., № 108, стран. 234—235.

12.—1606 г. мая 29—13 февраля 1607 г. Посольство въ Польшу князя Г. К. Волконскаго и дьяка Андрея Иванова.

Въ началѣ (лл. 14 об. — 50) Польской посольской книги (№ 26), содержащей документы этого посольства, находятся русскіе переводы «листовъ, сысканныхъ у розстриги въ хоромахъ и чтеныхъ всѣмъ людямъ на Лобномъ мѣстѣ» (9 №№) и два документа времени І-го Самозванца, на русскомъ языкѣ. Они оставлены здѣсь и не помѣщены выше, такъ какъ, во-первыхъ объ этихъ документахъ неоднократно упоминается въ наказѣ и стат. спискѣ этого посольства, и во-вторыхъ составителемъ Польской посольской книги № 26 они намѣренно здѣсь помѣщены и имъ предшествуетъ особое историческое введеніе съ обзоромъ событій времени 1-го Самозванца. Вмѣстѣ съ современными русскими переводами помѣщается и подлинный текстъ тѣхъ документовъ, кои сохранились въ Архивѣ среди «Дѣлъ о самозванцахъ». Въ «Портфеляхъ Г. Ф. Миллера» (№ 299, ч. II, № 5) имѣется списокъ XVIII в. книги № 26, начиная съ листа 173-го. Кромѣ этой книги № 26 (о ней см. въ описяхъ Архива—І-ой № 60, ІІ-ой № 158 и IV-ой № 3) въ Посольскомъ приказѣ въ 1614 г. находились еще два «столпа», содержавшіе отпускъ въ Литву и пріѣздъ изъ нея кн. Волконскаго (см. №№ 104 и 106); эти «столпы» не упоминаются въ описяхъ Архива 1626—1673 гг., ихъ нѣтъ и теперь.

(л. 1) За умноженье грѣх, Богу попущающу, врагу же дѣіствующу, великое Росийское царство яко море восколебася и неистовыя глаголы, яко свирѣпые волны, возшумѣша і неукротимо и ненаправляемо; аще і кормчиі мудри бѣша, но ярость моря сихъ повреді, и суетну мудрость их сотворі, и во своя стремления все обрати. Начальнии же бояре и стратиги многосуетному волнению противишася, но не успѣша суровому народскому глаголанию; мнозии же от ярости душа і пострадаша от безчинных, и нелѣпыя их словеса яко стрѣлы смертным ядом летаху на ня *(л.—об.)*, и не точию словеса, и раны злы воздающи. Дѣіством же вражиим начало злу сему бысть от коруны Польские и великого княжества Литовского от Жигимонта короля и от панов-рад; понеже в лѣто 7110-го убежа въ Литву ізо обітели архангела Михаила, еже ся нарицает Чюдов, діакон черной Григорей Отрепьев, а в мире сего богоотступника і проклятаго еретика звали Юшком, сына боярского галиченина Богданов сынъ Отрепьев. И в Киеве и в предѣлех его и там во иноцех діяконствующу, и в чернокнижество обратися, и ангельскиі образ сверже і обруга; и

по дѣйству вражию отступив зело *(л. 2)* от Бога и рукописание врагом дав на ся: аще коснетца царского венца дѣйствомъ их, то чюж благодати Божия на веки будет. И мечтами бесовскими нача называтися достохвалнаго и великого г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. сыном царевичем Дмитреем. I видѣв сию богопусну язву над великим Росийским государством, великій начальный боярин князь Василей Иванович Шуйской, и разжизаем любовью по истинней вѣре, и от совести влекомъ, понеже от благочестива корени сихъ Росийских царей бѣ, о нем же впреді храбрость і ревность по Бозе и величество благочестия его повесть объявит. Видѣ *(л. — об.)* церковь колеблющуся и едва пасти ся нехотящу, видѣв істинную непорочную хрестиянскую вѣру попираему і разоряему, церковныя пастыря і строители в заточеніи и во изгнаніи и во узах и в темницах, овии же от страха ослабѣша вѣрою; народное же множество яко объюродевши, не стыдящеся ни величества муж, ни святительска сана, ни честных бывших стратиг: овиі от прелесті вражия сего проклятаго волка и от латын проклятых еретиков, овии же і знающе прелесть, но злобою на Бориса дышуще, понеже убо сей скиѳетроправяще сурово, а не царски, і вся злая царству их конечной погибели случашеся. Увы, хто не постонет і зело не *(л. 3)* печалует о таковых, яже грѣх раді нашихъ бываемая! И прежереченный государь укрепяся вѣрою, яко лев распалався по Христове церкви, рыкая і глаголя не обинуяся: вскую шатаетеся безумніи, почто тщетными поучаетеся? Сами видіте істинну бывшую, многим хваламъ достойного государя нашего ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. сынъ царевичь Дмитрей повелѣнием Бориса, яко агнецъ незлобив, заклан, и мнозі свидѣтели смерти его, паче же сей великій государь, іже праведное і многострадалное тѣло сего страстотерпца погребе и многая свидѣтельства о убіеніи сего страдальца изрече. И сия слышав, злый і богомерскиі еретик вторый скверный *(л. — об.)* сынъ діяволь, Ульян законопреступник, ноипаче же сего, понеже бо от простых и от хужших родитель, и иночества і діяконства сан обругав, нападает на сего проповѣдника, и злыми томительствы душу праведнаго мучаще, и смерти предаті восхотѣ; но Богу соблюдающе его істинны раді, в смерти мѣсто царство ему даровати хотящу, и во узы в заточеніи в темницы юз і з братію его отсылает, и имѣния вся расхитив. Но Богу соблюдающе его, яко Іосиѳа, им же Египет спасти хотя. Внегда же по дѣіству святаго Духа свобожение от темницы сего приемлет, и царствующаго града достизает, и видѣ в немъ паче разливающуся прелесть и вѣру *(л. 4)* конечно по-

гибающу, и многая латынская учителя приведены не точию іс Польши, но і из Риму от папы, еже бы како разоріти істинная непорочная крестьянская вѣра, и утвердити прелестная учения латынския ереси. И иная злая умыслив окаянный і проклятый богоотступник, многих вой от Польши приведе на се, еже бы потребиті вся начальныя люді, бояре и воеводы, і вся начальствуемые, и честные і разумные люді, да не противятца беззаконному і злопагубному дѣлу его. И взем за ся проклятый у поляка у воеводы Сендомирского дщерь римские ереси і, не крестив, повелѣ венчати ю царским венцем в соборной і апостольстеі церкви, *(л. — об.)* и освященным миром некрещенную помазаті повелѣ на праге в царских дверех; и многих злых еретиков в соборной храм Матере Божия введе колвинцов, и новокщенцов, і ариян, и люторов, і римлен, и не токмо сих, і богоубийцъ жидов на осквернение храма приведе: в соборномъ храме в день того богоотступника свадьбы честным иконам, и честному і животворящему кресту, і святым мощем великих чюдотворецъ многая поношения і поруганія быша. И видѣв таковая злая бываема і до конца разрушаема християнская вѣра, дерзосердый же страдалецъ ноипаче распалашеся любовию по Христе, и красная вѣка сего *(л. 5)* суетна вменяше, дерзостно взывает и к подвигом устремлятися повелевает, к Творцу і Содѣтелю все упование возложив, яко близ есть всѣмъ призывающимъ его, и обличает всѣм явне злаго і проклятаго богоотступника, и волхва, и разорителя істинныя нашея непорочные вѣры.

Тогда Сынъ і Слово Божие коснуся сердецъ отемнѣных и ослепленных прелестию крестьянского народа всего Московского государства, и возрыдав и востенав от сердца, и слезы от очию их яко быстрина вод изливашеся, видя таковая злая бываема, і до конца разрушаему крестьянскую вѣру, и церковное осквернение и честных икон обругание, и злаго і смердящаго пса *(л. — об.)* богоотступника и волхва на царском славнем престоле седящаго, и совокупившеся и обличивше его проклятого вражію прелесть, и царицу великую княгиню іноку Марѳу всенародным множеством воспросивше. Она же все явнеісповѣда, яко сынъ еѣ царевичь Дмитрей на Углече убіенъ бысть, повелѣнием Бориса, въ 99-м году, и своима рукама она многострадальное его тѣло погребе, и образ лица его ис сокровищъ своих изнесе, паче же бояромъ глаголаше, яко мнози самовидцы погребению его быша, і доныне лежат мощи его на Углече, чюдеса дѣюще безчисленна; сего же смердящаго пса и злаго аспида не вѣмы откуды *(л. 6)* приде, исповѣдати же несмѣюще долго время, бояшеся злаго

прещения его, і женскою немощию одержима, муженственне дерзнути не смѣяше. Нагия же всѣ тоже исповѣда. Тогда многособранное воинство і весь народ Росийского государства, прося от вышнего Бога помощи і храбростию распалавшеся, мужественне дерзаху на разорітелей істинныя вѣры нашея не в бронехъ, ні со оружіи, но с помощию всесилнаго Бога; врази же вѣры нашея спяті быша и падоша, злаго же і проклятого волхва и богоотступника, смердящаго пса Гришку Отрепьева злоі смерти предаша и на обличение всему народу среді града положиша, яко да і прочии видевши, *(л. — об.)* увѣрятца істинны. И утвердившеся на степени православия, і свободившеся от всѣх зол, и врагов вѣры своея победівше, и славословие Богу воздавше о неисповедимем даре его, и молив всемилостиваго Бога и пречистую Богородицу і всѣх святых усердно со слезами, да просветит их сердца, еже бы просити кому прияти скиѳетръ царствия.

И посемъ совокупившеся вси митрополиты, и архиепископы, і епископы, і архимандриты, и игумены, и весь освященный собор, и бояре, і окольничие, і дворяне, і деті боярские, і все христолюбивое воинство, и гости, і торговые люді, и всякие люді Московского государства і совѣтовав едіномысленно всѣ вкупе, и по святой Божией воли і по дѣіству *(л. 7)* святого Духа, яко едінеми усты исповѣдаху вси, и со усердием молиша великого государя князя Василья Ивановича, да приимет скиѳетръ царствия, і да утвердит істинную православную вѣру, і расточенная і разоренная ісправит, понеже он, великиі государь, от корени великих государей наших цареі и великих князеі Росийских — от великого князя Рюрика, іже от колѣна Августа кесаря Римского, и равноапостолного великого князя Владимера, просветившего Рускую землю святым крещением, и от достохвального ц. и в. к. Александра Ярославича Невскаго; от сего убо прародітели твоі, великие государи, на удѣлы преселиша на Суздальское княжение, яко же обычай бѣ меншим братиям на удѣлы садитися, *(л. — об.)* і сих сродникъ ваших начальных государей корень предста; но паче же его молиша за премножество мудрости, і за поборательство истинны, і за неизреченную милость ко всѣм человѣком. Ему же, великому государю, много отрицающуся і не хотящу прияти. Они же со множеством плача молиша его, да не преслушаетца народского моления и не противитца Божьей воле, яко глас народа — глас Божиі бывает; и аще преслушаетца и вскоре не помилует, а врази вѣры нашея и всѣ пограничные государи услышат без государства великую Росию, і церкви

в разореніи будут, и люді всѣ в расхищеніі, ноипачеже межиусобственныя брани умножатца, не обыкоша Росийстіи народи безгосударственны бывати. И таковая слышевъ, *(л. 8)* милостивым сердцем на прошение призирает, и на волю всемогущаго Бога себя возлагает, нрав милости преклоняет, его істиннаго пастыря дѣло, еже полагати душа своя за овца, не сумневаетца о сем, яко расхищенна до конца многолѣтное хранилище царское и тмочисленное воинство оскудѣ, и вся пространная і широкая царства Росийского в теснотѣ и в великом оскудѣніі, но на Бога сеі надежу возлагает, вѣдый, яко вся возможна вѣрующему. И молят его всенародное множество, яко да возложит царскиі венецъ на главу свою, и скиѳетръ правлению, яко же ихъ великих государей чинъ и достоянье.

(л. — об.) Благочестивый же и христолюбівый великий г. ц. і в. к. Василеі Ивановичь, в. Р. с., просив у Вседержителя Бога милости, совѣтовав з богомольцы своими с митрополиты, і с архиепископы, и с епискупы, и со всѣм освященным собором, и з боляры, и со всѣм сынклитом, и со христолюбивым воинством, принял скиѳетръ Росийского царствия, учинился на прародітелей своих государской степени на Московском государстве, и на всѣх великих и преславных государствах Росийского царствия государем ц. и в. к., в. Р. с., и венчался царским венцом и діадимою по древнему их царскому чину і достоянью, ими же венчалися прародітели его и сродницы, *(л. 9)* великие государи ц. и в. к. Росийские, июня въ 1 день 114-го.

А в Литву к Жигимонту королю Польскому и к великому князю Литовскому приговорил государь з бояры послати посланников государство свое обестити, и о неправдах его королевских и панов-рад, которые починилися сь их стороны в перемирные лѣта через крестное целованье, выговорити. А Литовским послом, которые приѣхали от Жигимонта короля к вору к розстриге к Гришке Отрепьеву, Николаю Олешнитцкому да Александру Гасевскому приговорил государь з бояры: быти имъ на Москвѣ потамѣста, покамѣста Жигимонтъ король своими посланники з государем *(л. — об.)* обошлетца. А Сендомирского воеводу з дочерью и со всѣми его приятели, которые были приѣхали к розстриге на свадьбу, и тѣх панов, которые приѣхали с розстригою, лутчих людей приговорил государь розослати по городом, а желнырей и худых людей хлопцов велѣл государь перебрав отпустити в Литву. А приказал государь о воеводе Сендомирском с товарыщи боярину князю Ивану Васильевичю Голицыну.

И приговорил г. ц. и в. к. *(л. 10)* Василей Иванович в. Р. послати в Литву к Жигимонту королю в посланникех князя Григорья

Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова, а князя Григорья велѣл написати намѣстником Елатомским.

А государева грамота в Смоленескъ к боярину и к воеводам ко князю Ивану Семеновичю Куракину о ихъ отпуске послана такова:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в нашу отчину в Смоленескъ боярину нашему и воеводам князю Ивану Семеновичю Куракину, да князю Василью Ондрѣевичю Звенигородцкому, да дьяку *(л. — об.)* нашему Ондрѣю Бунакову. Послали есмя к вамъ список на образецъ, какова грамота тебѣ боярину нашему и воеводе князю Ивану Семеновичю послати от себя к Оршанскому старосте к Ондрѣю Сопѣге о наших посланникехъ. И как к вамъ ся наша грамота придет, і вы б с того списка велѣли написати грамоту тотчасъ і, запечатав ты, князь Иван Семеновичь, своею печатью, послал на рубеж с сыном боярским, с кѣмъ пригоже; а велѣли тоѣ грамоту отдати на рубежѣ Ондрѣеву посланцу Сопѣги Ісаю Гаврилову, о котором вы ныне к нам писали с стрельцом з Богданкомъ с Поспѣловым, и с рубежа его велѣли отпустити назад. А будет какимі мѣрами тот Ондрѣев посланецъ уѣхалъ *(л. 11)* в Оршу, и вы б с тѣм листом послали в Оршу нарочно сына боярского обычного, только б был не глуп; а ково пошлете в Оршу, и вы б велѣли провѣдати про тамошние всякие вѣсти. Да как тот сынъ боярской із Орши приѣдет, и что к тебѣ к боярину нашему ко князю Ивану Семеновичю Оршанской староста отпишет, и что вестей провѣдает, — и вы б о томъ к нам отписали в Посольской приказ. Писан на Москвѣ лѣта 7114-го маия въ 29-й день.

А списокъ на образец послан таков:

Божиею милостію в. г. ц. і в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., Владімерского, Московского, *(л. — об.)* Ноугородцкого, царя Казанского, царя Астараханского, царя Сибирского, государя Псковского, и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского і иных, государя і великого князя Новагорода Нізовские земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, і всея Сѣверныя страны повелителя, і государя Іверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей, и иных многих государствъ государя і облаадателя, его царского величества от боярина и воеводы і намѣстника Смоленского от князя Ивана Семеновича Куракина—великого государя Жигимонта, Божьею милостію, короля Польского и великого князя Литовского, *(л. 12)*

Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мазоветцкого и иных в Оршу старосте Оршанскому Ондрѣю Ивановичю Сопѣге. Даю тебѣ вѣдомо, что в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., посылает к государю вашему Жигимонту королю Польскому і великому князю Литовскому посланников своих дворянина князя Григорья Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова государство свое обеститі и о иных дѣлех; а ныне они в дороге. И ты б, Оршанской староста Ондрѣй Ивановичь, вѣдая о том, велѣл на рубежѣ ізготовити пристава и кормъ і подводы; а как великого государя нашего его царского величества посланником на рубеже быти и сколько с ними будет *(л. — об.)* людей и лошадеі, і о том тебѣ вѣдомо учиню другим своимъ писмом. А посланца б еси моего отпустил ко мнѣ, не задержав. Писан в в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., отчине в Смоленске лѣта 7114-го мѣсяца...

И по той государеве грамоте из Смоленска боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин с товарыщи июня по 8-е число ко государю не писывали. И по государеву указу в Смоленескъ к боярину и воеводам послана государева другая грамота такова:

(л. 13) От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в нашу отчину в Смоленескъ боярину нашему и воеводам князю Ивану Семеновичю Куракину, да князю Василью Ондрѣевичю Звенигородцкому, да дьяком нашим Ивану Бунакову да Семейке Еуѳімьеву. Как к вам ся наша грамота придет, и ты б, боярин наш и воевода князь Иван Семеновичь, велѣл от себя написати грамоту на листъ к Оршанскому старосте к Ондрѣю Сопѣге, примѣряся к прежнеі обрасцовой грамоте, что преже сего писал ты к нему о наших посланникех, которых мы посылаем к государю их Жигимонту королю Польскому и великому князю Литовскому. И ныне посланники наши дворянин и намѣстник Елатомской князь Григорей *(л. — об.)* Костянтиновичь Волконской да дьякъ Ондрѣй Иванов в Смоленескъ пришли, а на рубеже будут іюня въ 18 день; а людеі с ними 50 человѣкъ, а лошадей 60. И он бы, Оршанской староста, вѣдая то, пристава і кормъ и подводы велѣл на рубежѣ ізготовити. А написав тоѣ грамоту і запечатав ты, князь Иван Семеновичь, своею печатью, послали тоѣ грамоту в Оршу с сыном боярским, с кѣмъ пригоже. А кого с тою грамотою пошлете, и вы б велѣли тому сыну боярскому провѣдати про тамошние вѣсти, про короля и про панов-рад, гдѣ ныне король, и паны-рада всѣ ли при королѣ, и что королево и панов-рад умышленье, и на которой мѣре ныне король с Турским

и с Свѣйским с кѣмъ в миру, *(л. 14)* и с кѣм война, и собранье у них воинским людем ныне в Польше и в Литвѣ есть-ли, и на кого збираютца, и многие ли люді, и нѣт ли в Польше и в Литвѣ меж себя какие розни? Да і про всякие б вѣсти велѣли бы есте провѣдати подлинно. А как тот сынъ боярской із Орши в Смоленескъ приѣдет, и что к тебѣ боярину нашему и воеводе ко князю Ивану Семеновичю Оршанской староста отпишет, и что тот сынъ боярской вестей всяких провѣдает, и вы б о том к нам отписали, а отписку велѣли отдати в Посольском приказе діаку нашему Василью Телепневу. Писан на Москвѣ лѣта 7114-го июня въ 8 день.

(л. — об.) А сѣ листы сысканы у розстриги в хоромехъ и чтены всѣмъ людем на Лобном мѣсте.

Перевод с польского писма с писма с утверженного розстриги Гришки Отрепьева, что дал на себя крѣпость за своею рукою воеводе Сендомирскому; а сказали Бычинские, что то письмо рука воеводы Сендомирского Юрья Мнишка, и сам воевода передо всѣми бояры сказал, что письмо ево воеводина рука.

My[1], Dimitr Iwanowicz, z łaski Bożey czarowic wielkiey Rusy, Ugleczkie, Dimitrowskie etc., xiążę s pokolenia przodków swoich, wszistkich państw Moskiewskich pan y dziedzic.

Uważaiąc u siebie stan y przisZłego żicia naszego, nie tilko przikładem innich monarchów y przodków naszich, ale wszitkich prawie ludzy chrześciańskie żyącich, za przeirzenim Pana Boga wszechmogącego, od którego wszitkie rzeczi dobre początki, śrzodki y

Мы, Дмитрей Ивановичь, Божиею милостію, царевичь всеа Русиі, Углетцкиі, Дмитровскиі и иныхъ, князь от колѣна предков своих, *(л. 15)* и всѣх государствъ Московских государь и отчичь. Помнячи себѣ первого житья нашего не тѣм обычаем, какъ иные манархи и предки наши, но какъ иные люді крестьянские за презрѣнием Господа Бога всемогущаго, от Которого живет начало и конецъ, а жена и смерть бывает от него же, усмотрили есмя

[1] Дѣла о самозванцахъ 1604 года, мая 25, № 1. Грамота эта вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ въ XVIII в. К. Армашенкомъ, напечатана была въ С. Г. Г. и Д., № 76, стран. 159—162.

koniecz swóy biorą, a małżonka y śmierć naznacona bywa, upatrziliśmi y upodobali sobie, będąc w królestwie Polskim, w domu zacznim, familiey wielkiey, wichowania bogoboynego przyaciela y thowarzisza, zs którimbiśmy s pomocą Bożą w miłości, chęcy, zgodzie nigdy nieodmienney, chrześciańskie w stadlie swiętym dny swoie prowadzily, jaśnie wielmożną jei mcz pannę Marinę z Wielkich Kunczic Mniszkownę, woiewodzankę Sandomirską, Lwowską, Samborską, Medeniczką etc. starościankę, czórkę jaśnie wielmożnego pana pana Gierzego Mniszka z Wielkich Kunczic, woiewodi Sandomirskiego, Lwowskiego, Samborskiego, Medenickiego etc. starosti, żup ruskich żupnika, którego wielkiey chęcy, miłości y uczynnośczy prawie oycowskiey (dla czegoś mi go też sobie y za pana oyca wzięly) doznawszi, o tоś mi go usilnie prosily: aby tim większa iako nasza przeciwko je° mczy uprzeimość, tak je° mczy ku nam y miłość pokazała sye y pomnożenie nigdi nieustawaiące wzieła, w małżeński stan jei mcz pomienioną pannę czórkę swoię dacz nam racził. A isz teras iesteśmi nie w państwie y oyciznie naszey, przeto tesz o przisłości czasu abo w przisłim czasie tego żądania naszego skutek syę rozumieć ma, tho iest, gdi nas Pan Bóg na stolici przodków naszich posadzić będzie racził. Do czego

и улюбили себѣ, будучи в королевстве в Польском в дому честнем, великого роду, житья честного и побожного, приятеля и товарыща, с которым бы мнѣ за помочью Божиею в милости і в любви житіе свое провадити, ясневелеможную панну Марину с великих Кончицъ Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Лвовскую и Самборскую, дочь ясневелеможного пана *(л. — об.)* Юрья Мнишка, человѣка великие доброты и любви; и для того есмя взяли его себѣ за отца и о том мы его просили, чтоб он всегда к нам был любителен и дочь бы свою панну Маріну за нас дал. А что тепере мы есть не на государствах своих, и то теперь до часу; а какъ, дастъ Богъ, буду на своих государствах жити, и ему б попомнити слово свое прямое вмѣсте с панною Мариною за присягою. А яз помню свою присягу. И намъ бы то прямо обѣма здержати и любовь бы была меж нас. А на том мы писаньем своим укрепляемся. А вперед, во имя святые Троицы, даю ему слово свое прямое царское, что оженюсь на панне Марине; а не женюся, и яз проклятство на себя даю. А кой часъ *(л. 16)* доступлю государствъ наших отчины Московские, и яз пану отцу его милости дам десять сот тысечь золотых польских; также и панне Марине, женѣ нашей, ис казны нашеі Московской на подьем для

z miłości i dobroci swey je° mcz za wolą Bożą prziwieść syę dał, s condiciami iednak niżey wirażonemi, któremi iako wszitkie zgoła, tak każdą z nich z osobna je° mczy y jei mczy pannie obieczuiemi y poprzisięgami y potim, zasiadszi na stolici przodków naszich, da Pan Bóg warunkiem iako naidostatecznieiszim obwarować świątobliwie, sstrzimać y wikonać powinni będziemi, a na ten czas tym pismem obowiązuiemi syę. Naprzód tedy tho postanowienie zawarwszi, w imię Przenaświętszey Tróice Pana Boga iednego, obietnicę pewną przyszłego małżeństwa naszego czarskiego z jei mczią panną Mariną oddawszy, takie condicie na syę bierzemi. Pierwszą: zaras po otrzimaniu y dostąpieniu państwa naszego dziedzicnego Moskiewskiego je° mczy panu oyczu milion pieniędzi złotich polskich, tho iest dziesięć krocz sto tisięczi, tak je° mczy samemu na uprzątnienie trudności y wipłaczenie długów, iako na wiprawę do nas jei mczi panni Marini, przyszłey małżonki naszey, s skarbu naszego Moskiewskiego y kleinotów co naiprzednieiszich, także srebra stołowego ku ozdobie jei mczi, ieśli nie samemu je° mczy panu oycu, dla iakieykolwiek prziczini niebytnemu, tedy posłańczom je° mczy, których przyszlie, abo mi też sami posłać, iako się wzwisz mianowało, bez odwłoki dacz, darować sło-

такого дальнего проѣзду к наряду — клейнотов, и серебра и бархатов золотных дам; и посланников его милости пана отца и панны Маріны, не задержав, отпускати, и их жаловати и дарити нашим царским жалованьем. На том мы на всем слово свое царское даем. — Другое то: какъ вступимъ на нашъ царскиі престол отца нашего, и мы тотчасъ послов своих пришлем до наяснѣйшего короля Польского, извещаючи ему и бьючи челомъ, чтоб то наше дѣло, которое ныне промеж нас, было ему вѣдомо *(л. — об.)* и позволил бы то нам здѣлати без убытка. — Третьее то: той же прежереченной панне, женѣ нашей, дам 2 государства великие — великиі Новгород да Псков со всѣми уѣзды, і з думнымі людьми, и з дворяны, і з детми боярскими, и с попы, и со всѣми приходы, и с пригородки, и с мѣсты, и с селы, со всяким владѣньем и с поволностью, со всѣмъ с тѣмъ, как мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали. А мнѣ в тѣхъ в обѣихъ государствах в Новѣгороде и во Пскове ничѣмъ не владѣти, и в них ни во что не вступатися. Тѣмъ нашим писаньем укрепляем и даруем еі, панне той, за тѣмъ своим словом прямо. А какъ, за помочью Божиею, *(л. 17)* с нею венчаемся, и мы то все, что в нынешнем нашем писмѣ написано, отдадим ей; и в канцрѣрии нашей еі то

wem naszim czarskim obieczuiemi. Wtórą: zaras po usiedzeniu naszim sczęśliwie na stolici, obieczuiemi posli posłać do naiaśnieiszego króla Polskiego, oznaimuiącz mu o tim y proszącz go przi tim, aby tho święte przedsięwzięcie nasze z wiadomością je° k. mczy y pozwolenim bez wszelakiey przeszkodi skutek swóy wzięło. Trzecią: teyże przerzeconey pannie, prziszłey małżoncze naszey, dwoie panstwa, Wielki Nowogród y Psków, ze wszitkiemi obywatelmi, senatormi y szlachtą, dochodami, pożitkamy, miasti, miasteczki, zamki, wsiami, z władzą y zwierschnością wszelaką takim prawem, iakim nam przed tim należało, a jey mczy wiecznemi czasi, nic sobie niezostawuiącz w tich obu państwach, tem pismem naszem teras przirzekami, daruiemi y zapisuiemi y puśczić ślubuiemi; a po skończeniu tego zaras małżeńskiego actu skutkim samim iako nadostateczniey obwarowacz y tho wszitko potwierdzić dostatecznie, z widanim przywileiu s cancellariey, podpisem ręki y przicziśnienim pieczęci obieczuiemi y upewniami. I iusz pomieniona małżonka prziszła nasza by tesz potomstwa, czego Panie Boże uchoway, nie miała, the oboie państwa jei mczy i namiestnikom jey naleszić będą, w których wolno będzie jey mczy rządzić, prawa stanowić, maiętności dawacz sobie zasłużonim, przedawać wedle upo-

в вѣки напишемъ, и печать свою царскую к тому приложим. А будет у нашеі жены по грехом с нами детеі не будет, и тѣ обои государства ей приказати намѣстником своим владѣти іми и судити, и волно еі будет своимъ служилым людем помѣстья и вотчины давати, и купити і продавати. Также вольно ей, какъ ся ей полюбит что, в своих в прямыхъ удѣлных государствах монастыри і костелы ставити римские, і бискупы, и попы латынские, и школы поставляти и их наполняти, какъ им вперед жити. А самой житі *(л. — об.)* с нами, а попы свои себѣ держати, сколько еі надобе; также набоженство свое римские вѣры держати безо всякие забороны, яко же и мы сами, з Божиею милостию, с великою трудностью то приняли есмя, и станем о томъ накрепко промышляти, чтоб все государство Московское в одну вѣру римскую всѣхъ привести и костелы б римские устроити. А того, Боже, намъ не дай, будет тѣ наши рѣчи в государствах наших не полюбятца і в год того не здѣлаем, ино будет вольно пану отцу и панне Марине со мною розвестися; или пожалуют побольши того подождут, до другого году. А яз тепере в том во всем даю на себя запись своею *(л. 18)* с крестным целованьем, что мнѣ то все здѣлати по сему письму. И целую крестъ и присягаю на том на

dobania swego, iako w swoich własnich udzielnich państwach kościoli, klasztori religiey rzimskiey catholiczkiey budowacz, fundowacz, biskupi, kapłani, szkołami łacińskiemi opatrować y nadawać y samey przi nas na dworze kapłanów przi sobie chować, ilie wola jey mczy y potrzeba ukaże. Także nabożeństwo swoie w wierze catholiczkiey bez wszelakiego zabronienia od nas odprawowacz, iakosz tesz iusz y sami z łaski Bożey thę iedność przyięliśmi, y o tho syę ze wszelaką pilnością postarami, iakobiśmi y wszitko państwo Moskiewskie do iedności kościoła catholiczkiego powszechnego rzimskiego prziwiedly. A gdzie bi nam, czego Panie Boże uchoway, rzeczi inaczey w dostawaniu państwa naszego padły, a do niego nadaley do roku nie prziszly, tedy wolno będzie je° mczy panu oycu i jei mczi pannie Marinie ten związek rozwieść albo, ieśli syę tho ich mcziom zdacz będzie, na dalszi czas pomknącz y odłożić. Co wszitko teras tym pismem, naszą ręką podpisanim y zapieczętowanim wedle potrzebi, y słowem, iako przisięgą nieodmiennim, przi bytności kapłańskiey, ziściczić y wcale wiecznemi czasy w nierozerwalney miłości y związku przirzekamy y ślubuiemi chowacz. Działo syę y dan w Samborze, dwudziestego piątego dnia miesiącza maia, roku 160 czwartego.

Dmitr Carewicz ręką swą.

всем при святцком чину при попѣхъ, что мнѣ все по сеі записи здержати крѣпко і всѣх руских людей в вѣру латынскую привести. — Писан в Самборе мѣсяца маия 25-го дня лѣта 1604-го.

А на исподи написано: Дмитрей царевичь рукою своею.

Цре[ч] Димитрій. *(Въ словѣ «Димитрій» послѣ буквы Д сперва было что-то написано, какъ будто латинскія «са»; см. снимокъ подписи въ С. Г. Г. и Д., т. II).*

Приложена восковая печать подъ бумажною кустодіею. На оборотѣ: Postanowienie y assecuratia od Dimitra cara Moskiewskiego jmc. Mniszkowi, woiewodzie Sendomirskiemu dana. № 1-mo. *Къ сему присоединена послѣ учиненная приписка:* Feria quinta in crastino festi Assumptionis in coelum gloriosissimae Virginis Mariae, anno Domini 1668. Scriptum introcontentum Mnlis Regnorum Generalis Providus Laurentius Katkiewicz de Sonokleski ad acta officii Castrens. Capitan. per oblatam porrexit.

Suscept. et induct.

Да воевода же Сендомирской сказал передо всѣми бояры, что писал к нему розстрига ж с Москвы листъ за своею ж рукою, а дал ему город Смоленескъ со всѣм уѣздом да Сѣверу *(л. — об.)* всю, и поволил ему в них костелы ставити и монастыри римские.

Сѣ грамоты взяты в розстригиных в постельных хоромех и на Лобном мѣсте чтены:

Перевод з грамоты с письма латынского, что писал к розстриге Клавдиушъ Рангонус, епискупъ Режиі, посол папин, которой живет у Польского короля в Кракове, за его печатью і за рукою.

Post alias[1], quas ad ser[tem] vram exaravi litteras, visis eis, quas ipsa

Наяснѣйшій манархо-государю, государю мнѣ преславный!

[1] Латинскій текстъ грамоты, несохранившійся въ Московскомъ Архивѣ М.И.Д., заимствуется изъ книги о. П. Пирлинга. Rome et Démétrius, Paris, 1878, pp. 162—165

ad ill^{m} d^{m} palatinum Sandomirien, sub 25 junii dedit, et auditis, quæ de felici ipsius in sedem ingressu nuper nuntiata sunt, tantum hausi voluptatis et gaudii, ut illud meis explicare verbis non sufficiens exclamare cogar: o altitudo divitiarum sapientiæ et scientiæ Dei, quam incomprehensibilia sunt judicia ejus et investigabiles viæ ejus; benedictus Deus et Pater Dni Jesu Christi, Pater misericordiæ et Deus totius consolationis, qui consolatus est nos in tribulatione nostra. Deo gratias, qui nobis victoriam dedit per Jesum Christum D. N. Cantemus Dno, gloriose enim magnificatus est. Confirmet Deus, quod operatus est, et augeat suam gratiam; Ipsi sacrificemus hostiam laudis. Ego equidem in sacros^{tae} missæ sacrificio Omnipotenti maximas gratias reddidi, quod justitiam suam omnibus gentibus palam facere dignatus est. Cæterum cum ego præsens ser^{ti} vræ revelata tandem facie gratulari non possim, nec meus animus gaudium, quod intra se concepit continere valeat, rev. Aloisium Pratissolium, intimum sacerdotem meum, virum fidelem et ser^{ti} vræ addictissimum et notum ad ipsam absque mora cum hisce litteris delegandum statui, ut nomine meo ser^{tem} vram invisat, ipsi gratuletur, et mihi deinde testis oculatus referat ser^{tem} vram bene valere, et quo meum plenum sit gaudium, eandem paterno insignitam esse diademate confirmet; Eum, quin benigno vultu

После моих грамот, которые яз до вашие ясности писал, увидел яз тѣ грамоты, которые ваша ясность писал до велеможного *(л. 19)* пана воеводы Сендомирского июня въ 25-й день, и умышлял яз тѣ вѣсти, которые ныне пришли до нас о приѣзде вашем счасливом на столицу свою. И так яз утѣшился тѣмъ, что не могу той радости словесы своими исповѣсть, могу о том тужить. О глубина богатества, премудрости и разума Божия! Како суть неосязанные и непостижимые судьбы Его и неизслѣдіми путие Его! Благословен Богъ і Отецъ Господа нашего Исуса Христа, Отецъ щедрот и Богъ всякого веселия, Которой нас обрадовал в печали нашей! Богу да будет благодарение, Которой намъ Исусъ Христомъ Господемъ нашим побѣду дал. И укрепи то Боже, что ныне здѣлал! И да простреть и умножит *(л. — об.)* благодать Свою, Ему же жертву приносимъ хваления. Я воистинну литоргиі пресвятые приносил и отдавал благодарения Богу всесильному, что справедливость свою всѣм народом яве оказал тобою. А то яз ясности твоей ізвещаю лицем своим, самъ яз стати перед тобою не могу, тебя поздоровити; а серце мое, внутрь принявши радость, потаити того і удержатись не может. А мыслил яз вскоре с сѣми грамотами моими до вашей ясности послати о Христе честного Алоисиуша Протисолия, вѣрного свя-

pro peculiari humanitate sua et pristina erga me benevolentia exceptura sit, ut non dubito sic rogo.

щенника моего, человѣка надежного, и твоей ясности человѣка сердечнаго і знакомого, чтоб моим именем твою ясность *(л. 20)* наведил и поздоровил, а потом бы подлинно і истинно сказал мнѣ о добром здравиі ясности твоей, и утвердил бы то, что истинная моя отческая любовь исходит к твоей ясности, которую ты давнею любовью своею ко мнѣ приимешь его ласково. Как яз не отчаиваюся, так о том и прошу тебя.

Ser[mus] iste rex quanto studio et amore ser[tis] vræ rebus semper adfuerit et quanta lætitia ex facili earum exitu perfusus sit ipsi compertum scio. Illius mti etsi minime vereor, quin ser[tas] vra pari benevolentia et gratificandi voluntate responsura sit, ut ego saepius pollicitus sum, pro meo tamen erga ser[tem] vram peculiari studio non possum non ipsam ad id hortari, quo magis magisque conglutinet et coalescat vester amor et conjunctio, quæ non solum reipublicæ christianæ, sed utrique vestrum, et regnis vestris maxime salutaris erit; vicinorum enim principum unitas angularis est regnorum lapis.

Наяснѣйшій король нынешний каковым промыслом и радѣньем и любовью дѣлом твоим тебѣ пособлял, такъ и ныне вѣдаю, что он о том добрѣ радостен счасливого совершенья дѣл твоих и надѣятца на тебя также, что и твоя ясность его королевской милости такою же любовью и милостью воздаваті будешь, *(л. — об.)* а яз ему то от тебя всегда обещевал. А любовь моя к твоей ясности ни к чему к иному не ведет, токмо до того, чтоб меж вас множилась большая любовь, и милость, и совокупление наше, которое есть добрѣ здорово и пригоже не токмо Рѣчи Посполитой крестьянской, но и обѣма вам и государствам вашим, ибо соединение сосѣднее любовное великим монархом есть надежно и крѣпко, яко каменная стена.

De s[mi] d. n. Clementis VIII morte et Pauli V electione feci aliis certiorem litteris ser[tem] vestram, ab ipsa petens, ut sanct[ti] suæ de collato pont[s] apice gratularetur, gratias

А о смерти святѣйшего господина нашего Климента 8-го и о поставленье папежства Павла 5-го, в ыных грамотах писал яз к твоеі ясности, бьючи тебѣ челом, чтоб ты

agens (qua ser^{tas} vra novit humanitate) quod paterno amore de rerum suarum statu intelligere voluerit a me, qui omnia ad amussim exposui b^{ni} suæ et ser^{tis} vræ effigiem ad vivum pictam valdeque similem misi, mihi persuadens gratissimam fore s^{ti} suæ, cui etiam hæc felicia de recenti nova quam diligenter perferenda curavi, minime dubius, quin ei singularem allatura sint voluptatem.

святость его о ізобраниі на папежство и о получениі *(л. 21)* достоинства папежского, бьючи ему челом, поздоровал его по своему отчеству, а он вѣдати хотѣл от меня о дѣлех ясности твоей, о которых подлинно отписал яз къ его святости, и образ лица твоея ясности, написав живо, добрѣ подобный тебѣ, послал ему, вѣдаючи то, что его святость рад тому будет. А которые нынешние новые счасливые вѣсти отпишу к нему про вас вскоре и начаюся того, что он о тѣхъ вѣстех будет імѣти великую радость.

Munuscula, quæ spiritualia sunt, et misterii aliquid continere videntur, ser^{ti} vræ offero. Crucifixum videlicet ex succino, imaginem potentissimi illius Ducis, qui ser^{ti} vræ patrocinatus est in bello; coronam etiam ex coraliis cum numismate multis indulgentiis insignito, tum quod victori corona debeatur, tum quod ser^{tem} vram moneat, ut eam saepius recitando gratias illi, qui victoriam dedit, et aliam in cœlo post longum ævum immarcescibilem coronam retribuet, perpendet debitas. Insuper Biblia latina postremæ impressionis, ex quorum lectione ser^{m} vram non voluptatem solum percepturam, dum ea revolvens omnipotentem Deum non minorem secum et cum gente sua, quam olim cum antiquis regibus et populis, ut præsertim Exod. cap. 19 et de Davide lib. 2° Regum cap. 7° et de aliis passim habetur, misericordiam

А грамоты, которые тебѣ до Риму надобе послати вскоре, и ясность твоя ко мнѣ ихъ посылай; в которых грамотах выобрази і опиши, что твоя *(л. —об.)* ясность довѣдался любви и милости его святыни к себѣ із грамот моих, и обрасцы тѣх грамот твоя ясность прошу пришли ко мнѣ, чтоб и яз тѣм же обрасцом к нему писал. Да твоей же ясности, в чем служити могу, подарки духовные, нѣшто в себѣ тайно імѣючи, ясности твоей посылаю: крестъ хрустальной—образ сильнаго воеводы, Которой на той войнѣ при твоей ясности стоял и тебѣ пособлял, чотки, и корольков с пѣняжкоми с великими прощами описано того для, что таковы чотки победітелю подают, и того для, чтоб всегда упоминала ясность твою, ими молячися, благодарение воздавал Тому, Которой тебѣ побѣду дал *(л. 22)*, а посем бы

et gratiam fecisse inveniet; verum etiam ad generosas animi sui semel declaratas cogitationes, quarum memoriam non deposuisse confido, suis loco et tempore executioni mandandas, ardentiorem alacrioremque evasuram spero. Idem enim, quod de Ægyptiis ibi Deus, quam belle ser. vræ conveniat, ipsemet intelligat. Vidistis, inquit, quæ fecerim Ægyptiis, quomodo portaverim vos super pennas aquilarum, si ergo audieritis vocem meam et custodieritis pactum meum, eritis mihi in peculium de cunctis populis et vos eritis mihi in regnum. Vidit ser. vra, quali patrocinio Deus causæ suæ justitiam fuerit prosequutus; si pactum, quod Dno spopondit, servaverit, majores quotidie a divina bonitate gratias promerebitur. Cum Davide fuit Deus in omnibus ubicumque ambulavit, interfecit universos inimicos ejus, fecitque illi nomen grande super omnem terram. Id quam bene ex parte Dei fuerit impletum in ser. vra, cujus ill[ris] fama per totum orbem terrarum communi omnium vehitur applausu, luce clarius sit. Superest modo, ut ipsa quod ad se pertinet, perficiat et debitam div[ae] mti, ut alter David, gratitudinem exhibeat, Ipsumque imitetur Dominum, qui, ut Aplus ait, fecit utraque unum. Sanctiss[mam] unionem, ut promisit, promovendo, adjuvando, perficiendo et tam sanctum opus totis ulnis amplectendo quod sane, ut non præcociter,

коруну или венецъ нетлѣнный по многолѣтном житии твоем на земли дал тебѣ на небесех. К тому ещо Библию латынскую послѣдние печаті посылаю к тебѣ, которую чтучи увеселишься; а какъ еѣ станешь чести, и всесильный Богъ подарует тебѣ получити ласку и милосердие свое, да не токмо тебѣ самому, и подданым твоим, какову преже сего онѣмъ первым царемъ и народом подавал, что чтем в ней о Египтянех во Исходе в главѣ 19, и о Давиде царѣ в книгах Вторых Царских в главѣ 7-й, и о иных многих царѣх в ней пишет. И здѣлает тебѣ Богъ то, что тѣ всѣ свои дѣла и обѣты, которые еси думал, *(л. — об.)* из своего царского сердца вскоре совершишь. А ибо *(sic)* в тѣх же книгахъ, что о Египтянех Богъ молвил, увидит твоя ясность, какъ хорошие и пристойные тые слова твоей ясности придут: «сами увидіте, глаголет Господь ко Израилю, елико сотворих Египтяномъ и взях вы яко на крылѣ орли и приведох вы к себѣ; и ныне аще послушанием послушаете гласа моего и снабдите завѣт мой, будіте ми людіе суще от всѣхъ язык. Моя бо есть вся земля, вы же будите мі царское священие и язык святъ».— Видіши ли, ясность твоя, какою помощию дѣломъ твоим и правдою пособлял и проводил? И естли еще обѣт свой, которой *(л. 23)* еси Богу обещал, исполнишь, и тѣм выслужишь себѣ у

sed mature et prudenter, et cum licebit absque minimo causæ ser^{tis} vræ præjudicio, quod absit, velim, sic communicatis cum s^{mo} d. n. Paulo Quinto consiliis, cujus sanctitatis paternum erga ser. vram affectum, et antea testatus sum, et iterum atque iterum testor, facturum confido; hac enim unitate obstrictam Deo fidem suam præstabit, fundamenta regni sui altius ponet et nominis sui gloriam sempiternæ memoriæ commendabit. Imaginem B. M. Virginis, quæ in urbe episcopatus mei sede multa ededit miracula, cujus tutelæ ser. vra se dicavit, quamque ego semper, ut rebus suis faveret, oravi, ab ipsa deperditam et annulum ejusdem figura insignitum, quem digito gestabat, fractum fuisse novi. Quapropter mitto aliam illius effigiem una cum libello, pleraque ejusdem miracula continenti, et binos, ut deficiente uno, alterum habeat in promptu, ejusdem speciei annulos, meæ in ipsam observantiæ sponsores, suæque pristinæ pietatis, et piorum consiliorum monitores; mihi persuadens hæc omnia, ut precor, et opto eo quo a me profecta sunt hilari animo suscepturam ser. vram quam etc.

Бога на всякъ день большую милость и милосердие. З Давидом Богъ всегда был, гдѣ ни пошол, и всѣхъ неприятелей его згубил, и избил и прославил его по всей земли. А сие твое дѣло светлѣе дня есть, какъ исполнился Божий промыслъ над ясностью твоею, которая слава по всему миру единомудрено у всѣхъ людеі славитца. То лише осталося, чтоб ясность твоя то исполнил, чему еси должен, и винное благодарение престолу Божиему, подобяся Давиду, вѳорой будучи Давидъ, отдал, и в том самому Богу послѣдовал, какъ и апостолъ о том же рече. А здѣлал бы еси с обѣихъ дѣл одно, *(л. — об.)* чтоб святое соедінение вѣры, как еси обещал, так і соверши. А как то станешь дѣлати, и ты так тѣми дѣлы промышляй всякими силами неоплошно, и мудро і бережно, чтоб страху і убытка какого ясности твоей, от чего Боже сохрани, не было. А думаю тебѣ, чтоб совокупивши думы свои с святѣішим нашим господином Павлом 5-м, которого яз отцевскую любовь твоей ясности преже сего объявлял, ибо тѣмъ соедінением укрепленую вѣру свою Богу отдашъ, и царства своего основания глубочайшее и крѣпкое утвердишъ, и славу імени своему оставишъ.—Дошла меня вѣсть та, что твоя ясность потерял образ преблагословенной Богородицы, ко...[1]

. . . .

[1] На этомъ обрывается (л. 23 об.) Судя по счету листовъ (8) въ тетрадяхъ ея, листы (1—31) всѣ цѣлы (тетради 1—7, 8—15, 16—23, 24—31 и т. д.), а находящійся

Serenissime et invictissime princeps domine, domine mihi colendissime!

Ex litteris, quas pater Andreas Lavitius attulit, singularem agnovi erga me consuetam serenitatis vestrae humanitatem, pro qua, non quas debeo, sed quas possum, majores ago et habeo serenitati vestrae gratias.

Patri Andreae mea studia in omnibus promptissima operamque exhibui paratissimam. Ille quinta hujus mensis hinc Romam versus discessit, cujus colloquiis de optima ser^{tis} vestrae valetudine et faelicitate regnandi, atque erga suam sanctitatem, et sanctam sedem remque christianam pietate, nunquam satis laudanda tantopere sanctissimus dominus noster delectabitur atque recreabitur, ut non parum respirare et emergere videatur ab immensis molestiarum curarumque fluctibus, quibus his turbulentissimis temporibus pene obruitur, ob tot gravia ecclesiae Dei illata ab hostibus vulnera et maxima, quae imminent assidue, pericula.

Praecucurri patrem Andream meis litteris; et simulatque huc pervenit, juxta praescriptum ser^{tis} vestrae, s^{mo} d. n. diligenter sig-

здѣсь пропускъ, вслѣдствіе неправильной переписки статейнаго списка, сдѣланъ еще въ началѣ XVII в.: недостаетъ конца этой грамоты и начала помѣщенной на слѣдующемъ 24 листѣ; кромѣ того, быть можетъ, были и какіе-либо еще документы (при предположеніи, что отсутствуетъ цѣлая тетрадь). Письмо отъ 25 февраля 1606 г. имѣется среди «Дѣлъ о самозванцахъ» 1606 г. № 41; оно печатается далѣе въ подлинномъ текстѣ (русскій переводъ XVIII в. см. въ С. Г. Г. и Д.); помѣщаемый здѣсь конецъ перевода XVII в. заимствуется изъ Польской посол. книги № 26.

nificavi legationem ipsius: immo etiam non solum dominum nuncium apostolicum, Pragae residentem, ut sacrum imperatorem faceret de propensione ser^{tis} vestrae certiorem, admonui, sed et ser^{mo} archiduci Matthiae, fratri ejus germano, Viennae commoranti, totum communicavi, ut pacem, quae cum Turcis serio per commissarios tractabatur, negligeret.

Quod negocium attinet et rerum praesentem statum, ego a s^{mo} d. n. jussus egi aliquando cum ser^{mo} rege, ut contra Turcas arma hujus regni (foedere cum ser^{te} vestra et imperatore icto) convertere vellet; et licet idem rex cuperet, nihilominus variae sunt contra conclusionem difficultates insuperabiles, praeterquam, quod enim Poloni et Germani natura non facile conveniunt, huic regno tutum non videtur novum foedus cum imperatore christianorum sancire contra Turcam, nisi concurrentibus omnibus imperii principibus, qui promitterent, Polonos, in bello sibi aliquo tempore a Turca inferendo, se nunquam deserturos; ad quod principes supradictos nequaquam adduci posse credendum. Quapropter sua s^{tas} tandem perpendens, quod si Tartarus, cujus auxilio et viribus gaudet Turca, debellari posset, non parum utile foret et imperatori, qui bellum in Hungaria melius gerere et sustinere posset, et Poloniae, quae magna ab illo retulit damna, et majora in dies suspicatur et

metuit, optat, ut saltem cum ser^te vestra perpetuam firmet ser^mus rex et regnum hoc ligam contra barbaros illos, quos delere, alas et quasi brachium Otthomano dextrum amputare esset, et regna vestra ab illorum latronum incursionibus et suspicionibus omnino liberare. De hocque nuperrime scripsit mihi s^mus d. n., ut efficacissime agam in comitiis, ad quae cras vel perendie me conferam, ubi cum magnum legatum ser^tis vestrae pro certo affuturum intellexerim, non desperandum mihi videtur, aliquid boni confectum iri.

Interim in Hungaria vigent induciae et armorum suspensio, sed cum Turcis pacis nulla spes; magna tamen cum Hungaris, immo multi Vienna et aliunde scribunt, conclusionem esse factam, sed nondum publicatam. Nihilominus litteris suis, a me perlectis, scripsit ad ser^mum regem et senatores Boczkaius, defectionis princeps, conquerens commissarios, a se pro tractanda et concludenda pace ablegatos, diutius, quam aequum sit, ullo absque responso detineri, nec unquam in negocio hoc pacificationis suam voluisse sacram caes^ream majestatem declarare sententiam, remque forte de die in diem callide protrahi, quo Hungari temporis prolixitate debilitati et enervati, quamlibet, tametsi iniquam, conditionem accipere cogantur; rogatque regiam majestatem et senatores, ut officia sua

sedulo interponant, ut imperator mentem suam aperiat, nec patiatur totam Hungariam in manus cadere Turcarum, a quibus majores experietur difficultates; subjungitque idem Boczkaius, non posse se diuturniorem ferre procrastinationem, cum praesertim a Turcis assidue sollicitetur, ostenditque se valde cupidum esse redeundi in gratiam sac. caes. majestatis, ad quam ser[mus] rex (adhibito eorum, qui tunc in aula erant, senatorum consilio) celerem nuncium cum literis expedivit, eandem de omnibus commonefaciens rogansque, ut responsum aliquod certum mittat, animumque ad pacem convertat; atque interim Boczkaio rescripsit, hortans illum, ut aliquam patienter adhuc ferat moram, plurisque pacem et patriae salutem, quam commodum privatum faciat. Haec, quae ad ser[tem] vestram, cui diutissimam incolumitatem cum omni faelicitate, et regnorum suorum augumento ab omnipotenti Deo precor et opto. Cracoviae, die 25 Februarii, 1606.

Serenitatis vestrae addictiss. et observantiss. ex animo servitor Claudius Rangonus, episcopus Regii et princeps, nunt. apostolicus.

Внизу на первой страницѣ написано: ser[mo] magno Moscoviae duci.

Надписи на оборотѣ: «Serenissimo et invictissimo monarchae Demetrio Ioannis, caesari et magno duci totius Russiae, (et) universo-

.....*(л. 24)* мучены. И извещает тою грамотою, что хочет себѣ добрѣ того, чтоб были они приведены і пожалованы опять у наяснѣйшего цесаря. И наяснѣішій король, урадив с своими радными паны, которые в ту пору при королевском дворѣ были, скорого посланника до цесаря з грамотами отпустил, извещаючи цесарю і просячи его, чтоб какой подлинной указ свой к Бочкаю послал і до перемирного постановленья умышленье свое приклонил. Да и к Бочкаю король грамоту послал, упоминаючи его, чтоб ещо потерпѣл і подождал отволоки цесарские і тѣм бы себѣ имѣл большую честь и отчизну свою цѣлу.—Потом твоей ясности хочю долгово доброво здоровья со всяким счастьем и распространением твоихъ *(л. —об.)* государствъ. Дана с Кракова ѳевраля въ 25 день 1606-го.

Клавдіус Рангонус, епискуп Рези, князь и легат апостольскиі.

rum Tartariae regnorum aliorumque (plurimorum dom)iniorum, monarchiae Moscoviticae (subjectorum), et regi, domino meo colendissimo».— «О том, чтоб против турков стоял, писана от папина посла. 7, 6».— «Переведена».

Письмо было свернуто пакетомъ и запечатано восковою печатью подъ бумажною кустодіею; печать не сохранилась, но въ Собраніи Г. Гр. и Дог. говорится, что она одинакова съ находящеюся тамъ подъ № 101.

Перевод с польского письма, рѣчь Литовского посла Александра Гасевского, что говорил от короля розстриге, какъ у него был наодінѣ втайнѣ.

Его королевская милость, государь мой милостивый, многими добродѣтели от Бога украшенный, разумѣет то, что не тот человѣкъ хвален, которой начнет, а не совершит; но тот, который доконает і совершит, похвалу емлет. А его королевская милость ізначала в несчастью и в пригоде вашей царской милости *(л. 25)* прямую любовь свою показал, которую самъ ваша царская милость гораздо вѣдаешь, да и отъисканья отчизны вашей царской милости пособлял і помогал, сколько ся ему годило; да и теперь о том неуставает в той прямой любви к вашей царской милости і крѣпко того бережет, чтоб прямую милость свою отдавал вашей царской милости до тѣх мѣстъ, покамѣста будет знати прямую любовь к себѣ вашей царской милости. И разумѣл ныне, что надобно то дѣло известити вашей царской милости, сердечному и любітельному брату своему. Недавного времени явился в государстве его королевской милости на украине в Литвѣ, человѣкъ здѣшнего государства, *(л. — об.)* а сказался Олешкою зовут его, і говорил, что Борис Годунов жив; і его королевская милость велѣл мнѣ с ним розговоритися, а что яз у него услышу, і то ізвестити велѣл мнѣ его королевская милость вашей царской милости. І яз с ним говорил, і он сказался, что он іноземецъ, а к Москве маленекъ привезен, и Борисъ его крестил, коли был правителем, и грамоте руской научил, и был у него в крестовых діячках. А как Борис сѣл на царство, і тот Олешка жил у Иванка Васильева сына Плавильщика, которой живет за Ямскими вороты,

в Деревяном городе; а потом по указу Борисову был у судных дѣл в Стрелетцком приказе в молодых подьячих при дьякѣ Игнатье Софонове, а после *(л. 26)* того был в Казанском приказе при дьякѣ Ѳѳонасье Власьеве. И сказывал то: коли ваша царская милость был в Путивле, и городов много здалось вашей царской милости, и волхвы, которых у себя Борис держал, сказывали ему, что покамѣста самъ Борис будет сидѣти на столице, і того царства никак в миру не здержит і не оборонит от вашей царской милости; но коли б на час гдѣ сступил з земли Московской, а сынъ его Ѳедор царем ся именовал, тогда б под титлом его то царство здержалось і оборонило от вашей царской милости. И Борис, повѣривши тѣм волхвом, так здѣлал: опоивши зельем нѣкоторого человѣка прилична собѣ, велѣл в гроб положити вмѣсто себя і розславил, *(л. — об.)* что будто он Борис умер; а о том только вѣдали жена его, да Семен Годунов, і иные немногие люді, а дѣти его того не вѣдали. А самъ Борис тотчас, много золота і дорогих чепей с собою наимавши, ушол вмѣсто торгового человѣка в Аглинскую землю и ныне де тамъ жив. А жена Борисова і всѣ люди похоронили тѣло того человѣка, которой зельемъ окормлен вмѣсто Бориса Годунова, в церкве, гдѣ кладутца цари Московские. И король его милость велѣл о том подлинно провѣдати и в Аглинской земли для береженья вашей царской милости.

Его королевская милость, государь мой милостивый, начаючися того, что не всѣ люді *(л. 27)* в одной мысли в государствах вашие царские милости і для всякой боязни велѣл нам всѣм, воеводам украинным, готовым быти на всякое надобное дѣло вашей царской милости, чтоб ся мы на то мѣсто готовы были, на которое намъ извещено будет через грамоты вашие царские милости.

Есть то вѣдомо вашей царской милости, что Карлус Шведцкой есть кровным племянником его королевской милости і крестъ целовал, что ему быти вѣрным подданым совсѣм его королевской милости; потом то крестное целованье порушив, его королевской милости, государеви своему, ізменил і, без вести через море до Лиѳлянской земли прибежавши, поимал был нѣкоторые *(л. — об.)* городы и теперь, что разбойник, морем бѣгаючи, шкоды великие людем дѣлает. А коли люді его королевской милости до него впрям придут, і он опять на море утекает; и таким дѣлом уходит перед людьми его королевской милости. И тот неприятель лехкой есть королю его милости и всему государству Польскому и Литовскому, который есть богатый в людех ратных; есть то вѣдомо і вашей цар-

ской милости, какъ государю мудрому. І тот лехкой неприятель, силами своими распростерши, взял город Коконгази, блиско рубежа Литовского, і тотчас уѣзды земли Лиѳлянские ближние, собравшись под начало воеводы своего, с тѣми полками великими драку імѣли, і на голову их побили и наряд поимали. А потом *(л. 28)* коли с великим войском Карло Швед пришол под Ригу город, и король его милости приступил с войски своими; і тот Карлус Швед с соромом отбежал и голову свою одва унес. Потом опять прошлого году под Бѣлым Каменем Господь Богъ милосердый справедливости его королевской милости благословил. О том подлинно ваша царская милость вѣдаешь, потомучто Лиѳлянской рубеж з государствы вашими сшелся. Есть надежа на Бога: коли ся король его милость возмет за оружье, і тот неприятель побит будет на голову. Пригоже то к любви вашей царской милости с королем его милостью, чтобъ ту обиду короля его милости вѣдал ваша царская милость, какъ брат любительный і приятель его королевской милости, і того для ізвестил вашей *(л.—об.)* царской милости.

Здѣсь в государствах вашей царской милости есть Густав, которой называетца сыном короля Шведцкого Ирика; і он не есть таков прямый сынъ, і пригоже вашей царской милости в любви сь его королевскою милостью быти, чтоб тот человѣкъ здѣ въ государствах вашей царской милости не в такой честі был, как он сказываетца, чтоб гдѣ онъ скрыт был і держан.

Послове от Каролюса измѣнника его королевской милости коли б теперь или после того приѣхали к вашей царской милости, і ваша б царская милость отослал их х королевской милости какъ к праведному государю их, которому вѣру і крестное целованье ізменил. Й то будет милая *(л. 29)* рѣчь королю і государству всему. І великая б слава была вашей царской милости у всѣх людей, что ваша царская милость, сѣдши на столице своих предков, милості и любви короля его милости не забываешь.

Начаючися король его милость крѣпкой братцкой любви с вашею царскою милостью велѣл тебѣ говориті, чтоб людем служилым народу Польского и Литовского, которые головы і отчины свої справедливості твоей против ізмѣнников вашей царской милости клали, была заплата за службу дана и в Литву б их вольно отпустили; і в том ваша царская милость будешь имѣті великую несмертельную славу в народе служивом нашем и во всѣх землях, а король его милость всегда о том жены их і племя *(л.—об.)* бьют челом.

Торговые люди государства его королевской милости государя моего говорят, что они імѣют обиду великую про то, что великие тамги і иные доходы с них берут в государствах вашей царской милости, а больши всего в Смоленску емлют, і не пускают их из Смоленска к Москве і до инших городов торговати повольно; а торговым людем вашей царской милости есть великая воля во всѣх государствах короля его милости государя моего. Надобе вам крѣпкую любовь с королем его милостью держаті, чтоб такая же воля была торговым людем его королевской милости, какова есть в государствах его королевской милости торговым людем твоей царской милости.

(л. 30) Хрипуновы народу здѣшнего, вѣрные слуги предков твоей царской милости і тебя самого, ушли были в государства его королевской милости от жесто(ко)сті Борисовы, і от короля кормлены, і теперь хотят опять приѣхати к вашей царской милости государя своего прироженного. И того им король его милость для любви с тобою не забраняет і о них ся печалует, чтоб ваша царская милость как своим вѣрнымъ слугам милосердье свое показал, чтоб они то знали, что печалованье королевское есть мило и любовно у вашей царской милости.

Сказали то королеви, что Савостьян Олшаница, посадник Виленской, имѣл думу з Борисом, с ызмѣнником вашей царской милости, і яз бью челом вашей царской милости, чтоб мнѣ по вашему приказу прямая *(л. — об.)* о том вѣдомость была, что сказати королю его милости.

Respons[1] na priwatną mowę z je° cesarską mscią posłannika królia je° m.

Chociasz[2] wątpliwości żadnei nie mamy o śmierci Borisa Goduna, za czem tesz niebespieczeństwa żadnego stądsię nie obawamy; wdzięcznie iednak przymuiemy tę przestrogę[3] i oznaimienie o tem Oliszku ot k. j. m., pokazuiąc to, że nam

Перевод с отвѣту от розстриги на тайную рѣчь королевскому посланнику Александру Гасевскому.

Хотя мы не начаемся того о смерти Боріса Годунова і для того і страху никакова не боімся, но любовно от короля его милости прімуем то береженье і извещанье о том Олешке; также і за то повелѣнье королю его милости

[1] Дѣла о самозванцахъ 1605 года, № 13. Напечатаны были и подлинный текстъ, и русскій переводъ во II томѣ С. Г. Г. и Д., № 97, стран. 216—217.

[2] Послѣ chociasz было: je° c. m., затѣмъ перечеркнуто.

[3] Послѣ przestrogę было: i inquisitia, затѣмъ перечеркнуто.

kaszda chęć k. j. m. miła iest. Także tesz za to roskazanie, które k. j. m. do Ukrainych starostów dla bespieczeństwa naszego posłał, pilno k.j.m. dziękuiemy.

челом бью, которое король его милость к украинным старостам для смирості нашие посылал.

O Carolusa. Carolusowi surową otpowiedź poślemy[1], telko oczekiwamy na to, w iakich terminach sami s królem j. m. będziemy, gdysz to uimowanie nam titułów naszych ot k. j. m. wątpliwość nam iakąś czynia o przyaźni k. j. m.

О Каролюсе. *(л. 31)* Х Королюсу лютой отвѣт і отказ пошлем, только ждем того: в какой любви еще сами с королем его милостью будем, потому что іменованья і титла нашего король его милость убавливает. И какова в том любовь с королем его милостью?

O Gustawa. Gustawa chcemy mieć w inszem opatrzeniu nie iako xiąże albo królewica Szwedzkiego, ale iako człowieka, w takowych rzeczach zmyślonego.

О Густаве. Густава хочем имѣті в ыном береженье, не какъ князя, либо королевича Шведцкого, но как человѣка в лехких дѣлех смышленого.

O posłach ot Carolusa. Posłów iakich ieśli Carolus do nas pośle, damy znać o nich k. j. m., po co i s czem będą; i dalei się o tem s k. j. m. porozumiemy.

О послѣх Карлусовых. Послов будет каких если Каролюс пошлет, і яз дам вѣсть об них королю его милости о чомъ і с чѣм к нам будут; а после того о том с королем *(л. — об.)* станем думати.

O rycerstwo, które tu iest. Rycerstwa, które nam do tego czasu służyło, iako u nas w zatrzymaniu nie beli, tak i teraz dobrowolnie wszystkich pusczamy.

О служилых желнырех, которые на Москвѣ. Жолныри, которые нам посямѣста служили, как у вас сперва в задержанью не были, так і ныне на волю всѣх отпущаем.

O kupce s państw k. j. m. Kupce s państw k. j. m., wywiedziawszy się ot pp. woiewód naszych, pusczać s Smoleńska[2] we wszystkie państwa i zamki państw naszych roskażemy, tak tesz i tego się dowiemy, ieśli krzywdę iaką maią.

О гостех королевства Польского. Купцы королевства Польского, довѣдався от воевод наших, пущати из Смоленска во всѣ государства і городы государствъ наших прикажем і о том провѣдаем, естли какую обиду імѣли.

---

[1] Было: poselamy.

[2] Послѣ Smoleńska было: takż, затѣмъ перечеркнуто.

O Chripuny. Chrypunów na żadanie królia j. m. do państw i do łaski naszei znowu przymuiemy.

O Sebestyana Holszanica w cancellariei naszei każemy się wywiedzieć i przes gońce nasze damy znać k. j. m[1].

Przepis listu[2] do naświętsze° pana Pawła piątego, biskupa naiwyszego:

Otdany nam iest list świętobliwości waszei przes wielebnych oiców, Pawła, Simona[3], Jana, Thadaea i Vincentego zakonu carmelitanów; w którem lyście świętobliwość wasza oicowskiem sercem z odyskania oiczystego państwa naszego i z inszych sczęśliwych spraw naszych, które nam Bóg z wielkiei dobroci swei dał, radość swą nam oświadszasz, i błogosławieństwo apostolskie nam dawasz: skąd wielkąśmy prawdziwie pociechę otnieśli, wiedząc tę być zacznośc stolice apostolskiei, że miłość iei za wielkie sczęście poczytana być ma.

Carmelitanom tym, skorośmy się o nich dowiedzieli, w państwach naszych, nie widząc iescze pisania świętobliwości waszei, nie telkośmy wolnego weścia nie bronili, ale tesz

(л. 32). О Хрипуновых. Хріпуновых, по челобитью королевскому, до государствъ наших і к ласке нашей опять приимуем.

О Савостьяне Олшаницы в приказе нашем велим провѣдати і гонцом нашим королю его милости вѣдомо учиним.

Перевод с польского письма, которой списан з грамоты, что писал розстрига к Павлу Пятому, папе Римскому.

Отдан намъ листъ святости вашей честными отцами Павлом, Симаном, Яном и Вецентием кармелитами, в которой грамоте святыни твоя отцевским сердцемъ радость свою нам *(л. — об.)* изъявляешь, что нам Богъ подарил отъискати отчины и государства наши, і о иных сщасливых дѣлех, і благословенье апостолское нам даешь, с чего воістинну великую потѣху мы получилі, и відячи таковую быти честь столицы апостолские и любовь ей, за великое счастье у меня есть.

Кармелитом тѣмъ, о которых, как есми об них довѣдали в государствах наших, не відячи еще письма святости твоей, не только есмя вольного приѣзду им

---

[1] Подлинный отвѣтъ начерно писанъ рукою Яна Бучинскаго. Внизу 1-ой страницы почеркомъ XVII в. отмѣчено: «переведена». На оборотѣ письма почеркомъ XVII в. помѣта: «отказ на Александровы речи розстриги Гришки Отрепьева».

[2] Дѣла о самозванцахъ 1605 года, № 29. Было напечатано во II томѣ С. Г. Г. и Д., № 114, стран. 249—250.

[3] Послѣ Simona было Thadaea, затѣмъ перечеркнуто.

z wielką ludzkością i uszanowaniem do miasta naszego stołecznego przyprowiadzić roskaliśmy[1]: potem ich obaczywszy i list świętobliwości waszei przeczytawszy, wszielaką miłość i łaskę naszę pokazaliśmy iem; a gdiby sam czas na przeszkodzie nie beł, iuszbyśmy ich beli dawno w tę drogę puścieli. Ale iako przes ten czas, którego się tu bawili, nie schodziło iem nic na chęci naszei, tak tesz do dokończenia tei drogi wszelkiem sposobem ratować ich będziemy, i list do naiaśnieiszego króla Perskiego, brata naszego, im damy; ani się tego dopuściemy, abyś nas wasza świętobliwość przeciw sobie i swoiem inakszem miał uznać, ieno iakośmy w pierwszem lyście naszem święt. waszei ślubowali, i iakowem nas tak wielka miłość i chęć kü nam waszei świętobliwości chce mieć, któremu całą miłość i posłuszeństwo nasze s takową, iaka się godzi, pokorą otdawamy. Dan z miasta naszego króluiącego.

Potpisano:

Demetrius Imperator, ejusdem sanctitatis vestrae obsequentissimus filius.

На оборотъ: «9».

не давали, но і с великою честию до города нашего царствующаго припровадить велѣли і их увидевши, а грамоту святости вашей прочитавши, всякую любовь и ласку нашу им показовали есмя. И только б не таково время было помѣшкою, уже б есмя ихъ *(л. 33)* давно на ту дорогу отпустили; і по все время, до коих мѣстъ здѣсь жили, любовь нашу против себя імѣли. І на ту дорогу всякими мѣрами пособляти имъ будем и листъ до наяснѣішего короля Перского брата нашего хочем имъ даті. А того не начаіся, чтоб мы против святости вашей і против своих слов отмѣнны были; непременне то, какъ есмя в первом листу нашем обрекалися святости вашей і обещали, так і совершим. И каковым нас твоя великая любовь хочешъ імѣті, и такую язъ совершенную любовь і послушанье наше с подобающим смирением тебѣ отдаю. Писан царствующаго града нашего Москвы.

(л. — об.). А на подписи: Дмитрей царь вашеі святыни ноіпаче послушливый сынъ.

Перевод с польского письма, что писал розстрига к Литовскому королю с папиным посланником с Олександром Раганиушем.

Первое. Сказати то наяснѣішему королю, что со многих мѣр, также і з грамот, которые к нам іс Польши приходят, вѣдомо то, что его королевская милость о нашей любви к себѣ і ко всему

[1] Такъ въ оригиналѣ вм. rozkazaliśmy.

королевству Польскому и великому княжеству Литовскому нѣкакую невѣрность імѣет; а того не вѣдаем, *(л. 34)* для каких причин то дѣлаетца, добрѣ тому дивимся.

2-е. Укажі и то его королевскоі милости, что против нашего наказу не хочет нам писаті титлы цесарские его королевская милость. И мнѣ то не добрѣ надобно. А не есть іная мѣра только не любовь і измѣна подданых наших. І догадываютца с нѣкоторые потаіные ссылки нашей сь его королевскою милостью, что мы хотѣли отдать х королевству нѣкоторые части земли государствъ наших, і то, что хотѣли мы прилучитись х коруне Польской. А такого умышленья і измѣны невозможно ныне оберегатися, доколе усмирим еще государство, *(л.—об.)* то і для нужи и измѣны подданых таким обычаем являлся яз королю его милости. А в сердце ничего іного не любовного не імѣли есмя, только великую милость і любовь против его королевские милости.

3-е. Скажи то всему королевству Польскому і великому княжеству Литовскому, а болші всѣх королю его милості, что мы в добродѣтели его і в любві, которую нам являл, і в нашей потребе пособлял, не забыли; чтим его королевскую милость не токмо в брата мѣсто, за отца себѣ імѣю і почитаю, и ни в чем нам такого не будет, чего б мы для его королевские милости не учинили. А ізмѣнник королевской *(л. 35)* Карлус Судерман вскоре над собою увідит; только жду подлинные вѣсті от его королевские милости, какъ с ним дѣлаті похочет.

4-е. А о тітле нашем объявляю его королевскоі милості, что мы о нем говорити не перестанем, потому что нам подобает; а никакие не любві или воіны для того титула сь его королевскою милостью і с великим княжеством Литовским начинати не хотим. А чаю того от короля его милости і жду, что ко мнѣ по своей братцкоі любви і милості в таком праведном дѣле нам і сам еще пособит.

5-е. О послѣх наших великих, которых *(л. — об.)* хотѣли мы послати на большой соймъ, і преже сего о том писали до короля его милости, а ныне то отсрочили на іное время, чтоб нам преже с вельможным паном сь Юріемъ Мнішкомъ с воеводою Сендомирским, і с тѣми, которых от короля его милости ждем, о дѣлех поговорити о вѣчном перемирье и покое с королевством Польским і с великим княжеством Литовским, только от короля его милості будет с ними о том наказ.

6-е. Просил нас преже сего не одинова король его милость, чтоб мы Густава, которой именует себя сыном короля Шведцкого

Ирика, задержали не какъ королевича, но так, какъ его уроженье есть. И то мы *(л. 36)* являем его королевскоі милости, что мы его по его королевской воле держим и ждем, что болші того над ним велит королевская милость дѣлати.

А у сего письма, что послано с посланником с Олександром, внизу припись розстригина по польску: Дмітрей царь. А печать у письма таіная.

Pamięć[1] urodzonemu Janowi Buczyńskiemu, secretarzowi naszemu, co ma imieniem naszem panu woiewodzie Sendomirskie[u] otnieść.

Перевод с памяти с польского письма, что дал розстрига Яну Бучинскому, какъ ему говорити розстригиным словом воеводе Сендомирскому, с печатью его і за рукою.

1. Aby się pan woiewoda u xiędza legata starał o licentią, aby jei m. panna Marinna mogła wziąć przy ślubie ot patriarchi sacrament, bo by inaczei coronowana nie beła.

(л.—об.) 1-е. Чтоб воевода у ксенжа і у легата папина промыслил і побил челом о вольном позволенье, чтоб еѣ милость панна Марина причастилась на обѣдне от патриарха нашего, потому что без того венчана не будет.

2. Zaraz po ślubie aby pan woiewoda posłał do nas o dwu koń, daiąc nam znać, a pierścień ślubny aby nie przes komornika, ani sługę, ale przes kogo znacznego nam posłano.

2-е. Чтоб пан воевода после обрученья тотчасъ о том нам вѣдомо учинил о дву конь і перстень обручельной прислал бы не з жильцом і не с слугою, но с честным человѣком.

3. Aby jei mści pannie Marinnie pozwolono do greckiei cerkwie chodzić; a nabożeństwo swoie wolno będzie otprawować, iako będzie chciała.

3-е. Чтоб ей милості панне Маріне поволено до греческие церквы ходіті, а набоженство і чин своі вольно будет держати, какъ похочет.

4. Aby jei mość pannę Marinę naiaśnieiszą panną zwano, y wszelaka powaga pańska aby pilno we wszystkiem przestrzegana beła.

4-е. Чтоб ей милость панну Маріну звали *(л. 37)* неяснѣішею, і всякую честь государскую воздавали і чтоб было во всем бережно.

---

[1] Дѣла о самозванцахъ 1605 года, № 19. Напечат. во II томѣ С. Г. Г. и Д., № 105, стран. 228—229.

5. Włosów aby nie przyprawiała.

5-е. Волосов бы не наряжала.

6. Aby nikt panny nie wodzieł, ieno pan starosta Sanocki, Buczyński albo powinny który.

6-е. Чтоб нихто еѣ не водил, только пан староста Сенатцкой, да Бучинскоі, или которой іноі со племяні.

7. Starać się o licentią, aby jei mość panna Marinna w sobotę mięso iadała dla Moskwy, a środy aby suszeła.

7-е. Промысліті о вольності, чтоб Маріна в суботу мясо ѣла, а в середу б печеное ѣла.

8. Po ślubie aby nie iadała jei mość panna Marinna, telko osobno, albo tesz telko s panem woiewodą, s panią woiewodziną, s panią chorążyną, ażeby s credensi jei m. sluszono.

8-е. После б обручанья не ѣла ни с кѣм, только особно, или с воеводою, или с воеводіною, і с хоружею, і служили б у ней краічие.

In perator.

Красная восковая печать подъ бумажною кустодіею. На оборотѣ документа помѣты почеркомъ XVII в.: «В. Ѳ. К. Гз.» — «Переведена». — «11». — «Памяти от ростриги Бычинскому о чем ему договариватись с воеводою Сендомирским, переведены».

Druga[1] pamięć temusz Janowi Buczyńskiemu, secretarzowi naszemu, iako postępować, kiedy naiaśnieisza panna do państw naszych przyedzie:

(л. — об.) Перевод з другіе памяти тому же Яну Бучинскому, что ему дѣлаті, какъ Марина в Московское государство приѣдет, с печатью і за рукою розстригиною.

1. Kiedy senatorowie naszy przyadą na granice przeciwko naiaśnieiszei pannie, potrzeba będzie chustki na pułmisek pokłaść, a łań-

1-е. Коли бояре нашi приѣдут на рубеж встречать наяснѣішей панны, надобе шіринки на блюдех класті да на них чепи и

[1] Дѣла о самозванцахъ 1605 года, № 20. Напечат. во II томѣ С. Г. Г. и Д., № 106, стран. 230—231.

cuchy na nie, i tak z ręki ie dawać; a te łańcuchy sam je° cesarska mość pośle.

2. Paniom, które tesz przyadą, dawać manelle i pierścienie.

3. Chustek co nawięcei cudnych s sobą trzeba będzie mieć.

4. Kiedy drudzi senatorowie przyadą, kaszdemu trzeba będzie dać po chustce.

5. Kiedy iusz dali Pan Bóg na Moskwę przyadą naiaśnieisza cesarzowa[1] pierwei będzie witała naiaśnieisza panna i zaraz obłapi nisko; a gdy c.[2] j. m. poda rękę, uczyni postawę, iakoby chciała pocałować rękę, a cesarzowa jei m. ręki umknie.

6. Potem dopiero je° mość p. woiewoda będzie całował rękę c. j. m.

7. Pan woiewoda sam z Offanasiem ma wieść pannę, gdy będzie witała ces. jei m.

8. Kiedy senatorom chustki będzie rozdawała naiaśnieisza panna, także łańcuchy, Buczyński będzie pułmisek trzymał.

9. Ale kiedy c. j. mści dawać będzie, tedy sama na pułmisku otdawać będzie; a pan starosta s panem Franciszkiem pułmisek trzymać będą.

Dmemetrius.

На оборотъ: «12». Красная восковая печать подъ бумажною кустодіею.

подавати их бояром из своих рук; а чепи самъ его царская милость пришлет.

2-е. Боярыням, которые поѣдут, давать маниста да перстні.

3-е. Ширинокъ много надобе хороших с собою взяти.

4-е. Коли другие бояре приѣдут, іно б всякому *(л. 38)* бояріну поднести по ширинке.

5-е. Какъ уже дастъ Богъ, наяснѣішая цесарева к Москве приѣдет, и первое станет целоватца, і поклонитца ниско, і, даючі царь его милость руку, здѣлает образецъ, что будто хочет еѣ в руку поцеловати, і она б не дала целовать.

6-е. Потом его милость пан воевода будет целовати руку царскую.

7-е. Пан воевода самъ с Ѳеонасьем поведет панну в ту пору, какъ станет витати цесаря его милость.

8-е. Какъ станет ширинки і чепи бояром роздавати, і блюдо б держал Бучинской.

(л. — об.) 9-е. Как цесарева ей милость станет подносити ширинки, тогды самой на блюде подавати, а пан староста с паном Ѳранцужком блюдо держати станут.

[1] Слѣдовало бы: Naiaśnieiszą Cesarzowę (?).
[2] Т.-е. Cesarzowa?

Перевод с польского письма, за печатью княжества Литовского, отказ с приказу королевского.

Respons[1] od króla je° mci urodzonemu panu Janowi Buczyńskiemu na the rzeczy, które od hospodara je° mci swego do króla je° m. mówił.

Otказ от короля его милости уроженому пану Яну Бучинскому на тѣ слова, которые от государя своего короля его милости говорил.

Że hospodar je° m. wielki żąda kr. je° m., aby król je° m. pozwolić raczył panu woiewodzie Sęndomirskiemu dać córkę swą pannę Marynę w stan ś. małżeński hospodarowi je° m. y odprowadzić ią do hospodara je° mci, je° kr. m., z chęci i miłości swey braterskiei ku wielkie^u hospodarowi je° m., na to nie tylko chętnie zezwolić, ale tess sam bytnością swą królewską s królewicem je° m. Władzisławem, synem swym namilssym, y s królewną jey m. Sswedską, siostrą swą, ten acth sslubny wesela jey m. panny woiewodzanki Sendomirskiei ozdobić raczył. Je° m. panu woiewodzie Sendomirskiemu, w czym ieno łaski kr. je° m. potrzebował, je° kr. m. odmówić iey nie raczył. Co się hospodar je° m. tytułu carskie° u kr. je° m. domaga, je° kr. m. iako we wssytkich inssych sprawach rad pokazuie chęć i miłość swoię braterską hospodarowi je° m., tak i w tym na chęci i miłości

О том, что государь его милость велнкій хочет у короля его милости, чтоб поволил пану воеводе Сендомирскому дочь свою девицу Марину в жену государю его милости и велѣл бы отпровадить еѣ (*л. 39*) до государя его милости. И король его милость с любви и милости своей братцкие к великому государю его милости на то не токмо что поволил, но еще самъ собою і с королевичем Владіславом сыномъ своим любимым и с королевною Шведцкою сестрою своею радость ей милости панны воеводенки Сендомирскоі украсити хочет. А его милость пан воевода Сендомирскоі, о чем только ласки королевской іщет или о чем побьет челом, то все получит. — А что государь его милость у короля его милости титлы цесарские добіваетца, и король его милость какъ в ыных дѣлех во всѣх рад указывать любовь и милость братцкую государю его милости,

[1] Дѣла о самозванцахъ 1606 года, № 37. Напечат. во II томѣ С. Г. Г. и Д., № 122, стран. 263—265.

je° kr. m. braterskiei hospodarowi je° m. nic nie zchodzi. Lecz iż zwyczai iesth nie tylko tey sławnei corony Polskiey, ale wssytkich królów, monarchów, panów chrześcyańskich, że bez poselstwa i traktatów ieden drugiemu tytułów starych nie odmieniaią, ani przyczyniaią, i od króla je° m. the wszytkie tytuły spełna pissą hospodarowi je° m., iakie i które przed tym od przodków je° kr. m. przodkom hospodara je° m. pisano, nic z nich nie opuszczaiąc, nie może to tedy być za krzywdę i urazę poczytano; a o tytule carskim, którego przed tym nie był zwyczai dawać, kiedy wielki hospodar je° m. posły swe wielkie do je° kr. m. (iako iuss naznaczył) poszle, król je° m. pp. radom swym z wielkiemi posły hospodara je° m. mówić y traktować poruczyć będzie raczył.

так и в том во всем пособить хочет; только обычай есть не токмо в той славной коруне Польской, но і у всѣх *(л.—об.)* королей монархов государей крестьянских, чтоб без посольства і приговору один у другово старые титлы не отнимает і не прибавливает. А от короля его милости тѣ всѣ титлы сполна государю его милости пишут, которые преже сего от предков его королевской милости к предком государя его милости писаны бывали, ничего не отставливая і не убавливая пишет. А какъ государь его милость великих послов своихъ до короля его милости пошлет, которых уже помѣтил, и король его милость паном-радам своим с великими послы государя его милости велит о том говорить.

O syna Erykowego, który się niesłussnie królewicem Sswedskim zowie, bo nie z sslubnei żony spłodzony y nie iest królewicem Szwedskim, ale tym ma być miany u wielkie° hospodara je° m. i poczytany, iakim się urodził. Także o odpowiedź Carolusowi: je° kr. m. pussczać raczy na samo baczenie hospodara je° m., co w tych rzeczach czynić będzie rozumiał, tak z Gustawem, iako s Carolusem, który wiarę i przysięgę złamawssy królowi je° m., dziedziczne królestwo je° k. m. occupował, co wssytkiemu światu wiadomo iest; nie wątpi je° k. m., że je° hospodarska mć,

О сыну Ірикове, которой себя не прямо *(л. 40)* королевічем Шведцким имянует, потому что родился он от жены невенчальные, і не есть королевичем Шведцким, і таковым бы его государь его милость не імѣл і чтил, каковым ся он уродил. — Да отказ о Каролюсе его королевская милость пущает на разсужение его государской милости, что в тѣхъ его дѣлех может разумѣти, какъ он вѣру і крестьное целованье сломал королю его милости, і дѣдічное королевство у его королевской милости отнял, что явно есть всему свѣту; и надѣетца его

doznawszy na sobie takiei krzywdy i żalu, który poniósł od zmiennika swe° Borysa, nie pochwali tego Carolusowi, y owszem zganiwszy mu to, iako się godzi, będzie chciał dopomóc królowi je° mci, aby to dziedziczne królestwo swe z ręku zdrayce swego iako narychlei reccuperował. O przyaźni kr. je° m. nie trzeba wątpić; doznał iey hospodar je° m. w przygodach y w sprawach swych rzeczą samą. Jeśli hospodar je° m. także rzeczą samą królowi je° m. wdzięczność pokazać będzie chciał, iako to będąc w państwach kr. je° m. obiecował, wdzięcznie to król je° m. przyąć y wzaiem tęż przyazń zawsse hospodarowi je° m. pokazować będzie raczył.

Na wllasne roskazanie króla je° m.

Къ сему отвѣту приложена королевская восковая печать подъ бумажною кустодіею. На оборотѣ: «13». На отдѣльномъ листкѣ: «9. Писмо Польское за печатью княжества Литовского, отказ королевской Яну Бычинскому».

королевская милость, что и государь его милость самъ такову же обиду і жалость на себѣ відел *(л. — об.)* и терпѣл от ізмѣнника своего Бориса, і не будет хвалиті в том Королюса і похулит ему то, а похочет пособіти королю его милости, чтоб то дѣдичное королевство свое с рукъ ізмѣнника своего вскоре отобрал. Любовь короля его милости непремѣнная, познал ту любовь его государская милость в своих нужах і в дѣлех всяких не словом, но самым совершенным дѣлом. Только так ли похочет государь его милость дѣлом самым королю его милости любовь указаті, какъ обещался в ту пору, коли был в государствах короля его милости, — любовне тоѣ король его милость приимет, а встрѣчю в заем такову же любовь всегда *(л. 41)* приноситі станет государь его милости. С прямым приказом королевским.

Перевод з грамоты Яна Бучинского, что писал іс Польши к розстриге к Гришке Отрепьеву, письмо польское.

Syła[1] my przidzie pysacz w. c. m. tak, yako się sam działo, y barzo mie teszno było, żem nie

Много было мнѣ писати к вашей царской милості то, что ся здѣсь дѣлало, и много о том кручинюсь,

[1] Дѣла о самозванцахъ 1606 г. № 36; было напечатано во II томѣ С. Г. Г. и Д., № 121, стран. 258—263.

śmiał pysać ny przes kogo, bo yako było roskazanie w. c. m. Hromykę posłać, tedy kazałem się my był nagotowacz. Naiaśnieysza panna my powiedziała, że nie może mi bycz gorzey, iako kiedy go odeśliesz, bo rzeczi wszytky u niego, y on wszytko sprawuie, co mu roskaże; y ta prziczyna, żem nie posłał Romyki, za czim nie mogłem pysać według potrzeby asz teras. Naprzód wypysuyę, żem barzo był niewdzięczny przyechaniem swoyem niektórym, a y k. j. m. s tą ynstrucią: bo yescze pyrszey instrukcy, co przes Gaszowskie°, nie ukazano było senatorom, asz kiedy ten goniec przieсhał po gleyt, posłom dopioro w radę czo czinycz; gleytu nie weźmie przes tytułu. Tam senatorowie barzo ukazowali to k. j. m., że to bycz nie miało, żeś nam w. k. m. nie ukazał dawno tey instrukcy; iusz się tak pysze po prostu, iako było, iako mówyli: kiedy ten człowiek w. k. m. za takie dobrodzieistwo tak oddaye, któremeś w. k. m. mógł syła dobrego uczinicz rzeczi pospolitey, wytargować na Borysie wiele, tedy szkoda sobie obiecować czo dobrego po niem. Tu prosy, aby się na Turka z niem złączycz, a tu zaś szuka prziczyn y odpowieda w. k. m. y zażywa takiego tytułu, że się pysze invictissimus, czego żaden kresciańsky pan na świecie nie czinył; kiedy by iescze iemu pysał kto, ale sobie to prziczita, co Bogu

что было мнѣ писать того нѣ с кем. Как приказал был ваша царская милость послать Горемыку, і яз ему велѣл готовитца. И наяснѣйшая панна Горемыки мнѣ от себя посылати не велѣла, потомучто де все у него и что ему прикажет, то все он дѣлает; *(л. — об.)* и того для яз не послал Горемыки. А с ыным ни с кѣмъ писати подлинно не смѣл. А ныне пішу, что добрѣ не любо было нѣкоторым нашим паном приѣздъ моі с тѣм вашим наказом, потому что еще король и первые грамоты вашей, которую Гасевскиі принес, паном-радам не казал. Пригонил гонецъ вашъ на послов ваших по опасную грамоту. И паны-рада думалі, какъ опасная грамота на ваших послов дати — с царским ли титлом или без титла; и гонецъ де, чаю, без титла грамоты не возмет. И досадовали паны-рада на короля: для чего им посямѣста король первые грамоты не показал. И многие паны королю говорили, что вы его королевской милости за его *(л. 42)* великие добродѣтели злым отдаешь; а только б он тебѣ не помогал, і он бы за то много дѣл на Борисе взял. А от тебя ничего доброго не чает: в одной грамоте пишешь, чтоб с тобою случитись і совокупитись против Турского, а в ыной пишешь с отказом и грозячи его королевской милости. А хочешь того, чтоб тебя писал титлом непобедімым цесарем, чево ни един

należy; poganie to czinią, którzi nie znayą wszechmocnośczi Boži, y ten że yey nie zna przed Panem Bogiem y że tak pyszny, tedy pewnie go Bóg za to samo strączi stolice iego; y trzeba to ukazacz wszytkiemu światu, iaky to człowiek, y samey Moskwie poddanym iego, bo nie tak są prosczi, aby nie mieli tego baczycz, czo yem może uczynycz, kiedy nie pamięta na dobrodziestwo k. j. m.,—to ty słowa mówył woyewoda Poznańsky. Potym po mnie posłaly, abym był znowu u k. j. m. priuatym, y byłem, a iusz byli prziechali żołnyrze, co od w. c. m. odiechali, którzy barzo narzykali, powiedali, że mamy pysma ręke iego; przysięgał nam nagrodzicz y odpuśczicz zaras; czo nam zapłacył, tośmy strawyli, bo mieszkaliśmy bes sluszby puł roka, że się to tam zostawyło, co się wzięło; dziś obiecał nam dacz, ofiaruyąc się nam y narodowi naszemu, obiecał po kylka tysięcy, iutro y nie dano, tylko po kylka soboly sroroków, a kylka set złotych. Putał mie k. j. m.: a tosz ty powiedał nam, iako ych odprawiono dobrze, a tu wydzysz, co powiedayą; y pysmo ukazano mi, co pysał ktoś z Moskwy, iedno nie wiem kto, dosyć szpetnie; iam powiedział, że to, com ya powiedał w. k. m., przy tym stoyę y teras, że yem zapłacono: usarzom, co służyli trzi czwierczi, dano ośm po 40 złotych na koń, a czy, co kylkanaśczie

на свете крестьянской государь так не дѣлает; коли б де тебя хто іной писал непобедимым, іно бы то было не діво, а то ты самъ себя так пишешь. А такое слово Богу одному подобает. Поганцы нскрещеные так дѣлают, которые не знают всесильности Божіи. А ты де большое Бога же не знаючи, так ся называешь пред Богом; *(л.—об.)* и по твоей де той великоі спеси і гордости подлинно тебя Богъ сопъхнет с столицы твоей. І надобе то указать всему свѣту і Москвѣ самой какоі ты человѣкъ. А і сами Москвичи о том догадаютца — какой ты человѣкъ и что им хочешь здѣлаті, коли ты не помнишъ добродѣтели короля его милости. А тѣ слова говорил пан воевода Познанской. А потом был я у короля его милости при всѣх, а в тѣ поры приѣхали желныря не от вашей милости, і добрѣ лаяли і сказывали, что они імѣют письмо с подписью руки твоей и целовал им крестъ заплатить за их службу і отпустить опять назад тотчасъ; іно что им заплатил, то оні и проѣли, потомучто жили тамо на Москвѣ *(л. 43)* без службы полгода, и что взяли, то опять тамо і оставили. А обещал ты им, какъ придешь на Москву, назавтрее того дати им покольку тысечь золотых, и ты де имъ того не далъ, а дал только покольку сороков соболей да покольку сот золотых. И король его милость

niedziel służyli, petrovcy, dano iem za pięć czwierczi po 37 złotych; alie kiedy wzięli pieniądze, zarazem ięly adamaszkowe barwy dawacz czeladzi po kylkanaśczie, a przedtym nie miał drugi tylko dwóch, ięly pycz, zabiacz się, y co przepyli, przegrali, to zaś chciely, aby c. j. m. nagradzał; a czi, co byli skromni, wysłużyli, bo yem dawano żiwnoścz, że yą drudzi przedawali. Byłem przy tym, kiedy naszi sami to powiedali przedemnąm, że tu są taczi, co po tysiącu złotych wzięli za żiwnoścz; tych co posądzano, wszak przes Gąsyowskie° dał o tym znacz c. j. m., dla czego się to stało, czy mayą recognycie, a to yem ych car j. m. nie brał, bom to słyszał sam z ust c. j. m., że będą ty czasy, że y czi będą contenczi, co mayą pysma, chocz w Polscze będą, bylem my pannę puszczono; y tak rozumiem, że to wszytko sprawowało, że rozumiał c. j. m., że mu nie mieli panny puśczicz, co się znaczi y z moyey instrukcii, że by był ważył wszytko dla panny; bo stąt to upatruię, bo kiedym yechał, tedy mi c. j. m. się te° powierzył: muszę zatrzymać Polaków, bo nie wiem, iako móy poseł będzie odprawion. Tom ty słowa przed k. j. m. mówył iusz przi Iwanie Besobrazowie dla tego, że iusz prawie wszyscy poczęli tracyć serce do w. c. m.; ludzye rycyrscy mówyli, łaiali: kiedyby miał ten woyowacz, a sławy szukać, nie

спрашивал меня: сказывал де ты мнѣ, что желнырем на Москвѣ поплачено все, а то слышишь, что сказывают? И показал мнѣ король письмо, что нѣкто из нашпх пишет с Москвы, невѣдаю хто, только добрѣ не хорошо. И яз противу того сказал, что я преже того сказывал его королевской милости і ныне говорю тоже прямо, что имъ все поплачено: гусаром, которые служили три четверти году, дано по сороку *(л. — об.)* золотых на один кон; а которые служили с 11 недѣль или больши Пятигорцы, и тѣм дано за 5 четвертеі году по 30 по 7 золотых. И как им то дано, і они, взяв деньги, учали держати по 10 слуг, которой преже того 2 не імѣл, и почали им камчатое платье дѣлати, і стали бражничать і бітися, і то все пропили і зернью проіграли, и хотѣли опять на вашей царской милости взяти. А которые были смирны, тѣ выслужили, потомучто давано им корму много, і они не могли его сами переѣсти, аже то продавали; и видел то яз самъ і слышел, что взяли иные паны за кормъ по 1000 золотых. А у которых ныне письмо ваше царское, і яз про то сказал, что ваша царская милость *(л. 44)* того своего письма у них не імал; а слышел яз то не одинова из ваших устъ, что і тѣ обогатятца, которые письмо твое імѣют, хотя ныне і в Польше, только б вам панну пустили, инѣчто

tak by szanował człowieka rycyrskie°; na to się powiedało, że dobrych szanował, a to, co dał Wyrzbyckiemu, Dworzickiemu, Słońskiemu, mnie? Nie może się te° w. c. m. tak wypysać, co się sam robyło; tom yem ukazał, iako w. c. m. państwo zatrzimał tak prętko, co się boyą y myłuią barzo. Kiedym prosył c. j. m. o Szuyskych, aby ych nie wypuszczał, ukazuiąc niebespieczeństwo, także Hodónów, tedy mi na to tak odpowiedział c. j. m.: naprzodem to Bogu obiecał strzedz się, abym nie był wynien krwie, y czyny temu dosyć c. j. m.; potym, kiedym nie mógł te° uprosyć u c. j. m., powiedział mi: a wiesz, co iusz mi przidzie s tobą mówić o tym; y ty słowa byli, które mówył c. j. m.: nie miałem, tylko dwa sposoby do zatrzimania państwa[1]; ieden sposób uciecz się ad tyranydem, drugy ważycz taky koszt, iakym ważył; bo mi powiedział c. j. m., że pułosma myliona rosdał, iako na państwie usiadł; wolał tem sposobem yscz, nysz się ucziecz ad tyranidem; y co komu yescze za sławney pamięczi oyca c. j. m. wzięto, niezapłacono, wszytko zapłacyć kazał, wracać wszytkiym; ludzyom zaś zasłużonym, kto miał dziesięć rubly pożałowania, dano dwadzieścia, kto tysiąc, dwa dano; y tak mię odprawył o tych Szuyskych, że ya

будет того для ваша царская милость не все иным заплатил, что панны не выпустят. А которые желнырі ещо на Москвѣ задержаны, и то мнѣ ваша царская милость сказал, что они задержаны потому, что не вѣдаешь какъ твой посол і с чѣм его отпустят. Тѣ слова яз мовил королю его милости, а слышел то Иван Безобразов. А многие были стали служилые люди лаяти: хочет де воевать і славен быти, а рыцерских людей не жалует, и яз и то сказал, сколько вы дали Дербітцкому, Дворитцкому, *(л. —об.)* Слонскому і мнѣ. И не могу того всего выписати, что яз здѣся дѣлал. Да и то яз имъ сказал, какъ ваша царская милость государство свое удержал вскоре, и ныне уже боятца і добрѣ тебя любят. Да і то яз королю сказал: коли яз бил челом вашей царской милости о Шуйских, чтоб их не выпущал і не высвобожал, потому: какъ их выпустит, і от них будет страх, также і Годуновых, и вы мнѣ то отказали, что наперед всего Богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной крестьянской крови не пролилося, і дѣлаешь так по своему обѣту; і не умѣл яз того у вас умолити и сказал мнѣ ваша царская милость, что у тебя 2 обрасцы были, которыми б царства удержати: *(л. 45)* един образец быть мучителем, а

---

[1] Послѣ **państwa** было написано: **albo**, затѣмъ перечеркнуто.

mocno Bogu moyemu ufam, że iako mię On na ręce Swe z młodośczi mey wziął, do końca w opatrznośczi Swoyey Boskiey mię chowacz będzie. Co dalibóg w. c. m. ustnie powiem; mnie iako się o to starali y starać będą, abym był zeplowany u w. c. m., czego się ya nie boyę; bo kiedy ya będę cnotliwy, nie boię się nygdy, bo cnota na swym mieyscu zostanie; mnie się sam syła niedobrze działo, bo onym lyście, co przes Romykę pysałem do w. c. m., na którem był napys taiemny lyst, sam wiedzieli, y słowa własne w niem, czemu mi dziwno, bo chocz mało w. c. m. należy na moych szluszbach niegodnych, y mnie myło dla w. c. m. wszytko czyrpieć, alie może bycz co więtsze°; a to, co bycz ma w pokoiu w. c. m., tylko Bóg ma wiedziecz. A sam tak mi mówiono, że Gursky, co pysuie lysti c. j. m., czytał ten lyst c. j. m.; zaś mi tysz dawano znacz, żem mówył s kiem sam w Polscze to, że w. c. m. będziesz niedługo królem naszem, iakom y w tym postąpył, bo rozumiem, kto to powiedział; tak się domiśliwam, bodai nie ten, co lysti sobie zmyśla od w. c. m.; y trzeba będzie w. c. m. ńań mieć barzo oko, ieśli że będzie miał audiencią u w. c. m., albo mu yey nie dawać, bo podobno będzye szpiegiem. Zaciągnąłem sam kupca s klynoty za lystem w. c. m. y naiaśnieyszy pannie wziąłem u tego kupca kly-

другой образец не жалѣть харчу великого, всѣх жаловать. Да и так уже ваша царская милость роздал, какъ сѣл на царство, пол осма милеона, а милеон один по руски тысеча тысечей рублев. I всѣх лутче тот образец, что жаловать, а нежели мучительством быти. У кого при отцѣ вашем блаженные памяти взято і не отдано денег, то все отдати и платити велѣл всяким людем. А опять служивым, которой имѣл 10 рублев жалованья, і тому велѣл дати 20 рублев; а кто тысечю, тому двѣ дано. Ітак мнѣ вы отказал о Шуйских і говорил, что на Бога крѣпко уповаешь, какъ Он тебя сначала на руки своі взял с молодости, так і до конца *(л.—об.)* в своем береженье Божеском станет тебя беречи. А как дастъ ми Богъ здорово приѣхаті, самъ все своими усты скажу вашей царскоі милости. А мнѣ здѣ многие завідуют, что ты меня жалуешь, і промышляют і вперед промышлять хотят, чтоб меня ваша царская милость не жаловал; і яз того не боюся, коли яз самъ буду добръ и вѣрен, потомучто вѣрность на своем мѣсте останет. А которой листъ яз писал вашей царской милости з Горемыкою о тайных дѣлех, и про тот листъ здѣсь довѣдалися і то вѣдают, что в нем писано; и тому яз дивлюся добрѣ потому, хотя не великие дѣла в том листѣ писаны, а вынесены іс твоей думы. А вне-

notów, czo roskazała; co się byli kupcy drudzy obiecali iechacz, skoro czi żołnyrze przjiechali, nie chcą iechacz, zlękli się, kiedy usłyszeli, co mówią żołnyrze, a tysz teras sam barzo ubodzi kupcy, bo znaku towaru nie mayą; roskupiono wszytko na wesele k. j. m. Kiedy Borsza przyechał, zaras przyszedł do mnie y płakał, mówiąc, że własne° me° zasłużonego zostało mi kylka set złotych, y zatrzymałem go y kazałem mu, aby iechał z naiaśnieyszą panną; powiedał mi, co Hrypunow mówył z niem, jadąc do Smolyńska; upewnył go pyrwey, aby mu przysiągł Borsza, a on tysz iemu przysiągł, żeby się siebie nie strzegli, y powiedział mu, że to iusz tego doszły pewnie w Moskwie, nie iest własny car, y uyzrysz, co się będzie działo w Moskwie niedługo z niem, y naywięcyem go zaciagnął dla tego Borsze, że poyedzie zaś do Moskwy.

Внизу грамоты почеркомъ XVII в.: «пишет ис Польши Ян Бычинскій к розстриге». *На отдѣльномъ листкѣ:* «Грамота Яна Бычинского к ростриге».

ред только писати о больших *(л. 46)* дѣлех, іно также будут выносити. И то не пригоже: что дѣлаетца в комнате у тебя, і то все выносят. А мнѣ так сказывали, что Горскиі, которой пишет грамоты вашей царской милости, чел ту мою грамоту. Іно на удачю не он ли то от вашей царской милости вынес? Да і то здѣся вѣдают, что яз говорил с тобою, что будешъ ваша царская милость королем Польским. І вперед надобе его беречися. — Взял яз здѣсь с собою купца с клеіноты золотымі, по твоему царскому письму і по приказу наяснѣйшей панны, і взял яз у того купца клейнотов золотых; а другие купцы обещались было ѣхати, і как желнырі от вас приѣхали, и купцы не хотѣли ѣхати, убоялися того, что желныри от вашей *(л. — об.)* царской милости говорили. А ныне здѣсь купцы не имѣют никакого товару, все на свадьбу королевскую роскупили. — Какъ Борша приѣхал, тотчасъ ко мнѣ пришол и плакал, сказуючи, что самого его прямого заслужоного застало сколько сот золотых; і яз при собѣ его удержал і велѣл ему ѣхати с наяснѣйшею панною. Да сказывал мнѣ он, что Хрипунов говорил, с ним ѣдучи до Смоленска, чтоб им меж себя крестъ целовати на томъ, что ему скажет, и ему того не пронести. І он ему крестъ поцеловал. И Хрипунов сказал ему то, что

уже подлинно провѣдали на Москвѣ, что он не есть прямой царь; а увидишь, что ему здѣлают вскоре. I больши *(л. 47)* всего для того яз его взял к Москве. И будет Борша с нами до Москвы.

Да сказывали в розпросе Станислав да Ян Бучинские, которые жили в верху у тайные думы і у всяких у тайныхъ дѣл его.

Канун де того дни в пятницу маия въ 16-й день, какъ того розстригу убили, говорил тот розстрига наодінѣ со князем Костянтином Вишневетцким, а они были тутоже: время де мнѣ своим дѣлом промышляти, чтоб государство свое утвердіти і вѣра костела римского розпространити; а начальное де дѣло *(л. — об.)* то, что бояр побити, а не побить деи бояр, і мнѣ де самому от них быть убіту; а только де побью бояр, і яз де что хочю, то учиню.

И Вишневетцкой і они Бучинские молыли: да только ему побити бояр, і за них землею станут.

И розстрига де Гришка молыл: то де уже у меня умышлено тѣмъ обычаем: велѣл де я вывести за город наряд весь будто для потѣхи, і в сю де недѣлю маия въ 18-й день велѣл туто выехати за город будто стрельбы смотриті воеводе, и сыну его старосте Сенатцкому, и Тарлом, и Стаднитцким, и ротмистру Доморатцкому, і с ним всѣм Поляком и Литвѣ в збруе во всей и с оружіем. И как яз *(л. 48)* выеду на стрельбу, а за мною будут бояре всѣ і дворяне. И какъ учнут из наряду стреляти, и в ту пору Поляком всѣм ударити на бояр и дворян и их побивати. А то де есми указал же кому на ково на бояр приѣхати и убити: князя Федора де Мстисловского убити Михаилу Ратомскому, а Шуйскихъ Тарлу да Стаднитцким, а про иных бояр также приказано кому ково убити; а убити де велѣлъ есми бояр, которые здѣся владѣют, 20 человѣкъ. И как де тѣхъ побью, и во всем будет моя воля.

И они де Бучинские молыли: Московское государство великое, станут за бояр всѣм государством, и Поляков и Литву всѣх самих побьют.

(л.—об.) И розстрига Гришка говорил: Поляки де и Литва выедут всѣ вооружены, да и извычей де у меня тот уже уложен, что на потѣхи со мною часто выезжают роты вооружены, урядяся как

на битву. Был де есми на Вяземе, и со мною де был ротмистръ Доморатцкий со всею ротою во всей ратной збруе, да и здеся ко мнѣ часто приезживали, урядяся какъ на битву; и то де будет уже никому не примѣтно, что выедут ныне со мною Поляки и Литва в збруе. А бояре де і дворяне ѣздят за мною простым обычаем, и им де без оружія что учинити? А как де тѣхъ бояр побьют, и достальные де всѣ устрашатца, ещо де іные на них же придут.

(л. 49) И они де Бучинские молыли: великое то дѣло надобе начати да и совершити; а только не совершитца, ино самим нам будет худо.

И розстрига де Гришка говорил: вѣрьте де мнѣ однолично, что то совершитца, яз де уже такие статьи видел. Сего де году в великой постъ поговорили про меня немногие стрельцы, что я вѣру их разоряю. И мнѣ де тотчасъ сказали, и яз тѣх стрельцов велѣл сыскати и приказал быти на дворецъ всѣх приказов стрельцом; и тѣх, которые говорили, туто же велѣл привести. И учал де есми вину их і измѣну всѣм стрельцом сказывати, а у меня де уже говорено з Григорьем с Микулиным, какъ ему *(л. — об.)* туто говорити и что над тѣми стрельцы учинити. И как де измѣну их объявили, и Григорей де учал говорити: освободи де государь мнѣ; я у тѣх твоих государевых ізмѣнников не только, что головы поскусаю, и черева із них своими зубами повытаскаю. Да мигнул де на них Григорей стрельцом. И стрельцы де, блюдясь от меня, тѣхъ моих измѣнников в мегновении ока изсѣкли на малые часті; мало де сами не пересѣклися, секучи их. А то де также, чаю, будет: на ково де только укажу, что ізмѣнник мой, і тот де уже не пробудет, всѣ де, от меня блюдясь, дѣлают, что велю.

(л. 50) И они де Бучинские молыли: таких ты бояр велишъ побити, да кому у тебя в государстве уряжати і кому в приказех быти?

И Гришка де розстрига говорил: то де уже у меня умышлено, ныне де у меня здѣся готовы: воевода Сендомирской, и староста Сенатцкой, да ты Вишневетцкой, да Тарлы, да Стаднитцкие, да вы Бучинские, и иные ваши приятели; а по иных де по Поляков и по Литву пошлю. И мнѣ де уже будет надежно, и государство мое будет без опасенья, і в римскую де вѣру вскоре всѣх приведу. А то де я уже здѣся видел: хотя ково безвинно велю убити, *(л. — об.)* а нихто ни за ково і слова не молыт.

И они де Бучинские говорили: слышели есмя здѣся у многих, что за вѣру здѣся и такъ нас не любят; а только стати не волею приводити, і за то станут всѣ народом.

И розстрига Гришка говорил: видели де есте сами, что здѣся дѣлаетца: нароком де есми приказал Поляком и всяких розных вѣр людем ходити здѣся в большую их церковь и по всѣмъ их церквам въ саблях; и как хто ходит, и они де кабы сперва поговаривали меж себя тайно, а ныне де уже то ни за што. І яз де велѣл Поляком носити кресты у поясов и ниже гораздо пояса і назаді, *(л. 51)* а они де тому кланяютца и в церкви де такъ ходили, и за то де нихто никаков человѣкъ никакова слова не молвил. — А как де я венчался, и у меня де в ту пору большое опасенье было, потому что по ихъ крестьянскому закону первое крестив да тоже ввести в церковь; а не крестив, никому іных вѣр в церковь не входити. И яз де нарочно велѣл быти в ту пору в церковь люторем, и кольвинцом, и евангиликом, и иных всяких вѣр людем, и они де в церкви были, и слышел де есми, что и образом ихъ ругалися і смеялися, и в церкви іные сидѣли в обѣдню, а иные спали, на образы приклонясь; і за то де никаков человѣкъ не смѣл слова молвити. А больши де *(л.—об.)* есми всего боялся, что цесарева моя римские вѣры, и нѣчто митрополиты, і архиепискупы, і епискупы упрямятца не благословят, и миром не помажут, и во многолѣтье не станут поминати. И как де есми вшол венчатися в церковь, и яз де что хотѣл, то і дѣлал; все де дѣлалося по моему хотѣнью и воле. А которые де митрополиты, і архиепискупы, і епискупы и протопопы учали были преже сего о том поговаривали, и яз де их порозослал. И ныне де никаков человѣкъ не смѣет слова молвить и во всемъ волю мою творят.

И говорил де туто розстрига Гришка с *(л. 52)* клятвою, что однолично в недѣлю маия въ 18 день на стрельбѣ бояр Мстисловского, і Шуйских, и иных бояр, і дворян лутчих, и детей боярских, и голов, і сотников, и стрельцов и черных людей, которые за них любо станут, побити всѣх; а совершив то, тотчас велю костелы римские ставити, а в церквах руских пѣти не велю. І то де все совершу, на чом де есми присягал папе, і кардиналом, і арцыбіскупом, і бискупом, и как де есми воеводе под клятвою в письмѣ своем написал. — Да и Вишневетцкому де приказал, чтоб к недѣле со всѣми своими людмі был готов и промышлял бы не оплошно.

(л. — об.) А посланником, которых приговорил государь послаті в Литву, пожаловал государь велѣл даті на подмогу для Литовские посылки: князю Григорью Волконскому 300 рублев, а Ондрѣю Ива-

нову дано при розстриге для тоѣ же посылки 250 рублев. А в Посольском приказе то велѣл государь записати имянно, что вперед тоѣ подмоги на примѣръ не выписывати для того, что князю Григорью дано для бѣдности, а Ондрѣю тѣ деньги даны давно при розстриге і тѣ уже он деньги иссорил.

(л. 53) А се вѣрющая грамота от государя к Жигимонту королю Польскому с посланником со князем Григорьем Костянтиновичем Волконским да з діаком с Ондрѣем Ивановым.

Милосердия раді милости Бога нашего, в них же посети нас востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь мирен, Сего убо Бога нашего, в Троицы славимаго, милостию от в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., Владімерского, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, царя Сибирского, государя Псковскаго, и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорского, *(л. — об.)* Пермского, Вятцкого, Болгарского і иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сѣверные страны повелителя, и государя Иверские земли Карталинскихъ и Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей, и иных многихъ государствъ государя і облаадателя, Божиею милостию, великому государю Жигимонту Третьему, королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитцкому, Мазовецкому и иныхъ. Послали есмя к тебѣ, к великому государю *(л. 54)* Жигимонту королю, посланников своихъ дворянина і намѣстника Елатомского князя Григорья Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова государство наше обестити и о иных о великих дѣлехъ говорити. И что от нас, великого государя, учнут тебѣ посланники наши говорити, и ты б имъ вѣрил; то есть наши рѣчи. Писана в государствия нашего дворѣ в царствующем граде Москвѣ лѣта от создания миру 7114-го июня мѣсяца.

А писана на листѣ. Кайма верхняя, и начальное слово, и государево имя по Владимерского все писано золотом; сторонние *(л. — об.)* деревца не писаны. На низу грамоты печать на зашивке с кустодією большая.

А государевъ ц. і в. к. Василья Ивановича в. Р. наказ князю Григорью Волконскому да дьяку Ондрѣю Іванову дан таков.

Лѣта 7114-го июня в 8-й день в. г. ц. і в. к. Василей Иванович, в. Р. с., велѣлъ дворянину і намѣстнику Елатомскому князю Григорью Костянтиновичю Волконскому да дьяку Ондрѣю Иванову ѣхаті для своего государева дѣла в Литву к Жигимонту королю *(л. 55)*

в посланникех. И князю Григорью и дьяку Ондрѣю, приѣхав в Смоленескъ, говорити боярину и воеводам князю Івану Семеновичю Куракину с товарыщи, чтоб они тотчас обослалися с старостою Оршанским с Ондрѣемъ Сопѣгою, что в. г. ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., послал к Жигимонту королю посланников своих дворянина и намѣстника Елатомского князя Григорья Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова, и оп в Смоленескъ пришол, а на рубеже будет часа того. И Оршанской бы староста прислал на рубеж пристава, и кормъ і подводы по прежнему *(л. — об.)* обычею. А сколько с ними будет людей и лошадеі, о том бы боярин и воеводы князь Иван Семеновичь к Оршанскому старосте отписал имянно против того же, какъ наперед ихъ приѣзду об них в Оршу писано. А самим князю Григорью и діяку Ондрѣю побыти в Смоленску, подождати отписки із Орши, какъ им велят быти на рубеже к Орше. И будет із Орши отпишет староста Оршанской, чтоб они из Смоленска за рубеж к Орше не ходіли, покамѣста к нему от короля указ будет, а ждали б от него письма, какъ им итти за рубежъ, — и князю Григорью Костянтиновичю и дьяку Ондрѣю из Смоленска не ходіти, да о том отписати ко г. ц. і в. к. *(л. 56)* Василію Ивановичю в. Р. А будет Оршанской староста отпишет в Смоленескъ, чтоб оні шли в Оршу, а пристав им на рубежѣ готов, и князю Григорью и дьяку Ондрѣю из Смоленска ѣхати за рубеж не мешкая, а взяти с собою у боярина и воевод у князя Ивана Семеновича Куракина с товарыщи для провожанья детей боярских попрежнему, сколько с ними пошлют; а писано о том от г. ц. і в. к. Василья Ивановича в. Р. в Смоленескъ к боярину и воеводамъ. И какъ они придут на рубеж, а пристав будет и подводы и кормъ на рубежѣ изготовлены, и князю Григорью и дьяку Ондрѣю поити за рубеж к Орше. А будет *(л. — об.)* пристава и корму і подвод на рубежѣ не будет, и князю Григорью и діяку Ондрѣю послати от себя в Оршу к Оршанскому старосте к Ондрѣю Сопѣге сына боярского смольнянина или земца, ково пригоже, которые посланы будут для провожанья, что они на рубеж пришли і с рубежа ідут к Орше, и Оршанской бы староста прислал к нимъ встрѣчю пристава и кормъ і подводы по прежнему обычею; а самим итти за рубеж к Орше і без пристава. А будет корму и подвод не пришлют, а приѣдет один пристав, а велит имъ ѣхать за рубеж к Орше, а про кормъ и про подводы скажет, что будет имъ кормъ и подводы в Орше, — *(л. 57)* и им ѣхати к Орше на своих подводах; а приставу выговорити имянно, что Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга то дѣлает

не попригожю, мимо прежней обычай: которые Литовские послы и посланники і гонцы прихаживали к великим государем нашим к Москве, и тѣмъ послом и посланником и гонцом по повелѣнью великих государей наших Смоленские воеводы и намѣстники присылывали приставов и кормы и подводы на рубеж. А какъ придут князь Григорей и дьякъ Ондрѣй в Оршу, и имъ говорити Ондрѣю Сопѣге про то потому ж; да много о том не говорити.

А Смоленские подводы, пришед в Оршу, отпустити в Смоленескъ; а самим приказывати *(л. — об.)* к Оршанскому старосте к Ондрѣю, чтоб ихъ отпустил х королю не мешкая. Да будет их із Орши староста вскоре отпустити не похочет, и князю Григорью и Ондрѣю приказывати к Оршанскому старосте, что посланы они от в. г. ц. в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., для великих дѣл наскоро, и их бы не издержали, отпустили к Жигимонту королю. А как князь Григорей и Ондрѣй приѣдут на рубеж и в Оршу, и какъ із Орши отпустят по прежнему обычею, и что каких вестей провѣдают, и князю Григорью и Ондрѣю о томъ отписати к г. ц. і в. к. Василью Ивановичю в. Р. с провожатымі. *(л. 58)* Да как имъ подводы и пристава дадут в Орше, и имъ тотчас із Орши ѣхати прямо х королю, гдѣ будет король. А нѣчто учнут ему говорити приставы, что король отъѣхал в дальние мѣста, и они б ѣхали к паном-радам в Вильну, и грамоту отдали паном, — и князю Григорью Костянтиновичю да дьяку Ондрѣю говорити: в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., послал их к Жигимонту королю, а не к паном-радам, і вы проводіте нас до короля, гдѣ будетъ король; да о том стояти накрепко, чтоб их вели х королю, а не к паном. А будет в дороге учнут имъ кормъ давати худ, и князю Григорью *(л. — об.)* и дьяку Ондрѣю, каков кормъ дадут, таков и имати; а о том говорити приставом: которые послы и посланники і гонцы прихаживали к великим государем нашим, и государи наши тѣх послов и посланников и гонцов жаловали, кормы велѣли давати великие, и им бы кормъ давали также доволен.

А будет князя Григорья и дьяка Ондрѣя приведут в Вильну да учнут говорити, чтоб они шли к паном-радам, и рѣчи говорили, и грамоты отдали паном, — и князю Григорью и Ондрѣю к паном не ходіти, и грамоты вѣрющие не давати, и речей паном никакъ не говорити; а говорити: то дѣло *(л. 59)* непригожее, чего не бывало николи, и ныне тому сстатися не мочно.

А будет скажут князю Григорью и Ондрѣю, что король велѣл им быти у себя, и как они придут в полату, а тут будет паны-

рада, а короля не будет, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю, вшед в полату, паном поклонитися от себя, а молыти: посылали есте по нас и что вамъ до нас дѣло? И будет учнут говорити, чтоб им отдали грамоту вѣрющую и рѣчи говорили, а короля скажют в дальних мѣстехъ, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю говорити: присланы есмя от в. г. своего ц. і в. к. Василья *(л. — об.)* Ивановича, в. Р. с., к Жигимонту королю, и намъ вамъ грамоты вѣрющие мимо Жигимонта короля давать и речей говорити непригоже, а велѣли б есте нас вести х королю. И ѣхати на подворье. — А будет приведут князя Григорья и дьяка Ондрѣя, гдѣ король будет, и пришлет к нимъ король на подворье своего которого чиновного человѣка моршалка или писаря, и велит у них просити грамоты вѣрющие и и про речи выпросити, что с ними х королю наказано, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю говорити, чтоб имъ король велѣл быти у себя по прежним обычаем, и они тогды от в. г. ц. і в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., *(л. 60)* королю грамоту вѣрющую подадут и рѣчь учнут говорити королю; а мимо им короля грамоты вѣрющие давати и рѣчи говорити нельзя.

И будет Жигимонтъ король велит имъ быти у себя на посольстве, и князю Григорью і Ондрѣю х королю итти; а о том приставом молыти, чтоб в то время, какъ имъ быти у короля, иных государей послы и посланники не были. А пришед х королю, правити от г. ц. і в. к. Василья Ивановича в. Р. поклон. А молыти князю Григорью: Бога в Троице славимаго милостию, великий *(л. — об.)* г. ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., Владімерский, Московскиі, Новгородцкиі, царь Казанскиі, царь Астараханскіи, царь Сибирский, государь Псковский, и великиі князь Смоленский, Тверскиі, Югорскиі, Пермскиі, Вятцкий, Болгарскиі и иных, государь и великиі князь Новагорода Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскій, Ярославскиі, Белоозерскиі, Удорскиі, Обдорскиі, Кондинскій, и всея Сѣверные страны повелитель, и государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей, і Кабардинские земли Черкаских и Горскихъ князей, и иных многих государствъ государь і облаадатель, тебѣ, великому *(л. 61)* государю Жигимонту Третьему, Божиею милостию, королю Польскому, и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитцкому, Мазоветцкому і иных велѣл поклонитися. — Да подати грамота вѣрющая; а грамоту вѣрющую вести перед посланники подъячему, а, х королю пришед в полату, грамоту взяти діяку Ондрѣю, а у Ондрѣя взяти князю Григорью, и подати королю.

А после того говорити рѣчь князю Григорью: Божиею милостию, в. г. ц. і в. к. Василей Ивановичь, *(л.—об.)* в. Р. с., и многих государствъ государь і облаадатель, тебѣ, великому государю Жигимонту Третьему, Божиею милостию, королю Польскому і великому князю Литовскому, велѣл говорити. Божиим праведным судом, а за грѣх всего православного хрестьянства, страдникъ[1], вѣдомой вор, еретикъ, чернецъ розстрига Гришка Богданов сынъ Отрепьев, отступя от Бога і збежав в ваше государство, по совѣту діяволю назвался в. г ц. і в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., сыном царевичем Дмитреем Углетцким. І вы, Жигимонтъ король, и паны-рада, преступив свое крестное целованье, *(л. 62)* и поруша мирное постановенье, и хотячи Московское государство в разоренье відети[2] и кроворозлитье всчати, тому вору повѣрили и, не сыскав і не розпрося про того вора, людьми и казною і всякими мѣрами на разорение Московского государства ему помогали. А про царевича Дмитрея всѣм ізвѣстно, что он убит на Углече, по Борисову велѣнью Годунова, въ 99-м году при ц. і в. к. Федоре Ивановиче, в. Р. с., и к вам о томъ приказывал в том же году с посланником з Данилом Ислѣньевым. И какъ бояре свѣдали про того богоотступника, что он в Литвѣ и ты, король, і паны-рада, простираяся на крестьянское кроворозлитье *(л.—об.)* и на разорение істинные нашие православные крестьянские вѣры, не розпрося і не сыскав про него подлинно, называючи его прямым царевичем Дмитреем, и бояре послали к паном-раде к Польским и Литовским в посланцех Смирного Отрепьева, а тот Смирной тому богоотступнику еретику родной дядя, отцу его Богдану родной брат; и к паном-раде бояре о том приказывали, чтоб они тому вору не вѣрили и велѣли б дядю его поставити с тѣмъ его племянником, которой называетца царевичем Дмитреем с очей на очи, и он его воровство объявитъ. И Смирной о том, будучи у панов-рад, говорил, чтоб его поставили с тѣмъ вором с очей *(л. 63)* на очи; и паны-рада того вора с родным его дядею с очей на очи не поставили, а отказали Смирному, что они тому вору ничѣмъ не вспомогают і за него не стоят. А отпустя Смирного, учал ты, Жигимонтъ король, и паны-рада тому богоотступнику еретику на разорение Росийского царствия больши прежнего помогати, хотячи істинную нашу православную крестьянскую вѣру порушити; и умысля, послали с тѣмъ вором на пограничные на Сѣверские мѣста радного пана Сендомирского воеводу Юрья Мнишка да Острянского старосту Михаила Ратомского и иных панов со многими с Поль-

[1] Въ польскомъ текстѣ: zrayca.

[2] Въ польскомъ текстѣ: przywieść.

скими і с Литовскими людьми. И как тот богоотступник, і Сендомирской *(л. — об.)* воевода и Михайло Ратомской пришли в нашу землю на Сѣверу, і учал Юрьи Мнишек прелыщати и устращивати тутошних севрюков[1] вашим королевским именем, называючи его прямым царевичем; и сказывати учали неправедно, что король и паны-рада про него сыскали подлинно, и стояти за него хотят всею Польшею и Литвою, и учали писати листы многие с тѣм своим злым умыслом, и велѣли метати по всѣм украинным мѣстом и по дорогам. И на Сѣвере мужики севрюки, люди простые, забыв Бога і душу свою повѣря Сендомирскому воеводе Юрью Мнишку с товарыщи, что они паны радные, і учали приставати к тому вору. И бояре и *(л. 64)* воеводы ізо многих городов и ис полков про царевичеву про Дмитрееву смерть, і про того вора писали многижда къ Сендомирскому воеводе къ Юрью Мнишку, и к ротмистром, и к Черкасом, и к атаманом о всем подлинно, чтоб они тому богоотступнику, еретику, розстриге не вѣрили, и крестного целованья не преступали, и мирново постановенья не нарушивали, и крови крестьянские не проливали. И Сендомирской воевода Юрьи Мнишек с товарыщи тому всему не повѣрили и многие крови хрестьянские пролили.

Діяку Ондрѣю Иванову говорити. Божиею милостию, в. г. ц. і в. к. *(л. — об.)* Василей Ивановичъ, в. Р. с., и многих государствъ государь и облаадатель, велѣлъ тебѣ, великому государю Жигимонту, королю Польскому і великому князю Литовскому, говорити: и царь Борис посылал для того нарочно к вам Жигимонту королю посланника своего Посника Огарева, и с ним в грамоте своей к вам Жигимонту королю писал, и рѣчью велѣл говорити, что царевича Дмитрея не стало и лежит на Углече, и которые духовные люді і бояре на погребанье были, и какъ тот вор чернецъ Гришка Отрепьев діявольским ученьем збежал із монастыря, і розстригся, и призыванием нечистых духов такое злое *(л. 65)* дѣло замыслил, назвался царевичем Дмитреем. Да и о том царь Борис к вам Жигимонту королю с Посником приказывал: держати ли тебѣ вперед перемирье? И вы, Жигимонтъ король, и паны-рада перед посланником во всем в том запиралися, а говорили, что тому вору не помогаете ничѣмъ, и мирново постановенья не нарушиваете, и вперед держаті хотите; а тот де вор ушол у вас на Волынь, а хто будет ему ис Польши і из Литвы помогати, і тѣхъ хотѣли казниті. И отпустя от себя посланника, больши прежнего учали тому вору всякимі мѣрами

[1] Въ польскомъ текстѣ: poddanych.

вспомогати, ис Польских и из Литовскихъ із всѣх пограничных мѣстъ в Московское государство безпрестани и державцы *(л.—об.)* присылали листы, называя того вора прямым царевичем Дмитреем, хотячи того, чтоб Московское государство в ссору і в разоренье до конца привести и истинная наша православная хрестьянская вѣра порушити, и на Дон к казаком посылали от себя Поляка Счастного Свирского с тѣми же неподобнымі речьми. И святѣіший Іев патриархъ Московскій и всея Русиі, и митрополиты, и архиепискупы, і епискупы и весь освященный собор, видя то, что діявольским совѣтом кровь хрестьянская проливаетца через крестное целованье, посылали к навышшей раде коруны Польские и великого княжества Литовского к арцыбіскупом, і бискупом и ко всему духовному чину з грамотами *(л. 66)* посланника Ондрѣя Бунакова; а грамоты послали за своими печатьми. А писали к ним о том воре о еретикѣ о Гришке Отрепьеве с свидѣтельством, обличая того вора, что он прямой вор, богоотступник, еретик, чернецъ розстрига Гришка Богданов сынъ Отрепьев: Иев патриархъ, и всѣ митрополиты, і архиепискупы і епискупы сами его знали и в діяконы его Іев патриархъ ставил; и после того он объявился въ еретичестве, и был при всѣх на соборе, і осужен был на смерть в заточенье, і, убежав от смерти, діявольским совѣтомъ розстригся, и назвался царевичем Дмитреемъ. И про царевичеву Дмитрееву смерть также с свидѣтельством писали, чтоб вы, Жигимонтъ *(л. — об.)* король, и паны-рада тому вору не вѣрили и кровi крестьянские не проливали через крестное целованье. И вы, Жигимонтъ король, и паны-рада тому всему не повѣрили, и тово гонца у себя задержали, и то все поставили ни во што, хотячи істинная наша православная крестьянская вѣра і все Росийское царство въ разоренье учинити. И тот богоотступникъ, еретикъ, розстрига Гришка Отрепьев, діявольским ученьем и вспоможеньем вас, Жигимонта короля, і панов-рад, в Московском царстве многую смуту і разоренье учинил, церкви Божиі осквернил, и многих православных крестьян, которые ево знали, и злодѣіство его вѣдали і обличали, ноипачеже *(л. 67)* от духовного чину, і иноков многих, побарающих о вѣре, премучил і в заточенье отослал. И прелестью бесовскою і злыми мечтами своими тот богоотступник и царского венца коснуся, і понял был за себя ис Польского королевства, по вашему же королевскому велѣнью и панов-рад, воеводы Сендомирского дочь, и с Сендомирским воеводою, і с старостою Сенатцким[1], и с Стаднитцкимі, и с хоружим

[1] Въ польскомъ текстѣ: Sanockim.

Перемышльским, и с Тарлом Жигимонтом, и со князем Костянтином Вишневетцким, и с ыными паны Польских и Литовских людей многих к Москве привел; а от вас, Жигимонта короля, присланы к тому вору к розстриге к Гришке Отрепьеву, а сказалися послы на веселье, *(л. — об.)* воеводы же Сендомирского приятель, Миколай Олеснитцкой, каштелян Малогоскиі, да секретарь и дворянин вашъ королевской Александро Гасевскиі. И пришед к Москве, Сендомирской воевода с своими приятели, по совѣту с тѣм воромъ с розстригою з Гришкою с Отрепьевым, церкви Божиі, святые иконы обругали, і православным крестьяном Росийского царствия многое насильство и кроворозлитье учинили. Послѣдний же его богоотступника злый совѣт с Сендомирским воеводою, і с Вишневетцким, и с Стаднитцкими и со всѣми с Польскими і с Литовскими людьми, которых они привели на разорение Московского государства: хотѣли на Москвѣ митрополитов, і архиепископов, *(л. 68)* і епископов, и бояр, і дворян, и приказных людей, и гостей і всяких лутчих служилых і жилетцких людей Росийского царствия побити и престолы в Божиях церквах разорити. И тот богоотступник, еретик, розстрига Гришка і с своими совѣтники за свои злые дѣла от Бога месть принял, злѣ[1] живот свой скончал. А которые Польские и Литовские люді пришли к нему на разоренье Московского государства, и тѣхъ Польских и Литовских людей за их неистерпимые грубости і насильства, что они в Московском государстве кровь крестьянскую, по наученью і по совѣту того вора, безпрестани проливали и многие насильства людем чинили, хотѣли всѣхъ побити.— И всещедраго в Троице *(л. — об.)* славимаго Бога нашего милостию, и по степени прародітелей наших великих государей царей Росийскихъ от великого князя Рюрика, іже от колѣна Августа кесаря Римского, и от великого князя Владімера Святославича Киевского и всеа Русиі, просветившего Рускую землю святым крещением, и от великого достохвального великого князя Александра Ярославича, иже многие побѣды на всѣх вразехъ своих показавшаго, от него же великого государя прародители на Суздальское княжение разделишася, яко же обычай в Росийском государстве великих государей меншим братьям на удѣлы садитись, и за прошением и молением митрополитов, і архиепискупов, и епискупов и всего освященного *(л. 69)* вселенского собора, і за челобитьем царей и царевичей и многих государских детей розных государствъ, которые под нашею царскою рукою намъ ныне служат, и бояр наших, и окольничих, и воевод,

[1] Въ польскомъ текстѣ: śmierć przyiął złą.

и дворян, и детей боярских, і всяких служилых людей, и всѣх городов Московского государства, и всенародного множества людеі Росийского царствия мы, в. г. ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., на великих государствах—на Владимерском, і Московском и на Новгородцком, и на царствах Казанском, і Астараханском и на Сибирском, и на всѣхъ государствах Росийского царствия, и на новоприбылых государствах учинилися *(л. — об.)* есмя великим государем царем и великим князем, всеа Русиі самодержцем, и венчались есмя царским венцем и діадімою по древнему обычаю.

Князю Григорью Костянтиновичю говорити. Божиею милостию, в. г. ц. і в. к. Василей Иванович в. Р. с., и многих государствъ государь і облаадатель, велѣл тебѣ, великому государю Жигимонту, королю Польскому и великому князю Литовскому, говорити: и учиняся мы, в. г., на своих великих и преславных государствах царем и великим княземъ, *(л. 70)* всеа Русиі самодержцем, по своему царскому милосердому обычаю кроворозлитье уняли, Польских и Литовских людей побиті и перегрaбиті не дали, и от смерти их свободилі, а велѣли их отпустити в Польшу і в Литву опричь тѣх, которые меж Московским государством и коруною Польскою и великим княжеством Литовскимъ большую смуту и кроворозлитье учинили і Московское государство хотѣли с тѣмъ воромъ разорити. А послом вашим Миколаю Олеснитцкому, каштеляну Малоговскому, да секретарю і дворянину Олександру Госевскому, которые присланы были от вас, Жигимонта короля, к тому вору и богоотступнику і еретику к Гришке *(л. — об.)* розстриге, велѣли быти на нашем царском дворѣ, и высылали к ним говорити бояр своих с ними; і, выслушав ихъ, послали есмя к вам посланников наших дворянина і намѣстника Елатомского князя Григорья Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова государство наше обестити и о многих дѣлех наказали есмя с посланники нашими со князем Григорьем Костянтиновичем да з діяком с Ондрѣем Ивановым. И вы б, Жигимонтъ король, слали панов-рад коруны Польские и великого княжества Литовского і велѣли о тѣх дѣлех говорити с посланники нашими.

А перед посольством говорити им приставом, *(л. 71)* чтоб они о том сказали паном-радам: какъ они будут у короля, и им, пришед, наперед правити от в. г. ц. і в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., королю поклон да после итти к руце.

И будет приставы учнут говорити, что у государя ихъ то в обычае ведетца: которые послы і посланники у государя их ни

бывают, и тѣ наперед х королю к руке ходят, да опосле поклон правят і рѣчь говорят, и им потому же наперед итти х королю к руке, да опосле поклон правити и рѣчь говорити, — и князю Григорью і Ондрѣю говорити: наперед *(л. — об.)* нам государя своего ц. і в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., имени да и государя вашего Жигимонта короля імени к руке итти непригоже; колды объявив их государские імена, да тогды поідем х королю к руке.

А будет паны-рада и приставы прикажут, что им итти к руке наперед, какъ у них в обычае ведетца, и им о том много не говорити. И как будут у короля и позовет будет их король к руке наперед государева поклону, и князю Григорью и дьяку Ондрѣю итти к руке наперед; а, быв у руки, правити от г. ц. і в. к. Василья *(л. 72)* Ивановича в. Р. королю поклон, и грамоту подати і рѣчь говорити по государеву указу.

И будет о г. ц. і в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., здоровье король не спросит и против государева поклону не встанет, и князю Григорью Костянтиновічю и дьяку Ондрѣю Иванову о том молыти: преже сего о том не бывало, чтоб против великих государей наших поклона королю не встати и о здоровье не вспросити; а ныне Жигимонтъ король против в. г. ц. і в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., поклона не вставает, и то он так дѣлает мимо прежнеі обычай. — Да больши того *(л. — об.)* ничего не говорити.

И как после посольства велит имъ король быти у себя и кого к ним вышлет в отвѣт панов своих рад с ними говорити, и князю Григорью і Ондрѣю говорити паном-раде: в прошлых годѣх при царѣ Борисе явился на Москвѣ вор чернецъ, а в мире его звали Юшком, сына боярского Галеченина Богданов сынъ Отрепьева, дѣд его Замятня был пострижен в Чюдове монастырѣ, а отца его Богдана зарѣзал Литвин на Москвѣ в Неметцкой слободѣ. А он был в холопех у Микитиных детей Романовича Юрьева и у князя Бориса Черкаского і, заворовався, *(л. 73)* постригся в чернцы; а постригал его с Вятки игумен Триѳон. І был он Гришка в чернцах в Суздале в Спаском въ Еуѳимьеве монастырѣ, і в Галиче у Иванна Предтечи, і по иным монастырем; а после того бил челом об нем в Чюдове монастырѣ архимариту Паѳнотью, что ныне Крутицкой митрополит, Богородітцкой протопопъ Еуѳімей, чтоб его велѣл взяти в монастырь і велѣл бы ему жити в кѣлье у дѣда своего у Замятни. И архимарит Паѳнотей, для бѣдности и сиротства взяв его в Чюдов монастырь, дал под начало; и был он в Чюдове монастырѣ в діяконех в год. И после того взял его к себѣ для книжного письма Іев

патриархъ Московскиі и всея Русиї. І он злодѣй учал воровать і безчинствовати, *(л. — об.)* и впал в еретичество, і за тѣ его богомерские дѣла хотѣли с собору сослати в заточенье на смерть. И он, злокозненой враг, і сатанинской угодник, и поругатель іноческаго образа і крестьянские вѣры, увѣдав о том, збежал в Литву с товарыщи своимі с Чюдовскими чернцы с попом Варламом да с крылошенином с Мисаилом с Повадіным; і был в Литвѣ в Киевепечерском, і в Никольском і в Дермине монастырѣ в діяконех же. И после того тот вор по дьявольскому ученью отвергъся крестьянские вѣры, образ ангелскиі іспоругал, чернеческое платье с себя свергъ, і, по вражью совѣту, своим злодѣйственным обычаем и по умышленью Сендомирского воеводы, и *(л. 74)* Вишневетцких и иных панов, которые ему совѣтовали, злочестивые уста и скаредный свой язык на злодѣйские дѣла ізоострил, учал называтись блаженные памяти в. г. ц. і в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., сыном царевичем Дмитреем Углетцким, и своим злодѣйством и ведовством і призваньем нечистых духов многую смуту во крестьянстве учинил, многие свои прелестные грамоты тот вор к великого государя нашего украинным людем писал, называючи себя царевичем Дмитреем Углетцким, і на Дон к вором и к Донским атаманом и х казаком знамя свое воровское с Литвином Счастным Свирским посылал. И многие *(л. — об.)* лазучники Литовские люді, приходя в великого государя нашего государства, воровские письма приносили, і в городѣхъ і на посадех и на дорогахъ листы воровские метали того вора іменем, умысля тѣм в Московском государстве ссору учинити и кроворозлитье всчати. А о томъ всѣм ізвѣстно не токмо, что в Росийском царстве, і в пограничных государствах, что у в. г. ц. і в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., был сынъ царевичь Дмитрей, и после преставленья блаженные памяти в. г. ц. і в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., дан был ему с матерью город Углечь. И в прошлом 99-м году при *(л. 75)* великом государе блаженные памяти ц. і в. к. Федоре Ивановиче, в. Р. с., царевичь Дмитрей Ивановичь убит на Углече по Борисову велѣнью Годунова, а на погребенье его была мать его царица і великая княгиня інока Марфа Өедоровна всеа Русиі и братья еѣ родные Михайло да Григорей Федоровы дѣті Нагово; а отпевали над ним Галасѣя митрополит Сарскиі і Подонскиі, і архимариты і игумены, а в. г. ц. і в. к. Өедор Ивановичь, в. Р. с., посылал на погребенье его болшихъ своих бояр и с нимі дворян. И посямѣста царевичь Дмитреі *(л. — об.)* лежал на Углече в соборной церкве, а мать его царица и великая княгиня инока Марөа Федоровна всеа Русиі и

ныне жива, а братья её и дядья Нагие и ныне служат в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. И какъ царь Борисъ свѣдал то, что тот богоотступникъ у вас в Литвѣ, не сыскав и не роспрося про него, называется его прямымъ царевичемъ Дмитреем Ивановічем Углетцким и ему во всемъ на Московское государство помогаете, — посылали бояре от себя к вам паном-раде к Польскимъ и Литовскимъ в посланцехъ Смирново Отрепьева, а тому вору розстріге Гришке *(л. 76)* Отрепьеву дядю родново для того, чтоб того вора обличити. И вы, паны-рада, того вора с роднымъ его дядею с очей на очи не поставили, а отказали Смирному, что вы тому вору ничѣмъ не вспомогаете и за него не стоите. А отпустя Смирново, учалъ Жигимонтъ король и вы паны-рада тому богоотступнику и еретику на разоренье Росийского царствия болши прежнего помагать, хотячи истинную нашу православную хрестьянскую вѣру разрушити. И какъ тот богоотступникъ еретикъ, и Сендомирской воевода, і Михайло Ратомъской пришли в великого государя нашего землю на Сѣверу, и учалъ *(л. — об.)* Юрьи Мнишек прелщати и устращивати тутошнихъ севрюковъ королевскимъ имянемъ, что бутто тот воръ прямой царевичь, и король и паны-рада бутто про него сыскали подлинно и стояти за него хотят всею Полшею и Литвою. И на Сѣвере мужики севрюки люди простые, забыв Бога і душу свою повѣря Сендомирскому воеводе Юрью Мнишку с товарыщи, что они паны радные, і учали приставати к тому вору. И бояре іс полков про царевичеву Дмитрееву смерть і про того вора писали многижда к Сендомирскому воеводе къ Юрью Мнишку, и к ротмистром, и к Черкаским атаманом о всем подлинно, *(л. 77)* чтоб они тому вору не вѣрили, и мирного постановенья не нарушивали, и крови крестьянские не проливали. И Сендомирской воевода тому не повѣрил и многую кровь крестьянскую пролил. — Да государь же вашъ и вы паны-рада в ту же пору накупали на государство государя нашего Крымского Казы-Гирѣя царя, і с ним о том король ёсылался, писал к нему Казы-Гирѣю царю з гонцом с Онтоном Черкашенином і словом приказывал о том же богоотступнике, еретикѣ, о розстриге о Гришке Отрепьеве, что будтося въ его государстве в Литвѣ царевичь Дмитрей, сынъ г. ц. і в. к. Івана Васильевича в. Р., и государь вашъ Жигимонтъ король отпускает его на государя *(л. — об.)* нашего землю воіною, і с ним посылает рать свою, чтоб Крымской царь дал ему помочь и послал бы на Московское государство рать свою; а от того хотѣл дати дань, многую казну, чего государь попросит, и обещался с ним быти в дружбе. И Казы-Гирѣй царь послал к государю вашему

с отвѣтом посланника своего Сефер-Казыя Дервишева. И царь Борис, свѣдав то, что з государя вашего стороны всчинаетца злое такое дѣло через крестное целованье, і посылал для того нарочно к государю вашему Жигимонту королю посланника своего Посника Огарева, и с ним в грамоте своей х королю писал, і рѣчью о том воре, богоотступнике, о розстриге о Гришке Отрепьеве, какой он человѣкъ был, и отчего *(л. 78)* в Литву збежал, и как царевича Дмитрея Ивановича Углетцкого не стало, і о всяких непригожих дѣлех, что дѣлаетца з государя вашего стороны, велѣл говорити подлинно. Да і о том царь Борис к государю вашему Жигимонту королю с Посником приказывал: держати ли ему вперед перемирье? И государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, перед посланником в том во всем запиралися, а говорили, что тому вору не помогаете пичѣмъ, и Крымского на Московское государство не накупали, і мирново постановенья не нарушиваете, и вперед держати хотите; а тот вор будто ушол у вас на Волынь, а хто будет ему іс Польши і из Литвы помогали, і тѣхъ хотѣли казнити. И отпустя *(л. — об.)* от себя посланника, больши прежнего учали тому вору всякими мѣрами помогати, и іс Польских и из Литовских городов ізо всѣх пограничных мѣстъ в Московское государство безпрестани старосты і державцы присылали листы, называя того вора прямым царевичем Дмитреемъ Ивановичем, хотячи того, чтоб Московское государство в ссору і в разоренье до конца привести і истинная наша православная крестьянская вѣра разрушити. И святѣішій Іевъ, патриархъ Московскиі і всеа Русиі, і митрополиты, і архиепискупы, і епискупы, і весь освященный собор, видя то, что діявольскимъ совѣтом кровь крестьянская проливаетца через крестное целованье, посылалі к навышшей *(л. 79)* раде коруны Польские і великого княжества Литовского к арцыбіскупом, и біскупом и ко всему духовному чину з грамотами посланника своего Ондрѣя Бунакова; а грамоты послали за своими печатьми. А писали к ним о том воре, о еретике, о Гришке Отрепьеве с свидѣтельством, обличая того вора, что он прямой вор, богоотступникъ, еретик, чернецъ розстрига, Гришка Богданов сынъ Отрепьев: онъ, Іев патриархъ, і всѣ митрополиты, і архиепискупы, і епискупы сами его знали, и в діяконы его он, Іев патриархъ, ставил; и после того тот вор объявился въ еретичестве, і был при всѣх на соборе, і осужен был на смерть в заточенье, і, убежав от смерти, діявольским *(л. — об.)* совѣтом розстригся, и назвался царевичем Дмитреем. И про царевичеву Дмитрееву смерть также с свидѣтельством писали, чтоб государь вашъ Жигимонтъ король

и вы, паны-рада, тому вору розстриге не вѣрили и крови крестьянские не проливали через крестное целованье. И государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, тому всему не повѣрили, і того гонца у себя задержали, и то все поставили ни во што, хотячи того, чтоб истинная наша православная хрестьянская вѣра і все Росийское царство в разорениі учинити. И тот богоотступникъ, еретикъ, розстрига Гришка Отрепьев, діявольским ученьем и вспоможением государя вашего Жигимонта короля *(л. 80)* и вас, панов-рад, в Московском государстве многую смуту і разоренье учинил, церкви Божьи осквернил, и многих православных крестьян, которые ево злодѣйство вѣдали и обличали, ноипачеже от духовного чину, і иноков многих, побарающих о вѣре, премучи і в заточенье отосла. И прелестью бесовскою і злымі мечтами своими тот богоотступник и царского венца коснуся, и понял был за себя іс Польского королевства, с королевского велѣнья и вас, панов-рад, воеводы Сендомирского дочь, и с Сендомирским воеводою, і с старостою Сенатцким, і с Стаднитцким, і с хоружим Перемышлским, і с Тарломъ Жигимонтом, и со князем Костянтином Вишневетцким, и с ыными паны Польских *(л. — об.)* и Литовских людей многих к Москве привел, і в Московском государстве многое насильство і нестерпимые обіды всяким людем дѣлали. Да к тому же вору розстриге к Гришке Отрепьеву приѣхали от государя вашего от Жигимонта короля, а сказалися послы на веселье, воеводы же Сендомирского приятель, Миколай Олеснитцкой, каштелян Малогоской, да секретарь і дворянин королевской Александро Гасевской; а того про них подлинного вѣдома при розстриге не было, для чего Миколай і Александръ пришли, и королевских листов, которые присланы с ними, бояре і всѣ думные люди не видал нихто. А приходил к нему каштелян Миколай наодинѣ, а бояр *(л. 81)* наших никово не было, і сиживали через ночь с ним один на один. Послѣдний же его злый совѣт с Сендомирским воеводою, и с Вишневетцкими, и з Стаднитцкимі, і со всѣми с Польскими і с Литовскими людьми, которых они привели на разорение Московского государства: хотѣли на Москвѣ митрополитов, і архиепископов, і епископов, і весь священническиі і иноческиі чинъ, и бояр, и дворян, і приказных людей, и гостей і всяких лутчих служилых и жилетцких людей Росийского царствия тайными умыслы і оманом побити, и престолы Божьи во святых церквах разорити, и православную нашу хрестьянскую вѣру разрушити. И в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Иванович, в. Р. *(л.—об.)* с., и митрополиты, і архиепископы, і епископы, і весь освященный собор, і бояре, и дворяне

і всенародное множество Росийского царствия, видя такое разрушение істинной нашей православной крестьянской вѣре і всему Росийскому царствию конечную погибель, о том зельне возрыдали и, прося у Бога милости, обещались всѣ за истинную нашу непорочную крестьянскую вѣру против того богоотступника, еретика, розстриги і против его совѣтников стати, и подвізатися крѣпце і мужественне до смерти, і ожидали того, какъ ізо всего Росийского царствія служилые і всякие люди посьѣдутца, чтоб им всѣм была явна того богоотступника *(л. 82)* воровство и злой его вражей совѣт. А то вамъ самим вѣдомо, что Московское шірокое государство, к востоку і к полуночи от Москвы до іных мѣстъ в полгода не сьѣзжают. А как ізо всего Росийского царствия служилые, і жилетцкие і всякие люді сьѣхалися, и милосердый Богъ всѣмъ людем его еретическую богомерскую прелесть і вражей злой совѣт обьявил. А царица и великая княгиня інока Марфа, царевичева Дмитреева Ивановича Углетцкого мать, сказала перед в. г. нашим ц. і в. к. Васильем Ивановичем в. Р., і перед митрополиты, і перед архиепископы, і епископы, и передо всѣм освященным собором, и перед бояры, і перед дворяны, *(л. — об.)* и перед приказными людьми, і перед всѣмі служилыми и жилетцкими всего Росийского царствия: какъ тот вор вражьею прелестью приѣхал іс Путивля к Москве, и он, вѣдая свое воровство и ложной свой злой совѣтъ, по неѣ не послал долгое время, а послал по неѣ своих совѣтников, а велѣл того беречь накрепко, чтоб к ней нихто не приходил і нихто б с нею об нем не розговаривал. А какъ велѣл к Москве привести, и он вражьею своею прелестью учинил будто встрѣчю, и на встрѣче пришол к ней один, а бояр і иных никаких людей с собою к ней не пустил; и говорил ей с великимъ прещеньем, чтоб его не обличила, претя ей і всему еѣ родству злыми муками *(л. 83)* и смертным убойством, і посадил еѣ в монастырѣ и приставил потому же своих совѣтников, і остерегати того велѣл накрепко, чтоб его воровство было не явно. І она до времени объявити в народ его воровства явно не смѣла, покамѣста сьѣдутца ратные і всякие люді Росийского царствия; а какъ сьѣхалися к Москве із дальних мѣстъ всѣ люді Росийского царствія, і она обьявляет про него вора, і обличает его вражью прелесть и дьявольские мечты передо всѣми людьми, что сынъ еѣ царевичь Дмитрей зарѣзан на Углече, по велѣнью Бориса Годунова, і умер у неѣ на рукахъ, а тот вор называетца ложно. Да і самъ тот богоотступникъ, еретик Гришка сказал, *(л.—об.)* что то все дѣлал мечтами бесовскими; і которые с ним были в том

его злом совѣте Поляки и Литва, всѣ сказали весь его окаянной злой совѣт. И Московского государства люді всенародное множество, відя такой его сатанинской умыслъ і его угодников совѣтъ на православную вѣру, и воорудяся силою животворящаго Креста Христова, облича его, тому богоотступнику, еретику месть воздали: злѣ окаянный живот свой скончал. А какъ он, враг Божей, скончался, и Московского государства митрополиты, и архиепискупы, і епискупы і весь освященный собор Росийского царствія молили и просили, а государские дѣти розных государствъ, которые *(л. 84)* служат в Московском государстве, и бояре, і окольничие, и дворяне, і всякие служилые люді, и гости і всенародное множество людей Росийского царствия в. г. нашему ц. і в. к. Василью Ивановичю в. Р. били челом, чтоб он, государь, смиловался, был на великих государствах на Владімерском, и Московском, и Новгородцкомъ, и на царствах Казанском, і Астараханском, і на Сибирском, и на всѣх государствах Росийского царствия царем и великим князем, всеа Русиі самодержцем, по прародітельской их государской степени, потому что великиі государь нашъ из древних лѣт, от корени великих государей царей и великих князей Росийских, от великого князя *(л. — об.)* Рюрика, иже от колѣна Августа кесаря Римского и от великого князя Владимера Святославіча Киевского і всеа Русиі, просветившаго Рускую землю святым крещением, и от великого достохвального великого князя Александра Ярославича, іже многие побѣды на всѣхъ вразехъ своих показавшаго, от него же великого государя нашего прародители на Суздальское княжение разделишася, яко же (обычай) в Росийском государстве великих государей меньшим братиям на удѣлы садитися. А в. г. ц. і в. к. Ѳедору Ивановичю, в. Р. с., великиі государь нашъ ц. і в. к. Василей Ивановичь в. Р. по родству брат, а был при в. г. ц. і в. к. *(л. 85)* Федоре Ивановиче, в. Р. с., в Московском государстве начальной большой боярин; а при том воре, при розстриге за істинную нашу православную крестьянскую вѣру і за правду великое изгнанье претерпѣл, и злокозненаго его умысла не страшился, обличал і укорял безо всякого сумнѣнья. И ныне, по Божіей воле, і по прародітельской ихъ государской степени, і за моленьем і за прошеньем Московского государства митрополитов, і архиепискупов, і епискупов і всего освященного собора, і за челобитьем государских детей, и бояр, і окольничих, і дворян, и воевод, і всяких служилых и приказных людей, и гостей, и торговых людей і всего народного *(л. — об.)* множества людей Росийского царствія, учинился на великих государствах на Владімерском, и

Московском, і Новгородцком, и на царствах Казанском, и Астараханском, і на Сибірскомъ, и на всѣх великих и преславных государствахъ Росийского царствія он, в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р с., і венчался царскимъ венцемъ і діадимою по древнему царскому достоянью. А государь — благочестивой, премудроі, и храброй, и милостивой, и ныне его царскою милостью государские дѣті розных государствъ, і всѣ князи, і бояре, и воеводы, і дворяне, і всякие служилые люди, и все воинство, и весь народ Московского государства его царскому *(л. 86)* величеству с радостью великою служатъ. А которые Польские и Литовские люди пришли к нему на разоренье Московского государства, и тѣх Полских и Литовских людей за ихъ неистерпимые грубости и насильства, что они в Московском государстве кровь крестьянскую, по наученью того вора, безпрестани проливали и многие злые насильства людем чинили, хотѣли всѣх побити. И в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., по своему царскому милосердому обычаю, кроворозлитье унял, Полскихъ и Литовскихъ людей побити и переграбити *(л. — об.)* не дал, и от смерти их свободил, а велѣл ихъ отпуститі в Польшу і в Литву опрочѣ тѣхъ немногихъ, которые меж Московского государства і коруною Польскою і великим княжеством Литовскимъ большую ссору і кроворозлитье учинили и Московское государство хотѣли с тѣм вором разорити. А о благовѣрном государе царевиче князе Дмитрее Ивановиче вѣдая неправедное заколенье, благовѣрный і христолюбивый в. г. ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., розжизаем сердечною любовью и по сродному союзу ихъ царскому, и совѣтовав о том с митрополиты, і архиепископы, і епископы, і со всѣмъ освященным собором, и з боляры, і з дворяны *(л. 87)* и со всѣми людьми Росийского царствія, посылал во град Углечь митрополита Ѳиларета Ростовского і Ярославского, что был боярин Федор Никитичь Романов, да епископа Ѳеодосия Астараханского і Терского, да бояр своих князя Ивана Михайловича Воротынского, да Петра Никитича Шереметева, і дядью его Ондрѣя Олександровича да Григорья Федоровича Нагихъ, а велѣл царевича Дмитрея Ивановича тѣло во гробе принести с великою честию в богоспасаемый царствующій град Москву. И по его царскому велѣнью ныне мощи благовѣрного царевича Дмитрея с Углеча принесли в царствующій град Москву с великою честию и положен в соборном *(л. — об.)* храме у архангела Михаила, подлѣ отца своего ц. і в. к. Ивана Васильевича в. Р. А Божіею силою тѣло его ничѣмъ невредімо. Ныне же милосердый Богъ страстотерпца своего благовѣрного царевича Дмитрея неизре-

ченными чюдесы прославил, многие исцеления почерпаютъ у его праведных мощей приходящіи с вѣрою, одержимые всякими недуги, и вся великая Росия, Божию благодатию і святых его угодников молитвами, свѣтитца і радуетца неизреченною радостію. И ныне в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., какъ есть істинный хрестьянскиі государь, *(л. 88)* не хотя кроворозлитья во хрестьянстве видети, памятуючи то, какъ царь Борис з государемъ вашим Жигимонтом королем и меж своими государствы перемирье утвердили, послал нас, посланников своих, к государю вашему Жигимонту королю государство свое обестити, и на государе вашем и на вас того провѣдаті: какими обычаи в перемирные лѣта з государя вашего стороны такие неправды и кроворозлитье во крестьянстве учинилося, преступя крестное целованье і поруша мирное постановенье, такому вѣдомому вору, богоотступнику, еретику, розстриге Гришке Отрепьеву на разоренье Московского государства і на поруганье істинные нашие православные *(л. — об.)* крестьянские вѣры подмогали, и многие кровi от того пролились, і царской казнѣ и всему Росийскому царствiю неисчетные убытки починили. А во всѣх государствах измѣннику всякому і не такому богоотступнику і вѣдомому вору не вѣрят, а вѣрят государи государем, а паны-рада бояром, а Рѣчь Посполитая дворяном и детемъ боярским, а ссылаютца грамоты і посланники.

А будет паны-рада спросят: какими обычаи тот вор розстрига убитъ і какою смертью скончался, — и князю Григорью и діаку Ѳндрѣю говориті: какъ із всѣхъ городов Московского *(л. 89)* государства дворяне і всякие служилые люді к Москве съѣхались, и царица и великая княгиня інока Марфа Ѳедоровна всеа Русiі, царевичева Дмитреева Углетцкого мать, і в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., и бояре, і дворяне, і всякие служилые люді, и гости того богоотступника, вора, розстригу Гришку Отрепьева обличили всѣми его злыми богомерскими дѣлы, что он прямой вор, богоотступник, еретик Гришка Отрепьев; и тот богоотступник, вор, еретикъ Гришка, відя себя своими злыми дѣлы обличаема, самъ сказал перед в. г. нашимъ *(л. — об.)* ц. і в к. Васильем Ивановичемъ в. Р. и перед бояры, і перед дворяны и перед всѣмъ многонародным множеством Московского государства, что он прямой Гришка Отрепьев, а дѣлал то все, отступя от Бога і православные крестьянские вѣры бесовскими мечтами; і за тѣ его злые богомерские дѣла, осудя істинным судом, всенародное множество Московского государства убили.

И будет паны-рада учнут говорити, что государь ихъ Жигимонтъ король и они паны-рада ни в чем крестного целованья не преступили и мирного постановенья не нарушили, а то *(л. 90)* им вѣдомо, что появился наперед в Киеве такой человѣкъ, а пришол из Московского государства, а называли его царевичем Дмитреем, и был у Вішневетцких, а потом у воеводы Сендомирского і у короля был же, а проименовали его таким именем и вступилися за него Московские же люді, а король і паны-рада ему не помогали, а хотя будет Сендомирской воевода и ходил с ним, і то учинилося без вѣдома государя ихъ Жигимонта короля і без панов-рад, — и князю Григорью і Ондрѣю говорити: говорите вы паны-рада, будто король і вы, паны-рада, тому вору розстриге не вспомогали, *(л.—об.)* и крестного целованья не преступали, и мирново постановенья не нарушивали, а воевода Сендомирской ходил без королевского і без панов-рад вѣдома; ино во всѣхъ государствах то ведетца: николи рада без государского вѣдома ничего не дѣлает. А Сендомирской воевода Юрьи Мнишек в коруне Польской пан-рада большой, опричь духовного чину четвертой человѣкъ, а шел с тѣмъ вором самъ; и тому какъ сстатись было без королевского і безо всеѣ рады вѣдома? Да і самъ воевода на Москвѣ передо всѣми бояры сказал, что он с тѣмъ вором шел по королевскому і по вашему панов-рад велѣнью, и казну давал тому вору на его росходы, и людей ему *(л. 91)* наймовал тою казною, что было ему дати королю доходов с своего староства; а без королевского і без вашего панов-рад вѣдома не дѣлывал ничего. І то крестьянское ль дѣло, что стояти за вора, которой, прибежав от смерти, да говорит такие невместімые слова, и такую смуту і кроворозлитье в таких великих государствах учинити, как і изначала свѣту ни в которых государствахъ того не бывало, не токмо что во крестьянских, ни в мусульманских? А многие есть відоки і у вас в Литовской і в Полскоі землѣ, в Киеве в Печерском монастыре, і у Николы чюдотворца в Дермане монастыре старцы і миряне многие люді, которые его в черных діяконех знали, і у храмов у многих у крестьянских греческого закону служил, *(л. — об.)* покамѣстъ не розстригся. Ещо то бывает, коли бывают задоры в порубежных мѣстехъ от пограничных людей за какие невеликие ссоры. А то невѣдомо: какими обычаи государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, крестное целованье преступилі, і мирное постановенье, которое учинено меж государствы, порушили, и, не сыскав допряма і не вѣря тому, что бояре к вам, паном-раде коруны Польские і великого княжества Литовского, дядю его родного Смирного

Отрепьева посылали на обличенье того вора, и посланнику Поснику Огареву, и грамоте патриархове і ввсѣх митрополитов, і архиепискупов і епискупов, которая послана з гонцом с Ондрѣем Бунаковым, за ихъ печатьми *(л. 92)* к арцыбіскупом і бискупом, а повѣрили вѣдомому вору, богоотступнику, розстриге, і смуту такую меж государствы и кроворозлитье учинили, чего николи не бывало, что в чюжом государстве уряжати, и государей на государство обірати, і вѣра уставливати; и того есте нимало не помянули, что крестным целованьем і записьмі утвержено государскими душами. Восе у в. г. нашего ц. і в. к. Василья Ивановича в. Р. в Московском государстве і не вор, прямой государской сынъ, Свѣйского Ірика короля сынъ Густав королевичь, государю вашему Жигимонту королю брат встрѣчной, приѣхал еще к царю Борису; і он безпрестани о том царю Борису бивал челом и ныне в. г. *(л. — об.)* нашему ц. і в. к. Василью Ивановичю в. Р. бьет челом, чтоб в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Ивановичь в. Р. его пожаловал, далъ ему ратных людей и поволил итти доступати Лиѳлянские земли. А от Свѣйского арцы-Карла у великого государя нашего посланники і ныне на Москвѣ, чтоб великиі государь нашъ его царское величество помочь ему учинил о Лиѳлянской землѣ; а он, доступив Лиѳлянские земли, поступитца из нее многих городов племяннику своему Густаву королевичю или как царское величество повелит; а Густав Лиѳлянской землѣ вотчичь. И в. г. нашъ ц. і в. к. Василей (*л. 93*) Ивановичь в. Р. с., как есть хрестьянскиі милосердый государь, памятуя прежнее крестное целованье і мирное постановенье, кроворозлитья во крестьянстве видети не хочет, і на то посямѣста не позволил, хотя і видя государя вашего многие неправды и ваши......

И будет паны-рада учнут говорити: хотя будет воевода такъ и сказывает, и то он говорит неволею, сидячи в вязнях, а король і оні, паны-рада, воеводе Сендомирскому с тѣмъ вором на государя вашего украіны ходити не веливали, а учинил то Сендомирской воевода собою, доброхотая Московскому же государству, а не для лиха, потому: собрав тот вор руских людей (*л. — об.*) немногих в Польше і в Литвѣ, и пошол к границе; і как он пришол в Московское государство на границу, і его встрѣтили с хлѣбы, какъ есть прироженного государя, и многие городы тому баламуту учали здаватися, и воевода тому повѣрил, хотя себѣ тѣмъ честь получити от Московского государства, а чаял того, что он прямой царя Ивана сынъ, царевичь Дмитрей. А после того под Новымгородком Сѣверским была ему битва с Московскими людьми, а от Бориса к государю

нашему пришел посланник Посникъ Огарев; і король всѣх тѣх людей, которые были с тѣмъ баламутом и с воеводою Сендомирским, велѣл вернути назад в Польшу за многим заказом. И воевода Сендомирской, по королевскому розсказанью (*л. 94*) і увидев то, что с ним Московские люди битву чинили, со всѣми лутчими людьми вернулся назад, а он остался только с Московскими людьми, да с ним воры Черкасы. И какъ под Сѣвским острогом была ему с Московскими людьми битва вдругоряд, і того баламута Московские люді побили, а он не со многими людьми Московскими же, которые были с ним, и с Черкасы Запорожскими убежал в Путимль. І был в Путивле долгое время, а Московские бояре стояли под замком долгое же время; а в том замку сидѣли тѣ люді, которые задались за того вора. І после того Бориса с сего свѣта Богъ зградил. І ко государю нашему Жигимонту королю і к паном-раде от Борисова сына і от бояр нихто не бывал. *(л. — об)* А у них тот слух был: как он был в Путимле, і к нему задалися многие замки, а после того і всѣ полки Московские, бояре и воеводы і ратные люді ему добили челом, потом и Москва вся з ласки без битвы, і приняли его за прироженного государя; а Польских и Литовских людей добрыхъ в тѣ поры с ним не было никакова человѣка кромѣ немногихъ, которые служат з грошей, а воеводы на тот часъ с ним не было, а ис Польских и из Литовских городов в ваши Сѣверские города королевские державцы не писывали ничего про того баламута. А какъ приходил от того баламута ко государю их к Жигимонту королю и к воеводе Сендомирскому Өеонасей Власьев, и Өеонасей имъ, паном-раде, сказывал, что — (*л. 95*) прироженной государь, царя и в. к. Івана Васильевича в. Р. сынъ, царевичь Дмитрей, і государю нашему Жигимонту королю от того баламута грамоты привез, і посольство правил, какъ есть от прямого государя, і с нами, паны-радами, на розмове был, и на королевском веселье от того баламута в послѣхъ Өеонасей был же. И королю было і имъ, паном-раде, почему узнати, что он баламут, а не прямой царевичь? А все Московское государство іменовали его себѣ государемъ, и грамоты пришли с тѣмъ Өеонасьем за печатью государя вашего за тою же, которою прежние государи печатали.—И князю Григорью и дьяку Ондрѣю паном-раде *(л.— об.)* говорити: какъ тот вор пришол на границу в великого государя нашего отчину в Сѣверскую землю, и тутошние мужики, севрюки глупые, прельстились и повѣрили, потому что от вас же насѣялось в них лстивых речей, и письмо многое в Росийское государство во всѣ пограничные мѣста іс Польских и из Литовских городов присылали,

називаючи его прямым царевичем, и пришол с ним пан радной Юрьи Сендомирской і, прельщаючи севрюков, говорил имъ воевода под клятвою, что тот вор прямой царевичь, и король и вы, паны-рада, про него сыскали подлинно. А какъ тот вор розстрига с побою іс подъ Сѣв(с)кого острогу ушел в Путимль с невеликими людьми, и ис Путимля был тот вор, вѣдая свое *(л. 96)* воровство, хотѣл бежати к вам в Польшу или в ыное в которое государство, гдѣ б ему от смерти укрытися, и Сендомирской воевода, умысля своим злодѣйством и хотя в Московском государстве большую ссору и кроворозлитье учинити, писалъ к тому вору еретику и розстриге к Гришке Отрепьеву іс Польши в Путивль, что он самъ воевода ідет с королевского і со всѣхъ вас, панов-рад, вѣдома со многими Польскими и Литовскими людьми к нему вору на помочь, да і иных многих розных государствъ многие люді с ним к тому же вору розстриге на помочь ідут. А іс Польских і из Литовских пограничных городов королевские старосты, і державцы і урядники писали во всѣ Сѣверские і в украинные городы к черным людемъ (*л. — об.*) безпрестани, чтоб за того вора еретика стояли и ему поддавалися, а за него де хочетъ стояти государь вашъ Жигимонтъ король Польской со всею Польскою и Литовскою землею, и иные пограничные государи хотят за него стояти, і посылает король к тому вору на помочь его воеводу Сендомирского со многими Польскими и Литовскими людьми и иных розных государствъ людьми. И тот вор, обнадежась на то воеводцкое і королевских державцов письмо, в Путимле стал мешкать, і в тѣ же Сѣверские і в украинные городы во всѣ люді учал свои бесовские мечты вмещати, и нечистых духов призываньем ихъ прельщати, і на то наводити, чтоб к нему вору приставали. І в Сѣверских *(л. 97)* і в украинных городѣх севрюки мужики, люді простые, і в Московском государстве мало бывают, забыв Бога і душу свою, устрашась от того воеводцкого злого умыслу и королевских державцов письма, і не истерпя его еретического мечтанья, учали прельщатись, к тому вору, к богоотступнику приставати, и городы тому вору розстриге здались і в полкѣх. Простые же люді дальних городов, послыша царя Борисову смерть і смотря на Сѣверских севрюков, потому же по его воровскому бесовскому мечтанью смуту в полкѣхъ учинили, и к нему к вору к розстриге приклонилися, и бояр болших всѣхъ і дворян, которые были в полкѣхъ, перевязали і хотѣли побити. И бояром было однимъ *(л. — об.)* что учинити? То ссталось не от бояр: все то учинилося государя вашего Жигимонта короля и вас,

пановъ, умысломъ и вспоможеньемъ. А только б не помогали тому вору государь вашъ и вы, паны-рада, и ему какъ на такое дѣло і помыслити? Пришол он за рубеж в государя вашего государство только в чернетцкой свитке да в клобукѣ. — А что говорите то, что из государя вашего городов державцы і приказные і всякие люди в государя нашего городы о том воре ничего не писывали, и мы вам иные статьи скажем имянно: хто і о какову пору ваши люди в государя нашего городы о том баламуте писали. В прошлом во 111-м году присылал к Черниговскому воеводе ко князю *(л. 98)* Михаилу Өедоровичю Кашину из Любеча подстаростей Томошъ Цебровской с Черниговцом с Ывашком с Федоровым с Корѣлою листъ о том баламуте, называючи его государским сыном. Да во 112-м году приѣхал государя нашего к украинному городу к Монастыревскому, ис которого первая прелесть стала, Литвин Томашко Дементьев от старосты Остринского от Михайла Ратомского к сотнику стрелетцкому к Третьяку Козловскому, а привез с собою листъ от того же вора, еретика, розстриги от Гришки Отрепьева. И Монастыревского острогу приказной человѣкъ Борис Лодыгин тот воровской листъ послал в Киев к воеводе ко князю Василью Острожскому и к Михайлу Ратомскому з детьми боярскими; *(л. — об.)* і тѣх детей боярских, которые ѣздили с тѣмі листы по Михайлову приказу, в Остри безчестили и, грамоты отняв сильно, их выбили вон. А после того в том же году к тому же Монастыревскому приезжали от Михаила же Ратомского Остряне Ісачко Лях да Істомка Билин с товарыщи человѣкъ с 30 в судѣх з грамотами о том же воре Гришке Отрепьеве, называючи его царевичем; и, покинув грамоты у Монастыревского, сами побежали. Да в прошлом во 113-м году в сентябрѣ приходіли в Черниговской уѣздъ Михаила же Ратомского люді Янко, да Настаско да Рагоза с товарыщи, а с ними атаман Сахно Глубцов, Запорожской казак, і погромили *(л. 99)* государя нашего людей детей боярских і стрельцов на Крылове пустоши, от Чернигова верстъ с 7. И государя нашего Черниговские воеводы посылали за тѣми воры, и тѣ воры Михайловы люді в розпросе говорили, что послал ихъ Михайло Ратомской от того вора от розстриги языков добывать. Да із ыных ізо многихъ городов ис Польских и из Литовских королевские державцы і всякие приказные люді в государя нашего городы ко всяким людем о томъ воре многие грамоты писали, хотячи в Московском государстве смуту і кроворозлитье учинити. А после Бориса х королю и к вам что уже было и посылати? Государь вашъ Жигимонтъ король ссылался

с царем Борисомъ послы *(л. — об.)* своими, и перемирье учинили, и крестным целованьем утвердили своими государскими душами. Да в тѣ поры не повѣрили патриаршескому і боярскому лутчих людей письму, а и тому, что не токмо письмом и приказом, всѣ большие люді за правду голов своих не щадили і своими особами билися. А то есте учинили, чего изначала свѣту не токмо что во крестьянских государствах, ни в мусульманских, і недруг над недругом того не дѣлает. И послѣднего гонца Ондрѣя Бунакова, что послан был от патриарха, и от митрополитов, і от архиепископов, і епископов к навышшей раде к духовному чину о том воре з грамотами, у себя задержали; і всякие злые *(л. 100)* смуты и мятежи безпрестани от людей государя вашего в ту пору дѣлались. И к государю вашему что уже было и посылати, коли не вѣрят? А и ко всем ратным людемъ Польскимъ и Литовским безпрестани посылали. А Оѳонасью Власьеву что было вѣрити? Офонасей вор, разоритель вѣре хрестьянской, тому вору совѣтник, поѣхал к государю вашему Жигимонту королю по его воле, без сенатарей вѣдома; а тот вор розстрига писал с ним листы по латыне, с вашими же Поляки совѣтовав, а руские люді у того дѣла не бывали. Да что уже на Офонасьеву присылку і указывати, а уже смуту учинив в государстве, и крестное целованье преступив, и кровь *(л. — об.)* крестьянская пролилась. За что в тѣ поры не вѣрили, какъ царь Борис о том посылал к государю вашему Жигимонту королю гонца, а после посланника Посника, и духовной чин святѣйшій Іев патриархъ і весь освященный собор писали к духовному чину, а бояре к паном-раде, обличая того вора, чтоб ему не вѣрили? И нс пограничных мѣстъ воеводы и намѣстники к вашим воеводамъ и к старостамъ і к державцом также безпрестани про того вора писали. И государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, царю Борису і всему Московскому государству не повѣрили, и, преступив свое крестное целованье, повѣрили *(л. 101)* одному того вора измѣнничью слову, такое кроворозлитье учинили. — А что вы говорите, что государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, тому вору не вспомогали, а воевода Сендомирской ходил с ним без королевского і без вас, панов-радъ, вѣдома, — и о том нам что много и говорити. Государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, сами на себя в том свидѣтельствуете: как от государя вашего Жигимонта короля в нынешнем году присылан посланник к тому вору к розстриге секретарь и дворянинъ королевской Александра Гасевской звати того вора на королевское веселье, и Александръ, *(л. — об.)* будучи

у того вора на посольстве, государя вашего королевским словом тому вору говорил, что он на Московскомъ государстве учинился государя его королевским и людей его способомъ; і король и вы, паны-рада, всѣ тому обрадовалися, что тот вор Московского государства достиг, і был бы з государем вашим в дружбе і в любви і в соединенье. А тот вор розстрига Гришка Отрепьев против того тут же королевскому посланнику Александру Гасевскому говорил: какъ он вор был государя вашего в государстве в коруне Польской, и государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, всѣ, узнав его, честь ему во всем воздали по его достоинству, и всякими мѣрами — мыслью, і дѣлом, *(л. 102)* и казною и людьми способствовали, как бы ему Московского государства достигнути, и подданым своим всяким рыцерским людем король и вы, паны-рада, поволил с нимъ итти, и горла свои за того вора давати нещадно, и многие свои вспоможенья і радѣнья к нему показали; и онъ вор за то королевское і за ваше вспоможенье хочет с королем быти в дружбе і в любви і в соединенье, і нѣт ему такова друга на свете, что Жигимонтъ король. — Да будет канцлѣр Литовской Лев Сопѣга тут же в отвѣте с паны-радами вмѣсте будет, и князю Григорью и діаку Ондрѣю выговаривати Льву имянно передо всѣми паны-радою: а какъ у государя вашего Жигимонта короля *(л. — об.)* и у Сендомирского воеводы от того вора от розстриги от Гришки Отрепьева был посланник, его воров совѣтник, Ѳеонасей Власьев, и государь вашъ Жигимонтъ король на посольстве Офонасью говорил, что тот вор розстрига учинился на Московском государстве его королевским и людей его способомъ; а говорил от короля ту рѣчь ты, Лев Сопѣга. А в отвѣт к Офонасью высылал король большую свою раду духовного чину бискупа Куявского, бископа Перемышльского, подканцлѣра корунного, воеводу Сендомирского, воеводу Сиратцкого, кашталяна Мологовского, подскарбея корунного Яна Ѳирлѣя, канцлѣра Литовского тебя Лва Сопѣгу, подканцлѣра Литовского же *(л. 103)* Габриила Войну, и иных панов радных болших. И Ѳеонасей с вами говорил о цесарскомъ именованье, чтоб король к тому вору велѣл в своих грамотах писати і в речи говорити цесаремъ и самодержцем. А вы, паны-рада, Ѳеонасью говорили, что тот вор домогаетца у государя вашего у короля болшого титула; а осударь вашъ король и вы, паны-рада, того вора на Московском государстве посадили, і за то тот вор государю вашему Жигимонту королю и вамъ, паном, ничего не воздал, и того не здѣлал, что папе і королю и вам, паном-раде, обещался. А ото всѣхъ панов-рад тут в отвѣте

с Өеонасьем говорил ты, Лев Сопѣга; а паны-рада всѣ говорили то же. А нынешние королевские послы Миколай *(л. — об.)* Олешнитцкой, каштелян Малоговскиі, да Александръ Гасевскиі, секретарь і дворянин королевской, которые присланы от короля к тому баламуту на веселье, на посольстве тому вору тоже говорили, что на Московском государстве учинился королевским и его королевства людей способом. И то все дѣлалося с королевского ль вѣдома і с вашего панов-рад или без королевского? То ли государя вашего Жигимонта короля і ваша перед Московским государством правда, что, преступив крестное целованье, такова богоотступника, еретика на крестьянское кроворозлитье поострили есте и многую крестьянскую кровь пролили? А какъ Божиим праведным судом, милуя насъ всѣх православных *(л. 104)* крестьян, тот богоотступник, вор, еретик, розстрига Гришка Отрепьев по своим злым дѣлом от Бога месть принял, живот свой злѣ скончал, и в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., учиняся на Московском государстве царем и в. к., в. Р. с., забыв воеводцкие злые дѣла і умыслъ, по своему царскому милосердому обычею, его пожаловал, велѣл ему быть на своем государеве дворѣ у своих государевых бояр, и про того вора, про еретика про Гришку Отрепьева и про его с ним злой умыслъ, и какъ государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, преступя крестное целованье, и поруша *(л. — об.)* мирное постановенье, злым умыслом і вспоможеньем навели того вора на Московское государство, и в Московском государстве смуту и кроворозлитье учинили, и православную крестьянскую вѣру хотѣли попрати, велѣлъ ему бояром своим выговорити. И царского величества бояре с ним, воеводою, о том говорили. И воевода Сендомирской царского величества перед бояры бил челом і винился во всем, что он во всем в том перед в. г. ц. и в. к. Васильем Ивановичем в. Р. и передо всѣм Московским государством виноват, грѣхъ его к нему пришол, і вина его над ним ся и взыскала, что на такова вора прелстился; а привел того вора *(л. 105)* к нему зять его князь Костянтин Вишневетцкой. А повѣрили де они в том Москвитину, что назывался Петровским; а тот Петровской сказал, что он прямой царевичь Дмитрей Ивановичь Углетцкой и примѣты на нем имянно сказал. Да другой хлопецъ его воеводин также познал его, что он прямой царевичь Дмитрей. И он деи воевода і зять его князь Костянтин, взяв того баламута, поѣхали х королю. А какъ де х королю приѣхали, и королю про него розсказали тоже, и перед королем деі его и перед вами, паны-

радою, поставили. И он деи баламут королю и вамъ, паном-раде, про себя тоже розсказал и бил челом королю и вам, паном-раде, чтоб ему на Московское государство *(л. — об.)* казною и людьми помочь учинили. И король деі и вы, паны-рада, тому баламуту повѣрили, і дал ему король чѣпъ золоту да золотых нѣсколько тысечь, и во всем деи учали его чтити, кабы прямого государского сына. И он де королю и вамъ, паном-раде, учал бити челом, чтоб поволили с ним итти ему, воеводе, і Вишневетцким. И король де и вы, паны-рада, всѣ ему, воеводе, и сыну его Сенатцкому старосте с своими і с наемными, і всяким людем итти с ним поволили. И он де, воевода, государя вашего по королевскому розсказанью і вас всѣх, панов-рад, с ним пошли на Сѣверу, і его сподоблял, и людей наймовал на тот скарбъ, что было дати ему королю доходов с своего старосства. И то государя вашего Жигимонта *(л. 106)* короля и вас всѣх панов-рад правда ль, что, преступив крестное целованье, и поруша мирное постановенье, и повѣря двем вором Москвитину беглецу Петровскому да воеводцкому хлопцу, и такое кроворозлитье і разоренье на Московское государство и истинной православной крестьянской вѣре ругательство навели? Чему было такому же Петровскому и хлопцу воеводину повѣрити? А тот Петровской вѣдомой вор: тебѣ, Лву, самому про него вѣдомо, служил он на Москвѣ у сына боярского у Істомы Михнова, а звали его Петрушею, а не Юрьем Петровским, а был он в Лиѳлянской землѣ году или дву, и рос у Истомы Михнова в ымѣнье на Туле; а на Углече он николи не бывал, и царевича Дмитрея *(л.—об.)* не видал, и у нас таких страдников ко государскимъ дѣтем не припускают. И в прошлом во 109-м году, какъ были от царя Бориса у государя их Жигимонта короля в Вильне послы боярин Михайло Глѣбовичь Салтыков с товарыщи, а тот был Петруша с Ыстомою Михновым с послы же; и многие его Вильневцы у Истомы знают. І в тѣ поры тот Петруша у Истомы заворовал, покрадчи его и у многих дворян и у торговых людей товары выманив, збежал в Вильне к тебѣ, ко Лву; и ты его, Лев, принел к себѣ в Самойликово мѣсто Кохоновского, что остался после тебя на Москвѣ, и был у тебя, у Лва, в худых людех. И как было такому вору в таком в великом *(л. 107)* дѣле королю и вам, паном-раде, повѣрити, и, преступя крестное целованье, собрався со многими людьми на чюжое государство ратью пойти, и такую ссору и кроворозлитье учинити? Да у того же богоотступника у розстриги сыскан список съ их утверженного письма, какъ он укреплялся с Сендомирским воеводою, будучи у него в ымѣньѣ в Самборе; а тот списокъ весь

воеводы Сендомирского рука. А в том их письмѣ написано: какъ он богоотступник, еретик доступит государства Московского и поймет за себя воеводину дочь, и ему, вору, дати той женѣ своей два великие государства великиі Новгород да Псков со всѣми уѣзды, и з думными людьми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы, і со всѣми *(л. — об.)* приходы, и с пригородки, і с мѣсты, и с селы, и вольно ей в тѣхъ великих государствах монастыри і костелы ставити римские, і бискупы и попы і вѣра утвердити римская безо всякие забороны; а кой час доступит государства Московского, и ему дати воеводе 10000 золотых полских, а руским числом 3000 рублев, а дочери его дати на подъем клейнотов, і серебра, і бархатов золотых, і всякие казны, что ни есть лутчево в Московскомъ государстве. А ему вору, будучи на Московском государстве, промышляти о том накрепко, чтоб всѣхъ людей во области Росийского царствия от нашие істинные православные хрестьянские вѣры греческого закона отвести, і в римскую вѣру превратити, *(л. 108)* и православные святые церкви в Росийском царствіи разорити, і подѣлати костелы римские. І на том на всем он, богоотступник, еретик воеводе крестъ целовал, и присягал перед римскими ихъ учители, что ему по тому своему письму здержати крѣпко і всѣхъ людей Росийского царствия в вѣру в римскую привести. Да і сам воевода пе, редо всѣми царского величества бояры сказал, что такой у них договор с тѣм воромъ был, и на том меж себя вѣрились, и то письмо ево воеводцкая рука. Да воевода же сказал перед бояры, что писал к нему тот воръ розстрига с Москвы листъ за своею же рукою і за печатью, а посулил ему город Смоленескъ со всѣм уѣздом да Сѣверу всю, *(л. — об.)* и поволил ему в тѣх государствах монастыри і костелы ставити римские і утвержати римскую вѣру. Да у того же богоотступника, у еретика, у розстриги сысканы грамоты, что писал к нему папа, и папины біскупы и попы, чтоб он то все помнил і промышлял тѣм ранее, на чем перед королем перед Жигимонтом и перед папиным легатом присягу дал, что ему быть в римской вѣре и людей всѣх государства Московского в римскую вѣру привести. И тѣ всѣ листы на Москвѣ бояре казали послом государя вашего Миколаю Олешнитцкому да Александру Гасевскому, и тот список, что писал воевода Сендомирской своею рукою, на чем его *(л. 108)* злодѣя к присяге привел, как бы разорить истинная крестьянская вѣра. И послы і сами познали, что тот список весь воеводіна рука Сендомирского. І вы то панове сами можете разсудити: какъ такое злое дѣло дѣлано, не страшась суда Божия?

Вѣдаете сами, что вѣра крестьянская греческого закону, от предания святых апостолов і святых отецъ седьми соборов, іздавна Богом соблюдаема и правосиятельна, яко солнце, і стоит нерушимо и крѣпко и непоколебімо; і всемогущаго в Троице славимаго Бога нашего человѣколюбіем и сохранением его праведные десницы не токмо всѣх людей, которые под областью Московского царствия, і едінаго *(л.—об.)* человѣка с великим трудом от истинные православные крестьянские вѣры отводити. І Божьею милостию, тот его богоотступника, еретика злой о вѣре умыслъ і всѣхъ способствовавших ему во всем свѣте явен оказался, і бесовавшии же на истинну і хотящіи свѣт омрачити конечною погибелью погибоша, а істинная наша непорочная вѣра славитца і свѣтитца, яко солнце, и православная святая церковь на недвижимом камени пребывает непоколебима. Аще ся и пѣнит і бѣсит море, а Исусова карабля не может потопити. А государю вашему Жигимонту королю и вам, паном-раде, надобе знати, хто тому вінен,*(л. 110)* чтоб за то меж великими государи нашими и их государствы доброму дѣлу порухи не было. Да и то, панове-рада, государя вашего Жигимонта короля і вас всѣх его сенатарей правда ли перед Московским государством, что государь вашъ Жигимонтъ король накупал на государя нашего государства Крымского царя Казы-Гирѣя с тѣм богоотступником вмѣсте? И напеpед сего мы вам о том обьявили, какъ Крымского Казы-Гирѣя царя Жигимонтъ король на государства государя нашего накупал. І великому государю нашему его царскому величеству то во удивленье стало: каким обычаем государь вашъ Жигимонтъ король, забыв свое крестное целованье, бесермен на крестьян накупает? *(л. — об.)*. Крестьянским государем так дѣлати не годітца. Не токмо великим государем, и простым людем того дѣлати непригоже. А пригоже было всѣм крестьянским государем на бесермен стояти заодин, а не крестьянского кроворозлитья искати.

А будучи в отвѣте с паны-радами, князю Григорью і діаку Ондрѣю, выговоря сперва по наказу, говорити с ними, выслушивая у них речей: о которых они статьях учнут говорити, и на тѣ статьи против ихъ речей имъ отвѣт чинити по сему же государеву наказу. А будет паны-рада учнут говорити по розным статьям, а в сем наказе у них тѣ статьи писаны в одной статьѣ, *(л. 111)* и князю Григорью и дьяку Ондрѣю говорити порознь же против ихъ речей по сему же государеву наказу, и выговаривати имъ, і встречати ихъ по сему государеву наказу подлинно і смотря по тамошнему дѣлу и по ихъ словамъ, как их Богъ вразумит.

А будет паны-рада учнут говорити про послов, что государь нашъ Жигимонтъ король прислал к тому баламуту послов своих на веселье, и то бывает вездѣ во всѣх государствах крестьянских государь ко государю послов своих на государскую радость посылает, а про то не вѣдали, что он вор, а шли послы по глентовному листу, а се приезжал государя нашего звать на веселье к тому *(л.— об.)* баламуту посол Ѳеонасей Власьев, а ныне государя их послы на Москвѣ задержаны, — и князю Григорью Костянтиновичю и дьяку Ондрѣю паном-раде говорити: говорите вы, паны-рада, о послѣхъ, что они от государя вашего к розстриге приѣхали на веселье по звыклому обычею, какъ бывало преже сего на государские радости послы приѣзживали и по глентовному листу, а се звал короля на веселье Ѳеонасей Власьев, — и так на государские радости не приѣзжают. Воевода Сендомирской, и его приятели, и королевские послы, и с ними всѣ люді Поляки и Литва приѣхали ратным обычаем, убравшися в збруи и в копьи, и умыслъ у всѣх был такой, сами говорили Поляки и Литва, которые приѣхали к Москве с воеводою и с его приятели и послы, не тайным обычаем, во всемъ государстве, что они приѣхали на то, что Московских людей начальных всѣх побити, и Поляком посѣсти по всѣм урядом, і вѣра греческая порушити, и учинити в Росийском государстве римская вѣра и костелы римские. А листы глентовные посылал вор розстрига, а писаны по латыне, писали у него ваши же Поляки; и государственные печати всѣ побрав тот тот вор ис приказу, гдѣ они бывают, к себѣ, и писал и печатал, і дѣлал все с Поляки, какъ хотѣл. А сенатари нихто ни один *(л. — об.)* того не вѣдал, і в Посольском приказе ничего того не обьявилося. Да і сами государя вашего послы видели, какъ были у того вора, и туто сенатарей никого не было, только один был совѣтник его вражей и измѣнник всего государства Московского Петръ Басманов. А что было от короля с тѣми послы к тому богоотступнику, к вору, к розстриге, к Гришке Отрепьеву грамот и что их посольство, того ничего сенатарем тот вор обьявити не велѣлъ, а отдали все тому вору втайне. И ныне государя вашего послы у царского величества на Москвѣ стоят на Посольском дворѣ, и кормы им дают довольны, и живут в царском жалованье во всяком покое, какъ есть по *(л. 113)* посольскому обычею, которые послы приходят з добрым дѣлом. А не отпущены они ныне к государю вашему для того, что присланы они от Жигимонта короля къ богоотступнику к Гришке Отрепьеву. И тот богоотступник, воръ, розстрига по своим злым

дѣлам от Бога месть принял, злѣ живот свой скончал; а ныне, по Божией милости і по прародітельской степени, учинился на государстве Московском государем ц. и в. к., в. Р. с., великий государь нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. И имъ, не быв у государя нашего и не видев царских очей, ѣхати не хотѣлося; а быти им государь у себя и своих царских очей видети, *(л.— об.)* не обослався з государем вашим Жигимонтом королемъ, не поволил. Да і сами они того не хотѣли; а били челом в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. и просили того, чтоб государь поволил имъ с нами вмѣсте послати ко государю вашему Жигимонту королю і к вам, паном-раде, людей своих. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., людей своих с нами х королю и к вам, паном-раде, послати им поволил; и они людей своих с нами не послали невѣдомо для чего. А какъ с великим государем нашим с царским величеством государь вашъ Жигимонтъ король соплетца, *(л. 114)* и великиі государь нашъ его царское величество послов ваших тотчас отпустит, не задержав, со всякою учтивостью по посольскому обычаю.

А будет паны-рада учнут говорити, что многие Польские и Литовские люді лутчие, шляхта, побиты до смерти, а достальные переграблены, а ныне воевода з детьми и з братьею, і Вишневетцкой, и Тарлы, и Стадницкие і иные радные паны многие сидят на Москвѣ в запоре, в великой нуже, и государь для чего их не отпустит, — и князю Григорью и Ондрѣю говорити: мы вам преже сего про воеводцкой злой *(л.—об.)* умыслъ с тѣм богоотступником з Гришкою Отрепьевым сказывали, какъ он воевода с тѣмъ вором по королевскому розсказанью на государя нашего на Сѣверскую землю войною ходил, і его во всем подмогал, и крови крестьянские многие пролил, и смуту и ссору в Московском государстве учинил, и истинную нашу православную крестьянскую вѣру обругал, и какъ он с тѣмъ вором на разоренье Московского государства и истинной нашей православной крестьянской вѣре записьми у себя в Самборе укреплялся, и всему злу дѣлу и крестьянской крови начальникъ он Сендомирской воевода і с своими приятели, которые ныне с ним на Москвѣ. Да и сами вы, паны-рада, намъ о том говорили, *(л. 115)* что то все учинил воевода Сендомирской с своими приятели. А какъ вор, богоотступник Гришка Отрепьев, по дьявольскому ученью, бесовскими мечты і вспоможеньем государя вашего и вас, панов-рад, до царствующаго града Москвы дошол и царского венца коснулся, и тот вор к нему, воеводе Сендомирского, и к дочери его с Москвы

с своими совѣтники и с Поляки многую неизчетную казну в Польшу послал, и многие царские сокровища прежних великих государей наших, Росийских царей, истерял і отослал; чего был вор и видети ихъ недостоен, и во многих великих государствах таких дорогих узорочей не было, что была в Московскомъ государстве, болши 500000 рублев *(л. — об.)* поотослал всяких узорочей. А послѣднее тот богоотступник, еретик Гришка Отрепьев, по совѣту с Сендомирским воеводою, и с сыном его с Сенатцким старостою, и с Вишневетцким, и с Тарлы, и с Стаднитцкими,и со всѣми своими приятели, которые с ним ныне на Москвѣ, умыслил злым обычаем в Московском государстве бояр, и дворян, и приказных людей, і гостей, и всяких лутчих людей побити, а Московское государство разорити, и истинную нашу православную крестьянскую вѣру греческого закона попрати, а римская вѣра утвердити. Да і самъ тот богоотступник, еретик, розстрига сказал, что то все дѣлати хотѣл; и которые у него жили близко Поляки и Литва, тѣ всѣ сказали *(л. 116)* весь его окаянной злой совѣт подлинно. А быти было тому назавтрее того дни, какъ его злодѣя убили, в недѣлю маия въ 18-й день, всѣх бояр, и дворян, и приказных людей, и гостей и лутчих всяких людей побити тѣмъ обычаем: велѣлъ он вор вывести за город наряд многой будто для потѣхи, і в ту де было недѣлю маия въ 18-й день хотѣл велѣти туто выехати за город будто стрельбы смотрити воеводе Сендомирскому, и сыну его Сенатцкому старосте, і Вишневетцкому, и Тарломъ и Стаднитцким во всѣми с Польскими і с Литовскими людьми в збруе во всей и со оружьем; и какъ де он выедет на стрельбу, а за ним будут бояре и дворяне всѣ. И какъ де *(л.—об.)* учнут из наряду стрелять, і в ту пору Поляком всѣм ударити на бояр и дворян и их побивати; и то де он вор розписал кому Поляком на ково на бояр приѣхати. А как де лутчих людей всѣх побьет, и во всем де будет его воля, і велит тотчас костелы римские ставити, а в церквах в руских пѣти не велит; и то де все совершит, на чем онъ присягал папе и королю вашему. И милосердый Богъ нашъ нас всѣх православных крестьян пощадил и такой его воровской умыслъ всѣм людем обьявил. И ныне по своему злодѣйству тот богоотступник, розстрига Гришка Отрепьев и с своими совѣтники от Бога месть принял, злѣ живот свой скончал. А которые Польские и Литовские люді пришли *(л. 117)* с Сендомирским воеводою к тому вору на разоренье Московского государства, и тѣх Польских и Литовских людей за их неистерпимые грубости і насильства, что они в Московском государстве кровь крестьянскую по на-

ученью і по совѣту того вора безпрестани проливали, и многие насильства людем чинили, и вѣру нашу греческого закона обругали, хотѣли всѣх побити. И в. г. нашъ ц. и. в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., по своему царскому милосердому обычею, какъ есть істинный хрестьянский государь, не хотя видети во хрестьянстве кроворозлитья, всѣм заказал, и многонародное множество от того унял, і не велѣл никого убити і грабити, і дочь воеводіну от смерті *(л. — об.)* уберег. Самъ великиі государь нашъ его царское величество ѣздил своею парсоною, многонародное множество от убивства унимал, воеводу Сендомирского, і сына его, і Вишневетцкого, і Тарла, і Стаднитцких, і иных воеводцкихъ приятелей, и всяких Польскихъ и Литовских людей от смерти отнял, убити их і ограбиті не дал. И воеводы, и старосты Сенатцкого, и князя Костянтина Вишневетцкого, и иных воеводцких приятелей слуг велѣл отпустити в Польшу и в Литву, а оставил только тѣх немногихъ, которые меж Московским государством и корунòю Польскою и великим княжеством Литовским большую ссору и кроворозлитье учинили, и Московское государство хотѣли с тѣм вором разорити, *(л. 118)* и истинную нашу православную крестьянскую вѣру греческого закона нарушити. А которые немногие люді Поляки и Литва побиты, и то учинилося потому: которые учали стоять за того вора розстригу і учали за него битись, и их побили многим народом; да і за то, что от Поляков и от Литвы многие безмѣрные неистерпимые тесноты і насильства в Московском государстве всяким людем починилося, і разорение от них конечное было: у многихъ людей жен отнимали, и многое злое всякое насильство людем Московского государства чинили і злыми всякими поносными укоризны безпрестани поносили. А великого государя нашего его царского величества милость к себѣ *(л. — об.)* і заборону сам воевода и его приятели и послы видели. А только б царское величество над ними не умилосердился, народу не унял, і их бы за их неистерпимые грубости не остался жив ни один человѣкъ. И ныне в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., какъ есть истинный крестьянский государь, не хотя кроворозлитья во крестьянстве видети, памятуючи то, какъ царь Борис з государем вашим Жигимонтом королем и меж своими государствы перемирье утвердили і своимі государскими душами укрепили, послал нас, посланников своихъ, к государю вашему Жигимонту королю, а велѣл нам о тѣх о всѣх неправдах государю вашему и вам, паном-раде, *(л. 119)* объявити, что з государя вашего стороны тѣ неправды Московскому государству учинилися через крестное целованье, многие крови про-

лилися, и царской казнѣ і всему Росийскому царствию неисчетные убытки починил. И государь б вашъ Жигимонтъ король к великому государю нашему о тѣх дѣлех, что учинилося з государя вашего стороны через крестное целованье, и о тѣх людех, которые ныне на Москвѣ, слал послов своихъ, наказав имъ подлинно, какъ бы такие великие дѣла к совершенью любви привести, и чѣмъ такие великие крови, без правды проливаемые, загладити, и такая многая казна, которая от того вора истеряна, *(л. — об.)* и иные убытки заплатити.

И будет паны-рада учнут говорити: с ними о том приказ есть ли, что перемирье то, которое учинено з Борисом, государю вперед з Жигимонтом королем держати ли или розорвати, — и князю Григорью и діаку Ондрѣю говорити: намъ о том от государя своего говорити Жигимонту королю не наказано, что перемирье закрепити или розорвати; а велѣл намъ царское величество государю вашему Жигимонту королю и вам, паном-радам, объявити о том, что учинилося з государя вашего стороны через крестное целованье. А государь *(л. 120)* нашъ царское величество — милостивый и праведной государь, не прагнет на крестьянские крови, а хочет того, чтоб всѣ хрестьянскне государи были в тишинѣ и в покое і стояти б всѣм заодин на врагов Креста Христова на бесерменских государей.

И будет паны-рада учнут говорити, чтоб г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., послал своих послов к Жигимонту королю о тѣх о всѣх дѣлехъ, что они с ними говорили, і старое перемирье подкрепити, — и князю Григорью и діаку Ондрѣю говорити: будет государь вашъ Жигимонтъ король похочет с великим государем нашим сь его царским величеством *(л. — об.)* быти в покое и в тишинѣ, и он бы, памятуя свои неправды, к в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., слал послов своих вскоре.

А будет паны рада учнут говорити, что государь их Жигимонтъ король посылает своих послов к царьскому величеству и с ними государева опасная грамота на королевы послы есть ли, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю говориті: в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., прислал нас ко государю вашему к Жигимонту королю свое государство обестити *(л. 121)* и о тѣх дѣлех, которые мы с вами говорили, говорити, а опасные грамоты на государя вашего послов с нами нѣт. А будет надобеть на государя вашего послы опасная грамота, і какъ будем у великого государя нашего у его царского величества, и мы о том царскому величеству донесем; и

великиі государь нашъ царское величество опасную грамоту на послы государя вашего пришлет.

А будет учнут паны-рада говорити, чтоб г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. послал послов своих напеpед, — и *(л. — об.)* князю Григорью и дьяку Ондрѣю говорити: панове-рада! Хотя б таких неправдъ з государя вашего стороны и не было, и государю нашему напеpед о том посылати послов не годитца потому: вѣдаете сами, что издавна государи ваши короли Польские к великим государем нашим к царемъ Росийским послов посылывали напеpед; а что будет послы у царского величества здѣлают и приговорят, і с тѣм послы государя нашего поідут ко государю вашему. А ныне такие неправды починилися з государя вашего стороны в перемирное время через крестное целованье, чего николи ни в бусурманских государствах не бывало.

(л. 122) А будет паны-рада учнут говорити, что не в давныхъ лѣтех приходіли к ним напеpед от г. ц. и в. к. Федора Ивановича в. Р. на олекцѣю послы великие боярин и намѣстник Велико-Пермский и Костромской Степан Годунов с товарыщи і перемирье учинили у них на олекцѣе с ними с паны-радами на 15 лѣтъ, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю говорити: то было в то время, какъ паны-рада были безгосударны, и в. г. нашъ блаженные памяти ц. и в. к. Федор Ивановичь, в. Р. с., по своему царскому милосердому обычаю, *(л. — об.)* тѣх своих великих послов боярина і намѣстника Велико-Пермского и Костромского Степана Годунова с товарыщи посылал к коруне Полской и к великому княжеству Литовскому вас, панов-рад, в жалости навестити да о своем государском обіранье, чтоб королевство Польское и великое княжество Литовское случити с Московским государством і быти б вамъ под его царского величества высокою рукою. И то тому не образец. А после того, какъ учинился на королевстве Польском и на великом княжествѣ Литовском Жигимонтъ король, і он присылал к великому государю нашему послов своих напеpед Станислава Радиминского с товарыщи о перемирье, да опосле *(л. 123)* государь посылал к Жигимонту королю послов своих того перемирья закреплять по прежнему обычаю окольничего Михаила Глѣбовича Салтыкова да казначѣя Игнатья Петровича Татищева с товарыщи. Да и после того, какъ Божиим судом не стало блаженные памяті в. г. ц. и в. к. Федора Ивановича, в. Р. с., а на Росийском государстве учинился государем Борис Годунов, и государь вашъ Жигимонтъ король присылал к царю Борису тово перемирья, что было учинено меж в. г. ц. и в. к. Федором

Ивановичем в. Р. і Жигимонтом королем, подкрепити и вновь мир утвердити послов своих великих канцлѣра *(л. — об.)* великого княжества Литовского Лва Сопѣгу с товарыщи; и они, будучи у Бориса, перемирье з бояры приговорили. А царь Борис того перемирья посылал закрепляти к Жигимонту королю послов своих опосле. Да что о том много говориті: при прежних великих государехъ того не бывало. А ныне великому государю нашему для чего наперед х королю послов своих посылать?

А будет король князя Григорья и дьяка Ондрѣя позовет к себѣ ѣсти, и им говориті приставом, чтоб в то время у короля иных государей послов и посланников и гонцов не было; а будет іные которые послы и гонцы у короля *(л. 124)* в то время будут, и им туто ѣсти нельзя; а будет и ѣсті, и им сѣсті выше иных послов и посланников и гонцов, а ниже ихъ не садитись.

А будет князь Григорей и дьякъ Ондрѣй придут х королю за стол, а тут будет сидятъ иные послы и посланники і гонцы, а захотят будет ихъ посадіти ниже их, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю за стол не садитися да пойти вонъ; а говорити, что им ниже тѣх послов и посланников сидѣти непригоже, а говорят они то не для себя, для царского имени, присланы они от великого государя с любовным *(л. — об.)* дѣлом.

А будет посадят князя Григорья і Ондрѣя король за столомъ да после захочет обвести иными послы и посланники і гонцы, і им, встав из-за стола, ѣхати к себѣ, а у стола с ними не ѣсти. А говорити: то дѣлает Жигимонтъ король мимо прежние обычаи — какъ бывали у великих государей наших царей Росийских блаженные памяти у в. г. ц. и в. к. Івана Васильевича, в. Р. с., и у г. ц. и в. к. Ѳедора Ивановича, в. Р. с., Цесарские послы и Турские и иных великих государей, и государя вашего послов ими не безчестили, *(л. 125)* тѣми послы их не обваживали.

Да память посланником князю Григорью Костянтиновичю и дьяку Ондрѣю Иванову. Какъ велитъ им король после посольства быти для какова дѣла у себя или у панов-рад, и князю Григорью и дьяку Ондрѣю говорити королю или паном-раде, что посылает в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р., к Рудельѳу цесарю Римскому государство свое обестити и о иных дѣлех посланника своего, а итти ему через его королевскую землю, и Жигимонтъ бы король велѣл того посланника пропустити к Рудельфу цѣсарю, через свои государства итти, *(л. — об.)* и велѣл бы на того посланника дати свой королевской листъ, чтоб ему вольно ѣхаті через его госу-

дарства; а они, князь Григорей и Ондрѣй, тот его королевской листъ донесут до царского величества.

Да будет король государеву посланнику дастъ свои королевские листы через свою королевскую землю, и князю Григорью Костянтиновичю и дьяку Ондрѣю Иванову тот королевской листъ, взяв, привести ко г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р.

А нѣчто князя Григорья и діака Ондрѣя в Литвѣ позадержат и отпуску себѣ вскоре не почают, *(л. 126)* и князю Григорью и Ондрѣю тот королевской проѣзжей листъ прислати наперед себя нарочно ко государю, с кѣм будет пригоже, и о всемъ им отписати ко г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р.

А будет король или паны-рада учнут ихъ спрашивати: какъ г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. с Турским, и с Перситцким, и с Крымским царем или спросят: какъ с Цесарем крестьянским, и з Датцким, и с Аглинским съ Якубом королем, и с Свѣйским арцы Карломъ и с ыными государи, о которых вспросят, — и посланником князю Григорью Костянтиновичю *(л. — об.)* и дьяку Ондрѣю Иванову говорити: в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., на прародітелей своих престоле учинился недавно, и ему государю никакова недруга нѣтъ; а ссылка ни с которыми государи быти не успѣла. А какъ великиі государь нашъ царское величество послал нас ко государю вашему государство свое обестити, и нам то вѣдомо, что великий государь нашъ послал послов своих к Перситцкому шаху воеводу князя Ивана Петровича Ромодановского с товарыщи. А к иным государемъ великиі государь нашъ царское величество государство свое обестити послов и посланников посылает вскоре. — *(л. 127)* А от Свѣйского арцы-Карла у великого государя нашего посланник на Москвѣ, чтоб великиі государь нашъ его царское величество прежнее мирное постановенье велѣл закрепити и помочь бы ему учинил на государя вашего о Лиѳлянской землѣ; а он, доступя Лиѳлянские земли, поступитца из нее многих городов племяннику своему Густаву королевичю, Свѣйского короля Ирикову сыну, которой государю нашему его царскому величеству ныне служит, или какъ царское величество повелит. А Густав королевичь безпрестани в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. бьет челом, чтоб великиі государь нашъ его царское величество дал ему ратных людей и поволил итти *(л. — об.)* доступати Лиѳлянские земли, а он Лиѳлянской землѣ вотчичь. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., какъ есть хрестиянский милосердыи государь, памятуя прежнее крестное целованье и мирное постановенье, крово-

розлитья во крестьянстве видети не хочет и на то посямѣста не позволил.

А нѣчто спросят про Нагаи: какъ ныне Нагаи в государеве ли воле, и им говорити: какъ они пошли с Москвы, и про то вѣдомо подлинно, что Нагайской Иштерек князь и всѣ Нагайские мурзы послали к великому государю нашему бити челом и поздравляти на великих государствах *(л. 128)* лутчих мурзъ братью свою і детей и с ними улусных людей, и чтоб государь нашъ царское величество его Иштерека князя з братьею и всѣх мурзъ Нагайских пожаловал, принял под свою царскую руку; и тѣ мурзы ныне в дороге.

Да память посланником князю Григорью Костянтиновичю да дьяку Ондрѣю Иванову. Будучи им в Литвѣ, провѣдывати о всяких вѣстех, какъ ныне король с цѣсарем и с Турским салтаном, и какъ с Крымским царем, и какъ з Датцким и с Свѣйскою землею, и послы х королю от кого бывали ль, и будет были ль, и о чем приходіли; и сеѣ весны і в лѣто в Литовскую землю войною Крымские люді или царевичи или (*л. — об.*) иных которых государствъ люді приходили ли, и будет приходіли, и многие ль люди были, и которые мѣста воевали, и дѣло гдѣ Литовским людемъ с Крымскими людьми бывало ль, и послов своих король к Турскому и х Крымскому царю внове и ныне посылывал ли, и будет посылал, и кого имянем и с чѣмъ посылал, и от Турского войны на Литовскую землю не чаят ли, а будет чают, і за что быти войнѣ от Турского на Литовского и на которые мѣста, и что о том королево і земское умышленье, какъ ему против Турского и Крымского стояти ли или миритца, или будет Литовской король с Турским помирился, и поминки Литовской король к Турскому посылает ли и почему *(л. 129)* посылает, и ныне сего лѣта король к Турскому послал ли и кого имянем, посланников ли или гонцов послал, и какъ ныне Рудельфъ цесарь с Турским салтаном, ссылка меж ихъ какая бывала ль, и будет была, і о чем ссылаютца — миритца ли хотят или помирилися, и на чем помирилися, а будет не помирилися, и меж ихъ война есть ли, и сего лѣта Турским и Крымским людем с Цесаревыми людьми гдѣ бои бывали ль, и будет был, и на которую сторону людей больши пало, и что у Турского цесарь или Турской у цесаря городов взял внове, и чего вперед меж ихъ чаять — миру ль или войны, и будет вперед меж ихъ чаять войны, и хто с цесарем на Турского в соединенье, и король Литовской *(л.—об.)* цесарю помогает ли, и хто иных государей с цѣсаремъ стоят заодин против Турского.

Да и того князю Григорью и Ондрѣю провѣдывати в Литвѣ: что говорят про г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р., и какъ король хочет быти на каковѣ мѣре: то ли мирное постановенье хочет держати до урочных лѣт, которое учинено въ 109-м году, или вѣчным миром миритися хочет, и что говорят про розстригу, и про Сендомирского воеводу, и про его приятелей, которые ныне на Москвѣ, и на каковѣ мѣре чает король и паны-рада за них з государем станут дѣлати, и что мещане *(л. 130)* и всякие мѣлкие люди про короля и про панов-рад говорят, что они того вора розстригу, не сыскав допряма, подмогали, и в Московском государстве кроворозлитье и ссору учинили, а себѣ воевода и дочери своей безчестье і убытки великие починил, і нѣт ли у короля с паны радными і со всею землею розни, і будет есть, і в чем у них рознь, и вперед на Польше и на Литвѣ тому ли королю быти или иному, і будет иному, и кого чают себѣ королем оберут. Того провѣдывати накрепко тайно у всяких людей; а что провѣдают, то все себѣ записати.

А как князь Григорей и дьякъ Ондрѣй *(л. — об.)* придут х королю и велит имъ король быти у себя на посольстве, а учнет будет король говорити в речи государево царево и в. к. Василья Ивановича в. Р. имя без царского именованья і без самодержца, — и посланником князю Григорью Костянтиновичю и дьяку Ондрѣю Иванову говориті паном-раде: к прежним великим государем блаженные памяти к ц. и в. к. Івану Васильевичю, в. Р. с., і к сыну его в. г. ц. и в. к. Федору Ивановичю, в. Р. с., писали в своих грамотахъ всѣ великие государи по их царскому достоинству с полным *(л. 131)* царским именованьем — цесарь Римской, и папа, и король Ишпанской, і Ѳранцовской, и царь Турской, и шах Кизыльбашской. А государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего царского величества имя говорил в речи і в розговорех не с полным царским именованьем і самодержцем и его царского титла сполна не именует, а та царская честь і повышенье их царскому имяни дана им, государем нашим, по их царскому достоянью, почень от в. г. Владимера Манамаха, от Грек высокодостойнейшую честь восприимшаго, и венчан царским венцом і діадімою от великих государей от Костянтинопольских царей, совѣтом святѣішихъ вселенскихъ четырех патриархъ и всего вселенского *(л. — об.)* собора, и именован царь и великиі князь Владимер Манамах, даже і до в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., и сына его в. г. ц. и в. к. Федора Ивановича, в. Р. с., и многих мусульманских государствъ

победителя и облаадателей. Потом Божиим праведным судом на той превысочаішей царской степени величества, по степени прародителей их, великих государей царей Роспйских учинился государем царем и великим князем, всеа Русиі самодержцем, государь нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с.; не токмо что Росийского государства царское *(л. 132)* именованье Богъ ему государю подаровал, и мусульманских государствъ царства Казанского, і Астараханского, и Сибирского, и многие крестьянские і мусульманские цари на своих царствах великому государю нашему служат, и прославлена великих государей наших ихъ превысочайшая царская степень величества славою и честию во всей вселенней от всѣх великих государей. И вам, паном-радам, пригоже о том радѣти и государя своего Жигимонта короля на то наводити, чтоб тѣ прежние дѣла отставити. А писал бы к в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., по его царскому достоинству с полным царским именованьем, какъ всѣ великие *(л. — об.)* государи описуют; а не учнет писати к великому государю нашему с полным царским именованьем, и Жигимонту королю то будет не честь же, что в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., учнет к нему писати без королевского именованья.

Да память князю Григорью Костянтиновічю Волконскому да дьяку Ондрѣю Иванову. Как они приѣдут в Литву или в Польшу, а вѣдомо им учинитца, что Жигимонта короля не стало, или будет і жив, а королевства отбыл, а на коруне Польской и на великом княжествѣ Литовском учинился новой король, и учнут будет *(л. 133)* им в котором городе говорити паны радные или хто от них приѣдет, что посланы они были от в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., к государю их к Жигимонту королю, и судом Божиим государя их Жигимонта короля не стало или будет королевства отбыл, а на коруне Польской и на великом княжествѣ Литовском учинился у них новой государь король, и они б шли назад, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю паном-раде или кого оні от себя пришлют говориті: в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., *(л. — об.)* послал нас к государю их к Жигимонту королю Польскому і к великому князю Литовскому і к ним, паном-раде, о великих дѣлех, и судом Божиим Жигимонта короля не стало или будет от королевства отбыл, а учинился у них на государстве на коруне Польской и на великом княжествѣ Литовском новой король, и они б, паны-рада, велѣли им быти у государя своего у нового короля; и они, по государя своего приказу, і новому королю тѣ всѣ дѣла обьявят,

которые дѣла были наказаны от царского величества говорити Жигимонту королю, а потом о тѣх же дѣлехъ учнут с ними, паны-радами, говорити. А не быв им у нового короля і с ними, паны-*(л. 134)* радами, не говоря о дѣлех, назад не хаживать. И говорити им о том накрепко, чтоб имъ велѣли быти у нового короля, чтоб тѣм меж великих государствъ доброму дѣлу порухи не было.

Да как имъ велят быти у нового короля, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю, пришед х королю, правити от в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. поклон по прежнему наказу. А после того говорити новому королю князю Григорью: *(л. — об.)* Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с., и многих государствъ государь і облаадатель, послал нас, посланников своих, к прежнему Жигимонту королю государство свое обестити и о иных нѣкоторых о великих дѣлех. И судом Божиим Жигимонта короля не стало, или будет і жив, и от королевства отбыл, а на коруне Польской и на великом княжествѣ Литовском учинился вы, великиі государь. И мы, царского величества посланники, тѣ всѣ дѣла, которые были с нами от царского величества наказаны говорити Жігимонту королю, обьявляем вам, великому государю. И вам бы, великому государю, вѣрющая *(л. 135)* грамота от царского величества велѣти у нас приняти і рѣчь у нас выслушати. — Да подати вѣрющая грамота. А после того королю говорити рѣчь против того же, какъ велено говорить Жигимонту королю; а почати рѣчь тѣм же, какъ имъ сперва, пришодчи, указано в речи новому королю говорити.

А как после посольства велит имъ новой король опять быти у себя на дворѣ и вышлет к ним кого панов-рад в отвѣт, — и *(л. — об.)* князю Григорью и дьяку Ондрѣю с паны-радами говорити о дѣлех по прежнему государеву наказу.

А будет Жигимонта короля не стало, или будет і жив, а от королевства отбыл, а нового короля в Польше і в Литвѣ нѣтъ, а владѣют паны-рада, и учнут будет имъ в котором городе паны-рада говорити или хто от них приѣдет, что посланы они были от в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., к Жигимонту королю, і Жігимонтъ ныне от королевства отбыл, и имъ итти нѣ х кому, и они б шли назад, — и князю Григорью и дьяку Ондрѣю паном-раде *(л. 136)* говорити, а будет самих нѣт, ино к ним приказаті с тѣм же, хто от них приѣдет или с приставы: в. г. ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с., его царское величество послал нас к Жигимонту королю государство свое обестити і о иных о нѣкоторых о великих дѣлех

с ними, с паны-радами, говорити. И ныне Жигимонтъ король от королевства отбыл, и паны б рада коруны Польские и великого княжества Литовского велѣли им быти у себя; а с ними от царского величества приказ о многих дѣлех.

Да какъ паны-рада коруны Польские и великого княжества Литовского съѣдутца и *(л. — об.)* велят имъ быти у себя у обоих рад или хоти по нуже у одних Литовских, а пришед к паном говорити князю Григорью и діаку Ондрѣю: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., и многихъ государствъ государь и облаадатель, послал нас, посланников своих, к государю вашему к Жигимонту королю государство свое обестити и о нѣкоторых о великих дѣлех с вами, паны-радами, говорити. И Жигимонтъ король ныне от королевства отбыл, а в коруне Польской *(л. 137)* и в великом княжествѣ Литовском правите вы, паны-рада. И вы б, паны-рада, у нас, царского величества посланников, тѣх дѣл выслушали і с нами о том говорили. А будет паны-рада похотят грамоты вѣрющие смотрити, и князю Григорью и дьяку Ондрѣю грамота вѣрющая, что послана к Жигимонту королю, паномъ-раде показати. Да как паны-рада учнут с ними о дѣлех говориті, и князю Григорью и дьяку Ондрѣю с паны-радами говориті о дѣлех по прежнему государеву наказу.

(л. — об.) И о всем государевым царевым и в. к. Василья Ивановича в. Р. дѣлом князю Григорью Костянтиновичю Волконскому и дьяку Ондрѣю Иванову промышляти по сему государеву указу и смотря по тамошнему дѣлу, какъ их Богъ вразумит, как бы государеву дѣлу прибыльнѣе.

Да память князю Григорью Костянтиновичю да дьяку Ондрѣю Иванову. Будет паны-рада учнут спрашивати, что в нынешнем году по приказу государя их Жигимонта короля пропущены через государство коруны Польские и великого княжества Литовского в Московское государство папы Римского посланник *(л. 138)* игумен Павел Шимон с товарыщі, которых послалъ папа к Персидцкому Аббасшаху о соединенье на неприятеля крестьянского, да государь их Жигимонтъ король послал к шаху же вмѣсте с посланником его с Мехты Кулы беком гонца своего Хриштопа Краузовского, и гдѣ они ныне, — и князю Григорью и діаку Ондрѣю говорити: вѣдомо было о тѣх папиных посланникех при царѣ Борисе, что они посланы от папы и от Жигимонта короля к Перситцкому шаху о добром дѣле о соединенье на врага Креста Христова на Турского салтана, и тѣ папины посланники игуменъ *(л. — об.)* Павел с товарыщи и

государя вашего гонец Хриштопъ Краузовской стояли и посямѣста в государя нашего государстве в царстве Казанском; и ныне в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., учинясь на своих великих государствах, послал к Перситцкому шаху государство свое обестити и о иных о великих дѣлех, которые годны к покою крестьянскому, послов своих князя Ивана Петровича Ромодановского с товарыщи, и папиных послов и государя вашего гонца велѣл отпустити в Персиду вмѣсте с своими послы.

Да к посланником же в Смоленескъ послана государева *(л. 139)* грамота такова:

От ц. и в. к. Василья Івановича в. Р. посланником нашим князю Григорью Костянтиновичю Волконскому да дияку Ондрѣю Иванову. Какъ, аже дастъ Богъ, будете у короля на посольстве, и после посольства велит вамъ король быти у пановъ-рад в отвѣте, и вы б в речи паном-раде говорили после тоѣ статьѣ, какъ посылан к паном-раде Смирной Отрепьевъ, что в том же во 112-м году, какъ про того вора слух дошол первоначальника соборные и апостольские церкви бывшего святѣйшего патриарха Іева Московского *(л. — об.)* и всеа Русиі, что тот вор розстрига, збежав с Москвы, объявился в Литвѣ в Киеве и во Львове, и дьявольским ученьем учал называтися государским сыном царевичем Дмитреем Ивановичем Углетцким, а Жигимонтъ король и вы, паны-рада, тому его бесовскому умыслу почали вѣрити невѣдомо почему, — и святѣйшиі патриархъ Іев посылал в Литву в Киев к воеводе Киевскому ко князю Василью Острожскому з грамотою сына боярского Өеонасья Пальчикова. А в той своей грамоте ко князю Василью про того вора і еретика, про розстригу, про Гришку Отрепьева про его злые еретические дѣла писал *(л. 140)* подлинно с свидѣтельствы, что он, святѣіший патриархъ, его и в діаконы ставил; да и всѣ митрополиты, і архиепископы, и епископы і весь собор его вора і богоотступника знают. И он бы, воевода Киевской, князь Василей Костянтиновичь тому всему, что в той грамоте писано, вѣрил, а тому вору злодѣю, вражьей его прелести ни в чем не вѣрил, и его велѣл поймати, и прислал его в государство Московское; и по его злодѣйским дѣлам, по правиломъ святых отецъ и по соборному уложенью, так над ним и учинят, чтоб за то мирное постановенье и меж великих государей большое нелюбье и межъ государствъ от такова вора от его бесовские *(л. — об.)* прелести смута и кроворозлитье не всча-

лось. И воевода Киевской князь Василей Костянтинович святѣйшаго патриарха Іева грамоте не повѣрил, и то все поставил ни во что, и против патриарши грамоты не отписал ничего. А тот вор в нашу Сѣверскую землю с Литовскими людьми шол на Киев і Днѣпръ перевозился под Киевом; а воевода Киевской того вора не обличил и не поймал. А сына боярского, которой послан был к нему з грамотою, Өөонасья Пальчикова княж Васильев сынъ князь Янушъ Краковской к Москве не пустил и держал его в вязенью во всякой нуже и во утеснѣнье на Волыни и в Остроге год и 30 недѣль. А вѣдал *(л. 141)* про того вора воевода Киевской подлинно, что он враг Божей і злой еретик, і как служил в діяконех, и какъ розстригся, потому что наперед тот воръ пришол въ его державу. И то пригожее ль дѣло, что такие великие свидѣтельства і видя своима очима такое воровство да то все поставити ни во што, а повѣрити одному ворову слову. А в наказе у вас та статья о Офонасье Пальчикове не написана. И о всем бы есте говорили и промышляли по нашему наказу и смотря по тамошнему дѣлу, какъ вас Богъ вразумит. Писан на Москвѣ лѣта 7114-го июня въ 13 день.

(л. — об.) Да бил челом г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. Ондрѣй Иванов: сказана де ему государева служба в Литву, и он лошедьми опал, а иные де поймали Нагайские люді, какъ они шли из Грузинские земли; і ему де вскоре лошедьми промыслить не мочно. А преже де сего для скорых Литовских посылокъ давали лошеді в Смоленску из монастырей, оценив; і, которые сходят здорово, тѣ назад отдавали; а которые падут или іспорчены, і за тѣ деньги платили. А ему де такъ лошеди давали же, какъ он был посылан в Литву от бояр в гонцѣхъ. И государь б его пожаловал, велѣл дати лошеді в Смоленску, оценив против прежнего.

(л. 142) И по тому Ондрѣеву челобитью в Смоленескъ государева грамота послана такова:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в нашу отчину в Смоленескъ боярину нашему и воеводам князю Ивану Семеновичю Куракину, да князю Ондрѣю Васильевичю Звенигородцкому, да дьяком нашим Ивану Бунакову да Семейке Еуөімьеву. Послали есмя к Польскому и Литовскому к Жигимонту королю государство наше обестити і о иных дѣлех посланников нашихъ князя Григорья Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова. И какъ к вам *(л. — об.)* ся наша грамота придет, а князь Григорей

и дьякъ Ондрѣй Иванов в Смоленескъ приѣдут, і из Орши Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга к тебѣ боярину нашему ко князю Ивану Семеновичю об них отпишет, чтоб они на рубеж и в Оршу изъ Смоленска ушли, — и вы б посланников наших князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова из Смоленска отпустили тотчасъ, дав имъ подводы по Московским подорожнымъ и провожатых до Орши детей боярскихъ с ними послали по прежнему обычаю. А будетъ на рубежѣ подвод имъ не дадут, и они б ѣхали до Орши на Смоленских подводах; да с ними же бы есте послали из Смоленска молодого подьячего, *(л. 143)* которой бы был добренек и не вор и писати умѣл, и наше ему денежное жалованье на нынешней на 114-й год дали, будет ему не дано. Да дьяку Ондрѣю Иванову велѣли б есте дати для Литовские посылки, взяв из Смоленских монастырей, на сход 6 лошадеі, и велѣли их переписати в лѣта, і в шерсть, и в примѣты, і оцениті прямою ценою. А какъ Ондрѣй из Литвы сходит, и вы б у Ондрѣя тѣ лошаді, взяв, отдали в тѣ же монастыри, гдѣ которая взята; а будет которые лошади не будет, и вы б велѣли Ондрѣю заплатити за тѣ лошади цѣну. А как посланников наших князя Григорья и дьяка Ондрѣя Иванова из Смоленска отпустите, і кого *(л. — об.)* с ними молодого подьячего имянем пошлете, и в котором монастырѣ лошадей і в какову цѣну велите взяти, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велѣли отдаті в Посольском приказе діаку нашему Василью Телепневу. Писан на Москвѣ лѣта 7114-го іюня въ 13-й день.

Того же дни писали ко г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. из Смоленска боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин с товарыщи и прислали О р ш а н с к о г о с т а р о с т ы О н д р ѣ я С о п ѣ г и л и с т ъ. А в листу написано:

Наяснѣйшего а незвитежоного великого *(л. 144)* государя Жигимонта Третьего, Божиею милостию, короля Польского, великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мазоветцкого, Лиѳлянского, Киевского, Волынского, Подольского, Подляшского, дѣдичного короля Шведцкого, Кготцкого, Вандальского, і великого княжати Ѳинлянского, и государя государства Волосского, і земли Мултянские, и иных многих славных панствъ и государствъ государя наяснѣйшего маестату его королевские милости от воеводы Мстиславского, старосты Оршанского і Оранского Ондрѣя Ивановича Сопѣги в Смоленескъ намѣстнику Смоленскому князю Ивану Семе-

новичю Куракину. Вельми ся тому дивую: *(л. — об.)* я послал до тебя з грамотою своею до Смоленска о иных дѣлех, а не о том, о чемъ ты ко мнѣ пишешь. И ты мимо прежней обычай посланца моего в Смоленескъ не пущаючи, в везенью его на границе не малой час держати велѣл и голодом морил, а потом до мене, на мое писанье ничего не описуючи, пишешь через того же посланца моего, обьявляючи мнѣ, что государь вашъ посылает до наяснѣйшего государя нашего Жигимонта Третьего, пана нашего милостивого, посланников своих дворянина князя Григорья Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова. Ино коли еси мнѣ мѣл о том объявить, и то учинити было по прежнему звычаю, мнѣ через своего посланца о том отписати. И коли *(л. 145)* мнѣ о тых посланникех через своего посланца обьявишъ, и яз тотчас вѣдомо учиню наяснѣйшему Жигимонту королю Польскому, пану нашему милостивому. А ныне ты посланником тѣмъ вѣдомо учини, чтоб они в землѣ государя своего помешкали і на рубеж без вѣдома не ходили. Да и тому мнѣ вельми дивно, что ты купцов государя нашего Жигимонта короля Оршанских и іных, опозоривши і товары их поимавши, невѣдомо для какие причины держал в вязенью, и теперь держишъ, и невинне их нудишъ; а до сѣхъ мѣстъ того не бывало. А что писал еси ко мнѣ, что люди государя нашего 531 человѣкъ идут в Литву, а ты, намѣстник *(л. — об.)* Смоленской, задержал их в Богданове околице, и то все милостивый Богъ видитъ. А посланца б еси моего отпустил ко мнѣ, не задерживаючи. Писан в Орше року 1607-го мѣсяца іюня 17-го дня.

И того же дни писано от г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в Смоленескъ к боярину и воеводам ко князю Ивану Семеновичю Куракину с товарыщи, а велено против того листа отписати в Оршу к Оршанскому старосте. А какова грамота послати, и к ним послан на образецъ список таков:

(л. 146) Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., Владимерскаго, Московского, Новгородцкого, царя Казанского, царя Астараханского, царя Сибирского, государя Псковскаго, и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сѣверныя страны повелителя, і государя Иверские земли Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских *(л. — об.)* и Горских князей, и иных многих государствъ государя и облаадателя,

его царского величества от боярина и воеводы и намѣстника Смоленского от князя Ивана Семеновича Куракина в Оршу старосте Оршанскому Ондрѣю Ивановичю Сопѣге. Писал еси до меня в своем листу, чтоб в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., посланники, которые ідут до государя вашего Жигимонта короля, на рубеж без вѣдомости не ходіли. И я к тебѣ преже сего писал, что в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. посланники, которые от его царского величества *(л. 147)* ідут к государю вашему к Жигимонту королю, дворянин и намѣстник Елатомской князь Григорей Костянтиновичь Волконской да дьякъ Ондрѣй Иванов в Смоленескъ пришли, а на рубеж будут июня в 18-й день; а людей с ними 50 человѣкъ да 60 лошадей. Да с тѣми же государя нашего посланники со княземъ Григорьем Костянтиновичем Волконским да з діяком с Ондрѣем Ивановым отпущены с Москвы за рубеж королевской гонецъ Лукаш Бандиков, а с ним людей его 14 человѣкъ, да королевских послов Николая Олеснитцкого да Александра Гасевского люді Вилим да Ян Барановские, да Станислав Длунскиі, да Язорь Якимов *(л. — об.)* с товарыщи 29 человѣкъ, да жид Якуб самъ четвертъ, да Сендомирского воеводы Юрья Мнишка люди Петръ Городетцкиі, да Войтех Грабовитцкиі, да князя Костянтина Вишневетцкого человѣкъ Юрьи Пшелка с хлопцом, да старосты Сенатцкого Прокоп Черемитцкиі, да паньи Варвары Сухачевские человѣкъ Синзыря Роговской, да Тарла Жигимонта человѣкъ Адам Ерданъ с хлопцем, да Стадницких Мартынов человѣкъ Якуб Колматъ, Ондрѣев человѣкъ Матьяшъ, Юрьев человѣкъ Станислав Стриевской. А будут великого государя нашего его царского величества посланники князь Григорей Костянтиновичь *(л. 148)* Волконской да дьякъ Ондрѣй Иванов, и тѣ королевские посланники і посольские Литовские люди, которые с ними ѣдут, июня въ 18 день. И ты б Оршанской староста Ондрѣй Ивановичь, вѣдая о том, выслал на рубеж к тому дни іюня ко 18 числу пристава и кормъ и подводы по прежнему обычаю. А что пишешь о посланце своем, что его на рубежѣ задержали и с ним к тебѣ ничего не отписали, и то тебѣ и самому мочно разсудити, что уже то дѣло, с чѣмъ гонецъ твой приезжал, нам и тебѣ не надобно. А что пишешь государя своего о торговых людех и о тѣхъ Литовских людех, которые с Москвы отпущены, *(л. — об.)* сказываючи их в вязенью, и по царского величества милосердому повелѣнью государя вашего купцом в Смоленску никакие неволи нѣтъ, торгуют во всем повольно по прежнему обычаю, и не держат ихъ неволею никого, хто хочет

живет, а хто хочет, тот ѣдет. А которые люді Польские и Литовские стоят в Богданове околице, и тѣ пойдут за рубеж з государя нашего посланники вборзе. А наперед государя нашего посланников Литовские люди за рубеж к вам не будут. А посланца б еси моего отпустил ко мнѣ, не задержав. Писана в великого государя нашего отчине в Смоленске лѣта 7114-го іюня мѣсяца.

(л. 149) И июня въ 24 день писали к г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. из Смоленска боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин с товарыщи, что они в Польшу з грамоты посылали о посланникех Ивана Трегубова, і из Орши Оршанской староста против того писал с своим посланцом з Гришею Полтевым: посланником за рубеж без своего письма ходити не велѣл.

Список с листа Оршанского старосты Ондрѣя Сопѣги.

Наяснѣйшего а незвитеженого *(л. — об.)* великого государя Жигимонта Третьего, Божиею милостию, короля Польского и великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мазоветцкого, Киевского, Волынского, Подольского, Подляшского, Лиѳлянского, Естонского, и дѣдичного короля Шведцкого, Кготцкого, Вандальского, княжати Ѳинлянского, государя государства Волоского, и иных многих славных панствъ и государствъ наяснѣйшаго маестату его королевские милости от воеводы Мстиславского, старосты Оршанского і Оранского, Ондрѣя Ивановича Сопѣги в Смоленескъ намѣстнику Смоленскому князю Ивану Семеновичю *(л. 150)* Куракину. Пишешь до меня, что государь вашъ шлет до государя нашего наяснѣйшего Жигимонта Третьего, короля Польского, пана нашего милостивого, посланников своих дворянина и намѣстника Елатомского князя Григорья Костянтиновича Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова. И ты б намѣстник Смоленскиі тѣмъ посланником за рубеж в землю государя нашего итти не велѣл, коли я тебѣ другим письмом своимъ вѣдомо учиню. А посланца б еси моего ко мнѣ отпустил, не задерживаючи. Писан в Ворше року 1606-го мѣсяца июня 29-го числа.

(л. — об.) И июня в 1 день писано от г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в Смоленескъ к боярину и воеводам ко князю Ивану Семеновичю Куракину с товарыщи, а велено отписаті о посланникех в Оршу ещо. А какова грамота послати, и к ним послан список на образецъ таков:

Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанского, царя Астараханского, царя Сибирского, государя Псковскаго, и великого

(л. 151) князя Литовского, Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского і всея Сѣверныя страны повелителя, и государя Іверские земли Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей, и иных многих государствъ государя и облаадателя, его царского величества от боярина и воеводы и намѣстника Смоленского от князя Ивана Семеновича Куракина в Оршу *(л.—об.)* старосте Оршанскому Ондрѣю Ивановичю Сопѣге. Писал есми к тебѣ преже сего июня вь 17-й день в листу своем с сыном боярским с Ываном Трегубовым, что в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., посланники, которые ідут от его царского величества ко государю вашему Жигимонту королю, дворянин и намѣстник Елатомской князь Григорей Костянтиновичь Волконской да дьякъ Ондрѣй Иванов пришли в Смоленескъ и будут на рубеж июня въ 18 день, а людей с ними 50 человѣкъ да 60 лошадей. Да с тѣми же государя *(л. 152)* нашего посланники со князем Григорьем Костянтиновичем Волконским да з діякомъ с Ондрѣем Ивановым отпущены с Москвы за рубеж королевской гонецъ Лукашъ Бандиков, да королевских послов Миколая Олешнитцкого да Александра Гасевского, да воеводы Сендомирского Юрья Мнишка і его приятелей люди и желнырі многие же люди. И ты, Ондрѣй Сопѣга, того моего посланца велѣл Оршанину Степану Сосулину выслати за рубеж без дѣла и с ним ко мнѣ против моеѣ грамоты не отписал ничего, а отказал ему тот Степан, что ему листа не будет, послан листъ в Смоленескъ з Гришею *(л.—об.)* Полтевым. А з Гришею Полтевым писал еси ко мнѣ в своем листу против первые моеѣ грамоты, чтоб великого государя нашего посланники за рубеж не ходили, покамѣста ты другимъ своим письмом мнѣ об них вѣдомо учинишъ; а против тоеѣ моей грамоты, что яз послал к тебѣ с Ываном Трегубовым, не писывал еси ко мнѣ и посямѣста. А государя нашего посланники дворянин и намѣстник Елатомской князь Григорей Костянтиновичь Волконской да дьякъ Ондрѣй Иванов, и государя вашего Жигимонта короля гонецъ Лукашъ Бандиков, и посольские и воеводцкие многие люди и желныри стоят в Смоленску долгое *(л. 153)* время, и в том великого государя нашего казнѣ многие убытки чинятца. И ты б, Ондрѣй, отписал ко мнѣ наскоро с сѣм же моим посланцом: в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., посланником князю Григорью Костянти-

новичю да дьяку Ондрѣю пропускъ ко государю вашему Жигимонту королю вскоре будет ли, чтоб мнѣ о том вскоре вѣдати. А ты б, староста Ондрѣй, то вѣдал: только великого государя нашего посланником и с ними Литовским людем пропуску вскоре за рубеж не будет, и яз государя вашего гонца Лукаша Бандикова, и посольских, и *(л.—об.)* воеводы Сендомирского и его приятелей людей всѣхъ, и желнырей держати в Смоленску не учну, отпущу назад к Москве. А посланца б еси моего ко мнѣ отпустил, не задержав. *(Ср. Акты Истор. т. II, № 65, стран. 81—82).*

И июля въ 13-й день писали к г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. из Смоленска боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин с товарыщи. А в отписке пишет:

Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. холопи твои Ивашко Куракин, Васка Звенигородцкой, Ивашко Бунаков, Сенка Еуѳимьев челом бьют. В твоей г. ц. и в. к. *(л. 154)* Василья Ивановича в. Р. грамоте написано к намъ, холопем твоим, июля въ 5-й день с Ываном Тургеневым, а велено намъ, холопем твоим, тотчас с обрасцового списка написати грамоту і, запечатав мнѣ, холопу твоему Ивашку, послать в Оршу с сыном боярским, с кѣмъ будет пригоже, а велѣти тот листъ отдати в Орше Оршанскому старосте Ондрѣю Сопѣге по прежнему обычаю. А кого, государь, с тѣмъ листом пошлем, и нам бы, холопем твоим, наказати говорити про твоих государевых посланников и про Литовские люді, которые ныне стоят в Смоленске, против обрасцового списка; да і вестей бы, государь, всякихъ тому сыну боярскому велѣти провѣдати. *(л.—об.)* А отпустя, государь, сына боярского в Оршу с листом, послати б намъ, холопем твоим, из Смоленска в Литовские порубежные мѣста лазучников тайно по прежнему обычаю; а велѣти б, государь, имъ в Литвѣ вестей провѣдать: гдѣ ныне король, в котором городе, и паны-рада при нем есть ли, и хто панов-рад Польских и Литовских ныне при королѣ, и нѣт ли у короля с паны-радными і со всею Польскою и Литовскою землею розни, и будет рознь есть, и о чем у них рознь, и вперед меж ихъ чего чаять миру ль или розни же, и для чего твоих государевых посланников долго за рубеж не пустят, и что в Польше и в Литвѣ всякие люді про воеводу Сендомирского и про его приятелей *(л. 155)* и про королевских послов, которые ныне на Москвѣ, говорят, і какъ ныне Польской король с Свѣйским Арцы-Карлусом, и с Турским и с Крымским, в миру ль или меж ихъ войны чаять? А кого сына боярского именем в Оршу пошлем, и которого числа, і какъ із Орши назад приѣдет, и что против тоѣ

грамоты Оршанской староста отпишет, и что тот сынъ боярской вестей провѣдает, и кого, государь, именем лазучников за рубеж пошлем, и что они вестей всяких провѣдают, — и нам, холопем твоим, о томъ отписывати к тебѣ, ко государю, к Москве почасту и велѣти отписки отдавати в Посольском приказе. — И по твоей государеве грамоте я, холопъ *(л.— об.)* твой Ивашко, тотчас с того обрасцового списка велѣл написати грамоту і, запечатав своею печатью, послал в Оршу с сыномъ боярскимъ з Богданом Ушаковым того же дни; а велѣл, государь, тот листъ отдати в Орше Оршанскому старосте Ондрѣю Сопѣге по прежнему указу; и тому, государь, сыну боярскому наказали говорити про твоих государевых посланников, и про Литовские люді, которые ныне стоят в Смоленске, против обрасцового же списка, и вестей всяких велѣли провѣдать. И июля, государь, въ 10 день сынъ боярской Богдан Ушаков, которой посылан с листом в Оршу, в Смоленескъ из-за рубежа приѣхал; а сказал нам, холопем твоим: какъ де *(л. 156)* он, Богдан, с листом поѣхал в Оршу, и будет, приѣхав за рубеж в деревне Баеве, от рубежа 5 верстъ, и в той деревне Баеве стоят Литовские люді шляхты Онисимъ Бородулин, да Григорей Поповичь, да Игнат, да с ними старосты и тутошней деревни крестьяне человѣкъ с 40; и ево де в той деревне остановили, а в Оршу не пустили. И он де Богдан учал имъ говорити, чтоб они его с листом пропустили в Оршу по прежнему обычею. И они де ему отказали, что им в Оршу пропускать не велено, а велено де листы имать имъ и посылать в Оршу. И листъ де у него Богдана взяли и послали тотчас в Оршу, а ему Богдану велѣли дожидатца *(л.— об.)* из Орши вѣсти; и держали де его Богдана в той деревне 3 дни за сторожи, а на 4-й день пришед к нему тѣ шляхты, отказали, а велѣли ѣхати в Смоленескъ, а листъ де в Смоленескъ пришлют из Орши с своим посланцом тотчас. А вестей, государь, сказал: сказывал де ему Литвин Иван Щукин, что король де Литовской убежал в Швею, а паны де радные ныне на раде в Кракове; а рада де у них будет вскоре о том, ково выбрать на королевство, а начаютца де они, что быть Батурину племяннику. А воинских де людей в Польше в зборе, сказывают, много. А с Шведы де, государь, помирилися Литовские люди на 3 годы. А про Сендомирского де *(л. 157)* воеводу говорят, что де поѣхал своею волею, а землѣ до него дѣла нѣтъ. А больши де того иных вестей провѣдать ему было не мочно, что был за сторожи. Да того же дни, государь, пришел к намъ, холопем твоим, из-за рубежа лазучник Тимоѳѣев крестьянин Ку-

шелева Обрамка Гаврилов; а сказал намъ, холопем твоим: был де он в Копыском повѣте, и виделся с Копышенином с посадцким человѣком с Ѳедором Поповичем, и сказывал де ему тот Ѳедор, что де в Литвѣ за Краковом в Польше радные паны збираютца на раду; а рада де у них будет до Спасова дни о королѣ и о казнѣ: старому ли королю на королевстве быть или иного кого *(л. — об.)* обрать? А про короля де нѣт вѣдома, гдѣ онъ ныне. Да тот же де, государь, Ѳедор Поповичь сказывал ему, что де пригонил ис Польши от короля и от панов радных в Оршу гонецъ о том, что твоим государевым посланником князю Григорью Волконскому и дьяку Ондрѣю Иванову, и Литовскому посланнику Лукашу Бандикову, и Литовским людем, которые ныне стоят у Смоленска, велено итти в Оршу, и листъ де в Смоленескъ о том будет вскоре. А о Сендомирском де, государь, воеводе в Литвѣ не тужат, а говорят про него, что де он пошол своею волею и з своими людьми, а вольных де людей наймовал своими же денгами. И о всем де, государь, рада у них будет *(л. 158)* до Спасова дни. А как, государь, із Орши Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга о твоих государевых посланникехъ о князе Григорье Волконском да о дьякѣ Ондрѣе Иванове к нам, холопем твоимъ, отпишет, чтоб они шли за рубеж, и мы, холопи твои, твоих государевых посланников князя Григорья Волконского и дьяка Ондрѣя Иванова из Смоленска за рубеж отпустим тотчас и к тебѣ ко государю отпишем.

Июля въ 16 день писали к г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. посланники князь Григорей Волконской да дьякъ Ондрѣй Ивановъ. А в отписке пишетъ:

(л. — об) Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. холопи твои Гришка Волконской да Ондрюшка Иванов челом бьют. Писали к тебѣ, к государю, мы, холопи твои, какъ мы пришли в Смоленескъ и что писал із Орши староста Ондрѣй Сопѣга к боярину и воеводе ко князю Ивану Семеновичю Куракину, а не велѣл намъ за рубеж ходить из Смоленска, покамѣста он в Смоленескъ об нас отпишет. И июля, государь, во 12 день сказывали намъ, холопем твоим, боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин да князь Василей Звенигородцкой и дьяки, что приѣхал із Орши Литвин с листом от Оршанского старосты от Ондрѣя Сопѣги; а писал де к нему *(л. 159)* ко князю Ивану староста Оршанской Ондрѣй, чтоб мы, холопи твои, шли из Смоленска в Оршу, а пристав деи нам, и кормъ и подводы будут по прежнему обычею. И мы, холопи твои, пошли из Смоленска к рубежу іюля въ 13 день, а с нами,

холопи твоими, послали до Орши 3-х человѣкъ детей боярскихъ. И как, дастъ Богъ, мы, холопи твои, придем на рубеж, и будет ли намъ, холопем твоим, на рубежѣ встрѣча и от кого, или будет за рубежом встрѣча, и что вестей провѣдаем, и о том о всем к тебѣ, ко государю, із Орши отпишем с провожатыми. А которые, государь, посольские люді отпущены с Москвы в Литву, і тѣхъ, государь, посольских людей *(л.— об.)* с нами из Смоленска боярин и воеводы и діаки не отпустили, а сказали, что де по твоему государеву указу велено их отпустить после нас, какъ мы, холопи твои, поідем за рубеж.

Того же дни писали к г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. из Смоленска боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин с товарыщи: июля де въ 11 день писал к ним в Смоленескъ із Орши Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга, что государевым посланником князю Григорью и дьяку Ондрѣю к государю их к Жигимонту королю итти повольно, и подводы и кормъ будут готовы, и тот листъ прислали к государю к Москве. А в листу написано:

(л. 160) Наяснѣйшаго а незвитеженого великого государя Жигимонта Третьего, Божиею милостию, короля Польского и великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мазоветцкого, Киевского, Волынского, Подольского, Подляшского, Лиѳлянского, Естонского, и дѣдичного короля Шведцкого, Кготцкого, Валдальского, княжати Ѳинлянского, государя государства Волосского, и иных многих славных панствъ и государствъ наяснѣйшего маестату его королевские милости, от воеводы Мстиславского, старосты Оршанского і Оранского, Ондрѣя Ивановича Сопѣги в Смоленескъ намѣстнику Смоленскому князю Ивану Семеновичю *(л. — об.)* Куракину. Писал еси ко мнѣ, что государя вашего торгового человѣка Смольнянина Дороню Кирпичникова государя нашего люди во Мстиславле держат, и товар его взяли, и невѣдомо тебѣ, гдѣ товар дѣли. И я о том тебѣ вѣдомо даю, что повѣтъ Мстиславскиі не в моем присуде, и ты б, воевода Смоленскиі, вѣдаючи о том, написал до старосты Мстиславского о том о всем, что до мене писал; а на то на все от него тебѣ отказ будет. А что писал еси преже сего ко мнѣ о посланникех государя своего о дворянине и намѣстнике Елатомском о князе Григорье Костянтиновиче Волконском да о дьякѣ о Ондрѣе Иванове, и о людех наяснѣйшего *(л. 161)* государя нашего, которые идут до наяснѣйшего государя нашего Жигимонта короля Польского, пана нашего милостивого, ино имъ путь чистъ по прежнему обычею, и подводы и кормъ готовы будут. А о том бы ты,

Иван Семеновичь Куракин, воевода Смоленскиі, дал мнѣ преже того вѣдомость, которого дня посланники государя вашего на границу будут. А посланца б еси моего отпустил ко мнѣ, не задержав. Писан в Орше року 1606-го мѣсяца июля 18-го дня.

И июля въ 20 день писали ко г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. Литовские посланники князь Григорей Волконской *(л. — об.)* да Ондрѣй Иванов. А в отписке написано:

Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. холопи твои Гришка Волконской да Ондрюшка Иванов челом бьют. Писали к тебѣ, ко государю, мы, холопи твои, наперед сего, какъ мы пошли из Смоленска, и пришли, государь, к рубежю июля въ 15 день, и посылали на рубеж провѣдывати сына боярского Ивана Трегубова: есть ли на рубежѣ приставы; а будет приставов нѣт, и мы, холопи твои, велѣли ѣхати до Орши. И того же, государь, дни приѣхал к нам, холопем твоим, сынъ боярской Иван Трегубов, а сказал, что приставов на рубежѣ нѣт, *(л. 162)* и он поѣхал был к Орше; и не доѣзжая до Орши за 30 верстъ, встрѣтилися с ним 2 человѣка дети боярские Оршане, а сказали ему, что они ѣдут к нам встрѣчю на рубеж от Оршанского старосты от Ондрѣя Сопѣги, и он с ними воротился назад. И какъ де он с тѣми детьми боярскими будет в деревне Баеве, от рубежа за 5 верстъ, и в той де деревне Дубровляне, которые стоят на заставе, Ивашко Поповичь с товарыщи, его поимав, безчестили, и хотѣл бити и отвести в Дубровну в тюрму. А говорили де ему: для де чего заставу проезжает? И он де имъ говорил, что послан от нас, холопей твоих, провѣдать о приставех и, ѣдучи туды к Орше, *(л. — об.)* в той деревне сказывался, что он ѣдет от нас, холопей твоих, в Оршу, і его де пропустили; а ныне ѣдет назад за рубеж с приставы. И тѣ де Дубровляне держали его у себя немалое время и одва его Оршанские дети боярские выпросили, что его отпустили. И июля, государь, въ 16 день пришли мы, холопи твои, на рубеж, і встрѣтили нас на рубежѣ 2 Литвина Оршане, дети боярские, Свирид Пищалов да Юрья Залускиі, и говорили нам, холопем твоим, что воевода Мстиславской и староста Оршанской Ондрѣй Сопѣга, вѣдая про вас, великого государя посланников, велѣл вас встрѣтить і до Орши с вами ѣхати; а приставы *(л. 163)* вам будут в Орше. И мы, холопи твои, имъ говорили, что преже сего ваших государевых послов и посланников встрѣчивали приставы и кормъ и подводы бывали на рубежѣ; а ныне приставы нас на рубежѣ не встрѣтили, и корму и подвод на рубеж не прислано, и то дѣлаетца не по прежнему обычаю. И тѣ,

государь, дети боярские намъ говорили, что приставы намъ будут у Орши, и кормъ и подводы будут у Орши. И мы, холопи твои, спрашивали ихъ: хто пристав именем, и от короля ли прислан или тутошние будут? И они, государь, сказали, что пристав прислан от короля пан Воловичь, Остаѳья Воловича сынъ. А в розговоре, государь, сказали нам про короля и про панов-рад, что король ныне *(л. — об.)* в Кракове или в Аршаве, про то подлинно не вѣдают; а паны-рада при немъ есть, а иные съезжаютца. И нам де, государь, велено (ѣхать) х королю не мешкая. А которые, государь, посольские, и воеводы Сендомирского и иных панов люди, и Лукашъ Бандиков ї Золотой Квашнин отпущены с Москвы, а велено им итти с нами, холопи твоими, и тѣх, государь, всѣхъ людей из Смоленска боярин и воеводы отпустили после нас, холопей твоихъ, на рубежѣ, какъ мы за рубеж за реку Ивату переѣхали. И говорили, государь, нам посольские и воеводцкие и иных панов люди, что на Москвѣ имъ ваше государево жалованье кормъ был доволен сь ихъ *(л. 164)* паны; а как де они отпущены в Смоленескъ, и в дороге имъ и в Смоленску давали кормъ денежной, и то скудно; и они де, ѣдучи дорогою і в Смоленску будучи, терпѣли великую нужу и от того у них иные больны. Да говорили, государь, про Лукаша Бандикова и про Золотого Квашнина, что де ваше государево жалованье мужику купетцкому Лукашу да изратцу Золотому давали в дороге кормы довольные, мед и пиво и вино, а им питья не было, и они тѣмъ оскорблены. И мы, холопи твои, имъ говорили, что отпущены мы от тебя, государя, вскоре наперед их и про то не вѣдаем, какъ имъ кормъ велено давати. А что, государь, Дубровляне безчестили *(л. — об.)* сына боярского в деревне в Баеве, и мы, холопи твои, о том имъ говорили, что преже сего Смоленского сына боярского Михаила Битяговского, которой посылан из Смоленска в Оршу, Дубровляне били і ограбили; а ныне другово сына боярского Ивана Трегубова Дубровляне же безчестили, і хотѣли бить и в тюрьму посадить. И то дѣлаетца сь ихъ стороны задорнымъ обычаем. И они, государь, намъ говорили, что они, приѣхав в Оршу, учнут о том говорить старосте Оршанскому и сыскъ тому и управа будет. И мы, холопи твои, и с нами вмѣсте посольские и панские люди пошли с рубежа к Орше. А какъ, государь, приѣдем в Оршу, и какова будет встрѣча, *(л. 165)* и что вестей провѣдаем, и о том к тебѣ, к государю, отпишем.

Июля въ 24 день писали к г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в Р. из Смоленска боярин и воеводы князь Иванъ Семеновичь

Куракин с товарыщи и прислали двѣ отписки Литовских посланников. А в отписках написано:

Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. холопи твои Гришка Волконской да Ондрюшка Иванов челом бьют. Июля, государь, въ 16 день писали к тебѣ, к государю, мы, холопи твои, съ рубежа, что *(л. — об.)* мы того дни пошли за рубеж к Орше, а с нами Оршане дети боярские, которые нас встречали на рубежѣ. И июля, государь, въ 17 день, не доѣзжая до Орши за 5 верстъ, поставили нас, холопей твоих, Оршанские дети боярские приставы и посольской человѣкъ пан Борановскиі на дороге на крутом враге, чтоб намъ тут перепрaвитца и платье переменить, в котором ѣхать к городу, и отвели лошадем нашим травы на кормъ у дороги с четверть десятины; а сказали намъ, что и преже того в том мѣсте всегды ваши государевы послы и посланники стаивали. И тут, государь, приѣхали к намъ Дубровенского пана Янова сына Глѣбова *(л. 166)* конюшей Коритцкой с своими людьми с самопалы і в саблях, и Борановского тот Коритцкой хотѣл ссѣчь саблею, а люди его к нам прискакивали с самопалы и нас лаяли, а пристава Оршанского и проводников Смоленских били ослопы; а говорил тот Коритцкиі, что то имѣнье его, а мы на его землѣ стоим. И мы, холопи твои, ему говорили, что мы ѣдем от вас, великого государя, х королю в посланникех, а не битца приѣхали; а тут намъ указал стать пристав на один час, а того не вѣдаем: его ль то имѣнье или не его. И одва, государь, его уговорил послов человѣкъ Ян Борановскиі, что от нас поѣхал, а с того *(л. — об.)* мѣста нас велѣл збить. И как, государь, мы приѣхали за 2 версты до Орши, и встрѣтил нас, холопей твоих, пристав королевской Ян Воловичь, Остаѳья Воловича племянникъ, а с ним Оршанской судья Ондрѣй Ворыпай, да подстаростья и городничей Горлинской, и иные приказные люди и шляхты на конех, человѣкъ з 200, да пѣших гайдуков человѣкъ с 300 с пищальми. И съѣхався, государь, с нами, пристав говорил от короля рѣчь, сидя на лошади, сняв шапку. А молыл: наяснѣйшиі великиі государь нашъ Жигимонтъ Третей, Божьею милостью, король Польской и великиі князь Литовскиі, Руской, Пруской, Жемоитцкой, Мазоветцкой, Иѳлянской, Киевской, *(л. 167)* Волынской, Подольской, Подляшскиі, и дѣдичной король королевства Шведцкого, і иных многих славных панствъ государь, вѣдая про то, что в. г. вашъ и в. к. Василей Ивановичъ в. Р. послал вас посланников своих до его королевской милости, и государь нашъ его королевская милость велѣл вас спросить про государя вашего здоровье. И мы,

холопи твои, ему говорили: дай, Господи, вы, в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., и многих государствъ (государь) и облаадатель, здрав был на многие лѣта на своихъ великих и преславных государствах; а какъ мы поѣхали отъ вашего царского *(л. — об.)* величества, и вы, государь, дал Богъ в добром здоровье. И после, государь, того говорил нам пристав, что велѣл ему король быти у нас в приставех и дорогою до себя ѣхать; да с нами витался, а о здоровье, государь, нас от короля не вспросил. И мы, холопи твои, ему говорили, что преже сего которые посланники от вас, государей, бывали у короля, и их спрашивали от короля приставы о здоровье, а ныне он нас от короля о здоровье не вспросил, и он то учинил по королевскому ль велѣнью? И пристав, государь, нам сказал, что король ему розсказал нас, холопей твоих, о здоровье вспросить да он то без хитрости пропамятовал, и в том бы на него не подосадовали. И мы, государь, ему молыли, что пригоже *(л. 168)* было ему королевской приказ памятовать. Да говорили мы, холопи твои, приставу, и Ондрѣю Ворыпаю и всѣм лутчим людем, которые нас встречали про то, что Янова сына Глѣбова шляхтичь Коритцкой приезжал на нас, холопей твоихъ, и нас хотѣлъ побити. И то имъ выговаривали: какова честь бывает у вас, великих государей наших, к Литовским послом и к посланником; а в государя их землѣ нас обезчестили и побить хотѣли, и то дѣлаетца самовольством мимо прежние обычаи. Да о Смолнянех, государь, детех боярских, которого били і ограбили в деревне Баеве, а другово, поймав, в той же деревне Баеве держали, а хотѣли его вести в Дубровну в тюрьму, говорили имъ, что такъ чинитца задорным обычаем. И пристав, государь, говорил, *(л. — об.)* что он то слышел и управа нам в том от короля будет; а он ныне к нам прислан пристав, и он нас учнет беречи. И поѣхали, государь, с нами к Орше, а у Орши поставили нас в деревне в Кутейне въ крестьянских в дву дворишкех тѣсно, и корму, государь, нам того дни дали скудно, а вперед хотѣлъ в дороге прибавити. А ѣдучи, государь, мы до стану розпрашивали пристава: ис которых мѣстъ его король послал, и гдѣ ныне король, и паны-рада при немъ ли в съѣзде, и какъ ему велѣл король с нами ѣхать скоро ли или гдѣ постояти? И пристав, государь, сказал, что король в Кракове, и паны-рада при нем есть не многие, а иные по домом; а с нами деи, холопи твоими, *(л. 169)* велено итти, не мешкая нигдѣ. А із Орши с нами пойдет назавтрее июля въ 18 день[1].

[1] На листѣ 169 написаны только двѣ строчки. листы 170 и 171 чистые.

(л. 172) Пріѣздъ из Литвы при царѣ Василье посланников князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова.

(л. 173) И ѳевраля въ 13 день государевы царевы и великого князя Василья Ивановича в. Р. посланники князь Григорей Костянтинович Волконской да діякъ Ондрѣй Иванов из Литвы от Жигимонта короля пришли и привезли с собою ко г. ц. и в. к. Василью Івановичю в. Р. от Жигимонта короля грамоту да на свое посолство отвѣтной списокъ.

Списокъ з грамоты[1] Польского короля Жигимонта, какову привезли с собою государевы посланники князь Григорей *(л. — об.)* Волконской да діакъ Ондрѣй Иванов.

От наяснѣйшего и великого государя Жигимонта Третьяго, Божиею милостию короля Польского і великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоцкого, Мазовецкого, Киевского, Волынского, Подляского, Лиѳлянского, Стонского, и дѣдичного короля Швецкого, Готцкого, Вандальского, княжаты Ѳинлянского и иных, Божиею милостию, в. г. и в. к. Василью Ивановичю в. Р., Владимерскому, *(л. 174)* Московскому, Ноугородцкому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермьскому, Вяцкому, Болгарскому и иныхъ. Были здѣся у нас, в. г. короля и в. к. Жигимонта Третьяго, посланники твои дворянинъ и намѣстникъ Елатомской князь Григорей Костянтиновичь Волконской да діякъ Ондрѣй Ивановъ, от тебя, в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р. до нас посланые, которые, намъ поклонъ и листъ твой вѣрющі отдавши, то, что мѣли от тебѣ в порученью, споведали намъ и о твоем государстве ознаймили намъ. *(л. — об.)* И мы, в. г. король и в. к. Жигимонтъ Третьиі, выслухавши их, отказали им такъ, иже через своих посланников, которые за ними до тебе пошлем, мы дадим тебѣ на все отказ нашъ. А останокъ тые же посланники сами тобѣ соповѣдают то, што имъ от насъ и от панов-рад нашихъ есть мовлено; и с тым отпустили есмя их к тебѣ и отпровадити их на границу велѣли есмя. Писана в великом столечном нашем городе Кракове лѣта от нарожения Христа Сына Божьего 1607-го мѣсяца генваря 10-го дня.

---

[1] Списокъ этой грамоты на польскомъ языкѣ (безъ титуловъ) см. въ Архивѣ царства Польскаго, Метрика вел. княжества Литовскаго, Сношенія съ Россіей, 1607 г., № 2 (№ 24). Текстъ одинъ и тотъ-же.

(л. 175) Список[1] с отвѣту, каков дан государевым посланником от короля Польского в Кракове.

Отвѣт от наяснѣйшего в. г. Жигимонта Третьего, Божиею милостию, короля Польского і великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоицкого, Мазовецкого, Киевского, Волынского, Подолского, Подляского, Лиѳлянского, Естонского, и дѣдичного короля Шведцкого. Гоцкого, Вандальского, княжати Ѳинлянского и иных посланникомъ в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р., Владимерского, Московского, *(л. — об.)* Ноугородцкого, Казанского, Астараханского, Псковскаго, Тверскаго, Югорского, Пермьского, Вяцкого, Болгарского и иныхъ дворянину и намѣстнику Елатомскому князю Григорью Костянтиновичю Волконскому да діяку Ондрѣю Иванову.

Государь король его милость и в. к. Жигимонтъ Третиі рѣчь вашу всю, которую есте перед королем его милостью говорили, выслушалъ и выразумѣл, и что королю его милости панове-рада извещали, что вы с ними, сѣдчи, в розговоре *(л. 176)* говорили, и король его милость с паны-радами своими государю вашему с своими посланники, которых за вами вскоре пошлет, хочет дати во всемъ отвѣт подлинный. І вы государю своему от короля его милости так о томъ известете.

А что есте говорили королю его милости и паномъ-радамъ, что ся в земли вашей Московской в то время дѣяло, ино уже о том преже того слышели и вѣдал король его милость, и в томъ во всемъ ничѣмъ король его милость, ни люди короля его милости не виновати и не причинялся до того, *(л. — об.)* что вы до него не гараздо говорите. Вы сами тому всему повинны, потому что люди ваши наперед почали писати до людей короля его милости, и сами приѣзжали в панства короля его милости, твердили то, что тот, которой Дмитреем ся назвал, прямой он племянник государей Московских, и тѣмъ людей наших некоторых прелстили, что пошли были с нимъ за рубеж. И как Борис до короля его милости о том прислал обьявити и от вашего духовенства и от бояр до панов-рад, о том же обьявляючи, листы пришли, и король его милость послал тотчасъ за тѣми своими людьми листы и до пана воеводы *(л. 177)* Сендомирского писал, чтоб ся назадъ воротил. И они такъ и учинили: пан воевода Сендомирской назад воротился. Ино сами же ваши люди с войски своими того Дмитра подкрепили, городы ему поздавали, и до города столечного до Москвы припровадили, и жену и сына

[1] Польскій текстъ этого отвѣта см. тамъ же. Всѣ болѣе существенныя отличія здѣсь отмѣчены.

Борисова по его воли еще перед пріѣздомъ его извели, и в городъ волно его пустили, и за государя себѣ приняли, и коруновали, и крестъ ему целовали, и во всем послушенстве есте ему учинились, и царствовал у вас. И послов своих великих до короля его милости посылалъ, и позволенье панны воеводенки Сендомирской в малженство *(л. — об.)* тому Дмитрови они просили, и короля его милости на веселье просили же. И в том не король его милость, ни люди короля его милости виновати, но вы сами в томъ во всемъ, что тепере сказуете, были виновати. Король его милость и панове-рада в томъ правили потому, как болшую обиду от вас приняли[1]. А люди короля его милости были надежны на перемирье, которое с вами за кресным целованьемъ постановлено, и ради были тому, что такая любовь с народом вашимъ государь вашъ сплемянил, и жену себѣ с того панства короля его милости взял, и чаяли вперед болши *(л. 178)* умножитца любовь, и ѣхали наши люди на то веселье до вас; и король его милость и послы свои на учтивость болшую его веселья, такъ как были от вас прошены, послал. И вы тѣх людей короля его милости за рубеж волно пропустивши, какъ гостей и сосѣдов сперва любовно принявши, потом часть их немалую людей надежных не милостиве и не крестьянски побили, порѣзали, замучили, пограбили, и купцов, за розными листы того Дмитра надежных, с товаром ихъ розбили, и поймали, и самих перегграбили и до вязенья посажали; и послов короля его милости мимо всяких на свѣте прав, что вязнев держите, и купцов короля *(л. — об.)* его милости через перемирья в государствах Московских задержали есте, и до великих убытков приводите. И тѣмъ есть всѣмъ велми король его милость обижен, и панове-рада и всякие люди того королевства с такого вашего с ними злого поступку жалосни и в кручине великой, и жалем великимъ розсердитованы за то, что есте не учтили народу нашего, и помучили так не милостивно повинных и приятелей их, которых король его милость с великою трудностью ихъ до тѣхъ мѣстъ удерживает. А так надобе, чтоб есте то все гараздо государю своему и людем своимъ розсказали, чтоб государь вашъ выпустил вперед волно, не ждучи *(л. 179)* посланников короля его милости к себѣ, так и послов короля его милости, какъ и всѣх людей, там от вас задержаных, и пана воеводу Сендомирского, и что у нихъ поимано и пограблено, чтоб то было отдано и все исполнено[2], и

---

[1] Въ польскомъ текстѣ: Ale K. I. M. y panowie rada barziey y prawdziwiey od was są obrażeni.

[2] Въ польскомъ текстѣ: aby to było wrócono y to wszystko aby się nagrodziło.

справедливость бы пристойная про тѣхъ людей короля его милости, которые невинне у вас побиты[1]. О том надобе государю вашему и вам всѣмъ вперед в разум себѣ взяти и печаловатись, похочет ли, чтоб в покою и в перемирье и в добром сусѣдстве с собою с обѣихъ сторон государства тѣ были.

А что есте говорили паном-радамъ, *(л. — об.)* чтоб королю его милости говорили, чтоб король его милость дал опасную грамоту на послы от государя вашего до цесаря его милости крестьянского, и тогды о том, какъ и о иных делѣхъ, король его милость с посланники своими дастъ на все отвѣт государю вашему. А нынеча вас отпускаемъ до государя вашего и отправадити вас за рубеж велим.

Да и то панове-рада от короля его милости велѣли вамъ сказати, что приходят вѣсти королеви его милости, что люди ваши, перешедчи за рубеж, в старостве Мстиславском колко сел пожгли и мучительства и убытки немалые людемъ короля его милости починили. И то государю *(л. 180)* вашему скажите: для чего ся то дѣлает и что бы то вы уняли. И о том панове-рада от короля его милости велѣли вам сказати, чтоб есте государю вашему говорили, чтоб за купцами чюжоземскими, а имянно за Целярым Голпиенемъ, и о тѣх, которые за листом того Дмитра надежны, при послах короля его милости за позволеньемъ короля его милости со многими тавары до Москвы ѣхали, при которых и его милость пан моршалокъ надворный полскиі Миколай Вольскиі много скарбу своего дорогово, по подлинному писму того Дмитра, до Москвы послалъ, чтоб вашъ великиі государь велѣлъ тѣхъ купцов выпустити и за всѣ *(л. — об.)* их тавары по ценѣ велѣл заплатити, также всякие убытки и проести и наклады, которые укажутца, чтоб имъ исполнены были.

А как ся государево дѣло в Литвѣ у посланников у князя Григорья Волконсково да у діяка у Ондрѣя Іванова дѣлалося, и тому подали списокъ.

Лѣта 7114-го июня въ 11 день г. ц. і в. к. Василей Іванович *(л. 181)* в. Р. велѣл ѣхати в Литву к Жигимонту королю в посланникехъ князю Григорью Костянтиновичю Волконскому да діяку Ондрѣю Иванову. И князь Григорей и Ондрѣй приѣхали в Смоленескъ июня въ 19 день и стояли в Смоленску июля по 13 число, что Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга писал в Смоленескъ, а не велѣл посланником ходити в Оршу, покамѣста ему указ

---

[1] Въ польскомъ текстѣ: ...których niewinnie v was pobito, aby się stała.

будет от короля и отпишет в Смоленескъ. А какъ писал в Смоленескъ Оршанской староста, а велѣл посланником итти в Оршу, и князь Григорей и Ондрѣй пошли из Смоленска июля въ 13 день, и к г. ц. і в. к. Василью Ивановичю в. Р. о том ис Смоленска *(л. — об.)* писали.

А на рубеж пришли июля въ 16 день. И зстрѣтили на рубеже из Орши 2 сына боярских Оршане Свирид Пищалов да Юра Залѣскиі, а сказали: послал ихъ Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга, а велѣл их, государевых посланников, встрѣтити и до Орши ѣхати; а пристав будет от короля у Орши пан Петръ Воловичь. И что тѣ дѣти боярские в роспросе сказывали, и о том князь Григорей и Ондрѣй с рубежа к г. ц. і в. к. Василью Ивановичю в. Р. писали з детми боярскими с провожатыми.

А к Орше пришли июля въ 17 день. И как была встрѣча и что вестей провѣдали, и о том *(л. 182)* к государю писали с сыном боярскимъ с Ыванем Трегубовымъ.

И пошли князь Григорей и Ондрѣй из Орши июля во 18 день, а ѣхали к Городню. И в дороге на встрече, и по городомъ, и в посадех, и в панских имѣньях Литовские люди безчестили посланников, матерны лаяли и измѣнники называли. А в Менску на князь Григорьевых и Ондрѣевых людей каменьем и грязью метали и плети из рукъ вырывали, хотячи задратца; и на двор пришед многие люди, посланников лаяли и убиством грозили. Да того же дни, пришед на двор, люди Ивана Михайлова сына Гарабурды князь Григорьевых *(л. — об.)* людей били, а Иван Гарабурда шурин Михаилу Ратомскому, что на Москвѣ. И о том посланники приставу говорили многижды, что такие имъ бесчестье и теснота чинитца, чего преже сего над посланники николи не бывало. И онъ отказывал, что у нихъ ныне люди стали самоволны, и короля не слушают, и ему ихъ уняти нелзя.

И ѣдучи дорогою, князь Григорей и Ондрѣй роспрашивали пристава: гдѣ ныне король, и паны-рада при короле ль, и что ему королевской указ об них, государевых посланникех, вскорѣ ли им быти у короля и в котором городе? И пристав сказал: прислан де мнѣ от *(л. 183)* короля указ в ыменье, а велено вас, посланников, встрѣтить; а какъ встрѣчю, и мнѣ велено х королю отписати. А с вами ѣхати в дороге не спѣшно, пожидати указу от короля. И яз деи, встрѣтя вас, из Орши х королю писал и чаю себѣ встрѣчю указу вскоре. А король ныне в Кракове. А паны радные Полские и Литовские и послы повѣтные и всѣ рыцерство и посполство обеих зе-

мель в сьезде на поле у Сендомиря; а такой съѣздъ николи не бывал, что есть на томъ съѣзде людей с 300000, и стоят на 15 милях. И для того не вѣдаю: мочно ли вам у короля вскоре быти, что король *(л. — об.)* будет тут на сойме. А многие люди на съѣзде будут тѣх родства, которые на Москвѣ побиты, а иные сидят кабы в полону; и толко вас тамъ привести на такие люди, и от них добра не чаяти, за своих побьют; а люди ныне стали своеволны.

И княз Григорей и Ондрѣй приставу говорили: мы того не боимся. Да и нигдѣ того не боимся, что послов или посланников побити; хотя и рати бывают и полки стоят, а послом и посланником на обѣ стороны путь чистъ. — Да спрашивали князь Григорей и Ондрѣй пристава: о чем ныне у них съѣздъ обеих земель паномрадом *(л. 184)* посполъству.

И пристав сказал, что съѣздъ о многих земских дѣлѣхъ в кривдах на панов-рад, а иное и на короля.

А которых людей в дороге, подкупив, роспрашивали про съѣздъ, и они сказывали, что съѣздъ всѣмъ людем обеих земель на рокошь, а рокошь на короля и на панов-рад, которые в сей земле изменяли с королемъ вместе, к Свѣйскому казну посылали. А се король женился не по закону, понял своячину, прежние жены сестру родную; да хотѣл деи король поломати у них прежние правы, у мѣлкие шляхты имѣнья отымать, и давать желнырем, *(л. — об.)* а им бы быти в посадцких людех в мещанех. А болшой де шумъ на короля про то: для чего он, не порадив с паны и со всѣю землею, поволил итти к Москве воеводе Сендомирскому з дочерью и со многими людьми, и такое бесчестье государству Полскому учинил, многие люди тамъ побиты, а иные засажены, и как ихъ ныне доступати. А всчали деи то на сойме Стадницкие про своих. И король де имъ оправдаетца, что он о томъ воеводе Сендомирскому говорил накрепко, чтоб он самъ к Москве не ходил, и людей с собою не заводил, и дочери не давал. И воевода де ему отказал: хотя б у него *(л. 185)* было 5 дочерей, и ему их волно давати в розные государства, куды захочет, хотя в Турскую землю; и его де короля в том не послушал. И ныне деи о том съѣздъ великой и радят, какъ имъ тѣми людьми промышляти, которые задержаны. А воеводе деи Сендомирскому ставят в великую вину, что он пошол к Москве з дочерью самоволством и столко много людей с собою завадил.

И августа въ 4 день пришли посланники в Городень и, стояв два дни, перевели в королевское мѣсто в новой *(л. — об.)* двор, о(т) Городня 15 верстъ, з дороги Краковской в сторону. А го-

ворил пристав, что в Городень приѣзжают всякие люди и вамъ деи докуку чинят; а се будут в Городень желныря для корму, а они ныне люди своволны, и вамъ бы какова бесчестья не учинили, для того вас по королевскому росказанью велѣно вас поставити в том мѣсте до времени, какъ от короля указ будет. И поставили на крестьянских 2 дворѣх за сторожи и з двора спускати не велѣли.

Августа во 12 день сказывал *(л. 186)* послаником пристав, что приѣхал в Городень брат его подскарбей Ерош Воловичь, и будет в ыменье своем от того мѣста, гдѣ посланники стоят, в 5 верстах. И посланники о том провѣдывали: для чего подскарбей приѣхалъ? И сказывали приставовы люди, что приѣхалъ для того, чтоб ему какъ с посланники видетца, и с ними поговорити и провѣдати, с чѣмъ пришли.

И ѣздилъ пристав к подскарбѣю. А приѣхав говорил: по ся де мѣста о томъ яз вамъ не говаривал, что подлинно про то не вѣдал; а ныне уже о томъ есть подлинно вѣдомость, *(л. — об.)* что государь вашъ Дмитрей, которого вы сказываете убитого, жив и тепере в Сендомире у воеводины жены: она ему и платье и людей подавала. А писали о том к подскарбею добрые паны и признали всѣ тѣ, каков онъ был, писали, и борадавка на лице; да и тѣ многие люди, которые у него были на Москвѣ, его узнали, что он прямой царь Дмитрей. И многие руские люди к нему пристали, и Полские и Литовские люди к нему прибираютца; да к нему же приѣхалъ князь Василей Мосалской, которой при немъ былъ на Москвѣ ближней бояринъ и дворецкой.

(л. 187) И посланники говорили: мы того и слышеть не хотимъ, а вашему разуму дивимся, что вы такие слова о таком воре говорите, которой преже сего назывался царевичем Дмитреем. А он вѣдомой вор, богоотступникъ, еретикъ, чернецъ Гришка Отрепьев и хотя б такой вор страдник и жив был, а уже обличен, что он вор, ростригa, а не царевичь. И вам было об нем уже стыдно говорити, что от него от злодѣя меж великих государствъ многая смута и крововорозлитье учинилось з государя вашего сторону в мирное постановенье через кресное целованье. А то подлинно вѣдомо: при наших очех тот вор убит, *(л. — об.)* и вывезен был на пожар, и лѣжал 3 дни. И вашимъ то есть вѣдомо, которые тамъ были при воеводе Сендомирскомъ. А дочь воеводина в тѣ поры, какъ его злодѣя облича взяли пс хоромъ, убили, была в тѣ поры при нем в хоромех, и то видела, какъ его убили. И нѣшто будет ваши такие слова затѣвают, не хотя видети меж государствъ покою и доброго дѣла;

или будет которой вор, такой же бездѣлникъ, збежав из государства государя нашего, да называет себя такимъ именемъ. А есть збежал в то время, как того вора убили, Михалком зовут Молчанов, *(л. 188)* жил у того вора в хоромех для чернокнижья, что он тому навыченъ. И нѣчто будет тот называетца такимъ именемъ, и на томъ у нас есть пятно, чтоб его намъ показали. А приметы у него на спине: какъ он за воровъство и за чернокнижство был на пытке и кнутомъ битъ, и тѣ кнутные бои на нем знать. А будет и иной вор такой же называетца тѣмъ іменемъ, и вамъ было уже таких примать и слушать не надобно. А будетъ вамъ годенъ, и вы его посадите у себя на королевство. А в великое Росиское государьство государю вашему насылать и сажать непригоже, хотябъ и *(л. — об.)* прямой прироженой государь царевичь Дмитрей; а толко б его на государьство не похотѣли, и ему б силно нельзя быть на государстве; а то вор, стадникъ, збежав от смерти, такимъ именемъ называетца. И тому чему вѣрить? — А что сказывал еси намъ о князе Василье Масалскомъ, бутто он изменилъ, и мы того не вѣдаем; а какъ есмя поѣхали с Москвы, и князь Василей былъ на Москвѣ. А будет он, преступивъ крестьное целованье, изменилъ, и его Богъ не попуститъ.

(л. 189) Августа въ 25 день говорили посланники приставу: в. г. нашъ ц. и в. к. Василеі Ивановичь, в. Р. с., послалъ нас к государю вашему Жигимоньту королю в посланьникех свое государьство обестить і о многих великих дѣлех; а велено намъ итить к государю вашему не мешкая, а с нами вмѣсте присланы от послов государя вашего, и от воеводы Сеньдомирского, и от ыных пановъ, которые на Москвѣ, люди. И мы, приѣхав в украиной город в Смоленескъ, жили мѣсец затѣмъ, что из Орши староста Оршанской писал в Смоленескъ к боярину и воеводе, а не велѣлъ нам до королевского указу *(л. — об.)* ходить. А какъ намъ велѣли итти за рубеж, и ты нас встрѣтилъ и до сѣхъ мѣстъ с нами ѣхалъ. А ныне здѣсь заведены в деревню, стоим немалое время, а того не вѣдаемъ, для чего нас держите и х королю с нами не идете, гдѣ ныне король. А мы чаемъ: какъ нынѣ учинитца ведомо великому государю нашему, что нас, заветчи в токое мѣсто, держати в утесненье долгое время, будет некоторое сумненье, и посломъ бы государя вашего также которые тесноты не было и на рубежѣ б которого задору не было от государя нашего людей? И тебѣ б говорити подскарбею, *(л. 190)* чтоб об нас писал х королю, чтоб намъ велѣл к себѣ итти не мешкая; а будетъ нам ещо вскоре у короля

быти нелзя, і паны б рада поволили нам послаті от себя к великому государю нашему человѣка о томъ вѣдомо учинити, для чего мы здѣсь живем.

И пристав сказал: яз деи о том доѣду до подскарбея и вашi рѣчи ему скажу; а чаю де вамъ мешканье затѣмъ, что у нас ныне рокошь, съѣздъ всей землѣ людемъ, и король ныне на рокоше. А ведаете сами, каковы здѣсь люди своволны и не в нынешнее время, а ныне сколко вам *(л. — об.)* в дороге бесчестья было, то вы сами видѣли; а толко вамъ ѣхати х королю, и вам всемъ злое будет. Да поѣхалъ приставъ х подскарбею. А приѣхавъ говорилъ: рѣчи яз ваши подскарбею сказывал, и он к вамъ приказывал, что вы здѣсь задержаны до времени для того, что у нас рокошь, а король на рокоше; и х королю вамъ ныне ѣхати не мочно, что всѣ люди ныне стали своволны, и притчею которое лихо вамъ учинят, і на Москвѣ в том учнут пенять на королевскихъ пословъ. — Да подскарбей же де к вам приказывалъ: *(л. 191)* толко будет которой пан радной от короля в которое мѣсто, да х тому канцлѣръ Левъ Сопѣга, да онъ панъ скарбей, и вам мочно ли у нихъ быть и дѣло объявить, о чемъ вы присланы? А они б тѣ дѣла, у вас выслушавъ, х королю и ко всѣмъ паномъ-радамъ написали. А которые у вас есть листы до короля, тѣ вы у себя держите и какъ по времени будете у короля, и тогды королю отдадите.

И князь Григорей и Ондрѣй отказали: то дѣло нестаточное. Послалъ нас в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., к государю *(л. — об.)* вашему к Жигиманъту королю, а не к паномъ-радомъ, и с нами поѣтъте х королю, будет у вас король есть; а будетъ короля нѣтъ, и вы намъ такъ и объявите, и у нас будут иные рѣчи.

И пристав говорилъ: король у нас есть старой да вскорѣ вамъ к нему ѣхати не мочно затѣмъ, что яз вамъ сказалъ.

Да пристав же говорилъ: писал деи подскарбей х канцлѣру ко Лву Сапѣге об вас, чтоб Левъ отписал в Оршу к брату своему к Ондрѣю Сапѣге, а велѣлъ бы Ондрѣю отписати в Смоленескъ к воеводе, зачѣмъ вы здѣсь долго живете, *(л. 192)* что короля зашли многие земские дѣла и вскоре вамъ у него быть нелзя. И концлѣр деи Левъ о томъ къ брату своему листы посылает. А что де вы приказывали х подскарбею о том, чтобы вамъ послати от себя к государю своему человѣка, и то де дѣло нестаточное, что имъ такъ учинить бес королевского и безо всѣхъ пановъ-рад вѣдома.

Да проведывали посланники у приѣзжих и у приставовых людей, что на рокоше меж себя в згоде или меж ихъ рознь, и гдѣ

ныне король и есть ли при немъ люди, и которые паны при короле, — и сказывали посланником приѣзжие и приставовы люди, которых *(л. — об.)* удобрили, что на рокоше паны в съѣзде, а стоят на трое: в одной статье которые стоят на короля — воевода Краковской пан Жебредовской, да панъ Стадницкой Станиславъ с Ланцуд, да подчашей Януш Радивиль, сынъ воеводы Вилинского Хриштопа Родивила, да брат его Хриштопъ Радивил, да моршалокъ Литовской пан Дорогостайской, да пан Горейтиі, пана Яна Замойского племянникъ, да пан Остророг и иные паны, а с ними людей тысячь з 10; а с королевы де стороны: воевода Познанской пан Гостомской, да воевода *(л. 193)* Мозовецкиі Томуш Третей, да моршалокъ корунны Петръ Мишковскиі, да пан Зигмунтъ, да панъ Желтковски, гетманъ польной, да староста Варшецкиі, кашьталян Варшевски, а с нимъ людей з 2000 человѣкъ, да Литовской канцлѣръ Левъ Сопѣга, а с ним людей 2000 человѣкъ, толко он на рокошь не ѣхалъ, стоял в Слониме, а при короле де было наемного люду тысечь з 20; а особно де стояли паны и смотрели того, которая сторона будет правее или сильнее: пан Краковской Януш, сынъ воеводы Киевъского князя Василья Острожского, а с нимъ *(л. — об.)* всяких людей с 6000, да князь Януш Зборажаской, воевода Брясловской, да воевода Волынской, с ними с 1000 человѣкъ.

А рокошь деи на короля и на панов-рад, которые с королемъ в одной думе, в томъ, что король отступился Пруской земли князю Брандеборскому, а за то у него взял многую каз(ну), и третей год Прусы не в послушанье; да взял за себя не по закону своякиню, не порадив с паны-радами, а к Свейскому де в тай(не) казну посылалъ и хотѣлъ збѣжать в Свѣю, а коруну хотѣлъ здать цесареву брату Максимильяну, да хотѣлъ у мѣлких шляхты земли вотчинные *(л. 194)* отъимати и довать желныремъ, а их в посадцкие люди поворотить. И толко де на рокоше приговорятъ, что быть тому же королю, и ему изнова присегать, что ему у них правъ их и вольностей прежнихъ не рушить. А многие де Польские люди хотят Бочкая, что ныне на Седмиградцкой землѣ, и пришелъ деи на границу, а с нимъ людей з 20000; а иные де Польские и Литовъские люди его не хотят, что он калвинъские вѣры, а се изменилъ цесарю, а голдует Турскому. А которые паны радные с королевы стороны, и тѣ де хотятъ Ракуского дому Максимилияна. А на пановъ де рад шумъ болшой на рокоше *(л. — об.)* на канцлѣра на Лва Сопѣгу, что де мелкой шляхте многую обиду чинилъ. А канцлѣръ живет в своемъ городе в Слониме, на рокошь не ѣдет, буто занемог и

зелье принималъ, а людей при немъ не мало. Да присылал де к нему король коморника, и приказывалъ к нему, и писал, какъ ему в чемъ отвѣтъ чинить; и канцлѣръ деи и(з) Слонима поѣхалъ в Новгородокъ на съѣздъ к Литовскимъ паномъ, которые на рокошь не поѣхали.

Да на рокоше же деи подчашей Януш Радивил сказывал на Литовских панов на дядю своего Микулая, и на концлѣра на Лва *(л. 195)* и на иных панов Литовских, будтось они в прежних годѣхъ хотѣли от Полши отстать и приложитца к Московскому государьству; а отецъ де его Христоп Радивиль, воевода Вилинской, в той думе был же, онъ то вѣдает, и того де на рокоше сыскивают.

А многие де паны Литовские на рокошь не поѣхали, и за то деи паны Польские приговорили, что против Шведа в Лиѳлянты на жолныри взяті гроші с Литовских пановъ, которые на рокошь не поѣхали, или самихъ послать. И Литовскимъ де паном то стало за великую *(л. — об.)* досаду, что ими так Полские паны нарежают, кабы невольники, и для де того паны-рада Литовские и рыцарьство, которые на рокошь не поѣхали, съѣзжались в Новегородке и думали о томъ, хто рокошь вчал, для чего и какъ имъ вперед быть, что многое нестроенье стало в землѣ ихъ, и послы х королю изо многихъ мѣстъ, а болши всѣхъ от Московского государя, что тамъ многие люди увязены; а в тѣ поры всчали рокошь, и писали де о том на рокошь х паном, что они то затѣели не дѣлом, и они б рокошь отставили, а приговорили б на болшой съѣздъ, и на съѣзде тожь сыщетца.

(л. 196) 115-го году сентебря въ 8 день вѣдомо учинилося посланником от тутошних и от приѣзжихъ людей, что с рокоша паны-рада, и рыцарство, и послы повѣтные разьѣзжаютца, и князь Григорей и Ондрѣй говорили приставу о своемъ стоянье, что живут долгое время невѣдомо для чего, и того невѣдомо, какъ быть у короля.

И приставъ сказал: есть де мнѣ вѣдомо, что у нас рокошь рушитца, послы повѣтные и рыцарство розьѣзжаютца; а которые шумѣли на короля, и тѣ с королемъ прощаютца, чтоб имъ вины *(л. — об.)* отдалъ, а рокошу у них быть нѣ о чемъ. А иные де многие паны Полские и Литовские шумѣли на тѣхъ, хто всчалъ рокошь и для чего, і которые де рокошь всчали воевода Краковской и подчашей, а хотѣли быть гетманы, і ныне чаять у них убудет и старого уряду.

И князь Григорей і Ондрѣй говорили приставу: коли уже у вас рокошь порушился, а об нас указу нѣтъ, и ты к подскарбею пиши или самъ поѣдь, что наше здѣсь стоянье, зачѣмъ с нами х королю не ѣдете.

(л. 197) И приставъ ѣздилъ в Городень к подскарбею и, приѣхавъ, сказал: паны де Литовские съѣзжались в Новъгородокъ и писали об вась х королю и к паномъ Полскимъ, что будет в вашемъ стоянье, и положили срокъ на 2 недели, что указ будет от короля: быть ли вамъ до сойму или не быть. А приговорили на рокоше, что нынѣ ничего не постоновили, ино быть сойму большому в Аршеве или в ыномъ в котором мѣсте; а срокъ ещо не уложен, а чают срокъ Рожество Христово.

Да говорилъ пристав же: слухъ есть, толко неподлинно, что де хто Годуновъ *(л. — об.)* будет, собрався силно, на Московскомъ государстве сѣлъ.

И посланники говорили: то нѣхто врагъ Божиі такое слово затѣваетъ и вмещает, а мы вѣдаемъ, что Годунова такова нѣт, кому такое дѣло всчать, да и не похотят землею.

Да пристав же говорил про вора, что он одноличчно живъ в Сеньдомире у воеводиной, а вышелъ де в старческомъ платье; и воеводина платье на него все искупила и людей к нему принела з 200 человѣкъ. Да при нем же некоторой Заболоцкой Москвитинъ *(л. 198)* выѣзжей.

И посланники отговаривали, что тот вор по своим злымъ дѣлом от Бога мѣсть принел, убит при наших очех, и ваши то видѣли, которые были на Москвѣ; а то нѣхто другой вор такимъ же именемъ называетца.

И приставъ говорил: которые де приѣхали с Москвы Полские и Литовские люди, и они сказывают, что от ваших же слышали, что убит и лежалъ на пожаре; а подлинно не вѣдают: его ли убили или ково вь его мѣсто. И диво то есть, толко он живъ и ушелъ: любо его Богъ скрылъ явно, *(л. — об.)* але бо какимъ бесовскимъ мечты и чорнокнижством в свое мѣсто кого подменилъ.

И посланники спрашивали пристава: виделъ ли хто того вора, которой ныне называетца такимъ именемъ, и каков он рожеемъ и волосом.

И приставъ сказалъ, что де он рожеемъ смуголъ, а волосомъ чернъ, усъ не великъ, и бороды выседает и он стрижет; а по полски говоритъ гораздъ и по латыне знает.

И посланники говорили, что подлинно вор Михалко Молъчановъ таковъ рожеем, *(л. 200)* а прежней былъ вор ростриґа рожеемъ не смуголъ, а волосомъ русъ.

Октября въ 3 день сказывал посланником другой приставъ кормовъщикъ Хризостом Снарскиі про вора, что многие де люди сказывают, что он ушелъ и ныне в Самборе; а при немъ Мосальской выѣхалъ самъ друг, да при немъ же де есть Московских же отьѣзжих Заболоцкой. И того Заболоцкого послал былъ до Сиверы, чтоб нынешнему государю вашему не поддовались, а он, собравъ людей, к ним будет; и того Заболоцкого канцлѣръ Левъ Сапѣга задержалъ да послалъ в Самъборъ *(л. — об.)* вѣрного своего слугу именемъ Гридича досмотритца: подлинно тот ли или не тот? А Гридичь того Дмитрея знаетъ, а былъ он с посланникомъ с Олександромъ Гасевскимъ. А на Москвѣ де замешанье великое, и учинилъся государем, которой будет Годуновъ, а Сѣвера отступила.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: то канцлѣръ учинилъ гораздо, что такова вора изменника Заболоцкого задержал, а вѣдомо вам про то будет, хто такимъ именемъ называетца; а мы вамъ сказывали, что тот вор, богоотступникъ *(л. 201)* и еретик, чернецъ, ростригa Гришка Отрепьев убитъ при наших очах. А что сказываешь, будто на Москвѣ было замешанье, государю переменянье, и то дѣло нестаточное: в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановіча, в. Р. с., изобрали, і били челомъ ему, государю, всѣмъ царьствомъ, и крестъ ему, государю, целовали, что мимо его, государя, на Московское государьство иного никого не хотѣть; да и некому быть, то мы вѣдаем. А то нѣхто вор и врагъ Божеі такие слова, затѣевъ, говоритъ на ссору и на смуту меж государствъ, и імъ вѣрить не надобно. А Сѣвере какъ отстать от государства Московского и гдѣ укрытца от царьские руки, того мы *(л. — об.)* не начаемъся же.

Да Снарской же сказывал посланником, что на рокоше сталъ покой: которые паны-рада збиралися противъ короля и звали короля на рокошь, и онъ к нимъ не поѣхалъ, а при немъ было людеі не мало. И приказал паном на рокошь: яз де вамъ король, и вы поѣте ко мнѣ; и что будет вамъ до меня дѣло, и яз вамъ отказ учиню. И паны-рада к нему не поѣхали и, много на рокоше быв, ничего не постоновили. А какъ с рокоша шляхта и послы повѣтные розьѣхались, а паны остались не со многими людми, *(л. 202)* и король к нимъ поѣхал и приказал желныремъ, которые были при панехъ, чтоб они берегли своих головъ, против кого они стоятъ. И желныри от панов отступили, а король пришед пановъ поймалъ, которые на него стояли, воеводу Краковского пана Жебредовского, и подчашего Януша Радивила. И спрашивал их король: чего на немъ пытают и для чего на него рокошь всчали? И они противъ

20*

того сказать ничего не умѣли и били челомъ коралю, чтоб имъ вины отдалъ и присегалъ на том, что вперед на него не стаять; а что они рокошь вчинили, и в томъ винные листы за своими руками дали и во всю *(л. — об.)* землю розослали, что они перед королем винны. А Стадницкой де с рокоша убежал, и король за нимъ послалъ гонять; а только поймают, и ему быть стяту, что онъ королю говорил многие грубые слова.

И октября въ 8 день говорили посланники приставу: сказывал еси намъ, что у попов Литовскихъ былъ съѣздъ и писали х королю, а срокъ положили 2 недѣли; и ныне уже послѣ того болши 4-х недѣль, а от короля об нас *(л. 203)* указу нѣтъ.

И приставъ сказал: и самъ того не вѣдаю, для какой причины король вас не возмет; а подскарбей уже послал 6 человѣкъ на весть, и ни одинъ не бивалъ и ждет вѣсти со дни на день.

И князь Григорей и Ондрѣй собѣ помыслили: многие люди сказывают, которые приходили с приставомъ про вора, бутося он ушелъ и ныне в Самборе, а приставы сказывают тоже, что будтось он жив, и прибирает людей, и послалъ былъ на Сѣверу Заболоцкого, и Левъ его *(л. — об.)* задержалъ; и то знатно, что нѣкоторой вор вмещает такие бездѣлные слова, а встречи ему нѣт никакие, и паномъ-радомъ про то известить нѣкому, і от того б какая смута не учинилась. Да и то посланники себѣ розмышляли: рокошь уже миновался и король сказывают по старому, а имъ посланникомъ к себѣ ѣхати не велят, и не для ли того вора их посланниковъ держат? — И говорили приставу: в. г. ц. и в. к. Василей Ивановічь, в. Р. с., послалъ нас, посланниковъ своих, до великого *(л. 204)* государя вашего Жигимонта короля наскоро о великих дѣлех. И мы здѣсь живем многое время, не вѣдаемъ для чего, и тебѣ приставу о томъ говаривали есмя многожды: зачѣмъ нас до короля не пустят? И ты сказывал, что был у вас рокошь и затѣмъ нам х королю ѣхати было немочно; а после того сказывал еси, что паны-рада Литовские съѣзжались в Новегородке и до короля об нас писали, а учинили тому срокъ 2 недели. А рокошь уже миновался, и после того уже многое время, а об насъ от короля указу нѣтъ, и мы того не вѣдаемъ: есть ли королю об насъ *(л. — об.)* вѣдомо или нѣт; и что мы вамъ говоримъ о своемъ задержанье, про то не вѣдаем: извещаете ль паномъ-радомъ или нѣтъ? А мы живучи здесь такъ, боимъся от великого государя своего опалы. И ныне мы листы написали х канцлѣру и к подскарбѣю о своемъ здешнемъ житье, чтоб намъ вѣдомо учинили: для чего нас здѣсь столь долго держат,

и какъ намъ быть у короля. И вамъ бы тѣ наши листы послати до канцлѣра и до подскарбея.

И приставъ сказал: которые де вы рѣчи мнѣ говорили, и яз то все подскарбею *(л. 205)* сказывал, а х королю об вас подскарбей многожды писал, а коли то вамъ не вѣрно, и яз ваши листы к подскарбею пошлю, и подскарбей тот листъ, что к нему писан, выслушает, и отвѣтъ вамъ учинит, и х канцлѣру листъ вашь пошлетъ.

И князь Григорей и Ондрѣй писали от себя х канцлѣру ко Лву Сапѣге и к подскарбею къ Ерошу Воловичю о своемъ мешканье, что в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., послалъ их до великого государя их Жигимонта короля о великих дѣлехъ наскоро, *(л. — об.)* а с ними вмѣсте отпущаны от послов государя их, и от (вое)воды Сендомирского, и от иных пановъ, которые ныне на Москвѣ, люді их для того, чтоб имъ посланникомъ задержанья не было. И какъ они, посланники, пришли в великого государя своего в украинноі город в Смоленескъ, и стояли в Смоленске 4 недѣли затѣмъ, что Оршанской староста Ондрѣй Сопѣга до королевского указу за рубеж к Орше итти не велѣл. А какъ пришли в землю государя их и привели в село в королевское в Новоі Двор, и тут стоят больши 10 недѣль, невѣдомо для чево, а х королю их не ведут. А пристав сказывал, что у них *(л. 206)* был рокошь, затѣм было х королю ѣхати немочно; а ныне слышат, что уже давно рокошь миновался, а они живут в одном мѣсте, невѣдомо для чево. И о том бы им, государевым посланником, вѣдомо учинили: для чего ихъ столь долго тутъ держатъ, а х королю не пустятъ, и какъ имъ быти у короля, сколь скоро? А будет ещо вскоре у короля быти не мочно, и о томъ б вѣдомо учинили и имъ б поволили послати ко государю своему гонца, а о том объявити, для чего здѣсь мешкаютъ, чтоб царскому величеству про то вѣдомо было. — Да в тѣхъ же грамотах посланники писали: вѣдомо *(л. — об.)* нам учинилося от многих людей, какъ мы ѣхали дорогою, и по городомъ и по мѣстом в государя вашего в Литовской землѣ, что деи нѣкотороі воръ объявился в Самборе у Сендомирского жены, а іменуетца тѣм же именем, какъ преже сего назывался богоотступникъ і еретикъ, чернецъ, ростριга Гришка Богданов сынъ Отрепьевъ, буттося он в. г. нашего ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., сынъ, царевичь Дмитреі, и ныне буттося он вор ушол с Москвы. І мы тому дивимся, что у вас такие неподобные рѣчі *(л. 207)* за просто ставят: страдникъ, вор, нѣвѣдомо хто, такимъ великим именемъ называетца и меж

великими государи нашими и меж государствъ смуту чинитъ, а государь вашъ и вы про такихъ не сказываете. А мы тебѣ, пану-раде, подлинно объявляемъ, что тот злодѣй, богоотступникъ и еретикъ, ростирига Гришка Богданов сынъ Отрѣпьевъ, которой былъ в государя вашего землѣ и назывался царевичемъ Дмитреемъ, по своимъ злымъ дѣлом от Бога мѣсть принел и зле живот свой скончал. А какие смуты от того вора промеж тѣхъ великихъ государствъ учинились и сколко кроворозлитья во хрестьянстве *(л. — об.)* от него учинилось, то вам самимъ вѣдомо. И ныне мы, слышев про то, к вам пишемъ, чтоб вы того вора, которой таким именемъ называетца, велѣли намъ показати, и мы его обличимъ, хто он есть какой человѣкъ, чтоб от таких воровъ меж великими государи нашими и меж государьствъ вперед смуты и кроворозлитья не было.

Октября въ 26 день говорил князю Григорью и Ондрѣю приставъ: писалъ де ко мнѣ подскарбей с кручиною, что яс у вас листы взял и к нему послал, и что вы в листу писали про рокошь, бутося у нас был рокошь, *(л. 208)* а слышали вы от меня; и у нас рокоша не бывало и не будет, а былъ съѣздъ. А рокошь у нас лихо, Боже того не дай, вся земля встанет на короля и на пановрадъ. И вы то писали напрасно.

И посланники говорили: про рокошь есть не тайно—вѣдомо было ещо в государя нашего землѣ, что у вас быть рокошу. А какъ мы вошли в государя вашего землю, і мы слышали от многихъ людей, что паны-рада и посполъство все рыцарство поѣхали на рокошь; и как почали розъѣжатца с рокошу, и у нас были с тобою, приставомъ, пан Ѳилиповскиі и иные паны, а сказывали *(л. — об.)* с рокошу. Да и ты нам многожды сказывал, что уже с рокошу паны и посполъство разъѣзжаютца. И того таитъ нечего: вѣдомо то есть во всѣхъ государьствах.

И приставъ говорилъ: прошло то слово меж людей простых, что съѣзжались на рокошь, а рокошу не было, был съѣздъ. А что вы писали про Дмитрея царя и называете его воромъ, бутто он непрямой, ино то есть помазанникъ Божей, такъ ево вамъ корить не пригоже. Только такое дѣло подскарбею не належит, ни вступаетца в такие рѣчи; а вѣдаютъ об немъ тѣ, хто его принелъ.

(л. 209) Октября въ 29 день приѣзжал ко князю Григорью и к Ондрѣю от подскарбея Литовского от Яроша Воловича писарь Микулай Бронский, и, пришед, правил от подскарбея поклонъ, и спрашивалъ о здоровье и нѣт ли де вамъ какие нужи.

И князь Григорей и Ондрѣй сказали, что Божиею милостию и великого государя своего жалованьемъ, а здѣсь королевскимъ жалованьемъ, здорово и кормъ намъ дают. А в дороге намъ было от Литовъских людей безчестье великое: какъ есмя переѣхали за рубеж, и приѣзжали на нас пона Глѣбова слуга Карыпской со многими *(л. — об.)* людьми и хотѣл нас побити; потомъ в дорогѣ едучи от Орши, многое намъ безчестье было от Литовских людей, а пріставъ их унять не мог. И привел нас приставъ сюды в деревню и живемъ немалое врѣмя, не вѣдаемъ, для чего х королю нас не вѣдут и того намъ не скажут, для чего мы здесь живемъ.

И Микулай говорил: прислали де вы от себя листъ х падскарбею, а другой листъ писали х канцлѣру ко Лву Сапѣге. А в листу своемъ к падскарбею писали естя о своемъ житье, что тут живете не малое врѣмя, а х королю вас не возмут. *(л. 210)* И подскарбѣй вамъ велѣлъ говорити, что он тому дивитца, что вы мимо прежние обычаи ссылаетесь писмомъ ċ паны-радами. Преже сего того не бывало: которые послы и посланники преже сего прихаживали, и они посольство правливали королю, а к пономъ-радомъ листовъ не посылывали; а вы ныне присланы от государя своего х королю, а не к паномъ-радомъ, и вамъ было к паномъ-радомъ листы писати не надобно. Толко подскарбей о томъ дѣле писалъ и тот вашь листъ послалъ х королю, а и до того вашего писма подскарбей об васъ не забывал, многожды до короля писалъ; а государь то есть великоі і *(л. — об.)* забавен был великими земскими дѣлы и посямѣсто быти было вамъ у него не мочно, а ныне подскарбей ждет и начаетца от короля об вас указу с часу на часъ.

И князь Григорей и Ондрѣй Миколаю говорили: именовал еси нам от подскарбея, что мы листы писали до канцлѣра Лва Сопѣги и до него мимо прежней обычаі; и мы тому свѣдомы, то не ново, что издавна ведетца: послы и посланники здѣсь с паны-радами, а на Москвѣ з бояры, писмом о дѣлехъ ссылаютца. А наперед сего я Ондрѣй был здѣсь в Литвѣ отъ бояр в гонцѣхъ, а не в *(л. 211)* посланникех, и вскоре меня паны-рада не пріняли; и яз писал от себя листъ до канцлѣра, и против моего писма от канцлѣра писмо же было, для чего мнѣ у них вскоре быть было не мочно.

И Миколаі говорил: пришли вы от государя своего х королю не с указом: какъ вам король велит у себя быть, такъ вы у короля и будете; а государя нашего послы живут у государей вашихъ на Москвѣ по году и болши.

И князь Григорей и Ондрѣй ему отказали: коли бывают государя вашего послы и посланникі *(л. — об.)* у великих государей наших, и имъ в дороге никоторого задержанья не бывает, толко в то врѣмя, какъ бывают у великих государей наших и з бояры, съѣзжаясь, говорятъ о земских дѣлех; а мы б толко были у короля и потомъ бы с паны-радами говоря, хотя гдѣ и помешкали, и намъ бы то было не в нужу.

И Микулай говорилъ: сами вѣдаете, каково было на Москвѣ замешанье и побиты многие Польские и Литовские люди; а у нас былъ съѣздъ, и на томъ съѣзде много тѣхъ побитых было дядья, и племянники, и братья, и родство. И какъ *(л. 212)* бы вас в то время вести на тот съѣздъ, и они б вамъ не смолчали, за своихъ побили; да не токмо на съѣзде, и на дороге б гдѣ хто съѣхался, не смолчалъ, для того вы от дороги поставлены в сторонѣ.

И князь Григорей и Ондрѣй отказали: мы того не боимъся; посломъ и посланником всегды бывает путь чистъ, хоти и рати бывают и полки стоятъ с обѣ стороны, а послы и посланники ходят на обѣ стороны без сумнѣнья; а ныне промеж государем нашим и Жигимантом королем рати и войны нѣт и мы того не чаемъ.

(л. — об.) Октября въ 31 день сказывал посланникомъ другой приставъ кормовщикъ Хриштоп Снарскиі: про вора сперва де говорили многие люди, что он ушолъ с Москвы и людей збирает. А ныне сказывают, что он в Самъборе в (мо)настырѣ в чернеческом платье за грѣхи каетца, в чемъ он перед Богом согрѣшилъ; а еще людемъ не оказался, и на рокоше не былъ, буто для того, что от него сталось людем Полским и Литовскимъ, которые побиты на Москвѣ, и его б за то не убили; а подлиннаго знатка ещо на него нѣтъ. А яз де подскарбею, слышачи от вас, сказывалъ подлинно, что он убит при вас, а то нѣхто *(л. 213)* иной вор тѣмъ именемъ называетца.

А после того сказывал тот же Снарскиі, что был у них Гридичь, которого концлѣръ посылалъ того вора досматривать; и он сказал, что того вора не видѣлъ, живет де в монастыре, не кажитца никому. Да сказывал де ему шлятин повинной ему, а приѣхали с укрыины изо Мстисловля, что де Литовские послы выслали с Москвы с торговымъ человѣкомъ писемцо, а пишут к паномъ-радомъ, чтоб они своей чести не теряли, а их бы не забывали же. И то де писмо послали х королю.

(л. — об.) Ноября въ 9 день сказывал посланником приставъ, что пришел к нему указ от короля, а велѣно ему с ними

посланники ѣхати х королю в Краковъ и в приставех Полскую землѣю быть ему же, только будет Полской шаѳирь на границе. И он послалъ о том доведатца, какъ шаѳирь будет на границу, и тогды пойдут. И стояли посланники после того в Новомъ Дворе 2 недѣли. А поѣхали из мѣста Нового Двора ноября въ 25 день.

А на границу Полскую в Нарву пришли ноября въ 28 день и встретилъ посланников в Нарве от короля *(л. 214)* королевскоі коморникъ Григорей Янковскоі, а пришел на подворье пѣшь, и говорилъ князю Григорью и Ондрѣю: наяснѣйшай государь нашъ король его милость прислал меня к вамъ встрѣчю, а велѣл с вами ѣхати до себя в Краковъ вмѣсте с Литовскимъ приставомъ с Петром Воловичемъ и кормъ вамъ давати. И князь Григорей и Ондрѣй молыли: мы х королю ѣхати готовы, а ты намъ давай подводы. И ѣхали с посланники до Кракова Литовской приставъ Петръ Воловичь да Полской шаѳирь *(л. — об.)* Григорей Янковской и кормъ давали, как мочно сытым быть.

А какъ ѣхали до Кракова и по станом говорили посланникомъ Литовские и Польские люди, шляхта и мещане, про вора, которой назывался Дмитрѣемъ, бутось он живъ въ их землѣ; иные сказывали слухомъ, а иные сказывали, что сами видели, какъ он приѣхалъ. И посланники отказывали, что тот злодѣй чернецъ Гришка Отрѣпьевъ, которої назывался царевичемъ Дмитреемъ, по своимъ злымъ дѣламъ убит прі наших очах, а то нѣхто иной вор *(л. 215)* называетца такимъ именемъ; и спрашивали тѣх, которые сказывали видели, каковъ он рожеемъ и волосом и возврастом. И они сказывали, что возврастомъ не малъ, рожеемъ смуголъ, нос немного покляпъ, брови черны, не малы, нависли, глаза не великиі, волосы на голове черны курчевавы, ото лба вверхъ возглаживает, усъ чорнъ, а бороду стрижет, на щеке борадавка с волосы, по полскиі говоритъ и грамоте полской гораздъ, и по латынѣ говорити умѣетъ. I по тѣмъ признакомъ Михайло Молчановъ. И о томъ посланники рыцарским и всякимъ людемъ сказывали, *(л. — об.)* что то иной вор, збежав от смерти, Михалкомъ зовут Молчановъ, такимъ именемъ называетца, и они б тому не вѣрили; а тот прежней вор рострига подлинно убит при нихъ.

А х Кракову приѣхали декабря въ 16 день. И у Кракова за посадомъ встрѣтили посланниковъ королевские дворяне: князь Янъ Соколенъскиі, секретарь королевской, да Войтех Гоевскиі, да Станиславъ Держановскиі, а с ними иных дворянъ і шляхты человѣкъ с 15. И съѣхався говорил князь Ян Соколенский: слово до вас королевское, и вы соймите шапки.

(л. 216) И князь Григорей и Ондрѣй говорили: тебѣ речь королевская говоритъ, и ты наперед сайми шапку, а мы, услышав королевское слово, шапки соймемъ же. И князь Янъ, поспоровся немного, говорил рѣчь в шапке, толко х королевскому имени шапку приподымал; а князь Грегорей и Ондрѣй такъже х королевскому имени шапки приподымали, а к государеву имени шапки сымали.

И говорил князь Янъ: наяснѣйшей государь нашъ Жигимантъ Третей, Божьей ласкиі, король Полскиі и великиі князь Литовскиі, Рускиі, Прускиі, Жемоитцкиі, Мазовецкий, Иѳлянскиі, *(л. — об.)* Киевскиі, Волынскиі, Подольскиі, и государь дедичной королевства Шветцкого і иных, росказал намъ, дворяномъ своимъ, вас встрѣтить и о здоровье вас спросить: добре ль се вы маете в государстве нашемъ и во всемъ ли вамъ былъ достатокъ?

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: дай Господи, здравъ был в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. и многих государствъ государь и абладатель, и государь вашъ Жигиман король. А мы ихъ государьскимъ жалованьемъ до сѣхъ мѣстъ доѣхали здорово и на *(л. 217)* королевскомъ жалованье челомъ бьем, что пожаловал нас, велѣлъ о здоровье спросить.

И князь Янъ говорилъ: король его милость росказал намъ вас до подворья проводить.

И, давъ меж себя руки, ѣхали черезъ посад, и посадомъ, и городомъ до мѣста Козимерова и поставили посланниковъ в Казимерове на мещанских дворех.

И приѣхавъ в Краков, князь Григорей і Ондрѣй говорили приставу Петру Воловичю: посланы есмя от великого государя своего к государю вашему наскоро с великимъ дѣломъ, и мы долгое *(л. — об.)* врѣмя жили в Литвѣ, то ты самъ вѣдаешь; и ныне б намъ король у себя велѣл быть, не мешкая.

И приставъ говорил: ныне у нас свято по Рожестве Христове и в тѣ дни у короля быть немочно с недѣлю; а се поджидает король панов-радъ, по которых послал для вас.

Декабря въ 23 день сказывал посланником приставъ, что утре быть у короля. И князь Григорей и Ондрѣй приставу говорили: мы завтро, оже дастъ Богъ, х королю ѣхати готовы, а о томъ паномъ-радомъ от нас скажи: какъ намъ быть у короля, и в то б врѣмя при королѣ *(л. 218)* иных государей пословъ и посланников не было; да и о том паномъ-радомъ извѣсти: какъ мы будемъ у короля, и намъ бы, пришед х королю, наперед обьявити имя в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., и государя вашего Жигимонта

короля і исправити королю от великого государя нашего поклонъ, да потомъ пожалует нас король к руке, и мы у его королевские руки будемъ; а наперед государьских имян намъ подданнымъ х королю к руке итить непригоже.

(л. — об.) И приставъ сказал: яз про то скажу моршалку и подскарбею. А что вамъ сперва не быть у короля у руки, и здѣсь у государя нашего в обычае ведетца: послы и посланникиі, пришед к государю, наперед бывают у рукиі да потомъ посолство правят; а вамъ какъ будет король велитъ. А что говорили есте о послѣхъ и о посланъникех иныхъ государей, и яз чаю, что завтро у короля иных государей послы и посланники не будутъ, да и нѣтъ их: которые были от Турского, и они отправлены. — И ѣздилъ к паномърадомъ. А приѣхав сказалъ, что он тѣ рѣчи сказывал *(л. 219)* паном-радомъ, а паны-рада извещали о томъ королю и к вамъ приказали, что завтра у короля, как вамъ быть, иных пословъ и посланниковъ не будет; а что вамъ наперед объявить королю имя государя своего и его королевское да потомъ быти к руке, и король то дает на вашу волю.

И декабря въ 24 день к посланником ко князю Григорью Костянтиновичю Волконъскому да к діаку к Ондрѣю Іванову приѣхали отъ короля пристав пан Петръ Воловичь да дворяне, которые встречали *(л. — об.)* за посадом: секратарь князь Янъ Соколинскиі, да Воітехъ Гаевскиі да Станислав Держановскиі, а с нимі дворян же и желныръян человѣкъ з 10; а сказал пристав Петръ Воловичь і секратарь Ян Саколинскиі, что государь ихъ Жігимонтъ король велѣл им посланником ѣхати к себѣ на посольство.

И князь Григорей и Ондрѣй сказали, что онѣ х королю ѣхати готовы. И (ѣ)хали с посланникиі х королю секретарь Соколенъскиі и приставъ вмѣсте, а иные дворяне и желныри ѣхали перед посланники, а за ними перед *(л. 220)* посланники несли дары, что королю челомъ ударить. И какъ князь Григорей и Ондрѣй приѣхали на королевъ двор, и ссѣли с лошедей у лѣсницы и шли вверхъ с приставы. И как взошли на крыльцо к переходомъ, и встрѣтили ихъ королевские дворяне Жигимантъ Казановскиі, староста Кукановскиі, да Ян Беглевскиі и, дав руки, шли перед посланникиі. И какъ пришли в сѣни передъ полату, гдѣ король сидитъ, и встрѣтили посланников *(л. — об.)* от короля, ис полаты вышед из дверей, надворный моршалокъ корунной Миколай Вольскиі да Остаѳей Воловичь, пробош Троцкой и реѳерен(дарь) Литовскиі и, давъ руки, шли в полату наперед.

И пришед перед короля, явил посланнъниковъ моршалокъ надворный пан Микулай Волскиі, а молыл: в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. посланники князь Григорей Костянтиновичь Волконский да діякъ Ондрѣй Ивановъ.

(л. 221) И князь Григорей и Ондрѣй королю от себя поклонились, а потом князь Григорей по государеву наказу правил королю от г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. поклон да подал вѣрющую грамоту; и принял грамоту перед королем бискупъ Перемышлскоі, канцлѣр корунноі, князь Матвѣй Петроковскоі и, принесши х королю, казал.

И после того король Жигимонтъ спросил о г. ц. и в. к. Василья Івановича в. Р. здоровье, встав.

И князь Григореі сказал: какъ мы поѣхалі от в. г. своего ц. *(л. —об.)* и в. к. Василья Івановича, в. Р. с., і государь нашъ царское величество дал Богъ в добром здоровье.

И король посланников звал к руке.

А после того молыл бискуп Перемышльской: которые с вами приказаны рѣчи, и вы говорите.

И князь Григореі Костянтиновичь і діак Ондрѣй говорили рѣчи королю против г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. наказу. *(л. 222)* И как рѣчь изговорили, и король велѣл им сѣсті; а в тѣ поры пришли х королю к мѣсту бискупъ Премысльскиі и концлѣръ коруну-Полскиі, да панъ Михаилъ Конарскиі каштялян Хелмскиі, да пан Балцерь Станиславскиі подскорбей корунной, да морщалок надворныі Миколай Волскиі, да Остаѳѣй Воловичь реѳерендарь Литовскиі и, поговоря немного, отошли.

И говорил от короля бискуп Премысльскиі: которые рѣчи говорилі от в. г. *(л. — об.)* своего и в. к. Василья Ивановича в. Р. государю нашему Жигимонту королю, и король его милость рѣчи ваши выслушалъ и отвѣтъ на тѣ рѣчи велит вамъ дать иным временемъ. А что вамъ приказано говорити с сенатори, и король у вас тѣ рѣчи велѣлъ у вас выслушать паном-радамъ иным же временем.

А реѳерендарь Литовскиі Остаѳѣі Воловичь говорил посланником: которые рѣчи говорили есте королю, и король и паны-рада не все подлинно выслушали, что вашей молвы не ра(зу)мѣетъ, и вы дайте тѣмъ рѣчемъ писмо. — *(л. 223)* И князь Григорей и Ондрѣі рѣчемъ своімъ дали писмо.

А после того являл моршалокъ королю от посланниковъ поминки и велѣл послаником на подворье ѣхати; а провожали посланников встрѣчникиі до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали. А ѣсть по-

сланников король не звалъ и в стола мѣсто корму не сказали. А сидѣлъ король в то врѣмя, какъ были посланникиі, по немецкиі въ черномъ платье и шляпке. *(л. — об.)* А при короле сидѣли: по правой стороне от короля сажени з 2 на скамѣйке — князь Строконскиі, конъцлѣръ корунополскиі, бискупъ Премысльскиі, да пан Михайло Конарскиі, каштелян Хелмскиі, да Гендрикъ Ѳирлѣй, реѳерендарь корунной. А по лѣвую сторонѣ от короля стояли: пан Балцерь Станиславскиі, каштелян Сантцкиі и подскарбей надворный, да пан Янъ Броницкиі, кашталян Бецкиі, да Миколай Волскиі, моршалокъ надворной, да Остаѳей Воловичь, реѳерендарь *(л. 224)* Литовскиі. А за ними рыцарские люди, и шляхта и всякие люди стояли, стеснясь, человѣкъ с 300. Да у короля же стоялъ с правую руку воеводы Сендомирского сынъ, а у короля он стольникъ. А перед королевскую полатою, гдѣ король сидѣлъ, стояло в сенех голоберщиковъ человѣкъ с 30 з голоберды. А на дворе королевском от ворот по крылцо и за двором от вород по городовые ворота стояли гайдуки с сонопалы *(л. — об.)* по обѣ стороны, всего человѣк с 300.

И ѣдучи посланники от короля, говорили приставу Петру Воловичю: преже сего которые послы и посланники бывали от великих государей нашихъ у прежнихъ королей и у нынешнего государя вашего короля Жигимонта, и их короли жаловали, ѣсть зывали; а будетъ не позовет ѣсть, ино в стола мѣста кормъ бывал. А нас король ныне не пожаловал, есть не позвалъ и в стола мѣсто корму не сказали. И то дѣлаетца не по прежнему обычаю.

(л. 225) И приставъ сказал: топере деи при короле тѣхъ сенатарей, которые справуют посольские дѣла, нѣтъ, и нѣшто будет сенатари пропаметавали, и яз у них того довѣдаюсь. — Да проводів посланников на подворье, ѣздил к паном-радамъ; а приѣхавъ сказалъ, что паны-рада и сами о томъ желеют, что король і онѣ то пропаметовали, что в стола мѣсто корму не сказали, а ѣсть было вам у короля не время; и король вамъ велѣлъ прибавити корму. — И после того в корму прибавки не было ничего. А отказывалъ приставъ: по знаку де *(л. — об.)* ваше посольство королю не любо, что такъ чинитца не по прежнему.

И декабря въ 26 день велѣлъ король князю Григорью и Ондрѣю быти у себя на дворѣ, а сказалъ приставъ, что посланником, быв у короля, быти і у панов-рад. А приѣхали по нихъ королевские дворяне 2 человѣка — Войтех Гаевской да Миколай Поповскіи, а иных дворян с ними не было; і ѣхали с посланники пристав Петръ Воловичь и дворяне королевские Войтех да Миколай.

И как пріѣхали на королев двор, и ссѣли *(л. 226)* с лошедi у лѣсницы по прежнему, а гаідукі стояли с рушніцами человѣкъ з 200, а перед королевским двором стояли гайдуки по обе стороны с рушницами же человѣкъ со 100. И как князь Григорей и Ондрѣі взошлі на переходы, и встрѣча была по прежнему, а встречали королевские дворяне Жигимонтъ Козановскій да Ян Богалевскій і шли встрѣшніки перед посланники. А какъ пришли в сѣни перед полату, гдѣ король сидит, и ис полаты из дверей встрѣтили моршалокъ Миколай Волскиі да реѳерендарь Литовской Остаѳей Воловичь и, дав руки, шли в полату перед *(л. — об.)* посланники. А король сидѣлъ по прежнему в своемъ мѣсте, а при короле сидѣли и стояли паны-рада немногие да дворян стояло и шляхты человѣкъ з 200.

И какъ князь Григорей и Ондрѣй пришли перед короля и поклонились, и король велѣ(л) сѣсти на скамейке по прежнему. А, посидѣвъ мало, говорил от короля моршалокъ Миколай Волский: говорили есте на посольстве наяснѣйшему государю нашему королю от в. г. своего и в. к., что с вами приказ есть о многихъ дѣлех розмовляти с паны-радами, *(л. 227)* и государь нашъ его королевская милость для добрыхъ дѣлъ на обмову посылает пановъ-рад своихъ князя Матьяша Пстрыковского, бискупа Перемышского, канцлѣра корунного, да пана Михаила Конарского, коштеляна Холмского, и иных пановъ-радъ; и вы подите в особную полату.

И князь Григорей и Ондрѣй пошли в Отвѣтную полату. І какъ пришли к полате, гдѣ быть в отвѣте, и в сѣнехъ ис полаты встрѣтили посланниковъ пан Михайло Конарскиі, каштелян Холмскиі, а обшелъ посланниковъ *(л. — об.)* на переходехъ дворенин Жигимонтъ Козановскиі, которой встрѣчалъ на переходехъ. И посланникиі, им руки дав и прешед в полату, сѣли на скамье. А погодивъ мало время, в полату паны радные князь Матвѣй Пстрыковскій, бискуп Перемышскиі, канъцлѣръ корунной, да пан Янъ Браневскиі, каштелян Бетцкиі, да Балцерь Станиславский, каштелян Соноцки, да Миколай Волскиі, моршалокъ надворный корунной, да князь Гендрикъ Ѳирлѣй и реѳерендарь корунной и сколястекъ *(л. 228)* Краковскиі, да Счастной Крыски, староста Крушвицкиі и референъдарь корунно, да князь Остаѳей Воловичь, пробошъ Троцкой и реѳерендарь Литовской, да с ними же секретарь королевской князь Янъ Соколенской; а пан Михаило пришелъ наперед ихъ. И князь Григорей і Ондрѣй встрѣтилі ихъ середи полаты и с нимъ витались, и сѣли посланники на скамѣйке, а паны-рада сѣли противъ ихъ в скамейке же,

а иные на стулехъ, а реѳерендарь Литовскиі Остаѳеі *(л. — об.)* Воловичь и секратарь Ян Соколенскиі стояли.

И говорили паны рада: которые с вами рѣчи есть наказаные от государя вашего, и вы говорите.

А в тѣ поры на королеве дворѣ учали по накром бить и ис пищалей и из наряду стреляти.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили паном-раде: для чего та стрельба? Будет король тѣшитца, и то вь его воле; а будет насъ для, и нам то не диво, мы в ратех бывали и стрельбу знаемъ.

(л. 229) И паны-рада говорили: у государя нашего такъ в обычае ведетца, что ротъмистры гайдуковъ смотретъ в стрѣлбе по вся мѣсецы первое на поле, а потомъ на королевском дворѣ, чтоб горазди были стрѣлять и вскорѣ зарежать. — Да послали на дворъ, а велѣли стрѣлбу унять.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили паномъ-радамъ: какъ есмя были у государя вашего короля на посольстве и что по приказу в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., *(л. — об.)* говорили есмя королю, и то вы слышали; а ныне обьявляемъ вамъ про те же и про іные дѣла подлинно, какъ тот воръ, богоотступникъ и еретикъ, ростригa Гришка Отрепьев был в Московском государьстве, и какимъ обычаем збѣжа от государя нашего в ваше государство, и такое дѣло злое зомыслилъ, такимъ великимъ имянемъ государьским сыном назвался, и промеж таких великих государствъ ссору і кроворозлитье учинилъ.

В (п)рошлых годѣх при царе Борисе явился на Москвѣ вор чернецъ, а в мире его звали Юшкомъ, сына боярского Галиченина *(л. 230)* Богданов сынъ Отрепьевъ, дѣтъ его Замятня был пострижен в Чюдове монастырѣ, а отца его Богдана зарѣзал Литвин на Москвѣ в Немецкой слободѣ. А он Юшка был в холопѣхъ у бояр у Микитиных дѣтеі Романовича и у князя Бориса Черкаскова, і зоворовався пострігся в чернцы и был в чернцах в Суздалѣ в Спаском Еуѳимъеве монастырѣ, и в Галиче у Ивана Предотечи и по иным монастыремъ. А после того бил челомъ об немъ Чюдова монастыря архімориту Паѳнутью, что нынѣ Крутіцкой митрополит, Богородіцкой протопоп Еуѳимей, чтоб велѣлъ взять в монастырь и велѣлъ ему жити *(л. — об.)* в монастырѣ у дѣда его у Замятни. И архімбрит Пафнутей для бѣдности і сиротства взял его в Чюдовъ монастырь, и был в Чюдовѣ монастырѣ в дьяконѣхъ з годъ, а потом взялъ его к себѣ Иевъ патріархъ Московскиі для книжного писма. И он, злодѣй, училъ воровать и безчинствовать, и впал вь еретичество, і за тѣ его

богомерские дѣла с собору хотѣли сослать в заточенье на смерть. И он, злокозненный враг и сотонинской угодникъ и поругатель іноческого оброза и христіянские вѣры, увѣдав о томъ, збѣжал в Литву с товарыщи своими с Чюдовскимі з двѣма *(л. 231)* старцы, с попом с Ворламомъ да с крылошенином с Мисаилом Повадінымъ, и был в Литвѣ в Печерскомъ и в Никольском монастырѣ в дьяконех же. И послѣ того тот вор по дьяволскому ученью отвергся хрестьянские вѣры, образ ангилскиі испоругалъ, чернеческое платье с себя свергъ, і по вражью совѣту своимъ злодѣйскимъ обычаемъ, и по умышленью Сендомирского воеводы і Вешневетцких и иных пановъ, которые ему совѣтовали, злочестивый и скаредный свой языкъ на злодѣйские дѣла изострил, учалъ называтися блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича *(л. — об.)* всеа Русіи сыномъ царевичем Дмитреемъ Углетцким. И своимъ злодѣйство(м) и вѣдовствомъ і призваніем нечистыхъ духовъ многую смуту во крестьянъстве учинил, многие свои грамоты прелестные к украйным людем писалъ, называючи себя царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, и на Дан к воромъ к Донскимъ атаманом и казакомъ знамя свое воровское с Литвиномъ Счаснымъ Свирскимъ посылалъ, и многие лазутцьники Литовские люди, приходя в великого государя нашаго государство, воровские писма приносили и в городѣхъ на посадѣхъ и на дорогахъ листы *(л. 232)* воровские мѣтали того вора именем, умысля тѣмъ в Московскомъ государстве ссору учинить и кроворозлитья всчать. А о том всѣмъ ізвѣстно не толко в Росийскомъ царьстве и в пограничныхъ государствах, что царевичь Дмитрей Івановічь Углецкой после преставленья отца его блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. убитъ на Углече по Борисову велѣнью Годунова въ 99 году при в. г. ц. и в. к. Өедоре Ивановиче, в. Р. с. А на погребанье на его былі мать его царица и великая княгиня инока *(л. — об.)* Марфа Өедоровна и братья еѣ родные Михаіла да Григорей Федоровы дѣти Нагово; а отпевали над нимъ Галасѣя, митрополит Крутитцкой, и архимариты и ігумены, а в. г. ц. и в. к. Федор Ивановичь, в. Р. с., посылал на погребение его большихъ своих бояр и с ними дворян. И посямѣста царевичь Дмитрей лежал на Углече в соборноі церкве, а мать его царица инока Марфа Өедоровна всеа Русиі и ныне жіва, а братья еѣ и дядья Нагие и ныне служатъ в. г. нашему ц. и в. *(л. 233)* к. Василью Ивановичю в. Р. с. И как вѣдомо учинилось царю Борису и патриарху и бояром, что тот вор, богоотступникъ і еретикъ у вас в Литвѣ, а вы, не сказав и не роспрося про него, называете его царевичемъ Дмитреем Івановічемъ Углетцкимъ и ему

во всемъ на Московское государство помогаете, посылал Іевъ, патриархъ Московскиі и всеа Русиі, к воеводе Киевскому ко князю Василью Острожскому з грамотою сына боярского Ѳеонасья Палчпкова; а в той своей грамоте ко князю Василью про того вора и еретика про ростригу Гришку *(л. — об.)* Отрепьева про его злые еретические дѣла писал подлинно с свидѣтельством, что он свѣтейши патриархъ Иевъ и в дьяконы его ставил, да и всѣ митрополиты, и архиепискупы, и епискупы и весь собор его вора і богоотступника знают. И он бы воевода Киевской князь Василей Костентиновічь тому всему, что в тоі грамоте писано, верилъ; а тому вору злодѣю вражьей его прелести ни в чем не вѣрилъ, и его велѣл поймати, и прислал бы его в Московское государьство, и по его злодѣйским дѣломъ по правилом святыхъ отецъ и по соборному уложенью, *(л. 234)* так над ним и учинят, чтоб за то мирное постоновенье не порушилось, и меж великих государеі болшое нелюбье і меж государствъ от такова вора от его бесовские прелести смута и кроворазлитье не всчалось. И воевода Киевскоі князь Василеі Костянътиновичь потриаршi грамоты не повѣрил, і то все поставил ни во что и против патриарши грамоты не отписал ничего. А тот вор шелъ в Сѣверскую землю с Литовскими людьми на Киев и Днепръ перевозился под Киевым; а воевода Киевской того вора ничем не обличил и не поймал; а сына боярского, которой был к нему з грамотою посланъ, Ѳеонасья Пальчикова княж *(л. — об.)* Васильевъ сынъ князь Януш, пан Краковской, держал в везенью во всякоі нуже и во утесненье на Волыни и в Остроге год и 30 недѣль. А вѣдалъ про того вора воевода Киевской подлинно, что он враг Божеі, злодѣй, еретикъ, и какъ служилъ в дьяконех в Киеве и какъ ростригся, потому что наперед тот вор пришел вь его державу. И то прігожее ли дѣло воевода Киевской учинилъ, что такие великие свидѣтельства и видя своима очима такое воровство, да то все поставити ни во что, а повѣрити одному ворову слову? Да в то же время, *(л. 235)* как про того вора вѣдомо учинилось на Москвѣ, посылали бояре к вамъ, паномъ-радамъ, к Полским и Литовским въ посланцех Смирново Отрепьева, тому вору ростриге Гришке Оттрепьеву дядю роднова; а в грамоте своей к вамъ бояре писали и рѣчью говорпть приказывали, чтоб вы тому вору не вѣрили и поставили бы его с тѣмъ дядею его Смирнымъ Отрепьевым с очей на очи для того, чтоб того вора обличить. И вы, паны-рада, того вора с роднымъ его дядею Смирнымъ с очей на очи не поставили, а отказали Смирному, что вы тому вору ни в чемъ не помогаете *(л. — об.)* и за него не стоите.

А отпустя Смирнова, учалъ государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, тому вору, богоотступнику и еретику, на розоренья Росиского царьствия болши прежнего помогати, хотячи истинную нашу православную вѣру хрестьянскую розрушити, и, умысля, отпустили с ним пана радного воеводу Сендомирского Юрья Мнишка да Остренского старосту Михайла Ратомского со многими Полскими и Литовскими людми. И как тот вор, богоотступникъ и еретикъ, и Сендомирской воевода і Михайло Ратомской пришли в великого государя *(л. 236)* нашего землю на Сѣверу, и учал Юрьи Мнишокъ прельщати и устращивати тутошних севрюковъ королевским именем, что бутто тот вор прямой царевичь, и король и паны-рада буто про него сыскали подлинъно и стояти за него хотят всею Польшею и Литвою. И на Сѣвере мужики севрюки, люди простые, забывъ Бога и своі души повѣря Сендомирскому воеводе Юрью Мнишку с товарыщи, что они паны радные, и учали пристовати к тому вору. И бояре ис полковъ про царевичеву Дмитрееву смерть и про того вора писали многожда к Сендомирскому воеводе къ Юрью Мнишку, и к рохмистром, и к Черкаскимъ *(л. — об)* атаманом о всемъ подлинно, чтоб они тому вору не вѣрили, и мирново постоновенья не нарушивали, и крови крестьянские не проливали. И Сендомирской воевода тому не повѣрилъ и многую кровь крестьянскую пролил. Да государь же вашъ и вы, паны-рада, в ту же пору накупали на государство государя нашего Крымского Казы-Гирѣя царя, и с нимъ о томъ Жигимантъ королъ ссылался, писал къ нему Казы-Гирѣю царю з гонцомъ его с Онтономъ Черкашениномъ, и словомъ приказывал о том же богоотступнике, еретике, о ростриге, о Гришке Отрепьеве, *(л. 237)* что будтось вь его государьстве в Литвѣ царевичь Дмитрей сынъ г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. и он, король, отпускает его на государя нашего землю войною и с нимъ посылает рать свою, и чтоб Крымской царь дал ему помочь и послал бы на Московское государьство рать свою; а от того государь вашь хотѣлъ дати многую казну, чего царь попросит, и обещался с нимъ быті в дружбе. И свѣдав то царь Борис, что з государя вашего стороны вчинаетца злое такое дѣло через крестьное целованье посылалъ для того нарочно к государю вашему к Жигиманту королю посланника своего Посника *(л.—об.)* Огарева, и с ним в грамоте своеі писал, и рѣчью о томъ воре, богоотступнике, о ростриге, о Гришке Отрепьеве велѣлъ говорити подлинно, какой он человѣкъ былъ и от чего в Литву збежал, и как царевича Дмитрея Ивановича Углетцкого не стало, и о всяких непригожих дѣлех, что

дѣлаетца з государя вашего стороны, велѣлъ говорити. Да и о томъ государь Борисъ к государю вашему Жигимонту королю с Посником приказывалъ: держати ли ему вперед перемирье. И государь вашъ Жигимантъ король и вы, паны-рада, перед посланником в томъ во всемъ запиралисъ, а говорили, что тому вору не помогаете *(л. 238)* ничѣмъ, и Крымского на Московское государство не накупали, і мирного постоновенья не нарушиваете, и вперед держать хотите, а тот вор буто ушол у вас на Волынь; а хто будет ему ис Полши и із Литвы помогали, и тѣхъ хотѣли казнити. И отпустя от себя Посника, болыши прежнего учали тому вору всякими мѣрами помагати; и ис Полских і из Литовских городовъ изо всѣхъ пограничных мѣстъ в Московское государство беспрестани старосты и державцы присылали листы, называя того вора прямым царевичемъ Дмитреемъ Ивановичем, хотячи того, чтоб Московское государство в ссору и в разоренье *(л.—об.)* привести и истинная наша православная хрестьянская вѣра разрушити. И свѣтейши Иев, патриархъ Московски і всеа Русиі, и митрополыты, и архиепискупы, і епискупы и весь освященный собор, видя то, что дьявольскимъ совѣтомъ кровь крестьянская проливаетца через крестьное целованье, посылали к навышей раде коруны Польские и великого княжества Литовского, к арцыпискупом, и бискупом и ко всему духовному чину з грамотами посланника своего Ондрѣя Бунакова; а писали к ним о томъ воре, о еретикѣ, о Гришкѣ Отрепьеве подлинно с свидѣтельством, *(л. 239)* обличая его, что он прямой вор, богоотступникъ, еретикъ, чернецъ, ростригa Гришка Богданов сынъ Отрепьев, а не царевичь Дмитрей; он, Иев патриархъ, и всѣ митрополиты, и архиепискупы и епискупы сами его знали, и в дьяконы его он, Иевъ патриархъ, ставілъ, и после того тот вор обьявился вь еретичестве, и был при всѣхъ на соборе и осужен на смерть был в заточенье, і он, убѣжавъ от смерти, дьявольским совѣтомъ ростригся и назвался царевичем Дмитреем; и про царевичеву Дмитрееву смерть также с свидѣтельством писали, и о томъ государя вашего короля *(л.—об.)* и вас, панов-рад, напоминали, чтоб король и вы, паны-рада, тому вору ростриге не вѣрилі и крови крестьянские не проливали через крестное целованье. І государь вашъ Жигимонтъ король і вы, паныргада, тому ихъ писму не повѣрили, и того гонца у себя задержали, і то все поставили ни во что, хотячі того, чтоб истинная наша православная крестьянская вѣра и все Росийское царьство в разоренье учинити. А тотъ богоотступникъ, еретикъ, ростригa Гришка Отрепьевъ діавольскимъ ученьем и вспоможеньем государя вашего Жігимонта

короля і вас, панов-рад, пришедъ в Московское государьство, *(л. 240)* многую смуту и розоренье учинилъ, церкви Божиі осквернил, и многих православных хрестьян, которые его знали и злодѣйство его обличали, ноипаче же духовного чину и иноков многихъ, побарающихъ о вѣре, премучил, и в заточенье розослалъ, а иных казнилъ. И прелестью бесовскую и злыми мечтами своими тот богоотступникъ і царьского венца коснуся, и понял был за себя ис Полского королевства, с королевского же велѣнья и вас, панов-рад, воеводы Сендомирского дочь, и с тѣмъ воеводою Сендомирскимъ, и старостою Сенатцкимъ, и Стадницкимъ, і с хоружимъ Перемышльским с Тарломъ Жигимонтомъ, и со князем *(л. — об.)* Костентином Вешневетцким, и с ыными паны многих Полских и Литовских людеі к Москве привел, и в Московскомъ государьстве многое насильство и нестерпимые обиды всякимъ людемъ дѣлали. Да х тому же вору, ростриге, к Гришке Отрепьеву приѣхалъ от государя вашего Жигиманта короля, а сказались послы на веселье, воеводы же Сендомирского приятель, Миколай Алесницкой, коштелян Малоговки, да секратарь и дворенин королевской Александръ Гасевской; а того про них подлинного вѣдома при ростригѣ не было, для чего Миколай и Олександръ пришли, и королевских листовъ, которые с ними *(л. 241)* присланы, бояре и всѣ думные люді не видал нихто, и приходил к нему каштелян Миколай наодинѣ, а бояр в тѣ поры никого не было, и сиживали через ночь с нимъ один на одинъ. Послѣдний же злы совѣтъ того богаотступника и еретика ростриги с Сендомирскимъ воеводою, и с Вешневетцким, и Стадницким и со всѣми Польскими і с Литовскими людьми, которых онѣ привели на разоренье Московского государства, хотѣли на Москвѣ митрополитов, і архиепискупов, и (е)пискупов, и весь священническиі и іноческиі чин, и бояр, и дворян, і приказных людей, и гостей, і всяких лутчихъ *(л. — об.)* служілых и желецких людеі Росийского царьствия тайными умыслы и оманомъ побити, и престолы Божиі во святых церквах разорити, и православную нашу хрестьянскую вѣру розрушити. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Івановичь, в. Р. с., и митрополиты, и архиепискупы, і епискупы, и весь освященныі собор, и бояре, і дворяне и всенародное множество Росиского царьствия, видя такое разрушение истинноі нашеі православноі *(л. 242)* хрестьянской вѣре и всему Росискому царствию конечную погибель, о томъ зелне возрыдали и, прося у Бога милости, обещалися всѣ за истинную непорочную хрестьянскую вѣру против его совѣтников стати и подвизатись мужественне до смерти, и ожидали того, какъ изо всѣго Росиского

царствия служилые и всякие люди посьѣдутца, чтоб имъ всѣмъ было явно того богоотступника воровство и злой его вражей совѣтъ. А то вам самим вѣдомо, что Московское широкое государство, к востоку и к полуночи от Москвы до иных мѣстъ *(л. — об.)* в полгода не съѣзжают. А как ізо всего Росийского царствия служилые, і жілетцкие и всякие люді съѣхалися, и милосердый Богъ всѣмъ людем его еретическую богомерскую прелѣсть и вражей злой совѣт обьявілъ. А царица и великая княгиня инока Мароа, царевича Дмитреева Івановича Углецкого мать, сказала перед в. г. нашимъ ц. и в. к. Васильемъ Ивановичем в. Р., и перед митрополиты, и перед архиепискупы, и епискупы, и перед освященным соборомъ, и перед бояры, и перед дворяны, и перед приказными, і передъ всѣми людми служилыми и жилецкими *(л. 243)* всего Росиского царьствия, какъ тот вор вражьею прелестью приѣхал ис Путивля к Москве и он, вѣдая свое воровство, послал по нее своих совѣтников, а велѣлъ того беречи накрепко, чтоб к ней не приходіл нихто и нихто б с нею об нем не розговаривалъ; а какъ приѣхал к Москве, и он вражьею своею прелестью учинил бутто встрѣчю, и на встрѣче пришол к ней один, а бояр и иных никаких людей с собою к ней не пустил, и говорил ей с великим прещеньем, чтоб его не обличила, претя ей и всему еѣ роду злыми муки и смертнымъ убойствомъ, и посадил еѣ в монастырѣ, и приставил потомуже совѣтников своих и остерегати того велѣл накрепко, чтоб его воровство было *(л. — об.)* не явно. И она до времяни обьявити в народ его воровство не смѣла, покамѣста съѣдутца ратные и всякие люди Росийского царствия. А какъ съѣхались к Москве из дальних мѣстъ всѣ люди Росийского царствия, и она обьявляет про него вора, и обличает его вражью прелесть и дьяволские мечты передо всѣми людми, что сынъ еѣ царевичь Дмитрей зарѣзан на Углече по велѣнью Бориса Годунова и умер у неѣ на руках, а тот вор называетца ложно. Да и сам тот богоотступникъ, еретикъ Гришка сказал, что то все дѣлал мечтами бесовскими; и которые с ним были в том его злом совѣте Поляки и Литва, всѣ сказали весь его окаянной злой совѣт. И Московского государства люди *(л. 244)* всенародное множество, видя такой его сатанинской умыслъ и его угодниковъ совѣт на православную вѣру и воорудяся силою животворящего Креста Христова, облича его, тому богоотступнику еретику месть воздали: злѣ окаянный живот свой скончал. А какъ он, враг Божей, скончался, и Московского государства митрополиты, и архиепискупы, и епискупы, и весь освященный собор Росийского царствия, молили и просили, а государь-

ские дѣти розных государствъ, которые служат в Московскомъ государстве, и бояре, и окольничие, и дворяне, и всякие служилые люди, и гости и всенародное множество людей Росийского царствия в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. *(л. — об.)* били челом, чтоб он, государь, смиловался, был на великих государствах на Владимерскомъ, и на Московскомъ, и Новгородцкомъ, и на царствах Казанскомъ, и Астараханском, и на Сибирском, и на всѣх государствах Росіского царствия царем и в. к., в. Р. с., по прародительной их государской степени, потомучто в. г. нашъ из древних лѣт от корени великих государей ц. и в. к. Росийских, от в. к. Рюрика, иже от колѣна Августа кесаря Римскога, и от в. к. Владимеря Святославича Киевского и в. Р., просветившаго Рускую землю святым крещением, и от великого достохвального в. к. Олександра Ярославича, иже многие побѣды *(л. 245)* на всѣх вразѣх своих показавшего, от него же в. г. нашего прародители на Суздальское княжение раздѣлишась, яко же обычей в Росиском государьстве великих государей меньшим братьямъ на удѣлы садитца, а в. г. ц. и в. к. Ѳедору Ивановичю, в. Р. с., в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Іванович в. Р. по родству брат; а при том воре при ростриге за истинную нашу православную хрестьянскую вѣру и за правду великое изгнанье претерпѣлъ, и злоказненного его умысла не страшился, обличал и укорял бесовское его умышленье. И нынѣ по Божией волѣ, и по *(л.—об.)* прародительской их государьской степени, и за моленьемъ и за прошеньемъ Московского государства митрополитов, и архиепискупов, и епискупов і всего освещенного собора, і за челобитьемъ государьских дѣтей, и бояр, и (о)кольничих, и дворян, и воевод, и всякихъ служилыхъ и приказных людей, и гостей, и торговых людей и всенародное множество людей Росиского царьствия, учинилъся на великих государствах, на Владимерскомъ, и Московскомъ, и Новгородцкомъ, и на царьствах Казанском, и Астраханскомъ, и на Сибирскомъ, і на всѣхъ великих и православных государствах Росиского царьствия он, в. *(л. 246)* г. нашъ ц. и в. к. Василей Івановічь, в. Р. с., и венчался царьскимъ венцем и диадимую по древнему царьскому достоянью. А государь благочестивой, премудрой и праведной, и граброй, и милостивой, и нынѣ его царьскою милостью государьские дѣти розных государствъ, и всѣ князи, и бояре, и воеводы, і дворяне, и всякие служилые люди, и все воинство и весь народ Московского государства его царьскому величеству с радостию с великою служат. А которые Польские и Литовские люди пришли х тому вору на розоренье Московского государства, и тѣхъ Польских и

Литовских людей *(л. — об.)* за их неистерпимые грубости и насильства, что они в Московскомъ государстве кровь хрестьянскую по наученью того вора безпрестани проливали и многие злые насильства людем чинили, Московского государьства люди хотѣли всѣхъ побить. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василеі Ивановичь, в. Р. с., по своему царскому милосердому обычаю, кроворозлитье унял, многих Польских и Литовских людеі побити и переграбити не дал и от смерти свободил, а велѣл их отпустить в Польшу и в Литву опрочѣ тѣхъ немногих, которые меж Московского государства и коруною Польскою и великим княжеством *(л. 247)* Литовскимъ большую ссору и кроворозлитье учинили и Московское государство с тѣмъ вором хотѣли разорить. А о благовѣрномъ государе царевиче князе Дмитрее Ивановиче вѣдая неправедное его заколение, благовѣрный и христолюбивый в. г. нашъ ц. и в. к. Василеі Ивановичь, в. Р. с., розжизаем сердечною любовью, и по сродному союзу их царскому, и совѣтовав о том с митрополиты, и архиепископы, і епископы, и со всѣм освященным собором, и з бояры, и з дворяны і со всѣми людьми Росийского царствія, посылал в город Углечь митрополита Ѳиларета Ростовского і Ярославского, что был *(л. — об.)* боярин Ѳедор Никитичь Романов, да архиепископа Феодосья Астораханскаго і Терского, да бояр своих князя Ивана Михаиловича Воротынского, да Петра Никитича Шереметева, і дядью его Ондрѣя Олександровича да Григорья Ѳедоровича Нагих; а велѣлъ царевича Дмитрея Ивановича тѣло во гробе принести с великою честию в богоспасаемый царствующій град Москву с великою честію, и положен в соборном храме у архангила Михаила подле отца его ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р., а Божиею силою тѣло его ничѣмъ невредімо. И ныне милосердый Богъ страстотерпца *(л. 248)* своего благовѣрного царевича Дмитрея неизреченными чюдесы прославил, многая исцеленья почерпают у его праведных мощей приходящие с вѣрою одержимымі всякими недуги. И ныне в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., какъ есть істинный хрестьянскиі государь, не хотя кроворозлитья во хрестьянстве видети, памятуючи то, какъ царь Борис з государем вашим Жигимонтом королем и меж своими государствы перемирье утвердили, послал нас посланников своих ко государю вашему Жигимонту королю государство свое обестити, и на государе вашем и на вас тово провѣдати, какими обычеи в перемирные *(л. — об.)* лѣта з государя вашего стороны такие неправды и кроворозлитье во хрестьянстве учинилося, преступя крестное целованье і поруша мирное постановенье, такому вѣдомому вору, богоотступнику, еретику, розстриге

Гришке Отрепьеву на разорение Московского государства і на поругань(е) істинные наше крестьянские вѣры подмогали, и многие крови от того пролилися, и царской казнѣ і всему Росийскому царствию неизчетные убытки починилися. А во всѣх государствах ізмѣннику всякому і не такому вѣдомому вору не вѣрят, а вѣрят государи государем, а паны-рада бояром, а Рѣч Посполитая дворяном и детем боярским; *(л. 249)* а ссылаютца грамотами посланцы.

И как князь Григорей и Ондрѣй по государеву наказу паном-радам выговорили, и паны, встав, ходили в другую полату, и, помешкав не мало, вышли, и, сѣдши по мѣстом, говорили: которые рѣчи говорили есте нам топере, а и наперед того королю говорили есте тѣ же рѣчи, і хотите вѣдати того, каким обыньем тому Дмитрею, которого вы імянуете не государем, государь нашъ Жигимонтъ король через присягу в мирное постановенье вспоможенье чинил, якоб тѣмъ мирное постановенье порушил, и мы вам на то отвѣт даем. Государь нашъ король его милость *(л. — об.)* в том ни в чем не винен, о чем вы ему говорили, и мирного постановенья не рушил, а учинилась неправда і тому мирному постановенью поруха, с вашу сторону. Вѣдомо вам, что коруна Польская и великое княжество Литовское государства великие, и приезжают к государю нашему х королю ізо многих государствъ государские дѣті і рыцерские люди, и ныне приѣхал к государю нашему Крымской царевичь, а валка у него с Крымскимъ царемъ, и бьет челом государю нашему о помочи. А такой человѣкъ, которого вы ныне называете не Дмитреем, в государя нашего государство из Московского государства приѣхал на украину, а сказался, что он бывшего государя вашего в. к. Ивана сынъ Дмитрей; толко король его милость *(л. 250)* поставил его ни за что. А многие к нему учели приезжать из Московского государства имянитые люди и его познали, что он прямой великого князя Иванов сынъ Дмитрей, и многие к нему із Московского государства листы присылали, чтоб он шол к Москве, а они его примутъ. А людем в государя нашего государстве есть поволность из давныхъ лѣтъ, хто кому захочет служить. И видя то, что Московские люди к тому Дмитрею пристали и прямым его великого князя Ивановым сыномъ называютъ, к нему учели приставать служилые люди. А воевода Сендомирской также на то смотря, что к нему многие люди руские приезжаютъ и его имянуютъ прямым царевичемъ из Московского *(л. — об.)* государства, чтоб он шол к Москве, до него был пристал не со многими людьми; а король его не посылал, и тому Дмитру ничѣмъ не вспомогалъ, а толко б король за него

стал и людей своих с нимъ послал, ино б было не таким обычаем: были б паны многие и гетманы со многими Польскими и Литовскими людьми, а то одинъ воевода пристал был к нему и с нимъ немногие люди. Да какъ был посланникъ от государя вашего бывшего от Бориса и говорил о томъ королю, чтоб ему не помогалъ, и государь нашъ Жигимонтъ король тотъчасъ послалъ листы к воеводе Сендомирскому, запрещаючи его с казнью, чтоб он воротился и в землю государя вашего не ходил. И он по (ко)ролевскому велѣнью и воротился, а того *(л. 251)* Дмитрея приняли ваши бояре, и воеводы и вы всѣ сами за прироженного государя, и городы ему почали здавать, и всѣ служилые люди ему поклонились, и на Московское государство привели, и присегали, и коруновали какъ есть по государскому чину; а Сендомирского воеводы имянных Польских и Литовских людей с нимъ никого не было, хотя будет и были немногие люди наемные, и то вольные люди, какъ и у вас Донские казаки. А вы сами его узнали и, назвавъ прямым царевичем, за государя себѣ принели. А Борис веть у вас был государем, а по нем сынъ его Ѳедор был государем же, и крестъ вы ему целовали же, да за крестным целованьем над Борисовою *(л.—об.)* женою и над детми что учинили ещо до Дмитрея, какъ к Москве не пришол? То намъ есть вѣдомо. А какъ вы Дмитрея принели и государем учинили, и присыланы х королю посланников и гонцовъ з 10; а сперва были ис Путивля князь и про него сказывал, что прямой царевичь. А послѣдней приходил посол Ѳѳонасей Власьев для Сендомирского дочери и с нимъ были грамоты от патриарха, и от митрополитовъ, и от архиепископов, и епископов і от бояр ото всѣх за их печатми и за руками; а писали в грамотах, что то государь их прямой прироженный, в. к. Иванов сынъ, и чтоб государь нашъ поволил дати за него воеводе Сендомирскому дочь. *(л. 252)* И государь наш тому повѣрилъ и воеводе з дочерью поволил итти, а с воеводою пошли многие рыцерские люди на веселье, не для лиха; да с воеводою же послал король его милость на веселье послов своих в свое мѣсто, какъ ведетца у всѣхъ великих государей по кглейтовному листу. И бояре и вы всѣ, призвав воеводу Сендомирского со многими имянитыми людьми с рыцерскими, и с ними были многие купетцкими людми со многими узорочными товары, и тѣхъ людей оплоша, многих побили, и порѣзали, и пограбили, и кровь крестьянскую пролили, и многую казнь поимали, а послѣдних у себя невинно задержали, воеводу Сендомирского и иных, *(л.—об.)* кобы полоняников, и послов государя нашего также задержали, чего

нигдѣ не ведетца, что пословъ задерживать. И государь нашъ его королевская милость в том ни в чемъ невиненъ, вся неправда и мирному постановенью поруха учинилась с вашу сторону, что такъ многих зацных и рыцерскихъ людей, призвав, невинне побить и такое кроворозлитье учинить, чего николи не бывало и не слыхано, и за то годитца пенять и за такое кроворозлитье стоять государю нашему королю, а не государю вашему за то выговаривать, что та неправда учинилася с вашу сторону. И тое невинные крови Богъ взыщет на тѣх, которые неправедно такое кроворозлитье учинили, а государь нашъ тому невинен. *(л. 253)* Восе и ныне сказываете, что тот Дмитръ, которой был у вас государемъ, убит, а из Сѣверы приѣхали многие люди и того Дмитрея ищутъ по государству государя нашего, а сказывают его жива, что он ушол, а вь его де мѣсто убит иной. И государю нашему ваших людей унять ли? А на Сѣвере ныне государемъ Петром зовут, сказываетца сынъ бывшего государя вашего в. к. Θедора, и з государем вашимъ нынешним валку учинит, и не мало городов осѣл в Сѣверской землѣ, а к государю нашему королю шлет пословъ своих. И то веть стало не от государя же нашего: сами люди Московского государства меж себя разруху чинят, а на насъ пеняете.

(л. — об.) И князь Григорей и Ондрѣй, выслушав отвѣт у пановрад, говорили: рѣчи есмя ваши отвѣтные выслушали и на тѣ ваши рѣчи отвѣтъ чинимъ. Что есте нам говорили, буттося воевода Сендомирской пристал к тому вору, которой назывался царевичем Дмитреемъ и ходил на Сѣверскую землю бес королевского и без вас панов-рад вѣдома, ино во всех государствах то ведетца: николи рада без государского вѣдома ничего не дѣлает. А Сендомирской воевода Юрья Мнишекъ в коруне Польской пан-рада большой, опричь духовного чину 4-ой человѣкъ; а шол с тѣмъ *(л. 254)* вором самъ. И тому как было статись бес королевского и безо всѣе рады вѣдома? Да и самъ воевода передо всеми бояры сказал, что он с тѣмъ вором шол по королевскому и по вашему панов-радъ веленью, и казну давал тому вору на его росходы, і людей ему наймовал тою казною, что было ему дати королю доходовъ с своего староства; а без королевского и без вашего панов-рад вѣдома не дѣлывал ничего. И то хрестьянское ль дѣло, что стояти за такова вора, которой прибежал от смерти и такую смуту и кроворозлитье в таких великих государствах учинити, какъ из начала свѣта ни в которых *(л. — об.)* государствах тово не бывало не токмо во крестьянских, ни въ бусорманских? А многие есть видоки у вас в Польской и в Литовской

землѣ, в Киеве в Печерскомъ монастыре, и у Николы чюдотворца в Дермане манастырѣ, старцы и миряне многие люди, которые того вора в чернцех в дьяконех знали и у храмов у многих у крестьянскихъ греческаго закона служилъ, покамѣста не ростригся. А государь вашъ и вы, паны-рада, не сказав допрема и не веря тому, что бояре к вамъ, паном-раде, на обличенье того вора дядю его родного Смирново Отрепьева посылали, и посланнику Поснику Огареву, *(л. 255)* и грамоте патриархове, и всѣх митрополитов, и архиепискупов, і епискуповъ, которая послана з гонцом с Ондрѣемъ Бунаковым к арцыбискупом и бискупом, а поверя токому вѣдомому вору, богоотступнику, ростригѣ, и смуту такую меж государствы и кроворозлитье учинили, чего николи не бывало, что в чюжемъ государьстве урежати и государей на государство сажати. А того естя нимало не помянули, что крестъным целованьемъ и записми утвержено государьскими душами. Восе у в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в Московском государстве и не вор, премой *(л. — об.)* царсской сынъ, Свѣйского Ирика короля сынъ Густав королевичь, государю вашему Жигимонту королю брат встрѣчной, приѣхал ещо к царю Борису; и он беспрестани о том царю Борису бивал челом и ныне в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. бьет челом, чтоб великий государь нашъ пожаловал, дал ему ратных людей и поволил итти доступати Лиѳлянские земли. А от Свѣйского арцы-Карла у великого государя нашего посланникъ на Москвѣ о томъ, чтоб великий государь нашъ царьское величество помочь ему учинил о Лиѳлянской землѣ, а он доступит Лиѳлянские *(л. 256)* земли, поступитца из нее многих городов племяннику своему Густаву королевичю или какъ царьское величество поволитъ; а Густав Лиѳлянской землѣ вотчичь. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., какъ есть хрестьянский милосерды(й) государь, памятуя прежнее крестьное целованье и мирное постоновенье, кроворозлитья во крестьянстве видѣти не хочет, и на то посямѣста не поволил, хотя и видя государя вашего многие неправды и ваши. — А что естя намъ говорили: какъ тот вор пришел в землю государя вашего, и к нему *(л. — об.)* учали пристовать охочие люди, а в государя вашего государстве в том повольность, хто кому захочет служить или на войну итить, и нам то слышети лучилось і подлинно вѣдаем, что в государстве государя вашего людем поволность, хто кому захочет служит или против кого на битву нанятись; а что в ыное государьство итти да ещо в перемирное время, того без воли и росказанья государя вашего николи не бывает. Вѣдаете вы сами:

коли ходил Подкова с охочеми людьми на Турскую границу и тамъ воевалъ и три замки был взял, а Турской в тѣ поры был з государемъ вашимъ Стеѳаном королемъ в миру, и за то государь вашь *(л. 257)* Подкова с товарыщи не казнил ли и убытки Турскому не платил ли? А то не Подкова и не казакъ, воевода Сендомирской — пан радной, и бес королевского вѣдома какъ было ему иттить? А какъ он пошол с тѣмъ воромъ и, на него смотря, пошли с нимъ и иные паны и ротмистры со многими Польскими и Литовскими людми.

И паны-рада говорили: сказываете вы, что воевода перед бояры самъ сказалъ, буттося ему велѣл король итти, и мы того не вѣдаемъ, есть ли такъ воевода говорил, потому что он ныне у вас в рукахъ. А пошол был он с тѣмъ Дмитромъ *(л. — об.)* бес королевского вѣдома; да как присылан от государя нашего Бориса посланникъ и от духовного чину гонец, и король его велѣлъ воротить. А что сказываете: воевода тратил скарбъ королевской, что было взяти королю сь его староства, и скарбу королевского с воеводина уряду нѣтъ ничего; что будет тратил воевода свою казну, а не королевскую, и в том ему вольно. А король тому Дмитрею ничѣм не вспомогал. А про то мы вам говорили, что того Дмитра призвали есте на государство самі, и ему присягали и коруновали, а Борісову жену и детеі поморили. И то ссталося *(л. 258)* не от короля і не от нас, от вас самих.

И князь Григорей і Ондрѣі говорили: что вы в том запираетеся, а сказываете, что государь вашъ Жігимонтъ король и вы, паны-рада, самі на себя в том свідѣтельствуете. Какъ от государя вашего Жігимонта короля прислан посланникъ к тому вору ростриге секретарь и дворянин королевскоі Олександръ Гасевской зваті того вора на королевское веселье, и Олександръ, будучи у того вора на посольстве, государя вашего королевским словом *(л. — об)* тому вору говорил, что он на Московском государстве учинился государя вашего королевскимъ и людей его способом, и король и вы, паны-рада, всѣ тому обрадавались, что он Московского государства достигъ, и был бы з государемъ вашим в дружбе, и в любви и в соедин(ен)ье. А тот воръ рострига Гришка Отрепьевъ про то тут же королевскому посланнику Олександру Гасевскому говорил, что он вор былъ в государя вашего государстве в коруне Польскоі, и государь вашъ Жігимонтъ король и вы, паны-рада, все честь ему воздали во всемъ, и всякими мѣрами мыслью, и дѣломъ, и казною, и людьми *(л. 259)* способствовали, как бы ему Московского государства достигнути, и подданнымъ своим всяким рыцарскимъ людемъ пово-

лили с нимъ итти и горло свое за него давати нещадно, и многие свои впоможенья и радѣнья к нему показали; и он за то королевское и за ваше воспоможенье хочет с королем быти в дружбе и в любви и в соедин(ен)ье, и нѣтъ ему такова друга на свете, что Жигимонтъ король. А какъ у государя вашего Жигимонта короля и у Сендомирского воеводы от того вора, от ростриги, от Гришки Отрепьева был посланникъ Өөонасей Власьевъ, и государь вашъ Жигимонтъ *(л. — об.)* король на посолстве Өөонасью говорил, что тот вор ростріга учинился на Московском государьстве его королевскимъ и людей его способом; а говорил от короля ту рѣчь канцлѣр Лев Сопѣга. А в отвѣтъ к Офонасью высылал король болшую свою раду духовного чину бискупа Киевского, да тебя бискупа Перемышлльского, да воеводу Сендомирского и иных панов-рад, и Өөонасей с вами говорил о цесарскомъ именованье, чтоб король к тому вору велѣлъ в своихъ грамотах писати и в рѣчи говорити: цесарем и самодержцемъ. А вы, паны-рада, Офонасью говорили, что *(л. 260)* тот вор домагаетца большого титула, а государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, его на Московскомъ государстве посадили, и за то он государю вашему Жигимонту королю и вамъ, паном-раде, обещался. А нынешніе королевские послы Миколай Алеснитцкиі, каштелян Малогодцкиі, да Олександръ Гасевскиі, секретарь и дворенин королевской, которые присланы от короля к тому боламуту на веселье, на посольстве тому вору тоже говорили, что он на Московском государстве учинился королевским и его королевства людей способомъ. И то все дѣлалось с королевского вѣдома *(л. — об.)* и с вашего панов-радъ или бес королевского, то сами можете разсудити. И то ль государя вашего Жигимонта короля і ваша перед Московскимъ государствомъ правда, что, преступив крестьное целованье, такова богоотступника и еретика на крестьянское крово-розлитье поострили есте и многую кровъ хрестьянскую пролили?— А что естя намъ топере говорили про воеводу, что его король не посылал, а того не вѣдаете, естьли он такъ перед бояры сказывал, что он ходил с королевского вѣдома, — и мы вамъ *(л. 261)* о том подлинно обьявляемъ. Какъ Божіим праведным судомъ, милуя всѣхъ насъ провославных хрестьян, тот богоотступникъ, вор, еретикъ, ростриrа Гришка Отрепьевъ по своимъ злымъ дѣломъ от Бога месть принял, живот свой злѣ скончал, и в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичъ, в. Р. с., учинясь на Московскомъ государстве государемъ, забыв воеводцкие злыя дѣла и умыслъ, по своему царьскому милосердому обычаю его пожаловал, велѣлъ ему быти на своемъ госу-

дареве дворѣ у своих государевых бояр. И про того вора, про еретика, про Гришку Отрепьева, и про его с нимъ злой *(л. — об.)* умыслъ, и как государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, преступя крестьное целованье и поруша мирное постоновенье, навели того вора на Московское государство, бояре его розпрашивали. И воевода Сендомирской бил челом и вінился, что он во всем в том перед в. г. нашимъ ц. и в. к. Васильемъ Ивановичем в. Р. и перед всѣм Московскимъ государством виноват, грѣхъ его к нему пришел, и вина его над нимъ ся і взыскала, что на такова вора прельстился; а привел де того вора к нему зять его князь Костентин Вешневетцкой, а повѣрили де они в том москвитину, что назвался Петровскимъ, а тот Петровской *(л. 262)* сказал, что он премой царевичь Дмитрей Ивановичь Углетцкой, и примѣты на немъ имянно сказал; да другой хлопецъ его воеводин также познал его, что он будто премой царевичь Дмитрей. И он де воевода и зять его князь Костянтинъ, взяв того баламута, ѣхали до короля и перед королемъ де его и перед вами, паны-радою, ставили; и он де баламут и вам, паном-раде, про себя то же роска(за)л и бил челом королю і вамъ, паном-раде, что ему на Московское государство казною и людьми помочь учинили. И корол деи и вы, паны-рада, тому баламуту повѣрили, і дал ему король чѣпь золоту да золотых неколько тысечь, и во всемъ де его почали *(л. — об.)* чтити, кабы прямого царского сына. И он королю и вамъ, паном-раде, учал бити челомъ, чтоб поволили с ним итить ему воеводе і Вешневетцкимъ; и король де и вы, паны-рада, всѣ ему воеводе и сыну его Сѣнатцкому старосте (с)своими и с наемъными и всяким людемъ итти с нимъ поволили. И он де воевода государя вашего по королевскому роскazанью і вас всѣхъ панов-рад с нимъ пошли на Сѣверу, і его сподоблял, и людей наймовал на тот скарбъ, что было дати ему королю доходовъ с своего староства. И то государя вашего Жигимонта короля и вас, пановъ, правъда ль, что преступивъ крестное *(л. 263)* целованье, и поруша мирное постановенье, и поверя двем воромъ москвитину беглецу Петровскому да воеводцкому хлопцу, и такое кроворозлитье и розоренье на Московское государство, і истинной православной хрестьянскоі вѣре ругательство навели, чему было такому же вору Петровскому и хлопцу воеводину повѣрити? А тот Петровской вѣдомой вор, служил он на Москвѣ у сына боярского у Истомы Михнова, а звали Петрушкою, а не Юрьемъ Петровским, а взят он в Лиѳлянской землѣ году или дву, и росъ у Истомы Михнева в ыменье і на Туле, а на Углече он николи не бывал, и царевича Дмитрея

(л. — об) не видал. У нас такихъ страдниковъ к государскимъ дѣтемъ не припускают. И в прошломъ во 109-м году, какъ были от царя Бориса у государя вашего Жигимонта короля в Вильне послы боярин Михаило Глѣбовичь Салтыков с товарыши, а тот был Петруша с Ыстомою Михневым с послы же, и в тѣ поры тот Петруша у Истомы заворовал, покрадчи збежал в Вильне ко Лву Сопѣге. И как было такому вору в таком великом дѣле королю и вам, паномъ-раде, поверити, и, преступя крестъное целованье, собрався со многими людьми, на чюжее государство ратью пойти и такую ссору и кроворозлитье всчать?

(л. 264) И паны рада говорили, что они Петровского не знают; а приѣзжали многие люди с Москвы и называв его прямы(м) царевичем, потому к нему і Польские и Литовские люди пристали; а у них в том люди свовольны.

Да посланники же говорили: а что естя намъ обьявили в отвѣте— какъ присылал к государю вашему царю Борису посланника своего, и король по воеводу послал и его воротил, а того вора бояре и Московского государства принели сами і на государьство посадили, — и мы вамъ на то отвѣт чи(ни)мъ. Хотя король воеводу Сендомирского и воротил, а он уже в государстве в *(л.—об.)* Московском смуту и кроворозлитье учинил. Какъ пришол воевода с тѣмъ воромъ на границу в Сѣверскую землю і, прельщаючи севрюков, говорил воевода под клятвою, что будтося тот вор прямой царевичь, король и вы, паны-рада, про него подлинно сыскали, а того із ваших же пограничныхъ мѣстъ многих лстивых речей насѣелося, многие письма присылали из Литовских городов, называючи его прямым царевичем. И мужики севрюки глупые, забыв Бога і свои души, на то прельстилися, повѣря воеводе Сендомирскому, что он пан радной, і учели к тому вору приставать. А какъ тот вор розстрига с побою ис-под Сѣвского острогу ушел в Путивль *(л. 265)* с невеликими людьми, і ис Путивля был тот вор, вѣдая свое воровство, хотѣл бежаті к вамъ в Польшу или в ыное в которое государьство, гдѣ б ему от смерти укрытися, і Сендомирской воевода, умысля своим злодѣйством і хотя в Московском государстве большую смуту и кроворозлитье учинити, писал к тому вору ис Польши в Путивль, что он самъ воевода идет с королевского и со всѣх вас, панов-рад, вѣдома со многими Польскими і с Литовскими людьми к нему на помочь, да и иных многих розных государствъ многие люді с ним к тому же вору к розстриге на помочь ідут, и прислал воевода к тому вору в Путивль Михайла Ратомского, а с ним Польских и

(л. — об.) Литовских людей. И ізо всѣх пограничных городов королевские старосты, і державцы и урядники писали во всѣ Сѣверские і в украинные городы к черным людем безпрестанно, чтоб за того вора стояли и ему поддавалися, а за него де хочет стояти государь вашъ Жигимонтъ король со всею Польскою и Литовскою землею і иные пограничные государи хотят за него стояти. И тот вор обнадежася на то воеводцкое и королевских державцов письмо, в Путивле стал мешкать, и в тѣ же Сѣверские і в украинные городы во всѣ люди учал свои бесовские мечты вмещати, и нечистых духов призываньем их прельщати, и на то наводіти, чтоб *(л. 266)* к нему вору пристовали. И в Северскихъ и в украиных городех севрюки мужики, люди простые, и в Московскомъ государьстве мало бывают, зобыв Бога и души свои, устрашась от того воеводцкого злого умыслу и королевских державцов писма, учели прельщатись, к тому вору и богоотступнику пристовати, и городы ему вору ростриге здались и в полкех. Простые же люди, послышав царя Борисову смерть и смотря на Сиверских севрюков, по тому же его воровскому бесовскому злому мечтанью смуту в полкех учинили, и к нему к вору к ростриге приклонились, і бояр всехъ больших и дворян, которые *(л.—об.)* были в полкех, перевезали и хотѣли побити. И бояромъ было однимъ что учинити? То сталось не от бояр: все то сталось от государя вашего Жигимонта короля и вас панов умысломъ и вспоможениемъ. А только б не помагали тому вору государь вашъ и вы, паны-рада, и ему было как на токое дѣло і помыслити? Пришел он за рубеж в государя вашего государство только в чернецкой свитке да в клубуке.—А что естя говорили нам в отвѣте, что от того вора, которой назвался царевичем Дмитреемъ, были у государя вашего многие *(л. 267)* посланники и гонцы, а последнее был в послех Оѳонасей Власьевъ, и того вора имяновали премым государьским сыномъ, и то было такъ. Тот вор по дьявольскому совѣту злодѣйскимъ своимъ умышлениемъ, а государя вашего и вашим вспоможением, пришол в Московское государьство, и смута в государьстве от ваших людей ученилась, и ему было вольно посланников и гонцов посылати. А Оѳонасью Власьеву что было вѣрити? Оѳонасей—вор, разоритель вѣре хрестьянской, тому вору совѣтникъ, поѣхал к государю вашему Жигимонту королю по его воле, без сенатарей вѣдома; а тот вор ространа писал с нимъ листы по *(л. — об.)* латыне, с вашими же Поляки совѣтовав, а руские люди у того дѣла не бывали и сенатаремъ про то ничего не вѣдамо. Да что уже на Оѳонасьеву присылку и указывати, а уже смуту учинив в госу-

дарстве и кровь крестьянская пролилась? За што в тѣ поры не вѣрили, какъ о том посылан от бояр к вамъ, паном-радамъ, гонецъ, а после того к государю вашему Жигимонту королю посланникъ Посникъ, и от духовного чину к духовному чину посылан посланецъ, обличая того вора, чтоб ему не вѣрили? И ис пограничных мѣстъ воеводы и намѣсники к вашим воеводам и к старостамъ и к державцом *(л. 268)* также про того вора беспрестани писали. И государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, царю Борису и всему Московскому государству не повѣрили і, преступивъ крестъное целованье, однаго вора изменничью слову повѣря, такое кроворозлитье учинили.

И паны-рада говорили: коли он был не премоі Дмитрей, и вы на што на государство приімали, и воеводу с людьми призывали? А уже его и пренели, и вы б над нимъ что учинили, не призывая воеводы с такими задцными людми и со многимъ скарбомъ. А то кабы умысля, зазвавъ воеводу *(л. — об.)* со многими людьми, и так немилостиво столько зацных людей невинне побить и порезать! Да казал бискуп роспись побитымъ людем, а говорил: вото роспись побитым людем и, на то смотря с великою жалостью, государь нашъ и мы сенатари и всѣ люді коруны Польские и великого княжества Литовского засмучены вельми, и многие тоѣ невинные крови хрестьянские хотят мстить, да государь нашъ король его милость ещо от того удерживает, покамѣста видит от государя вашего исправленье.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы вам сказывали, что смута учинилась на Сѣвере *(л. 269)* от воеводы Сендомирского, какъ он королевским именем листы писалъ, называючи того вора прямым царевичем, и украинные люди, повѣря воеводе, и к тому вору присталі, а, на иных смотря, і в полкѣх смута учинилась, бояр, и воевод и дворянъ перевязали и побити хотѣли и к тому вору отвели. И то учинилось за неволю, что того вора приняли, а терпѣли ему до времени, какъ съѣдутца из дальнихъ мѣстъ всякие служилые люді; а как съѣхались, и над тѣмъ вором по его злым дѣлом и учинили. А по воеводу и по его приятелей бояре и воеводы і думные люді не посылалі и его не призывали, а *(л. — об.)* посылал по них тотъ вор рострига, без сенатарей вѣдома, для разоренья Московского государства и грамоты писал от себя и от бояр, какъ хотѣл. А писали тѣ грамоты по латыне ваши же Поляки, которые при том воре жили, Бычинские и иные и печатал тот вор тѣ грамоты у себя, взяв печати ис канцлѣрии; а бояре і думные люди нихто того не вѣдал. А что есте нам говорили о людех своих, которые побиты на Москвѣ,

что государь вашъ и вы о том вельми жалуете, и вы сами себѣ розсудите: вам своих людей жаль, а великому государю нашему и бояром Московского государства людей, которые побиты в то *(л. 270)* время, как тот вор пришел на Сѣверу з государя вашего людми не жаль ли и прятели тѣхъ людей и жены и дѣти не плачют ли? Все то учинилось с вашу сторону, что государь вашъ и вы через кресное целованье, повѣря такому вору, чернцу, ростриге, і не сыскав про него, и не роспрося, ему вспомогали и людей с нимъ посылали.

И паны-рада говорили: мы вам сказывали, что государь нашъ тому Дмитрею ничѣмъ не вспомогал и воеводе Сендомирскому с нимъ ходити не велѣлъ, а пошол был воевода бес королевского вѣдома, и король его воротил; а принели есте *(л. — об.)* того Дмитра на государство сами, і по воеводу присылали, и, зазвавъ его с людьми, такъ над ним учинили, до везенья посадили, и людей многихъ побили. И в томъ государь нашъ его королевская милость ни в чемъ невинен и воеводины вины нѣтъ же.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили паном-радамъ: что вы воеводу правите, а вся смута и кроворозлитье от него сталось. И какие злые дѣла воевода умышлял с тѣмъ вором, ещо будучи у себя в Сендомире, мы вам про то подлинно скажем. *(л. 271)* Как тот вор, богоотступник и еретик, рострига Гришка от Бога мѣсть принел, зле живот свой скончалъ, и у того вора у ростриги в хоромех сыскан список сь их с утверженова писма, какъ он укреплялся с Сендомирскимъ воеводою, будучи у него в ыменье в Санборе, а тот списокъ весь воеводы Сендомирского рука. А в том ихъ писме написано: какъ он богоотступникъ и еретикъ доступит государства Московского и поймет за себя воеводину дочь, и ему вору дати той жене своей 2 великие государства — великий Новъгородъ да Псков со всѣми уѣзды, и з думными людми, и з дворяны, и з детьми боярскими, *(л. — об.)* и с пригородки, и с мѣсты, и с селы і со всѣми приходы, и вольно ей в тѣхъ великих государствах монастыри и костелы ставити римские, и бискупы и попы и вѣра утвержать римская безо всякие забороны. А койчас доступит государства Московского, и ему дати воеводе 10000 золотыхъ польских, а руским числомъ 300000 рублевъ; а дочири его дати на подьемъ клѣйнотовъ, и серебра, и бархотов золотых, и всякие казны што ни есть лутчи в Московском государьстве. А ему вору, будучи на Московскомъ государстве, промышляти о том накрепко, чтоб *(л. 272)* всѣх людей во облости Росиского царствия от истинные православные крестьянские вѣры греческаго закона отвѣсти и в рим-

скую вѣру превратити, и провославные святые церькви в Росискомъ царьствии разорити, и подѣлати римские костелы. И на том на всѣмъ он, богоотступникъ, еретикъ воеводе крестъ целовал и присегал перед римскими их учители, что ему по тому своему письму здержати крѣпко, и всѣхъ людей Росиского царьствия в вѣру римскую привѣсти. Да и самъ воевода перед нами[1], царьского величества бояры, сказал, что такой у нихъ договоръ *(л. — об.)* с тѣмъ вором был, и на том меж себя вѣрились, и то писмо его воеводцкая рука. Да воевода же сказал перед бояры, что писал к нему тот вор рострига с Москвы листъ за своею же рукою и за печатью а посулил ему город Смоленескъ со всѣмъ уѣздомъ да Сѣверу всю и поволил ему в тѣхъ государствах манастыри и костелы ставити римские і утвержати вѣру римскую. Да у того же богаотступника и у еретика сысканы грамоты, что писал к нему папа и папины бискупы и попы, чтоб онъ все то помнилъ и промышлял тѣмъ ранее, на чѣмъ *(л. 273)* перед Жигимонтомъ королем и перед папинымъ легатам присягу дал, что ему быти в римской вѣре и людей всѣхъ Московского государства в римскую вѣру привести. И тѣ все листы на Москвѣ бояре казали посломъ государя вашего Миколаю Олесницкому да Олександру Гасевскому, и тот список, что писал воевода Сендомирской своею рукою, на чем[2] его злодѣя к присяге привел, и послы сами познали, что то письмо воеводина рука И вы то, панове, сами можете рассудить: какъ такое дѣло дѣлано не боясь Бога и не страшася суда Божия? Вѣдаете сами, *(л. — об.)* что вѣра крестьянская греческаго закону от преданья святых апостол и святых отецъ седми соборов издавна Богомъ соблюдаема, и правосиятельна яко солнце, и стоит нерушимо, і крѣпко, и непоколѣбимо, и всемогущего в Троице славимаго Бога нашего милостию не токмо всѣхъ людей, которые под областью Московского царьствия, і едінаго человѣка с великим трудомъ от истинные православные крестьянские вѣры отводити. И Божиею милостию тот его богаотступника, еретика злой о вѣре умыслъ и всѣх, способствовавших ему, во всѣмъ свѣте явенъ *(л. 274)* оказался. А государю вашему Жигимонту королю и вам, паномъ-раде, надобѣ знати, хто тому винен, чтоб за то меж великими государи нашими и их государствы доброму дѣлу порухи не было. Да и то государя вашего Жигимонта короля и вас всѣхъ сенатырей правда ли перед Московскимъ государствомъ, что государь вашъ Жігимонтъ король накупал на госу-

[1] Написано: «вами».
[2] Написано: «ничемъ».

даря нашего государства Крымского царя Казы-Гирѣя с тѣмъ богоотступником вмѣсте? И наперед сего мы вам обьявляли о том, какъ Крымского Казы-Гирѣя царя Жигимонтъ король на государства государя нашего накупал, и великому государю нашему его царьскому величеству то во удивленье стало: каким *(л. — об.)* обычеем государь вашъ Жигимонтъ король забыл свое крестьное целованье, бесерменъ на крестьян накупает? Крестьянским государемъ так дѣлать не годитъца; не токмо великим государемъ, и простым людемъ того дѣлати непригоже. А пригоже было всѣмъ крестьянъским государемъ на бесерменъ стояти заодин, а не крестьянского кроворозлитья искати.

И паны рада говорили: государь нашъ того не вѣдает — было ль у воеводы с тѣмъ Дмитреемъ такое утверженье и писмо, и естьли будет папа так *(л. 275)* писал. А государь нашъ король и в своемъ государстве вѣры никоторые не рушит, хто какъ захочет, так и держит. А в чюжомъ государстве вѣра какъ было уставливать?

И посланники говорили: послы государя вашего то писмо и грамоты видели и самъ воевода сказал, что такое у них утверженье было. — А что естя нам в отвѣте говорили, что многие Польские и Литовские люди, которые зазваны с воеводою Сендомирскимъ, побиты до смерти и переграблены, *(л. — об.)* а иные многие люди задержены сидят на Москвѣ кабы в вязнях, и мы вамъ про воеводу і его приятелей, которые ныне на Москвѣ, сказывали, какъ он воевода с тѣмъ вором по королевскому росказанью на государя нашего на Сѣверскую землю войною ходил, и его во всѣмъ подмогал, и крови крестьянскіе многие пролил, и смуту и ссору в Московском государстве учинилъ, і истинную нашу православную крестьянскую вѣру обругал, и какъ он с тѣмъ вором на розаренья Московского государства и истинной нашей православной крестьянской вѣре записьми у себя *(л. 276)* в Самборе укреплялся. И всему злому дѣлу и крестьянской крови начальникъ воевода Сендомирской и многие убытки царьской казнѣ и Московского государства людемъ учинилися от них. Какъ тот воръ дошел до царьствующаго града Москвы и царьского венца коснулся, и он к воеводе Сендомирскому и к дочери его с Москвы (с) своими совѣтники и с Поляки многую неисчетную казну в Польшу послал, и многие царьские сокровища прежнихъ великих государей нашихъ Росиских царей истерялъ и отослал, чего был он вор и видети ихъ недостоен; и во многих великих государьствах таких дарогихъ узорочей не было, *(л. — об.)* что было в Московскомъ государстве, больши 500000 рублевъ по-

отослалъ всякихъ узорочей. А последнее тот воръ по совѣту с Сендомирскимъ воеводаю и сь его приятели, которые ныне на Москвѣ, умыслил злым обычьемъ в Московскомъ государстве духовной чин, и бояр, и дворян, и приказных людей, и гостей и всяких лутчихъ людей побити, а Московское государьство розорити и истинную нашу православную крестьянскую вѣру греческаго закону попрати, а римская вѣра утвѣрдити. Да и самъ тот вор сказал, что то всѣ дѣлати хотѣлъ; и которые у него жили Поляки и Литва, *(л. 277)* тѣ все сказали весь его окоянной злой совѣт подлинно. А быть было тому назавтрѣя того дня, какъ его убили злодѣя, в недѣлю маия въ 18 день тѣмъ обычаемъ: велѣлъ он вор вывести за город наряд многой будто для потѣхи и выѣхати было ему за город будто стрельбы смотрить, а с нимъ воеводе Сендомирскому, и сыну его Сенатцкому старосте, и Вешневетцкому, и Тарламъ, и Стадницкимъ со всѣми Польскими и с Литовскими людми в збруе во всей и с оружьемъ. И какъ де он выѣдет на стрельбу, а за ним будут бояре и дворяне всѣ, и какъ учнут из наряду стрелять, и в ту пору Поляком всѣмъ ударити было на бояр *(л. — об.)* и на дворян и их побити; і то он вор списал Полякомъ, на ково на бояр приѣхати. А как бы он лутчих людей побили, и тогды б во всѣмъ была его воля; и велѣлъ бы тотчасъ костелы римские ставити, а в церквах рускихъ пѣти не велѣл. И милосердыі Богъ православных кресть(янъ) пощадил і такоі его воровской умыслъ всѣмъ людемъ обьявил, а тот вор по своему злодѣйству от Бога мѣсть принял, злѣ живот свой скончал. А которые Польские и Литовские люди пришли с Сендомирскимъ воеводою к тому вору на розоренья Московского государства, и тѣхъ людей за их неистерпимые грубости и насильства, что оні *(л. 278)* в Московскомъ государстве кровь крестьянскую по наученью и по совѣту того вора безпрестани проливали, и многие насильства людем чинили, и вѣру нашу греческаго закону обругали, Московского государьства люді хотѣли всѣхъ побить. І в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Иванович в. Р. по своему царьскому милосердому обычаю, не хотя видѣти во крестьянъстве кроворозлитья, всѣмъ заказал, и многонародное множество людей от того унял, многих Полских и Литовскихъ людей побити и пограбити не дал, и воеводу Сендомирского з дочерью, и сына его, и Вешневецкого, и Тарла, и Стадницкихъ, *(л. — об.)* и иных воевотцких приятелей и всяких Польских и Литовских людей от смерти отнял, убити их и ограбити не дал, и слуг их велѣл отпустити в Польшу и в Литву, а оставил только тѣхъ немногихъ, которые

меж Московскимъ государьствомъ и короною Польскою и великимъ княжеством Литовскимъ большую ссору и кроворозлитье учинили и Московское государьство хотѣли с тѣмъ вором розорити. А которые немногие люди Поляки и Литва побиты, и то учинилось потому: которые учели стояти за того вора ростригу и учели за него битися, и их побили многимъ народом; да и за то, что от Поляковъ *(л. 279)* и от Литвы многие безмерные неистерпимые тѣсноты и насильства в Московском государьстве всякимъ людемъ починилися, у многихъ людей жонъ и детей отнимали, и многое всякое злое насильство людемъ Московского государства чинили и злыми всякими поносными укорны безпрестани поносили. А только б царьское величество над ними не умилосердилось, народу не унял, и их бы за их нестерпимые грубости не остался живъ ни один человѣкъ. И ныне в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., какъ есть истинный крестьянскиі государь, не хотя кроворозлитья *(л.—об.)* во крестьянстве видети, памятуючи то, какъ царь Борис з государем вашимъ Жигимонтомъ королемъ и меж своими государьствы перемирье утвердили и своими государьскими душами укрепили, послал нас, посланников своих, к государю вашему Жигимонту королю, а велѣлъ намъ о тѣх о всѣхъ неправдахъ государю вашему и вамъ, паномраде, обьявити, что з государя вашего стороны тѣ неправды Московскому государьству учинилися через крестное целованье, многие крови пролились и царьской казнѣ и всему Росийскому царьствию *(л. 280)* неизсчетные убытки починились. И государь бы вашъ Жигимонтъ король к великому государю нашему о тѣхъ дѣлех, что учинилось з государя вашего стороны через крестное целованье, и о тѣхъ людех, которые ныне на Москвѣ, послал пословъ своих, наказав имъ подлинно, какъ бы такіе великие дѣла к совершенью любви привѣсти, и чѣмъ такие великие крови, без правды проливаемые, загладити, і такая многая казна, которая от того вора истерена, и иные убытки нагородити.

И паны-рада говорили: государь нашъ король *(л.—об.)* в том ни в чемъ невинен и того не вѣдает, естьли будет Дмитръ к воеводе что казны посылал или не посылал; а хотя будет что и прислал, и воевода тѣмъ поднимался, какъ до него Дмитръ присылал, и та казна с воеводою у государя вашего. А которых людей побили і пограбили, и у тѣхъ взяли и больши того. А что сказываете побиты тѣ, которые за того Дмитра учали было стоять и до бою вышли, и нам то вѣдомо, что многих тѣхъ побили, которые были на домѣх и не бились і оружье от себя отдали. А купѣцкие люди

были не бойцы же, да многих ихъ побили и многие товары неисчетную казну поимали. *(л. 281)* Да с тѣми же купцы были узорочные товары моршалка пона Миколая Вольского, чаем і вы видали, что у того Дмитра хоромы украшены подстенками: то моршалково. А что сказываете: от наших людей вашимъ рускимъ людемъ было насильство, и за то имъ от Дмитра и каранья было.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: тот вор злодѣй, богоотступникъ и еретикъ привел воеводу и сь его приятели і с ними многих Польских і Литовских людей на розоренье Московского государства, и к воеводе посылал, и на Москвѣ ему давал многую неищетную казну, а воевода отсылал к себѣ *(л. — об.)* в Польшу, а с ним казны и нарядов ничего не было. А Польские и Литовские люди многое насилство чинили по того вору умышленью и повеленью, а он ихъ не казнил никого. — А что естя нам говорили про купѣцких людей и про товары, и мы того не вѣдаем и не слыхали: есть ли ваши на Москвѣ іли нѣтъ. А что естя намъ в отвѣте говорили про пословъ государя своего — для чего их задержали, а они присланы на веселье в королевское мѣсто по опасному листу, и так на государьские радости не приѣзжают: воевода Сендомирской, и его приятели, и королевские послы, *(л. 282)* и с ними Польские и Литовские многие люді всѣ приѣхали ратным обычаемъ в збруях и с копьи, і умыс(л) у всѣхъ был такой, сами говорили Поляки и Литва, которые приѣхали с воеводою и сь его приятели, не тайно, во всемъ государстве, что они приѣхали на то, что Московских людей начальных всѣхъ побить, и Поляком сѣсти по всѣмъ урядомъ, и вѣра греческая порушить, а учинить в Московскомъ государстве римская вѣра. А листы клетовные посылал тот вор ростριга латынскимъ писмомъ, писали у него ваши Поляки, и дѣл(ал)ъ все с Поляки, какъ хотѣл, а сенатари нихто не вѣдалъ. И с чѣмъ пришли к тому вору от государя вашего *(л.—об.)* послы, того сенаторем ничѣго не вѣдомо и в Посольском приказе того ничего не обьявилось, и были государя вашего послы у того вора в хоромѣхъ наодинѣ, сенатырей в тѣ поры никого не было же, только один был его совѣтникъ и Московского государства измѣнникъ Петръ Басманов, и что было от короля с тѣми послы к тому вору ростриге грамот и что их посольство, того ничего сенаторемъ тот вор обьявити не велѣл, а отдали все ему втайне. И ныне государя вашего послы на Москвѣ стоят на Посольском дворѣ, и кормы имъ дают довольны по прежнему обычаю, и живут в царьском жалованье во всякомъ покое по посолскому обычаю, которые *(л. 283)*

послы приходят з добрымъ дѣломъ; а не отпущены они для того, что присланы они от Жигимонта короля к богуотступнику к Гришке Отрѣпьеву, и тот вор по своим злым дѣлам от Бога мѣсть принял, зле живот свой скончал, а по Божей милости и по прародительной степени учинился на Московском государстве государь нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. И им, не быв у государя нашего и не видя царьскихъ очей, ѣхати не годилось, а быти имъ государь нашъ у себя, не (о)бослався з государемъ вашимъ, не поволил, да и сами оне того не хотѣли, а били челом великому государю нашему и просили того, чтоб государь поволил *(л. — об.)* с нами вмѣсте послати людей своих х королю и к вам, паном-радамъ; и государь нашъ царьское величество поволилъ имъ людей послати. А какъ с великимъ государем нашимъ государь вашь Жигимонтъ король сошлетца, и государь нашь царьское величество послов ваших тотчасъ отпустит, не задержав, со всякою учтивостью по посольскому обычаю. — А что есте нам обьявили в отвѣте, что приѣхали ис Сиверы руские люди, и ищут в государьстве государя вашего того вора, которой преже сего назывался царевичемъ Дмитреем, а сказывают *(л. 284)* его жива, будто он ушел, — и вамъ было уже о таком воре стыдно и говорити, что от него злодѣя промеж великими государи и меж государьствъ многая смута и кровопролитье учинилось, и хотя бы такой вор страдник и жив был, а уже обличен, что он, богоотступник и еретикъ, рострига, чернец Гришка Отрепьев, а не царевичь, и он бы злодѣй по своим злым дѣлом вездѣ достоен был смерти. А то подлинно при наших очехъ тот вор забитъ, и вывезен был на пожар, и лежал 3 дни, и вашимъ людемъ то есть вѣдомо, которые были при воеводе, *(л. — об.)* а с ними сюды приѣхали. И нѣшто будет иной вор, збежав из государя нашего государства, называет себя такимъ имянемъ, хотячи ещо меж государей и меж государствъ смуту учинить. А есть збежал в то врѣмя, как того вора убили, Михалком зовут Молчанов, жил у того вора в хоромех для чернокнижества; и нешто будет тот вор называет себя таким имянем, и на том есть пятно на спине, как онъ за воровство и за чернокнижество бит кнутом на пытке. А будет иной вор такой же называетца таким именем, и вам было таких уже приимати и слушать не надобно, полно и тое *(л. 285)* неправды, что учинилось з государя вашего стороны, какъ тому вору прежнему государь вашъ и вы на Московское государьство вспомогали, и во крестьянстве многое кроворозлитье учинили; и чтоб государь вашъ король того вора велѣлъ сыскать и с нами с очей на очи поставить,

и мы его узнаемъ и обличимъ, хто он есть и какой человѣкъ, и тогды б король велѣл его казнить, чтоб вперед от таких смуты не было. А про тѣхъ бы естя намъ обьявили: хто имяны ис Сѣвѣры приѣхали на взысканья того вора и какие людi.

И паны рада говорили: король за него *(л. — об.)* не вступаетца и ставит его не за што, хотя будет он и живъ. А что говорите, чтоб его сыскать и с вами с очей на очи поставить, и государство великое: гдѣ его сыскать? Ныне скажут в том мѣсте, а завтро индѣ. А хто имяны приѣхал на взысканья, того не вѣдомо.

И посланники говорили: только такимъ воромъ верить, и вперед бе(з) смуты не будет. — А что естя нам обьявили в отвѣте, что ныне на Сѣверѣ, Петром зовут, сказываетца сынъ в. г. нашего ц. и в. к. Ѳедора Ивановича *(л. 286)* в. Р., и Сѣверскую землю осѣлъ, и мы того не вѣдаемъ: хто будет таким iменем называетца. А то нам подлинно вѣдомо и сказываемъ вамъ по своей хрестьянской вѣре, что у в. г. нашего ц. и в. к. Ѳедора Ивановича в. Р. сына и оприч одное дочери детей не было; а была одна дочь, и тое судомъ Божыiм в полгода не стало.

И паны-рада говорили: сказывает де тот Петръ — какъ он родился, и его де переменили дочерью по Борисову велѣнью Годунова, чтоб ему не быть на государстве.

(л. — об.) И князь Григорей и Ондрѣй говорили: то дѣло нестаточное и слышать того не годитца, а вашему разуму дiвимся, что вы таким плутням веры имете: не токмо у такова великого государя, и у обычных людей тому состатися невозможно, какъ в то время прилучить иное дитя принести на государьской двор, и какъ бы такое дѣло утаилось и посямѣста не обьявилось. У великих государей наших в обычае ведетца, что у государыни нашей и не в такое врѣмя бояры, ни ближние люди, а лишних не припускают; а в токое время в роженье, опричь ближнихъ приятелей, нихто не бывает. *(л. 287)* И то нехто враг Божей такое злое дѣло замыслил. И о томъ вамъ говоримъ, чтоб государь вашъ король и вы, паны-рада, тому вору не вѣрили, и ему ничѣмъ не вспомогали, не такъ, (какъ) преже сего повѣрили страднику, ведомому вору, ростриге, и многая смута и кроворозлитье от того учинилась. А государь нашъ царьское величество с нимъ управитца.

И паны-рада говорили: только государь вашъ отпустит воеводу с товарыщи и всѣхъ Польских и Литовских людей, которые ныне на Москвѣ, ино и Дмитряшки и Петрушки не будет; а только государь вашъ *(л. — об.)* вскоре не отпустит всѣх людей, ино и Дмитрей

будет и Петръ прямой будет і нашi за своих с ними заодно станут.

И посланники говорили: в том волен Богъ да государь нашъ царское величество, а государь бы вашь слал о том к великому государю нашему пословъ своих или посланниковъ. А мы што от вас слышимъ, то великому государю нашему известим. Да спрашивали посланники: хто имяны и(з) Сѣверы от того вора, которой называетца Петромъ, послы и какие людi?

И паны-рада сказали, что писал х королю *(л. 288)* пан Краковской Януж Острожской, что деи писали ис Путивля: пропустить ли послов х королю, которых посылает Петръ, а хто имяны, того не вѣдает; а идут де на Киевъ.

Да спрашивали паны-рада про князя Василья Мосальского: гдѣ он ныне?

И князь Григорей и Ондрѣй сказали: какъ мы поѣхали с Москвы, і он был на Москвѣ. И спрашивали пановъ-рад: для чего про него спрашивают и что им про него вѣдомо?

И они сказали, что он отпущен был на Сѣверу, и от государя отстал, и пристал к Петру і многие городы в Сѣвере поимал на Дмитра, *(л. — об.)* сказываючи его жива.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы того не вѣдаем— есть ли будет такъ. А князь Василей Мосальской до того вора до ростриги был рядовой человѣкъ в дворянех; а какъ пришол к Путимлю вор рострига, а тот князь Василей в тѣ поры был в Путивле в головах, и тот вор дал боярство. И нынѣ будет он великому государю нашему и государьству Московскому изменил, пристал к тому вору, которой называется Петромъ, и за то его Богъ не попустит. — *(л. 289)* А после того посланники говорили паном-радам по г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. наказу о опасной грамоте на посланников, которых посылает государь к цесарю.

И паны-рада говорили: мы о том известим королю и всѣ тѣ рѣчи, что вы с нами говорили, королю донесемъ.

Да велѣли стольникомъ королевским принесть перед посланниковъ овощи и вина, і на стол скатерть накрыли и овощи поставили; а паны-рада сказали, что король жалует вас, велѣл подчивать паном раднымъ Михайлу Канарскому, *(л. — об.)* охмистру королевичеву, да Балцеру Станиславскому подскарбѣю, и вы вина испейте и овощи кушайте. Да пошли ис полаты х королю, а остались и посланников подчивали паны радные Михайло Конарской да под-

скарбей Балцер, а сидѣл против посланников; а в стольниках был один воеводы Сендомирского сынъ, а другой Михайла Канарского сынъ и иные. И посланники, посидевъ немного и покушевъ овощей поѣхали на подворье; а провожали встречники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встречали.

(л. 290) И декабря въ 29 (день) велѣл король посланникомъ быти на своемъ дворѣ, а сказал пристав, что быти с паны-радами в отвѣте; а приѣзжал по них прежней королевской дворенин Войтех Гаевский да пристав Петръ Воловичь, а перед ними ѣхали дворян королевских 5 человѣкъ. И какъ приѣхали посланники на королевской дворъ, и ссѣли с лошедей у лѣсницы по прежнему; а гайдуки стояли по улице х королевскому двору немногие в саблях без пищалей, а перед королевскимъ двором и на дворѣ гайдуки стояли с пищальми, а у лесницы с рагатины *(л. — об.)* и саблеми. И как посланники, сшед с лошедей, пошли на лѣсницу, и говорил пристав Петръ Воловичь: паны-рада велѣли вас вспросити — есть ли вам какие рѣчи до короля? И будет есть, и они скажут королю; а будет нѣтъ, и вамъ бы итти в Отвѣтную полату говорити с паны-радами.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: то всчинаетца новое дѣло, а преже сего не бывало; которые послы и посланники преже сего бывали от великих государей наших у государей ваших и коли король велит быть на своемъ дворѣ, і они наперед будут у короля, да потом пойдут с паны-радами говорить.

(л. 291) И пристав ходил к паном-радам да тот же часъ пришед встречю говорил: король де топерво на покое, и вы б шли в палату, гдѣ с вами размовляли паны-рада, а к вамъ узжо будут паны-рада; а у короля, дастъ Богъ, будете на отпуске.

И как посланники пришли к палате, гдѣ были с паны в отвѣте, и встретили их в сенех панъ Михайло Конарскій, дядька королевичевъ, да дворенин королевский Жигимонтъ Казаковский; и, пришед в палату, посланники сели на скамейке по прежнему. И, погодив мало, пришли в полату паны *(л. — об.)* рада, которые были в отвѣте наперед того, а перед ними шло дворян человѣкъ с 50. И какъ паны-рада пошли в полату, і князь Григорей и Ондрѣй встрѣтили их по прежнему середі полаты и, дав имъ руки, сѣли в скамье; а паны-рада сѣли в скамье по прежнему.

И велѣли ис полаты выйти.

И говорил бискуп Премысльский: которые у вас будет рѣчи ещо есть, и вы нам обьявите.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: преже сего которые рѣчи по государя своего наказу, будучи с вами на обмове, говорили есмя вамъ, и вы тѣ рѣчи слышали и до государя *(л. 292)* своего хотѣли донести. И на тѣ рѣчи что намъ отвѣтъ будет ли?

И паны говорили: которые рѣчи вы намъ говорили, и мы то королю известили, и на тѣ рѣчи будет вам отвѣтъ на отпуске от государя нашего и писмо на тѣ рѣчи вам дадут. А еще будет у вас которые рѣчи есть, и вы нам обьявите.

И князь Григорей и Онъдрѣй говорили паномъ-радамъ: преже сего вы намъ обьявили, что де никоторые люді Московского государства ис Сѣверы, сколько 10 человѣкъ, приѣхали в государя вашего землю, ищут того вора, которой назывался *(л. — об.)* преже сего царевичемъ Дмитрѣемъ, а сказывают его жива. Ино то правда ль государя вашего і вас, пановъ-рад, что от великого государя нашаго не токмо запросто приѣхать в государство в государя вашего и намъ посланником без указу не велѣли за рубеж ѣхать? А какъ есмя ѣхали дорогою, и намъ многое бесчестье и тѣснота была, никакие повольности не было не токмо куды ѣздити, і з двора ходить не велѣли. А таким воромъ, приѣхавъ в государя вашего государство искать вора, которой назывался царевичемъ Дмитреем, вольно ѣздить по государя вашего государству. И вы то сами можете рассудіть: пригожее ль то дѣло с вашу сторону то дѣлаетца? — *(л. 293)* А мы вам про то сказываем подлинно, что тот вор, богоотступникъ, еретик, чернецъ, рострига Гришка Отрѣпьевъ, которой назывался царевичем Дмитреем, при наших очех убит. А хоти б онъ злодѣй и жив был, а уже вѣдом и обличен, что он вор рострига Гришка Отрепьевъ, а не царевичъ Дмитрей, и он бы достоен был смерті. А то нѣхто иной вор таким же имянемъ называетца. И вам было уже таких приимати не надобно, полно и тое неправды, что учинилось з государя вашего стороны посямѣста в мирное постановенье за крестъным целованьемъ. А слышали есмя, что де тот вор, которой называется Дмитрѣемъ, живет и скрываетца *(л. — об.)* в Самборе и в Сендомире, а промышляет имъ воеводы Сендомирского жена. И то пригожее ль дѣло воеводина жена дѣлает, что преже сего все злое дѣло и кровопролитье от мужа еѣ учинилось, и за то муж еѣ ныне на Москвѣ, а она вновь лихое дѣло зачинает, такова вора у себя держит и им промышляет, кабы не хотя свободы мужу своему, такую смуту чинит. А тому мы дивимся, что государь вашъ и вы, паны-рада, таким вором вѣрите. Восе у великого государя нашего нѣ такой вор, Свѣйского Ирика короля

сынъ, Густавъ королевичь, государю вашему встрѣчной брат, какъ есмя вам о том и вчерась говорили, что, приѣхавъ к царю *(л. 294)* Борису, просил того и ныне великому государю бьет челом, чтоб государь нашъ царьское величество дал ему рать, а он учнет доступати Лиѳлянские земли. А Свѣйской арцы-Карло прислалъ к государю нашему посланника своего о томъ же, чтоб государь нашъ помочь ему учинил, а он, доступив Лиѳлянские земли, поступитца из нее многих городов Густаву королевичю. И государь нашъ царьское величество посямѣсто на то не позволил, ожидая государя вашего исправления.

И паны-рада говорили: которые люді приѣхали в государство государя нашего и ищут Дмитра, и тѣ переѣхали через границу тайно и государь нашъ о том писал к гетману Польскому, чтоб *(л. — об.)* тѣх людей велѣл переимать, и выслать опять за границу, и вперед таких боломутов пускати не велѣлъ. А что де вы нам говорили про того, которой называетца Дмитрѣемъ, будто он живет в Самъборе и в Сендомире у воеводины жены, и мы про то не слыхали. — А что вы нам говорили о Густаве Свѣйском, — и государь нашъ преже сего писал к государю вашему к Борису и с послы приказывал, чтоб того Густава у себя не держал, а прислал бы его х королю. И государь вашъ того не учинил. А про то есть вѣдомо государю нашему, что де государь вашъ непослушнику государя нашего, Свѣйскому *(л. 295)* арцы-Карлу втай казною помочь чинить. И то государя вашего неправда. А вѣдомо то государю вашему, что государь нашъ Свѣйскому королевъству отчичь, а Лиѳлянская земля также из давных лѣтъ приналежит х королевству Польскому и к великому княжеству Литовскому; а государь вашъ в титле государя нашего Свѣйскимъ и Лиѳлянскимъ не описуетъ.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: того мы нѣ вѣдаемъ, естьли государь вашъ к царю Борису о Густаве королевиче писал или приказывал. А то дѣло не статочное, что такова государьского сына выдати. А про Свѣйского арцы-Карла мы вамъ сказывали, что он к великому *(л. — об.)* государю нашему присылает и просит того, чтоб государь нашъ царьское величество ему помочь учинил, а он, доступив Лиѳлянских городов, поступитца из нихъ многихъ городов племяннику своему Густаву королевичю, и великий государь нашъ его царьское величество, помня то, какъ учинено перемирье и крестьным целованьемъ закреплено меж царемъ Борисомъ и государемъ вашимъ и меж государствъ, Свѣйскому арцы-Карлу вспоможе(нь)я не чинит, хотя и видя неправду государя вашего,

а ожидает от государя вашего исправленья. — А что говорили о прибавленье титла государя своего короля, и могло б то статись, *(л. 296)* только б государь вашъ король великого государя нашего в титле велѣл описывати с полным царьскимъ именованьемъ по его царьскому достоинъству, потому что к прежнимъ в. г. нашимъ блаженные памяти к ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., и сыну его в. г. ц. и в. к. Ѳедору Івановичю, в. Р. с., писали в грамотахъ всѣ великие государи по их царьскому достоинъству с полнымъ царьскимъ именованьемъ — цесарь Римской, и папа, і король Ишпанской, и Ѳрянцовской, и царь Турской і шах Кизыльбашской. А ныне мы слышали, какъ говорили от короля ты, арцыбискуп, *(л. — об.)* великого государя нашего его царьского величества в рѣчи без царьского именованья; і то великому государю нашему от государя вашего не любовь обьявляетца. А та царьская честь і повышение их царьскому имяни из давных лѣтъ, почен от в. г. Владимера Мономаха, от Грекъ высоко-достойнейшую честь восприимшую, и венчан царьскимъ венцемъ и диодимою от великихъ государей от Костентинапольских царей, совѣтом свѣтейших вселенских четырех патриархъ и всего вселенского собора, и именованъ ц. и в. к. Владімер Мономах, даже и до в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., *(л. 297)* и сына его в. г. ц. и в. к. Ѳедора Ивановича, в. Р. с., и многих босурманских царьствъ победителей і обладателей. Потом Божиимъ праведнымъ судомъ на той превысочаеший царьский степени прародителей ихъ великих государей царей Росиских учинился государем в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. И вамъ, паномъ-радамъ, пригоже о том радѣть и государя своего Жигимонта короля на то наводить, чтоб тѣ прежние дѣла отставити, а писал бы король к в. г. нашему ц. и *(л. — об.)* в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., по его царьскому достоинъству с полнымъ царьским именованьемъ; а не учнет писать к великому государю нашему с полнымъ царьским именованьемъ, и Жигимонту королю то будет нечесть же, только государь нашъ царьское величество учнет к нему писати без королевского именованья.

И паны-рада говорили: государь нашъ пишет к государем вашимъ по прежнему обычаю, как из давных лѣтъ ведетца; и преже сего о том бывали рѣчи да и ныне мы то отставимъ.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: а государь *(л. 298)* нашъ царьское величество писал ныне к государю вашему также по прежнему обычаю.

Да князь Григорей же и Ондрѣй говорили паномъ-радам: обьявили естя намъ преже сего, что де нѣкоторой вор пришел на Сѣ-

веру, а называет себя царевичемъ Петромъ, блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Θедора Ивановича в. Р. сыном; а к нему де пристали князь Василей Масальской и иные нѣкоторые воеводы, и в Сѣверской землѣ нѣкоторые городы посѣли. И мы того не вѣдаемъ: есть ли такъ или нѣ так, а про то мы вам подлинно обьявляемъ под клятвою, а вы то донесите[1] государю своему, *(л. — об.)* что у государя нашего блаженные памяти у в. г. ц. и в. к. Θедора Ивановича, в. Р. с., сына не было, а была одна дочь царевна Θедосья и тое в полгода не стало. А что вы нам обьявили, будтося у государыни нашей царицы Ирины какъ родился сынъ, обмененъ дочерью, и то статочное ль дѣло? Не токмо у токова великого государя, и у вас у свецкихъ панов-рад и у простых людей то не может статись, какъ в то время прилучить иное дитя принести и обменить. А то был государей великой[2], также и государыня наша и великая княгиня Ирина всегда того у Бога просили, и многие милостины вь Ерусалимъ к Господню гробу, *(л. 299)* и во Царьград и в вашу в Литовскую землю посылали, а в своемъ государстве ноипаче в милостыну многие скарбы раздавали, желѣючи того, чтоб Господь Богъ дал имъ сына. И на то Божией воли не было, а подоровал имъ, государемъ, Господь Богъ дочь царевну Θедосью, и та, немного пожив, к Богу отошла. А при государыне царице и великой княгине Ирины были всегда неотступно: мои княж Григорьевы сестры княж Иванова княгиня Козловского да окольничего Ондрѣя Петровича Клешнина жена; и только бы такое дѣло сталось, и они б меня в том не утоили. И какъ есмя поѣхал от великого государя нашего, і про такова вора не слыхали. А ныне, слыша от вас, такъ себѣ *(л. — об.)* домышляемся и вам про то обьявляем: в прошлом году, какъ по грѣху всего хрестьянства пришол на Севѣръскую землю богоотступникъ и еритикъ, страдникъ Гришка Отрепьевъ с вашими Польскими и Литовскими людьми, і писал от себя листы по всем городомъ и по мѣстомъ, какъ есмя вамъ обьявляли, і на Дон, и на Волгу и на Терку к вором х казакомъ также листы писал, именуючи себя Дмитрѣемъ царевичемъ, і чтоб к нему шли и ему вспомогали. И Донские казаки воры к нему пошли, а Волженские и Терские к нему не пошли. А были в то время на Волге и многих торговых людей, которые шли с Москвы и из ыныхъ многих городовъ *(л. 300)* в (А)сторохань, а изъ Асторахани шли в судѣхъ вверхъ х Козани, побивали, и пограбили, и

[1] Написано: «донесли».
[2] Такъ написано, очевидно пропущены какія-то слова.

многие товары и денги і неисчетную казну взяли больши десяти сот тысячь золотых польских, а рускимъ числомъ больши 300000 рублевъ. И какъ тот вор, богоотступникъ, рострига по своимъ злым дѣламъ скончался, а на великих государствах Росиского царьствия учинился государемъ в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановічь, в. Р. с., и писал грамоты на Волгу к тѣмъ ворол х казаком, чтоб они тамъ на Волге не были, и купецким и всякимъ проѣзжимъ людем никаких убытков *(л. — об.)* не чинили; а только не сойдут, и им быть кажненымъ. Да и рать был государь нашъ на них послал. И нѣшто будет тѣ воры Волжъские и Терские казаки, вѣдая свою віну, что они, будучи на Волге, воровали и за то имъ не пробудет, оттуда збежавъ, такъ замыслили и которого будет вора, меж себя выбравъ, таким именемъ имянуют, хотячи меж государствъ ссору учинить, а им бы в то врѣмя от смерти избыть. И то может статись, что к ним пристанут такие же воры, збежавъ от смертные казни, да то стоятелно ль будет? Намъ то есть вѣдомо, что не в давных лѣтѣх, пришед из Запорог, Черкасы украину вашу воевали и многие *(л. 301)* мѣста запустошили, и государь вашъ король посылалъ на них рать и их побили, а головных воров Наливайка с товарыщи, поймав, казнили. А над тѣми над воры тоже будетъ. Только мы вам о том говоримъ, чтоб государь вашъ король и вы, паны-рада, от таких воров к себѣ и ихъ самих не приимали, і ничѣмъ не вспомогали, и людем короны Польские и великого княжества Литовского заказали, к нимъ приставать не велѣли, чтоб вновь меж государей и меж государствъ смута и кроворозлитье не всчалось; а государь нашъ царьское величество с такими воры управитца. — А о том бы вы намъ обьявили, хто *(л. — об.)* имяны от того вора идут к государю вашему послы, и какие люді дворяне ль, дети боярские ль, сѣврюки ль, казаки ль; а мы тое стороны всяких людей, и Волженских и Донских отаманов и казаковъ знаемъ.

И паны-рада говорили: мы тѣ ваши рѣчи слышим и государю нашему королю скажемъ. А что хотите вѣдать о послѣх, хто имены от того Петра идут и какие люді, и про то подлинно не вѣдомо; писал к государю нашему х королю воеводы Киевского сынъ панъ Краковской, а к нему де писано ис Путимля, что тот Петръ хочет слать *(л. 302)* к государю нашему пословъ своих на Киев, а того не именовано, хто имены.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили паном-радам о своемъ бесчестье, что дѣлалось в дороге: какъ есмя ѣхали государя вашего землею, и в дороге нам было от Литовских людей многое

бесчестье и теснота, чего преже сего над послы и над посланники николи не бывало, по городом и по мѣстомъ нас самих лаели і людей наших били, а вѣдает подлинно приставъ нашъ. А за Оршею, какъ мы приѣхали в государя вашего землю, приѣзжал на нас Дубровенского слуга пана Глѣбовича слуга Корипской *(л. — об)* (с) своими людьми, с самопалы і с саблями, а хотѣли нас побить, и одва его унялъ пословъ ваших человѣкъ Янъ Борановской, что в тѣ поры был он при нас. А до того, какъ ещо мы в землю государя вашего не приѣхали, посылан из Орши сынъ боярской Михайло Битяговской об нас з грамотою, и того сына боярского Дубровенского же пана люді в деревне в Баеве били і ограбили. А другово сына боярского посылали мы в Оршу, пришед к рубежу, про себя сказать, и в той же деревне в Баеве его поймавъ били, і бесчестили, и хотѣли вести в Дубровню в тюрьму невѣдомо за что. Да и иные многие задоры чинятца *(л. 303)* от Дубровенских людей торговымъ и всяким людем. И государь бы вашъ тѣхъ людей, которые нас бесчистили, велѣл сыскать и за то им наказанье учинить, и порубежнымъ людем заказать велѣлъ, чтоб великого государя нашего людем задоров не чинили.

И паны-рада говорили: есть нам про то вѣдомо, что вамъ в дороге бесчестье было, и указ о том от короля будет; а задоры многие чинятца и от государя вашего людей. — Да говорил моршалокъ о своих товарехъ: послал деи есми с своимъ человѣкомъ при купцах Краковских многие узорочные тавары и подстѣнки дорогие до хоромъ, и тот мой *(л. — об.)* человѣкъ и нынѣ есть на Москвѣ, а товары взяты в государеву казну; и государь бы пожаловал, велѣл за тѣ товары по ценѣ денги заплатить или товары отдать, что будет не испорчено.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы про то не вѣдаемъ; а твое челобитье, аже дастъ Богъ, великому государю нашему известим, и в томъ волен Богъ да государь нашъ царьское величество.

И паны-рада говорили: государь деи нашъ о том велит вамъ и в отвѣте написать, с своимъ посланником к государю вашему о томъ *(л. 304)* прикажет.

И отпустили князя Григорья и Ондрѣя на подворье, а провожали встрѣчники до тѣх же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.

Декабря въ 30 день говорил князю Григорью и Ондрѣю приставъ Петръ Воловичь: завтра де вамъ быть у короля на отпуске. А какъ вы были преже сего у короля двожды, и в тѣ поры при

короле сына его Вводислава королевіча не было; и ныне будет захотите королевича відеть, і король его милость поволит вамъ быть у него вь его особных полатах.

(л. — об.) И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы, аже дастъ Богъ, завтра у короля быть готовы; а велитъ намъ быть у сына своего у королевіча, и мы очи его раді відѣть, и что у нас лучилось, і тѣмъ ему челомъ ударимъ.

И декабря въ 31 день были у короля князь Григорей и Ондрѣй на отпуске и присылал по них дворян своих прежних же князя Яна Соколинского да Войтеха Гаевского, а пристав Литовской Петръ Воловичь, а пред посланники ѣхали желнырей в барсех 5 человѣкъ. *(л. 305)* И какъ приѣхали на королев двор, и ссѣли с лошадей у лѣсницы по прежнему; а на дворѣ до лѣсницы стояло гайдуковъ немного с саблями без пищалей, а перед королевскимъ двором гайдуков не было. И какъ посланники взошли к переходамъ, и встрѣтили их на лѣснице с переходов дворяне королевские Кгратус Торновский да Ян Жебредовский, а говорили: государь нашъ его королевская милость прислалъ нас, дворян своих, а велѣлъ вас, великого государя посланников, встрѣтить і с вамі до себя итить. И давъ руки шли перед посланникиі. *(л. — об)* И какъ князь Григорей и Ондрѣй вошли в сѣни перед тое полату, гдѣ король, и ис полаты встрѣтили посланников у дверей полатных 2 моршалка корунных Петръ Мишковской да Миколай Вольской и, дав руки, шли в полату перед посланники. А король сидѣл в полате в своем мѣсте против дверей по прежнему, в черномъ платье и в шляпке по немецки; а от него стояли по обе стороны паны радные и рыцарские люди, а за ними всякие люди человѣкъ с 300, а бискупы сидѣли на скамейке по правой сторонѣ от короля сажени з 2. *(л. 306)* А в сѣнѣх стояло голоберщиковъ с 30 з голоберды. И какъ князь Григорей и Ондрѣй пришли в полату перед короля і поклонились, и король велѣлъ им сѣсти на скамейке по прежнему.

Да посидѣвъ мало, встал х королю бискупъ Перемысльской и канцлѣр корунной, и король с ними поговорил немного не вслух. А потом говорил бискупъ посланникомъ от короля рѣчь, а толмачил рѣѳерендарь Литовскиі Остаѳѣй Воловичь: наяснѣйший великий государь нашъ король его милость Жигимонтъ Третей велѣл *(л. — об.)* вам говорити. Приходіли есте к нам от в. г. своего и в. к. Василья Ивановича в. Р. в посланникех і которые рѣчи говорили есте намъ на посольстве, и мы тѣ рѣчи у вас выслушали и выразумѣли; а которые рѣчи говорили естя с паны-радамі нашими, которые были

с вами на обмове, и тѣ ваши рѣчи паны-рада нам обьявили і то нам вѣдомо же. И на тѣ всѣ рѣчи в. г. вашему и в. к. отвѣтъ учинимъ с своимъ посланником, а посланника посылаю за вами вскорѣ; а вас ныне отпускаемъ к государю вашему и посылаем с вами к государю вашему грамоту *(л. 307)* против тоѣ грамоты, что с вами присл ана.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: присланы есмя от в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., к тебѣ в. г. Жигимонту королю в посланникех і с нами была грамота вѣрющая, что мы учнем говорить, тому б вамъ вѣрить; а о дѣлех в той грамоте не написано ничего, все с намі государь нашъ царьское величество приказалъ изустно говорить. И нам бы ты, государь, на наши рѣчи велѣлъ дати отвѣтное писмо, а грамоты нам имать непригоже: *(л. — об.)* грамоты бывают з гонцы, а мы посланники, а не гонцы.

И говорил от короля князь Остаѳѣй Воловічь, реѳерендарь Литовской: та грамота писана об вас противъ государя вашего вѣрющей грамоты, а отвѣтное писмо к вам пришлет король на подворье; а подлинной отвѣтъ на всѣ рѣчи будет от короля его милости сь его посланникомъ.—А что есте говорили паном-радамъ о грамоте на посланников, которыхъ государь вашъ шлет до цесаря Римского, и государь нашъ его королевская милость о томъ к государю *(л. 308)* вашему прикажет своим же посланникомъ.

Да молыл Остаѳѣй: король его милость приказывает с вами к в. г. вашему и в. к. Василью Ивановичю в. Р. поклонъ. А король в тѣ поры приподнялся и шляпки приподнял, да сѣдчи звал посланниковъ к руке и велѣли ітти ис полаты. А провожали в сѣни тѣ же, которые встрѣчали, — два морщалка Польских да референдарь Литовской Остаѳѣй Воловичь.

И, вышедчи в сѣни, говорили: король его милость *(л. — об)* поволил вамъ быть у сына своего Водіслава королевіча, а он топерво в особныхъ своих полатах.—И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы х королевичю ідемъ і его очи хотим видѣть. — И шли х королевичю переходами в тоѣ полату, гдѣ были с паны-радами в отвѣте; а посланники шли морщалок надворной Миколай Волской да реѳереньдарь Литовской Остаѳѣй Воловічь, а перед ними шли дворянъ королевских человѣкъ з 20. И какъ пришли х королевичю в полату, и ему поклонились.

(л. 309) И королевичь, встав и шапку снявъ, сспросили про г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. здоровье, а говорил от него реѳерендарь Остаѳѣй Воловичь.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: какъ есмя поѣхали от в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., і государь нашъ его царьское величество дал Богъ в добромъ здоровье.

И королевичь звал князя Григорья і Ондрѣя к руке да спрашивал ихъ о здоровье.

І князь Григорей и Ондрѣй сказали: Божіею *(л. — об.)* милостию і великого государя своего жалованьемъ, и тутъ в коруне Польской і великом княжестве Литовскомъ королевскимъ и его жалованьемъ, здорово.

А послѣ того являл реѳерендарь от князя Григорья и от Ондрѣя королевичю поминки, и велѣли ітти ис полаты; а шли с посланники ис полаты морщалок надворной Миколай Вольской да реѳерендарь Остаѳѣй Воловичь. А в то время, как были посланники у королевіча, сидѣл королевичь на стуле в немецкомъ платье, а шапка на нем была бархатна *(л. 310)* с соболем; а подлѣ его стоял дядька его пан Михайло Конарскиі, которой был в отвѣте, да дворян и стольниковъ и жильцовъ человѣкъ со 100.

И как князь Григорей и Ондрѣй вышли в сѣни, і говорил имъ моршалокъ надворной Миколай Вольской да реѳерендарь Литовски Остаѳѣй Воловичь: донесите наши рѣчи до бояр. За того небощика, которой назывался Дмитреем, зашли в Московское государьство по его грамотам со многими товары купецкие люді государя нашего государьства и Цесарские земли и иных розных государствъ, и тамъ в государстве Московскомъ иные побиты, а иные задержаны *(л. — об.)* невѣдомо для чего. И чтоб государь вашъ тѣхъ всѣхъ купцовъ, которые не побиты, велѣл отпустить и сь их товары; а что будет пограблено, то б велѣл государь сыскать; а которые будет побиты, і тѣхъ животы и товары также велѣлъ сыскать и отдать. А именно большi всѣх говорили про товары моршалка Миколая Вольского, чтоб государь велѣлъ про то сыскать и нагородіть, чтоб про то меж великих государей і меж государствъ нелюбье не уростало. Да и людей бы рыцарскихъ, которые там задержаны, велѣл бы государь отпустить, хоти не всѣх, потомучто де у нас вскорѣ будет соймъ великиі *(л. 311)* и на том сойме будут тѣх, которые ныне на Москвѣ, братья и приятели, и чтоб тѣ которого лиха не мыслили. А мы вам для крестьянского покою сказываем не ложно, что по грѣхомъ в государя вашего государстве великое замешанье: пришло к нам писмо подлинное вчарась с украйны изо Мстисловля, а пишет державецъ, что подлинъная ведомость, что Петръ, которой сказываетца сыном великого князя Ѳедора, достовает государьства Московского

на Дмитрея, которой сказываете убитъ, а он живъ; и осѣлъ деи тот Петръ Сѣверскую землю по Брянской лѣс и городы поймал, а на Москвѣ де стало великое замешанье. А вѣдаете *(л. — об.)* сами, что здѣсь люді свовольные и, слышачи такие розрухи в государстве вашемъ, а желѣючи своихъ, которые ныне там, чтоб какого дурна не учинили.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы того не вѣдаемъ да и не чаем, что такой смуте быть в Московскомъ государстве. А что говорите о тѣх людех, которые ныне на Москвѣ, чтоб их государь нашъ велѣлъ вскорѣ отпустить, хоти и не всѣхъ, да о купѣцких людех і о моршалковых товарех, и в томъ воленъ Богъ да государь нашъ; а с нами о томъ приказу нѣтъ. А что от вас слышим, то до государя своего донесемъ. А государь бы вашъ *(л. 312)* Жигимонтъ король о том слал к великому государю нашему своего посланника, не омешкивая.

И моршалокъ и реѳерендарь говорили: государь нашъ посланника пошлет; а добро б государь вашъ и до посланника которых людей отпустил, і то б было на знакъ к любви.

Да они же говорили о задорех: писал к государю нашему изо Мстиславля державецъ, что государя вашего люді, перешед за рубешъ Мстиславского повѣту, многие села пожгли и людей пограбили, чтоб государь от того велѣлъ унять, и про то б велѣл сыскать і воров казнить.

(л. — об.) И посланники говорили: многие задоры чинятца в порубежных мѣстех от государя вашего людей. И нѣчто будет великого государя нашего люді, не стерпя многихъ обид от государя вашего людей, что учинили противъ, — и государь бы вашъ велѣлъ своих людей от задоров унимать; а мы про то великому государю нашему известим же и государь нашъ царьское величество велитъ про то сыскать.

Да говорили посланником моршалокъ и реѳерендарь: приѣхали сюды іс Цесаревы земли от цесерева брата от Матьяша купцы, а идут к государю вашему, *(л. 313)* и мают у себя грамоты от цесаря и от Матьяша. И вам ихъ с собою мочно ли взять и до Москвы даправадить?

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: прежние цесари Римские из давных лѣтъ и нынешней Рудельѳъ цесарь бывали с великими государи нашими в братстве и в любви, а ныне великий государь нашъ также с цесарем хочет быти в братстве і в любви, и людем Цесаревы области вольно ѣхать до государства великого государя нашего, с нами ль пойдут или і без нас.

И провожали посланников до лѣсницы, гдѣ была первая встрѣча, моршалок *(л. — об.)* і референдар; а ідучи и референдерь говорил: нам деи Литвѣ надобно всѣх больши быти с вами в покое, что наша граница сошлась з государя вашего землею, и яз вамъ о том припоминаю для хрестьянского покою, чтоб государь не держал у себя Польских и Литовских людей, а велѣл бы отпустить, хоти не всѣх вдруг, а тѣм бы меж ихъ государей к згоде и к любви было ближе.

Генваря въ 3 день принес к посланником пристав Петръ Воловичь их поминки, что несли х королю. А говорил: у государя де нашего у короля в обычае ведетца так, что у послов и у посланников на посольстве поминки *(л. 314)* принять велит, а после того отсылает назад; и ныне по королевскому розсказанью подскарбей тѣ ваши дары со мною прислал к вам, а от себя король посланником не прислал ничего.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: в том волен Бог да государь вашъ король; а тѣм нас король не пожаловал и оскорбил, что даров наших не принел, то б нам его было жалованье, чтоб наши поминки взял. — А про то, что король от себя не прислал ничего, посланники в то время не говорили, а чаяли, что будетъ вперед.

(л. — об.) А после того на другой день говорил пристав, чтоб были готовы ѣхать в дорогу; а король де мнѣ велѣл с вами ѣхать вскоре.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы к государю своему ѣхать готовы, а от короля нам отвѣт на наши рѣчи ещо не прислан; да преже сего бывало посланником от короля жалованье, хоти их даров і не возмет, и мы ныне того от короля начаемся.

И пристав сказал, что отвѣтное письмо паны-рада пришлют к вам завтра, а о дарех вам королевских яз не слыхал и на удачю *(л. 315)* будет ли.

И посланники говорили: в том король волен, а мы великого государя своего жалованьем ничѣм не скудны, только нам то будет перед прежними посланники бесчестно.

А генваря въ 5 день приѣзжал к посланником на подворье секретарь королевской князь Ян Соколинской, а привез королевскую грамоту против государевы вѣрющие грамоты да отвѣт на тѣ рѣчи, что говорили королю от государя князь Григорей і Ондрѣй. А говорил князь Ян: наяснѣйшиі великиі государь нашъ Жигимонтъ Третиі, Божьею милостию, король *(л. — об.)* Польской і великиі

князь Литовскиі и иных многих панствъ государь, прислал к вам, к великого государя посланником, грамоту против государя вашего вѣрющие грамоты да отвѣтное письмо короткое на ваши рѣчи, что вы говорили королю на посольстве. А подлинно о том о всем государь нашъ король прикажет к государю вашему с своим посланником, а посланник за вами вскоре будет.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили, что тоѣ грамоту и отвѣтное писмо, яже дастъ Богъ, донесем до царьского величества, а король бы посланника своего посылал бы за нами, не мешкая.

(л. 316) И поѣхали ис Кракова генваря въ 6 день, а не провожал посланников нихто, толко ѣхал приставъ Петръ Воловичь да шаѳирь Григорей Янковской. И о том князь Григорей и Ондрѣй приставу говорили: намъ то от короля бесчестье, нас из города нихто не проводіл; и какову нам король нечесть учинил, и государь нашъ царьское величество против его посланником также учинит. А на Литовскую границу в мѣсто Нарву пришли генваря въ 21 день и с того мѣста Польской шаѳирь воротился, а приѣхал встрѣчю от подскарбея Литовъской шаѳирь Хриштоп Снарскиі.

(л. — об.) Да как приѣхали в Слонимъ, а в то время в Слониме был канцлѣръ Литовской Левъ Сапѣга, и присылал к посланникомъ на подворье съ ѣствою и с питьемъ подстаростья Слонимского Стонислава[1] Ромбейского да писаря Адама Лукашева, и спрашивал Адамъ князь Григорья и Ондрѣя от Лва о здоровье: здорово ли дорогою ѣхали, и какъ ся мѣли у короля, во всемъ ли был достаток?

И князь Григорей и Ондрѣй сказали, что Божиею милостию и великого государя своего жалованьемъ здорово; а какъ есмя были у короля, и кормъ нам даван также, *(л. 317)* что и в Литовской землѣ, а прибавки нам от короля в корму не было нечего; и на приѣзде и на отпуске король нас не пожаловал, ѣсти нас не звал и в стола мѣсто корму не прислал. А что били мы королю челомъ, ударили поминкомъ, и тѣ наши поминки король отослал назад, а нас своимъ жалованьемъ не пожаловал ничѣмъ. И то учинилось мимо прежней обычай, мы не для корысти говоримъ: Божиею милостию и великого государя нашего жалованьем есть у нас своего всего достаток. Только намъ то стало перед прежними посланники бесчесно.

И Адам говорил: канцлѣр де о том добрѣ *(л. — об)* кручиноват, что такъ паны-рада, которые при королѣ, не гораздо учинили, что вас король не почтил, ни в корму ни в подаркахъ, и х королю

---

[1] Написано: «Сонислава».

о томъ писал и к сенатаремъ, что они учинили то не по прежнему обычаю. А меня с товарыщем прислал к вамъ канцлѣр сь ѣствою и с питьемъ, а велѣл васъ подчивать. И звали за стол, а за столомъ сидѣли подстаростей и писарь Адамъ и князя Григорья и Онъдрѣя подчивали.

Да говорил за столом Адамъ: канцлѣръ деи и о том добрѣ радѣетъ, чтоб промеж государей была любовъ и меж государствъ згода, да, чаять, такъ и будет, только б государь вашъ *(л. 318)* отпустил Польских и Литовских людей, которые ныне на Москвѣ.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: в томъ воленъ Богъ да государь нашъ царьское величество. А намъ что было приказано от его царьского величества х королю, то мы исправили; а что намъ от короля отказано, то мы до царьского величества донесемъ.

И Адамъ говорил: канцлѣр вамъ велѣл сказать — рад он вашему приѣзду, и держал бы вас, и подчивал хотя 3 недѣли, да для государевыхъ и земскихъ дѣл вас не унимает, чтоб вамъ ѣхать не мешкая; а как вы приѣдете *(л. — об.)* к государю своему, и многие дѣла успокоятца, а посланникъ за вами вскоре будет.

Да сказывал посланником пристав Петръ Воловичь: канцлѣр де вас хотѣл дарить, и изготовил был 2 купка великие да 2 златоглавы, да раздумал затѣмъ, что король вас не дарил; и только ему вас дарить, и от пановъ-рад за то будет на него волненье великое.

А купки были и принесены за стол и посланником из нихъ пить подносили.

Да пристав же Петръ Воловичь говорил: канцлѣр деи вамъ велѣлъ *(л. 319)* сказать радостную вѣсть: писал де к нему из Орши староста Ондрѣй Сопѣга, что Сѣверяне собрався и с ними казаки Донские ходили войною и взяли было Дорогобужъ, и Вязьму, и Можаескъ, и Борисов городъ на Боранове, и Везему, и около Москвы воевали и многие мѣста запустошили, да пришед к Москве стали под Коломенским і Москву осадили; и государь вашъ посылал на них с Москвы многую рать з братьеми своими со княземъ Дмитреем і со княземъ Иваномъ Івановичи, и со княземъ Михаиломъ Васильевичемъ, і бояр і воевод, и тѣх Сѣверянъ многихъ побили больши 20000, а иные побежали х Колуге, і за ними де *(л. — об.)* пошли государевы братья и в Колуге их осадили. А к Дорогобужу де, и к Вязьме, и к Можайску ходили Смольняне, и тѣ городы опять к государю отворотили.

И князь Григорей и Ондрѣй говорили: мы того не чаемъ, что тѣмъ вором такъ учинитъ, что такие мѣста взять и под Москвою

быть; а то может быть, что гдѣ будет такие воры собрались, и их государевы люди побьютъ и вперед таких воровъ не будет.

Да сказывал князю Григорью и Ондрѣю Іван Хрипунов, что канцлѣр Левъ Сапѣга государю и государству Московскому добрѣ служит: *(л. 320)* какъ учинилась вѣсть в Литвѣ, что на Москвѣ многие и Литовские люди побиты, и за то были многие паны і рыцарские люді повстали, а хотѣли мир порушить и войну вчать, і говорили похвальное слово, что они Московскихъ людей к бою знают, и только они пойдут, и до Москвы дойдутъ. И канцлѣръ деи Левъ имъ отговаривал, что Москва стоитъ многие лѣта и войны от Литвы бывали, а ничего Москвѣ не учинили; преже сего Стеѳан король похвалился был, что Москву осѣсть, да Богъ ему того не попустил: ходил король подо Бсковъ да только своихъ людей истратил, а Пскову ничего не учинил. И ныне онъ *(л. — об.)* на то им не думает. А про Польских и Литовских людей сами они вѣдаютъ, каковы своволны и насильство чинятъ, а на Москвѣ того терпѣть не извыкли и за то над ними так и сталось, что деи Московским людем от нихъ было насильство великое. И многихъ деи Польскихъ и Литовскихъ людей канцлѣръ от того отговорил. А про воеводу де Сендомирского канцлѣр говорит, что он учинил не гораздо, не подумов с паны-радами, пошол к Москвѣ; а онъ Левъ ему отговаривал, чтоб к Москве не ходил, и воевода его не послушал, и то ему стало от себя.

(л. 321) Да говорил с посланники канцлѣровъ писарь Адамъ Лукашовъ про вора ростригу, что многие люді говорят, будто онъ жівъ, и канцлѣръ де Левъ Сапѣга тѣмъ смѣетца и говорит, что ему подлинно вѣдомо, что тот вор убитъ и сожен в порохъ.

И князь Григорей и Ондрѣй ему говорили: то канцлѣр говорит правду, вѣдая про того вора, что он убитъ. А то нѣхто иной вор таким же именемъ называетца, і как есмя слышали в Польше про того нового вора, каков онъ рожеемъ и волосомъ и в примѣтахъ, ино таковъ збежал в то время, какъ рострига убитъ, *(л. — об.)* Михалкомъ зовут Молчановъ; а был у того вора ростриги для чернокнижества. І тот вор Михалко прежнему вору не подобенъ: прежней был вор рострига обличьемъ бѣл, волосомъ рус, нос широкъ, бородавка подле носа, уса и бороды не было, шея коратка; а Михалко Молчановъ обличьем смугол, волосомъ чернъ, нос покляп, ус не велик, брови велики нависли, а глаза малы, бороду стрижет, на головѣ волосы курчеваты взглаживает вверхъ, бородавица на щекѣ. И таким бы вором не вѣрить и облича их каратъ, чтоб от таких воров меж великими государи и меж государствъ смута не была.

(л. 322) И Адам Лукашов говорил, чтоб де вы дали намъ о том письмо для того: у нас соймики бывают, и яз бы про таких воров розсказывал.

И посланники письмо ему о том дали, чтоб про то всѣм людем явно было.

Да по г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. наказу велѣно князю Григорью и Онъдрѣю провѣдывать в Польше и в Литвѣ о всяких вѣстехъ, какъ ныне король с цесаремъ, и с Турским солтаном, и с Крымскимъ, і з Датцким, и Свѣйскою землею, послы от кого х королю бывали ли, и будет были, и о чем *(л. — об)* приходіли, и король к ним послов своих или посланниковъ посылал ли, и будет посылал, і с чемъ, и сее вѣсны и в лѣто Крымские люді іли іные которых государствъ люді войною приходіли ль, и будет приходили, и многие ли люді, і которые мѣста воевали, и дѣло гдѣ Литовскимъ людем с ними было ль, и от Турского войны на Литовскую землю не чаять ли, а будет чаять, і за что войнѣ быть от Турского, и какъ ныне Рудельѳъ цесарь с Турскимъ, ссылка меж ихъ какая бывала ль, и будет бывала, и о чем ссылались: миритца ли хотятъ или помирились и на чем помирились, а будет не помирились и меж ихъ война *(л. 323)* есть ли, и чего меж ихъ вперед чають миру ль или войны, и какъ ныне король с паны-радамі, нѣт ли у короля с ними и со всѣю землею розни, и будет есть, и в чем у них рознь, и вперед на Польше и на Литвѣ тому ль королю быть или иному, и будет иному, и кого чають себѣ королемъ оберутъ.

И сказывали князю Григорью и Ондрѣю шляхта и мещане, которыхъ удобря роспрашивали, что Жигимонтъ король с цесаремъ Римскимъ в приятельстве и в любви, и ссылки меж ихъ частые.

(л. — об.) А с Турскимъ король в сылке о миру, а укрѣпленья меж ихъ ещо нѣтъ. Посылал король х Турскому посланника своего о томъ, что в прошлом году приходіли вь его землю войною Крымские люди, і многие мѣста воевали, и убытки починили, а он в пограничных мѣстех Турского людем нигдѣ задоровъ чинить не велитъ и прежнего мирного постоновенья, как бывало з дѣдом его и с отцомъ, не рушит. И Турской бы Крымского унял, и полон, что взяли Крымские люди, велѣл сыскав отдать. І присылал деи Турской х королю посланниковъ своих двожды, а дѣло с ними было одно: писал деи Турской х королю *(л. 324)* о том, чтоб был с нимъ в миру по прежнему обычаю и слал бы к нему пословъ своих перемирье затвердіть, какъ бывало при предкехъ его; а что Крымской посылал людей вь его королевскую землю войною, и то он учинил без

его солтанова велѣнья і он х Крымскому писал, что вперед на Литовскую землю людей войною не посылал и убытковъ не чинил. А чаять то учинил Крымской для того, что к нему х Турскому от короля послы не бывали, и перемирья не укрѣпили. И которой полон королевские земли тое войны обьявился вь его государьстве, и онъ того велѣлъ сыскивать, і что будет *(л. — об.)* сыщетца, и то велѣл отослать; а вперед людемъ в своемъ государстве заказал, чтоб у Крымских людей Литовского полону не покупали. А король бы слал пословъ своих, не измешкав. Да Турской же деи писал х королю про вора ростригу, которой іменовался Дмитреемъ, что его король посадил на Московское государство, и он деи его Турского государству тесноту чинитъ, и король бы к нему приказалъ чтоб он его Турского государствамъ никоторого лиха і убытковъ не чинил; также бы и Запорожскихъ Черкас король унял, чтоб его землѣ лиха не чинили. А он пограничным своим людемъ *(л. 325)* заказ учинил и никаких задоров чинить не велитъ. И король де тѣхъ чеушей почтив отпустил, а отказал, что он пословъ своихъ пришлет вскорѣ; а ещо послов не послал, что с паны-радами не в згоде,

А Крымские де люді прошлого году и сего лѣта и в осень воевали в Литовской землѣ добрѣ много, і взяли полону в прошлом году больше 50000 и бой имъ с Полскими и с Литовскими людьми был, і Тотарове побили многих людей, а иных в полон поимали. А сего лѣта Крымские люді воевали не мало же. И какъ пошли из земли, и за ними ходили охочие люди *(л. — об.)* да Черкасъ, всего тысечи с полторы, и бой у них был за Чернымъ Лѣсомъ, и сказывают Тотар погромили, и полону немного отшибли, а многой. полон увели, а иной на рѣкѣ потопили. Да Крымские же де люді приходили войною на Подолье сее осини, и был с ними бой Польскимъ і Литовскимъ людемъ, и Тотар де немало побили; а Польских де и Литовскихъ людей убили полторы тысечи. И ныне де Крымской прислал посла своего о томъ, чтоб король прислал поминки по прежнему обычаю, а не учнет присылать, и онъ на лѣто на его землю войною готовъ.

(л. 326) А от Турского пришел чеушъ, а сказывают о том же чтоб Крымского помирить, да и о томъ, что Седмиградцкой воевода Бочкай умер, и Турской хочет тоѣ землю прилучить к своему государству, а цесарь хочет к своей землѣ; и писал де Турской х королю, чтоб он отписал к цесарю, чтоб цесарь в тое землю не вступался.

А цесарь де с Турскимъ помирился на 20 лѣтъ на томъ: отступился цесарь Турскому городов, которые у него Турской поималъ

в Угорской землѣ: Ягорь, да Кенеж, да Острогонтъ, да Ѳилика, да Онанки. А Турскому писать к цесарю отцомъ и ссылатца *(л. — об.)* послы по вся годы, а послов посылать с поминки Турскому на год одинажды, а цесарю по двожды на годъ. А Мутьянскому быть под Турского рукою по прежнему и дань ему давать. А Седмигратц(к)ому Бочкаю быти было под гольдомъ цесаревымъ, и тѣмъ всѣмъ городом, что ему Турской придал, быть за нимъ; а хоти и взачнетца война в тѣ 20 лѣтъ меж Турского и цесаря, и Бочкаю ни Турскому, ни цесарю не помогати. На том у нихъ утверженье. И не вдавне Бочкая не стало, отрупил ево воевода Котай, и того Котая Бочкай казнилъ, а самъ лѣчилъся; и присылал для *(л. 327)* лѣкаря в Краков по жидовина, а дал ему от себя 10000 золотыхъ, и тот жидовин его был излѣчилъ. И приказал деи к тому жидовину из Польши, чтоб Бочкай живъ не был, и он его уморил; а для де того его и уморили, что он хотѣлъ на королевство Польское. И ныне в Седмиградцкой землѣ воеводы нѣтъ, і Турской хочет Седмиградцкую землю взять под свою руку, а цесарь такъже хочет прилучить к своей землѣ. И чаять меж Турского и цесаря о Седмиградцкой землѣ опять розмирья, и для того х королю Турской прислал чеуша, чтоб к цесарю послал о Седмиградцкой землѣ, чтоб в нее не вступался.

(л. — об.) А з Датцким де Жигимонту королю внове ссылка не бывала.

А (с) Свѣйским арцы-Карломъ не в миру. И сего де лѣта Свѣйские люди в Лиѳлянской землѣ взяли у Литовскихъ люди 3 городки, и ходил на них гетман Литовской Коралюс Хоткѣевичь, а с ним желнырей тысячи с полторы, да Литовскихъ панов люді, которые паны на рокоше не были, с тысечю; и (с) Свѣйскими людьми бой у нихъ был в Лиѳлянтехъ под Володімерцомъ, и Свѣйскихъ людей побили, а Литовскихъ людей убито не мало же. И с того бою Коралус Хоткѣвичь *(л. 328)* пришел в Литву со всѣми людьми, что желнырем заслуженых грошей не дают, а он свои имѣнья многие в тѣ службы заставил, и за то хочет от короля жалованья; а желнырем емлютъ с королевскихъ сел корму, покамѣста имъ заслуженое заплатят.

А у короля с паны-радами рознь великая. Был на короля рокошъ о том, что деи он к Свѣйскому казну посылал, сливаючи золотые; да онъ же де спродал Прускую землю Брандеборскому князю, что Пруской князь стар добрѣ, а детей у него нѣтъ, и Поляки хотѣли Прускую землю прилучити *(л. — об.)* х королевству Польскому и осѣсть, чтоб вперед князю не быть. І Прушане присы-

лали х королю, чтоб имъ поволил взять на княжество из дому Брандеборскихъ княжат, и он имъ поволил, а от того у них взял многую казну с 500000 золотых Полских; а ныне Прусы тѣ гроши зачитают в дань, что давали королю. Да король же учинил у себя в большихъ справах духовной чинъ и многие им уряды подавал, а имъ было в том быть не довелось. А се женился не по закону, понял своякиню. І звали короля на рокошь, и он к нимъ не поѣхалъ, а было с нимъ людей наемныхъ 20000. И на рокоше ничего не справили, *(л. 329)* только великие себѣ убытки починили, и многие мѣста, гдѣ был рокошь, запустошили. И за то паны-рада на короля гнѣваютца, что он на рокошь не поѣхалъ и в томъ не оправдался, в чемъ на него нарекают. И ныне приговаривают быть съѣзду большому в Аршеве, и королю деи тут быть; а не соймъ деи то будет, рокошь: всѣ паны и шляхта добрая людей наймуют, с кѣмъ итить на соймъ, что друг от друга бережетца. А король не оплошитца жъ, людей при немъ наемных 12000 готово, и на сойм в Аршевѣ тѣ люди с нимъ будутъ. А быть было сойму вскорѣ в нынешней постъ. И посылал король с листы к паномъ *(л. — об.)* радам Польскимъ к воеводам к Пазнанскому, к Подляшскому, к Мазовецкому, к бископу Плоцкому и к иным, как быть сойму: мочно ли о половине нынешнего Великого поста? И они де отказали, что в постъ сойму быть непригоже, в то время люди постятца и о грѣсех каютца, а быти бы сойму послѣ Велика дни 2 недѣли спустя. А король деи и паны-рада, которые ныне при немъ, и Левъ Сапѣга того сойму не хотятъ і ещо имъ пересрочивать, чтоб соймом изволочитъ. А умышленья де о томъ Лва Сопѣги: которые паны для сойму людей понаймовали, и на то гроши выдадут, *(л. 330)* а вперед инымъ будет наймовать людей нѣчимъ, и за то соймъ отставятъ.— А в землѣ нестроенье великое: короля ни в чем не слушают, а желныри королевские мѣста пустошат; да и шляхте уже достоваетца, емлют кормы великие, и что было поборовъ на короля сь его сел, то все выбрали желныри же за то, что имъ заслуженых грошей не плотят, и грабежи и насилства от них великие. А стоятъ в 3-х мѣстех: одни стоятъ в Берестни, тѣ просятъ грошей за прежние годы заслуженого на 7 лѣтъ, а иные на 6 лѣтъ и на 5; а в дву мѣстехъ стоят в Городне да в Бобройске *(л. — об.)* тѣ, которые ныне были в Лиѳлянтех сего лѣта и в зиму, и за тое службу просят грошей, а дать нѣчего, что весь побор с королевскихъ селъ выбрали желныри, и кормы емлютъ не в мѣру перед прежнимъ вдвое и втрое опричь того, что их поборцы, ѣздя по селомъ, ѣдят, и пиют, и

грабят и подводы емлют, а тѣхъ подводъ и не считают, что кормы возят по городом, гдѣ стоятъ желныри. И от того королевские села пустѣют, і паны шляхта многая от нихъ изобижены: которые вотчины за паны и за шляхтою старинные и имѣютъ у себя *(л. 331)* грамоты жаловальные прежнихъ королей, что с тѣхъ их вотчинъ ничего не давать, с тѣхъ кормовъ не емлют, а почесной кормъ емлютъ; а которые вотчины и имѣнья даваны при нынешнемъ короле іли и от прежнихъ королей давано за службу, а грамотъ жаловальныхъ нѣт, и с тѣхъ емлют кормы, какъ и с королевских селъ. И такъ считают, что было имъ дати заслуженыхъ грошей, и они взяли то втрое; а желныри того корму за службу не считаютъ и вперед имать хотят.

Да посылал деи подскарбей Литовской поборцовъ в Прускую землю для грошей, *(л. — об.)* что с них идет королю, и Прушаня де отказали, что все у нихъ взял король и с лишкомъ, а вдругоряд они не дадутъ; и поборцовъ от себя выслали да и не в послушанье стали. И в томъ на короля ныне великой шумъ, что столько казны взял с Прусъ, а невѣдомо гдѣ дѣлъ, и Прусы спродал Бранъдебурскому князю; а тое де будто казну посылал к Шведу. Да король же де давал многие городы и вотчины паном, а от того имал у них поминки многие, і, собрав казну, отсылал в Свѣю. И в том во всем королю на сойме учнут говорить.

(л. 332) Обьявленье про вора, которой назывался в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевіча, в. Р. с., сыномъ царевичем Дмитреемъ Углетцким, а он былъ не царевичь, страдникъ, вор, чернец, рострига Гришка Богдановъ сынъ Отрепьев, и какъ он с Полскими і с Литовскими людьми пришел в Московское государство, и многую смуту и кроворозлитья во крестьянстве меж государства Московского и коруною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ учинил, и каким обычаемъ учалъ быть в Московскомъ государстве государемъ, и хотѣл Московское государство разорить, і истинную православную хрестьянскую *(л. — об.)* вѣру порушить, и для того привел на Москву воеводу Сендомирского со многими Польскими и Литовскими людьми, и какъ тѣ Польские и Литовские люди многое насилство і кроворозлитье Московского государства людем чинили.

Есть вѣдомо сенатырем коруны Польские и великого княжества Литовского, какъ были от в. г. ц. и в. к. Василья Ивановіча, в. Р. с., і многихъ государствъ государя и облаадателя, у великого государя у Жигимонта короля Польского и великого князя Литовского послан-

ники — *(л. 333)* дворянин и намѣсникъ Елатомской князь Григорей Костентинович Волконской да дьякъ Онъдрѣй Ивановъ, и что говорили королю на посольстве про того вора, что он был не царевичь Дмитрей, богоотступникъ, еретикъ, чернецъ, ростригa, Гришка Богданов сынъ Отрепьевъ, а в мире его звали Юшком. Дѣд его Замятня был пострижен в Чюдове монастырѣ, а отца его Богдана зарѣзал Литвинъ на Москвѣ в Немецкой слободѣ. А он Юшка был в холопех у бояр у Никитиныхъ детей Романовича и у князя Бориса Черкаского, и заворовався постригся в чернцы, и был в чернцахъ в Суздале в Спаском Еуѳимьеве *(л. — об.)* монастырѣ, и в Галиче у Ивана Предотечі, и по инымъ монастыремъ, а послѣ того был в Чюдове монастырѣ в дьяконѣхъ з годъ, а ставил его в дьяконы Иевъ патриархъ Московскиі и всеа Русиі. А потом взял его к себѣ Иевъ патриархъ Московскиі (для) писма, и он учал воровать і бесчинъствовать, и впал вь еретичество, и за тѣ его богомирские дѣла с собору хотѣли сослать в заточенье на смерть. И он злокозненный враг, свѣдавъ о том, збѣжал в Литву в Киевъ, и былъ в Киеве в Печерскомъ, и в Никольскомъ и в Дермане монастырѣ в дьяконех же. *(л. 334)* И послѣ того тот вор по дьявольскому ученью отвергся хрестьянские вѣры, образ анъгильскиі испоругал, чернеческое платье с себя свергъ, і по вражью совѣту своимъ злодѣйнымъ обычаемъ и по умышленью Сендомирского воеводы, и Вешневетцких и иных, которые ему совѣтовали, злочестивый и скаредный свой языкъ на злодѣйское дѣло изворил, учал называтись блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Івана Васильевича в. Р. сыномъ, царевичемъ Дмитреем Углетцкимъ. И своимъ злодѣйством, и ведовствомъ, і призываниемъ нечистых духовъ многую смуту во *(л. — об.)* хрестьянъстве учинил, многие свои грамоты прелестные к украйнымъ людем писал, называючи себя царевичемъ Дмитреемъ Углетцкимъ, и на Донъ к вором к Данскимъ атаманом и казаком знамя свое воровское с Литвиномъ Счасным Свирским посылал, и многие лазушники Литовские люді, приходя в Московское государство, воровские писма приносили, и в городѣхъ на посадѣхъ и на дорогахъ листы воровские мѣтали того вора имянем, умысля тѣмъ в Московском государстве ссору учинить и кроворозлитье всчать. А о том всѣмъ извѣстно не токмо в Московском *(л. 335)* государстве, и в пограничныхъ государствах, что царевичь Дмитрей Івановичь Углетцкой убитъ на Углече по Борисову велѣнью Годунова. А какъ тот вор с Полскими и с Литовскими людми пришел в Московское государство, и он многую смуту во хрестьянстве учинилъ, церькви Божиі

осквернилъ и многихъ православныхъ хрестьянъ, которые его знали и в злодѣйстве его обличали, ноипаче же иноков духовного чину, поборающих о вѣре хрестьянской, премучивъ, в заточенье розослал, а иных казнилъ; и умысля призвал к Москве воеводу *(л. — об.)* Сендомирского сь его приятели и со многими с Польскими и с Литовскими людьми, хотячи Московское государство разорить и истинную православную хрестьянскую вѣру порушить. И пришед к Москве, воевода Сендомирской (с) своими приятели церкві Божиі и святые иконы обругал, и Московского государства людем Польские і Литовские люди многое насильство і кровопролитье учинили, и великихъ людей женъ бесчестили, из восков вырывали, и на веселье невѣсты отьімали, и такое насильство чинили, какъ николи на Москвѣ не бывало. А тот воръ богоотступникъ, еретикъ, ростригa *(л. 336)* Гришка Отрепьев имъ в том поволил, и истинную православную хрестьянскую вѣру греческаго закона почал рушить, а римскую вѣру почал был вводить и костелы ставить, и для того хотѣлъ митрополитовъ, и архиепискуповъ, и епискупов и весь духовный чин, и бояр, и воевод, и дворян, и приказных людей, и гостей, и лутчих торговых людей злым своим умышлением побить, чтоб ему вольно было римская вѣра уставливать. И за то он злодѣй богоотступникъ і еретикъ от Бога месть принял, злѣ живот свой скончал. — А что слух есть в коруне Польской и в великом *(л. 337[1])* княжествѣ Литовском про вора, которой называетца тѣм же имянем, какъ и прежней вор назывался, царевичем Дмитреем, будто он с Москвы ушол, а не убит, — и то нѣхто враг Божей, такой же вор, какъ і прежней розстрига, такие неподобные слова вмещает, называетца таким имянем. А есть збежал с Москвы в то время, как тот вор розстрига убит, Михалком зовут Молчанов, был у того вора розстриги в хоромехъ для чернокнижества, а до того он за воровство і за чернокнижество бит кнутом на пытке, и нѣчто будет тот такимъ имянем называетца. И тот вор не тѣмъ обличьем: прежней был вор розстрига обличьем бѣл, волосомъ рус, нос широк, бородавка *(л. 338)* подлѣ носа, уса и бороды не было, шея коротка. А Михалко Молчанов обличьем смугол, волосомъ чернъ, нос покляп, ус не мал, брови велики нависли, а глаза малы, бороду стрижет, на головѣ волосы курчеваты взглаживаетъ вверхъ, бородавка на щекѣ. И таким бы вором не вѣрить и облича их карать, чтоб от таких воров меж великими государи і меж государствъ смута не была.

[1] При нумераціи листовъ пропущено: 337, въ виду сего оборотъ листа 336-го помѣченъ 337.

А корму посланником князю Григорью Волконскому да Ондрѣю Иванову, и подьячимъ и іхъ людем 26 *(л. — об.)* человѣком в Польше давано на день: 6 хлѣбцов бѣлых пшеничных денежных, 26 хлѣпцов рженых денежныхъ, 2 гуся, 6 куров, пол-стяга говядины, 2 туши бораньи, пол-середки ветчины, кварта масла коровья зъ 2 гривенки, 30 яицъ, пол-решета муки пшеничной, пол-решета крупъ, 2 кварты соли съ 3 гривенки, 2 кварты уксусу с пол-2 крушки, *(л. 339)* луку и чесноку и капусты и молока сказано на 5 алтынъ, а давали съ 10 денегъ, на 2 деньги свѣчь восковых и сальныхъ, а зимою давали на 4 деньги, 2 воза дровъ, а зимою по 3 воза. А в посные дни давали, коли добудут, свѣжие рыбы: 7 щукъ и головлей, а иногды в то мѣсто щуки просольные; на 2 блюда свѣжие рыбы в ухи — окуней и корасей, а иногды щуки и плотицы, а коли не будет свѣжие, и в то мѣсто давали *(л. — об)* просольную рыбу; 16 пластей вялых щучьих, и подлещьихъ, и линевыхъ малыхъ; 40 сельдей немецкихъ, а иногды 30. А коли мало дабудут рыбы просольной, и за то давали муку и гороху и рѣпы, кварта масла лненого поменьши крушки, пол-кварты патоки, а хлѣбы, и крупы, и уксус, и лукъ и чеснокъ давали, что и в мясные дни. — Питья: кварта вина двоеного чарок съ 15, *(л. 340)* 5 квартъ вина рядового чарок съ 70, 10 гарнцовъ меду зъ 2 ведра, пол-2 ушата пива вѣдер съ 7; да по запросу князю Григорью почали давать с Покрова на недѣлю по 2 крушки молмазѣи, а иногды красного вина. — Конского корму на 37 лошедей: пол-4 бочки селедовки овса, 3 остромка сѣна, да на постелю 3 остромка соломы, а иногды 2 острамка.

Въ архивѣ царства Польскаго (Метрика вел. княжества Литовскаго, Сношенія съ Россіей, 1607 г. № 1/23) имѣются слѣд. документы, относящіеся къ сему посольству:

1) Рѣчи кн. Волконскаго и дьяка Иванова при пріемѣ ихъ королемъ (на польскомъ языкѣ, на 5 лл.). Начинается:

Poselstwo od wielkiego kniazia Moskiewskiego do króla jego mczi przez posłanników iego, dworzanina y namiesnika Jełatomskiego kniazia Hrehora Koscienсinowicza Wołkońskiego a diaka Jędrzeia Iwanowa, w roku 1607, january 3 die w Krakowie odprawowane wedle tey informaty z listu cich moskiewskiego przełożoney.

Od wielkiego hospodara cara y wielkiego kniazia Wasila Iwanowicza, wszytkiey Rusi samowładcy y wielkich hospodarstw hospodara

władaiącego etc. mówić do wielkiego hospodara Żygmunta Trzeciego, Bożą miłością króla Polskiego y wielkiego x-a Lith-o etc. przez te posłanniki wysz mianowane, kniazia Hrehora Kosciencinowicza Wołkońskiego dworzanina, a diaka Jędrzeia Iwanowa.

Naprzód kniaź Hrehorey, odprawiwszy zwykły pokłon, to mówić ma: Boga w Troycy wysławiaiącego miłością wielki hospodar car...

Слѣдуетъ далѣе дословно то же, что въ посольской книгѣ № 26, на лл. 60 об. — 70 об. Всѣ болѣе важныя отличія отмѣчены выше, стр. 241—246. Послѣ словъ:... «велѣлъ поклонитися» *(стран. 242, строки 2—3 сверху) здѣсь такъ сокращено:* Pothym podać list ma wierzący, a zathym thenże kniaź Hrehor ma taką rzecz odprawować. Bożą miłością *и т. д., см. стр. 242, строка 7. — Послѣднія слова:...* «y kazałł o tych sprawach namawiać się z posłannikami naszemi» *(стр. 246, строки 1—2 снизу).*

Далѣе:

Na sessiey z ich mciami pany radamy posłannikowie Moskiewscy.

Naprzód narratią o Dimitrze według tego, iako na piśmie podaly, reiterowaly znowu długo. Potym expostulowaly, czemu pod przymierze podprzisiężone od kr. j. mci mymo przestrogy częste od Borysa, od duchownych y boiar ych król jego mść dozwolił w państwie Dimitra panu woiewodzie Sendomierskiemu z nym iachać y liudziom swym prowadzić go etc.

Od ich mciów panów senatorów dana ym była in hunc sensum

Replica.

Jsz król jego mść sam z woysky swemy nie pomagał Dimitrowy, riuatus to vczinił pan woiewoda, którego on sobie spossobiwszy a naiwięcey tym y pana woiewode y inszych naszych przywiodszj ludzy, że z Moskwy często przyeżdżano, posiłano do Dimitra, przjznawano go za czarowica, a tho priuatim sly z nym liudzie nasy. Alie gdy do królia jego mcy Boris y panowie rada ich posłaly, rozesłał listy swe, reuocuiąc pana woiewodę y liudzj ych, zaczym wrócył się pan woiewoda sam, wrócily się y liudzie kr. j. mczy, a potym samisz go Moskwa wprowadzily do stolicznego miasta Moskwy, poddaly mu się, coronowaly, przysięgly, syna y żonę Odonowe zabily etc. Posłały na weselie, prosząc kr. j. mcy posła wielkiego y o pozwolienie czórky pana woiewodziney. Zaczym gdy tym vbespieczeny ych przymierzem naszych tham wielie iachało, ony ludzy zacznych pobily, pobraly, w więzieniu posłów kr. j. m. trzymaią etc. Od nych tedy złamało się

przymierze, nie od nas, y liedwie iusz kr. j. mść[1] ludzie swe żalem (?) o tho, zie to vtrzjmać może. Na tho powiedziely: isz pan woiewoda) zaczął tho wszystko, od was początek stał się, żeście w ziemie ych wesly, ludziom ych vdaly y rospisowaly, isz kr. j. mść ze wszystką coroną prowadzy go. Trudno tho beło wiedzieć o thym kr. j. mcy, gdy senator iego wielky ważył się tego y ludzy innych zacnych wielie z nym. Przyznal się do tego sam kr. j. mść, gdy pana Gąssiewskiego do Dimitra słał, że za iego pomocą wszedł na państwo, listamy różnych tho się pokazuie. Ofanassowy tosz wymiawiono, gdy tu posłem był. Papiesky list nalieziono po śmiercy Dimitra, gdzie pisze, isz za pomocą kr. j. mcy ussiadł, aby według obietnice kr. j. mcj vczinioney przed x. legatem rzymską wiarę tam rozmnażał, a waszych pobytho dlia wielkiego swowolieństwa ych, mordów, zbytków etc., które w Moskwie cziniły. Jednak gdy kr. j. mść poślie kogo swego do teraźnieyszego hospodara, aby the kłótnie porównano, y znowu vtrinque obwarowano pokóy, wynydą wszyscy, oddadzą, co pobrano. I my, gdy nas thu posłano, rozumieliśmy, żechmj się wrócić prędko miely, tak nas y was, y którzy w Moskwie ostaly, vpewniły. Za czym y posłowie kr. j. mcy., isz do tego łotra posłany beły, dlia tego są zatrzjmany, aby się kr. j. mcy dało znać o nowym hospodarze, żeby kr. j. mść albo przes tychże tam posłów swych, albo przes innich, łubo posławszj do nych kogo, z nowem hospodarem zniósł się około tego, co się z obu stron za grzechy ludzkie stało, aby iusz themu koniec vczinić y pokóy po dawnemu wznowić. I by nas dawniey odprawiono było stąd, wasy wsziscy dawno by tesz iusz biły. Przetho niechaj kr. j. mść s carem naszem, iako panowie chrześciańscy, zniosą się co richliey okoto tego y vczinią koniec tym mieszaninom. Na listy, które pisiwano od Dimitra do kr. j. mcy, powiedziely, isz nie wiedziely ony o tym, bo ie po łacinie pisiwano. Buczińscy to robily, z waszimy siadał Dimitr, radzył się nie z naszemy. On skarby wisilał, nisczył państwo, chciał wibić wszjstkych y iusz był na thym, że działa witocziwszy w rzeczy, na recreatią w polie miał wyachać z ludźmy waszemy zbroynemy, a nam kazano wszjstkym bezbronnemy bydź y tam nas pobydź. Zaczym postrzegszj tego, a wiedząc, kto był, co y carzica iusz obiawyła była przed naszemy ludźmy, zabily go. Zaczym w tym tumulcie z waszjch poginęło ludzy od pospólstwa vrażonego insolentiamy ych. Alie hamował car dzysieyszj y on sam wyprowadzył carową y pana woiewodę s tego pokoiu, gdzie Dimitra zabytho, y starał się, żeby w calie zostały.

[1] Зачеркнуто: o to.

Wienc naleziono po zabiciu contract Dimitrów s panem woiewodą w Samborze vczinionj, że mu miał pomagać, a on potym obiecował mu dać pułtora milliona y Pskowskie y Wielkiego Nowogroda państwo, rzimską tam relligią wprowadzić, bo on any naszey, anj waszey był relligiey człowiek, alie czarnoxiężnik.

Tam tedy nakoniec po długych z obudwu stron iako y pierwey mowach y controuersiach concludowaly, aby kr. j. mść przes posly swe zniósł się z hospodarem ich okolo tych rzeczj y mieszanin, które z obudwu stron zaszły, żeby się tho iusz vspokoiło wszystko, y pokóy był vtwierdzony. Teraz tylko ony s tym są posłany do kr. j. mcy, daiąc znać, że Wasily Iwanowicz iest od nych obrany hospodarem y panuie v nych.

O Piotraszka, isz z occasiey w rozmowie powiedziono ym o nym, prosily, aby kr. j. mść pomocy dawać mu nie raczył y za lada kym nie dawał się liudziom swym porywać, bo tak trudno pokój bydź może, alie niech poważnie w tym postąpy y da znać wprzód carowy ych o thym, jeśliby się co o tym Pietraszku wznieczało, o którym ony nic nie wiedzą y za niepodobną to kładą. Nakoniec o paszport na posła do cesarza prosily.

Въ концѣ 4-го листа: Od je° m. x. referendarza.

На оборотѣ 5-го листа: Copiia poselstwa Moskiewskiego y sessy od je° m. x. referen. Lith. — Od je-o m. x. referendarza.

II) Отвѣтная грамота короля Сигизмунда III, привезенная кн. Волконскимъ и дьякомъ Ивановымъ, на польскомъ языкѣ (смотри выше стр. 295).

и III) «Отвѣтъ» короля на рѣчи пословъ (смотри тамъ же стр. 296—298).

13.—1606 г. О пребываніи Стадницкихъ въ Московскомъ государствѣ.

Стадницкіе, «близкіе родственники» воеводы Сендомирскаго Юрія Мнишка, прибыли въ Московское государство вмѣстѣ съ Мариной Мнишекъ въ 1606 г. По убіеніи «царя Дмитрія Ивановича» они были сосланы въ Ростовъ, а потомъ на Бѣло-озеро. Печатаемый документъ (Польскія дѣла 1607 г. № 3; относится къ самому концу 1606 г., ибо Андрей Стадницкій былъ вызванъ въ Москву въ октябрѣ 1606 г., см. Записки Немоевскаго, стр. 136), отрывокъ показанія Ивана Садовскаго, говоритъ о сношеніяхъ Стадницкихъ между собою, съ воеводой Сендомирскимъ и польскимъ посломъ Николаемъ Олесницкимъ; въ концѣ пока-

занія приводится русскій текстъ писемъ А. Стадницкаго къ Н. Олесницкому и Юрія и Мартына Стадницкихъ къ Андрею Стадницкому. Дневникъ Мартына Стадницкаго въ русскомъ переводѣ помѣщенъ А. А. Титовымъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1906 г., т. II, №№ 9 и 12. Дополнительныя свѣдѣнія о пребываніи Стадницкихъ въ ссылкѣ смотри въ «Запискахъ Станислава Немоевскаго», изд. въ русскомъ переводѣ И. А. Вахромѣевымъ, М. 1907 г.

..... в Польшу однѣ грамотки, которые к родимцом, послали наруже, а другие с тѣм же человѣком послали, зашив ему в платье; а писано де в них, какъ государь сѣл на царство, и какъ они задержаны, и чтоб об них печаловались, чтоб их вскоре высвободили. Да как де Стадницкие ѣздили воеводу навещать, и воевода с ними говорил, что слышел он от руских людей, что бутто ростряга жив и рад тому был. И Стадницкие де ему говорили, что розстрига подлинно убитъ, люди его Стадницкого и убита видели; только де о томъ гораздо подлинно не вѣдали, ради тому были, что сказывали имъ руские люди, что ростряга жив. А какъ де Стадницкие стояли на Шереметеве дворѣ, и подле де того двора поставлен был у пристава Ян Бычинской; и Стадницкие де с ним ссылалися, писали к нему о всяких вѣстех на каменной книжке, и[1], гуляючи по двору, і тоѣ книжку втыкали друг к другу в тын; а дворы были у них поряду. А о ростриге Бычинской к Стадницким писал, что он о том не вѣдает: жив ли он или нѣт; только тому вѣры не имет, что он жив.

Да как де государь пожаловал Онтона Влоха, велѣл ему жити у дохтора Христоѳора, и Стадницкие де к нему посылали с хлопцом своим бутто рыбу, а с тѣм хлопцем посылали к нему грамотки, чтоб он им дал вѣдать, что дѣетца межь бояры и что вѣсть есть о ростриге. И он Онтон Влох к Стадницким также грамотки против посылал, и самъ у них на дворѣ был двожды, и говорил с ними много наодинъ, того не вѣдает што. Только то вѣдает, что Онтон Влох Стадницким говорил, что ростряга жив; а прямо о том и сам онъ не вѣдал. И какъ де они поѣхали с Москвы в Ростов, и у многих де панов была дума, хотѣли уѣзжати в Литву, коли на поле ставилися; и Стадницкие для рухляди того не похотѣли. А в Ростове живучи, посылали грамотки к Москве к Онтону Влоху с стрельцы не поодинова, и к ним от Онтона никакие грамотки не бывало. А как которого стрельца зовут, того не вѣдает: отпущал

[1] Зачеркнуто: «бутто».

де Стадпитцкой втайне. А писали де к Онтону Стадпитцкие, чтоб имъ дал вѣдать, что то есть за война, и гдѣ рострига; и будет де только рострига жив[1] и похотят с ним Московские бояре миритца, и он бы Онтон о том промышлял, чтоб бояре послали для того к ростриге из них которого ни буди.

И многие грамотки из Ростова посылали к послом и к инымъ паном к Москве, а с Москвы никакова грамотка к ним не бывала. А какъ де с Москвы ѣхал въ Ярославль воевода Сендомирской мимо Ростова, и их де никакова человѣка в ту пору з двора не пускали; и проѣхавъ де Ростов, воеводе стан был за 2 версты от Ростова. И приѣхал в Ростов с стану воеводцкой дворетцкой Адам Дворитцкий, что был у ростриги гетман[2], на воеводу рыбы купить, а их де человѣкъ в ту пору ходил рыбы-же купить на торгъ с стрельцом, и в торгу де воеводцкой дворетцкой вкипул человѣку их в кошель в рыбу грамотку, а стрелец де того не видал. А в той де грамотке писано от воеводы к Стадпитцким и ко всѣмъ людем, чтоб они жили безкручинно: ростриге де уже многие городы поддались, и рострига де уже пришел на Тулу.

А какъ де в Ростове имали у них оружье, и многие де паны отдали не все оружье, лутчее похоронили. И живучи де в Ростове, Стадпитцкие мыслили, как бы им выманитись в Польшу, а для того сказали в Ростове митрополиту, что за ними есть великое государево дѣло, велѣл бы государь ѣхати им к Москве, и они то скажут на Москвѣ. И как де по государеву указу приѣхал по Ондрѣя Игнатей Измаилов, и Мартын Стадпитцкой, брат Ондрѣевъ, да Станислав Немаевской дали ему писмо, написав свою думу, какъ ему на Москвѣ говорити. И думали де они о том, и говорили с ним с Ондрѣем втайне много, и приказывали ему, чтоб одноличио ему чѣм нибуди выманитись в Польшу. И из Ростова с собою Ондрѣй взял все свое лутчее золотое и серебряное[3], а начаялся отпуску себѣ в Польшу с Москвы вскоре. А приѣхавъ к Москве, писал к государю и ко князю Дмитрею Ивановичю, чтоб государь промышлял помиритись с королем Польским вѣчнымъ миром без Сѣверские земли; а какъ де ныне помиритца вѣчнымъ миром без Сѣверские земли, и Сѣверская земля уже во веки будет к Московскому государьству. И то де он писал для того, чтоб ему чѣм в Литву выманитись, а не дѣлом. Ныне де о том х королю писати не при-

[1] Зачеркнуто: «а услышит и станут».
[2] Зачеркнуто: «имяни ему прозабыл».
[3] Зачеркнуто: «чтоб ему то вывести в Польшу».

гоже, потому что преже сего Литва хотѣли с Московским государьством вѣчного миру, а поляки не хотѣли; и мало у них о том драка не была, и хотѣли Литва от Полши к государю Московскому отступити, и ныне де Литва того добрѣ хочетъ, чтоб с Московским государьством было вѣчное перемирье.

А что де писал к государю Стадницкой же, чтоб государь за тот вѣчной мир и за Сѣверскую землю целовал королю крестъ и всей землѣ Польской и Литовской: какъ их преславной род Шуйских с сего свѣта сойдет, и на Московском царстве быти царем ис коруны Польской, хто на тот часъ будет в Польше королем. И то де государю и всему преславному роду Шуйскому пишет онъ не к добру потому: только де такъ государь учинит, крестъ имъ на том на всем поцелует, и король де и паны-рада учнут думать, какъ-б имъ с Московского государьства преславной род Шуйскихъ через какую измѣну или отрученьемъ вскоре зградить, чтоб Московское государьство было под правою коруны Польские и великого княжества Литовского.

Да и иные де которые статьи Стаднитцкой Ондрѣй писал к государю в своих листѣхъ, приѣхавъ из Ростова, а хотѣл о том у короля промышляти и у панов-рад, — и то де он все писал воровски для того, хотячи с Москвы в Польшу выманитися и пущую ссору меж государя и короля учинити; а в Польше де онъ человѣкъ мѣлкой, не токмо что король или паны-рада в чом его послушают, и середней шляхтичь ему ни в чем не повѣрит. А манился де он в Литву для того, что хотѣл в Литвѣ и в Полше вѣсть дати, какъ воры под Москвою были, и сколько городов ворам здалось, и как государь сидѣл на Москвѣ с одними посадцкими людьми, а служилых людей не было, и какъ было мочно ворам Москва взяти, коли б у них мудрой человѣкъ был один, потому что на Москвѣ был хлѣб дорог, и что государь не люб бояромъ и всей земли, и меж бояр и земли рознь великая, и что казны нѣт и людей служивых, и чего король захочет, то учинить может ныне.

И посылал де Ондрѣй малого своего в торгъ, а с ним посылал грамотки до посла Миколая, а отдавал де тѣ грамотки малой его посольскому человѣку Петру Мезелевскому в рядѣх, мимоходом идучи, втайне. А писал Стадницкой до посла, что великое нестроенье во всей Руской землѣ, и бутто посол Литовской от короля и Московские посланники к Москве идут, и они-б де, послы, дѣлали так, чтоб на Московском государьстве взяти за ихъ убытки и за бесчестье многое, чтоб было паном всѣм полюбовно; а такие де строки вперед над

Москвою не будетъ. А только де так учинити им будет не мочно, и им бы здѣлати перемирье такое, чтоб королевству Польскому во время то порушити было без греха. И писал к нему, что есть у него, Ондрѣя, книга Онтона Посевина, какъ блаженные памяти с царем Иваном Васильевичем король Стеѳан мирился и на чом и какими мѣрами; и по той де им книге мочно научитись, что им говорити. И чтоб послы говорили бояром, чтоб бояре отпустили кого из больших панов до Польши, а он Ондрѣй безпрестани о том у государя просит, чтоб его до Польши отпустили, и чает себѣ отпуску.

И посол де Миколай писал к нему против, что они и того у бояр не могли упросить, чтоб поволили отпустити в Польшу человѣка их, только послали грамотку до Орши не запечатану к воеводе Мстиславскому, и от воеводы де пришла к ним грамотка, также не запечатана, а только в ней и написано, что король здорово; а о перемирье де учнем дѣлати, какъ б было к добру королевству нашему. И прислал бы Ондрѣй к нему книгу Онтона Посевина, о которой он к нему писал. Да в той же де грамотке писал к Стаднитцкому, чтоб он дал ему вѣдомость, что он вѣдает о тѣх ворѣх и кто у них голова.

Да в ту же де пору с Ондрѣевым малым, которой с тѣми грамотками ходит, встрѣтился стрелецъ знакомой, а был де тот стрелец у них в Ростове[1], и говорил де тот малой тому стрельцу, чтоб он свез книгу к Мартыну Стаднитцкому; и он де изъязался и присрочил назавтрее мѣсто, гдѣ ему та книга у него взяти. И назавтрее де того Ондрѣй тое книгу с малым к стрельцу выслал; а в той де книге в доскѣ заклеил бумагою грамотки о всяких вѣстех и подписал о тѣх грамотках в той книге на первом листу, а стрелецъ де того не ведает. А писал де в тѣх грамотках к Мартину, какъ он у князя Дмитрея Ивановича был, и какъ о чом говорил, и что воры стоят под Москвою, и что хотят его отпустити в Польшу, и иные всякие вѣсти. Да Стаднитцкой же де вчера послал к посломъ грамотку, что посланники Московские да гонецъ королевской идут, и они-б о том просили, чтоб им з гонцом дали видетись в ту пору, коли придет.

Да к Ондрѣю же Стаднитцкому присылал брат его Юрьи Стаднитцкой грамотки тѣм же малым, а давали ему тѣ грамотки в торгу. А писал Юрьи к Ондрѣю, чтоб он писал и сказывал убытки свои велики, которые им починились на Москвѣ, а станут де за то пла-

---

[1] Зачеркнуто: «на Костромѣ».

тити, хотячи перемирья, потому что де они теперь от нас страшатца. И писал к Ондрѣю Юрьи, что у него есть грамотка от старосты Острского, которой в тюрмѣ сидит з Домаратцким да з Бычинскими, и он бы Ондрѣй писал о том до посла, чтоб они и о тѣх людех говорили.

Да к Ондрѣю же присылал ис торгу с малым Ондрѣевым грамотки Онтон Влох, а писал по латыне от книг, что Лазарь воскрес, бутто ростригa жив, блюдясь прямо писать, любо та грамотка попадет в руки Москвичем, чтоб они о том не узнали.

Да Иван же сказал, что слышел онъ от Ондрѣя в розговорех: лутчее де то Москва учинили, что розослали людей по земли своей; коли де будетъ нам на Москву служба, ино де наши уже люди вѣдают, гдѣ какова у города крѣпость. И говорит де: коли де меня Бог вынесет до своей земли, и яз де еще потеряю рублев тысечей 5—6 па Москву, на вольные люди. А король де хочет сына своего Владислава, коли ему будет 20 лѣт, послати войною[1] до которой земли нибуди, чтоб за его счастье на королевство панове думные при отцѣ коруновали. И ныне де у нас в Польше ни с кѣм, опрочѣ Московского, войны не будет, однолично де пойдет[2] на Сѣверскую землю. И никоторого де добра Московскому государьству Ондрѣй Стадницкой не хочет: что ни пишет, то все неправда, чѣм бы ему выманитись с Москвы в Литву, и большую ссору хочет учинити.

И иные многие дѣла, сказал, вѣдает, которые пригожи к перемирью, о чем будет его вспросят, і о измѣнникех.

Да Иван же Садовский принес грамотки многие ссылочные, какъ писал Стадницкой к Миколаю, и как брат его Юрьи к нему писал, и как науку давал Стадницкой послу, на чом миру быти у Литвы с Москвою.

Перевод с чорное грамоты Ондрѣя Стадницкого, что писал к послом своею рукою.

Господь Богъ всѣхъ людей управляючи, вогнавши нас сюда, чего есмы не начаялися, одныхъ смертю устроивши с сего свѣта, иных въ великой нуже и бѣдности уже 33 недели держит, толко яз к тебѣ о собѣ не пишу и о иных, которые тоже терпят. Живучи яз при кролевскомъ дворѣ, не поминаю твоего старанья, потому слышал яз, что ты о том не думал, чтобы ѣхати сюда к Москве. И без того ты человѣкъ великий и с предков своих и сам ты славный, и так начаюс того, что и на том рокошу, которой был нынѣ в кролевствѣ нашемъ, как сказывают, не в забытью предок твой был. Не

[1] Зачеркнуто: «на службу».
[2] Зачеркнуто: «будет».

ис тѣх ты, которые были назначены сюда на Москву ѣхати; ты первой нынѣ посолъ ис Полски до Москвы, и то вѣдомо, что то Божия воля, и то велико, что тобою, а не ким инымъ замкнены будутъ дѣла меж господарьствы. Дай только Боже, чтоб ты здѣлал своей землѣ доброе с своею великою славою. И не токма та твоя слава в нашем кролевстве, и въ всѣх хрестиянских господарствах будет. И того для ты нынѣ готовься на тые люди здешние так, как еси был начал за покойника въ всѣх похвалою. Нынѣ отнеси венец таковым дѣлом. Надобе с ними торговати, ценити им накрепко; а они на то позволят, потому што у них нынѣ смятение и нужа. А если будет не сможешъ на них вытягнути, и волочи высоко и много. И ты замыкай миръ так, штобы оставити слово Іаково, чтобъ без греха и уразу души кролевство Польское и князство Литовское могло тот миръ порушитъ после. Добро-б тобѣ мѣти Антона Посевина книгу, которая есть у меня, а тебѣ она нынѣ надобна. Надѣюся, что самъ ты много образцев у себя самого найдешъ. Мнѣся моим малоумием видит так, что надобе искуситися и в том дѣле. Как учнете писати мировые записи, и тут бы вам вложити им при том писме слово глухо нагороду шкод нашихъ и убытков. Того бы вам не пущати мимо себя. И как то слово глухое вложите, и под таковым словомъ много дѣлъ мощно укрыти. По своей волѣ после того перемиря то мощно тот мир нарушити. Ваша милость то от меня приими любовне. Богъ видит, то мнѣ приходит з доброго сердца. В пятницу прошлую поѣхал Иван Измайлов гонца приимати до Смоленска. Начаюся того, что будет сюда за недѣлю. И приѣхали наши нѣколько человѣкъ с нашее земли, а чаю, что то слуги Сендомирского. А будет что вѣстей вскоре, и вам дам вѣдомость. Пан воевода Сендомирской и пан Тарло здоров и иные всѣ большие. И как выехали из Ярословля воевода, и было у них сметенья: половина стрельцов отступили и половина остала при головѣ; и в том смятенью убили голову, и наши примешалися были нѣкоторые к стрельцом. А нынѣ они за приставом сидят въ Ярославли, а съ Сендомирским и с иными паны ѣхали на Вологду. И яз то собѣ думаю, что тому смятению не Корницкой ли з Дворицким? . . . *(конца нѣтъ)* . . . .

Перевод с грамоты Юреа Стадницкого к брату своему Андрѣю Стадницкому, что посылал, а писал своею рукою.

Милостивый пане-брате.

По той час и посямѣстъ вашей милости яз нѣчего не ознаймил, потому ждучи, чтобы што здѣлать тобѣ у пана Зеленского.

Того для смущенія и войны души живое не припустят къ двору. Пристав мой того человѣка отслал в деревню, которой мнѣ стамтод списки носит. А будет он въ вторникъ с деревнѣ. Добро-бы, чтоб до пана Сулигостовского, которой нынѣ большой слуга у пана посла, мощно у него добыт, и у пана Зеленского. А яз постараюся и промышлю, что пришлет; ужо не единово оттоля списки имѣю. Самъ пан Сулигостовский не имѣет, и у панов послов ужо ся перебрахо. А я въ всем худо ся имѣю, не дают только гнилое осетрины по звону на день, да по 4 копейки, пива и меду добрѣ худого. Умереть было с голоду, как бы был сукнѣ не продал. Не может быт хужей нѣкому как мнѣ. Мой пристав добрѣ болен, не вставаетъ и не вѣдает нѣчево; токо слуги ево все мнѣ сказовают, што ено услышат в городе. А о том не сказывают, штоб меня хотѣли сослат. Ваша милость слышал ли что, прошу ознайми. То они слышали, чтоб и по наших всѣх послали, которых были сослали, и чтоб их здесь на Москва звести всѣх; так сказовают, что царъ хочет васъ всѣх пожаловат. А того не вѣдаю, правда ли то. А с нашее земли все худое, сказуют, дѣица, а подлинно того не твержу. И яз еще тоже думаю, что меня от дороги удержал гонец той, которой ѣдетъ. И надѣюся яз на твою милость, что тое про себя здержишъ. Да вели своему шафиру почастѣ сходитца с моим хлопцем в торгу; а будет естъ што вѣстей подлинных с нашее земли, и ты мнѣ в том вѣдомость учинити. А пана подстолего Станислава Немоевского для Бога не забуди, как станеш, с Москвою миръ дѣлати, чтоб его золотые и клейноты, которые осталис у того, которой был на царьстве, не спропали бы. Смольняне, которые надавно приѣхали с войском, и о королевской смерти, и о сметенью великом, которая еще сказуют не усмирилас. Един только Богъ вѣдает, долго ли нас здесь будет имѣти меж тым поганством.

А притом будь в милость мнѣ милостивым паном братом.

Слуга и брат вашей милости зичливый Юрей Стадницкий.

На той же грамотке:

Писмо ваш милость пришли заутра до посольского двора и мнѣ радостного что в(аша) милость скажи. А нынѣ милостию Божиею нѣст у мене большей потѣхи, толко слыша о твоем здравии. А яз все потерял и здоровья. Ест ли у тебя что на перси чим мазать, прошу пришли. Если што справитца в посолском дворѣ, ино бы берегъ и ждал моего человѣка хлопец ваш у частокола с тѣм человѣком, что наши списки. Мой человѣкъ не смѣет, боится тому самому отдать, которой от тебя носитъ списки.

Перевод с грамоты Юреа Стадницкого, что писал к брату своему Андрѣю Стадницкому; а писал ее Юрей Стадницкий сам своею рукою.

Милостивый пане-брате.

Потѣхи было мало с первых вѣстей о гонце с отчины нашее, а нынѣ, как вижу, болши кручины прибывает, а не потѣхи. Дѣйся ужо воля Божія, что чинит милости его святое ждати собѣ: един естъ Богъ, Которой наказует; Той же и увеселит. Кручины наши нам не пособляют, толко здоровья портим, которого ужо осталос немного. И вчерайшнее ночи злем ся имѣл и болѣлъ на перси, на сердце и одва жив остал. Пособить нѣчим, подумати нѣ с кимъ, только едно в самой милости Божией надежа, Которого всею крѣпостию своею молю, не дал бы здесь головы положить меж нечестивым народом тѣм и проч. Въистинну освободит ли нас Богъ с тоее неволѣ? Будем имѣтъ за што быт повиними братеи своей, которые нас покинули и не дают нам вѣдомости, чего бы ся нам держат естъ разумы. Естъ промысли, каковыми бы нас от них вѣдомость приити могла, но еще они веселятся с тоей нашее беды мѣсто промыслов каких: Богъ им платит, а мы вѣдали-б от них, ино-б едни откупались, иные бы выслужились, иные бы каким промыслом подумали бы выйти. Ужо год исполнится, как мы в той неволѣ, а слуги ваш(ие) милостей поѣхали. И так долгое время нѣчего не слышет: ужо и ума не стало, думаючи. Новин нѣкаких нѣтъ; толко вчера мнѣ сказали, што наших козаков 7000 идет деи с полками от Путимля Калужаном на помоч. А того не вѣдаю — правда ли то, бо на всяк день много вѣстей проминется. А то правда, что смятеніе великое у них. И то мнѣ сказали, что Смольняне, не прямячи царю, розъехалися по домам своим с под Калуги; а подлинно не вѣдаю. А за то, что ты послал платья братнее, челом бью; въ всем я оскудѣлъ, и болшее убожество не будет, каково на мнѣ. Что чинит, за все буди Господу Богу слава. А ваша милость имѣешъ ли что вѣстей потѣшних, прошу и меня вѣдомым учини; а я таково-же здѣлаю.

Да притом будь ваша милость моим милостивым паномъ братом.

Вашее милости моего милостивого пана брат и слуга Юрей Стадницкий.

Да в тѣх же грамотках обдирок писан по обе стороне, начала и конца нѣтъ, рука самого Юря Стадницкого. А на нем написано:

Тѣ ихъ совѣты и сходителства тайные о здоровію господарском, и о обороне его, до чево его и их привели, а все от насъ скриваючися тайно дѣлали, потому и не уберегли его и себя.

Память Мартина Стадницкого, которую дал брату своему Ондрѣю, отпущаючи его к Москве, а больши того тайно с собою говорили затворився; а писал ту память самъ Мартин Стадницкий своею рукою.

1. Промыслит, чтоб нѣкто не был при бесѣде, как станеш с господарем говорити, окромѣ самых его ближних, которым онъ вѣритъ.

2. Титлу его с Посевина книги выписать.

3. Бить челомъ о толмача доброго.

4. Просити, чтоб ся не кручинил, и если ся ему что не полюбит, и о терпеливное слуханья; а спросит, что не полюбилос, перевод тому мощно отменити по его воли.

5. И то попомнити, чому яз не вѣру, если той, которой был на царствѣ, ушол ли и живет. Боюся, што иное рады и промыслу надобе. А онъ ужо понемногу имѣл рады; как поступат собѣ мѣлъ, был бы еще должие того на господарстве.

Тепере указати, как корол, как Рѣч Посполитая о нас промышлят не может, а дѣло спытат с поступков мощно. Показати Максимилиана, как поимали недбали о том, что у них в Нѣмцех много дѣтей шляхецких на науке было наших Полских, о доброй славе и о добрѣ Речи Посполитое кролевства нашего болши ся старали.

Потом учинити собѣ о нагородѣ и великом платеж . . . . . . ду и если им полюбится, а дѣлом пощастлитлися, тые рѣчи указать и росказать.

А будет им не тскливо слушат свѣдителства, может им привесть на свѣдителство Свицких Нѣмцев, Волоскую землю, Мутянскую, Седмигородкую, и то указати, чого для предки наши и мы не мѣли посямѣстъ миру вѣчного с господарством Московским, как с иными господары хрестиянскими држимо. И не хочем имѣти миру толко до сроку годов положеных; и наши предки не хотѣли. А всему тому вина Сѣверская земля, которая нашею естъ, а они ею владѣют; то первая вина. А тую землю Сѣверскую царъ держат может и миръ вѣчной, послушает ли тоей рады.

Двѣ речи и дѣла вдруг сказали: первая вѣчный миръ, другое: держаня и власть Сѣверское земли. Третее: чтобы им царствовати на престоле том, покамѣстъ их роду и потомства станет Шуйскихъ. Корол и Реч Посполитая на том крест целуй, что Шуйских на царстве быть, покамѣста их сѣмя станет, и против всяких измѣнников пособлял бы, и вмѣсте пособят собѣ противу всяких неприятелей.

А о том промышляючи, чтоб нѣкто иной о царстве не думал опроч Шуйскихъ да и Речи Посполитой кролевства Польского, чтоб они обирали и подавали государей, какъ племени Шуйских не будет. И того для всякий будет ся беречи садитис на царство. А тое надобѣ украсити царю словы лагодными.

14.—1608 г. aпрѣля 20—іюнь. О пребываніи въ Москвѣ Польскихъ пословъ Олесницкаго, Гонсевскаго и князя Масальскаго.

Олесницкій и Гонсевскій прибыли въ Москву 2 мая 1606 г., будучи отправлены королемъ Сигизмундомъ для присутствованія на свадьбѣ Марины Мнишекъ. Русскихъ документовъ объ ихъ пріѣздѣ не сохранилось, въ нихъ только по мѣстамъ встрѣчаются упоминанія объ этомъ; польскіе документы см. ниже въ «Дополненіяхъ». Снимокъ картины, изображающей пріемъ пословъ въ 1606 г. въ Грановитой палатѣ въ Москвѣ, см. въ приложеніи къ 3-му выпуску IV-го тома «Древностей», Трудовъ Московск. Археологич. Общества; ср. тамъ же стр. 171—176. По убіеніи «царя Дмитрія Ивановича» послы были задержаны въ Москвѣ. Печатаемыя ниже «Кормовыя росписи» (Польскія дѣла 1607 г. № 2) указываютъ — какое количество пищи и питья отпускалось имъ въ 1608 г. за время съ 20 апрѣля по 26 іюня включительно (документъ относится къ 1608 г. на основаніи указанія названія дня того или другого числа). Конца документа нѣтъ: еще опись 1626—1627 г. замѣтила: «исподу нѣтъ, поплѣлъ» (см. № 167). Кромѣ росписей здѣсь помѣщается также письмо пословъ кн. Д. И. Шуйскому объ отпускѣ ихъ въ Польшу (Польскія дѣла 1607 г. № 1).

Апрѣля въ 20 день в среду дано (Литовским) послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворенину князю Олександру Мосальскому и их людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов — рубль 8 алтын 4 деньги, 208 колачеі — 28 алтын пол-6 деньги, 5 яловицъ — 12 рублев, 9 боранов — 2 рубля и 23 алтына 2 деньги, 7 полот ветчины — рубль и 19 алт. з деньгою; 25 куров поденныхъ, да за 4 гусей, за 4 зайца, да за 4 тетеревей, да за 4 утят, 16 куров, и обоего за 41 куря 2 рубли 10 денегъ; 3 ведра без полутрети сметаны — 18 алтын, 350 яицъ — 22 алтына з деньгою; пуд бес полутрети масла коровья 23 алт. 2 д., 2 ведра молока прѣсного 3 алт. 4 д., 4 ведра бес полутрети уксусу 6 алт. пол-3 д., 2 пуда бес чети соли 9 алт. 2 д.,

четь бес полуосмины круп 9 алт., четь бес полуосмины гороху 10 алт. 3 д., пол-осмины муки пшеничные 4 алт. пол-5 д., луку, и в чесноку мѣсто хрѣну, и капусты, и свѣчь салных и в вощаных мѣсто салных же на 11 алт., пудъ бес полутрети патоки рубль. Питья: 3 ведра с полуведром и 38 чарок вина горячего рубль и 13 алт. 3 д.; да за ведро вина 5 вѣдръ пива да поденного 129 вѣдръ с полуведром пива, и обоего поденного и за вино 134 ведра с полуведром пива — 4 руб. 7 д. Конского корму: 35 чети бес полуосмины овса вровно 5 руб. и 8 д., 28 острамков сѣна 2 руб. з гривною, 6 острамков соломы — 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 9-го числа апрѣля же по 23 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣсным медом 60 пуд меду сырцу — 55 руб. и 26 алт. 4 д., да на медвеные ставки на вар 18 гривенок хмелю 12 алт., да на медвеные же ставки 10 острамков дров 15 алт., да поденныхъ в хоромы и в поварни 36 острамков дров рубль и 20 алт. 4 д.

З Дворца хлѣбенные ѣствы: 2 колача крупичатых, на 4 блюда пирогов пряженых круглых и долгих; питья: 2 крушки и 4 чарки вина горячего, 6 кружек вина ренского, 10 кружекъ меду обарного, пол-3 ведра меду патошного, 3 ведра меду цежѣного, 7 вѣдръ пива доброго.

Апрѣля въ 21 день в четвергъ дано Литовским послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворенину князю Олександру Мосальскому и их людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д. *и т. д., буквально тоже самое, что выше,...* соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 9-го числа апрѣля же по 23 число на 2 недѣли дано: за кислой мед прѣсным медом 60 пуд меду сырцу 55 руб. и 26 алт. 4 д., да поденныхъ въ хоромы и в поварни 36 острамков дров рубль и 20 алт. 4 д.

З Дворца хлѣбенные ѣствы: 2 колача крупичатых, на 4 блюда пирогов пряженых и долгих. Рыбные ѣствы: 5 прутов лосошьихъ в бѣлые рыбицы мѣсто, 4 прута лосошьихъ в паюсные и в луконные икры мѣсто; да живые рыбы на пар въ 2 щук да въ 2 язей мѣсто 40 карасей живых, 2 щуки колодки, 2 щуки ушных, да за 2 леща ушных 20 карасей живыхъ, 2 блюда лососины свѣжие в бѣлые рыбицы мѣсто, 2 звена осетрины свѣжие, 3 звена осетрины косячные, 3 звена шеврижины косячные в белужины мѣсто оханные, да за 2 звена стерлядины 2 звена семжины; да большому послу на выимок блюдо теши белужьи, да большому-же послу в запрос 30 карасиков живых. Питья: 2 крушки и 4 чарки вина горячего,

6 кружек вина ренского, 10 кружек меду обарного, пол-3 ведра меду патошного, 3 ведра меду цежѣного, 7 вѣдръ пива доброго.

(*Апрѣля 22 въ пятницу*)[1] . . . .

...., четь бес полуосмины гороху 10 алт. 3 д., пол-осмины муки пшенишные 4 алт. пол-5 д. *и т. д.*, *тоже, что выше стр. 383*. . . . . соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 9-го числа апрѣля по 23 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣсным медом 60 пуд меду сырцу 55 руб. и 26 алт. 4 д., *и т. д.*, *тоже, что на стр. 383*...., 7 ведръ пива доброго.

Апрѣля въ 23 день в суботу дано Литовским послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворянину князю Олександру Мосальскому и ихъ людемъ 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д. *и т. д.*, *тоже самое, что выше стр. 383*,... соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 23-го числа маия по 7 число на 2 недѣли дано: за кислой мед прѣсным медем 60 пуд меду сырцу 55 руб. и 26 алт. 4 д. Да на медвенные ставки на вар 18 гривенок хмелю 12 алт., да на медвеные же ставки 10 острамков дров 15 алт., да поденных в хоромы и в поварни 36 острамков рубль и 20 алт. 4 д.

З Дворца хлѣбенные ѣствы: 2 колача крупичатых, на 4 блюда пирогов пряженых круглых и долгихъ. Рыбные ѣствы: 5 прутов лосошьихъ въ бѣлые рыбицы мѣсто, 4 прута лосошьихъ в паюсные и в луконные икры мѣсто, да живые рыбы на пар въ 2 щук да въ 2 язей мѣсто 40 карасей живых, 2 щуки колодки, 2 щуки ушных, да за 2 леща ушных 20 карасей живых, 2 блюда лососины свѣжие в бѣлые рыбицы мѣсто, 2 звена осетрины свѣжие, 3 звена осетрины косячные, 3 звена шврижины косячные в белужины мѣсто оханные, да за 2 звена стерлядиных 2 звена семжины. Да большому послу на вымокъ блюдо теши белужьи, да большому же послу в запрос 30 карасиков живых. Питья: 2 крушки и 4 чарки вина горячего, 6 кружекъ вина ренского, 10 кружекъ меду обарного, пол-3 ведра меду патошного, 3 ведра меду цежѣного, 7 вѣдръ пива доброго.

Апрѣля въ 24 день в недѣлю дано Литовскимъ посломъ Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворянину князю Олександру Мосальскому и ихъ людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д. *и т. д.*, *тоже, что выше на стр. 383*...., соломы 6 алт. пол-3 д.

---

[1] Начала записи, перваго столбца, не сохранилось.

Да апрѣля зъ 23-го числа маия по 7 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣсным медом 60 пуд меду сырцу 55 руб. и 26 алт. 4 д., *и т. д., тоже, что выше на стр. 383....*, 7 вѣдръ пива доброго.

Апрѣля въ 25 в понедѣльник дано Литовским послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворенину князю Олександру Мосальскому и их людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбовъ рубль и 8 алт. 4 д., *и т. д., тоже что на стр. 383....*, соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 23-го числа маия и по 7 число на 2 недѣлі дано за кислой мед прѣснымъ медом 60 пуд меду сырцу 55 рублев и 26 алт. 4 д. *и т. д., тоже, что выше на стр. 383....*, 7 вѣдръ пива доброго.

Апрѣля въ 26 д. во вторникъ дано Литовским посломъ Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворянину князю Олександру Мосальскому и ихъ людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д., *и т. д., тоже, что на стр. 383....*, соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 23-го числа маия по 7 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣсным медом 60 пуд меду сырцу 55 рублев и 26 алт. 4 д., *и т. д., тоже, что на стр. 383....*, 7 вѣдръ пива доброго.

Апрѣля въ 27 д. в середу дано Литовскимъ послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворянину князю Олександру Мосальскому и ихъ людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д. *и т. д., тоже, что на стр. 383....*, соломы 6 алт. 3 д.

Да апрѣля зъ 23-го числа маия по 7 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣсным медом *и т. д., тоже, что на стр. 383...*, 7 ведръ пива доброго.

Апрѣля во 28 день в четвергъ дано Литовским послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворянину князю Олександру Масальскому и ихъ людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д. *и т. д., тоже, что на стр. 383....*, соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 23-го числа маия по 7 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣсным медом *и т. д., тоже, что на стр. 383...*, 7 ведръ пива доброго.

Апрѣля въ 29 день в пятницу дано Литовским послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворянину князю Олександру Мосальскому и ихъ людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д., 208 колачей

28 алт. пол-6 д. Рыбные ѣствы: на 124 блюда рыбы живые всякие 2 руб. и 30 алт., на 188 блюд рыбы просольные, а цѣлыми за 9 осетров да за 2 белуги 3 руб. 10 алт., треть и пол-пол-трети ведра масла конопляного, да за пуд и за 26 гривенок икры треть и пол-пол трети ведра масла конопляного-же, и обоего поденного и за икру и за ведро бес полутрети ведра масла конопляного 14 алт. з денгою, 4 ведра бес полутрети уксусу 6 алт. пол-3 д., 2 пуда без чети соли 9 алт. 2 д., четь бес полуосмины круп 9 алт., четь бес полуосмины гороху 10 алт. 3 д., пол-осмины муки пшенишные 4 алт. пол-5 д., луку и в чесноку мѣсто хрѣну, і капусты, и свѣчь сальных и в вощаных мѣсто сальныхъ же на 11 алт., пуд бес полутрети патоки рубль. Питья: 3 ведра с полуведромъ и 38 чарок вина горячего рубль и 13 алт. 3 д., да за ведро вина 5 вѣдръ пива, да поденного 129 вѣдръ с полуведром пива, и обоего за 134 ведра с полуведромъ пива 4 руб. 7 д. Конского корму: 35 чети бес полуосмины овса вровно 5 руб. и 8 д., 28 острамков сѣна 2 руб. 12 алт. 4 д., 7 острамков соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 23-го числа маия по 7 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣсным медом 60 пуд меду сырцу 55 руб. и 26 алт. 4 д., да на медвеные ставки на вар 18 гривенок хмелю 12 алт., да на медвеные же ставки 10 острамков дров 15 алт., да поденных в хоромы и в поварни 36 острамков дров рубль и 20 алт. 4 д.

З Дворца хлѣбенные ѣствы: 2 колача крупичатых, на 4 блюда пирогов пряженых круглых и долгихъ. Рыбные ѣствы: 5 прутов лосошьихъ в бѣлые рыбицы мѣсто, 4 прута лосошьихъ в паюсные и в луконные икры мѣсто, да живые рыбы на пар в 2 щук да в 2 язей мѣсто 40 карасей живых, 2 щуки колодки, 2 щуки ушных, да за 2 леща ушных 20 карасей живыхъ, 2 блюда лососины свѣжие в бѣлые рыбицы мѣсто, 2 звена осетрины свѣжие, 3 звена осетрины косячные, 3 звена шеврижины косячные в бѣлужины мѣсто оханные, да за 2 звена стерлядины 2 звена семжины; да большому послу на вымок блюдо теши белужьи, да большому же послу в запрос 30 карасиков живых. Питья: 2 крушки и 4 чарки вина горячего, 6 кружек вина ренского, 10 кружек меду обарного, пол-3 ведра меду патошного, 3 ведра меду цежѣного, 7 вѣдръ пива добраго.

Апрѣля въ 30 день в субботу дано Литовскимъ послом Миколаю Олесницкому, да Олександру Гасевскому, да королевскому дворянину князю Олександру Мосальскому и ихъ людем 314 человѣком поденного корму: 314 хлѣбов рубль и 8 алт. 4 д., *и т. д., тоже, что выше на стр. 383....*, соломы 6 алт. пол-3 д.

Да апрѣля зъ 23 числа маия по 7 число на 2 недѣли дано за кислой мед прѣснымъ медом 60 пуд меду сырцу 55 руб. 26 алт. 4 д. *и т. д., тоже, что на стр. 386....,* 7 вѣдръ пива доброго.

Да апрѣля съ 1-го числа маия по 1 число на 30 день дано 10-ти человѣком извощиком, которые возят на Посольской на старой двор с Москвы реки воду и дрова, и з Дворца и сь Ямского двора всякое питье и кормъ, от провозу найму 15 руб., по полу-2 руб. человѣку и с лошадью; 17 человѣком дворцовым крестьяном, которые присланы ис Посольского приказу на Посольской на старой двор к воротам в сторожи, и в поварню, и в конюшни к лошадем для стряпни, поденного корму дано 7 руб. и 21 алт. 4 д., по 3 д. человѣку на день; ярыжному, которой стряпает на Посольском на старом дворѣ у всякие посольские кормовые роздачи и у питья, и на Дворец по пироги и по колачи ходит, и печнику от печных подѣлок найму дано рубль и 26 алт. 4 д., по алтыну человѣку на день.

Такія же выдачи корма посламъ, какъ приведенныя выше, имѣющіяся въ дѣлѣ за время съ 1 мая по 26 іюня включительно, далѣе опускаются.

От послов его королевское милости господара нашого милостивого великому сенатору князю Дмитру Ивановичу Шуйскому.

Послали есмо через прыставов наших к вам, бояром думным писмо о нашомъ здешнем долгомъ задержанью и об отпуску, чому вжо 9 недел минуло; и на тое писмо ответу не маючи, помногожда мовили есмо приставомъ, штоб тобе били чолом, штобъ нам ответ учинен был. А приставы нам и посяместа ответу не дали, сказывают, што наши речи к вам относет, а вы ответу не даете. И с тое мери в легком есмо пошанованью: кгды-ж если наихудшому чоловеку на чолобитную его ответ даете, далеко болшъ намъ, которые есмо и сами через собе люди зацные, а до того послы великого крестиянского короля, ответъ на писмо наше дат бы есте мели. И так мы вжо не чаечи о томъ, штобъ од вас всих думных бояр на писмо наше ответ меть могли, до тебе з прозбами нашими въ етой кручине нашой утекаемсе, штобъ ты, княз Дмитрей Ивановичъ, как есть человекъ крестиянский и Бога блюдешсе, уваживши у себе сюю кручину нашу, печаловалъсе у великого господара, брата своего, штобъ он, как есть крестиянский и мудрий господаръ, хотя

вперод в любви з великим господаром нашим быт, тымъ нас пожаваль, хотел бы нас пустит вборзде к нашому господару. Вам, всим бояром думнымъ, прикгожо думат о добре всего господарьства вашого Росийского, але болши всих тобе, который еси братом и ближним прыетелем великому господару, надобно печаловатсе о то, штобъ промеж великих господарей и промеж господарствъ добро было; а с того-б была слава великому господару, тобе самому и всему вашему кнежому зацному роду. — Коли господаръ велит нас вборзде отпустить, тогды не токмо приехавши до господара своего,... печаловатсе, штоб промеж их великих господарей и промеж господарствъ добру, а не злу быть, но и Бога молит за господара и за тебе, князь Дмитрей Ивановичъ, хотимъ; а затымъ ты надевайсе нагороды и заплаты от Господа Бога. — Просим, княз Дмитрей Ивановичъ, дай намъ ответъ: покуль гетого печального, кручинного и бедного житья нашого будетъ? Пишемъ к тобе не посолскою мерою, как есть в бедности и кручине нашой. Надеваемсе тогды, што в сей прозбе нашой любви твоее против себя дознат и вборзде за причыною твоею отпускъ мет будемъ; бо мошно тобе не толко то, но и што болшого у великого господара упросит.

На оборотѣ рукою XVII в.: «писмо от послов королевских к боярину князю Дмитрею Шуйскому, чтоб попечалился за них у царя Василья, чтоб их велѣл отпустит в свою землю».

15.—1607 г. мая 22 — августъ 1608 г. Пріѣздъ въ Москву посланниковъ С. Витовскаго и князя Я. Соколинскаго. Переговоры ихъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ послами Н. Олесницкимъ и А. Гасевскимъ. Отпускъ всѣхъ ихъ, Мнишка и др. Польскихъ и Литовскихъ людей, задержанныхъ съ 1606 г.

Документы, относящіеся къ этому посольству, находятся во 1-хъ — въ Польской посольской книгѣ № 27. Книга эта въ новомъ переплетѣ (XVIII или начала XIX в.), содержитъ далеко не въ полномъ составѣ тетради, касающіяся этого посольства; въ архивномъ описаніи замѣчено: «начала и конца не имѣется, также и въ срединѣ многихъ недостаетъ тетрадей». Ихъ не было и въ 1614 г., ибо опись этого года говоритъ: «пять связокъ тетрадей непереплетены 114-го году, а въ нихъ писано пріѣзды Литовскихъ пословъ М. Олешницкаго да А. Гасевскаго и какъ они были на Москвѣ; а иныхъ тетрадей многихъ нѣтъ» (см. № 59). Пожаръ 1626 г. также повліялъ на сохранность книги:

мѣстами закопчена дымомъ или вся страница или часть ея, такъ что или съ трудомъ читается написанное, либо совсѣмъ его нельзя прочесть. Опись 1626 — 1627 гг. считаетъ всего 26 тетрадей и замѣчаетъ: «смѣшены, а иные и поплѣли; первыхъ тетрадей и середнихъ и послѣднихъ нѣтъ» (см. № 159; ср. въ описи 4-ой № 4). Въ настоящее время сохранились слѣд. сигнатуры XVII в. тетрадей: л. 9 — «23», (лл. 7, 1—6 и 8 составляютъ очевидно 22-ую тетрадь, но л. 7, на которомъ должна бы быть сигнатура тетради, закопченъ дымомъ и ея не видно; недостаетъ слѣд. въ началѣ двадцати одной тетради, 168 листовъ), л. 17 — «24» (эта тетрадь вся по л. 23, ибо 22 дважды помѣчено; л. 24 закопченъ и внизу оборванъ, такъ что сигнатуры не видно), л. 32 — «27» (между лл. 24 — 31, судя по сигнатурамъ, должны были быть тетради 25 и 26, на лицо 8 листовъ, слѣд. недостаетъ тоже 8 листовъ; пропускъ между 27 и 28 лл.), л. 40 — «29» (недостаетъ 28-й тетради, пропускъ между 39 и 40 лл. и далѣе между лл. 47 — 48, сколькихъ тетрадей здѣсь недостаетъ — неизвѣстно), л. 48 — «1», л. 56 — «2», л. 64 — «4» (недостаетъ 3-й тетради, пропускъ между 63 и 64 лл.), л. 72 — «5», л. 80 — «6», л. 88 — «7», л. 96 — «8», л. 104 — «9», л. 112 — «10» (л. 114 дважды), л. 119 — «11», л. 127 — «12» (л. 129 дважды), л. 134 — «13», л. 142 — «17» (слѣд. недостаетъ 14, 15 и 16 тетрадей, пропускъ между 141 и 142 лл.), л. 150 — «21» (недостаетъ 18, 19 и 20 тетрадей, пропускъ между 149 и 150 лл.), л. 160 — «22» (слѣд. въ 21-ой тетради 10 листовъ), л. 168 — «23», л. 176 — «27» (слѣд. недостаетъ тетрадей 24, 25 и 26, пропускъ между 175 и 176 лл., 27-я тетрадь вся, по л. 183, но далѣе между лл. 183 и 184, 184 и 185 пропуски; сколько недостаетъ — неизвѣстно), л. 191 об. — «1» (съ 185 по 191 л. тетрадь вся), л. 199 об. — «2», л. 207 об. — «3», л. 225 об. — «8» (? слѣд. недостаетъ 4, 5, 6 и 7 тетрадей, пропускъ послѣ л. 207; 8-ую тетрадь составляютъ листы 220—229, 218, 219, 223—225), л. 209 об. — «9» (? отъ этой 9-й тетради уцѣлѣли только 2 листа: 208 и 209, между которыми также пропускъ; далѣе недостаетъ 10 и 11 тетрадей), л. 210/8 об. — «12», л. 217 об. — «13» (? послѣ л. 217 должны слѣдовать лл. 226 — 227 и 228 — 234 = 21-я тетрадь; слѣд. отъ тетрадей 14 — 20 уцѣлѣли только 2 листа), л. 234 об. — «21».

Всего въ настоящее время можно насчитать въ книгѣ 28 тетрадей (изъ нихъ одна найдена послѣ переплета книги) и нѣсколько отдѣльныхъ листовъ, т.-е. немного даже болѣе того, сколько указываетъ опись 1626 — 1627 гг. (26 тетрадей). Отсутствующія нынѣ тетради вѣроятнѣе всего исчезли въ пожарѣ 1626 г. Что сигнатуры вѣрны,

что въ книгѣ дѣйствительно недостаетъ по разнымъ мѣстамъ 1—3 тетрадей, видно и изъ текста книги: встрѣчаются записи, или не имѣющія конца или начала, а нѣкоторыхъ записей совсѣмъ нѣтъ, напримѣръ о первомъ свиданіи польскихъ посланниковъ съ послами, записей за 9—26 января 1608 г. и др. (см. ниже стр. 460, 473—474 и др.).

Записи послѣ 27 января и до 22 іюня въ книгѣ (лл. 184—185) отсутствуютъ: тетрадей за это время, вѣроятно, и совсѣмъ не было, судя потому, что тетрадь съ записями 27 января имѣетъ сигнатуру «27», а слѣдующая тетрадь (съ записями начиная съ 22 іюня)—«1». Большая часть недостающихъ записей находится въ Польскомъ дѣлѣ 1608 г. № 1, содержащемъ извѣстія за время съ 28 января по 20 апрѣля 1608 г. и представляющемъ изъ себя черновикъ Посольской книги. Въ составъ этого дѣла входятъ: черновыя записи переговоровъ пословъ и посланниковъ съ боярами, подлинныя донесенія посольскихъ приставовъ, записи-церемоніалы предполагавшихся пріемовъ пословъ царемъ, передѣланныя въ записи о состоявшихся пріемахъ (вм. быти—былъ, сидѣти—сидѣлъ, стояти—стояли и т. д., см. ниже стр. 482 и др.). Вѣроятно, этотъ «столпъ» вмѣстѣ съ другими, о коихъ говоритъ опись 1614 г. (см. № 111), находился въ то время въ особомъ сундукѣ. Опись 1626—1627 гг. говоритъ о немъ: «исподу нѣтъ, изотлѣлъ» (№ 165; эта опись указываетъ и еще другой какой-то столпикъ—см. № 166). Опись 1673 г. ничего не упоминаетъ о степени сохранности «столпа» (см. № 6).

Записей за время съ 21 апрѣля по 21 іюня 1608 г. нѣтъ ни въ дѣлѣ, ни въ книгѣ, дальнѣйшія записи коей начинаются съ 22 іюня (л. 185). Записи за 22 и 23 іюня сохранились въ ней въ полномъ видѣ, за 24 іюня въ записи нѣтъ конца, а далѣе въ книгѣ записи опять отсутствуютъ. Слѣдующая запись за 1 іюля сохранилась безъ начала и конца, отъ записей 2, 3 и 4 іюля остались незначительные отрывки; въ полномъ видѣ запись за 5 іюля, въ записи за 6 іюля отсутствуетъ конецъ. Далѣе въ книгѣ значительный пропускъ: нѣтъ записей за 7—16 іюля, и начинается запись за 17 іюля; этой записью и оканчивается Посольская книга № 27.

Переговоры, веденные сими Польскими послами и посланниками, въ концѣ концовъ увѣнчались успѣхомъ и между Московскимъ и Польскимъ государствами было заключено перемиріе. Договоръ объ этомъ печатается ниже на стр. 698—719,—«королево слово» по подлиннику, подписанному послами (хранится среди Польскихъ трактатовъ за № 53; о немъ см. въ I-ой описи № 22, во II-ой № 30 и списокъ № 31), «царево слово»—по современному списку, находящемуся среди Польскихъ

дѣлъ 1608 г. № 4 (о немъ см. во II описи № 32; списокъ его имѣется и въ книгѣ № 9 Литовской метрики на русскомъ (лл. 1—14) и польскомъ (лл. 138—146) языкахъ).—Кромѣ того въ Москвѣ тогда же учинена была особая «договорная запись» о будущемъ съѣздѣ между Оршею и Смоленскомъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ и о другихъ дѣлахъ. Она по подлиннику, хранящемуся среди Польскихъ трактатовъ за № 54, напечатана ниже на стр. 719—725 (о ней въ I описи № 23, во II-ой № 28 и списокъ № 33, въ IV-ой № 63).

При переговорахъ Польскихъ пословъ и посланниковъ съ боярами 16 марта 1608 г. А. Гасевской и кн. Я. Соколинскій «чли отвѣтъ по тетрати» на раннѣйшія рѣчи бояръ; послѣдніе просили его дать «на письмѣ», но послы отказались. При дальнѣйшихъ переговорахъ они отдали его, но когда это было, въ виду дефектовъ въ записяхъ,—неизвѣстно; потому онъ и помѣщается въ концѣ записи 16 марта (стрр. 563—630). Опись 1626—1627 гг. говоритъ о немъ: «3 тетрати, а въ нихъ 32 листа роспалися, згнили, писаны бѣлорусскимъ письмомъ» (№ 160; ср. въ IV-ой № 9). Въ настоящее время изъ этихъ 32-хъ листовъ сохранилось въ Архивѣ только 14 (Польскія дѣла 1608 г. № 2; а если сюда присоединить еще отвѣты 1615 г., Польскія дѣла 1615 г. № 9, находившіеся прежде вмѣстѣ съ отвѣтами 1608 г. и занимающіе 6 писанныхъ и 6 чистыхъ листовъ, то всего будетъ 20—26 листовъ): нѣтъ начала, бóльшей половины первой статьи, въ срединѣ недостаетъ статей 15—17 и начала 18 и конца, начиная съ статьи 34-ой. Отвѣты печатаются по Архивскому подлиннику (по нему они были ранѣе напечатаны въ «Сборникѣ князя Оболенскаго» № 10, М. 1838 г.), а недостающее заимствуется изъ «Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, т. IV, Спб. 1851 г., № 177, стр. 264—312, гдѣ онѣ напечатаны по современной рукописи, подъ заглавіемъ: Acta Publica rerum Polonicarum spectantia, sub Sigismundo III Rege Poloniae, tempore belli Moscovitici, an. 1615 et 1616 (fol. 251—323), доставленной въ Археографическую Коммиссію академикомъ П. Г. Бутковымъ. (Ркп. написана польскими буквами, безъ строчныхъ знаковъ, но напечатана русскими буквами; въ заглавіи документа отмѣчено: Otwiet bojarom dumnym Moskowskim, na dohoworie w Moskwie podany). Разночтенія этого изданія также отмѣчаются. Польскій текстъ изданъ въ Supplementum ad Historica Russiae monumenta, стр. 404 — 441 (см. Акты З.Р. т. IV, стр. 22 Примѣчаній).

Объ «обидахъ, которыя Рѣчь Посполитая вмѣстѣ съ королемъ приняли отъ Московскаго народа», не разъ было говорено при переговорахъ между послами и боярами. Поэтому здѣсь помѣщаются (стрр. 669—674) также хранящіеся въ Архивѣ среди «дѣлъ о Самозванцахъ»

«реестры» коней и прочаго имущества, захваченнаго у Юрія и Марины Мнишекъ въ маѣ 1606 г. Изъ этого же разряда дѣлъ Архива заимствованы напечатанные на стрр. 692—698 три документа: 1) «Pamięć do pokazania krzywd», 2) «Motiwa niektóre, dla których rpta y król jego mć o wybawiu swych tu zatrzymanych słusznie radzić ma» и 3) «Media do ratowania nas y cara jego mci ludem woiennem».

Въ концѣ всего помѣщаются: а) стрр. 725—726 письмо Польскихъ пословъ и посланниковъ къ находившимся въ Москвѣ Полякамъ о заключеніи перемирія, отъ 1 августа 1608 г. (Польскія дѣла 1608 г. № 1); б) стрр. 726—729, три челобитныя царю Василію Ивановичу Шуйскому находившихся въ Галичѣ Поляковъ, отъ 9 и 10 августа 1608 г. (Польскія дѣла 1608 г. № 5) и 3) стр. 729—736, нѣсколько документовъ, говорящихъ о послахъ и посланникахъ по ихъ отъѣздѣ изъ Москвы (перепечатываются изъ Актовъ Историческихъ, т. II, №№ 93 и 95), равно какъ и о сношеніяхъ Юрія и Марины Мнишекъ съ «2-мъ Самозванцемъ».

Описи архива Посольскаго приказа указываютъ еще слѣдующіе несохранившіеся до нашего времени, документы, относящіеся къ этому посольству: 1) опасную грамоту на пословъ Витовскаго съ товарищами, 1608 г. (въ II-ой описи № 27), 2) рѣчи, что говорили царю Василію на посольствѣ Олесницкій и Гасевскій (въ II-ой описи № 29), 3) 24 статьи отвѣтныя Литовскимъ посламъ (см. въ II-ой описи № 168) и 4) письмо пословъ къ князю Д. И. Шуйскому объ отпускѣ ихъ изъ Москвы (въ IV-ой описи № 16).

. . . .

...*(л. 7)*[1]... по денежному человѣку на день. Да людем же их давати сколько их будет, на 60 человѣкъ по яловице, да по полтю ветчины или за полоть ветчины по 2 туши бораньи. Да на 60 же человѣкъ давати круп на 2 алтына, соли на 10 денег, или какъ имъ мочно сытимъ быти.

А питья посланниковым людем давати лутчим 50 человѣкомъ по 2 чарки вина рядового человѣку, а достальнымъ всѣм людем посольским и дворянским по чарке вина человѣку, да на 10 человѣкъ давати посольскимъ и дворянскимъ людемъ всѣмъ по ведру меду да по 2 ведра пива.

(*л. — об.*) А в рыбной день давати: посланником 2 человѣком — на 2 блюда икры луконные, лещъ да щука свѣжие на пар, щука

[1] Начала книги нѣтъ, недостаетъ, какъ сказано выше, около 168 листовъ. Но изъ этого количества листовъ на долю настоящаго посольства должна относиться значительно меньшая частъ, можетъ быть не болѣе 10—20 листовъ, ибо книга № 27 начинается распоряженіями о *встрѣчѣ* посольства, что обыкновенно излагается въ началѣ посольскихъ книгъ. Что находилось на остальныхъ листахъ — указаній нѣтъ.

колотка, на 3 блюда рыбы свѣжие, какова лучитца, на 2 блюда осетрины или белужины; а не будет в то число какие рыбы, и въ то мѣсто давати щучина свѣжая, или лещовина, или просольная рыба, какая добудетца; масла конопляного на 4 де(ньги).

Дворяном королевскимъ 2-м человѣком: на 2 блюда икры луконные, язь или лещъ свѣжие на пар, (*л. 1*) на 2 блюда рыбы свѣжие, какова гдѣ лучитца, на 2 блюда осетрины или иные какие просольные рыбы, какова гдѣ добудетца, масла конопляного на деньгу.

Людем посланниковым и дворянским по блюду рыбы человѣку, какова гдѣ добудетца, свѣжая или просольная или сельди.

А хлѣбы, колачи, и крупы, и соль, и лук, и чеснокъ, и уксус, и вино, и мед и пиво давати потомужъ, какъ и в мясные дни.

Да сальных свѣч имъ же на день на 8 денегъ. А конского корму за... на лошадь, сколько ихъ (*л. — об.*) будет, на 10 лошадей по чети овса в московскую в казенную мѣру да по острамку сѣна на день; да на постелю на 10 лошадей по острамку соломы. А готовити кормъ на всѣх станѣх на 300 человѣкъ, а давати потому, какъ их смѣтят на лицо на рубежѣ, почему имъ учнут в Смоленску давати; а конской кормъ на 320 лошадей. А будет посланники учнут чего просити в запрос муки пшеничные, или масла коровья или конопляного, и уксусу или иного чего съѣстного, и имъ давати *л. 2*) не от велика, переменяя не вдруг, чтоб имъ в корму нужи не было.

А в Дорогобуж о Литовских посланникех к приказным людем послана государева грамота такова:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в Дорогобуж Нелюбу Семеновичю Суколѣнову. Идут к намъ от Жигимонта короля посланники Станислав Витовской да князь Ян Соколинской, а с ними 2 человѣка дворян королевских, да с ними же и з дворяны людей их 300 человѣкъ да 320 лошадей. А по нашему указу велено про Литовских посланников (*л. — об.*) и про дворян и про их людей кормъ людцкой и конской и питье готовити в Смоленске, и от Смоленска до Дорогобужа, а от Дорогобужа до Вязьмы по станом. А что Литовским посланником и дворяном и их людем давати поденного корму, и на кольких человѣкъ готовити, и тому велѣли есмя к тебѣ прислати роспись из Смоленска. И как к тебѣ ся наша грамота придет, а из Смоленска боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин с товарыщи к тебѣ кормовую роспись пришлют, и ты б тотчас по сей нашей грамоте и по росписи, какову из Смоленска пришлют, в Дорогобуже и от Дорогобужа до Вязьмы по станомъ кормъ люцкой и конской изготовил тотчасъ; а питье б про

посланников *(л. 3)* готовил доброе. А в которой день посланники будут в Дорогобуж, и какъ из Дорогобужа пойдут, і в тѣ поры б у тебя по улицамъ и за посадом, куды ѣхати посланником, было людно и устройно, чтоб посадцкие и всякие люди, которые в Дорогобуже есть, гуляли в чистом платье по прежнему обычаю, какъ преже сего при послѣхъ и при посланникех бывало. А одноличнo б еси о корму и о питье про посланников не оплошился, чтоб къ их приходу кормы и подводы по станомъ были готовы. А готовити велѣл бы еси корму и питья с лишком для запросов и прибылых станов. А что будет корму сойдетца, как посланники пройдут, и ты б то велѣл отдати опять сошным людем. И того б *(л. — об.)* еси берег, чтоб в том никому запосмѣшных убытков не было. Писан на Москвѣ лѣта 7115-го июля въ 28 день.

Да июля же въ 31 день писано от государя в Смоленескъ к боярину и воеводамъ ко князю Ивану Семеновичю Куракину с товарыщи, а велено им по прежним и по той государеве грамоте и по росписи, какова к нимъ послана наперед сего с Крячкомъ Кубаровымъ, про Литовских посланников кормъ и питье готовити неоплошно, и подводы б были готовы же. А подвод Литовскимъ посланникомъ и дворяномъ дати б имъ до 15; а будет с ними людей *(л. 4)* будет против нынешнего писма их 300 человѣкъ, и имъ бы дати и до 20 подвод, и примѣряся к тому, какъ давано подвод преже сего Литовскимъ посланником в ту же версту с тѣхъ мѣстъ, гдѣ преже сего Литовскимъ посланником подводы даваны. Да и в Дорогобуж к Нелюбу Суколѣнову о корму и о подводахъ велено имъ от себя отписати.

А се такова государева грамота прислана з государева стану *(л. — об.)* к Москве августа въ 1 день:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. бояромъ нашимъ князю Дмитрею Ивановичю Шуйскому с товарыщи. Указали есмя быти на встрѣче Литовскихъ посланниковъ Станислава Витовского да князя Яна Соколинского, которые идутъ к намъ от Жигимонта короля, Ондрѣю Дедевшину да из Смоленска Ивану Игнатьеву сыну Полтеву, и в приставех у нихъ велѣли быти им же; и Ондрѣй Дедевшин послан к Москве. И какъ *(л. 5)* к вамъ ся наша грамота придет, а Ондрѣй Дедевшин к вамъ к Москве приѣдет, и вы б тотчасъ Ондрѣя Дедевшина на подводахъ отпустили в Смоленескъ, давъ ему да Ивану Полтеву наказ, примѣряся к прежнимъ наказом, какъ имъ Литовскихъ посланников встрѣтити и в приставехъ у нихъ быти; а в наказе Ондрѣю написали с вичомъ для посольского дѣла.

А какъ Ондрѣя Дедевшина отпустите, и вы б о томъ к намъ отписали, а с ними велѣли б есте быти *(л. — об.)* детемъ боярскимъ Смольняномъ досталнымъ, и архиепискуплимъ детемъ боярскимъ, и монастырскимъ слугам; и в Смоленескъ о том к боярину и воеводамъ и к діаком отписали. Писан на нашемъ стану под Тулою лѣта 7115-го июля въ 27 день.

И по государеве грамоте Ондрѣй Дедевшинъ в Смоленескъ отпущен.

А наказ ему *(л. 6)* да Ивану Полтеву о встрѣче Литовскихъ посланниковъ дан таков:

Лѣта 7115-го августа въ 1 день г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣлъ Ондрѣю Ивановичю Дедевшину да Ивану Полтеву встрѣтити изъ Смоленска Литовскихъ посланников Станислава Витовского да князя Яна Соколинского и в приставех у нихъ быти; а с посланники по Оршанскому *(л. — об.)* листу 2 человѣка дворян королевскихъ, да людей ихъ 300 человѣкъ, да 320 лошадей. И Ондрѣю, приѣхавъ в Смоленескъ, отдати г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. грамота боярину и воеводамъ князю Ивану Семеновичю Куракину с товарыщи, и быти ему Ондрѣю и Ивану Полтеву для встрѣчи совсѣмъ наготове. А кому с Ондрѣемъ и с Ываном на встрѣче против Литовскихъ посланников быти, и почему посланников и королевским дворяном и их людем и на лошади кормъ давати, и сколько им подвод дати, и кому с ними быти *(л. 8)* для береженья и кормов из Смоленска до Москвы детем боярским, и о том о всем от государя писано в Смоленескъ к боярину и воеводамъ ко князю Ивану Семеновичю Куракину с товарыщи. Да какъ в Смоленске боярину и воеводамъ князю Ивану Семеновичю Куракину с товарыщи подлинно вѣдомо про Литовских посланников учинитца, в которой день они на рубеж будут, и велят имъ боярин и воеводы князь Иван Семеновичь с товарыщи ѣхати из Смоленска на встрѣчю против Литовских посланников и людей имъ дадут, кому с ними быти на встрѣче, и роспись кормовую, — и Ондрѣю и Ивану ѣхати из Смоленска встрѣчю против Литовских посланников, а к рубежу послати имъ от себя по прежнему обычаю, выбрав 2 сынов боярских добренкихъ *(л. — об.)* ис середних статей, а с ними обычных детей боярских человѣкъ 5 или 6, и велѣти имъ дожидатися посланников блиско рубежа. Да какъ посланники на рубеж придут, и тѣ б дети боярские молыли посланником на рубеже, чтоб они шли за рубеж и к Смоленску; а приставы и кормъ и подводы готовы имъ будутъ по прежнему обычаю. И велѣти тѣм детемъ

боярским с ними ѣхати к Смоленску по станом. Да и о томъ тѣмъ детем боярским приказати накрепко, чтоб они, ѣдучи с посланники, дорогою и по станомъ смѣтили, сколько с ними людей и лошадей опричь торговых людей и извощиков; да и вестей всяких велѣти имъ провѣдывати. И с рубежа б и с станов писали тѣ дети боярские о всем почасту, что у них учнет дѣлатись.

(л. 9) А се такову роспись прислали приставы.

Роспись, что давати г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. жалованья поденного корму Литовским посланником Станиславу Витовскому, да князю Яну Соколинскому, да королевским дворяном и их людем по их запросу, за што они стояли. А дал сю роспись в Смоленску боярин и воеводы князь Иван Семеновичь Куракин с товарыщи приставом Ондрѣю Дедевшину да Ивану Полтеву.

Посланником 2-м человѣком да королевским дворяном 2-м же человѣком по 2 колача да по 2 хлѣба денежных человѣку на день. В мясные дни обѣма и з дворяны: 4 гуся, *(л. — об.)* 10-ро куров; а говядина і ветчина имати ис тѣх яловиц и ис полтей, что указано имати им с людьми вмѣсте. Посланником же і дворяном: 60 яицъ, полпуда масла коровья, полведра сметаны, пуд соли всѣмъ вмѣсте и с людьми, 100 луковицъ, 30 чесноковицъ. Да в запрос им же и с людьми: осмина круп гречневых в московскую мѣру, пол-осмины крупъ ячных, пол-осмины гороху в московскую мѣру, 10 гривенок патоки. *(л. 10)* Да им же на 6 де(н.) капусты, ведро огурцов, ведро уксусу. Питья посланником: по 4 чарки вина доброго человѣку на день, да обѣма им по полуведра меду паточного человѣку на день, по ведро меду цыженого человѣку на день, 2 ведра пива поддѣлного обѣма ж, 2 ведра пива простого на день обѣма ж. Питья дворяном: по 3 чарки вина человѣку на день; да обѣма на день ведро меду бѣлого, ведро пива поддѣлного, ведро пива простого.

(л.—об.) А на люди их давати, сколько их будет, по хлѣбу по денежному человѣку на день. Да всѣм людем их 30 колачей денежных и хлѣбов дают 150 по их запросу.

Да посланником же и з дворяны и с людьми по 3 яловицы на день да по 2 полтя ветчины; а давати людем их на 60 человѣкъ по полтю ветчины или за полоть ветчины по 2 туши бораньи.

Да посланником же и з дворяны і с людьми всѣм вмѣсте 2 борана на день.

А питья посланниковым людем давати: *(л. 11)* лутчим 50 человѣком по 2 чарки вина человѣку на день, а достальным всѣм

посольским і дворянским людем по чарке вина человѣку на день, і дают всѣм людем 200 чарок вина на день; да на 10 человѣкъ давати посольским и дворянским людем всѣм по ведру меду, і дают меду 15 вѣдръ на день, да по 2 ведра пива, і дают пива 30 вѣдръ на день.

А в рыбные дни давати: посланником 2-м человѣком на 2 блюда икры луконные, лещъ да щука свѣжие на пар, щука колодка, на 3 блюда рыбы свѣжіе в ухи, какова *(л.—об.)* лучитца, на 2 блюда осетрины или белужины, а не добудет в то число какие рыбы, и в то мѣсто давати щучины свѣжіе, или лещовины, или просольная, какова рыба добудетца; масла конопляного на 4 де(ньги).

Дворяном королевским 2 человѣком: на 2 блюда икры луконные, лещъ или язь свѣжие на пар, на 2 блюда рыбы свѣжіе, какова лучитца, на 2 блюда осетрины или іные какие просольные рыбы, какова гдѣ добудетца, *(л. 12)* масла конопляного на деньгу.

Людем посольским и дворянским по блюду рыбы человѣку какова гдѣ добудетца, свѣжие или просольные или сельди.

А хлѣбы, и колачи, и крупы, и соль, и лукъ, и чеснок, і уксус, и вино, и мед и пиво давати потому ж, как и в мясные дни.

Да в поварню 12 возов дров. Да восковых и сальных свѣчь им же на день на 2 алтына. А конского корму на 138 лошадей: *(л.—об.)* 16 четьи овса в московскую мѣру, да 16 острамков сѣна на день, да на постелю на 10 лошадей по острамку соломы, 15 человѣкъ сторожей, 20 подвод—16 с телѣги, 4 простых.

А се роспись такова, чего Литовские посланники припрашивают корму сверхъ того, что имъ ныне дают; списано с литовского письма.

3 чети овса, 2 ведра меду паточного, ведро меду цеженого, ведро пива поддѣлного, 2 ведра пива простого, *(л. 13)* 6 вѣдръ меду простого на росход, 10 вѣдръ пива простого на росход, ведро уксусу, боран, 4 куров, 10 сыров, 50 луковицъ, бѣлые капусты, моркови, рѣпы, рыбы большой; хлѣбы што дале от Смоленска, то меньши дают, и не таковы чисты, как первее давали.

И 116-го году сентября въ 4 день послана государева грамота к приставом к Ондрѣю Дедевшину да к Ивану Полтеву, а велено им хлѣбы давати Литовским посланником *(л.—об.)* побольши прежних, чтоб им в хлѣбе недостатку не было.

Таково писмо подали Литовских послов приставы Ѳедор Пушкинъ с товарыщи сентября въ 2 день:

116-го сентября в 1 день присылали послы, чтоб приставы бы и у них, и говорили: поговорите де князю Дмитрею Ивановічю: гово-

рили де с нами бояре, как отпущали посланников своих в Литву, что нам жить на Москвѣ до тѣх мѣстъ, как посланники будут из Литвы; і посланники де ваши пришли из Литвы, и вы де нам сказали от бояр, что ідет из Литвы наш посланник князь Богдан Агинской, і нам де было ждать того своего посланника; і мы де ждали тово полгода. И после де того приѣзжали к нам от князя Дмитрея Ивановича Третьяк Корсаков да Дмитрей Раковской и говорили нам государевымъ словом, что государь нас велит отпустить *(л. 14)* вскоре; і после де тово мы ждали недѣли с 4 і отпуску нам нѣт. И вы де намъ сказали от князя Дмитрея Ивановича, что ідут посланники наши і уже пришли на рубеж, і намъ бы жіті до тѣх мѣстъ, как посланники наши будут; і мы де ждали с радостью і приказывали ко князю Дмитрею Ивановичю, чтоб намъ велѣл то объявить, какъ посланники наши придут в Смоленескъ і гдѣ ныне. І тому де уже 4 недѣли, какъ было им быть на рубеж, а по се де мѣста намъ про посланника не скажете, і гдѣ де они на лесу-ль на рубеже с волки мешкают.

И приставы говорили: как де от государя указ будет, і бояре вам про ваших посланников *(л.—об.)* велят объявить.

И послы говорили: то де бояр ваших правда-ль, что де ни говорят, то лгут; никому де вѣрить ни в чем нельзя, и вперед де с вашими бояры говорить нельзе здѣсь, і о добрых дѣлех и вѣрить нѣчему, правды де ни в чем нѣт. И Миколай почел говорить: таки де і в государе вашемъ правды нѣтъ, ни в боярех. І учал говорити про государя неподобные слова.

И приставы послом говорили, что они говорят несвойские слова про великого государя; да встав от них і пошли.

І сентября въ 2 день сказывал приставом Кирилова монастыря слуга Иван Козлянинов, *(л. 15)* а стоял он на своем дневанье у задние решотки; і пришли де к нему Миколаев человѣкъ Ян Ваковской, да Олександровы люді Өедор Вислоух да Ондрѣй Мочюльской, і учали ево спрашивать про посланников своих. І он имъ сказал, что он про то не вѣдает. І оні учали ему лаять и с приставы: быть де вам всѣм по колью саженым и побитым, і про государя учели говорить злые неподобные слова.

Да сентября въ 3 день пришли в ызбу к приставом Александровы люді урядникъ Микулай Сирута да Федор Вислоух, і иные Миколаевы і Александровы люди, і учали прошатца в торгъ для покупки. І приставы *(л.—об.)* им отказали, что нельзя вас отпущати в торгъ, клеплете нас людьми, а мы будто у вас их подговариваем.

И Миколай Сирута і Өедор Вислоух учали приставом говорити лаиные слова. І приставы говорили им: для ли вы того к нам приходите, что нас лаеть і безчестить? I они говорили: не дорого де вас і убить, і лутче де вас бьют, да напрасно де вас бить, надобно де вас забить, да і самим де пора помереть, тово де вы и ждете, хотите де нашие крови. Да Олександров урядникъ Миколай Сирута говорил: знаем де мы ваш московской обычей, добром де с вами ничего не здѣлать, так де с вами і быть.

(л. 16) Да того же дни сказывал приставом троетцкой слуга Гаврило Величкин: стоял он у передние решотки в свой день, и пришли де к решотке Литва, и учели де бранитца у решотки с стрельцами Александров человѣкъ Ондрѣй Мачюльский, и учел стрелцов лаяти и говорить: всѣм де вам быть по кольем и з бояры своими, и про государя учел говорить злые неподобные слова.

Сентября въ 11 день писали ко государю Литовских посланников приставы в дву отписках, а отписки присланы таковы:

Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. холопи твои Ондрюшка Дедевшин *(л.—об.)* да Ивашко Полтев челом бьют. Стоят, государь, Литовские посланники в Вязьме. И сентября, государь, въ 1 день о вечерне почели Литовские посланники и королевские дворяне и их люди лошади седлати. И дети боярские, государь, их спросили: для чего они лошади седлают? И посланники, государь, детем боярским сказали: мы де ѣдем гуляти по полю не далече, лошади проѣзжати. И дети боярские, государь, нам сказали, что посланники ѣдут гуляти, а невѣдомо куды. И мы, холопи твои, сѣдчи на лошади и взяв с собою детей боярскихъ, приѣхали к ним ко двору; аже, государь, посланники и дворяне и их люди сидят на конех человѣкъ их с 50, а нас, государь, всего человѣкъ с 15 и унять было ихъ нѣ с кем. А на посад, государь, послали к старосте по люді; *(л. 17)* і тѣ, государь, люді вскоре не собралися. И мы, холопи твоі, неволею с ними поѣхали; и ѣздили, государь, Литовские посланники от посаду с версту до Предотечинского монастыря пруда. И поѣздив государь, да опять назад к себѣ приѣхали. И вперед, государь, мы, холопи твои, Литовских посланников гулять пущати не смѣем. А унимать, государь, нѣ с ким, с нами детей боярских не много. А нѣтчики, государь, из Смоленска сентября по 4 день не бывали; а приѣхал, государь, один нѣтчикъ Любим Пыхочев сентября въ 1 день. Да велѣлъ ты, государь, нам, холопем своим, взяти у приказных людей дворянских и детей боярских приказщиков.

И приказные, государь, люді Истома Воейков да Семен Юренев прислали к нам имяна приказщиков, а имян всего 38 человѣкъ, а людей, *(л. — об.)* государь, всего человѣкъ з 20. И мы, холопи твои, говорили приказным людем, что они дали писмо, а люди не всѣ. И приказные, государь, люди намъ отказали, нас де дворянские і детей боярских приказщики не слушают, намъ ихъ как собрати, і о непослушанье де мы об их писали ко государю. И у нас, холопей твоих, тѣхъ людей дворянских и детей боярских приказщиков всего человѣкъ з 20, опричь посадцких людех, и уняти Литовских посланников нѣ с ким. А блюдемся, государь, мы, холопи твои, тово: не розсматривают ли дорог; а стояньем, государь, скучают; не обычно, говорят, намъ, холопем твоим, мы де посланы от своего государя от короля к вашему государю скорым дѣлом, а велѣлъ намъ нашъ государь король отправитца от вашего государя вскоре. I мы, холопи твои, имъ *(л. 18)* по твоему государеву указу отговариваем и то им говорим же, что государя нашего посланникъ князь Григорей Волконской да дьякъ Ондрѣй Иванов были не отпущены от вашего государя мало не с полгода. А мы с вами не ѣдем потому, что кормовщики к вам пишут почасту, чтоб нам итти поизмешкивая, чтоб про вас кормы всякие собрати по царскому указу все сполна и из дальних мѣстъ, чтоб вамъ в дороге никакие нужи не было, а нам бы, холопемъ государевым, от г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в опале не быти; а кой час к вам кормовщики і приказные люді со всѣхъ станов отпишут, что они про вас обиход все сполна изготовят, и мы с вами тотчасъ пойдем.— Да Вяземские, государь, приказные люді Истома Воейков, да Семен Юренев, и подьячей Юрьи Дуров кормовъ Литовским посланником *(л. — об.)* по твоей государеве росписи не збирают, и дают на день в полы і в треть і то не в пору поздо, и твоим царским дѣлом не радѣют. А Литовские посланники не обычно о том кручинятца, что им корму многово не дают, а и дадут, и то не во время. А мы, холопи твои, сами имъ говорим и посылаем детей боярских, и они, государь, нас, холопей своих, не слушают. А таможеной, государь, голова Григорей Шорин у себя денег сказывает немного 150 рублев. I мы, холопи твои, просимъ у кормовщиков росписи, по кольку у них на день росходитца денег на кормъ; и сентября, государь, по 4-е число нам кормовщики росписи не дали. Да твоих же государевых денег в Вязьме у кабатцких целовальников кабатцкого збору 250 рублев, і тѣхъ, государь, денег *(л. 19)* кабатцкие целовальники бес твоего государева указу кормовщиком дати не хотят.

Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. холопи твои Ондрюшка Дедевшин да Ивашко Полтев челом бьют. Августа, государь, въ 25 день какъ мы, холопи твои, пошли с Литовскими посланники с Колпитцкого яму, и почал, государь, с нами, холопи твоими, розговаривати князь Ян Соколинской про Литовского канцлѣра про Лва Сопѣгу; а сказал: мнѣ де Лев Сопѣга дядя, матка моя Лву от родных сестра. И мы, холопи твои, почали его хвалити, что человѣкъ доброй и разумной. И князь Ян, государь, сказал мнѣ, холопу твоему, Ондрюшке: мнѣ де дядька мой Лев Ивановичь *(л. — об.)* сказывал про тебя, что ты ему знаком гораздо и бывал ты в нашей землѣ многижда; да и ныне де дядя мой Лев Ивановичь государю вашему доброхотает вельми, только б де не канцлѣр, ино бы де давно валке быть. Да князь Ян же, государь, почал со мною, холопом твоим, с Ондрюшкою розговаривать про богоотступника про Гришку Отрепьева, какъ назвався царевичем Дмитреем да воцарился. И я, холоп твой, ему розсказал: тот вор богоотступник Гришка Отрепьев которыми вражьими мечты был на Московском государстве, и милосердый Богъ и пречистая Богородица и великие чюдотворцы, не терпя ево скаредства и богомерзкова житья, обличив ево передо всѣм Росийским царством ево мерзость, и воспriял он, треклятый, противу дѣл своих, живот свой злѣ скончал. *(л. 20)* И князь Ян, государь, учал мнѣ, холопу твоему, говорить: и у нас де ему многие не вѣрили, да нам де то сошлося: как он был так, не был; намъ де грубно и жалостно то, что многие наши побиты и пограблены, и многие задержаны ни за што, то де намъ больно, что неприятельски дѣлано; а и то де намъ вѣдомо, что вашему государству многую шкоду учинил. Да августа, государь, въ 30 день говорил с нами у нас на подворье в Вязьме посланников лутчей человѣкъ Габреил Полбовской и сказал намъ, холопемъ твоим, по нашему спросу, по своей мѣре крестяся: был де ныне на короля рокошь, а стояли де на короля пан Краковской, воеводы Киевского сынъ, Янушъ да панъ Грабурь, а с ними де была многая шляхта *(л. — об.)* и желныри многие люді. И король де то свѣдав да собрался с тѣми паны, которые за короля стоят, и рыцерство Польша и Литва; и послышев де то пан Краковской и пан Грабурь да всѣмъ своим войском побежали, а король де за ними пошол в погоню. И было де дѣло великое; и король де побил многихъ людей, на 15 верстах трупом положил, и пана Грабура взял жива и велѣлъ ево перед собою стять; а пан Краковской утек невѣдомо к Турецкому, невѣдомо в Венгры, а скарьб де весь и животы и имѣнье

все король взял у пана Краковского на себя. А король де ныне поедналсЯ со всѣми паны с Полскими и с Литовскими и на *(л. 21)* королевстве утвердился. Да Литовские паны и Полские и рыцерство приходили х королю на сойме, а хотѣли всѣ итить всѣми своими головами и желнырен наймовать, хто сколько сможет, на твою царскую вотчину: у нас де тамъ побиты, а иные заключаны сидят в темницах, отцы наши, и матери, и братья, і дядья, и тетки, и сестры, и послы наши засажены же. И король де нашъ их уговорил, что однолично не ходіти, потому что де у нас ныне за перемирьем; а посылаем де ко государю Московскому о всем о том посланников своих: будет де похочет с нами любви и братства держати и в братстве быти и в любви, и он де и самъ то все справит; а не похочет де с нами *(л.—об.)* любви и братства держати и нашего нам не отдастъ, ино де у нас и тогды не утечет, только де мы перед нимъ справимся. А с Туретцкимъ де, государь, мирен на 20 лѣтъ. А пришел де недавно от Турецково мой пан Станислав Витовской, что идет ко государю вашему, а с Станиславом приходил к нашему королю чеуш; и король ево и опять отпустил, а с нимъ послал великих послов своих и о доконачанье. А яз де с своим паном ходил к Туретцкому в толмачѣх. А ідут де наши посланники о братстве, и о любви, и о послѣх наших, да о Сендомирскомъ, и о его дочери, и о всѣх наших людех, которые сидят у государя вашего.

И Литовских посланников к приставом к Ондрѣю *(л. 22)* и к Ивану государева грамота послана такова:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. Литовских посланников приставом Ондрѣю Ивановичу Дедевшину да Івану Полтеву. Писали есте к намъ сентября въ 8 день, что сентября въ 1 день об вечерне посланники и люди ихъ человѣкъ с 50 ѣздили гулять от посаду с версту до Предотечинского монастыря пруда, а вы с ними ѣздили неволею, что было ихъ уняти нѣ с ким, детей боярских с вами мало; а что велено вам по нашей грамоте взяти в Вязьме у приказных людей дворянских и детей боярских приказщиков, и приказные люді Истома Воейков да Семейка Юренев прислали к вамъ имяна приказщиков, всего *(л.—об.)* 30 человѣкъ, а на лицо всего человѣкъ з 20, и вы о том Истоме и Семейке говорили, и они вамъ отказывают, что их дворян и детей боярских приказщики не слушают. Да вы же к намъ писали, что Вяземские приказные люди Істома Воейков да Семейка Юренев и кормовщики кормов Литовским посланником по росписи не збирают, і дают на день в полы и в треть і то не в пору позно, і нашим дѣлом не радѣют; а вы им о том

говорите сами і детей боярских к ним посылаете, і оні вас не слушают. А таможенной голова Григорей Шорин у себя денег сказывает немного, а кабатцкие целовальники ис кабатцких денегъ кормовщиком на кормъ денег давати не хотят. — И как к вамъ ся наша грамота придет, и вы б посланником вперед то отговаривали, *(л. 22 bis)* чтоб они стояли смирно и самовольством ничего не дѣлали, а гуляти имъ ѣздити непригоже, не видя наших царских очей; а уговаривали б есте их всякими розными мѣрами гладостью. А что пишете, что людей с вами мало, и о людех писано от нас в Вязьму к Истоме Воейкову да к Семейке Юреневу, велено по ослушников по боярских людей посылати ис прогонов; а собрав тѣхъ людей, велено их к вам отсылати и быти имъ с вами в Вязьме, покамѣста Литовские посланники побудут в Вязьме. То есте писали к нам не дѣлом, что без людей посланников уняти не мочно: преже сего послы и посланники Литовские хаживали, а рати с ними из Смоленска не посылывали же, и большая мѣра посылывали *(л. — об.)* из Смоленска с приставы за большими послы для кормов и для всякого береженья человѣкъ до 50, а по своей воле послы не дѣлывали ничего, и унимали их ото всякого дурна не людьми, розговорными речьми. И вы б ныне потому же ото всякого дурна их унимали и уговаривали гладостью, чтоб они дѣлали во всяких мѣрах пословно, а своим произволеньем в нашем государстве дѣлати им ничего непригоже; а только учнут что дѣлати своим произволеньем и какое дурно над ними за то учинитца, и то им будет от себя. А будет посланники учнут дуровати или похотят ѣхати из Вязьмы самовольством, и вы б, собрався с тутошними и с окольними со всякими *(л. 23)* людьми, не пущали их по прежнему нашему указу, как к вамъ писано от нас ис-под Тулы. А что писали есте на Истому Воейкова и на Семейку Юренева и на кормовщиков о корму, что корму посланником не додают, и по нашему указу послан в Вязьму подьячей Василей Мартемьянов, а велено ему про то про все сыскати и досмотрити; а сыскав и досмотря, велено ему над приказными людьми и над кормовщики наказанье учинити. А к приказнымъ людемъ и х кормовщиком послана наша грамота, а велено кормы про Литовских посланников имати у всяких людей и деньги платити из нашие казны ис кабатцких и ис таможеных денег, а по ослушников, которые люди учнут ослушатца, кормов *(л. — об.[1])* не учнут возити, велено ѣздити приказным людям кормовщиком,

---

[1] Оборотъ л. 23 и лицевая сторона л. 24 закопчены, такъ что бо́льшей части невозможно прочесть.

самим кормы имати и деньги за кормы платити по нашему указу, а за ослушаніе велено им ослушников бити батоги и метать въ тюрьму, смотря по винѣ, на недѣлю да и на две да . . . .

. . . .

Писан на Москвѣ лѣта 7116 сентября въ 12 день.

(л. 24) Сентября же въ 13 день послана от г. ц. и в. к. Василія Ивановича в. Р. . . . .
грамота такова:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. бояром нашим (князю Дмитрею Ивановичу) Шуйскому с товарыщи. . . . .
слали рыб и что Литовским пос. . . . . . . перед преж. . . . . . .
росписи Литовские посланники . . . . вѣдомо. И как к вам ся наша гра(мота придетъ), и вы б отписали к приставом, а велѣли им давати кормъ по росписи, по которой им дают, а лишнего б корму сверхъ росписи не давали. А что Литовские посланники прошают капусты бѣлые, моркови, рѣпы, и вы б *(л. — об.)* Литовским посланником капусты, и рѣпы, и моркови велѣли давати, гдѣ добудетца, не от велика в запрос, а не ежедень; а прибавочново б корму сверхъ росписи не давали. Да пожаловали есмя Ивана Полтева, велѣли ему для посольского дѣла писати с вичем, и вы б ему для посольского дѣла велѣли писати с вичем. Писан под Тулою лѣта 7116-го сентября въ 8 день.

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. бояром нашим князю Дмитрею Ивановичю Шуйскому с товарыщи. Писали к нам из Вязьмы Литовских посланников приставы Ондрѣй Дедевшин да Иван Полтев, что Литовские посланники говорят, что они стоят в Вязьме долгое время і о том добрѣ скучают; і мы указали Литовским посланником итти в Можаескъ, а в Можайске стояти недѣлю. И как к вам *(л. 25)* ся наша грамота придет, и вы б Литовских посланников к приставом отписали, чтоб они шли в Можаескъ, а в Цареве б Займище ідучи стояли 3 дни іли 4, а в Можайску б стояли недѣлю; а как в Можаескъ с Литовскими посланники придут, і они б о том наскоро к нам отписали. А в Можаескъ бы к приказным людем отписали тотчасъ, а велѣли им про Литовских посланников кормъ и питье готовити по нашему указу, и кормовщиков бы в Царево Займище і в Можаескъ послали; а питье б в Царево Займище везли из Вязьмы готовое и кормы б велѣли готовити, чтоб Литовским посланником в кормѣхъ одноличновужи не было, да і на Москвѣ б двор про Литовских посланников велѣли готовити. Писан под Тулою лѣта 7116-го сентября въ 11 день.

И по государеву указу кормовщиков для кормов в Можаескъ *(л.—об.)* і в Царево Займище велено послати из Болшого Приходу. А Литовских посланников к приставом государева грамота послана такова:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. Литовских посланников приставом Ондрѣю Ивановичю Дедевшину да Івану Игнатьевичю Полтеву. Писали есте к нам, что Литовские посланники говорят, что они стоят в Вязьме долгое время и о том добрѣ скорбят; і мы указали Литовским посланником итти в Можаескъ, а в Можайску стояти недѣлю. И как к вамъ ся наша грамота придет, и вы б с Литовскими посланники из Вязьмы шли в Можаескъ, а в Цареве б Займище, ідучи, постояли дни 3 или 4, а в Можайске б стояли недѣлю. *(л. 26)* А как из Вязьмы и из Царева Займища пойдете і как в Можаескъ с Литовскими посланники придете, и вы б о том наскоро отписывали под Тулу и к Москве; а кормовщиков из Вязьмы послали б есте для кормов наперед в Царево Займище, а велѣли им кормом промышляти тотчасъ. А что в Вязьме питья останетца, и вы б то питье отпустили с тѣми же кормовщики наперед в Царево Займище, і деньги, что останутца у Вяземские у кормовые покупки, взяли с собою же на станы. А что писали есте к нам и прислали роспись, что Литовским посланником дают корму перед прежнею росписью с прибавкою и что сверхъ тоѣ росписи Литовские посланники корму прошают, и вы б Литовским посланником кормъ велѣли давати по росписи, по которой вы ныне даете, а лишнево б есте корму сверхъ росписи не давали. А что Литовские посланники прошают сверхъ *(л.—об.)* росписи капусты, и рѣпы і моркови, и вы б Литовским посланником капусты и рѣпы и моркови велѣли давати в запрос, гдѣ добудетца, не от велика, а не ежедень, а прибавочного б есте корму сверхъ росписи не давали. А с Москвы в Царево Займище і в Можаескъ кормовщики посланы же; и вы б Вяземских кормовщиков выслали перед собою тотчасъ, а велѣли им, свестяся с новыми кормовщики, кормом промышляти неоплошно, чтоб на всѣх станѣх кормы были готовы. Писан на Москвѣ лѣта 7116-го сентября въ 14 день.

А такову отписку прислали к Москве Литовских посланников приставы сентября въ 21 день:

Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. *(л. 27)* холопи твои Ондрюшка Дедевшин да Ивашко Полтев челом бьют. Сентября, государь, въ 16 день в твоей государеве грамоте писано к нам, холопем твоим, а велено с Литовскими посланники из Вязьмы итти

в Можаескъ, а в Цареве Займище, ідучи, велено постояти 3 дни или 4, а в Можайске стояти недѣлю. І по твоей государеве грамоте мы, холопи твои, из Вязьмы пойдем сентября въ 20 день в недѣлю, і по твоему государеву указу в Цареве Займище і в Зазерье учнем стояти 5 ден, а в Можайске недѣлю. А как із Вязьмы пойдем, и мы, холопи твои, для кормов наперед в Царево Займище кормовщиков пошлем, а велим им кормом промышляти тотчасъ. А как мы, холопи твоі, из Вязьмы и из Царева Займища поідем і как в Можаескъ с Литовскими посланники придем, и мы, холопи твоі, к тебѣ ко государю под Тулу и к Москве отпишем тотчасъ. *(л.—об.)* Да нам же, холопем твоим, от Литовских посланников, і от королевских дворян и от их людей была повсядневная докука великая, чтоб мы, холопи твои, прибавили имъ 3 чети овса; а будет де вы овса не прибавите, и вы де повольте нам овес покупать: мы де учнем покупати четь хотя по золотому, а лошадей де своих поморити не хотим. А докуку от них слышел і видел твой государев подьячей Василей Мартемьянов. І мы, холопи твои, им овса покупать бес твоего государева указу поволить не смѣли, а, не перетерпя от них великие докуки, прибавили им по чети овса, і даем мы, холопи твои, ныне по 18 чети овса. А что, государь, наперед сего просили в запрос корму опричь овса, і та роспись к тебѣ, ко государю, послана, і они, государь, ныне тово корму у нас не просят, потому что мы им для их великие докуки прибавили по четверти овса.

. . . .

(л. 28[1]) . . . . . ники дорогою неспешно. А станов велѣли есмя от Можайска до Москвы прибавити: первой стан от Можайска в деревне Дровачеве Сторожевского монастыря, другой стан на Полге, третей стан в Кубенском, четвертой стан на Веземе, пятой стан в Мамонове. И вы б с посланники ставилися по тѣмъ станом, а в Кубенском и на Вяземе тут бы есте дневали, и кормъ на тѣх на 2 станѣхъ велѣли есмя готовити по 2 дни. А будет посланники учнут вам говориті, что вы с нимі ідете мешкатно, и вы б им говорили по прежнему нашему указу. А которые кормовщики с вами, и вы б их посылали кормов готовити наперед себя, чтоб к вашему приѣзду на всѣх станѣх кормы были готовы; а с Москвы на тѣ станы от Можайска до Москвы кормовщики посланы же. А как из Можайска с *(л.—об.)* Литовскими посланники пойдете и что с вами Литов-

[1] Пропускъ, недостаетъ 8 листовъ: нѣтъ конца отписки приставовъ (л. 27), начала царской имъ грамоты отъ 30 сентября 1607 г. (л. 28) и, вѣроятно, документовъ отъ 16—30 сентября.

ские посланники поговорят, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велѣли отдати в Посольском приказе діаку нашему Василью Телепневу. Писан на Москвѣ лѣта 7116-го сентября въ 30 день.

А ко государю на стан против сеѣ грамоты с Москвы от бояр писано же.

Октября въ 1 день писали ко государю Литовских посланников приставы Ондрѣй Дедевшин да Иван Полтев: везет де Станислав Витовской с собою 2 голубя невѣдомо которые ради притчи; а Станиславовы де служебники сказывают, что тѣ голуби были с Станиславом и во Царѣгороде. — Да ѣдет де у посланника у Станислава Витовского *(л. 29)* в служебниках Греченин Адам бити челом государю о своем дѣле. И сентября де въ 29 день был он у них на подворье і, служа государю, сказывал им: рокошь де ныне был в Кракове на короля и хотѣли де короля переменить, а хотѣли посадить князя Случанского Радівила. И король де им почал говоріті: за што меня хотите переменить? И они де ему сказали: ты де за нас не стоишь, у нас де на Москвѣ побили отцов и братью и дяд, а отпустил де их ты; и розстригу и Сендомирского з дочерью отпустил ты же, і хотѣл на Москвѣ римскую вѣру ввесть і костелы устроить. І Московские люді, не хотя того видети, розстригу убили і Сендомирского з дочерью, и Вишневетцкого, і иных панов, і отцов наших, и братью и дяд побили всѣхъ. И король де имъ сказал: вѣдаю де то подлинно, что Сендомирской з дочерью, и Вишневетцкой, и послы Олешнитцкой *(л. — об.)* и Гасевской живы, і иные паны многие живы. И стояли де рокошане с королем в 5 милях, и х королю де прислал папеж Римской 15000 людей. И у короля де загорѣлися в Кракове полаты, а зажог невѣдомо хто; и в тое де пору король из города выбежал, а стал на поле, окапався рвом. И рокошане де придвинулися х королю в 2 милех; и тут де у них был бой, и на том де бою убили у рокошан воеводу Голобурду, а Хоткѣевича ранили, а Краковской утек невѣдомо гдѣ, и убили де больши 14000 людей, а трупу легло на 5 милех. А Лев де Сопѣга в тѣ поры отшол в Менескъ, а на бою не был. Да с Виѳлянты де был у них бой под Бѣлымгородом, и Виѳлянты де у Литовских людей убили 10000 и Бѣлгород взяли; а ково имянем лутчих панов побили, того он не вѣдает. А Тотаровя де у них на Подолье *(л. 30)* воевали трожды і многих людей поимали. І король де послал нынешних посланников, а велѣл им про Сендомирского, і про иных панов і про послов провѣдать подлинно, і с нимі видетца, і назад к себѣ велѣл быти вскоре, і мир по старому учинить; а стоит де о миру

Лев Сопѣга, чтоб до урочных лѣт миру не порушить. А в Магилеве де Голобитцкой собрал был 500 человѣкъ, а хотѣл послать в Стародуб к вору; и послышел де посланник Станислав Витовской да тѣхъ людей Голубитцкому посылати не велѣл і о том ему загрозил накрепко, чтоб никакому человѣку за рубеж в Сѣверские городы ходити не велѣл; а которой пойдет, того велѣл, изымав, повѣсить.

А такову отписку прислали ко государю приставы же октября въ 7 день:

(л. — об.) Государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. холопи твоі Ондрюшка Дедевшин да Івашко Полтев челом бьют. По твоему государеву указу велено нам, холопем твоим, стояти в Можайску недѣлю; и мы, холопи твои, в Можаескъ пришли сентября въ 26 день в суботу, и в Можайску мы, холопи твои, стояли недѣлю. И как твой государев указ пришол с Москвы, а велено нам, отстояв недѣлю в Можайске, итти из Можайска, а первой стан из Можайска велено было стояти в деревне в Дровачѣхъ Сторожевского монастыря. І мы, холопи твои, стояли в Можайске 10 ден, а пошли из Можайска во ѳторник октября в 7 день прямо на Полгу; а Дровачевскую, государь, ночь выстояли в Можайске, потому что в Дровачѣх было уставитца нѣгде, всего 7 дворишков, 4 жилых, а 3 пустых. А в Кубенское, государь, будем *(л. 31)* октября въ 7 день в середу, а на Вязему, государь, аже дастъ Богъ, будем октября въ 9 день в пятницу; а с Веземы, государь, пойдем по твоему государеву указу в Мамоново октября въ 11 день в воскресенье. Да по твоему государеву указу велено нам, холопем твоимъ, стояти на Вяземе 2 дни в пятницу да в суботу. І посланники, государь, Литовские и дворяне и их люді не едят мяса; а в Можайске, государь, рыбы свѣжие и просольные, и осетрины, и белужины и сельдей нѣтъ, і давати в кормъ на тѣ дни будет на Вяземе Литовским посланником нѣчево. И о том, государь, как укажешь?

И ко государю на стан с Москвы от бояр против сеѣ отписки писано, а Литовских посланников к приставом с Москвы *(л.—об.)* государева грамота послана такова:

От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. Литовских посланников приставом Ондрѣю Ивановичю Дедевшину да Ивану Игнатьевичю Полтеву. Октября въ 8 день писали есте к нам, что по нашему указу велено вам с Литовскими посланники в Вяземе стояти 2 дни пятницу да суботу, і посланники и дворяне и их люді в тѣ дни мяса не едят; а в Можайске рыбы свѣжие и просольные, і осетрины, і белужины и сельдей нѣтъ, и давати посланником в кормъ рыбы

нѣчего, и нам бы вам о том велѣти указ учинити. И по нашему указу послано на Вязему для рыбные ловли про посланников рыболов да с ним невод; а велено про Литовских посланников рыбу ловити на Вяземе *(л. 32)* в прудѣх. И какъ к вам ся наша грамота придет, и вы б велѣли про посланниковъ рыбу ловити, примѣрясь к росписи, а лишка б есте ловити не велѣли. Да преже сего писали есте нам, что посланникъ Станиславъ Витовской везет с собою 2 голубя невѣдомо для чего, а Станиславовы служебники сказываютъ, что тѣ голуби были с ним и во Царѣгородѣ. И вы б у посланниковых людей провѣдывали всякими мѣрами себѣ тайно: какие голуби Станислав с собою везет і для чего, учены ль они чему или для которого воровства, и во Царѣгороде с ним тѣ голуби для чего были? Да и того б есте провѣдывали всякими мѣрами накрепко: нѣт ли с посланники с Станиславом і со князем Яном к послом, которые ныне на Москвѣ к Миколаю и к Олександру, і къ их людем, *(л.—об.)* і к воеводе Сендомирскому, і к Вишневетцкому, и к его родству, і к иным Поляком, которые ныне у нас в Московском государстве, людей их или к нимъ грамоток и иные какие посылки; и будет есть, и х кому есть люді, или грамотки, или іная какая присылка. Да и про всякие б есте вѣсти провѣдывали всякими мѣрами. Да что про то про все провѣдаете, и вы б о том о всем отписали к намъ к Москве, а отписку велѣли отдати в Посольском приказе діаку нашему Василью Телепневу. А того б есте однолично берегли накрепко, чтоб к ним нихто ни отколе ссылочного письма тайно не принес, і они б от себя ни х кому не послали; берегли б есте того накрепко. А как придете на Вязему, і как будете в Мамоново, і как почаете быти к Москве, и вы б о том *(л. 33)* о всем писали к нам по часту. А про всякие б есте вѣсти провѣдывали тайно і бережно. Писан на Москвѣ лѣта 7116-го октября въ 7 день.

Таково письмо подали Литовских послов приставы октября въ 10 день:

От послов его королевские милости, государя нашего милостиваго, боярину думному князю Дмитрею Ивановичю Шуйскому.

Нѣ за колько недѣль в наших дѣлех письмо через приставов своих к тебѣ дати хотѣли есмя и вдругие после того с недѣлю также говорили есмя им, чтоб тоже письмо от нас к тебѣ взяли. І они к нам сами не пришли, а велѣли то письмо принести к себѣ і честь его перед собою хотѣли. *(л.—об.)* А преже сего так не бывало, чтоб приставы тѣ грамоты чли, которые послы пишут до бояр думных; і то не велося же, чтоб послы письмо к приставом посы-

лали, но приставы к послом ходили і письмо, из рук у послов емлючи, бояром думным относили. И в том мы видячи тѣ новые причины, к приставом письма послати позадержалися есмя, не хотячи того, чтоб то письмо приставом чести; а хотѣли есмя того, чтоб они, из наших рук взявши, учинили по прежнему обычаю, не всчиная нового, только б так, как преже того бывало. І мыслячи мы о том долго, так умыслили, что нынешнее письмо наше дать приставом так, как они хотѣли, чтоб нам вѣдаті, для чего к нам приставы ходить не хотят; а подлинно сказывают, что ты *(л. 34)* им к нам не велѣл ходити, чтоб к ним письмо наше отнесено было. І будет ты им не велѣл ходити к намъ, і мы хотим от тебя то вѣдати, чего для то нам от тебя дѣлаетца; і мы, разумѣвши то, для чего так с нами не по прежнему обычею чинишъ, дадим тебѣ отвѣт о том большое тебѣ, хто нас в чом оболгал ложно, что нам так не людцки и неприятельски дѣлаешь. Мы будучи здѣ у вас, хотя великого хрестьянского короля послы, от нужи так хотим дѣлать, как вы хотите. Только будет ли то добро, что давные дела переменяете, і с намі так дѣлаете, как преже сего ни с одными послы так не дѣлывали? А всякая перемѣна обычаев давных, хоти не великая, іно убытки приносит во всякой землѣ. Того для ты, яко мудрый и великиі человѣкъ, размысли себѣ: такое нынешнее *(л.—об.)* ваше дѣло с нами, не вам ли больши, неже нам вперед не к добру будет?—Другая причина то есть, что поступаемся в том во всем давных звычаев, чтоб мы в делах наших непрестанные до тебя прозьбы наши относили, а дѣла тѣ тѣ есть. Дал еси нам вѣсть через приставов, чему уже 8 недѣль минуло, что посланники короля его милости, государя нашего милостивого, в государство великого государя брата твоего вошли, что мы вельми раді слышети, помнячи то, што есте многижда намъ говорили, что не за великимъ государем вашим наше здѣшнее житьѣ, но за королем его милостью, что ссылки до государя не бывало. Ныне і посланники приѣхали, а мы также не вѣдаем, зачѣмъ живем, і так ли уже достоит быти в безчестье так великиі крестьянскиі (*л. 35*) король со всею землею нашею у великого государя брата твоего, что не только нас послов так долгое время в везенью держите, но и тѣхъ других, что приѣхали уже, также за вязни у себя держите, что против перемирью і обычаев всѣхъ народов дѣлаетца королю его милости от государя вашего. Но ты, князь Дмитрей Ивановичь, ныне то смолвишь, что то дѣлаетца за дѣлом великого государя і для того отпуску нам от него нѣт. И то не послѣднее дѣло почтить великого зацного короля, а не безчестить

его задержаньем послов его. Оглядаючися на свои домовые дѣла, объявилъ еси намъ через приставов наших не одиножда, что будто в государствах короля его милости в вотчине нашей чинитца замятня домовая, которая будто і до сего времени не утишилася. Однако же *(л.—об.)* его королевская милость государь нашъ і земля не оглядаючися на тѣ домовые дела, хотя будет і есть, как ты сказываешь, и не ждучи усмиренья, отправил посланники государя брата твоего і тут других посланников своих послал, хотя и мог было і задержать ваших посланников у себя. Не хотѣлъ того учинить мимо звычай всѣх народов; почтил в том великого государя брата твоего, как есть великиі хрестьянский король. І то пригоже было также отдать королю его милости нас послов его отправить, і в том короля его милость і землю почтить, чего государь не учинил, но еще больши к тому приводит, что нас и тѣхъ посланников короля его милости других ещо должей в земли своей хочет задержать. Самъ ты, яко великий разумный человѣкъ, разсудить можешъ, *(л. 36)* естли то добро дѣетца і естьли то добрую милость и любовь промеж таких великих государей и государствъ здѣлает. Также і нам, послом такого великого крестьянского короля, каково тяжко носить то безчестье короля его милости государя нашего. І то себѣ разсудити можешъ: уже от того долгово житья нашего позбыли есмя всѣхъ животов, і пришли есмя до великие нужи, і люді наши, которых уже і держать не можем, хотят от нас заплаты, которую есмо им дать повинны, потому что у нас люді вольные, не кабальные, і от того добрѣ нам и им та неволя и нужа докучила; лутчи б есмя всѣ горла свои тут положили, а нежели больши в сей неволе быти. Просим тебя, чтоб еси тому всему способствовал, чтоб вскоре конецъ был кручине нашей, а король его милость государь нашъ і земля *(л.—об.)* чтоб были почтены от великого государя брата твоего тѣмъ скорым отпуском нас до его королевские милости і до земли нашей. Мог бы великиі государь ваш, хотя его здѣсь в стольном мѣсте ныне и нѣтъ, припустить посланники короля его милости до себя і нас и их отправить: ведь не привязан государь до мѣста, но мѣсто до государя. Чего б для посланником короля его милости тамъ не ѣхати, гдѣ нынеча государь вашъ есть? Ведь то не новина, что короли их милости государи наши і нонешней король его милость, также і прежние государи ваши, послов, которых меж себя посылали, не все в стольных мѣстехъ приимали: бывали послы вашего государя за короля Стеѳана в Варшеве, а у нас стольное мѣсто Краков; бывали в Городне, хотя в великом княжествѣ Литовском

стольное мѣсто Вильно; *(л. 37)* бывали и в обозе под Луками і под Псковом; а при нынешнем королѣ его милости государе нашем были въ Яновце послы великого государя вашего і на иных многих мѣстех. Также і Иван Васильевичь, великиі государь вашъ, опрочѣ стольного мѣста Москвы посланников и послов короля его милости в ыных городѣх приимывал і отправовал. То же бы и нынешней государь, брат твой, учинил, не ждучи возвращенья до стольного мѣста Москвы; там бы принял і отправил послы, гдѣ ныне самъ есть. Ведь бы то не новым дѣлом учинил, давно то ведетца. Того для просим тебя, князь Дмитрей Ивановичь, яко человѣка великого хрестьянского, печаловатись об нас, как еси почал; а не только нам добро здѣлаешь, но и государю, брату твоему, і государству. А на се письмо наше просим тебя, чтоб есмя імѣли вскоре отвѣт. *(л.—об.)* Третьяк Карсаков з Дмитреем Раковским, которых еси посылал до нас, дали были нам слово от государя своего і от тебя, что нам будет вскоре отпускъ; а чаяли есмя в 4-х недѣлях себѣ отпуску, і уговаривали в том нас, что нам одноличично вскоре отъѣхати в Литву, сказываючи нам, что не имѣли есмя ещо таково слова от великого государя к себѣ, а ныне, по его государскому великому милосердью, такое государское слово вам приносим. И не мочно быти государскому слову лживому і его думных бояр. Забыли б есмя то обещанье и слово государя вашего, коли б нас за печалованьем твоим ныне отпустил, о чем и вдругоряд вельми просим, чтоб еси то нам у великого государя, брата твоего, упросил. К тому вѣдомо то есть тебѣ самому, князю Дмитрею Ивановичю, как есмя в долгом здѣшнем житьѣ *(л. 38)* нашем; о том всегда просили і ныне просим, чтоб есмя, как есть послы великого хрестьянского короля, вольно в нашу сторону отпущены были. А кормов і убытков казнѣ великого государя вашего не жедали есмя і не жедаем. Однако то тебѣ, князю Дмитрею Ивановичю, ізвещаем, что і в кормѣхъ от кормовщиков великую обиду имѣем, яловицы намъ худые, нужные дают, и в ыных кормѣхъ обиду чинят; и коли о том им люді наши молвят, і они за то людей наших словы укорительными безчествуют, чаем, что то без вѣдома твоего дѣетца. И ты б, князь Дмитрей Иванович, велѣл того досмотрити, а больши всего о нашем борзом отпуске печаловался б еси, чтоб и тебѣ самому от нас докуки и кручины, а нам бы больши такие печали, не было. Мочно великому государю і без себя нас велѣть отпустить вскоре, *(л.—об.)* коли дѣло не за нами, но за ними будет, которые ныне тут посланниками ідут.

И на тот посольской листъ послан к послом отвѣт таков:

Присылали есте с приставы письмо, а пишете ко мнѣ, что давали вы письмо приставом и неодинова, чтоб они то письмо отнесли ко мнѣ; і приставы у вас письма, не чодчи, не взяли, и будто то дѣлаетца не по прежнему обычаю. И яз вам даю про то вѣдати, зачѣмъ приставы у вас без нашего вѣдома письма не примают. Преже сего посылывали есте с ними же письмо к нам, царского величества к бояром, а сказали есте приставом, что то письмо писано о добрых дѣлех; а в том письмѣ писали есте про в. г. нашего ц. *(л. 39)* и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., непригожие слова, і для того письмо к вам отослано і вам о том говорено, а приставом с тоѣ причины приказано, чтоб у вас вперед без нашего вѣдома письма не имали. И вы ныне которое письмо прислали есте ко мнѣ, и в том письмѣ писали про великого государя нашего непригожее слово. И будет вам надобно то, чтоб ваше письмо до нас доносили, и вы б себя остерегали, про великого государя нашего непригожих слов не писали, которые слова к доброму дѣлу не пристоят. А что пишете о том, что приставы к вам не ходят, і яз о том приставов спрашивал; і приставы сказывают, что не ходят к вам для того, что ты, Миколай, при приставех говорил про в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., *(л.—об.)* злые непригожие слова, и ихъ приставов лаяли есте і безчестили не в одну пору; а после того дворянин королевской и урядники и люді ваши при них же приставех и при детех боярскихъ говорили также про в. г. нашего непригожие слова і их приставов безчестят. И только будет так, как мнѣ приставы про то сказывали, і то вы пригожее ль дѣло дѣлаете? Сами то можете разумѣти: чему тот человѣкъ достоен, хто помазаника Божья злословит? І яз, жалѣя о вас и остерегаючи меж в. г. нашего і государя вашего доброго дѣла, таких речей к в. г. нашему посямѣста ещо не писал, чтоб доброму дѣлу тѣмъ порухи не учинити; и вы б мнѣ о том вѣдомо учинили, какими обычаи то дѣлалось. А что пишете . . . .

. . . .

(л. 40)...[1] и дворяне, и всякие служилые люді, и все воинство і весь народ Московского государства его царскому величеству радостию великою служат.

---

[1] Пропускъ, недостаетъ 8 листовъ: нѣтъ конца отвѣта кн. Д. И. Шуйскаго Польскимъ посламъ и начала наказа приставу Казарину Бѣгичеву съ товарищами, посланнымъ на встрѣчу Литовскихъ посланниковъ при ихъ въѣздѣ въ Москву.

А будет Литовские посланники учнут их спрашивати: отчего началась смута в Московском государстве, і ужели та смута унялася, и хто называетца царевичем Петром, — и Казарину съ товарыщи говорити: как милосердый Богъ над Московским государством милость свою показал, злого врага, еретика і богоотступника, розстригу Гришку Отрепьева, которой, по вражью дѣйству і по умыслу лихих людей, назывался царевичем Дмитреем Ивановичем Московским, государством убили, и воры казаки і бѣглые холопи, которые были *(л. — об.)* в совѣте с тѣм вором с розстригою з Гришкою с Отрепьевым, боясь от царского величества опалы и от Московского народу за свои злые дела убивства, с Москвы в тѣ поры, как розстригу убили, збежалися в Сѣверские і в Польские города, и учели в Сѣверскихъ городѣхъ вмещати в незнающих в простых людей воровским обычаем тайно, будто вор розстрига Гришка Отрепьевъ жив, которой, назвався государским имянем, был на Московском государстве. И от того воровства и от ссорных ложных речей Сѣверские городы позаворовали и учал быти меж ими мятеж великой и убойство і розбои великие. А как в тѣхъ Сѣверскихъ городѣхъ объявилося про то подлинно, что розстрига убит, и воры казаки і бѣглые холопи за свое многое воровство, боясь от царского величества опалы, учали называти в розных мѣстехъ *(л. 41)* казаков воров, также как и розстригу назвали казака Терского детину Илейка сыном в. г. ц. и в. к. Федора Ивановича в. Р., а имя иму дали царевичь Петръ. А про то всѣм людем вѣдомо не токмо что в Московском государстве, и в пограничных государствахъ, что блаженные памяти у в. г. ц. и в. к. Өедора Ивановича, в. Р с., сына не было. И собрався тѣ воры казаки і бѣглые холопи учали были приходити к городом розбоем. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. на тѣх воров посылал людей своих, и тѣх воров побили, а иных живых поймали и к царскому величеству привели; а которые городы по воровской смуте посмутилися были, и тѣ городы государю добили *(л. — об.)* челом, а достальные городы у его царского величества в своих винах милости просят.

Да память Казарину Давидовичю с товарыщи. Нѣчто посланники учнут спрашивати: какъ ныне г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., с Рудельөом цесарем, — и Казарину с товарыщи говорити: прежние великие государи наши цари Росийские с Римскими цесари из давных лѣт в ссылке і в братцкой любви і в докончанье. А нынешней Рудельөъ цесарь с великим государем нашим ц. и в. к. Васильем Ивановичем, в. Р. с., также в дружбе, и в братстве, і в любви і в ссылке; и невдавне у в. г. нашего у его царского величества

(л. 42) от Рудельөа цесаря и от брата его от Матьяша, князя Аустрѣйского, гонецъ был Чектор Муральдъ.

И будет посланники спросят: да гдѣ ныне тот цесарев гонец, и ужели от государя отпущен, и с чѣмъ он к государю от цесаря приходил, — и Казарину с товарыщи говорити: то имъ вѣдомо: в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., того цесарева гонца Чектора Муральда, по его прошенью, велѣл отпустити на свою царскую отчину на Ивангород, а із Ыванягорода к цѣсарю морем в караблѣх; а о чем тот гонецъ къ государю приходил, того имъ слышети не лучилося, вѣдают то государевы думные люди.

(л. — об.) А будет посланники Казарину с товарыщи учнут говорити: какъ ныне государь съ Аглинским и з Датцким королем, — и Казарину с товарыщи говорити: прежние великие государи наши цари Росийские с Аглинскими и з Датцкими короли из давных лѣт в дружбе, и в ссылке і в докончанье. А нынешней Аглинской Шкодцкой Якуб король и Датцкой Крестьянус король с великим государем нашим ц. и в. к. Васильем Ивановичем, в. Р. с., потому же в дружбе, і в ссылке і в любви.

А нѣчто Литовские посланники учнут спрашивати: какъ ныне з г. ц. и в. к. Васильем Ивановичем в. Р. Турской салтан, и Крымской царь, і Кизыльбашской шах, — и *(л. 43)* Казарину с товарыщи говорити: то имъ вѣдомо: ныне у в. г. нашего у его царского величества на Москвѣ Крымского Казы-Гирѣя царя посланник царев ближней человѣкъ Хедырь улан с товарыщи, а просит у царского величества Крымской Казы-Гирѣй царь того, чтоб в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., ис тѣхъ городовъ, которые блиско его улусов, теснити его своим людем не велѣл, а он во всей великого государя нашего воле хочет быти; и на которого своего недруга царское величество повелит ему итти, и он Казы-Гирѣй царь по царского величества повелѣнью на его государева недруга со всѣм Крымом итти готов. А ныне после Семеня дни прислал к великому государю нашему Крымской царь другово своего посланника ближнего же своего человѣка Сеөеря, *(л. — об.)* чтоб царское величество держал его неподвижно в своей царской любви. І ныне тѣ обои посланники на Москвѣ. — А с Турским великому государю нашему ссылки никакие не бывало. — А с Перситцким шахом в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., в братстве, і в дружбе, і в любви, и послы и посланники меж ими, великими государи, ходят беспрестани.

А нѣчто посланники спросят: как ныне государь с Свѣйским арцы-Карлом, — и Казарину с товарыщи говорити: то вам самим вѣ-

домо, что блаженные памяти в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с., *(л. 44)* для крестьянского покою і по прошенью государя вашего Жигимонта короля і всеѣ Свѣйские земли, велѣл с Свѣйскою землею мир постановити. А ныне Свѣйской арцы-Карло присылает к в. г. нашему беспрестани, просячи того, чтоб в. г. нашъ велѣл тот прежней мир закрепити, и того просит у в. г. нашего, чтоб в. г. нашъ на государя вашего Жигимонта короля вспоможенье учинил, а он за то поступаетца в. г. нашему лутчихъ городов из Лиѳлянские земли. И в. г. нашъ, какъ есть милосердый крестьянскиі побожный государь, кроворозлитья во крестьянстве видети не хочет, і для брата своего государя вашего Жигимонта короля арцы-Карлу на то отвѣту никоторого посямѣста не учинил, ожидаючи *(л. — об.)* от государя вашего Жигимонта короля к себѣ ісправленья; а вперед на которой мѣре в. г. нашъ велит с арцы-Карлом учинити, и того имъ слышети не лучилося.

А нѣчто посланники вспросят: как ныне въ государеве жалованье Грузинской царь, і Шевкал, и Кабардинские Черкасы, — и Казарину с товарыщи говорити: Иверские цари вѣры крестьянские греческого закону, і под в. г. нашего величества высокою рукою по прежнему, и к в. г. послов своих с поминками присылает по вся годы. А Шевкал і дѣти его в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. *(л. 45)* с., добили челом, что им быти под его царскою рукою в вѣкъ неотступным в прямом холопстве і заклады подавали детей своих і братью. А Кабардинские Черкасы издавна холопи в. г. наших царей Росийских и в. г. нашему его царскому величеству служат, гдѣ имъ царское величество на свои государские службы на непослушников своих ходити велит.

А нѣчто спросят про Нагаи, и Казарину с товарыщи говорити: Нагаи Заволжские издавна служат в. г. нашим, и ныне в. г. нашему, его царскому величеству, Іштерек князь з братьею, и з детьми, і с племянники служат со всею Нагайскою ордою в прямом холопстве, *(л. — об.)* и во всем в в. г. нашего воле, и на службы ходят, гдѣ им царское величество повелит; а на княженье на Нагайское сажают мурзъ в в. г. нашего, его царского величества, отчине в царстве Астараханском воеводы государевы. Да и другие Нагаи Казыева улуса, которые кочевали у Турского города Азова, и тѣ всѣ в. г. нашему служат в прямом холопъстве і на государевы службы ходят, гдѣ им государь повелит.

А нѣчто спросят про Сибирь, и Казарину с товарыщи говорити: Сибирское царство искони вѣчная вотчина в. г. наших царей Росий-

скихъ, и дань давали в. г. нашим, и ныне дают свыше прежнего, и на царскую службу ходят, *(л. 46)* гдѣ имъ царское величество повелит; и городы многие ныне в Сибирской земли поставлены, и сидят в них царского величества воеводы и служилые люди, и многие жилетцкие люді руские во всей Сибирской землѣ устроены, торговые и пашенные, потому же, как и в руских городѣхъ.

А ныне в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., Богъ покорил под его царскую руку новую Колматцкую землю, великое і славное государство, многолюдно і ізобильно всяким богатством. А от Сибирского от большого города отъ Тобольска до того государства ходу 2 мѣсяца, а от украинного от Сибирского города от Тары ходу до них ден з 10. А живут они по рекѣ по Иртишу і по иным рекам, а иные блиско *(л. — об.)* великие реки Обі. А большие у них люди словут тайши, в князей мѣсто, и тѣх у них начальных больших тайшей в том государстве 5 человѣкъ, да под тѣми 45 человѣкъ тайшей. А тѣ мѣста, гдѣ они живут, словут у них саны тѣм обычаем, кабы посады і слободы и уѣзды великие. А всего у них 15 санов, а в сану збираетца ратныхъ людей тысеч по 10 и по 15 опричь торговых и пашенных людей. А на сем лѣте ис того государства приезжали в в. г. нашего государство в Сибирской городъ на Тару к бояром и воеводамъ лутчих начальных людей 2 тайша, да с ними ізо всѣх санов всяких ратных і земских людей человѣкъ с 1000, и били челом в. г. нашему, чтоб в. г. нашъ пожаловал ихъ, велѣлъ имъ быти под своею царскою рукою, і дань *(л. 47)* бы на них на всю землю положил, и на свою государеву службу велѣл имъ ходити, гдѣ ево царское величество повелит; а они на том всею землею шертуют. И в. г. нашъ их пожаловал, велѣл имъ быти под своею царскою рукою и к шерти всѣх людей того государства привели, что им быти под царскою рукою на веки неотступным і дань давати по вся годы аргамаки, і верблюды, і ослята, і мяхкую рухлядь бобры, и соболи, и лисицы, і куницы, и иную мяхкую рухлядь, и иные дорогие узорочья, и на 115-й год дань с нихъ взяли многую казну; а коли будет понадобятца в. г. нашему ратные люді, и имъ на государеву службу ходити, гдѣ государь повелит.

(л. — об.) А о которых будет об иных дѣлех учнут их посланники спрашивати, и Казарину с товарыщі против их говорити, смотря по их рѣчем; а об ыных дѣлех от них отговариватись, что им того слышеть не лучилося, потому что они люді служилые, а он Казарин был в царском жалованье в своем имѣнье, а приѣхал к Москве недавно.

Да что с Казарином с товарыщи Литовские посланники о которых дѣлех поговорят, і им о том сказывати в Посольском приказе діаку Василью Телепневу.

И октября въ 12-й день Литовские посланники Станиславъ Витовской да князь Ян Соко[1]. . . . .

. . . .

(л. 48) И по государеву приказу діакъ Василей Телепневъ посланникомъ молыл: Станислав, князь Ян! Которые рѣчи к царскому величеству приказаны с вами от государя вашего, и вы говорите.

И посланники говорили: преже сего которые послы и посланники прихаживали от королей Польских и в. к. Литовскихъ к в. г. Московским, і на посольстве подавывали государем королевские вѣрющие грамоты, и государь смотрит наперед королевскую грамоту да потом правят *(л.— об.)* посольство. И ныне б его государская милость потому же учинил, досмотрил королевские грамоты: ест ли мы посланники.

И государь велѣл діаку Василью Телепневу молыти им: вѣрющие грамоты бывают с послы и с посланники за отворчетыми печатьми, а ныне с вами королевская грамота запечатана; и царское величество выслушает еѣ инымъ временемъ, а вы говорите рѣчи, что с вами от государя вашего наказано.

(л. 49) И посланники говорили рѣчь; а что в речи говорили, и то писано ниже сего.

А какъ посланники рѣчь изговорили, и по государеву указу діакъ Василей Телепнев посланникомъ молыл: которые есте рѣчи говорили в. г. нашему от государя своего, и вы дайте на свои рѣчи письмо.

И посланники говорили, что они рѣчем своимъ письмо пришлют.

Да по государеву же указу діакъ Василей *(л.— об.)* Телепневъ посланником говорил. А молыл: Станислав, князь Ян! Великиі г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., и многихъ государствъ государь и облаадатель, велѣл вам говорити: которые есте рѣчи говорили нашему царскому величеству от государя своего Жигимонта короля, и мы, в. г., велим вамъ на тѣ ваши рѣчи отвѣт учинити иным временемъ.

И какъ им Василей рѣчь молыл, *(л. 50)* и г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣлъ посланникомъ сѣсти на скамейке, а скамейка была против государева мѣста по прежнему. И какъ посланники сѣли, и государь жаловал, звал королевскихъ дворян к руце без явки. И после того являл государю окольничей князь Григорей Ро-

---

[1] Далѣе пропускъ, недостаетъ извѣстій о пріѣздѣ посланниковъ въ Москву и о первыхъ дняхъ пребыванія ихъ въ ней, равно какъ и начала записи о пріемѣ ихъ царемъ.

модановской посланниковы и дворянские поминки по росписи. А говорил: в. г. ц. и в. к. *(л. — об.)* Василей Ивановичь, в. Р. с., и многих государствъ государь и облаадатель! Жигимонта короля Польского и великого князя Литовского посланники вамъ, в. г., челомъ бьют. Станислав Витовской: аргамакъ сѣръ во всемъ конскомъ наряде, сабля турская, ножны окованы золотом с каменьемъ, судно орел серебрян золочен, судно лев серебренъ золоченъ, кубокъ двойчатой серебрен золоченъ. *(л. 51)* Князь Ян Соколинской: образ Вознесение Господне, рѣзь на кости, оклад серебрян золоченъ; сабля турская окована серебромъ с каменьем, аргамакъ коур во всемъ конскомъ наряде, на седлѣ палашь да булава окованы серебромъ золочены; 2 кубка серебрены золочены с покрышками, кубокъ серебрен золоченъ. *(л. — об.)* Дворяня королевские вам, в. г., челомъ бьют — Матвѣй Лентковской: конь гнѣд, стопа серебрена золочена, кубокъ раковинной окованъ серебромъ золоченъ. Ондрѣй Комаровской: иноходецъ пѣгъ, судно олень серебренъ золочен, кубокъ с покрышкою серебренъ золоченъ. — А какъ поминки окольничей являлъ *(л. 52)* и посланники в тѣ поры стояли.

А какъ окольничей князь Григорей поминки всѣ явил, и государь велѣл Посольскому діаку Василью Телепневу сказати посланникомъ в стола мѣсто кормъ. И по государеву приказу діакъ Василей Телепневъ посланником молылъ: Станислав, князь Ян! В. г. ц. и в. к. *(л. — об.)* Василей Ивановичь, в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель, жалуе твас в стола мѣсто ѣствою и питьемъ. И отпустил посланниковъ на подворье. А провожали ихъ встрѣчники до тѣх же мѣстъ, гдѣ их встрѣтили. А в стола мѣсто съ ѣствою и с питьем ѣздил к посланникомъ приставъ Казаринъ Бегичев. А корму имъ послано з Дворца все: *(л. 53)* 2 колача крупичатых, 2 колача смесных, 30 колачей толчоных, 5 борановъ, 2 яловицы, 5 гусей, 2 зайца, 2 тетеревы, 4 утятъ, 15 куровъ, ведро сметаны, пуд масла, 500 яицъ. Питья: 2 ведра меду вишневого, *(л.—об.)* 2 ведра меду малинового, 4 ведра меду боярсково, 5 вѣдръ меду обарново, 10 вѣдръ меду паточново, 20 вѣдръ меду княжово, полведра вина боярсково, 2 ведра вина рядовово, 20 вѣдръ пива доброво.

А се королевская грамота с посланники:

Списокъ с вѣрющие грамоты Литовсково Жигимонта короля, какову подали посланники Станислав Витовской *(л. 54)* да князь Ян Соколинской 116-го ноября въ 10 день.

От наяснѣйшего и в. г. Жигимонта Третьего, Божиею милостию, короля Польского и в. к. Литовского, Руского, Пруского, Жемоит-

цкого, Мазоветцкого, Киевского, Волынского, Подольского, Подляшского, Лифлянского, Эстонского, и дѣдичного короля Шведцкого, Готцкого, Вандальского, княжати Финлянского и иных, Божиею милостию, в. г. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р., Владимерскому, Московскому, *(л. — об.)* Ноугородцкому, Казанскому, Астороханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иных. Посылаем до вас посланников нашихъ урожены̆хъ Станислава Витовского, войского Парцовскаго, а князя Яна Друтцкого-Соколинского, секретарей и дворянъ наших, вас наведити, поздоровити и нѣкоторые рѣчи вамъ молвити. Вы б их выслушали и вѣру имъ во всемъ дали: бо то есть наши рѣчи; а отпустили б есте их до нас, ничимъ не задерживаючи. Писанъ в Варшеве лѣта от нарожения *(л. 55)* сына Божьего 1607-го мѣсяца маия 22-го дни.

Списокъ с посланниковых речей Станислава Витовского да князя Яна Соколинского, которые рѣчи говорили в. г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. на посольстве.

Первый посланникъ панъ Станиславъ Витовский говорил: наяснѣйший в. г. Жигимонтъ *(л. — об.)* Третий, Божиею милостию, король Польский и великий княже Литовское, вамъ, в. г. и в. к. Василью Ивановичю, Владимерскому, Московскому, Новгородцкому велѣл говорити. Писали и приказывали есте до его королевские милости, пана нашего милостиваго, с посланники своими з дворяниномъ и намѣстникомъ Елатомскимъ со княземъ Григорьемъ Костянтиновичемъ Волконскимъ да з діакомъ с Ондрѣемъ Ивановымъ, будто Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, утекши с Москвы до панствъ его королевские милости, назвался в. *(л. 56)* г. к. Ивана Васильевича сыном Дмитреемъ княземъ Углетцкимъ, чему ему королевская милость, панъ нашъ м лостивый, с паны-радами своими повѣривши, будто ему людьми, и казною и всякими мѣрами помогалъ, и пана радного своего воеводу Сендомирского пана Юрья Мнишка, да старосту Остръского Михайла Ратомского, и иных пановъ со многими людьми Польскими и Литовскими до пограничныхъ городов посылал, нарушиваючи мирное постановенье, и крестное целованье преступаючи, которой, наворовавши *(л. — об.)* много злово и кроворозлитье в государстве Московскомъ учинивши, на государстве сѣл, и дочку воеводы Сендомирского понял, а потомъ живот свой злѣ скончал. А вы, по немъ учинившись в. г. и в. к. Московскимъ, кроворозлитье унявши, Польскихъ и Литовскихъ людей, подданных его королевские милости, побити и грабити животов ихъ не дали, и от смерти

их свободили, и велѣли есте ихъ отпустити в Польшу и в Литву опрочѣ тѣх, которые межь Московскимъ государством и коруною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ *(л. 57)* тому злу причиною были. А послом его королевские милости пану Миколаю Олешнитцкому, каштеляну Малоготцкому, а секретарю и дворянину его королевские милости, старосте Велижскому, пану Александру Корвину-Гасевскому велѣли есте быти у себя и высылали есте с ними говорити бояр своих, а, выслушавши ихъ, послали есте до его королевские милости посланников своих государство свое обестити и о многихъ дѣлех приказали есте с ними, чтоб его королевская милость панов-рад своих коруны Польские и великого княжества Литовского *(л. — об.)* выслали и о тѣх дѣлех говорити с ними велѣлъ, о чомъ посланникъ вашь больши до его королевские милости говорил.

Потомъ другой посланникъ князь Я н ъ С о к о л и н с к о й говорил: его королевская милость, государь нашь милостивый, вамъ, в. г. и в. к. Василью Ивановичю, такъ на то отвѣтъ велѣлъ дати. Какъ в панстве его королевские милости явился Москвитинъ, которого вы называете Гришкою Отрепьевым, *(л. 58)* а онъ именовался быть князем Дмитреемъ Ивановичемъ Углетцкимъ, сыномъ Ивана Васильевича и прямым наслѣдникомъ государства Московского, и люди Московские из многих мѣстъ и городов ваших Московскихъ приезжали, и збиралися до него, и свидѣтельствовали его быти сыномъ в. г. Ивана Васильевича, княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ Углетцкимъ и государем своимъ прямымъ прироженным, и честь и поклонъ и службу всякую, как есть прямому прироженному государю своему, чинили, хотя онъ на тот часъ ничего не имѣлъ. И то видячи, *(л. — об.)* люди народу Польского не столько ему самому, но той Москвѣ, которые до него приезжали, повѣривши, милосердье над нимъ оказывали и милостынею его способляли, какъ есть люди крестьянские. И онъ тѣхъ Московскихъ людей, которые к нему приезжали, посылал до людей Московскихъ, даючи имъ о себе вѣсть и провѣдываючи мысли ихъ, если б его яко прямово прироженного государя своего за государя познати и приняти хотѣли. И уразумѣвши волю и умыслъ их приклонным к себѣ быти, и за тѣмъ подлиннымъ ихъ обещаньем собрал себѣ нѣкоторых людей подданых *(л. 59)* его королевские милости, меж которыми и пан Юрьи Мнишко воевода Сендомірской и иные, которые повѣривши Москвѣ и милосердье крестьянское над ними имѣючи, провадили его не такъ, какъ на войну, но какъ на готовое дѣло, на прямое государство его спокойное, потому что его

Московской народ какъ есть правдиваго прироженного государя своего принять хотѣли. До чего его королевская милость не токмо людми и казною или повелѣньем прикладывался, и помочи никоторые не чинил, но мало о томъ и вѣдалъ; а больши за писаньемъ и посланьемъ *(л. — об.)* Бориса Өедоровича Годунова всѣм людемъ подданнымъ своимъ листы своими королевскими з грозою розсказал, чтоб ся до домов своих розьѣхали, а ему помочи не чинили и перемирья с Москвою не нарушали. И пан воевода Сендомирской и иных много людей подданых его королевские милости за листы и розсказаньемъ его королевские милости прочь от него до домовъ своихъ розьѣхалися, опрочѣ казаков Низовых и иных людей своевольныхъ, которые у него остались. А Москва сама за прямово дѣдича и прироженного государя своего принели, и на государство *(л. 60)* проводили, и на столице посадили, поклонились, ему подданство отдали, крестъ целовали, коруновали и все то исполнили, что прямые подданые прироженному государю своему чинити извыкли и должны. Почему жь вы его королевскую милость, пана нашего милостиваго, и подданых его королевские милости виноватых ставите, будто его королевская милость перемирье постановленое и присягу нарушивал? Ано вашь народ Московский прямо то дѣло начал и дѣлал и совершил. А учинившися он, за принятьемъ вас самих, в. г. и в. к. *(л. — об.)* Московскимъ и за вѣдомостью всѣх князей и бояр думных Московскихъ, присылал до его королевской милости, пана нашего милостивого, посланника своего Өеонасья Власьева, хотячи сь его королевскою милостью, паномъ нашим милостивымъ, вѣчного покою и соединенья против поганъ и всѣхъ непріятелей хрестьянскихъ и просячи его королевские милости, пана нашего милостиваго, чтоб его королевская милость позволил ему понять себѣ в жену дочку пана воеводы Сендомирсково. И его королевская милость, панъ нашь милостивый, счасливе панует над вольным народом *(л. 61)* и под счасливым панованьемъ его королевские милости вольно есть всякому ис подданыхъ его королевские милости, малому и великому, дочки свои давати замужь и до чюжого государства или гдѣ хто захочет; его королевская милость, панъ нашь милостивый, всѣмъ подданым своим того не запрещает. Какъ и тому в. г. Дмитру Ивановичю, чтоб панну воеводенку Сендомирскую взял за жену себѣ не росказывал, такъ и пану воеводе Сендомирскому чтоб дочку свою дал за жену, кому хочетъ, не запрещивал, но, полагаючи то на волю *(л. — об.)* Божью и на волю родительскую, отослал того посланника Өеонасья Власьева с тѣмъ прошеньемъ до пана воеводы

Сендомирсково, до отца тоѣ панны, о которой он от государя своего в жену просил, чтоб панъ воевода Сендомирской мыслил о дочери своей, какъ отецъ, и дѣлал такъ, какъ бы ему лутче виделось. А его королевская милость за тѣмъ посланьем его, с вѣдома всеѣ Москвы ученеными, слышачи уже его сидячи на государстве Московскомъ, повѣрил тому, что онъ прямой прироженной государь Московской, потому что его всякие чины Московские добровольно приняли, и на столице посадили, *(л. 62)* коруновали, подданство свое ему отдали, присягали и по жену послали, и хотячи доброго всему хрестьянству, чтоб крестьянство высилось и из рукъ поганскихъ высвободилось, а поганство б понижалось, и хотячи того, чтоб всѣ государи крестьянские, в братцкой милости и в соединенье межь собя будучи, с одного против поганых стояли, послал послов своихъ пана Миколая Олешнитцково з Олешницы, каштеляна Молокгоского, да секретаря и дворянина своего старосту Велижского пана Олександра Корвина - Гасевского, давши им, чтоб они услышели *(л. — об.)* и вразумѣли, какими он обычаи хочет сь его королевскою милостью вѣчного покою и соединенья, и какъ с погаными войну зачать и дѣлать и вершити мыслит; і будет пригожее дѣло подастъ, и имъ о томъ говорити и становити велѣли. А что вы его твердите, что он живот свой скончал, и ест ли уже онъ непрямый в. г. и в. к. Ивана Васильевича, но какъ вы называете Гришка Богдановъ сынъ Отрепьев, чего же для его народ Московской за государя своего прироженного приняли и коруновали? Напрасно в томъ не токмо подданых его *(л. 63)* королевские милости, но и самую Москву винити. Не людцкое то дѣло: дѣлала то сила и рука Всемогущаго Бога. Какъ то народ Московской Гришки Отрепьева Москвитина прямово народу своего человѣка не познали, но прямым дѣдичемъ и прироженным государемъ своим приняли, и на столицу Московскую проводили, и посадили, и коруновали, и крестъ целовали, и вѣру и всякое послушенство отдали и служили, а потомъ, какъ говорите, его убили, что самому Господу Богу Всемогущему вѣдомо есть, Которово судбы непостижимы, что уже се ссталось. И его королевская *(л. — об.)* милость, пан нашь милостивый, вас, в. г. и в. к. Василья Ивановича на великихъ государствахъ ваших велѣли поздоровити. А что людей его королевские милости много в перемирье и в доброй приязни обнадеженыхъ и неначаючи на себя такого безверемянья, одва не спячих, немилостивно и невинно в самой Москвѣ помучили и животы их побрали, а его милость пана воеводы Сендомирскова з дочерью его милости и иных много людей подданных

его королевские милости, которые тамъ, за званьем и на вѣре государя Московского на столице Московской сидяче, го[1] . . . .

. . . .

. . . . *(л. 64)* что вам сильно іс такова великого государства ѣхати. Не токмо что какие люді, малые робята, младенцы, тѣ вас грязью замечют, і надобе вам от таких своих слов унятца. Как такие ваши слова заслышат народ Московской, и вам бы от Московского народа какого дурна не учинилось; а только какое дурно над вами учинитца, і то вам будет от себя, а в. г. его царское величество і бояре от того будут чисты. То вам будет от своей дерзости.

И послы говорили сердитуя: мы де и тому раді, что побьете нас. Только де тѣ слова наши донесите до бояр и учините нам отвѣтъ, коли нас государь отпустит.

И Иван і Ондрѣй послом говорили: мы де тѣ ваши *(л. — об.)* рѣчи царского величества до бояр донесем, а то вам сказываем: царскую мысль хто может вѣдати, как вас отпустит?

І изговоря то, поѣхали от послов; а приставом посольским приказали, велѣли послом за их дурость корму давати всякого половину.

И назавтрее того дни н о я б р я въ 11 д е н ь Литовских послов приставы Ѳедор Пушкин с товарыщи Посольскому діаку Василью Телепневу сказывали: послы де Миколай и Александръ и их люді, встав в полночь, лошаді переседлали, и телѣги впрягли, і сами воорудилися во всю ратную збрую; а хотят ѣхати с Посольского двора сильно.

(л. 65) И Посольской діакъ Василеі Телепнев сказывал про то г. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. И государь указал ѣхати к послом на двор от Посольского діака от Василья Телепнева Посольскому подьячему Петру Третьякову, а велѣл имъ говорити от діака от Василья Телепнева: какие они мѣры затѣели, что приѣхав в такое великое государство, да дѣлати самовольством, хотят ѣхати сильно; і того ни в которых государствах не ведетца, что послом сильно ѣхати. А они так Миколай и Александро с своими людьми при воре при розстриге многие грубости і насильства Московскому народу починили, и только б не в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., их пожаловал, от Московского народа уберег, и они б давно были от Московского *(л. — об.)* народу за свои грубости побиты. А ныне они такое дѣло непригожее всчинают, чего царского величества і до бояр донести не мочно, не токмо что до

[1] Пропускъ, недостаетъ 8 листовъ: нѣтъ окончанія рѣчей посланниковъ и начала слѣд. записи о разговорѣ бояръ съ послами (10 ноября).

государя: хотят ѣхати сильно; і только то Московской народ увидит или услышит, і им всѣм быти побитым, і то им станетца от себя от своей дерзости, а государь і бояре от того будут чисты. И они б такое непригожее дѣло отставили і ожидали себѣ о всем царского повелѣнья.

И подьячей Петръ Третьяков, приѣхав, сказывал: как де он послом по государеву приказу изговорил, і послы де говорили: то де все Посольской діакъ приказывает прежние же рѣчи от себя, а государь де того не вѣдает; і так де мы здѣсь живем долгое время, и з духу де у нас многие люди померли, а иные де многие лежат больны, *(л. 66)* і нам де лутче здѣшнего житья смерть, и мы де сами поѣдем. А битца наперед не станем; а хто де станет нас бить, и мы де самого станем бити. Чтоб де государь пожаловал, прислал к нам от своего лица, и велѣл бы нам сказати: долго ли нам отпуску своего ждати; и мы б де с нимъ говорили, что у нас дѣло есть. А то де діакъ посылает от себя, а государь де того и не вѣдает. А то де намъ за большую досаду, что государь нас самъ управливает і не велѣлъ нам за опалу корму давать; а мы де подданые не государевы, королевские, і на нас де было государю непригоже опала своя класть і за опалу смирять; і за такое де государя нашего безчестье всѣ помрем. Чѣмъ де нам з голоду здѣ помереть, побейте же де нас; іно во всѣх государствахъ слава пойдет, что государь Московской послов велѣл побить. А изговоря де, пошли послы к воротам, а хотят ѣхать сильно, а лошаді у всѣх готовы.

(л. — об.) И подьячеі Петръ Третьяков послом говорил: как вы, панове, такое дѣло всчинаете, чего ни в которых государствах не ведетца, что приѣхав в такое великое государство, да ещо к вору, да ныне хотите самовольством ѣхати и кровь на себя собою навести? Сами себѣ, панове, разсудите: от ково та кровь будет, что над вами от Московского народа здѣлаетца? Какъ вы так дерзостно дѣлаете, не страшитеся суда Божья? И так от вас многая кровь хрестьянская пролилась, а вы вновь ныне кровь же зачинаете. Сами видіте, сколько народу стоит: лише мало поворошитесь, и вас тотчас Московским народом за ваши многие грубости побьют; і то вам будет от себя, в том вас и король и паны-рада не похвалят. А корму не велѣли были вам давати бояре за то, что люді ваши дѣлают дуростью, говорят такие непригожіе слова, чего и одного *(л. 67)* слова молыти теперь страшно; і детей боярских бьют, а вы их от того не унимаете. І как о корму донесли до в. г. нашего, и в. г. нашъ, его

царское величество, приказал, а велѣл вам давати опять кормъ весь сполна. И вы такие непригожие слова отставьте, слушайте і ожидайте о всем царского повелѣнья.

И послы говорили, чтоб де государь прислал к нам кого от своего царского лица і мы б де с ним о государских дѣлех, что у нас есть, поговорим; а только де пришлет к нам кого опять Посольской діакъ, і нам де с ним ничего не говаривать.

И подьячеі Петръ Третьяков послом говорил: которые рѣчи у вас яз слышел, і яз тѣ ваши рѣчи донесу до Посолского діака.

І пошел от послов прочь, *(л. — об.)* а послы остались на дворѣ і пошли после Петра от ворот к себѣ вверхъ.

И г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. говорил о том з бояры, и приговоріл к послом на подворье ѣхати от бояр думному дворянину Ортемъю Васильевичю Измайлову да Розрядному діаку Томилу Луговскому; а велѣлъ послом от бояр о их о всѣх непригожих дѣлех выговорити, и велѣл имъ сказати: как с новымі с королевскими посланники доброе дѣло постановят, и их послов вмѣсте с тѣми посланники государь велит отпустити. И думной дворянин Ортемей Васильевичь да дьякъ Томило Луговской, приѣхав, государю сказывали, *(л. 68)* что они по государеву приказу послом Миколаю і Олександру говорили; и послы де стали радостны и велѣли бити челом бояром, что им про отпускъ обьявили, і они де государева повелѣнья ждут; да велѣли и возы выпрегать. А кормъ Литовским послом велѣл государь давати сполна по прежнему.

И ноября въ 22 день г. ц. и в. к. Василеі Ивановичь в. Р. велѣл Литовскимъ посланником быти у себя государя на дворѣ, а как будут у государя, и имъ итти от государя в отвѣт. А в отвѣте велѣл государь быти с посланники боярину *(л. — об.)* князю Ивану Михайловичю Воротынскому, а написати его велѣл намѣстником Вологотцким, да окольничему Ивану Ѳедоровичю Колычову, а написати его велѣлъ намѣстником Галитцким, да думному дворянину Василью Борисовичю Сукину, а написати его велѣл намѣстником Волотцким, да дьяком думному Василью Телепневу да Ондрѣю Иванову.

И того дни посланники у государя были, а приѣздъ их ко государю на двор и встрѣча была по прежнему, как было на приѣзде. А как посланники вошли к государю в полату, і явил их государю челом ударити окольничей князь Григорей Петровичь Ромодановской. *(л. 69)* А молыл: в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. и многих государствъ государь і облаадатель! Жігимонта

короля Польского и в. к. Литовского посланники Станислав Витовской да князь Ян Соколинскоі вам, в. г., челом ударили і на вашем царском жалованье челом бьют.

И государь велѣл посланником сѣсти на скамейке по прежнему. А посидѣв мало, велѣл государь Посольскому діаку Василью Телепневу молыти посланником, чтоб шли в Отвѣтную полату. *(л. — об.)* И по государеву приказу діакъ Василей Телепнев посланником говорил рѣчь. А молыл: Станислав, княз Ян! В. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. і многих государствъ государь і облаадатель, велѣл вам говорити: которые рѣчи говорили есте на посольстве от государя своего Жигимонта короля, і мы тѣ рѣчи выслушали, і на тѣ рѣчи велѣли есмя вам отвѣт учинити боярину нашему і намѣстнику Вологотцкому князю Ивану Михайловичю Воротынскому с товарыщи. И вы подите в отвѣт.

(л. 70) И посланники Станислав и князь Ян говорили государю: Милостивый государь! Просим вашей государской милости: которые мы рѣчи говорили от государя нашего милостиваго вашей государской милости на посольстве, і ваша государская милость розсказал ныне на тѣ дела намъ отвѣт учинить бояры своими. А мы от государя своего милостиваго, і от панов-рад і ото всѣхъ панов наказ имѣем, выговоря рѣчь на посольстве вашей государской милости, видетись наперед с послы его королевской милости и с воеводою Сендомирскимъ, которые здѣсь невинно задержаны, да потомъ вашей государской милости з бояры думнымі о тѣхъ дѣлех, о которых мы от государя своего милостиваго вашей государской милости *(л. — об.)* на посольстве говорили, и о иных дѣлех говорити і становити. И ваша б государская милость розсказал нам наперед видетися его королевские милости, пана нашего милостиваго, с послы, с воеводою Сендомирским, а потом з бояры своими о дѣлех говорити; а не видевся намъ с послы и с воеводою Сендомирскимъ, ни о каких дѣлех наказу государя своего милостиваго говорити і становити не имѣем.

И г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣл Посольскому діаку Василью Телепневу молыти посланником рѣчь: которую они грамоту подали царскому величеству от государя своего Жигимонта короля, и в той грамоте написано *(л. 71)* об них, чтоб им вѣрити; и которые рѣчи они говорили, и тѣ их рѣчи в. г. выслушал, и на тѣ ихъ на всѣ рѣчи велѣл имъ отвѣтъ учинити бояры своими, і они б шли в Отвѣтную полату.

И как по государеву приказу діакъ Василей Телепнев посланником изговорил, и посланники, ударя челом государю, пошли

в Отвѣтную полату. А с ними шли приставы их, а перед ними конюхи, которые ѣхали в город с приставы: а встрѣчники провожали до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встречали. *(л. — об.)* А по Красному крыльцу и перед Отвѣтною полатою в сѣнех стояли дети боярские, и дворовые люді, и подьячие и торговые люди в чистом платье.

И г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., призвав к себѣ всѣх бояр, велѣл итти в Отвѣтную полату к посланником по своему государеву указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому с товарыщи и дьяком, а велѣл им посланником отвѣт говориті потому, каков им дан на письмѣ; а будет посланники *(л. 72)* учнут о тѣх дѣлехъ с ними говорити, и они б говорили противъ отвѣтного жь списка и по его государеву приказу, какъ он, государь, имъ приказывалъ. А что посланники с ними о которых дѣлех поговорят, и они б о томъ сказали государю. И отпустил государь бояр в отвѣт.

И какъ бояринъ князь Иван Михайловичь Воротынской с товарыщи вошли в Отвѣтную полату, и посланники их встрѣтили блиско дверей; и обьявил боярина князя Ивана Михайловича с товарыщи и думнова діака *(л. — об.)* Василья Телепнева діакъ Ондрѣй Ивановъ. А молыл: царского величества бояринъ и намѣстникъ Вологотцкой князь Иванъ Михайловичь Воротынской, окольничей и намѣстникъ Галитцкой Иванъ Ѳедоровичь Колычовъ, думной дворянинъ и намѣстникъ Волотцкой Василей Борисовичь Сукинъ, думной діакъ Василей Телепневъ, яз діакъ Ондрѣй Ивановъ. И бояринъ князь Иванъ Михайловичь *(л. 73)* с товарыщи и дьяки посланникомъ межь собя дали руки и сѣли по мѣстомъ: бояринъ князь Иванъ Михайловичь, и окольничей Иванъ Ѳедоровичь и думной дворянинъ Василей Борисовичь в лавке от Москвы реки, а посланники в лавке, что от Срѣтенья, а діаки Василей и Ондрѣй сѣли в скамьѣ противъ посланниковъ. И говорили бояринъ князь Иван Михайловичь с товарыщи и дьяки посланником отвѣтъ на их рѣчи по писму по статьям.

Боярин князь Иван Михайловичь Воротынской: *(л. — об.)* Милосерьдия ради милости Бога нашего, в них же посети нас востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ, Сего Бога нашего в Троице славимаго милостию, мы в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., Владимерский, Московский, Новгородцкий, царь Казанский, царь Астороханский, царь Сибирский, государь Псковский, и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Перьмский, Вятцкий, Болгарский і иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, *(л. 74)* Ростовский,

Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сѣверные страны повелитель, и государь Иверские земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей, і иныхъ многих государствъ государь и облаадатель, велѣли вамъ говорити: какъ есте были у нас, в. г., и вы от государя своего Жигимонта, короля Польского и в. к. Литовского, поздравляли нас, в. г., *(л. — об.)* на наших великих и преславныхъ государьствах, и мы, в. г., то от государя вашего Жигимонта короля приимаемъ в любовь. А что говорили есте намъ, в. г., от государя своего Жигимонта короля, какъ в панстве его явился вор, ростригa Гришка Отрепьев, и люди будто Московские изо многихъ мѣстъ и городов приезжали и збиралися к нему, признаваючи его быти прямымъ царевичемъ Дмитреем Углетцкимъ, и честь и службу всякую ему чинили, какъ есть *(л. 75)* государю своему прямому, хотя он на тот часъ ничего не имѣлъ, и, то бутто видечи, люди народу Польсково не столько ему самому, но той Москвѣ, которые до него приезжали, повѣривши, милосерьдье над нимъ мѣли и милостынею его способляли, какъ есть люди крестьянские. И тотъ вор тѣх бутто Московских людей, которые к нему приезжали, посылал до людей Московскихъ, даючи о себѣ знати и провѣдываючи умыслъ их, естли б его, яко прямово прироженново государя своего, за государя признать и принять хотѣли; и, уразумѣвши бутто волю и умыслъ их *(л. — об.)* склонных к себѣ быти, собрал к себѣ нѣкоторыхъ государя вашего людей, межь которыми и панъ Юрьи Мнишко воевода Сендомирской, и иные, которые бутто повѣривши Москвѣ и милосерьдье крестьянское над нимъ имѣючи, провадили его не такъ, какъ на войну, но какъ на готовое дѣло, на прямое государство его спокойное потому, бутто его Московской народ, какъ есть правдиваго прироженного государя своего принять хотѣли. А государь бутто вашь Жигимонтъ король не токмо людьми, и казною или повелѣньем прикладался, *(л. 76)* и помочи никоторые не чинил, но мало бутто и вѣдал. И намъ, в. г., тѣ ваши рѣчи учинилися в подивленье. Какъ государь вашь Жигимонтъ король такие рѣчи приказывает к намъ, в. г., что люди Московские познали его быти прямымъ царевичемъ Дмитреемъ Углетцкимъ, и потому бутто люди его королевские за него вступились и ему помогали, межь которыми и Юрьи Мнишко Сендомирской и иные; а государь вашь бутто тому вору не токмо людми, и казною или повелѣньемъ прикладался и помочи *(л. — об.)* никоторые не чинил, но мало бутто и вѣдал. А намъ, в. г., о том подлинно вѣ-

домо: какъ тотъ воръ, богоотступникъ, ростригa Гришка Отрепьев, пришед за рубежь, образъ ангильской обругалъ, черанеческое платье с себя скинулъ, и приступилъ к римской вѣре, и пришелъ ко князю Адаму Вишневетцкому, потомъ к зятю воеводы Сендомирсково ко князю Костянтину Вишневетцкому, и назвался государьскимъ именемъ царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ Углетцкимъ; а людей Московских с тѣм вором, *(л. 77)* опрочѣ 2 чернцов, которые с нимъ збежали, никого не было, и кому было его свидѣтелствовать, и из Московского государьства нихто к нему за рубежь не прихаживал и присылки к нему ни от кого не бывало. А какъ вѣдомо учинилось про того вора в Чернигове и в ыных Сѣверскихъ украинных городѣх, что он вор, богоотступникъ называетца такимъ государьскимъ именемъ, и бояре и воеводы и приказные люди о томъ в Киевъ ко князю Василью Острожскому, и в Острь, и в Лубну, и в ыные городы писали и приказывали безпрестанно, чтоб тому вору не вѣрили, *(л. — об.)* и смуты б меж государствъ не дѣлали, и про его воровство писали подлинно. А князю Василью Острожскому мочно было и потому знати, что тот воръ и у него в Киеве и по монастыремъ в чорных діаконехъ служил діаконскую службу. И они за то за все не принялися. И повѣрил князь Костянтинъ Вишневецкой его воровскимъ рѣчемъ, а порадовался тому, что тот вор посягает на разоренье истинные нашие непорочные крестьянские вѣры, и сулилъ ему в Сѣверской землѣ многие мѣста, которые кь ево имѣньям подошли, только хотѣнье ево совершитъ. *(л. 78)* И князь Костянтинъ, прельстясь на то, писалъ об немъ х королю, называючи того вора государьскимъ сыномъ, и отвез того вора к тестю своему к воеводе Сендомирскому. И воевода, умысля з зятемъ своимъ со князем Костянтиномъ Вишневетцкимъ и с ыными своими приятели, хотячи того, чтоб имъ в Московскомъ государьстве многими городами завладѣти, и обещалися ему короля и панов-рад Польскихъ и Литовскихъ на то наводити, чтоб ево назвали прямым государьскимъ сыномъ, и за него б вступилися, и людми и казною *(л. — об.)* ему помогали. И учали воевода и князь Костянтинъ того вора выславляти, и во многие государства от него грамоты посылали, именуючи его в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, и на Донъ х казакомъ посылали Литвина Счастново Свирского сь его воровским знаменемъ и к ним писали, что будто король и паны-рада сыскали про него подлинно, что онъ прямой государьской сынъ; и в Сѣверские и в украинные в Польские городы также от того вора писали листы, хотячи *(л. 79)* Московское

государство в смуту привести. И по королевскому велѣнью воевода Сендомирской и князь Костянтинъ Вишневецкой того вора отвезли к Жигимонту королю в Краков.

Окольничей Иван Өедоровичь Колычовъ говорилъ: Бога в Троице славимаго милостию, в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, велѣл вамъ *(л.—об.)* говорити: и Жигимонтъ король, умысля, не памятуя мирново постановенья, какъ утвердились с царемъ Борисомъ меж собя и межъ своими великими государствы, и преступивъ свое крестное целованье, умышляючи на разоренье Московского государства, повѣрилъ тому вору и воеводе Сендомирскому и зятю его князю Костянтину Вишневетцкому, и принял того вора, и честь ему воздал, какъ есть государьскому сыну, и чѣпь золоту, с себя снявъ, положил на него, и многими дары его дарил, и на подмогу тому вору *(л. 80)* на разоренье Московского государства казну дал многую. И паны-рада также многие ему помогали и казну многую давали. А воевода Сендомирской с королевского же и пановъ-рад вѣдома зговорил за того вора дочь свою, и писмомъ своимъ и руками межъ себя утвердилися, и назвал воевода того вора сыномъ, а воръ назвал его отцом. И на то ево воевода привел, и вѣру ему тот вор далъ на том: какъ его король и паны-рада устроят на Московскомъ государстве, и ему всѣхъ православных крестьян во области Росийскаго царствия ото истинные *(л.—об.)* православные крестьянские вѣры отвести, и в римскую вѣру превратити, и православные святые церкви в Росийскомъ царстве разорити и подѣлати костелы римские. И написал тотъ вор в своей записи воеводине дочери 2 великие государства великий Новгород да Псков со всѣми уѣзды, и з думными людьми, и з дворяны, и з детьми боярскими, и с пригородки, и с мѣсты, и с селы, и со всѣми приходы, и поволил в тѣх великихъ государствах монастыри и костелы ставити римские и бискупы и попы и вѣра утвержати римская безо всякие забороны. *(л. 81)* А кой часъ доступит государства Московского, и ему дати воеводе десеть сотъ тысечь золотыхъ польскихъ, а рускимъ числомъ 300000 рублев, а дочери его дати на подьемъ клейнотовъ, и серебра, и бархатов золотых, и всякие казны. А ему вору, будучи на Московскомъ государстве, промышляти о томъ накрепко, чтобъ всѣхъ людей во области Росийскаго царствия от истинные православные хрестьянские вѣры греческого закона отвести, и в римскую вѣру превратити, и православные святые церкви в Росийскомъ царстве разорити, *(л.—об.)* и подѣлати костелы римские. И на томъ на всемъ онъ, богоотступникъ,

еретикъ, воеводе крестъ целовал и присягал перед римскими их учители, что ему по тому своему писму здержати крѣпко и всѣхъ людей Росийскаго царствия в вѣру римскую привести. А воеводе посулил Смоленескъ да Сѣверу со всѣми уѣзды. И то государь вашъ Жигимонтъ король пригожее ль дѣло учинил, не попаметовал нимало крестново своего целованья и такова великого утверженья, что утвержено их государьскими душами, а повѣрил воеводе Сендомирскому *(л. 82)* и Вишневетцкимъ, и такова вора назвал государьскимъ сыномъ, и принялъ его, и честь ему воздал государьскую, и воеводе Сендомирскому велѣл с нимъ племянитись, и утвержати его велѣл на разоренье Московсково государьства? А хотя б прямой государьской сынъ приѣхал ко государю вашему и учал на Московское государство рать замышляти іли иное какое зло, и государю вашему и паном-раде, памятуючи утверженье и крестное целованье, того было учинити не мочно. Чему же вперед вѣрити и чѣмъ меж собя великимъ государемъ утвержатися, коли крестное целованье *(л. — об.)* нестоятельно? А воевода Сендомирской, и сынъ его Сенатцкой староста, и иные паны, обнадежась на то, что их злое умышленье совершилось, король и паны-рада того вора назвали государьскимъ же сыномъ, и за него вступаютца и почитают, и по умышленью и по повелѣнью государя вашего Жигимонта короля и панов-рад на кроворозлитье крестьянское собрали к тому вору многих Польскихъ и Литовскихъ людей и Запорожьских Черкасъ и пошли с ними в Московское государство. И какъ про то вѣдомо учинилось в Московском государстве, что такое злое дѣло всчинаетца *(л. 83)* з государя вашего стороны через крестное целованье, и бояря посылали к паном-раде в гонцѣхъ Смирново Отрепьева, а тот Смирной тому вору родной дядя, и велѣли ему паномъ-раде говорити, чтоб его паны-рада с тѣм его племянникомъ с воромъ, которой называетца царевичемъ Дмитреем, поставили с очей на очи, и он ево воровство обличит. А патриархъ Иевъ Московский и всеа Русии, и митрополиты, и архиепискупы, и епискупы и весь освященный соборъ нарочно посылали с своею грамотою в Киев ко князю Василью Острожскому *(л. — об.)* гонца Ѳеонасья Пальчикова и писали с свидѣтельствомъ, что он, святѣйший патриархъ Иевъ, и во дьяконы его ставил; да и всѣ митрополиты, и архиепискупы, и епискупы и весь собор его вора и богоотступника знают. И онъ бы, воевода Киевской князь Василей, тому всему, что в той грамоте писано, вѣрилъ, а тому вору вражьей его прелести ни в чемъ не вѣрилъ, и его велѣл поймати, и прислал бы его в Московское госу-

дарство, и по его злодѣйскимъ дѣломъ по правиломъ святых отецъ и по *(л. 84)* соборному уложенью такъ над ним и учинят, чтоб за то мирное постановенье не порушилось и меж великих государей большово нелюбья и межъ государствъ от такова вора от ево бесовские прелести смуты и кроворозлитья не всчалося.

Думной дворянинъ Василей Борисовичь Сукинъ говорил: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, *(л. — об.)* в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель, велѣл вам говорити: и государь вашь и паны-рада тому всему не повѣрили, Смирново Отрепьева с тѣм вором, с племянником его, с ростригою с очей на очи не поставили, а князь Василей Острожской патриархова гонца Өеонасья Пальчикова у себя посадил в крѣпость и назад его не отпустил. И какъ пришли воевода, и сынъ его, и Острянской староста, и иные паны с тѣмъ воромъ и со многими Польскими и с Литовскими людьми в Росийское *(л. 85)* государство на Сѣверу, и учали прельщати и устращивати тутошнихъ севрюковъ королевским же именем, бутто король и паны-рада про него подлинно сыскали, что он прямой царевичь, и стояти за него хотят всею Польшею и Литвою, и идутъ они с нимъ по королевскому велѣнью и пановъ-рад. И на Сѣвере мужики севрюки, люди простые, также забыв Бога, и душу свою повѣрили воеводе Сендомирскому Юрью Мнишку с товарыщи, что он панъ радной, и учали приставати к тому вору. А до тѣхъ мѣстъ, покамѣста того вора *(л.—об.)* Сендомирской воевода и иные паны на рубежь не привели, ни одинъ человѣкъ нашего Московского государства к тому вору за рубежь в государя вашего государстве не приѣзживали, и царевичемъ его не называли кромѣ тѣх, которые будетъ к нему пристали в Литвѣ такие же воры, прежние измѣнники и беглецы Московского государства. А какъ воевода с тѣмъ воромъ Монастыревских и Черниговскихъ людей смутилъ, и бояре ис полковъ про цареву про Дмитрееву смерть и про того вора писали к воеводе Сендомирскому (*л. 86*) многижда с свидѣтельствомъ, чтоб онъ тому вору не вѣрил, и межь великими государствы ссоры не дѣлалъ, и крестново целованья и мирново постановенья не нарушивал, и крови крестьянские не проливал. И воевода бояромъ и всей рати не повѣрил, хотячи в Московскомъ государстве владѣтелемъ быти, и многую кровь крестьянскую пролил. А что говорили есте, будто король тому вору ничѣмъ не вспомогал и мало о томъ король и вѣдалъ, и воевода Сендомирской самъ передо всѣми нашими бояры сказал, что онъ с тѣм воромъ *(л. — об.)* шол ратью на Московское государство по королевскому

розсказанью и панов-рад, и казну на его росход давал король, и людей ему наймовати велѣл тою казною, что было воеводе доходов дати королю с своего староства. А к нему де, воеводе, того вора привел зять его князь Костянтинъ Вишневетцкой; а свидѣтельствовал деи того вора, будто он царевичь, Литовского канцлѣра Лва Сопѣги человѣкъ Петровской да другое воеводин хлопецъ, а тот Лвов человѣкъ бывал Москвитин, звали его Петрушкомъ, холоп сына боярского Истомы Михнова. И какъ были *(л. 87)* в Литвѣ от царя Бориса послы бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыков с товарыщи, и тот холопъ от Истомы збежал, пократчи, чаю вамъ про него и самимъ вѣдомо. И то ли свидѣтельство: вор и беглецъ вора и беглеца свидѣтельствовал? Хто такому злому дѣлу не подивитца? Да к тому какъ мочно сстатися, что пану-раде воеводе Сендомирскому, и сыну его старосте Сѳнатцкому, и старосте Острянскому Михайлу Ратомскому, и иным с такими со многими с Польскими и с Литовскими людьми собрався, *(л.—об.)* с тѣмъ вором итти на Московское государство без королевского и панов-рад вѣдома? А онъ, воевода Сендомирской Юрьи Мнишко, в коруне Польской опричь духовново чину пан-рада 4-ой. Какъ такихъ неправедных словъ не стыдно и говорити, бутто король тому вору ничѣмъ не помогалъ и мало о томъ и вѣдал? Да и грамоты многие, которые к тому вору присыланы от папы Римского, и ис Польши от легата папина, кото(ро)й живет при короле в Кракове, и от кардинала Краковского за их печатьми и руками, и которые грамоты *(л. 88)* тот вор ростригa х королю и к ним ко всѣм ис Польши и из Литвы, и какъ пришед к Москве от себя посылал, и иное многое писмо, что сыскано после того вора ростриги, на государя вашего Жигимонта короля и на панов-радъ свидѣтельствуют, что государь вашь Жигимонтъ король и паны-рада тому вору всякимъ умышленьем на Московское государство и истинные нашие православные хрестьянские вѣры на розоренье помогали. А будет похотите тѣхъ грамотъ смотрити, и мы, в. г., тѣ грамоты и запись воровскую утверженную *(л.—об.)* с воеводою воеводину руку велимъ вамъ покозати.

Дiакъ Василей говорил: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель, велѣл вамъ говорити: а что есте говорили намъ, в. г., от государя своего Жигимонта короля, что за писаньем и посланьем царя Бориса государь вашь Жигимонтъ король всѣмъ подданымъ своимъ листы своими королевскими з грозою розсказал, чтоб ся до домов своихъ розьѣхали, *(л. 89)* а тому вору помочи не чинили, и пере-

мирья с Москвою не порушали, и воевода будто Сендомирской и иных многих людей подданых государя вашего за тѣми королевскими листы и розсказаньемъ прочь от того вора до домов своих розъѣхалися, опричь козаков Низовых и иных своеволных людей, которые у него остались, и Москва будто сама за прямово дѣдича и прироженново государя своего приняли, и на государство проводили, и посадили, и крестъ целовали, почему же бутто мы, в. г., государя вашего Жигимонта короля и подданых его виним, *(л.—об.)* что государь вашь перемирье постановленое и присягу нарушил, а то будто дѣло начал, и дѣлал и совершилъ народъ Московский,— и то государь вашь Жигимонтъ король приказывал к намъ, в. г., не потому, какъ то дѣлалось. Здѣлалось то все злое дѣло з государя вашего стороны, а не нашего Росийскаго государства людьми. Как тот вор рострига по королевскому россказанью и пановъ-рад по велѣнью с Сендомирским воеводою, и с сыном с Сенатцким старостою, и с Острьскимъ старостою с Михайломъ Ратомскимъ со многими Польскими и Литовскими *(л. 90)* людьми пришол в нашу землю на Сѣверу, и, свѣдав то царь Борис, что з государя вашего стороны всчинаетца злое такое дѣло через крестное целованье, посылал для того вора нарочно ко государю вашему Жигимонту королю по сланника своего Посника Огарева; и о томъ царь Борис ко государю вашему Жигимонту королю с посланникомъ приказывал: держати ли ему вперед перемирье. А светейший Иевъ патриархъ Московский и всеа Русии, и архиепискупы, и епискупы посылали к навысшей раде коруны Польские и великого *(л.—об.)* княжества Литовского к арцыбискупом, и бискупомъ, и ко всему духовному чину з грамотами, за всѣми своими печатми, посланника своего Оядрѣя Бунакова о том же воре, и писали про него подлинно с свидѣтельством, чтобы паны-рада тому вору не вѣрили, и крови крестьянские через крестьное целованье не проливали, и мирново постановенья не нарушивали. И государь вашь Жигимонтъ король и паны-рада перед посланникомъ перед Посникомъ в томъ во всемъ запиралися, а говорили, что они тому вору не помогают ничѣмъ, *(л. 91)* и мирново постановенья не нарушивают, и вперед держати хотят; а тотъ воръ будто ушол у нихъ на Волынь, а хто будет ему ис Польши и из Литвы помогали, и тѣхъ хотѣли казнити. И отпустя от себя посланника, больши прежнего учали тому вору всякими мѣрами помогати, и ис Польскихъ и из Литовских городовъ изо всѣхъ пограничныхъ мѣстъ в Московское государство безпрестани старосты и державцы присылали листы, называя того вора прямымъ царевич-

чемъ Дмитреем Ивановичемъ, *(л. — об.)* хотячи Московское государство в ссору и в разоренье привести и истинная наша православная крестьянская вѣра порушити. А посланника Ондрѣя Бунакова, которой посылан от святейшего Иева патриарха Московского и всеа Русиі, и от митрополитов, и от архиепискуповъ, и епискупов к навысшей раде к духовному чину коруны Польские и великого княжества Литовского, Виленской бискупъ Венедиктъ Война у себя задержал, и против патриарховы грамоты отвѣту никакова не учинил, а отпустил его от себя, *(л. 92)* какъ уже ростригa на Москвѣ смуту учинил. А по воеводу и по иных Польскихъ и Литовских людей, которые въ ту пору пошли с воромъ на Сѣверу король не посылывал и наказанья имъ никоторово не учинил; а отшел воевода от того вора собою после того, какъ ему бой был з бояры и воеводы Московского государства под Новымгородком, а отходил для помочи же тому вору, а не за королевскимъ повелѣньем. А староста Острьской Михайло Ратомской, и Тишкѣевичь, и ротмистры, и всѣ Польские и Литовские большие люди осталися с тѣмъ воромъ. А какъ тот *(л. — об.)* вор с побою ис-под Сѣвского острогу ушол в Путивль с невеликими людми, а многие Польские и Литовские люди на томъ бою побиты, а Тишкѣевича, и ротмистровъ и многую шляхту на томъ бою живых взяли, и в ту пору досталные Поляки и Литва побежали в Полшу и в Литву с того побою, видя свою незгоду, а не за королевским же россказаньем. И ис Путивля былъ тот вор, вѣдая свое воровство, хотѣл бежати опять в Польшу. И Сендомирской воевода, и Вишневетцкие, и Острянской староста Михайла Ратомской, *(л. 93)* исполняя повелѣнье Жигимонта короля и пановрад, и умысля своимъ злодѣйством, и хотячи в Московском государстве ссору и кроворозлитье учинити, писали к тому вору в Путивль, чтоб он ис Путивля не ходил, а он, воевода, по королевскому и пановърад велѣнью идет опять самъ со многими Польскими и Литовскими людми к нему на помочь; да и иных многихъ розных государствъ многие люди с нимъ к тому же вору, к ростриге, на помочь идут. Да тот же часъ пришол к нему опять в Путивль Михайло Ратомской, собрав многихъ Польских и Литовских людей, *(л.—об.)* И тот вор, обнадежеся на то воеводцкое писмо и что Польские и Литовские люди опять к нему пришли на помочь, сталъ в Путивле мецкать. А ис пограничныхъ изо всѣхъ городовъ з государя вашего королевские стороны державцы и урядники учали опять писати во всѣ Сѣверские и украинные городы к черным людемъ беспрестани, и в полки в Московские лазучников с воровскими листы присылали,

и метали тайно, називаючи того вора прямымъ царевичемъ, и чтоб против того вора не стояли, и ему поддавалися, а за него де *(л. 94)* хочет стояти государь вашь Жигимонтъ король со всею Польскою и Литовскою землею и иные пограничные государи, и идутъ паны радные со многою силою. — Да в тѣ же поры, судомъ Божьимъ, в Московском государстве царя Бориса не стало, и ис полковъ многие бояре и дворяня по присылке на погребенье царя Бориса поѣхали к Москве, а осталися немногие бояре и воеводы, а с ними толко ратные люди Сѣверскихъ и украинных городов, стрельцы и казаки и черные люди. И тѣ люди в полкѣхъ, послыша царя Борисову смерть и повѣря вашим смутамъ, *(л.—об.)* что за него король, и паны-рада, и вся Польша и Литва вступаютца, смуту в полкѣхъ учинили. И бояре и воеводы и дворяня, которые туто были оставлены, видячи такое смятенье, побежали к Москве; а которые не ушли, и тѣхъ, поимав и перевязав, отвели к вору в Путивль. А все то ссталось умысломъ и вспоможеньем государя вашего Жигимонта короля и панов-рад. А только б не помогали тому вору государь вашь и паны-рада, и ему было какъ на такое дѣло и помыслити? Пришел он за рубеж в государя вашего государство *(л. 95)* только в чернечетцкой свитке да в клобукѣ. А какъ в полкѣхъ Сѣверских и украинных городов стрельцы и козаки и черные люди смуту учинили, и тот вор ростригa, умышляючи с Полскими и Литовскими людми, которые при немъ были, учали в Московские городы, которые от Сѣверские и от Польские украины, свои воровские прелестные грамоты писати. И в тѣхъ городѣхъ черные простые люди, смотря на Сѣверские и на украинные городы, учали прельщатися, и по городом бояр и воевод и лутчих людей побивати, *(л.—об.)* а иных по тюрьмамъ сажати, а иных к тому вору, богоотступнику отсылати; а онъ вор тѣхъ бояр и воевод побивал, а иных в дальные городы в заточенье отсылал. А какъ тот вор с Польскими и с Литовскими людьми пришол блиско царствующаго града Москвы, и черные люди Московского государства восколебались, и бояр и дворян и лутчих людей, которые их от тоѣ прелести унимали и отводили, иных побили, а иных переимали, и в царствующемъ градѣ Москвѣ смуту учинили. А какъ тот вор с Польскими и с Литовскими людьми пришол к Москве и он, вѣдая *(л. 96)* свое воровство и бояр обличенья, патриарха, и митрополитовъ, и архиепископов, и епископов, и больших бояр, и дворян, и всякихъ лутчих людей, которые его знали, и злое его воровство хотѣли обличити, многихъ тотчасъ побилъ, а иныхъ по дальним городомъ розослалъ,

и подал волю Полякомъ и Литвѣ на всякое воровство, чтоб на Московское государство страх навести. А около себя во всякихъ чинѣхъ приставил Польскихъ и Литовских людей и безпрестани з государемъ вашимъ Жигимонтомъ королемъ и с паны-радами на розоренье Московского государства *(л.—об.)* и истинные нашие православные хрестьянские вѣры ссылался; а писали у него тѣ грамоты и ѣздили с тѣми грамотами ко государю вашему и к паном-раде от него Поляки Бычинские и иные такие же, которые жили у того вора. И Московского государства бояря, и дворяня, и лутчие люди, которые были на Москвѣ, страшася от того вора смертного убивства и заточенья, до времени тому вору терпѣли, потому что многие бояря и дворяня и ратные люди были в далних государствах Росийскаго царствия. А вся та смута и кроворозлитье в Московскомъ государстве *(л. 97)* учинилася з государя вашего стороны; а только б государь вашь Жигимонтъ король и паны-рада того не всчали, и не называли бы того вора государьским сыномъ, и тому вору на такое злое дѣло умыслу своего и помочи не подали, и тому было ничему в Московскомъ государстве не бывати. — А что есте нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля говорили: какъ тотъ вор рострига, учинясь на Московскомъ государстве, с вѣдома всѣхъ князей и бояр присылал до государя вашего *(л. — об.)* Жигимонта короля посланника своего Өонасья Власьева, хотячи з государем вашимъ з Жигимонтомъ королемъ вѣчного покою и соединенья противъ поганцов и всѣхъ неприятелей крестьянскихъ, и просячи того, чтоб государь вашь Жигимонтъ король поволил ему попять себѣ в жену дочь воеводы Сендомирского, и государь вашь Жигимонтъ король будто тому вору воеводенку Сендомирскую взять себѣ за жену не росказывал, также и воеводе Сендомирскому, чтоб дочь свою дал за жену, кому хочет, не запрѣщивал, и отослал того посланника Өонасья *(л. 98)* Власьева к воеводе Сендомирскому, чтоб воевода Сендомирской о дочери своей думал, какъ отецъ, и чинилъ то, какъ бы ему лутче виделось; а государь вашь Жигимонтъ король за тѣмъ посланьем, будто хотячи всего добра крестьянству, послал к тому вору послов своихъ Миколая Олешнитцкого, каштеляна Малогосково да Олександра Гасевского, поручивши им, чтоб они услышели у того вора и уразумѣли, какими обычеи тот воръ з государемъ вашим Жигимонтомъ королем хочетъ вѣчнова покою и соединенья, и на поганов стояти, и какъ с погаными война *(л. — об.)* зачати, и дѣлати и вершити мыслитъ, і будетъ тот воръ пригожее дѣло им подастъ, и имъ о томъ говорити и становити ве-

лѣлъ. I государю вашему Жигимонту королю тѣмъ себя оправдати нѣчемъ. А вамъ о томъ и выше сего в семъ отвѣте обьявлено, какъ тот воръ ростригa государя вашего и панов-рад умысломъ и вспоможеньемъ пришол в Московское государство со многими Польскими и Литовскими людми, и в Московскомъ государстве патриарха, и митрополитов, и архиепискупов, и епискуповъ, и бояр, и окольничих, и лутчих дворян и дьяков иных побил, *(л. 99)* а иных в дальные мѣста розослалъ; и онъ в Московскомъ государстве с Польскими и с Литовскими людми дѣлалъ по своей воле, что хотѣлъ, и посланников и гонцов посылал. А Ѳѳонасью Власьеву что было вѣрити? Ѳѳонасей, воръ и совѣтникъ его, поѣхал ко государю вашему к Жигимонту королю от него тайнымъ обычаемъ, и писал с нимъ вор ростригa тайные воровские листы х королю и к паномъ-раде по латыне, и совѣтовалъ с вашими жь Поляки з Бычинскими и с ыными с такими же; а бояром и думнымъ людем про то ничего не вѣдомо. Да что уже на Ѳѳонасья *(л. — об.)* и указывати? Ѳѳонасей уже ѣздил в ту пору, какъ тотъ вор с Поляки и с Литвою на Москвѣ всѣмъ владѣл. За што в тѣ поры король и паны-рада не вѣрили, какъ о томъ воре посыланы от царя Бориса, и от духовново чину, и от бояр х королю и к паномъ-раде посланники и гонцы, и ис пограничных мѣстъ воеводы и намѣстники х королевскимъ воеводам, и к старостамъ, и к державцом также про того вора беспрестани писали? И государь вашь Жигимонтъ король и паны-рада царю Борису, и патриарху, и всему освященному собору, *(л. 100)* и бояромъ не повѣрили и, преступив свое крестное целованье, одному того вора измѣнничью слову повѣря, такое крово-розлитье и разоренье Московскому государству учинили. А какъ за того вора в Кракове воевода Сендомирской дочь свою обручал, и государь вашь Жигимонтъ король самъ тутъ у воеводы на обручанье был с сестрою и с сыномъ, и всѣ паны-рада, которые в тѣ поры при королѣ были, тут же у воеводы были. А тому какъ было мочно сстатися, что воеводе зговаривати за такова вора беглеца дочь своя бес *(л. — об.)* королевского указу? — А что говорили есте о Миколае Олешнитцкомъ да о Олександре Гасевском, будто ихъ государь вашь Жигимонтъ король к тому вору послалъ в послѣх, и послы такъ ни в которых государствахъ не приезжаютъ, какъ они приѣхали в Московское государство ратнымъ обычаем, урядясь в збруях и с копьи. А Миколай воеводе Сендомирскому свой. А Олександро, договоряся с тѣмъ вором, приѣхал в Московское государство при нем уже вдругие на розоренье Московского государства.

А посольства их никоторого *(л. 101)* бояре не вѣдали. И умыслъ у всѣхъ у них был такой, сами говорили Поляки и Литва, приѣхав к Москве, не тайным обычаемъ, что руских лутчих людей всѣхъ побити, а Поляком сѣсти и вѣра греческая попрати, а римская утвердити. И дѣлали Миколаевы и Олександровы люди в Московскомъ государстве всякое насильство, также как иные Поляки и Литва. А приезжали Миколай и Олександро к тому вору, и были у него, и умышляли с нимъ наодинѣ, бояр думныхъ тут никово не было, и посольства их, с чѣм они к нему пришли, того всего не вѣдали, и говорили они с тѣм *(л. — об.)* воромъ тайно не по посольскому обычею. — А что говорили есте намъ, в. г., от государя своего Жигимонта короля о том же воре, о ростриге, о Гришке: коли уже он живот свой скончал и былъ не прямой царевичь, чего же для его будто народ Московской за государя своего прироженного приняли и коруновали, и в томъ будто не токмо государя вашего подданныхъ, но и самую Москву напрасно винити: не людцкое то дѣло; дѣлало то сила и рука Всемогущаго Бога, что народ *(л. 102)* Московской того вора ростриги не познали, и за прямово государя его приняли, и на государство проводили, и посадили и крестъ целовали. И о том ужь вамъ говорено, какъ тотъ вор государя вашего Жигимонта короля и пановъ-рад умысломъ и способомъ наперед учинил смуту в Сѣверскихъ и в Польских в украинных городѣхъ, и потомъ в полкѣхъ и в Московскомъ государстве, и какъ к Москве со многими Польскими и Литовскими людми пришелъ, и какъ духовной чинъ, и бояр, и дворян и лутчихъ людей иных побил, а иных в далние мѣста розослалъ, *(л. — об.)* а самъ тот вор с Поляки и с Литвою в Московскомъ государстве овладѣл. А ныне вы и сами на государя своего Жигимонта короля и на себя в том своими словы свидѣтельствуете, говорите, что то не Московской народ здѣлал, здѣлало то сила и рука Всемогущаго Бога, и Богъ творит, елико хощет. А государю вашему Жигимонту королю и паномъ-раде не надобно было за такова вора вступатись и на государство устраивати. Надобе было государю вашему паметовати крестное целованье, на чом онъ царю Борису *(л. 103)* и всѣмъ великимъ государствам Росийскаго царствия крестъ целовал; а в перемирныхъ в обѣихъ записях написано: государю на государя и государствамъ на государьства всякому недругу в тѣ перемирные 20 лѣт людьми и казною не помогати. Хто тому не подивитца, что такое великое утверженье государя вашего и панов-рад не воспретило? А только б не государь вашь Жигимонтъ король и паны-рада

тому злому врагу и еретику, розстриге, Гришке на такое злое дѣло умыслъ свой и способ дали, и ему было злодѣю какъ на такое дѣло и помыслити? *(л. — об.)* Все то зло совершилося з государя вашего стороны.

Діакъ Ондрѣй Иванов говорил: Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель, велѣлъ вамъ говорити. А что говорили есте намъ, в. г., от государя своего Жигимонта *(л. 104)* короля, что людей государя вашего много немилостивно и невинно в самой Москвѣ помучили и животы ихъ пограбили, а они того не надѣялися, а пана воеводу Сендомирсково и иныхъ многихъ людей подданныхъ государя вашего, которые за званьемъ того вора розстриги приѣхали, а сверхъ того будто пословъ опасомъ обнадеживши, неслушне задержали, и для того государь вашъ Жигимонтъ король послал вас посланниковъ своих насъ, в. г., напомянути, чтоб мы, в. г., пословъ государя вашего Миколая Олешнитцкого, *(л. — об.)* каштеляна Малогосково, да Олександра Гасевсково, старосту Велижского, также воеводу Сендомирсково и всѣх приятелей его, которые с нимъ в Московское государство приѣхали, и иных подданных государя вашего, также подданных брата нашего великого государя Рудельѳа цесаря Римсково со всѣми их животами и с товары безо всякого задержанья тотъчасъ выпустили и учтиве до рубежа велѣли проводити, а которымъ обиды и убытки починилися и слугъ и людей побито, и нам бы, в. г., справедливость учинити, *(л. 105)* винных показнити, и животы их всѣ отдати, и убытки и обиды нагородити велѣти, — и на ту статью отвѣт. Вѣдомо всѣмъ пограничнымъ великим государемъ, что вся смута и кроворозлитье в Московскомъ государстве учинилось от государя вашего Жигимонта короля и от панов-рад, которые на то мыслили и совѣтовали, а начало тому злу Вишневетцкие, и воевода Сендомирской, и его приятели, которые ныне в Московскомъ государстве. А что оправдаете воеводу, и ево родство, и Миколая Малоговсково и Олександра Госевского тѣмъ, что они пришли в Московское государство *(л. — об.)* по ростригине присылке и по опасу, и рострига коснулся Московсково государства умысломъ и вспоможеньем Жигимонта короля и панов-рад и дѣлал розстрига то все, что годно королю и паномъ-раде, — и по воеводу и по его приятелей посылал совѣтника своего Ѳеонасья Власьева, и умысля будто пословъ ис Польши и из Литвы призывал для того, чтоб ему, приведчи многих людей, обещанье свое и королевское повелѣнье совершити, в Росийскомъ государстве вѣра православная

разрушити, и церкви Божии разорити, и лутчих *(л. 106)* людей духовного чину, и бояр, и дворянъ, и всякихъ людей побити, а утвердити б римская вѣра, и костелы учинити. А писали у того вора грамоты х королю по латыне ваши жь Поляки, которые при томъ воре жили, и печатал тот вор тѣ грамоты у себя, взяв всѣ печати ис Посольские полаты; а бояря и всякие думные люди того не вѣдали. И многую нашу царскую дорогую казну прежнихъ прародителей нашихъ великихъ государей царей Росийских в Польшу х королю, и к воеводе Сендомирскому, и к дочери его, и кь их приятелемъ с своими *(л. — об.)* совѣтники и с Поляки з Бычинскими и с ыными отослал, чего было он вор и видети недостоен. И Сендомирской воевода и его приятели по королевскому и панов-рад велѣнью приѣхали к тому вору розстриге в Московское государство по совѣту с тѣмъ воромъ для разоренья Московского государства и истинные нашие непорочные хрестьянские вѣры со многими Польскими и с Литовскими людьми, воорудяся в збрую ратнымъ обычаемъ, и, пришед к Москве, по совѣту с тѣмъ воромъ многие церкви Божьи осквернили и иконы святых обругали, *(л. 107)* и римские и люторские и розных многихъ вѣр люди в церкви Божьи ходили с оружьемъ, чего в нашей в православной вѣре искони не бывало; а иных скверныхъ дѣл и писати невместимо. Такое злое поруганье крестьянской вѣре чинили: честные кресты, привязав к поясу, носили и корчмы у церквей Божиихъ держали, и всякое скверное дѣло дѣлали для поруганья крестьянского. И попы и всѣ православные крестьяне не смѣли уже и к церквам Божиим приходити, и многие церкви Божьи стояли без пѣнья, и православнымъ крестьяномъ *(л. — об.)* в Московском государстве многое насильство чинили, грабили, побивали до смерти, и жены у мужей и дочери у отцов отъимали не тайно, явно, и иные неистерпимые гонения и грубости чинили. А послѣдней был умыслъ того вора ростриги с воеводою Сендомирскимъ, и сь его приятели, и с Миколаемъ, и с Олександромъ, и со всѣми Польскими и Литовскими людми, которые приѣхали с розстригою, и с воеводою Сендомирскимъ, и сь его приятели, и с Миколаем и с Олександромъ, хотѣли на Москвѣ митрополитов, и архиепискупов, *(л. 108)* и епискуповъ, и весь священнический и иноческий чин, и бояр, и дворян, и приказных людей, и гостей, и всякихъ лутчихъ служилых и жилетцких людей Росийскаго царствия, тайно умышляя и оманом, побити, и престолы Божьи во святых церквах разорити, и православную нашу крестьянскую вѣру до конца разрушити, а римскую вѣру в Московскомъ государстве утвердити, и костелы и

монастыри римские устроити. И мы, в. г. ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с., и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, *(л.—об.)* и бояря, и дворяня и всенародное множество Росийскаго царствия, видя такое разрушенье истинней нашей православной крестьянской вѣре и всему Росийскому царству конечную погибель, о томъ зельне возрыдали и, прося у Бога милости, обещались всѣ за истинную нашу непорочную крестьянскую вѣру против того богоотступника, еретика, ростриги и противъ его совѣтников стати, и подвизатися крѣпце и мужественне до смерти, и ожидали того, какъ изо всего Росийскаго царствія служилые и всякие люди посьѣдутца, чтоб имъ было явно того богоотступника *(л. 109)* воровство и злой его вражей совѣтъ. А то вамъ самимъ вѣдомо, что наше Московское широкое государство к востоку и к полуночи от Москвы до иныхъ мѣстъ в полгода не съезжают. А как изо всего Росийскаго царствия служилые и жилетцкие и всякие люди сьѣхалися, и милосердый Богъ всѣмъ людемъ его еретическую богомерскую прелесть и вражей злой совѣт обьявил, и, вооруdяся силою животворящаго Креста, тому богоотступнику, еретику, облича его, месть воздали, злѣ окоянный живот свой скончал. А которые Польские и Литовские люди пришли *(л. — об.)* к тому вору на разоренье Московского государства с воеводою Сендомирским и с его приятели, и тѣх Польских и Литовскихъ людей, за их неистерпимые грубости и насильства и что они стали были за вора за ростригу, учали Московской народ побивати, и Московского государства люди хотѣли всѣхъ побити до смерти. И мы, в. г., по своему царьскому милосердому обычею кроворозлитье уняли, многих Польскихъ и Литовских людей побити не дали и от смерти их свободили; а на посолскомъ дворѣ не дали убити ни одного человѣка *(л. 110)* и шкоды им никакие не учинилося. А только бы мы, в. г., от смерти их не защитили, и имъ было за их многие грубости и насильства, и что они за вора стали, от Московского народа всѣмъ быти побитымъ. Да и в Литву и в Польшу велѣли есмя тѣхъ Польскихъ и Литовских людей из Московского государства отпустити многих опрочѣ тѣхъ, которые межь Московсково государства и коруною Польскою и великимъ княжством Литовскимъ большую ссору и кроворозлитье учинили и Московское государство с тѣмъ вором хотѣли *(л. — об.)* разорити. — А что есте нам, в. г., говорили, чтоб мы, в. г., Миколая Олешнитцково да Олександра Гасевсково, также и воеводу Сендомирсково и сь его приятели, и иных подданыхъ государя вашего велѣли отпустити, и вамъ то обьявлено, что воевода Сендомирской

и с своими приятели, и Миколай Олешнитцкой, и Олександро Гасевской задержаны у насъ, в. г., в наших государствах в неправдахъ государя вашего *(л. 111)* Жигимонта короля и панов-рад и в своих, которые неправды, и кроворозлитье, и убытки и насильства многие в Московскомъ государьстве от них починилися, о которых мы, в. г., прежь сего к государю вашему к Жигимонту королю приказывали с посланники нашими з дворяниномъ и намѣстником Елатомским со князем Григорьемъ Костянтиновичемъ Волконскимъ да з дьякомъ с Ондрѣемъ Ивановымъ, и вамъ то обьявлено же. И ныне мы, в. г., хотимъ того вѣдати: с которымъ исправленьем Жигимонтъ король *(л. — об.)* прислал вас к намъ, в. г., и на которой мѣре государь вашъ Жигимонтъ король велѣл вамъ о тѣх, которых вы называете послами, о Миколае Олешнитцком да о Александре Гасевскомъ, также и о воеводе Сендомирскомъ и о его приятелех дѣлати и становити. А то вамъ самимъ вѣдомо: какъ с тѣмъ воромъ воевода Сендомирской пришел за рубеж на Сѣверу в Московское государство, и царь Борис посылал бояр и воевод против того вора и Польскихъ и Литовскихъ людей. *(л 112)* И в томъ нашей царьской казнѣ учинилося убытка с 600000 рублевъ опричь земскихъ убытковъ. А какъ уже тотъ вор пришол в царьствующий град к Москве, и онъ воръ однoѣ нашие царьские казны отослал в Польшу и в Литву к воеводе и ко его приятелемъ с своими совѣтники и с Поляки денгами, и золотыми, и ѳѳимками, и судами серебреными, и собольми и всякою мяхкою рухлядью больши 500000 рублевъ. Да он же вор посылал х королю и к паномъ-раде в поминкех *(л. — об.)* из нашие царские казны дорогие суды, и платье, и конские наряды, и многую нашу царскую казну. А на Москвѣ воеводе же Сендомирскому, и его дочери, и приятелемъ, и иным Польскимъ и Литовскимъ людемъ роздал тот воръ нашие же царьские казны денгами, и золотыми, и ѳѳимками и всякими дорогими узорочьи с 300000 рублев. А и опричь нашие царские казны нашего государства людемъ купетцкимъ и земскимъ учинилися в томъ многие и великие убытки. И вы б нашимъ бояромъ обьявили, что вам *(л. 113)* о томъ о всемъ государя вашего наказ. — А что припоминаете в. г. брата нашего Рудельѳа цесаря Римского о торговыхъ людехъ, что будто его подданые в нашемъ государьстве, и намъ бы ихъ потому жъ со всѣми ихъ животы и товары велѣти отпустити, — и при нашемъ государстве в. г. брата нашего Рудельѳа цесаря Римского торговыхъ людей никаких в Московскомъ государстве не бывало и ныне нѣтъ; а которые торговые люди *(л. — об.)* приезжали в Московское госу-

дарство при ростриге, и тѣ всѣ со всѣми их животы и с товары с Москвы отпущены и грабежей имъ и насильства никаково при нашем государстве не бывало. — А что говорили есте намъ, в. г., от государя своего Жигимонта короля, что при прежнихъ великих государех Московскихъ, многихъ торговых людей Польскихъ и Литовскихъ подданых государя вашего многижда задерживаючи в перемирные лѣта, многие убытки имъ чиниваны, *(л. 114)* и у многих товары их до государевы казны иманы и не отдавываны, также будто и при нашемъ государстве многихъ торговыхъ людей с товары их задержено, и с нашего ль то вѣдома или нѣт, и намъ бы, в. г., всѣхъ купетцкихъ людей подданныхъ королевскихъ со всѣми ихъ товары и з животы без задержанья отпустити и за товары б, которые будто взяты в казну прежнихъ великихъ государей блаженные памяти ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., *(л. — об.)* и сына его блаженные памяти ц. и в. к. Ѳеодора Ивановича, в. Р. с., и царя Бориса, и что взято при воре при ростриге, заплатити и нагородити велѣти, — и на ту статью отвѣтъ. Которые будет товары у Литовскихъ торговых людей иманы в казну при прежних великих государех при в. г. ц. и в. к. Иване Васильевиче, в. Р. с., и при сыне его при в. г. ц. и в. к. Ѳеодоре Ивановиче, в. Р. с., и при царѣ Борисе, *(л. 114* bis) и за тѣ товары тѣмъ торговымъ людемъ тогды ис казны и денги поплачены. И какъ были у царя Бориса государя вашего Жигимонта короля послы канцлѣр великого княжьства Литовсково Левъ Сопѣга с товарыщи, и они говорили, что иманы у торговых людей государя вашего товары до казны в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р., а сполна деи им денегъ не дошло, и царь бы Борис велѣлъ имъ денги доплатити. И о томъ Лву Сопѣге с товарыщи отказано: *(л. — об.)* которые бьют челомъ лѣт за 30 и за 40, и того сыскати нѣкимъ: при ком тѣ дела были, и тѣхъ ныне нѣтъ. И в томъ Лву отказано, чтоб Литовские торговые люди вперед о томъ не били челомъ. Да и прежнимъ Литовскимъ посломъ и посланникомъ, которые наперед Лва бывали, в такихъ дѣлехъ отказывано, что сыскати того нѣкимъ. А которые торговые люди государя вашего с ними были и били челомъ на наших людей о управах и о обидных дѣлехъ, и тѣмъ всѣмъ Литовскимъ торговым людемъ росправа тогды же *(л. 115)* учинена и деньги имъ даны, которым было и не довелось дати. А з Жигимонтовы королевы стороны нашего царсково величества людемъ во многихъ обидныхъ дѣлехъ управы не учинено. Какъ были на Москвѣ послы Лев Сопѣга с товарыщи, и бояря в отвѣте дали имъ обидным дѣломъ списокъ;

да какъ были от царя Бориса у Жигимонта короля великие послы бояринъ и намѣстник Суздальской Михайло Глѣбовичь Салтыков с товарыщи, и они дали паномъ-раде обидным дѣломъ список же, будучи с ними в отвѣте. *(л. — об.)* А какъ от царя Бориса посылан посланникъ Посникъ Огаревъ, и онъ о тѣхъ прежнихъ обидахъ паномъ-раде говорил же; а которые обиды починились нашимъ людемъ от государя вашего людей после тѣхъ обидных списковъ, и тѣмъ новымъ обидным дѣломъ Посникъ паномъ-раде дал список же. И тому всему по тѣмъ спискомъ и посямѣста росправы и сыску не учинено. Да не токмо что в прежних дѣлехъ росправа учинена, и после того вновь многие задоры и обиды нашимъ порубежнымъ и торговымъ людем починилися, *(л. 116)* и ныне беспрестани многие обиды от государя вашего людей нашимъ людемъ чинятца, и многие товары нашихъ торговых людей и ныне в Польше и в Литвѣ, а нашимъ торговымъ людемъ их не отдадут. А какъ мы, в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., учинились на наших великихъ государствах, и при нашем государстве государя вашего Литовскимъ торговым людемъ в нашемъ государстве на Москвѣ и в ыных городѣхъ обид никакихъ не бывало. А которые Литовские люди купетцкие пришли при ростриге с Миколаемъ Олешнитцкимъ *(л. — об.)* да с Олександромъ Гасевскимъ, и которые были в Смоленску, и тѣхъ мы, в. г., пожаловали всѣхъ, велѣли отпустити со всѣми ихъ товары. А обиды никоторые при нашемъ государстве государя вашего купетцкимъ людем не бывало. А которые будет и купетцкие люди стали за ростригу в ту пору, какъ всѣмъ Московскимъ государствомъ вора, богоотступника, ростригу убили и что будет над ними учинилося, и то имъ стало от себя, что они не купетцкимъ обычаем стали *(л. 117)* за ростригу и учали Московских людей побивать. А у которых у Литовских и иныхъ розных государствъ у купетцких людей имал товары вор, рострига Гришка Отрепьевъ, и того намъ, в. г., невѣдомо жь и сыскати того нѣкемъ, потому были у того вора у ростриги приставлены у тѣхъ дѣл, и принимали и роздавали Поляки и Литва. А в казнѣ тѣхъ товаровъ, что имал рострига, не осталось ничего потому: все онъ отсылал в Польшу и в Литву, а иные товары роздавал Сендомирскому воеводе, и его родству, и Полякомъ *(л. — об.)* и Литвѣ, которых привел на разоренье Московского государства. Да не токмо что товары купетцкие, и нашу царскую казну прежних великихъ государей прародителей нашихъ царей Росийскихъ тотъ вор богоотступникъ многую истощил. — А что говорили есте намъ, в. г., от государя своего Жигимонта короля, чтоб вперед

торговым людем, подданымъ государя вашего, вездѣ добровольно ѣздити и без обид торговати поволити по перемирнымъ *(л. 118)* грамотамъ, а грабити б их и обид никакихъ имъ чинити не велѣти, потому жь какъ в государстве государя вашего Жигимонта короля нашего государьства торговымъ людемъ вездѣ добровольно ѣздити и торговати незаборонно, — и государя вашего Жигимонта короля торговые люди со всякими товары в наши государства ѣздят и ныне безо всякие зацѣпки, и торгуют всякими товарыповольно, и задержанья им нѣтъ нигдѣ, и обид имъ и продажь нигдѣ не чинят никакихъ, и вперед государя вашего подданым торговым *(л. — об.)* людемъ в наших государствахъ со всякими товары ѣздити повольно, и обид имъ и насильства никакого нигдѣ и вперед не будет. — А что говорили есте намъ, в. г., что имѣете приказ от государя своего от Жигимонта короля, чтоб вамъ видетися с Миколаемъ Олешнитцкимъ, да с Олександром Гасевскимъ, и сь Юрьемъ Мнишком воеводою Сендомирскимъ, до которыхъ листы королевские имѣете, и нам бы, в. г., видетца вам с Миколаем и с Олександром поволити, — *(л. 119)* и какъ, оже дастъ Богъ, меж нас великого государя и Жигимонта короля доброе дѣло будет, и вы тогды с ними увидитеся.

Бояринъ же князь Иван Михайловичь говорил: Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель, велѣлъ вамъ говорити. А что нашему царскому величеству говорили есте, что имѣете приказ говорити *(л. — об.)* з бояры нашими о тѣх и о иных многих дѣлех, и нашему б царскому величеству именовати вамъ бояръ нашихъ на договор с вами, чтоб вамъ с нашими бояры о дѣлех, вам приказаных, с ними говорити, — и мы, в. г., бояр нашихъ говорити с вами послали. И вы б бояромъ нашимъ, которые есть с вами, от государя вашего наказаные рѣчи о тѣхъ и о иныхъ дѣлехъ обьявили и з бояры нашими о всѣхъ тѣхъ дѣлехъ договор чинили.

И как отвѣт изговорили, *(л. 120)* и посланники, выслушав отвѣту, говорили: рѣчи есмя ваши отвѣтные, которые вы намъ говорили государя своего именемъ на наши рѣчи, которые мы говорили от государя нашего перед его государьскою милостью на посольстве, выслушали. И что говорили есте, а вскладываете всю вину, что перед тымъ в Московскомъ государстве ссталось, на государя нашего милостиваго и на панов-рад, бутто та вся смута и кроворозлитье в Московскомъ государстве ссталась от государя нашего милостиваго, и пановъ-рад, и ото всѣх становъ коруны Польские и великого *(л. — об.)* княжества Литовского, а себя правите, —

и вы намъ дайте письмо на свои отвѣтные рѣчи. А мы в томъ во всемъ оправдаемся и отвѣт на всѣ рѣчи дадимъ, что государь нашъ, и паны-рада, и вся земля Польская и Литовская в томъ ни в чемъ не винны, а винны в томъ вы сами, какъ есмя про то обьявили в речи своей государю вашему на посольстве, и вперед о томъ будем говорити. А теперь мы вам обьявляем государя нашего наказ: какъ учинилось вѣдомо его королевской милости, государю нашему милостивому, и паномъ-раде *(л. 121)*, и всей земли Польской и Литовской, что здѣ в Москвѣ людемъ его королевские милости многихъ побито до смерти и перетраблено, а панъ воевода его милость з дочерью и послы его королевские милости, и иные Польские и Литовские многие люди здѣсь невинно задержаны в вязенью и во всякой нуже, — и приходили къ его королевской милости, государю нашему милостивому, воеводы Сендомирсково и пословъ его королевские милости пана Миколая Олешнитцково да Олександра Гасевсково, и иных Польскихъ и Литовскихъ *(л. — об.)* людей, которые здѣсь в Москвѣ задержаны, а иные побиты невинно и перетраблены, род и племя и приятели с великимъ жалемъ, чтоб его королевская милость, государь нашъ милостивый, поволил имъ итти тоѣ невинные хрестьянские крови и обиды мстити, и род свой и племя и приятелей из рукъ государя вашего высвободити. И государь нашъ Жигимонтъ король, какъ есть правый хрестьянский государь, не хотя видети во крестьянстве кроворозлитья, на то имъ не поволил, а сказал имъ, что о томъ о всемъ *(л. 122)* учинит соймъ, и с сойму пошлетъ до государя вашего своихъ посланниковъ о тѣхъ о всѣхъ неправдах, которые починились его королевские милости людемъ от государя вашего и от людей его в самой Москвѣ, и того на государе вашемъ провѣдати: отпустит ли государь вашъ вскоре воеводу Сендомирсково з дочерью, и пословъ его королевские милости, и иных Польскихъ и Литовскихъ людей, которые суда за званьемъ того небощика приѣхали, и здѣсь в Москвѣ невинно задержаны? *(л. — об.)* И тѣх всѣх жалостных людей король его милость, государь нашъ милостивый, удержал от кроворозлитья до тѣх мѣстъ, покамѣста о томъ обошлетца з государемъ вашимъ посланники. И потому его королевская милость, государь нашъ милостивый, учиня о томъ о всем с паны-радою и со всею землею Польскою и Литовскою соймъ в Варшеве, послал нас, своих посланников, к государю вашему с сойму. А наказ намъ данъ от его королевские милости и от пановъ-рад и ото всѣх станов коруны Польские и великого *(л. 123)* княжества Литовского со всего сойму: пришед к го-

сударю вашему, говорити на посольстве сперва рѣчь, а выговоря рѣчь, чтоб государь поволил намъ видетись с послы его королевские милости с Миколаемъ Олешнитцким да с Олександромъ Гасевскимъ, и с воеводою Сендомирскимъ и сь его приятели, которые здѣсь невинно задержены; а видевся с ними, наказано намъ о дѣлех с вами бояры говорити. И мы по государя своего наказу государю вашему на посольстве от государя своего рѣчь выговорили, *(л. — об.)* и о томъ государя вашего просили, чтоб государь вашъ поволил намъ наперед видетись сь его милостью паномъ воеводою Сендомирскимъ, и с послы его королевские милости с паном Миколаемъ Олешнитцкимъ да с Олександромъ Гасевскимъ, а потомъ бы велѣлъ намъ с вами, своими государьскими бояры, о дѣлехъ говорити и становити. А ныне вамъ, государьскимъ бояромъ, тожь говорил, чтоб государь вашъ поволил намъ наперед видетися с послы его королевские милости, и с воеводою Сендомирскимъ, *(л. 124)* и сь его приятели; а какъ мы с ними увидемся, и мы потомъ с вами, государьскими бояры, учнемъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлех, о которыхъ вы намъ ныне в отвѣте обьявили, говорити и на всѣ на тѣ дела отвѣтъ вамъ учинимъ. А не видевся намъ с послы его королевские милости и с воеводою Сендомирскимъ, ни о какихъ дѣлехъ с вами не говаривати. Какъ намъ что мочно учинити мимо государя своего наказу и всеѣ Посполитые Рѣчи?

(л. — об.) И бояринъ князь Иванъ Михайловичь с товарыщи посланником говорили: говорили есте намъ, бутто государь вашъ Жигимонтъ король, ни люди государя вашего тому всему не винны, что в Московскомъ государстве от ростриги учинилось, а указываете то свое злое дѣло мимо себя на Московской народ. И мы вамъ про тѣ про всѣ неправды, что учинилося з государя вашего стороны в перемирное время через крестное целованье, обьявили в отвѣте подлинно, да и писмо многое за руками и за печатми в тѣхъ *(л. 125)* неправдах укажемъ на государя вашего и на его государства. А что говорите о томъ, чтоб вамъ видетца наперед с Миколаемъ, и с Олександромъ, и с воеводою Сендомирским, а не видевся вамъ с ними, ни о какихъ дѣлехъ с нами не говаривати, — и мы такимъ вашим рѣчемъ удивляемся, что, начальное большое дѣло отставя, говорите о послѣднем дѣле, о которомъ ещо ныне и говорити вамъ непригоже. И вы ныне говорите наперед о болшом дѣле, что учинилась Московскому государству з государя вашего стороны через крестное целованье *(л. — об.)* многое разоренье и кровь крестьянская многая пролилася. А то вамъ самимъ вѣдомо: какъ в прош-

лом во 109-м году государь вашь Жигимонтъ король присылал к царю Борису послов своих великих канцлѣра великого княжества Литовсково пана Лва Сопѣгу, да каштеляна Варшевского Станислава Варшитцково, да писаря великого княжества Литовсково Гельяша Пельгримовсково о докончанье и о соединенье, и на тот часъ меж царя Бориса и меж государя вашего Жигимонта короля докончанье не сталось, и послы государя вашего Лев Сопѣга с товарыщи здѣлали поремирья *(л. 126)* на 20 лѣтъ от Успеньява дни 7110-го году по Успеньевъ же день 7130-го году. И царь Борисъ на тѣхъ перемирных грамотахъ перед государя вашего послы и крестъ целовалъ, а послы государя вашего перед царемъ Борисомъ за государя вашего Жигимонта короля крестъ целовали. И царь Борисъ посылал того перемирья закрепляти к государю вашему Жигимонту королю пословъ своих великихъ боярина и намѣстника Суздальсково Михайла Глѣбовича Салтыкова с товарыщи, и государь вашь Жигимонтъ король *(л. — об.)* перед царевыми Борисовыми послы перед бояриномъ и намѣстникомъ Суздальскимъ перед Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ с товарыщи на тѣх на перемирных грамотахъ, что здѣлали, будучи на Москвѣ у царя Бориса, государя вашего послы Левъ Сопѣга с товарыщи, крестъ же целовали на томъ, что в тѣ перемирные 20 лѣт на обе стороны войнѣ не быти, и государю на государя и государствам на государства всякому недругу людьми и казною не помогати. И государь вашь *(л. 127)* Жигимонтъ король и паны-рада через такое великое утверженье, преступивъ крестное целованье, такова вора, еретика, ростригу Гришку Отрепьева на Московское государство навели, и всякими мѣрами ему казною и людьми вспомогали, и многое кроворозлитье и убытки в Московскомъ государстве починили, о чемъ вамъ ныне в отвѣте обьявили есмя подлинно. И покамѣста о томъ о большомъ дѣле исправленья государя вашего Жигимонта короля перед великимъ государемъ нашимъ и перед всѣмъ Московским государством *(л. — об.)* от вас не услышимъ, и на мѣре с вами о тѣхъ о всѣхъ дѣлех, о которыхъ мы вамъ в отвѣте обьявили, не постановимъ, и вам с Миколаемъ, и с Олександромъ, и с воеводою Сендомирскимъ, и съ его приятели видетись непригоже. Да какъ вы о том не стыдитеся и говорити? И сами то можете рассудити: вѣрющая грамота королевская писана о вас, и в речи в. г. нашему от государя своего говорили есте, чтоб в. г. нашь выслал на розмову говорити с вами бояръ своих; *(л. 128)* а ныне, не говоря о большихъ дѣлехъ, проситеся видетца с воеводою, и сь его приятели, и с Миколаем и

с Олександромъ тѣмъ обычаем, кабы от нихъ науки которые хотите. И вамъ то не к чести. А кали б о тѣхъ дѣлехъ пригоже было дѣлати с Миколаем, и с Олександром, и с воеводою Сендомирскимъ, и с ними б давно о томъ говорено и без вас. И в. г. нашъ ждал от государя вашего вас, посланниковъ, потому: приказывал государь вашь и паны-рада в отвѣте говорили царсково величества с посланники со княземъ *(л. — об.)* Григорьем Костянтиновичемъ Волконскимъ да з діакомъ со мною с Ондрѣемъ Ивановымъ, что о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ, о которых дѣлех царского величества посланники государю вашему говорили, шлет к государю нашему государь вашь посланниковъ своихъ, и о тѣхъ о всѣхъ дѣлех накажетъ подлинно с посланники своими. Да и сами вы на посольстве в. г. нашему от государя своего говорили о тѣх же дѣлехъ, о которых дѣлехъ царского величества посланники государю вашему говорили. А ныне вы о тѣхъ дѣлехъ, что учинилось з государя вашего стороны через крестное *(л. 129)* целованье, какъ тѣ дела х концу привести, с нами не говорите.

И посланники бояромъ говорили: не для того мы с послы его королевские милости и с воеводою Сендомирскимъ видетися хотимъ, что от нихъ указу просити, хотим мы с ними видетца наперед по королевскому и пановъ-рад и всей земли розсказанью; а не видевся намъ с ними, ни о какихъ дѣлехъ с вами говорити нельзя; в королевскомъ наказе о томъ у нас имянно написано, что наперед с ними *(л. — об.)* видетись да тоже о дѣлех говорити. Да и вамъ то сенаторемъ пригоже россудити, какъ намъ ныне и о ком с вами говорити. А государю нашему и паном-раде и всѣмъ станомъ коруны Польские и великово княжества Литовсково и намъ его королевские милости посланникомъ того подлинно невѣдомо, отчего та смута на Москвѣ ссталась и хто Польскихъ и Литовскихъ людей здѣсь живы и хто побиты. И не увѣдавъ намъ про то от нихъ от самихъ подлинно, о чом с вами и говорити? То намъ от государя нашего и от панов-рад *(л. 129 bis)* и ото всеѣ земли первой наказ данъ, что наперед видетца с послы его королевские милости и с воеводою Сендомирскимъ и с его приятели, да увѣдав от нихъ о томъ о всемъ, потомъ с вами бояры о дѣлехъ говорити; а покамѣста с ними не увидимся, и намъ ни о которых дѣлехъ говорити не наказано. А мимо государя нашего королевской наказ и панов-рад и всеѣ Рѣчи Посполитые намъ дѣлати не мочно.

И бояря посланником говорили: говорите вы, что бутто государю вашему *(л. — об.)* Жигимонту королю и паном-раде и всей

Рѣче Посполитой коруны Польские и великого княжества Литовсково того невѣдомо, хто здѣсь въ Московском государстве Польскихъ и Литовскихъ людей живы и хто побиты. И какъ Всемилостивый Богъ над Московскимъ государствомъ милость свою показал, того врага, еретика, ростригу Гришку Отрепьева Московским государьствомъ, облича, убили, — и в. г. нашь ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., учинясь на своихъ великихъ и преславных государствах, *(л. 130)* по своему царскому милосердому обычею многихъ Польскихъ и Литовских людей, которые приѣхали в Московское государьство с воеводою Сендомирскимъ и с его приятели, отпустил в Польшу и в Литву розными дорогами на Смоленескъ и на Псков и на Луки Великие, а оставити велѣлъ тѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые в Московскомъ государстве большую смуту и кроворозлитье учинили. А тѣ, которых вы называете королевскими послами, Миколай Олешнитцкой да Олександръ Гасевской, и воевода Сендомирской и его приятели в. *(л. — об.)* г. нашему, его царскому величеству, в тужь пору, какъ в. г. нашь посланников посылал, били челомъ, чтоб в. г. нашь поволил имъ послати от себя к государю вашему к Жигимонту королю и к паном-раде и в свои домы людей своих з грамотами. И в. г. нашь ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., по своему царскому милосердому обычею, на что было и поволити им не довелось, поволил имъ к государю вашему Жигимонту королю и к паном-раде и в домы свои людей своих з грамотами *(л. 131)* послати, и отпустити их царское величество велѣл с Москвы за рубеж вмѣсте с своими государевыми посланники со князем Григорьемъ Костянтиновичемъ Волконскимъ да з діаком со мною Ондрѣемъ Ивановымъ, и кормъ и подводы до рубежа велѣл им дати. А Миколаев человѣкъ ѣздил на имя Длутцкой, и тот Миколаев человѣкъ Длутцкой и опять от государя вашего Жигимонта короля и от панов-рад к Миколаю Олешнитцкому из Литвы приѣхал вмѣсте жь царского величества с посланники. И в. г. нашь, не памятуя их всѣхъ неправдъ, *(л. — об.)* велѣл того Миколаева человѣка тотчасъ со всѣмъ с тѣмъ, с чѣмъ он от государя вашего Жигимонта короля и от панов-рад приѣхал, отвести на дворъ к Миколаю Олешнитцкому. И про то про все хто здѣсь в Московскомъ государстве Польских и Литовскихъ людей оставлены, и хто Польскихъ и Литовских людей побиты, которые стали за вора за ростригу и за него бились, государю вашему Жигимонту королю и паномъ-раде и вамъ всѣмъ вѣдомо подлинно от людей Миколая Олешнитцково, и Олександра Гасевского, и воеводы Сендомирсково и его приятелей. Да

и после того многие Польские *(л. 132)* и Литовские люди отпущены из Московского государства, и вамъ от нихъ про всѣхъ Польскихъ и Литовских людей, которые в Московском государьстве, вѣдомо жь. О томъ вы напрасно и говорите. Да и мы вам сказываем, что воевода с͠ сыном и з братомъ, и Вишневетцкой, и Стаднитцкие, и Тарлы, и Немаевской, и иные Польские и Литовские люди, которые оставлены в Московскомъ государстве, всѣ здоровы и государево жалованье кормъ имъ дают по вся дни. А Миколаю Олешнитцкому и Олександру Гасевскому государево жалованье во всемъ свыше их мѣры, *(л. — об.)* живут здѣ они на посольскомъ дворѣ, и кормъ людцкой и конской даютъ имъ доволенъ, свыше того, какъ которые послы прихаживали от государей ваших от королей Польскихъ и в. к. Литовскихъ з добрымъ дѣломъ, а не тѣми обычаи, какъ тѣ Миколай и Олександръ в Московское государство к вору приѣхали. И вы тѣ свои непригожие слова отставьте и говорите с нами о тѣхъ о всѣхъ дѣлех, о которых мы вамъ ныне обьявили; а покамѣста у вас о большомъ дѣле исправленья государя вашего не услышимъ и на мѣре о тѣхъ дѣлех не поставимъ, *(л. 133)* и вамъ с Миколаемъ и с Олександромъ и с воеводою Сендомирскимъ видетись непригоже.

И посланники говорили: мимо намъ государя своего королевской наказ никакъ того не мочно учинити, что, не видевся с послы его королевские милости и с воеводою Сендомирскимъ, да о дѣлехъ с вами говорити. Да и то себѣ россудите: только из васъ кого пошлетъ государь вашь в посольстве или для какого дѣла посланьемъ, и ему мочно ли дѣлати мимо государя своего наказъ? А что говорите *(л. — об.)* про послы его королевские милости, бутто они приѣхали в Московское государство к вору не по прежнему обычею, и мы вамъ сказываемъ: присылал к государю нашему Жигимонту королю тот небощикъ, которой былъ у вас на Московскомъ государьстве государем, посла своего Ѳеонасья Власьева, просячи его королевскую милость, государя нашего милостиваго, о томъ, абы его королевская милость позволил ему поняти себѣ за малженку в государстве его королевские милости в коруне Польской у его милости пана воеводы Сендомирсково дочку; да и самово его королевскую *(л. 134)* милость на то веселье просил. И государь нашь милостивый за тѣмъ его прошеньемъ того посла отослал к воеводе Сендомирскому, и дал в томъ воеводе на волю, и самому воеводе з дочкою и его приятелемъ на веселье до Москвы ѣхати позволил. А от себя его королевская милость на то веселье, и хотячи всего добра хрестьян-

ству, послал до того небощика о добрыхъ дѣлехъ, которые годны всему крестьянству, говорити и становити послов своих великихъ по глентовному листу вельможново пана Миколая Олешнитцкого с Олешницы, каштеляна *(л. — об.)* Малогосково, да пана Олександра Корвина-Гасевского, секретаря и дворянина его королевские милости, старосту Велижского, по прежнему обычею, какъ бывает во всѣхъ великих крестьянскихъ государствах, другъ до друга о добрыхъ дѣлехъ пословъ своихъ посылают. И государь вашь и вы всѣ, призвав пословъ его королевские милости и воеводу Сендомирсково и его приятелей и обеспечивши их, невинно в самой Москвѣ много зацных людей побили и переграбили, а самых послов его королевские милости мимо звыклой обычай, и воеводу *(л. 135)* Сендомирсково з дочерью, и ихъ приятелей задержали невинно и многие имъ кривды и убытки учинили, чего никоторымъ крестьянским государемъ такъ дѣлати не годитца.

И бояря посланником говорили: начинаете то дѣло говорити не дѣломъ и не с началу сказываете, что воевода Сендомирской и его приятели и послы пришли в Московское государство по присылке того, хто был на Московскомъ государстве. А то вы за что забыли, что того вора на Московское *(л. — об.)* государьство навели государь же вашь Жигимонтъ король и паны-рада, и ссылки ужь были у того вора з государемъ вашимъ по совѣту и по науку государя вашего и пановъ-рад? А наведчи его на Московское государство, и людей своихъ к нему многих послалъ воеводу Сендомирсково, и Вишневецких, и Тарловъ, и Стадницких и иных многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей на то, чтоб имъ Московскимъ государствомъ овладѣти и засѣсти. А Миколай и Олександръ, которых вы называете королевскими послы, приѣхали *(л. 136)* от государя вашего Жигимонта короля к тому вору в Московское государство, воорудясь во всю ратную збрую, не по посольскому обычею, воинским же обычаемъ. А тот Миколай воеводе Сендомирскому ближней приятель, а Олександро Гасевской, умысля с тѣмъ воромъ на разоренье Московского государства, приѣхал к тому вору к ростриге вдругие. И Миколаевы и Олександровы люди Московсково государства людемъ такие же многие насильства и обиды чинили, что и иные Польские и Литовские люди. *(л. — об.)* И умышляли Миколай и Олександро с тѣмъ воромъ и с воеводою Сендомирскимъ на разаренье Московского государства и истинные нашие православные крестьянские вѣры всѣ заодно. И вамъ себя такими воровскими ссылками оправдати непригоже.

И посланники говорили: государь нашь Жигимонтъ король и паны-рада ничему тому невинны, а призвали его, и на государство проводили, и посадили, и крестъ ему целовали, и коруновали, *(л. 137)* и послушенство всякое воздали, какъ есть дѣдичному государю, вы сами. А что говорите, что послы его королевские милости умышляли вмѣсте с воеводою Сендомирскимъ и его приятели и насильства и обиды Московскимъ людемъ чинили, и того посланники государя вашего государю нашему, будучи на посольстве, не говорили. Впервые то ныне от вас слышимъ. Да и нестаточное то дѣло, что имъ такъ дѣлати. Толко ныне мы то отставимъ говорити. Вперед о томъ о всемъ учнемъ говорити, какъ *(л. — об.)* увидимся с послы его милости, и с воеводою, и съ его приятели; а не видевся намъ с послы его королевские милости, и с воеводою Сендомирскимъ, и с его приятели, ни о которых дѣлех намъ говорити не наказано.

И діакъ Ондрѣй посланникомъ говорилъ: говорите вы, бутто государь вашь Жигимонтъ король и паны-рада от нас про Миколая и Олександра того не слыхали, что они с воеводою Сендомирским умышляли на Московское государство *(л. 138)* и насильство Московскому народу чинили; и мы, будучи у государя вашего на посольстве, говорили от великого государя нашего в речи короткими словы, а с паны-радою в отвѣте говорили есмя о томъ о всемъ подлинно.

И посланникъ князь Янъ говорил: мнѣ туто быти лучилося же, какъ вы розмовляли с паны-радами, а про пословъ слышети мнѣ не лучилося. Да ныне мы о том и не говоримъ. Наперед намъ надобе исполняти государя своего наказ, *(л. — об.)* чтоб намъ в. г. вашь, его государьская милость, поволил видетись наперед с послы его королевские милости, и с воеводою, и съ его приятели, и ихъ навидети, и листы королевские имъ отдати. А будетъ государь вашь не поволитъ намъ с ними видетись, и намъ о том наказано от его королевские милости, не видевся, ни о какихъ дѣлехъ говорити не велено, а наказано тотчасъ вернутца назад, чтоб про то государю нашему, и паномъ-раде, и коруне Польской, и великому княжьству Литовскому было вѣдомо. *(л. 139)* А после уже насъ к государю вашему от государя нашего послы и посланники не будут.

И бояря говорили: сказываете у себя королевской наказъ, что вам велено наперед видетися с Миколаем, и с Олександромъ, и с воеводою Сендомирскимъ, и с его приятели, и ихъ навидети, и грамоты королевские имъ отдати; а будет не дадут с ними видетца,

и вамъ велено вернутца назад. И то знатно, что вы пріѣхали сюда не для дѣла, только пріѣхали воеводу и его *(л. — об.)* родство, и Миколая, и Олександра навидети и для было того вамъ сюда ѣздити нѣ по что. А мы с вами говорили о болшомъ дѣле по вѣрющему листу и что рѣчь говорили есте на посольстве великому государю нашему от государя своего о большом дѣле. А коли за вами больши того дѣла нѣт, а говорите только о томъ, чтоб вамъ видетца с Миколаем, да с Олександромъ, и с воеводою Сендомирскимъ и с его приятели, и их навидети, — и вамъ ѣхати назад без дѣла; а тому никак не бывать, что вамъ, не говоря и не *(л. 140)* поставя о тѣхъ дѣлех, о чомъ вы присланы, с воеводою, и с Миколаем и с Олександромъ видетися. А что говорите, что после васъ к в. г. нашему от государя вашего послы и посланники не будутъ, и в томъ государю вашему воля. А в. г. нашь в томъ оправдался, учинясь на своих государствахъ, посылал к государю вашему государство свое обестити и о неправдах, что учинилося з государя вашего стороны через крестное целованье, напомянути, посланников своих, и ожидал от государя вашего исправленья. А ныне вы приѣхали *(л. — об.)* к в. г. нашему от государя своего, а дѣла за вами никоторого нѣт, толко проситесь к воеводе, и кь его приятелемъ, и к Миколаю и к Олександру их наведити. И которое будет кроворозлитье во крестьянстве через такие великие государя нашего оправданья взочнетца, и того Богъ взыщетъ на томъ, хто такое злое дѣло всчалъ; а в. г. нашь и всѣ его великие государства от тоѣ крови чисты. А мы вам то сказываемъ: покамѣста государь вашь и паны-рада не исправятца в своих *(л. 141)* неправдах перед в. г. нашимъ, и воеводе, и его приятелем, и Миколаю и Олександру из Московсково государства не бывати.

И посланники говорили, что есть с ними наука говорити и о большихъ дѣлехъ, только то будет после того, какъ видятца с воеводою, и с его приятели, и с послы; а не видевся с ними, ни о какихъ дѣлехъ им не говаривати. А будетъ государь вашь велитъ нас ко государю нашему отпустити, и мы и назад ѣхати *(л.— об.)* готовы. А дѣло доброе не дѣлаетца межь государи не ими посланники, от нихъ от бояр, а имъ мимо королевской наказ никакъ ничего не мочно учинити. — И говорили о томъ на обе стороны спорных речей много.

И бояре посланникомъ о томъ отказали накрепко, что, не здѣлавъ о болшемъ дѣле, видетца имъ с Миколаемъ, и с Олександромъ, и с воеводою Сендомирскимъ не мочно.

. . . .

. . . . [1] *(л. 142)* что они розстриге говорили, в Посольской избѣ ничего не сыскано. Умышляли они с тѣмъ воромъ, и с воеводою Сендомирским, и съ его приятели на разоренье Московского государьства вмѣсте.

И посланники бояромъ говорили: мы вамъ говорим по государя нашего королевскому наказу, что намъ, не видевся с послы его королевские милости, и с воеводою Сендомирскимъ, и с его приятели ни о каких дѣлехъ говорити не наказано. И нам какъ мимо государьской наказ учинити? *(л. — об.)* Да и к себѣ вамъ то наше дѣло пригоже применити: какъ из вас которого государь вашь пошлетъ куды для своего государьского дѣла и дастъ вам свой государьской наказ, и вамъ веть дѣлати по тому государя своего наказу, а мимо государя своего наказу какъ кому что мочно учинити? И вы, государьские сенатари, згодитесь с своею братьею с старшими сенатари и со всею государьскою радою, и просите того у в. г. своего, чтоб государь для покою хрестьянского поволил намъ по королевскому наказу наперед видетись с послы его королевские *(л. 143)* милости с Миколаемъ и с Олександром, и с воеводою Сендомирскимъ, и с его приятели, да потомъ с вами о дѣлех говорити. А мы, лише исполнимъ государя своего наказъ, увидимся с ними хотя здѣсь при вас да листы имъ королевские отдадимъ, а потомъ тотчасъ приступимъ с вами, государьскими сенатари, о всякихъ дѣлех говорити и становити. А имѣемъ у себя о всемъ государя своего полной наказъ, какъ тѣ всѣ дѣла к доброму концу привести, чтоб малым дѣлом большово дѣла не испортити. А мимо нам королевской *(л. — об.)* наказ ничего не мочно учинити. Только б государь нашь его королевская милость был нас блиско, и мы б его государя о том просили, чтоб онъ то отставил, и чаяли б того, чтоб то у его королевские милости упросили; а ныне вы блиско у государя своего, и вы б, згодясь с своею братьею з бояры и со всею государскою радою, на то государя своего просили, чтоб онъ государь намъ поволил наперед видетись с послы его королевские милости, и с воеводою Сендомирскимъ и сь его приятели, да потомъ с вами о дѣлех говорити. А будет государь вашь на то не поволит, нам с ними *(л. 144)* видетись не велит, и государь б вашь послов его королевские милости Миколая Олешнитцково да Оле-

---

[1] Пропускъ, недостаетъ 24 листовъ: конца разговора бояръ съ посланниками 22 ноября, дальнѣйшихъ переговоровъ и начала разговора, продолжающагося на л. 142.

ксандра Гасевского со всѣми их людьми и с маятностями велѣлъ отпустити к государю нашему и проводити их велѣлъ до рубежа по посолскому обычею. А какъ ихъ государь вашь отпустит, и мы тогды, и не видевся с послы его королевские милости, учнемъ с вами, государьскими сенатари, о всяких дѣлех говорити и становити, и какъ бы государь вашь государю нашему тѣ всѣ кривды нагородилъ, которые шкоды и убытки учинились государя нашего людемъ *(л. — об.)* от государя вашего людей.

И бояря посланником говорили: мы, пане, такимъ вашимъ речамъ удивляемся, что вы говорите, чтоб в. г. нашь его царское величество велѣлъ отпустити наперед к государю вашему Миколая Олешнитцкого да Олександра Гасевсково, да, отпустя их, о дѣлех с вами говорити. И то схожее ль дѣло говорите, что их отпустити? И коли их отпустити, не говоря и не постановя большово дѣла, о чем же намъ с вами и о комъ говорити? И вы с нами наперед говорите *(л. 145)* о томъ: на какой мѣре государю нашему Миколая и Олександра отпустити.

И посланники з бояры говорили, что нигдѣ того не ведетца ни в которых государствах, что послов и посланников держати: то люди вольные. Для же чего государь вашь королевскихъ пословъ держит? А пришли они в Московское государство для доброво дѣла, а не лиха для. И спороватся о томъ много, говорили посланники первую мѣру, чтоб имъ наперед видетца с послами, и с воеводою Сендомирскимъ, и с его приятели, *(л. — об.)* да потомъ о дѣлех говорити.

И бояря, отшодчи от посланников, говорили межь себя, что посланники сошли были и на другую мѣру: будет государь не велит имъ с послы с королевскими видетись, и государь б велѣлъ их послов отпустити; а какъ государь их отпустит, и они, и не видевся, учнут о дѣлех говорити и становити. А ныне опять сходят на одну на первую мѣру, чтоб с послы и с воеводою видетись, а в ыныхъ рѣчехъ только говорят, чтоб с послы видетца. То их послѣдняя мѣра. *(л. 146)* И о томъ бы им молыти: о чемъ они просят бояр, чтоб бояре просили великого государя.

И какъ им бояре о том молыли, и посланники говорили: мы вам говорили и ныне говорим с прошеньемъ для покою крестьянсково, чтоб в. г. вашь поволил намъ видетись с послы его королевские милости, и с воеводою, и с его приятели; а мы, с ними толко видевся и листы королевские отдав, приступимъ ко всему большому дѣлу, и хотимъ и чаемъ того, что меж *(л. — об.)* вели-

ких государей наших и меж ихъ великими государствы доброе дѣло совершитца. А будет не велитъ государь намъ с ними видетися, и государь б велѣлъ отпустити пословъ его королевские милости; а какъ их государь отпуститъ, и мы, и не видевся с ними, учнем о добрых дѣлех говорити.

И бояря говорили, что обѣма тѣм статьямъ сстатись невозможно, только мы прошенье ваше до великого государя донесемъ.— А бояря у посланников то отговаривали *(л. 147)* всякими же мѣрами, что никакъ то не можетъ ныне и вперед быти, что, не говоря с ними о большомъ дѣле, видетца имъ с Миколаемъ, и с Олександромъ, и с воеводою Сендомирским и сь его приятели.

И посланники послѣднее бояромъ говорили, чтоб тѣ ихъ рѣчи донесли до государя.

И бояря посланником говорили, что они тѣ ихъ рѣчи до государя донесут, а они б подождали в Отвѣтной полате.

(л. — об.) И пошли бояре и дьяки от посланниковъ ис полаты к государю, и сказывали тѣ ихъ рѣчи государю. И г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. говорил о томъ з бояры, что посланники упрямилися, и стоят на одной мѣре, и сказывают у себя королевской наказъ о томъ, чтоб имъ поволити наперед видетися с послы с королевскими, да с воеводою Сендомирскимъ и с его приятели, да потомъ з бояры о дѣлехъ говорити и становити; *(л. 148)* а, не видевся с ними, ни о каких дѣлех говорити не хотят. А поволити имъ на то, чтоб имъ видетца наперед с послы и с воеводою, не говоря о дѣлехъ, никакъ непригоже; а другую мѣру также говорят не к дѣлу. И приговорил государь з бояры итти к посланником в Отвѣтную полату діакомъ думному Василью Телепневу да Ондрѣю Иванову и молыти им, что царского величества бояре, которые были с ними в отвѣте, князь Иванъ Михайловичь Воротынской с товарыщи рѣчи их, которые они ныне с ними говорили в отвѣте, до в. г. ц. *(л. — об.)* и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., доносили, и в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., такимъ их рѣчамъ подивился, что они, отставя большое дѣло, говорят о послѣднемъ дѣле, чтоб имъ наперед всего видетца с Миколаем, и с Олександромъ, и с воеводою Сендомирскимъ и с ево приятели, да потомъ о дѣлех говорити, а, не видевся с ними, ни о каких дѣлехъ говорити не хотят. А какъ были они у в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. впервые *(л. 149)* на посольстве, и они царскому величеству от государя своего Жигимонта короля подали вѣрющую грамоту, а в грамоте написаны они к царскому величеству в посланникех, и что

учнут говорити, и тѣмъ бы их речамъ вѣрити; и на посольстве они царскому величеству от государя своего Жигимонта короля в речи говорили многие дела, и чтоб царское величество выслал к ним в отвѣтъ бояр своих о тѣхъ и о иных о великих дѣлехъ с ними говорити и становити. И в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., *(л. — об.)* повѣря государя их Жигимонта короля вѣрющей грамоте, выслушавъ у нихъ посольства, велѣлъ им быти у себя государя на дворѣ, и высылал к нимъ в отвѣт бояр своихъ боярина и намѣстника Вологотцково князя Ивана Михайловича Воротынсково с товарыщи о дѣлех говорити; и они царского величества з бояры о тѣхъ о всѣхъ о большихъ дѣлехъ, о которых они на посольстве царскому величеству от государя своего Жигимонта короля в речи говорили, говорити не хотятъ, а говорятъ одно о том, чтоб им царское величество поволил[1] . . . .

. . . .

... *(л. 150)* на двор ѣхати не хотят, посланники Станислав и князь Янъ у государя на дворѣ были, и грамоту вѣрющую на себя королевскую государю дали, и рѣчь говорили. И имъ ныне для чего у государя быти? А они ужь у государя на посольстве были. А того в посольскихъ обычаехъ и не ведетца нигдѣ, чтоб однимъ посломъ или посланникомъ двожды посольство править, и они б ныне новых причинъ не всчинали, дѣлали по посольскому обычею, ѣхали к государю на дворъ бес посланников, и грамоту королевскую вѣрющую государю на себя дали, и посольство царскому величеству *(л. — об.)* от государя своего правили, что им наказано; а с посланники им вмѣсте ныне быти у государя никакъ непригоже. А какъ они у государя на посольстве будутъ, и королевскую вѣрющую грамоту царскому величеству подадут, и посольство от государя своего исправят, и царское величество, посмотря вѣрющие грамоты и выслушав посольства, велит имъ быти у себя государя на дворѣ инымъ временемъ; и посланником Станиславу и князю Яну государь велит же быти с ними вмѣсте.

И Литовских пословъ приставы *(л. 151)* Ѳедор Пушкин с товарыщи, приѣхав, бояром сказывали, что они послом Миколаю і Александру по приказу говорили, і послы де имъ отказали, что никак им одним без посланников ѣхати к государю не мочно; наука де им дана от короля: велено им у государя быти всѣмъ вмѣсте четырем, а ни одному де без одново быти не велено. И им де как что

[1] Пропускъ, недостаетъ 24 листовъ: конца этого разговора, начала отвѣта посламъ и др. документовъ.

мимо королевской наказ здѣлати? Того де бояре чают, что мы, историпяся здѣшнего долгово житья, станем что дѣлати не по королевскому наказу. Того б де себѣ бояре и в мысли не держали: хотя здѣсь в Москвѣ кости наши згниют, а мимо нам королевской наказ ничего не дѣлывать, дѣлать намъ все потому, как нам от короля наука дана.

(л. — об.) И бояре велѣли приставом молыти послом: коли они не ѣдут к государю на посольство, і их посольство не нужно; а по их рѣчем знатно, что за ними никоторово дѣла нѣтъ.

Декабря въ 20 день были приставы у послов. І говорил посол Миколай: дивимся де мы тому чюдному дѣлу — как де государь вашъ государя нашего безчестит и не ставит себѣ братом? А государь де нашъ честен во всѣх землях и всѣ де окольние государи государя нашего чтят. Нас де послов держит 2 года, а посланников держит 20 недѣль, а дѣла и посямѣста нѣтъ. А ныне де государь вашъ велит нам у себя быть одним без посланников; і нам де слушать государя своего указу: в наказе де у нас написано, что быть *(л. 152)* у государя, і грамота вѣрющая подать, и рѣчь говорить всѣм вмѣсте, а без посланников де нам у государя быть никак нельзя. Во всѣх де землях то ведетца, что послы государей своих повелѣнья дѣлают, а здѣсь де государь вашъ, как ему надобно, так велит дѣлать; чтоб де государь нашъ наказал нам такъ дѣлать, какъ здѣсь велят, и мы б де так и дѣлали. А ужь де государь нам вмѣсте с посланники у себя не велит быть, и что б де государь велѣл посланником быть у нас или в городе намъ съѣхатца по прежнему, і мы де о том переговорим с посланники; а будет государь нам с посланники съѣхатца не поволит і о том переговорить, и государь б де посланников отпущал, да по прежнему своему слову государь б пожаловал, отпустил и нас с ними вмѣсте; а будет де государь нас не отпустит по прежнему своему *(л. — об.)* слову, не пожалует, и нам де Бог судил здѣсь умереть за государя своего честь, и в том де Бог судит. А иной де посланник и гонецъ для нас не будет. А чаем де милости Божьей, что не станем так жить здѣсь 2 годов: приѣдет де посол по нас да не тѣмъ обычаем, с чѣмъ де ходилъ ко государю нашему князь Григорей Волконской; и то де ево посланье все и отвѣтъ наших панов-радных все у нас. — А как де посланники наши сидѣли в отвѣте з бояры и как де бояре говорили, называли нас не послы, разорители.

Да тово жъ часу вышел посол Александро за ворота и говорил приставом: поговорите де князю Дмитрею Ивановичю — ужь

де государь намъ не велит у себя быть с посланники вмѣсте, чтоб де нам велѣли съѣхатца в городе в Отвѣтную полату, *(л. 153)* и мы де с посланники переговорим; будет мочно намъ одним быть у государя, и мы одни будем, а будет нам одним у государя быть нелзя, и я де, чаю, то возьму у товарыщей, что укажем бояром грамоту вѣрющую. А только б де бояре молыли нам тогды же про грамоту, чтоб имъ указали вѣрющую грамоту, и мы б де тогды же указали бояром грамоту. А без грамоты де нам как притить к государю? Тогды де нам будет безчестьнее: вышлют нас ис полаты, у руки нам у государя не быть, готова де ужь нас назовут баламуты. А рѣчь де у нас одна — говорить намъ с посланники вмѣсте Миколаю де подать листъ и говорить, что государю от короля поклон, и то, что государь нашъ король велѣлъ намъ говорить и дѣлать о всем вмѣсте с посланники. А мнѣ де говорить о тѣх *(л. — об.)* людех, которые здѣсь, Сендомирской с товарыщи; а посланником де говорить после свою рѣчь. Да и то де князю Дмитрею Ивановичю от меня донесите, чтоб государю ізвестил, чтоб дѣла намъ дѣлать вскоре не мотчая: как начнетца дѣло, и нам де у государя быть надобно пятью и шестью; хотя де и доброе дѣло будет, і тово де протянетца недѣли 3 и 4, все де дѣло начнетца от начала. А Сендомирскому де с товарыщи быть здѣсь.

И декабря въ 23 день по приказу боярина князя Дмитрея Ивановича Шуйского говорили приставы послом: приказывали вы к бояром, что вам у государя быть бес посланников николи нельзя никакими мѣрамі. И бояре вам велѣли говорити: нельзѣ тому сстатца, *(л. 154)* что вам быть у государя с посланники вмѣсте: посланники у государя были, и листъ вѣрющей на себя государю подали, і посланье правили, і рѣчи всѣ говорили; а в листу королевском того не объявилося, что вам дѣлать с посланники вмѣсте. І посланники о том говорили, чтоб им с вамі видетца. И государь, вас жалуючи, велѣл вам с посланники видетца, и вы виделися, и о всем меж себя говорили, і сказали вы у себя листъ от короля вѣрющей к государю; і государь вам велѣл быти у себя, и вы не ѣдете, а сказываете, что вам без посланников у государя быти не мочно. І того не ведетца, что одним послом и посланником двожды посольство правити.

И послы говорили: чюдное де дѣло, что такая малая рѣчь, а за тѣм де недѣлю даром живем, а дѣла не дѣлаем. Что де в том государю будет убыль, что мы будем *(л. — об.)* у государя всѣ 4? То де государю великому и честь. В двух ли де дѣла больши или

в четырех? Он де государь здѣся сам, и что хочет, то дѣлает. А нам де как указано, так и дѣлаем. Как де нам государя своего наказ переставить? Велено де намъ всѣм у государя быти вмѣсте, и листъ подати и рѣчь говорити вмѣсте. Мы де нынече тово просим у бояр, чтоб нам дали с посланники съѣхатца в Отвѣтную полату, і о том с посланники переговорим; будет нам одним мочно быти у государя, и мы будем, а будет не мочно, и мы бояром покажем вѣрющей листъ.

Да говорил посол Александръ: грѣх де нашъ велик. Ни в которых государствах того не ведетца, как здѣсь всякое дѣло дѣлают з запинкою. Как де уморя человѣка да тоже де здѣлают. То де за такое малое дѣло так стато; а коли де дѣло будет большое, ино деи *(л. 155)* и невѣдомо как быти. Чаю де и дѣлу не статца, только де так дѣлать. Восе деі Сендомирскому і дочери его тут быть, а у нас де і в указе то написано. Ино де как без того быть? И только де так будет вперед, ино де і дѣлу не бывать.

Да послы же говорили: сказывали де нам, что у нас дурно дѣлаетца также, как и у вас; ино де дѣлаетца у вас дурно, а у нас де милостью Божиею дѣлаетца все добро. Боже де дай и вперед так, как нынече дѣлаетца. Которые де были ізмѣнники, і тѣхъ всѣх корали.

Того же дни приходил к приставом посла Миколая урядникъ Павел Селугостовской и говорил: сколько де нам здѣсь жити?

И приставы говорили, что послы живут собою, а ко государю не ѣдут.

(л. — об.) И Павел говорил: Бог де видит, за присягою говорю, что послом у государя бес посланников быти нельзя, как де то, что переставити наказ королевской; что де за малою рѣчью стало, а коли де дойдет до большого дѣла, ино де и невѣдомо как быти. Восе де Сендомирскому і иным нашим надобно тут быть, а без того де нельзя быть. Я де вам к тому приклад скажу: живучи де кто с кѣм на сусѣдстве, і меж ими какая будет ссора, і один де к одному пришлет человѣка, и он его задержит, и онъ к нему пошлет другово, и он і того задержит, и он к нему пошлет третьего, и он де и того задержит. Каково де тому будет досадно? А как де станут миритца, і он наперед всего станет говорить: отдай де наперед мое да тоже со мною мирися.

(л. 156) И того же днi г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣлъ быти у себя государя на дворѣ Литовским посланником Ста-

нисłаву да князь Яну в Отвѣтной полате у бояр у князя Ивана Михайловича Воротынского с товарыщи, которые преже того с ними в отвѣте были. И того дни Литовские посланники у государя на дворѣ были, а приѣздъ их к государю на двор был по прежнему. А сшед с лошадей шли вверхъ Благовѣщенскою папертью прямо в Отвѣтную полату к бояром. А бояре князь Иван Михайловичь с товарыщи сидѣли в тѣ поры в Отвѣтной полате в золотном *(л. — об.)* платье, а при них сидѣли в Отвѣтной полате дворяне и дьяки в золотном же платье; а перед Отвѣтною полатою в сѣнех и по Красному крыльцу до Благовѣщенские паперти і у Благовѣщенья в паперти стояли дворяне выбор из городов, и дети боярские, и подьячие в чистом платье. А стрельцы стояли по прежнему с пищальми.

А как посланники пришли к Отвѣтной полате, и встрѣтил посланников от бояр в дверех Отвѣтные полаты діакъ Ондрѣй Иванов; а как вошли в Отвѣтную полату, и середи полаты встрѣтил діакъ думной Посольской Василей Телепнев. *(л. 157)* И как посланники подошли к бояром блиско, и бояре против посланников приподнелися и, дав им руки, сѣли по мѣстом по прежнему.

И, сѣдчи по мѣстом, посланники бояром говорили: преже сего которые послы и посланники бывали от в. г. наших королей Польских и в. к. Литовских у государей ваших Московских, и они, приѣхав к государю на двор, будут наперед у государя и государские очи видят, и потом идут в Отвѣтную полату з бояры о дѣлех говорят. А как послѣднее были здѣ на Москвѣ от государя нашего у государя вашего царя Бориса Ѳедоровича великие послы Лев Сопѣга с товарыщи, и они бывали у государского сына у княжича Ѳедора Борисовича, да потом з бояры о дѣлехъ говорили. *(л. — об.)* А ныне над нами учинено мимо прежней обычай: не быв у государя вашего, к вам бояром нас в отвѣт привели.

И бояре посланником говорили: то дѣло не первое. Будет вы сами не видали и не слыхали, и вы старших своих спросите. Преже сего которые послы и посланники бывали от в. г. наших царей Росийских у государей ваших королей Польских и в. к. Литовских, и они, не быв у короля, многижда бывали с паны-радами на розмове. А как и ныне были от в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., у государя вашего посланники дворянин и намѣстник Еламской князь Григорей Констянтиновичь Волконской да дьякъ Ондрѣй Иванов, а ты князь Ян у них был пристав, и они после посольства вдругие, не быв у короля, были у панов-рад *(л. 158)* в Отвѣт-

ной полате і с нимі о дѣлех говорили. А вы у в. г. нашего после посольства были двожды. Да которые і государя вашего послы и посланники бывали у в. г. наших царей Росийских, і они после посольства, не быв у государя, з бояры в отвѣтех бывали и о дѣлех говорили. А вам ныне потому же учинено, а не новое дѣло.

И посланники бояром говорили: мы о том говорили вам для того, чтоб то ныне не намі почалось; а будет преже того у государя вашего так бывало, и в том его государская воля.

И боярин князь Иван Михайловичь Воротынской говорил посланником рѣчь: как есте были с нами в отвѣте, и вы просили у нас того, чтоб мы били челом в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., чтоб в. г. нашъ поволил вам видетись с Миколаем Олешнитцким да с Олександром Гасевским, а видевся с нимі хотѣли есте тотчас с намі о всяких дѣлех говорити и становити; *(л. — об.)* і сказали есте у себя о тѣх о всѣх дѣлех, о которых вы в. г. нашему, его царскому величеству, от государя своего Жигимонта короля на посольстве говорили, полной наказ. И в. г. нашъ за челобитьем нас бояр своих поволил вам с Миколаем і с Олександром видетись; і по царского величества указу вы с Миколаемъ і с Олександром виделись. И вы ныне с намі говорите, что с вамі о тѣх дѣлех королевской наказ, о которых мы вам в отвѣте объявили, как бы тѣ всѣ дела, что учинилось з государя вашего стороны через крестное целованье, к доброму концу привести.

И как боярин князь Иван Михайловичь посланником изговорил, і посланники бояром говорили: то было так. Мы вам о том, будучи с вами в отвѣте, говорили, чтоб государь вашъ поволил нам видетися с послы его королевские милости, государя нашего милостиваго, с Миколаем и с Олександром, і науку мы королевскую за собою о всяких дѣлех сказывали. Да как мы по государеву указу с послы его королевские милости с Миколаем и с Олександром виделися и листы им королевские отдали, і с ними поспολу тѣ королевские листы вычли, і мы выразумели ис тѣх королевских листов науку, что велено *(л. 159)* намъ всѣмъ четыремъ, Миколаю и Олександру и намъ двемъ, о всяких дѣлех говорити и становити; и вѣрющая королевская грамота на Миколая и на Олександра к государю вашему есть. И государь б вашъ велѣлъ посломъ его королевские милости Миколаю и Олександру быти у себя государя с нами вмѣсте и о всяких дѣлех с вами, государьскими сенатари, говорити и становити; а бес пословъ его королевские милости без Миколая и без Олександра ничего нам с вами говорити и становити не мочно.

(л. — об.[1]*)* И бояре князь Иван Михайловичь с товарыщи посланникомъ говорили: какъ есте были у в. г. нашего ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., на посольстве, и вы в. г. нашему, его царьскому величеству, подав вѣрющую королевскую грамоту на себя, говорили в речи от государя своего Жигимонта короля о тѣхъ дѣлехъ, о которых в. г. нашь, его царское величество, приказывал ко государю вашему Жигимонту королю с своими посланниками *(л 160)* з дворянином и намѣстником Елатомским со князем Григорьем Костянтиновичем Волконским да з діаком с Ондрѣем Ивановым, а потомъ вы имѣете приказ от государя своего видетися напеpед с Миколаем Олешнитцким, да с Олександром Гасевскимъ, и с воеводою Сендомирскимъ и съ его приятели, до которых и листы королевские имѣете. И того б для в. г. нашъ вамъ с Миколаем Олешнитцким да с Олександром Гасевскимъ видетися позволили, а потом имѣете приказ говорити царского величества з бояры думными о тѣхъ и о иныхъ *(л. — об.)* многих дѣлех. И в. б г. нашъ именовал бояр своихъ думных на договор с вами, чтоб вамъ о дѣлехъ приказаных с ними говорити. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., высылал к вамъ в отвѣт нас, бояр своихъ, о тѣхъ дѣлех, о которых вы в. г. нашему, его царскому величеству, на посольстве от государя своего в речи говорили. И мы по государя своего приказу на тѣ ваши на всѣ рѣчи, которые есте в. г. нашему на посольстве говорили, отвѣтъ *(л. 161)* подлинной учинили и говорили вам, чтоб вы о тѣхъ о всѣх дѣлех с нами говорили і становили, как бы тѣ всѣ дела к доброму концу привести. И вы о тѣхъ о всѣхъ дѣлех с нами не говорили и дѣла никоторово не обьявили, а говорили только о том, чтоб мы царского величества бояре, згодяся с своею братьею с старшими бояры и со всею государскою радою, били челом в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., чтоб в. г. нашъ поволил вамъ видетися с Миколаем Олешнитцким да с Олександром Гасевскимъ *(л. — об.)* и листы королевские имъ отдати; а как с ними увидитеся, и вы тотчасъ приступите с нами, царского величества бояры, о всяких дѣлех говорити і становити, и сказали есте у себя о тѣхъ о всѣхъ дѣлех, о которых вы в. г. нашему, его царскому величеству, от государя своего Жигимонта короля на посольстве говорили, полной наказ. И в. г. нашъ за челобитьем нас бояр своих поволил вам с Миколаемъ и с Олександром видетися; и по государеву указу вы с ними виделися. А ныне говорите, что вы выразумели ис тѣх королевских листов, каковы *(л. 162)* с вами присланы

[1]) Страница закопчена дымомъ.

к Миколаю и к Олександру, что им велено с вами вмѣсте дѣлати. А как вы преже сего были с нами в отвѣте двожды, и вы намъ про то ничего не обьявили, что к Миколаю и к Олександру королевская наука есть о дѣлехъ с вами вмѣсте говорити и становити; а говорили только лише о том, чтоб вам с ними видетися и листы королевские отдати, а как с ними увидетися, и вы тотчас с нами приступите о всяких дѣлех говорити и становити. И вы ныне с нами говорите, что с вами о тѣхъ дѣлех королевской наказ, о которых *(л.—об.)* мы вамъ в отвѣте обьявили, как бы тѣ всѣ дела, что учинилось з государя вашего стороны через крестное целованье, к доброму концу привести.

И посланники бояром говорили: то все было так. На посольстве мы государю вашему и с вами будучи в отвѣте о том говорили, чтоб в. г. вашъ поволил намъ с послы его королевские милости с Миколаем и с Олександром видетися, и науку полную о всяких дѣлех за собою сказывали, и ныне имѣем; а того мы не вѣдали, что к послом его королевские *(л. 163)* милости к Миколаю Олешнитцкому да к Олександру Гасевскому такая наука от короля прислана, что им с нами вмѣсте всякие дела дѣлати и становити. А то мы и ныне вам говорим, что имѣемъ у себя науку королевскую полную о всяких дѣлех, только с послы его королевские милости с Миколаем и с Олександромъ вмѣсте дѣлати и становити: они с нами, а мы с ними, а ни одному без одново дѣлати не наказано.

И бояря посланником говорили: панове! Мы вашим рѣчамъ и вашему посольству *(л. — об.)* дивимся, будто вы того не вѣдали, какая с вами королевская наука к Миколаю и к Олександру послана. Какъ вамъ такихъ словъ про себя не стыдно и говорити? С чѣм же вы сюда ѣхали, коли того не вѣдаете, что вам велено дѣлати вмѣсте с Миколаем и с Олександромъ? И вы такие непригожие слова отставьте и говорите с нами о тѣхъ дѣлех, о которых мы вамъ преже сего в отвѣте обьявили, что намъ в. г. нашему сказати.

И посланники говорили: хотя мы *(л. 164)* и вѣдали королевскую науку о томъ, что намъ дѣлати с послы с Миколаем и с Олександромъ, да вамъ о томъ не обьявили, хотячи государю своему добра. А которую мы королевскую вѣрющую грамоту подали на посольстве в. г. вашему, и в тоѝ грамоте написано, что мы учнем говорити государю вашему, и в томъ бы намъ во всемъ вѣрити. И мы. в. г. вашему, будучи на посольстве и после посольства, говорили двожды и с вами, государьскими сенатари, будучи на розмове, говорили о том же, чтоб нам *(л.—об.)* видетись с послы его коро-

левские милости с Миколаем да с Олександромъ, да потомъ о дѣлех с вами говорити. И мы по государьскому повелѣнью с послы его королевские милости с Миколаемъ и с Олександромъ виделись, и листы им королевские отдали, и имѣемъ от государя своего науку о всяких дѣлехъ, которые ныне настоят межь в. г. нашихъ и межь их великихъ государствъ дѣлати и становити вмѣсте с послы его королевские милости с Миколаемъ и с Олександром, а ни одному нас без одново дѣлати не мочно. А то всегда бывает, *(л. 165)* что послы и посланники государя своего наказ держат у себя тайно, а никому его не обьявляют. А ныне вам говорим, что никак намъ ничего нельзя дѣлати без послов его королевские милости, без Миколая да без Олександра; наказано нам всѣм четырем вмѣсте дѣлати и становити.

И бояре от посланников пошли вон іс полаты и сказывали рѣчи их г. ц. и в. к. Васи·ью Ивановичю в. Р. И г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣлъ итти к посланником діаку Ондрѣю Иванову, а велѣл *(л. — об.)* их отпустити на подворье.

Декабря въ 29 день приходил к приставом посла Александров урядникъ и говорил от Олександра: донесите де до князя Дмитрея Ивановича от Олександра: давно де я ко князю Дмитрею Ивановичю приказывал, і ныне тоже приказываю, Богъ де видит, хочю меж государей и государствъ доброво дѣла; да и рад де все добро дѣлать. Говорили де вы намъ от бояр, что были у государя посланники и вѣрющей листъ дали на себя, что имъ дѣлать все; и мы де просили у бояр, и посланники тово же просили, чтоб нам видетца с посланники. И государь де нас *(л. 166)* пожаловал, велѣл нам с посланники видетца. И мы де то подлинно вѣдаем, что посланники прошали наперед тово, чтоб имъ с намі видетца, а не видевся с нами, и дѣла не будет, потому что король велѣл дѣлать нам всѣм вмѣсте; а как имъ видетца наперед с нами не дадут, и у них де от короля указ таков был, что имъ однимъ быти у государя и листъ вѣрющей на одних на них. И рѣчь государю говорили об нас и з бояры сидѣли, тоже говорили, что, не видевся с нами, имъ не дѣлывать никакова дѣла, а нам де без них дѣлать нельзя. Говорили де вы послом, что посланников государь отпустит, а нас пожалует, с ними же отпустит. Чтоб де князь Дмитрей Ивановичь то упросил у государя і з бояры *(л. — об.)* переговорил, чтоб нам видетца с посланники и переговорить. А чаем де мошно то здѣлать, что нам одним быть у государя, только поговоря с посланники; а не видесь и не поговоря о том с посланники, никоими обычаи нельзе нам

одним быть у государя. А как де видесь с посланники і переговоря, и мы де, у государя быв, да и дѣло станем дѣлать вмѣсте. А то де вы нам сказываете отпускъ, и нам де, сколько ни жив, а ни с чѣмъ поѣхать: что де намъ государю своему сказати? Хотя б де мы видели то, зачѣм стало і чево хотят. И, приѣхав бы, мы то государю своему и сказали. А посланники де, сколько ни будут у государя и у бояр, а без нас имъ ничево не дѣлывать.

(л. 167) Генваря въ 5 день были приставы у послов и приставом послы говорили: скажите де от нас бояром, чтоб де государю о том говорили, что наше житье: живем де здѣся 2 года, а посланники государя нашего живут 25 недѣль государя вашего в государстве, а дѣла и посямѣста нѣтъ, ужь де с нами і с посланники дѣла не дѣлают; і чтоб де государь пожаловал, нас и посланников велѣлъ отпустить ко государю нашему. Как де то государю нашему и государству не позор, что послов держат 2 годы, а посланников держат 25 недѣль без дѣла? Государь де у вас сѣл ново и ему де государю надобно было с окольными государи обновитца любовью и дружбою; а государь де ваш с нашим государем любви и дружбы держати не хочет. Сами б де бояре розсудили: только б де *(л. — об.)* государя вашего послов в котором государстве задержали 2 года, и он бы де послал для их своихъ посланников; ино б де и тѣхъ задержали же. И каково б де было то государю вашему, і бояром, и всей землѣ за такое безчестье, и не стоять ли за то всею землею, и чѣмъ их выручить развее крови? Горко де и бѣдно государю нашему і коруне Польской и великому княжеству Литовскому такое безчестье. Богъ де видит: государь наш и вся земля за то станут. Спросите де князя Григорья Волконского да Ондрѣя Иванова, как де они у государя нашего были, с паны-радою заседали, и что де имъ об нас говорили? А у нас де здѣся все их посланье есть. И князь Григорей де и Ондрѣй паном-раде говорили: как де приѣдем к Москве, и государь де тотчасъ отпустит послов вашихъ[1]. И князь Григорей пришол *(л. 168)* тому год, а нас де и посямѣста не отпустят. А приказывали де к нам бояре многижда государевым словом, что жить нам до тѣхъ мѣстъ, как посланники наши будут, а до посланников нас отпустити не мочно; и посланники наши пришед живут в вашем государстве 25 недѣль, и с нами имъ дѣлати велено вмѣсте. І бояре с нами і с посланники дѣла не дѣлают, а держат нас и посланников без дѣла, к государю нашему нас не отпустят. Чево де тово бояре хотят меж таких великихъ государствъ —

[1] Конецъ страницы закопченъ дымомъ.

ссоры и кроворозлитья? За что нас и посланников держат? Уже дѣла не дѣлать, ино отпустить. А будет де чают того, что долгимъ держаньем нам быти у государя одним без посланников, і тому де до смерти не бывати. У нас де велико слово *(л. — об.)* ково назвать недоброй матки сыном. І только мы переменим свое слово, и вы назовите нас недоброй матки детьми, и здѣлаем мимо государя своего наказ. Как намъ наказано, так намъ и дѣлать. — И как приставы от послов пошли, и посол Александръ говорил: просим у вас для Бога, поговорите бояром, дайте нам на тѣ рѣчи отвѣтъ, не пролейте нашей крови.

Генваря въ 6 день пришли приставы к Литовским посланником Казарин Бегичев да Иван Полтев, и посланники кручиноваты добрѣ; да посидѣв немало, и почали говорить приставом: мы де чаяли, вы приѣхали по нас. Приѣхали де мы к государю вашему от своего государя по воле, а не в вязнях деи мы взяты; а то де вы нас *(л. 169)* посадили в вязнях. Говорили де мы вам о дворовой теснотѣ і о избах, что челядь многая помирает с стужи, и говорили де намъ, что отпускъ нам будет вскоре; і нынече де мы сподеваемся, что уже за нами і иной посланник есть. И государь ваш большое также ево засадил, что и нас. — И приставы почели говорить: был бы за вами посланник, и государь б про нево велѣл вамъ сказати; ано деи вам вѣрить нельзѣ ни в чем. И как де приведетца[1] посной день пятница да субота, и мы де в тѣ дни всегды голодни, а конского де намъ корму овса 4 дни не давали.

Генваря въ 8 день были приставы у послов у Миколая да у Олександра и говорили им: *(л. — об.)* приказывали вы с нами і мы ваши рѣчи всѣ Посольскому діаку сказывали, и Посольской діакъ з бояры говорил. А велѣлъ вам говорити: сказывали вы у себя королевской наказ и ко государю листъ, і государь у себя вам велѣл быти, и вы ко государю не ѣдете, а хотите быти у государя с посланники вмѣсте; и у государя посланники были, и листъ на себя вѣрющей подали, і посольство правили. І то гдѣ ведетца, что однимъ посланником двожды посольство правити? А какъ вы были у бояр с посланники вмѣсте, и вы бояром листа не показали; да к вам же присылан от государя дворянин да дьякъ, и вы дворянину и дьяку листа не показали же. И нам ся видит: к государю вам *(л. 170)* ѣхати нѣ с чим. А ныне посланники з бояры говорят, и на чом договор будет, и государь посланников велит отпустити;

[1] Слова, очевидно, литовскихъ посланниковъ; слѣд., здѣсь пропускъ въ посольской книгѣ (неправильно въ нее переписано).

а будет дѣла у посланников не будет, і государь посланников отпустит да и вас с ними отпустить велит. То вам і давно сказано.

И послы говорили: давно де мы вам сказывали, что нам бес посланников у государя быти не мочно: наказ намъ от короля всѣмъ 4-м, и нам де двем без посланников быти не мочно. Хотя де Богъ велит намъ и умереть здѣся, а без посланников быти у государя не мочно. Как нам учинить мимо наказ государя своего? А как де были мы у бояр с посланники вмѣсте, и бояре де намъ про листъ ничего не говорили; а только б де бояре про листъ нам, хотя одно *(л. — об.)* слово молыли, и мы б де тотчас бояром листъ показали. А дворянину и дьяку как было нам листъ показати? Хотя де посланники у государя і у бояр будут, и им де без нас никоторого дѣла не дѣлать; а нам де нельзѣ бес посланников дѣлать. Чтоб де бояре велѣли намъ быти у себя с посланники вмѣсте, і тут де будут бояре, и мы будем вмѣсте туто же и о всем переговоримъ. И будет де мочно нам быти у государя одним бес посланников, і мы у государя будем; а будет одним намъ у государя быти не мочно, и мы бояром листъ покажем.

И приставы говорили послом: стали вы за малое дѣло, а большое дѣло поставили. *(л. 171)* Мочно вам то дѣло і на себя взяти, и мимо наказ быти у государя одним: то дѣло не большое. Мы люді служилые, куды нас пошлют, а велят дѣлать по наказу, і мы по наказу дѣлаем; а чево здѣлати по наказу не мочно, а государеву дѣлу будет прибыльнѣе, и мы дѣлаем и мимо наказ.

И посол Александро говорил: по дѣлу де, вы то говорите, дѣлают толды так, коли пошлют одново, а не четырех. А яз де был здѣсь один, и Василей де Телепнев ко мнѣ приезжал, и у меня де в наказе было не написано, а яз де на себя взял и мимо наказ здѣлал. А как де кого пошлют с товарыщем вмѣсте, і без товарыща де одному мочно ли что здѣлать? *(л.—об.)* Будет де с нами і с посланники дѣло дѣлать, ино б де дѣлали; а будет де дѣла не будет, и нас бы де отпустили. Докуды нас держать? Давно деи нам отпускъ сказываете, а мы таки живем; тово де вашево отпуску ещо будет на 2 года. Вѣдаем де обычаи бояр ваших. Ужжо де станут нам говорити: вы живѣте здѣсь, а воры ваши воруют. І нам де говорить: не мы воруем, от вас то сставаетца и кров всчинаетца, послов и посланников долго держите; а государю нашему и землѣ от тово безчестье великое, и государю нашему и землѣ опричь тово іное что думати за такое безчестье?

А се таково письмо подал Өедор Пушкин генваря *(л. 172)* въ 9 день.

Генваря въ 8 день о вечерне выходил за ворота гулять посол Александро і прислал к приставом, чтоб к нему вышли. І говорил приставу Өедору Пушкину, а Ондрѣя і Дороги на дворѣ в тѣ поры не было: што де наше житье, колько нам жить? Дѣла с намі не дѣлают, а нас держат. А как дѣло начнетца, і нам де и досталь жить; тепере де не о великом дѣле стало. А как де начнетца дѣло, и намъ де без воеводы Сендомирского и безо всѣх дѣлать нельзѣ. Какъ ихъ не роспросить, что у ково золота, і серебра и всякой казны взято? І нам де без нихъ почему вѣдать? А у иных де у торговых людей много поимано живота; а которые де побиты, и у тѣхъ *(л. — об.)* остались племя, і они де то вѣдают, што их живота было. А как де мы с посланники ещо не видалися, тогды же Витовской то бояром говорилъ, чтоб послали по Сендомирского с товарыщи, а без того де дѣлу никак сстатца нельзѣ, только всѣхъ не увидимъ свою братью. І будет де государю и бояромъ за то стоять, чтоб де нас отпустили, а о Сендомирскомъ і о всѣх Литовских людех государь с королем сошлетца. Восе де и Витовской для того и приѣхал, без Сендомирсково в Литву ѣхать не хотѣлъ. Богъ де видит, говорю правду и князю Дмитрею Ивановичю многижда приказывал: которые де Сендомирсково племя в Польше і в Литвѣ, і они то и говорят: послов де в вязнях держат. А ныне і посланников *(л. 173)* держат. І за то де королю і всей землѣ какъ не стать? Преж де того было: князь великий Василей взял Смоленескъ і иные городы за перемирными лѣты, а говорили: вы де почели, въ крестном целованье не устояли, перелѣзши за рубеж, в рѣчке бобры побили. А мы де люди, а не бобры, за нас станут; во всѣхъ государствах не ведетца того, что послов насильством держать. Богъ де видит, не за Сендомирсково говорю, для того говорю: меж таких бы великихъ государствъ кровь не всчелася. Прошу де у тебя, донеси де тѣ мои рѣчи до князя Дмитрея Ивановича или до Ивана Өедоровича Колычова, хто б де до государя донесъ.

(л. — об.) Генваря въ 9 же день о вечерне посол Александръ выходил за ворота гуляти і присылал по приставов. А говорил приставом: донесите де мои рѣчи до бояр — для чего нас держат? Любо б де с нами дѣло дѣлали, а любо б де насъ государь отпустил. А как де дѣло начнетца, іно де и тово будет долго посылать де по Сендомирского с товарыщи. А какъ де я знаю по здѣшнему обычаю, і я де і дѣлу не чаю сстатца потому: о маломъ де

дѣле так бояре стали упруго, что намъ у государя быти не дадут вмѣсте с посланники; а как де доідет до большово дѣла, іно де и поготову станет. Только де государь не похочет тово і бояре здѣлать, что Сендомирскому с товарыщі *(л. 174)* быть здѣся у дѣла, ино де и дѣлу не быть; сколко де намъ ни жить здѣ, а ѣхать без дѣла. В наказе де у нас написано: не видався с Сендомирским і не відя всѣх людей, которые здѣсь, никак ничево не велено дѣлати.

И приставы говорили: сстатное ли то дѣло, что тут быти Сендомирскому без договору? Сендомирскому до посланья какое дѣло? Сам ты вѣдаешь — каким он обычаем пришол.

И Александро говорил: мы де тому і сами дивимся, какъ так в наказе написано. Богъ де судит, хто такие наказы пишет: только б де самъ так 2 года посидѣлъ, и он бы де не написал. А какъ де вижу я, только *(л. — об.)* дѣло розчать, а конца дѣлу не будет. Витовской де для тово пришол, что ему відеть Сендомирского и всѣх людей, кои здѣсь; то же и дѣло дѣлать. А я де вѣдаю Витовского: хотя де ему приложи шею к плахе да отсеки, і он де никак тово не учинит, что ему начать дѣло, не відя Сендомирского с товарыщі, как де я знаю. Чтоб де нас государь отпустил, а с нами посланников своих, и о всем х королю отписал. І там де какъ будут посланники ваши, ино де скорѣе дѣло будет: там де король, і рада вся, и Сендомирского жена, тотчасъ тут же будут і племя все, і станут королю говорить, і они де тогды похотят ранее дѣлати. А нам де здѣсь мимо наказ здѣлати *(л. 175)* нельзѣ. Сами б де бояре положили на своем разуме: какъ землѣ за послов не стоять? А Сендомирского племя то і говорят: держат де на Москвѣ послов в вязнях, а ныне де посланников. А как де мы будем у короля, и Сендомирского жена і племя станут о Сендомирскомъ королю говорить, і здѣлка де тамъ скорѣе будет.

Того же дни были приставы у послов и говорили имъ: приказывали вы с нами, и мы ваши рѣчи всѣ Посольскому діаку сказывали, и Посольской діакъ з бояры говорил. А велѣлъ вамъ *(л. — об.[1])* говорити: сказываете у себя королевской наказ и ко государю листъ, и государь вамъ у себя велѣлъ быти, и вы ко государю не ѣдете, а хотите быти у государя с посланники вмѣсте; і у государя посланники были и листъ на себя вѣрющей подали и посольство правили . . . гдѣ . . . .

. . . .

[1] Почти вся страница закопчена дымомъ.

.... *(л. 176)*[1] И Миколай и Олександро обьявили намъ, что присланъ к нимъ с вами королевской наказ и вѣрющая грамота, а велено о всяких дѣлехъ говорити и становити меж в. г. нашего и государя вашего Жигимонта короля имъ Миколаю и Олександру с вами вмѣсте; и в. б г. нашъ велѣл имъ быти у себя государя на посольстве. И в. г. нашъ, его царское величество, хотячи доброво дѣла з государемъ вашимъ Жигимонтомъ королемъ, не памятуючи Миколаевы и Олександровы грубости, велѣл было им быти *(л. — об.)* у себя государя на дворѣ на посольстве и хотѣлъ их приняти во всемъ по посолскому обычею. И Миколай и Олександро на посольство к в. г. нашему не пошли, а говорили, что имъ королевская наука прислана такова: велено имъ быти у в. г. нашего на посольстве вмѣсте с вами. И мы, царского величества бояре, к Миколаю и к Олександру приказывали многижда, что вы уже у в. г. нашего на посольстве были, и вѣрющую грамоту на себя подали, и рѣчь говорили, и вамъ вдругие на посольство итти непригоже; а какъ *(л. 177)* они, Миколай и Олександро, у в. г. нашего на посольстве будутъ и вѣрющую грамоту на себя подадут, и в. г. нашъ, смотря по вѣрющей грамоте, велит им быти у себя государя на дворѣ всѣмъ вамъ вмѣсте, им и вамъ, и о дѣлехъ с нами говорити. И Миколай и Олександро, говорят, невѣдомо для какие мѣры упрямилися и на посольство не поѣхали. И в. г. нашъ, поговоря о томъ со всѣми своими государьскими бояры, положил на то, что Миколай и Олександро к государю не ѣдут потому, что за ними дѣла никакого нѣтъ, и велѣлъ ныне нам с вами говорити: *(л. — об.)* будет вамъ есть государя вашего наказ о тѣх дѣлехъ, о которых есте говорили в. г. нашему от государя своего на посольстве говорити и становити, и вы с нами говорите, какъ бы тѣ всѣ дела, что учинилось з государя вашего стороны через крестное целованье, к добру привести; а будетъ вы о тѣх дѣлехъ с нами говорити и становити не учнете, и в. г. нашъ отпускает васъ к государю вашему, и вамъ быти у в. г. нашего ныне и на отпуске.

И посланники говорили: мы тому *(л. 178)* вельми ся дивимъ, что послы его королевские милости Миколай и Олександро такъ к вамъ, государьскимъ бояромъ, приказали, что имъ безъ нас на посольстве у в. г. вашего быти немочно. А мы вѣдаемъ, что им без насъ впервые на посольстве у в. г. вашего быти мочно, и вѣрющая грамота королевская прислана к нимъ с нами на нихъ на дву,

[1] Пропускъ, недостаетъ 24 листовъ, нѣтъ записей за 9—27 января и начала разговора съ посланниками 27 января.

а нас в той вѣрющей грамоте нѣтъ. Да и быти намъ у государя вашего вдругие на посольстве непригоже: мы уже у в. г. вашего на посольстве были, и вѣрющую грамоту на себя подали, *(л.—об.)* и посольство правили. А какъ они у государя впервые на посольстве будут, и грамоту подадут, и посольство исправят, и потом ужь намъ всѣмъ вмѣсте ко всякимъ дѣломъ приступити с вами, государьскими сенатари, говорити и становити. А ныне не вѣдаем того, что то есть за причина, зачѣм они к государю на посольство не ѣдутъ. И государь б поволил намъ с ними видетись; а какъ мы с ними увидимся, и мы то от нихъ увѣдаем, за какою причиною они к государю на посольство без нас не ѣдутъ. А не видевся нам с ними, ни о каких дѣлех говорити с вами не мочно, *(л. 179)* и к государю нашему х королю его милости намъ ныне ѣхати, с ними не поговоря, непригоже потому: только бы в. г. вашь не поволил намъ с послы его королевские милости видетца, и нас к государю нашему отпустилъ, и мы б, приѣхав к государю нашему милостивому и к паном-раде, сказали, что вь его государьском наказе у насъ было написано, приѣхав к Москве и быв у государя на посольстве, наперед всего видетись с послы его королевские милости с Миколаем да с Олександромъ да потомъ о дѣлех говорити; и государь вашь с послы нам видетись не дал, и мы потому *(л.—об.)* и дѣла не дѣлали. А ныне мы с послы его королевские милости с Миколаем и с Олександромъ виделись и листы имъ королевские отдали, и намъ, приѣхавъ к государю нашему, сказати будет нѣчего: для мы чего дѣла не дѣлали. А какъ мы с послы его королевские милости с Миколаем и с Олександром увидимся, и мы и о томъ говорити станемъ, чтоб они к государю вашему на посольство шли без нас, а, быв на посольстве, с нами вмѣсте о всяких дѣлехъ с вами, государьскими бояры, говорили и становили; и будет нас послушают, к государю вашему на посольство *(л. 180)* пойдут без нас, и то вельми добро. А какъ они будут у государя, и мы с ними вмѣсте тотчасъ приступимъ с вами, государьскими сенатари, о всякихъ дѣлехъ говорити и становити. А будет послы Миколай и Олександро насъ не послушают, за какою будет причиною, к государю вашему на посольство не пойдут, и мы и без нихъ станем с вами, государьскими бояры, о всякихъ о добрых дѣлехъ говорити и становити; а, приѣхав, государю нашему его королевской милости скажемъ, что послы Миколай и Олександръ насъ не послушали, на посольство к государю вашему не пошли. *(л. — об.)* То намъ перед ними оправданье.

И бояре посланникомъ говорили прежние же рѣчи, что вы с послы, с Миколаемъ и с Олександромъ, виделисъ и о всемъ с ними говорили, и ныне мочно вамъ, и не видевся с ними, о всякихъ о добрых делех с нами говорити и становити.

И посланники говорили: а будет государь вашь не поволит намъ с послы его королевские милости, с Миколаем и с Олександромъ, видетись и о томъ поговорити, и государь б вашь пословъ *(л. 181)* Миколая и Олександра велѣл отпустити к государю нашему; а какъ их отпуститъ, и мы с вами, государьскими бояры, станемъ и без нихъ о всякихъ о добрых дѣлехъ говорити и становити.

И бояре посланником говорили: преже сего мы вамъ о томъ говорили и неодинова и ныне говоримъ тожь—покамѣста от вас не услышимъ о тѣх о всѣхъ дѣлехъ, о которых мы вам преже сего в отвѣте подлинно объявили, государя вашего и панов-рад перед в. г. нашимъ исправленья в томъ *(л. — об.)* во всемъ, что учинилося Московскому государству з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье, отпустити Миколая и Олександра непригоже. Преже сего вы нам также говорили, а просили того, чтоб вамъ с Миколаем и с Олександромъ видетись, а, какъ увидетесь, и вы тотчасъ с нами станете о всяких дѣлехъ говорити и становити. И вы, и видевся с Миколаем и с Олександромъ, ни о какихъ дѣлехъ с нами не говорите. И то знатно большое за вами дѣла никаково нѣт.

(л. 182) И посланники говорили: мы вамъ прежь сего говорили и неодинова и ныне говоримъ тожь, что государь нашь, его королевская милость, прислал насъ к государю вашему о великихъ дѣлехъ и дѣло за нами есть; а просимъ у вас того, чтоб вы наши рѣчи донесли до в. г. своего, чтоб в. г. вашь поволилъ намъ с послы его королевские милости, с Миколаемъ и с Олександромъ, видетись, чтоб затѣмъ доброму дѣлу меж в. г. нашими и меж их великими государствы порухи не было.

(л. — об.) И бояре от посланников пошли ис полаты к государю и сказывали посланниковы рѣчи государю. И г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. говорил о томъ з бояры.

И приговорил государь з бояры итти к посланником в Отвѣтную полату діакомъ думному Василью Телепневу да Ондрѣю Иванову, а молыти велѣлъ посланником: которые они рѣчи говорили царского величества з бояры, *(л. 183)* и бояре тѣ их рѣчи доносили до в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., и в. г. его царское величество, какъ есть истинный правый крестьянский государь, не

хотя видети кроворозлитья во крестьянстве, по своему царскому милосердому обычею и оправдая себя перед государемъ вашимъ Жигимонтомъ королемъ, чтоб его государская правда и сходительство ко всякому добру хрестьянскому всѣмъ великимъ государемъ хрестьянскимъ явна была, велѣлъ бояромъ своим ещо послати *(л.—об.*[1]*)* к Миколаю и Олександру, обьявити к великому государю нашему ѣха . . . . и грамоту на себя вѣрющую . . . . и посольство правили, а потом бы о дѣлех всѣ вмѣсте з бояры говорили. А будет Миколай и Олександръ к государю не поѣдут, а они посланники без них дѣлать не станут, и то знатно, что за ними ни. . . . дними дѣла никакова нѣт, и государь их посланников велит отпустити к государю их тотчасъ. И изговоря то, отпустити их на подворье. И по сему государеву приговору . . . .
[2] . . . .
. . . . *(л. 184)* государя в хоромех. А как послы с посланники увидятца и изготовятца итти к государю, и государю в тѣ поры выти в Золотую полату в своем государьскомъ царьскомъ платье и приняти пословъ по прежнему обычею.

И того жь дни генваря въ 27 день в середу посыланы *(л.—об.*[3]*)* по пословъ Миколая и Олександра приставы ихъ Ѳедоръ.

И генваря въ 28 день въ четвергъ по г. ц. и в. к. Василья Іѳановича всеа Русіі указу Литовские послы Миколай Олешитцкой да Олександро Гасевской у государя на дворѣ были. А приѣздъ на государевъ двор послов и посланников был по прежнему: наперед приѣхали Литовские послы Миколай да Александро и сошли с лошадей на мостки против Казенные полаты у послѣдняго окна[4], что к Благовѣщенью, и шли Благовѣщенскою папертью вверхъ прямо в Отвѣтную полату к бояром; а бояре княз Іван Михайлович Воротынской с товарыщи в тѣ поры сидѣли в Отвѣтной полате в золотном платье, а при них стояли дворяне и діаки в золотном же платье. А как послы приѣхали[5] к государеву двору, і в тѣ поры приставы Литовских посланников Ондрѣй Дедевшин да Іван Полтев поѣхали по по(сланниковъ).

---

[1] Вся страница закопчена дымомъ.

[2] Далѣе пропускъ, недостаетъ конца приговора и начала слѣдующей записи (1-го листа?).

[3] Вся страница закопчена дымомъ. Далѣе въ книгѣ № 27 перерывъ, идутъ записи начиная съ 22-го іюня, и потому далѣе печатается Польское дѣло 1608 г. № 1 (записи съ 28 января по 20 апрѣля).

[4] *Зачеркнуто:* окошка.

[5] *Сперва было написано:* пришли.

А как послы Миколай и Александро пришли к Отвѣтной полате, і встрѣтил их от бояр діак Ондрѣй Іванов по прежнему у дверей, вышод из Отвѣтных сѣней. А какъ послы пошли в Отвѣтную полату к бояром, и середи полаты встрѣтил их думной Посольской діакъ Василей Телепнев; а бояре послом встали и, дав им руки, сѣли по мѣстом: боярин княз Іван Михайлович Воротынской с товарыщи в лавке, что от Москвы реки, а діаки думной Василей Телепнев да Ондрѣй Іванов от бояр въ скамье, а послы в лавке, что от Стрѣтенья.

А сѣдчи по мѣстом боярин князь Іван Михайловичь говорил послом рѣчь по г. ц. и в. к. Василья Івановича всеа Русіі указу по писму: преж сего мы бояре посылали к вам, посломъ, говорити царьского величества думного дворянина Ортемья Васильевича Измайлова да діака Семейку Самсонова о том, что объявили вы нам, бояром, что прислана к вам королевская вѣрющая грамота, а велено вам у в. г. нашего, его царьского величества, на посольстве быти і всякие дѣла дѣлати вмѣсте с посланники; і вы б ѣхали к в. г. нашему на двор и грамоту вѣрющую на себя подали и посольство пра(вили) одны без посланников, потому что посланники у государя (были), і вѣрющую грамоту на себя подали, и посольство правили. А вы послы у государя будете, и вѣрющую грамоту подадите, и посольство исправите, і великиі государь нашъ его царское величество, смотря по вѣрющей грамоте и по вашему посольству, тогды вам велит быти у себя государя с посланники вмѣсте, и о всяких дѣлех велит государь нам, бояром, говорити со всѣми с вами. И вы с О(ртемьем) и з діаком к нам, бояром, приказывали, чтоб великиі государь нашь поволил вам с посланники видетись и о том переговорити; а какъ увидетесь, и вы будете у великого государя на посольстве одни и без посланников. Да вы ж Ортемью и діаку Семейке (казали) грамоту, а говорили, что то королевская вѣрющая грамота на вас на послов. И мы, бояре, то все до в. г. нашего ц. и в. к. Василья Івановича, в. Р. с., доносили. І великиі государь нашъ, его царьское величество, хотячи доброго дѣла з государем вашим з Жигимонтом королем и меж великими государствы, поволил вам ещо видетись с королевскими посланники, а видевся с посланники быти вам у великого государя нашего на посольстве ныне ж; а посланники к вам ужже будут.

И послы, выслушав рѣчи, говорили: преж сего мы вам, государским бояром на государском жалованье били челом, а вам бояром дяковали, что великиі государь вашъ поволил намъ с посланники его королевские милости видетися. А какъ мы с посланники его королевские милости, государя нашего милостиваго, з братьею нашею

виделись, и мы вам, государскимъ бояром, государя нашего наказ объявили, что нам по королевскому росказанью велено всякие дѣла дѣлати, которые ныне настоят меж великими государи нашими и меж ихъ великими государствы, с королевскими посланники з братьею нашею вмѣсте, и королевскую вѣрющую грамоту на себя мы вам сказывали, і говорили вам о томъ, чтоб вы донесли до великого государя вашего, чтоб великиі государь вашъ велѣл нам быти у себя государя всѣмъ намъ, и приказные рѣчи от государя нашего нами выслухал, и королевскую вѣрющую грамоту на нас велѣл у нас приняти. І вы, государские бояре, нам в тѣ поры на тѣ наши рѣчи отказали намъ діаком Ондрѣемъ Івановымъ, что на тѣ на наши рѣчи отвѣт нам будет иным времянем. И после того не вѣдаем какими обычаи вы, государские бояре, нам всѣмъ четырем вмѣсте отвѣту никакого на то не учинили, а приказывали к нам з государскими думными дворяны и дьяки и с нашими приставы, а послѣднее приезжали к нам думной дворянин Ортемей Измайлов да дьякъ Семейка, и говорили нам, чтоб нам ѣхати к великому государю вашему на посольство одным бес посланников. И мы к вам, государским бояром, приказывали многижда, а послѣднее приказывали з думным дворянином с Ортемьемъ Измайловым, что нам королевская наука дана, а велено намъ у великого государя вашего быти і дѣлати всякие дела с посланники его королевские милости вмѣсте; и великиі б государь вашъ велѣл нам быти у себя, государя, с королевскими посланники вмѣсте. А будет государь вашъ намъ с посланники вмѣсте у себя государя быти не велит, и государь бы поволил нам с посланники на своем государеве дворѣ видетись; а как мы с ними увидимся и о том переговорим, и мы чаем будемъ у государя вашего на посольстве одны и бес посланников; а не видевся нам с посланники, никак у государя вашего быти не мочно. И затѣм і посямѣста с обе стороны государским дѣлом мотчанье учинилось. Да и того мы остерегались и ныне того остерегаемся: здѣ земля чюжая, в тѣ поры либо великий государь вашъ велит нам ныне быти у себя государя одным бес посланников, а после того также и к дѣлом либо государь велит с вами, своими государскими бояры, приступити нам порознь ж и нас в дѣлех с посланники розорвут. А причина ваша уже тому есть: преже сего приезжал к нам от вас, государских бояр, государской дворянин Іван Чепчюгов и говорил нам, что посланники его королевские милости, государя нашего милостивого, будучи на посольстве у государя вашего и после того с вами бояры в отвѣте, об нас ничего не говорили. А какъ мы с посланники здѣ увиделись, и мы

от них увѣдали прямо, и посольства своего список нам дали. И они, будучи у государя вашего на посольстве и после того вам, государьским бояром, говорили многижда о том накрепко, чтоб великиі государь вашъ велѣл имъ с нами видетись, а имъ до нас есть королевские листы, і велѣл бы нас отпустити к государю нашему. І вперед какъ, чему вѣрити: что, приезжая к нам от вас, ни говорят, то все неправду. А ныне коли великиі государь вашъ поволил нам с посланники его королевские милости, государя нашего милостивого, видетись, и мы, с ними увидясь и переговоря о том, к государю вашему на посольство и бес посланников итти готовы.

И бояре послом говорили: то вы, панове-рады, говорите не гораздо, будто Іван Чепчюгов вам говорил, приезжая, про посланников неправду. То было так: посланники государя вашего, будучи у великого государя нашего на посольстве, говорили только о том, чтоб им с вами видетись, і вас наведати и листы королевские вам отдати; а того посланники ничего не говаривали про вас, что к вам с ними королевская наука прислана, а велено вам с ними меж великих государей нашихъ всякие дѣла дѣлати и становити[1]. Таити было того нѣчего.

И послы говорили, что николи того не бывало, чтоб послу и посланнику, пришед х которому государю, да вдруг государя своего наказ объявити; в обычаяхъ в посольских бывает так, что государя своего наказ держат себѣ тайно.

И бояре посломъ говорили: того было посланником таити нѣчего, что к вам королевская наука прислана дѣлати с ними вмѣсте; то дѣло не тайное. Только б они в ту ж пору великому государю нашему объявили, что вам с ними дѣлати велено вмѣсте, и то б было ещо и крепчае. І великиі б государь нашъ тогды же велѣл вам с ними видетись и у себя государя вам быти и о дѣлех с нами говорити. А то ныне государьским дѣлом с обе стороны учинилось мотчанье от вас, что вы к великому государю нашему кь его царьскому величеству на посольство без посланников не поѣхали, а мочно было вам, и не видевся с посланники, у великого государя нашего быти вам на посольстве. А тѣм мы вашим рѣчем удивляемся, что вы нашим словам не вѣрите[2], а чаете того, что великиі государь нашъ, его царьское величество, велит вам и о дѣлех с нами бояры говорити с посланники порознь. И мы к вам преже сего приказывали многижда

[1] *Зачеркнуто:* то дѣло не тайное.
[2] *Зачеркнуто:* что мы к вам приказывали.

и ныне вам говорим тоже: какъ вы ныне с посланники увидетесь, и у великого государя нашего на посольстве будете, и королевскую вѣрющую грамоту на себя подадите, и посольство исправите, і великиі государь нашъ его царьское величество смотря по королевской вѣрющей грамоте и по вашему посольству велит вам быти у себя государя иным временем с посланники вмѣсте, і с нами, царьского величества бояры, о дѣлех говорити и становити всѣм же вам вмѣсте с посланники.

И послы бояром говорили: мы на том великому государю вашему, что поволил нам ныне с посланники его королевские милости видетись, челом бьем; і видевся с посланники, итти к государю на посольство готовы без посланников.

А какъ посланники Станислав да кпяз Ян в город приѣхали, и бояре, послом дав руки, пошли от послов из Отвѣтные полаты к государю и сказывали посольские рѣчи государю; а государь в тѣ поры был в своих государьских хоромех.

А посланники, приѣхав в город, сошли с лошадей на мостки по прежнему и шли вверхъ Благовѣщенскою папертью прямо в Отвѣтную полату к послом. А какъ посланники вошли к послом в полату, и послы их встрѣтили блиско дверей и с ними витались. А дворян королевских и людей своих выслали вон ис полаты; а пристав Литовских послов и посланников Ѳедор Пушкин с товарыщи, доложа бояр, от послов ис полаты вышли же вон.

И после того, помешкав немного, посылал государь к послом в Отвѣтную полату діаков думного Василья Телепнева да Ондрѣя Іванова. А велѣл имъ молыти, что по их прошенью царьское величество поволил им меж себя видетись, и они виделись и с ними говорили, и они б послы шли к государю на посольство і вѣрющую королевскую грамоту на себя подали и посольство правили; а посланники б ѣхали к себѣ на подворье.

И по государеву указу діаки к послом в Отвѣтную полату ходили и послом говорили.

И послы д аком говорили: по государьскому велѣнью с посланники его королевские милости мы виделись и с ними говорили, и дана была нам королевская наука, а велено нам послом и посланником всѣм четырем вмѣсте быти у государя на посольстве; да коли великиі государь вашъ на то не произволил, и мы и одны без посланников к государю на посольство итти готовы. А какъ мы у государя на посольстве будем и грамоту королевскую вѣрющую подадим и посольство исправим, и государь бы велѣл нам после того с посланники опять видетись і выслал к нам бояр своих о дѣлех говорити.

И діаки тѣ посольские рѣчи сказывали государю. И государь велѣл к послом итти в Отвѣтную полату діаку Ондрѣю Іванову, а велѣл им молыти, чтоб они ныне не мешкая шли к государю на посольство, а посланники б ѣхали к себѣ на подворье; а, быв им у государя, с посланники видетись и з бояры после о дѣлех говорити того дни непригоже. А какъ они ныне у государя будут и грамоту вѣрющую подадут и посольство исправят, и великиі государь, смотря по тому, велит им послом и посланником быти у себя государя иным времянем всѣм вмѣсте і в Отвѣтной полате з бояры о дѣлех говорити.

И по государеву указу діак Ондрѣй Іванов к послом ходил и им говорил. И послы, выслушав рѣчи, говорили, что они к государю итти готовы, а посланники поѣдут к себѣ на подворье.

И того ж часу послы из Отвѣтные полаты пошли к государю Красным крыльцом, а с ними при тавы Өедор Пушкин с товарыщи; а посланники поѣхали к себѣ на подворье. А г. ц. і в. к. Василей Іванович в. Р. в то время был[1] в Подписной в Золотой полате, сидѣл[2] в своем царском мѣсте, в царском платье і в диадиме с киөетром. А рынды стояли[3] по обе стороны государя в бѣлом платье и в золотых чепях: с правую сторону — князь Іван княз Михайлов сынъ Одоевской да Дмитрей Погожево[4]; с лѣвые стороны князь Василей Иванов сынъ Туренинъ да Исакъ Погожево[5]. А при государе сидѣли в полате бояре, и окольничие, и дворяне большие и діаки в золотном платье[6]. А в сѣнех сидѣлі дворяне выбор, и діаки, и дворовые люди ключники и гости в золотном же платье. А по крыльцу по Красному и до Благовѣщенья и у Благовѣщенья в папертп стояли дети боярские, и конюхи, и подьячие и торговые люди в цветном платье. А стрельцы стояли с пищальми от Благовѣщенские папертп и от Середние лѣсницы по обе стороны до Өроловских ворот и от ворот до Посольского двора. А стрѣчи послом были двѣ: в первой в меньшой встрѣче, вышед из сѣней ис Проходных на крыльцо от приступа с сажень, встречал Наум Михаилов сынъ Плещѣевъ[7] да дьякъ Івашка Шарапов; а в

[1] *Сперва было написано:* быти.

[2] *Сперва было написано:* сидѣти.

[3] *Тоже:* рындамъ стояти *и т. д.*

[4] *Зачеркнуто:* Василей князь Семенов сынъ Куракин да князь Өедор князь Өедоров сынъ Мещерской.

[5] *Зачеркнуто:* Юрьи княж Дмитреевъ сынъ Хворостинин.

[6] *Сбоку:* справ. как сидят бояре.

[7] *Зачеркнуто:* Григорей Пушкин.

другой встрѣче в большой перед Золотою полатою середі сѣней встречал[1] князь Василей княж Михайлов сынъ Лобанов-Ростовской да дьякъ Третьякъ Карсаков. И шли обе встрѣчи ко государю в полату перед послы, первая наперед, а другая на опосле.

А какъ послы вошли к государю в полату, и явил их государю челом ударити окольничей князь Григорей Ромодановской. А молыл: в. г. ц. і в. к. Василей Іванович, в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель! Жигимонта короля Польского и великого князя Литовского послы[2] Миколай Олешнитцкой, каштелян Мологоской, да Олександръ Гасевской, староста Велижской, вам, великому государю, челом ударили. А после того явил государю челом ударити королевского дворянина; а молыл: королевской дворянин князь Александръ Масальской вам, великому государю, челом ударил. — И послы правили государю от короля поклон. И государь вспросил про королево здоровье встав, а молыл: Жигимонтъ король по здорову ли? И говорил посол Миколай: мы, государь, мешкаем здѣсь в вашем государстве два годы, и нам про великого государя нашего его королевское здоровье невѣдомо; а из грамот его королевские милости выразумѣли, что его королевская милость, государь нашъ милостивый, в добром здоровье пребываетъ и просим у Господа Бога того, чтоб нам его королевскую милость, государя нашего милостивого, в добром здоровье отвядати. И государь жаловал послов, звал их к руце[3] і вспросил послов о здоровье, а молыл: Миколай, Александръ! По здорову ль?[4]. И послы на государеве жалованье били челом, а говорили: вашею государьскою милостью и жалованьем мы, дал Богъ, здорово. И после того послы подали государю вѣрющую грамоту. И государь велѣл грамоту приняти Посольскому діяку Василью Телепневу. И по государеву указу діакъ Василей у послов грамоту принел и поднес ко государю. И государь, смотря грамоты[5], велѣл Посолскому діаку молыти послом, чтоб правили посольство. И по государеву указу Посольской діакъ молыл: Миколай, Александръ! Что с вами приказ к в. г. ц. і в. к. Василью Івановичю, в. Р. с., от Жигимонта короля, і вы говорите. И посланники говорили рѣчь и письмо на тѣ свои рѣчи дали; а говорил Александро. И как рѣчь изговорили, и государь велѣл послом сѣсти

[1] *Зачеркнуто:* Богдан Сабуров.

[2] *Сбоку на поляхъ:* у Станислава и у Льва написаны великие послы.

[3] *На поляхъ:* а посланники у руки были после явки.

[4] *На поляхъ было написано и потомъ зачеркнуто:* Радиминского государь о здоровье не спрашивалъ.

[5] *На поляхъ:* при Лвѣ царь Борис чел грамоту.

на скамейке, а скамейка была по прежнему, да жаловал позвал к руце королевского дворянина, да после того пожаловал государь к руке неписьменных шляхты дворянских детей 6 человѣкъ[1].

А после того являл государю окольничеі князь Григорей посольские і дворянина королевского поминки по росписи: в. г. ц. і в. к. Василей Іванович, в. Р. с., и многих государствъ государь и облаадатель! Жигимонта короля Польского і великого князя Литовского послы вам, великому государю, челом бьют. Миколай челом бьет: образ пречистые Богородицы, обложен золотом; запана золота с каменьем с алмазы и з зерны з жемчюги, 3 кубки серебряны[2] золочены с покрышками, 2 достоканы серебряны золочены с покрышками[3], часы золочены, чѣпь золота, рукомойникъ да лохань серебряны золочены. — Олександръ челом бьет: 2 кубки серебряны золочены, жеребецъ бур. — Королевской дворянин князь Олександръ Мосальской челом бьет: кубокъ двойчат серебрян золочен, консѣр турецкой.

И какъ поминки явили, и государь велѣл Посольскому діаку Василью Телепневу молыти послом рѣчь, что им на их рѣчи будет отвѣт инымъ временем. И по государеву указу Василей имъ говорил: Миколай, Олександръ! В. г. ц. і в. к. Василей Іванович, в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель, велѣл вамъ сказати: которые рѣчи говорили есте нам на посольстве от Жигимонта, короля Польского і великого князя Литовского, и мы тѣ ваши рѣчи выслушали і на тѣ рѣчи вперед отвѣт учинити велим вам бояры своими иным временем. А после того велѣл государь Посольскому ж діаку посломъ сказати свое государево жалованье в стола мѣсто кормъ. И по государеву указу Василей молыл: Миколай, Олександръ! В. г. ц. і в. к. Василей Іванович, в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, жалует васъ в стола мѣсто ѣствою и питьемъ. — А какъ посольские поминки являл, и послы в тѣ поры стояли; а какъ поминки их явили, и государь пожалует послом велѣл сѣсти, а в тѣ поры являл дворянские поминки.

І велѣл послов отпустити на подворье.

И послы Миколай и Олександро государю били челом, а говорили: великиі государь! Живем мы здѣсь в вашем Московскомъ

[1] *Далѣе зачеркнуто:* а после того велит государь Посольскому діаку Василью спросити о здоровье королевского дворянина. И по государеву указу Василей молыт: князь Александръ! Царское величество, жалуючи тебя, велѣл спросити о здоровье. И королевской дворянин на государеве жалованье бьет челом.

[2] *Зачеркнуто:* 4 кубки серебряны.

[3] *Зачеркнуто:* кубок серебрян золочен чеканное дѣло.

государьстве 2 годы, а дѣла с нами ваши государьские бояре посямѣста никакого не дѣлали, а ныне великий государь нашъ, его королевская милость, прислал к нам, послом своим, с посланники своими науку, а велѣл нам у вас, великого государя, быти и листъ свой королевской вашей государьской милости отдати і вам поклонитца и посольство исправити; а потом поручил нам его королевская милость всякие дѣла, которые ныне настоят меж вас великих государей и государствъ ваших, з бояры вашими говорити вмѣсте с посланники его королевские милости с Станиславом Витовским да со князь Яном Соколинским. И мы по вашему государьскому велѣнью у вас, великого государя, на сей час были и королевскую вѣрющую грамоту вашей государьской милости подали и посольство исправили; і ваша б государьская милость велѣл нам иным временем быти у себя государя и своими государьскими бояры о дѣлех говорити вмѣсте с посланники его королевские милости не замешкав. А без посланников нам и посланником без нас дѣла никакого дѣлати не наказано.

И г. ц. і в. к. Василей Іванович в. Р. велѣл послом молыти Посольскому діаку Василью Телепневу: которые они рѣчи тепере нам, великому государю, говорили о своем мешканье в нашем Московском государстве и о том преже сего нашего царьского величества бояре говорили и неодинова, что такое им долгое житье в Московском государстве учинилось им от государя ж их Жигимонта короля, что по своему слову посланников своих долгое время... к нам... не прислал. А ныне мы, великиі государь, по королеву вѣрущему письму велим им послом Миколаю и Олександру и посланником Станиславу и князь Яну быти у себя государя и з бояры нашими в Отвѣтной полате о дѣлех говорити всѣм вмѣсте и задержанья им не будет.

И по государеву приказу Посольской діак Василей Телепнев послом говорил. И послы, государю челом ударя, пошли ис полаты и поѣхали к себѣ на подворье, а встрѣчники провожали послов до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встречали.

А государева жалованья послом в стола мѣсто корму послано: 6 гусей живых, 4 тетеревей живых, 8 утят живых, 6 зайцов живых, 6 яловиц, 10 боранов, 50 куров, 10 полоть ветчины, яиц четыреста, 3 пуда масла коровья, 4 вѣдра сметаны, 5 вѣдръ уксусу, 3 колачи крупичатых, 3 хлѣбцы крупичатых, колачей 300, 480 хлѣбов денежных. Питья: 3 ведра меду малинового, 3 ведра меду вишневого, 3 ведра меду боярского, 10 вѣдръ меду обарного, 20 вѣдръ меду

паточного, ведро вина боярского, 6 вѣдръ вина рядового, 20 вѣдръ пива доброго, 70 вѣдръ меду бѣлого, 150 вѣдръ пива простого. А с кормом к послом ѣздил пристав их Өедор Пушкин. А наказ ему дан таков.

Память Федору Семеновичю Пушкину. Сказати ему от г. ц. и в. к. Василья Иѳановича всеа Руси посломъ и дворяном[1] в стола мѣсто ѣству и питье. А молыти, пришед к послом: в. г. ц. и в. к. Василей (Іва)нович, в. Р. с., Жигимонта, короля Польского и великого князя Литовского, вас, великих пословъ Миколая Олешнитцкого, каштеляна Малогонсково, Олександра Гасевского, старосту Велижсково, и дворян[2] жалует в стола мѣсто ѣствою и питьем. И явити кормъ по розписи.— А будет послы[3] молвят, что мимо прежней обычей то государево жалованье, а преже сего которые Литовские послы бывали и тѣ у государя всѣ ели, — и Өедору молвити: у в. г. нашего такъ в обычае ведетца — которым посломъ не лучитца у государя ѣсти, и им в. г. нашъ жалует в стола мѣсто кормъ, і вамъ для того сумнятися нѣчево; а коли дастъ Богъ меж в. г. нашего и государя вашего доброе дѣло совершитца, и к вам государево жалованье будет по прежнему.

Список с королевские с вѣрющіе грамоты, что подали государю на посольстве послы Литовские Миколай Олешнитцкой да Олександръ Гасевской 116-го генваря в 28-й день.

От наяснѣйшего і великого государя Жигимонта, Божиею милостию, короля Польского і великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мозоветцкого, Киевского, Волынского, Подолского, Подляшского, Лиѳлянского, Естонского, и иныхъ, а дѣдичного короля Шведцкого, Кготцкого, Вандалского, княжати Өинлянского и иных, Божьею милостию, в. г. і в. к. Василью Івановичю в. Р., Владимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вяцкому, Болгарскому и иных. Посылаючи до вас посланников наших уроженыхъ Станислава Витовского, войсково Парцевского, князя Яна Друтцкого-Соколинского, секретарев и дворян наших, вас наведити и оздоровити и нѣкоторые рѣчи мовить. А дале в тых же всяких дѣлех, которые нам, в еликим государем, и государствам нашимъ належат, приказали и злетили (*наверху*: поручили) есмо перво тово

---

[1] *Сперва было написано:* «дворянину», *далѣе зачеркнуто:* «королевскому кормъ».
[2] *Тоже сперва было написано:* «дворянина» *и далѣе зачеркнуто:* «королевского».
[3] *Зачеркнуто:* «и дворянин».

от нас до Москвы посланым велеможному Миколаю Олешнитцкому з Олешницы, каштеляну Малогоскому, и уроженному Олександру Корвину-Кгосевскому, старосте Велижскому, и тым же вышенаписанным уроженнымъ Станиславу Витовскому, войскому Парцовскому, и князю Яну Друтцкому-Соколинскому, секретарем и дворяном нашимъ, сопча сполне всѣмъ четырем у вас быти и рѣчи наши вам мовить. Вы б есте, их выслухавши, во всемъ им вѣру зуполную дали бо то суть слова и рѣчи наши. А отпустили бы есте их всѣх четырех с одного до нас вборзе, ничѣм не задерживаючи. Писан у Варшеве лѣта от нароженья Сына Божьего 1607-го мѣсяца маія 28-го дня.

А на подписи на грамоте написано: в. г. і в. к. Василью Івановичю, в. Р., Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иных.

Список посольскихъ речей, что говорили государю на посольстве.

Пан Миколай Олешнитцкиі з Олешницы, каштелян Малокготцкиі, в тые слова мовил: наяснѣйшиі і в. г. Жигимонтъ Третиі, Божиею милостию, король Польскиі и в. к. Литовскиі, Рускиі, П249 Прускиі, Жемоитцкиі, Мазоветцкиі, Киевскиі, Волынскиі, Подольскиі, Подляшскиі, Иѳлянскиі, Естонскиі и иных, Шветцкиі, Кготцкиі, Вандальскиі дѣдичный король, княже Ѳинляндьскиі и иныхъ вам, Божіею милостію, в. г. і в. к. Василью Івановичю в. Р., Володимерскому, Московскому, Новгородцкому, Казанскому, Астороханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иных мовити росказал. Листу и рѣчи ваших, которые есте до его королевские милости, государя нашего милостиваго, всказали через посланники свои князя Григорья Костентиновича Волконского, дворянина и намѣсника Елатомского, і діака Ондрѣя Іванова его королевская милость, государь нашъ милостивый, выслухавши, послать рачил до вас посланников своих пана Станислава Витовского, войского Парцовского, и князя Яна Друтцкого-Соколинского, секретаров и дворян своих, вас наведить и объявить на ваше посольство учинить, а при том намъ, послом своим, мнѣ Миколаю Олешнитцкому с Олешницы, каштеляну Малоготцкому, и пану Александру Корвину-Кгосевскому, старосте Велижскому, сполна с одного с посланники своими с паном Станиславом Витовскимъ, войскимъ Парцовскім, и с князем Яном Друтцким-Соколинским, секретарьми и дворянами его королевские милости, у вас, великого государя, быть, поклониться и тот листъ короля его милости вам отдати.

Пан Александръ Корвин-Кгосевскиі, староста Велижскиі, в тѣ рѣчи мовил: наяснѣйшиі і в. г. Жигимонтъ Третиі, Божіею милостию, король Польскиі і в. к. Литовскиі и иных вамъ, Божиею милостию, в. г. і в. к. Василью Івановичю в. Р. мовити росказати рачил о томъ, что посылаючи его королевская милость, государь нашъ милостивый, до вас, великого государя, посланников своих урожоных пана Станислава Витовского, войского Парцовского, и князя Яна Друтцкого-Соколинского, секретара и дворянина своего, приказати рачил листом имструкцыею своею королевскою до нас, послов своих, перво сего тут до Москвы посланых, же бы есмо с поменеными паны, посланниками его королевское милости, всѣ четыре сполне знесшися, о всѣх справах, которые межи его королевскою милостию, паном нашим милостивымъ, і межи тобою, великим государем, и государствы вашими належат, з бояры вашими намавяли. Вы бы есте, в. г. і в. к. Василей Івановичъ, бояр своих думных до нас, послов его королевские милости, всѣх четырех на розмовы и приговоры назначити і высадіти велѣли.

Таково пісмо дали Литовскихъ послов приставы

Генваря въ 28-й день посол Олександра говорил в разговоре приставу Өедору Пушкину: толко б де государь велѣлъ бояромъ с нами сидѣть, не многа де житья нашего будет: простою де рѣчью станемъ говорить; много того живет, бранятца многия люди да и мир живет. На што де намъ мѣра говорить? Станемъ говорить правдою. А будетъ гдѣ намъ не повѣрятъ, і мы де указ королевской покажем. Я де тобѣ всю правду говорю. Написана де у нас в королевскомъ указе: какъ начнетца дѣла, Сердомицкому и всѣмъ людем тут быть; а велено ихъ нам роспрашивати, что у ково ихъ живота пропала, и о томъ намъ велено государю говорить, чтоб тѣ животы их велѣлъ сыскать да отдать, а чево в сыску не будет, і тѣ б животы их велѣл нагородить. А какъ де будет Сердамицкой и Вишневецкой і всѣ которые королевские люди были здѣся, за их животы дѣло не станетца. И мы де станем говорить: толь вам лутчи, что здѣся быть, а мы то королю скажем. А восе де они і сами станут говорить, животов своих не похотят; а учнут говорить, чтоб государь милость показал, отпустил і с тѣм, что у них есть. Тогды де плошая нам и мир покрепить.

И пристав Өедор говорил: тово де я не вѣдаю, впервой я у тебя слышу, каких вам животов пытать; а то я слыхал многа Московсково государства изгибло казны.

И посол Олександро говорил: а только де бояром говорить, хотѣть денег, ино де и дѣлу не бывать; только де шейтя мешки на денги.

Генваря въ 31-й день говорили в розговоре Литовские посланники Станислав Витовской да князь Янъ Соколинской приставом Ондрѣю Дедевшину да Ивану Полтеву, чтоб говорили бояром и Посольскому діаку, чтоб государевы бояре и Посольской діакъ известили г. ц. и в. к. Василью Івановичю в. Р., чтоб государь пожаловал, велѣл имъ вмѣсте с старыми послы свои царьские дѣла дѣлати не замотчая, и чтоб государь царь пожаловал, велѣл их перевести к старымъ посломъ поближе, и чтоб государь царь поволил с старыми послы вмѣсте договорные рѣчи утвержати во всяких дѣлех и приезжати ко государевым бояром всякую рѣчь исправляти вмѣсте, чтоб в верху меж себя ни о каких мѣрах не говорити, для поспешенья государевых дѣл, чтоб поранее отправитца [1].

И г. ц. і в. к. Василей Іванович в. Р., говоря о том з бояры, указал Литовских посланников Станислава Витовского да князя Яна Соколинского перевести с того их двора на старой на посольской двор к послом к Миколаю и к Александру со всѣми их людьми и велѣл им тут стояти и к себѣ, государю, на двор приезжати и з бояры о дѣлех говорити всѣм четырем послом и посланником вмѣсте, потому что в королевской в вѣрющей грамоте, которую подали государю послы Миколай и Олександръ на посольстве, написано, а велено им всѣм четырем всякие дѣла дѣлати вмѣсте. А в прибавку к посольскому двору указал государь дати [2] двор Рожественного монастыря, что в Володимире, да двор торговых людей Бажѣновых детей Иванова, что возлѣ посолского двора, чтоб Литовскимъ послом и посланником в том тесненья не было. А приставом у посланников указал государь быть прежнимъ же Ондрѣю Дедевшину да Івану Полтеву.

И февраля въ 5-й день по г. ц. і в. к. Василья Івановича в. Р. указу Литовские посланники Станислав Витовской да князь Янъ Соколинской на старой на посольской двор к послом к Миколаю Олешнитцкому да к Александру Гасевскому переведены и поставлены всѣ вмѣсте и прибавочные дворы по государеву указу им даны.

И февраля въ 6-й день г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣл Литовскимъ посломъ и посланникомъ быти у себя государя

[1] *Далѣе замѣчено:* «припиши, как спущены вмѣсто».

[2] *Зачеркнуто:* для утесненья.

на дворѣ. И того дни послы и посланники у государя были, а пріѣздъ на государевъ двор пословъ и посланниковъ был по прежнему; а ѣхали с ними в город приставы их с послы Ѳедор Пушкин с товарыщи, а с посланники Ондрѣй Дедевшин да Иван Полтевъ, а с приставы перед послы и посланники ѣхали дворовых людей и конюхов 50 человѣкъ. А пріѣхав в город, сошли с лошадей на мостки по прежнему и шли в верхъ Благовѣщенскою папертью к государю в Золотую полату. А г. ц. і в. к. Василей Ивановичь в. Р. в то время был в Подписной в Золотой полате, сидѣл в своемъ царскомъ мѣсте, в царскомъ платье и в диадиме, с киѳетромъ. А рынды стояли по обе стороны государя в бѣлом платье и в золотых чепях: с правую сторону князь Іван княж Михайлов сынъ Одоевской да Дмитрей Погожево, а с лѣвую сторону князь Юрьи княж Дмитреевъ сынъ Хворостинин да Исак Погожево. А при государе сидѣли в полате бояре, и окольничие, і дворяне большие і діаки в золотном платье; а в сѣнех сидѣли дворяне выбор, і діаки, і дворовые люди, и ключники и гости в золотном же платье. А по крыльцу по Красному и до Благовѣщенья и у Благовѣщенья в паперти стояли дети боярские, и подьячие, и конюхи и торговые люди в цветном платье; а стрельцы стояли с пищальми от Благовѣщенские паперти и от Середние лѣсницы по обе стороны до Ѳроловских ворот и от ворот до посольского двора. А встрѣчи были (будет) послом и посланником двѣ: в первой в меньшой встрѣче, вышед из сѣней из Проходных на крыльцо, от приступа с сажень встречал Петръ Іванов сынъ Чихачов[1] да діак Ивашка Шарапов; а в другой встрѣче в большой перед Золотою полатою середі сѣней встречал князь Василей Михайловичь Лобанов-Ростовской да діакъ Третьяк Корсаков. И шли обѣ встрѣчи перед послы, первая наперед, а другая опосле. А по государеву имянному приказу были встрѣчи и приставы без мѣстъ, а подлинная записка, хто на ково бил челом, в Розряде.

А какъ послы вошли к государю в полату, и явил ихъ государю челом ударить окольничей князь Григорей Ромодановской. А молыл: в. г. ц. і в. к. Василей Івановичь, в. Р. с. и многих государьствъ государь и облаадатель! Жигимонта короля Польского і в. к. Литовского послы Миколай Олешнитцкой да Александръ Гасевской да посланники Станислав Витовской да князь Ян Соколинской вам великому государю, челом ударили. И государь пожаловал послов

---

[1] *Зачеркнуто:* Наум Плещѣевъ.

и посланников, велѣл им сѣсти на скамейке, а скамейка была по прежнему.

И посидѣв мало послы, встав и шапки снявъ, говорили государю. А наперед говорил Миколай: наяснѣйшиі в. г. нашъ Жигимонтъ король прислал нас, послов, подданныхъ своих, в ваше государство тому уже 2 годы, и вы, в. г., через звыклой обычай всѣх великихъ крестьянских государей нас, королевских пословъ, в Московскомъ государстве задержали без дѣла. А какъ наяснѣйшиі в. г. нашъ Жигимонтъ король прислал к вамъ, в. г., посланников своих, а с ними прислалъ к намъ, послом своимъ, государь нашъ милостивыі науку свою, а велѣлъ нам межь вас, великих государей, и межь ваших великих государствъ всякие дѣла дѣлати вмѣсте с посланники,—и посланники государя нашего милостиваго, приѣхавъ к вамъ, в. г., старались о томъ долгое время, чтоб вы, в. г., поволил намъ, королевскимъ посломъ, с ними видетись, и нам на то было долго не позволено. А какъ вы, в. г., поволили нам с ними видетись и дали нам свои государские очи видети, и ваша государская милость в том от всемогущаго Бога и ото всѣх лютцких народовъ хвалу возмешь. А мы ныне по государя своего наказу с вашимі государскими бояры всѣ, нас четыре вмѣсте, ваши государские дѣла дѣлати готовы. И ваша б государская милость выслати рачил с нами на омову бояр своихъ о всяких справах, которые ныне меж в. г. нашего милостивого и вас, в. г., и меж ваших великихъ государствъ належат, говорити и становити и розсказал бы ваша государская милость бояромъ своимъ с нами послы и посланники о всяких дѣлех говорити и становити по звыклому обычаю, а вновь всчинати[1] и на нас вытискати, чего намъ в королевскомъ наказе не дано, не велѣлъ, чтоб всѣ дѣла межь вас, великих государей, вскоре на покой крестьянской привести. А только б ваша государская милость поволил намъ меж себя видетись сперва, какъ мы, посланники, сюда к вамъ, в. г., пришли, и мы б, королевские послы, и тѣ государя нашего люди, которые здѣ в вашемъ Московском государстве задержаны и по городомъ в вязнех розосланы—воевода Сендомирской с своими приятели и иные Польские и Литовские люди, давно отселе из вашего государства отпущены и высбожены были. И ваша б государская милость ныне розсказал своимъ государским бояром с нами о всякихъ дѣлех говорити, не омешкивая, без всяких зацѣпокъ правдою, а неправды б на обе стороны не было.

---

[1] *Зачеркнуто:* затевати.

А говорили послы и посланники ту рѣчь порознь по статьямъ.

А какъ послы и посланники рѣчь изговорили, и государь, призвав к себѣ Посольского діака Василья Телепнева, велѣлъ посломъ и посланником молыти рѣчь, чтоб шли в Отвѣтную полату о дѣлех говорити. И по государеву приказу Посольской діакъ Василей Телепнев посломъ и посланником молыл: Міколай, Александръ, Станислав, князь Янъ! Встаньте, рѣчь до вас царского величества, и шапки сымите.

И послы и посланники встали, а шапокъ не снели, а говорили діаку Василью: тебѣ государьская рѣчь говорити, и ты шапку сойми наперед, а какъ мы услышим государское имя, і мы шапки соймем же.

І Посольской діакъ Василей Телепневъ посломъ и посланником говорилъ: мнѣ вам рѣчь говорити царского величества от царского лица и мнѣ шапки сняти непригоже; а соймите вы шапки, вам царская рѣчь слушати. То вы стали не за дѣло, не зная посольского обычея[1]. То большое вамъ всѣмъ не за обычей.

И послы діаку Василью говорили: тебѣ государские рѣчи говорити, и ты наперед сойми шапку для почести государя своего имени.

И споровався о том послы и посланники, упрямились, шапокъ не снели.

И государь Посольскому діаку Василью Телепневу послом и посланникомъ рѣчи говорити не велѣлъ, а велѣл имъ итти в Отвѣтную полату з бояры о дѣлех говорити.

И послы и посланники, ударя челом государю, пошли в Отвѣтную полату, а с ними приставы их; а встрѣчники послов и посланников провожали до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали. А отпустя послов и посланников г. ц. і в. к. Василей Івановичь, в. Р., послал к послом и к посланником в отвѣт бояр своих, которые преже сего с посланники в отвѣте были: боярина и намѣсника Вологоцкого князя Івана Михайловича Воротынского, окольничего и намѣсника Галитчкого Івана Федоровича Колычова, думного дворянина и намѣсника Волотцкого Василья Борисовича Сукина, да діаков думного діака Василья Телепнева да Ондрѣя Іванова. И приказал государь послом и посланником о шапках, что они перед государем, какъ Посольской

---

[1] *Далѣе зачеркнуто:* да и преже сего которые послы и посланники прихаживали к в. г. царемъ Росийским от государей ваших королей Польскихъ и в. к. Литовских, и имъ Посольские діаки царскую рѣчь всегда говаривали в шапке, а послы царские рѣчи слушивали, снем шапки. Да и непригожее то дѣло, что вам, послом, против государские рѣчи шапокъ не сняти.

діакъ хотѣл им рѣчь говорити, шапокъ не снели, выговорити, пришед в Отвѣтную полату, мимо больших бояр, думному дворянину Василью Борисовичю Сукину, что царьского величества бояре всѣ в том на них, на послов и посланников, подивили: люди они учтивые и ученые, а такое упрямство показали, против государевы рѣчи шапокъ не снели; и то они учинили невѣдомо какими обычеи, мимо прежней обычай, кабы не хотя видети меж великих государей і меж их великих государьствъ доброго дѣла. Преже сего которые послы и посланники прихаживали к в. г. царем Росийским от государей их королей Польских и в. к. Литовских, и им Посольские діаки царьскую рѣчь говаривали всегда в шапке, а послы и посланники царьские рѣчи слушивали, снем шапки, потомучто Посольской діак говорит рѣчь от царьского лица, что было самому государю своими царьскими усты говорити. И то пригожее ль дѣло они так учинили, против царьского величества рѣчи шапок не снели? И они б вперед такие свои безмѣрные дѣла отставили, чтоб такими их безмѣрными дѣлы меж великих государей доброму дѣлу порухи не было.

И шли бояре и діаки в Отвѣтную полату Краснымъ крыльцом, а за бояры дворяне і діаки в золотном платье со 50 человѣкъ. А какъ бояре вошли к послом и к посланником в Отвѣтную полату, и послы и посланники бояром встрѣтили середи полаты, и дали меж себя руки, и сѣли по мѣстам: бояре в лавке, что от Москвы реки по правую сторону послов, а діаки от бояр в скамьѣ против послов, а послы и посланники в лавке против дверей, что от Стрѣтенья.

А сѣдчи по мѣстом, говорил послом о шапках думной дворянин Василей Борисовичь Сукин от бояр по государеву приказу.

И какъ Василей послом по государеву приказу изговорил, и послы говорили: мы безмѣрья никакого не всчинаем, дѣлаем все по звыклому обычаю, а надобе нам с обе стороны чтить и величать великих государей наших—какъ вам государя нашего, так і нам государя вашего, что они государи помазаники Божьи. А даве при государе вашем канцлѣр Василей почел был нам рѣчь государьскую говорити в шапке, а нам велѣл сняти шапки. Ино пригоже было канцлѣру наперед самому сняти шапка против государя своего имяни, он его подданой, а потом нам; а коли он говорит в шапке, а припоминает государя своего и государя нашего имя, не сняв шапки, и нам кабы против его шапки сняти? А у великого государя нашего в посольскихъ обычаех ведетца такъ: которые послы и посланники бывают у великих государей наших государей ваших и иных великих посторонних государей, и канцлѣр, которой на тот часъ, в по-

сольских речах справца, живет при великом государе нашем при королѣ, говорит послом и посланником рѣчь, снем шапку; а послы и посланники тоѣ государьские рѣчи слушают, снем же шапки. И ныне было канцлѣру такъ же при государе вашем учинити — говорить нам государьская рѣчь, снем шапку, а мы б потому же тот же час шапки сняли.

И бояре послом говорили: то вы, панове, говорите не гораздо[1], болшое вам посольские дѣла не за обычай. А ты, Олександръ, при послѣх здѣсь в Московском государстве бывал и сам ты в посланникех был, і при великих государех наших всегда в посольских обычаех так бывает, что Посольские діаки послом и посланником рѣчь говорят[2] в шапке, а послы слушают без шапок, потому что он, государь, Посольского діака позовет к себѣ і велит ему молыть свою государьскую рѣчь, что было ему государю своими царьскими усты послом говорити, и діакъ говорит рѣчь от царьского лица. И государь подданому[3] повинен ли шапку снимать? То сами панове можете розсудити. А коли Посольской діакъ говорит послом и посланникъ рѣчь при государе же не от царьского лица, тогда он сперва Посольской діакъ к царьскому имяни шапка сымает; а послы и посланники всегда стоят без шапокъ. Да и преже сего которые послы и посланники к прежним в. г. нашим царем Росийским от государей ваших от королей Польских и в. к. Литовских прихаживали, и при в. г. нашем Посольские діаки послом и посланником рѣчь говаривали от царьского лица в шапке, а послы и посланники слушивали, снем шапки. Ты, Александръ, сам то видал. Да и ныне как вы, посланники Станислав и князь Ян, были у в. г. нашего без вас послов, без Миколая и без Олександра, и вам Посольской діакъ говорил государьскую рѣчь в шапке, а вы слушали без шапок. А ныне вы то всчали мимо прежней обычей[4], и вам бы, послом и посланником, вперед мимо прежней обычай ничего не дѣлати.

И послы говорили: мы мимо прежней обычай ничего не дѣлаем, да и вперед дѣлати мимо прежней обычай с обе стороны ничего не надобе; только мы о томъ ныне с обе стороны говорити перестанем, а станем говорити о государьскихъ дѣлех.

И бояре князь Іван Михайловичь Воротынской с товарыщи говорили послом и посланником рѣчь по писму по статьям.

---

[1] *Зачеркнуто:* не зная посолского.

[2] *Зачеркнуто:* от царского лица, что было государю своими усты говорити.

[3] *Зачеркнуто:* своему.

[4] *Зачеркнуто:* какъ вы сошли с послы вмѣсте и у вас упорства всякого прибыло.

Боярин князь Іван Михайловичь говорил: Милосердія ради милости Бога нашего, в них же посети нас востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь мирен, Сего Бога нашего в Троице славимаго милостию, мы в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., Владимерскиі, Московскиі, Новгородцкий, царь Казанскиі, царь Астараханскиі, царь Сибирскиі, государь Псковскиі и в. к. Смоленский, Тверскиі, Югорскиі, Пермскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иных, г. і в. к. Новагорода Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскиі, Ярославскиі, Белоозерскиі, Удорскиі, Обдорскиі, Кондинскиі и всея Сѣверныя страны повелитель, и государь Иверские земли Карталинских і Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей, и иных многих государствъ государь і облаадатель, в. г. Жігимонта короля Польского і в. к. Литовского послом Миколаю Олешнитцкому, каштеляну Малогоскому, да Александру Гасевскому, старосте Велижскому, да посланникомъ Станиславу Витовскому да князь Яну Соколинскому велѣлъ говорити. Какъ преже сего вы, посланники Станислав и князь Янъ, были у нас, великого государя, на посольстве и после того нашего царского величества з бояры в отвѣте, и нашего царского величества бояре на тѣ ваши на всѣ рѣчи, которые вы рѣчи говорили намъ, великому государю, от государя своего Жигимонта короля на посольстве, отвѣт учинили подлинно. И вы, посланники Станислав и князь Янъ, выслушав отвѣтного списка, нашим бояром говорили и просили того, чтоб мы, в. г., поволили вам наперед видетись с королевскими послы с Миколаем Олешнитцкимъ да с Олександром Гасевским и листы королевские имъ отдати; а не видевся деи вам меж себя, о дѣлех нашего царского величества з бояры говорити нелзѣ. А вы, Миколай и Олександръ, также нашего царского величества к бояромъ приказывали, просячи того, чтоб мы, в. г., поволили вам видетись с королевскими посланники, с Станиславом да со князем Яномъ.

Окольничей Иван Ѳедоровичь Колычевъ говорил: Бога в Троице славимаго милостию, в. г. ц. і в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, велѣл вамъ говорити. И мы, в. г., хотячи доброго дѣла з государемъ вашимъ з Жигимонтом королем и меж нашими великими государствы, видетись вамъ поволили. А видевся вы, Миколай и Александръ и посланники Станислав и князь Янъ, всѣ вмѣсте объявили нашего царского величества бояромъ, что прислана к вам, к Миколаю и к Олександру, с посланники королевская вѣрющая грамота к намъ, в. г., на всѣх на вас на четырех и королевская полная наука; а велено

вамъ всякие дѣла, которые ныне меж насъ, в. г., и меж Жигимонта короля и меж наших великихъ государствъ настоят, дѣлати и становити вмѣсте с посланники, с Станиславом да со князь Яном, и нам бы, в. г., велѣти вам, Миколаю и Александру, быти у нас, в. г., на посольстве. И мы, в. г., хотячи з Жигимонтом королемъ и меж наших великих государствъ доброго дѣла[1], велѣли вам быти у нас, в. г.

Думной дворянинъ Василей Борисовичь Сукин говорил: Божиею милостию, великиі государь царь і великиі князь Василей Ивановичь, всея Русиі самодержец и многих государствъ государь и облаадатель, велѣл вамъ говорити. И вы, Миколай и Александръ, будучи у нашего царского величества на посольстве подали намъ, в. г., от государя своего от Жигимонта короля вѣрющую грамоту и правили посольство. А в вѣрющей в королевской грамоте к намъ, в. г., написано, что посылаючи до нас, в. г., Жигимонтъ король вас, посланников своихъ Станислава Витовского да князь Яна Соколинского, нас, в. г., наведити и поздоровити і нѣкоторые рѣчи говорити. А дале о тѣх же о всякихъ дѣлех, которые нам, в. г., и государствамъ нашимъ належат, приказал и поручилъ вамъ посломъ Миколаю Олешнитцкому да Александру Гасевскому и вам посланником Станиславу Витовскому да князю Яну Соколинскому всѣмъ четырем вмѣсте у нас, в. г., быти и рѣчь говорити. И нам бы, в. г., вас выслушав, во всем вамъ вѣрити; а тѣ слова королевские.

Думной діакъ Василей Телепневъ: Божіею милостію, в. г. ц. и в. к. Василеі Ивановичь, в. Р. с. и многих государствъ государь і облаадатель, велѣлъ вам говорити. А в речи на посольстве вы, Миколай и Александръ, намъ, в. г., от государя своего от Жигимонта короля говорили, что из листу и речей наших, которые мы, в. г., до государя нашего Жигимонта короля приказывали с посланники нашими з дворянином и намѣстником Елатомским со княземъ Григорьем Костянтиновичем Волконским да з діакомъ с Ондрѣемъ Івановым, и государь вашъ Жигимонтъ король, выслушав ихъ, послал до нас, в. г., вас посланников своих Станислава Витовского да князь Яна Соколинского нас, в. г., наведити и отвѣт на наше посольство учинити; а притомъ вамъ посломъ Миколаю Олешнитцкому да Александру Гасевскому вмѣсте с вами с посланники с Станиславомъ Витовскімъ да со князь Яном Соколинскимъ у нас, в. г., быти и поклонитца и листъ вѣрющей королевской отдати.

[1] *Зачеркнуто:* а не памятуя вашие Миколаевы и Олександровы грубости.

Діакъ Ондрѣй Іванов: Божіею милостію, в. г. ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с. і многих государствъ государь и облаадатель, велѣл вам говорити. А посылаючи государь вашъ Жигимонтъ король до нас, в. г., посланников своих Станислава да князя Яна, приказал листомъ и наказом своимъ королевскимъ до вас послов своих, чтоб вы с королевскими посланники всѣ четыре вмѣсте о всѣх справах, которые меж нас, в. г., и Жигимонта короля и меж наших великих государствъ належат, з бояры нашими говорити; и нам бы, в. г., бояр своих думных до вас королевскихъ послов всѣхъ четырехъ выслати говорити велѣти. И мы, в. г., смотря королевской вѣрющей грамоты и выслушав вашего Миколаева и Александрова посольства, велѣли вам всѣмъ четыремъ вмѣсте Миколаю і Александру і Станиславу и князю Яну у нас, в. г., быти и послали есмя ныне в отвѣт бояр своих: боярина и намѣстника Вологотцкого князя Івана Михайловича Воротынского, окольничего и намѣстника Галицкого Ивана Ѳедоровича Колычова, думного дворянина і намѣстника Волотцкого Василья Борисовича Сукина, да дьяков наших думного діака Василья Телепнева да Ондрѣя Іванова о всяких дѣлех с вами со всѣми говорити.

Боярин князь Іванъ Михайловичь: Божиею милостію, в. г. ц. і в. к. Василеі Ивановичь, в. Р. с. і многих государствъ государь і облаадатель, велѣл вам говорити. И вы б, послы Миколай и Александръ и посланники Станислав и князь Янъ, о тѣх о всѣхъ дѣлехъ, которые учинилися нашимъ великимъ государствам з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье, с нашими бояры говорили, как бы тѣ дѣла на всякое добро привести.

И какъ боярин князь Іван Михайловичь с товарыщи рѣчь изговорили, и послы и посланники Миколай с товарыщи меж себя говорили. Да говорил посол Миколай: которые вы рѣчи от государя своего говорили намъ топеря, и мы тѣ рѣчи выслушали; і вы б, государьские бояре, велѣли нам дати тѣ рѣчи писмом, и мы против того отвѣт учиним писмом же. А наперед надобно нам обоим, как нам, такъ вам, просити Господа Бога о Его святой милости, чтоб Господь Богъ послал свыше Духъ Свой святый в нас; и прося у Бога милости, приступити б нам к дѣлу с радѣньем, с щирым и правдивым серцем. А мы ныне радѣючи о том ото всего сердца, велѣли попом своим Господа Бога просить и сами всѣ вкупе просим того, чтоб нам милость свою подоровал, как бы меж великими государи нашими и меж их великих государствъ о всяких о добрых дѣлех нам с вами договор чинити и становить. А вам бы, великого государя бояром, такъ же у Бога просити і о том порадѣти, чтоб меж великими государи нашими

и меж их великих государствъ доброе дѣло постановить, понеже обои есмя крестьянскиі народ, и нѣчто б дал Богъ, о добрых дѣлех постановя, стояти б на бесермен заодин. — Потом надобно нам с обе стороны чтить во всяких рѣчех великих государей наших, какъ вам государя нашего, так нам государя вашего, что они великие государи помазанцы Божьи. А затѣм вам, государьским думным бояром, будучи с нами в розговорех і в отвѣтех, другу друга чтити и меж собою о дѣлех государьских говорити гладко и поклатчиво а не с пыхи и не с сердца. И только такъ учнем дѣлать, и не отчаемся Божьей милости, чаем, что Господь Богъ к тому дастъ нам свою милость на всякое доброе дѣло. А в начале дѣла надобно то: преже сего вы, государьские думные бояре, будучи в отвѣте, государя нашего посланником на их рѣчи, что они по королевскому росказанью говорили на посольстве государю вашему, отвѣт чинили; а в отвѣте говорили и на писмѣ чли многие рѣчи, а писма им тѣм рѣчам не дано, и нам послом того подлинно невѣдомо, какъ им отвѣт учинен. І вам бы, государьским бояром, на тѣ на всѣ ваши отвѣтные рѣчи велѣти писмо дати, потому что то есть дѣло великое: хто кого учнет винить не токмо государя и государство, хоти своего брата, а он только невинен, и он оправдаетца. А вы ныне на государя нашего короля и на нас и на все государьство государя нашего кладете вину; а мы вѣдаем, что государь нашъ милостивый, его королевская милость, и мы паны-рада і все посполъство в том невинны, а укажем в том вину на вас на самих. И для того надобно нам писменой отвѣт, и мы, того отвѣту выслушав, подлинно против того вам отвѣт учиним писмом же.

А после того говорили посланники: преже сего какъ есмя были тут в отвѣте с вами бояры и не одиножды, и мы по государя своего наказу вам объявляли, что нам королевской наказ наперед, приѣхав до государя вашего и исправя посольство, видетись з государя нашего его королевские милости с послы и с воеводою Сендомирскимъ и сь его приятели; а не видевся с ними, никакъ нам до дѣла приступить не наказано. І вы нам отказывали, что не может быти до тѣх мѣстъ, покамѣста вы у нас о больших дѣлех услышите. И много у нас с обе стороны о том речей было, да и отпускъ был нам сказан. А потом домыслився государь вашъ поволил нам видетца с послы; а о воеводе Сендомирском нам вы отказали, что нам ныне с ним никакъ видетца не мочно. И мы видя то, что вы стали в упор, в том на себя поступили через государя нашего королевской наказ, то на время отставили, что ныне с воеводою видетца; а говорили о том, чтоб нам к ним послати от себя людей

своих здоровье их видети и того довѣдатца, хто есть жив и хто не жив; а не обослався с ними и не довѣдався об них дѣл нам дѣлати не мочно, да на том есмя и стали. И ныне тоже говоримъ, чтоб нам к воеводе Сендомирскому и къ его приятелем людей своих послати. А какъ людей своих к воеводе и къ его приятелем пошлем, а мы с вами, государьскими бояры, в тѣ поры приступим о всяких дѣлех говорити и становити; а без того нам к дѣлу никакъ приступити нелзя[1].

И боярин князь Іван Михайлович Воротынской с товарыщи, выслушав их рѣчь, говорили: что есмя вам тепере от великого государя нашего от его царьского величества и какъ преже сего посланником государя вашего отвѣт чинили на их рѣчи подлинно, и на тѣ на всѣ рѣчи писменой отвѣт вам дадут. — А что естя нам говорили о том, что вы того у Бога просите, чтоб Господь Богъ вам милость свою подоровал, как бы меж великими государи нашими і меж ихъ великих государьствъ о всяких о добрых дѣлѣх с нами договор чинити и становити, а нам бы такъ же, прося у Бога милости, о том порадѣти, чтоб меж великими государи нашими и меж ихъ великих государьствъ доброе дѣло постановить, — і в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Іванович, в. Р. с., истинный, правый, крестьянскиі государь, всегда о том промышляет, и радѣет, и всемогущего в Троице славимаго Бога нашего о том молит и просит, чтоб всѣ великие крестьянские государи были меж себя в любви і в соединенье, а государьства б их были в покое і в тишинѣ, и стояти б всѣм великим крестьянским государем заодин на бесермен, чтоб крестьянская рука высилась, а бесерменская б низилась. А мы, их государьские подданые, такъже Господа Бога молим и просим того [2], чтоб промеж в. г. нашим ц. і в. к. Васильем Івановичем, в. Р. с., и государем вашим Жигимонтом королем и меж их великих государьствъ была згода и любовь; а нам на обе стороны надобе познавати прямым сердцем с которые стороны правда крѣпко стоит, и с которые стороны неправда и кроворозлитье в перемирные лѣта через крестное целованье учинилось. А мы вам то прямым серцем говорим, что учинилася в Московском государстве вся неправда и кроворозлитье з государя вашего стороны, и государю вашему в том надобе перед великим государем нашимъ и передо всѣми его вели-

---

[1] *Далѣе зачеркнуто:* да и то мы преже сего говорили и ныне говорим, что к совершенью дѣла надобен воевода, а без него никакъ дѣлу совершитца не мочно.

[2] *Зачеркнуто:* чтоб Господь Богъ послал Духъ Свой святый в серца великих государей наших.

кими царствы исправитца[1]. Великиі государь нашъ, его царьское величество, милостивый хрестьянскиі государь[2], увидя государя вашего исправ'ченье, хочет с ним быти в дружбе і в любви по прежнему. — А что есте нам говорили, а хотите оправдати государя своего и панов-рад, будто государь вашъ и паны-рада і все посполъство коруны Польские і великого княжества Литовского в том дѣле невинны, а хотите ту вину указати на нас, и государя вашего Жигимонта короля и панов-рад та неправда явна перед Богом и передо всѣми людьми, и преже сего мы, будучи в отвѣте, с вами посланники о том в отвѣте говорили і вперед укажем вам всѣм на то подлинно, какими обычаи та неправда и кроворозлитье в Московском государьстве учинилась з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье. — А что есте говорили нам о воеводе Сендомирском и о его приятелех, чтоб вам к ним послати людей своих ныне, а как людей к ним пошлете, і вы с нами о всяких о добрых дѣлех станете говорити и становити[3], — и то вы, панове, говорите дѣло несхожее: преже сего какъ вы, послы, были на государеве дворѣ после ростригина убивства царьского величества у всѣхъ бояр, и царьского величествѣ бояре вам послом и ныне посланником от нас в отвѣте объявлено, каков грубник великому государю нашему и государьству Московскому воевода Сендомирской и его приятели: он разоритель Московскому государьству, вся та смута и кроворозлитье и ссора меж великих государей наших и меж ихъ великих государьствъ дѣлалась воеводою Сендомирским и его родством[4]. И пришел был воевода Сендомирской с своими приятели и с ыными со многими с Польскими и с Литовскими людьми по государя вашего велѣнью к тому вору к ростриге в Московское государьство ратным обычаем, воорудясь во всю ратную збрую, на розоренье Московского государьства и истинные наши православные хрестьянские вѣры, и хотѣл воевода Сендомирскиі с вором с ростригою и с своими приятели в Московском государьстве патриарха, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и нас больших бояр, и дворян и лутчих всяких людей побити, и Московское государьство разорити и истинную нашу православную

---

[1] *Зачеркнуто:* а какъ государь вашъ в тѣх своих неправдах перед великим государем нашим исправитца.

[2] *Зачеркнуто:* хотячи во крестьянстве всего добра, не памятуя государя вашего неправдъ, которые починились з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье Московскому государьству и....

[3] *Зачеркнуто:* а к совершенью б дѣлу і воевода надобе.

[4] *Зачеркнуто:* учинилась от воеводы Сендомирского и от его приятелей.

хрестьянскую вѣру попрати, а католитцкие вѣры костелы и монастыри подѣлати, и хотѣл воевода Сендомирской с своими приятели, которые ныне здѣ задержаны, Московское государьство розделити по себѣ і владѣтелем во всем Московском государьстве быти; да и городы уже были по себѣ расписали. І всемилостивый Богъ, милуя нас всѣхъ православных хрестьян, тот их окаянной злой совѣт разорил и на них на самих обратил. А ныне вы сказываете, что вам велено дѣла дѣлати, обсылаясь с воеводою Сендомирским[1], и воеводе Сендомирскому какое добро Московскому государьству мыслити и на себя он такое злодѣйство станет ли сказывать? Только о том с воеводою обсылатца, ино и доброму дѣлу ныне меж великих государей наших и меж их великих государьствъ не бывати.

И послы говорили: что вы в том во всем кладете вину на государя нашего на короля и на панов-рад, и мы вам о том вперед отвѣт учиним, что государь нашъ, его королевская милость, и паны-рада і все посполство коруны Польские і великого княжства Литовского в том во всем невинны[2]; а воевода Сендомирской и его приятели здѣ задержаны неправдою, зазвав их, многих побили и порѣзали и многой скарбъ королевской поимали; а которые за побоем остались, и тѣх задержали. Да не токмо их, и нас послов королевских многое время задержали, чего не ведетца ни в которых государьствах, что послов задерживают. А воеводу Сендомирского и его пріятелей и всѣхъ Польских и Литовских людей задержали напрасно же: веть они не вязни и не на бою взяты, сюды их к Москве ж призвали, а присылали по их посланника Ѳеонасья Власьева, и Ѳеонасей воеводе крестъ целовал, что тот, которого вы имянуете ростригою, государь вашъ прироженной прямой; и их было за вязней держати не надобно. Да памятовати вам, бояром, надобе и преж(ние) свои слова[3]: коли после тоѣ смуты, какъ государя нашего людей здѣ побили, приезжал к нам на подворье ты, государевъ діакъ Василей, і взял у нас з двора государя нашего королевских людей, а говорил нам, что их посылаете по городом, по лутчим мѣстом, для их покою, гдѣ б им было прохладнее і в корму достаток. И то не потому сталось: розослали их в далние мѣста і держат в нуже пуще полоняников.

---

[1] *Зачеркнуто:* а к совершенью дѣла воевода к Москве надобе.

[2] *Зачеркнуто:* а о воеводе Сендомирском и о его приятелех преже сего мы вам говорили и ныне говорим тоже, что велено нам говорити об них, что они.

[3] *Зачеркнуто:* да не так было у вас и слово наперед того.

И бояре послом говорили: воевода Сендомирскиі с своими приятели и с ними Польские и Литовские люди задержаны в Московском государьстве за тѣ неправды, что учинилось з государя вашего стороны через крестное целованье имъ воеводою и его родствомъ, какъ мы вам преже сего объявили и подлинно в отвѣте дадим. А вы послы здѣ задержаны были для того: пришли вы сюда в Московское государьство к вору к ростриге с воеводою Сендомирским вмѣсте; а как великиі государь нашъ, его царьское величество, посылал к государю вашему к Жигимонту королю посланников своих дворянина и намѣсника Елатомского князя Григорья Костянтиновича Волконского да діака Ондрѣя Іванова, и государь вашъ и паны-рада великого государя нашего посланников держали не малое время; а отпускаючи государь вашъ посланников в отвѣте им объявил, что о тѣхъ о всѣхъ дѣлех, о которых великиі государь нашъ приказывал к государю вашему с своими посланники, посылает государь вашъ к государю нашему своих посланников вскоре. И государь вашъ посланники замешкал, не прислал их после того долгое время; а какъ посланники государя вашего суда и приѣхали, и они сперва к вам королевского наказу никакова не сказали, только говорили о том, чтоб с вами видетца, и потому вам здѣ и мешканье было. А ныне великиі государь нашъ держит вас за послов. — А что говорите про воеводу Сендомирского и про его приятелей, что [1] присылал их рострига звать посланника Өеонасья Власьева, и крестъ Өеонасей воеводе целовал, что будто тот вор рострига прямой государь [2], — і какъ тот вор рострига умыслом і вспоможеньем государя вашего Жигимонта короля [3] учинил смуту в Московском государьстве и Московским государьством с вашими с Польскими и с Литовскими людми овладѣл, и он по ссылке государя вашего Жигимонта короля і воеводы Сендомирского и иных панов-рад посылал к государю вашему к Жигимонту королю совѣтника своего [4] Өеонасья Власьева без боярского і всей земли вѣдома [5], а писал тот вор рострига с Өеонасьем грамоты к государю вашему и к паном-раде по латыне и по польски, а писали у него тѣ грамоты ваши же Поляки Бычинские и иные, которые при том воре жили.

---

[1] *Зачеркнуто:* они здѣ задержаны невинно, а пріѣхали будто де...

[2] *Зачеркнуто:* и то было такъ.

[3] *Зачеркнуто:* учинился, а в начале воеводы Сендомирского и его приятелей учинил.

[4] *Зачеркнуто:* такова ж вора.

[5] *Зачеркнуто:* бояре і вся земля того не вѣдали.

А в Посольской[1] избѣ того ничего невѣдомо, печати всѣ ис Посольской избы тот вор ростригa взял к себѣ и держали их у себя ваши же Поляки. И писал тот ростригa к государю вашему и к паном-раде, что хотѣл, а мы бояре і вся земля того ничего не вѣдали. А что воеводу Сендомирского и его приятелей имянуете не вязнями, — мы вам сказываем: и воевода Сендомирской и его приятели, которые здѣсь в Московском государьстве, грубнѣе тѣх вязней, которых вязней емлют на дѣлех на боѣхъ, и тѣ исполняют государя своего повелѣнье и бьютца и головы кладут за государя своего; а воевода приѣхал по государя вашего велѣнью разорять Московское государьство, и хотѣл всѣм Московским государьством овладѣти и истинную нашу непорочную хрестьянскую вѣру хотѣл до конца разрушити и церкви Божьи попрати; и он был и с своими приятели за свои злые окаянные дѣла достоин всякие злые смерти. І в. г. нашъ ц. і в. к. (Васи)лей Іванович, в. Р. с., по своему царьскому милосердому обычаю, жалѣя о крестьянской крови, от смерти его со всѣми его приятели свободил і в смерти мѣсто живот дал; а только б великиі государь нашъ, его царьское величество, своим царьским милосердьем его от смерти не защитил, и ему было со всѣми своими приятели за его многие неистерпимые грубости[2] быти от Московского народу побитым. І вы, панове, и сами то можете розсудити: каков грубник Московскому государьству воевода Сендомирской и с своими приятели. І вы ныне то несхожее дѣло говорити отставте, а говорите напеpед о том, что учинилось неправдою з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье, как бы тѣ дѣла на добро привести, и что учинилось убытка великого государя нашего, его царьского величества, казнѣ и государьству Московскому нагородить. — А что говорите, что приезжал к вам на двор яз, царьского величества діакъ Василей, и имал от вас королевских людей для их покоевъ, а ныне будто они живут в великом утесненье[3], и тѣ люди от вас взяты в ту пору потому же, что они приѣхали не с вами послы, и послали тѣхъ всѣх людей по городом не в нужные мѣста, и ныне им царьского величества жалованье, чего были они и недостойны, кормъ им дают довольно, а нужи и тесноты им нѣт никакие.

---

[1] *Зачеркнуто:* полате.

[2] *Зачеркнуто:* к Московскому народу.

[3] *Зачеркнуто:* и то было так: по приказу царьского величества бояр яз к вам на двор ѣздил и людей от вас тѣхъ, которые прибежали к вам на двор в тѣ поры, какъ (злодѣя вора богоотступника) злодѣя ростригу убили, от воеводы Сендомирского от его приятелей, имал...

И послы говорили: преже сего какъ после смуты были есмя здѣ на государя вашего дворѣ у бояр у князя Өедора Івановича Мстиславского и у князя Дмитрея Івановича Шуйского с товарыщи, и мы им тогды говорили, чтоб нас государь вашь отпустил к государю нашему по прежнему обычаю и по опасной грамоте. И бояре нам в тѣ поры говорили, что государь вашъ посылает к государю нашему посланников своих. А нам как ѣхати и таких великих і зацных людей покинуть—воеводу Сендомирского сь его приятельми? А восе де государь нашь указ свой к нам пришлетъ і велит дѣлати о добрых дѣлех, и тогды будет здѣлаем доброе дѣло, и государь вашъ і воеводу и его приятелей и всѣх Польских и Литовских людей велит отпустити; а будет де не здѣлаем, ино нас отпустят, а Сендомирского воеводу оставят. Такъ нам бояре в тѣ поры говорили. А таких слов не бывало, что вы ныне говорите. И ныне к нам прислан королевской наказ, а велено нам, видевся с воеводою Сендомирскимъ и его роспрося, каким обычаем такое кроворозлитье учинилось, да потом о дѣлех говорити. И посланники государя нашего много о том с вами говорили да видя то, что вы стали упором, и они на время того отступили, чтоб воеводе и его приятелем сюда быть; а говорили о том, чтоб послати к воеводе и къ его приятелем людей. И ныне мы говорим тоже, чтоб нам к ним послать людей наших и того провѣдати, хто жив, хто мертвъ; а мы станем в тѣ поры с вами о дѣлех говорити. А к совершенью дѣла без тово никак вершити нельзя. А добро б и ныне был воевода Сендомирской здѣ с нами, потому что вы кладете многую вину на него и его надобно нам роспросити, каким то обычаем дѣлалось и так ли они чинили, как вы говорите.

И бояре послом говорили: то дѣло непригожее и несстаточное, что воеводе Сендомирскому здѣсь с вами быти, кабы ему меж нас і вас быть в третьих; а имъ воеводою и его приятели з государя вашего стороны всякое зло дѣлалось, о чем вперед и писмом его в томъ на него укажемъ[1]. Какъ вам, панове, о том не стыдно и говорить? Пригоже вам ныне напеpед говорити о большом дѣле, что учинилось Московскому государству от государя вашего через крестное его целованье в перемирные лѣта. А то дѣло самое послѣднее, что говорили есте о воеводѣ[2]. — А что говорите о посылке

[1] *Зачеркнуто:* а о воеводе и с своими приятели всему злу начальник и разоритель Московскому государьству и смуте, то добро мыслить и говорить.

[2] *Зачеркнуто:* которые неправды и кроворозлитье учинились меж великих государей наших и меж их великих государствъ в перемирные лѣта через крестное целованье, которое утвержено было государскими душами, какъ бы тѣ все дѣла на добро привесть и постановити.

людей своих к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем, и о томъ ныне і вперед говорити непригоже. То дѣло несстаточное посылати вам людей своих по государя нашего государству[1] кабы досматривати великого государя нашего земли. А какъ[2] переговорим с вами о больших дѣлех и увидим государя вашего перед великим государем нашим и передо всѣм Московским государьством исправленье в тѣх неправдах, что учинилось з государя вашего стороны через крестное целованье[3], тогды и о Сендомирском воеводе и о его приятелех и о всѣх Польских и Литовских людей говорити с вами учнем и договор в том учиним. — А что говорите, а хотите вѣдати про воеводу и про его приятелей и про всѣх людех, которые с ними, хто жив и хто не жив, і вам послом о том давно подлинной вѣдомъ есть, что воевода и его приятели всѣ здоровы[4]; а которые были Литва и Поляки стали за вора за ростригу в ту пору, как ево убили[5], и учали Московской народ убивати (?) и которым в ту пору смерть случилась за вора, і вам про них вѣдомо же. А после того какъ того вора ростригу убили, всѣ Польские и Литовские люди в Московском государьстве здоровы, не убит ни один человѣк, і вам к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем людей своих для того посылати... для[6].

И послы говорили: мы людей своих посылаем к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем их навестити, а не государя вашего земли и городов смотрити; да не вѣрите вы нашим людем, что мы пошлем ныне к воеводе человѣкъ з 10, а государя нашего многие Польские и Литовские люді с воеводою Сендомирским и сь его приятели розосланы у вас по многим городом, и вы тѣм вѣрите. А к нам государя нашего наказ прислан, а велено нам, быв у государя вашего, с вами думными бояры о дѣлех говорити, только видя воеводу и его приятелей И мы уже то взяли мимо королевского наказу на свои шеи, чтоб государь вашъ поволил нам ныне людей своих к ним послати; а без него никак не может дѣло совершитца. А только воеводы Сендомирского не будет, то и дѣлу

---

[1] *Зачеркнуто:* землѣ по розным городом.

[2] *Зачеркнуто:* дастъ Богъ говоря о дѣлехъ, о дѣлех,... а дѣла в том никакого.

[3] *Зачеркнуто:* и о добрых дѣлех договор учинити, как меж великими государи нашими и меж их великих государьствъ доброму дѣлу быти и.., и договор о том учиним.

[4] *Зачеркнуто:* а которые побиты от Московского народу за их злые неистерпимые грубости.

[5] *Зачеркнуто:* и которые здорово, а посланником о том преже сего вы сказывали подлинно, і вам мочно.

[6] *Зачеркнуто:* мочно вам в том и нам бояром вѣрити. И бояре гов...

совершенья не будет. А о видѣнье нашем с ним ныне не говорим, а какъ к совершенью[1]...

А посланники говорили: какъ мы преже сего были у государя вашего двожды, потом с вами, государьскими бояры, на розмове и о том імянно говорили есмя перед государем вашим и вам, что нам королевской наказ наперед видетись с послы и с воеводою Сендомирскимъ да потом о дѣлех говорить; а послѣднее говорили есмя с вами, чтоб нам к воеводе и кь его приятелем людей своих послать[2], і вы нам сказали, что то дѣло худое, малое[3]. Коли де учнем говорити о дѣлех, и тогды нам поволите с воеводою видетца. И тепере до того время дошло, чтоже и о дѣлех говорити починати хотим, и к воеводе б Сендомирскому нам людей своих послати, а в тѣ поры о дѣлех с вами станем говорити. А будет нам не вѣрите, и мы вам покажем королевской наказ, что нам велено дѣла дѣлати, видевся с воеводою.

И бояре послом и посланником говорили: то вы, панове, говорите не такъ, какъ мы вам преже сего говорили. Такова слова от нас к вам не бывало, чтоб то дѣло поставити за обычное, что послать вам людей своих к воеводе к Сендомирскому. А говорили мы вам, что говорите вы посланники самое послѣднее дѣло о посылке к Сендомирскому воеводе, наперед надобно вам говорити о том, что учинилось Московскому государьству от государя вашего[4] в перемирные лѣта через крестное целованье, и какъ то дѣло постановить и к совершенью привести; а то дѣло послѣднее, что просите к... послати. О том с вами учнем говорити вперед, постановя о большом дѣле. Да и ныне вам тоже говорим, что ныне[5] о том говорили непригоже. А начало всѣмъ тѣмъ дѣломъ, о которых мы ныне сьезжаемся то, чтоб нам на обе стороны, какъ вам, такъ и нам, наперед пооправдати в крестном их целованье великих государей наших, чтоб явно было с которые стороны крестное целованье стоятельно и нерушимо стоит и с которые стороны через крестное

[1] *Зачеркнуто:* а к совершенью дѣла надобе воевода, а естли... і вы нам скажите: х которому дѣлу надобен будет воевода, и ему государь вашъ велит ли быти? И будет велит, и для чего ныне по него не послать? А будет воеводе Сендомирскому к тому дѣлу не быть, и нам нѣчего и о дѣлех говорити, потому что без воеводы тому дѣлу совершитись не мочно.

[2] *Зачеркнуто:* с воеводою обослатца.

[3] *Зачеркнуто:* обычное.

[4] *Зачеркнуто:* неправдою з государя вашего стороны.

[5] *Зачеркнуто:* то не может быти, и вам людей своих к воеводе Сендомирскому слати (?), не говоря и постановя о большом дѣле. — А надобно вам говорити наперед о большом дѣле, что учинилось меж великих государей наших и меж их великих государьствъ за крестным целованьем, что утвержено было государьскими душами.

целованье многие неправды починились и крови крестьянские пролились. Вы говорите, а хотите вину указать в том на Московское государство; а мы вам говорим і вперед укажем подлинно, что та вся неправда учинилась зъ государя вашего стороны[1]. А какъ о том учнем говорити, и которая сторона крестному целованью и крестьянскому кроворозлитью будет винна, и тому надобе в том исправитца. А до воеводы ныне никоторое дѣло не дошло, и говорити вам о том ныне непригоже[2]. А наказу мы у вас королевского смотрити не хотим, держите его у себя, дѣлаем мы по государя своего повелѣнью[3].

И послы говорили: мы вам говорим по королевскому наказу, что нам велено о дѣлех говорити, видевся с воеводою Сендомирским; и мы взяв на свои шеи, мимо королевской наказ, говоримъ вам о том, чтоб нам людей своих к воеводе і къ его приятелем послати[4]. І вы тѣ наши рѣчи донесите до государя своего. А не поволит нам государь людей своих послати, и нам ни х которым дѣлом не приступати.

И бояре послом говорили: нам о том великому государю нашему итти нѣ с чем, то дѣло несхожее, что вам, не говоря и не постановя о большом дѣле, да ссылатца с воеводою Сендомирским и сь его приятели, кабы от него вам о том о всем указу просити и дѣлати, спрашиваючись его, что он велит. А мы вам преже сего говорили и ныне говорим тоже, что воевода Сендомирской и с своими приятели приѣхали к тому вору к ростриге по его тайным ссылкам на разоренье Московского государьства и истинные нашие православные крестьянские вѣры[5]. І только с воеводою Сендомирским вам ссылатца, ино меж великих государей нашихъ и меж их великих государьствъ доброму дѣлу не бывать.

И послы говорили, а говорил Александръ Гасевской: сказываете вы, что воевода Сендомирской с своими приятели приѣхали сюда к Москве по тайным ссылкам того, кого вы имянуете ростри-

---

[1] *Зачеркнуто:* ино надобе наперед в том оправдатца и указати подлинно, от кого та неправда всчалась, и хто будет в том виноват.

[2] *Зачеркнуто:* да потом уже о том говорити какъ о воеводе Сендомирском и о его приятелех станем с вами говорити, какъ тому быти вперед быти пригоже. А то мы вам сказываем да и сами то можете розсудити, что воевода Сендомирской разоритель, каков воевода Сендомирской грубник Московскому государьству.

[3] *Зачеркнуто:* наказу.

[4] *Зачеркнуто:* и нам какъ что мимо королевской наказ учинити.

[5] *Зачеркнуто:* и ему с нами у дѣла пригоже ли быти? И нѣт такова грубника Московскому государьству, что воевода Сендомирской с своими приятели, и ему какое добро мыслити Московскому государьству?

гою и хотѣли будто государь нашъ и мы Москву розорити. А ты, государьской діакъ Василей, приезжал ко мнѣ на Посольской двор, как яз был от государя своего прислан к тому небощику в посланникехъ, и говорил ты мнѣ і выславлял того небощика, что он прямой государь вашъ, прироженной, милостивой и храброй государь. А после того приезжал к государю нашему посланникъ Ѳеѳонасей Власьевъ и говорил тоже, что он прямой государь вашъ, прироженной. И нам было как таким рѣчам не вѣрити? А только бы нам, хоти один человѣкъ на рубежѣ молыл, что он боламут, а не прямой государь, и мы б с рубежа воротились, а ни один бы нас человѣкъ Польских и Литовских людей сюда к Москве не поѣхали [1].

И діакъ Василей Телепнев послом говорил: то было такъ: какъ ты, Олександръ, был у того вора у ростриги от государя своего Жигимонта короля в посланникех, и яз к тебѣ приезжал и называл того вора государем потому, какъ тотъ злодѣй вор рострига умыслом і вспоможеньемъ государя вашего Жигимонта короля [2] и панов-рад смутив на Сѣвере і в полкѣх, о чем вам подлинно про то в отвѣте дадим, а потом и на Москвѣ, смотря на тѣ городы, чорные люди смутилися. И пришел тот вор в царьствующиі град Москву со многими с Польскими и с Литовскими людьми, и многих больших бояр и дворян и изо всяких чинов лутчих людей, а ноипаче от духовного чину, которые того вора знали и его обличали и за Московское государьство и за истинную нашу православную хрестьянскую вѣру стояли, побил, а иных в заточенье в дальние мѣста разослал; а... кой Московской народ тот вор своими бесовскими мечтами и ваших Польских и Литовских людей насильствами устращал. И бояре и дворяне и мы всякие люди, видя его вражей умыслъ и совѣт с ним государя вашего Жигимонта короля и панов-рад на разоренье Московского государьства и на истинную нашу православную хрестьянскую вѣру, боясь от того вора напрасного убивства, чтоб и досталь Московского государьства и истинные наши православные хрестьянские вѣры с Поляки и с Литвою вскоре не разорил, того вора ростригу до времяни слушали и государем его называли, вѣдаючи его, что он прямой вор, богоотступник, рострига, Гришка Богданов сынъ Отрепьев; а ожидали [3] и терпѣли ему до тѣх мѣстъ, покамѣста изо всего Росийского царствия вся(кие люди въ

[1] *Зачеркнуто:* а то приезжал по нем посланник Ѳеѳонасей Власьев, и мы тому и по...

[2] *Зачеркнуто:* пришел в царьствующиі град Москву и он своим злым воровским умышленьем.

[3] *Зачеркнуто:* ожидаючи на него вора времени.

царь)ствующиі град на Москву съѣдутца и его вора обличат. А то вам самим вѣдомо, что Московское — широкое государьство, к востоку и к полуночи от Москвы до иных мѣстъ в полгода не сьезжает. А вы всѣ того над нами смотрили и слушали, хтоб что про того вора к обличенью мол(в)ил; а которые говорили, и тѣ от того вора и от вас томительными злыми муками кончались; и мы до времяни терпѣли. А какъ изо всего Росийского царствия служилые и жилетцкие всякие люди съѣхались, и того вора прелесть и злой его умыслъ с воеводою Сендомирским и сь его приятели на Московское государьство и на истинную нашу на православную на хрестьянскую вѣру всѣм людем явен оказался, і в. г. нашъ ц. і в. к. Василей Іванович, в. Р. с., разжизаем по Бозе сердечною любовию, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, і весь освященный собор, и бояре, и дворяне і всякие люди Московского государьства, прося у всемогущего в Троице славимаго Бога нашего милости, воорудяся силою честнаго и животворящего креста, обещались всѣ за истинную нашу православную хрестьянскую вѣру и за Московское государьство стати и подвизатися крѣпце и мужественне. И тому вору, еретику, богоотступнику, ростриге Гришке Отрепьеву за злые его дѣла месть воздали: облича его всѣмъ Московского государьства народом, убили[1]. А только б бояром и дворяном и нам того вора в то время не слушати, и тот бы вор рострига с Польскими і с Литовскими людьми и достальных бояр і всяких людей побил, и Московским государьством з государем вашим Жигимонтом королем овладѣл, и истинную нашу православную хрестьянскую вѣру розрушил, а римскую вѣру утвердил, и стати было против того вора и злую его прелесть обличити нѣкому.

И послы говорили: о том мы с вами станем вперед говорити, а ныне мы вам говорим по государя нашего приказу, что нам не пославъ[2] к воеводе и к его приятелем людей своих, о дѣлех говорити никак не мочно. І вы тѣ наши рѣчи донесите до государя своего и что будет на то государя вашего воля, і вы нам о том вѣдомо учините.

И бояре послом говорили: мы вам сказываем, то дѣло несстаточное, что вам, не говоря о большом дѣле и не постановя, да го-

[1] *Зачеркнуто:* и злой его совѣт с воеводою Сендомирским и сь его приятели и с ыными с Польскими и с Литовскими людьми на истинную нашу православную хрестьянскую вѣру и на Московское государьство разрушили, и тот их злой совѣт на них на самих обратился.

[2] *Зачеркнуто:* обослався.

ворити о посылке к воеводе[1]; а тѣ ваши рѣчи скажем великому государю нашему.

И изговоря то, бояре пошли от послов к государю, и сказывали тѣ посольские рѣчи государю. И государь велѣл к послом итти діаку Ондрѣю Іванову, а велѣл им сказати: которые они рѣчи говорили з бояры, и бояре тѣ их рѣчи до государя доносили, и на тѣ их рѣчи отвѣт им будет иным временем, а ныне б ѣхали к себѣ на подворье; і велѣл послов отпустити на подворье.

И по государеву указу діак Ондрѣй Іванов к послом в Отвѣтную полату ходил и по государеву приказу им говорил.

И послы діаку Ондрѣю говорили: . . . . донеси ты наши слова до бояр, что нам, не послав к воеводе Сендомирскому людей своих, никак з бояры говорити ни о каких дѣлех немочно; да велѣли б бояре дати нам на прежние свои рѣчи, что говорили посланником отвѣтъ, и что ныне с нами говорили писмо.

И діакъ Ондрѣй Іванов послом говорил, что он тѣ их рѣчи царьского величества до бояр донесет, а несхожее то дѣло, что они ныне о посылке людей своих к воеводе Сендомирскому говорят; а отвѣтное писмо им бояре велят прислати к ним на подворье с приставы их.

И послы поѣхали к себѣ на подворье.

А діакъ Ондрѣй Іванов рѣчи их сказывал государю. И г. ц. і в. к. Василей Іванович, в. Р., приказал Посольскому (діаку) Василью Телепневу, а велѣл к послом и к посланником отвѣтное писмо послати с приставом с Ѳедором Пушкиным, которое преже того послати (велѣлъ?), и что ныне бояре послом говорили.

И ѳевраля въ 7 день по г. ц. і в. к. Василья Івановича, в. Р., указу Посольской діак Василей Телепнев отвѣтное писмо к послом и к посланником послал с приставом их с Ѳедором Пушкиным таково.

Таков отвѣт говорили в. г. ц. і в. к. Василья Івановича, в. Р. с., бояре бояринъ и намѣстник Вологотцкой князь Иванъ Михайлович Воротынской, окольничей і намѣстникъ Галитцкой Иван Ѳедорович Колычов, думноі дворянин и намѣстникъ Волотцкой Василей Борисович Сукинъ, да дьяки думной Василей Телепнев да Ондрѣй Іванов в. г. Жігимонта короля Полского и в. к. Литовского посланнiком Станиславу Витовскому да князь Яну Соколинскому.

---

[1] *Зачеркнуто:* да обсылатца с воеводою Сендомирским.

Милосердія раді милости Бога нашего, в них же посети нас восток свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ, Сего Бога нашего в Троице славимаго милостию, мы в. г. ц. і в. к. Василеі Иванович, в. Р. с., Владімерскиі, Московский, Новгородцкий, царь Казанскиі, царь Астараханскиі, царь Сибирскиі, государь Псковскиі, и в. к. Смоленскиі, Тверскиі, Югорскиі, Пермьский, Вятцкиі, Болгарский и іных, государь і в. к. Новагорода Низовскиі земли, Черниговскиі, Резанский, Ростовскиі, Ярославскиі, Белоозерскиі, Удорскиі, Обдорскиі, Кондинскиі и всея Сѣверныя страны повелител, и государь Иверские земли Карталинскихъ и Грузинских цареі, и Кабардинские земли Черкаских і Горских князей, і иных многихъ государствъ государь и облаадатель, даем отвѣт бояриномъ нашим и намѣстником Вологотцким князем Иваном Михайловичем Воротынским, окольничимъ и намѣстником Галитцким Иваном Ѳедоровичем Колычовым, дворянином думным и намѣстником Волотцким Васильемъ Борісовичем Сукиным, да дьяки думнымъ діаком Васильем Телепневымъ да Ондрѣемъ Івановым в. г. Жигимонта короля Польского и в. к. Литовского посланникомъ Станиславу Витовскому, войскому Парцовскому, да князю Яну Друтцкому-Соколинскому, секратарем и дворяном королевскимъ.

Какъ есте были у нас, в. г., и вы от государя своего Жигимонта короля Польского и в. к. Литовского поздравляли нас, в. г., на наших великих и преславных государьствах; и мы, в. г., то от государя вашего Жигимонта короля приимаем в любовь.

А что говорили есте нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля, какъ в панстве его явился вор, рострига, Гришка Отрепьевъ, и люди будто Московские изо многих мѣстъ и городов приезжали и збиралися к нему, признаваючи его быть прямым царевичем Дмитреем Углетцким, и честь и службу всякую ему чинили, как есть государю своему прямому, хотя он на тот час ничего не имѣл, и то будто видечи, люди народу Польского не столько ему самому, но той Москвѣ, которые до него приезжали, повѣривши, милосердье над ним мѣли, и милостынею его способляли, какъ есть люди крестьянские. И тот вор тѣх будто Московских людей, которые к нему приезжали, посылал до людей Московских, даючи о себѣ знать и провѣдываючи умыслъ их, естли б его, яко прямого прироженного государя своего, за государя признать и принять хотѣли. И уразумѣвши будто волю и умыслъ их склонных к себѣ быти, собрал к себѣ нѣкоторых государя вашего людей, меж которыми и пан Юрьи Мнишко, воевода Сендомирской, и иные, которые будто повѣривши Москвѣ и мило-

сердье крестьянское над ним имѣючи, провадили его не такъ, какъ на войну, но как на готовое дѣло на прямое государство его спокойное потому, будто его Московской народ какъ есть правдивого прироженного государя своего принять хотѣли. А государь будто вашъ Жигимонтъ король не токмо людьми і казною или повелѣньем прикладывался и помочи никоторые не чинил, но мало будто и вѣдал. И нам, в. г., тѣ ваши рѣчи учинилися в подивленье. Какъ государь вашъ Жигимонтъ король такие рѣчи приказывает к нам, в. г., что люди Московские познали его быть прямым царевичем Дмитреем Углетцким и потому будто люди его королевские за него вступилися и ему помогали, меж которыми і Юрьи Мнишко, воевода Сендомирской, и иные, а государь вашъ будто тому вору не токмо людьми и казною или повелѣньем прикладался и помочи никоторые не чинил, но мало будто и вѣдал? А нам, в. г., о том подлинно вѣдомо: какъ тот вор, богоотступникъ, рострига, Гришка Отрепьевъ, пришед за рубеж, образ ангелскиі обругал, черноческое платье с себя скинул, и приступил к римской вѣре, и пришел ко князю Адаму Вишневетцкому, потом к зятю воеводы Сендомирского ко князю Костянтину Вишневетцкому, и назвался государским именем, царевичем Дмитреем Ивановичем Углетцким. А людей Московских с тѣм вором опрочѣ дву чернцов, которые с ним збежали, никого не было. И кому было его свидѣтельствовати? И из Московского государства нихто к нему за рубеж не прихажівал и присылки к нему ни от кого не бывало. А какъ вѣдомо учинилось про того вора в Чернигове и в ыных Сѣверских украиных городѣх, что он вор богоотступник называетца таким государскимъ именемъ, и бояре и воеводы и приказные люди о том в Киев ко князю Василью Острожскому, и в Остръ, и в Лубну и в ыные городы пісали и приказывали беспрестани, чтоб тому вору не вѣрили, и смуты б межъ государствъ не дѣлали, и про его воровство писали подлинно. А князю Василью Острожскому мочно было и потому знати, что тот вор и у него в Киеве и по монастырем в чорных діаконех служил дьяконскую службу. И они за то за все не принялись, і повѣрил князь Костянтин Вишневетцкой его воровским рѣчем, а порадовался тому, что тот вор посягает на разоренье истинные наши непорочные крестьянские вѣры, и сулил ему в Сѣверской землѣ многие мѣста, которые къ его имѣньям подошли, только хотѣнье ево совершит. И князь Костянтин, прелстясь на то, писал об нем х королю, называючи того вора государскимъ сыномъ, и отвез того вора к тестю своему к воеводе Сендомирскому. И воевода, умысля з зятемъ своимъ со княземъ Костянтиномъ Вишневетцкимъ и с ыными

своими приятели, хотячи того, чтоб имъ в Московскомъ государстве многими городами завладѣти, и обещалися ему короля и панов-рад Польскихъ и Литовских на то наводити, чтоб его назвали прямым государским сыномъ, и за него б вступилися, и людьми и казною ему помогали. И учали воевода і князь Костянтин того вора выславляти и во многие государства от него грамоты посылали, именуючи его в. г. ц. і в. к. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ царевичем Дмитреем Углетцкимъ, и на Дон х казаком посылали Литвина Счастнаго Свирскаго съ его воровскимъ знаменем и к нимъ писали, что будто король и паны-рада сыскали про него подлинно, что он прямой государской сынъ, и в Сѣверские и в украинные в Польские городы также от того вора писали листы, хотячи Московское государство в смуту привесті. І по королевскому велѣнью воевода Сендомирской и князь Костянтин Вишневетцкой того вора отвезли к Жигимонту королю в Краков.

И Жигимонтъ король, умысля, не паметуя мирново постановенья, какъ утвердилися с царемъ Борисом меж себя і меж своими великими государствы, и преступив свое крестное целованье, умышляючи на разоренье Московского государства, повѣрил тому вору и воеводе Сендомирскому и зятю его князю Костянтину Вишневетцкому, и принял того вора, и честь ему воздал, как есть государскому сыну, и чѣпь золотую, с себя сняв, положил на него, и многими дары его дарил, и на подмогу тому вору на разоренье Московского государства казну дал многую. И паны-рада также многие ему помогали и казну многую давали. А воевода Сендомирской с королевского же и панов-рад вѣдома зговорилъ за того вора дочь свою, и писмом своимъ и руками меж себя утвердилися, и назвал воевода тово вора сыномъ, а воръ назвал его отцом. И на то его воевода привел и вѣру ему тот воръ дал на томъ: как его король и паны-рада устроят на Московском государстве; и ему всѣх православных крестьян во области Росиіского царствия ото істинные православные крестьянские вѣры отвести, и в римскую вѣру превратити, и православные святые церкви в Росиіском государстве разориті, и подѣлати костелы римские. И написал тот воръ в своей записи воеводине дочери два великие государства великий Новгород да Псков со всѣми уѣзды, и з думными людьми, и з дворяны, и з детьми боярскими, і с пригородки, і с мѣсты, и с селы и со всѣми приходы; и поволил в тѣх великих государствах монастыри и костелы ставити римские и бискупы и попы и вѣра утвержати римская безо всякие забороны. А кой часъ доступит государства Московского, и ему дати воеводе

десять сотъ тысяч золотых Польских, а руским числом 300.000 рублев; а дочери его дати на подьемъ клейнотов и серебра и бархатов золотных и всякие казны. А ему вору, будучи на Московскомъ государстве, промышляти о том накрепко, чтоб всѣх людей во области Росиіского царствия от истинные православные крестьянские вѣры греческого закона отвести и в римскую вѣру превратиті, и православные святые церкви в Росиіском царствиі разорити и подѣлати костелы римские. И на том на всем онъ богоотступник, еретик воеводе крестъ целовал и присягал перед римскими их учители, что ему по тому своему письму здержати крѣпко и всѣх людей Росиіского царствия в вѣру римскую привести. А воеводе посулил Смоленескъ да Сѣверу со всѣми уѣзды. И то государь вашъ Жигимонтъ король пригожее-ль дѣло учинил, не попаметовав ни мало крестного своего целованья и такова великого утверженья, что утвержено их государскими душами, а повѣрил воеводе Сендомирскому и Вишневетцким, и такова вора назвал государским сыномъ, и принел его, и честь ему воздал государскую, и воеводе Сендомирскому велѣл с нимъ племянитися и утвержати его велѣл на разор^нье Московского государства? А хотя б прямой государской сынъ приѣхал ко государю вашему и учал на Московское государство рать замышляти или иное какое зло, і государю вашему и паном-раде, памятуючи утверженье и крестное целованье, того было учинити немочно. Чему же вперед вѣрити и чѣмъ меж себя великим государемъ утвержатись, коли крестное целованье нестоятельно?

Да вѣдомо учинилось царю Борису и Крымской Казы-Гирѣй царь к нему с посланником своим писал, что государь же вашъ Жигимонтъ король накупал на Московское государство Крымского Казы-Гирѣя царя, и с ним о томъ ссылался, писал к нему х Казы-Гирѣю царю з гонцомъ своим с Онтономъ с Черкашенином, и словом приказывал о том же воре чернцѣ о Гришке Отрепьеве, что буттось въ его государстве в Литвѣ царевич Дмитрей, сынъ г. ц. і в. к. Івана Васильевича, в. Р., и бутто его государь вашь Жигимонтъ король отпускает на Московское государство войною и с ним посылает рать свою; чтоб Крымской царь дал ему помочь и послал на Московское государство рать свою, а от того хотѣлъ дати дань многую казну, чего царь попроситъ, и обещался с нимъ быти в дружбе. И Казы-Гирѣй царь послал ко государю вашему с отвѣтом посланника своего Сефер-Казыя Дервишева. И такое дѣло всѣм[1] крестьянским государем во удивленье учинилось, что государь вашь Жиги-

[1] *Зачеркнуто:* царю Борису то.

монтъ король, забыв свое крестное целованье, бесермен на крестьян накупает[1]. Крестьянскимъ государем такъ дѣлати не годитца. Да не токмо великим государемъ, и простым людемъ того дѣлати непригоже, а пригоже было всѣмъ крестьянским государем стояти на бесерменъ заодно, а не крестьянского кроворозлитья искати[2]. А воевода Сендомирской и сынъ его Сенатцкой староста и иные паны, обнадежась на то, что их злое умышленье совершилося, король и паны-рада тово вора назвали государским же сыномъ, и за него вступаютца и почитают, и по умышленью и по повелѣнью государя вашего Жигимонта короля и панов-рад на кроворозлитье крестьянское собрали к тому вору многих Полских и Литовских людей и Запорожскихъ Черкас, и пошли с ними в Московское государство. И какъ про то вѣдомо учинилося в Московском государстве, что такое злое дѣло всчинаетца з государя вашего стороны через крестное целованье, и бояре посылали к паномъ-раде в гонцѣх Смирново Отрепьева, а тот Смирной тому вору родной дядя, и велѣли ему паномъ-раде говорити, чтоб его паны-рада с тѣм его племянником с вором, которой называетца царевичемъ Дмитреем, поставили с очей на очи и он его воровство обличит. А патриархъ Иев Московскиі и всеа Русиі, и митрополиты, и архиепископы, и епископы и весь Освященный собор нарочно посылали с своею грамотою в Киев ко князю Василью Острожскому гонца Ѳеонасья Пальчикова и писали с свидѣтельствомъ, что он, святѣйший патриархъ Иев, и во дьяконы его ставил, да и всѣ митрополиты, и архиепископы, и епископы и весь собор его вора и богоотступника знают. И он бы, воевода Киевской князь Василей, тому всему, что в той грамоте писано вѣрилъ, а тому вору вражьей его прелести ни в чем не вѣрил, и его велѣлъ поймати и прислал бы его в Московское государство и над нимъ[3] врагом и[4] по правилом святых отецъ и по соборному уложенью за его злодѣйские дѣла такъ над нимъ и учинят, чтоб за то мирное постановенье не порушилось и меж великих государей болшого нелюбья и меж государствъ от такова вора от его бесовские прелести смуты и кроворозлитья не всчалося. И государь ваш и паны-рада тому всему не повѣрили, Смирново Отрепьева с тѣмъ вором с пле-

---

[1] *Зачеркнуто:* и такие непригожие дѣла всчинает, и вѣдомого вора і богоотступника и еритика розстригу назвал царским сыномъ.

[2] *Зачеркнуто:* и бесермен и страд... нестоятельно. А воевода Сендомирской и сынъ его Сенатцкой староста *и пр..., то же, что далѣе въ текстѣ, кончая словами:* и бояре посылали к паном-раде...

[3] *Зачеркнуто:* злодѣем.

[4] *Зачеркнуто:* по его злодѣйскимъ дѣломъ.

мянником его с розстригою с очей на очи не поставили, а князь Василей Острожской патриархова гонца Оѳонасья Пальчикова у себя посадил в крѣпость и назад его не отпустилъ. И какъ пришли воевода, и сынъ его, и Острянской староста и иные паны с тѣмъ воромъ і со многими с Польскими и с Литовскими людьми в Росиіское государство на Сѣверу, и учали прельщати и устращивати тутошних севрюков королевскимъ же имянем, бутто король и паны-рада про него подлинно сыскали, что он прямой царевич, и стояти за него хотят всею Польшею и Литвою, и идут они с нимъ по королевскому велѣнью и панов-рад. И на Сѣвере мужики севрюки, люди простые, также забыв Бога и душу свою повѣрили воеводе Сендомирскому Юрью Мнишку с товарыщи, что он пан радной, и учали приставати к тому вору. А до тѣх мѣстъ покамѣста того вора Сендомирской воевода и иные паны на рубеж не привели, ни один человѣкъ нашего Московского государства к тому вору за рубеж в государя вашего государство не приѣзживали и царевичемъ его не называли кромѣ тѣх, которые будетъ к нему пристали в Литвѣ такие же воры прежние измѣнники и беглецы Московского государства. А какъ воевода с тѣм вором Монастыревских и Черниговских людей смутил, и бояре іс полков про царевичеву про Дмитрееву смерть і про того вора писали к воеводе Сендомирскому многижда с свидѣтельством, чтоб он тому вору не вѣрил, и меж великими государствы ссоры не дѣлал, и крестного целованья і мирного постановенья не нарушивал, и крови крестьянские не проливал. И воевода бояром и всей рати не повѣрил, хотячи в Московском государстве владѣтелем быти, и многую кровь крестьянскую пролил. — А что говорили есте, будто король тому вору ничѣмъ не вспомогал і мало о том король і вѣдал, — і воевода Сендомирской сам передо всѣми нашими бояры сказал, что он с тѣм вором шол ратью на Московское государство по королевскому розсказанью и панов-рад, и казну на его росход давал король, и людей ему наймовати велѣлъ тою казною, что было воеводе доходов дати королю с своего староства. А к нему де к воеводе того вора привел зять его князь Костянтин Вишневетцкой; а свидѣтельствовал де того вора, будто он царевич, Литовского канцлѣра Лва Сопѣги человѣкъ Петровской да другой его воеводин хлопецъ, а тот Львов человѣкъ бывал Москвитин, звали его Петрушком, холопъ сына боярского Істомы Михнова. И какъ были в Литвѣ от царя Бориса послы боярин Михаило Глѣбович Салтыков с товарыщи, и тот холоп от Истомы збежал пократчи; чаю вам про него і самим вѣдомо. И то ли свѣдѣтельство: вор і беглецъ вора і беглеца сви-

дѣтельствовал? Хто такому злому дѣлу не подівитца. Да и тому как мочно сстатись, что пану-раде воеводе Сендомирскому, і сыну его старосте Сенатцкому, і старосте Острянскому Михаилу Ратомскому і иным, с такими со многими с Польскими і с Литовскими людьми собрався, с тѣмъ вором итти на Московское государство без королевского і панов-рад вѣдома? А он воевода Сендомирской Юрьи Мнишек в коруне Польской, опричь духовного чину, пан-рада четвертой. Какъ таких неправедныхъ слов не стыдно и говорити: будто король тому вору ничѣм не помогал і мало о том и вѣдал?[1] А государь вашъ Жигимонтъ король и паны-рада сами на себя в том свидѣтельствуете: как от государя вашего Жигимонта короля присылан к тому вору к ростриге посланник Александръ Гасевской звати того вора на королевское веселье, и Олександръ, будучи у того вора, говорилъ[2], что он вор на Московском государьстве учинился государя вашего королевским словом и людей его способом; и король и паны-рада всѣ тому обрадовались, что он Московского государства доступил, и был бы з государем вашем в дружбе[3]. А тот вор ростригa Гриша Отрепьев про то тут же королевскому посланнику Олександру Гасевскому говорил, что он вор был в государя вашего государстве в коруне Польской, и государь вашъ Жигимонтъ король і паны-рада всѣ честь ему во всем воздали, и всякими мѣрами-мыслью, и дѣлом, и казною и людьми способствовали какъ бы ему Московского государства достигнути, и подданным своим всякимъ рыцерским людем велѣли[4] с ним итти и горла свои за него давати нещадно, и многие свои вспоможенья и радѣнья к нему показали. И он за то королевское и панов-рад вспоможенье хочет с королем быти в дружбе[5] и нѣт ему такова друга на свете, что Жигимонтъ король.

А как у государя вашего Жигимонта короля и у Сендомирского воеводы от того вора, от ростриги, от Гришки Отрепьева был в посланникех Өонасей Власьевъ, и государь вашъ Жигимонтъ король на посольстве Өонасью говорил, что тот вор ростригa учинился на Московскомъ государстве его королевским и людей его способом; а говорил от короля ту рѣчь канцлѣр Лев Сопѣга, а в отвѣт к Өонасью высылал король большую свою раду духовного чину бискупа

[1] *Зачеркнуто:* да и грамоты мно... И князь Григорей и Ондрѣй говорили, что вы в том запираетесь, а сказываете, что государь вашъ Жигимонтъ король и вы, паны-рада, тому вору не вспомогали. И государь... Да и сам государь.

[2] *Зачеркнуто:* на посолстве.

[3] *Зачеркнуто:* и в любви и в соединенье.

[4] *Зачеркнуто:* поволили.

[5] *Зачеркнуто:* и в любви и в соединенье.

Куявского, да бискупа Перемышльского, да воеводу Сендомирского и иных панов-рад. И Ѳеонасей с паны-радою говорил о цесарском именованье, чтоб король к тому вору велѣл в своих грамотах писати и в рѣчи говорити цесарем и самодержцем; а паны-рада Ѳеонасью говорили, что тот вор домогаетца у государя вашего у короля большого титула. А государь вашъ Жигимонтъ король і паны-рада его на Московском государстве посадили, и за то он государю вашему Жигимонту королю і паном-раде ничего не воздал и того не здѣлал, что папе, и королю, и паном-радом обещался і присягал. А Миколай Алешницкиі да Олександръ Гасевскиі, которые присланы от короля к тому вору[1] на свадьбу[2], на посольстве тому вору тоже говорили, что он на Московскомъ государстве учинился королевским и его королевства людей способом[3]. И то ль государя вашего Жигимонта короля и панов-рад перед Московским государством правда, что, преступивъ крестное целованье, такова богаотступника и еретика на крестьянское кроворозлитье поострили и многую кровь крестьянскую пролили? Да і грамоты многие, которые к тому вору присыланы от папы Римского і ис Польши от легата папина, которой живет при королѣ в Кракове, и от кардинала Краковского, за их печатьми і руками, и которые грамоты тот вор розстрига х королю и к ним ко всѣм ис Польши і из Литвы и какъ пришед к Москве от себя посылал, и иное многое письмо, что сыскано после того вора розстриги на государя вашего на Жигимонта короля і панов-рад свидѣтельствуют, что государь вашъ Жигимонтъ король и паны-рада тому вору всяким умышленьем на Московское государство и истинные наши православные крестьянские вѣры на разоренье помогали. А будет похотите тѣхъ грамот смотрити, и мы, в. г., тѣ грамоты і запись воровскую утверженую с воеводою, воеводіну руку, велим вам показати.

А что есте говорили нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля, что за писаньем и посланьем царя Бориса государь вашъ Жигимонтъ король всѣм подданымъ своимъ листы своими королевскими з грозою розсказал, чтоб ся до домов своих розъѣхали, а тому вору помочи не чинили и перемирья с Москвою не порушали, и воевода будто Сендомирской и иных много людей подданых государя вашего за тѣми королевскими листы и розсказаньем прочь от того

---

[1] *Зачеркнуто:* боломуту.

[2] *Зачеркнуто:* веселье.

[3] *Зачеркнуто:* и вы то сами можете разсудити... И то все дѣлалось с королевского вѣдома и с вашего панов-рад или без королевского? То все сами можете розсудити...

вора до домов своих розъѣхалися, опричь казаков низовых и иных своевольных людей, которые у него осталися, и Москва будто сама за прямово дѣдича и прироженного государя своего приняли и на государство проводили и посадили и крестъ целовали, — почему же будто мы, в. г., государя вашего Жигимонта короля и подданых его виним, что государь ваш перемирье постановленое и присягу нарушил, а то будто дѣло начал и дѣлал и совершил народ Московскиі? И то государь вашъ Жигимонтъ король приказывал к нам, в. г., не потому, как то дѣлалося: здѣлалося то все злое дѣло з государя вашего стороны, а не нашего Росийского государства людьми. Какъ тот вор рострига по королевскому розсказанью и панов-рад повелѣнью с Сендомирскимъ воеводою, и с сыном его с Сенатцким старостою, и с Остръским старостою с Михаилом Ратомским со многими Польскими и Литовскими людьми пришол в нашу землю на Сѣверу, и свѣдав то царь Борис, что з государя вашего стороны всчинаетца злое такое дѣло через крестное целованье, посылал для того вора нарочно ко государю вашему Жигимонту королю посланника своего Постника Огарева, и о том царь Борис ко государю вашему к Жигимонту королю с посланникомъ приказывалъ: держати ли ему вперед перемирье? А святейшиі Иев патриархъ Московскиі и всеа Русиі, и архиепискупы, и епискупы посылали к навысшей раде коруны Польские и великого княжества Литовского к арцыбискупом, и бискупом и ко всему духовному чину з грамотами за всѣми своими печатьми посланника своего Ондрѣя Бунакова о том же воре и писали про него подлинно с свидѣтельством, чтоб паны-рада тому вору не вѣрили, и крови крестьянские через крестное целованье не проливали и мирного постановенья не нарушивали. И государь вашъ Жигимонтъ король и паны-рада перед посланником перед Посником в том во всем запирались, а говорили, что они тому вору не помогают ничѣм, и мирного постановенья не нарушивают и вперед держать хотят; а тотъ вор бутто ушол у них на Волынь, а хто будет ему ис Польши и из Литвы помогали, и тѣх хотѣли казнити. И отпустя от себя посланника, больши прежнего учали тому вору всякими мѣрами помогати, и ис Польскихъ и из Литовскихъ городов изо всѣх пограничных мѣстъ в Московское государьство безпрестани старосты и державцы присылали листы, называя того вора прямым царевичем Дмитреем Ивановичем, хотячи Московское государьство в ссору и в разоренье привести и истинная наша православная крестьянская вѣра порушити. А посланника Ондрѣя Бунакова, которой посылан от святѣйшего Иева патриарха Московского и всеа

Русии, и от митрополитов, и от архиепископов, и епископов к навысшей раде к духовному чину коруны Польские і великого княжества Литовского, Виленской бискупъ Венедиктъ Война у себя задержал и против патриарховы грамоты отвѣту никакова не учинил, а отпустил его от себя, какъ уже рострига на Москвѣ смуту учинил. А по воеводу и по иных Польских и Литовскихъ людей, которые в ту пору пошли с вором на Сѣверу, король не посылывал и наказанья им никоторого не учинил; а отшел воевода от того вора собою после того, какъ ему бой был з бояры і воеводы Московского государьства под Новымъ городкомъ; а отходил для же помочи тому вору, а не за королевскимъ повелѣньем. А староста Острской Михайло Ратомской, и Тишкѣевич, и ротмистры і всѣ Польские и Литовские большие люди остались с тѣм вором. А какъ тот вор с побою ис-под Сѣвского острогу ушол в Путивль с невеликими людми, а многие Польские и Литовские люди на том бою побиты, а Тишкѣевича, и ротмистровъ и многую шляхту на том бою живых взяли, и в ту пору достальные Поляки и Литва побежали в Польшу и в Литву с того побою, видя свою незгоду, а не за королевским же повелѣньем[1]. И іс Путивля был тот вор, вѣдая свое воровство, хотѣл бежати опять в Полшу. И Сендомирской воевода, и Вишневетцкие, и Острянской староста Михайло Ратомской, исполняя повелѣнье Жигимонта короля и панов-рад, и умысля своим злодѣйством, и хотячи в Московском государстве ссору и кроворозлитье учинити, писали к тому вору в Путивль, чтоб он ис Путивля не ходил; а он воевода по королевскому и панов-рад велѣнью ідет опять самъ со многими Польскими и Литовскими людьми к нему на помочь, да и иных многих розных государствъ многие люди с нимъ к тому же вору к ростриге на помочь идут. Да тот же часъ пришол к нему опять в Путивль Михайло Ратомской, собрав многихъ Польскихъ и Литовских людей. И тот вор, обнадежась на то воеводцкое писмо и что Польские и Литовские люди опять к нему пришли на помочь, стал в Путивле мешкать. А іс пограничных изо всѣх городов з государя вашего королевские стороны державцы и урядники учали опять писати во всѣ Сѣверские и в украинные городы к черным людем безпрестани, и в полки в Московские лазучников с воровскими листы присылали и метали тайно, называючи того вора прямым царевичем, и чтоб против того вора не стояли и ему поддавались, а за него деи хочет стояти государь вашъ Жигимонтъ король со всею Польскою

[1] *Зачеркнуто:* росказаньем.

и Литовскою землею и иные пограничные государи, и идутъ паны радные со многою силою. Да в тѣ же поры судом Божиим в Московскомъ государстве царя Бориса не стало и ис полковъ многие бояре и дворяне по присылке на погребанье царя Бориса поѣхали к Москве, а остались немногие бояре і воеводы, а с ними только ратные люди Сѣверских и украинныхъ городов стрельцы, и казаки и черные люди. И тѣ люди в полкѣхъ, послыша царя Борісову смерть и повѣря вашимъ смутам, что за него король и паны-рада и вся Польша и Литва вступаютца, смуту в полкѣх учинили. И бояре і воеводы и дворяне, которые туто были оставлены, відячи такое смятенье, побежали к Москве; а которые не ушли, и тѣх, поимав и перевязав, отвели к вору в Путивль. А все то ссталось умыслом и вспоможеньемъ государя вашего Жигимонта короля и панов-рад. А только б не помогали тому вору государь вашъ и паны-рада, и ему было какъ на такое дѣло и помыслити? Пришел онъ за рубеж в государя вашего государство только в чернецкой свитке да в клобукѣ. А какъ в полкѣхъ Сѣверскихъ і украинныхъ городов стрелцы и казаки і чорные люді смуту учинили, и тот вор ростріга, умышляючи с Полскими и с Литовскими людми, которые при нем были, учали в Московские городы, которые от Сѣверские и от Польские украіны свои воровские прелестные грамоты писати; и в тѣх городѣхъ черные простые люді, смотря на Сѣверские и на украинные городы, учали прельщатися и по городом бояр и воевод и лутчихъ людей побивати, а иных по тюрмам сажати, а иных к тому вору богоотступнику отсылати, а он вор тѣхъ бояр и воевод побивал, а иных в дальніе городы в заточенье отсылал. А какъ тот вор с Польскими и с Литовскими людьми пришол блиско царствующаго града Москвы, и черные люди Московского государства восколебалісь, и бояр и дворян и лутчихъ людей, которые их от тоѣ прелести унимали и отводили, иных побили, а иных переимали, і в царствующем граде Москвѣ смуту учинили. А какъ тот вор с Полскими и с Литовскими людьми пришолъ к Москве, і он, вѣдая свое воровство і боясь обличенья патріарха, и митрополитовъ, і архиепискупов, і епискупов, и болших бояр, и дворян і всяких лутчихъ людей, которые его знали и злое его воровство хотѣли обличити, многихъ тотчас побилъ, а иных по дальнимъ городомъ розослалъ, и подалъ волю Поляком и Литвѣ на всякое воровство, чтоб на Московское государство страхъ навести; а около себя во всякихъ чинѣх пріставил Польских и Литовских людей. И безпрестани з государемъ вашим Жигимонтом королемъ и с паны-радами на разоренье Московского государьства

и істинные нашие православные крестьянские вѣры ссылался; а пісали у него тѣ грамоты і ѣздили с тѣми грамотами к государю вашему і к паном-радам от него Поляки Бычинские и иные такие же, которые жили у того вора. И Московского государства бояре, и дворяне и лутчие люди, которые были на Москвѣ, страшась от того вора смертнаго убийства і заточенья, до времени тому вору терпѣли, потому что многіе бояре, и дворяне і ратные люди былі в дальних государствах Росийского царствія. А вся та смута и кроворозлитье в Московском государстве учинілась зъ государя вашего стороны; а только б государь ваш Жигимонтъ король и паны-рада того не всчали и не называли б того вора государскимъ сыномъ, и тому вору на такое злое дѣло умыслу своего и помочи не подали, — и тому было ничему в Московъскомъ государстве не бывати.

А что есте нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля говорили, какъ тот вор розстріга, учинясь на Московскомъ государстве, с вѣдома всѣхъ князеі и бояр, присылалъ до государя вашего Жигимонта короля посланника своего Офонасья Власьева, хотячи з государемъ вашимъ з Жигимонтомъ королем вѣчного покою и соединенья против поганцов и всѣх неприятелей крестьянскихъ и просячи того, чтоб государь вашъ Жигимонтъ король поволил ему понять себѣ в жену дочь воеводы Сендомирского, — і государь вашъ Жигимонтъ король бутто тому вору воеводенку Сендомирскую взять себѣ за жену не розсказывал, также и воеводе Сендомирскому, чтоб дочь свою дал за жену, кому хочет, не запрещивал, и отослал того посланника Офонасья Власьева к воеводе Сендомирскому, чтоб воевода Сендомирской о дочери своей думал какъ отецъ и чинил то, какъ бы ему лутче віделося. А государь вашъ Жигимонтъ король за тѣм посланьем, будто хотячи всего добра крестьянству, послал к тому вору послов своих Миколая Олешнитцкого, каштеляна Малоговского, да Александра Гасевского, поручивши им, чтоб они услышели у того вора і уразумѣли какими обычеи тот вор з государем вашим Жигимонтом королем хочет вѣчного покою і соедіненья, і на поганов стояти, і как с погаными война зачать і дѣлати і вершиті мыслит; і будет тот вор пригожее дѣло им подастъ, и им о том говориті і становити велѣл. И государю вашему Жигимонту королю тѣмъ себя оправдати нѣчимъ. А вам о том и выше сего в семъ отвѣте объявлено, какъ тот вор розстрига государя вашего і панов-рад умыслом і вспоможеньем пришол в Московское государство со многими Польскими и с Литовскими людьми, і в Московском государстве патриарха, і митрополитов, і архиепископов,

і епископов, и бояр, и окольничих, и лутчих дворян, и дьяков иных побил, а иных в дальние мѣста разослал; и он в Московском государстве с Польскими і с Литовскими людьми дѣлал по своей воле, что хотѣл, и посланников і гонцов посылал. А Офонасью Власьеву что было вѣрити? Ѳонасей — вор и совѣтник его, поѣхал ко государю вашему к Жигимонту королю от него таінным обычаем, и писал с ним вор розстрига таіные воровские листы х королю і к паном-раде по латыне, і совѣтовал с вашими же Поляки з Бычинскимі і с ыными с такими же; а бояром і думным людем про то ничего невѣдомо. Да что уже на Ѳонасья і указывати? Ѳонасей уже ѣздил в ту пору, какъ тот вор с Поляки і с Литвою на Москвѣ всѣм владѣлъ. За што в тѣ поры король и паны-рада не вѣрили, какъ о том воре посыланы от царя Бориса і от духовного чину і от бояр х королю и к паном-раде посланники і гонцы? І ис пограничных мѣстъ воеводы і намѣстники х королевским воеводам и к старостамъ і к державцом также про того вора безпрестани писали. И государь вашъ Жигимонтъ король і паны-рада царю Борису, і патриарху, и всему Освященному собору, і бояром не повѣрили і, преступив свое крестное целованье, одному того вора измѣнничью слову повѣря, такое кроворозлитье і разоренье Московскому государству учинили. А как за того вора в Кракове воевода Сендомирской дочь свою обручал, и государь вашъ Жигимонтъ король самъ тут у воеводы на обручанье был с сестрою и с сыном, и всѣ паны-рада, которые в тѣ поры при королѣ были, тут же у воеводы были. А тому какъ было мочно сстатись, что воеводе зговаривати за такова вора беглеца дочь своя без королевского указу?

А что говорили есте о Миколае Олешнитцком да о Олександре Гасевском, будто их государь вашъ Жигимонтъ король к тому вору послал в послѣхъ, — і послы так ни в которых государствах не приезжают, какъ они приѣхали в Московское государство ратным обычаем, урядясь в збруях и с копьи. А Миколай воеводе Сендомирскому свой, а Александро при том воре[1] приѣхал в Московское государство[2] вдругие[3]. А приезжали Миколай и Александръ к тому вору, і были

[1] *Зачеркнуто:* договорясь с тѣмъ вором.

[2] *Зачеркнуто:* при нем уже.

[3] *Зачеркнуто:* на разоренье Московского государства, а посольства их никоторого бояре не вѣдали, и умыслъ у всѣх у них был такой, сами говорили сами, Поляки и Литва приѣхав к Москве не тайным обычаем, что Руских лутчих людей всѣх побити, а Поляком сѣсти, и вѣра греческая попрати, а римская утвердити. И дѣлали Миколаевы і Олександровы люді в Московскомъ государстве всякое насильство также как іные Поляки и Литва.

у него і говорили[1] с ним наодінѣ, бояр думных тут никого не было[2] и говорили они с тѣм вором таіно, не по посольскому обычею.

А что говорили есте нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля о том же воре о розстриге о Гришке: коли уже он живот свой скончал и был не прямой царевич, чего же для его будто народ Московскиі за государя своего прироженного приняли и коруновали? И в том бутто не токмо государя вашего подданных, но и самую Москву напрасно винити: не людцкое то дѣло, дѣлало то сила и рука Всемогущего Бога, что народ Московской того вора розстриги не познали, и за прямого государя его приняли, и на государство проводили, и посадили, и крестъ целовали. И о том уже вам говорено, какъ тот вор государя вашего Жигимонта короля и панов-рад умыслом и способом наперед учинил смуту в Сѣверских и в Польских в украинных городѣхъ и потом в полкѣх и в Московскомъ государстве, и какъ к Москве со многими Польскими и Литовскими людьми пришол, и как патриарха и иных многих духовного чину, и бояр, и дворян и лутчих людей, иных побил, а иных в далние мѣста розослал, а самъ тот воръ с Поляки и с Литвою в Московскомъ государстве овладѣл. А ныне вы и сами на государя своего Жигимонта короля и на себя в том своими словы свидѣтельствуете, говорите, что то не Московской народ здѣлал, здѣлало то сила и рука Всемогущего Бога, и Богъ творит, елико хощет. А государю вашему Жигимонту королю и паномъраде не надобно было за такова вора вступатися и на государство устраивати; надобе было государю вашему памятовати крестное целованье, на чом он царю Борису и всѣмъ великим государствам Росийского царствия крестъ целовалъ. А в перемирных в обѣих записях написано: государю на государя і государьствам на государства всякому недругу в тѣ перемирные 20 лѣт людьми и казною не вспомогати. Хто тому не подивитца, что такое великое утверженье государя вашого и панов-рад не воспретило? А толко б не государь ваш Жигимонтъ король и паны-рада тому злому врагу и еретику розстриге Гришке на такое злое дѣло умыслъ свой и способ дали, и ему было злодѣю какъ на такое дѣло и помыслити? Все то зло совершилось з государя вашего стороны.

А что говорили есте нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля, что людей государя вашего много немилостивно и невинно

---

[1] *Зачеркнуто:* умышляли.

[2] *Зачеркнуто:* и посольства их с чѣмъ они к нему пришли, того всего не вѣдали.

в самой Москвѣ помучили и животы их пограбили, а они того не надѣялись; а пана воеводу Сендомирского и иных многих людей, подданных государя вашего, которые за званьем того вора розстриги приѣхали, а сверхъ того бутто послов, опасом обнадеживши, неслушне задержали, и для того государь вашь Жигимонтъ король послал вас, посланников своих, нас, в. г., напомянути, чтоб мы, в. г., послов государя вашего Миколая Олешнитцкого, кашталяна Мологовского, да Александра Гасевского, старосту Велижского, также воеводу Сендомирского и всѣх приятелей его, которые с нимъ в Московское государство приѣхали, и иных подданных государя вашего, также подданных брата нашего в. г. Рудельѳа, цесаря Римского, со всѣми их животы и с товары безо всякого задержанья тотчасъ выпустили, и учтиве до рубежа велѣл проводити; а которым обиды и убытки починились и слуг и людей побито, и нам бы, в. г., справедливость учинити, винных показнити, и животы их всѣ отдати и убытки и обиды нагородити велѣти[1]. И о том вѣдомо всѣмъ пограничнымъ великимъ государемъ, что вся смута и кровоpозлитье в Московскомъ государстве учинилась от государя вашего Жигимонта короля и от панов-рад, которые на то мыслили и совѣтовали; а начало тому злу Вишневетцкие и воевода Сендомирской и его приятели, которые ныне в Московскомъ государстве. А что оправдаете воеводу, и его родство, и Миколая Мологовского и Александра Гасевского тѣмъ, что они пришли в Московское государство по розстригине присылке и по опасу, — и розстрига коснулся Московского государства умыслом и вспоможеньем Жигимонта короля і панов-рад и дѣлал розстрига то все, что годно королю и паном-раде, и по воеводу и по его приятелей посылал совѣтника своего Ѳеонасья Власьева[2] для того, чтоб ему, приведчи многих людей, обещанье свое и королевское повелѣнье совершити, в Росиіском государстве вѣра православная разрушити, и церкви Божьи разорити, и лутчих людей духовного чину, и бояр, и дворян и всяких людей побити, а утвердити б римская вѣра и костелы учинити. А писали у того вора грамоты х королю по латыне ваши же Поляки, которые при томъ воре жили, и печаталъ тот вор тѣ грамоты у себя, взяв всѣ печати ис Посольские полаты; а бояре и всякие думные люди того не вѣдали. И многую нашу царскую дорогую казну прежних прародителей наших великих госу-

---

[1] *Зачеркнуто:* и на ту статью отвѣтъ.

[2] *Зачеркнуто:* и умысля бутто послов ис Польши и из Литвы призывалъ.

дарей царей Росиіскихъ в Польшу х королю, и к воеводе Сендомирскому, и к дочери его и къ их приятелем с своими совѣтники и с Поляки з Бычинскими и с ыными отослал, чего было он вор и видети недостоен. И Сендомирской воевода и его приятели, по королевскому и панов-рад велѣнью, приѣхали к тому вору к ростриге в Московское государство по совѣту с тѣм вором для разоренья Московского государства и істинные нашие непорочные хрестьянские вѣры со многими Польскими і с Литовскими людьми, вооружась в збрую, ратным обычаем; и пришед к Москве, по совѣту с тѣм вором, многие церкви Божьи осквернили, і иконы святых обругали, и римские и люторские і розных многихъ вѣр люді в церкви Божьи ходили с оружьем, чего в нашей в православной вѣре іскони не бывало. А иных скверных дѣл и писати невместимо. Такое злое поруганье крестьянской вѣре чинили: честные кресты, привязав к поясу, носили, и корчмы у церквей Божьихъ держали, і всякое скверное дѣло дѣлали для поруганья крестьянского, и попы і всѣ православные крестьяне не смѣли уже и к церквам Божиим приходіти, и многие церкви Божьи стояли без пѣнья; и православным крестьяном в Московском государстве многое насильство чинили, грабили, побивали до смерти і жены у мужей і дочери у отцов отъимали не тайно, явно, и иные неистерпимые гонения і грубости чинили. А послѣднее был умыслъ того вора розстриги с воеводою Сендомирским и сь его приятели[1] і со всѣми Польскими і с Литовскими людьми, которые приѣхали с розстригою, і с воеводою Сендомирским и сь его приятели[2], хотѣли на Москвѣ митрополитов, і архиепискупов, і епискупов, і весь священническиі и иноческиі чин, и бояр, і дворян, і приказных людей, и гостей і всяких лутчих служилых і жилетцких людей Росийского царствия, тайно умышляя і оманом, побити, и престолы Божьи во святых церквах разорити, и православную нашу крестьянскую вѣру до конца разрушити, а римскую вѣру в Московском государстве утвердити, і костелы и монастыри римские устроити. И мы, в. г. ц. і в. к. Василей Иванович, в. Р. с., и митрополиты, і архиепискупы, і епискупы, і весь освященный собор, и бояре, и дворяне і всенародное множество Росийского царствия, видя такое разрушение істинней нашей православной крестьянской вѣре і всему Росийскому царству конечную погибель, о том зельне возрыдали и, прося у Бога милости, обеща-

---

[1] *Зачеркнуто:* и с Миколаем і с Олександром.

[2] *Зачеркнуто:* і с Миколаем і с Олександром.

лись всѣ за истинную нашу непорочную крестьянскую вѣру против того богоотступника, еретика, розстриги і против его совѣтников стати и подвизатись крѣпце і мужественне до смерти; а ожидали того, какъ ізо всего Росийского царствия служилые і всякие люді посьѣдутца, чтоб имъ было явно того богоотступника воровство и злой его вражей совѣт. А то вам самимъ вѣдомо, что наше Московское широкое государство, к востоку і к полуночи от Москвы до иных мѣстъ в полгода не съѣзжают. А какъ ізо всего Росийского царствия служилые і жилетцкие і всякие люді сьѣхались, и милосердый Богъ всѣмъ людем его еретическую богомерскую прелесть и вражей злой совѣт объявил; и вооружася силою животворящего Креста, тому богоотступнику еретику, облича его, месть воздали, злѣ окаянный живот свой скончал. А которые Польские и Литовские люди пришли к тому вору на разоренье Московского государьства с воеводою Сендомирскимъ и сь его приятели, и тѣх Польских и Литовских людей за их неистерпимые грубости и насильства, и что они стали были за вора за ростригу, учали Московской народ побивати, и Московского государства люди хотѣли всѣх побити до смерти. И мы, в. г., по нашему царьскому милосердому обычаю кроворозлитья уняли, многих Польскихъ и Литовских людей побити не дали и от смерти их свободили; а на посольском дворѣ не дали убити ни одного человѣка и шкоды им никакие не учинилось. А только б мы, в. г., от смерти их не защитили, и им было за их многие грубости и насильства і что они за вора стали, от Московского народа всѣмъ быти побитымъ. Да и в Литву и в Польшу велѣли есмя тѣх Польских и Литовских людей из Московского государьства отпустити многих опрочѣ тѣх, которые меж Московского государьства и коруною Польскою и великим княжеством Литовским большую ссору и кроворозлитье учинили и Московское государьство хотѣли с тѣмъ вором разорити.

А что говорили есте нам, в. г., чтоб мы, в. г., Миколая Олешнитцкого да Олександра Гасевского, такъже и воеводу Сендомирского сь его приятели, и иных подданых государя вашего велѣли отпустити, — и вам то объявлено, что воевода Сендомирской и с своими приятели[1] задержаны у нас, в. г., в наших государствах в неправдах государя вашего Жигимонта короля и панов-рад и вь их неправдах, которые неправды и кроворозлитье и убытки и насильства многие в Московском государьстве от них починились,

---

[1] *Зачеркнуто:* и Миколай Олешнитцкой и Олександръ Гасевской.

о которых мы, в. г., преже сего ко государю вашему Жигимонту королю приказывали с посланники нашими з дворяниномъ и намѣстником Епатомским со князем Григорьемъ Костянтиновичем Волконским да з діаком с Ондрѣем Ивановым, и вам то объявлено же.

А Миколай и Александро замешкали в нашем государстве от государя же вашего Жигимонта короля[1]: с нашими посланники (писал), хотѣл о всѣх дѣлех, что говорили наши посланники, приказати к нам с своими посланники; и государь вашъ Жигимонтъ король посланников своих вскоре не прислал.

И ныне мы, в. г., хотим того вѣдати: с которым ісправленьем Жигимонтъ король прислал васъ к нам, в. г., и на которой мѣре государь вашъ Жигимонтъ корол велѣл вам[2] о воеводе Сендомирском и о его приятелех дѣлати и становити. А то вам самим вѣдомо: какъ с тѣм вором воевода Сендомирской пришол за рубежь на Сѣверу в Московское государство, и царь Борис посылалъ бояр и воевод и ратных людей против того вора і против воеводы и Полских и Литовских людей, и многая кровь крестьянская в Московском государстве от воеводы Сендомирского и от Польских и от Литовских людей через крестное целованье пролилась, а нашей царской казнѣ учинилось убытка в ратном подьеме[3] с 600000 рублев опрочѣ земских убытков.

А какъ уже тот вор пришол в царствующиі град к Москве, и он вор одноѣ нашие царские казны отослалъ в Польшу и в Литву къ воеводе и къ его приятелем с своими совѣтники и с Поляки деньгами и золотыми и ѳѳнмками и судами серебряными и собольми и всякою мяхкою рухлядью болши 500000 рублев. Да он же вор посылал х королю и к паномъ-раде в поминкахъ из нашие царские казны дорогие суды и платье и конские наряды и многую нашу царскую казну; а на Москвѣ воеводе Сендомирскому и его дочери и приятелем и иным Польским и Литовским людемъ роздал тот вор нашие же царские казны денгами и золотыми и ѳѳимками і всякими дорогими узорочьи с 300000 рублев.—А и опричь нашие царские казны нашего государства людем купетцким и земским учинилися в том многие і великие убытки, и многие неистерпимые грубости, нашей православной крестьянской вѣре і святым Божиим

[1] *Зачеркнуто:* что вас посланников своих вскоре не прислал, а...

[2] *Зачеркнуто:* о тѣх, которых вы называете послами, о Миколае Олешнитцком да о Александре Гасевском, такъже и...

[3] *Зачеркнуто:* что царь Борис посылал против их бояр і воевод и ратных людей.

церквам и иконам поруганье, и Московского государства людем убивства и безчестья и грабежи от воеводы и от его приятелей и от Польских и от Литовских людей починились. И вы нашим бояром объявили, что вам о том от государя вашего наказ.

А что припоминаете в. г. брата нашего Рудельѳа, цесаря Римского, о торговых людех, что бутто его подданые в нашем государстве, и нам бы их потому же со всѣми их животы и товары велѣти отпустити, — и при нашем государстве в. г. брата нашего Рудельѳа, цесаря Римского, (торговыхъ людей) никаких в Московском государстве не бывало и ныне нѣт; а которые торговые люди приезжали в Московское государьство при ростриге, и тѣ всѣ со всѣми их животы и с товары с Москвы отпущены и грабежей имъ и насильства никакого при нашем государстве не бывало.

А что говорили есте нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля, что при прежних великих государехъ Московских многих торговых людей Польских и Литовских, подданых государя вашего, многижда задерживаючи в перемирные лѣта, многие убытки им чиниваны и у многих товары их до государевы казны иманы и не отдавываны, также бутто и при нашем государстве многих торговых людей с товары их задержано и с нашего ль то вѣдома или нѣт, — и нам бы, в. г., всѣх купетцких людей, подданых королевских, со всѣми их товары и з животы без задержанья отпустити и за товары б, которые бутто взяты в казну при прежних великих государехъ блаженные памяти ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., и сына его блаженные же памяти ц. и в. к. Ѳеодора Ивановича, в. Р. с., и царя Бориса, и что взято при воре при ростриге заплатити и нагородити велѣти, — и на ту статью отвѣт: которые будет товары у Литовских торговых людей иманы в казну при прежних великих государех при в. г. ц. и в. к. Иване Васильевиче, в. Р. с., и при сыне его при в. г. ц. и в. к. Ѳедоре Ивановиче, в. Р. с., и при царѣ Борисе, и за тѣ товары тѣмъ торговым людем тогды ис казны і денги поплачены. И какъ были у царя Бориса государя вашего Жигимонта короля послы канцлѣр великого княжества Литовского Лев Сопѣга с товарыщи и они говорили, что иманы у торговых людей государя вашего товары до казны в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р., а сполна де имъ денег не дошло, и царь б Борис велѣл имъ денги доплатити. И о том Лву Сапѣге с товарыщи отказано: которые бьют челом лѣт за 30 и за 40, и того сыскати нѣкем; при комъ тѣ дела были, и тѣх ныне нѣт. И в том Лву отказано, чтоб Литовские торговые люди вперед о том не били

челом. Да и прежнимъ Литовским послом и посланникомъ, которые наперед Лва бывали в таких дѣлех отказывано, что сыскати того нѣкем. А которые торговые люди государя вашего с ними были и били челом на нашихъ людей о управных и о обидных дѣлехъ, и тѣм всѣмъ Литовскимъ торговым людемъ росправа тогды же учінена и денги имъ даны[1]. А з Жигимонтовы королевы стороны нашего царского величества людемъ во многих обидных дѣлех управы не учинено. Какъ были (на Москвѣ послы Левъ Сопѣга съ товарыщи, и бояря) в отвѣте дали имъ обидным дѣлом список. Да какъ были от царя Бориса у Жигимонта короля великие послы бояринъ и намѣстникъ Суздалской Михайло Глѣбовичь Салтыков с товарыщи, і они дали паном-раде обидным дѣлом список же, будучи с ними в отвѣте. А какъ от царя Боріса посыланъ посланникъ Посникъ Огаревъ, и онъ о тѣх о прежних обидах паном-раде говорил же; а которые обиды починились нашимъ людемъ от государя вашего людеі после тѣх обидных списков, и тѣм новым обидным дѣломъ Посникъ паном-раде далъ списокъ же. И тому всему по тѣм спискомъ и посямѣста росправы и сыску не учинено. Да не токмо что в прежних дѣлех росправа учинена, и после того вновь многие задоры и обиды нашимъ порубежнымъ и торговымъ людем починились, и ныне безпрестани многие обиды от государя вашего людей нашим людем чинятца, и многие товары нашихъ торговых людей и ныне в Польше и в Литвѣ, а нашимъ торговым людем ихъ не отдадут. А какъ мы, в. г. ц. і в. к. Василеі Иванович, в. Р. с., учинились на нашихъ великих государствах, и при нашемъ государстве государя вашего Литовскимъ торговымъ людем в нашемъ государстве на Москвѣ и в ыных городѣх обидъ никаких не бывало. А которые Літовские люди купетцкие прішлі прі розстриге с Миколаем Олешнитцким да с Олександромъ Гасевским и которые были в Смоленску, и тѣх мы, в. г., пожаловали, всѣх велѣли отпустити со всѣми их товары. А обиды никоторые при нашемъ государьстве государя вашего купетцким людем не бывало. А которые будет и купетцкие люди стали за рострігу в ту пору, какъ всѣмъ Московским государством вора, богоотступника, рострігу убили, і то будетъ над нимі и учинилось, и то им стало от себя, что они не купетцким обычаемъ стали за розстригу и учели Московскихъ людеі побивать. А у которыхъ у Литовских и иных розных государствъ у купетцкихъ людеі имал товары вор ростріга Грішка Отрепьев, и того намъ, в. г., невѣдомо же і сыскати того нѣкем,

[1] *Зачеркнуто:* которымъ и не довелось дати.

потому были у того вора у розстриги пріставлены у тѣх дѣлъ и прінимали и роздавали Поляки и Литва. А в казнѣ тѣх товаровъ, что имал ростріга, не осталось ничего потому: все онъ отсылал в Полшу и в Литву, а іные товары роздавал Сендомирскому воеводе и его родству и Полякомъ і Литвѣ, которых привел на разоренье Московского государства. Да не токмо что товары купетцкие, и нашу царскую казну прежнихъ великих государей и прародителей наших царей Росийских тотъ вор богоотступникъ многую истощилъ.

А что говорили естя нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля, чтоб вперед торговымъ людемъ подданнымъ государя вашего вездѣ добровольно ѣздити и без обидъ торговати поволити по перемирным грамотамъ, а грабити б ихъ и обид никаких имъ чинити не велѣти потому же, какъ в государстве государя вашего Жигимонта короля нашего государства торговымъ людемъ вездѣ добровольно ѣздити и торговати незаборочно, — и государя вашего Жигимонта короля торговые люди со всякими товары в наши государства ѣздят і ныне безо всякие зацѣпки, и торгуютъ всякимі товары поволно, і задержанья имъ нѣт нигдѣ, и обидъ им и продажи нігдѣ не чинят никаких, и вперед государя вашего подданным торговым людемъ в нашихъ государствах со всякими товары ѣздити поволно и обид имъ и насильства никакого нигдѣ и вперед не будет.

А что говорилі[1] есте нам, в. г., что имѣете приказ от государя своего от Жигимонта короля, чтоб вамъ наперед відетися с Миколаемъ Олешнитцкимъ да с Олександромъ Гасевскимъ і сь Юрьем Мнишком, с воеводою Сендомирскимъ, до которых листы королевские имѣете, и намъ бы, в. г., видетца вам с Миколаемъ и с Олександром поволити, — и мы, в. г., вперед поволим вам с Миколаем и с Олександромъ видетися, какъ будет время тогды с ними увидитеся[2].

А что нашему царскому велічеству говорили есте, что имѣете приказ говорити з бояры нашими о тѣх і о иных многих дѣлехъ и нашему царскому величеству именовати вам бояр нашихъ на договор с вами, чтоб вам с нашими бояры о дѣлех, вамъ пріказаных с нимі говорити, — и мы, в. г., бояр нашихъ говорити с вами послали, і вы б бояромъ нашим, которые есть с вами, от государя вашего наказаные рѣчи о тѣх и о іных дѣлех объявилі и з бояры нашими о всѣх тѣх дѣлех договор чинили. (См. выше стрр. 428—447.)

---

[1] *Сбоку написано:* сыскать.

[2] *Зачеркнуто:* и какъ, аже дастъ Богъ, межь насъ, в. г., и Жигимонта короля доброе дѣло будет, и вы тогды с ними увидитеся,.. тогды о том и договор будет... учинитца.

Отвѣтъ от в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., в. г. Жигимонта короля Польского и в. к. Литовского послом Миколаю Олешнитцкому, каштяляну Малогоскому, да Олександру Гасевскому, старосте Велижскому, да посланником Станиславу Витовскому, (воійскому) Парцовскому да князю Яну Друтцкому Соколинскому, секратарем и дворяном королевским.

Милосердия ради милости Бога нашего, в них же посети насъ востокъ свыше, во еже направити ноги наша на путь миренъ, Сего Бога нашего в Троице славимаго милостию, мы в. г. ц. и в. к. Васілей Иванович, в. Р. с., Владимерскиі, Московскиі, Новгородцкиі, царь Казанскиі, царь Астароханскиі, царь Сибирскиі, государь Псковскиі, и великиі князь Смоленскиі, Тверскиі, Югорскиі, Пермскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иных, государь и великиі князь Новагорода Нізовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскиі, Ярославскиі, Белоозерскиі, Удорскиі, Обдорскиі, Кондинскиі и всея Сѣверные страны повелитель, и государь Іверские земли Карталинских и Грузинскихъ царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горскихъ князей, и иных многихъ государствъ государь и облаадатель, даемъ отвѣт бояриномъ нашим и намѣсником Вологотцким княземъ Иваном Михайловичем Воротынским, окольничим и намѣстником Галитцким Иваномъ Ѳедоровичем Колычовым, да дворянином думнымъ и намѣстником Волотцкимъ Васильемъ Борисовичем Сукиным, да дьяки думным діяком Васильемъ Телепневымъ да Ондрѣемъ Ивановым в. г. Жигимонта короля Польского и в. к. Литовского послом Миколаю Олешнитцкому, каштеляну Малогоскому, да Александру Гасевскому, старосте Велижскому, да посланником Станиславу Витовскому, войскому Парцовскому да князю Яну Друтцкому-Соколинскому, секратаремъ и дворяном королевским.

Какъ преже сего вы, посланники Станислав и князь Янъ, были у нас, в. г., на посольстве и после того нашего царского величества з бояры в отвѣте, и нашего царского величества бояре на тѣ ваши на всѣ рѣчи, которые вы рѣчи говорили нам, в. г., от государя своего Жігимонта короля на посольстве, отвѣт учинили подлинно так, как выше сего писан. И вы, посланники Станислав и князь Янъ, выслушав сего вышеименованного отвѣтново писма, нашимъ бояром говорили и просили того, чтоб мы, в. г., поволили вам наперед видетись с королевскими послы с Миколаем Олешнитцким да с Олександромъ Гасевскимъ и листы королевские имъ отдати; а не видевся де вам меж себя, о дѣлех нашего царского величества з бояры го-

ворити нельзѣ. А вы, Миколаі и Александръ, также нашего царского величества к бояром приказывали, просячи того[1], чтоб мы, в. г., поволили вам видетись с королевскими посланники с Станиславом да со князем Яном. И мы, в. г., хотячи доброго дѣла з государем вашимъ з Жигимонтом королем и меж нашими великими государствы, видетись вам поволили. А видевся вы, Миколай і Александръ, и посланники Станислав и князь Янъ всѣ вмѣсте, объявили нашего царского величества бояром, что прислана к вам, к Миколаю и к Олександру, с посланники королевская вѣрющая грамота к намъ, в. г., на всѣхъ на вас на четырех и королевская полная наука, а велено вам всякие дѣла, которые ныне меж насъ, в. г., и меж Жигимонта короля і меж наших великих государствъ настоят, дѣлати и становити вмѣсте с посланники с Станиславом да со княземъ Яном; и нам бы, в. г., велѣти вам, Миколаю і Александру, быти у насъ, в. г., на посольстве. И мы, в. г., хотячи з Жигимонтом королем и меж наших великих государствъ доброго дѣла[2], велѣли вам быти у нас, в. г. И вы, Миколай и Олександръ, будучи у нашего царского величества на посольстве, послали намъ, в. г., от государя своего Жигимонта короля вѣрющую грамоту и правили посольство; а в вѣрющей в королевской грамоте к нам, в. г., написано, что, посылаючи до нас, в. г., Жигимонтъ король посланников своих вас, Станислава Витовского да князь Яна Соколинского, нас, в. г., наведити и поздоровити и нѣкоторые рѣчи говорити, а дале о тѣх же о всяких дѣлех, которые нам, в. г., и государством нашимъ належат, приказал и поручилъ вам посломъ[3], Миколаю Олешнитцкому да Олександру Гасевскому, и вам, посланником Станиславу Витовскому да князю Яну Соколинскому, всѣмъ четырем вмѣсте у нас, в. г., быти і рѣчь говорити. И нам бы, в. г., вас выслушав, во всемъ вам вѣрити, а тѣ слова королевские. А в речи на посольстве вы, Миколай и Олександръ, нам, в. г., от государя своего Жигимонта короля говорили, что из листу и речей наших, которые мы, в. г., до государя вашего Жигимонта короля приказывали с посланники нашими з дворянином и намѣсником Елатомскимъ со князем Григорьемъ Костентиновичем Волконскимъ да з діакомъ с Ондрѣемъ Ивановымъ, и государь вашъ Жигимонтъ король, выслушав их, послал до нас, в. г., вас, посланников своих Станислава Витовского да князь Яна Соколинского, нас, в. г., наведити и отвѣт на наше посольство учи-

[1] *Зачеркнуто:* с великим прошеньемъ.
[2] *Зачеркнуто:* а не памятуя вашие Миколаевы и Олександровы грубости.
[3] *Зачеркнуто:* преже сего до Москвы посланным.

нити, а притом вамъ, посломъ Миколаю Олешнитцкому да Олександру Гасевскому, вмѣсте с вами с посланники, с Станиславомъ Витовскимъ да со княземъ Яномъ Соколинским, у нас, в. г., быти и поклонитца и листъ вѣрющей королевской отдати. А посылаючи государь вашь Жигимонтъ король до нас, в. г., посланников своих Станислава да князь Яна, приказал листом и наказом своимъ королевскимъ до вас, послов своих[1], чтоб вы с королевскими посланники всѣ четыре вмѣсте о всѣхъ справахъ, которые межъ нас, в. г., и Жигимонта короля и меж наших великих государствъ належат, з бояры нашими говорити; и нам бы, в. г., бояр своих думных до вас, королевских пословъ всѣх четырех, выслати говорити велѣти. И мы, в. г., смотря королевской вѣрющей грамоты и выслушав вашего Миколаева и Олександрова посольства, велѣли вам всѣмъ четырем вмѣсте, Миколаю и Олександру и Станиславу и князю Яну, у нас, в. г., быти и послали есмя ныне в отвѣт бояр своих боярина и намѣсника Вологодцкого князя Ивана Михайловича Воротынского, окольничего и намѣсника Галитцкого Ивана Ѳедоровича Колычова, думного дворянина и намѣсника Волотцкого Васйлья Борисовича Сукина, да діаков нашихъ думного Василья Телепнева да Ондрѣя Иванова о всяких дѣлех с вами со всѣми говорити. И вы б, послы Миколай и Олександръ и посланники Станислав и князь Янъ, о тѣх о всѣхъ дѣлехъ, которые учинились нашимъ великим государствам з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье, с нашими бояры говорили, какъ бы тѣ дѣла на всякое добро привести[2].

Таково писмо (подали) Литовских послов пріставы февраля в 8 день.

Февраля в 7 день как отдали приставы послом ответные речи, и говорили послы и посланники приставом: говорили де мы с ответными бояры и с Посольским діяком, чтоб быти здеся Сандомирскому и всем; и боярѣ де нам противу тое статьи скозали, что тому быти нелзе. И мы де бояром говорили, чтоб нам послати к Сандомирскому и во все места, где наши люди, своих людей, чтоб нашим людем то ведати—хто жив, о ком нам говорити; и противу де тех рѣчей наших ответу в списку нет, а нам де то дела наперед надобна, и в кои де поры люди наши будут ездити, а мы бы де з бояры дела делали[3].

---

[1] *Зачеркнуто:* перво сего до Москвы посланым.
[2] Отвѣтъ, вѣроятно, не имѣетъ здѣсь конца.
[3] Далѣе *сбоку написано:* не писать.

Θевраля въ 9 день послы и посланники говорили приставом: дают деи намъ рыбы мало и худу, а сытым намъ тѣмъ быти не мочно; и государь бы нас пожаловал, велѣлъ намъ рыбы прибавити, какъ нам сытым мочно быти. А будет государь не пожалует, рыбы прибавити не велит, и нам бы давати по прежнему мясо, и мы станемъ ѣсть мяса; здѣлаете нас лютори, а тот грѣхъ будет на вас.

И приставы говорили: дают вам рыбу по росписи по прежнему, какъ вам зимусь давали.

И послы говорили: зиму деи нам давали рыбы больши того, и мы деи и зимусь к тому прикупали; а на которой день рыбы не прикупим, и мы едимъ на тот день одинова; а ныне намъ купить нѣчимъ.

А посланники говорили: и на том деи дворѣ нам рыбы давали мало, в посные дни ѣли мы и люди наши по-одиново днемъ, и то голодно.

Θевраля въ 9 день[1] были приставы у послов и говорили послом: приказывали вы к бояром и к Посолскому діаку, чтоб вамъ послати к Седамирскому и во всѣ мѣста людей своихъ; и бояре отвѣтные велѣли вам сказати: послати вамъ людей своих к Седамирскому и во всѣ мѣста, и на то вам от бояр отвѣт был, что тому статись нельзя, какъ вашим людем ѣздити по государеве землѣ; а велѣли вамъ сказати: Седамирской и всѣ люди живы и вам мочно вѣрити их боярскому слову.

И послы и посланники говорили приставом: в наказе де в королевскомъ у нас написано: не видев Седамирского и всѣх людей, никоторого дѣла дѣлать не велено. И мы деи мимо королевской наказъ взяли на себя для поспешения, чтоб нам послати людей своих к Седамирскому и ко всѣм людем ихъ видѣти и их роспросити, а в тѣ бы поры з бояры нам дѣла дѣлати. Не о том деи мы говоримъ, что они живы или не живы, сказывали нам бояре, что Седамирской и всѣ люди королевские взяли на Москвѣ многую казну, и намъ Седамирского и всѣх людей, не видя или с ними не сослався и не розпрося их, дѣлати не мочно; а нам де от короля наказано, велено нам говорити о всяких земских дѣлехъ и о тѣх людех, и намъ деи, не роспрося их, дѣлати не мочно. Добро деи бояромъ дѣлати не упоромъ, чтобы на обе стороны стало добрая дѣла; а будет деи бояре нам не дадут сослатца, и бояре меж государей и государствъ не хотят видѣти добраго дѣла. А нам деи не сослався

---

[1] *Сбоку написано:* писать.

дѣлати никак не мочно, и государь бы пожаловал, велѣл нас отпустити в Литву.

А Станислав Витовской говорил: были деи мы у бояръ без пословъ наперед сего и говорили бояром, чтоб нам с Седамирскимъ и со всѣми людьми видетца, и бояре деи нам говорили: то деи малая рѣчь; коли станете дѣлати, толды то и будет. А ныне деи бояре нам с Седамирскимъ сослатца не велят, ино деи и дѣлу не быти; и мы деи на тѣ отвѣтные рѣчи, которые к намъ прислали, и отвѣту не дадимъ.

А князь Янъ Соколинской говорил: говорят деи бояре, что нам людей своих к Седамирскому и ко всѣм послати не мочно: какъ людем нашимъ по государеве землѣ ѣздить? И намъ деи видитца та рѣчь дивна, что нашим людем ѣхати человѣкомъ 10 или менши не мочно, а в тѣхъ городѣхъ наших людей с 1000 и больши; а иные люди и великие, не такие, каких мы пошлемъ, и тѣ люди наши по государеве землѣ ѣхали же, и очима своима видели, гдѣ живут и куды ѣхали тѣ деи люди государя же нашего. А будет бояре сослатца нам с Седамирскимъ и со всѣми людьми не велят, ино деи и дѣлу никоторому не бывать; чтоб государь пожаловал, велѣлъ нас отпустити в Литву.

Февраля въ 10 день[1] присылал посол Миколай урядника своего и говорилъ приставом от посла, что рыбы имъ дают з Дворца мало, а послу Олександру дают рыбы з Дворца больши Миколаева, потому что у Олександра написанъ дворянинъ, а у Миколая дворянъ не писано; а у Миколая де дворян много таких, что Мосалской, и лутчи ево. А дают де ему рыбы з Дворца на выемокъ, и то лишнее перед Миколаем; и чтоб де Миколаю дали з Дворца рыбы против Олександра, что дают Олександру з дворянином. А сами деи вы вѣдаете, что у нас людей здвое Олександрова. Да урядникъ же говорилъ от Миколая, что давали имъ наперед сево за осетры, а ныне з... сѣ осетры имали денгами по 10 алтынъ за осетръ, и имъ де ныне надобно на посла Миколаев стол имать по 2 осетра на день, а за 3 осетра да за белугу имать деньгами по прежнему и роздавать людем своим обротчиком денгами.

З Дворца[1] даютъ посломъ за леща живова да за 3 блюда живые ухи по 30 корасиковъ живых, а другому тоже; да дворянину королевскому князю Олександру Мосалскому дают за язя живова, да за 2 ухи живые, да за щучку живую 30 же карасиков живых. И по-

---

[1] *Сбоку:* не писать.

солъ Миколай государю бьет челом, что дают послу Олександру да с нимъ дворянину 60 карасиковъ, а ему Миколаю даютъ 30 корасиков, и ему де перед Олександром безчестно; а у нево де Миколая таких дворян есть человѣкъ з 10, каков князь Олександро Мосалской, и людей у Миколая вдвое против Олександрово; а Олександра деи написал у себя дворянина, потому что ему за обычай, а Микалай деи не написалъ с собою дворянъ, потому что ему не за обычай. И государь бы ево пожаловалъ, велѣлъ дать в запрос сверхъ росписи 30 корасиковъ, чтоб было против Олександрова, что дают Олександру з дворяниномъ по 60 карасиков; а только де государь не пожалует, не велит прибавить, и мнѣ деи то великое безчестье: я деи посланъ от короля большим посломъ, а не меншимъ. И послы затѣм рыбы не ѣмлютъ.

На оборотѣ столбца: 116-го февраля въ 11 день приказал боярин князь Іванъ[1] Іванович давати Миколаю по его запросу в рыбные дни к прежнему в прибавку з Дворца по 30 карасиков живых ушных на день. Написати память в Дворец.

Февраля въ 13 день[2] прислали послы и посланники к приставом, чтоб у них были. И говорили послы и посланники приставом: говорили деи мы вам, чтоб вы донесли наши рѣчи до бояр, чтоб нам послать людей своих видеть Сандамирсково и всѣх людей своих, а мы в тѣ поры з бояры станем дела дѣлать; а толко нам людей своих не послать видеть ихъ, и нам дѣла и начать не мочно. И вы де нам сказали от бояр, что тово не будет, что нашим людем ѣхать видеть Сандамирского и всѣх людей. А толко деи нам людей своих не дадут послать к Сандамирскому, и мы деи на тот список и отвѣту не дадимъ, что к нам бояре прислали, и в город к бояром и сидѣть не ѣдемъ, и к дѣлу не приступимъ; чтоб деи государь нас велѣл пожаловать отпустить. И вы деи намъ на тѣ наши рѣчи отвѣту и посямѣста не дали, и нам деи видетца, вы наши рѣчи бояром не сказываете.

Февраля въ 13 день[3] говорили приставомъ Литовские посланники: за что деи вы нас голодом морите и рыбы мало даете? Мы деи пришли первые посланники ко государю вашему поздоровлять на царьском престоле, и мы деи себѣ чаяли болшие чести, а мы вязней розвезали, а сами в вязнях сѣли, и голодом помираем, и дают нам двоим ме(н)ши Мосалсково князя Олександра.

---

[1] *Сперва было написано:* Дмитрей.
[2] *Сбоку:* писать. Государь чол.
[3] *Сбоку:* не писать. Государь чол.

И приставы говорили: дают вам по росписи сполна, какъ от Смоленска и посямѣста давали.

И посланники говорили: мы деи тово не чаяли, кое нам в говѣйно быть здѣся; а чаяли, что нас отпустят вскоре. И у нас и слова с вами о рыбе не было; уже деи нам рыбы мало дают, дайте нам мяса, и мы станем мяса ѣсть, в том нас судит Богъ с вами. А будет вы нам и мяса не дадите, и мы вас побьем самих да станем ваша мяса ѣсть.

Ѳевраля 18 день[1] хадил за вороты посол Александра и говорил приставу Ѳедору Пушкину: пристать де не умеют к здешнему делу. Прошу де у тебя: поговори от меня ближнему человеку государеву, што наша житье, Бог де видит, не належит на добро наше зодержанья; слух де наш есть от худых людей, что наши люди на рубѣже есть, и мы де то и сами знаемъ, что нам не добро, во всех де государьствах такия люди есть, каторыя в раде живут и меж де государей и государьствъ дабра хотят и кровь уимают. А я де говорю тобѣ всю правду: толька бы бояре не упором делоли, все бы де зделалась доброя дела; а у нас де есть указ о всемъ добром деле и в закрепленье. Што де то в мудрусть ставетъ, что намъ не дадут Сардамитцкова видеть? Нам де ево отнять не уметь, толька б намъ королевской указ совершить. А будет де нам Сардамитцким не видетца и людей наших к нему не пустят, и к инымъ, Богъ де видит, нельзе начать дела. К Сардомитцкому де есть королевской листъ. Как де нам, не виде ево или не сослався с нимъ, начать дела? Мы де начаемся от государя своего от короля за терпенья свое за здешное житье жалованья, хотя де мы и добро зделоемъ мима указ. И Сердомитцкой де и ево племя пойдут на нас челобитчики, што зделоли не по королевскому указу. И нам де в том и служба свое потерять.

Ѳевраля въ 18 день[2] присылали послы и посланники к приставомъ, чтоб у нихъ были. И говорили послы і посланники приставом: поговорите деи бояромъ, что мы порозжуемъ, живемъ 2 недѣли, какъ были у государя, а посямѣсто намъ отвѣту не дадите от бояр: дадут ли намъ сослатца людьми с Сандамирским и с ыными нашими людьми или самимъ видетца іли не дадут; в город де намъ бояре не велятъ быть, а отвѣту не дадут.

И приставы говорили: на то вам отвѣтъ был, — тово не будет, что вам к Сандамирскому людей своих послать.

---

[1] *Сбоку:* писать.

[2] *Сбоку:* писать.

И послы и посланники говорили: то де мы слышали, а тово де вы намъ отвѣту не дали, что мы приказывали к бояром: будетъ нам послать людей своих видеть Сандамирскаго и людей всѣхъ (нельзя), і намъ де и к дѣлу не приступывать і на отвѣтъ нам списать отвѣту не давывать; чтоб намъ государь велѣлъ у руки быть і отпустилъ нас къ государю нашему. Тот де намъ отвѣтъ от вас надобенъ.

И приставы говорили: то дѣло не наше — такие дѣла бояромъ сказывать. Какъ вы не были у государя і з бояры не видались, и мы тогды такия дела от вас до бояр доносили; а ныне государь вас принел за послы, и вы царские очи видели и з бояры видаетеся и говорите, и вамъ такие дела самимъ з бояры говорити.

И послы говорили: намъ де бояре у себя не велятъ быть, живемъ напрасно 2 недѣли; а и у бояръ де будем, тожь намъ з бояры говорить: не дадут видетца с Сандамирскимъ и с ыными людьми или людей к нимъ послать, і нам де нечево и дѣлать. Чтоб государь нам милость показал, велѣлъ намъ быть у руки и нас отпустилъ. И вы де тѣ наши рѣчи до бояр донесите и на тѣ наши рѣчи дайте отвѣтъ.

Да послы[1] же говорили приставом: про что де посланниковъ голодомъ морите, 9 ден имъ рыбы не даете?

И приставы говорили: рыбу посланником дают по росписи, какъ преже сево давали, і посланники сами рыбы не емлют.

И послы и посланники говорили: тогды де за неволю по росписи рыбу взяли, какъ ѣхали из Смоленска, потому что мы имали рыбу на 2 дни, а в говѣйно мы себѣ житья не чаяли, а в тѣ мы 2 дни ѣли по одинову; а ныне нам надобно ѣсть и по двожды днем. Да дайте деи намъ на вчерашние наши рѣчи отвѣтъ, что мы с вами листъ послали к бояром и к Посолскому діаку.

Список с литовского листа, что прислали Литовские посланники с приставы февраля въ 18 день.

От посланников наяснѣйшего і в. г. Жигимонта Третьего, Божиею милостию, короля Польского и в. к. Литовского и прочих от Станислава Витовского, воіского Парцовского, и от князя Яна з Друтцка Соколинского, секретарев і дворян его королевские милости, Божіею милостию, в. г. і в. к. Василья Івановича бояром думным князю Івану Михайловичю Воротынскому, намѣстнику Вологотцкому, Ивану Өедоровичю Колычову, окольничему и намѣстнику Галитцкому, Ва-

---

[1] *Сбоку:* не писать.

силью Борисовичю Сукину, думному дворянину і намѣстнику Волотцкому, Василью Телепневу, Андрѣю Иванову, діаком думнымъ. Уже есте звыкли о многих справах короля его милости, пана нашего милостивого, и в. г. своего говорити и становити с нами, потому розумѣли есмя вам о том известити, не могучи уже больши тѣх грубостей терпѣти. Коли есмя в панства в. г. вашего пріѣхали, і в Богданове околице приставы в. г. вашего, до нас посланые, не вывѣдався от слугъ наших о корму и о потребах наших, покинули нам список корму, по которому списку корму мы не имали. І мешкавши в Богданове околице 4 дни, ѣхали есмя к Москве. И какъ бес корму до Пнева приѣхали, і пристав на нас Иван Полтев собрал мужики из иных сел многие, от чего намъ с того стану с возы и со всѣм для такого страху выезжать лучилось. И какъ мы выехали, і тѣ же приставы, перед нами приказавши поскидать мосты, оступили нас около нѣсколько сотъ мужиков, не допускаючи доставать купить живности и корму на люди и на лошади, и держачи нас там до 3-х дней такъ оступивши покинули намъ такую роспись корму, какъ сами хотѣли. И будучи мы стиснуты такимъ насильством и страхом и не могучи ни отколе добыть корму, приказали есмя брать и по той росписи. О чомъ есмя и тутъ, приѣхавши до Москвы, через приставы объявляли и сами с вами молвили, а ни жадного в томъ исправленья не видали. Не докучаем есмя о том много, чаючи скорого отпуску, о котором есте нам сами объявили. И ныне над начаянье наше и над право и над звычаи народов крестьянских здѣсь есмя прямо что в везенье государя вашего посямѣста задержаны. Терпѣли есмя посямѣста такъ долгое время, какъ во многих иных дѣлех терпѣнье и недостаток, так первое в тѣх рыбах. Не трудно было 2 дни в недѣле стерпѣть, а ныне уже дотуль задержаны есмя аже надшолъ постъ великий у всѣх крестьянъ великочестный и святый, которой постъ будучи мы крестьяны з должности нашие ради б есмя совершали, но в таком недостатке і в малосте рыб, которую нам приставы указуютъ по той невольной росписи никакою мѣрою прокормитца б не могли. А к тому мимо прежней обычай питье все злое дают, от которого питья нездоровья, но іспорченья чаят. Также сведчи нас с послы нашими по указу государскому поставили добрѣ в тѣсных дворех, обещаваючись нас в тѣх дворех с людьми и с лошадьми устроить. Топерь ни самым нѣгде мешкать, и кони наши на морозе и на снегу под небом только стоятъ, а мы и люди наши в великой теснотѣ и корму ото 6 дней не імѣем. С чего всего сами розсудить можете, с какой то славою и честью государя вашего

намъ теперь приходить, что с нами не как с послы, но горей неже с учтивыми вязнями в народех крестьянских дѣлают. И для того пишемъ до вас, пытаючи, естли то з государя вашего и с вашие вѣдомости дѣетца или от кормовщиков ваших. Просим вас, чтоб есте государю своему молвили, чтоб мы таким недостатком и терпѣньем больши утиснены не были, али бо б нас отпустили, чтоб нас больши в таком недостатке голодом и холодом не мучено. А мы в панствах его королевские милости в домех наших не извыкли таких недостатков терпѣти, какъ тут в Москвѣ будучи первыми посланниками до государя вашего. Дан з двора посольского 26-го дня ѳевраля лѣта 1608-го.

Февраля въ 19 день г. ц. и в. к. Василей Иванович в. Р. велѣл быти Литовским послом и посланником у себя государя на дворѣ. И того дни Литовские послы и посланники у государя на дворѣ были, а князь Янъ Соколинской не был за болѣзнью; а приѣздъ их ко государю на двор и встрѣчи были во всем по прежнему. А какъ послы и посланники шли ко государю в полату, и явил ихъ государю челом ударити окольничей князь Григорей Петрович Ромодановской по прежнему. И государь пожаловал послов и посланниковъ, велѣл сѣсти на скамейке; а скамейка была по прежнему.

А посидѣв мало, встав, послы и посланники говорили перед государем рѣчь. А говорил Миколай: милостивый государь! Здѣсь мы у вашей государской милости задержаны долгое время, а посланники государя нашего приѣхали суда полгода; и мы просим вашей государской милости, чтоб ваша государская милость росказал бояром своимъ думным с нами о всяких дѣлех съезжатись и говорити часто.

А посланник Станислав Витовской билъ челомъ государю о корму, что им приставы рыбы не даютъ в корму 10 денъ, и государь бы пожаловал, велѣл имъ корму прибавити.

И г. ц. и в. к. Василей Иванович в. Р. велѣл Посольскому діаку Василью Телепневу молыти послом и посланникомъ, чтоб шли в Отвѣтную полату говорити з бояры о дѣлех.

І по государеву указу Посольской діакъ Василей имъ молыл: Міколай, Олександръ, Станислав! В. г. ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с. и многих государствъ государь и облаадатель, велѣл вам итти в Отвѣтную полату говорити з бояры о дѣлех.

И послы, ударя челом государю, пошли в Отвѣтную полату, а с ними пошли приставы их. А после их велѣл государь итти к послом и к посланником в Отвѣтную полату бояромъ и дьяком

прежнимъ, которые преже того с ними в отвѣте были боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому с товарыщи, и велѣл имъ с послы и с посланники говорити о своих государевых дѣлех по своему государеву указу; а про кормъ посланником велѣлъ государь сказати, что государь их пожаловал для Станиславова челобитья, велѣл имъ рыбы в корму прибавити.

А какъ бояре в Отвѣтную полату к посломъ вошли, и послы их встрѣтили против прежнего. І бояре, дав имъ руки, сѣли по мѣстомъ по прежнему же.

А, сѣдчи по мѣстом, говорил послом и посланникомъ боярин князь Иванъ Михайлович Воротынской рѣчь по писму: Миколай, Олександръ, Станиславъ! Какъ есте были преже сего с нами в отвѣте, и вы нам говорили, чтоб нам велѣти вамъ дати отвѣтъ писмом на тѣ на всѣ рѣчи, которые рѣчи в. г. нашему говорили государя вашего посланники от государя вашего и которые рѣчи вы послы говорили на посольстве; и мы на тѣ ваши на всѣ рѣчи отвѣтъ писмом подлинной послали к вам с приставом вашимъ с Ѳедором Пушкиным. И вы ныне о тѣх о всѣх дѣлех с нами говорите, как бы тѣ всѣ дѣла меж великих государей нашихъ к добру привести.

И послы и посланники, выслушав рѣчи, говорили: преже сего какъ есмя были с вами, государскими бояры, в отвѣте, и мы вам говорили о отвѣтном писмѣ, и вы к нам отвѣтное писмо прислали. А другое говорили мы вамъ о том сами и с приставы своими к вам приказывали, какъ нам от васъ отвѣтное писмо приставы принесли, чтоб нам по королевскому наказу видетца с воеводою Сендомирскимъ и сь его приятели; а будетъ видетца намъ самим не дадите, и нам бы к ним людей своих послати, потому что маемъ к нимъ королевские листы. И на то нам отвѣту не учинено и посямѣста, только нам приставы и говорили, что нельзя нам к воеводе людей своих послати. И ныне мы вам, государским бояром, тоже говорим, что нам королевской наказ данъ, а велено о дѣлех говорити, видевся с воеводою Сендомирскимъ, и листы до него королевские есть; а будет уже нам с ним не дадите видетися, і вы нам повольте к ним людей своих послати. А нам никак не мочно королевской наказ преступити. И на то б нам вы, государские бояре, отвѣт учинили: поволит ли государь нам с воеводою Сендомирскимъ видетца? А будет намъ самим государь с воеводою видетца не поволит, и государь бы велѣл намъ к воеводе людей своихъ послати. А бес того никакъ нельзя намъ о дѣлех говорити.

И бояре послом и посланником говорили: какъ вы даве были у в. г. нашего ц. і в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., и вы его цар-

скому величеству сами говорили, чтоб вам, послом и посланникомъ, с нами бояры сьезжатись і о дѣлех государских говорити часто; а ныне сами есте к дѣлу не приступаете[1], оставя большое дѣло, стали есте не за дѣло[2]. И вам надобно говорити наперед о том, как бы тѣ дѣла, которые учинились Московскому государьству неправдою з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье, к добру привести. А какъ о больших дѣлех, которые настоят меж великих государей наших и меж ихъ великих государствъ, с вами переговорим и объявитца, с которые стороны правда стоятельно стоит и с которые стороны неправда через крестное целованье учинилась и кровь крестьянская пролилась, тогды и о воеводе Сендомирскомъ и о всѣх Польских и Литовских людех, которые здѣсь в Московскомъ государстве, учнем с вами говорити. А не говоря и не постановя о большомъ дѣле, ныне о воеводе говорить... непригоже[3]. А будет не учнете с нами о большом дѣле говорити, ино для чего и видетца? Воевода Сендомирской здѣ в Московском государстве задержан в своих винах вязнем, о чемъ мы вам и преже сего объявляли, и ему для чего тут быть кабы меж нас в третьихъ?

И послы и посланники говорили: говорите вы прежние свои рѣчи, что нам и преже того говорили; а мы вамъ, государским бояром, говорим прежнее же и объявляем вамъ то, что намъ дано в королевском наказе: велено намъ, видевся с воеводою Сендомирским, о дѣлех с вами говорити; а не видевся нам с ним и не обослався, никак о дѣлех с вами говорити не мочно. Вы вините государя нашего короля и его государство, а мы хотим в том оправдати государя своего короля і себя і все поспольство; а третьих промеж нас нѣтъ[4]. Государя нашего короля и государя вашего кому судить? А промеж нас спорных речей много, а рознять нас нѣкому; а хто б был меж нас сторонней человѣкъ, и он бы нас розсудил. А что называете воеводу Сендомирского вязнемъ, и воевода Сендомирской не есть вязен: приѣхал он сюда в Московское государство за званьем того небощика, которой у вас на Московском государстве государем был. И вы воеводу Сендомирского и иных многих Польских и Литовских людей зацных родов, зазвав сюда, переимали і засадили

---

[1] *Зачеркнуто:* и стали есте не за дѣло.., говорите в упор послѣднее дѣло...

[2] *Зачеркнуто:* что учинилось меж великих государей наших и меж ихъ великих государствъ в перемирные лѣта через крестное целованье, что было утвержено государскими душами.

[3] *Зачеркнуто:* а потом коли такие дѣла в совершенье... будутъ..., не токмо вам с воеводою видетца, и отпущен он будет.

[4] *Зачеркнуто:* да и нельзя туто третьему (?) быти.

невинно, а іных до смерти побили і перелупили; а они были тому ничему невинны. А в письмѣ своем вы написали, что началник тому дѣлу воевода Сендомирской, и перемирье меж великих государей нашихъ и меж ихъ великих государствъ будто он порушил, и многие убытки вам починил. Іно какъ тут при нас воеводе не быти? А королевской нам наказ о том накрепко, что видетца с воеводою Сендомирским да потом к дѣлу приступити. И мы видя то, что вы стали за то в упор, на то намъ не позволили, взяв на себя мимо государя нашего королевской наказ, от того отступили; а говорим вам о том, чтоб нам к воеводе Сендомирскому людей своих послати. А без того никак намъ нельзя к дѣлу приступити. Да и то вы, государские бояре, себѣ розсудите: убытка вам в том никоторого не будет, что воеводе Сендомирскому видетца с нами; увидевся с нами і опять розъѣдемся. Сказываете вы, что доброго дѣла меж великих государей мы не дѣлаем. А нам ся видит, что с вашу сторону не хотят доброго дѣла, что за такое малое дѣло стоите. И вам бы, государским бояром, о том донести до государя своего, чтоб государь поволил нам к воеводе Сендомирскому людей своих послати.

И бояре послом говорили: мы вам давно о том отказываем и ныне говорим тоже, что никакъ не может то ныне быти, что вам, не говоря с нами [1] о большом дѣле, которое настоит меж великих государей наших, да с воеводою Сендомирским ссылатца. О томъ нам і до государя своего доносити нѣчего. Воевода Сендомирской і с своими приятели прiѣхали в Московское государство по велѣнью государя вашего [2] на то, что хотѣли с вором с розстригою Московское государство разорити, і истинную нашу православную хрестьянскую вѣру греческого закона разорити, и святые церквi Божьи попрать, а римская вѣра во всемъ в Росийском государстве утвердити. И по королевскому веленью воевода Сендомирской утвержался с тѣмъ вором с розстригою, будучи у себя в ымѣнье в Самборе, писмом [3], какъ им Московским государством овладѣти і истинная наша православная хрестьянская вѣра греческого закона разрушити, а римская [4] вѣра во всем Росийском государстве утвердити. И преже сего с тоѣ воровские записи список, воеводину рука, вам послом бояре

[1] *Зачеркнуто:* і не постановя.

[2] *Зачеркнуто:* разорители Московскому государству, умышля с тѣмъ с вором с розстригою..., умысля..., по совѣту и по умыслу.

[3] *Зачеркнуто:* вор розстрига дал ему на себя запись за своею рукою, а воевода Сендомирской вору, списав с тоѣ записи своею рукою, дал противен.

[4] *Зачеркнуто:* папежская.

казали и ныне вам покажем[1] и вы с того можете уразумѣти всѣ воеводы злые умыслы[2]. А как воевода с своим родством приѣхали в Московское государство, и от них многое поруганье істинней нашей непорочной хрестьянской вѣре учинилося, многие церкви Божьи осквернили, и иконы святых обругали, и римские и люторские и розных многих вѣр люді в церкви Божьи входіли со оружьемъ и с собаки. Сего в нашей в православной вѣре искони не бывало. А иных скверныхъ дѣл и говорити не мочно: такое злое поруганье крестьянской вѣре чинили, честные кресты, привязав к поясу, носили, и корчмы у церквей Божьихъ держали, и всякое скверное дѣло дѣлали для поруганья истинные нашие православные крестьянские вѣры. И попы і всѣ православные крестьяне не смѣли уже и к церквам Божьимъ приходіти, и многие церкви Божьи стояли без пѣнья, и православным крестьяном в Московском государстве многое насильство чинили, грабили, побивали до смерти, і жены у мужей і дочери у отцов отымали не тайно, явно, и иные неистерпимые гонения и грубости Московскому народу чинили.

И послы говорили: какъ вам, государскимъ бояром, о том не стыдно и говорити, что, в такое великое государство приѣхав таким малым людем, да засѣсти Московское государство. И тѣм ли обычаем заседают? Воевода Сендомирской і его приятели приѣхали сюда в Московское государство по присылке того небощика, которой ту смуту учинил, а приѣхали они не ратным обычаем, многие паны пріѣхали з женамии з детьми, не так на войну и . . . . только на гостбу; а вет они всѣ люди государя нашего королевские. И что будет они здѣ и негораздо дѣлали, і их было отослати к государю нашему х королю і на них отписать; и король бы их карал, сыскав их вину, а здѣсь было их судиті и винити не надобно. Да о том мы ныне говорити отставим; дастъ Богъ, вперед о том о всем подлинной отвѣтъ писмом вам дадим и очистимъ в том во всемъ государя и пан-рад и государьство все. А тепере мы вамъ говорим: какъ мы были у государя вашего, и мы всегда о том государю вашему упоминались и вам говорили, чтоб нам с воеводою

---

[1] *Зачеркнуто:* мы вам ту воровскую запись, воеводы Сендомирского руку, покажем.

[2] *Зачеркнуто:* каков воевода Сендомирской грубник Московскому государству. И приѣхал воевода Сендомирской і с своими приятели к тому вору к розстриге по его воровской тайной ссылке и по повелѣнью государя вашего Жигимонта короля и панов-рад на то, чтоб ему Московское государство засѣсти, и во всемъ Росийском царстве владѣтелем быти, и істинная наша непорочная хрестьянская вѣра греческого закону порушить, а папежская утвердити.

Сендомирскимъ и сь его приятели сослатца, а без воеводы Сендомирскаго никакъ дѣлу скончатца не мочно; и говорим вам о том с клятвою, что нам никак нельзя мимо королевской наказ переступити, что, не сослався с воеводою Сендомирскимъ людьми своими, о дѣлех говорити. И вы, государьские бояре, известите то государю: есть ли будет государево слово, поволит ли нам к воеводе Сендомирскому послати; и будет государь поволит, и мы к дѣлу приступим, а в тѣ поры люди наши к воеводе сьездят; а будет государь не поволит намъ людей своих к воеводе послати, и государь бы пожаловал, велѣл нас отпустити к государю нашему.

И бояре говорили: говорите вы, что воевода Сендомирской и его приятели приѣхали сюда не ратным обычаем з женами и з детми, и многие паны приѣхали не какъ на войну, но как на гостбу. И тот их умыслъ и по вашим рѣчем объявляетца, что присланъ воевода засѣсти Московское государство, потому приѣхали з женами и з детьми [1]. А что говорите о томъ, будет вамъ в. г. нашъ, его царьское величество, не поволит к воеводе Сендомирскому людей своих послати, и вас бы государь велѣл отпустити, — и будет за вами больши того дѣла нѣт, что с воеводою Сендомирскимъ и сь его приятели видетца, и вамъ отпускъ будет вскоре. А стали вы за то не за дѣло. Сами вы говорите, как вам поволят людей послати, и вы тотчасъ к дѣлу приступите[2]. Коли, послав к воеводе, хотите дѣлать с нами без них же, и вам, и не послав к ним, дѣлати с нами без них мочно же, и вы ныне говорите с нами о большом дѣле и без них [3], а тѣ свои безмѣрные слова отставте, которые к доброму дѣлу не пристоят.

И послы и посланники говорили: иные дѣла намъ мочно и без обсылки говорити, а иного нельзя; а бережем мы и исполняемъ государя нашего наказ, какъ нам наказано. А только нам учинити что мимо наказу, и они, приѣхав до короля, учнут нас винити: почему де вы мимо наказ учинили; хотя мы и добро что учиним, а они молвят негораздо де здѣлали, с нами о том не поговоря. Да и для того воевода Сендомирской надобе: вы, бояре, вините государя нашего короля и панов-рад и воеводу Сендомирского и все

---

[1] *Зачеркнуто:* и потому и знатно, что они приѣхали сюда в Московское государство на житье, а не гостить.

[2] *Зачеркнуто:* сами себѣ, панове, рассудите и то одно, что не пославъ к воеводе Сендомирскому людей своих дѣлать с нами без нихъ, а...

[3] *Зачеркнуто:* что учинилось неправдою Московскому государству з государя вашего стороны в перемирные лѣта черезъ крестьное целованье, какъ бы тѣ дѣла к доброму концу привести.

поспольство, и нам надобе о том воеводу спрашивать: так ли он дѣлал, какъ вы говорите.

И бояре послом говорили: мы вам преже сего объявляли и вперед вамъ то укажем подлинно на воеводу, что он Московскому государству злой неприятель, и ему и вперед какое добро мыслити Московскому государству? И что станет воевода говорить, и тому какъ вѣрити? А то мочно и ныне разумѣти: коли он будет с вами, тогды воевода станет говорити по вашему науку. И вам ныне до воеводы какое дѣло? В третьих воеводе меж нами быти непригоже. А мы вам в тѣх во всѣх злых дѣлех на воеводу укажем подлинно и станете тому вѣрити и без воеводы. И вам, панове, надобе безмѣрье всякое отставити и приступити к доброму дѣлу, чтоб меж великими государи и меж ихъ великими государьствы прежнему перемирью порухи не учинилось и ныне б то перемирье закрепить.

И послы говорили: или вы бояре то себѣ мыслите, что воеводою и тѣми всѣми людьми, которые ныне у вас, государю вашему на государе нашем перемирье вытиснути по своей воле, — и тому такъ не бывати. Хотя б воевода чему был и виненъ, и государю вашему пригоже было о том к государю нашему отписати, и воеводу и всѣх Поляков и Литву отпустити, да после было о перемирье и о том, что будет учинил воевода негораздо, государю вашему з государем нашимъ ссылатись.

И бояре послом говорили: панове! Говорите вы, что в. г. нашъ, его царьское величество, хочет на государе вашем воеводою Сендомирскимъ и тѣми всѣми людьми, которые ныне в Московском государьстве, перемирье вытиснути по своей воле. И то вам самим вѣдомо: какъ царь Борисъ и государь вашъ Жигимонтъ король меж себя и меж своими великими государьствы перемирье учинили, и записми перемирными с обе стороны укрепили, и своими государьскими душами утвердили, что по тѣм записям во всем деи тот мир до урочных лѣт држати крѣпко и недвижимо, — и с. великого государя нашего стороны из Московского государьства с тѣхъ мѣстъ, какъ то перемирье учинено меж царя Бориса и государя вашего Жигимонта короля и меж их государьствъ, и посямѣста ни один человѣкъ в государя вашего землю не бывал, и то перемирье з государя нашего стороны не нарушивано ничѣм, и ныне в. г. нашъ, ево царьское величество, того перемирья не нарушивает [1]. А что з государя вашего стороны в тѣ перемирные лѣта через крестное цело-

[1] *Зачеркнуто:* нарушивати ничем не велѣл і вперед не нарушивати не хочет; а что в тѣ перемирные лѣта через крестное целованье...

ванье многие обиды и убытки Московскому государьству починились, и многая кровь крестьянская в Московском государьстве[1] пролилась, и в. г. вашъ, его царьское величество, по своему царьскому милосердому обычаю[2] и ожидая в том от государя вашего исправленья, велѣл ныне намъ, бояром своим, с вами, послы и посланники, о тѣх о всѣх неправдах, которые учинились з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье говорити, чтоб[3] государь вашъ Жигимонтъ король в тѣх своих во всѣх неправдах перед в. г. нашим исправился. А будет государь вашъ Жигимонтъ король в том не узнаетца і в тѣх своих неправдах перед в. г. нашим не исправитца и учнет перемирье нарушивати и войну взочнет, — и то будет на его душѣ[4]. А в. г. нашь, его царьское величество, прежнего перемирья ничѣм з государем вашим не нарушивает; а государь вашь Жигимонтъ король какъ хочет: будет похочет то перемирье порушити, и в. г. нашему то не страшно, прося у Бога милости, готов против государя вашего стояти, сколько ему государю Богъ помочи подастъ[5]. А которое кроворозлитье во хрестьянстве через крестное целованье учинитца, и тоѣ крови Богъ взыщет на том, от кого то взочнетца.

И послы против того бояром не говорили ничего.

И бояре, встав, пошли от послов ис полаты.

И какъ бояре стали вставать, и послы бояром говорили: пожалуйте, государьские бояре, которые рѣчи мы с вами говорили, и вы тѣ наши рѣчи донесите до великого государя своего, чтоб в. г. вашъ поволил нам людей своих к воеводе Сендомирскому послати; а какъ мы людей своих к воеводе пошлем, тотчасъ с вами и о дѣлех станем говорити.

И бояре тѣ посольские рѣчи сказывали государю.

И г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. говорил о том Литовскомъ дѣле со всѣми бояры, что послы и посланники стали в упор, просят того, чтоб имъ к воеводе Сендомирскому послати людей своих да потомъ к дѣлу приступити, а не обослався с воеводою

[1] *Зачеркнуто:* от государя вашего Жигимонта короля и от вас ото всѣхъ...

[2] *Зачеркнуто:* и жалѣя о розлитии крови крестьянской и на тѣ не смотря неправды государя вашего..., не смотря,.. и хотячи того, чтоб...

[3] *Зачеркнуто:* и становити, какъ бы тѣ всѣ дѣла к доброму концу привести, и будет.

[4] *Зачеркнуто:* а в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Іванович, в. Р. с., з Божиею помощию и надѣясь на свою правду готов против государя вашего стояти. А то мы вам объявляем ныне і вперед, что...

[5] *Зачеркнуто:* а от кого та кровь взочнетца, что от того какое во хрестьянствѣ кроворозлитье учинитца...

Сендомирским к дѣлу приступить не хотят; а будет обослатца имъ не поволят, и их бы отпустити х королю. А поволити им на то, что послати имъ людей своих к воеводе Сендомирскому, а о большомъ дѣле не говоря и не постоновя, никак не мочно же.

И приговорил государь з бояры к Литовским посломъ и к посланником итти думному дворянину Василью Борисовичю Сукину да дьяку Ондрѣю Иванову и молыти им: которые они рѣчи говорили з бояры, и бояре тѣ ихъ рѣчи доносили до царьского величества; и в. г. ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с., таким ихъ рѣчемъ подивился, что они, оставя большое дѣло, которое учинилось меж ихъ великих государей и государствъ, да говорят о том, чтоб к воеводе людей своих послати; а будет людей своих к воеводе послать не поволят, и их бы государь велѣлъ отпустити. И то никак не может быти, что, не услыша у них и не говоря и не постоновя о большом дѣле, что учинилось меж великих государей и государьствъ их в перемирные лѣта через крестное целованье, да к воеводе им людей своих послати; и будет за ними иного дѣла нѣтъ опричь того, что к воеводе людей своих послати, и им отпускъ будет вскоре. А изговоря о томъ отпустити пословъ на подворье.

И по г. ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. приговору думной дворенин Василей Борисович Сукин да дьяк Ондрѣй Ивановъ к Литовскимъ посломъ и посланникомъ в Отвѣтную полату ходили и по государеву указу имъ говорили. И послы и посланники, выслушав у ніхъ рѣчи, говорили: что им, не обославъся съ воеводою Сендомирскимъ, никак к дѣлу приступить не мочно; а ѣхати они к государю своему раді и государь бы их велѣл отпустити. И изговоря то, послы и посланники поѣхали к себѣ на подворье.

Ѳевраля въ 22 день присылали послы к приставам, чтоб у них были. И говорили послы и посланники приставам: дайте де на наши рѣчи нам отвѣт, что мы к боярам с вами приказывали и к Посольскому діаку.

И приставы говорили: сказывали мы Посольскому дьяку ваши рѣчи и Посольской дьяк велѣл вам сказать: сказали вам бояре, которые с вами в отвѣте сидѣли, что государь вас велит отпустить и вы как хотите наряжайтесь, и лошади подкавывайте или не на поткованных поѣдьте, то вам волно.

И послы говорили: мы деи вам о томъ говорим, чтоб нам государь велѣл быть у руки и нам бы то вѣдать, в которой день нам у государя быть у руки; о том деи боярам от нас говорите, чтоб к нам то приказали. И мы деи готовы к государя к рукѣ и к от-

пуску; видим деи сами, что деи нас торопите, играют деи нами, что малыми робяты, напрасно деи нами играют и государемъ нашим; а государь деи нашъ честен во всѣх землях, скажите деи боярам и дайте нам отвѣтъ, коли нам у государя у руки быть.

Ѳевраля 26 день после абѣда ходил за вороты посол Александра и прислал к приставом, штоб к нему вышли. И говорил приставом посол Александра: прошу де у вас, данѣсите да государевых бояр, што де наша житье, Бог де ведал, не належит на добро; будет де нам Сардомиткимъ дадут видетца или дадут людей послать толка бы де нам бояре то молыли, что по Сардамитцкова пошлют или сослатца людьми, и мы де тотчас почнемъ делать; а будет де Сардомитцкиі нѣ видетца и людьми нѣ сослатца, Бог де видит, почать делать нѣльзе, в наказе у нас так написана. Мы де говаримъ три нас... ради тому, чтоб делать да лих де на нас Витовской, на то де он послан, что он племя Сардомиткому. А вѣдоете де вы и сами, что Сардомицкай в Польше не малай человек, многия де паны большия ему племя, Гдездинскай бискуп, иныя великия поны. На то де ево послали и наказ токов написали, что не видеся Сардомитцкимъ і со всееми начать делать нѣльзе. А говорил де он: чем де мнѣ быть расетчену в Литве, толка мима наказ зделать, и я де лутчи здеся умру. А будет де государь так нѣ поволит, чтоб нас пожаловал отпустил. А нам оправдатца есть чемъ: въ накезе у нас написана и по нашему наказу так зделать нѣ похотели. Пытай на том, хто таков наказ написал. Да и довно де я говоревал вам, как мы виделися с послалники в городе, еще і нѣ быв у государя: Витовскому хотя шеи усеки, а не видеся Сардомитцкимъ и со всеми людьми и дела не начиновать. А хотя де мы мима наказу и добро зделоем, а как де будут Сардомирской с таварисши в Литве, и онѣ де станут говорить королю и ближнимъ своим: послы де зделали мима наказ, а мошно де была зделать и не так. И нам де нечем оправдатца и у нас де пропадет служба наша и терпенья. А толка б де мы с ними увиделись и хотя б де от них мы услышели два слова, и мы б де что хотели, то б де дѣлоли. А и сами де мы то знаем, что Сардомитцкому нѣхотеть здешнева житья. А де вы тово чаете, что мы здешнева житья хотем; хто де женат, тот знает, разлученны де мы з женеми и з детками и со всемъ домам 2 годы, штобы де нашим житьемъ была доброя дела, и мы б де . . не потужили. А то де . . . . . развея дурна не будут ничево добра.

Марта въ 3 день присылали послы и посланники к приставом, чтоб у нихъ были. И послы приставомъ говорили: скажите

бояром. и Посолскому діяку — в которомъ государстве ведетца, что послов держат 2 года в тюрмѣ, и волосы у нас отросли, лежат по плечам, что в тюрмѣ, и которая прибыль государю и государству вашему, что послов и посланников держат, а дѣла никоторово не дѣлать. А мы де им ради дѣлати не токмо вденно и ночью. Сказывали бояром, что нам послать людей своих к Седамирскому и ко всѣмъ людем, и бояре ваши нам в томъ отказали; и нам не послав людей своих к Седамирскому, никак дѣла дѣлать не мочно. А дѣлать намъ по государя своего наказу, какъ у нас в наказе написано, а не такъ, какъ намъ здѣсь велят. А бояр ваших не видаемъ 3 недѣли, и отпуску намъ не скажут, коли нам быти у государя у руки.

А посланникъ Станислав Витовскиі говорил: ужь деи держат на Москвѣ пословъ 2 года, потому что пришли они к ростриге, а мы пришли ко государю и насъ за что держати? Будетъ дѣла не дѣлать, и государь бы пожаловал, велѣл нас пословъ и посланников отпустить.

А князь Янъ Соколинской говорил: дивная та рѣчь, что нас держать. Которая прибыль будет государю і государеве казнѣ, что нас держатъ долго, а не отпустят; а хотя будет станутъ держать нас 2 года, а намъ слова своего переменить не мочно, и не послав к Садамирскому дѣлати нелзѣ. И государь бы велѣл нас отпустить.

Марта въ 6 день присылали посланники Станислав Витовской да князь Янъ Соколинской по пристава; Ондрѣй Дедевшин к нимъ ходилъ. И Станислав и князь Янъ почели говорить: про что деи вы нас морите голодною смертью, рыб мало даете, и мед и пива злые даете. Колкой день воду пием, уж де нам пресново меду не даете; дайте намъ меды добрые. Тѣмъ посломъ и красные меды дают, а нам одинъ мед и тот зол. Купили деи мы бочку романѣи, дали 15 рублев, и тое выпили. Которая деи честь государю вашему, что мы голодом и жажею питейною помираемъ? Видим деи сами, что бояре ваши думные и Посолской дьякъ Василей Телепнев умыслили над нами, чтоб с нами дела дѣлати и нас изневолити, голодом поморить, чтоб мы мимо государя своего разказанья здѣлали, как имъ годно. И Василей деи нам говорил: однолично от нас никоторые мѣры и насильства не начайте. А ныне деи мы видим сами, что хотят над нами насилство учинити, и мы деи корму и питья не хотим; отпусти нас до государя нашего. И будет деи нас не пустят и чѣмъ намъ голодною смертью помереть, и мы деи на конях помрем. А на всякой деи мы день покупаемъ Станислав и князь

Янъ по 20 алтынъ рыбы, и мы голодом померети не хотимъ? А нѣчто поѣдемъ ко государю к отпуску, и мы деи осетрины штуку да и злово мед и пива по ѳляшке наложа привеземъ перед государя. Ино деи бояре сами увидятъ.

И марта въ 16 день г. ц. і в. к. Василей Иванович в. Р. велѣл быти Литовским послом и посланником Миколаю Олешнитцкому с товарыщи у себя государя на дворѣ в Отвѣтной полате у бояр у князя Івана Михайловича Воротынского с товарыщи, не быв у себя государя. И того дни Литовские послы и посланники Миколай Олешнитцкой с товарыщи у государя на дворѣ в Отвѣтной полате у бояр были, а приѣздъ их к государю на двор был по прежнему, и шли в верхъ Благовѣщенскою папертью прямо в Отвѣтную полату к бояром. А бояре в то время были в Отвѣтной полате, сидѣли в шубах камчатых і в черных шапках; а при боярех были в полате і в сѣнех дворянъ выборных и приказных людей и діаков человѣкъ со 100 в чистом платье, а в Проходной полате и по крыльцу до Благовѣщенья и у Благовѣщенья в паперти были дворяне і дети боярские и подъячие в чистом же платье, а стрельцы стояли с ручницами по прежнему. А какъ послы пришли к Отвѣтной полате, і встрѣтил их середи Отвѣтных сѣней діак Ондрѣй Іванов, а в Отвѣтной полате блиско дверей встрѣтил думной Посольской діак Василей Телепнев. А какъ послы подошли блиско бояр, и бояре, сступя с своих мѣстъ немного и дав послом руки, сѣли по мѣстом по прежнему.

И говорил послом и посланником боярин князь Іван Михайлович Воротынской: приказывали есте к намъ с приставы, чтоб вам съ нами видитись и поговорити о дѣлех; и которое будет добрые дѣла за вами есть, і вы с нами говорите.

И послы и посланники бояром говорили: преже сего которые послы великих государей наших королей Польскихъ і в. к. Литовских бывали у государей ваших Московских, и тѣ наперед бывали у государя да, быв у государя, потом идут в Отвѣтную полату з бояры о дѣлех говорити. А которые послы государей ваших Московских бывали у великих государей наших у королей Польских і в. к. Литовских, и они также наперед бывают у короля, а, быв у короля, видев его государьские очи, да потом пойдут с паны-радою о дѣлех говорити; а не быв у короля, с паны-радою в отвѣте не бывают. А ныне вы над нами дѣлаете мимо прежней обычай, чего николи над государя нашего послы не бывало, что вы ныне над нами дѣлаете: не быв у государя, велѣли нам к себѣ

в Отвѣтную полату итти; тѣм великого государя нашего и государьства его безсчестите. А мы, не терпя здѣшнего долгого нужного житья, к вам поѣхали потому: какъ мы были у вас послѣднее тому уже 4 недѣли, и нам вы в тѣ поры и отпускъ сказали; да после того ни дѣла с нами не дѣлаете, ни отпускаете нас.

И бояре послом говорили: тѣм, панове, государю вашему безсчестья никакого нѣт, что вы, не быв у великого государя нашего, пришли к нам в Отвѣтную полату; да и не новое то дѣло, издавна то бывает: которые послы и посланники бывали у великих государей наших от государей ваших от королей Польских і в. к. Литовских, и тѣ послы, быв у в. г. нашего на посольстве, да после того бывают з бояры в отвѣте и о дѣлех говорят и не быв у государя. А не вдавне блаженные памяти при в. г. нашем ц. і в. к. Ѳеодоре Івановиче, в. Р. с., были послы государя вашего Жигимонта короля Станислав Радиминской с товарыщи, и они многижда, не быв у государя, бывали з бояры в Отвѣтной полате и о дѣлех говаривали. А после того какъ были государя вашего послы канцлѣр Литовской Лев Сопѣга с товарыщи, и они также при царѣ Борисѣ бывали з бояры, не быв у царя Бориса и о дѣлех говорили. А которые послы и посланники великих государей наших царей Росийских бывали у государей ваших у королей Польских і в. к. Литовских, и они такъже, не быв у короля, бывали с паны-радою в отвѣтех, и о дѣлех говаривали. В том никакого бесчестья с обе стороны нѣт. А в. г.[1] нашему ныне не до вас, быти вам у него государя нѣльзя; а вперед будет время, и его царьское величество велит вам быти у себя государя, а потом с нами велит о дѣлех говорити. А ныне вы говорите с нами, которые будет за вами добрые дѣла есть.

Да Миколай[2] же говорил: как мы преже сего были на размове с вами, государскими бояры, и Посолской діякъ Василей Телепнев многими речьми государя нашего короля, его милость, бесчестил, и меня посла королевского налаял, и бити меня хотѣл, и говорил намъ будто мы пришли сюда на разоренье и заседати Московского государства. И намъ вперед с Васильем ни о каких государских дѣлех говорити не мочно. А какъ будем у государя вашего, и мы о том будем и государю вашему жаловатись.

И бояре Миколаю говорили: которые рѣчи говорил вам Василей, тѣ вам рѣчи и на писмѣ даны; и вперед то вам на государя ва-

---

[1] *Зачеркнуто:* а какъ в. г. нашему его царьскому величеству...

[2] Эта запись о дьякѣ Телепневѣ, кончая словами... «была любовь, а нелюбья б никоторого не было», написана на оборотѣ столбца, безъ особой выноски.

шего подлинно укажем. А сердитые ненадобные слова зачал говорити ты Миколай. І Василей тебѣ противъ твоих речей отвѣт давал. Да и вперед которые ненадобные рѣчи учнеш говорити, и тебѣ в том не учнут терпѣти. І вам то пригоже отставити, а говорити б нам и промышляти и радѣти с обе стороны о томъ, какъ бы меж великих государей наших и меж их великих государствъ была любовь, а нелюбья б никоторого не было.

И послы говорили: государь нашъ, его королевская милость, государь нашъ милостивый, прислал нас подданых своих сюда к государю вашему, которой был на тот часъ у вас государем о великих о добрых дѣлех, чтоб они государи и их великие государьства были меж себя в любви и в вѣчном докончанье на всякого своего недруга и стояти б им, государем, и ихъ великим государьствам на бесермен заодин. И приѣхав мы сюда, были на посольстве у государя вашего, которой на тот часъ был, при всѣхъ вас боярех і многих дворянех, и сидѣли вы всѣ бояре при том государе с правые стороны сидѣл князь Өедор Іванович Мстиславской и иные многие бояре и думные люди, а по лѣвую сторону сидѣл боярин князь Дмитрей Іванович Шуйской и иные многие бояре, и посольство мы правили и грамоты подавали не тайно, при всѣхъ при вас боярех и дворянех. То вы все сами видели и слышели, с чѣм до того государя вашего мы приѣхали. Да к тому же, государю вашему, приѣхали за званьем того небощика и за многими прозьбами из великих государьствъ государя нашего многие зацные паны, пан воевода Сендомирской з дочкою своею и иные многие зацные паны з женами и з детьми... сюда в Московское государьство на веселье, а иные на гостбу, как есть к приятелю своему, а не как к неприятелю, и жили здѣсь всѣ оплошав, того вашего умышленья не вѣдали. И после того, какъ вы сказываете, того государя вашего забили, а государя нашего многих зацных людей полупили, і помордовали, і позабили до смерти, и у многих у купетцких людей многие товары и скарбы побрали; а нас, послов его королевские милости, здѣ задержали над звыклой обычай, чего ни в которых государьствах не ведетца не токмо во крестьянских, и в мусульманских, что послов, призвав за глентовыми листы, да задержати [1]. И после того государь вашъ, которого есте себѣ после того небощика за государя себѣ обрали, велѣл нам быти у всѣхъ бояр своих, а вы туто же были; и мы с вами со всѣми государьскими

[1] *Зачеркнуто:* а мы і всѣ люди государя нашего жили здѣ, оплашав какъ есть на приятелей, а того вашего умышленья не вѣдали.

бояры были здѣ и не одинова, и о том о всем, какъ та смута сталась, у нас с вами много речей было на обе стороны. И говорили мы вам о том, чтоб в. г. вашъ нынешней велѣл нас, послов, отсю....... нашему, а за нами или с нами вмѣсте послал государь вашъ к великому государю нашему послов своих или посланников, наказав о тѣхъ о всѣх дѣлех. І вы, государьские всѣ бояре, нам говорили, что государь вашъ посылает к в. г. нашему къ его королевской милости посланников своих дворянина и намѣсника Елатомского князя Григорья Костянтиновича Волконского да діака Ондрѣя Іванова, а нам до тѣх мѣстъ, покамѣста тѣ посланники от государя нашего к государю вашему придут, здѣ побыти; а какъ тѣ посланники от государя нашего придут, и государь вашъ тотчасъ нас хотѣл отпустити к государю нашему. И мы в тѣ поры повелѣнья государя вашего послушали, а с посланники государя вашего послали мы к в. г. нашему, къ его королевской милости, людей своих с листы, і в тѣхъ своих листѣх до короля и до панов-рад писали, что нас здѣсь государь вашъ держит во всем учтиво по посольскому обычаю. И государь нашъ его королевская милость, государь нашъ милостивый, государя вашего посланников принел во всем любительно и честно и отпустил их к государю вашему вскоре, не задержав. И какъ посланники государя вашего приѣхали от государя нашего к Москве, и государь вашъ нас не отпустил же. И мы о том многижда государю вашему бивали челом и к вам, бояром, приказывали безспрестани, чтоб государь вашъ нас отпустил; і вы, всѣ бояре, приказывали к нам, что государь вашъ нас отпустити велит вскоре. А после того опять долгое время нас не отпустили, а приказывали к нам бояре, что идут от государя нашего к государю вашему посланники, и нам бы их здѣ ждати; а какъ они к Москве придут, и нас здесь отпустят. И какъ в. г. нашего посланники пришли за рубеж в государя вашего землю, и их в дороге держали долгое время, а к Москве их не пустили; а пришед к Москве, долгое же время у государя им быти не велѣли. А какъ посланники государя нашего были у государя вашего на посольстве, и они государю вашему от в. г. нашего на посольстве говорили; и после посольства как были с вами, государьскими бояры, в отвѣте, о том же говорили накрепко, чтоб государь поволил им с нами послы и с воеводою Сендомирским и сь его приятели видетца. И государь ваш на то нам обоим не поволил и держали затѣм посланников 10 недѣль, а мы в то время безспрестани к вам приказывали и листы посылали, чтоб нам с посланники ви-

детца или б нас велѣл государь вашъ отпустити. И вы нам с посланники видетца не дали и нас не отпустили. И нас ужь было здѣшнее нужное долгое житье до того привело, хотѣли сами с Москвы ѣхати, чтоб нас Московской народ побили; ино б слава во всѣх государьствах пошла, что на Москвѣ послов побили. І вы к нам приказывали, что вы бояре з государя нашего посланники доброе дѣло дѣлаете; а как посланников отпустят, и нас с ними же вмѣсте отпустят. Да и нам вы такъ приказывали. А с посланники таки дѣла никакого не дѣлали, да и отпускъ было посланником сказан. А после того государь вашъ передумал, сшел на тоже, поволил нам послом с королевскими посланники видетца; и мы с посланники виделись и листы королевские мы от них взяли. И в тѣх королевских листѣх прислана к нам королевская наука[1], велено нам быти у государя вашего на посольстве, и грамота вѣрющая подати, и рѣчь говорити, и дѣла всякие дѣлати вмѣсте с посланники. И вам, государьским бояром, то есмя объявили в тот же день, какъ с посланники виделись, чтоб государь вашъ велѣл нам всѣм вмѣсте четырем быти у себя государя, и грамоту от нас королевскую вѣрющую принел, и рѣчь выслушал; а потом велѣл бы нам всѣм же четырем вмѣсте с вами бояры о дѣлех говорити. І вы, государьские бояре, і за то стали, велѣли нам на посольстве у государя быти одным без посланников и с посланники нам опять видетца не дали долгое время; а в науке королевской у нас того нѣт, чтоб нам одным быти у государя вашего бес посланников. Да видя мы то, что вы все дѣлаете в упор, видясь с посланники, взяли то на себя, мимо государя своего королевской наказ были мы на посольстве у государя вашего без посланников, и грамоту королевскую вѣрющую государю вашему подали, и посольство правили. А в речи мы государю вашему говорили и после того, будучи с вами, бояре, в отвѣте, о том накрепко же говорили, что нам по королевскому наказу всего наперед велено видетись с воеводою Сендомирским и сь его приятели, и листы им королевские отдати, да потом к дѣлу с вами приступить; а не видевся нам с воеводою Сендомирским и сь его приятели и листов им королевских не отдав, никак нам дѣлати ничего не наказано. І вы нам о том отказали, что нам нельзя с воеводою Сендомирским видетца и не велѣл нам государь у себя быти и с вами, бояры, в отвѣте долгое время. И мы видя то, что вы за то стали в упор, а мы затѣм мешкаем долгое время,

[1] *Зачеркнуто:* и нашли мы ис королевских листов науку, а...

и от того отступили; а говорили с вами, чтоб нам ужь поволили людей своих з грамотами к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем послати. І вы и на то нам и посямѣста не поволите, и сказали нам ономняго отпускъ тому ужь 4 недѣли, и посямѣста нам отпуску нѣт, и людей нам своих к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем послати не поволите. И мы к вам, государьским бояром, с приставы приказывали, чтоб нам государь велѣл быти у себя государя и с вами, государьскими бояры, о том поговорити: для чего нас здѣсь так долго держат, дѣла с нами не дѣлают и нас не отпустят? И ныне мы вам, государьским бояром, говорим тоже: будет государь вашъ похочет с великим государем нашим доброго дѣла, и государь бы ваш поволил нам послати людей своих з грамотами к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем; а кой часъ людей своих к ним пошлем, тотчасъ с вами и к дѣлу приступим. А не послав нам людей своих к воеводе Сендомирскому, никакъ нам к дѣлу приступити не мочно, о том у нас крѣпкой королевской наказ; а будет государь вашь на то нам не поволит, людей нам своих к воеводе Сендомирскому послати не велит, и государь бы ваш нас всѣх велѣл к государю нашему отпустити, а за нами бы послал к государю нашему королю о тѣхъ о всѣхъ дѣлех, о которых вы с нами говорили, своих послов или посланников. Не по малу мы тому вам, государьским бояром, дивуемся, что нас так долго здѣсь держите без дѣла; будет дѣла не будет, и нас бы отпустили. А какъ нам что мимо королевской наказ учинити? Хотя нам горла свои дати, а мимо королевской наказ учинити нам не мочно: ни в которых государьствах того не ведетца не токмо во крестьянских, ни в бусурманских, что ныне над нами, в. г. послы, вы дѣлаете, держите нас без дѣла, ни отпустите нас, ни дѣла с нами не дѣлаете. Видите сами, государьские бояре, каковы мы стали в здѣшнем вашем задержанье: сюда мы приѣхали молоди, а здѣ мы стали стары; послухи на нас наши волосы. Богъ видит наше здѣшнее задержанье, ни х которому добру не приведет. А мы вам то говоримъ: хто не хочет доброго дѣла, которое будет кроворозлитье во крестьянстве оттого учинитца, и тоѣ крови Богъ взыщет на государе вашем и на вас.

Да посол же Миколай говорил: да и то мы вам, государьским бояром, говоримъ. Посланники государя нашего говорили от государя нашего государю вашему на посольстве и с вами бояры в отвѣте многие рѣчи правили в. г. нашего и государьство все в том, что вы вскладываете. А вы, государьские бояре, против того себя

правите и многие о том меж нас спорные рѣчи. І в том кому нас розняти, хто прав и хто виноватъ, и чѣм кому перед кѣм исправитца?

И бояре князь Іван Михайлович Воротынской с товарыщи посломъ говорили: какъ при царѣ Борисе государь вашъ Жигимонтъ король, не памятуя крестного своего целованья, что учинил с царемъ Борисомъ и меж великими государствы, да наслал на Московское государство вора, ростригу, богоотступника Гришку Отрепьева и многое кроворозлитье і убытки Московскому государству починил. А подлинно о том о всем[1] і зачѣмъ вы здѣсь посямѣста задержаны[2], есмя вамъ в писменом отвѣте объявили, и вперед вамъ то укажемъ, что то все учинилось Московскому государству от государя вашего[3]. — А что говорили есте, чтоб в. г. нашъ поволил вамъ послати людей своих з грамотами к воеводе Сендомирскому и кь его приятелемъ, а не послав вам людей своих к воеводе, к дѣлу с нами приступливати не мочно, — и мы преже сего вам о том говорили[4] и ныне вам тоже говорим[5] да и дивимся тому, что вы стали не за дѣло, оставя большое все дѣло, что учинилось меж великих государей наших и меж их великих государьствъ за крестным целованьем, что утвержено их государьскими душами, да говорите о том[6] дѣле, чтоб к воеводе Сендомирскому вам людей своих з грамотами послати; а не послав людей, никакого дѣла дѣлати не хотите. Ино надобе вам, панове, говорити наперед о большом дѣле[7], которые починились Московскому государьству з государя вашего стороны в перемирные лѣта через крестное целованье; а какъ о тѣхъ о всѣхъ дѣлех с вами дововор учиним и постановим и меж великих государей наших и меж их великихъ государствъ доброе дѣло начнетца, и тогды и о воеводе Сендомирском и о его приятелех учнем с вами го-

---

[1] *Зачеркнуто:* и какъ тот вор на Сѣвере и в полкѣх и в Московском государстве смуту учинил, и какъ воеводу Сендомирского со многими с Польскими и с Литовскими людьми, воорудя во всю ратную збрую, к тому вору на разоренье Московского государства прислалъ, и какъ вы от государя своего к тому вору в Московское государство приѣхали, и какъ того злодѣя, еретика, ростригу, облича его злые дѣла і умыслъ, Московскимъ государствомъ убили...

[2] *Зачеркнуто:* прежь сего о томъ о всемъ подлинно объявили.

[3] *Зачеркнуто:* подлинно какъ государь вашъ Жигимонтъ король и вы всѣ тѣмъ воромъ через крестное целованье смуту и кроворозлитье в Московскомъ государстве учинили.

[4] *Зачеркнуто:* отказывали.

[5] *Зачеркнуто:* отказываем и не по малу о том вам, панове, дивуемся.

[6] *Зачеркнуто:* малом.

[7] *Зачеркнуто:* которое учинилось меж великих государей наших и меж их великих государьствъ, как бы тѣ всѣ дѣла на добро привести.

ворити. А того себѣ, панове, і в мысли не держите, что нам с вами, не говоря о большом дѣле, да говорити о воеводе[1]: на то вам ныне і вперед[2] позволено не будет. А что, панове, говорите: будет в. г. нашь вам людей ваших послати к воеводе не поволит і вас бы в. г. нашъ велѣл отпустити, — и мы вам преже сего говорили и ныне то же говорим[3]: будет за вами иного дѣла нѣтъ опричь того, что к воеводе людей своих послати[4], і в. г. нашь его царьское величество велит вам быти у себя государя и отпустит вас к государю вашему от своего царьского лица и от своей царьской руки. А то сами вѣдаете, что послу и посланнику, на отпуске не видев царьских очей, ѣхати непригоже. А что говорите, чтоб в. г. нашъ, отпустя вас послов и посланников, послал к государю вашему к Жигимонту королю о тѣхъ о всѣхъ дѣлех своих послов или посланниковъ, і в. г. нашему ц. і в. к. Василью Івановичю, в. Р. с., посылати к государю вашему своих послов и посланников нѣчего для.—А что говориш ты, Миколай, что многие меж нас спорные слова, а рознять нас в том нѣкому, — и то ты, Миколай, говориш невѣдомо для какие мѣры. Нам ся видит, кабы за вами і дѣла потому никакого нѣтъ, что такие слова говорите. Преже сего издавна великих государей наших царей Росийских послы и посланники бывали у государей ваших у королей Польских і в. к. Литовских, а государей ваших послы и посланники бывали у в. г. наших и дѣла всякие дѣлали меж великих государей наших послы и посланники, а третьих меж их николи не бывало, а узнавали послы и посланники с обе стороны сами, хто в чем прав или виноват, да потому дѣлали. А то было одинова при в. г. нашем ц. і в. к. Іване Васильевиче, в. Р. с., да при государе вашем Стеѳане королѣ был папин посол Антон Посевинус на съезде в. г. нашего с послы, да и с Стеѳановыми послы на Запольском яму, ино и в тѣ поры не им ся доброе дѣло здѣлало, здѣлалось по воле Божьи. И какъ Всемогущіи Богъ Духъ Свой святый послал в серца великих государей наших, такъ меж ими,

---

[1] *Зачеркнуто:* не говоря с вами о большом дѣле, которое учинилось меж великих государей наших и меж их великих государьствъ, да поволити вам послати людей ваших к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем.

[2] *Зачеркнуто:* только о большом дѣле с нами говорити не станете.

[3] *Зачеркнуто:* будет за вами иного дѣла нѣт, что то никакъ не может быти, что не услыша у вас и не говоря і не постановя о большом дѣле, что учинилось меж великих государей наших и меж ихъ великих государьствъ в перемирные лѣта через крестное целованье, да к воеводе вам людей своих послати. А...

[4] *Зачеркнуто:* и какъ будет великому государю нашему время.

в. г., и здѣлалось. А ныне вам, послове, надобе самимъ знати правда и кривда[1] да потому і дѣлати. А третьим у такова дѣла кому быти?

И послы и посланники Миколай с товарыщи говорили: мы вам освечаемся Богом, что дан нам королевской наказ видетца наперед с воеводою Сендомирским и сь его приятели да потом о дѣлех говорити; и мы ныне і от того отступили, а просим государя нашего о том, чтоб нам государь поволил к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем людей своих послати з грамотами; а не послав нам людей своих к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем, никак к дѣлу приступити не мочно. — А которое естя отвѣтное писмо прислали к нам с приставы на тѣ рѣчи, которые посланники государя нашего говорили на посольстве от государя нашего государю вашему, а в том есте своем писмѣ писали многие вины и непригожие слова на в. г. нашего короля и на все его государьство, — а в. г. нашь его королевская милость і все посполство, коруна Польская і великое княжство Литовское, в том во всем невинны, а винны в том во всем государь вашь и весь Московской народ. И мы, и не послав к воеводе Сендомирскому людей своих, на тѣ ваши рѣчи отвѣт вам чиним и в том во всем, какъ вы сказываете, государя нашего и все посполство оправдаем, а вину всю в том укажем на вас. И того не мольте, что мы вам на ваши рѣчи отвѣту не учинили; то вам сказываем, что отвѣт вам на ваши рѣчи учиним. А дѣла намъ никакого с вами, не послав к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем людей своих з грамотами, никак не дѣлывати.

И чли отвѣт по тетрати на двое Александръ Гасевской да князь Ян Соколинской, а чли многие рѣчи и прежние многие задорные дѣла в том отвѣтном писмѣ припоминали. И какъ отвѣт прочли, и бояре князь Іван Михайлович Воротынской с товарыщи послом и посланником говорили: отвѣт есмя вашъ теперешней выслушали, и говорили есте нам в том отвѣте многие рѣчи по писму по полски[2], а Польской язык с Руским языком во многих рѣчех не сходитца, и бояре иных ваших отвѣтных речей потому не выраумѣли, такъ, как і вам, Миколаю и Станиславу, рускій язык[3]

---

[1] *Зачеркнуто:* потому узнатись, хто из нас прав и хто виноват, а третьим тут быти не пригоже.

[2] *Зачеркнуто:* и такъ нам всего без писма не испамятовать; а в. г. нашего бояре иные Польского языку не сполна выразумели.

[3] *Зачеркнуто:* мало, сполна не знаете.

не за обычей. I вы нам на тѣ свои рѣчи дайте писмо, и мы себѣ то писмо вычетчи, тѣ всѣ ваши рѣчи донесем до великого государя нашего.

И послы и посланники говорили: в посольских обычаех такъ бывает — какъ послы или посланники бывают у государя на посольстве, и они посольство правят и рѣчь говорят, да на тѣ свои рѣчи и писмо дадут. А какъ послом на тѣ их рѣчи, которые они говорят государю, отвѣт дают, и на тѣ рѣчи послом писменой же отвѣт дают; а после того какъ послы бывают в отвѣте з бояры и говорят о дѣлех, і в тѣ поры ужь ни на какие рѣчи писма не дают говорят такъ и записывают с обе стороны сами себѣ. А нам ныне потому же дати вам писма на тѣ наши рѣчи, которые мы вам тепере говорили, непригоже. Слышели вы сами, что мы говорили, і вы сами себѣ записывайте. Да и потому мы вам того писма не дадим: преже сего мы вам говорили и ныне говорим тоже, что нам, не послав к воеводе Сендомирскому людей своих, ни о каких дѣлех с вами не говаривать. И нам для чего и писмо вам давать, коли о дѣлех не говорить?

И бояре послом говорили [1]: в посольских обычаех такъ бывает — которые рѣчи говорят в. г. нашего бояре послом или посланником, будучи с ними в отвѣте, или послы и посланники говорят в. г. нашего бояром, а только будут меж их многие рѣчи на обе стороны, и они говорят по писму, да изговоря тѣ рѣчи по писму, да и писмо на тѣ свои рѣчи дадут на обе стороны. А вы ныне нам говорили многие рѣчи по писму, вы их писали, ино и самим тѣх всѣх рѣчей наусть не испамятовать; и вы ныне нам на тѣ свои рѣчи дайте писмо, и мы тѣ ваши рѣчи донесем до в. г. нашего, і в. г. нашъ на тѣ ваши рѣчи велит вам отвѣт учинити иным времянем. А что вы говорите, что и потому вы на тѣ свои рѣчи писма нам не дадите, что, не послав вам к воеводе Сендомирскому людей своих, ни о какихъ дѣлех с нами не говаривати, — и мы вам о том преже сего и ныне говорили и отказываем вам о том, что не говоря с вами и не постановя о большом дѣле, которое учинилось меж великих государей наших и меж ихъ великих государьствъ, к воеводе Сендомирскому людей вам своих послати никакъ не мочно. Как отставя большое дѣло да послѣднее дѣло дѣлати? Того себѣ, панове, і в мысли не держите, что вам, не говоря с нами о боль-

---

[1] *Зачеркнуто*: то вы, панове, стали не за дѣло, что нам на свои теперешние рѣчи писма не дадите. А что говорите о посылке к воево...

шом дѣле, о чем мы вам преже сего говорили, говорити о посылке к воеводе Сендомирскому.

И послы и посланники говорили: говорим много, а все одно. Мы вам освещаемся Богом, что нам никакъ не мочно того учинити, что, не послав к воеводе Сендомирскому людей своих з грамотами, да о дѣлех с вами говорити. О том нам крепкой королевской наказ дан. И нам как что мочно учинити мимо королевской наказ? А только нам учинити что мимо королевской наказ[1], и у нас не по вашему, за то честь всю отоймут и уряды, которые были нам даны, и от сенатарства меня Миколая отлучат, и позор в том всему ротству нашему будет. И нам лутче горла свои дати за свою-цность. И государь бы поволил нам ныне к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем людей своих послати; а какъ пошлем, и мы тотчасъ и к дѣлу с вами приступим говорити. А будет не поволят нам людей своих к воеводе послати, и государь бы велѣл нас отпустити. А мимо королевской нам наказ ничего не дѣлывати.

И бояре послом говорили и отказали имъ о том накрепко, что никакъ им на то поволити не мочно, что, не говоря о большом дѣле, да говорити о воеводе; а что говорят об отпуске, и только[2] за ними никакого доброго дѣла нѣт, и их государь отпуститъ. — И стали бояре вставать.

И какъ бояре от послов стали вставать, и послы бояром говорили: пожалуйте, государьские бояре, донесите рѣчи наши до государьские милости, чтоб государь нам поволил послати к воеводе Сендомирскому и кь его приятелем людей своих з грамотами. А будет уже и людей своих нам не поволит государь послати, к воеводе и кь его приятелем, и государь бы велѣл нам сказати вам бояром своим, прямое слово, что нам вперед поволитъ видетись с воеводою и сь его приятели, и сколько недѣль того нам ждати. А мы в тѣ дни учнем о государских дѣлех говорить.

И бояре послом говорили: рѣчи мы ваши до в. г. нашего донесем, а то вам сказываем, что не сстаточное то дѣло, что вам людей своих к воеводе ныне послати; и бояром в том вам[3] слова давати не годитца[4]. Коли меж великих государей наших доброе дѣло будет, тогды мы и о воеводе и о всѣх Польских и о Литовских людех учнем говорити.

---

[1] *Зачеркнуто:* и нам лутче горла свои дати, а то...
[2] *Зачеркнуто:* и какъ государю будет время, и их велит отпустити, коли...
[3] *Зачеркнуто:* прямого.
[4] *Зачеркнуто:* а мы вам и бес тово говорим.

И сказывали бояре посольские рѣчи государю.

И государь велѣл к послом и к посланником итти діаку Ондрѣю Іванову, а велѣл послов и посланников отпустити на подворье. И по государеву приказу діак Ондрѣй Іванов к послом ходил и отпустил их на подворье.

[Найяснѣйшого[1] и великого господаря Жигимонта Третего, Божою милостью короля Польского и великого князя Литовского, Руского, Пруского и иныхъ, и дѣдичного короля Шведского и иныхъ, отъ пословъ и посланниковъ, отъ Николая Олешницкаго зъ Олешницы, кастеляна Малогоскаго, Александра Корвина-Госѣвского, старосты Велижского, Станислава Витовского, войского Парчевского и князя Яна зъ Друцка Соколинского, секретаровъ и дворянъ его королевской милости,—Божіею милостію великого господаря и великого князя Василья Ивановича, Владимерского, Московского, Новгородского, Казанского, Астраханского и иныхъ, бояромъ — боярину и намѣстнику Вологодскому князю Ивану Михайловичу Воротынскому, окольничому и намѣстнику Галицкому Ивану Ѳедоровичу Колычеву, думному дворянину и намѣстнику Волоцкому Василью Борисовичу Сукину, и дьякомъ думному Василью Телепневу и Андрею Иванову отвѣтъ на мовы и писма, которые есте намъ дали].

[Много рѣчей есть таковыхъ, которые межи людми милость розрывати и ихъ до незгоды приводити звыкли: але тые именно напереднѣйшіе, коли одинъ другого въ душу, въ честь или въ добрую славу рушитъ. А тымъ большъ звыкло то обходити тыхъ, которые суть большого отъ Господа Бога подвышенія: бо якъ межи меньшими чины много зла непріязнь дѣлаетъ, такъ межи королями и господарами незгода много людей и цѣлые широкіе господарства до достальноѣ згубы приводитъ. Вашъ великій господаръ и народъ вашъ мало на томъ маючи, што много людей Польскихъ и Литовскихъ, подданыхъ короля его милости, которые покоемъ, любовью и братствомъ убезпечены, за возваніемъ князя Дмитра Ивановича, господаря на тотъ часъ вашого, и васъ самихъ, за листами опасными тутъ до Москвы пріѣхали и черезъ вашого посла Московского впроважены,—люто помордовано, маетности ихъ побрано, насъ, пословъ короля его милости, надъ право всихъ народовъ задержано, а другихъ людей короля его милости якъ бы вязней якихъ

---

[1] Объ этихъ отвѣтахъ пословъ см. замѣчанія выше стран. 391. Печатаются они, какъ сказано, по Архивскому подлиннику, а изъ Актовъ Западной Россіи отмѣчаются разночтенія и берется недостающее.

по городамъ розослано, и тамъ въ турмы посажано: але ещо хитростію съ того хотячи выйти, черезъ посланниковъ своихъ князя Волконского и Андрея Иванова дьяка задаете таковые рѣчи королю его милости господару нашому, паномъ-радамъ и всему зацному народу нашому, которые душу и добрую славу заходятъ въ томъ, будьто король его милость перемирье съ Борисомъ учиненое зломати, и того зла, которое ся тутъ учинило, причиною быти мѣлъ. Тоежъ и первѣй передъ нами послами, которые есьмо при томъ невинномъ розлитью крови были, дѣлали есте. Што все хотя вельми короля его милость, господаря нашого милостивого, обходитъ: будучи однакъ королемъ и господаремъ христіянскимъ, зъ Божее воли повелѣнія его исполняющимъ, не повернулся до тыхъ способовъ острыхъ, которыхъ иншіе господары въ таковомъ безчестьи и обидѣ заживати звыкли; не поспѣшился на розлитіе крови, але способовъ христіянскихъ зажити хотѣлъ, што впередъ насъ посланниковъ своихъ до вашого великого господаря прислалъ, указуючи въ томъ всемъ невинность свою и народу нашого, потомъ напоминаючи великого господаря вашого, штобъ въ такъ великой кривдѣ и нечести оправдался королю его милости господару нашому и народомъ нашимъ, яко о томъ слова посольства нашого ширѣй и достаточнѣй омовляютъ. Нижьли тое доброе дѣло, къ добру отъ короля его милости пана христіянского поданое, не есть такъ черезъ господаря вашого принято, но якъ бы погоржено: бо кручину до кручины придаючи, вновъ короля его милость, пановъ-радъ и народъ нашъ неслушнѣ и невиннѣ виновати и безчестити не переставаете, яко ся то зъ писма, которое есте намъ дали, показуетъ, въ которомъ и словъ укорительныхъ и высокихъ много, непригоже, надъ мѣру розширили есте].

[Про тожъ мы, оберегаючи того, штобъ и тое неслушное и невинное помовленіе и слова ваши на королю его милости и на народахъ нашихъ Польскомъ и Литовскомъ не зоставали, а тую жъ рѣчь, которая ся на посольствѣ говорила, ширѣй объясняючи, на все писмо, отъ васъ поданое, подлинный отвѣтъ вамъ даемъ такими словы, какіе наибольшая терпливость наша на такіе ваши высокіе и грубые слова зносити могла. Съ которого отвѣту можно вамъ невинность, жаль и кривду короля его милости и народу нашого, а неправду и обиду зъ вашее стороны учиненую познати].

[1). Пишете то въ писмѣ своемъ, дивуючися, што король его милость черезъ посланіе свое нынѣшнее даетъ справу, што господаря вашого Дмитра, который тутъ у васъ на господарствѣ Москов-

скомъ сидѣлъ, которого вы теперь называете Гришкою Отрепьевымъ, не вспомогалъ на доступленіе того господарства, и хочете показать якъбы невинность свою, а людей короля его милости вину, въ томъ напервѣй, што тотъ Дмитръ господаръ вашъ въ платьи чернецкомъ до рубежа короля его милости пришелъ, и тамъ платье чернецкое скинувши, будьто римскоѣ вѣры зосталъ; потомъ шелъ до князя Адама Вишневецкого, а потомъ до князя Константина, и тамъ назвался Дмитріемъ; а Москвы съ нимъ не было, только чернцовъ два; а потомъ до него нихто не пріѣзжалъ и не высвѣтчалъ его правдивымъ Дмитромъ, сыномъ великого князя Ивана Васильевича; развѣй писано зъ украины, што то воръ, и они тому не вѣрили, а будьто только нѣкакому Петровскому да хлопцу пана воеводы Сендомирского, которые его Дмитріемъ быти высвѣтчали, увѣривши и урадовавшися на то, што онъ будьто умышлялъ на розореніе вѣры вашое рускоѣ и господарства Московского, и для корысти и обѣтницъ его назвали и объявили его Дмитріемъ, и обѣщали ему короля и пановъ-радъ Польскихъ и Литовскихъ къ тому приводити, штобъ его назвали господарскимъ сыномъ и людьми и казною ему помогли. А король его милость будьто, не памятуючи перемирного постановленья и крестного цѣлованія, а замышляючи на розореніе Московского господарства, увѣрилъ тому чоловѣку, и воеводѣ Сендомирскому и Вишневецкому приняти его велѣлъ, и честь ему далъ, яко господарскому сыну, и ланцугъ будьто, зъ себе знявши, на него взложилъ, и великіе дары будьто на розореніе Московского господарства ему далъ; а панове-рада будьто также ему помогали и казну великую дали.—На то такій отвѣтъ. Въ подивленію то болшомъ у насъ быть муситъ, а не только у насъ, але у всихъ народовъ и людей на свѣтѣ, яко вы тымъ нещирымъ подивленіемъ своимъ, розумѣючи и вѣдаючи иначей быть рѣчь самую, нижьли пишете, хочете тымъ втягнуть, што якобы король его милость мѣлъ того Дмитра посадить на господарствѣ Московскомъ; и чого сама Москва искала, а нашодши чинила, то на короля его милость вскладаете. Была тая вѣдомость въ панствахъ его королевской милости господаря нашого милостивого, што по господару вашому великому князю Ивану Васильевичу зостался былъ сынъ, Дмитръ Ивановичъ, въ дѣтинныхъ лѣтѣхъ, и удѣлъ ему данъ былъ на Углечу. Была тежъ и тая вѣсть, будьто его Борисъ Годуновъ для доступленія собѣ господарства Московского, съ сего свѣта звести мѣлъ: чого народъ нашъ, яко люде христіянскіе, въ ту пору велицѣ жаловали. А потомъ тотъ чоловѣкъ Московитинъ, о которомъ теперь

промежъ насъ и васъ мова есть, вышедши зъ господарства Московского, вшолъ въ господарство его королевской милости и пережилъ по монастыряхъ и иныхъ мѣстахъ время немалое, а не заразъ объявился и дался узнать, хто бъ онъ былъ и для чого вышолъ зъ вашее земли, ажъ потомъ пришолъ до князя Адама Вишневецкого, сказуючися быть княземъ Дмитромъ Ивановичомъ Углецкимъ, сыномъ великого князя Ивана Васильевича. А за нимъ не только чернцы, але иншихъ не мало людей Московскихъ, заразъ прибывши, твердили, ижъ то властный Дмитрій, князь Углецкій, сынъ великого князя Ивана Васильевича, господаря Московского, и оголосили то передъ всѣми людьми въ тамъ-той украинѣ. А въ томъ часѣ отъ князя Адама до князя Константина Вишневецкого перепровадился тотъ Дмитрій, до которого потомъ, розныхъ часовъ, иншоѣ Москвы зъ украинныхъ мѣстъ и городовъ не мало пріѣхавши, тое жъ повѣдали; и тотъ самъ Дмитръ давалъ справу, а они о немъ свѣтчили, ижъ для тиранства Борисового, съ порады тыхъ, которые его отъ смерти такой ухоронили, ходилъ въ платью чернецкомъ и чернцемъ ся быти меновалъ, и иншимъ именемъ чужимъ, а не своимъ властнымъ, назывался, и того жъ тиранства Борисового уходячи, до границъ Польскихъ уйти мусилъ; и давалъ справу, што Борисъ хотѣчи осѣсти и осягнуть господарство Московское, хотѣлъ его замордовати, и тые, которые были посланы на тотъ окрутный учинокъ, иншого когось вмѣего стратили, а его таемнѣ живого нѣкоторый учитель его ухоронилъ: яко онъ и тые люди Московскіе о томъ ширѣй повѣдали и то выводили. Чего есте вы сами потомъ хватившися, добрѣ посвѣтчили тымъ, же нашедши его припровадили его до Москвы, и, принявши, посадили его тутъ вборзѣ господаремъ, который надъ вами рокъ пановалъ. А наши люди не называли и твердити его Дмитромъ не могли; бо его яко Москвитина, чужеземца, николи передъ тымъ не знали. А штобъ мѣлъ зостати римскоѣ вѣры, то бездѣльная мова: бо и тамъ, пришодши до господарства короля его милости, онъ въ манастыряхъ рускихъ межи чернцами (што и вы сами въ томъ писмѣ и мовахъ своихъ признаваете) и у князя Адама, который самъ рускоѣ вѣры есть, и у иншихъ у Руси жилъ; а тутъ, господаремъ вашимъ будучи, черезъ весь часъ, свою прирожоную рускую вѣру держалъ, што всѣмъ въ Москвѣ вѣдомо: ино на тые неподѣльные слова и отказывать широко не надобѣ. Въ ту пору, коли тотъ Дмитръ былъ при князю Вишневецкомъ, было зъ вашее украины, яко есте впомянули, колько листовъ зъ росказанья самого Бориса, подъ именемъ воеводъ, писано и при-

сылано на нашу украину; але и въ тыхъ листахъ учинилъ такое незгодное порозненье Борисъ господаръ вашъ и его діаки, што розглѣдѣвши и розсудивши все што въ нихъ написано, кождый латвѣ могъ зъ тыхъ же листовъ видѣть, ижъ и въ тыхъ листахъ было большъ словъ къ помочи тому чоловѣку, до указанья его тымъ чимъ ся онъ быть меновалъ, то есть, прямымъ княземъ Дмитромъ Углецкимъ, анижъ до обличенія его. Бо напервѣй писано подъ именемъ князя Михайла Кашина - Оболенского, воеводы Черниговского, до старосты Остерского, до Остра, два листы, а до того самого князя Дмитра третій листъ, подъ датою лѣта тъ созданія міру семъ тысячей сто дванадцатого, а написано въ тыхъ листѣхъ, будьто князь Дмитрій, въ Углечу, чорною болѣзнію немогучи, самъ себе ножомъ забити мѣлъ: чому якобы въ тотъ часъ было вжо шестнадцать лѣтъ, то есть, какъ бы ся то стало въ году семь тысячей девятдесять шостомъ; и поховано тѣло его на Углечу, въ церкви соборной Пречистые Богородицы. А тотъ чернецъ будьто зъ Чудова манастыра утекши, до границъ Польскихъ въ году семь тысячей сто первомъ выйти и потомъ неслушнѣ Дмитромъ назваться мѣлъ. А люди Московскіе, которые при нимъ были, противнымъ обычаемъ, великими слушностями показывали, што на мѣстцу Дмитровомъ зъ направы Борисовоѣ забито иншое дитя въ году семь тысячей девятдесять девятомъ, а не въ году семь тысячей девятдесятъ шостомъ, и поховано его въ церкви Святого Спаса соборной, а не у Пречистой, котороѣ тамъ нѣтъ. А въ Польскую границу пришолъ онъ до Кіева и до Печерского манастыря въ году семь тысячей сто девятомъ, а не въ году семъ тысячей сто первомъ, яко до украины зъ Москвы писано; а то, вжо коли онъ пришелъ, не только Москвѣ, але и нашимъ людемъ, духовнымъ рускимъ и свѣтскимъ нѣкоторымъ тамошнимъ, у которыхъ заразъ вышедши зъ Москвы жилъ, явно и вѣдомо было. А въ остальномъ листу, во сто тринадцатомъ году въ Лубной присланомъ, написано, што будьто князя Дмитра на Углечу не стало тому тринадцать лѣтъ, и мати его, и братья его родные, Нагіе, и дяди и нынѣ живы. Послѣ того въ томъ же году во сто тринадцатомъ были присланы грамоты отъ князя Татева, съ Чернигова, а писано въ нихъ, будьто тому въ тотъ часъ чотырнадцать лѣтъ, якъ князь Дмитрей на Углечу чорною болѣзнею немогучи, самъ на смерть покололся. А надъ то въ тыхъ же нѣкоторыхъ Московскихъ листѣхъ и того докладано: хотя бы тотъ чернецъ и прямой князь Дмитрей былъ, и онъ не отъ законноѣ седмоѣ жоны, и не належало ему и не можно доступить такого великого госпо-

дарства Московского. А люди Московскіе, которые на заставахъ по рубежахъ отъ Бориса стаивали, также и тые гонцы, которыхъ съ тыми листами посылывано, сказывали людемъ его королевской милости, што тые листы отъ самого Бориса зъ Москвы привожены въ Черниговъ и на рубежъ къ заставнымъ головамъ, а велѣно ихъ воеводамъ розсылати въ Польскіе рубежи; а воеводове, оберегая своего безголовья, мусили его Борисово повелѣніе полнить: бо Борисъ отъ того времени какъ сѣлъ на господарствѣ, черезъ весь часъ, хоть малехонько хто якъ либо въ Московскомъ господарствѣ того князя Дмитра вспомянетъ, и онъ велѣлъ тыхъ всихъ мучить, стинатъ, на колъ сажать, а инших на далекіе городы, въ Сибирь, на вязенье засылалъ, и много безчисленно крови про то розлилъ, и страхъ на все господарство пустилъ; а заставы не только на рубежахъ, ино и въ серединѣ господарства межи городами поставилъ], *(л. 1)* штобъ-то людемъ Московским городу з городомъ не мошно было советовати и помочи князю Дмитру делать. А то имъ в[1] Москве ведомо, что то прамой князь Дмитръ Ивановичь, господаръ их прироженый, и Богъ милостивый его ухоронилъ[2] от того лютого звера, от Бориса. И при таких мовахъ Московскихъ и самой тот Дмитрей и люди Московские тые, которые в ту пору при нем были, с тых же листовъ, в Москве повеленьемъ Борисовым писаных, а от воевод Московских в рубеж Польский присыланых, незгоду и порозненье перед людми народу нашого, на украине (где в ту пору[3] тот Дмитрей былъ) указуючи, неправду и злость Борисову обличали, а свою правду утвержали. Зачим князь Вишневецкий, в которого отчизне на украине тот чоловек княземъ Дмитрем объявилсе и мешкалъ час немалый, за такими значными и ясными доводы и подобенствы, от самое Москвы чинеными, а не за свидителствомъ одного Петровского и хлопца пана воеводиного, и не для розоренья веры (бо в отчизнах князей Вишневецкихъ, яко въ Вишневъцу, в Брагине, в Маначине и индей, по местах и селах их, манастыровъ и церквей рускихъ, з великимъ наданьемъ, есть много), и не к воли яким обетницамъ и корыстям, яко есте то без сорома написали, але не смеючи на собе самъ такъ великое речи держать, попровадилъ з украины того чоловека до кор(оля) его милости, и в дорозе вступилъ до пана воеводы Сендомирского, тестя своего; а пан воевода подъ тот же час в ынших делах ехалъ

[1] Всей.
[2] Уховалъ.
[3] *Вст.:* и.

до его кор(олевской) милости, до Кракова. И якъ приехали в Краковъ, тотъ чоловекъ и Москва при нимъ будучая такъже, яко и перво, удавали и твердили его быть прамым княземъ Дмитром Углецъким, сыном великого князя Ивана Васильевича, же[1] от срокгое смерти ухороненый, для окрутенства Борисового уносечи здоровъе свое, з Москвы до панствъ его королевское милости ушолъ. А под тот часъ, коли приехали до Кракова, приехало заразъ того жъ часу в Краковъ, до того Дмитра, Москвы до колькунадцать чоловекъ, сыновъ боярскихъ, именем Иван Борошин с товарышми, а после тыхъ, зараз тамже, к нему приехали послы от козаковъ Московскихъ Донскихъ, на име Андрей Корело и Михайло Межаковъ с товарышми; а промежъ них одинъ былъ, который Дмитра ещо малымъ дитятемъ знал. Итакъ тые вси люди ваши Московские, знаковъ на теле того Дмитра огледавши и з другою при нем будучою Москвою знесшисе и добре его розсмотревши и узнавши, упадали перед ним, твердечи его быть истинным прамым княземъ Дмитромъ Ивановичом, прирожонымъ господаромъ своимъ; а от инших именитых людей з Москвы и листы до того Дмитра писаные людем его кор(олевской) милости указовали[2]. А его кор(олев.) милость, господаръ нашъ, слышечи о томъ перво, якобы Дмитръ господаревичъ на Углечу от Бориса Годунова с того света изведен быти мелъ, а з другое стороны подобенства такие о томъ чоловеку у себе уважаючи[3], до того, то ведаючи, ижъ на кождого чоловека, а поготовю на дети великих господарей, в малыхъ летехъ позосталые, розмаитые пригоды и небезпечества, за изменами людей до панованья лакомыхъ, звыкли припадать, а Бог милостивый таковых дивне и чудовне обороняти, укрывати, и над розуменье тых самыхъ, которые ихъ губити[4] хотели, цело и здорово заховывати, и потом до господарствъ, отчизнъ[5] их, приворочати звыкъ (чого великие приклады давныхъ и теперешнихъ вековъ з летописцовъ[6] суть): с тыхъ мер подивовавшисе только король, его милость, таковым мовамъ и сведительству, которые были о том чоловеку, а яко в речи непевной и в неведомой веры тому не давши, пустилъ то на розсудокъ Божий, перед Которым ничого скрытого и тайного несть, абы того чоловека, естли правдиве[7] волею Божьею речъ свою провадилъ[8], в ней благо-

[1] Ижь отъ наглыя смерти.
[2] Показывали.
[3] А до того, вѣдаючи и то.
[4] Згубити.
[5] Отчизныхъ.
[6] *Вст.:* вѣдомы.
[7] *Вст.:* и.
[8] Провадитъ.

словить, а естли неправъдиве, объявить и покарать рачил. Казнить теж того чоловека на смерть или везеньемъ его кор(олевской) милости, яко господару хрестиянскому, не пристоело; *(л.—об.)* бо не толко не повинен былъ его королевская милость з ниякое против Бориса приязни того чинить, але наконец и от Бориса перед тым в ту пору, коли онъ до Кракова приехал, и покаместа в панстве его кор(олевской) милости былъ, присылки ниякое не было. Нихто его не отскаржалъ, оприче тых колку листовъ з украины, которые хотя в одной речи и с одного местца, а одинъ противъ другому противен былъ, и тымъ у всих людей болшую веру и помочь ему чинили, а нижъ шкодили. Однакъ же его кор. милость, господаръ нашъ, и ихъ милости панове-рада, яко есмо не раз вам о томъ мовили, всему тому, што тот чоловекъ посполу и з Москвою при нем будучою сказывалъ, подлинно ни в чом не уверивши, не толко про него войны з Борисом вщинати, и помочи до доступенья панства Московского ему чинити не рачилъ, и чести такое, якая належит господарскому сыну, ему не учинилъ, але и на дворе своем королевском мешкати ему не позволилъ.—Казны ниякое король, его милость, на розоренье государства Московского тому Дмитру не давал, ани панове-рада, такъже и пан воевода приходовъ з староства своего, которые королю, его милости, давати[1] повинен, на помочъ тому Дмитру (яко есте то в письме своем неслушне написали) не давалъ; бо все то, што в тот час повинен былъ, ещо перед тым часом до скарбу кор(оля) его милости заплатилъ; а если што малого, взглядом милостины, именем его кор(олевской) милости и от кого нибудь в панстве короля его милости ему дано, штобъ се мелъ чим з Москвою, которые при нем были, одет, и што есть: тым господарства Московского розорить не могъ. А если то вы в господарстве своем чините, што чужих беглецовъ, лотровъ, не толко з рубежа, але от пословъ кор(оля) его милости, коли зменивши и зашкодивши от них передаютсе, приймуете и даете им деньги, платье и жалованье от господара своего: для чого не мает быть волно королю его милости и людем его кор(олев.) милости, господара нашого, приходнем народу Московского пожалованья и хлебокормленья, або милостины, давати? Ланцухъ тежъ золотый, абы его кор. милость з себе знявши, на того чоловека сам вложить мел, то есте не по правде написали: бо не толко противъ того чоловека иноземца, которого его кор. милость сыном господарскимъ быти не розумелъ, и ему в томъ подлинно не поверилъ, не зошлосе его кор.

---

[1] *Вст.:* былъ.

милости по своему королевскому давному чину такъ учинить, и самому ланцуг, з себе здоймуючи, на него класть, и ему тымъ честь воздавать. Але и ведомым господарским сыномъ и инным всимъ иноземцом, которые на его королевском дворе бывают, хотя жъ его кор. милость, яко господаръ гойный, мает в звычаю великое жалованье давать (бо то есть властный звычай великих господарей и монархов хрестиянских; а иноземцы дар зъ их жалованья господарского одержавши, их господарское имя, ласку и щодробливость в чужих землях выносятъ и выславляютъ): але таковые дары с повеленьемъ его кор. милости бывають даваны через врадники кор. его милости скарбовые, а не через его кор. милость самого. А вы, бояре, пишете, якъ бы чиновъ господарских не знаючи, и нам то в подивленью есть. А хоть бы тому чоловеку иноземцу потому, як есть обычай у великих господарей, и дано ланцух який на дворе господаря, короля его милости, о чомъ мы подлинно не ведаем, и то ли[1] то возданье чести, якъ пригоже господарскому сыну, што в посполитости иноземцом ровного стану от господарей крестиянских давать в звычаю? И то ли[2] то помочъ на розоренье господарства Московского? Пригоже бы вам знать дело, а што к делу незгожого, и того бъ не мовить и не писать напрасно. — Итакъ тотъ чоловекъ Дмитрей Ивановичъ, вборзде з Кракова отъехавши, удалъсе без ведома его кор. милости ближей ку украйне Московской, одъкуль латве з вами Москвою через тую Москву при ним будучую зсылатсе и порозумевать могъ. А пан воевода Сендомирский, хотя жъ есть сенатором, *(л. 2)* яко есте написали, и князь Вишневецкий, короля его милости, до проваженя того чоловека на господарство Московское и до войны приводить не могли: бо король, его милость, оприче наглого вторгненья якого неприятельского в панство его кор. милости, — для чого завсегды готовость под справою гетмановъ своихъ мети рачит, — противъ иншого кождого неприятеля без сойму валного и позволенья всих пановъ-рад и становъ коруны Польское и великого княз(ьства) Литовского войны не подноситъ. И еслибъ се война якая в ту пору противъ Бориса провадить мела, был бы на то соймъ вперод, а и за ухвалою соймовою, делано бъ то[3] не через пана воеводу Сендомирского, ани через князя Вишневецкого, которые урадовъ военных на собе не мели в тот час и теперь не мают; але проважона бъ была война через

---

[1] И то есть ли возданіе.
[2] То есть ли помочъ.
[3] *Вст.:* было.

гетманы коруны Польское и великого княз(ьства) Литовского и через жолънеровъ и иншихъ людей воинскихъ, з ведомостью кор. его милости и всее Речи Посполитое посланых. Чого всего, якъ помочи никоторое людьми, такъ и скарбами, не было, а шла тая вся справа вашими Московскими людьми с почалку такъ, яко выжей написано, и потом проважона и совершона вами самыми и народом вашимъ Московским такъ, яко в кождой речи нижей на своем местцу згожо, правдиве написано есть.

(2). Написали есте и то в писме своем, якобы пан воевода Сендомирский, з ведомостью кор. его милости и пановъ-радъ, змовить мелъ дочку свою за того Дмитра, а тот Дмитрей дочце его якобы записать мелъ двое господарство — Новгород и Псковъ, а до того самому пану воеводе будто обецал Смоленскъ и Сиверъ зо всими поветами и трикротъ 100.000 рублей; а самъ будто тот Дмитрей, уседши на господарстве Московскомъ, промышлять о том мелъ, штобъ всих людей от веры греческого закону отвести и до рымское привести, церкви руские попсовать, а рымъские будовать, и будто на то воеводе и крестъ целовалъ.—И на то такий ответъ. Его кор. милость тотчасъ о тых речах, змовинах и становеньяхъ, и о записах, если якие с паномъ воеводою тотъ Дмитрей мелъ, не ведалъ. Не есть бовемъ звычай до приватныхъ особъ контрактовъ лучитсе королем и господаремъ великимъ: того тежъ и его кор. милости в особе своей перестерегает, ани се в такие речи вдает, которые ему не належат. Панове-рада тежъ в таковые дела не звыкли се вдавать, которые в чомъ не заходят всее Речи Посполитое; и мы о записах межи паномъ воеводою а тым Дмитромъ, же бы якие быть мели, не ведаем. Але хотя бъ их пан воевода приватымъ и одержалъ, ино тому нечому дивитсе: бо за такими свидительствами Московскими и всякими, выжей и нижей написаными, мерами чаючи его быть прамым княземъ Дмитром, и призволивши по его прошенью дать ему за жону дочерь свою, в ту пору, коли б на то была воля всее земли Московское, могъ и с первого разу договор який меть и речи дочери своее осмотривать якъналепей розумелъ, с тою надежою, што вперод бояре и земля[1] на то призволити мела. А без призволенья вашого не только докговоровъ яких искать или от себе сполънять, але и дочки своее ему за жону давать пан воевода не хотелъ и не мыслил, и не дал бы былъ, хоть он вжо на господарстве седелъ, коли бъ от вас, от духовного и светского чину, присылъки кграмот и призво-

---

[1] *Вст.:* ваша.

ленья не было, яко о том нижей именно написано. В том однакъ з стороны Новгорода, Пскова, Смоленска и Севера неподобна нам быти видится, же бы на то дочъце своей и собе права, записы якие одерживати мелъ: бо не токъмо панъ воевода, але и молодшие люди в панствах его королевское милости *(л.—об.)* и въ господарсвте Московском вси ведают, же то суть тые земли и городы властные Речи Посполитое нашое, а под часом перемирья, поприсежоного через великих князей Московскихъ, мимо крестное целованье, неправдою побрано и от панствъ его кор. милости несправедливе оторвано; о што яко се завсегды передъ тымъ послы и посланники королей их милости господаровъ нашихъ оповедали, такъ и мы теперь оповедаемъся. А на неподелное написанье вашо[1] стороны, якобы розоренья веры и церквей рускихъ, о чомъ не въ одном местцу не по правде написано, ино нижей с одного ответ маете.

(3). Естъ и то написано в томъ писме вашомъ, будто пан воевода и князь Вишневецкий мели кграмоты посылать до розных господарствъ от того Дмитра, менуючи его господарским сыном, и на Дон до козаковъ Донскихъ будто посылали Свирского, под его именем, и писали до них, будто король его милость и панове-рада дошли того, же он господарский сынъ.—И на то отвѣтъ. Вжо вам и выжей сказано, же его кор. милость и панове-рада тому не верили, же бы тотъ чоловекъ мелъ быть правдивымъ Дмитром: зачим пан воевода и князь Вишневецкий не могли о нем листовъ нияких до господарствъ розных и на Дон розсылать; и овшем противным способом было, же козаки Донские пословъ своих, яко се выжей написало, до того Дмитра посылали. Потом могъ тежъ тот Дмитръ посылать до козаковъ Донскихъ зъ ихъ послами[2], высветчаючи себе, не королем его милостью, господаром нашимъ, ани паномъ воеводою и князем Вишневецкимъ, которые его перед тымъ николи не знали и высветчать не могли, але тыми самыми послами козаковъ Дунских и иншою Москвою, которые его ещо в детинныхъ летех знали. А хоть бы тежъ тот Дмитръ, мимо ведомости его кор. милости, шлючи до козаков Донскихъ Московскихъ[3] зъ их послы, и доложилъ в своей грамоте, будто король его милость и панове-рада признавати его мели правдивымъ Дмитром Углецкимъ,—ино того для короля его милости и панов-рад виновати не можете: бо ему вольно было писати што хотел, а король его милость и панове-рада о томъ не ведали.

---

[1] *Вст.:* з.
[2] *Вст.:* людей Московскихъ.
[3] *Вст.:* людей.

(4). А што есте написали, што будто до Бориса господара вашого царь Крымский Казы-Кгерей писал, яко бы король его милость, господаръ нашъ, его накуповалъ и з ним се о том зсылалъ, штобъ он сталъ на господарство Московъское, — на то отвѣтъ. То се нам видитъ речъ неподобная, абы Казы-Кгерей до Бориса то писати и наказати мелъ, и верить тому не можемъ: бо его кор. милость до него о томъ ничого не писалъ, ани се зъ ним о том не объсылалъ и не накуповалъ[1] на господарство Московское; а если бъ писалъ или всказалъ Кази-Кгерей, то бъ онъ змыслилъ речъ небылую и несправедливую, яко поганин, и вамъ бы се не годило такъ зацного короля хрестиянского в том славить, што се правдою николи показать не можетъ. И овшемъ противнымъ способом указать се то можетъ, што тот поганин вечным слугою кор. его милости быть хотелъ и подоймовалъ се сам королю его милости и Речи Посполитой перед тым ещо служить противъ народу вашому через того посланника своего, которого вы посланцом кор. его милости менуете быть, а то так не есть: бо тот Антоний Черкасъ, чоловекъ Крымского, и не раз у короля его милости блаженное памети Стеѳана[2], теперешнего короля, его милости, преже того бывалъ отъ господара своего, але король, его милость, яко господаръ хрестиянский, не хотелъ с тым поганином справы меть. А посланникъ от Крымского Казы-Кгерея Север-Казы Дервизовъ, о котором есте написали, в посельстве до кор. его милости о таком часе, якъ тотъ Дмитрей възъявилъ се, не приеждчал. *(л. 3)* Якожъ то мает быть правда, што есте написали? И овшем на господара вашого Бориса и на васъ се то покажетъ, што Борисъ господаръ вашъ з вами того поганина на господаръства кор. его милости накуповалъ, и людей своихъ на украину кор. его милости с Крымским[3] войною посылал; и люди его кор. милости громили ихъ, и вязней Татарских много достали, которые на Бориса и на вас свидительствовали, што есте Крымского накуповали на господарства кор. его милости. Тое жъ и ваши многие Московские люди сказывали. А над то коли в долкгим времени по отъеханью Посника, посланника Борисового, недавного часу былъ чоловекъ Крымского у кор. его милости в присылъке, и пытано его: естли Крымский писалъ о том къ Борису, не маючи от кор. его милости никакое присылъки и всказанья о том до себе? Он давал[4]

[1] *Вст.:* его стати.
[2] *Вст.:* и у.
[3] Крымскими.
[4] И онъ давалъ.

справу, же царь его о томъ, яко о речи небылой, не писалъ и не приказывалъ къ Борису, але от Бориса в ту пору писано до Казы-Кгерея, даючи ему великую дань, штобъ войною до господарствъ его кор. милости шолъ. А вы Борисовы и свои такие дела на кор. его милости вкладаете; и тому вашому, якъ бы безаконию якому, што вы сами поган на хрестиян накупуете, и своего господара Бориса и свои незгожие дела неслушне на кор. его милости вкладаете, вси господари хрестиянские, которые то зведают, подиветсе.

(5). А што есте написали, будто за повеленьемъ короля его милости и пановъ-рад пан воевода Сендомиркий з сыномъ своимъ и з ыншими, собравши до того Дмитра многих Полских и Литовских людей и Запорозских Черкасовъ, пошли з ним в Московское господарство на кроворозлитье хрестиянское,—и на то ответъ. Короля его милости и пановъ-рад повеленья о том ниякого не было, и вы, бояре, колько ни мовите и пишете о том, то не по правде делаетсе[1]. А делалосе то судом Божьимъ через васъ самых тым обычаем: кгды тот Дмитръ отъехавши с Кракова в краю руском, близу рубежа Московского, и с тою Москвою, которая при немъ была, час долкгий жил, и слава о нем промеж людей у нас и тутъ у вас шириласе; и вы вси, припоминаючи собе тыранство Борисово, ради есте то в ту пору слышели: бо всему господарству Московскому тыранство Борисово есть ведомо, которое он такъ правителемъ, яко потомъ и господаремъ будучи, над вами далал. Што Борис зделалъ отцу князя Ѳедора Ивановича Мстиславского, который во всемъ господарстве Московском местцом и боярствомъ первый по господару былъ? Взявши его насильством, далеко сослалъ, в чернъцы силою стрычъ велелъ и уморилъ. А князя Ивана Петровича Шуйского и князя Андрея Ивановича Шуйского, брата родного нонешнего господара вашого, и иншихъ князей Шуйскихъ, такъже Микитичовъ и иншихъ многих больших бояр, князей и дворянъ зацнейшихъ родовъ окрутне на смерть помордовалъ, кровъ ихъ невинную пролилъ. Над нонешними князьми Шуйскими, над тобою самымъ, княже Воротынский, и над всеми вами и над иншою братьею вашою многго зла творилъ, и, забывъ Бога, вси большие зацные роды звести и выгубити умышлялъ, штобъ и корень ихъ не осталъ[2], хотечи тымъ снаднейшое и безпечнейшое панованье сыну своему по смерти своей утвердити. А и самому блаженное памети великому князю Ѳедору Ивановичу, господару вашому, якимъ умышленьемъ смерть сталасе? Вы сами

[1] Дѣлаете.

[2] Остался.

большиий за нас слышели *(л.— об.)* и лутшей ведати можете. А в панстве его кор. милости от ваших же многих людей о таких Борисовыхъ делахъ еще и за его живота было вестно, да и нестайные[1] то дела: и сами бояре думные, якъ по той смуте з нами послы в ответе заседали, тое жъ все зло про Бориса в договоре[2] припоминали. А възвыше и самъ великий господаръ вашъ нонешний черезъ посланниковъ своихъ до короля его милости, господара нашого, о тыранстве Борисовомъ приказывалъ, што была мысль Борисова звести и смерть учинить князю Дмитру на Углечу и весь корень господарский вывести. С тых тогды мер князи, бояре и большие люди Московского господарства мнокгие Борису зменили, и добра не зычили, и жедаючи того, штобъ Бориса[3] тырана з себе скинуть, а самым бы живым зостать, заразъ есте скоро услышавши, уверили, же то прамый князь Дмитрей Ивановичъ, а Богъ его ухоронилъ и уборонилъ от тыранства Борисового. И мнокгие к нему ещо за рубежъ прибегали, а от инших здешних людей тайные кграмоты приносили, а во всихъ кграмотах писывали его прамымъ истенным прирожонымъ господаромъ своимъ, княземъ Дмитром Ивановичом Углецкимъ, сыномъ великого князя Ивана Васильевича, и давали ему часто ведомость о всих радах и замыслах Борисовых, и сами его взывали и усиловали прозьбами своими, штобъ он вборзде шолъ до границ Московских, упевняючи, што его везде зъ хлебомъ а з солью стречать мели, и без всякое трудности обецали доступить ему господарства Московского. О што[4] Борис, господаръ вашъ, многих людей значныхъ здешнихъ уставичными пытками, муками и на горле каралъ, а иншихъ в дальные кгороды на везенье зсылалъ, а иншихъ скарбами и жалованьемъ от того отвести хотелъ; але всимъ тымъ[5] не придумалъ, и вас от того никоторыми мерами отвести не могъ. А тот Дмитрей людей тых Московских, которые къ нему з розныхъ городов приеждчали и которых вжо около 200 чоловекъ при нем было, перед людьми народу нашого ставилъ, и кграмоты до него писаные указовал, и вести такие о замыслах вашихъ в Москве тою жъ Москвою и кграмотами Московскими объвещалъ, и тым всимъ себе и речъ свою оправдывалъ, а Бориса и злые дела его обличалъ. А такъ все на сторону его через весь час згодно от людей Московских

---

[1] Нетайные.
[2] Розговорѣ.
[3] *Вст.:* яко.
[4] За што.
[5] *Вст.:* ничого.

шло, же в наменьшой речи порозненье ниякое не сталосе. А з Борисовое стороны што ни делано, то все одно другому противно. А до того и то тому Дмитру на великой помочи было, же по объявленью и оголошенью его через так долъгий час ниякая присылка от Бориса до кор. его милости про то не была: зачим люди, которые з Москвы до того чоловека приходили, сказывали, што и то деелосе тыми, которые у Бориса дела правили, ижъ они, тайно добра зыча тому Дмитру, того для хитростью отводили сами Бориса от того, штобъ не посылалъ до кор. его милости.—И про тожъ некоторые з людей его кор. милости уважаючи то все у себе, такъ с тыхъ выжей помененыхъ листовъ, под именемъ воевод украинных Московскихъ за повеленьемъ Борисовым писаных, яко из ыншихъ всихъ мер таковых, яко есте вышей слышели, видечи то, же Борис не маючи цо собе справедливости, таким только удаваньемъ оного потлумить хотелъ, же будто Дмитръ сам се на Углечу, чорною болезнею болеючи, *(л. 4)* заколоть мелъ (што у кождого умного в подойзренью и неверно быть мусело, бо великих господарей дети в достатках, а тым болшъ под часомъ всякое болезни въ великой осторожности ховают); а хоть бы Дмитръ и живъ былъ, ино будто онъ не от законное жоны. А то и въ панствахъ его кор. милости ещо за великого князя Ивана Васильевича явно и ведомо было, же мел сына Дмитра, з законною жоною великою княгинею Марьею з роду Нагихъ спложоного, и по смерти своей двух сыновъ Өедора и Дмитра зоставилъ дедичами въ господаръстве Московском; што и вы сами з господаромъ своимъ такъже теперь признаваете. И для таковых всих мер, а не за свидительством Петровского и двух чернъцовъ и хлопца пана воеводиного, яко есте написали, склонившисе веру дать тому, же то правдивый князь Дмитрей былъ, милостины, яко люди хрестиянские на поживенье, а не на войну, ему яко чужоземцу давали. А тые люди народу вашого Московского, з розныхъ городов до него прибылые, яко сами в господарстве его кор. милости и его искали, а нашодши познавали, познавши крестъ ему целовали, з листами от него до Москвы, а от Москвы до него, ездили и ходили; такъ и сами жъ его, за упевненьемъ иншое Москвы на замкахъ будучое, до границы, яко на певную готовую речъ провадили. До которых тежъ пан воевода Сендомирский, яко чоловекъ цнотливый, щирый, давши в томъ им веру, а при нем сынъ его пан староста Саноцкий, пан староста Остръский и иншие некоторые люди, не в великой личбе, за ужитьемъ и упевненьемъ людей Московских в том, же ему городы и места, яко прирожоному господару своему, добро-

вольне поддаватсе мели, прилучилисе были без ведомости и росказанья кор. его милости и пановъ-рад, и до границ з ним ехали под такою мерою: ижъ где бы Москва оного добровольне приняли, тамъ бы его спокойне, а не военным обычаемъ, провадили; где бы тежъ Москва не хотели оного добровольне, по обетницам своим, за господаря своего принять, розъехатсе от него мели, яко то потомъ от Новгородка Северско(го) учинили. А такъ скоро до границы Северское приходилъ Дмитръ, тогды его зараз в Муромску, в Чернигове с хлебомъ а з солью потыкали, з радостью приняли и крестъ цаловали, и городы подали, и пролитья крови ниякого не было; и[1] войска вжо в ту пору великую личбу з самое Москвы маючи и болшъ на их силу надеваючисе, нижъ на трохъ Поляковъ (которые при нем были и за упевненьемъ Московским его на спокойное панство, а не на войну провадили) поступилъ далей в землю Северскую.

(6). А што есте написали, же якъ в Москве ведомость учиниласе, же пан воевода и иншие люди Польские и Литовские пошли с тым чоловекомъ до Севера, иже се такое злое дело вщинает яко бы[2] стороны кор(оля) его милости над крестное целованье, и бояре посылали до пановъ-рад гонца Смирного Отрепъева, который ему родный дядя былъ, и велели паном-радам мовить, штобъ его с тымъ чоловекомъ, который се Дмитромъ называлъ, з очей на очи поставили, а он его воровъство обличить мелъ; а патриархъ Московский и весь духовный чин посылали з своею грамотою до князя Василья Острозского гонца Оѳанасья Пальчикова и писали з свидительством, што то вор, богоотступъникъ, штобъ его вам выдано, и был бы по уложенью соборномъ за его злодейские дела казнен,— чому всему панове-рада будто не поверили и того чоловека з очей на очи з Смирнымъ не поставили, а князь Василей Острозский патриархового гонца у себе посадилъ и назадъ его не отпустилъ.—*(л.—об.)* И н а т о о т в е т. Через Смирного писали бояре в одной грамоте до небощика славное памети его милости пана воеводы Виленского и до его милости пана канцлера великого княз(ьства) Литовского, будто о невыеханье судей стороны кор. его милости, и о грабежи и крывъды будто порубежные з розныхъ местцъ. А в другой грамоте писали, будто на людях Московскихъ купецких, над звычай пошлины старое, поборы новые брать мено. А над то в тых кграмотахъ о томъ деле, о которомъ вы теперь пишете, не токъмо и одного слова не было, але о самомъ Смирномъ, што его в гонцох посылали, по обычаю не написано; бо

[1] *Вст.:* онъ.
[2] *Вст.:* з.

по прежнему такъ ведетсе и у нас и у вас, што, посылаючи до кого нибудь и нахудшого чоловека, пишутъ в кграмоте именем кого посылают послом, посланником, аль бо гонцем, и штобъ его не издержав отпущено; а в тых кграмотах через Смирного и того забыто, и в самой першой большой кграмоте и не припомнено имени Смирного: кгрех ли то Борисов[1] плуталъ, или д(ь)яки его изъменяли, мошно вам самым лутший ведать и знать. А какъ же было тому быть, штобъ Смирный, с такими кграмотами и о што иншого будучи посланым, мелъ се того домагать у пановъ-рад, штобъ ему тот Дмитръ, которого вы братним сыном его быть сказываете, з очей на очи былъ наставенъ[2]? А хотя бъ того и домагалсе, як же ему в том веру дать мели, коли о томъ в кграмотах ничого не написано и оприче тых кграмот верущое и иншое кграмоты никакое не мел? А над то все вы сами в теперешнемъ письме своем выжей пишете, же тотъ Дмитръ, и воевода и иншие люди пошли в Сибирь, и бояре о том слыша, слали Смирного къ паном-радам. Ино коли он, по вас самых сказце, пошолъ былъ в Северу, прикгожоль было искать его з Смирным в чужом господарстве? Але только бъ вы сами хотели в ту пору прамить и добра зычити Борису, ино было думать гораздъ, да в час, какъ весть учиниласе о таком деле Борису, господару вашому, с королем его милостью, или бояромъ зъ их милости, паны сенаторы, сослатсе, и именно о томъ писать и свидительство явное уделать. А то и неборздо Смирный и в ыншом деле послан, и в кграмотахъ тыхъ о малых делехъ порубежных, што кольку рублей важило, то именно пописано, а о таком деле великом слова одного не написать[3]. Мошно вам с того самого из ыншихъ многихъ мер видеть, якъ тые, которые в ту пору у Бориса дела тые правили, много-ль ему добра хотели. А што в том стороны Борисовы ни делали, то вместо оправданья больший его обличали, и якого ему конца жедали, на такий его сами и привели. А до князя Василья Острозского, пана воеводы Киевского, абы гонец таковый, якое[4] есте написали, быти мелъ, ничого естьмо не слыхали; тое однак ведаем и твердимъ, же в народе нашом пильно того берегут, штобъ и наменшого посланца не задержано. О томъ тежъ слышели естьмо, што и до Киева черньцы и иншие люди Московские приходечи, твердили там того чоловека быть князем Дмитром Ивановичом, а не Отрепьевым. То и тот кгонец,

---

[1] *Вст.:* такъ.
[2] Поставленъ.
[3] Не написано.
[4] Про якого.

если был послан, вместо обличенья, за прамого Дмитра его признать и при нем зостать могъ; у нас его насильством не задержано, бо се то у насъ не ведет, вольно кождому приехать и отъехать.

(7). Притом написали есте, што пан воевода, и сын его, и Остръский староста и иншие люди в ту пору, коли пришли в Северъ, будто учали оманывать и страшить Московских севруков королевским именемъ, якобы король, его милость, и панове-рада певне того дошли, што он прамый господарский сынъ, и стоять за него хочут всею Польскою и Литвою, и будто шли они з ним за королевскимъ и пановъ-рад повеленъемъ, — *(л. 5)* и на то ответъ. Таким словы вашими явно невинность его кор. милости, панов-рад и всее Речи Посполитое сами жъ указуете и оправдываете: бо сказываете, ижъ пан воевода и иншие, вшодшы з ним до Севера, почали оманою устрашивать Северен королевскимъ именемъ. То, по вас самых сказце, не войскимъ обычаем в Север вошли, и не войною и не силою городы брали, ани за росказаньемъ его кор. милости, але самым лише страхом, же пополохчавшисе самого лише имени королевъского, же бы мел после силою великою наступовать, городы и места здавалисе. Ради то от вас слышымъ, чого есмо перед тымъ не ведали, што у вашого народу имя кор(оля), его милости, и народу нашого Польского и Литовского есть такъ строшно, же зараз на тое имя и пострах городы и места поддаютьсе. Зачим бы вжо не короля, его милости, господара нашого, виновать, але тых людей своих, которие именя кор. его милости такъ борздо улекнулисе и городы Дмитру поддали. Пан воевода тежъ того чоловека в ту пору за правдивого князя Дмитра Ивановича перед Москвою удавати не могъ: бо пан воевода, будучи сам Поляком, оного Москвитина николи перед тымъ не знал. И такъ не пан воевода Москве, але Москва пану воеводе и всим иншим людем народу нашого[1] за прамого кн. Дмитра Ивановича удавали и свидительствовали. Москва Москвитина лутши сами знали и сами перед собою и людьми народу нашого его прамым князем Дмитром быть вызнавали. И потом, як вжо и пана воеводы при том Дмитру не было, сами Москва, штобъ тому вси болшъ верили, одыскали неякого Гришка Отрепева, Москвитина, которого именемъ Борис, господаръ вашъ, того Дмитра называлъ, и ставили его в Путывлю перед всими, явно обличаючи в томъ неправду Борисову, а того Дмитра оправдываючи; а чинили то Москва, не Поляки, и з Москвы там того Гришка, не с Польски припровадили.

[1] *Вст.:* его.

(8). А што есте написали, же коли якобы пан воевода с тым Дмитром Черниговских и иных людей звел, бояре с полковъ писали до пана воеводы свидительством, же бы он ему не верил и промежъ господарствъ соры не чинил, крестного целованья не нарушал и крови хрестиянское не розливал; а воевода будто бояром и всему войску не уверил, и много крови пролил, — и на то ответъ. Вжо вам вышей отказано, яким обычаем пан воевода с тым Дмитром и з Москвою при нем будучою до Севера вшол, и яко Москва за рубежом Дмитра и з Москвою стречала, и з Чернигова сами жъ далей его провадили; а справа[1] и все дело было не при пану воеводе, але при самом том Дмитру и при людех Московъских. И кгды се войско Московъское, от Бориса посланое, у Новгородка оперли и будто за Бориса стоять учали, а листы под именемъ боярскимъ пану воеводе отдано, тогды хотя жъ Москва, при том Дмитру будучая, и тые, которие свежо с полковъ до него переежъджали, сказывали то, же листы тые повеленьемъ Борисовым мимо волю и ведомость бояр писано, и неприкгожо бъ имъ верыть, — пан воевода однакъ не слухаючи и того, што Москва мовила, учал назад въ дорогу выбиратсе. А в том[2] скоро его дошолъ листъ короля, его милости, которим ему и иншимъ всим людемъ своим кор. его милость срокгo приказывал, абы при том чоловеку не были, и за него бъ противъ Бориса и людей его не стояли, и перемирья бъ не нарушали. А затым пан воевода сам з сыномъ и зо всими людьми своими прочь от того Дмитра отышли, а по них вборзде и пан староста Острский[3] тое жъ учинилъ; а зостал тот Дмитръ в Северы только з Московскими людьми и з козаками Запороскими. Быть можеть, што немного и Поляковъ людей молодших при нем своею волею зостало, але якъ першие, такъ поготовю тые за войско почитаны быть не могли. — А кровь людей Московских якъ было пану воеводе розливать? Поневажъ войско Борисово так великое было, што, мало личечи, на кождого одного Поляка по 100 чоловекъ Московских ратных могло быть. Однакъ же, если он виделсе вамъ быть якожъ колвекъ сильный при пану воеводе, тогды, за отъеханьемъ его, праве, слабымъ и зо всего обнажоным въ вашой земли зостал, которого латве в ту пору не токмо бить, але и живо взять и Борисови отдать такъ великое войско могло. Але знать, же в том мел ѳолкгу от войска такъ великого Борисового, же того над ним не зделали, што зделать

[1] *Вст.:* тая.
[2] *Вст.:* часѣ.
[3] Остерскій.

могли; але вместо того городъ и место великое Путымль и иншие многие городы и места сами добровольне его за господара приймовали; князи, *(л. — об.)* воеводы и дворане многие до него приежъджали и верне ему служили. Зачим явне се то показуеть, же не пан воевода, котoрий вжо былъ от него отъехал, але тые жъ войска и народ Московский ему до того помогли, же онъ на том господарьстве усел.

(9). А што есте написали, же кгды тот Дмитръ будто с повеленья короля, его милости, и панов-радъ с паномъ воеводою Сендомирскимъ, с паномъ старостою Саноцкимъ и з ыншими людьми короля, его милости, пришол до Севера,—Борис доведавшисе о том, же будто з стороны короля, его милости, такое злое дело вщынаетьсе, посылал умыслне для того до короля, его милости, посланника своего Посника Огарева, и о томъ всказывал: естли короля, его милость, держать з ним перемирье? И король, его милость, с паны-радами будто заперсе, а отпустившы Посника, ещо болшъ будто тому Дмитру за всих мер помагалъ. И нижей написали есте, будто король, его милость, по пана воеводу и по инших людей, штобъ тому чоловеку не помагали, не посылал, и они одошли не за королевскимъ писаньемъ или розсказаньем, але для помочи Дмитру. — И на то ответъ. В листе Борисовом, через Посника Окгарева писаном до кор. его милости, найменьшое взменки о пану воеводе Сенъдомирскомъ, о пану старосте Саноцкомъ и о том, абы з войском до Севера увойти мели, не было; але писал Борис, будто о невыеханье судей на рокъ, в перемирных грамотах описаный, и обиды порубежные. А притом писалъ и о томъ, што ему ведомо учинилосе, будто в панствах его кор. милости Гришко Отрепъевъ, чернецъ, называетсе княземъ Дмитром Углецкимъ, и листы под своим именемъ до городов и мест украйнных и до козаков Доньских посылаеть, и о то, што Донские козаки сына боярского Петра Хърущова поймали, и будто до Литвы отослали, а Черкасы козаки будто детей боярских Ивана Реутова и Офанасья Сухочова с товариши погромили, и з Остра будто бой и грабежи людемъ Московскимъ учиниться мели; припоминал тежъ кн(язей) Вишъневецких и пана Ратомского, такъже и о том, што, якобы князь Дмитрей Углецкий, чорною болезнею немогучи, самъ се заколоть мел, а хотя бъ тежъ тот чорнецъ и прамый Дмитръ, и он не от законной жоны. Притом писал о Кримскомъ, и если кор. его милость[1] держать перемирье. Над то писал, штобъ кор(оль) его милость того чоловека и совет-

---

[1] *Вст.:* хочетъ.

никовъ его в панстве своем скарать казал. Ино на то, што в ту пору Борыс писал, его кор. милость, господаръ нашъ, до Бориса правдиве отписал[1], росказал; а тое письмо Борисово згожаетъ ли се з теперешнею мовою и письмомъ вашимъ, вы сами прыгледитисе. Запиратьсе тежъ его кор. милость не нерачилъ, бо се стороны кор(оля) его милости и з ведомостью кор. его милости так, яко Борис писал, не деело. И от вас такой слово грубо и высоко противъ короля, его милости, господара нашого, помазанца Божого написано, только будет вас самых розуменьемъ: у вас такъ по обычаю ведетсе, штобъ господару уделавши мошно запиратсе, а у нас то не ведетсе. Ино доложоно и того в тот час в ответе кор(оля) его милости Поснику, ижъ королю его милости ведомо учинилосе, што тотъ чоловекъ, который се звал князем Дмитромъ Углецкимъ, пошол с козаками Донскими и Запорозскими в Московъское господарьство, и тамъ бы его латве вам Москве достать. Ажно вборзде по зверненью послаников вместо достанья и казненья его, вы вси одностально на господарьство его, яко прирожоного господара своего, посадили. А як же то король, его милость, по отпуску Посниковом, ему помагати мел, коли вы мало не того жъ часу по зверненью Посниковом ему поклонилисе, поданство добровольное отдали и крестъ целовали? Якъ вам бояромъ и сорома нет такие речи, къ делу и правде несхожие, мовить и писать? А то што се через нас, посланниковъ, господару вашому мовило, што король, его милость, в тотъ час розказать рачил, листы свои королевские выдать до людей своих, штобъ там тому чоловеку нихто не помагал, и мирного бъ постановенья не нарушали, — ино то правдиве такъ, а не иначей было, и сама речь то свидительствует: бо пан воевода (и) иншие люди, которие без позволенья кор(оля) его милости с тым Дмитром от Москвы до Севера впроважоны были, зараз от него прочъ одышли, яко се вышей написало; и пан воевода в тот же час, по одпуску Посниковомъ, зараз приехал до Варшавы, и там Посника ещо был застал, и не ворочалсе в землю Московскую до того Дмитра, и людей никаких ему на помочь не посылал, и не видел его, отъехавши от него, ажъ тутъ на господарьстве, коли до него через посла вашого Московского припроважонъ былъ.

(10). А што есте написали, же патриарха Московский и весь чин духовный посылали до их милости панов-рад духовных (*л. 6*) кгонца своего Андрея Бунакова, же бы тому чоловеку веры не имали

[1] Отписати.

и мирного постановенья не нарушали, и князь бискупъ Виленский того тонца задержалъ, и до патриархи не отписал, — и на то ответъ. По приеханью того кгонца Бунакова до Орши, ледво колко недель спустивши, Бориса Годунова не стало, а потом вборзде вси есте того Дмитра за господара прирожоного приняли; князь бискупъ Виленский однакъ о том посланю до их мил(остей) пановъ-рад духовных, которие на розных местцах в коруне Польской и у великом князьстве Литовскомъ далече живуть, далъ ведомо, а кгонцу на ответъ велел подождать. И кгонец тот услышевъ то, што тот Дмитръ на господарьство усел, сам его господаромъ своим признавал, и ответу до патриархи сам брать не хотел; а отпущоно и отпроважоно его на рубежъ честно, без задержаня. В чом же было письму патриарховомъ верыть, коли есте посаженьемъ того Дмитра на господарьстве всею землею прамым его быть вызнали? И як ответъ кгонцу насильно было давать, коли он сам не хотелъ брать? И вы то сами видите, што посыланье того гонца на жадной помочи вам не есть, а таки напрасно мовите и пишите.

(11). А што есте написали, будто тот Дмитръ с Путывля до Польши хотел збежать, але маючи обетницу и писанье от пана воеводы Сенъдомирского, от князей Вишневецких и от пана старосты Остръского, будто за повеленьем кор(оля), его милости, и панов-рад, шли к нему з войскомъ, и он, тым обнадежася, учал мешкать в Путывлю; а з украйнных городовъ короля, его милости, до городовъ[1] Московских будто писано к людем Московъскимъ, твердечи его быть[2] Дмитром и обецуючи ему помочь, удаючи, будто кор(оль), его милость, и другие за него стоять мели; и Ратомский будто з многими людьми Польскими и Литовскими до него в Путывль пришолъ. — И на то ответъ. Не покажете того нияким справедливымъ писмомъ, штобъ пан воевода и другие писать мели, от кор(оля) его милости помочь обецуючи, и яко сами свидительствуете, же пан воевода хоть обецялъ, але не был. Чому жъ вы его в тот час в Путывлю не достали? З украинных тежъ городовъ короля, его милости, до городовъ украинных Московъских нихто не писал, высведчаючи его Дмитром, и помочъ обецуючи. Иншому слову королевскому лише правды истенное, иначей никак не мошно быти, вжо вам на то и вышей отписано, и овшемъ противнымъ способом: с Путывля слал тотъ Дмитръ до кор(оля) его милости посла своего князя Ивана Андреевича Татьева-Стародуб-

---

[1] *Вст.:* украинныхъ.

[2] *Вст.:* прямымъ.

ского, воеводу Черниговъского, господарьство свое на князьстве Северском объвещаючи, и то ознаймуючи, же се сподевалъ вборзде столицы Московское прародителей своих за вашимъ всих позволеньемъ доступить, и штобъ з очей на очы с Посником, посланикомъ Борисовым, тотъ посолъ его ставши, неправду Борисову обявилъ. И хотя жъ по обычаем, якие у великих господарей ведутьсе, от того чоловека, который вжо на князьстве Северскомъ господаром был, и о рубежу с панствы его кор. милости много городовъ держал, годилосе посла от него принять и слухать: пред се его кор. милость того учинити не рачил, и посол тот его до кор. его милости припущон не былъ; ажъ в тот час, коли Бориса не стало, и ему се вся Москва поддала и за господара своего принела. Был тежъ и другий посол у кор(оля) его милости от князей, бояр, ото городовъ и мест, яко от Путывля и инших, от духовных и свецкихъ людей Московских, Шулешъ Булгаковъ з кграмотою, который такъже в тую али жъ пору до кор(оля) его милости припущонъ был. А в кграмоте своей вси, до кор(оля) его милости писаной, вызнавали его княземъ Дмитром Углецкимъ, сыном великого князя Ивана Васильевича. То не король, его милость, ани жаденъ с подданых его кор. милости Москве (яко вы без сорома много о том в грамотах своих написали), але люди народу вашого Москва, с почетку и через весь час, розными часы королю, его милости, и народу нашому его, яко Москвитина, которого добре знать могли, свидительствовали быть прамым тымъ, чим се он быть менил; на што суть и письма за печатьми их. А Ратомский, отъехавшы от него, долгий[1] час при нем не был, и не мошно было ему мимо заказанье кор(оля) его милости до него за рубежъ на помочъ войною ехать; а потом, як ему вжо вси люди Московские здавалисе, и Ратомъский пришол к нему не войною. Оттуль он же, господаръ вашъ, и Москва сама хотели, штобъ его Ратомский провадилъ к Москве; и Ратомский по вашой воле учинил, а з Москвы вборзде отъехалъ, и не бывал в Москве ажъ под тот же час, коли иншие люди его кор(олевской) милости за послом и кграмотами Московъскими опасными здесь приехали. И он приехал именно з росказаня его кор. милости того для, што тот господаръ вашъ писал до его кор. милости, менуючи обиду людем своимъ от Ратомского, а Ратомский на них такожъ скаржилъ о свою обиду, и его кор. милость приказать рачил, штобъ то перед нами послы з обеюх сторон обыскъ уделать; и Ратомский за тою мерою

---

[1] Черезъ долгій.

к нам послом належал. А вы и того зо всих животовъ и скарбовъ обравши и самого далече, яко и инъшихъ, зъ Москвы зослали, чого чинить не годилосе.

(12). *(л. — об.)* А што есте написали, ижъ якъ вжо Бориса не стало, а с полков много бояр и дворан на погребъ его до Москвы отъехало, а зостало там немного бояр, а з ними только ратные люди Северских городов, стрельцы, козаки и чорные люди, и тые, услышавши о смерти Борисовой и уверивши тому, будто король, его милость, с паны-радами хотел стоять за того Дмитра, смуту в полкахъ учинили. И бояре и воеводы, которие там были, видечи такую смуту, збегли до Москвы; а которие не збегли, тыхъ повезали и одослали до Путывля къ Дмитру. А все то будто сталосе умышленем и помочью короля, его милости, господара нашого. А только бъ будто король и панове-рада ему не помогли, и ему якъ было на такое дело и помыслить? А якъ в полках и в Северских городах стрельцы смуту учинили, и тот Дмитръ будто писал до инших городов свои листы, и в тых городах чорные люти, смотра на Северские городы, учали передаватсе, бояр и воевод городовыхъ бить, по турмамъ сажать, а иншихъ до того Дмитра отсылать; а он их убиялъ и въ далные городы на заточенье отсылал. — И на то ответъ. Сами своими мовами и письмы противъ себе сведчите, невинность кор(оля) его милости и народу нашого оправдываете, а неправду и вину з стороны своее обличаете тыми мерами. Сами добре ведаете и помните, же есте всимъ господарьством Московъским от старшого до молодшого целовали хрест Борису, господару своему, его жене, сыну и дочеры, и запись свою дали на то, што вамъ и вашим детемъ их самых о[1] их детей, покуль бы одно их господарьского корени ставало меть было за господаров своихъ прирожоных. Ино, як Бориса не стало, то вамъ было всим стать при сыну его, яко при господару своемъ, и лутши было, с полковъ не отъежъджаючи, стоять противъ недрукга господара своего, побить и знести его, и на господарьство не допустить. А то знать, што вси ещо за Бориса, для тых вышей помененых причин, а именно, тыранства Борисового не могучы и не хотечи долже зносить и терпеть, болши вжо тому Дмитру, ани жъ самому Борису прамили. Бо скоро Бориса не стало, и князи и бояре с полковъ до Москвы, знать, же не для погребу Борисового ехали, але для того, штобъ тому господару своему князю Дмитру очыстили и устроили спокойное приеханье на столицу Мо-

[1] И.

сковскую; кгды жъ с полковъ приехавши, некоторие з них жону Борисову зъ сего света звести, а сыну Борисовому великому князю Өедору Борисовичу, которий по вашому крестному целованью господаром вашим былъ, такъже смерть задать или в заточенье сослать его велели, и такъ, штобъ перешкодою никоторую Дмитру не были, не токмо их, но и ближних их отделали [1]. А в ту пору ни Поляковъ, ни Литвы, никого в Москве не было, сами Москва по своей доброй воли все то делали. А только бъ сына Борисового, господара своего, в ту пору не отъделали [2] и верни быть хотели, мошно было ему таким великим войском, якое по отцы его в полъкахъ и на Москве в зборе зостало, дать отпор тому Дмитру и не допустить на господарство въходить. А с полковъ, яко есте поменили, никого звезавши до Путывля не привожоно, якъ о том от ваших же людей ведаем. Надобе бъ вамъ Бога боятсе, а правду знать. Да ведь наперед к. Иван Кголицын з ыншими князями и воеводами и дворяньми в тысечы чоловекъ до Путывля приехал, и именемъ всего войска от больших и од менъших его за господара своего прирожоного признавшы, чолом ударили, послушенство отдали и крест целовали, просечы, штобъ на венчанье господарьским венцемъ до Москвы поспешилсе. Потом в дорозе Михайло Солтыковъ-Морозовых и Петръ Босманов, оба два сенатори, маючи з собою со 200 чоловека, по них опять князь Василей Кгалицын и Шереметевъ, такъже сенатори, з многими иншими людьми, а потом и все войско добровольно ему, яко властному дедичному господару своему, крест целовали. А одного только Ивана Годунова, называючы его таким же зменьником, якъ и Бориса, вместо вязня отъдали. Иншие вси зо всих городов и мест шли до него добровольно, а не насильством, и чорные мужики никого з бояръ на городех везать и до Дмитра отсылатъ не могли; бо мужиком чорным за Бориса взвыши *(л. 7)* прежних господаров добро было, и они ему прамили; а иншые многие в порубежных и в ыншыхъ многих городах и волостях и теперь Борыса жалуютъ [3]. А тежоло было за Борыса бояром, шляхтетые потому ему самому, жене и детемъ его прамити не хотели. И не надобе их было никому везать, и сами ради Дмитру и з городами чолом били. А только будет где так, як вы написали, над ближним Борисовым которым и учинили, и то могли делать, на старших бояр смотра и слыша, што они в Москвѣ над жоною и сыном

---

[1] Отдалили.

[2] Отдаляли.

[3] Жалѣютъ.

Борисовым учинили. А што ни делали, то чинили Москва, а не Поляки, ани Литва; и вамъ их и теперь за то казнить вольно.

(13). А што есте написали, як блиско Москвы был тот Дмитръ, будто чорные люди Московские бояр, и дворан и лутших людей били, а инших имали, и в Москве смуту учинили, — и на то отвѣтъ. Тые князи, бояре, воеводы и дворане и вси, которые в полках были, пославши до него в Путывль тых, которых вышей написано, просечы, штобъ до Москвы на венчанье господарским венцом поспешылсе, выехавши з ним с Путывля, припровадили его до Орла, где в тот час вси полки были; одтуль до Тулы вси з ним ехали, а до Тулы 180 верстъ од Москвы. Там прыехали к нему з Москвы господаръ ваш нонешний князь Василей Иванович, князь Дмитрей и князь Иван Ивановичове Шуйские, братья родные, князь Өедор Иванович Мстиславский, ты сам князь Воротынский, и вси иншые большие бояре и лутшие люди з многими людьми своими сами добровольно, а не повезаны к нему прыехали; платье, достатки, нарады и запасы всякие, которие къ господарскому чину належат, с казны Московское там прывезли, и там зо всими воеводами ратными и зо всими полками Московскими (которие не по городех, далече, але взборе, сколько одъно зо всего господарства быть могло, были) злучившисе, вси згодне там его за властного дедичного господаря своего прыняли. А было там всего войска вашого большъ 100000, оприче бояръ думных, князей, и дворан; а людей народу нашого, личечы в то и хлопят, не было больший кольку сот. Чому ж вы в ту пору, только бъ его узнали быть не прамым Дмитром, зараз не обличыли, не зымали, и не скарали? Але вместо того вы большие люди сами есте словы своими его прамым истенным князем Дмитром Ивановичом господарем своим прирожоным вызнавали, и всим иншым не только той троше[1] нашим людем, але и Московским его высветчыли, а Борыса зменникомъ называли. Як же тое могло так быть по вашой сказце, штобъ мир на Москве бояр везать мел, коли есте вси до него до Тулы добровольно выехали? И овшем так было, што мир, на вас бояр больших смотра, тое жъ делал, што и вы делали, а его за прамого господаря признавшы, в тот час, кгды есте его до Москвы прыпровадили, вси с попами и зо всимъ чином духовным, со хрестами, з хлебом и з солью стречали, место и брамы отомъкнули, вси з радостью, яко прирожоного господара своего, приняли.

---

[1] Кротцѣ.

(14). А што есте написали, будто пришодшы къ Москве, и ведаючы воровство свое, и боячисе, штобъ не узнан от патрыархи и духовного чину и иншых больших бояр, многих в тот час побил, а иншых врознь до далеких городов розослалъ, — и на то отвѣтъ. Слышели есмо о том, што того патрыарха, который был за Борыса, вы с тым господаром своим[1] с патрыарховства зложили, а иншого посадили; а для чого то учинено, не ведали есьмо, а вы сказываете, будьто для того, штобъ его не узнал и не объличыл. А то деелосе *(л. — об.)* перед венчаньем его, въ ту пору вам было опертисе з патрыархою, естли то так есть, як сказываете, штобъ его не обличыл. Але тая причина того быть не могла, бо он не ушол бы был того, штобъ его не мел до всего господарства удать за непрамого, и про тож скиненье его с патрыарховъства не може иначей розуметь, только, што то сталосе з зверхности того, который был в тот час господаром вашим и с прызволеньем бояр, яко и нонешний господар ваш учинил, што скинувшы[2] того кгрека, иншого на его местцу посадил. А если то так быть мело, штобъ его тот патрыарха и иншие бояре большие обличить мели, не позвалять было ему венчатсе господарским венцом, што лацно бъ могли учинить. Але ничого того не слыхать было, штоб который з вас больших бояр с тым патрыархом против того явно озватсе мели, и овшем к тому есте его вели, штобъ як наборздей венчалсе. Але онъ не сквапялсе до того своего венчанъя, хотелъ перво послать по кнегиню Марью, жону великаго князя Ивана Васильевича, которую он маткою своею менил. И послал по нее князя Михайла Васильевича Шуйского-Скопина и иншых зацныхъ людей, и ждал прыезду ее на Москвѣ; а в ту пору нихто з вас бояр не обличал его, и не боронили ему по матку свою послать. И як тая кнегиня к Москве прыеждчала, он самъ, и вы бояре думные, и люди лутшие вси выеждчали против нее; которую онъ, яко матку, з великою честью, а она его, яко сына, з радостью прыняла. А коли б она мела отпиратсе от него и за сына своего не прызнать, он бы по нее не посылал, которая в тот час далече в манастыре была, колько сот верстъ от Москвы, а венчанъе без нее бъ одправил. Але он перед венчаньем хотел то перво показать, што сыном ее был; а только бъ он на нее и на вас самых надежон не был, отложил бы он на иншое время видетсе с тобою[3]

---

[1] *Вст.:* Дмитромъ.
[2] *Вст.:* съ патріарховства.
[3] Тою.

кнегинею Марьею, а улоцнивъшисе [1] вперод венчаньемъ на господаръстве, в тот час бы мыслил, як тую кнегиню до того прывести, штоб его за сына признала. Але иж ее пры венчанью мел, знать, што обънадежилсе, же она его запертисе не мела. И вы хоть бы есте в наменшой речы в ту пору постерегли быть его непрамым, не есть то у нас речь подобная, штобъ есте его за господара принять мели, и господарским венцом венчатьсе ему допустили; маючы его вжо в руках своих, не стерпели бъ есте его, але бъ есте зараз то над ним зделали, што есте потом учинили. А в ту пору могли бъ есте то зделать, и нихто бъ вам за зло не почитал, коли ещо не был венчан господарским венцом. Але сказуете, што он до того великую кнегиню Марью насильством прывел, абы его за сына прызнала, и мовите, што в шатре сам только будучы з нею о том намавялсе [2]; але, водлуг прыроженья мовечи, неслыханая и неподобная то речь на свете, штобъ матка чужое дитя, ведаючы и знаючи его быть чужым, а за свое прынять мела. И немые бестыи не лацно до того прывести дадут, штобъ чужие дети за свои прыймовале. А вспомневъшы на тые две невесты, которые коли судилисе о дитя перед царомъ Саломоном, познать там было прамую матку, которое то дитя было. А с тых беручи прыклад, чи не могли есте познать зъ якою хотью матерынскою [3] принела того Дмитра? Наши люди, которие на то смотрели, сказывали нам, што его намиловатсе не могла, Господу Богу завсегды хвалу воздаючи, што ей сына прывернул. А и в шатре [4], як тому мошно было статсе, штобъ в так малом времени мел то на кнегини Марьи выгрозить или выпросить, штобъ его за прамого сына прынела. А еслибъ того добровольне учинить не хотела, и вы сказуете, што ее убить хотел, — то по вашой мове нияк быть не может; бо коли бъ он ее за то, штобъ его прамым сыном прызнать не хотела, убить велел, тым бы сам обличылсе, што будто непрамый, а измышленый Дмитръ был, и нихто бъ иначей розуметь не мог, только, же для того ее убить казал, што его за власного сына прызнать не хотела. Про тожъ с тых таковых мер явне то значитсе, што и мать за прамого сына, и вы за прамого господаря и дедича его есте в ту пору быть чаяли и приняли. А мы так широко написали есмо с тое меры, штобъ вам показать, иж вы сами его за прамого Дмитра приняли

---

[1] Умоцнившися.
[2] Намовлялся.
[3] *Вст.:* кнегиня Марья.
[4] *Вст.:* будучи.

и мели, а не король, его милость, и не люди короля, его милости, Дмитром его назвали и на господарство всадили.

[15). А што написали есте, ижъ будучи тутъ въ Москвѣ тотъ Дмитръ, господаръ вашъ, будто далъ волю Полякомъ и Литвѣ на всякое воровство, штобъ ими на господарство Московское страхъ навелъ; а около себе во всякихъ справахъ якобы приставилъ Польскихъ и Литовскихъ людей, и будто безъпрестани съ королемъ его милостью и съ паны-радами на розореніе Московского господарства и вѣры рускоѣ зсылался, а писали тые листы у него и ѣздживали съ ними Бучинскіе и иншіе такіе жъ; а бояре, дворяне и лутшіе люди, которые были на Москвѣ, будто боячися отъ него убитія и ссылки, до часу терпѣли, для того, што будто многіе бояре, дворяне и лутшіе люди были въ дальныхъ господарствахъ; а вся тая смута въ Москвѣ якобы сталася зъ стороны короля его милости господаря нашого; а только бъ король и панове-рада того не всчинали, и его господарскимъ сыномъ не называли, и помочи ему не дали, ино якобы тому ничому было въ Москвѣ не бывать. — И на то отвѣтъ. Дмитръ тотъ, господаръ вашъ, будучи въ ту пору отъ васъ всихъ згоднѣ на господарство принятъ и коронованъ, ничого злого отъ васъ не сподѣвался, и про тожъ не иноземцами, але вами Москвою по прежнему около себе до всякихъ справъ обставлялся, и вамъ самымъ, надѣючися на ваше крестное цѣлованіе, здоровья своего повѣрялся; а Поляками и Литвою нѣкимъ было ему обставлятися: всихъ пришло было до Москвы лише сколько сотъ, которые вси въ одномъ дворѣ посольскомъ, гдѣ мы теперь стоимъ стаивали; и тые заразъ, вборзѣ, черезъ васъ же самыхъ били чоломъ господарю вашому, штобы ихъ всихъ отпустилъ до Польши. И якъ ихъ отпустилъ, они отъѣхали, а тутъ за вашою жъ волею и вѣдомомъ зосталося ихъ на службѣ всихъ а всихъ, и конюховъ въ то личучи, около ста и колькодесять чоловѣковъ: и тыми ль было обставляться, или страхъ на Москву пущать? Не ровно большъ ихъ было въ ту пору, якъ мы послы и панъ воевода Сендомирскій зъ иншими тутъ пріѣхали; а предься, не оглѣдаючися на тотъ страхъ, людей его королевской милости спячихъ, покоемъ убезпеченыхъ помордовано. Ино, только вамъ были страшны тые люди, которыхъ немного, яко вышей помѣнено, здѣсь было; и вамъ ихъ было въ Польскій и Литовскій рубежъ отпустить; а не хотѣли бъ они ѣхать, и вамъ можно было ихъ въ одномъ дворѣ, якъ посполу стояли, оточить и также побить. — Листы хто у господаря вашого писалъ, намъ до того ничого: то однакъ всей Москвѣ и иноземцомъ всякимъ,

которые тутъ бывали, вѣдомо есть, ижъ коли тотъ Дмитрей, господаръ вашъ, будучи на господарствѣ, по два разы слухалъ посольства явнѣ отъ короля его милости господаря нашого, также коли и пословъ Татарскихъ пріймовалъ и иншіе всякіе справы отправовалъ: тогды не Поляки и Литва, але князь Мстиславскій, князи Шуйскіе, князи Трубецкіе, князи Ростовскіе, князи Оболенскіе, ты княже Воротынскій, князеве Голицыновы, Микитичъ, Ромадановскіе, Нагіе, Масальскіе, Татевы, Солтыковы, вы сами, которые теперь о томъ съ нами мовите, и иншіе большихъ родовъ Московскихъ бояре и дворяне въ думѣ при боку его сидѣли, и дьяки думные и меньшіе, Москва, и приставы Москва; и на стрѣчу противъ пословъ выѣзджала полками великими Москва, и до города проваживала Москва, и стрѣльцы по обу сторонъ улицы, почавши отъ посольского двора ажъ до палатъ стаивали Москва; она все а все отправовала, дѣлала и рядила, Москва. И до короля его милости три разы отъ него пріѣзджали въ посланникахъ и въ гонцахъ Москва. А хотя жъ и черезъ Поляковъ улучилося коли разъ или два писать ему до короля его милости о добрыхъ, а не о такихъ, якъ вы неправдиво менуете, дѣлѣхъ: и то што за дивъ? Промежъ всими великими хрестіянскими господарами заховуется то; писываетъ король его милость черезъ Нѣмцовъ и Угровъ до цесаря, черезъ Гишпановъ до короля Гишпанского и до иншихъ, а они тежъ писываютъ до короля его милости черезъ Поляковъ и Литву, а съ того все добро, а не зло бываетъ. Што жъ бы съ того былъ за убытокъ, хотя бъ и зъ господарами Московскими такъ велося, яко промежъ всихъ иншихъ христіянскихъ господарей ведется? — А Бучинскихъ тыхъ напрасно такъ часто въ мовахъ и писмахъ своихъ припоминаете. Сами вѣдаете, што они оба-два не были съ тымъ Дмитромъ, якъ онъ тутъ отъ васъ на господарство впроваженъ, и ажъ по коронацыи его въ долгомъ времени были здѣсь, и только разъ одинъ зъ нихъ Янъ Бучинскій до Польщи до дому отъѣзджалъ, а другій и не бывалъ зъ Москвы. А вы сказываете, будто Бучинскихъ до короля его милости посылалъ: якъ вамъ сошлося такіе видомо и явно небылые слова писатъ? А надъ то все, и то похотите видѣть и розсудить у себе: только вамъ въ ту пору не любо было то, штобы хто зъ Польши или зъ Литвы до господарства вашого пріѣзджали и взадъ отъѣзджали: и вамъ было велѣть не пущать и тыхъ Бучинскихъ и иншихъ въ землю Московскую. А вѣдь же воеводами на городахъ украинныхъ и ближнихъ ваша братья, люди Московскіе были, а при нихъ въ ихъ повелѣнью люди служивые и стрѣльцы

Москва жъ бывала: ино мошно было ихъ не пропущать къ Москвѣ и приставовъ не давать, а насильствомъ бы нихто въ чужое господарство ѣхати не могъ. А тое подлинно намъ и самымъ вамъ вѣдомо, што бояре, князи, дворяне и вси ратные люди Московскіе, што преднѣйшіе и лутшіе, вси вы были есте не по дальныхъ господарствахъ, але тутъ въ Москвѣ, съ-одного въ зборѣ, гды есте того Дмитра тутъ припровадили и короновали, яко о томъ вышей ширѣй маете; и то не есть такъ, якъ есте написали. А если которыхъ молодшихъ и не было, ино въ томъ што намъ? Если есте такъ смѣлы и такъ сильны были сами его за господаря принять: мошно и лутши бъ было заразъ, съ первого разу, не ославляючи его быть господаремъ своимъ, тое съ нимъ здѣлать, што есте потомъ здѣлали; а надъ то не только бояръ и людей ратныхъ, але и мужиковъ чорныхъ мошно было за такій часъ долгій (понѣважъ вамъ годъ цѣлый господаремъ былъ) созвать, и его обличивши сказнить, а крови невинноѣ людей короля его милости такою оманою не проливать. Вже то вамъ широко розведено и розчитано, ижъ ани король его милость, ани жаденъ зъ народу нашого его господарскимъ сыномъ не называлъ и помочи военноѣ ему не давалъ; онъ самъ Дмитромъ, господарскимъ сыномъ сказывался; Москва его въ томъ высвѣтчала; вы сами его господаремъ пріймовали и короновали; вами Москвою и тымъ Москвитиномъ все почалося, вами и совершилося, а народъ нашъ съ початку и до конца отъ васъ ошуканый есть. А вы еще такими словами и мѣрами, зъ вашее стороны неслушными и неправдивыми, больши на нашу сторону кривды и жалю придаете. Смотрите, впередъ якъ бы большоѣ ссоры и нелюбія промежъ господарей и господарствъ тымъ не выдали есте].

[16. А зъ стороны вѣры, ижъ есте не только въ той статьѣ, але и на иншихъ многихъ мѣстцахъ написали досыть просторнымъ сумнѣньемъ, будто король его милость черезъ того чоловѣка хотѣчи въ Москвѣ вѣру рускую розорить, а римскую уставить, для того его Дмитромъ назвать и помогать ему мѣлъ; и нижей написали есте, ижъ тотъ Дмитръ усѣвши на господарствѣ, хотѣлъ зъ Поляками и зъ Литвою патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, владыковъ и всихъ духовныхъ побить, олтары и церкви розорить, а римскіе ставить. — И на то отвѣтъ. Въ томъ всемъ его королевской милости пану нашому милостивому, господарю христіянскому, въ святобливости и побожности живущому, и всему зацному христіянскому народу нашому великая обида отъ господаря вашого и отъ васъ самихъ дѣется. Король его милость не только штобъ въ Москвѣ,

въ чужомъ господарствѣ мѣлъ хотѣть розорить вѣру рускую, але и въ своихъ широкихъ господарствахъ не только тую вѣру, которая по уложенію святыхъ Апостоловъ и по правиломъ святыхъ Отецъ здавна одна есть зъ нашою, радъ видѣти, але и многими милостинами розмножаетъ, и самъ певного времени въ церквяхъ рускихъ на набоженствѣ бываетъ; и въ господарствахъ его королевской милости найпреднѣйшихъ, здавна, отъ принятія кресту святого, архіепископъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси, и иншихъ архіепископовъ и владыковъ, чернцовъ законныхъ и всякого чину духовного руского греческого много есть; церквей рускихъ по всему господарству его королевской милости, и въ мѣстахъ короля его милости и въ панскихъ и шляхетскихъ много есть, и цѣлые суть нѣкоторые князства и господарства, въ которыхъ вси люди рускоѣ вѣры заживаютъ. А надъ то, и въ радѣ его королевской милости много есть пановъ сенаторовъ рускоѣ вѣры, которые вси вольно набоженства своего заживаютъ, церкви и манастыры будуютъ, найменьшоѣ перешкоды въ томъ не маючи. И то явно передъ Богомъ и передъ людьми короля его милости господаря нашого, и весь народъ нашъ высвѣтчаетъ, што неслушнѣ и не по правдѣ зъ стороны господаря вашого и отъ васъ въ томъ примовки маемъ: бо мы знаемся гораздо на вѣрѣ руской, и умѣемъ о ней розумѣть и добрѣ мовить, а розорить ее, яко вы задаете, не мыслимъ и умѣть не хочемъ. Указали бы есьмо вамъ и то притомъ, што архіепископы, владыки и иншіе духовные руского чину въ большомъ пошанованью у короля его милости господаря вашого, анижли у васъ самыхъ суть, хотя о томъ часто мовите и якоюсь своею святобливостью въ мовахъ и писмахъ своихъ пописуетеся. У насъ якъ который митрополитомъ, архіепископомъ, епископомъ зостанетъ, не складаютъ его до самой смерти зъ его достойности, и король его милость въ ихъ духовные дѣла не вдается. А у васъ и патріарху самому такого пошанованья нѣтъ. За Бориса Іовъ былъ и того скинуто, а посажено на патріярховство Игнатія Грека; потомъ за нынѣшнего господаря Грека того скинуто, а посажено на патріярховствѣ Өеодора Микитича, яко о томъ бояре думные по оной смутѣ, въ Отвѣтной полатѣ намъ посломъ сами сказывали, менуючи, што по моши Дмитровы до Углеча послано патріарха Өеодора Микитича; а говорилъ тые слова Михайло Татищовъ при всихъ боярахъ. Потомъ въ колько недѣль и того скинули, учинили есте Гермогена патріярхомъ. Итакъ теперь живыхъ патріярховъ на Москвѣ чотырехъ маете: што у короля его милости господаря нашого для чести и пошанованья вѣры рускоѣ

не ведется. Але намъ до того ничого, хоть бы у васъ и десять разомъ патріярховъ было. Мы бъ есьмо того не рады мовили и писали: але ижъ такъ безчестно метаетеся на короля его милость господаря нашого, христолюбивого, благочестивого и премудрого христіянского короля, чинячи ему въ томъ великую обиду, гдыжъ не токмо Всемогущому, Милостивому Богу, передъ Которымъ ничого тайного нѣтъ, вѣдомо то есть, але и найменьшому чоловѣку, который одно короля его милость господаря нашого знаетъ или слыхомъ слыхалъ о его святобливомъ королевскомъ житью, якъ то онъ господаръ духовныхъ рускихъ и вѣру греческого руского закону чтитъ. Мошно кождому видѣть, знать и у себе розсудить, што и въ мысли и на его королевскомъ чистомъ сердцу николи того не было, што есте написали. И для того жъ, за такимъ даньемъ причины отъ васъ, хотя бъ есьмо могли много укорительныхъ рѣчей противъ вамъ припоменуть и написать: але, ижъ мы засѣдаючи съ вами въ отвѣтѣ, зычимъ и ищемъ промежъ господарей нашихъ и господарствъ ихъ добра, а не зла; тогды всякихъ рѣчей укорительныхъ на тотъ часъ занѣхавши, тую только малую рѣчь припомнили есьмо вамъ, штобъ есте водлугъ Евангеліи, яко христіяне дѣлали, и первѣй въ своемъ оку бервено, анижли въ чужомъ порохъ видѣть хотѣли, и потомъ съ нами въ такіе жосткіе и безчестные мовы не вдавалися: бо если будете о тое разореніе вѣры невиннѣ и не по правдѣ на короля его милость господаря нашого такъ жестоко мовить, и народомъ нашимъ христіянскимъ тымъ большъ несправедливо жалю придаватъ: привели бы есте насъ до того, штобъ есьмо большъ надъ то отказывать противъ господаря вашого и васъ самыхъ мусѣли, чого бъ вы не рады слышели. Поважаемъ мы честь господаря вашого, поважайте и вы тежъ честь и короля его милости господаря нашого, и такъ промежъ насъ впередъ лутши будетъ; а такими жосткими и укорительными словами, только ихъ впередъ всхотите чинити, ничого доброго не здѣлало бы ся].

[17. А ижь есте въ томъ же писмѣ своемъ на иншомъ мѣстцу написали, зъ стороны святѣйшого отца папы Римского, будто писалъ самъ, и легатъ его, и князь кардиналъ до того Дмитра о розоренье вѣры рускоѣ, тогды съ-одного чинимъ вамъ и на ту статью отвѣтъ. — Такихъ листовъ, штобъ святѣйшій отецъ папа Римскій и другіе греческую рускую вѣру и церкви розоритъ хотѣли, не покажете, и неподобная то рѣчь намъ до вѣры. Чи не вѣдаете вы: коли въ Греціи, за цесаровъ и патріарховъ Царогородскихъ, еретиковъ, повстало было тамъ образоборство великое и преслѣдованіе

правовѣрныхъ христіянъ, тогды много Грековъ, чернцовъ и людей святыхъ до святѣйшого отца папы яко найвышшого пастыря церкви Божой уходили, и онъ яко пастырь овцы, яко отецъ сыны духовные пріймовалъ, манастыры имъ будовалъ и надавалъ. И по сегоднѣйшій день въ самомъ Римѣ и въ земли Влоской подъ властію святѣйшого отца папы многая личба манастыровъ греческихъ, которые и по сесь часъ не латинскимъ, але греческимъ чиномъ и порядкомъ безъ найменьшоѣ отмѣны живутъ и набоженство свое отправляютъ. А если святѣйшій отецъ папа въ своей земли и власти маетъ манастыры, чернцы и священники греческіе, и колегіумъ фундованое на Греки, и патріярхи при немъ Греки, — ино якъ же онъ въ Московскомъ чужомъ господарствѣ мѣлъ хотѣть розоряти вѣру греческую? Было бъ много подивленія и смѣховства такимъ мовамъ вашимъ, коли бъ то досталося вѣдать иншимъ господаромъ и народомъ христіянскимъ. — А если и были листы отъ святѣйшого отца папы до того Дмитра господаря вашого (о чомъ онъ яко найвышшій пастырь овецъ Христовыхъ съ повинности своее печаловался, штобъ въ вѣрѣ и во всемъ згода и братство было промежъ господарей и господарствъ христіянскихъ), и то онъ дѣлалъ святобливо и побожно, и за то не наганы, але похвалы достоенъ у всихъ. Чинили то и прежные святѣйшіе папы, и недавно святѣйшій отецъ папа Григорій Тринадцатый зсылался съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичомъ, господаремъ вашимъ, и за жеданьемъ его, помирилъ его съ королемъ блаженноѣ памяти Стефаномъ господаромъ нашимъ, черезъ посла своего Посевина, и кроворозлитіе христіянское унялъ. Не новое то дѣло промежъ такихъ великихъ господарей. Однакъ, въ ту пору и сами Москва не гудили того святѣйшому папѣ и не безчестовали такъ, якъ вы теперь чините. А надъ то, и того докладаемъ: только по вашому розумѣнью не подобается вамъ што отъ святѣйшого папы Римского, и вы о томъ съ нимъ зсылайтеся, а мы здѣсь послуемъ отъ короля его милости господаря нашого, а не отъ иншихъ господарей].

[18. Написали есте тежъ о Ѳеонасью Власьевѣ, думномъ дьяку и посланнику до короля его милости, менуючи, што дей тотъ воръ и совѣтникъ Дмитровъ тайно отсюль ѣхалъ, и што листы тайные до короля его милости и пановъ радъ возилъ; а Ѳеонасей ѣздилъ въ ту пору, якъ вже будто Дмитръ съ Поляки владалъ, и почомужъ гонцомъ Борисовымъ не вѣрено, а тому чоловѣку вѣрено? Къ тому и то сказываете„ ижъ коли за того Дмитра въ Краковѣ панъ воевода Сендомирскій дочку заручалъ, король его милость

самъ тамъ у воеводы на заручинахъ былъ съ королевичомъ его милостью сыномъ своимъ и съ королевною еѣ милостью сестрою своею, и вси панове-рада, которые въ ту пору при королю его милости были, тамъ же у воеводы были; а тому якъ было мошно статься, штобъ панъ воевода Сендомирскій заручалъ за того Дмитра дочку свою безъ повелѣнія короля его милости? — И на то отвѣтъ. Тое посольство было правдивое черезъ Ѳеонасья Власьева, и вси люди Московскіе духовного и свѣтского чину преднѣйшіе о немъ вѣдали, и впередъ о томъ бояре и вси думные люди съ господаремъ своимъ въ думѣ думали; а тайно то не могло быти, потому што шло о соединеніе такихъ великихъ господарствъ. Вы то сами гораздъ знаете (и кому бъ того не знать?), ижъ бы то рѣчь была добрая, намъ хрестьяномъ быти съ собою въ соединеніи и противъ бусурмановъ заодно стоятъ. И непригоже таковыхъ дѣлъ запираться и невѣдомостью того збывать. А посланникъ тотъ Ѳеонасей не былъ воръ, и за первого господаря вашого былъ именитымъ чоловѣкомъ, діякомъ большимъ думнымъ Посольскимъ, и во многихъ господарствахъ чужихъ онъ знаемый и вѣдомый есть. И коли съ послы его королевской милости договоръ чинено за Бориса, онъ съ княземъ Ѳедоромъ Ивановичомъ Мстиславскимъ и съ другими большими думными бояры въ отвѣтѣ, яко думный чоловѣкъ, а не яко воръ, засѣдалъ; тотъ же и для докончанья перемирія съ Солтыковымъ и съ Плещеевымъ у короля его милости былъ; тотъ же у цесаря его милости христіянского и до иншихъ господарей посломъ не разъ отъ господаря вашого бывалъ. О томъ самомъ, и сколько при немъ дворянъ и людей, писалъ и обвѣщалъ зъ Смоленска до Орши два разы, по звыклому, яко ся здавна ведетъ, бояринъ думный, воевода и намѣстникъ Смоленскій князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, тотъ же, который и отъ нынѣшнего господаря вашого посланниковъ князя Волконского и Андрея обвѣщалъ. И за такимъ обвѣщеніемъ князя Куракиновымъ была Ѳеонасію стрѣча, и дано самому и дворяномъ пристава и кормъ на триста и колькодесятъ людей, по звыклому. И не годилося его самого, дворянъ и людей, кои съ нимъ были, также и того, хто объ немъ зъ Смоленска обвѣщалъ, за воровъ почитати; бо только то всѣ воры по вашому розумѣнію, ино трудно знать, хто у васъ добрый чоловѣкъ, и не вѣдать, кому впередъ вѣрить. Але хто жъ нибудь тотъ Ѳеанасей былъ, только коли онъ не тайно и звычаемъ первшихъ иншихъ пословъ пріѣхалъ, и къ тому вжо другій разъ былъ посломъ у короля его милости, — не належало о томъ королю его милости пы-

таться о томъ, хто бы былъ. Але, гды показалъ листъ вѣрющій съ печатью господарства Московского, не могъ иначей король его милость и панове-рада розумѣти, только такъ, што онъ посломъ былъ отъ того, который на господарствѣ сѣдѣлъ. А коли бъ былъ король его милость тому вѣры не далъ, то бы была рѣчь новая, и пришлось бы было королю его милости перво тутъ посылать, пытаючися, хто то есть, и есть ли отъ прямого господаря; и не вѣдать, до кого бы тутъ мѣлъ посылать, пытаться о томъ: бо онъ не токмо отъ господаря Московского, яко есть звычай], *(л. 8)* але и от васъ всих с певною ему злецоною речью пословал. И не ведетсе промежъ господарей и народов всих пытатсе, хто послом и от кого; и яко хто на господарстве седит, досыт на томъ мают короли и господари, кгды ведають, што тот господарь, от которого посол идеть, был венчан и через подданные свои згодне оголошоный за ихъ господаря. До того ведаем тоже, коли тот Өеанасей был послом у цесара хрестиянского и у иншихъ господарей от Борыса, в тот часъ не мели есте его за вора; ино яко цесарь, его милость, прынял его за посла от Борыса [1], также и инъшие господари для того только, иж мел кграмоту верущую с тою жъ печатью господарства Московского; так теж король, его милость, перво од Борпса, а потом от того Дмитра за такою жъ грамотою верущою прынял его за посланника. Ино прыкгожо бъ вам перестать таких ваших мовъ, если хочете, штобъ господари, а особливе король, его милость, господаръ нашъ, коли до них послов и посланников посылаете, веру давал, иж от прамого господаря и послами прамыми суть. О посланнику и гонцах за Бориса, о всех именно вжо вамъ вышей добрый ответъ дано. Мошно вамъ с ответу видеть, што и ваша нонешняя мова зъ тыми грамотами, за Бориса про князя Дмитра Углецкого писаными, ни в чом згодна не есть, а то не только словы, но и письмом з нашое стороны указатсе вам можеть. А над то и то бъ прыгожо вам у себе розсудить: одни з вас, як тот Дмитръ зъявилсе, сказали, што прамо господаръ; иншие, што Борисову сторону держали, ближние его, мовили, што непрамой Дмитръ; а якъ Борыса не стало, и вы вси прамым князем Дмитром его называли, и за господара приняли, а потом, убившы, сказываете, што непрамый, и всего запираетесе. А людем добрым цнотливым што се раз подобает, прытом вжо статечне тривать повинни. А за гетакими вашими нонешними мерами не угадать, кому

---

[1] *Словъ:* прынял его за посла от Борыса *нѣтъ.*

з вас и коли вперод веру дать. А о Поляков и Литву, што тут пры Дмитре власти ниякое не мели, а владели и справовали при нем все вы Москва, вжо вам то и вышей указано. — Дочку тежъ у пана воеводы Сендомирского же господар ваш за жону поняти мел, вси есте ведали; бо Оѳанасей посланник ваш, пры одъправованью посольства, чинил прозьбу до кор(оля) его милости от господара и от великое кнегини Марьи, матки господарское, штобъ прызволил пану воеводе Сендомирскому дать дочьку свою за жону господару вашому; а прытом сказывал их милости, паном сенатором его кор. милости, же патрыархи [1], митрополиты, владыки и весь духовный чин, также бояре, князи, окольничие, дворане и вся земля ведают, и ради тому, и Бога просят, же бы се господар ихъ ожепил в Польще, и штобъ дал Бог вечный мир, и стоять бы заодно против поган. А до пана воеводы Сенъдомирского были листы также от господара [2], а особливе и через иншого посланника от патрыарха, от духовных и от бояр о том же дѣле, штобъ за прырожонымъ господарем вашымъ за князем Дмитрем Ивановичомъ дочьце пана воеводиноѝ быть в малженстве; и не было то тайно всей земли, а кготовалсе господаръ и вы вси на радость, и станы по дорозе новые поделаны были везде. Королю, его милости, иншая ведать было о той женитве господара вашого, кгды о то Оѳанасей пословалъ и мовил в Кракове, а иншая хотеть то меть по том Дмитру, штобъ он дочъку у воеводы поймовал, или воеводе то прыказовать; и про тожъ пану воеводе его королевская милость того не розсказовалъ; бо се то у его королевское милости, яко у пана хрестиянского, и у насъ въ вольномъ народе, абы дочьки по королевъскому росказанью замужъ давать, николи не ведет. И для того жъ его кор. милость Оѳанасья посланника Московского в той справе до пана воеводы отослал, и ему то на волю дал, абы он пан воевода, водлуг права Божьего, земского и своего прирожоного, зъ своим дитятем делал в том [3], што водлуг своее воли з лепшим дочьки своее быть розумел. А як пан воевода [4] призволил, а заручины, шлюбъ отправован был звычаем господарей хрестиянскихъ, *(л. — об.)* и его королевская милость, чинечи то на прозьбу господара вашого и на вашое чоломбитье, которое именем вашим посланник ваш делал, и самъ особою своею королевскою с королевичом его милостью, Владиславом сы-

[1] Патріархъ.
[2] *Вст.:* вашого.
[3] Все то.
[4] *Вст.:* на то.

ном своимъ, и с королевною ее милостью, сестрою своею, быти при тымъ рачыл, честь тым вам и господарству вашому воздаючи. А то дело не новое, ведетьсе то у всих хрестиянских господарей, и преже того межи предками короля, его милости, и господарьми Московскими скони века велосе, што не только через послы, але и сами у себе на радостях бывали, яко мейновите великий к(нязь) Московский Василей у великого князя Литовского у Витольта сам в Луцку был. И вы за то теперь не хулить, але чолобитье делать королю, его милости, мели бъ есте; бо то его королевская милость учинил для вашое большое чести, яко се о том вышей написало [1].

(19). Написали есте и то, якобы мы послове мели тут прыехать не по посольску, але с копиями, ве зброях, и з господаром тутошнимъ, который в ту пору [2] был, якобы есмо мели таемне, не по посольску, мовить; иж один пану воеводе Сендомирскому свой, а другий вжо другий рас послом. — На то отвѣтъ. Естъ чому, многим речам небылым, от вас неподельно написаным, подивиться; але тому взвыте велице дивуемсе, же есте в так видомой и явной справе под именем так великого господаря своего важили есте се написать так явную видомую и великую неправъду, чого и в помышленью нашом посольском не было. Хотя ж естъ звычай, же послы его королевские милости и ваши Московские з обеих сторон ходят здавна у великой личьбе людей; лечь иж тутъ в Москве подлыми и малыми господами, также недостатком корму некоторих часовъ утиснены будучи, до короля, его милости, доносили. Его королевская милость с тых мер росказал намъ, абы есмо в малой личьбе слуг и коней ехали, и з боярьми в ответе и о том прыговорили, же бы и вперод послы з обеюх сторон в малой личьбе людей и коней хоживали, так яко се то у инших всих господарей ведет. И мы, правечы в том повеленье его кор. милости, ехали есмо в малом почьте. При Ѳеанасью посланнику вашом при одномъ, кгды до короля, его милости, ходил, было столько людей и коней, сколько пры нас при обеих послах; а инших слуг и коней много з рубежа из Смоленска назад вернули. Копий, ани збрөй и ничого такого воинскимъ дѣлом, оприче звыклого оружья, з собою не мели есмо, и в том нам мошно слатьсе на приставов и на инших людей здешних, которие нас стречали в дорозе и тут до места впроважали; тые вси, если намней правды и боязни Божое мають в собе, могут нас перед вами высветчити, же то не есть так, яко есте написали. Ведомо

[1] Написано.
[2] *Вст.:* у васъ.

есть самому Господу Богу, што его кор. милость, господар нашъ, маючи прысылку от господара вашого, послал нас тутъ о добрых земских делех, и мы тут прыехали по посольску. А писано объ нас обвещаючы зъ Орши до Смоленска по звыклому, из Смоленска отписал боярын и воевода князь Иван Семенович Куракин, ознаймуючи, што стреча, кормъ и прыставы готовы по звыклому. И мы затым по посольску, яко здавна в обычаю, ехали до Смоленска. Зъ Смоленска выежчал на стречь воевода князь Василей Андреевич Звеникгородской, тот же, што и за Борыса послов короля, его милости, стречал; дано прыстава, и проважоно нас до Москвы; и ехали есмо сами своим посельским путем, з своими только людьми посольскими, спокойне, по посольску. Тут в Москве стречал нас князь Кгрекгоръ Волконский и ты Андрей Иванов, впровадили нас до двора посольского, и были у нас прыставами. Грамоту, даровъ наших посольских и дворанских прыставы от нас взяли, и дъяку Посольскому отнесли, по звыклому. Справовали есмо посельство от короля, его милости, пана нашого в палате Большой, где и преже великие *(л. 9)* послы посольство правливали; и дари посольские и дворанские отдали есмо явне при великом згромаженю бояр думных и людей Московских. Господаръ такъ, яко и теперешни седаеть, седел в коруне, скиѳертъ в руце своей держа, по звыклому. В думе седели на тот час при нем теперешни господаръ з братьею и с товаришми по одной стороне, князь Мстиславъский с товаришми по другой стороне, а праве уся Москва, большие люде при том были. И то [1] ежли то тайно, а якъ большъ над тое могло быть явне? Потом в ответе на розкговоре о земских делах заседали з нами бояровe к. Дмитръ Ивановичъ Шуйски с товаришми. А хотя меновите я Олешницки был есми у жоны его, которая того по мне потребовала для некоторих розмовъ, до которих и самъ Дымитръ пришол был приватне, неповинни мы се вамъ того справовать; ведает король, его милость, и Речъ Посполитая кого в посольство посылает, а ухваеть чести и вере нашой, которое у него и у всее Речи Посполитое не есть подейзранная. А до того у всих иных господарей хърестиянских ведетсе то в обычаю, што послове у тых господарей, до которих приежъджають, и один на один бывают; а с того не только никакое зло господарем [2], господарьством не ставаетсе, але ещо и большъ добра, любви и надожи промежъ них прибываеть. И про-

---

[1] Ино.

[2] *Вст:* и.

межъ наших и ваших господарей давных веков такъже велосе, да добро в ту пору было, друкгъ од друкга оманы не обавлялсе. И вы то сами ведаете и знаете, да не мая чого иншого лепъшого [1], напрасные слова мовите и пишите. А о томъ, што я Олешницкий пану воеводе свой, то и я самъ признаваю, што с паномъ воеводою кровное племенство мне есть. А што жъ на том? Хотя бы и рожоный братъ пана воеводин, а другий хотя бы и десеть раз в посольстве приехал, предсе послу всякому однакая посольская статья. А до того сами по мног раз мовили есте, и од господара своего написали, же будто мы послы не вашим господаром, але кор(олемъ) его милости тут долго замешкали, потому што не приписавши через посланниковъ ваших отпускъ нашъ, але отозвавшисе на своего посланника, потом не борздо послал; а только бъ не то и не [2] бы давно отпущоно, як се годит, послов великого господара. Итакъ одного вы мовою [3] господара своего оправдываете, будто он, господаръ, послом насильства не учинил, права посольского, которое вси народы крепко держать, не нарушил; а естли [4] вышей написаными словы сами указуете, што и пословъ насильством задержалъ, и перемирье тым не мней порушыл. А за прежних господарей и от правды бывало много зброй у людей посольских, и ваши люди [5] за соболи набывали у них; а однакъ и наменшим словом примовки послом не чинено, и еще то за великую любо приймовано. А нонечи етаким от вас напрасно писанымъ словамъ, которие зо всих мер большъ шкодять, нижъ помагають, есть се чому подивовать!

(20). Написали есте и то в письме вашом, што не приймуете того от кор(оля) его милости, который нам то на посольстве мовить росказал, ижъ в том, што на вас пришло, не только кор(оля) его милости, господара нашого милостивого, и людей его, але и самой Москве шкода виноватъ; кгдыжъ не чия иншая, але Всемогущого Бога рука то справила, што народ вашъ Московъский того, который был на господарстве, не познали, и овшемъ призвавши его на господарство, крест ему целовали, а предсе одступивши тоего, абы то судом Божимъ быть мело, вину всю на кор(оля) его милости и народ нашъ выкладаете [6]. — На то ответъ. Што есте вы за народ, од Господа Бога такъ умилованы, штобъ вас Господъ Богъ, як

---

[1] *Вст.:* писати.

[2] Ино.

[3] Одною вы мовою.

[4] Ачъ этыми. *Въ подл.:* ietymi = и этими.

[5] *Вст :* оныхъ.

[6] Вскладаете.

звыклъ иншие народы и люди, за грех не мел карать, и ужь тое справы, которая се вам вами самими стала з навеженя Божого, не хочете признать Богу? Чи розумеете то о собе, што ваша моць и сила не только людемъ, але и самому Богу отпор дати можеть? Бойтесе Бога, против которому такъ гордей, пышно поступуете, кгдыжъ он гордых и пышных сокрушает, а смиреннымъ благодать даеть. Лутше бъ покладать все на мл. [1] Бога, без которого воли не токмо так великому, але и наменъшому делу не мошъно статьсе.

(л.— об.) (21). А што есте написали, ижъ коли я Кгосевский был тут от кор(оля) его милости посланником, якобым мовити мелъ, будто онъ Дмитръ учинилъсе на Московъском государстве господаремъ помочью короля, его милости; такъже кгды до короля, его милости, от него был посланникомъ Оѳанасей Власьевъ, на посольство Оѳанасьево его милость панъ канъцлер великого князьства Литовского чинечи ответъ, тое жъ мовити мелъ в отъвете; и на розкговоре с паны-радами, на то от кор(оля) его милости высажоными, мовилъ онъ Оѳанас о цесарском именованю, на што ему панове-рада, якобы такъ отказати мели, што он домагаетсе большого титла от кор(олевской) милости, а того не помнить, што от кор(оля) его милости и пановъ-рад на господарьстве Московскомъ есть посажон, а он за тое кор(олю) его милости и паном-радам ничого ни заделалъ, и того не учинил, што светейшому отцу папе Римскому, кор(олю), его милости, и паном-радам обецал и хрест целовалъ. До того вспоминаете нас, послов кор(оля) его милости, Олешницкого, каштеляна Малакговского и Кгосевъского, старосту Велижъского, которие есмо тут были приехали до того, што на господарстве седел, якъ бы есмо такожъ на посольстве говорити мели, што короля, его милости, и людей кор(оля) его милости помочью на том господарстве усел. Наконец и грамотъ много, которие до него писывано от светейшого отца папы и от лекгата его з Польски, такъ же от кардынала, под их печатьми и подписы, такъже тые листы, которие он до Польски и Литвы писывал, якобы то свидительствовать мели, ижъ король, его милость, и панове-рада всим умышленьемъ на господарство Московское и на розоренье ваший руское веры [2] помагали. — На то ответъ. Сами то гараздъ ведаете, и так се то и у вас ведет, што посла шлючи о деле до чужое земли, и выписавши большие дела в наказе, чого ужо посол не может отпустить, а въ иншихъ меньшихъ делах его розуму поручают, штобы пригледаючисе по тамошних де-

[1] Милостивого.
[2] *Вст.:* ему.

лех, где его шлють, поступовал. И про тожъ, коли я Кгосевский посланником от кор(оля) его милости в землю Московскую въехал, князи, бояре, дворане Московские, яко у Ржовы Володимеровое и у Зубцова, полками приежъджаючи до мене, умышленные дякованыя чинили, выславляючи кор(оля) его милости господара нашого, што господарь их прирожоный к. Дмитрей Иванович в панствах его кор. милости черезъ некоторый час будучи, насыльства ниякого не утерпелъ, и здорово до Москвы приехавъ, престолу прародителей своих доступил и на нем усел; о што пытайте приставовъ, которие в ту пору были, и самих Ръжовян и Зубцовян. В Москве тое жъ бояре мнокгие чинили. Зачимъ, по ваших мовах, приподоблясе вам в том, што вам в ту пору вдячно было, и тым кгрунтовнейшое згоды межи народом нашим и вашим зычечи, реклосе при послованью, што господаръ вашъ к. Дмитрей знал вдячность по кор(олю) его милости и по народе нашом только, сколько въ ту пору под час перемирный королю, его милости, слушность позваляла. Спытать мене было в ту пору: в чом? Отказал бых: в том, ижъ ему и Москве, при нем будучой, братьи вашой, до 200 чоловекомъ, с початку якъ обявилсе Дмитрей и через час певный, хлеба, соли от людей в панстве короля, его милости, не боронено, обиды и насильства ниякого не уделано, а коротко мовечи, тое по кор(олю) его милости и по людях его кор. милости тот Дмитръ знал и односил, яко есмо вышей вам розтолковали; але тым всим не только господарьства Московъского доступить подобенства ниякого не мел, але и на рубежъ шкоды нахудъшое учинити не могъ, коли бъ от самое Москвы помочи не мел.— Өеанасью тежъ, кгды до короля, его милости, пословалъ, ответъ чинено, не противлясе его посольству; бо не ведетьсе то межи людьми, а тымъ большъ межи великими господаръми, и ужъ коли им хто што приписуеть ку их чести и оздобе, абы в том мели який спор деръжать. Але и в ту пору *(л. 10)* у посольстве Өеанасьевом и в ответе, которий ему от кор(оля) его милости дан, тоежъ се замыкаеть, што вышей вамъ от нас сказано и написано есть. Коли тежъ тот Өеанасей зъ их милости паны сенатори в отъвете заседал, правда то есть, же се он домагал, же бы того Дмитра господара вашого цесаром, царомъ и самодержцою от кор(оля) его милости именовано и писано; але ему на то не тым ответъ чинено, яко есте вы написали теперь, але отказано ему такъ: же тых титловъ кор(оль), его милости, именовати и писати ему не кажеть для того, ижъ от продковъ кор(оля), его милости, предком его великим княземъ Московским тых титловъ николи не признавано и не писано; а велел кор(оль)

его милость такие титла ему писать, якие перед тымъ господаром Московъским писывано. Обетниц, постановенья и крестного цалованія никакого их милость, панове сенаторове, в ту пору не припоминали, бо того перед тым с тым Дымитром не чинено; а только бъ тот Дымитръ мел який доктовор и крестное цалованье с королемъ, его милостью, то бъ и кграмоты докговорные на то даны быти мусели и вы бъ есте нашли их в канцлярыи вашой, которую есте по забитью того Дмитра, как сами сказуете, зо всими справами взяли. А того есте там певне не нашли, зачим того голого и неподельного, мовою своею, довести не можете, абы кор(оль) его милость мел того Дмитра на господарство Московское сажать. Мы опять послы оба два, кгды есмо до господара вашого Дмитра посольство правили, мова наша якая была, найдете в письме нашомъ посольском руском, которое есмо в ту пору при справованю посельства по обычаю дякови Посольскому дали, причом есте вси боярове были; а тых слов, которие нам задаете, там не найдете.

А стороны грамот от отца светейшого папы Римского и от лекгата его стороны якобы розоренья вери вашое вжо вам вышей о светейшом папе Римъском ответъ учинено.

А о иншие всякие листы и списки, которыми свою вину оправдати, а на кор(оля) его милости и на пановъ-рад кор(оля) его милости все зложить хочете, мы вашимъ мовамъ не верим; а естли што такого укажете, ответъ вам слушный рады [1] радимъ. То подлинно ведаем и твердимъ, же ниякого листу от кор(оля) его милости, господара нашого, Дмитра, пока он места от вас на господарство приймован не был, не покажете; а мимо листъ кор(оля) его милости естли бы от кого или от того самого Дмитра до кого листки якие и были, чого мы не ведаем. Такъже и при посольстве и особно мовы якие з вами, хотя бы мовлено в ту пору, коли тот Дмитръ седел на господарстве, и вы бъ с того слова̀ якие на помочь собе натегать хотели в томъ, же бы кор(оль) его милость и народ нашъ на господарство Дмитра посадити мели; ино то сведительствомъ жаднымъ вам быти не можеть потому, же иншое то дело было, коли он седел вжо на господарстве коронованы и у вас всих был за правдивого к. Дмитра высветчоны и оглашоны. А [2] и вы далеко розное перед тымъ, покуль есте згодне вси за прирожоного господара своего его не приняли. Бо мова наша теперешнея о том, што перед осегненьемъ столицы и перед коронацыею его

[1] Рады дати. То подлинно...

[2] *Вст.:* иншое и далеко.

было, то есть, же кор(оль) его милость не садил его на господарьстве, перемирья и крестного целованя не взрушал зъ стороны своее. Итакъ се тая справа судом Божьимъ да самою Москвою провадила, яко о том вышей розчитано есть. А вы самою истенною правдою перед тымъ часомъ, покуль есте того Дмитра згодне[1] за господара своего[2] приняли, — ничимъ не покажете того, штобы кор(оль) его милость з вами войну провадити, перемирье и крестное целоване порушати мел. И естли бы то такъ в ту пору хотелъ кор(оль) его милость делати, тогды не один пан воевода Сендомирский, ани тая жменя людей, што з Дмитромъ до Севера з разу были[3], стать его вышей вымененованою от Москвы впроважены, але шли бы до Москвы гетманы з ратьми великими и розными месты, як есть обычай провоженя войны. А то одне з одного кута украйны тотъ самъ Дмитръ от Москвы впроважон, в рубежъ Северский вшол, а з инших всих сторон был покой. И вы сами *(л. — об.)* сказуете, што господарьство Московское велико и людей в нем ратных вельми много, и мы такъ розумеем; а годного кута рубежа такъ малое жмени людей всперти и побити есте не хотели, а дело и силы в томъ людемъ кор(оля) его милости приписуючи, господарьство свое напрасно соромотите, а того, якъ бы видеть и розсудить у себе не хотите, же коли бы раз взялсе был кор(оль) его милость у тот час о кривду Дмитрову и садил его на господарьствех певне, и теперъ зомщивал[4] бы се кривды его, а латве бы[5] могъ, бо сама Москва, которая то ужо около двух год войну з вами ведет, бить о то чолом королю, его милости[6]. Але и то кор(оль) его милость, яко перед тымъ, такъ и теперь, не берасе за кривду Дмитрову, ани Москве вашой в том наменшое вери не даючи, послал нас посланниковъ своих до господара вашого о невинное помордоване людей своих, о задержане тых, што живо зостали, и о побранье скарбовъ и маетностей их, штобы се в том господаръ вашъ и вы усправедливили и угодили в то, якобы о то до большого розлитія крови хърестиянское не приходила, а погане што бы се с того не утешали[7]; тогды о то само знакомите перед усимъ светом невинность его кор. милости, пана нашого, а неправду з вашое стороны высведчаеть[8].

[1] *Вст.:* вси.
[2] *Вст.:* не.
[3] Пришли, способомъ вышей помѣненымъ до Москвы впроважены были, але шли бы.
[4] Отмщевалъ.
[5] *Вст.:* удѣлать то.
[6] *Вст.:* не переставаетъ.
[7] И тымъ самымъ знакомитѣ.
[8] Высвѣтчается.

(22). А што есте написали, же хоть бы тот чоловекъ и прамый князь Дмитрей был, и кор(олю) его милости не годилосе ему помагать мимо перемирье, з Борисом постановленое, — на то ответъ. О том, если бы се прамому Дмитру до доступенья отчизны его годило помагать или не, мы з вами не мовимъ для того, же кор(оль) его милость Дмитру, покуль вы его за господара не приняли, вери подлинное, штобъ мел быть прамымъ Дмитром, не дал и на доступенье господарства Московского не помагал. Але и без нашое мовы вы сами то видите, же Борис доступил господарства Московского тымъ самым, же удал всим людемъ, ижъ Ѳедор и Дмитръ, остатние потомъки господарей прирожоных Московских, без потомства звелисе и кореня их господарского не зостало; и затым вы всею землею крестъ ему целовали меть его господаромъ. И только жъ бы мимо его удане, не токмо Дмитръ, але и инший который власны правдивый потомокъ, сын или внукъ вел. князя Ивана Васильевича, жив быть показалсе, и вы бъ его познали, — то бъ и крестное целоване вашо и всее земли, Борису учиненое, перед Богом и перед всим светом ничого не важило, и вы бъ повиннейшие больши прамить прирожоному господару своему, нижъ Борису и детем его, и не смотра крестного цалованя, через него оманою одержаною; яко есте то и учинили, чаючи и признаваючи быть правдивым Дмитром того чоловека. А што в той мере о своем крестном целованю розумеете, тое жъ и о перемирьяхъ з господарями учиненых розуметь годитсе; и указало бъ се вам многими прикладами, же господарь господарскимъ зобижонымъ детям противъ зменниковъ их о доступене отчизны, над перемирье оманою одержаное, помочь давал. Але иж тому Дмитру, яко се вышей поменило, кор(оль) его милость не верил и помочи не давал; тогды тежъ тымъ бавить не хочем.

(23). А што есте написали, будто пан воевода перед боярьми повядать мел, же по все стороны того Дмитра[1] чинил с повеленье короля, его милости, и пановъ-радъ, — на то ответъ. То у нас речь не есть подобна, штобъ пан воевода Сенъдомирский, будучи великим и зацным чоловеком и сенатором, кор(олю) его милости и нам во чсти и поступках своих гараздъ ведомый, тое дело на кор(оля) его милость, чого въправде самой не было, вкладати мел. Але хоть бы за примушеньемъ вашимъ и мовил што по вашой воли, а штожъ то за свидительство? Вы его в руках своих теперь маючи, въ везенью держите и чините з ним, што хочете, чого бъ

[1] *Вст.:* прямымъ.

не годилосе, и он вашо повелене з насильства, з мусу править. Але правдиве якою мерою пан воевода с тым Дмитромъ господаромъ вашимъ к рубежу Северскому шол, вышей вамъ отказано и написано и показано, што кор(оль) его милость и панове-рада до того ниякимъ повеленьемъ не прикладалисе.

(24). А што есте написали, же пан воевода приехал тут з многими людьми будто для розореня господарства вашого и вери руское, военнымъ обычаемъ, с копьями, в зброях и хотел вес чин духовный и бояр побить, — на то ответъ. Панъ воевода тут з дочкою, пошлюбеною малжонкою господара вашого, с приятелы своими, чести для господара вашого и вас самихъ приехал, и через посла вашого Оѳанасья Властьева и через листы ваши Московские проваженъ не на войну, але на радость, з жонами, з паннами и детками, не военно, але дорогокоштовне, в золоте, клейнотах, серебре, в конях дорогих, господарства вашого заседать не мыслил. И само дело то указует: даючи дочку *(л. 11)* свою за жону господару вашому, якъ самому господару и дочце своей, так и вам усим не упадку, але доброго помноженья зычилъ. О розоренье веры также се о нем розумети мает, што бы он был отмены у вере не зычилъ; бо бы то могло принести Дмитрови господару вашому и дочце его великое небеспеченство. Быти может, што о церковь католическую для нее печаловалсе, и мог то пркговорить, абы она у вере своей католической трьвала, храм для богомолья своего и людей тых, которые при ней для послуги были, мела; але то отмены въ вере во всемъ господарстве принести не могло. Кгды жъ тежъ Александро, король Польский и великий князь Литовский, понялъ былъ Олену дочку великого князя Иоана Васильевича, тот також собе утвердилъ, абы дочка его для богомолья своего церкви руские мела, якож не только в Литве были церкви, але и в Польще в граде стольном в Кракове при головном соборном костеле уделано каплицу, пределъ для нее, чином руским, и она там набоженства своего и с попами своими по своему, по руску, уживала, и посяместа тая каплица руская в Кракове есть, а вси люди въ Кракове и церкви католические рымского чину; а однакъ тым отмена въ вере, в церемониах и в людех замешка ниякая не сталасе. А над то и то все позволить и не позволить при вашой воли было. — Зъ копиами не было ледво сто[1] колькодесять чоловека, которые тут приехали для окрасы, для игры и гонитовъ, яко звыкло у нас и у иншых

---

[1] *Вст.:* и.

народовъ при таковыхъ радостях бывать. А стрельцовъ тежъ могли: меть пан воевода и с приетели такъже около сту и колькодесять для послуги и безпеченства при возех, которые зъ скарбами, з дорогими речьми не мало было. А тыми ж бы то людьми[1] такъ великое господаръство вашо розорать, бояри и иншие люди выбить? Также женщинъ и детки малые брали бы з собою, коли бы се якого розлитья крови надевати мелъ, о которых то кажете, што приехали тут заседать господарства. Пан Тарло только сам был приехал тут з жоною, але тот, яко и иншие, отъехалъ в отчизне матку и детокъ своих, для которых певне (и къ тому кохаяся въ вольности своей, которое в отчизне нашой заживаем) тут бы на житье не зостали и зараз по радости вси назад до дому[2]. А иншие белые головы были вдовы паненки учтивыя, а якъ то тые господарство мели заседать? И соромота, што таковые полные[3] дела сказываете, которымъ нихто верити не будет, бо к вере подобны не суть. А тут, приехавши, естли бы такъ на[4] розно по двором и станом приятель и слугъ своих пан воевода роставлять допустили, и чи такъ бы се розгостили и убезпечили? Мусите и сами, вспомневши на Бога, о пану воеводе такъ розуметь, што он яко чоловекъ цнотливый, щирый, Бога се боющий, якъ вам и господарству вашому ничого злого не мыслилъ, такъ тежъ и от вас, обунадежасе крестным целованьемъ вашимъ, которое есте господару своему чинили, такое оманы не сподевалъсе и для того жъ от вас так оманеный в щирости своей зостал. Коли есте такъ розумели, што тут на розоренье господарства вашого и веры вашое мелъ ехать, чому есте его через наменьшое письмо свое и через посланца на рубежи не упомнели, штоб не ехал? И он бы подлинно вернулъсе, а коли б не вернулъся, и вы б в ту пору мели причину разумети то о нем. Але вместо упомненья выехали на рубеж против него Михайло Нагий, брат великое кнегини Марьи, и к. Василей Масальский, оба два сенаторы, маючи при собе далеко большъ князей, дворан и инших ратных людей Московских, а ниж было людей с паном воеводою; и они коли бы то разумели, што пан воевода едет на розоренье господарства и веры вашое, могли б его за рубеж не пускать, если бы онъ того добровольне учинити не хотел. Але знать што тые о нем того не разумели, *(л. — об.)* што вы теперь о немъ сказываете и пишете: прова-

[1] *Вст.:* мошно было.
[2] *Вст.:* вернулися.
[3] Плонные.
[4] Не.

дили пана воеводу з дочкою и приятелы ажъ до Москвы, вси одностайне к(нязе)м Дмитром Ивановичем, господаром своим прирожоным его вызнаваючи. Подлинно князи, бояре и многие люди Московские того жъ пана воеводу стречали, и ему честь всякую делаючи, дяковали, же господару их, кгды перед тыранством Борисовым здоровье уносилъ, в панствах его кор. милости вдячность показалъ, и же он дочку свою за господара вашого Дмитра давалъ. А великая кнегиня Марья дочку пана воеводину, скоро приехала, до своих палатъ приняла, и аж до радости при собе ее мела, сыновою своею ее звала, и всякую любовь и ласку родительскую, яко матка дитяти своему, показовала. Радость по обычаю вашему Московскому отправивши, потом есте того господара своего, который не Поляком, ани Литве, але вам самым здоровья своего повералъсе, забили, а по нем много людей кор(оля) его милости, покоем убеспечоных, спячих, окрутне помордовали.

(25). А што вы сказуете, будто тые люди с паномъ воеводою до Москвы приехавши, церкви осквернили, образом поруганье чинили, до церкви римляне и люторове з оружьем ходили, хресты до поесовъ привезавши носили, корчмы в церквях держали, а людемъ Московским насильства, грабежи и иншие грубости чинили, жоны от мужовъ и дочки от отцовъ брали, и будто для того их побито, — и на то ответ. Образы, церкви и честные хресты в такой учтивости и поваве в народе нашом, яко в православном хрестиянском у всих нас суть, яко ани вам, ани иншимъ всим хрестияном в той мере вперод себе[1] не дадим, и затым посверненье и поруганье ниякое се им от народу нашого не стало. Корчму штобъ мели в церквях ваших чинить, то щирая неправда. Люторове штобъ тутъ з народу нашого быть и до церквей вашихъ з оружьемъ ходить мели, о том не ведаем; то однакъ подлинно ведаем, што тутъ у вас есть много люторовъ и божницы свои в господарстве Московском мают. Если тые ваши Московские люторы до церквей вашихъ ходили, вам их было вольно и перво и теперь покарать; нам до того ничого. А людем католическое рымское веры естли которым лучилосе до церкви з оружьемъ, не ведая здешнего обычаю, войти, и то сталосе не на поруганье, потом што во всих иных крестиянских господарствах ведетсе то. А вы только того не рады видите, ино было заказать и оголосить то, то бъ нихто того не учинилъ; бо люди народу нашого, которые всюды по многих господарствах

[1] *Вст.:* продковать.

ездят, ведают то, што у чужое господарство не з обычаи, але къ обычаем приеждчают, и потому б раде вас старшие услухали и людям своим молодшим наказанье учинили, а того для не было за што убивать и крови невинное крестиянское проливать. Обид тежъ по готову от людей кор(оля) его милости людям Московским нияких не было, и сама короткость часу от прибытья до Москвы кождого вымавляет; и люди честные были, не их то дело, воровство и обиды якие чинить. А естли будет з молодых з худыхъ людей без ведома старшихъ и сталасе якая обида, ино оттого [1] зыскъ и управа. А такъ пан воевода сам, яко и кождый с приятель его, будучи людьми зацными, злому бъ виноватому никакъ и сами не истерпели бъ, а възвыше и мы, послы его кор. милости, только бъ нас от бояр думных или от кого нибудь хотя б наменьшим словом о обидах, от людей кор(оля) его милости в Москве поделаных, ведать дошло, докгледели б есмо того именем кор(оля) его милости, штобъ прудкий зыскъ и управу на виноватомъ уделано, и шиею винного кождого выдано б. Але ничого того не было, и все небылые и незгожие дела на пана воеводу и на людей кор(оля) его милости пописано. А в ту пору коли *(л. 12)* того Дмитра убито, не только нихто з народу нашого за него не стоял, але и никого там при нем не было, вси по господах покоем убеспечоны стояли.

(26). А што есте написали, же на посольском дворе никого не забито и убытку никакого не учинено, и ваш великий господаръ коли бъ нас от смерти не боронилъ, вси бъ есмо в ту пору погинули, — на то ответъ. Правда то есть, и сами признаваем, што нам на посольском дворе никого не убито и убытку ниякого не учинено. Але того дня рано звыклым обычаем в торкгъ вышло скольконадцать чоловекъ людей нашихъ посольских и торговых з двора посольского, не ведаючи о том, што се стати мело, с того можете розуметь, што есмо ни о чомъ злом не мыслили, с которых убито на смерть 6 чоловекъ людей нашихъ, денег не мало, и тое все, што при собе мели, им побрано, а других нагих, безчестованых, побитых, побравши такъже у нихъ денкги, у двор приведено. А господаръ вашъ што нас пословъ от смерти боронилъ, за то не только от нас и от вас самых, але и от всих народовъ похвалы достоен, бо коли бы и нас послов побито, то бы тым звышей вперод большое зло на господарство Московское наведено и всим бы есте народом огидилисе: бо послы и люди ихъ правом и покоемъ усех народов

[1] О томъ былъ бы сыскъ.

не токмо крестиянских, але и поганскихъ, которые и Бога намней не знают, суть объварованы. И побивши послы, не зоставала бы вжо жадная надея впередъ къ добру и не мошно бы вжо было с королем его милостью и з Речью Посполитою коруны Польское и великого княз(ства) Литовского зсылатсе, и надобе б было вам зараз не только с королем его милостью господарем нашим и з его королевскими широкими панствы, але и з ыншими многими господарствы воеватсе: бо кривда посольская есть крывъда всих народовъ, и вси за тую крывду стоят, так се то скони века на свете ведеть, чого многие приклады посветчають в летописцах. Посла обидивши, нет вымовы и нихто оправданья не приимет. Только тому господару, до которого посол чужий придет, повидитсе, што не посольскою мерою делаете [1], то велит ему того жъ часу з своего господарства прочъ ехать и о томъ до господара его приписывает; и узнав вину господаръ того посла, чинит ему наказанье и каранье. А только б чужому господару или его людей воля мела быть над чужим послом, то бъ не мошно и послом бывать промежъ господарей. И про тожъ и за посольские кголовы вашимъ бы кголовам пришло отвечать. А тому, ижъ великий господаръ вашъ, яко и сами сказываете, забегъ своим мудрым печалованьемъ, и вы за то само повинни быти маете ему, господару своему, чолом бить и верне служить. А яко пословъ кор(оля) его милости господаръ вашъ от смерти оборонилъ, снать [2], што маючи то в мочи своей, могъ и других людей кор(оля) его милости от смерти оборонить, и [3] похвала бъ ему и за то была великая всих людей.

(27). А што есте написали, иж есте людей кор(оля) его милости в панства его кор. милости выпустили, — на то ответъ. Ведаем, што некоторые з них выпущены суть, але одраны и обълуплены будучи зо всих животов своихъ, которые въ якихъ тутъ достатъкахъ конно, красно и дорого приехали, вы того сами нагледелисе; а откуль [4] наго, у рогожках, люди збесчестованые, люди шляхецского стану пешо от вас вышли, а других есте тут неслушне задержали, и с победными невестами, з учтивыми паненками и з детками.

(28). Припоминали есте и то в мовах и писме своем менуючи, што будто мы послове Миколай и Александер замешкали у здеш-

---

[1] Дѣлаетъ.

[2] Знать.

[3] Ино хвала.

[4] Отсюль люди шляхетского стану наго, пѣшо, у рогожкахъ, люди збезчествованные отъ васъ вышли.

нем Московском господарстве королем, его милостью, господарем нашим, же писалъ его кор. милость через посланниковъ господара вашого, иж своих посланниковъ мелъ послать, а не послал вборзде. — На то ответъ. Тым з стороны господара[1] вашого и вам нѣчим оправдыватисе, бо сами ведаете право и звычай всих народовъ, *(л.— об.)* што послу и приехать и назад отъехать везде путь чист; а вольно ему и отправы не беручи, в ту пору завсегды отъехать, коли[2] то з лепшимъ господара своего розумеетъ. И мы послы подлуг тое посольское вольности заразъ по той здешней смуте хотели до кор(оля) его милости господара нашого отъехать, и, заседаючи в ответи з боярми, того есмо домавлялисе и просили, штобъ намъ яко послом вольно отъехать не боронено. И бояре сказали, што господаръ з ними боярми прикговорилъ, ижъ жить нам по посольску в Москве потуль, покуль посланники его от кор(оля) его милости звернуть; а якъ тые звернутьсе, в ту пору, кгды прикажеть король о делех яких нам послом мовить, буд и не прикажет, того жъ часу нам отпускъ чесный и борздый мелъ быть, якъ достойно послом великого хрестиянского господаря; на том нам слово господарское и руки свои дали большие бояре. И после того, якъ посланники господара вашого были у кор(оля) его милости, и там имъ перво всего мовлено о нас, послах его кор. милости, што нас господаръ вашъ неслушне насильством задержалъ, а то се не только у хрестиянскихъ, но и у мусульманских господарей во всемъ свете не ведет, и што король, его милость, с паны-радами и зо всею землею хотит о том крепко думать и стать за такие обиды, з вашое стороны неслушне поделаные. А посланникове господара вашого про нас пословъ отказали, што послы посельскою мерою в Москве живут во всякой посельской чести по прежнему, и скоро б они звернулисе, и нам послом того ж часу отпускъ быти мел. А кгды посланникове ваши звернулисе, мы послы слова господара вашого и боярского про отпускъ свой упоминалисе, — и вы в ту пору иншую меру змыслили, што до присылки королевское жити намъ здесь, и такъ держали есте нас, што вязневъ якихъ. Вжо то до двухъ год доходит, седим заперты в одном дворе, въ вони, якъ в турме; только над собою кусокъ неба, а под собою шматокъ земли видим. Многих людей нашихъ[3] насремовлено, которые въ вони, в нужи такой стошнившисе, нам изменили, окрадши утекають,

[1] Нашого и вашого вамъ.
[2] *Вст.:* онъ.
[3] Отъ насъ перемовлено.

от господара [1] их приймуют и жалованье дают. И с таких мер мошно вам видеть самымъ и розсудить у себе, што тым таким насильным задержаньемъ нашим посольским, не только право и звычай всих народовъ, але и перемирье, которое сами часто припоминаете, з вашое стороны порушаете, а таки якъ вси иншие незгожие свои дела, такъ и тую вину на кор(оля) его милости господара нашого невинне вкладаете.

(29). Написали есте и то, будто на войну противъ Дмитра господаръ вашъ Борис выдалъ с казни Московское 600000 рублей, потом Дмитръ усевши на господарстве, королю, его милости, и паномъ-радам будто многую казну в золоте, в серебре, в клейнотах послать мелъ; пану воеводе, тежъ и дочце его и иншим большъ 500000 рублей роздалъ, а у Москвѣ потому жъ пану воеводе и дочце его и иншим посольским [2] и Литовским людемъ с тое жъ казны большъ 300000 рублей в золоте, в клейнотах, в конских нарадах и в ыншом [3]. — На то ответъ. Коли так многие войска против того Дмитра и людей его Борис высылалъ, и казну великую на тое жъ выдалъ, мошно их было не только побить, але и кнутьемъ загнать там, где бъ захотели, не только такъ немногих людей звоевать, але и сильному неприятелю отпор дать могли есте; и нихто не могъ бы вам противъ воли вашое и таковое силы господаръ на господарство всадить. Соромейтесе таких речей мовить и писать, сами себе тым бесчестуете и нихто вамъ в том веры не имет. Королю, его милости [4], ниякое казны и наменьшое речи не посылалъ и никому с пановъ-радъ: ниякою мерою того не покажете и не доведете. Подарки только через Оѳанасья звычаемъ иншиx господарей на веселье королевой ей милости господарини нашой, яко господаръ вашъ Московский далъ, але тые не были такое цены, штобъ их такъ вспоминано; бо все то, што королевой ей милости дано, не стояло большей 1000 рублей, и противъ того вчетверо мы послы, от кор(оля) его милости тут на радости будучи, отдаровали и маете то все в казне своей Московской. А пану воеводе Сендомирскому, дочце его и иншим людемъ з народу нашого и подобенством столько не дано, сколько написали есте; а въ Москве што [5] дано, то все по той смуте от пана воеводы отобрали есте. Пан воевода, опять дочка, и приятели его, трое большъ, нижъ важность тое сумы, которую есте

[1] *Вст.:* вашого.

[2] Польскимъ.

[3] *Вст.:* роздалъ.

[4] *Вст.:* тотъ Дмитръ.

[5] И што пану воеводѣ дано.

написали, выноситъ, тут з собою в золоте, в серебре, *(л. 13)* в клейнотах, в дорогих конях и в ыншомъ нараде привезли; то все в тую смуту побрано, а потом то до казни господарское у тутошних людей отыйсковано. И нам то послом в ту пору приставы сказывали, же для того господаръ о все велелъ обыскъ делать и збирать до казны, штоб потом кождому, што чи его властного есть, вернено. Латвей мовить и писать што хотя, але правдою довести трудно. И вы того ниякою мерою не покажете, штобы такий убытокъ для людей нашихъ казне вашой былъ. И откуль се у вас такая казна узяла в ту пору? По той смуте, якъ были есмо в бояр, межи иншими речьми мовилъ Михайло Татищовъ то, што по господару вашому Борису зостало было 200000 рублей, и будто вси тые розсорил тот Дмитръ. А якъ же тому мошно быть подлугъ вашое повести, штобъ он большую суму роздать мелъ, нижли у казне было. Але для того вы такъ великую суму положили, ижъ видите на око, якие есте маетности побрали и як много убытковъ братьи нашой поделали; чого король, его милость, и Речь Посполитая у вас упоминаетсе, а вы етого тым[1] хочете выйти, указуючи, иж так великие убытки в казне своей маете, хотя ихъ и нет. Але тою мерою немошно вам с того выйти, надобе, штобы есте тое, што побрано, вернули и шкоды нагородили.

(30). А што есте написали стороны людей и купцовъ, такъ его кор. милости, яко и цесара его милости, которых тут клейноты и дорогие товары до казни Московское побрано, сказываючи, што их тутъ не было и нѣтъ, и што до вора приехали он тые товары побралъ, а господаръ будто о том не ведает, и зыскать того нѣким для того, иж Поляки и Литва будто отбирали и роздавали. — На то ответъ. Сами то латвей видеть и розсудить можете, же то не есть такъ, яко есте написали, бо напервей пишучи о людях переднейших, шляхетского стану, приводим вам на паметь, же за потребованием и жеданьемъ от того Дмитра, который у вас господаромъ былъ, приехалъ тут до Москвы пан Немоевский, подъстолий коруны Польское, и привезъ з собою на продаж за колькодесять тисечей клейнотовъ дорогихъ, и ехалъ тутъ, объвестившисе королю, его милости, господару нашому и листъ от его кор. милости до того господара вашого одержавши; от которого был принят за листомъ его кор. милости, и господа ему была дана. А потомъ въ пясницу[2] (?) перед забитьемъ того Дмитра велелъ до себе на за́мокъ

[1] Вы съ того чистыми.
[2] Пятницу.

в палату тые клейноты принести, и, огледавши, зоставилъ в казне своей, обецавши зараз назавтрее жъ готовыми деньгами велеть ему заплатить, и отпустилъ его честно и вольно; а втом назавтрее в суботу смута тая сталасе, а тые клейноты в казне цело зостали и по сей час там суть. А над то и самого того пана Немоевского, который не иншою мерою, але для попроданья тых своихъ дорогих речей здесь приехалъ, ровно з другимы з Москвы заслано, и по сей часъ неслушне задержано. Такъ тежъ и его милость панъ Миколай Вольский, маршалок надворный коруны Польское, немало дорогих речей, обитья, охендозства, которые были от того Дмитра господара вашого за листомъ его поторгованы через купъца его кор. милости Амброжого Целярого, Медыолянчика, с Кракова Дмитру для заплаченья послалъ; который Целярий своих клейнотов и инших товаровъ дорогих много был привез, што все тот Дмитръ господаръ вашъ, поторговавши, до казны свое побрал и не только ему за то, што побрано, не заплачоно, але в тую смуту самого и людей его всих побито, и што при нем зстало денегъ, клейнотовъ, товаров, и всю маетность его побрано. Такъже и пан Матей Война, подскарбий надворный, *(л. — об.)* послал былъ некоторые речи до того ж господаря вашого немало, за писаньемъ его, и тые речи взято до казны господарское, и оных не заплачоно. Купъцы те ж его кор. милости: Миколай Семирадский зо Лвова, юбилер короля, его милости, и Сымон Анъдриаговичъ Менчукъ, которые по том окрутномъ поступъку зо всих животовъ своих ограблены, до двора посольского ледво зъ здоровьемъ умкнули, и инных много. Также купцы цесара его милости: Анъдрей Натан зъ Авшпурку и ѳакторы другого купъца зъ Авъшпурку неякого Олыбана, которые тежъ теперь при нас суть. А тые вышшей мененые такою мерою тут приехали: ведаете вы то сами гараздъ, што купъцы и вси, которые се одно купецством бавят, звыкли по всихъ господарствах такъ хрестиянскихъ, яко и поганскихъ ездить зъ великимъ трудом своимъ и небеспеченством здоровъя, однак везде по всих господарствахъ вольное мають приеханье и отьеханье; кгды ж якъ они для пожитков своих ездят, такъ тежъ зъ их куплей, взглядом тамкги и иншихъ повинностей, пожитки великие господари меваюдь. Тые купъцы выжей менованые вжо бы тут могли за тою жъ вольностью купецкою ехать, товары и маетности свои продавать; але ещо надъ то возваны были от Дмитра, который на тот часъ у вас пановалъ, черезъ листы и грамоты опасные, им посланые, абы с тыми товарами, которые бы мели, а у некоторых уже были, яко се то выжей наменило, ещо въ Кракове поторгованы, и до него

приехали. Поехали тогды за Дмитровым везваньем. И коли въ Смоленскъ розными часы приеждчали, заразом воевода Смоленский к. Іванъ Семеновичъ Куракинъ кождому з них, скоро грамоты господарские указали, приставы давалъ, и задолъкго перед весельемъ и приездом пана воеводиным здесь до стольного города Москвы некоторые приехали. А по приеханью ихъ здесь поторговано у них товары и клейноты, а были при томъ торгу некоторые здешние люди: золотары, пробари, и побрано у кождого з них зособна много клейнотовъ, дорогих каменей, перелъ, золота и инших скарбовъ, отдали то все з рук своих до казни Дмитра, в тот час господара вашого, а властне самому господару и врадником казенънымъ Москве, обънадежася тым, што зараз готовыми денькгами им поплатити мено. Але за тою одменою и смутою не только им не заплачоно, але других и самыхъ побито. А тых других хотя жъ Господъ Богъ з ласки и милосердия своего од окрутенства и смерти таковое заховалъ, однакъ имъ людей побито, и все, чого еще до казни было не взято, по господах клейнотовъ, товаровъ, серебра и што одно при собе мели, а притом кграмоты опасные за которыми тут были от Дмитра призваны, побрано, такъ, иж мало[1] не на ночь, по той смуте, до двора посельского досталисе. Чого всего клейнотовъ, скарбовъ, каменей дорогих, золота, обитья и всихъ иншихъ речей, до казни господарское побраных, такъже и тыхъ, што и по господах побрано, даем вам особный списокъ. Ино[2] и што и сами ведаете, што тые клейноты в казни господарской зосталисе, слушная и справедливая речъ естъ, штобъ им заплачоно и нагорожоно было. А тому, яко иншимъ словом вашимъ, не можем выдивитсе, што вы тыхъ клейнотовъ, скарбовъ и товаров запираетесе. А коли господаръ вашъ нонешний посланников своих к. Волковского и Андрея Иванова дъяка до кор(оля) его милости посылал[3], не так о том приказывалъ, яко есте вы в том письме написали, и овшем коли посланником тымъ господара вашого через паны сенаторы в ответе широко перекладана была крывда кор(оля) его милости и Речи Посполитое стороны помордованья людей, побранья маетностей, задержанья послов и инших людей кор(оля) его милости. Они при иншихъ вымовахъ своих о купъцы такъ отказали: *(л. 14)* купецкий человекъ естли который згинул в тую смуту, тогды товары и речи его згинуть не могли; и што дорогого такъ привезено, коли король,

---

[1] Мало не нагіе потому же до двора.
[2] Ино ижъ то и сами.
[3] *Вст.:* тогды.

его милость, о том до господара напишет, все то знайдетсе и вернено будет, а што згинуло, за то будет нагорода. А теперь о тое все противные незгожие слова и письма чините. Добро бъ вам самым в том розсудитисе, а мовить и писать бы правъду, чимъ бы вперод добро уделать. — А што сказываете, ижъ будто [1] до вора приехали, о том хто у вас господаром былъ, якъ кожъдому, такъ и купъцомъ не належало ведать: они с тым справу мели, который на престоле господаромъ седелъ и который у всего света былъ оголошеный через вас самых, што вашимъ господаремъ былъ. А ижъ се вымовляете, што будто он [2] Поляком и Литве, которые при немъ были, роздалъ, и то з стороны вашое неподельно написано. Не слыхать о том было, абы што Полякъ, або Литвин с того взять мелъ, и их властное побрано; и сами то ведаете, што все в казни господарской [3]остало; бо по взятью [3] от тых людей, которые привезли, и по вложенью до казни, вборзце есте того господара забили, и тые вси скарбы, клейноты вашъ нонешний господаръ побралъ и теперь у себе мает. Ино яко есмо мы посланники на посельстве от кор(оля) его милости мовили, и теперь тое жъ вси чотыри мовимъ, штобъ всим людем кор(оля) его милости, такъ тым, о которых теперь мовимъ, яко иншимъ, которым тую смуту и перед тым за прежних господарей и за нонешнего товары побрано, а не заплачоно, и у которых тутъ до казни господаръ ваш Дмитръ клейноты, скарбы и товары побралъ, чого ведоми ваши люди Московские, до того, которым людемъ в тую смуту на госпóдах ихъ шкода сталасе, от господара вашого заплата и нагорода была учинена.

(31). А што есте написали, же бы купъцы кор(оля) его милости за того Дмитра господара вашого стать и битьсе мели, — то не есть такъ, яко есте написали: бо не только купъцы люди не военные, але и нихто з людей кор(оля) его милости за того господара вашого не стоялъ и не билисе з вами, але и не ведали, коли есте убили его; бо вси по станох своих в ту пору были, а некоторые еще спали.

(32). А што есте написали, што послы кор(оля) его милости ясневельможный его милость пан Сапега, канцлер вел. княз. Литовского с товарышьми, будучи в Москве, говорили о побранье товаровъ купцом кор(оля) его милости без заплаты до казни Московское за прежнихъ господарей вашихъ великого к. Івана Васильевича, и

[1] *Вст.:* тые купцы.
[2] *Вст.:* тые товары.
[3] *Вст.:* товаровъ.

великого к. Өедора Ивановича и за Бориса, и на то отказано, што то давно зделалосе от 30, от 40 лет, зыскать того нѣким, тых ужо нѣт, при которых то делалосе. — И на то ответъ. Ведаемъ то и мы, што такий ответ от бояр паном послом кор(оля) его милости дано, але кгды панове послове, не переставаючи на том ответе, указовали вам, што тые товары купъцом кор(оля) его милости до казни господарское побраны суть без заплаты, учинено знову отказ такий, што обыскъ и управу уделать мено; чого и по сесь час нѣтъ, и овшемъ еще много наново крывдъ купцом и иншим людем кор(оля) его милости от людей Московскихъ поделаны. Про то ж и теперь упоминаемсе, штобъ о вси тые товары, у купцов кор(оля) его милости до казни прежних господарей побраные, обыскъ, управа и заплата учинена была.

(Л. — об.). (33). А што есте написали, што тымъ же послом кор(оля) его милости дано списокъ крывдъ, людям Московскимъ от людей короля, его милости, будто починеныхъ; потом[1] у кор(оля) его милости былъ посломъ от Бориса Михайло Глебовичъ Солтыковъ с товарыши, дал тежъ ихъ милости сенатором списокъ крывдъ, потом и Посникъ Окгаровъ, будучи у кор(оля) его милости, дал список их милостямъ паномъ сенатором; а пред се не только тымъ старымъ обидам обыску не уделано, але и потомъ наново обид много людем порубежным и купецкимъ Московскимъ от людей кор(оля) его милости будто поделано. — На то ответъ. На тые списки обидъ, которыи бояре один посломъ кор(оля) его милости пану канцлеру вел. княз. Литовского с товарышми[2] в Москве, а потом послы Московские Михайло Глебовичъ Солтыковъ, Плещеевъ и Өеанасей Властьевъ, будучи у кор(оля) его милости, их милости паномъ сенатором в Вильне дали, учинено ответ на Москве бояром, а потом и посломъ Солтыкову с товарыши его[3], што о нарады и кормы будто на замкахъ Ливонскихъ, мимо перемирье на Запольской Яме постановленое, задержаные, неслушне в тых спискохъ написано, — бо такие обиды от людей кор(оля) его милости не сталисе. И вжо о всякие давные речи учинено ответ подъленный от кор(оля) его милости еще за великого господаря и великого князя Өедора Ивановича через посланника его Өеанаса Резанова, а потом и черезъ посланъника Борисового Михайла Татищева и дьяка Ивана Максимова. А о иншие жалобы порубежные и купецкие одложоно до выезду судей з обу

---

[1] *Вст.:* коли.

[2] *Вст.:* дали.

[3] *Вст.:* доказано.

сторон по перемирным грамотамъ промеж Торопца и Велижа, штобъ там з обу-двухъ сторон водлугъ тых списковъ, тые которые менуютсе быть укрывжоны, и тые, на которых жалоба положона, перед судьями стали, и штобъ з обеюх сторон правду, обыскъ и управу уделати, и такъ о рубежи, яко о тые вси жалобы и обиды скуточное успокоенье на обе стороне учинить. Яко зараз по выеханью пословъ Московских з Вильна послано от кор(оля) его милости до всехъ городовъ, мест и волостей порубежных гончика Юрья Голенищова, росказуючи всимъ тым людемъ, на которых в списку Московском жалоба была, штобъ перед судьями стали и усправедлив(или)се; а которым обиды починено, штобъ управы тамъже перед судьями собе з людей Московскихъ доводили. И люди кор(оля) его милости, которые подлугъ списку Московского и водлугъ списку пословъ кор(оля) его милости поданого, до тое справы належали, ставили срокъ и местце в перемирных грамотах описаное з судьями кор(оля) его милости: с князем Юрьем Друцкимъ-Соколинским, старостою Усвятским, подкоморым Витебским, и зо мною Александром Корвином-Кгосевским, старостою Велижским. Але судьи з стороны Московское и иншие люди на тот срокъ на рубежъ промежъ Торопца и Велижа не стали, и грамотам перемирным и крестному целованью з стороны Борисовое досыт не сталосе, яко нижей о том ширей написано, и о тые обиды обыскъ и управа не дошла з вашое Московское, а не с кор(оля) его милости стороны, и з большою то обидою кор(оля) его милости, господара нашого, а нижли людей Московских есть. И то вперод надобе направити.

[34). А што есте написали, штобъ есьмо вамъ объявили: якій указъ короля его милости, господаря нашого, о пану воеводѣ Сендомирскомъ и о иншихъ людяхъ его королевской милости, тутъ задержаныхъ, у себе маемъ? Указъ его королевской милости господаря нашого о томъ такій есть, якій есьмо мы посланники на посольствѣ отъ короля его милости, господаря нашого, до великого господаря вашого мовили, то есть: яко панъ воевода съ дочкою и съ сыномъ, и иншіе вси люди его королевской милости, отъ большихъ до найменьшихъ, тутъ въ господарство Московское пріѣхали не войною, але вольно, и черезъ вашого Московского посла впроважены, а неслушнѣ задержаны; такъ абы тежъ вольно вси со всими своими животами и достатками вборзѣ выпущены и до границъ панства его королевской милости учтиво и здорово были отпроважены].

[Такъ тогды на письмо ваше въ кождой рѣчи именно отвѣтъ удѣлавши, и невинность и кривду его королевской милости и на-

рода нашого въ томъ неподѣльномъ обвиненію вашомъ указавши, а вину со стороны вашее обличивши, надъ то, и то вамъ показуемъ, ижъ не только въ тыхъ вышей помѣненыхъ рѣчахъ великая несправедливость и поруха перемирію со стороны господаря вашого и отъ васъ самыхъ сталася: але еще и за Бориса господаря вашого, по свѣжомъ приговорѣ и крестномъ цѣлованьѣ, вборзѣ, всему тому отъ самого жъ Бориса и народу вашого Московского поруха учинена, и крестное цѣлованіе преступлено, тымъ обычаемъ].

[Написано въ перемирныхъ грамотахъ, штожъ городовъ, мѣстъ, волостей и земель, покуль не выйдутъ перемирные лѣта, не займовать и насильствомъ не забирать съ обѣихъ сторонъ, также о спорныхъ рубежахъ и земляхъ и о иншіе вси розницы черезъ судей съ обѣихъ сторонъ обыскъ и управу удѣлать. А напервѣй межи Остра и Чернигова, и межъ Велижа и Торопца, въ году тысяча шестьсотъ второмъ, мѣсяца Мая первого дня, судьи съ обѣихъ сторонъ мѣли быть сосланы; а гды бъ тые розницы не успокоилися, тогды потомъ и другихъ судей сослать, и, сыскавши правду, съ обѣихъ сторонъ успокоить, а до того войны не всчинать и крови не розливать. Мудро и острожнѣ съ обѣихъ сторонъ тые перемирія пописаны и постановлены, набольшъ съ тоѣ мѣры, ижъ въ нихъ того наболѣй постерегано, штобъ такіе великіе господары, которые тое перемиріе крестнымъ цѣлованіемъ утвердили, не были потомъ до чужихъ народовъ и сами до себе удаваны, што будто крестное цѣлованіе свое легко поважать и перемиріе порушать мѣли; и иншіе вси способы и ухвалы одно до задержанья покою и доброѣ любви промежъ господарей и господарствъ, тамъ заразомъ написаны суть. Водлугъ которыхъ его королевская милость господаръ нашъ милостивый во всемъ заховуючися, зсылалъ судей своихъ для тыхъ розницъ, на срокъ назначеный, на рубежъ промежъ Остра и Чернигова, также на рубежъ промежъ Велижа и Торопца, што и вамъ самымъ есть вѣдомо: але господаръ Московскій Борисъ, пропомнѣвши свѣжого крестного цѣлованія и не дѣлаючи по перемирнымъ грамотамъ, не только судей на срокъ не выслалъ, але послалъ воеводъ своихъ съ Чернигова и съ Путывля, съ войскомъ, съ пушками и съ иншими нарядами, военнымъ обычаемъ, которые городъ и мѣсто князей Вишневецкихъ Прилуку, въ которомъ было большъ шестисотъ домовъ осады, збурили и сожгли, людей многихъ мужскоѣ и женскоѣ плоти, на остатокъ и дѣтокъ на смерть побили и помордовали, и много крови христіянской пролили, а иншихъ живыхъ непріятельскимъ обычаемъ въ полонъ побрали. А промежъ Велижа и

Торопца на рубежу, мѣсяца Мая первого дня, судьи его королевской милости также становилися, а при нихъ съ иншихъ розныхъ мѣстъ и волостей короля его милости люди укривженые для доведенья справедливости, а иншіе для успраедливенья о обиды, отъ Московскихъ людей пописаные, тамъ же были, и колько дней ждавши на рубежу и людемъ Московскимъ то по многожды извѣщавши, а не могучи не только судей, але найменьшоѣ вѣдомости о нихъ отъ людей вашихъ дождать, сами, велѣвши людемъ короля его милости рубежъ королевскій спокойнѣ держати и листы до воеводъ вашихъ украинныхъ о томъ розославши, людей къ тому належачихъ роспустили, и до короля его милости о томъ ознаймуючи послали. Потомъ, коли вже въ Велижу не только судей, але и людей къ тому дѣлу належачихъ никого не было, въ долгомъ времени по сроку въ грамотахъ перемирныхъ описаномъ, воеводы и люди Московскіе съ войскомъ, военнымъ обычаемъ, не на Торопецкій рубежъ, въ тыхъ грамотахъ описаный, але отъ Великихъ Лукъ, откуль ся ихъ не сподѣвано, пошли въ землю короля его милости, господаря нашого, и шли съ войскомъ волостью города Велижа, хотѣчи тоежъ и Велижу учинити, што Прилукомъ учинили. И коли вже перешодши рубежъ короля его милости (который, почавши отъ блаженные памяти короля его милости Стефана, господаря нашого, и великого князя Ивана Васильевича, господаря вашого, спокойнѣ ажъ по сесь часъ держанъ былъ) у восьми миляхъ, а по вашому въ сороку верстъ, въ земли короля его милости господаря нашого, на урочищу у Ямищъ были: тамъ люди короля его милости, заступивши имъ дорогу, упоминали ихъ, штобъ до города не шли, але штобъ водлугъ перемирныхъ грамотъ заховалися, въ которыхъ написано: «ижъ на рубежу мѣли судьи зъѣзджатися, и тамъ обыскъ и управу дѣлать». Ино Московскіе люди учали людей его королевской милости бить и насильствомъ до города Велижского хотѣли ити, и вжо писаря Велижского, честного чоловѣка, пана Гаврила Ѳедоровича Гутора и иншихъ многихъ на смерть позабивали; и люди короля его милости, не могучи ихъ упоминаньемъ отъ того отвести, силою ихъ вcперли и не допустили имъ далѣй въ землю короля его милости ити, и такого тиранства, якое въ Прилукахъ учинили, въ Велижу имъ чинить не допустили. И такъ, за даньемъ причины со стороны Борисовоѣ, кровь христіянская литься мусѣла. А готовы есьмо доказать и листами самыхъ воеводъ вашихъ Московскихъ, што тое зъ вашее стороны надъ перемиріе и крестное цѣлованіе сталося. И на иншихъ мѣстахъ, меновитѣ грунты яснѣвельможного пана Льва Сапѣги,

канцлера великого князства Литовского, властность и дѣдичство его, отъ имѣнія Икажна и Освѣи округъ земли немалый, названый Замошье, и иншихъ земель не мало до города Себѣжа люди Московскіе забирали и стрѣлцовъ на томъ осаживали. Забраны тежъ суть вельможному пану Іосифу Корсаку, кастеляну Полоцкому, и всему дому пановъ Корсаковъ, обывателемъ воеводства Полоцкого села ихъ отчизные, Пуповичи, Горки и другое имѣніе ихъ Болотово; а паномъ Реутомъ, обывателемъ того жъ воеводства Полоцкого и иншимъ шляхтѣ таложъ земель не мало забрано, также земли и воды Озерищскіе, Усвятскіе, Дречилучскіе, Глозумицкіе, переходячи старый рубежъ, рѣчку Половую, и грунты Микулинскіе и иншіе села и грунты на розныхъ мѣстахъ люди Московскіе мимо старые рубежи заходили, чинячи задоры и мирное постановленіе нарушаючи. За того жъ господаря вашого Бориса люди Московскіе чоловѣка зацного пана Александра Каминского, ротмистра короля его милости, наѣхавши на его домъ, лежачій въ староствѣ Велижскомъ, розсѣкли и, окрутнѣ замордовавши, тѣло съ домомъ сожгли; людей много мужскоѣ и женскоѣ плоти побили; клейноты, золото, серебро, коней и всю маетность многую побрали. Итакъ отъ постановленія перемирія межи короля его милости и Бориса уставичнѣ кровь людей его королевской милости отъ людей Московскихъ лилася. О што ихъ милости паныпрада обсылалися черезъ гонца своего Юрья Михайлова съ Московскими думными боярами, упоминаючи ихъ по братерски, штобъ ся о тые обиды управа стала, а впередъ штобъ перемиріе до урочныхъ лѣтъ не нарушено было: але не токмо управы не здѣлано, лечъ тлумячи обиды людемъ королевскимъ починеные, много рѣчей несправедливыхъ и змышленыхъ со стороны Московской пописано].

[Былъ тежъ у Бориса гонецъ отъ короля его милости Заблоцкій о нѣкоторые обиды: але не токмо ничого не справилъ, лечъ купца короля его милости, зъ Замостья, Дмитра, Македонского Грека, который съ тымъ гонцомъ пріѣхавши, для торгованья тутъ былъ позосталъ, — Борисъ самъ, господаръ вашъ, безъ жадноѣ вины, надъ перемиріе и крестное цѣлованіе свое, казалъ его взять и немилосердно мучить, и самого на вязенье далече заславши, товаровъ его на десять тысячей золотыхъ до казны своее забралъ, которыхъ и по сесь часъ не вернено. Надъ то, и купцовъ короля его милости Борисъ господаръ вашъ, таложъ забывши крестного цѣлованія, до господарства своего не пущалъ; а которыхъ пущено, тыхъ у вязенью въ Смоленску держано, а колько ихъ нехристіянски и голодомъ уморено, и товары поотбирано. Итакъ безъпрестани плачъ

людей укривженыхъ о помсту до Бога волалъ на Бориса, который ни въ чомъ перемирія и крестного цѣлованія своего не держалъ. И въ инпшихъ многихъ рѣчахъ крестное цѣлованіе тотъ же Борисъ часто преступовалъ: што съ того латвѣ обачить, ижъ перемирье зъ вашее стороны еще и за Бориса порушено, а зъ стороны короля его милости, господаря нашого, и на то не глѣдючи, а обиды черезъ судей съ обѣихъ сторонъ впередъ хотѣчи успокоить, крѣпко по всихъ рубежахъ перемиріе держано и порухи николи не было, и показать того слушною мѣрою не можете].

[Далѣй написано въ перемирныхъ грамотахъ: «а кого король Польскій Жигимонтъ въ тые перемирные лѣта пословъ своихъ пошлетъ, и тымъ посломъ пріѣхать и отъѣхать добровольно, безъ обиды и задержанія; а наветъ, хоть бы и перемиріе вышло, а послы бъ и купцы подъ тотъ часъ были въ земли Московской, и тыхъ всихъ и подъ часъ нелюбія совсимъ выпустить вольно». Ино и въ томъ, вжо и по Борисѣ, великая поруха сталася перемирію отъ нонѣшнего господаря вашого, который надъ право всихъ народовъ, насъ пословъ короля его милости насильствомъ задержалъ, и людей его королевской милости много побито, помордовано, а иншихъ до вязенья побрано и иншіе обиды починено, яко вышей о томъ ширѣй написано. А не только тыхъ свѣжихъ часовъ, але и передъ тымъ, за прежнихъ господарей вашихъ, такъже подъ часъ убезпеченія покою и крестного цѣлованія много великихъ омань и кривдъ отъ народу вашого народови нашому розными часы дѣялося, а правѣ, николи перемирія, и крестного цѣлованія, и грамотъ опасныхъ, зъ стороны вашее Московской, такъ якобы ся годило, не держано: што латвѣ зъ нашее стороны самой рѣчью завсегды вамъ показатися можетъ].

[А такъ тыми мовами и писмомъ теперешнимъ нашимъ указали есьмо вамъ яснѣ и достаточнѣ, ижъ того чоловѣка, о которомъ межи нами и вами мова на тотъ часъ есть, люди народу нашого Дмитромъ и господарскимъ сыномъ не называли, але самъ онъ, Москвитинъ, народу вашого чоловѣкъ, тымъ ся быти называлъ. Москва засъ, ваши люди, которые его яко Москвитина знали, тымъ чимъ ся онъ мяновалъ, правдивымъ его быти высвѣтчали. Черезъ Москву, а не черезъ Поляковъ, ани Литву, онъ о всихъ замыслахъ и думахъ Борисовыхъ на кождый часъ вѣдомость мѣвалъ. Москва до Москвы и отъ Москвы хоживали и листы тайные отъ иншихъ нашивали. А люди короля его милости, яко иноземцы, въ чужой Московской земли чинить и доказывать того не могли. И грамоты

зъ украины Московской на украину короля его милости присыланые якъ великое и значное порозненье въ собѣ мѣли? Объ одной рѣчи и въ одномъ мѣстцу писаны; але якъ двѣ, три на одно мѣстце знесены, то одна другой противна была. А то не только въ такихъ мѣрахъ, але и въ иншихъ всякихъ и набольшихъ дѣлахъ свѣдительство головнѣйшое и вѣрнѣйшое есть: коли хто кому вину давши, въ доводѣхъ своихъ противъ него порознится, также и себе оправдывая въ одно слово не сходится, то тымъ самымъ виноватымъ осужонъ бываетъ. Отъ Бориса тежъ, ани отъ бояръ присылки, по тыхъ грамотахъ зъ Чернигова отъ князя Кашина-Оболенского писаныхъ (и которые за такимъ незгоднымъ написаніемъ большую вѣру нижь невѣру тому чоловѣку у людей чинили), ниякоѣ черезъ часъ долгій, около полтора году, покамѣста онъ въ панствѣ короля его милости жилъ, не бывало; а все то на руку тому Дмитру шло. А што кольвекъ въ томъ часу было, то дѣялося все вашими людми Москвою, и отъ Москвы, а не отъ Поляковъ и Литвы; а его королевская милость господаръ нашъ, на все на то не глядя, вѣры подлинноѣ тому Дмитру не далъ, чести никотороѣ господарскому сыну достойноѣ не чинилъ, скарбами и людми не подпомогалъ, гетмановъ и войскъ своихъ на рубежъ Московскій не слалъ и никоторыми мѣрами перемирія съ Борисомъ не нарушалъ; а шолъ тотъ Дмитръ въ землю Московскую зъ Москвою. А хотя жъ тыми вышей описаными мѣрами и прилучилася была съ паномъ воеводою людей и подданныхъ короля его милости малая личба, безъ росказанія и вѣдомости его королевской милости, ино и тые потомъ борзо прочь отышли; а которые молодые люди своею волею при немъ зостали, и тыми по готову, яко и всими, которые сперва при немъ были, нѣкимъ было ему противъ такого великого господарства стоять. И за тыми, которые самовольствомъ при немъ зостали, король его милость въ ту пору не стоялъ: можно вамъ было всихъ побить. А стоялъ и былъ онъ силенъ Борису вами Москвою, которые што часъ до него згромажалися; замки и мѣста его за господаря своего пріймовали, и не только вѣрнѣ ему служили, але и пословъ зъ Путывля, людей значныхъ, высвѣтчаючи его быть правдивымъ княземъ Дмитромъ Ивановичомъ, господаровичемъ Московскимъ, до короля его милости слали; а его королевская милость и на то вѣры давати не спѣшился, а яко христіянскій, премудрый, святобливый господаръ, со всихъ мѣръ постерегалъ того, штобъ найменьшая причина зъ стороны его королевской милости до нарушенья перемирія съ Борисомъ не найдовалася].

[Указали есьмо вамъ вышей и то именно, ижъ скоро Бориса не стало, большіе люди, князи и бояре съ полками великихъ войскъ Дмитру тому поклонилися, и сами черезъ пословъ своихъ его еще въ Путывлю съ тымъ нашли и до Москвы провадили; а другіе въ Москвѣ, отдаливши Борисову жону и сына, ему престолъ господарскій очистили. Въ Тулѣ вси есте што найпреднѣйшіе до одного съ полками зъѣхався, одностайнѣ господаремъ своимъ прирожонымъ его вызнали. Въ Москву пріѣхавши, по великую кнегиню Марью послали, и ее дождавши, зготнѣ его короновали, а потомъ и посланника Ѳеанасья отъ господаря своего до короля его милости выслали есте. А то отъ людей Московскихъ по всихъ украинахъ его королевской милости заразъ вѣстно было, што великая кнегиня Марья за прямого сына своего быти его признала. Братья еѣ Нагіе и все племя, также князь Мстиславскій, князи Шуйскіе и иншіе вси большихъ родовъ люди, которые и въ панствахъ короля его милости по своей зацности вѣдомы и значны суть, вси ему яко прирожоному господарю крестъ цѣловали. И затымъ можно ль было въ ту пору, штобъ кому и въ мысли вмѣстилося тому вѣры не дать, ижбы онъ не мѣлъ быть правдивымъ Дмитромъ? И про тожъ король его милость и панове-рада, также особливо панъ воевода Сендомирскій и съ пріятелями своими зацными видячи, ижъ Москвитиномъ и Москвою тое дѣло началося и межъ самою Москвою посаженьемъ Дмитра на господарствѣ и совершилося, — подлинно и досконально въ ту пору увѣрили, штожъ то прямый князь Дмитръ, господарь вашъ прирожоный; и затымъ давши во всемъ вѣру посланнику и призволивши на посольство, тутъ ѣхали, и введены въ рубежъ Московскій черезъ посла вашого Московского и за грамотами вашими опасными, подъ перемиріемъ, которое съ стороны короля его милости николи порушено не есть; а отъ рубежа черезъ двухъ сенаторовъ Московскихъ и многихъ дворянъ и людей ратныхъ съ полками ажъ до мѣста здѣшнего Московского во всякой зготѣ впроважены. А яко есьмо со всимъ народомъ нашимъ вамъ и господарству вашому ничого злого не мыслили, а жедали отъ Бога и чаяли быть съ вами, яко христіяне съ христіяны, въ любви, въ зготѣ и въ вѣчномъ соединеніи, и за-одно стать противъ мусульмановъ: такъ и о васъ, за такою вашею хитростью и змышленою любовію, такожъ всякое добро противъ себе розумѣючи, ниякоѣ измѣны и оманы отъ васъ не сподѣвалися, и розгостилися у васъ съ жонами и съ дѣтками, што братья у братьи. А вы якобы забывъ Бога, правды и поволанья своего христіянского и не памятуючи на то, што вси

народы не только христіянскіе, але и поганскіе межи иншими выступками, тымъ ся вельми гидятъ и за то остро казнятъ, гды хто гостя въ домъ свой возвавши, или и непризваного добровольнѣ до себе впустивши, тамъ въ дому своемъ надъ нимъ измѣну якую учинитъ и его въ чомъ изобидитъ. Але вы, улакомившися на золото, клейноты, серебро, на кони дорогіе и на иншіе многіе скарбы и достатки красные и дорогіе, которые мѣли съ собою люди Польскіе и Литовскіе, кинулися есте на ихъ невинную кровь христіянскую, и одныхъ еще спячихъ на постеляхъ, а найболѣй людей къ бою незгожихъ, церковныхъ, музыкъ, купцовъ и невѣстъ, другихъ и служебныхъ, которые (кождый по особну, въ господѣ, на станѣ своемъ) постерегши такую несподѣваную измѣну, почали ся у господахъ замыкать и при оружію своемъ хотѣли помирать: ино крестнымъ цѣлованіемъ своимъ оружіе у нихъ выманивши, всихъ таковыхъ окрутнѣ и нелитостивѣ на смерть убили и помордовали, и надъ мертвыми тѣлами ихъ нехристіянски паствилися, по шматамъ розсѣкаючи, и животы ихъ всѣ побрали. А иншихъ людей зацныхъ, также невѣстъ и паненокъ учтивыхъ, которые живы зостали, безъ всякоѣ христіянскоѣ боязни и безъ сорома, ободравши, такожъ много скарбовъ и вси кони и достатки ихъ побравши, порозну ихъ и до розныхъ городовъ яко вязней якихъ розослали, и такъ удѣлали есте собѣ корысть зъ людей, на вѣру вашу до домовъ вашихъ прибылыхъ; изымали есте вязней, спячихъ, по своихъ властныхъ домахъ, которые ани умыслу, ани жадноѣ найменьшоѣ готовности до бою не мѣли; бо тутъ не на то, яко вамъ вышей розтолковано, ѣхали. А надъ то насъ пословъ его королевской милости, надъ всякую слушность и право всихъ народовъ, насильствомъ задержали, чого и у поганъ не ведется].

[И не только жъ тое все зло сталося зъ стороны господаря вашого и отъ народу вашого, але еще къ большому жалю и обидѣ нашой, тое такое нехристіянское дѣло хотѣчи укрыть и съ того оманою чистыми выйти, короля его милость господаря нашого и народъ нашъ неслушнѣ и несправедливо винуете, якобы съ помочью его королевской милости и пановъ-радъ люди народу нашого того Дмитра на господарствѣ посадить мѣли. Ино все есьмо то вышей вамъ указали, ижъ то не есть такъ, яко королю его милости господарю нашому и народу нашому задаете. А можно то и всему свѣту вѣдать и розсудить, и кривду нашу, а неправду зъ вашее стороны увидѣть. Подобное ли то дѣло было тому Москвитину, маючи при собѣ такую лише жменю людей народу нашого и одным кутомъ въ ру-

бежъ вшодши, такое великое господарство посѣсти, коли бъ есте его вы сами Москва не приняли и коли бъ того сильная Всемогущого Бога рука не справила? Да и чи то ль то ваша правда, и то ль то справедливость христіянская? Злупивши и ободравши людей Польскихъ и Литовскихъ, ихъ же не по правдѣ и обвиняете, будто Дмитръ имъ казну роздалъ и розсорилъ; а вы не только всѣ животы и дорогіе скарбы, але и здоровье ихъ побрали, и кровь ихъ невинную христіянскую, оманою подшодши, окрутнѣ розлили. О которомъ таковомъ нехристіянскомъ дѣлѣ сами жъ братія ваши городами, мѣстами и волостями свѣдительствуютъ, и народу нашому вѣсти даютъ, штожъ ся то стало будто умышленіемъ понѣшнего господаря вашого великого князя Василія Ивановича; а дѣлалъ то все господаръ вашъ, сказываютъ, корысти для своее, хотѣчи доступить престола господарства Московского: чого заразъ, на третій день по той кровавой и преже у людей неслыханой смутѣ доказалъ. А мы и такихъ словъ, отъ вашихъ же братій поданыхъ и сказаныхъ, не рады бъ есмо были въ мовахъ и писмахъ нашихъ припоминати, коли бъ есте укорительныхъ, незгожихъ и неправдивыхъ словъ противъ короля его милости, господаря нашого, въ мовахъ и письмѣ своемъ не заживали].

[И про тожъ, хотя есте всими такими своими непомѣрными дѣлы мирное постановленіе и крестное цѣлованіе нарушили, въ нивошто обернули и, правѣ, яко ворота до великого розлитія крови христіянской впередъ отворили: однакъ, ижъ яко у всихъ великихъ благочестивыхъ господарей христіянскихъ, такъ и у продковъ короля его милости тое ся вело, же нерады вборзѣ на кровь христіянскую спѣшили, а всякіе дѣла и обиды впередъ добрыми способами, якіе христіянскимъ великимъ господаромъ належатъ, успокоивать коштовали. Яко и недавного часу святоѣ памяти король его милость Стефанъ о кривды господарствъ своихъ не заразъ ся до войны и кроворозлитія удалъ, але слалъ перво послы своѣ до великого князя Ивана Васильевича, господаря вашого, хотѣчи вси кривды черезъ посольскіе договоры съ нимъ успокоить, и забѣгти тому, яко бы до пролитія крови христіанскія не приходило: чого въ ту пору великій князь Иванъ Васильевичъ отъ короля его милости вдячнѣ не принялъ, и съ послами его надъ прежніе обычаи насильствомъ поступилъ; а яко то Всемогущій Богъ, вглянувши въ правду и улюбивъ такое снисходительство къ добру короля его милости Стефана, справедливымъ судомъ Божіимъ своимъ промежъ ними великими господарями розсудилъ, у свѣжой то памяти нашой

и вашой посямѣста есть. Тымъ же путемъ продковъ своихъ идучи король его милость, господарь нашъ милостивый, хотя и тая такая великая кривда, отъ господаря и народа вашого королю его милости и народу нашому учиненая, вельми короля его милость обходитъ и болитъ: однакъ его королевская милость, не спѣшачися на кроворолитіе христіянское, слалъ насъ посланниковъ своихъ до великого господаря вашого, напоминаючи его згожыми и сходительными, а не укорительными и не жосткими словы, штобы ся самъ и зъ людьми своими въ томъ во всемъ усправедливилъ, и насъ бы пословъ его королевской милости и всихъ людей короля его милости до панствъ его королевской милости выпустилъ. Але господаръ вашъ не только того не учинилъ, ино насъ пословъ, по старому, вже то около двухъ годовъ, а насъ посланниковъ большъ полугода въ такой тѣснотѣ, въ вязенью, въ бѣдѣ и въ печали горькой держитъ. И вы будучи сами виноваты, еще такими мовами и писмами своими жосткими и укорительными большъ обиды и жалю намъ придаете и трапите].

[Мы тогды послы и посланники на все тое писмо ваше отвѣтъ и оправданіе истинное и правдивое зъ стороны короля его милости и народу нашого учинивши, и то, ижъ отъ нынѣшнего господаря вашого и отъ васъ, также еще и отъ самого Бориса мирное постановленіе порушено и крестное цѣлованіе преступлено, вамъ широко указавши, большъ (яко тые, которые тѣснотою и вязеньемъ такого долгого задержанья стиснены и знужоны есьмо, и въ рукахъ вашихъ будучи) въ никоторые писма, зъ стороны того оправданія, съ вами вдаваться не хочемъ; а дѣлаючи по наказу его королевской милости, и прихиляючися до остатнихъ словъ, въ писмѣ вашомъ поданыхъ, ижбы есьмо мы, Миколай и Александро, Станиславъ и князь Янъ, о томъ съ вами боярами говорили, якъ бы тые вси дѣла къ добру привести: и мы съ вами такъ о томъ мовимъ, штобъ есте вы бояре съ того оправданія, черезъ насъ теперь учиненого, невинность его королевской милости и народу нашого, а вину зъ стороны господаря и народу вашого увидѣвши и розсудивши, господаря своего до того вели, ижбы яко найборзѣй такъ насъ пословъ и посланниковъ его королевской милости, яко и пана воеводу Сендомирского съ дочкою, съ сыномъ и съ пріятелями, и всихъ людей его королевской милости, отъ большихъ до найменьшихъ, со всими ихъ маетностями, здорово зъ господарства своего выпустить и до границъ панства короля его милости учтиво отпровадить велѣлъ, и за побитіе и обиженье людей справедливость и нагороду учинилъ.

Итакъ вси тые такіе великіе и жалосные кривды тымъ самымъ ко всякому добру приведены будутъ; а тую кривду и жаль его королевской милости и народу нашого тымъ обычаемъ улѣчивши и знесши, и о дальшихъ дѣлѣхъ, якъ бы впередъ великимъ господаромъ нашимъ и господарствомъ ихъ милости въ любви и въ покою жить, мы по указу его королевской милости, будемъ о томъ съ вами мовить, вѣдьже такъ, абы есте вборзѣ во всемъ томъ съ нами поступовали, покамѣста еще часу што кольвекъ ставаетъ; а тымъ задержаніемъ и вязеньемъ большъ бы насъ не нудили: бо наше посольское такое насильное задержаніе ни къ какому и найменьшому добру впередъ не пригодится, и самъ Господь Богъ такоѣ обиды нашее не стерпитъ. Лутши по прежнему, и яко во всемъ свѣтѣ ведется, съ послы не насильствомъ поступовать: то будетъ згоже, крѣпко и пожиточно ко всякому добру, на обѣ сторонѣ; а насильствомъ на насъ ничого не выможете, и найдолжѣй державши. И то такій подлинный отвѣтъ на вси мовы и писмо ваше отъ насъ вамъ учинили есьмо].

Марта въ 19 день присылали послы к приставом и говорили послы: поговорите деи бояром, чтоб донесли до государя, что де наше житье здѣсь, у государя де бываемъ и у бояр не часто, и дѣла с нами бояре не дѣлают, живем де что вязни. Чтоб де государь намъ велѣлъ быть у себя по прежнему и з бояры сидѣть, и мы де о том сами государю будем говорить, чтоб велѣлъ с нами къ дѣлу приступать; а будет къ дѣлу не приступать, и чтоб государь нас отпустилъ. В наказе де у нас написано: не видя воеводы, и дѣла не починать. И бояре де за то стали. И мы де и наказу отступили да говорили, чтоб нам людей своих послать видеть воеводу и всѣх людей. И бояре деи тово не похотѣли учинить. И мы де ужь и тово отступили да на себя то взяли, и хотим к дѣлу приступать. Тако дайте, бояре, нам государево слово. Сказали, что будетъ воевода на Москвѣ, какъ срокъ с нами договорятца, а мы в тѣ поры станем дѣло дѣлать; а коли де тово бояре тово не здѣлают, и мы де то знаем, что они не живы: ужь то де они побиты или с которой с теснаты померли.

И приставы говорили: то нестатное дѣло что побиты, всѣ живы. А животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Только б хто умер, и тово б нѣчево таить. А то вамъ, чаю, и бояре сказывали про ваши про всѣ люди, что всѣ живы, и боярскому слову мочно вѣрити. А приказываете с нами къ бояром, чтоб вамъ быть у государя. И ныне не тѣ дни зашли, будетъ Страсная недѣля.

И послы говорили: только де нам не быть у государя на сей недѣле, и там де зайдетъ Святая недѣля, и нам деи досталь у государя не бывать. Помереть де намъ с одново духу от навозу также, какъ наша братья тамъ живучи померли; а мы их живых не чаемъ.

Апрѣля въ 4 день [1] о вечерне приходил посла Миколаев урядник Павел Селихостовской к приставом. А говорилъ приставомъ: которая де ныне стала у вас новая причина на Москвѣ, что у послов нашихъ людей подговаривают, а люди наши от послов нашихъ переметываютца к вам и емлют воровством многай скарбъ посолской, и служебников ихъ платья и всякую збрую? А в прежних деи временах тово не бывало. И говорят де вамъ о том многижды послы и посланники и мы, чтоб государь ваш пожаловал и бояре ваши и Посолской дьякъ государю о том росказали, чтоб государь тово велѣл сыскати и наших измѣнников и посолских и с нашими животы вернут; и будетъ де государю вашему тѣ наши измѣнники наши надобны, и государь бы де пожаловал, велѣл наши шкоды сыскав отдати. І только де будет здѣся вперед такъ, и меж великих государей наших вперед посломъ и посланником вашим к нам, а нашим к вам, не мочно ходити, и меж государей крестьянских то дѣло дѣетца неприятельское дѣло. А дале де ужь нас перекритчи всѣх и пословъ забавится. А скажете, что послы передались к вам, а у насъ против также здѣлают. И от таковых дѣлъ какъ любви и покою меж хрестьянских государей быти, что ужь и послом и посланником ходити меж государей не умѣть от такие ссоры? А толко де мы гдѣ увидимъ своих измѣнников, и нам их стрелять, гдѣ ни увидим. А толко де вперед таково будет, и намъ де в своей землѣ у ваших послов и у посланников людей такоже розволочити; и достанетца и дворянину, а после и самимъ послом или посланников у собя забавим, а скажемъ такъже, что они ко государю нашему передались или скажем: государство у насъ великое, сыскать нельзѣ [2].

Апрѣля въ 6 день [3] в семом часу днн в обѣд вышли из хором от себя послы Миколай и Олександра, а за ними люди их человѣк с 50 и больши с сабли и с пищальми, и пошли на манастырской Рожественой двор, гдѣ Станиславовы люди стоят, шумя и крича. И говорили: какъ де нам жить? Ужь де у нас в день

[1] *Сбоку:* государь слушал.
[2] *На оборотѣ сего столбца:* записка посольская послов и посланников.
[3] *Сбоку:* государь слушал.

емлют силно людей з животы с нашими, а подговаривает де у нас людей князь Дмитрей Туренинъ для животов нашихъ. И роздвигали два луба через замет и смотрили на князь Дмитреѣвъ двор: тутъ де наши люди утекают с нашими животы, и мы де то знаем, что бояре сами тово хотят, велят у нас людей подговаривать для животов наших. И говорилъ Олександра: какъ де за то быть доброму дѣлу? Литца де за то крови. Какъ де нам дѣлать доброе дѣло за такое безчестье государя своего? Не над нами де то дѣлаетъ, над государем нашимъ токое безчестье. А только б де тово бояре не хотѣли, ино де как у нас з двора людемъ утекать и ночи, не токмо в день: стрельцы де стерегут около всего двора и в ночь и в день. — И того же часу сказал сынъ боярской Богдан Есипов: стоял он у задние решотки, и вшел де на двор на кормовой на Паѳнутьевской двор Литвин и сказался на государево имя; и стрельцы де ево взяли. А послы де о тѣ поры ели, а на улице деи людей ихъ не было никово, а на князь Дмитреѣвъ дворъ тот Литвинъ не бывалъ.

Апрѣля въ 7 день присылали послы и посланники к приставом, чтоб у нихъ были. И говорили послы и посланники приставом: всегды деи мы с вами говорим, а приказываемъ к бояром, чтоб нам быть у государя и у бояр, и писмо вамъ даем, и вы у нас писма не ѣмлете, а на наши рѣчи нам от бояр и от Посолскаго діяка отвѣту не дадите. Про что нас здѣсь держат? Про што с нами дѣла не дѣлают? І будет имъ дѣла не дѣлати, про что нас не отпустят до государя нашего? Что наша вина, за что нас поморить напрасною смертью в тюрмѣ и в новозе? Коли таково бывало здѣся, ни в которых тово государствах не ведетца, что то у вас. Котороя новая причина стала ужь не дѣлать и нас отпустить? Посланникъ вашь был у государя нашего князь Григорей Волконской, и нам и то нарекали, что государь нашь посланника задержал, а 18 недѣль всево ходил; а мы 3-й год сидим в тюрмѣ. Про что насъ не отпустят? Да у нас же с нашево нужново житья бѣгают от нас хлопи, крадучи многие наши животы, а князь Дмитрей Туренин і стрельцы наших хлопей подговаривают и емлють их с нашими животы. И мы вамъ о томъ всегды говоримъ, что у нас рознасили хлопи наши многие животы, у нас и у служебъниковъ нашихъ обнажили всѣм. Чтоб вы известили нашу такую нужу и великие наши шкоды государю своему, и бояром и Посолскому діяку. И вы нам о том ничево не откажете и от бояр ваших и от діяка в тѣхъ нашихъ шкодах сыску не привезете.

И приставы посломъ и посланником отказывали: вы намъ о таких дѣлехъ говорите, чтоб мы от вас государевым бояром и Посолскому дьяку говорили, чтоб вамъ быти вскоре у государя и у бояръ; и мы то от вас государевым бояром и Посолскому дьяку извещали и не одиножды. И бояре намъ велѣли вам сказывать: в Великиі постъ для посных великих дней и ныне после празника великих ради празных дней быти было вскоре не мочно; а какъ де будет время, і мы о том государя доложим и вамъ скажемъ, а вы тогды посломъ скажете, а чаем, что вамъ вскоре быть у государя и у бояръ.

И князь Янъ Соколинской почел говорити: видим де мы и сами, что смерть наша блиско; а мы де тому ради за государя своего, за милостиваго короля, и за свою правду умерети. А дожидатца нам здѣсь нѣчево: ужь мы здѣсь, сидечи в тюрмѣ, и поморены и переграблены. Аль у нас того бояре ваши хотят силно взяти, чтоб нашего государя росказанье на иньшеѣ пременити и на их воле поставити? И тому не бывать до смерти, что намъ пременити государя своего разказанье. У пословъ де емлют ласкою да добрымъ дѣлом, а не насилством. И нам де премянити не мочно, что наш государь король в Польше, а вашим бояром здѣся всякое дѣло премянить мочно, что государь ваш здѣся. А тому и до смерти не бывать, что Сандамирского не видя и всѣх людей государя нашего, да дѣлати. А есть ли де будет ещо нас здѣсь хоти немного подержать, и нам де ничево и не дѣлати никакова дѣла, потому что государь нашь намъ велѣлъ всякие свои дѣла дѣлати до тово сроку, до которова намъ розказана. А ныне мы помрем, а дѣлати ничево не будем. А мы де были пришли сюды ко государю вашему припомянути, что здѣсь государя нашего люди побиты по улицам, и по огородам, и по избам, и по постелкам, и животы их розграблены; а тѣ были люди государя нашего сюды пришли не войною, и не за саблею взяты. И такъ было над крестьянскими людьми поругатись не надобно. И государю бы вашему и та кровь было утолити, и грабленые животы сыскати и отдати, а иное наградити. И государь де вашь и бояре ещо нас и досталь хотят посечи, и кровь х крови прилити; и посекут де нас здѣся, и у нас де ещо дѣти наши и род и племя в Польше и в Литвѣ отстанутца, будут мстить кровь нашу. А мы де чаемъ у Бога милости, что не по винѣ помремъ за своего государя и за правду, и мы де мученическую смерть приимем. А вам де за свою неправду всѣм погинуть за нашу неповинную кровь. За нас де не токмо наше государство станет:

слыше вашу такую неправду и нашу неповинную кровь станут за нас иньшие окресные государства, которые у обѣих государствъ наших в пограничие. А приѣдемъ де мы ко государю вашему и к бояром, и бояре де дѣла с нами никакова в любовь не поговорят, какъ при прежних государехъ бывало. Левъ де Сапѣга был, а нам лучилось туто быти, ина де сидѣлъ со Лвом Мстисловской, Годуновы, Татищев, Василей Щелкалов, Елизарей Вылузгин, 10 их. И они де, говоря с послы, да пойдутъ ко государю, о чем спор станетца, да быв у государя, да и опять к послом придут, да опять учнут о дѣлех говорити. А ныне де такова обрасца не слыхано, не токмо что видано, что ваши бояре дѣлают: посидѣв да побранився, о чом спор будет, да пойдут ко государю, да пришлют к нам діячишка; и он де, пришедчи к нам, да з серца пыхнет, а молыт: поѣдьте до господы. И то де безчестят не нас, государя нашего короля Польского. Да и опять де недѣль 5 — 6 в городе не быва. Да они же де говорят, что мы не дѣлаем. А нам де здѣся, сидечи в тюрмѣ, с стенами ли дѣлать? И вы де скажите бояром своим: будет с нами дѣла дѣлать, и они бы дѣлали с нами вскоре; а будет не дѣлати, и нас бы де государь ваш отпустил ко государю нашему по прежней скаске. А что де нам бояре ваши сказывали отпускъ, и то де все солгали. И будет де нас не отпустят, и нам де ѣхати самим до государя своего. Веть мы не за саблею взяты. Побейте же де нас на конех; а в тюрьмѣ и в гною и в позоре померети не хотим. А неповинную нашу кровь судит Богъ [1].

Апрѣля въ 11 день. Провѣдывали приставы Ѳедар Пушкин да Ондрей Бунаков на посольском дворе всякими обычеи, как послом быть у государя и что у них новава дела объявитца, для чево к делу и приступают, и что им з бояры говарить. И в розговорех говарил Миколаев человек Ян Воковскай сотник: как де будут послы у государя и з бояры станут говарить, и только б де бояре говарили с послы ласковыми речьми и не сердита, и отставя б всякия меры, и говорили б пряма к доброму делу; и послы де станут доброя дела делать. А мы де всегды приходим на послов и говарим послом, чтоб конец делу учинили и з бояры делоли, только б де бояре шли правдою и ласкою, а не бранью. — Да в розговорех жа говарил с приставы с Ѳедарам с Пушкиным да с Ондреем Бунаковым Миколаев портной мастер Ѳериниц: как де ныне послы будут у государя и з бояры засядут, и мы де чаем, что дела начь-

[1] *На оборотѣ:* записка посольская Литовская новая.

нут; а только б де бояре с послы не сердита говарили и правдою шли, и послы б деи свою правду объявили. — Да с Өедарам жа с Пушкиным да с Ондреем з Бунаковым говарил Литвин торговай человек Дмитрей Греченин в розговорех и взял у Өедара и Ондрея на том руку, что не пронесть никому: посол де Олександра и посланники хотят делать, и не видя Сандамирскова, и стоит де за то Миколай, чтоб видеть Сандамирскова или б к нему послать человека своево для тово, что к Сандамирскому посла . . . . . . и чтоб ему то отдал . . . . . А люди де на послов все приходят: будет де вамъ затем жить, и вы де живитя; а мы де станем у государя о том милости просить, чтоб нас отпустить в Литву, и государь де нас отпустит. А вы де живитя, коли хотитя. Да тот жа Дмитрей Греченин говарил и заклял, чтоб не пронесть тово никому: есть де у послов мысль подлинна, хотят пробиватца, будет не отпустят; и люди де им говарят: наши де головы полетят, а вы де послы будетя целы, вас де не побьют, подите де вы наперед, а мы де за вами. А мысль де іных та: как Сандамирскова увидят, и им с ним не роспуститца, побейте де ж нас, а Сандамирскова не дадим. А говарят: знаем де мы то, что нас не побьют, побьют людей у нас; и лутчи б де Сандамирскова не показывали, коли де будем дела, тогды и Сандамирскова покажи. А ещо де вам скажу подлинна, что у меня будет.

Принесено апрѣля въ 11 день.

Перевод зъ греческаго писма, что принесено с Литовского с посольского двора апрѣля въ 11 день; а того в том писме имянно не написано, кто то писмо прислал.

Царю многолѣтный! Яз твой царскиі раб извещаю тобѣ, царю, первое бо сего ради: просят от тобя многолѣтнаго царя воли, чтоб имъ послати казну воеводы Сендомирскаго, и князя Вишневецкого, и Тарлы, и старостины Сухачевской и Бучинского и оттолѣ послѣди, аще ли их отпустите, повидаться с воеводою. И они имѣют во умѣ своем здѣлати совет, чтоб имъ не здѣлати любви и миру не по королевскому повеленью, а здѣлати б как хотят послы, чтоб имъ от короля и от всех боляр Литовских восприяти преизлишную честь і дары, потому что король повелел, как возможно зделати любовь и мир также, как имѣли з Борисом Федоровичем, и они б зделали. А о воеводе писал: будет возможно, освободить его оттоле, ино добро; а будет невозможно, и онъ посиди до времени. А они хотят своим умышленьем и силою освободити его из твоих царских рукъ насилу. Но ты, царю многолѣтный, не дѣлай того, потому

что послы имѣют инако во умѣ своем; а яз, всегда твой царскиі раб, как есми и преже был, и знаю есмь посольскую мысль, что нароком дѣлают и не хотят здѣлати любви с тобою царем, токмо болши любят, чтоб зделати межю королем и с тобою царем брань. И того ради медлеют, не вменяют собѣ о том ничего, хотя их держи ты, царю, и ещо 3 годы. И сего ради бо большоіі посол, сирѣч Малоговскиі, нароком дѣлает и просит воеводы, чтоб ему здесь сидети ещо больши да соберет больши казны. И Александръ видя то, что Малоговскиі без воеводы не хочет здѣлати любви, и он понуждает и послѣдних послов, чтоб ѣхали без боязни насилу, бився вон из города даже и до Литвы. Последни . . ж . . . . . раскаяниі есть, что сошлись они с ними здесь на один двор и дали им грамоты королевския, а сами они не здѣлали любви по приказу королевскому, как имѣли; а ныне дали всю силу большим послом в руки, а сами не имѣют ныне ничего здѣлати. А люди посольские не хотят того здѣлати, чтоб ѣхати сильно, токмо просят воли от послов, чтоб их отпустили, да побьют челом тобѣ, царю, чтоб ты их пожаловал, отпустил з добром. И государи их не хотят их отпустити. А ныне имѣют во умѣ своем, чтоб им о любви и о мире поговорити с твоими царскими з бояры и не вѣдаю, что хощет быти. А яз сие малое писах вскорѣ, а отселе и послѣди паки твой царскиі раб вѣрный, якоже и прежде бых, а ныне хощу и больши быти. Токмо что аз есми безчастный въ твоем царском царствиі: когда восхотел работати твоему царскому царствию вѣрно, и вмѣсто работы моеіі доброе жалованье и возмездие дали мнѣ великой поминок на всем хрепте моем того ради, что есми говорил всю истинну; и в нынешнія дни воспоминая первое жалованье, чем меня пожаловали, не смел говорити и извещати перед твоими царскими приставы никакова слова. Токмо въ нынешниі день, видя злый совет посольскиі, возболе серце мое и не мох е(г)о удержати болши, хощу работати тобѣ, царю, ныне мало, а вперед больши того. Многолѣтный царю и в. к. Василей Иванович в. Р.! Покажи милость царскую на мнѣ, рабѣ твоем царском [1].

И апрѣля въ 12 день г. ц. и в. к. Василей Иванович в. Р. велѣл быти у себя, государя, Литовскимъ посломъ и посланником Миколаю Олешницкому с товарыщи. И по государеву указу того дни Литовские послы и посланники у государя были, а приѣздъ их к государю на двор и встрѣчи от государя были по прежнему:

---

[1] *На оборотѣ въ углу:* записка Литовская посольская новая.

въ 1-й встрѣче встрѣчал Петръ Чихачевъ да дьякъ Ивашка Шарапов, въ 2-й в большой встрѣче встрѣчал князь Василей Михайловичь Лобанов да дьякъ Третьякъ Карсаковъ. А государь сидѣл в Золотой в Подписной полате в своем царьскомъ платье и діадиме с киѳетромъ. А у государя стояли рынды в бѣлом платье и в золотых чепях: по правою сторону князь Иван Михайлович Одоевъской да Дмитрей Погожей, а с лѣвую сторону князь Ѳеонасей княж Васильев сынъ Лобанов-Ростовской да Исак Погожево. А какъ послы и посланники вошли к государю в полату, и явил ихъ государю челом ударити окольничей Григорей Петрович Ромодановской по прежнему. И государь пожаловал пословъ и посланников, велѣл сѣсти на скамейке; а скамейка была по прежнему. А посидѣвъ мало, велѣл государь Посольскому дьяку Василью Телепневу молыти посломъ и посланником, чтоб шли в Отвѣтную полату говорити з бояры о дѣлех.

И по государеву указу Посольской діякъ Василей имъ молыл: Миколай, Олександръ, Станислав, князь Ян! В. г. ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с. і многих государствъ государь и облаадатель, велѣл вам итти в Отвѣтную палату говорити з бояры о дѣлехъ.

И послы и посланники говорили перед государем рѣчь. А говорил Александръ: милостивый в. г.! Просим вашей государьской милости с великою жалостью нашею [1]. При предках великих государей наших королей Польских і в. к. Литовских, такъже при предках вашей государьской милости великих государей Московских бывали великих государей наших послы у предков вашей государьской милости, а предков ваших бывали послы у предковъ в. г. нашего, и бывают розмовы на обе стороны. И коли послы или посланники государя нашего с вашими государьскими бояры или послы и посланники ваши государьские с паною-радою в ваших государьских дѣлех не згожаютца, за которыми причинами или от кого какую обиду имѣют, и они то все принося перед вас, великих государей крестьянских; і вы, великие крестьянские государи, то ѳмлети на свой премудрой государьской разум и, разсужаючи своею государьскою мудрою думою, то все исправливаете своим государьским разумом. А ныне мы, в. г. нашего крестьянского послы и посланники, потому же свою жаль и обиду, которая нам здѣсь в вашем государстве доносит, приносим до вашей государской милости,

---

[1] *Зачеркнуто:* какъ . . . . . да, так и теперь терпим.

великого крестьянского государя, чтоб вы, великиі крестьянский государь, то все, взяв на свой премудрой государской разумъ, своею государскою мудрою думою нам направити рачил. — Послы и посланники ходят меж вас, великих государей крестьянских, из давных лѣт по опасным грамотам и нигдѣ им задержанья не бывает. Коли пришед, по государя своего наказу здѣлают меж вас, великих государей, доброе дѣло, и имъ отпускъ бывает безо всякого задержанья; а коли будет и не здѣлают меж вас, великихъ государей, доброго дѣла, которого будет им мимо наказ государя своего здѣлати не мочно, и их послов отпускают же без задержанья. Не токмо в перемирное время послов и посланников на обе стороны отпускают без задержанья, коли по грехом меж вас, великих крестьянских государей, и крови наши крестьянские на обе стороны лились, и тогды послы и посланники меж вас, великих государей, хаживали повольно [1] и задержанья и нуж, ни теснот никаких не бывало, какъ ныне над нами, великими послы, над звыклой обычей всего свѣта дѣлаетца. А в. г. нашъ, его королевская милость, посланников ваших государской милости, которые до его королевские милости вневдавне от вас были, принял во всем любительно и отпустил их к вам, в. г., тотчас не задержавъ. А нас, посланников, в. г. нашъ, милосердной крестьянский государь, послал к вам, великому крестьянскому государю, какъ во всем свѣте ведетца промеж вас, великих государей, один до друг посылает, вас, великого крестьянского государя і в. к. Василья Ивановича, в. Р., на той вашей преславной прародительской столице, на которой Господь Богъ Своим праведным судом и крѣпкою десницею вас, великого крестьянского государя, посадил, поздоровити и наведити и о иных о многих великих дѣлех вам мовити и напомянути. И нас посланниковъ, перепустя за рубеж, во многих мѣстех держали, и, приѣхавъ к Москве, долгое время до своеѣ государские руки не припустил; потом 2 недѣли были есмя у вас, в. г., опять, домогаючись того, чтоб есмя виделись с послами его королевские милости, и нам одва в 10 недѣль по приѣханью нашемъ позволено видетца. Потом нѣколько разъ были есмя у вашей государской милости и с вашими государскими бояры на розмове в городе, за каждым разом нѣ по кольку недѣль в замкненье нас держачи, ничего с нами ваши государские бояре не дѣлали. Быв с нами на розмове в отвѣте да пойдут к вашей государской милости докладывать, а потом к нам бояре сами не придут, и

[1] *Зачеркнуто:* безо всякого задержанья.

дѣла никакого не скажут, и вас, в. г., о том не доносят, что мы с ними заседаючи говорим; а пришлют к нам с отказомъ діака, а велят ѣхати нам на подворье, да потом опять нѣколько недѣль быти у себя не велят. О чем мы шире того вашим государским (ближ)-ним бояром князю Ѳедору Ивановичю Мстисловскому, и князю Івану Івановичю, и князю Михайлу Васильевичю Шуйским, кривды и обиды выписав, на писмѣ подадим. А его королевская милость, государь нашъ милостивый, приказал нам, чтоб есмя перед зачатьемъ всякого дѣла наперед с паном воеводою Сендомирским и с иными со всѣми людьми его королевские милости, тутъ в вашем государстве в Москвѣ задержаными, виделись, и имъ ласку его королевские милости, яко короля и государя их, объявили, листы короля его милости им отдали и, о их здоровье вѣдомость взявши, к иншим дѣлом и розмовамъ вашие государьские милости з бояры приступили; а учинить то рачил его королевская милость с приговору всѣхъ станов на сойме вольном прошлом, потому что тѣ люди его королевские милости деѣ впроважены тут до велико(го) государьства вашего Московского в перемирные лѣта за грамотами опасными. — Другое то. И самъ вы, в. г., через посланников своих приказывал до в. г. нашего, его королевские милости, что тѣ всѣ люди задержаны в (Москвѣ) до ссылки промеж вами, великими кре(стьянски)ми государи, а не вязнями, потому что они не на войнѣ побраны [1]. И зачѣмъ с такими вольными людми не позволено нам видетца? А обычай тот есть всѣхъ вас, великих крестьянских государей: каждый мудрый государь, сѣтчи ново на столице государьской, должен образ показывать, печаловатца о том, чтоб при государьстве его не токмо люди тѣ, над которыми его Богъ посадил, в покое живучи, честь и хвалу Богу воздовали, но і все б крестьянство радость отъ него імѣли. Такъже и о вашей государьской милости в той мѣре разумено. Что тут в Москвѣ в побитье людей короля его милости великая а праве неслуханая кривда его королевской милости государю нашему сталась, а его королевская милость, государь нашь великиі крестьянскиі милостивый, не спешачи до иных способов склонитись, хотѣл то все успокоить договором посольскимъ и хотѣл вперед с вами, в. г. крестьянским, в покое і в любви жити, отчего б великая кручина была мусуль(ма)нам, а всѣм бы крестьяном великая радость и утѣха была, и каждый человѣкъ разумѣл с таких мѣр, что великиі государь такое сходительство его королевские милости вдячне при-

---

[1] *Зачеркнуто:* и за тѣми вольны.

меш . . . . . нявши не токмо нам ваша государьская милость с вольными людьми его королевские милости видетца не заборониш, но и в дальних большпх мѣрах имѣлъ потому же склонность і всякое сходительство ко всякому добру показать, как бы та розлитая здѣсь кровь и обида людей его королевские милости полечить. Потому і в наказе своем королевском то, яко выше сего помянуто, написати велѣл. А только б не так его милость, государь нашъ милостивый, о вашей государьской милости разумѣл и от вас, в. г., через посланников приказ не был, и его б королевская милость, государь нашь милостивый, иншею мѣрою с вами дѣлал. И мы, правячи в том повелѣнье его королевские милости, говорили, чтоб нам видетца с людьми его королевские милости самим. И нам бояре ваши государьские на то не поволили. И мы о том просили, чтоб нам с тѣми людьми его королевские милости сослатца; а на остаток ужь есмя и на том пере . . . . . . хотѣли, чтоб дано было слово ваше государьское, на который день вборзе тут до Москвы повелиш спровадить людей его королевские милости и с нами ся видеть, а мы б (то)го же часу к дѣлу дале приступили; а будет вам, в. г., того всего учинити немочно, і ваша б государьская милость велѣл нас отпустити к государю нашему. И ваши государьские бояре в отвѣте нам говорят, будто мы доброго дѣла не хотим. И мы, государь, доброго дѣла хотим так, какъ імѣем в наказе от короля его милости, и чтоб вперед то твердо и непорушно было. И доброе дѣло бывает, коли с обѣих сторон вольно, без насильства приговорят; а то недоброе дѣло, что нас, як вязней замкнувши, в гноях і в вони великой держат. И в отвѣте ваши государьские милости чесные и добрые бояре с нами заседают князь Іван Михайлович Воротынской с товарыщи, которые промеж вас, великих государей крестьянских, и государьствъ ваших, добра от Бога жедаючи, учтиве и пригоже с нами поступуют; а при них же заседает діак Василей Телепнев, которой словы безчестными и иными мѣрами не только в особе нашей посольской королевской милости государя нашего не чтит, але ты и вам, великому государю, и бояром вашим всѣм безсчестье дѣлает, и старшего посла . . . вельможного раду его королевские (милости) пана Мологоского словы обезсчестил. К тому і в кормѣхъ без вашего государьского вѣдома перед росписью убавливает, а иные кормы дает, что ничему незгожи; только мы о том мало мовим, не жадни есмя кормов, а жадни тому, чтоб об одном хлѣбе и о воде до государя своего ѣхали, бо ужь гною і вони много имѣем, что в теплый день немочно окошек открыти, и для такие вони людей

у нас больных много и лошаді поздыхали. А сверхъ того тот же Василей, государьской милости діак, велит людей наших подговаривати, которые, окравши нас і великие шкоды починивши, уходят, и на имя царьское их приимуют, и, платье руское на воров на измѣнников наших взложивши, по двор посолскиі подсылает, чтоб и иных выбавляли, чтоб также, ократчи, от нас утекали. И какъ мы бываем у вас, в. г., и тѣ наши измѣнники с ыными вашими государьскими людьми тут же в верху стоят и нам ся поругают. А сверхъ того и перед вами, в. г., в гор(оде) по звыклому обычаю бывать нам не позволяют, зачѣмъ мы никоторого добра на обе стороны по ваших государьских бояр . . . . . . ред обецовати не можем и серце свое (схо)дительство всякое тратить можем. Конечно нас нудят и теснят, чтоб мы дѣлали то, что діаку вашему государьскому и иншим таким надобе, а не такъ, какъ нам король его милость повелѣл. Ино крестьянское ль то дѣло і ведетца ли то не токмо во крестьянских государьствах, ни в мусульманских над послами, что нам, послом великого крестьянского государя, у вас, великого государя крестьянского, дѣетца? А такие насильные изобиженые дѣла сперва видятца добры и сладки, а после на обе стороны злы и горки бывают. И говорят нам иные люди, будто мы в здѣшнем задержанье нужи не имѣем, лише лежим, едим да пьем. И нам, вольным людем, не токмо большое, но и ровное стоснет, болѣзни, кручины и печали тяжкие имѣем не по винѣ и слушности. А больши всѣх нам то [1] наноситъ: мы за праведными службами предков наших к Богу и к государем своим породились в т(аковой) великой вольности, которую иншие . . . . . перевышаем, и по милостивому б . . . . . . на свете дорозшего у себя не имѣ . . . . . А ныне мы, приѣхавши в ваши в вели(кіе государ)ства послами і посланниками з(адержа)ны есмя в неволи, в запоре, в вони. Вся наша вольность: видим неба столько, колько над нами; а земли столько, колко во дворѣ под нами. Розлученые есмя с наяснѣйшим государем нашимъ и с отчиною, и вольностью уроженою нашею, з женами, з детьми, с кровными и з домами нашими; лише имянем не вязнями есмя названи. Боже Всесильный, перед Которым все явно есть! Возри на нашу великую і жалуснную кривду. — Да хотя же мы много стеснены, однако помнечи на то, что мы тут послами от великого, крестьянского, христолюбиваго, премудрого и светобливаго государя, которой правду милует, а неправды ненавидит, да и сами

[1] *Зачеркнуто:* сносит.

мы с прародителей наших зацного старожитного шляхетцкого стану и православными крестьяны будучи, не хотим ничего мимо государя своего королевской наказ дѣлать, чтоб то вперед крѣпко было; и не хочем вас, великих государей наших, и своих власных душъ оман(уть), и прямою правдою ідем і вперед итти хочем, а насильством на нас ничего невозможно здѣлать. Государьство государьству не страшно, да при правде большая сила бывает, и д. . . . того всѣ вы, великие хрестьянские государи, коли один против другому войну подъимает, наперед о том розсужаете, чтоб война была справедлива, за кривду подымана; бо справедливости сам Богъ помогает. Подлинно то разумѣемъ, что король, его милость, государь нашъ, не могучи нас ужь то двоих послов так долгий часъ дождатца, думает и з государьствы своими о таком безсчестье и о обиде своей, чему вперед от того быть. И мы то себѣ разумѣем, что все то дѣлаетца не вашим государьскимъ умышленьем, ни ваших государьских больших бояр, но таких, которые вам, в. г., прямо добра не жалуючи, такими думами к тому ведутъ, чтоб вперед злу, а не добру быти пригоже. И достойно вам, в. крестьянскому г., то себѣ розсудить: сначала, яко Богъ Всемогущиі, сотворивши сесь свѣт и людей на нем царьствы, к(няже)ствы и государьствы розделивши, и . . . . над ними розсказываючи дл . . . . койного житья и згоды людцкие . . . в прироженье то лютцкое вложи, же всѣ государи о всяких дѣлех через послы и посланники свои один з другим обсылатца. И без того немошно вам, в. г., і вашим великим государьством быти. И дал то Богъ Милостивый право всѣмъ людем на свете, чтоб послом великим вездѣ и по всякой часъ мирный і воинскиі был путь чистъ без опасенья і вольность всякая, и остерегает того, чтоб послу никакого насильства и задержанья нигдѣ не ссталося; и у всѣхъ вас, великих мудрых хрестьянских государей, ведетца тоже — послом всяким вольно есть отъезжати до государей своих, какъ похотят. А какъ сам Господь Богъ то посполитое прироженное право всѣм народом дал, Сам божественною силою Своею того бережет и над тѣми, которые по тому праву с послы слушне поступовали и насильства им не дѣлали, благословение свое распростирал; а на тѣх, которые право то переступа(ли, по)слом обиду и насильство дѣлати покушались, гнѣв Свой Божей перепущал тем. Мы вашим государьским бояром шире написа . . . дадим. И того б для вы, в. г., своею мудрою думою думаючи, чтоб (впе)ред промеж в. г. нашего короля Польского і в. к. Литовского и промеж вас, в. г., и меж ваших великих государьствъ добру быти, а не злу, вспомнячи ваша госу-

дарьская милость на то, как за предков ваших государьских бывало, коли і в розмирные лѣта с обѣих сторон кровь лютцкая розливалась, а послы и посланники на обе стороны хаживали и путь им бывал чистъ без задержанья, просим вас, в. крестьянского г., абы ваша государьская милость нам, послом и посланником его королевские милости, насильства никакого дѣлати не велѣл, и поволил нам с паном воеводою Сендомирским и с ыными людьми короля его милости государя нашего тотчасъ видетца или сослатца, і вперед бы росказал бояром своим с нами дѣлати по тѣм статьям, какие імѣем в наказе от короля его милости государя своего, і вели наших измѣнников всѣх, сыскав со всѣми животы нашими, и вернути назад. А будет вы, в. г., на то на все не (по)волите, і ваша б государьская милость (велѣл) нас отпустити к государю нашему; и опричь нас мочно вам, в. г., с собою і вперед ссылатца: не мы первые, не мы и послѣдние послы и посланники. Великого государя нашего послом и посланником бывать у вас, в. г., а вашим государьским послом бывать у великих государей наших, а нами б послами и нашим именем посольским вперед большие смуты промеж вас, в. г., не было. А только вы, в. г., похотите нас больши того держати, и Всесильный Богъ в обиду его королевской милости и нашу посольскую тяжкую возрит, и что злое вперед промеж вас, великих крестьянских государей, взочнетца, и Богъ того всего взыщет на вас; а мы в том перед Богом и перед всѣми народы хрестьянскими будем чисты. Просим вашей государьской милости: будет бояре ваши государьские и діакъ Василей Телепнев учнут с нами о дѣлех постоповати по прежнему пышными словами і безсчесными и измѣнников наших нам назад не вернут, и мы перед вами, в. крестьянским г., Богом освечаемся — дѣла нам никакого доброго не дѣлывать; і ваша б государьская милость больши того нас здѣ не держали, до короля его милости государя нашего отпустил. И Милостивый Богъ таким добрым, вольным, ненасильным дѣлом благословит, и король, его милость, государь нашъ и Рѣчь Посполитая то любительно примут, и будет то вперед з доброю славою вам, в. г., и со всяким добром на обе стороны.

А после того говорил посол Миколай: милостивый государь! Пришли мы сюда в ваши великие государьства от государя своего милостивого тому ужь 2 годы о всяких о добрых дѣлех, которые настоят меж ваших великих государьствъ ко всякому добру и прибытку хрестьянскому; и то вам самому, в. г., все извѣсно, с чѣм мы от государя своего милостивого в ваши великие государьства

пришли, не на войну и ни ратным обычаем, о всяких о добрых дѣлех, о бра(тствѣ), и о любви, и о докончанье и о соединенье ваших обоих великих государьствъ на ваших недругов. И мы здѣсь на весь свѣт над звыклой обычай задержаны невинно, и живем в великой те(снотѣ) і в вони, от чего ужь мало сами не поздыхали. А сверхъ того людей наших подговаривают, которые, окравши нас і великие шкоды учинивши, от нас утекают; і вчерашнего дни 3-х моих служебников подговорено и, скарбы мои побравши, утекали, сказывает, на ваше государьское имя. И ужь у меня одного 20 человѣкъ подговорено, ... шкоды в том починились. Прошу вашей государьской милости, абы ваша государьская милость больши того нас в такой нуже і воне держати не велѣл, и измѣнников моих велѣл мнѣ всѣх сыскав вернути назад; а будет ваша государьская милость на то не изволит, и без стого і доброму дѣлу не бывать.

Да оглянясь на обе стороны, говорил бояром кабы с серца, чтоб бояре [1] князь Өедор Иванович Мстиславской, князь Іванъ Іванович, князь Михайло Васильевич Шуйские і всѣ бояре били челом государю, чтоб государь больши того их держати не велѣлъ и измѣнников ихъ велѣл имъ отдати.

А изговоря послы рѣчь, князь Янъ Соколинской поднес был писмо к боярину ко князю Івану Івановичю Шуйскому. И государь того писма бояром имати не (ве)лѣл. А молыл государь сам послом: которые есте тепере мнѣ рѣчи говорили, и яз тѣ всѣ ваши рѣчи выслушал і велю вам на тѣ ваши на всѣ рѣчи отвѣт учинити бояром своим; і вы подьте в Отвѣтную полату, а тепере у вас большим нашим бояром писма имати непригоже.

И послы, ударя челом государю, пошли в Отвѣтную полату; а встрѣчники их провожали до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали.

И государь, призвав к себѣ всѣх бояр, послал к послом и к посланником в Отвѣтную полату прежних бояр и діаков, которые были наперед того с послы и с посланники в отвѣте, боярина князя Івана Михайловича Воротынского с товарыщи. А что послы говорили перед государем на бояр, которые с ними бывают в отвѣте, будто они их речей, которые с ними говорят в отвѣте, государю не доносят, и что жаловались на Посольского и думного діака на Василья Телепнева, и что били челом о людех своих, которые от них бѣгают, — послал государь з бояры окольничего князя Василья Іва-

---

[1] *Зачеркнуто:* всѣ.

новича Мезетцкого, а велѣл по(слом) про то выговорить: которые они рѣчи говорили перед царским величеством ныне, и государь тѣ ихъ рѣчи выслушал; и что они говорили: которые они рѣчи говорят, будучи в отвѣте з бояры, и тѣх ихъ будто речей бояре до царского величества не доносят и доброго дѣла будто не хотят, и то они говорят на бояр не по дѣлу, и царского величества бояр, которые с ними живут, в отвѣте тѣмъ безчестят. Царского величества бояре и дьяки, которые с ними послы и посланники живут в отвѣте, князь Іван Михаилович Воротынской с товарыщи всѣ тѣ их рѣчи, которые они с ними, будучи в отвѣте, говорят, до царского величества доносят, и всѣ их рѣчи, которые они съѣзжаяся з бояры в отвѣте говорили, царскому величеству вѣдомы, и тѣ их рѣчи ни х которому доброму дѣлу не пристоят: оставя они послы и посланники большое дѣло, да говорят [1] о том, чтоб им видетца или сослатца с воеводою Сендомирским и с ыными с Польскими і с Литовскими людьми, которые здѣсь за свои вины [2] задержаны. И преже того им царского величества бояре отказывали и ныне того учинити невозможно, что, не говоря і не постановя о большом дѣле, что учинилось Московскому государству з государя их стороны [3] в перемирные лѣта через крестное целованье, да с воеводою и с ыными Польскими і Литовскими людьми обсылатися [4]. І в том мешканье посямѣста от них, что они з бояры о добрых дѣлех не говорят и стоят не за дѣло; а только б они о дѣлех говорили и меж бы государей давно (?) доброе дѣло совершилося [5]. И ныне будет за ними [6] которое доброе дѣло есть, і они б царского величества з бояры о тѣх о добрых дѣлех говорили і становили, какъ б меж царского величества і государя их Жигимонта короля и промеж государствъ тѣ великие дѣла постановиті, а безмѣрье б отставили. А что они говорили о тесноте, и тесноты и нужи им здѣ никакие нѣтъ: царского величества жалованье кормы всякие дают им з достатком и прежним послом таких кормов не бывало. А что говорили они о своем отпуске, и будет за ними опричь того дѣла, что ссылатца хотят

---

[1] *Зачеркнуто:* послѣднее.

[2] *Зачеркнуто:* въ их воровствѣ.

[3] *Зачеркнуто:* которое учинилося меж ихъ великих государей и меж ихъ великих государствъ.

[4] *Зачеркнуто:* не мочно. А о дѣлех, что учинилося неправдою з государя их стороны в мирное постановенье і за крестным целованьем, и какъ тѣ дѣла исправить і постановить ничего не говорят.

[5] *Зачеркнуто:* они б ужь давно и отправлены были.

[6] *Зачеркнуто:* опричь того.

с воеводою Сендомирским иного дѣла не будет [1], и царское величество велит их ко государю ихъ отпустити. А что били челом государю, что бояре, говоря с ними, пойдут ко государю да с отвѣтом к ним не придут, только пришлют с отказом, что поѣдьте до подворья, — и бояром к ним о чом ходити, коли они о добрых дѣлех не говорят и стоят не за дѣло [2]. А только б они к дѣлу приступили и о дѣлех з бояры говорили, и бояре б в доклад ко государю ходили [3], и с ними б сходилися, и говорили о добрых дѣлех по часту. Да что они на бояр говорили перед государем, а он Миколай и ныне говорит кабы с серца, и ему было такъ говорити перед великим государем непригоже: посол всякой говорит о дѣлех гладостью [4]. А что говорили они будто царского величества Посольской діакъ Василей Телепнев, будучи с ними в отвѣте, многими речьми их бесчестилъ и посла Миколая Малогоского словы обесчестилъ, — и царского величества бояре, которые с ними с послы и с посланники бывают в отвѣте, боярин князь Іван Михайлович Воротынской с товарыщи про то царскому величеству извещали, что діакъ Василей Телепнев никакими словы их не бесчещивал; а послу Миколаю говорил против ево речей, что он Миколай сердитые ненадобные слова учал говорити и он против его речей отвѣт давал [5]. А и вперед которые непригожие [6] рѣчи учнут они, послы и посланники, говорити, и им в том не учнут же терпѣти; и им самим пригоже непригожіе и гордые слова отставити, а говорити б и промышляти и радѣти с обе стороны о том, как бы меж великих государей наших и меж их великих государствъ была любовь, а нелюбья б никоторого не было. А что говорили они о бѣглых своих людех, что сь их с посольского двора люди их бѣгают, а будтось их подговаривати [7] на государево имя [8] Посольской діякъ Василей, и великому государю нашему люди их не только что худые, и добрые не надобны. Нѣчто будет которые их люди збежали от них [9], зговорясь с которыми воры, или будет которой прошол за рубеж,

---

[1] *Зачеркнуто:* и какъ будет время.

[2] *Зачеркнуто:* какъ быти меж государей и межъ государствъ доброму дѣлу.

[3] *Зачеркнуто:* ходя и к ним приходили хоти десятья. А что Миколай говорилъ.

[4] *Зачеркнуто:* а он то учинил не по пригожю.

[5] *Зачеркнуто:* и для того Василья из отвѣту отставливати нѣчего для.

[6] *Зачеркнуто:* ненадобные.

[7] *Зачеркнуто:* примает.

[8] *Зачеркнуто:* и то дѣло нестаточное, что таких худых людей быти в государеве имяни, да и не вѣдомо про то государю.

[9] *Зачеркнуто:* в которые в дальние мѣста.

и тѣ гдѣ сыскать, государьство великое [1]. А подлинно вам на то отвѣт учинят бояре князь Іван Михаилович Воротынскій с товарыщи. А что они давали большим бояром при государе писмо, и то писмо велѣл государь взяти [2] у вас бояром, которые с вами в отвѣте, боярину князю Івану Михайловичю Воротынскому с товарыщи, и они б им отдали; а большим бояром взяти было у них того писма при государе нипригоже, потому что то писмо сказали есте писано боярам же. И то пригожее ль дѣло, что мимо отвѣтных бояр писмом давали есте. Тѣм есте не только отвѣтных бояр обезчестили, и великому государю нашему то учинилось за кручину. И вам пригоже знати и дѣлати так, как в посольских обычаех ведетца.

А изговоря то, велѣл государь князь Данилу от послов и от посланников из Отвѣтные полаты пойти к себѣ к государю; а учнут против его речей отвѣт чинити, и у них того велѣл выслушать и сказать себѣ же государю[3]. А с послы и с посланники велѣл государь говорити о своих государьских дѣлех боярину князю Івану Михайловичю Воротынскому с товарыщи по своему государеву указу.

И по г. ц. и в. к. Василья Івановича в. Р. указу окольничей князь Данило Іванович Мезетцкой к послом и к посланником в Отвѣтную полату ходил з бояры со князем Іваном Михайловичем Воротынскимъ с товарыщи вмѣсте. А как бояре к послом и к посланником в Отвѣтную полату вошли, и послы и посланники бояр встрѣтили по прежнему; а окольничего князя Данила Івановича Мезетцкого объявил послом діакъ Ондрѣй Іванов. И послы и посланники, з бояры витався[4], сѣли по мѣстом по прежнему.

А сѣдчи по мѣстом, говорил послом и посланником от государя рѣчь окольничей князь Данило Іванович Мезетцкой по государеву приказу.

И какъ князь Данило рѣчь изговорил и хотѣл итти ис полаты вон, и послы говорили, чтоб у них выслушал отвѣту против тѣх речей. И отшед в угол, говорили меж себя[5] и, пришед к бояромъ, говорили окольничему князю Данилу Івановичю. А говорил Миколай: которые рѣчи говорили есмя топере государю вашему с великие своей нужи и з жалобы, и то государь вашъ выслухал и

[1] *Зачеркнуто:* а восе будет которые збежав і в Литву проходят, и того гдѣ сыскать.

[2] *Зачеркнуто:* приняти.

[3] *Зачеркнуто:* а что с ним послы и посланники против того поговорят, о том велѣл сказати себѣ государю.

[4] *Зачеркнуто:* давали руки.

[5] *Зачеркнуто:* долго.

вразумѣл подлинно, и ныне вдругоряд о тѣхъ ж дѣлехъ говорити ужь не годитца. А что будто мы говорили с серца, и мы то говорили не с серца, от великие нужи и з жалобы, что живем здѣсь в великой нуже ужь 2 годы, а задержаны, не вѣдаем, для чего. А что на нас кладете вину[1], будто мы тѣмъ государя вашего бояр обесчестили, что на них били челом государю вашему, что они речей нашихъ до государя не доносят, и в том бояром от нас безчестия нѣтъ никоторого; а говорили есмя государю вашему о бесчестье государя своего короля его милости, что государь вашъ будучи з государем нашим в пограничн(ом) мѣсте, а такие неправды учинились от государя вашего, что нас послов его к(оро)левские милости за опасным листом задерж(али), и многих Польских и Литовских людей, которые сюда за званьем пришли, побито и пограблено, а достальных невинно задержано. И о том есми бояром говорили, чтоб наши рѣчи доносили до государя, и чтоб государь вашь невинно здѣсь задерженых Польскихъ и Литовских людей и нас, послов, по прежнему обычаю велѣл отпустить. И бояре с нами говорили, чтоб нам с ними наперед говорити о тѣх дѣлех, как бы меж великими государи нашими и меж их государьствъ доброму дѣлу быти. И мы им объявили государя своего королевской наказ, что нам наперед велено видетца с воеводою Сендомирским и сь его приятели и со всѣми с Польскими и с Литовскими людми, которые здѣсь задержаны за вязней мѣсто, и королевские листы им отдавъ, тогды к дѣлу приступим. И они нам о том отказали, что де тому сстатись не мочно. И мы уже, на себя в том поступя, того просили, чтоб нам послати к ним с королевскими листы і видети их здоровье людей своих, а в то б время нам о дѣлех говорити. И нам и на то не поволено. И послѣднее есмя говорили о том, чтоб нам было государево слово, что воевода Сендомирской с своими приятели будет к Москве и назначен бы был день, как имъ быти; а мы б, то слышев, к дѣлу приступили. И говорили есмя бояром, чтоб они наше челобитье до государя доносили і вмѣсте со всѣми бояры у государя того просили, чтобъ государь пожаловал, на то произволил по которой мѣре нибуди, потому что нам мимо королевской наказ никак учинити невозможно, а ему, государю, учинити мочно. И по нашему прошенью ничего не учинилось, потому намъ мнитца, кабы бояре нашего челобитья до государя не доносили. Для того есмя государю и били челом от великие своей нужи і бѣдности. А преже

[1] *Зачеркнуто:* пеню.

сего которые послы бывали у прежних великих государей вашихъ и о которых дѣлех бывали у послов з бояры спорные рѣчи, и они о том доносили до государей; а государи, тѣ дѣла по своему государьскому мудрому разуму розсудя, поступку чинили для покою крестьянского. И ныне великому государю вашему то все возможно учинить, чего мы по королевскому наказу просим; а нам мимо королевской наказ никак невозможно учинить, что, не видевся с воеводою и сь его приятели или с ним не обаслався, к дѣлу приступить. Веть что мѣхъ: что в него положат, то несет; а послу что велят, то дѣлает. А велите нам н(ево)лею приступать к дѣлу, и хотя б мы к дѣлу п(ри)ступили и здѣлали, хотя і добро, мимо королевской наказ, и нам то поставят в худо. Да і вам того добиватца нѣчего: у вас о Сендомирском малое дѣло, а у нас об нем большое дѣло, что королевской наказ о нем, не видевся с ним, никоторых дѣл не дѣлывать. И нам мимо королевской наказ какъ дѣлати? А государю вашему то вольно учинить. И вам бы в. г. своего о том просити, чтоб государь пожаловал, на то поволил; а естли на то не поволит, и государь бы пожаловал, велѣл нас отпустити вскоре, ужь мы 2 года будучи, великую нужу приимаем за полоняников мѣсто, и многие люди от нас бѣгают, покрадчи, со многими нашими животами, и о том есмя и государю били челом, чтоб тѣхъ наших бѣглых людей велѣл государь сыскати и со всѣми нашими животы нам отдати, потому что то дѣлаетца за крестным целованьем. А что нам говорили, будто тѣх (наших людей....) государь вашъ не вѣдает и сыскать их нигдѣ, и нам подлинно вѣдомо, что тѣ наши бѣглые люди живут в государеве імяни, иные в служивых, а иные в конюшне; и сами, приходя ко двору посольскому, сказывают, что они в государеве имяни и иных подговаривают.

А после того говорил посланник Станислав Витовской: говорил нам ты, окольничей князь Данило Іванович, про дьяка про Василья Телепнева и вину кладете на посла на Миколая, будто он наперед молыл бранное слово, — и то дѣлалось при наших очех, что он Василей наперед порвался до пана Миколая и его обесчестил, не токмо словом, и рукою на него замахивался. И тѣм он обесчестил не посла, государя нашего короля, и ему с нами в отвѣте быти непригоже; а естли он и будет здѣсь з бояры, и нам с нимъ ни о чем не говаривать. А и преже сего какъ здѣсь при[1] Борисе были великого государя нашего, его королевские милости, послы пан

[1] *Зачеркнуто:* царѣ.

канцлѣр Лев Сопѣга с товарыщи і в отвѣте, з бояры будучи, обезсчестил пана Лва Сопѣгу словом Игнатей Татищев, и пан Лев Сопѣга жаловался на него[1] Борису, и Борис его из отвѣту и отставити велѣл.

И бояре послом и посланником говорили: (гово)рите вы о своем бесчестье и о задержа(нье)[2], і вы и нас бояр обесчестили: государю били челом неподѣлно, будто мы ваши речи государю не доносим; а того нигдѣ не ведет(ца), что послом государю о таком дѣле бить челом. А что говорите о своих бѣглых людех, будто тѣ люди живут в государеве имяни, иные в служивыхъ, а иные в конюшне, — и то вы говорите, панове, не вѣдая: великому государю нашему не только, что такие ваши худые люди, и добрые люди ваши не надобны[3]; и говорити было вам того непригоже. І головам и сотником стрелетцким и стрельцом, которые стоят у вашего посольского двора для береженья[4], приказано о том и вперед того беречи накрепко: которые люди от вас з двора побежатъ, и их бы имая приводили к вам. — А что говорите, а припоминаете о Лвѣ Сопѣге да о Игнатье Татищеве, будто царь Борис Игнатья из отвѣту отставил по Лвову челобитью, и то было при царѣ Борисе: Лев Сопѣга царю Борису на Игнатья бил челом, а из отвѣту Игнатей отставлен не для челобитья Лва Сопѣги, не был Игнатей в отвѣте после того за своею болѣзнью, что он (зане)мог. А то всегда бывает у ваших (по)слов великого государя нашего з бояры, а государя нашего послов с паны-радою спорных.... много, да в том иногды промеж их......ные слова пройдут, да после того и опять[5] говорят и дѣлают государьские дѣла (на) обе стороны. А ныне такъже промеж Миколая і Василья на обе стороны сердитые слова были о государьских дѣлех, а началось то от Миколая же, а Василей говорил ему против его же речей[6].

И послы бояром говорили: что вам от нас не бесчестье, что мы государю били челом о своих нужах. А и то, государьские бояре, нам в великое диво и в жалость и в скорбь учинилось: которые

---

[1] *Зачеркнуто:* царю.

[2] *Зачеркнуто:* будто вас Пос(ольской) и думной діакъ Василей Телепнев безсчестил.

[3] *Зачеркнуто:* не нужны да и не надобе і в государеве имяни.

[4] *Зачеркнуто:* прикажем накрѣпко..., и что людей ваших имали, і вам отда... а велим.

[5] *Зачеркнуто:* помирятца.

[6] *Зачеркнуто:* и для того из отвѣту Василья из отвѣту отставлевати нѣчего для.

рѣчи о дѣлех и о своих нужах говорили есмя ныне государю вашему, а подлинно на писмѣ написав жалобу свою, подали есмя в. г. вашего большим (бояром) князю Івану Івановичю Шуйскому, и государь того писма у нас бояром приняти не (ве)лѣл и тѣм нас обезсчестил. А у всѣхъ государей крестьянских, да не токмо у крестьянских и у мусульманских государей, то в поведеніях ведетца: не токмо великого крестьянского государя послы или посланники,— хотя и п(ро)стой которой человѣкъ обиду от кого или насил(ьство) или скорбь от кого какую имѣет, и он то (до)носит до государьской милости; и его государьская милость, то выслухав, розсужает и управу дает по своему государьскому разуму. А ныне нам, великого крестьянского государя послом и посланником, у государя вашего дѣлаетца все мимо п(ре)жней обычай, не токмо нам управы...[1].

Апрѣля въ 13 день посылали послы и посланники по приставы. И говорили послы и посланники приставом: были де мы вчера у государя вашего и в отвѣте з бояры были же. И вы де от нас поговоритя бояромъ, что будет с нами дела делати и г делу будетъ приступати похотят, и по воеводу по Сендомирского пошлю(т), и мы тому ради; а буде де дела делати с нами не будут, и бояре б де ваши дали нам на вчерашние рѣчи ответ; а государь бы де ваш пожаловал нас, по своему царьскому слову велѣл отпустити кь государю нашему.

Да послы же и посланники почели говорить приставом: говорили де вы нам от государевых бояр про наших израийцов и беглецов, что от нас з двора переметывалися, что государь ваш и бояре тех нашихъ переметчиков велѣли сыскивати; а с тово числа которой от нас перекинетца, и бояромъ вашим тѣхъ израйцов наших вернути; толька б де та кровь не взыскалася на боярех. И вчера де намъ государя вашего царьскаго слова изо устъ при вас к намъ была, чтоб одноличва тово никака не будет; а которой перекинетца, и тово сыскав отдати. И бояре де намъ в ответе царьская жалованья тоже сказали. И восе в прошлой жа ден, как мы приѣхали от государя на свой дворъ, и королевского де дворенина Мотѳея Лонтковскова перекинулся Моштарелишка; а стрельцы де, которые на короуле стояли, тотчас потхвотя и отомчали. А тот деи Моштарел, обобрав своих товарищей, да побежал за токим великим царьскимъ жалованнымъ крепкимъ словам и за боярскою намъ сказкою. Чему же де быть коли государьская слова пременена бывает, и как впредь в чем

---

[1] *Конца нѣтъ.*

верить? Только де будет такое великое царьскоя слова не исправитца, не мочна и к большимъ деламъ приступать. И вы де то известитя государевым бояромъ думнымъ, чтоб бояре царьское слово и свою сказку учинили праведна, и тово хлопца зрай(ца) дворенина королевскова Мотвѣя Лонтковскова Моштарела по царьскому жалованью и по своей сказке и с тем, что пократчи снес, что он за токим за государьским словамъ жалованнымъ и за великою заповедью утекал. А мы де то государя вашего праведноя слово к собѣ хотим видети и бояр ваших праведный сыскъ испровдити. Да говорили де вы от бояр намъ, что велѣли сыскивати промеж нихъ наших зрайцовъ; а вчера де наши люди многие наших зрайцов в городе многих за людьми видели. Толь то де правда и что их сыскивати? А они все здесь у государя вашего.

Да посланники же приставом говорили: государева де намъ жалованья велѣно давати медом преснымъ, как и преднимъ посломъ, и намъ де дают ни мед, ни дроб, государева де козна чинет великою ценою, а у нас дроб ат ни во что исходит; а и дадут де все не в пору. Да по первой де росписи нам велена гуси довати. Того говорили старые и новые послы. И намъ деи гусей не дают; а сказали де вы намъ гусей, и добитца не мочно. И мы де просили за гуси куроми, и вы де нам ни куров, ни гусей не даете.

И приставы послом и посланником говорили: мы вам приказали давать по курети за гусь.

И послы и посланники сказали: волен де Богъ да государь. Как за гусь по курети взять? Ево государьская воля, а намъ так не имывать.

Апрѣля въ 15 день присылали послы и посланники по приставов. И говорили приставом: вчера де мы вам говорили. Естли нам отвѣтъ на тѣ речи?

И приставы послом говорили: которые рѣчи вы нам говорили, и мы те речи все сказывали Посольскому діяку. И Посольской діякъ велѣл вам говорить: которыя вы речи гаварили перед государемъ, и на тѣ речи был вамъ ответъ, присылан был к вамъ окольничей князь Данило Іванович Мезецкой, и бояре вамъ тоже говорили. А писмомъ не ежедень ссылатца. А пра отпускъ вамъ бояре сказали. А как будет время, и талды к вамъ прикажут как быть. А сказываете вы, что у вас люди бегают, и то велѣно сыскивать и на рубеж розослана, будетъ в Литву пошли; будет объявятца на рубеже, и велѣно их переимав привестъ сыды.

И послы говорили: дивуемся де мы та(ко)му отвѣту, хотя бы де мы рабята малые были, зубов не имели у себя. Сказал де намъ го-

сударь из своих устъ отпускъ. Сколь де намъ ево ждать? Еще де нам жить, жить недѣль 5—6, кали де дела не делать. Зачемъ нас не отпустят? Мы деи в водаполья идемъ. А про люди наши напрасна сыскивать, на рубеж писать: люди наши, каторые ни скинутца, тех всехъ видят. И Посольскому діяку как де то бояромъ не ведать? А люди де наши в таргу и в городе видают тѣхъ наших изменниковъ. Не хитро де нас ныне грабить. Бог де видит государя нашева и государьству нашему и намъ обиду.

Апрѣля въ 15 день приходили к приставом на посольскомъ дворѣ в ызбу посла Миколаевъ человѣкъ Янъ Вовкоской да посла Олександров человѣкъ Ѳедор Вислоух. И говорили в розговоре: что де государь вашъ с послы бояром дѣлать дѣла не велит, а послов не отпустил? И только де так дѣлать, ино де и вѣкъ тому дѣлу конца не будет. Уже де послы не дѣлают такъ, какъ государь ваш повелит, а дѣлают по королевскому наказу, что им отступить тово не мочно, какъ у них наказана от короля. За что же де государь пословъ и посланников держит и не отпустит их? Ужь дѣла нѣт, ино отпустить да послать своих пословъ. А Сандамирской с товарыщи живы здѣсь, докуды меж государей договор учинитца о томъ дѣле. А то де какъ так послом здѣлать мимо королевской указ? Толко де им здѣлать мимо указ, и имъ де и в Литву не пошто: Сандамирской де в Польше великой человѣкъ. Здѣсь де послов и посланников 4, а всѣ де они глаза одново Сандамирского не стоят, и имъ де никак не смѣть тово здѣлать, не видя ево и не слыша от нево слова. Такая де великая кровь пролилась братье нашей и такая смута учинилась меж государствъ: иные побиты, а иные пограблены наши люди. И о том о всемъ надобно спрошать Сандамирского и такая бы больная язва лечить здоровьемъ да добрым дѣлом. А государь де ваш и бояре к той болѣзни да ещо болѣзни больши тово прибавливают, не хотя доброво дѣла. За што за то стоять, что не дать видеть Сандамирского? А ужь послы просят у бояр слова, чтоб дали бояре государево слово, что пошлют по Сандамирского и будет тут; и послы б тотчас дѣла начнутъ и дѣлать станут. А послом де то надобно, чтоб от себя отпихнуть тѣм словом. А государю де вашему вольно то учинить: хотя и дав такое слово, да не привесть сюды воеводы; или и привезши да не показать, только дѣло у пословъ не будет. Только б послом с себя то свесть. Восе де бояре государевым словом и много того что говорят, да не ставитца на том; веть де то некому же доправить. Восе де отпускъ намъ всегды бояре сказывают и государь из своих устъ послом

сказал, что отпустит, только дѣла не будет, а мы и посямѣсто живем. А веть де то не сильно взять: волен Богъ да государь. Знаемъ де мы, для чево нас держат: наши де люди есть у государя вашего в землѣ, и то де мы вѣдаемъ, что ваши противъ наших стоят, и тово де выжидаете, какъ наших выженут из земли. И то де добро, какъ выженут. А (во)се де не выженут, что де тогды будет? Мы де о себѣ говорим. И намъ де тогды не добро будет. А от часу де кровь крови прикладаетца. А мы де вѣдаемъ: узже де и не столько наших людей будет жалнѣръ в порубежных мѣстех, от часу де къ крови к большой идет. Государей де крестьянских и государствъ то дѣло, чтоб кровь тушить, а не прибавливать.

Апрѣля въ 15 день дол. . . . діяка: говорили послы и посланники: мы де здесь и воду купим, возет де воду сторожи на наших лошадех и лошади у нас перепортили многие, и телеги и (бо)чки купим жа, и сторожи не прочат, телег ламают и бочки портят; а ныне и сторожей нѣт, возить некому. И будет де извощиков не прибавят, и што б де нам поволили нашим людемъ возить воду; и ане де лошадей и телег себя дле берегут.

И по то число сторожи на перемену з Дворца не бывали, а с посольсково двора сторожи многия разбалелись, а иные розбежались, а осталось на обеих дворех человѣкъ з 10.

На оборотъ: (Апрѣля въ 16 день) бояре приговорили . . . . . посольские лошади знобити на Москву реку по днемъ, и посылати с ними приставов детей боярских и стрельцов, и беречи накрепко, чтоб от них воровства и лазучества никоторого не было, и приставом о том приказано; а сторожей послати к послом и к посланником по прежнему указу сполна і в Дворец о том посылати по вся дни.

Апреля въ 16 день говорил в розговоре посла Микалая урядник Павел Селегастовскай с приставам с Ѳедором с Пушкиным: государь де сам из своих устъ паслом сказал отпускъ, и мы де чяем, что то слова не переменитца, отпустят нас вскоре. А я де чяю: што я с табою говорил, тово не минет; дакуды имъ не скажут быти у руки, и имъ не починовать делать. Знаю де то я, кое вы мнѣ не верите. Богъ де выдит: за присякою говорю, минут де имъ тово нельзе. Я де не тово чаел у вашева дьяка, малянкава де дела зделать не умею, что брата своего заклатъ выкупити. А я де и не темъ хотел служить государю.

И пристав Ѳедор говорил: будет покажешь наперед государю службу, и государь тебя пожалует.

И урядникъ Павел говорил: я де не для денег говорю. Скучила де здешнея житье, поехел де я сюды толька женяся, а убытка де мнѣ стала больши 500 рублев здесь. Богъ де видит за присягою тебѣ говорю: лутчи бы, штоб приступить г делу, штоб де в четверкъ или в пятницу велели послом быть, а скозали б имъ отпускъ и у руки быть. Будет де у них иная мысль, и ведою де то, што к руке не пойдут, а станут государю челом быть, штоб з бояры сидеть; а будет де тово у вас не похотят, и бояре б де скозали, что по Семдомитцкова пошлют, и оне де начнут делать. А мима тех двух статей зделать послом нельзе. А веть деи тогды по делу смотря, и по Сардомитцкова пошлют. А вося де, и приветчи Сармитцкова, будет г делу, и бояре велят показать; а дела не будет, и ево и не покажут. Веть де не сильна взять? А нынѣ де мы все послом говоримъ: будет дела не начнут делать, а отпуску не будет, дажидатца нечева, хотимъ смерть. И договоръ с послы у нас так: будет не отпустят, и нам ехоть на смерть; а не зохотят послы ехоть, и онѣ живите, а мы все приговорили, с 600 нас человѣк, хотим ехоть. Уже де нам Богъ судил так помереть. Богъ де видит: смерьти ради, а здеся жить не хотим.

Апрѣля въ 17 день присылали послы и посланники к приставомъ, чтоб у них были. И говорили послы и посланники приставомъ: были мы у великово государя вашего, и в. г. ваш нас пожаловал, сказал намъ из устъ своихъ, хотѣлъ нас отпустити; да и бояре ваши намъ тоже сказали, что государь насъ велит отпустити вскоре. И тому деи дни 3 и 4 прошло, как мы были у государя, а отпуску нам нѣт посямѣста. И коли наши рѣчи негодны, о чомъ мы говорили, и государь бы нас пожаловал, по своему царьскому слову велѣлъ насъ отпустить, и у своей бы царьские руки намъ быти велѣл, хотя завтра; а чтоб насъ государь задержать не велѣлъ и государя нашего и Посполитой Рѣчи тѣмъ не бещестилъ.

Апреля въ 18 день приходил пасла Микалаев урядник Павел Селигастовской к приставу Ѳедару Пушкину: говарил де я с табою, то все переменилася, ныне де у паслов новая мысль исполняют де, а не каралевскай наказ; как де паслы станут у вас ответу прасить, и вы де им отказывайте: как время будет, и талды вам скажим. А да тех мѣстъ не сказывайте, как в гораду быть, дакуда ане сами станут гаварить, штоб им в гораде быть. А как де будут в гораде паслы, еще не начнут, а станут де говарить паследня, штоб бояре руку дали, что Сардамитцкава поставить вперед, а не начнут делать.

Да Павел жа Селигастовскай говарил, штоб ему паволили у тарговава челавека у Өилипа Балотникова выкупить заклад брата ево Дамарацкава, а дает в том отпись сваею рукою, и пасол де Микалай руку прилажил. А закладу де дылей, да узда, да полак в 27 рублех.

Апрѣля въ 20 день присылали послы и посланники к приставомъ, чтоб у них были. И говорили послы и посланники: приказывали де мы с вами к бояромъ, что нас государь и бояре отпускъ сказали и чтоб государь намъ велѣл быть у руки и отпустить бы насъ; и вы де нам ответу не дадите.

И приставы говорили: мы то от вас Посольскому діяку сказывали, и Посольской діякъ велѣл вамъ сказать: как будет время, и государь вам велитъ у себя быть и отпускъ вам сказанъ.

И послы говорили: беда де на нас то время, ужь де тому времени 3-й годъ, как де вы молытя, что быть временем у государя и нас, что ножомъ в серце проколитя темъ словомъ; а нынече де вамъ говоримъ: скажите бояромъ, чтоб нам у государя бытъ по прежнему и з бояры говорить; а есть де у насъ дела до бояръ, і чемъ де долга мешкатъ ч... де завтра быть[1].

. . . .

....*(л. 185)* И июня въ 22 день говорил государь з бояры, что послы на одной мѣре стоятъ крѣпко и говорят под клятвою, что имъ болши 3 лѣт дѣлати не наказано, а дѣло мотчаетца; и приговорил государь з бояры быти сего дни послом у бояр и приводитп их на прежнюю жь мѣру на 8 лѣт, а будетъ конечно упрямятца, и им обьявити на 7 лѣт, а послѣднее на 6 лѣтъ. И того дни по государеву указу Литовские послы и посланники были на государеве дворѣ у бояр в Отвѣтной полате; а пріѣздъ их ко государю на двор и встрѣча от бояр была по прежнему.

(л. —об.) А какъ бояре и послы сѣли по мѣстом, и бояре говорили послом: вчерась мы говорили с вами, чтоб учинити перемирья на 8 лѣт, а вы говорили на 3 годы, и мы тѣ ваши рѣчи доносили до в. г. нашего, и в. г. нашъ велѣлъ вамъ сказати: какъ в такое малое перемирье в 3 годы такіе великие ссорные дѣла, которые починились с обе стороны, до росправы привести? Будутъ о тѣх дѣлехъ меж ими государи ссылки и сыски многіе, и вамъ бы учинити перемирье с нами, его царского величества з бояры, и по тому дѣлу смотря, никакъ менши 8 лѣтъ перемирья *(л. 186)* дѣлати нельзя.

---

[1] На этомъ заканчивается дѣло 1608 г. № 1. Записей за время 21 апрѣля — 21 іюня нѣтъ; за время съ 22 іюня имѣются въ Посольской книгѣ № 27, изъ которой они и печатаются далѣе.

И послы говорили: во всѣх государствах крестьянских ведетца — зацные люди молвят которое слово со святченьем, и то бывает прямо. Такъ и мы, что прежъ сего говорили есмя и ныне говоримъ тоже, что болши того у нас королевского приказу нѣт. А тому велми дивуемся: на что вы нас позвали и тому не вѣрите, что мы вам говорили о перемирье на 3 годы по королевскому наказу. Для было чего по насъ и посылати, коли вчерашние жь рѣчи говорити? Скажите вы нам: на что вам перемирье на такие долгие лѣта, какъ нам говорите? Мы вам говорим: государь нашъ, его королевская *(л.—об.)* милость, какъ есть крестьянский государь, не для того даетъ 2 годы перемирья, что после тѣх 2 лѣтъ кровъ крестьянская розливати; для того даетъ, чтоб в тѣ в 2 года меж тѣми великими государствы болшое перемирье или вѣчное доконча̀нье учинити. А оказуючи к добру сходителство государя нашего милостивого и сверхъ его наказу мы на 3-й год прибавливаем перемирья. А вы ідете с нами неправдою и хотіте вытиснути на нас неволею на 8 лѣтъ, кабы для того розсужаючи себѣ, что вы в тѣ годы отдохнете, и смуты свои погладите, да на государя нашего землю войною пойдете, и кровъ *(л. 187)* крестьянскую проливати хотите. А только б хотѣли вы доброго дѣла меж великими государи и их государствы, и на обсылку о дѣлех, которые ныне настоят, досыть перемирья на тѣ на 3 годы, какъ мы вамъ обьявляли: мочно доброе дѣло учинить и в год, не токмо в 3 годы, толко правдою учнете дѣлати. Велми тому дивуемся, что вы, бояре, государские люди честные, а на нас то вытискаете и не вѣрите нам, что мы вам обьявили, и посылаете к нам воеводу и от воеводы вчерась Лукомского. И то неслушная рѣчь. Хотя воевода в панстве государя нашего великой человѣкъ, 4-ой в раде, а не может онъ ничего учинить над то, что нам *(л.—об.)* дозволено от его королевской милости, государя нашего милостиваго, и (о)т всей Речи Посполитой. Не чините того. А похотите будетъ с нами потому дѣлати, какъ мы вамъ обьявили по королевскому наказу, перемирья на 3 годы, и вы дѣлайте, и учнемъ говорити о иныхъ дѣлехъ, которые починились неправдою з государя вашего стороны народу нашему, какъ тѣ всѣ дела х концу привести. А будетъ на томъ с нами дѣлати не похотите, и вы нас не мучьте, отпускайте нас к государю нашему, а своих посховъ посылайте; а от нас никоторыми мѣрами болши того поступки на то не будет, и вперед ѣздити к вам *(л. 188)* о томъ не будем. Ведь то не торгъ и не на пытку нас взять. Сколко вам о томъ с нами ни говорити, и тому никакъ не статца. И вперед о таких дѣлехъ по нас и не по-

сылайте. Мы вам, бояромъ, какъ прежь сего говорили, и ныне тожь говоримъ, что мы и прежнего перемирья, что учинено за Бориса, не портимъ, ни подкрепляемъ, в дѣлости (въ цѣлости?) откладаем вперед на судьи: нехай судьи на съѣзде, с обе стороны съѣхався, о том договор учинят.

И бояре говорили: мы вам на тѣ лѣта о перемирье говорим для доброго дѣла. Самимъ вамъ вѣдомо и то: многие ссоры меж государи и их государствы в нынешнихъ *(л. — об.)* смутах с обе стороны ссьезжатца и ссылатца и о добрыхъ дѣлехъ договор учинить; а то дѣлаете мир и о ссорахъ съѣздъ чинить всего только 3 годы. И в тѣ малые годы коли такие великие ссоры справиті?

И послы говорили: никакъ нам мимо королевского наказу ничего учинити не мочно; любо нас отпускайте без дѣла до государя нашего, а воеводу с товарыщи держите, а своих послов за нами посылайте, или с нами дѣлайте на то, какъ мы вам обьявили, на 3 годы перемирья. А мы о том болши того говорити с вами не будем.

(л. 189) Да послы же говорили: довѣдываемся мы у вас о Кравзовскомъ, которой посланъ от государя нашего, его королевской милости, через государство государя вашего при прежнем государе вашемъ небощике, которого вы называете не прямым, к Перситцкому государю вмѣсте с посланником с Перситцким с Мехты-Кулыбеком, которой был у государя нашего в посланникех от Перситцкого шаха; и скажите нам про то своимъ словомъ правду, гдѣ онъ есть. Будет скажете, отпущенъ, и мы вашимъ рѣчемъ вѣримъ и его королевской милости, государю нашему, такъ скажемъ; *(л.—об.)* а естли не пошел или не прошел, то надобно сказати, гдѣ они ныне есть. И то б от государя вашего была любовь, а то во всемъ с нами обходитеся оманкою.

И бояре молыли: о Кразовском, что он отпущен вмѣсте с папиными старцы с Москвы, а то имъ посломъ самим вѣдомо, что государя нашего государство великое от Астарахани до пристанища Хвалимского моря до города до Терки ходу больши 20 недѣль, і вѣсть о том не бывала, ужли они пустилися *(л. 189 а)* на море; а с той украины ждем гонцов вскоре. И какъ вѣдомо про то будет, и мы вамъ дадимъ вѣдати подлинно; а оманкою ни в которых дѣлех с вами есмя не говаривали, такихъ вамъ слов говорити намъ не годитца.

Да говорили бояре послом: говорите вы, что с нами больши того о добрых дѣлех говорити не будете; и то от вас недоброе дѣло, что с нами о дѣлехъ государских говорити не хотите. Не

новое то дѣло. И преже того как в великого государя нашего государстве, такъ и у вас в Польше и у всѣхъ великих государей хрестьянских ведетца, что послы з бояры о дѣлех говорят, и с обе стороны *(л. — об.)* на мѣру сходят к доброму дѣлу; также и мы ныне для покою хрестьянского обоихъ великихъ государствъ хотим с вами говорити. И коли уже вы за то упрямилися, что покою хрестьянского на 8 лѣтъ не дѣлаете, и мы учиним на 7 лѣт, чтоб в тѣ лѣта меж великихъ государей нашихъ и их великими государствы нынешние ссоры мочно погладить и болшой покой учинити.

И послы говорили: болши того, какъ есмя вамъ обьявляли о перемирье на 3 годы, не будем прикладывать ни одного часу. Ввѣрте нам, осветчаемся вам в том Богомъ Небеснымъ, что никакъ нам болши того *(л. 190)* над наказ королевской и всей Рѣчи Посполитой не мочно. И вамъ, бояромъ, говоримъ: не вытискайте на нас того; любо потому, какъ вам мы обьявляли, дѣлайте или нас отпускайте.

И бояре, отшед от послов в другой уголъ, поговорили меж себя и, пришед к послом, говорили, что государь нашъ его царское величество наказал намъ, бояром своимъ, с вами говорити, какъ доброму дѣлу межь ими великими государи и государствы на покой крестьянской быти, и мы вамъ то обьявили, чтоб для покою крестьянского быти перемирью на 7 лѣтъ, и вы на то не произволяете; и мы меж себя поговорили *(л. — об.)* и сверхъ государева приказу на себя емлем, чтоб вам учинити нам перемирья на 6 лѣтъ и сказываем вам прямо: то наша послѣдняя мѣра, а инако дѣлати нам с вами не мочно. А говорим вамъ о томъ перемирье на 6 лѣтъ не для того, чтоб в 6 лѣтъ нынешняя ссора погладити, дай Господи, в один мѣсяцъ все то исправить и х концу привести, чтоб в тѣ перемирные лѣта меж в. г. нашими и меж ихъ великихъ государствъ покой был, и, слышачи б крестьяне то, с обе стороны порадовались, а бесермены засмутились, что меж такими в. г. нашими и меж их великими государствы покой и тишина учинилася.

(л. 191) И послы говорили: просимъ вас, бояр государских, поступайтесь с нами правдою. Что вамъ за прибыль в том, чтоб быти перемирью на 6 лѣт? Мочно и в 3 годы все доброе меж в. г. нашими здѣлати. Какъ намъ мимо наказ короля государя нашего и всей Рѣчи что дѣлати? Да и не крѣпко то будет, что на нас над волю нашу вытиснете силою, какъ мы вам о том вчерась говорили. А на 3 годы перемирья для чего его королевская милость государь нашъ велѣлъ с в. г. вашим учинити, то есмя вамъ вчера объявили же, и теперь перед вами, бояры, усветчаемся Богом, что,

емлючи на свои шеи, сверхъ наказу королевского год прибавили перемирья, и не вѣдаемъ, *(л. — об.)* как ся и то покажет его королевской милости. А мочно в тѣ перемирные лѣта и на 8 лѣтъ перемирья учинити, а крови не будет. И отказали про то накрепко, что имъ больши того перемирья, какъ обьявили на три годы, никак не дѣлать.

И бояре і послы встали. И говорили послы бояром: нас теперво отпускаете на подворье, а в нынешнем нашем съѣзде дѣла с нами никоторого не дѣлали есте; и вперед только нам прикажете, велите к себѣ ѣхати, и нам спрашивать і довѣдыватися у вас: по тоже ль дѣло нас зовете? И будет не по то, и мы поѣдем; а для того дѣла, не поѣдем.

(л. 192) И пошли із Отвѣтные полаты после бояр по прежнему.

И бояре сказывали тѣ посольские рѣчи государю, а послов отпустили на подворье.

И июля въ 23 день г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. говорил со всѣми з бояры, что Литовские послы и посланники стоят на одной мѣре крѣпко, больши 3-х лѣтъ перемирья не становят. И приговорил государь ещо бояром с послы говорить, чтоб для покою крестьянского ещо учинить перемирья лѣтъ на 5, а послѣднее на 4 годы; *(л. — об.)* да будет послы и посланники упрямятца, не сойдут на 4 годы, и с ними дѣлати и на 3 годы. А приговоря на 3-х годѣх, говорити с ними о выводе людей, и о убыткех на обе стороны, и о рухляди воеводины дочери, и о купетцких товарех, и об отпуске людей.

И того же дни по государеву указу Литовские послы и посланники были у бояр на государеве дворѣ в Отвѣтной полате; а приѣздъ их на государев двор і встрѣча ис полаты от бояр была по прежнему. А как послы вошли к бояром в полату, і бояре имъ встали и сѣли по мѣстом по прежнему же.

(л. 193) И говорили бояре послом: которые есте рѣчи говорили с нами вчерась, и мы тѣ ваши рѣчи братье своей, царского величества бояром, сказывали, а до царского величества доносити было таких ваших речей нѣчего, потому что все говорили есте прежние же свои рѣчи. И братья наша бояре велѣли с вами говорити: какъ вы за такое дѣло упрямливаетеся? Или себѣ того не розсудите, что тѣмъ всѣмъ великим государем от Бога милость и от крестьянского народу вѣчная слава, которые покою крестьянского больши желают? А вы невѣдомо какими обычеи покою во крестьянстве не хотите видети, а покладываете то на государя своего, что у вас

на то его королевской наказ. И велѣли вамъ говорити, чтоб вы дѣлали с нами *(л. — об.)* перемирья потому, как мы вам обьявили на 6 лѣтъ.

И послы говорили: мы вамъ, бояромъ, говорили вчерась, будучи с вами на розмове: только для того вы нас позовете к себѣ, и мы не поѣдем. И ныне приѣхали есмя, чая от вас к доброму дѣлу, как есмя вамъ указали по королевскому наказу, сходства; а ныне вы с нами по прежнему жь обходитеся. И мы с вами о том говорити не хотим. А сказывали вамъ, бояром, вчерась послѣднее слово, что больши того перемирья никак учинити не мочно. Ведь то не торгъ: не пригодитца такими великими дѣлы торговати. А у нас в обычае так ведетца: как съѣдутца повѣтные *(л. 194)* послы, и о котором дѣле уложат на сойме посполито всею землею, и пошлют послов в которое государство; а послы, будучи в котором государстве, хотя малое что не по уложенью, как имъ о том наказано, будет здѣлают, и их горлом за то карают. И ныне намъ никак мимо королевского наказу і всей Рѣчи Посполитой учинить не мочно, чтоб перемирья больши тѣхъ лѣтъ прибавити. Вы нас держите и волочите от часу до часу, а дѣла с нами никоторого не дѣлаете. И потому знатно, что есте не хотите доброго дѣла меж в. г. нашими.

И бояре говорили: мы доброго дѣла меж в. г. и их великими государствы хотимъ и говорим с вами на добро, чтоб на дальнее *(л. — об.)* перемирье для покою крестьянского учинити; и теперь тожь говорим, чтоб вы учинили перемирья с нами, царского величества бояры, на 6 лѣтъ, а как так учините, и которые в вашей і в нашей землѣ воры, и тѣ б усмирилися. А по вашему дѣлу, как есте с нами говорите, все кабы х крови: какъ в тѣ перемирные 3 годы такие великие ссоры меж в. г. нашими і меж их великих государствъ сыскати и росправити?

И послы говорили: то перемирье, которое есмы обьявили вамъ по королевскому наказу, на 3 годы лутчи многих лѣтъ, потому что и в один год мочно, сослався государемъ с обе стороны послы, приговорить *(л. 195)* о дальнем перемирье или о докончанье. А только б мы преже сего отсель отпущены были, и тѣмъ бы королевскую милость государя нашего в. г. вашъ не обезчестил, и приказал бы государь вашъ с посланники своими со княземъ Григорьем и с тобою Ондрѣемъ Ивановым к государю нашему о тѣхъ дѣлех, о которых вы намъ говорите, и вам бы давно того исправили, чего вы ныне хотите. И то вам все ссталося от себя, что нас здѣ задержали.

И бояре послом говорили: всякое дѣло ссгаваетца Божьею волею, а тѣмъ вам гордитца непригоже, что, поруша крестное целованье,

желати кроворозлитья *(л. — об.)* во крестьянстве. А ныне мы вам обьявляем послѣднюю мѣру перемирья на 5 лѣтъ.

И послы говорили: говорили вам бояром многижда и сказывали вам, что больши того мимо королевского наказу намъ о перемирье никак ничего не дѣлывать и говорить с вами о том не хотим.

И бояре, постояв за то, чтоб послы учинили перемирья на 5 лѣтъ, говорили послом: емлем то на себя, сверхъ государева приказу мы год убавимъ, а вы год прибавьте: здѣлаем перемирья на 4 годы; а однимъ годом на обе стороны немного прибыли, а менши того никак нам учинити перемирья не мочно.

(л. 196) И послы говорили: для того намъ нельзя 4-го году прибавити перемирья — приказ намъ с сойму, что учинити на 2 года, и мы мимо того, на себя поступая, обьявили 3-й год для съѣзду на послов с обе стороны. И то может ли быть, что для съѣзду послом прибавити против перемирья 2 годы?

И бояре говорили: коли одним годом ссылатца и коли послом съѣзжатца? Восе посыланы посланники от государя нашего к государю вашему, і они были больши 30 недѣль; а ныне меж в. г. нашими и меж ихъ великих государствъ учинилися такие великие ссоры, и ссылки о том меж государей будут многие. И в один год как то усмирить?

(л.—об.) И послы бояром отказали, что имъ никак больши 3-х лѣтъ над наказ королевской і всей Рѣчи Посполитой учинить не мочно.

И бояре ходіли от послов к бояром и говорили о том з бояры. Пришед в Отвѣтную полату, говорили послом: которые вы рѣчи говорили с нами, и мы тѣ ваши рѣчи сказывали братье своей, царского величества бояром; и бояре велѣли вам сказати, чтоб вы дѣлали с нами перемирья на 4 годы. А которые Польские и Литовские люди ныне в в. г. нашего землѣ кровь крестьянскую проливают, и тѣх Польских и Литовских людей из земли государя нашего выведите.

(л. 197) И послы говорили: никак намъ не мочно больши 3-х лѣтъ учинить. Перестаньте нам о том говорить. Будет вамъ на тѣ лѣта перемирью быть не покажетца, и вы нас отпускайте до государя нашего, а своих послов посылайте за нами; и восе его королевская милость и на дальние лѣта перемирье учинит с государем вашим. А намъ ныне мимо наказ государя своего как дѣлати? А как на тѣ 3 лѣта, как есмя вам обьявили, меж в. г. нашими перемирья учиним, и людей всѣх коруны Польские и великого княжества

Литовского, которые невинно задержаны здѣсь в государстве государя вашего, совсѣмъ выпустите, і шкоды всякие людем его королевские милости нагородите, и торговым людем за товары, до казны взятые, поплатите, и нас послов и *(л.—об.)* посланников к государю нашему отпустите, — и мы к тѣмъ государя нашего людем, которые в полкѣх того, что называетца государем вашим, пошлем и говорити им будем с великим прошеньем і за грозою королевскою, что в. г. вашъ сь его королевскою милостью государем нашим в миру і в доброй згоде, и они б из земли государя вашего уступили, не розливая крови крестьянские; а того не вѣдаем — послушают ли нас или не послушают, а может то быть и чаем того подлинно, что иной зацной воротитца, а и тот найдетца, которой и не воротитца.

И бояре говорили: преже сего вы говорили с нами — как доброе дѣло меж в. г. нашими учинитца, и вы к тѣмъ Литовским *(л. 198)* людем, которые ныне в государя нашего землѣ, хотѣли послати и говорили, что они вас послушают, воротятца; и ныне б вам по прежним своим рѣчем и учинить — послати к тѣмъ людем и их из государя нашего земли вывести.

И послы говорили: как намъ тѣх людей вывести, а они нас не послушают? Полно мы постановя и крестным целованьем закрепя, пошлем к ним, а того не вѣдаем, естли послушают; а чаем, что добрые послушают, а иные и воры, на них смотря, чаем отстанут; а естли не послушают, то мы в том невинны. А пошлем о том тотчасъ х королю, і его королевская милость листы розошлет до домов тѣх людей, которые из государя вашего *(л. — об.)* земли не выйдут, и позовет до права отцов их и братью; и которые самовольством не выідут из государя вашего земли, а не сыщетца то, і у них честь отставят. И чаем, услышевши они то і не хотят отбыти чести своей, выйдут из земли государя вашего тотчасъ; а которые воры баламуты и останутца, и с тѣми вам мочно управитца.

И бояре говорили: дѣлайте же с нами о перемирье, как мы вамъ послѣднее обьявили, на 4 годы. За что стали за один год? Ведь мы не на худое дѣло говоримъ, о покое крестьянском.

И послы отказали: никак нам больши тѣх *(л. 199)* 3-х лѣтъ мимо королевского наказу ни на один мѣсяцъ не дѣлывати. Как наперед сего, так и ныне вам тоже говорим: не вытискайте на нас того силою, чего намъ никак учинити немочно.

И бояре послом говорили: многижда есмя с вами съѣзжаемся, а дѣла доброго не дѣлаете. Мы вам говорим, чтоб учинити меж в. г. нашими і меж их великих государствъ для покою кре-

стьянского было дальнее перемирье; а вы, кабы не хотячи покою во крестьянстве, стали есте упорством перемирья на 3 годы, а больши того с нами не дѣлаете. И коли есте сами не хотите во крестьянстве покою, и в том сами і Богу отвѣтъ дадите; а мы дѣлаем с вами перемирья *(л.—об.)* и на 3 годы, только выведіте из государя нашего земли своих Литовских людей, которые с вором. Ведь вамъ писати в записях, что в тѣ перемирные 3 годы войнѣ не быти и целовати вам на той записи крестъ государя своего королевскою душею; и только после такого вашего укрепленья государя вашего люди будут в землѣ государя нашего, и то будет преступленье крестного целованья государя вашего і вашим душам грѣхъ от Бога будет.

И послы говорили: тѣ люді вошли в землю государя вашего без вѣдома короля, его милости государя нашего, і перед тѣм перемирьем, что ныне с вами здѣлаем, и то на нашей душе належит, то б было на наших душах . . . . *(л. 200)*. . . . .

. . .[1] за королевскою грозою. А какъ . . . ми его королевские милости, которые здѣсь задержаны, только вскоре отпустите, і мы им и сами учнем говорить, чтоб они того не чинили, крови крестьянские не проливали, вышли из земли государя вашего вон, и чаем того, что нас послушают, отстанут от того своего дѣла. А естли которые своевольные баламуты тут и останутца, и в том мы будем невинны; а пошлем о том тотчасъ наскоро от себя гонца х королю, чтоб тѣх людей з грамотами из земли государя вашего велѣл вернути назад.

(л.—об.) И бояре говорили: говорите вы, что тѣ государя вашего люді, которые ныне с вором вошли в государя нашего землю до нынешнего перемирья, і то на ваших душах належат; и вам бы тѣхъ людей из государя нашего земли вывести с собою и в записи написати о том имянно, что в тѣ перемирные лѣта с обе стороны войнѣ не быти. А которые государя вашего люди ныне с вором в государя нашего государстве, тѣхъ всѣх вывести; а ходят с тѣмъ вором государя вашего именитые люди Оружинской и Вишневетцкой. И только их ныне не выведете, и из государя вашего земли к ним учнут люди от часу прибывати, а кровь крестьянская литися не перестанет, и в том вашим душам грѣх будет: вы закрепите и крестным целованьем душами своими утвердите, *(л. 201)* а люді ваши в землѣ государя нашего кровь проливают.

---

[1] Верхняя часть страницы закопчена дымомъ.

И послы говорили: то лутче, что покой меж в. г. наших постановити ранее; а как постановим и присягою закрепим, и чаем, что большая кровь крестьянская литись перестанет потому, как мы учнем своих людей, которые при воре, что называетца государемъ вашим, напоминать о том, чтоб вернулися назад и вышли из государя вашего земли вон. I чаем, добрые послушают, от того отстанут и вором ужь серца убудет, а которые люді нас послушают в том, і тѣмъ людем лутчи будет; а которые нас не послушают, и тѣмъ будет хуже. А говорим вам бояром, что будем чинить о том дѣле, сколько нашей мочи будет, и старатися *(л. — об.)* о том будем гораздо, чтоб кровь крестьянская литися престала. Богъ видит, не ради мы тому.

И бояре говорили: здѣлав бы доброе дѣло меж в. г. нашими, ѣхать из вас послов к тѣмъ людем самим и их уговаривати, чтоб они крови крестьянские не проливали, от того вора отстали и вышли из государя нашего земли вон. А ты, Миколай, сказываешь, что у тебя в тѣхъ людех, которые ныне с вором, есть племя и от воеводіны жены Сендомирского людей. И тѣхъ людей как вам не вывесть?

И послы говорили: о воеводіных людех, что жена его наймовала, есть ли они *(л. 202)* тут или нѣт, того мы не вѣдаем; а только будет есть тут і тѣ люді пришли тут для высвобоженья воеводцкого, и тѣхъ людей воеводе мочно вывести, только мы того не вѣдаем и жена к нему о том не писала.

И бояре, отшед от послов в другой угол і поговоря меж себя, пришед к послом, говорили: мы меж себя поговорили и говорим с вами о перемирье на покой крестьянской на 3 годы, а вам бы лутчих людеі Литовских, которые с вором ныне, із земли государя нашего вывести вон; а которые не послушают вас, останутца при том воре, и на тѣхъ приговоримъ перемирья 4-ой год.

(л. — об.) И послы и посланники отшед думали и пришед говорили: преже того вам говорили і ныне говорим вам тоже, что нам больши 3-х лѣтъ никак дѣлати немочно. Говорим вамъ, бояром, чтоб то перемирье меж в. г. нашими, что мы здѣлали на 3 годы, вѣдомо было воеводе Сендомирскому и всѣм Польским и Литовским людем, которые здѣсь в государя нашего государстве задержаны; і треба нам с ними со всѣми видетца и посовѣтовать, чтоб того доброго дѣла дѣлати, что вывести людей из земли государя вашего помогли.

И бояре говорили: вам дан королевской наказ меж в. г. нашими добрые дѣла дѣлати и становить, а не воеводе и его приятелем;

(л. 203) и ныне вы намъ слово свое дайте, что тѣх Литовских людей из земли государя нашего вывести и в запись напишите то імянно, а воевода уже вамъ в том дѣле пособляй.

И послы говорили: Богъ відит, что о том кроворозлитье крестьянском жалуемъ и промышляти о том ради, чтоб кровь крестьянская перестала литися, и учнем к ним писати и приказывать, і не закрепя того перемирья, что уже добрые дѣла меж в. г. нашими постановлены, и они б от того отстали, вышли из земли государя вашего вон; а естли того не послушают, то мы, учиня договор и закрепя записи, к ним пошлем, а поѣдет с тою записью из нас товарыщъ, которой ни буди, *(л. — об.)* и говорити им будем, чтоб они того не нарушивали, и гораздо о томъ радѣти будем, чтоб то кроворозлитье крестьянское унять.

И бояре говорили, чтоб то имянно и в запись написати, что тѣх людей из земли государя нашего вывести вон.

И послы говорили: в запись того писати имянно непригоже, потомучто которое дѣло в перемирные записи пишутъ, и то дѣло живетъ крѣпко и нерушимо; а тѣ люди пришли в государя вашего землю бес королевского и панов-рад вѣдома и, естли нас послушают, вернутца назад, то добро; а будет не послушают, *(л. 204)* и мы в том невинны и в запись для того писати того непригоже.

И бояре говорили, что есть говорили, чтоб вам відетца с воеводою Сендомирскимъ и сь его приятели, и тѣ мы ваши рѣчи донесем до царского величества и чаем того, что царское величество поволит вам с воеводою видетца; а ныне поѣдьте вы к себѣ на подворье.

И отпустили послов на подворье. И того же дни воевода Сендомирской, и Вишневетцкой и Доморатцкой были у пословъ на подворье.

(л. — об.) И июня въ 24 день были у бояр Литовские послы и посланники, а приѣздъ их был по прежнему.

И говорили имъ бояре: вчерась есмя с вами говорили о добрыхъ дѣлехъ и чтоб нынешняя кровь унять, и на которой мѣре вы с нами розъѣхались, то вы вѣдаете, какъ мы вамъ послѣднее обьявили: будетъ выведете людей государя своего из земли государя нашего, ино б учинити перемирья на 3 годы; а будетъ не выведете людей, ино на 4 годы. И вы о том хотѣли поговорить с воево(до)ю, и с воеводою есте виделись; и вы ныне нам обьявите, что вы с воеводою переговорили, и какъ та нынешняя смута и кровь унять.

(л. 205) И послы говорили: вчерась с нами товарыщ нашъ Станислав не был, и мы ему сказывали, которые вы рѣчи с нами

говорили, и с воеводою и с его приятели віделись, и то им сказывали же, что вы с нами говорили: только люди наши воинские, которые тут есть пришли, вернутца, ино б перемирье на 3 годы; а только не выйдут, и нам бы учинити перемирье на 4 годы, а вы их сами выгоните. А мы вамъ по королевскому наказу говорили, что нам велено учинити перемирья только на 2 года, и мы для съѣзду послов с обе стороны прибавили 3-й год, а больши того намъ учинить нельзя. И воевода с своими приятели, которые здѣсь есть, по хрестьянскому обычаю вельми того жалуют, что кровь *(л. — об.)* крестьянская проливаетца; и мы всѣ также, того жалуя, думали есмя с ними, как бы тому помогать, чтоб дал Богъ промеж государей и меж государствъ был покой и тишина. И ради есмя промышлять всѣ вмѣсте, как бы тѣх людей, которые тут есть в государя вашего землѣ, вывести, к ним писати и приказывати, чтоб они из земли государя вашего шли вон; а надобно к ним послать людей и листы писать от нас послов, и от воеводы, и от Тарла, і от Вишневетцкого, і от Стаднитцкого, і от Немоевского, і от иных, которые будет здѣсь есть, для того: которых будетъ есть тамъ в тѣх воинских людех приятели или други, і тѣх учнут от такова дѣла отводити, любо их послушают, чтоб кровь унять. И надобно нам всѣм *(л. 206)* съѣхатца и воеводе і меж себя переговорить, кого послать, и листы попишем как лутчи; а пошлем честных людей и с ними прикажем говорити им накрепко, чтоб они от такова кровопролитья престали і шли из земли вон. То мы все дѣлаем для хрестьянства всею правдою і прямым сердцем, как бы то учинить к лутчему.

И бояре говорили: дайте нам отвѣт на вчерашние рѣчи, что мы вамъ говорили, — будет тѣ государя вашего люді вас послушают, из земли государя вашего (*sic*) вон выйдут, і мы с вами перемирье постановим на 3 годы; а будет не пойдут, іно б для того прибавить год, а учинити перемирья на 4 годы.

(л. — об.) И послы говорили: на 3 года перемирья, то у вас с нами постановлено; і ныне мы, не закрепляючи того, пошлем к тѣмъ людем, упоминаючи их о том, чтоб вернулись. І естли послушают, то мы тѣ 3 годы закрепим; а будет не послушают, і мы с вами тогды учнемъ вдаль говорить.

И бояре говорили: надобно нам о том договор учинить ныне потому: хотя там и есть ваши люді честные, да коли к вором пристали и, хто вѣдает, любо вас не послушают. И сами естя намъ говорили: только вас не послушают, и вы, закрепя перемирье, по-

ѣдете х королю, а наперед себя х королю о том пошлете, і сами, пріѣхав, королю про то скажете, что вы *(л. 207)* доброе дѣло покой постановили, а к тѣм людем посылали и они вас не послушали; і король пошлет к ним листы свои, чтоб из земли шли вон. И того будет долгое время, і для б того нам 4-ой год перемирья прибавить і с вами ныне, о том договорясь, на слове положить, да, положа на слове, послать бы вам к людем своим от себя ранее.

И послы отшед думали, а пришед к бояром говорили: помните вы свои прежние рѣчи, что вы с нами говорили, да чаем у вас і записано. Сперва говорили естя о прежнемъ Борисовскомъ перемирье, чтоб то подкрепить на 14 лѣтъ, і на то мы вам отказали, что у нас о том прежнем перемирье королевского *(л. — об.)* наказу нѣт. И вы с нами говорили, чтоб вновь перемирье учинить на 12 лѣтъ, потом на 10 и на 8 и меньши; а мы вам осветчалися Богом и говорили под клятвою, что намъ от короля больши 2 лѣтъ о перемирье наказу нѣтъ, а то мы 3-й год прибавили от себя для съѣзду послов на рубеж, и не мочно было нам больши того никак прибавить. Да как есмя вчерась віделися с воеводою і съ его приятели, і то им обьявили, что вы намъ говорили: только выйдут люди, ино перемирье на 3 годы; а не выйдут, и вы хотите на 4 года. И они нас в том просили, чтоб мы в том в 4-м году поступок учинили. И мы уже и через прежние свои рѣчи, чего было нельзя учинити, для прозбы братьи . . . .

. . . .

Далѣе пропускъ, недостаетъ конца записи переговоровъ 24 іюня и записей за время по 1 іюля (ок. 32 листовъ). Изъ записей на лл. 220 и слѣд. видно, что при переговорахъ 25 іюня — 1 іюля шла рѣчь о возвращеніи убытковъ, причиненныхъ Маринѣ Мнишекъ, воеводѣ Сандомирскому и другимъ Польскимъ людямъ въ маѣ 1606 г. при убіеніи «царя Дмитрія Ивановича», и что Польскими послами при переговорахъ съ боярами поданы были росписи, «что взято у воеводы и у его дочери». Росписи эти, очевидно, находились на недостающихъ листахъ и конецъ ихъ сохранился на л. 220. Для восполненія пробѣла здѣсь приводятся 2 имѣющіяся въ Архивѣ среди «дѣлъ о Самозванцахъ» росписи убытковъ, поданныя воеводою Сендомирскимъ, и 1 роспись вещей, взятыхъ у Марины Мнишекъ и ея отца въ маѣ 1606 г., составленная Московскими дьяками.

Regestr[1] koni je°m. pana woiewody Sandomierskiego, które w Moskwie pobrano.

Konie przednieysze, na których sam je° mość siadał:

1. Boczkay, sierść biała, w bród farbowany y ogon, na krzyżach iako palec dwa znaki czarne ma.

2. Kruk, wrony, gwiazdeczka w czele.

3. Smoczek, iabkowity, grzywa czarna y ogon do połowy, nogi zadnie nad kot białe.

4. Jasno gliniasty, pod brzuchem biało, aż na prawy bok zaszło, nogi pod kolana białe, grzywa y ogon biały.

5. Serkiz, ciemno gniady, nogi zadnie po kot białe, gwiazda w czele.

6. Borsuk, ciemno siwy, grzywa czarna.

7. Gwiazdka, iasno gniady, gwiazda w czele, prawa noga zbiała po kot biała.

8. Łoś, iasno wiłczaty, grzywa czarna y ogon czarny, nogi wszytkie po kolana czarne.

9. Jasczor, iasno wilczaty, grzywa czarna y ogon, nogi trzy kare, czwarta zadnia po kot biała.

10. Rusin, sczerwona dropiaty.

11. Serbin, jabkowity siwy.

12. Żmieyka, ciemno dropiaty, przez czoło łysinka, czeluści iaśnieysze, grzywa y ogon czarna do połowy.

13. Bazant, ciemno gliniasty, grzywa y ogon biały, noga zadnia prawa nad kostkę biała.

14. Sokolczyk, iasno popielaty, łysina w czele, grzywa czarna do połowy, nogi zadnie pod kolana szare.

15. Hołubek, cielisty, grzywa czerwieńsza.

16. Łabędź, cielisty, grzywa czerwięńsza. Oddał też konia tureckiego szpakowatego niebosczikowi.

Konie insze je° mci, których słudzy je° mci przednieyszy używali:

1. Wałach dropiaty.

2. Drygant szpakowaty.

3. Dropiaty, łysinę ma w czele.

4. Hiemczyk, mrozowaty, piątna przez szyię.

S tymi końmi wzięto derchy, koce, prześciradła, które na nich byli.

Jarczaków № 12.

---

[1] Дѣла о Самозванцахъ № 54. Напеч. въ С. Г. Г. и Д., т. II. № 158.

Woźniki y konie, które w Jarosławiu od je° m. pana woiewody na paszą wzięto:

Siwych	№ 6.
Gniadych	№ 6.
Gniadych	№ 6.
Wronych	№ 6.
Siwych	№ 6.
Szpakowatych	№ 6.
Gniadych	№ 6.
Tarantowatych	№ 6.
Cisawych	№ 6.
Myszatych	№ 6.
Siwych	№ 2.
Gniadych	№ 3.
Podiezdek płowy	№ 1.
Podiezdek siwy	№ 1.

Regestr rzeczy y koni, które miał je° m. p. woiewoda od Dmitra, które po pogromie przez Iwana Puszkina y Iwana Tresniowa z roskazania boiar dumnych pobrane są, które na łaskę y baczenie hra je° m. y uważenie boiar dumnych puscza je° m. pan woiewoda:

Rubli № 10000. Rząd złoty z siodłem, s toląbasem, z manellami złotemi, buńczukiem y nachayką.

Wałach wilczaty, noga zadnia po kot biała.

Koń biały[1].

Bachmat biały.

Fryzów karych łysych, łysinki małe przed czoło, nogi białe, № 6.

Kareta czerwona skurzana, hatłasem pstrem podszyta, gałek w niey srebnech stery.

Sanie axamitem pstrem obite, na przedzie desczka złotogłowem obita, ochołoble srebrem oprawne y duha, u chomąta sorok soboli; uzdeczka czerwonem axamitem powleczona, srebrem oprawna, kapturek axamitney, na rogach kwiaty perłowe. Lic felpą czerwoną powleczony, dek na konia czerwony axamitny; w tych saniach koc wołoski biały, materac sobolowy, dek karmazynowy adamaskiem błękitnem podszyty, na rogach perłami sadzony.

Od Fryzów szor karmazynem powleczony.

---

[1] Послѣ biały было perski, затѣмъ перечеркнуто.

Ine rzeczy:

Wina węgierskiego beczek № 30.

Wina włoskiego mnieyszych beczek №. O czim Korsak wie.

Pulchaków, szabel haydukom wzięto tym, których do Polski wysłano, № 150.

Osobno żołnierskie szkody, s których w Moskwi[1] tu nimasz, iedno sterzy (?).

Osobny regestr daie sie sług je° m. pana woiewody rzeczy im pobranech, opróc tech, których tu nimas, y opróc zabitych.

На оборотѣ написано: Regestr koni je° m. pana woiewody w Moskwi pobranych, ich mciom panom posłom oddany dnia 9 july a° 1608. — № 27-mo.

Taxa[2] szkód w Moskwi:

Rubli 10000 wzięto, 33333 | 10.

Rząd złoty, siodło złotem oprawne z kamieńmi, tołumbasik złoty z kamieńmi, w nim czarek złotych № 8; buńczuk ze złota nicianego[3], nahayka złotem oprawna, manelle z nóg koniowi złote . . . . 30000.

Kleynoty moie, które były przy córce, za które winienem Natanowi . . . . 42113.

Win tak węgierskich, iako y włoskich y innech win rozmaitych, za nie. . . . . 6858 | 14 | 15.

Koni przednieyszych № 16, za nie. . . . . } 10000.
Koni póslednieyszych № 4, za nie. . . . . }

Koni w Jarosławiu wziętych № 67.

Koń wilczaty. . . . , ... 400.

Koń biały arabski. . . . . 300.

Woźników gniadych z karetą № 6. . . . . 600.

Koni białych z sankami oprawnemi, na których był koc soboli. 1000.

Na strawę wydano przez czas więzienia. . . . . 20000.

Facit 154604 | 24 | 15.

На оборотѣ: Taxa szkód jm. pana woiewody Sendomirsk. w Moskwie poniesionych. № 26-to.

---

[1] *W Moskwi* написано вмѣсто зачеркнутаго *tu*.

[2] Дѣла о Самозванцахъ № 53. Напеч. въ С. Г. Г. и Д., т. II, № 159.

[3] Переправлено изъ *ciągnionego*.

Regestr[1] co naleziono woiewody Sandomierskie° Gerzego Mniszka y córki iego Mariny rzeczy, a tego nie więmy, wszystko li ich albo też tu iest inszych których przijaciół albo kupieckich ludzi y w they że lidzbie wiele szat y innych rzeczy robiono na Moskwie, y iest w tym wiele przybawki z Moskiewskiego skarbu y ieśli co iest z kupieckich thowarów, y to w. hr. car y wielki knias Wasiel Iwanowicz wsieia Rusi, żałuiąc woiewodę, kładzie to na iego woiewodzką prawdę, przestaiąc na tym, iako woiewoda o tym powie. A bęndzie li to nie ich rzeczy, tedy to aby nazad oddano było do carskiey kazniey.

W skrzini okowaney:

1. Koło we skle męki Christusowey y kości śś. z pismem łacińskiem.

2. Więnczyk albo bramka roboty niemieckiey z perłami na przewłoce, po obręczyku z rubinami, diamenty w stolcach złotych, smelcem czarnem y czerwonem niemieckiey roboty, sześć ziarn perłowych zawiessonych, a inszych nie masz; u niego łańczuski perłowe we troię wjązane węzłami czerkaskiemi, między węzłami thawta czarna.

3. Koronka złota z smelcem, z kamięńmi, rubinami y diamenty, około stolców y około kwiatów perły; na niey robione muchy i paiąki.

4. Koronka robiona z pereł na przewłoce, na niey piętnaście feretów złotych z smelcem, z rubinami y ze 12 ziarnuszek perłowych zawieszonych nieokrągłych z małęmi ziarnusski.

5. Coronka na przewłoce z sznurkięm w iednę perłę, na wierzchu dziesięć kleynotów albo zaponek złotych z różnemi smelcami, z kamięńmi, szafiry, diamenty y z perłami; po nich robione zwierzęta y ptąstwo z smalcu.

6. Koronka na przewłoce wiązana perłami, obwiedziona łańczuskięm złotęm y z smelcem; na niey siędm feretów złotych z rubinami y z smaragami.

7. Dwie coronki włosiane okręcone perłami na przewłoce, w iedney na wierzchu pięć rubinów w gniazdach złotych smelcowanych y dziesięć perełek zawiessonych nieprzednich, a na drugiey coronie miasto coronek siedm kwiatów złotych, cztery z rubinami, a trzy z diamenty y z perłami, między niemi ośśm pereł okrągłych na drocikach.

8. Dwa cepki wiązane perłami, po nich ferety złote z rubinami, z diamenty, ieden bez diamentu.

---

[1] Дѣла о Самозванцахъ № 52. Напеч. въ С. Г. Г. и Д., т. II, № 157.

9. Cepek robiony z łańczuszków złotych, po niem ferety złote z diamenty z smelcem, między niemi przewięzywano perłami.

10. Cepek robiony z łańczusków kręconych, wjązany perłami, po niem ferety z smelcem, w nich rubiny.

11. Dwa czepki[1] robione złotem kręconęm z perłami.

12. Cepek[2] srebrny, po nięm ferety złote.

Cztery cepki rąmbkowe[3], ieden biały, drugi carmazynowy czerwony.

Dwa czepce iedwabne, robione złotem y srebrem z perłami.

Dwa włosięnniki rąmbkowe[4], ieden biały, a drugi czarny, robione srebrem, po nich drabinki i pontaliki[5] złote.

Cepków[6] trzinaście różnych na siatcze robionych złotem y srebrem blaszkowem, iedwabne, y w they lidzbie dwa z pently.

Trzy tkanki[7] byałe z obręczykami, po nich tubeczki srebrne kowane we dwa rzędy po tkance[8], po nich fereciki złote z rubinami[9] y z perłami.

Trzy tkanki[10] z obręczykami, złotogłów czerwony, złotęm wjązany z perłami, po nich ferety z smalcem. Item. Dwie tkance złotogłowowe z jedwabięm błękitnem wiązane perłami, po nich ferety ze smelcem.

Dwie tkance[11] axamintu czarnego gładkiego wjązane perłami, fereciki y pontaliki złote.

Kołnierz białogłowski do giezłek[12] wjązany perłami po siathce srebrney, po nięm ferety i pontaliki złote z smelcem, z rubinami, w jednem mieyscu kamienia y z feretem nie masz.

Dwa kołnierza[13] wjązane perłami y robione złotem blaszkowem[14], po nich ferety y pontaliki złote z smelcem.

Dwa[15] kołnierze robione złotem z perłami na rąmbku[16], iedęn z jedwabiami.

---

[1] Сначала было: *wołośniki*, затѣмъ перечеркнуто.
[2] Сначала было: *włosiennik*.
[3] Сначала было: *włosienniki szarpatne*.
[4] Сначала было: *szarpatne*.
[5] Сначала было: *pierścionki*.
[6] Сначала было: *23 wołośników*.
[7] Сначала было: *wienczіki*.
[8] Сначала было: *czapecce złotey*.
[9] Сначала было: *z safirami*.
[10] Сначала было: *wienczyki*.
[11] Сначала было: *wienczyki*.
[12] Сначала было: *worotniczek Lithewski to iest kołnierz*.
[13] Сначала было: *worotniki*.
[14] Сначала было: *przedzionem*.
[15] Послѣ *Dwa* зачеркнуто: *worotniki albo..*
[16] Сначала было: *po ssarpacie*.

Kołnierz z krosienik z kwiatami[1] robiony złotem z perłami.

Sześć kołnierzów robionych na rąmbku[2] złotem y srebrem z jedwabiami po lithewsku.

Kołnierz.

На оборотѣ: 1) Regestr od Moskwy podany rzeczy c. j. m.

2) Regestr kleynotów, sukien y innych rzeczy kosztownych w skrzyniach jm. p-a wdy Sendomirskiego przez Moskwę zrewidowanych y spisanych, które powinni Moskwa wrócić. № 28-vo.

Далѣе печатаются записи посольской книги:

... *(л. 220)* Возники: 8 возников сиво желѣзых крашены пополамъ, что львы. 6 возников Турскихъ с мѣлкими чюбаринками, крашены в брод. 6 же возниковъ с мѣлкими же чюбаринками, гривы и хвосты крашеные. 6 возников соловых. 5 возников буланых[3] . . .

. . . .

... *(л. — об.)* ясногнедыхъ 6, споловарыжих 6, гнедых 6, темнорыжих 6, сивожелѣзых 4, гнедых 4.

Возы: корѣта злотоглавомъ подшитая, а на верху бархатомъ червонным поволочена, в которой стуловъ алтабасных 4; *(л. 221)* вверху терпъ низан жемчюгом, обдѣланъ серебромъ позолоченъ, шлеи серебромъ позолоченымъ оправлены, поволочены бархатом червоннымъ. Корѣта другая кресловатая, червонным бархатомъ подшитая, серебромъ оправлена золоченым, шлеи бархату зеленого, оправлены серебромъ золотистым. Корѣта третья, кожами пестрыми обитая, бархатом пестрымъ подшитая. Корѣт чорныхъ кожаных 3. Колымаги 4. *(л. — об.)* Скарбныхъ возов 5. Воз товаренной.

А сесь списокъ тѣх речей, которые дочка его милости пана воеводы Сендомирского имѣла от того Дмитра.

Клейноты с Офонасьемъ до Кракова посланы и после того с паномъ Бучинскимъ.

Потом через Ѳонасья в дорозе посланые, а после того в шатрѣ отданые, и что тут в Москвѣ дал.

Тѣх всѣх даров список есть в шкатуле, а тутто для того написалося, что всѣ тѣ *(л. 222)* подарки, которые Дмитръ дочері его милости пана воеводиной давал, тутъ привезены и в казнѣ цѣлы остались, а в Полше ни малого ничего не оставлено. Что все дочка

---

[1] Сначала было: *z petlicami.*

[2] Сначала было: *po sarpatu.*

[3] Далѣе страница закопчена дымомъ.

его милости пана воеводы Сендомирского пускает на ласку великого государя и на разсуженье бояр думных.

А иные списки потом поданы будут.

И какъ роспись прочли, и послы говорили: тутъ напісано, что взято у воеводы і у его дочери; а что ещо взято у воеводиныхъ и дочері его людей и у боярынъ, и тому роспись мы вам инымъ временем дадимъ.

(л. — об.) И бояре говорилі: мы вам говорим по крестьянскому обычаю — что будет сыщетца в государеве казнѣ воеводцкого і дочері его илі пріятелеі, и то все в. г. нашъ отдати вамъ велитъ, не утаим ничего; а чего будет не сыщетца, і то отложим на сыскъ. А что у воеводы же, и у его дочері, и у ихъ людей, и у приятелей в ту смуту, какъ розстрігу убилі, розграбилі, и того гдѣ сыскаті? А ныне бъ нам приговорити, какъ писаті перемирные грамоты, чтобъ впередъ меж нас дѣло шло.

И послы говорилі: скажите нам, какъ перемирные грамоты писаті. А в посолских обычаех такъ ведетца: колі живет *(л. 218)* меж государей дальнее перемирье, и тогды пишут перемирные грамоты; а иногды на малое перемирье пишут бояре, которые живут с послы в отвѣте, меж себя договорные записи. И вам бы о том поговорити с нами: перемирные ль грамоты писати или договорные записи? А написавши, мы вам свои покажем, а вы нам свои покажите.

И бояре говорили: мы о том с своею братьею з бояры поговорим и вперед вам о том вѣдомо учиним.

И отпустили послов на подворье, а рѣчи их сказывали государю.

И государь велѣл к Немаевскому послати послом *(л. — об.)* от себя грамоту, чтоб своим товаром прислал роспись, сколько у него товаров розстрига взял. А к Ивану Ростопчину велѣл послати свою государеву грамоту, чтоб тот посольской листъ Немаевскому отдал і роспись, у него взяв, прислал в Посольской приказ.

И по тому государеву указу так і послано.

Перевод з грамотки Литовских послов к Немаевскому іюля въ 1 день, а подлинная послана к Немаевскому.

Милостивый пане, подстолей корунный, нашъ милостивый брат і приятель! За посланьем его королевские милости, пана нашего милостивого, *(л. 219)* нас посланников до князя великого Московского і за слученьем вмѣсте с нами послами в Москвѣ будучими, здоговорыв з бояры думнымі Московскими, приговорено есть высвобоженье всѣхъ ваших милостей, в Москвѣ задержаных, за постановленьем

перемирья меж королем его милостью а великим князем Московским. А для ісполненья дѣл, до перемирья належачих, чинили мы і ныне чиним старанье о рухляді народу нашего, до казны великого князя Московского взятой, меж которою рухлядью и клейноты вашей милости, до казны великого князя Московского пойманые. А для того, что Москва списков не имѣют тѣмъ клейнотом і для скорого і совершенного взятья их, приговорили мы послати *(л. — об.)* к вашей милости по список тѣх клейнотов вашей милости, которые торгом до казны великого князя Московского взяты, и притом просим, чтоб ваша милость послал нам вскоре список тѣхъ клейнотов, і в каком ящике были, и не поимано ль ещо что рухляді у вашей милости. А не могучи пространно пісати к вашей милости, ізвещаемъ вашей милости о здоровье его королевской милости, пана нашего милостиваго, и королевеей милости, также и королевічаей милости Владислава, и о спокойномъ и счасливом господарованье его королевской милости, и о смиренье совершенном Рѣчи Посполитой, отчины нашей. Высвобоженье вашихъ милостей и всѣхъ, которые при ваших милостях, уже надговорено и вскоре ваши *(л. 223)* милості в дороге нам поставят, для нѣкоторых причин не могучи вашей милости к Москве вскоре припровадиті. А прі том списке, которой нам пошлешъ, просимъ, извести намъ пісаньем своимъ о здоровье своем, и о пребыванье, и о всѣхъ о тѣхъ, которые вмѣсте при вашей милости есть. Отдаемъ притомъ службы наші вашей милости, нашего милостиваго пана. Дан в Москвѣ з двора посолского дня 10-го июля году 1608-го.

Также просим вашей милости, чтоб намъ известилъ цѣну клейнотов всѣхъ перечневую да и всякому поособно, что чего стоитъ, потому что нам то надобно вѣдати.

Вашей милості, нашего милостиваго пана, зычливые братья и слуги Миколай Олешницкий с Олешніцы, *(л. — об.)* каштелян Малогоскиі, рукою своею. Олександръ Корвинъ-Гасевский, староста Велижский. Станислав Витовский Вольский, Варцовский дворянин королевский. Ян з Друтцка Соколинский, секратарь і дворянинъ короля его милости.

Перевод з грамоткі посланника Станіслава Вітовского к Немаевскому іюля въ 1 день.

Мнѣ велце милостивый, пане подстолий *(л. 224)* корунный! Службы мои зычливые отдаю в ласку вашей милости. При том времени пишу вашей милості, моему милостивому пану, нѣколко словъ. Тѣшуся с того, что слышу о добромъ здоровье вашей милости і тѣхъ ихъ милостей, что с вашею милостью в товарыщстве в той

кручине. А то извещаю, что племя вашей милости всѣхъ, и его милости пана Матѣя родного, добре здоровых отьѣхал, от которых грамоты и деньги есть при мнѣ для вашей милости. А больши не пишу, смотря на время, только отдаюсь в ласку вашей милости. В городе в столечном в Москве 10-го дня іюля году 1608-го.

Его милости пану Стаднитцкому, и пану Вольскому, и иным их милостемъ службы мои отдам; *(л.—об.)* а что до их милостей не пишу, прошу, чтоб их милость не дивили, мочно причину вѣдати. Пан моршалок дворной корунный здоров, милостью Божьею, но его милость пан воевода Подольский умер; его милость ксенжъ кардинал, его милость ксенжь бискуп Куявский, Борановский, его милость ксенжь бискуп Познанский і его милость пан подканцлѣрей корунный померли.

Вашей милости, моего милостивого пана, повольный слуга, и товарыщ, и приятель Станислав Витовский, войский Парцовский.

Перевод з грамотки посланника князь Яна Соколинского к Немаевскому іюля въ 1 день.

(л. 225) Милостивый пане, подстолей корунный, мой милостивый пане і приятелю! Службы мои повольные отдаю в ласку вашей милости. Не могучи больши писати, нѣколько слов извещаю вашей милости, что уже год выходит, как мы посланные от короля его милости до великого князя Московского для освобоженья всѣхъ ваших милостей, здѣся задержаных, сюда приѣхали из городов; з бояры думнымі Московскими приговорено есть высвобоженье вашей милости всѣх, что им всѣхъ людей его королевской милости, совершивши перемирье, выпустити до отчины. А перед совершеньем перемирья стараемся, чтоб были отданы клейноты, которые у вашей милости до казны князя Московского торгом поиманы, которым *(л. — об.)* о списке посылаем до вашей милости; а пришли список, подлинно справився. Домашние вашей милости, милостию Божьею, добре здоровы і дома все добро дѣетца. Его милость пан Матѣй Немаевский, брат вашей милости, послал было со мною денег немного и просил, чтоб мнѣ то отставить на границе под Оршею, чтоб ваша милость імѣл для потреб своих, какъ выедешь из Москвы; а оставил яз 116 угорскихъ золотых у его милости пана Лентковского, хоружего Оршанского, в Репухове, 3 мили от Орши, у родного шурина моего. И только выедешь скорѣе нас за позволеньем князя великого Московского, сыщешъ там ваша милость тѣ деньги и любимого друга по том несчастномъ задержанье[1]. . . . .
. . . .

[1] Пропускъ далѣе: конца этой грамотки нѣтъ.

(л. 208) От ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. Ивану Ильичю Ростопчину. По нашему указу велено было тебѣ з Белаозера с Литовскими людьми — с Мартыном с Стадницким, да с Адамом Вольским да с Станиславом Немаевским ітить к Москве. И после того іюня въ 8 день писал еси к нам, что застала тебя наша грамота в Романове, а велено тебѣ с тѣми Литовскими людьми воротитца назад на Белоозеро; и Литовские люді Мартын Стадницкой с товарыщі из Романова ѣхати с тобою назад на Белоозеро не хотят. И июня въ 9 день послана к тебѣ наша грамота: будет Литовские люді упрямятца, назад із Романова не поѣдутъ и уговориті будет их немочно, і тебѣ *(л. — об.)* велено, собрав посадцких людей, посадіти их в суды в неволю, и ѣхати с ними на Белоозеро не мешкая, і стати в Белозерскомъ уѣзде, не доезжая Белаозера верстъ за 20 іли за 30, в волости гдѣ полюднѣе; а с прежними Литовскими людьми, что на Белѣозере, сводити их не велено. А как из Романова пойдешь, и тебѣ велено о том отписати к нам к Москве. І ты к нам июля по 2 день о том не писывал: которого ты числа с Литовскими людьми из Романова пошол и гдѣ ты ныне с ними стоиш. А ныне посланы к тебѣ сь Еремѣем Еремѣевымъ 3 грамотки Литовские за отворчатыми печатьми, запечатаны в бумаге; а писаны тѣ грамотки от Литовских послов і посланников к Станиславу Немаевскому[1]. . . . .

. . . .

...*(л. 209)*[2] и посольская перемирная грамота, королево слово, не против прежних перемирныхъ грамот писана во многих мѣстех.

И говорили бояре послом: грамоту мы вашу перемирную королево слово чли, и грамота писана не против прежних перемирных грамот; и вам бы ныне, поговоря меж себя, і поставити на мѣре одну нашу перемирную грамоту і меж нас с вами договорную запись, да, поставя на мѣре, и вашу грамоту і запись с тѣх грамотъ напишем.

И послы говорили, чтоб им списки грамоту перемирную і договорную запись бояре дали на подворье себѣ потолковать, а их бы грамоты *(л.—об.)* бояре себѣ взяли і потолковали.

И бояре послом говорили, что договорную запись пришлют к ним на подворье с приставы, а перемирные грамоты список поволили им взяти с собою на подворье.

И отпустили послов на подворье, а рѣчи их сказывали государю. И государь, слушав посольских речей, велѣл Посольскому

[1] Конца нѣтъ.
[2] Начала этой записи (отъ 2 іюля?) нѣтъ.

діаку Василью Телепневу к послом и к посланником послати договорную запись с приставы на подворье.

И июля въ 3 день по государеву указу Посольской діакъ Василей Телепнев договорную запись к послом и к посланником послал с приставы их. . . . .

. . . .

(л. 210/1)[1] себѣ та статья смешалась с судейскою статьею на съѣздъ, и пригоже еѣ написати в договорную запись.

И послы говорили: скажите нам — будет ли на тѣ люди, которые граблены здѣсь, на Тарла и на иные, которых не сыщетца в казнѣ, нагорода, чтоб ѣхали отсюды не наги.

И бояре говорили: вы о своем говорите, а за собою Московского государства казны ничего не помните. Ино здѣлати такъ: что воеводино здѣсь в сыску, то мы отдадим; а что у воеводы Московские казны, то он намъ отдай здѣсь, а достоль на обе стороны на сыскъ на съѣздъ. А что *(л.—об.)* розграблено, и того гдѣ сыскать?

И послы говорили: гонца мы своего пошлемъ, вы своего пошлете с нашим.

И бояре говорили: мы о том поговоримъ з братьею своею з бояры, и вамъ на то вперед отвѣтъ учиним.

И отпустили послов на подворье, а рѣчи их сказывали государю.

(л. 210/2) И июля въ 5 день во фторникъ г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣлъ Литовскимъ послом и посланникомъ Миколаю Алешнитцкому с товарыщи быти на своем государеве дворѣ в Отвѣтной полате з бояры о дѣлех говорити. И по государеву указу того дни послы и посланники на государеве дворѣ в Отвѣтной полате у бояр у боярина у князя Ондрѣя Васильевича Голицына с товарыщи были; а приѣздъ их ко государю на двор был и встрѣча от бояр была по прежнему. А какъ послы вошли к бояром в полату, *(л. — об.)* и бояре послом встали и, дав имъ руки, сѣли по мѣстомъ по прежнему.

А, сѣдчи по мѣстом, говорили бояре: о которых мы дѣлех вчера с вами говорили, и о тѣхъ мы дѣлех, з братьею своею в. г. нашего з бояры говоря, докладывали в. г. нашего и что говорили есте о воеводе Сендомирскомъ, и о приятелех (его), и о всѣх Польских и о Литовских людех, до которого сроку в. г. нашь велитъ

---

[1] Запись отъ 4 іюля?

их выпустить, чтоб в договорную запись срокъ написати; и в. г. нашь велѣл срокъ написати, а о сроке велѣл с вами с послы говорити.

И послы говорили: мы говорили с вами — *(л. 210/3)* которые наши люди воевода Сендомирской и иные здѣсь на Москвѣ, и тѣ б всѣ с нами отпущены были; а которые по городом поближе, тѣ скорѣе на границу были провожены, а которые подале, тѣ б опосле провожены были; а срок бы положити тѣхъ людей выпустить и достольных недѣль на 6 или на 8 или какъ вы приговорите. А какъ мы гонца пошлем х королю, и нам надобе о том х королю отписати, хто отселе с нами выпущен, и хто ещо не выпущен, и какъ тѣмъ срок достольным людем о выпущенье приговорен.

И бояре послом говорили: которые люди ваши воевода и иные здѣсь на Москвѣ, и какъ *(л. — об.)* доброе дѣло совершитца, и тѣ иные поѣдут наперед вас, а иные после вас дни з 2 поѣдут; и о том вы себѣ помыслите, какъ бы о том лутче для нынешних воров, которые стоят под Москвою, чтоб им здорово проѣхати и к ним не пристати. А достолных людей, которые по городом, приговорим всѣх выпустить до рубежа с того числа, какъ перемирье закрепим, 10 недѣль.

И послы говорили, чтоб тѣ люди, которые здѣсь на Москвѣ, выпущены были наперед нас дни за 2, а достольные женщины и иные люди, которые пограблены, и ѣхати нѣ на чем, чтоб с нами вмѣсте отселе выпущены были; а опосле нас остатися никому *(л. 210/4)* нельзѣ. А о достольных людех срок положимъ выпустить на рубеж по вашему приговору 10 недѣль.

И приговорили бояре с послы на срок достольных людей выпустить с тѣх мѣстъ, какъ послы перемирье закрепятъ, 10 недѣль.

И бояре послом говорили: которую роспись дали вы нам купетцким товаромъ, и государь нашь велѣл по той росписи искати в своей государеве казнѣ; что будет найдетца, и государь велѣлъ то отбирати. И тѣ приказные люди, которым приказано прибирати, сказывали нам да и сами мы тоѣ вашие росписи смотрили, что по той росписи никак ничего прибрати нельзя, писаны товары и запаны не имянно. *(л. — об.)* И вам бы роспись написати подлинно, какова у кого запана или иное какое узорочье взято, и какое в нем каменье и иные примѣты, чтоб было по чему приискивати.

И послы говорили: тому ужь 3-й год, какъ тѣ товары пойманы у тѣх людей, и росписи у них пограблены, и справитца им подлинно нѣ по чему, а на усть написати не упомнят; а что государь сыщет каких товаровъ, и то б велѣл государь купцом нашим показати и всякой свой узнаетъ, а чюжого никак нихто не возмет. В томъ души наши.

И бояре послом говорили: говорили есте с нами, чтоб о отпуске воеводине и всѣх *(л. 210/5)* Польских и Литовских людей написати в перемирную запись, а не в договорную. И мы о томъ меж себя поговорили и тому дѣлу быти пригоже написану в договорной записи, потому что дѣло совершитца вскоре. И вы, панове, себѣ о томъ помыслите и по записем розсудите, гдѣ тому написану быти пригоже. А будет вам то надобе, и государь велит и в перемирную написати.

И послы говори(ли): мочно той статьѣ и в договорной записи быти, только б в перемирной написати такъ, что по тому по всему государю вашему правити, какъ в перемирной и в договорной записи написано.

(л. — об.) И бояре говорили: преже того бывали меж великих государей наших перемирные грамоты, а в ыных дѣлех меж бояр и послов договорные записи; а того слова, что вы тепере говорите, в перемирных грамотах не писано, и ныне б нам перемирные грамоты написати по прежнему же.

И послы на то не отмолыли ничего.

И бояре послом говорили: вчера говорили есте с нами о съѣзде после году нынешнего перемирья, и о съѣзде велѣлъ государь нам дѣлати с вами и в договорную запись писати после 2 годов, а после году никакъ съѣздом сстатись невозможно, для того что ныне смута в обѣих государствах; сами о том вѣдаете подлинно.

(л. 210/6) И послы говорили: никак нам написати после 2 годов о съѣзде немочно. Какъ ждать изобиженым и грабленымъ людемъ 2 года? Мочно государю вашему с тѣми воры, которые ныне у вас воруют, управливатца и на съѣзд послати, людей столько у государя вашего будет. А будет на том съѣзде чего и не исправитца, ино в перемирных грамотах будет написано, что тѣмъ перемирья не нарушивать и не розрывать, держать то перемирье до урочных лѣт крѣпко.

И бояре послом говорили: никакъ не успѣти после году на съѣздъ выслати потому: послы в. г. нашего к государю вашему *(л. — об.)* пойдут нынешнего перемирья закрепляти и назад от государя вашего пойдут, и того будет год. А после того вскоре какъ выслати? И нам менши дву годов никакъ на съѣздъ не писывати.

И послы, отшед, меж себя говорили тайно и пришед говорили бояром: о том дѣле, о котором вы намъ тепере говорите, меж нас и вас уже приговорено было преже сего, что съѣзду быти после году от постановенья нынешнего перемирья; и вам было надобе

держатца прежнего приговору. И вы ныне то переменили, а хотите съѣздъ написати после 2 годов. И то такъ не может быти. И мы ныне, поговоря меж себя, прозволяемъ *(л. 210/7)* на то: как послы государя вашего будут у в. г. нашего, и о тѣхъ дѣлех будет не договорят, ино с тѣх мѣстъ, какъ послы ваши у государя нашего будут, быти на съѣздъ год спустя.

И бояре с послы потому и приговорили.

Да бояре же послом говорили: хотѣли вы ту статью о выводе людей Польских и Литовских, которые ныне с вором ходят, написати, какъ деи в перемирной грамоте быти; и вы намъ покажите.

И послы говорили: написати б та статья в перемирную грамоту такъ: которые Польские и Литовские люди князь Роман Ружинской, *(л. — об.)* и Вишневетцкой, и иные вторгнулись в государя вашего землю бес королевского вѣдома, и королю о том промышляти накрепко, всею правдою, безо всякие хитрости, чтоб тѣ люди вернулись из государя вашего земли назад вскоре. А иное в той статьѣ все против вашей грамоты напишем.

И бояре послом говорили: хотите писати в своей перемирной грамоте против того списка, каковъ мы вам дали, и вам бы против того списка приписати и Лисовского имянно с Ружинским и с Вишневетцким, потому что он много зла в государя нашего землѣ починил; а вывести б государю вашему тѣх всѣх людей Ружинского, и Вишневетцкого и Алисовского с товарыщи из в. г. нашего *(л. 210/8)* земли. А без того нам никак перемирной грамоты вашей не имывать; писати вам ту статью так, какъ мы в перемирной грамоте написали.

И послы говорили: Алисовского мы для того не написали, что он из земли государя нашего выволанецъ, и чести он своей отсуженъ, и в которомъ городе в нашем его поймаютъ, и его тамъ казнят; и имянно нам его писати непригоже. А то веть написано тоже, что Ружинской, и Вишневетцкой и иные Польские и Литовские люди, а тот Алисовской в том же числѣ. А того нам написати впрямь немочно же, что государю нашему людей всѣх Польских и Литовскихъ из земли государя вашего вывести: есть тут такие люди, которые послушают; а есть *(л. — об.)* такие лотры, которые и не послушают.

И бояре послом говорили: говорите вы, панове, что Алисовской вор и выволанецъ из земли, и писать его имянно не хотите. И восе только много таких ваших выволанцов и учнут воровати, и вы также молыте, что воры, выволанцы, и то добро ль будет? И вы б и Али-

совского имянно написали. Да и то, что государю вашему тѣх всѣх Польских и Литовских людей — Ружинского, и Вишневетцкого и Алисовского с товарыщи, которые ныне с вором, из в. г. нашего земли вывести вон; а без того никакъ намъ с вами не дѣлывать. — И отказали бояре послом о том *(л. 210/9)* накрепко.

И послы, поспоровався о том з бояры, приговорили в перемирную грамоту написати, что королю Польских и Литовских людей — Ружинсково и Вишневетцково с товарыщи, которые ныне с воромъ, из в. г. земли вывести вон; а про Алисовского отказали, что им имянно его писати никак немочно.

И бояре говорили: вы, панове, о том себѣ помыслите, а надобно и Алисовского тутъ написати имянно. А ныне возмите нашу перемирную грамоту, и свою грамоту перемирную королево слово напишите *(л. — об.)* с нашие грамоты, да завтра, съѣхався, тѣ грамоты с вами справим.

Да дали бояре послом перемирную грамоту государево слово, с чего им своя перемирная грамота писати.

Да бояре же послом говорили: в. г. нашь по своему царскому милосердому обычаю, всею правдою: что есть въ его царской казнѣ воеводы Сендомирского и его дочери и иных Польских и Литовских людей, и то все сыскав велит отдати; а вам бы также итти с нами правдою: что у воеводы есть государевы казны здѣсь, что ему давал розстрига, то б воевода все нам отдал; а чего здѣсь нѣт, и на то б нам писмо далъ, что ему *(л. 211)* то все на съѣзде отдати.

И послы бояром говорили: что у воеводы было здѣшние казны, и то у него все взято здѣсь же, а теперво у него нѣт ничего; а что будет воеводы и его дочери животов здѣ в государской казнѣ сыщете и что в томъ опознаете своего, и вы того имъ не отдавайте.

И бояре послом говорили о Ѳедоре Дурове, чтоб его из Дубровны отпустили.

И послы говорили: про того мы вашего посланца не вѣдаем, а слухом слышели про него, что он поѣхал не звыклою дорогою *(л. — об.)* и без опасу, кобы лазучеством, и его для того поймали и засадили; и таких шпеговъ и вперед пригоже имати.

И бояре послом говорили: как вора розстригу убили, и святѣйший патриархъ, и митрополиты, и архиепископы и весь священный собор послали того Федора Дурова с своею грамотою х Киевскому воеводе ко князю Василью Костянтиновичю Острожскому, потому что он нашие истинные православные хрестьянские вѣры греческаго закону, чтоб он тому порадовался, что тот враг, еретикъ, розстрига

и разоритель нашие истинные православные хрестьянские вѣры скончался; и того Федора княж Васильев *(л. 212)* сынъ князь Януш поймал и отослал его на Дубровну, и посямѣста тот Федор сидит в тюрьмѣ в Дубровне, а просит за него Дубровенской подстаростье подарков. И то пригожее ль дѣло з государя вашего стороны дѣлается? А лазучеством с такими дѣлы не ѣздят. И вам бы того гонца Федора велѣти отпустити из Дубровны тотчасъ.

И послы бояром говорили: вольно гонцом ѣздити от государя к государю или ис порубежных городов от державцов к державцом, а тот не по звыклому обычаю поѣхалъ х Киевскому воеводе, мимо государя нашего и панов-рад, без опасу, кабы лазучить.

(л. — об.) И бояре говорили: видите вы, панове, сами, сколько в. г. нашь людей вашихъ отпускает, которых было и отпустити не довелось; а вы за одного человѣка столько речей плодите, а сами вѣдаете, что он невинно засажен. И вам бы однолично того гонца велѣти отпустити.

Да говорил бояром посол Александръ, чтоб ему отдали человѣка его Савитцкого, которого в Торопце з грамотами поймали; а вѣдает про то Посольской діакъ Василей Телепнев.

И Посольской діакъ Василей Телепнев Александру говорил, что про такова человѣка не упомнит, и он про то посыщет, и вперед ему о том *(л. 213)* вѣдомо учинит.

И отпустили бояре послов на подворье, а рѣчи их сказывали государю.

А на отпуске послы бояром говорили, чтоб воеводы Сендомирского и иных людей которая рухлядь сыскана отдавати, чтоб затѣмъ не длилось и дѣло б х концу вскоре привести.

(л. — об.) И июля въ 6 день г. ц. и в. к. Василей Ивановичь в. Р. велѣл быти у себя государя на дворѣ Литовским послом и посланником Миколаю Алешнитцкому с товарыщи у бояр в Отвѣтной полате у князя Ондрѣя Васильевича Голицына с товарыщи. И по государеву указу того дни Литовские послы и посланники Миколай Алешнитцкой съ товарыщи у государя на дворѣ у бояр в Отвѣтной полатѣ были; а приѣздъ их ко государю на двор и встрѣча от бояр была по прежнему. А какъ послы и посланники вошли к бояром в полату, и бояре им встали, и, дав руки, сѣли *(л. 214)* по мѣстом по прежнему.

А сѣдчи по мѣстомъ, говорили бояре послом: вчера мы с вами договорились, чтоб вамъ ныне с нами перемирные грамоты справити.

И послы говорили: грамота ваша перемирная написана, и мы станем еѣ чести, а вы слушаете; и в которых статьях не згожается с нашею грамотою, и вы о том с нами говорите.

И чел Александръ перемирную грамоту королево слово. И в титле в королевскомъ написано: Киевский, Волынский, Подольский, Подляшский, а Шведцкий, Вандальский, Естонский.

(л. — об.) И бояре говорили: вчерась мы с вами, панове, договорились, что в перемирных грамотах писати в. г. нашего и государева титла по прежнему, какъ во Львове перемирной грамоте написано; и вы ныне то свое слово перемянили, написали государя своего титла не против прежних перемирных грамотъ. И вам, панове, тѣмъ нынешним добрым дѣлом мотчанья не чинити, писати в перемирной грамоте, в королеве слове, государя своего титло против того, какъ во Львове перемирной грамоте написано; а с тѣми титлы намъ грамоты у вас не имывать.

И послы говорили: Богъ видит, какая нам от вас в том обида и кривда, что уже нам не вольно в своей *(л. 215)* грамоте государя нашего полных титул писати. Вы в своей грамоте пишите государя своего царемъ и многими прибавочными титлы, и мы вам в том не бороним; а вы нелюбье государю нашему тѣм показуете.

И бояре говорили: панове! Сколько о том ни говорити, а мимо того не быти, какъ мы о томъ вчерась с вами приговорили.

И послы, о том з бояры поспоровався, тѣ титла Киевской, Волынской, Подольское, Подляшское, Свѣйское вычернили, а написали потому, какъ во Львове перемирной грамоте написано.

Да в королеве же слове в перемирной грамоте написано, *(л.—об.)* что учинили перемирья меж государей и государствъ на то, что воеводу Сендомирского и всѣх людей Польских и Литовских и людей, которые в Москвѣ задержаны, выпустити от болшого и до меншого со всѣми животы до рубежа проводити.

И бояре говорили: та статья пригоже написати в договорную запись, потому что то дѣло совершитца вскоре; а в перемирной записи быти ему непригоже.

И послы говорили: то и большое дѣло, что людей отпустити. Какъ того в перемирную грамоту не писати?

(л. 216) И бояре с послы о той статьѣ споровались много, чтоб еѣ в перемирной не писати, а написати б в договорную запись, и послов на то уговорити не могли, чтоб того в перемирной грамоте не писати. И говорили бояре послом: коли уже вы стали за то в упор, а хотите написати ту статью в перемирную грамоту,

и написати б еѣ на исподи, выше той статьи, гдѣ написано про ваши люди, про Ружинского с товарыщи.

И послы приговорили з бояры потому в перемирной грамоте написати.

Да в перемирной же в королеве слове написано: которые Польские и Литовские люди Ружинской и Вишневетцкой с товарыщи, *(л. — об.)* которые прилучились к Московскимъ людемъ, которые на сесь час государя их короля не слушают, и королю о томъ промышляти и радѣти всею правдою, безо всякие хитрости, чтоб тѣ люди из государевы земли вывести вон.

И бояре послом говорили, чтоб в той статьѣ написати такъ: которые Польские и Литовские люди пристали к вором к Московским людем, к государевымъ измѣнником, и водят с собою и называют вора государским имянемъ.

И послы говорили: нам ваших людей измѣнниками писати не мочно. Мы того не вѣдаем: измѣнники ль ваши или нѣт, и про того вора *(л. 217)* какъ же нам в перемирной грамоте писати непригоже, нам того не належит, мы не для того сюда присланы.

И бояре с послы говорили: о том на обе стороны спорных речей много — коли государь своих людей измѣнники называетъ, а они для чего тому не вѣрят? А того вора, которого водят с собою государя их люди, видели люди их, которыхъ они к нимъ посылали, и то имъ подлинно же вѣдомо, что прямой вор. И за тово им за што стояти, что в запись того не хотят писати?

И приговорили написати в перемирной грамоте: которые Польские и Литовские люди *(л. — об.)* прилучившися с людьми Московского народу, которых вы своими измѣнники менуете быти и которые при себѣ имѣютъ человѣка, называючи его государским сыном. А вдостоли отложили до товарыща своего до Станислава, а Станислав поѣхалъ к воеводе Сендомирскому.

Да в перемирной же грамоте, в государеве слове, написано, что воеводе Сендомирскому Юрью Мнишку и его приятелем и иным никому тому вору, которого возят с собою ваши королевские люди князь Роман Ружинской с товарыщи, называючи его прежним имянем, какъ розстрига назывался, и инымъ воромъ, которые учнут называтися[1] . . . .
. . . .

. . . . *(л. 226)* уже не какъ послы, але яко люди кручинные, нужные, чтоб ты, князь Дмитрей Ивановичь, ужалившися нас пильно,

[1] Далѣе недостаетъ 54 листовъ, записей за 6 — 15 іюля.

о то печаловался, чтоб мы борзо отпущены быть могли до отчизны нашие. Мы что знасна и болшъ будет моглъ быть, печаловатца о то будемъ всегда, чтоб то тобѣ і зацному роду твоему всѣмъ добрымъ задѣлати и отслужити могли.

А се списокъ с писма Литовских послов, каковъ прислали с приставы к боярину ко князю Дмитрею Ивановичю Шуйскому июля въ 15 день.

(л. — об.) От послов его королевские милости, государя нашего милостивого, память приставомъ нашимъ донести слова наши до великого думного боярина до князя Дмитрея Ивановича Шуйского.

Говорили мы сами, и многижда писали, и приказывали до бояр думных, а после того и до одного князя Дмитрея Ивановича, что мы послы здѣсь задержаны насильствомъ долгое время мимо прежней обычай всего свѣта, и они про нас печаловались у в. г. своего, чтоб насъ, как есть достойно и пригоже послов, велѣлъ отпустити к нашему государю, а людей *(л. 227)* до короля его милости с ними вмѣсте послал. И мы не только ему проводниками до короля его милости будем, но и всѣми силами будем о томъ печаловатца, чтоб промеж государей и государствъ добрые дела постановлены были. А только торговых людей преже нас государь отпустити велитъ, и нам бы дано слово от князя Дмитрея Ивановича, с воли государя его милости самого, чтоб однолично тѣхъ всѣхъ людей торговых со всѣми их животами и с маятностями здорово вборзе, безо всякого задержанья, до земли короля его милости государя нашего выпустити, и бестаможно потому, не только мают при себѣ товары свои, але и наши посольские и людей наших рѣчи, *(л. — об.)* которые мы имъ порознь въ долгъ в деньгахъ заложили, на которые мы у них здѣсь живучи долго розными.... задолжили. А будетъ государь его милость не велит их вборзе отпустити, или жити им особно на иномъ дворѣ, или в дороге быть имъ задержаным, и мы волим с одного здѣсь кручину и печаль терпѣти до...... милованья.

И июля въ 17 день боярин князь Дмитрей Ивановичь Шуйской тот посольской листъ отослалъ к послом назад с приставы, потомучто в немъ писали послы многие непригожие слова[1]. . . . . .

. . . .

. . . . *(л. 228)* в Литовские станы ко князю Роману Ружинскому да ко князю Адаму Вишневетцкому людей своих з грамотою, и зачѣмъ та посылка стала, для чего посямѣста не послали.

---

[1] Конца нѣтъ, равно какъ и начала слѣдующей записи.

И послы и посланники говорили: как мы с вами приговорили так и людей своих мы изготовили. Да стало за тѣмъ, что мы с вами говорили о писмѣ, чтоб вы нам дали на тѣхъ наших людей, которых мы посылаем в Литовские полки, писмо, что вам, у нас взявши их, в добром здоровье отправадити и назад припровадити; да и за тѣмъ: приежжалъ к намъ Петръ Дашков, и тѣ наши люди, которым ѣхати, роспрашивали его: какъ ѣхати, и до которого *(л. — об.)* города, и есть ли гдѣ по той дороге государевы люди. И он сказалъ, что тамъ нѣт ни городов, ни мѣстъ, ни войска вашего; а ѣхати тѣмъ людем до которой деревни, и наперед их послати лазучника мужика провѣдати, гдѣ тѣ наши Польские и Литовские люди, да провѣдав отпустят их в тѣ полки без провожатых. И, то услышав, наши люди ужаснулись и ѣхати не хотят без писма вашего, коли вашие рати нѣт. И та посылка стала не за нами. Намъ и самим то не за честь, что Петръ им такъ розбил.

И бояре послом говорили: то Петръ Дашков говорил вашимъ людем самъ, не хотя ѣхати, или будет со пьяна то он здуровал собою. А писмо нам вам какое *(л. 229)* давати? Люди ваши ѣдут к вашим же людем. А мочно вам и нашему боярскому слову вѣрити: видите вы сами великого государя нашего сходительство ко всякому добру. О чемъ вы намъ говорили, то все здѣлалось: с воеводою вы сьезжались по своей воле, какъ домо. И мы к вамъ вчерась с приставы приказывали: будет вамъ людей своих послати, и вы б послали не мешкая; и вы к намъ приказали, что без опасу послати вам нельзя. И мы тому дивились: какими обычаи вы к намъ такъ приказываете? Сами вы договорились с нами, что послати, не дождався опасу, а ныне такъ приказываете, *(л.—об.)* что без опасу послати нельзя. А того мы не вѣдали, что Петръ Дашков к вам приезжал и так вашим людемъ говорил, какъ вы нам сказывали. И ныне б вам по прежнему своему договору с нами послати людей своих, не дождався опасу. А писма вам намъ давати непригоже: вѣрте нашему слову. Посылает в. г. нашь с тѣми вашими людьми провожатых многих людей, и велит ваших людей беречи так, какъ есть своих людей, и, допроводя их до ваших людей, гдѣ они стоят, здорово; а как тѣхъ ваших людей князь Роман Ружинской и князь Адам Вишневетцкой от себя отпустят, и они б наперед себя прислали вѣсть к тому же мѣсту, ис которых мѣстъ *(л. 230)* провожатые их отпустят, и государевы люди опять их в том мѣсте примут и доправадят до вас во всякой цѣлости здорово.

И послы говорили: люди у нас и ныне готовы, кому ѣхати;

только надобно отдать писмо такое, как вы намъ говорите, или какъ сами захотите написати, чтоб тѣмъ нам своих людей, которым ѣхати, пообнадежить, а без писма наши люди никакъ ѣхати не хотят.

И бояре послом говорили: людем вашим никакого дурна опасатися нѣчего — люди ваши поѣдут, а с ними ѣдут наших 5 человѣкъ приставов, и кормъ им, дорогою ѣдучи, станут давать, да з головами дворяне и дѣти боярские многие, и доправадят *(л. — об.)* их до тѣх мѣстъ, гдѣ стоят Литовские люди, здорово, и отпустят их в Литовские полки с приставы, а сами воротятца, чтоб в тѣ поры, какъ ваши люди будут в Литовских полкѣх, от воров от Московских людей какого дурна не учинилось; а писма давать намъ непригоже.

И послы говорили: вельми ся мы тому вамъ, государскимъ бояром, дивуем, что стали есте о такомъ малом дѣле, писма нам дати не хотите. Веть какъ тѣ наши люди назад к нам вернутца, и мы то писмо назад вам отдадимъ. А без того люди наши ѣхати не хотят: хотя мы хотим, да они не хотят ѣхати. Да надобе к нам ужжо воевода Сендомирской да Тарло, чтоб о томъ отпуске с нимъ ныне переговорити, *(л. 230 bis)* и отпустити б намъ людей своихъ ужжо с одного с посольсково двора своих и воеводіных; и вы о томъ до государя своего донесите, чтоб велѣлъ по воеводу и по Тарла послати, а мы их здѣ дожидаемся.

И бояре говорили: писма вам давати никакого непригоже; мочно вамъ и без писма нашим рѣчем вѣрити. А о воеводе и о Тарло до великого государя нашего донесем и чаем, что воевода и Тарло к вам ужжо будут.

И ходили бояре ко государю и сказывали тѣ посольские рѣчи государю. И государь велѣлъ по воеводу Сендомирсково *(л. — об.)* и по Тарла послати приставов их да с ними по 6 человѣкъ конюхов. И воевода Сендомирской и Тарло ко государю на двор приѣхали и пошли прямо в Отвѣтную полату к посломъ. А как воевода и Тарло с послы виделися, и государь послал к послом опять бояр и діяковъ боярина князя Ивана Михайловича Воротынского с товарыщи и велѣлъ послов спросити: на чом они с воеводою договори(ли)сь и чтоб людей своих послали ныне. И по государеву указу бояре к послом в Отвѣтную полату ходили и по государеву указу им говорили.

(л. 231) И послы и посланники говорили: мы с воеводою договорились и люди наши кому ѣхати готовы, только тѣ наши

люди без вашего писма никак ѣхати не хотят; и вы намъ дайте писмо, чтоб вам тѣх наших людей велѣти беречи и отправадити их туды и назад к нам здорово.

И бояре послом говорили: какого вы писма у нас просите и что вамъ в томъ писмѣ прибыль? Вѣрьте нашим душам, говоримъ вам всею правдою, что велимъ тѣх ваших людей беречи что себя. А коли ужь намъ давати вам писмо на ваши люди, ино и вам давати писмо на наши люди, которые с ними поѣдут, потому, чтоб над тѣми нашими людьми от ваших людей, которые ныне с вором, дурна какого не учинилось. А то вам и ныне *(л. — об.)* говорим: прикажите вы накрепко тѣмъ своимъ людем, кого пошлете, чтоб они тѣхъ наших людей, которые с ними в приставехъ в Литовские полки поѣдут, берегли также, как себя, чтоб имъ тамъ от Польских и от Литовских людей и от Московских воров какого дурна не учинилось; а мы своим провожатым прикажем, велимъ также ваших людей беречи накрепко, какъ себя.

И воевода и послы говорили, чтоб ужь о томъ было государево слово от вас бояр, что тѣхъ наших людей припровадити до наших людей и от нашихъ людей до нас здорово.

Да послы же говорили: которых мы людей *(л. 232)* посылаем в полки, и у тѣх людей лошади тучны, а ныне приходят жары, и притчею, дорогою ѣдучи, розожгутца, и у них бы были запасные лошади; и государь б пожаловал велѣлъ им дати на запас ис своих лошадей, чтоб имъ затѣмъ в дороге не мешкати.

И бояре, встав, пошли ко государю.

И посол Миколай говорил бояром: пожалуйте, государские бояре, донесите мое челобитье до в. г. своего, чтоб государь пожаловалъ, поволил ныне воеводе Сендомирскому и Тарлу у меня Миколая ѣсти и отпустити его в своей корѣте, а старосте б Лукомскому и Тарлу поволил у меня на дворѣ *(л. — об.)* быти дни 2 или 3.

И бояре говорили: то мы твое челобитье до в. г. нашего донесем.

И ходили бояре ко государю и сказывали посольские рѣчи государю. И государь послал к послом опять всѣх бояр и діаков боярина князя Ивана Михайловича Воротынсково с товарыщи, а велѣл послом молыти своим государскимъ словомъ, что тѣх людей, которых они посылают в полки, посылает государь провожати з головами дворян и детей боярских многих, и велитъ их беречи накрепко, чтоб над ними одноличио от государевых людей никакого дурна не учинилось; а какъ их до тѣх мѣстъ, гдѣ стоят Литовские полки,

проводят, и их отпустят в Литовские *(л. 233)* полки. И их бы люди отписали о томъ к нимъ с провожатыми, что они доѣхали до Литовскихъ полков здорово, и в Литовские полки поѣхали здорово ж; и провожатые то их писмо привезут к бояромъ, а бояре то писмо отошлют к нимъ посломъ, и имъ будет в тѣ поры вѣрно, что они там доѣхали здорово. А какъ тѣх их людей князь Роман Ружинской да князь Адам Вишневецткой отпустят назад, и они б наперед себя прислали с вѣстью в то же мѣсто, отколе ихъ провожатые государевы в полки отпустят, что они ѣдутъ назадъ, и их бы опять встрѣтили и проводили; и государевы провожатые опять их встрѣтят, и примут в том же мѣсте, и припровадят сюда до Москвы к ним к посломъ во всемъ здорово. *(л. — об.)* А они б послы и посланники также тѣмъ своим людем, которых посылают в полки, приказали накрепко: покамѣста они у Ружинского и Вишневетцкого в полкѣх побудут, и они б тѣх государевых людей, которые с ними ѣдут в приставех, берегли накрепко и на станѣх ставитись велѣли им с собою вмѣсте, чтоб над ними от Польских и от Литовских людей и от Московских воров в Литовских полкѣхъ какого дурна не учинилось; а какъ их из Литовскихъ полков отпустят назад, и они б тѣхъ своих приставов 5 человѣкъ взяли с собою опять назад; а там бы однолично никого из них не оставливали. И в том во всемъ на обе стороны словы укрепитися, а писмо никакое не надобе. — *(л. 234)* А лошади государь тѣмъ людем, которых посылает в полки, велѣлъ дати по лошади человѣку. А воеводе Сендомирскому и Тарлу поволил государь ныне к послу к Миколаю ѣхати и у него ѣсти, а назад на подворье в Миколаеве корѣте ѣхати. А старосте Лукомскому и Тарла государь пожаловал, велѣлъ у Миколая пожити 3 дни.

И по государеву указу бояре к послом в Отвѣтную полату ходили и по государеву указу им говорили.

И послы говорили: коли в. г. вашь через вас, думных болших бояр своих, к нам свое *(л. — об.)* государское слово приказал, и мы то кладемъ на его государскую волю. И позвали к себѣ в полату тѣхъ своих людей, которых посылают, Петра Борковского с товарыщи и им государское слово, что бояре от государя говорили, сказывали и уговорили их на то, что им ѣхати и без боярского писма, и договори(ли)сь з бояры на том, что однолично людей отпустити того же дни, и приказывали послы Петру Борковскому о государевых людех, которые с ними ѣдут в приставех, чтоб ихъ однолично, будучи в Литовских полкѣх, от Полских и от

Литовскихъ людей и от руских воров бе(ре)гли во всемъ так, какъ бояре об них говорили, чтоб над ними никакого дурна ни от кого не учинилось[1].

Къ этому же посольству и именно ко времени до заключенія перемирія относятся еще слѣдующіе 3 документа:

Pamięć do pokazania krzywd, które rpta y z królem jego mcią wzięła od narodu Moskiewskiego[2].

(До іюля 1608 г.).

1. Za posłaniem posła swego do corony y do króla jego mci (o czym wiedziała wszytka ziemia Moskiewszka) przyiaźń poznawszy, petita otrzymawszy, poszły króla jego mci, to iest jego mci pana Małogoskiego y pana starostę Wieliżkiego, imieniem króla jego mci y rptey na wesele y coronatią posłanych, gleyt y owszem prowadzenie od przednych panów Moskiewskich z obietnicą wszelakiego bespieczeństwa od nich maiączych, lekce spoważyli y mało nie przez dwie lecie w więzieniu z ustawicznym zdrowia niebespieczeństwem, głodem nakoniec morząćz, trzymali y dotąd gwałtem trzymaią przeciw prawu wszytkich narodów, przeciw pactom, przymierzu z królestwem Polskiem zawartemu.

2. Tych, którzy za zwyczaynem gleytem poselskiem, za listy osobnemi króla jego mci y rptey, y króla jego mci vrzędniczy y słudzy rękodayni, ludzie stanu slacheczkiego, famıly zacznych, kupców przytem wiele, którzy nicz o żadny zdradzie tu wolnie przyiechali vbespieczeni, do więzienia wzięto, mało nie wszytkich ze wszytskiego odarto, drugich, pod przysięgą vbespieczywszy y pod tąż broni odebrawszy, chaniebnie pomordowano, trupy zabitych pssy karmiono.

3. Drugiego także senatora corony Polskiey, jego mci pana woiewodę Sandomirskiego, z wielą ludzi zacznych duchownych y świeczkich, vrzędników, starostów, secretarzów y sług rękodaynych króla jego mci y z wiela innych zacznego stanu slacheczkiego prawie ze wszytkich kraiów corony Polszki przez swego poszła z pretextem zprzyiaźni y spowinowaczenia się z coroną Polszką wybawiwszy, prosząćz o to publice króla jego mci y senatu, także y jego mci pana woiewodę samego, gdyż y poseł y listy od panów dumnych do jego mci pana woiewody w tyże sprawie w osobności byli, które iescze są w ręku jego mci,—

---

[1] Этими словами оканчивается Посольская книга № 27.

[2] Дѣла о Самозванцахъ, № 55. Неполное изложеніе содержанія см. въ «Русской Вивліоѳикѣ» Ник. Полевого. т. I, М. 1834 г., стр. 323 — 328.

czo za pozwoleniem jego k. mci y ich mci panów senatorów otrzymawszy, ślub małżeństwa approbowawszy, przysięgę czórcze jego mci pana woiewodziny, iako paniey swey, tu iuż na Moskwie vczyniwszy, na wszytkich pomienionych się gwałtem rzucili, bez wszelakiey dania przyczyny rozbóy iawny czyniącz, na gospody nachodząc, ze wszytkiego odzieraiącz, wiele ich chaniebnie pomordowali, bespieczeństwo poprzysiągszy, ostatek do więzienia wrzucili y thak, niemal przez dwie lecie głodem morząca y rozmaitymi niewcasami trapiąc, przeciw wsytkim prawom y pactom osobliwie z coroną y z królem jego mcią w więzieniu trzymaią.

4. Jako persony tak zaczne, rptą y króla jego mci representuiącze, tak też y listy króla jego mci y innych monarchów y różnech ossób wydarte są.

5. Krzywda Boża nie mniey, ale więczy boleć ma, niżli własna albo pospolita swieczka. Kapłana y secretarza króla jego mci przy ołtarzu zamordowano, offiarę świętą zgwałcono, drugich aż do nagości poodzirano, dozwoliwszy y vpewniwszy, że nabożeństwa bespiecznie odprawowane bydź miały.

6. Potwarzy króla jego mci na coronę Polszką, na ich mci pany posły, na pana woiewodę y na wszytek naród Polszki tak z strony łamania wiary ich, iako y z strony plundrowania y naweth gwałtownego possesiey carstwa Moskiewskiego obięcia pod praetextem przyiechania na wesele włożone.

7. Krzywda też cara jego mci Dymitra za vczynieniem confędęratiey z coroną Polską, za spowinowacieniem się, za radą, wolą, obecnością y pomocą króla jego mci, za pactami osobnemy ku pożytkowi rptey z obu stron, z jego mcią panem woiewodą prywatem zawartymi, iest krzywda rpty y króla jego mci. Słusna ratować vtrapionego, ieśly go Bóg przy zdrowiu zachował, zwłascza iuż przyiaźnią związanego, a k temu gdy z pożytkiem pospolitym niemałem to bydź może, a tym wieczy, gdy pan dziedziczny od zdrayczów y krzywoprzysiesczów cierpi.

8. Krzywda też pospolita wszytkim monarchom iest każdego z nich własna, ale barży przyległeh. Tu są od kilku lat w zatrzymaniu hispani, mianowicie ieden zakonu ś-o Augustina, człowiek znaczny, który od oica ś-o y od króla Hispańskiego z rzeczami wielkimi y kościołowi Bożemu barzo pociesznymi z Indiey, z Persiey y z innych tamtych kraiów, w których się lat kilkanaście bawił, iechawszy, gleyt od Moskwy otrzymawszy, z gleytami, z listami papiezkiemi y innych wielu królów ze wszytkiego odarty, do więzienia iest wrzuczony,

który do oyca ś-o s tamtego kraiu posłany iechał; ten hispan rzeczy teh, które ma in secretoria, nie odkrywa, y Boże vchoway nań w tem więzieniu śmierci—z wielką by to szkodą kościoła Bożego bydź musiało. Są y niemczy, włoszy, którzy też oppresiae czo y naszy czierpią. Sweda też nieiakiego Gustawa toż niedawno podkało, który tu więzieniu przeszłego postu w roku 1607 przed Wielką nocą vmarł.

9. I to słychacz, żeby za naprawą y przedarowaniem principała zdrayczów woyszko Tatarskie także y Swedzskie do Polski wtargnęło, o czym są rumory między samemiż coniuraty.

O to wszytko ieśli by się rpta viąć miała y z królem jego mcią wątpliwość czynić abo rostraszać, to niepotrzebnie było by czynić o tem wątpliwość. Jeśli rpta swy czałości, jeśli osoba k. m. swego pańskiego maiestatu, iesli praw y zupełności pact z postronnemi, ieśli prawa wszytkiem pospolite aby w państwe czałe były, ieśli rpta swoich senatorów y posłów zelżonych, poddannych, złupionych, pomordowanych, do więzienia wrzuczonych, ieśli pan sług swych rękodaynych, ieśli kapłanów obelżonych bronić ma y ieśly się o to wystko wymować ma, nakoniec iest wątpicz, ieśli y sumnienia y powinności pańskiego mayestatu sławy odbiegać się godzi — żadny natiey tak gruby y prosty nie było any iest, która by się na tho nie oglądała.

Motiua niektóre, dla których rpta y król jego mć o wybawiu swych tu zatrzymanych słusznie radzić ma[1].

1. Ich mość panowie posłowie ymieniem rptey y króla iego mci osobę iego na sobie ponosąc, od rptey y od króla jego mci (y od króla jego mci)[2] posłany tu przyiachali, zaczym czokolwiek cierpią, to dla rptey y dla króla jego mci y z temi co z niemi przyiachali cierpią, zatem też słusna, aby rpta y król jego mć radzieł o wyswobodzeniu, y póki oni y z niemi y inni wolni nie są, do[3] rpta y król jego m. nievszanowanie z krzywdą wielką cierpi.

2. Jego mość pan woiewoda y z swymi także za pozwoleniem króla jego mci y za radą senatu do contractu małżeńskiego czórki swy z carem jego mcią przystąpił y potem, tę drogę chorym dosić będąc, wieczy dobro pospolite za tym idącze, aniżli własną priuatę vpatruiącz, szczęścia się tego nie hwytaiącz y owszem się go obawiaiącz (w czym się y publice opowiadał), przedsiewziął.

---

[1] Дѣла о Самозванцахъ, № 55.
[2] Повторяется.
[3] to?

3. Jest sprawą[1] ich mci p. posłów z jego mcią panem woiewodą złoncona, gdyż do actu tego, który miał car jego m. z panem woiewodą, to iest na wesele y na coronatią y do zawarcia innych rzeczy ku pożytkowi rptey, ich mość p. posłowie dani byli, aby spólnie pożytku y dobra rpty przestrzegali.

4. O kupce skrzywdzone y zatrzymane każdy monarcha, każda rpta mówi y czyni co może z strony oswobodzenia, strony nagrody. Izali się godzi milczeć, kiedy y kupców tak wiele niektórych, sług króla jego mci rękodaynych y tak wiele ludzi znacznych stanu slacheczkiego, secretarzów, vrzędników, starostów, nakoniec dwóch wielkich senatorów, poszły, ossobę rpty y króla jego mci noszącze, skrzywdzono, zatrzymano? Ieśli nie właśnie rpty o to się viącz należy, thedyć i o crimen laese mayestatis, laese senatoriae dignitatis, wiecz o naruszenie wolności, praw, pakt, przymierza, fidei publicae znidzie sie milczeć. Nigdy corona nie pusczała mimo się wydarcia zamku abo vięcia granic, zaczym nie ma bydź ieden zamieczek droszy nad tak wiele zacznych ossób, które są członkami rzeczypospolity.

5. O krzywdę poddanych kto ma mówić, ieno pan? o poselstwa zgwałczone, senat zelżony, przymierze połomane, ieśli nic[2] rpta? każdego chrześciańskiego człowieka powinność iest ratować tych, którzy są w iakiem niebespieczeństwie zdrowia położeni, abo więczy względem sprawiedliwości należy panu y rpty członki swe poddanych wyratować.

6. Assecuratia albo gleyt tych wszytkich, którzy tu przyiachali, była nie prywatna, ani pokątna, ale jego królewski mci y rpty authoritas patenti — poselstwo publicne, czo wsytko iest pewnym rękoięstwym od rptey y od k. j. m. tym, którzy tam w więzieniu zostali.

7. Jest occasia barzo dobra recuperowania tego wszytkiego, czo od corony odpadło, abo do czego corona sprawiedliwość ma, zaczym y rozszerzenia państwa. Sama vnia stateczna z panem dziedzicznem, a zaz mała rzecz przeciw Tatarom, Turkom y każdemu nieprzyiacielowi.

8. Jako iest stąd wielka nadzieia pożytku rpty, tak też zaniechania tego wielka skoda y vsczerbek. Zać sama sława, która dotąd nienaruszona w narodzie Polskim? Wi wsytek świat o tem, czo się w Krakowie działo, gdyż cudzoziemskich panów posłów pod czas tego actu dosicz było, czo rzeką; ieśly tu żadny przewagi nie będzie, gdzie iest krzywda iawna y wielka, kto sie potem obierze służycz w poselstwach rpty? jaką ważność listy k. j. m. mieć na potem będą?

---

[1] sprawa?
[2] nie?

A te familiae, których tu powinnych pomordowano, złupiono, do więzienia wzięto, w iakim żalu zostać by musiały? I tego sobie nie lekceważycz — desperatia (która do dziwnych rzeczy przywodzi) by kogo, czego Boże vchoway, do czego takiego nie przywiodła, z czego by oyczyzna żałość miała, gdzie by w tem więzieniu zapomnianemu przyszło rzecz: ingratia patria, vale. Jakoż ich nie mało iuż tak panów posłów, iako y nasz odbieżało? Także y to vważyć, że każdy z nas życzy sobie za eliberatią, ztąd powinien bydź raczy oyczyznie, aniżly komu inszemu. Nuż ta zdrada, którą vczyniono pod królem jego mcią, (króla)[1] która z Polszki od duchownych Ruszkich wyszła, y iest wielką przyczyną tego tak znacznego vkrzywdzenia narodu Polskiego od Moskwy? Jeśly nasz król jego m. tu zostawi, nie tak sie zagrzebie, iako się zagrzebie, iako się (czego Boże vchoway) na drugi raz na zgubę rptey zachowa. Niemniey słuszna rzecz, aby sprawiedliwość mieli od k. jego mci y od rpty ze zdradzieczci[2](?), którzy za ich praktycą z nieprzyiacielem corronnym y maiętności y wolności y zdrowie potracili. Przydać sie do tego słusznie ma vsczyrbek obligatiey in foro Dei; sumnienie dobre nie dopuści zamilczeć y krzywdy Boży, którą ma w kapłaniech, y krzywdy rpty, y tak wiela pomordowanych y do wiezienia pobranych.

9. Słusznać y tho, aby car jego m. miał ratunek od sąsiedzkiego państwa przeciw zdraicom, choćby nie dla inszy przyczyny, ieno dla powinności chrześciański. Tym więczy, gdzie się vcieka pod obronę królestwa Polskiego, więc spowinowaceniae pacta confaederatia.

10. Zwyczay y powinność panów chrześciańskich iest ratować teh, którzy oppresie cierpią względem catholiczkiey wiary. Przykładem iest król Hispański, Portugalski. A tu, iako sami zdraycy przyznawaią, y car jego m., y my wszysczy o wiarę katoliczką cierpiemy mimo to, że potwarzy nieznoszne kładą y po państwie swym publicuią na kościół Boży. Jeśly idzie o to, aby nasz k. j. m., gdzie by woyszko nastąpiło Polskie, nie wdał w niebespieczeństwo, tosz będzie, ieśly zaniecha, bo y tu kiedy w turmie abo też inną chaniebną śmiercią marnie dokonać przyszło, a iednak k. j. m. stracił by occasią barzo dobrą promowować dobra pospolite, sławę. A k temu, że oni, maiącz domową woynę, żeby vsli postronniey, rychły by się dali do wszytkiego przywieść, ale nie ynaczy, kiedy by obaczyli woyszko; ynaczy będą zwłaczać, poszły zatrzymywaiącz, obłudą y zdradą zwyczainą robiącz.

---

[1] króla, очевидно, лишнее.
[2] Въ подл.: zdradziecz ci.

11. Słuszna tesz wspomniecz expectatią wszytkiego instantiae oica ś-o dla zatrzymania czałości chrześciaństwa y wiary catoliczki rozszerzenia. To wszytko wskrzesić iest w ręku k. j. m. y rptey, iest occasia wszytkiemu chrześciaństwu y wierze święty, iako zaś zaniechać nie besz wielki zły sławy.

12. Jeśly się tym coniuratom posczęści, a tym samym, że pan prawdziwy od corony pomoczy nie będzie miał, patrząc na to pierwy, iako prawi będziemy Panu Bogu, kościołowi y wszytkiemu chrześciaństwu, a potem też swoim tak odbiezanym.

Druga —, czo za fedęra, pacta będą z tymi ludźmi coronie, którzy iawney zdrady teraz zażyli y zażywaią? Pewną pomoc z nich niec [1] będzie (iako od siebie równych) Carul Sudermański, zwłascza, że y teraz ich pomocą wiódł woyszko, a daleko więczy, gdzie z nimi iaki contract feudy abo vniey, abo donaciey tego, czego sam otrzymać nie może, vczyni. Może barzo zatrudnić k. j. m. Suetią, a potym Inflanty. A o Siewierskiey ziemi ani myślić, y owszem będą chcieli za pierwszą occasią recuperować to, czo woyną sławny pamięci króla Stepchana vtracili, zaczym ieśly się teraz oglądamy na sumpt y impensi na woyszko.

Dlategoż by przyszło, a wtenczas, kiedy Moskwa sama w swym pokoiu będzie y drugich za szobą pragnie, a nadzieia pożytku iakiego nigdy taka nie będzie, iako teraz.

Media do ratowania nas y cara jego mci ludem woiennem [2].

1. Jeśly car jego mść ma sto pieniędzy na lud Polski, tedy nimasz trudności; iego sumptem bądź przy nim, bądź tes w osobności może bydź ratunek. Bespieczniey by podobno beło na nasze strone w osobności. Siła by się tu teraz sprawiło, kiedy woyszka rozegnane.

2. Na accesią znaczną coronie, na recuperatią Siewierskiego państwa, na zabieżenie trudnością wielkim na potym, na wybawienie tak wiela znacznych ossób obywatelów coronnych, na zatrzymanie sławy polszkiey, na zemsczenie tak wielkich krzywd, azaly nie słuszna wszytkim potrosze ważyć, ie(?) namnieysze rzeczy przedtym kost sie ważył.

3. Że car jego mć gdzie do państwa przyidzie, ma s czego nagrodzić zszkodę, którą by na to podięła corona; mogła na to rpta na to pewne zastawić abo na iakie fanty pożyczyć, abo też vżyć o

---

[1] mieć?

[2] Дѣла о Само ванцахъ, № 55.

pomoc oyca ś-o, bądź przesz śrzodek cara jego mci, bądź tesz inszem sposobem mógł car jego mść de facto obligatią coronie vczynić abo też, skoro by do państwa przyszedł, dobra pewne puścić.

4. Ma k. j. m. żuppy, cła, mytha, economiae, iest li y deposit, tym by snadniey ratować, gdzie by była łaszka k. j. m., z opatrzeniem, aby mu sie to wróciło.

5. Ich mciom panom duchownym osobliwie należy dobro kościoła Bożego promowować, o dusz ludzkich pozyszkanie się starać, czego by tu wielika nadzieia była, gdyby Pan Bóg dał cara Dymitra, więc więźniów wybawić, zwłascza którzy względem wiary od zdrayczów y krzywoprzysięzczów oppresią cierpią.

Nie mało iest przykładów ludzi świętych, którzy dla tego nie tylko kielichy (?) łamali, ale sami siebie dla więźniów wybawienia w więzienie wdali.

На особомъ листѣ. Puncta krzywd Polskich od Moskwy ponoszących, osobliwie krzywdy jm. p. wdy Sendomirskiego y curki jego Maryany carowey, iako y samego cara Dmitra zamordowania, na seymie od stanów rzpltey reprezentowane, do traktatu albo do woyny pobudzaiące. № 30-my.

Перемирная грамота.

а) «Королево слово».

Печатается по подлиннику, находящемуся въ Архивѣ въ числѣ трактатовъ съ Польшей за № 53.

Мы, в. г. Жыкгимонтъ Третий, Божью милостью, король Польский, в. к. Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лиѳлянский и иных. Што послали есмо до васъ, Божью милостью, в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р., Владимерского, Московского, Новгородского, Казанского, Астараханского, Псковского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иныхъ, посланниковъ нашых Станислава Витовского, войского Парцевского, и князя Яна з Друцка Соколинского, секретаров и дворан нашыхъ, и повелели есмо им васъ, в. г., поздравяти на вашых господарствах, и мовити вамъ, в. г., о тых делех, о которых вы, в. г., прыказывали к нам, в. г., с посланники своими со князем Грыгорьемъ Костентиновичом Волконским, дворенином и намесником Елятомскимъ, и з дьяком зъ Андреем Ивановымъ, и о задержанье въ Москве пана Юрья Мнишка, воеводы Сенъдомирского з дочкою и з прыятелы его, и инных всих людей нашых, и о инъшые обиды многіе. И тые по-

сланники нашы вышеипомененые пры тых речах говорыли от нас, в. г., вам, в. г., на посольстве и то, што имъ перво с послами нашыми, которые перво того въ ваше государьство от нас прыехали, с паномъ Миколаемъ Олешницкимъ зъ Олешницы, кашталяном Малокгоским, и с паном Александром Корвиномъ-Кгосевским, старостою Велижъскимъ, видетьсе; и вы, в. г., позволил им межъ себе видетсе. И они послы и посланники нашы, видевшысе меж себе, объявили вашым бояром, што по нашому королевскому росказанью прыказано им всимъ чотыром вместе посломъ и посланникомъ, Миколаю, Александру, Станиславу и князю Яну, о всяких делех мовити и становити межь нами, в. г. Жыкгимонтом, королем Польским и в. к. Литовским, а межы вами, в. г. и в. к. Васильем Ивановичем в. Р., и межы нашыхъ великих господарствъ, и грамоту нашу верущую к вамъ, в. г., объявили на себе на всих чотырохъ. И вы, в. г., позволившы послом нашым Миколаю и Александру перед собою быти и за отъданьем вам от нихъ особливого листу нашого верущого, велели есте их всих чотырох до отправованья речей, им поручоных, в одно местцо злучыть. И они вси чотыры вышеипомененые особы послы и посланники нашы Миколай Олешницкий, кашталян Малокгоский, Александр Кгосевский, староста Велижский, Станислав Витовский, войский Парцевской, и князь Ян Соколинский, секретаре и дворане нашы, бывшы перед вами, в. г., потом говорыли з бояры вашыми в ответе о выпускѣ всих людей нашых, в Москве задержаных, такъже о справедливости за побитье и кровопролитье многое людей нашых, в Москве з вашое стороны учыненое, и о нагороду за побранье маетностей, и о заплату за дорогие речы и товары, у розных людей поторгованые и до скарбу московского побраные, и о иншые многие крывды и шкоды над перемирье и крестное целованье, межы нами, в. г., и межы предком вашым, в. г. и в. к. Борысом Ѳеодоровичом в. Р. через послов нашых ясневельможного пана Льва Ивановича Сапегу, канцлера великого князьства Литовского, и товарышов его застановленое и утверженое з вашое стороны, почыненые. А бояре вашы думные говорыли з нашыми послы и посланники, будто кривды и кроворозлитье и убытки многие почынилисе вашым великим господарством з нашое стороны в перемирные лета через крестное целованье, будто многая кровь пролиласе въ вашом господаръстве от нашых людей, от воеводы Сенъдомирского и от иншых Польских и Литовских людей, и якобы убытки вашой господарьской казне и вашым ратным и земским людем, и инные многие обиды будто почынилися, и штобъ нам, в. г., и нашым господарьством в том всем росправу

учынить, и казну бъ вашу господарскую и убытки поплатить, и такие б дела на всякое добро прывести, а тое прежнее перемирье для покою крестьянского крестным целованьем потвердить. А послы и посланныки нашы мовили, што того перемирья прежнего, межы нами, в. г., и межы в. г. и в. к. Борысом Ѳедоровичом в. Р. и межы нашыми господарствы учыненого, потвержати имъ не велено. А с обеюх сторон послы и посланники нашы и бояре вашы того прежнего перемирья не портечы, а ни утвержаючы, отложыли то вперодъ на нашы господарские зсылки послы нашыми. И мы, в. г. Жыкгимонт Третий, Божью милостью, король Польский и в. к. Литовский, з вами, Божью милостью, в. г. и в. к. Васильем Ивановичом в. Р., и господарьства нашы коруна Польская и великое князьство Литовское зъ господарьствы вашыми взяли перемирья на 3 годы и на 11 месецей, почавшы в року теперешнем от Рожества Исус Христа Господа и Спаса нашого 1608-го от дня 30-го месяца июля водлугъ рымского календара, а водлугъ греческого календара от дня 20-го тогожь месяца июля, ажъ до року 1612-го месеца июня 30-го дня водлугъ рымского календара, а водлугъ греческого календара до дня 20-го тогожь месяца июня, на том, што в тые перемирные лета о прежнем перемирью, которое межы нами Жыкгимонтом Третим, королем Польским и в. к. Литовским, и межы предком вашым г. и в. к. Борысом Ѳедоровичом в. Р., и межы панствы нашыми учынено, есмі его вперод укреплять, и держать, и о вечном докончанью, и о всяких добрыхъ делехъ намъ, в. г., на обе стороне слать свои великие послы, делать, и становить. А в тые перемирные лета межы нас, в. г. Жыкгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и в. к. Литовского, а межы вас, Божью милостью, в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р. и промежь великих господарьствъ нашых рати и войне не быти, ни чым нам, в. г. Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и великому князю Литовскому, вашых, Божью милостью, в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р., земель не воевати, и не зачепляти, Московское земли всее, и Новагорода великого, и Новгородских прыгородов Иванягорода, Ямы, Копорьи, Корелы, и всих прыгородов Новгородскихъ, и волостей, и Новгородское земли всее, города Пскова и Псковских городов Опочки, Красного, Острова, Велии, Вороноча, Изборска, Гдова, Кобылья, Врева, Выборы, Дубъкова, Вышегорода, Володимерца; города Себежа, и волостей Себежских, и волостей Псковеких, и Псковское земли всее; города Тверы и Тверское земли всее; города Переславля Резанского, и Резанское земли всее; города Пронска, и Пронское

земли всее, такъ тежь и города Рыльска з волостьми; города Путивля з волостьми, города Новгородка Северского з волостьми, города Радогоща з волостьми, города Чернигова з волостьми, города Стародуба з волостьми, города Почепа з волостьми, города Поповы Горы з волостьми, и волостей Залесья, Бабичь, Светиловичь, Голодна, Скарбовичь, Лапичь, города Карачева з волостьми, и волостей Хотимля, Сновска, Хоробора, Мглина, Дрокова, города Трубческа з волостьми, города Масальска з волостьми, города Серпейска з волостьми, и волостей Замошья, Тухачева, Дегны, Ѳоминичь, Погостищъ, Мощыны, Демены, Городечны, Ужепереты, Снопота, Ковыльни, Шуи, Лазарева Городища, Ближевичь, Лубуни, Даниловичь; города Брянска з волостьми, и волостей Соловьевичь, Прыкладней, Пацыни, Ѳедоровского, Осовика, Копыничь, Сухора, Всеславля, Вороцына, Жерыни; города Рославля з волостьми. А рубежь городу Рославлю зо Мстиславлем промеж Словнева да Шыпнева къ Гневкову Доброю речькою на Водоносъ, а от Водоноса Доброю жь речькою въ Острь, через Великий боръ в реку Шумячу къ Стрекуле к рубежу Крычевскому, а от Крычева городу Рославлю рубежъ река Шумяча, а Шумячою в реку Немелицу, а из Немелицы старым рубежом къ Заборью въ Ипут реку, да вниз Ипутьею къ Хмелю. Города Смоленска с путьми и з волостьми, што к нему тягнет, и волостей Еловца, Болваниц, Лазаревщыны, Пустоселья, Романовского, Копотковичь, Молохвы всее, што к ней потягло, и Петровского державья Кутева, и Зверовичь, Дубровенского пути, Катыни, Каспли, Поречья, Руды, Щучьи. А рубежь Смоленску и волостям Смоленским з Дубровною, и з Романовым, и з Горами, и зо Мстиславлемъ: от Днепра нижеи города Смоленска рекою Мереею уверхъ межь Пречыстое Взруба и Зверовичь въ Ивату реку, а из Иваты реки на Еленский рубежь да в Городню, а Городнею въ Вехру в Чорный мох, а из Вехры в Прудельно, а из Прудельна в Железницу, а Железницою под Дуденки у Вехру, а из Вехры в Лютую воду, а з Лютое воды въ Выпино, а з Выпина в Сожь, а Сожомъ на низ в Березыню, а Березынею уверхъ сухомъ промеж сел Почына и Гладкович по холмом, а оттуль в Полневу. А за рекою за Днепром рубеж Смоленску вниз по Днепру реце нижеи Клементея светого 5 верстъ. Города Мценска з волостьми, и городища Дмитровца, и новых городовъ: города Ливен, города Воронежа, города Мещеска з волостьми, города Опакова з волостьми, и волостей Залидова, Недоходова, Бышковичь, Лычына, города Вязмы, и волостей Вяземских всих, што к Вязме потягло, города Дорогобужа, и волостей Доро-

гобужъских всих, што к нему потягло изстары, города Белое з волостьми, и Верховья, и Болшева, и Шоптова, и Монивидовы слободы; города Лукъ Великих и волостей Луцкихъ — Долысы, Березоя, Усвея, Ловъца, Весны, Болога; города Холму, и волостей Холмских, Велилы и Лопастицы, и Буйца; города Заволочья, тожь и Ржовы Пустое, и Ржевских волостей; города Невля, города Торопъца, и всих Торопецкихъ волостей Данковы, Любуты, Дубна, Рожна, Туры, Биберевы, Старцовы, Нижельское, Плавецкое, Жыжецкое, Велижы, Озерецкое, Казарыновское. А рубежомъ быти всех городов по старым рубежем, а Торопцу и всим Торопецкимъ волостям, и Новгородскимъ землям и волостям, городу Лукамъ Великим, и городу Невлю, што у Пуповичах, и городу Ржеве, и городу Острею, и городу Заволочью, и волостям Долысе, Березаю, и городу Усвею, Ловцу, Весне, Бологу, и городу Холму, и Холмским волостям Велиле, и Лопастицом, и Буйцу, и иным волостям всее земли Новгородское з нашою землею з Литовскою, и с Полочаны и з Видбляны, земли и воде рубеж по старым рубежам. И намъ, в. г. Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и в. к. Литовскому, в тые вашы, Божью милостью, в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р. в городы, и в земли, и угодья не вступатися, и не воевати, и ничым не зачепляти, городов и земли не заседати, и новыхъ городовъ не ставити до того перемирного року. Такъ же и вамъ, Божью милостью, в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р., и господарством вашым в тые перемирные лета нашых в. г. Жыкгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и в. к. Литовского, господарствъ коруны Польское и великого князьства Литовского земель не воевати, и не зачепляти ничым: — города Киева з волостьми, города Канева з волостьми, города Черкас з волостьми, города Жытомира з волостьми, города Овруча з волостьми, города Любеча з волостьми, города Гомъля з волостьми, и селъ Уварович, Телешевич, Теренич, Кошелева лесу, Морозович, Липинич, Полешан, города Турова з волостьми, города Мозыра з волостьми, и волостей Бчыча, Брагиня, Речыцы, Горволя, Стрешына, Чечерска, Пропойска, Могилева, города Мстиславля з волостьми и волостей Хотьславичъ, города Крычева з волостьми, города Дубровны з волостьми, и волостей Гор, и Романова, города Оршы з волостьми, и волостей Любавич, и Микулина; города Витебска, и волостей Бруя, Дречьих Лукъ, города Суража, и Суражских волостей, города Усвята, города Озерыщъ, города Велижа. А земля Велижу по старым рубежом, какъ было Витебской земли с Торопецкою землею: Витебская земля з городом

Велижом къ Витебъску, а Торопецкая к Торопъцу. Города Полоцка с прыгороды и з волостьми, города Копья, города Красного, города Улы, города Туровли, города Дрысы, города Копъца, тожъ и Дисна, города Козьянъ, города Ситъна, города Нещерды, города Сокола, да Полоцкого жь повету города Лукомля з волостьми, города Бельмаков з волостьми, города Ушачы, города Лебедка, да Полоцкихъ волостей Мошниковъ, Непоротович, Вербиловы слободы, Кубъка, Вязна, Клина, Замошья, Истца, Неведрея, городища Кречета, што на озере на Отулове на Кугони, з волостьми, города Друи з волостьми, города Икажна з волостьми. Тежъ вамъ, Божью милостью, в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. не воевати и не зачепляти ничым в тые перемирные лета Курлянъдское земли всее, и городов в земли Лиѳлянской города Рыги большое, города Рыги малое, города Доленя, города Коркельма, города Куконоса, города Скровного, города Леноварта, города Кружборха, города Ишкеля, Радопожа, города Дынамента, города Инея, и трех городовъ Кремона, тожъ и Турайна, Тредена, Зеикгвольта; города Сонъцеля, города Нитавы, города Юрензборха, города Нарбея, города Розембека, города Розена, города Лемзеля, города Муяна, города Летепера, города Кеси, города Ѳеля, города Невгина, города Пибольды, города Шкуйна, города Зербеня, города Смилтына, города Борзуна, города Чествина, города Треиката, города Ровного, городища Лавдуну, городища Гольбина, города Резицы, города Лужы, города Влеха, города Володимерца, города Илисеня, города Плетемберха, города Алыста, города Векера, города Векеля, города Новгородка Ливонского, города Керепети, города Кговъи, Курслова, города Юрьева, Мукова, Ранъдега, Рынголя, Конгота, Кавлетя, Ляюся, Борхольма, Полчева, Пальды, Вильяна, Тарвая, Пернава старого, Пернава нового. А рубежом быти всих тых городов по старым рубежом. И вамъ, Божью милостью, в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р., и вашым господарьством в тые нашы в. г. Жыкгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и в. к. Литовского, в городы и в земли, и в угоды потомужь не вступоватисе, и не воевати, и ничым не зачепляти, и новых городов не ставити до того перемирного року. А о рубежах, и о спорныхъ землях, и о обидных делех во всих местцахъ слати нам, в. г., межы себе на обе стороне судей с обеюх сторон поровну по 4 чоловеки, а при них всих 4-х 50 человѣка; и выслати тых судей на рубеж в два места межы Чернигова и Остра, да межы Торопца и Велижа в 4-ом году перемирных летъ, час первей через засланье межы собою намовивши. А тым судьям зъехавшисе, зы-

скавши старожыльцовъ, вправду с обеюх сторонъ учынити рубеж Витебской земли и городу Велижу с Торопецкою землею, как было изстары Витебской земли с Торопецкою землею по старым рубежом, а межы Усвята и Усвяцкого уезда, и Суража и Суражского уезда, Озерыщъ и Озерыского уѣзда з Луцкимъ уездом, и с Невельским, и з Бельским уездом, и в Черниговском, и в Путивльском уезде, и в Новгородском, и во Псковском уезде в рубежах и въ обидах росправу учынити. Такъже и по инишим по всим местам, где будет спор и обиды, с обеих сторон выславши ис пограничных городов судей, и зыскавъ вправду с обеюх сторонъ, по всим тым местам учинити рубеж во всемъ, як было изстары, по всим местом по старым рубежом, и въ обидных во всяких делех росправу учынити вправду. А войне в тые перемирные 3 годы и 11 месецей на обе стороне не быти, и войны не въщынати, и ничым не зачепляти, з обу двух сторонъ местъ нигде не поседати, и городов новых не ставити, и в земли и во всякие угодья тых городов и волостей до того перемирного року не вступоватисе. А в которых местех судьи с обе стороны в рубежах меж не учинят, и нам, обослався посланниками или гонцы, межы себе сослать других судей панов-рад, и думных людей, и о тых о спорных землях по зыску рубеж учынить, и тое дело в рубежах довершыть; а тыми делы перемирья не нарушить и не розрывать. А хто нам, в. г. Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и в. к. Литовскому, и господарьством нашым коруне Польской и великому князьству Литовскому, и всим землям, которые до коруны Польское и великого князьства Литовского належат, будет недруг, и вам, Божью милостью, в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р., и господарьством вашым против нас, в. г. Жыкгимонта Третего, короля Польского и в. к. Литовского, и нашых господарствъ коруны Польское и великого князьства Литовского всякому нашому недругу в тые перемирные лета людьми и казною не вспомогать по сей нашой перемирной грамоте. Такъже и вам, Божью милостью, в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р., и вашым господарьством и всим землям, которые къ господарьству вашому належат, хто недруг будет, и нам, в. г. Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и в. к. Литовскому и великим господарьством нашым коруне Польской и великому князьству Литовскому изо всих земль, которые до коруны Польское и великого князьства Литовского належать, против вас Божью милостью, в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р., и против господарствъ вашых всякому вашому недругу людьми и казною не

помагать в тые перемирные лета по сей перемирной грамоте. А кого к нам вы, в. г., Божью милостью, и в. к. Василей Ивановичь в. Р. пошлешь своих великих послов, послаников, или гонцов в тые перемирные лета о всяких добрых делех, и тым вашым послом, посланником, и гонцомъ прыехать к нам и от нас отьехать добровольно без всякое зачепки и задержанья. Такъже кого мы, в. г., король и в. к. Жыкгимонт Третей пошлем к тобе, Божью милостью, в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. своих великих послов, посланников, или гонцовъ во всяких добрых делех, и нашым великим послом, посланником, или гонцомъ к вам добровольно прыехать и отьехать без всякое зачепъки и задержанья.—А купцом вашым зо всих вашых земль во вси нашы земли прыехать со всяким товаром, и торговать на всякий товар, и прыехать и отьехать добровольно без всяких зачепок; а нашым купцом изо всих нашых земль во вси вашы земли прыехать зо всяким товаром, и торговать потомужъ на всякий товар, а прыехать и отьехать им добровольне без всякое зачепки и обиды. Такъже которые вашы послы, посланники, и гонцы, або гости, где кольвекъ пойдуть от вас или к вам через нашы земли зъ яким кольвекъ товаром, и нам у тых вашых послов, посланников, или гонцовъ, и у гостей товаров не отыймати, а пропущать нам послов и гостей к вам со всяким товаром через свои земли без всяких зачепок; такъже нашы послы, и посланники, или гонцы и гости, куды кольвекъ пойдуть от нас, альбо к намъ, через вашы земли зъ яким кольвекъ товаром, и вам у них товаров не отыймати, а пропущати вам ихъ к нам со всяким товаромъ через свои земли безо всяких зачепок. А которые послы, и посланники, или гонцы от иншых государей от кого кольвекъ пойдуть к нам через ваши земли, и гости з ними, або опрыче послов гости пойдуть к нам через вашы земли зъ яким кольвекъ товаром,—и вам у тых послов и гостей товаров не отыймати, а пропущать к нам тых пословъ и гостей со всяким товаром через свои земли без всяких зачепок. А в тые перемирные лета учинитьлисе якая обида межы наших князей, воевод, старостъ и намесниковъ и всяких людей в землях и в водах и в иншых всяких обидных делех, и нашы князи, и воеводы, старосты, и наместъники, и волостели украинные, сославшысе, тым обидным делом всякимъ управу учынят на обе стороны; а въ яких обидных делах князи, и воеводы, старосты, и намесники, и волостели не учинят управы, и нам о том сослать судей, и они зъехавшысе да тым обидным делом всим управу учынят на обе стороне без хитрости. А татя, беглеца, холопа, робу, должника по украиномъ

по исправе выдати; а даное, заемное, положоное, поручное отдати. А отойдут по сим перемирнымъ грамотам межы насъ урочные лета, и розмирье межы нас учынится, а в ту пору которое вашое земли послы, посланники, или гонцы, и купцы прылучатсе в нашых землях, и нам их не порубати, и жывотов их не отыймати, а пустити нам их всих добровольно со всими их жывотами; а которые нашы послы, и посланники, или гонцы, и купцы прилучатъсе в ту пору въ вашых землях, и вам их также не порубати, и не имати, и жывотов у них не отыймати, а отпустити их всих добровольно зо всими их жывоты. А которые люди нашы пан Юрьи Мнишок воевода Сендомирский з дочькою, и з сыном, и з многими иншыми прыятелы, и иншые люди нашы Польские и Литовские, у вашом господарьстве Московском в той справе задержаны, и вам, в. г., тых всих людей нашых от большого до наменьшого человѣка мужское и женское плоти, никого не задержываючи, всих зъ их жывотами, которые при нихъ суть, выпустить з господарьства своего до дня 8-го месяца октебра в року теперешнем 1608-м водлугъ рымского календару, а водлугъ греческого календару месеца сентебра 28-го дня, до границ панствъ нашых, даючы кормъ и подводы, учстиве отпровадить и выпустить. Такъже и нам, в. г. Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и в. к. Литовскому, вашыхъ в. г., Божью милостью, и в. к. Василья Ивановича в. Р. людей всихъ, если суть которые в нашых господарьствах задержаны, з нашых господарствъ со всими их людьми и маетностями выпустить без всякого задержанья, и до рубежа провадить. А иные вси дела на обе стороне, о которые намавляли послы и посланники нашы з вашыми боярми, и што намавляли вашы бояре з нашыми послы и посланники, а конец имъ еще не сталъсе, учынить намросправу на обе стороне по докговорныхъ записех послов и посланников нашых, и бояр вашых. А што люди нашы князь Роман Ружынский да князь Адам Вишневецкий зъ иншыми людьми нашыми Польскими и Литовскими, без повеленья и ведомости нашое вшодшы в господарьство вашо и злучывшысе з людьми народу Московского, которых вы зменниками своими быти менуете и которые мають у себе чоловека, который называетсе господарьским сыном, а вы, в. г., и господарьства вашы называют его вором, и они воюють панство вашо, и нам, в. г. Жыкгимонту королю и нашым господарьством тых людей нашых князя Ружынского, и князя Вишневецкого, и иншых всих Польских и Литовскихъ людей з вашое земли вывести вборзде. А если которые инъшые нашых господарьствъ люди пошли въ вашы

господарьства военным обычаем, альбо которые потом будуть хотеть ити, и нам в. г. Жыкгимонту королю, и господарьством нашымъ тых всих людей з вашых господарьствъ вернути тотчас, и потом в перемирные лета жадного чоловека з своих господарствъ въ вашы господарьства военным обычаем никоторым умышленьем не пропущать. А который чоловек называетсе теперь князем Дмитром Ивановичом, а водят его з собою нашы люди и вашы люди Московские, а вы, в. г., и вашы господарьства того чоловека называете вором, а людей тых Московских именуете зменниками своими, или хто бы з людей яких кольвек в нашых альбо въ вашых господарьствах, умысливши злым обычаем, будут вперод называтьсе великих Московских господарей детьми, или братьею, альбо иншую якую злость будуть замышлять нашы альбо вашы люди, и нам, в. г. Жыкгимонту королю, и нашым великим господарьством коруне Польской и великому князьству Литовскому тому чоловеку и иным таковым людем и всяким зменником не верыть и за них се не вступовать, а людьми, скарбами и иншым жадным вспоможеньем не вспомогати, и оных з своих господарьствъ въ вашы господаръства за рубеж воинъским обычаем не пропущать жадного чоловека. И воеводе Сенъдомирскому пану Юрью Мнишку и его прыятеломъ тому чоловеку, который теперь пры князю Ружынском и пры князю Вишневецкомъ естъ, и никому иншому, хто бы се теперь и потом называл князем Дмитром Ивановичом Углецкимъ, и иншым всим, которые бы се называли господарскими сыньми, и вашому кождому зменнику людьми, скарбами и з ыншое кождое меры ничымъ не помогать, и до них не прыставать, и ничого злого на вас, в. г., и на вашы господарьства не замышлять. Такъ тежъ томужъ пану воеводе Сенъдомирскому и его прыятелом того чоловека, который теперь пры нашых людях пры князех Ружынском и Вишневецкомъ есть и называетсе князем Дмитром Ивановичом в убитого место, который был на Московском господарьстве, зятем собе не называть, и дочки своее Марыны за него не давать, и иншым всяким таким, нине и вперод, ни в чом не верыть, и дочьки своее Марыны господарским именем господарынею Московскою не называть. А вам, в. г., нашым всяким зменником, естьли бы се потом зъ якое кольвек меры хто быть показал, таково жъ ни в чом не верыть и помочы никоторою мерою и вымысломъ не чынить. — А на том на всем, што в сей перемирной кграмоте написано, мы, в. г., Жыкгимонт Третий, Божью милостью, король Польский и в. к. Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лиѳлянский и иных, целовали есмо крестъ к вам, Божью

милостью, в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р., Владимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ, на том, што нам и панъством нашым по сей перемирной кграмоте до тых урочных 3-х лет и 11 месецей тот мир держати крепъко потому, якъ в сей перемирной кграмоте написано.

На сей перемирной кграмоте мы, в. г. Жыкгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и в. к. Литовского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазовецкого, Ливлянского и иных, послы и посланники я, Миколай Олешницкий зъ Олешницы, кашталян Малокгоский, — я, Александер Корвинъ-Кгосевский, староста Велижский, я, Станислав Витовский, войский Парцевский, — и я, князь Ян з Друцка Соколинский, секретары и дворане его королевское милости, царовали есмо крестъ и печати свои к сей перемирной кграмоте прывесили на том, што господару нашому Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и в. к. Литовскому, з в. г. Васильемъ Ивановичомъ, Божью милостью, господарем в. Р., и в. к. Владимерскимъ, Московским, Новгородским, Казанским, Астараханским, Псковским, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермским, Вятским, Болгарским и иныхъ, тое перемирье до урочных лет держати крепъко во всемъ потому, якъ в сей перемирной грамоте писано. А як будуть у в. г. нашого Жыкгимонта Третего, Божью милостью, короля Польского и в. к. Литовского, в. г. Василья Ивановича, Божью милостью, господара в. Р. и в. к., великие послы, и в. г. нашому Жыкгимонту Третему, Божью милостью, королю Польскому и в. к. Литовскому, с тое кграмоты, у которое мы печати свои прывесили и хрестъ на ней целовали, велеть написать свою кграмоту слово в слово, и печать свою господару нашому к той кграмоте прывесить, и крестъ на той кграмоте целовать перед в. г. Василья Ивановича, Божью милостью, господара в. Р. и в. к. послы, и тая кграмота в. г. нашому Жыкгимонту, королю Польскому и в. к. Литовскому дати, Божью милостью, в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р. послом, и послов его отпустить к нему без задержанья. — Писан на Москве лета от нароженья Исус Христа Господа и Спаса Нашого 1608-го месеца июля.

Къ грамотѣ, писанной на пергаминѣ, привѣшены на зеленыхъ шнурахъ четыре хорошо сохранившіяся посольскія печати краснаго воска въ деревянныхъ влагалищахъ.

б) «Царя и великаго князя слово».

Печатается по списку, находящемуся среди Польскихъ дѣлъ 1608 г., д. № 4. Въ книгѣ № 9 Литовской Метрики находятся: 1) польскій переводъ этого письма, лл. 138 — 146, и 2) на лл. 1 — 14 списокъ на русскомъ языкѣ, не вполнѣ точный, замѣняющій великорусскія слова западно-русскими. Чтобы дать понятіе о характерѣ этой разницы списковъ далѣе на стрр. 710—711 отмѣчаются разночтенія на протяженіи этихъ $1^1/_2$ страницъ; въ этомъ духѣ сдѣлана замѣна и во всей грамотѣ. Изъ книги Литовской Метрики заимствуется и недостающее въ Польскомъ дѣлѣ 1608 г.: начало грамоты и въ срединѣ ея одно мѣсто (см. стр. 712).

[*л. 1)* Божью милостью мы, великий господаръ царъ и великий князь Василей Ивановичъ, всея Руси самодеръжецъ, Владымерский, Московъский, Новъго(ро)дский, цар Казанъский, цар Астороханъский, господаръ Псковъский, великий князь Смоленъский, Тверъский, Югорский, Пермъский, Вятъский, Болъгарский и инъныхъ, господаръ[1] и великий князь Новъгорода Низовъское земли, Черниговъский, Резанъский, Ростовъский, Ярославъский, Белоозѣрский, Удоръский, Объдорский, Конъдынъский, и всее Сибирное земли и Северское стороны велкорадца, и господаръ Иверское[2] земли Грузинъскихъ царов, Кабардынское земли Черкаскихъ и Горъскихъ князіовъ и инъныхъ многихъ господарствъ господар *(л — об.)* и овладатель. Што прысылалъ до нас, до великого госъподара, вы, великий господаръ Жикгмонтъ Третий, Божью милостью, король Польский и великий князь Лит(овский), Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий и инъныхъ, посланниковъ своихъ Станислава Витовъского, войского Паръцевского, князя Яна з Друцъка Соколинъского, секретаровъ и дворанъ своихъ позъдоровять нас, в. г., на нашыхъ великихъ господаръствахъ и о тыхъ речахъ мовить, о которыхъ речахъ мы, в. г., прыказывали к вамъ, Жикгмунъту королю, с посланъники нашыми з дворяниномъ и наместникомъ Елятомъским с княземъ Грегорьемъ Конъстантыновичомъ Волконъскимъ, да з дзякомъ Анъдреемъ Ивановымъ, што учынилосе нашымъ великимъ господарствомъ з вашое стороны в перемирные лета мимо прысегу и о выпущенъе з нашого господарства воеводы Сенъдомиръского Юрего Мнишка з сыномъ и з дочъкою и с прыятелы его, и инъныхъ всихъ людей вашыхъ, и о инъныхъ крывъдахъ. И тые посланники вашы Станиславъ и князь Янъ мовили намъ, в. г., од вас на посольстве и вы хочете з нашыми бояры, чтобъ мы, в. г.,

[1] *Написано*: господарствъ.
[2] *Написано*: Сиверское.

позволили имъ видет] с прежними[1] послы вашими с Миколаем Олешнитцким с Олешницы, каштеляном Малогоским, да с Олександром Корвином-Кгосевским, старостою Велижским, которые преже[2] того приѣхали в наше Московское государство[3]. И мы, в. г., поволили имъ меж себя[4] видетися. И послы и посланники ваши, видевся меж себя, объявили нашим бояром, что по вашему королевскому повелѣнью[5] приказано им всѣм четырем вмѣсте[6], послом и посланником Миколаю, Олександру, Станиславу, князю Яну, о всяких дѣлех[7] говорити и становити меж нас, в. г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р., и меж вас, в. г. Жигимонта, короля Полскаго и в. к. Литовского, и меж нашихъ великихъ государствъ, и грамоту вашу вѣрющую к нам, в. г., объявили[8] на себя на всѣх на четырех. И мы, в. г., послом вашимъ, Миколаю і Олександру, велѣли[9] быти у нас на посолстве и, выслушав ваше вѣрущие грамоты на пословъ и на посланников и их посольства, велѣли[10] бояром нашимъ с послы вашими с Миколаем Олешнитцким, каштеляном Малогоским, да с Олександром Гасевским, старостою Вел(ижскимъ), и с посланники вашими с Станиславом Витовским да со князем Яном Соколинским о тѣх о всѣх дѣлех[11] говорити, которые учинилися нашимъ великим государствам с вашу сторону, в перемирные лѣта[12] через крестное целованье многая кровь пролилась в нащем государстве от вашихъ людей, от воеводы Сендомирского и от иных Полских и Литовских людей, и многие[13] убытки нашей царской казнѣ и нашимъ и земским людем и иные многие[14] обиды починились, и чтоб вам, в. г., и вашим государствам в том во всем исправленье[15] учинити, и нашу царскую[16] казну и убытки поплатити, и такие б дела[17] на всякое добро привести; а о прежнем[18] перемирье,

---

[1] Першыми.
[2] Перед тымъ прыежали.
[3] Панъство.
[4] *Вст*: с першыми.
[5] Розказанъю.
[6] Посполу.
[7] Речахъ мовить и.
[8] Собе вси чотыры.
[9] Казали.
[10] Росказали.
[11] Речахъ мовить.
[12] Мимо прысегу великое кровипрелитье в.
[13] Великие шкоды нашого царского скарбу и нашымъ рыцеръскимъ и шляхецъкого роду людем.
[14] Великие крывъды почынили.
[15] Справедливостъ учынить.
[16] Царский скарбъ и крывды поплатить.
[17] Речы до всего доброго.
[18] Перъшомъ.

которое учинили ваши великие послы канцлѣр великого княжества Литовского Лев Ивановичь Сопѣга с товарыщи меж в. г. ц. и в. к. Бориса Өедоровича, в. Р., и вас Жигимонта короля и меж нашими великими государствы велѣли[1] есмя бояром нашимъ с послы и посланники вашими говорити, чтоб то прежнее[2] перемирье для покою хрестьянского подкрепити[3]. А послы ваши и посланники с нашими бояры говорили[4], чтоб мы, в. г., людей вашихъ воеводу Сендомирского и его приятелей и всѣх Полских и Литовских людей, которые при них, из нашего государства велѣли[5] выпустити. Да послы же ваши и посланники говорили[4] о справедливости людей вашихъ, которых сказывали[6] будто побиты на Москвѣ, и о нагороде их животов[7], которые будто в ту поры от них пограблены, и о заплате товаров розных людей поторгованые, которые будто до казны Московские побраные, и о иных обидах, которые будто починились над перемирье и крестное целованье. А о прежнемъ перемирье, которое учинено меж в. г. ц. и в. к. Бориса Өедоровича, в. Р., и меж вас в. г. Жигимонта короля и меж нашими государствы, сказали послы и посланники ваши, что подтвержати им не велено; а с обѣюх сторон бояре наши и послы и посланники ваши, того прежнего перемирья не нарушиваючи, ни утвержаючи, отложили то вперед на наши государские ссылки послы нашими. И мы, в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., и многих государствъ государь и облаадатель, с вами, в. г. Жигимонтом, Божиею милостию, королем Полским и в. к. Литовскимъ, и великие нашие государства с коруною Полскою и великим княжьством Литовским взяли перемирье на 3 годы и на 11 мѣсяцъ з 20-го числа июля нынешнего 116-го году да июня по 20-е число 120-го году на том, что в тѣ перемирные лѣта о прежнем перемирье, которое учинено меж в. г. ц. и в. к. Бориса Федоровича, в. Р., и меж вас, в. г. Жигимонта короля, и меж наших великих государствъ Росийского царствия и коруны Полские и великого княжьства Литовского, о подкрепленье і о вѣчном докончанье и о всяких добрых дѣлех нам, в. г., слати на обе стороны своих великих послов дѣлати и становити. А рати[8] и войнѣ в тѣ перемирные лѣта меж нас, в. г.,

[1] Росказали есмы.
[2] Першое.
[3] Подтвердить.
[4] Мовили.
[5] Росказали.
[6] Поведали ръкомо побытые.
[7] Маетъностей.
[8] Людей рыцерскихъ и войны.

Божиею милостию, ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., и вас, в. г. Жигимонта, Божиею милостию, короля Полскаго и в. к. Литовского и меж наших великих государствъ и меж коруны Полские і великого княжьства Литовскаго не быти, и ничѣм нам, в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., ваших в. г. Жигимонта короля Полского и в. к. Литовского земель не воевати і не зацепляти: города[1] Киева с волостми, города Канева с волостми, города Черкасъ с волостми, города Житомиря с волостми, города Вручья с волостми, города Любеча с волостми, города Гоям (Гомля), с волостми, и сел Уварович, Телешович, Теренич, Кошелева лѣсу, Морозович, Липинич, Полѣшан, города Турова с волостми, города Мозыря[2] с волостми, и волостей Отчича (Птыча), Брагина, Речицы, Горволя, Стрѣшина, Чичерска, Пропойска, Могилева, города Мстиславля с волостми, и волостей Хутславичь, города Кричева с волостми, города Дубровны с волостми, и волостей Гор и Романова, города Орши с волостми, [и волостей Любавичъ[3], Микулина, замъку Витебска, и волостей Бруса, Дречыхъ Лукъ, замъку Сурожа и Сурожъскихъ волостей, замъку Усвята, замъку Озерыщъ, замъку Велижа. И земля Велижъская по старымъ границамъ, яко было въ Витебъской земли с Торопецкою[4] землею: Витебъская земля з замъкомъ Велижомъ к Витебъску, а Торопецъкая к Торопъцу. Замъку Полоцъка с прыгороды и з волостьми, замъку (Копья), замъку Красного, замъку Улы, замъку Туровля, замъку Дрысы, замъку Копца, тожы Дысна, замъку Козяна, замъку Ситъна, замку Нещеры, замъку Сокола, до Полоцъкого повету: замъку Лукомля з волостъми, замъку Белмаковъ, замъку Ушачы, замъку Лебедка, до Полоцъкихъ волостей: Мошниковъ, Непороговичъ, Вербилова слобода, Кубъка, Вязна, Илипа(Клина?), Замощея, Истца, Неведрея, городища Кречата, што на озере над Улою[5] на Кугони, з волостъми, замъку Друи з волостми, замъку Иказни з волостъми. Такъже намней, в. г., Божъею милостью, ц. и в. к. Василю Ивановичу, в. Р. с., не воеват а ни зачабат ничымъ в тые перемирные лета Курлянъдъской земли всее и замъковъ в земли Инъѳлянътъской: замъку Рыги большое, замъку Рыги мънейшое, замъку Доленя], города Керколма, города Куконоса, города Скровна, города Ненерва (Ленъварда), да города Кросборха, города Икпселя (Ишкеля), города Радапожа, города Дынемента, города Инеса, трех градов Кремона, тож

[1] Города альбо замъку.
[2] *Написано:* Морызя.
[3] *Пропускъ этотъ см. выше въ «королевѣ словѣ», стр. 702—703.*
[4] *Написано:* Торопехою.
[5] *Въ «королевѣ словѣ:»* на Отулове.

и Турайна, Трейденя, Зеиволда, города Сонцела, города Нитова, города Юренцъборха, города Нарчѣя (Найусъ), города Розенбека, города Розеня, города Лемзеля, города Мояна, города Летеперя, города Кеси, города Ерли, города Невгина, города Пиболды, города Шкуйна, города Зербеня, города Смилтина, города Борзуна, города Чествина, города Трейката, города Ровного, городища Левдуна, городища Голбина, города Резицы, города Лужи, города Влеха, города Володимерца, города Илисеня, города Плетенберха, города Алыста, города Векеря, города Векеля, города Новагородка Ливонского, города Керепѐти, города Говьи, Курслова, города Юрьева, Мукова, Рандега, Рынголя, Конгота, Кавлетя, Лаюса, Борхолма, Полчева, Пайды, Вильяна, Тарваса, Пернова старово, Пернова нового. А рубежем быти всѣх тѣх городов по старым рубежем. И в тѣ городы и в земли не вступатися и не воевати, и городов не заседати, и новых городов не ставити до того перемирного сроку. Такъже и вам, в. г. Жигимонту, Божиею милостию, королю Полскому и в. к. Литовскому и коруне Полской и великому княжьству Литовскому, въ тѣ перемирные лѣта наших в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., земель не воевати и не зацепляти ничѣм: Московские земли всеѣ, и Новагорода великого, и Ноугородцких пригородов Иванягорода, Ямы, Копоры, Корѣлы, и всѣх пригородов Ноугородцкихъ, и Новгородцких волостей, и всее Новгородцкие земли, города Пскова и Псковских пригородов: Опочки, Красного, Острова, Вельи, Вороноча, Изборска, Гдова, Кобылья, Врева, Выбора, Дубкова, Вышегорода, Володімерца, города Сѣбежа и волостей Сѣбежских, и волостей Псковских и Псковские земли всеѣ, города Твери и Тверские земли всеѣ, города Переславля Резанского и Резанские земли всеѣ, города Пронска и Пронские земли всее, города Рылска с волостми, города Путивля с волостми, города Новагородка Сѣверского с волостми, города Радогоща с волостми, города Чернигова с волостми, города Стародуба с волостми, города Почепа с волостми, города Поповы Горы с волостми, и волостей Залѣсья, Бабич, Светилович, Голодна, Скарбовичь, Лапич, города Карачева с волостми, и волостей Хотимля, Сновска, Хоробора, Мглина, Дрокова, города Трубческа с волостми, города Мосалска с волостми, города Серпѣйска с волостми, и волостей Замошья, Тухачова, Дегны, Ѳоминичь, Погостищь, Мощина, Демены, Городечны, Ужеперети, Снопота, Ковылни, Шуи, Лазорева городіща, Ближевич, Любуни, Данилович, города Брянска с уѣздом с волостми, и волостей Соловьевич, Прикладней, Пацыни, Ѳедоровского, Осовика, Копынич, Сухоря, Всеславля, Волоцыня (Воронъца), Жерыни, города Рославля с волостми.

А рубеж городу Рословлю со Мстиславлем: промеж Словнева да Щибнева к Гнѣвскову Доброю рѣчкою на Водонос, а от Водоноса Доброю ж рѣчкою в Острь через Великий Бор в реку Шумячю к Стрекуле к рубежу х Кричевскому; а от Кричева городу Рославлю рубеж река Шумяча, а Шумячею в реку в Немелицу, а из Немелицы старым рубежем к Заборью в Выпуть рѣку, да вниз Ипутьею к Хмелю. Города Смоленска с путьми и с волостми, что к нему тянет, и волостей Еловца, Болваниц, Лазоревщины, Пустоселья, Романовского, Копоткович, Молохвы всеѣ, что к ней потягло, и Петровского держанья Кутева, и Зверович, Дубровенского пути, Катыни, Каспли, Порѣчья, Дуры (Руды), Щучьей. А рубеж Смоленску и волостям Смоленским з Дубровною и с Романовым и з Горами и со Мстиславлемъ: от Днепра ниже города Смоленска рекою Мереею вверхъ меж Пречистые Взруба и Зверович в Ыватту реку, а из Иватты реки на Елинскиі рубеж да в Городню, а Городнею в Вехру в Чорной мох, а из Вехры в Пруділну, а ис Пруділны в Желѣзницу, а Желѣзницею под Дуденки в Вехру, а из Вехры в Лютую Воду, а из Лютые Воды в Выпино, а из Выпина в Сож, а Сожем на низ в Березыню, а Березынею вверхъ сухом промеж сел Почина и Гладкавич по холмом, а оттоле в Пулневу; а за рекою за Днепром рубеж Смоленску вниз по Днепру рекѣ ниже Клементья святого 5 верстъ. Города Мценска с волостми, и городища Дмитровца, и новых городов: города Ливен, города Воронежа, города Мещоска с волостми, города Опакова с волостми, и волостей Залидова, Недоходова, Бышкович, Лычина, города Вязмы и волостей Вяземских всѣх, что к Вязме потягло, города Дорогобужа и волостей Дорогобужских всѣх, что к нему потягло исстари, города Бѣлые с волостми, і Верховья, і Болшева, и Шоптова и Монивидовы слободы, города Лук Великих и волостей Лутцких Долыси, Березая, Усвая, Ловца, Весны, Болога, города Холму и волостей Холмских, Велилы, и Лопастицы, и Бойца, города Заволочья, тож и Ржевы Пустые, и Ржевских волостей, города Невля, города Торопца и всѣх Торопетцких волостей, Данковы, Любуты, Дубны, Рожны, Туры, Биберевы, Старцовы, Нежелские, Плаветцкие, Жежетцкие, Велижские, Озеретцкие, Казариновские. А рубежем быти всѣх городов по старым рубежом. А Торопцу и всѣмъ Торопетцким волостям, и Новгородцким землямъ и волостям, городу Лукам Великим, городу Невлю, что в Пўповичах, и городу Ржеве, и городу Острею, и городу Заволочью, и волостямъ Долыси, Березаю, и городу Усваю, Ловцу, Веснѣ, Бологу и городу Холму и Холмским волостям, Велиле, и Лопастицам, и Буйцу и иным воло-

стям всей землѣ Ноугородцкой с вашею землею Литовскою и с Полочаны и с Видбляны землѣ и водѣ рубежи по старым рубежем. И вам, в. г., Жигимонту, Божеею милостию, королю Полскому и в. к. Литовскому, и вашимъ великим государствамъ коруне Полской и великому княжеству Литовскому в тѣ наши в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., городы и в земли и в угодья потому ж не вступатись, и не воевати, и ничѣм не зацепляти, и городов и земель не заседати, и новых городов не ставити до того перемирного сроку. А о рубежах и о спорных землях и о порубежныхъ о обидных дѣлех во всѣх мѣстехъ слати нам, великим государем, меж себя на обе стороны судей, с обе стороны поровну по 4 человѣки, а с ними со всѣми людей стороны по 50 человѣкъ; а выслати тѣх судей на рубеж в два мѣста: меж Чернигова и Остря да меж Торопца и Велижа, в 4-м году перемирных лѣт, сослався и приговоря срок. И тѣм судьямъ, съѣхався и сыскав старожилцы вправду, с обе стороны учинити рубеж Торопетцким землям с Витебскою землею и з городом с Велижем, какъ было исстари Витепской землѣ с Торопетцкою землею по старым рубежем; а меж Усвята и Усвятцкого уѣзда, и Сурожа и Сурожского уѣзда, і Озерищ и Озерищского уѣзда с Лутцкимъ уѣздом и с Невелским и з Бѣлским уѣздом, и в Черниговском, и в Путивлском уѣзде, и в Ноугородцком и во Псковском уѣзде в рубежах и в обидах росправа учинити. А по иным по всѣм мѣстомъ, гдѣ будет спор и обиды, с обе стороны выслав ис пограничных городов судей и сыскав вправду, с обе стороны по всѣм по тѣм мѣстом учинити рубеж во всемъ, как было исстари по всѣм мѣстом по старым рубежом, и в обидных во всяких дѣлех розправа учинити вправду. А войнѣ в тѣ перемирные 3 годы и 11 мѣсяцъ на обе стороны не быти, рати и войны не всчинати, и ничѣм не зацепляти, и с обе стороны мѣстъ нигдѣ не поседати, и городов новых не ставити, и в земли и во всякие угодья у тѣх городов и у волостей до того перемирного сроку не вступатись. А в которых мѣстех судьи с обе стороны в рубежах меж не учинят, и нам, обослався посланники и гонцы меж себя, сослать других судей думных людей и панов-рад, и о тѣх о спорных землях по сыску рубеж учинити, и то дѣло в рубежах довершити, а тѣми дѣлы перемирья не нарушивати и не розрывати. А хто нам, в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василью Ивановичу, в. Р. с., и нашим государствам и всѣм землям, которые к государствам нашим належат, недруг будет, и вам, в. г. Жигимонту, Божиею милостию, королю Полскому и в. к. Литовскому, и коруне Полской и великому

княжьству Литовскому и ізо всѣх земель, которые х коруне Полской и к великому княжьству Литовскому належат, против нас, в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р. с., и нашихъ всѣх государствъ всякому нашему недругу в тѣ перемирные лѣта людми и казною не вспомогати по сей нашей перемирной грамоте. Также и вам, в. г. Жигимонту, Божиею милостию, королю Полскому и в. к. Литовскому, и коруне Полской и великому княжеству Литовскому и всѣм землямъ, которые х коруне Полской и к великому княжеству Литовскому належат, хто недруг будет, и нам, в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р. с., и нашимъ государствам против вас, в. г., и против коруны Полские и великого княжества Литовского всякому вашему недругу в тѣ перемирные лѣта потомуж людьми и казною не вспомогати по сей перемирной грамоте. А кого к нам вы, в. г. Жигимонтъ король, пошлешь своих великих послов, посланников или гонцовъ в тѣ перемирные лѣта о тѣх о всѣх о добрых дѣлех, и тѣм вашимъ великим послом и посланником и гонцом приѣхати к намъ и от нас отъѣхати добровольно безо всякие зацѣпки и задержанья; также кого мы, в. г. ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с., пошлем к вам, Жигимонту королю, своих великих послов и посланников или гонцов о тѣх о всѣх о добрых дѣлех, и нашимъ великим послом, посланником или гонцом к вам доброволно приѣхати и отъѣхати безо всякого задержанья и зацѣпки. А купцом вашим изо всѣх вашихъ земель во всѣ наши земли приѣхати со всяким товаром и торговати на всякой товар, а приѣхати имъ и отъѣхати доброволно безо всяких зацѣпок; а нашимъ купцом изо всѣх наших земель во всѣ ваши земли приѣхати со всяким товаром и торговати потомуж на всякой товар, а приѣхати имъ и отъѣхати доброволно безо всяких зацѣпок. Также которые ваши послы, посланники и гонцы или гости гдѣ ни пойдут от вас или к вам через наши земли с каким товаром ни буди, і нам у тѣх вашихъ послов и у посланников или у гонцов и у гостей товаров не отъимати, а пропущати нам к вам послов и гостей со всяким товаром через свои земли безо всяких зацѣпок; также наши послы и посланники или гонцы и гости куды ни пойдут от нас или к намъ через ваши земли с каким товаром ни буди, и вам у тѣх наших послов и у гостей товаров не отнимати, а пропущати их к нам со всякимъ товаром через свои земли безо всяких зацѣпок. А которые послы или посланники или гонцы от иных государей, от ково ни буди, пойдут к нам через ваши земли или гости с ними или оприч пословъ гости пойдут к вам через ваши земли с каким

товаром ни буди, и вам у тѣх послов и у гостей товаров не отъимати, а пропущати к нам тѣх послов и гостей со всяким товаром через свои земли безо всяких зацѣпок. А какова обида учинитца в тѣ перемирные лѣта меж нашихъ князей и воевод и намѣстников и всяких людей в землях и в водах и в ыных в каких обидных дѣлех, и наши князи и намѣстники и волостели украинные сослався да тѣм обидным дѣлом всяким управу учинят на обе стороны; а в каких обидных дѣлех князи и намѣстники и волостели не учиня(т) управы, и нам о том сослати судей и они съѣхався да тѣм обидным дѣлом всѣм управу учинят на обе стороны без хитрости. А татя, беглеца, холопа, робу, должника по украином по изправе выдавати; а даное, заемное, положеное, поручное отдати. А оттойдут по сѣм перемирным грамотам меж нас урочные лѣта и розмирье меж нас учинитца, а в ту пору которые вашие земли послы и посланники и гонцы или купцы прилучатца в наших землях, и нам тѣх ваших пословъ и посланников и гонцов и купцов не порубати и животов их у них не отъимати, а отпустить нам их всѣх доброволно со всѣми их животы; а которые наши послы и посланники и гонцы или купцы прилучатца в ту пору в ваших землях, и вам наших послов и посланников и гонцов и купцов также не порубати и не имати и животов их у них не отъимати, а отпустити их всѣх доброволно со всѣми их животы. А которые люди ваши пан Юрьі Мнишек, воевода Сендомирской, с сыном и з дочерью и с ыными своими приятели и иные люди ваши Полские и Литовские, которые в том дѣле задеръжаны, из нашего Московского государства были не отпущены, и нам, в. г., тѣх всѣх людей вашихъ от болшого и до малого человѣка мужескаго и женского полу, не задерживаючи, сь их животами, которые при них, отпустити из государства нашего мѣсяца сентября до 28-го дня 117-го году, и кормъ и подводы имъ до рубежа дати и отпровадити велѣти. Также и вам, в. г. Жигимонту, Божиею милостию, королю Полскому и в. к. Литовскому, нашихъ в. г., Божиею милостию, ц. и в. к. Василья Ивановича, в. Р., людей всяких, которые в ваших государствах задержаны, из вашихъ государствъ со всѣми их людьми и з животы безо всякого задержанья отпустити и до рубежа велѣти их проводити. А иные всѣ дела на обе стороны, о которых говорили бояре наши с послы и с посланники вашими и что говорили с нашими бояры ваши послы и посланники, а дого(во)р имъ на Москвѣ не сстался, розправа на обе стороны учинити по договорным записям бояр наших и послов и посланников вашихъ. А что ныне в нашем государстве ваши князь Роман Ружинской

да князь Адам Вишневетцкой и иные паны и ротмистры со многими Полскими и Литовскими людми, вшодчи в великие государства наши, водят с собою вора, называючи его тѣм же именем, какъ прежней убитой вор ростригa называл царевичемъ Дмитреем Углетцким, и, сложась тѣ ваши люди с воры с нашими измѣнники, нашу землю пустошат и кровь хрестьянскую проливают, а послы и посланники ваши сказывали, что тѣ люди ваши такое злое дѣло дѣлают без вашего повелѣнья и вѣдомости,—и вам, в. г. Жигимонту королю, и вашим великим государствам коруне Полской и великому княжеству Литовскому тѣх людей, княз Романа Ружинского да княз Адама Вишневетцкого, и иных панов и ротмистров и всѣх Полских и Литовских людей, которые с ними и по иным мѣстом, из наших государствъ вывести вскоре. Да которые будет и иные вашихъ государствъ люди пошли в наши же государства воинским и воровскимъ обычаем или которые вперед похотят пойти, и вам, в. г. Жигимонту королю, и вашим великим государствам тѣх всѣх людей из нашихъ государствъ воротити тот же часъ и вперед в тѣ перемирные лѣта никакова человѣка в наши государства из своих государствъ воинским обычаем и для всякого воровства никоторым умышленьем не пропускати. А что тот вор, которого ныне называют ваши люди и наши измѣнники государскимъ сыном царевичемъ Дмитреем Ивановичем Углетцким, или вперед которые будет воры в наших государствах или в вашихъ государствах, умысля воровским обычаем, учнут называтись Московских великих государей детми или братьями или иное какое воровство учнут замышляти ваши люді или наши измѣнники, — и вам, в. г. Жигимонту королю, и вашим государствам коруне Полской и великому княжеству Литовскому тому нынешнему вору и иным таким вором и всяким нашимъ измѣнником не вѣрити, и за них не вступатись, и людми и казною и иным никаким вспоможеньемъ не помогати, и из своих государствъ в наше государство за рубеж воинским и воровскимъ обычаем не пропускати никакова человѣка. И воеводе Сендомирскому Юрью Мнишку и его приятелемъ и инымъ никому тому вору, которого водят с собою ваши королевские люди князь Роман Ружинской да князь Адам Вишневетцкой с товарыщи, называючи его прежнимъ именем, как убитой ростригa назывался царевичем Дмитреем Ивановичем, и инымъ воромъ, которые будет ныне и вперед учнут называтись государскими детьми, и нашему всякому измѣннику людьми и казною и иными никакими мѣрами ничѣмъ не помогати, и к ним не приставати, и никоторого зла на нас, в. г., и на наши великие госу-

дарства не замышляти. Также тому ж воеводе Сендомирскому и его приятелем такого человѣка, которой ныне при вашихъ людех при князех Ружинском и Вишневетцком есть и называют его князем Дмитреем Ивановичем в убитого вора в Гришкино мѣсто Отрепьева, которой был на Московском государстве, зятем себѣ не называти, и дочери своей Марины за него не давати, и инымъ всякимъ такимъ же вором ныне и вперед ничѣмъ не вѣрить, и дочери своей Марины государскимъ именем государынею Московскою не называти. Также и нам, в. г., Божьею милостию, ц. и в. к. Василью Ивановичю, в. Р., вашимъ всякимъ измѣнником, которые такими же злыми мѣрами учнут именоватися, ни в чемъ имъ не вѣрити и помочи никоторою мѣрою и умыслом не чинити. — А на том на всем, какъ в сей перемирной грамоте писано, мы, в. г., Божьею милостию, ц. и в. к. Василей Иванович, в. Р. с., Владимерскиі, Московскиі, Новгородцкий, царь Казанскиі, царь Астороханскиі, государь Псковскиі и великиі князь Смоленскиі, Тверскиі, Угорскиі, Пермскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иных, государь и великиі князь Новагорода Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскиі, Ярославский, Белоозерскиі, Удорскиі, Обдорский, Кондинскиі, і всея Сибирские земли и Сѣверные страны повелитель, и государь Иверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей, и иных многих государствъ государь и облаадатель, целовали есмя крестъ вам, в. г. Жигимонту, Божиею милостию, королю Полскому и в. к. Литовскому, Рускому, Прускому, Жемоитцкому, Мазоветцкому и иных на том, что нам и государствам нашим по сей перемирной грамоте до тѣх урочных лѣт тот мир держати крѣпко потому, как в сей перемирной грамоте писано. Писан в нашемъ царствующем граде Москвѣ лѣта от создания миру 7116-го июля мѣсяца, индикта 6-го, государствия нашего и царствъ 3-го.

Договорная запись 25 іюля 1608 г.

Печатается по подлиннику, находящемуся въ числѣ Польскихъ трактатовъ подъ № 54.

Наяснейшого и великого господара Жикгимонъта Третего, Божью милостью, короля Польского и в. к. Литовского, Руского, Пруского, Жомоитъского, Мазовецкого, Иѳлянтъского и инъныхъ, его королевъского маестату мы, послы и посланъники, я Миколай Олешницкий з Олешницы, каштелянъ Малокгоский, я Александер Корьвинъ-Кгосевский староста Велижский, я Станиславъ Витовъский, войский

Парцевъский и я князь Янъ з Друцка Соколинъский, секретаре и дворане его королевское милости, мовили есьмо з великого господара, Божью милостью, и в. к. Василья Ивановича в. Р., Владымерского, Московъского, Новъгородского, Казаньского, Астараханьского, Псковъского, Тверского, Югорского, Пермъского, Вятского, Болгарского и инныхъ, з бояры, з бояриномъ и наместъникомъ Костромскимъ с княземъ Анъдреемъ Васильевичомъ Голицынымъ, да з боярыномъ и наместником Галицкимъ Иваномъ Өедоровичомъ Колычовымъ, з думнымъ дворининомъ и наместником Волотъским з Васильемъ Борысовичомъ Сукинымъ, и з дъяками з думным дьякомъ з Васильемъ Грыгорьевымъ сыномъ Телепневымъ и з дьякомъ Анъдреемъ Ивановымъ, о тых делех, што в Московъскомъ господарьстве в тотъ часъ, якъ того чоловека убито, который в ту пору былъ господаромъ на господарстве Московском, менуючисе Дмитром Ивановичомъ, а Москва его называеть Грышкомъ Отрепьевымъ, от людей Московъских, в перемирные лета через крестное цолованье кровь крестиянская людей короля его милости особъ зацных, многих инших молодших, а надто и наших людей посолских пролиласе, многие скарбы, клейноты и маетности, так у дочки велможного пана Юрья Мнишка воеводы Сендомирского въ палацах тых, в которых в замъку Московскомъ мешкала, также в конюшни кони дорогие и возы, яко и у самого пана воеводы кони и нарады дорогие конские и у инших многих людей его королевское милости зацных и молодших шляхецкого стану и купьцовъ, а взвыше и у людей посольских побрано и розграблено и многие убытки сталисе и штобъ за такие вси обиды справедливость и управу слушную учинить и досыть за все уделать, а за дорогие розные речы и клейноты у велможного пана Миколая Вольского, маршалка надворного коруны Полское старосты Крепицкого, и у пана Станислава Немоевъского, подстолего корунного, а у пана Войны подскарбего надворного великого князьства Литовского до того и за товары купецкие подданыхъ его королевское милости и подданыхъ Рудольөа цесара его милости Рымского, брата и швакгра его королевское милости, которые поторговавши до скарбу Московъского побраны пры томъ, который въ ту пору на господарстве Московскомъ седелъ, а заплата за то все не учинена, жебы за то все заплату слушную учинено, а великого господара, Божью милостью, и в. к. Василья Ивановича в. Р. бояре, князь Андрей Васильевичъ Голицынъ с товарышми мовили з нами, королевского маестату послами и посланниками, будьто з великого господара нашого Жикгимонъта короля Полского и в. к. Литовского стороны в перемирные лета через

крестное целованье в Московских господарствах кровъ крестьянская пролиласе и многие убытки починилисе господарской казне и Московского господарства ратным и земъским людем от велможного пана Юрья Мнишка воеводы Сендомирского и от его прыетель от Полских и Литовских людей в Московскомъ господарстве на Северы и въ инших местехъ и на Москве, иже бы о тое кровопролитье королю его милости, господару нашому, справедливость учынить и убытки велеть поплатить. А што тот, который седел господаремъ на Московском господарстве, которого Москва зовет Гришком Отрепьевымъ, якобы посылал пану воеводе Сендомирскому, и дочъце и прыетелом его до Полши и до Литвы Московъского господарства казну многую и што якобы давалъ имъ на Москве, иже бы тое все пан воевода и прыетели отдали в господарский Московский скарбъ, а прытом з нами королевского маестату послы и посланники мовили бояре великого господара о томъ, што ж деи теперешнего часу с короля его милости господара нашого стороны от Польских и от Литовских людей от князя Романа Ружинского и от князя Адама Вишневецкого и от инших Полских и Литовских людей въ великого господара их господарствах многая кровъ хрестьянская проливаетсе и многие деи места воюют и пустошат, ижебы в томъ великому господару королю и в. к. господару нашому и панством его королевское милости справедливость учинить вправду и винным наказанье учинить. И мы, великого господара Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Полского и в. к. Литовского, господара нашого послы и посланники Миколай Олешницкий, каштелян Малокгоский с товарышми з Божью милостью в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р. бояри с княземъ Анъдреем Васильевичом Голицыным и с товарышми, в тых всих делехъ на обе стороне много о томъ мовивши, о тых делех договор учинили на том, што маетность пана воеводы Сенъдомирского и дочки его и инших людей короля его милости, которая есть зыскана, и тую всю маетность и коний великого господара бояре и дъяки отдали нам, послом и посланником, а мы в томъ бояромъ квитацыю дали под печатми и с подписом рукъ наших и пана воеводы Сенъдомирского. А што мы мовили бояромъ о речах велможного пана Миколая Вольского маршалка надворного коруны Полское, также пана Станислава Немоевского подстолего корунного, и пана Матея Войны подскарбего надворного великого князьства Литовъского, также о товары купецких людей Миколая Седмирацкого и Амъброжого Целярого, а прытомъ мовили есмо о товары подданыхъ цесара его милости Рымъского брата и швакгра его королев-

ское милости, которые служат его королевской милости господару нашому меновите Ѳилипа Олбана и Анъдрея Натана з Авшпуръку, ино што тых товаров теперь зыскано и бояре тые товары отдали нам, послом и посланникомъ, а мы послы и посланники на то имъ квит под печатми и с подписом рукъ нашихъ дали, до которое квитацыи и купъцы тые, которые на тот часъ тут суть, руки свои подписали. А што мовили есмо иже в Московском господарстве от людей Московских в перемирные лета кровъ крестиянская людей его королевское милости многих, а над то и наших людей посолских пролиласе до того, которых маетностей так пана воеводы Сендомирского и дочки его, яко и инших всих людей его королевское милости живых и тых, которых на Москве побито, также и людей купецъких теперь не отдано и о инных о всяких делахъ и обидах, и што бояре намъ мовили будто в Московских господарьствах кровь хрестиянская пролиласе и убытки господарствам Московъскимъ починилисе от пана воеводы Сендомирского и от прыетель его и от Полских и Литовъскихъ людей с тых местъ, як пан воевода с тымъ убитым, который был на Московском господарьстве, которого вы именуете Грышкомъ Отрепьевым, прышол на Северу и што тот же, который был на Московском господарстве, будто посылалъ з Москвы пану воеводе Сендомирскому и дочьце и прыетелом его до Полски и Литвы многий скарбъ, и што якобы сам пан воевода у Московских и инших городовъ гостей и торговых людей в Полше и на Москве бралъ, и што пану воеводе и его прыятелом и иншим Полским и Литовским людем якобы давал тот, который на Московском господарстве на Москве многий скарбъ и иншие многие убытки будто починилисе, и што якобы в Полще и в Литве у купецких людей Московъского господарства товары пограблены и многие убытки починены, а на Москве в том у нас, пословъ и посланников, з боярми о тые обеюх сторонъ дела договор не сталсе, — и мы, послы и посланники королевского маестату, з бояры великого господара о тых всих делех договор учинили на том, якъ до в. г. короля и в. к. господара нашого в. г. и в. к. Василей Ивановичъ в. Р. пошлет по перемирным грамотам пословъ своих и ему господару о тых и о всяких инных делех с обею сторон, в которых докговорами нашими з боярми конец не сталъсе послом своимъ прыказать говорыть и становить. А если в. г. послы, будучи у королевского маестату, о всих делех зъ их милостями паны-радами не договорят, и в. г. нашому Жикгимонту королю и в. к., также в. г. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. выслати на рубежъ судей межи Орши и Смоленска

на реку Ивату з стороны по 2 сенаторы и по 2 не сенаторы, а з ними всеми з стороны людей по 200 чоловека, а зъезду быть от того дня, якъ в. г. Московъского послы будуть у руки королевского маестату на отпуску, годъ спустивши; а назначити и именовати день выезду въ ту пору их милости паномъ-радам с послы в. г. особными записами на обе стороне. А судьи тые, выехавши с обеюх сторон на зъездъ, о вси и всякие дела, которымъ теперь конец не сталсе, будуть мовить и становить и ко всякому добру приводить; а если бы и на томъ зъездѣ в которых делех договор не сталсе, и тымъ судьямъ, которые будуть на зъезде с обеюх сторон, прыговарити о тых делех вперод на зъездъ, а мирного постановенья межи в. г. нашимъ Жикгимонтомъ Третимъ, королем и в. к., и межи в. г. и в. к. Васильемъ Ивановичомъ в. Р. и межи великими государствы их милости тыми делы не нарушивать и не розрывать. А которое маетности его милости пана Вольского маршалка дворного теперь не зыскано и не отдано, ино о тых речах, якъ до в. г. нашого в. г-рь пошлет своих пословъ для утверженья перемирья, черезъ нас постановленого, и о инных делех,—и в. г. прыказати своим послом о тых речах мовити зъ их милостями паны-радами и тому делу там зараз росправу и конец по договору учинити, а на судьи в далший часъ о том деле не откладати. А которые Полские и Литовские люди князь Роман Ружинский и князь Адамъ Вишневецкий и иншие Полские и Литовские люди на тот час суть съ в. г. в господарстве Московскомъ, маючи з собою чоловека, менуючи его тымъ же именьемъ, который на господарстве Московском былъ и убит, княземъ Дмитром Ивановичомъ, и злучившисе з людьми народу Московского, которых в. г. и в. к. Василей Ивановичъ в. Р. и господарства его зменниками своими называют, и землю Московъскую, яко о том намъ — послом и посланником, бояре в ответе на договоре сказывали, будто пустошат и кровъ крестиянскую проливают, а мы, в. г. нашого послы и посланники Миколай Олешницкий с товарышми, отказывали есмо бояромъ, што тые Полские и Литовские люди толко такие дела чынят, то они делают без ведома короля его милости, и намъ,— королевского маестату послом и посланникомъ Миколаю Олешницкому с товарышми, к тым Полским и Литовским людямъ дати бояром пры отпуску нашом листы наши королевским именьемъ и всее Речи Посполитое коруны Польское и великого князьства Литовъского вправду безо всякое хитрости, ажебы они от тых всих людей Московских и от того чоловека, которого они называют господарским сыном, зараз отстали, и шли вонъ з государства Московъского, и

вперод бы они и инъшие Полские и Литовские люди к тому чоловеку, который се теперь называет князем Дмитром Углецкимъ и к иннымъ такимъ же и ко всякимъ в. г. недругомъ не прыставали и ничим не помогали. А над то нам, посломъ и посланъникомъ, гонца и листы до королевского маестату тут зараз о том наготовать и, выехавши, з Москвы з другого ночлегу, вборзде послать, штоб король его милость господаръ нашъ и его королевъские великие господарства коруна Полская и великое князьство Литовское тых людей князя Романа Ружинского, да князя Адама Вишневецкого и инных всих Полских и Литовских людей, которые з ними и по иншимъ местом, из великого господарства Московского по перемирным грамотам вывели тотчасъ. Ест ли теж, которые будет и инные Полские и Литовъские люди въ великое ж господарство Московское воинским обычаем пойдуть или которые вперод похотят ити, и нам, послом и посланником, тым королевскимъ людям, едучи в дорозе, самым говорыть, и людей своих и листы к ним послать, и тых всихъ людей з в. г. господарствъ воротити тотъчасъ; а в пограничные во вси городы послати наперед же себе з дороги гонцов з листы, а в Лиѳлянтские городы дати листы бояром, штобы жаден чоловек въ в. г. господарство с коруны Полское и з великого князьства Литовъского военным обычаемъ и для всякого злого не ходили, военных бы и своволныхъ людей за рубежъ не пропущали. О томъ нам промышляти вправду безо всякое хитрости. А якъ мы, послы и посланники, поедем з Москвы в Литву, ино нам самым всим чотыром и людемъ нашим от болшого до наменшого чоловека з князми Ружинъскимъ и Вишневецким и з ынъшими Поляки и з Литвою, которые теперь въ в. г. господарьствахъ и с тымъ чоловекомъ, который естъ пры них и называют его господарским сыном, и з ыншими никоторыми в. г. зменниками не сходитисе, и на в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р. и на его великие господарства ни на жадное лихо не зсылатисе и к ним не прыставати, а ехати нам просто к нашому господару. А што теперь князи Ружинский и Вишневецкий и иншие Полские и Литовские люди, якъ о томъ нам бояре и иншие люди сказывали, в. г. землю будто воюют и пустошат, и кровь крестиянскую проливают, и в. г. нашому и его королевъским великим господарствам в том справедливость учынити вправду безо всякое хитрости на том же зъезде, который будет по договору межи Орши и Смоленска. — На томъ на всем мы, в. г. Жикгимонта Третего, Божью милостью, короля Полского и в. к. Литовъского, послы и посланники, я Миколай Олешницкий з Олеш-

ницы, каштелян Малокгоский, Александер Корьвинъ-Кгосевъский, староста Вилижский, Станислав Витовский, войский Парцовъский, и князь Янъ з Друцка Соколинъский, секретаре и дворане его королевъское милости, з Божью милостью в. г. и в. к. Василья Ивановича в. Р. боярми с боярыномъ и наместникомъ Костромскимъ с князем Андреем Васильевичомъ Голицынымъ, з боярыном и наместником Галицкимъ з Иваномъ Өедоровичом Колычовым, з думным двоfренином и наместником Волотским з Васильемъ Борысовичом Сукиным, з думнымъ дъяком з Васильемъ Грыгорьевым сыном Телепневым, да з дъяком Андреемъ Ивановымъ, по договору межи себе записи договорные пописали и печати свои прыложили и руки подъписали до того запису договоръного. Писано на Москве лета от нароженья Исусъ Хрыста Господа и Спаса нашого 1608-го мѣсяца июля 25-го дня.

Приложены подъ бумажною кустодіею 4 красныя восковыя печати пословъ и посланниковъ и подъ ними слѣдующія ихъ подписи:

Mikolay Olieszniczky z Olieszniczе castelan Malogoszky m. p.

Алексанъдер Корьвинъ-Кгосевский староста Велижский рукою своею подписалъ.

Stanisław Withowsky wojsky Parczowsky dworzanin y sek. króla jego mśczy ręką właszną.

Янъ Друцкий-Соколенский секретарь и дворанинъ его королевское милости власною рукою.

Грамота залита воскомъ.

Перевод с писма полского послов и посланников Литовскихъ.

Нам милостивые и ласкавые панове и братія.

После многих наговорах нашихъ з бояры думными постановили смы перемирья меж королемъ его милостью господаремъ нашимъ милостивым а господарем Московскимъ на 4 годы без мѣсяца. В том постановленью перемиря тое постановленья первое: что ваших милостей, всѣх людей его королевское милости, здѣсь в задержанью будучих, отпустить и наидалѣи до 8-го дня октобра на рубежи ставити имѣютъ. Какъ ужо тѣх их милостей, которие здесь къ Москве спроважени были, тотчасъ с нами до короля его милости господара нашего великий господаръ отпущает, и к вашим милостям не мешкая для отпуску в дорогу послати уподлинили нас. И то похотѣли мы вашимъ милостям ознаймити, чтоб ваша милость, вѣдая о скором

освобоженью своем, болши не кручинилис о том. О заплату ваших милостей и других всѣх за пограбленую рухлядь Господь Богъ свѣдителемъ естъ, какъ мы печаловалис, долгое время тѣмъ зволоклося, какъ из стороны великого государя великие убытки будто от народу нашего господарству Московскому починенные именовали; и по ся долгих спорах, иначей быти не могло, и мы то на сѣздъ с обу сторон отложили. Болши нам годилося здоровья и освобоженья вашихъ милостей предгати и у себя разсужати, нежели богатства, потому что тое обое вмѣсте быти не могло. Отдаемся притом прилежно з службами нашими в ласку вашиx милостей, Господа Бога просячи, чтоб мы вашиx милостей всѣх въскоре в отчинных краях добре здоровых оглядали.

Дан на Москвѣ августа 1 день лѣта 1608.

Ваших милостей, наших милостивых и ласкавых панов и братий, зычлывые братя и слуги.

А при печатех подписано: Миколай Олешницкой с Олешнице, каштелян Малогоцкой, рукою своею. Олександеръ Корвин-Госевский, староста Велизский, рукою своею. Станислав Витовской, войский Парцевский, дворянин и секретарь его королевское милости, рукою своею. Янъ з Друцка Соколинской, секратарь и дворянинъ короля его милости, рукою своею.

Господару цару и великий княже Василей Ивановычу всея Русѣ!

Хотя намъ великую радость кголовы наши, по твоему господарскому указу къ намъ приставлени, сказали, иже твое господарское величество за мѣромъ, которой послы короля, господаря нашого, промеж ку тобою и королем, господаром нашымъ, уставыли, нас въ землю нашу ужо отпустити хочеш. Ино таки нужы и бедности нашое, которые на нас прышли через задерженье въ господарствах твоего велычества, нагимы и убогимы ставшыся, и в волю нашу, над которую ништо чоловѣкъ милшого не естъ, окальную кручыну намъ мешаютъ. А когда бы есмо надежы о милосердью и пожалованью твоего господарского величества в тых бедностях наших не мели, воистенно та сладка воля наша горкою кручыною здилала бы ся; и хотя же голодна воля ситое неволи лучше, ино же таки и на воли голодному хлѣбъ на уми. И мы же, господару цару, всѣ рухледѣ свои в твоимъ господарстве потеравшы, твоему господарскому величеству челом бьемо: змилосердися над нами, одойми от нас тую нужу, которую опрыче вины нашое терпимо, никаково бездиля в господарствах твоихъ не здилавшы; дай начаем же ся, што невинностъ

наша, которая во всяких ордахъ не токмо не погибает, а счеже и пожалована бываетъ, перед твоимъ господарскимъ величествомъ нас поминати станет. Вѣстно то тобе, господару, как есмо въ твое господарство приехали, маючы з собою всего полно. И ты же, господару цару, для ради славы своее нас безвинныхъ людей, зо всего ограбленыхъ, нагимы и пешимы въ землю нашу одпустити не захочешь, да хотячы и сам над собою милость сусчого Бога видить, который невинныхъ людей Сам бережет, не захочеш ли всѣми нашимы рухледями нас пожаловать? И ты же то вели отдат, што нам на Москве и на Костроме узято. Видели бо твои господарские очы, каких еси нас узялъ бедних и ограблених одныхъ з Волоского двора с князем Костентиномъ Костентиновычом Вышневецкимъ, а иныхъ на Покровки, и по инныхъ многих дворах. А потомъ коли еси нас на Кострому послал, и тое што намъ еси есчо з милосердья своего не велил узят на Москве лошади и иных рухледи нашихъ. Дай и господарское слово твое на то было, што намъ никакъ того ужо не оддавати было; то намъ приказные нашы, од тобе к нам приставлени, сказуючи, што на то повеленье твое господарское было, възяли и лошади и оруже, которое еси намъ былъ своимъ господарскимъ пожалованьемъ пожаловалъ. Ино хотя же великая нам радость естъ про то, што въ землю нашу нас одпустити хочешъ, много ее прибудетъ, коли нас опричено того господарскимъ своим жалованьем пожалуешъ, да нам то все отдать повелишъ, што намъ възято на Костроме, и лошади и оруже въ твою господарскую казню. А опричено того, господару цару, многие рухледи свое у Костромских гостей заложыли есмо до корму твоего господарского, прикладаючися, штобы есмо голодни не были. Ино ти твоимъ господарскимъ жалованьемъ с казни своее поплатити вели, а намъ отдать. А не будет ли воля твоя, господару цару, што бы еси нас поскороя росписано времени одпустилъ, ино ти з милосердья своего болей держати не будешъ, а то тые дни господарского своего корму намъ прибавышъ. А мы тое усе одержавши, Господа Бога молиты станемъ, твоя бы слава николи не погинула и господарство твое шыроко ся стало, а ти бы своим недругом былъ силенъ. А мы же бидные вязни на одно Божее милосердье да на твое пожалованье уповаемся.

Писанъ в Кгалицу, дня 9-го мѣсяца августа лѣта 1608-го.

Вашого господарского величества нужные вязни народу Полского.

На оборотѣ втораго листа: наяснейшому Василевѣ Ивановычови, Божою милостью, царови господарови и великому князеви Московъскому и всея Руси самовладци. *Слѣдъ бывшей печати.*

Господару цару и великий княже Василей Ивановычу всея Русѣ!

Во многихъ нужахъ и бедностях наших никакое радости радоснейшое мети есмо не могли оприченно того, когда есмо про то учули, иже королъ, его милость, господаръ нашъ через посланники свои с твоимъ господарским величеством померилсе. Да тоже не токма намъ, вязнемъ, радостно естъ, а счеже и всему хрестиянскому мѣру, который од Господа Бога то надо все умоляет, аже бы было всегды промез ку хрестиянских господарствъ любовь да помиренье. А иже такова мѣра теперво сталасе, о чом намъ посланники короля его милости господара нашого въ грамоти своей вѣстно учинили, за то слава Господу, Который в рукахъ Своихъ серца господаровъ всяких Сам держыт. Да Тот же и въперед въ твоимъ господарскомъ величествѣ серце такое, нехай, здилает: как еси по тые слозные временья нашы против насъ не само был немилостивъ, таково ж бы и ниночe в радоснейшомъ часу нас многимы нужами оскорбленыхъ, о которых теперь твоему господарскому велычеству опрыченно чоломъ бьемо, своим великим милосердьемъ пожалуешъ да, какъ нам ведомо здилалы посланники короля господара нашого, нас не мешкая на рубежу земли нашое для рады господарского свого слова поставыш. За тоже Богъ Господъ, который слоз да молитвы бедныхъ людей никакъ не покидает, твоему господарскому величеству платити будет, даст безконечную славу да розшыренье господарстъ подарит. А мы же нужные вязни на его великое милосердье на всякой часъ безперестанно упаваемы.

Писанъ в Кгаличу, дня 9-го мѣсяца августа лѣта 1608-го.

Величества вашое господарское милости нужные вязни народу Полского.

На оборотѣ второго листа: наяснейшому Василевѣ Ивановычови, Божею милостью, царовѣ господаровѣ и великому княжеви Московъскому и въсея Русѣ самовладци. *Слѣдъ бывшей печати.*

Господару цару и великий княже Василей Ивановычу всея Русѣ!

Посямест по кгородах величества твого розослани у тебе въ опали будучи, дождали есмо ся вѣстей радосных, што еси насъ своимъ господаръскимъ жалованьемъ пожаловал да въ землю нашу одпустити повелилъ. А до того въремени был твой господарский указ, штобы намъ никакова теснота и нужа не была; и мы же Господа Бога за то величали, а твоему царскому величеству чоломъ били. Теперво же, господару цару, никакъ з нами по твоему госпо-

дарскому указу приказные не дилают; а именно Прокофий Андриевич и Кгулай Петровыч хотели намъ по твоему господарскому указу дворов прибавить и в тесноти нас не держать, а Федоръ Яковыч Жыдовской з мѣромъ по твоему господарскому указу не дилает, и дворовъ не хотелъ намъ прибавить, и въ давешной нужы и тесноти нас держыт. Да тая же нужа и теснота не будет ли твоего господарского милосердия нас одноконечно в конец погубить и здоровье нам все одойметъ. А ужо и такъ болнихъ много од великое вонѣ. Да оприченно же того нам людем нагимъ не мошно в амбарех перед великою стужею жытъ, а избъ ниту болей одно чотыри малых на 116 чоловека. А амбари тые сами есмо за свои денги поставили. И ты же, господару цару, до конца нас своим господарским жалованьем пожалуй, прикажы нашому приказному Федоровѣ Яковычови Жидовскому, он бы з нами по твоему господарскому указу дилал, дворов бы нам прибавилъ, да въ таковой тесноти не держалъ до сих местъ, до которих нам по твоему указу на Кгаличы жыть будет. Да есчо своим господарским жалованьем пожалуй нас, вели кормовые денги, которих ужо не стало, прислать, штобы есмо голоду не терпили, да еднего не перемерли. Бог тобе, господару цару, платити будет; а бы бедные умоляти станемъ, твое бы господарство долго и крипко было.

Писан на Кгаличу дня 10-го мѣсяца августа року 1608-го.

Величества вашое царское милости нужные вязнѣ народу Полского.

На оборотѣ 2-го листа: наяснейшому Василевѣ Ивановичови, Божою милостью, царови господарови и великому княжеви Московскому и всея Русѣ самовладцы. *Сохранилась печать.*

По заключеніи перемирія и по отпускѣ Польскихъ пословъ и посланниковъ и Поляковъ, въ томъ числѣ Юрія и Марины Мнишекъ, послѣдніе, какъ извѣстно, были захвачены «2-мъ Самозванцемъ». Здѣсь помѣщаются документы, говорящіе объ этомъ, равно какъ и о раннѣйшихъ сношеніяхъ Мнишекъ съ «2-мъ Самозванцемъ».

Наяснѣйшего а незвитежоного великого государя Жигимонта Третего, Божею милостью, короля Полского и великого князя Литовского, Руского, Пруского, Жемоитцкого, Мазоветцкого, Ифлянского, Кіевского, Волынского, Подолского, Подляшского, короля Шветцкого, Кгодского, Вандалского и великого княжаты Финлянского, государя государства Волозского и иныхъ многихъ славныхъ панствъ и го-

сударствъ наяснѣйшего маестату, его королевской милости отъ воеводы Мстиславского старосты Оршанского Ондрѣя Ивановича Сопѣги въ Смоленескъ воеводѣ и намѣснику Смоленскому Михаилу Борисовичю Шеину. Первѣе сего писалъ есми до тебе на твой листъ о Лисовского и о иныхъ людехъ подданыхъ его королевской милости, пана нашего милостиваго, которые, яко ты пишешь, за рубежъ, въ землю государя вашего перешедчи, шкоды немалые чинятъ и кровь хрестьянскую розливаютъ, а знаемуючи, естли то такъ есть, же то онѣ дѣлаютъ самоволствомъ, надъ заказомъ его королевскіе милости, пана нашего милостиваго, и пановъ-радъ его королевскіе милости. И ты до мене пишешь въ двухъ листахъ своихъ, дивуючися таковому моему писму, что жъ и послѣ того твоего листа, опричь Лисовского, многіе Полскіе и Литовскіе именитые паны, князь Адамъ Вишневетцкой, Миколай Меховитцкій, Марокъ Виламовскій, Самойло Тишкѣевичь, Янъ Микулинской, Миколай Велегловской-Корытко, Миколай Горлинскій, Богухвалъ и иншіе многіе подданые его королевскіе милости, пришедчи въ землю Московскую, кровь хрестьянскую проливаютъ и землю пустошатъ; а будто съ государя нашего стороны, въ перемирное время, непригоже дѣлается, бо Вишневецкому и Тишкѣевичю, и инымъ такимъ людемъ, яко бы на тое дѣло и помыслити, толко бъ имъ на то было не позволено. Ино я тобѣ и тепере певную и правдивую рѣчь пишу, иже се то все дѣеть надъ волю и заказъ его королевскіе милости, якожъ по всемъ свѣтѣ, за грѣхи людцкіе, такая своеволя повстала, которая и погамовать трудно; и то вамъ не таю, яко многіе люди подданые его королевскіе милости, государя нашего милостиваго, и противъ самого государя его королевскіе милости повстати и упорнѣ стояти важилисе; а Богъ милостивъ его королевской милости, государю нашему милостивому, на нихъ помогъ, и они отъ войска его королевскіе милости распрошаны будучи и, якобы утекаючи, идутъ своею волею, съ панства его королевскіе милости въ чюжіе государства, запевно и правдивѣ, надъ заказомъ его королевской милости; а его королевская милость, зъ особы своея королевскіе, также и ихъ милость панове-рады, перемирье держати хочютъ непорушнѣ. И до всѣхъ насъ, украиныхъ старостовъ, есть такое розказанье отъ его королевской милости и отъ ихъ милости пановъ-радъ, абы есми перемирье постерегали, ничимъ его не нарушали, и людей своволныхъ за границу не пропускали, нижъли тыхъ людей своволныхъ погамовати и унять не можемъ; а чыли добрые люди давно напиралися братьи и пріятелевъ своихъ неслушныхъ, на Москвѣ задержаныхъ, отъиски-

вати, а его королевская милость никому того не позволяетъ, и о всемъ мочно бранитъ и заказуетъ, чинечи имъ надѣю, же братья и пріятели ихъ невиннѣ на Москвѣ задержаны, безъ мешканья выпущены будутъ. Я якожъ писалъ есми о томъ до Куракина, першего передъ тобою воеводы Смоленского, чтобъ пословъ и посланниковъ, и всѣхъ подданыхъ его королевскіе милости, неслушно на Москвѣ задержаныхъ, заразомъ выпустить, и онъ мнѣ отписалъ на то грубые слова; а я то тебѣ и теперь пишу, не за бездѣлье, яко мнѣ Куракинъ отписалъ, але правдивые слова: естли вы пословъ и посланниковъ, и всѣхъ людей подданыхъ его королевскіе милости, въ Москвѣ неслушно задержаныхъ, вскорѣ не выпустите со всѣми ихъ людми и маетностьми, ино черезъ то его королевская милость, панъ нашъ милостивой, пословъ и посланниковъ и гонцовъ своихъ до государя вашего николи болши посылати не будетъ, и повинныхъ пріятелей тыхъ людей его королевское милости, въ Москвѣ неслушно задержаныхъ, завстегнути вжо далѣй не можете, которые о высвобоженью братьи своей промышляти будутъ. А посланца бы еси моего ко мнѣ отпустилъ, не задерживаючи. Писанъ у въ Орши, року тысяча шесть сотъ осмаго мѣсеца августа 21 дня [1].

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи холопи твои Михалко Шеинъ, Петрушка Горчаковъ, Ивашка Бунаковъ, Никонко Олексѣевъ челомъ бьютъ. Писали къ намъ, холопемъ твоимъ, августа въ 17 день въ Смоленескъ изъ Бѣлского уѣзда отъ Пречистые изъ Верховья твои государевы воеводы Борисъ Собакинъ да Воинъ Дивовъ, да діакъ Дмитрей Раковской: которые деи, государь, съ ними посланы были съ Москвы дѣти боярскіе Бѣляне, Вязмичи, Дорогобужане, Смолняне для посолского провожанья, и тѣ деи, государь, дѣти боярскіе отъ нихъ розъѣхались по своимъ помѣстьемъ; а про воровъ деи, государь, имъ вѣдомо учинилось, что хотятъ на ихъ на пословъ и на нихъ приходити. И мы, холопи твои, по той отпискѣ послали къ нимъ изъ Смоленска на встрѣчю головъ съ сотнями Елизарья Безобразова съ Смолняны съ дворяны и дѣтми боярскими, Олексѣя Зубова съ Брянчаны и съ Серпьяны. Да августа жъ, государь, въ 18 день писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, Воинъ Дивовъ, что стояли деи посолъ Миколай

---

[1] Современный списокъ писанъ столбцемъ, на 5 склеенныхъ листкахъ. Въ заглавіи акта отмѣчено: «Списокъ съ Литовского листа, что привезъ отъ Оршанского старосты отъ Ондрѣя Сопѣги Оршанинъ Гриша Полтевъ 116 году августа въ 16 день». Подписей и скрѣпы нѣтъ. — Полученъ въ Смоленскѣ 16 августа, а оттуда посланъ въ Москву 12 сентября.

Олесницкой и воевода Сендомирской въ Бѣлскомъ уѣздѣ у Пречистой въ Верховье упрямясь на одномъ стану два дни, а ихъ деи не слушали; и августа жъ, государь, въ 16 день учали деи посолъ и Сендомирской съ стану подыматца, а онъ деи Воинъ да съ нимъ дьякъ Дмитрей Раковской съ передними людми пошли съ стану напередъ, а Борисъ деи Собакинъ и приставы остались на стану ждать посла и Сендомирского, а съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ 50 человѣкъ да сотникъ стрѣлецкой съ стрѣлцы Будай Болтинъ. И какъ деи онъ Воинъ отшолъ отъ стану верстъ съ 5, и учинился деи на стану шумъ, и учали отъ стану бѣжати дѣти боярскіе и стрѣлцы, а за ними деи гонятъ Литовскихъ людей два прапора, уганивая деи твоихъ государевыхъ людей побиваютъ, а посолскихъ людей верховныхъ и которые въ возкѣхъ мимо скачутъ, и гонили деи за нимъ за Воиномъ отъ стану 20 верстъ; а діякъ деи Дмитрей Раковской кинулся къ Литвину въ возокъ; и всего деи съ нимъ, съ Воиномъ, утекло 6 человѣкъ дѣтей боярскихъ. И мы, холопи твои, тотчасъ по Воиновой отпискѣ Дивова послали изъ Смоленска, на прибавку головъ же съ сотнями Григорья Кокошкина, Ивана Безстужева съ дворяны жъ и съ дѣтми боярскими, и съ архіепискупли и съ монастырьскими служками, а велѣли, государь, головамъ про посла и про Сендомирского провѣдывати: гдѣ они и куда ихъ походу чаяти? И августа, государь, въ 20 день писали къ намъ, холопемъ твоимъ, головы Елизарей Безобразовъ да Олексѣй Зубовъ, что посолъ Миколай Олесницкой и Сендомирской изъ Бѣлского уѣзда изъ села Верховья пошли въ Царево Займище къ вору. Да и Борисъ Собакинъ съ Бѣлой писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, что Сендомирской воевода и посолъ Миколай Олесницкой съ товарыщи изъ села изъ Верховья съ воровскими людми пошли на Царево Займище къ Можайску; а его деи Бориса Бѣлскіе посадцкіе люди отъ себя не отпустили для воровскихъ людей къ Бѣлой приходу. А Нелюбъ Суколѣновъ писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, что деи въ Бѣлскомъ уѣздѣ воры собрались близко Бѣлые, въ селѣ въ Воскоринѣ, со всѣхъ волостей, а хотятъ съ Вяземскими людми приходити къ Бѣлой, къ посаду и къ городу; и мы, холопи твои, по Нелюбовѣ отпискѣ послали на Бѣлую, на прибавку, Смоленскихъ сотниковъ стрѣлецкихъ дву человѣкъ, а съ ними 200 человѣкъ стрѣлцовъ. И августа, государь, въ 26 день писали къ намъ, холопемъ твоимъ, съ дороги сотники стрѣлецкіе, что Бѣляне посадцкіе люди своровали, вору крестъ цѣловали и городъ сдали, и воры въ Бѣлскомъ и въ Смоленскомъ уѣздѣ. . . . . . . близко . . . , дѣтей боярскихъ, при-

казщиковъ и крестьянъ приводятъ къ крестному цѣлованію. . . . . .
(Конецъ оторванъ) [1].

Dmitr Iwanowicz [2], z łaski Bożei car wszytkiei Rusi, wielkie xiąże Moskiewskie, Dmitrowskie, Ugleckie, Grodeckie etc. etc. etc. y ynych wielu państw y ord Tatarskich monarchyej Moskiewskiej podległych pan y dziedzic.

Jaśnie wielmożnemu panu panu woiewodzie Sandomirskiemu, oycu naszemu, dobrego zdrowia od Pana Boga życzymy.

Sądy Boga Naiwyszszego są skryte y ludzkim rozumem nieogarnione. Przed wieki nam co miało stać się, iuż naznaczono od Maiestatu iego świętego, co y teraz nad nami sąd swói straszliwy wykonać raczył, y iak karanie wielkie za grzechy albo przodków naszych, albo niezliczone nasze, tułaniem się z państwa dziedzicznego naszego po cudzych ziemiach, w wielkiei dosyć nędzy y utrapieniu, tak zaś nieogarnione wielkie miłosierdzie nad nami pokazać raczył, nie pamiętawszy na grzechy nasze, że nas z rąk zdradzieckich poddanych naszych y z niewypowiedzianych, a niesłychanych niebezpieczeństw on sam Naiwyszszy stróżem naszym bywszy wyrwać raczył; y ten, który zasmucił wygnaniem z państw naszych, tak wielce pocieszyć raczył nieprzebranym miłosierdziem swoim, wprowadzeniem znowu na państwa nasze dziedziczne, z osłabieniem zdraiców naszych, a nam co raz przyczynieniem potęgi więtszei ludzi rycerskich rozmaitego narodu, że, dali Bóg, uprzeimość wasze y wszytkich przyiaciół naszych (co iest u nas w naiwiętszym utrapieniu) wrychle wyswobodzić y smętki wszelkie y nędze w pociechy radosne obrócić będzie raczył. Jemu niechaj będzie cześć y chwała za wszytko. Oznajmuiemy też to uprzei. waszej, że król je° mść przyiaciel nasz y rzecz pos. wszytka ratunkiem nam iest y chce być we wszytkim w dopomożeniu nam w dościu państw naszych dziedzicznych. Żądamy przytym, aby nam Pan Bóg raczył iak naprędzej dobrze zdrową uprzeimość waszę y przyiaciół naszych wszytkich oglądać dać. Dan w państwach naszych, w Orle, d. 27 January, anno Dni 1608.

WW. uprzeimości zawsze życzliwy syn

Dmitr Car.

Приложена подъ кустодіею красная восковая печать. На оборотѣ надписи: 1) Jaśnie wielmożnemu panu Jerzemu Mniszkowi z Wielkich

[1] Черновый отпускъ писанъ столбцемъ, на 7 вмѣстѣ склеенныхъ листкахъ, съ помарками. Скрѣпы и подписей нѣтъ.—Изъ коллекціи актовъ, пріобрѣтенныхъ въ Швеціи корреспондентомъ Археографической Коммиссіи г. Соловьевымъ.

[2] Дѣла о Самозванцахъ 1608 г. янв. 27. Напечат. въ С. Г. Г. и Д., т. II № 156.

Konczyc, woiewodzie Sandomirskiemu, Lwowskiemu, Samborskiemu staroście etc., oycowi nam wielce miłemu. 2) donoszący o przywróceniu swoim na państwo y o słabości nieprzyiaciół swych. 3) piękny list, w którym car donosi, że y król Polski iest mu przychylny y chce go[1] matunere. 1608. 4) 24.

Dmitr Iwanowicz[2] z łaski Bożey car wszystkiey Rusi, Dmitrowskie, Ugleckie, Grodeckie etc. etc. etc. xiąże y inych wielu państw y ord Tatarskich monarchiey Moskiewskiey podległych pan y dziedzic.

Jaśnie wielmożny, mściwy panie woiewodo Sędomirski, panie oycze nasz, żądamy od Pana Boga zdrowia dobrego.

Wziąszy wiadomość nazaiutrz po wysłaniu uprz. wa. z Moskwy o drodze Polskiey, wielcechmy się s tego ucieszyli, woląc raczey słyszeć o uprz. wa. w Polszcze na słobodzie, niżeli tu pobliżu w więzieniu, iakoż życząc rychło spulnego się widzenia y ucieszenia z uprz. wa., wysłalichmy byli nieco ludzi naprzeciwko uprz. wa., czego zaraz zdrayce naszy postrzegli, w czem się zakroczyło woley y przedsięwzięciu naszemu. Teraz posyłamy zacnie urodzonych pana Zborowskiego z Rytwan y pana Stadnickiego ze Żmigroda, pułkowników naszych, uprz. nam miłych. Żądaiąc uprz. wa., abyś niemieszkanie z naiaśnieyszą a namilszą małżonką naszą do nas przybywał, nie życząc na samą wzgardę tem czasem bycia w Polszcze; pocieszy Pan Bóg wrychle zasmuconych, że się nieprzyiaciel cieszyć nie będzie spulny. Jey mść pani woiewodzina, matka nasza, za łaską Bożą zdrowa dobrze; posłalichmy teraz pana Winarskiego, oznaymuiąc o wszystkim. Żądamy y powtóre uprz. wa., abyś z urodzoney powinności swey przeciwko nam sposobów takich szukał, iakobyś iak nayprędzey do nas y z namilszą małżonką naszą przybywał; łaskę naszę raz powinną uprz. wa. gotowychmy tę wdzięczność oddawać. Panu Bogu przytem uprz. w. oddaiemy. Datum w obozie pod stolicą w państwach naszych, Augusti 22 d., anno Dni 1608.

Uprz. waszey życzliwy syn

Dmitr Car.

Приложена подъ кустодіею красная восковая печать. На оборотѣ надписи: 1) Jaśnie wielmożnemu panu panu Jerzemu z Wielkich Konczycz Mniszkowi, woiewodzie Sandomirskiemu, Lwowskiemu, Samborskiemu, Medenickiemu etc. etc. staroście, panu oycu nam uprz. miłemu. 2) Pilnie zapraszaiący.

---

[1] Переправлено изъ *ти*.

[2] Дѣла о Самозванцахъ 1608 года августа 22. Напеч. въ С. Г. Г. и Д., т. II, № 160.

Dmitr Iwanowicz[1], z łaski Bożey car wszystkiey Rusi, Dmitrowskie, Ugleckie, Grodeckie etc. etc. etc. xiąże y ynych wialu państw y ord Tatarskich monarchiey Moskiewskiey podległych pan y dziedzic.

Jaśnie wielmożnemu panu panu woiewodzie Sandomirskiemu, panu oycu naszemu zdrowia od Pana Boga żądamy.

Posyłamy tam do uprz. wa. ku usługowaniu naiaśnieyszey małżonce naszey zacnie urodzonego pana Kazimierskiego, którego nam cnota iest dobrze wiadoma przez wszystek czas. Żądamy przytem uprz. wa. od Pana Boga zdrowia dobrego. Datum w obozie naszym pod stolicą w państwach naszych, d. 29 Augusty. anno Domini 160 octavo.

Uprz. waszey życzliwy syn

Dmitr Car.

Приложена подъ кустодіею красная восковая печать. Надпись на оборотѣ точно такая, какъ первая на стр. 734.

Dmitr Iwanowicz[2], z łaski Bożei car wszytkiej Rusi, Dmitrowskie, Ugleckie, Grodeckie etc. etc. etc. xiąże y ynych wielu państw y hord Tatarskich monarchyei Moskiewskiej podległych pan y dziedzic.

Jaśnie wielmożnemu panu panu oycu naszemu, uprz. nam miłemu, dobrego od P. Boga zdrowia życzymy.

Oznaimuiemy uprz. w. o niesposobnym zdrowiu naszym. Co się tknie zdania uprz. w., do nas w liście opisanego, na tym przestaiemy. W ynszych sprawach naszych posyłamy zacnie urodzonego pana Walentego Walawskiego, canclerza y pułkownika naszego, nam wiernie miłego, z którym iako ni w czym, tak y nigdy niepodeirzanym, abyś się uprz. w. we wszytkim conferował, żądamy. Życzymy przytym, abyś uprz. w. bytnością swą zdrowie nasze nawiedził. Datum pod stolicznym miastem Moskwą, w obozie naszym, w państwach naszych, d. 5 Septemb., anno Dni 1608.

Uprz. w. zawżdy życzliwy syn

Dmitr Car.

Приложена подъ кустодіею красная восковая печать. Надписи на оборотѣ: 1) *точно такая, какъ выше на стр. 734,* и 2) zapraszaiący do Moskwy.

---

[1] Дѣло о Самозванцахъ 1608 г. августа 29. Напеч. въ С. Г. Г. и Д., т. II, № 161.

[2] Дѣла о Самозванцахъ 1608 г. сентября 5. Напеч. въ С. Г. Г. и Д., т. II, № 162.

Dmitr Iwanowicz[1] z łaski Bożei car wszytkiei Rusi, Dmitrowskie, Ugleckie, Grodeckie etc. etc. etc. xiąże, y ynych wielu państw y hord Tatarskich monarchyei Moskiewskiej podległych pan y dziedzic.

Jaśnie wielmożnemu panu panu oycu naszemu dobrego od Pana Boga zdrowia życzymy.

Mamy to w wielkim uważeniu u nas dla wielu przyczyn, aby naiaśnieisza y naimilsza małżonka nasza bliżei obozu naszego, to iest we trzech milach nad rzeką z tamtym rycerstwem była: iedna dla rozłączenia naszego woiska, maiąc też w tym pewne considerata nasze tymi czasy czynić co, a prętko; druga dla położenia świętego iednego w manasterze Zwinogrodskim, zkąd by wielka y dziwna u Moskwy o nas aestimatia urość mogła, gdyż to samemu uprz. w. taino nie iest, przecośmy y przedtym naiwiętszą invidią y zgubę państwa naszego ponieśli. O ynszych sprawach naszych wszytkich, za wiadomości uprz. w. do nas daniem, poruzumiemy[2] się z uprz. w. Datum w obozie pod stolicą w państwach naszych, d. 8 7b, anno 1608.

Uprz. w. zawżdy życzliwy syn

Dmitr Car.

Приложена подъ кустодіею красная восковая печать; надпись на оборотѣ точно-такая, какъ выше на стр. 734.

---

[1] Дѣла о Самозванцахъ 1608 г. сентября 8. Напеч. въ С. Г. Г. и Д., т. II, № 163.

[2] Вм. porozumiemy.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Къ № 4. — 1600 — 1601 гг. Посольства Сапѣги, Варшицкаго и Пельгржимовскаго.

Свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ см. у Фр. Аделунга въ «Критико-литературномъ обозрѣніи путешественниковъ по Россіи до 1700 г.», т. II, № 1, стрр. 2 — 8 и въ статьѣ Козубскаго «Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ» въ майской книжкѣ за 1878 г. Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Дневникъ посольства, веденный его секретаремъ Пельгржимовскимъ, изданъ въ Гродно въ 1846 г. подъ заглавіемъ «Poselstwo Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy»; русскій переводъ его съ самыми незначительными сокращеніями представляетъ статья П. Шпилевскаго «Описаніе посольства Льва Сапѣги въ Москву въ 1600 г.», помѣщенная въ декабрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1850 г., стрр. 91—122. Здѣсь имѣется описаніе: а) пріема пословъ царемъ Борисомъ 26 октября 1600 г. (стрр. 98—108) и б) переговоровъ ихъ съ боярами 3 и 4 декабря (стрр. 109—111). При переговорахъ 4 декабря Сапѣга прочелъ условія вѣчнаго мира, которыя и перепечатываются изъ польской брошюры.

Sposoby wiecznego pokoiu y dokończanie szczyroie braterskoie ich mści o soiedyneniu mieży ich mciami wielikimi hospodary nayas. Zygmuntom tretim Bożiu miłościu korolem Polskim y wielikim kniaziem Litowskim y po niem buduszczymi korolami Polskimi y wielikimi kniaziami Litowskimi, a mieży im. wielikim hospodarem y w. kniaziem Bożiu miłościu Borysom Fiedorowiczom wsieia Rusi, Wołodimierskim, Moskowskim y innych, y mieży wielikimi hospodarstwy ich mci:

I. Aby nayas. y w. hospodar Zygmunt treti Bożiu miłościu korol Polski y w. kniaź Litowski y innych y po niem buduczyie koroli Polskiie y w. kniazi Litowskiie z Bożoie miłości z w. hospodarem y w. kniaziem Borysem Fiedorowiczom wsieia Rusi y po niem buduczymi wielikimi hospodarami y wielikimi kniaziami wsieia Rusi zawsiehdy byli z soboiu w lubowi y w zhodzie y statecznoy wiecznoy pryiazni; potomuż pp. rady y wsi innye stany duchownyie y swieckiie korony Polskoie y w. x. L. y innych z boiary dumnemi y zo wsimi stany duchownymi y swieckimi wielikoho hospodarstwa

y wielikoho kniaztwa Włodymirskoho, Moskowskoho y innych w zhodzie y w wiecznoy nierozdzielnoy miłości braterskoy byli, iako ludzi odnoie wiery chresciańskoie, odnoho iezyka y narodu słowieńskoho.

II. Kto by był niepryiatelem wielikomu hpdaru korolu Polskomu y w. k. Lit. tepereszniemu y potem budyszczym także w koronie Polskoy y w. k. Lit. Ruskomu, Pruskomu, Inflantskomu y innych, toho maiet miety za niepryiaciela sam wieliki hpdar y w. kniaź Borys Fiedorowicz y po niem buduczyie hpdary wielikiie kniazi wsieia Rusi, także y wsi hspdarstwa ich mci. A chto był by niepriacielem wielikomu hspdaru y w. k. Borysu Fiedorowiczu y po niem buduczym w. hspdarom y w. k. wsieia Rusi y wielikim hspdarstwom ich mci, toho maiet mieci za niepryiaciela sam nayasnieyszy y w. hspdar Zygmont korol y w. k. y po niem buduczyie ich mci koroli Polskiie y w. k. Litow., także korona Polskoia y w. k. Litowskoie, Ruskoie, Pruskoie, Żomoyskoie, Liflantskoie y innych.

III. Zmowy, peremiria, soiedynenia s postronnymi narody tak nayiasnieyszy korol y w. k. imść hspdar nasz y po niem buduczyie koroli Polsk. y w. k. Litowskiie y państwa ich mci, iako też y w. hspdar y w. k. Wołodymirski, Moskowski y innych ciepieresznie y potom buduczyie wielikiie hspdary y w. k. Wołodymirskiie, Moskowskiie y innych, odzin ku szkodzie druhoho żadnych czynici y stanowici niemaiuć, ale się spolnie o tom pierwiey z soboiu porozumiewszy y naradziwszy. A iesliby y stanowienia y szkodliwyie kotoroy storonie byli, tohdy takowyie aby nie byli niskim dzierżany y owszem skasowany y w niwszto obiernieny.

IV. Koli by się kotory susied albo niepryiaciel postronny na kotorohobykolwiek s tych wielikich hspdarey y hspdarstw ich powstał y torhnoł, tohdy odzin druhoho za oznaymieniem szczyrze y życzliwie wiernie bez chytrości ratować maieć y powinien budeć, podłuh nabolszych sił y przemożenia swoieho.

V. Jeśliby szto spolnymi siłami z ruk kotoroczkolwiek postoronnoho niepryiaciela odyskali, tohdy to do czoho by zdawna prawa korona Polskaia y w. k. Lit., ziemla Ruskaia, Pruskaia, Żomoyskoia, Liflanskaia y innyie mieli, to pry koronie Polskoy y w. k. Lit. zostawaci maieć. A czto by też zdawna hspdarstwom Wołodymirskomu, Moskowskomu y innych należało, to pry tych hspdarstwach Wołodymirskom, Moskowskom y innych zostaci maieć.

VI. Jeśliby kotoroho hspdarstwa, korolestwa ziemli iakoie spolnymi siłami nabyli: to spolnie dzierżaci abo po połowicy mieży siebie rozdzielici maiuć.

VII. Ludziom narodu Polskoho, Lit., Rus., Prus., Żomojskoho, Lifl. y innych wsim poddanym nayasn. korola jmci y w. k. L. żeby wolno było ieździć do w. hspdara y w. k. Borysa Fiedorowicza y do hspodarey po niem buduczych y do hspdarstw ich mci w służbie na dwore, u woyskach y w ziemlach w. hspdara służyć y wyieżdżaci nazad dobrowolno. Takowoż y ludziom narodu Ruskoho, Wołodymirskoho, Moskowskoho y innych wsich hspdarstw, żeby wolno było iezdit do nayasn. y w. hspdara korola y w. k. Zygmunta treteho y po niem buduczych hspdarey y do państw ich mci w służbu na dwore y u woyskach y w państwach jkmci służyć y wyieżdżać nazad dobrowolno.

VIII. Ludziom korola je. mci y w. k. zo wsich państw aby było wolno w ziemlach y hspdarstwach w. hspdara y w. k. wsieia Rusi żeniti się, krewniti się, pryiaźni braterstwa z ludźmi je.mci nabywać. Potomuż ludziom narodu Ruskoho, Wołodymirskoho, Moskowskoho y innych w państwach je.k.mci żeby wolno było ożenity się, krewnity się, pryiaźni braterstwa z ludźmi je.k.mci nabywać.

IX. Aby ludziom je.k.m. hspdara naszoho wolno było maiętności, pomestia w hspdarstwach Ruskom, Wołodymirskom, Moskowskom i innych wysłuhowati, kupowati, po żonach y innym wszelakim sposobom słusznym nabywaci, z maiętnosciami swoimi wynosici się y tam osiedati, mieszkati y onych maiętnostey słusznie nabytych pod takoiu wolnosciu y prawom, pod iakimi taia maiętność leżati budet, spokoinie używati bez wszelakoie perekazy. Potomuż ludziom hspodara Wołodym. Moskow. y innych aby wolno było w państwach korola je. mci koronnych y w. k. Lit. y innych, maiętnosci, pomescia wysłuchowaci, kupowaci y po żonach y wszelakim inszym sposobom słusznym nabywati, z maiętnosciami swoimi wynositi się y tam osiadati, mieszkati y innych maiętnosci słusznie nabyć pod takoiuż wolnosciu i prawom, pod iakimi taia maiętność leżati budet, nieporuszno derżaczy, używati bez wszelakoie perekazy.

X. Aby też wolno było ludziom narodu Polskoho, Lit., Rus., Prus., Liflantskoho y innych słaci dzieci swoi w służbu abo na cwiczenie w nauku do hospodarstw Ruskich, Wołodymirskich, Moskowskich y innych. Potomuż ludziom narodu Wołodymirskoho, Moskowskoho y innych aby wolno było słaci dzieci swoi w służbu albo na cwiczenie w nauku do państw corony Polskoie y w. x. L., Rus., Prus., Lifl. y innych, hde se komu podobaiet, y nazad im dobrowolno odieżdżati bez wszelakoie pakosti y trudnosti zo wsiakoiu maiętnosciu.

XI. A iako ludziom wielikich hspdarstw y wsieia Rusi Wołodymirskoie, Moskowskim y innych, kotorye na służbu albo dla nauki do korony Polskoie y w. k. L., Rus., Prus., Lifl. y innych pryieżdżati buduć, wolno budet derżati wieru Ruskuiu, y tym Moskwiczom, kotoryie w koronie Polskoy y w. k. L., Rus., Prus., Liflantskim y innych nabuduć osiełosti, pomestia z wysłuhi abo inszym iakim sposobom, wolno budet każdomu w swoiem pomiestiu cerkwi Ruskiie stawici, nadawaci y powolno wieru swoiu derżaci; tak też potomu ludziom korony Polskoie y w. k. L., Rus., Prus., Lifl., Żomoyskoho y innych, kotoryie na służbie albo dla nauki do hspdarstw wsieia Rusi Wołodym. Moskowskoho y innych pryieżdżati buduć, wolno budet derżati wieru katolickuiu rymskuiu, y tym ludziom, kotoryie pryiechawszy z korony Polskoie y w. k. L. y innych, nabuduć w hspdarstwach wsieia Rusi Wołodym. Moskow. y innych pomiestia, osiełosti z wysluhi albo inszym iakim prystoynym obyczaiem, wolno budet każdomu w swoiem pomiestiu cerkwi wiery Rymskoie stawity, nadawati y powolno wiery swoie używati.

XII. A iż w koronie Pols. y w w. k. L. y innych mnohich a mało nie uwiezdzie wo wsich miestach suć nie tolko cerkwi łacinskiie rymskiie ale też y cerkwi ruskiie hreczeskoho zakonu, że y rymlanie do cerkwi rymskich y Ruś do cerkwi hreckich chodziat po woli swoiey y nabożeństwa kożdy swoieho używaiet; słuszna recz, aby też je.m. w. hspdar y w. kniaź Borys Fiedorowicz wsieia Rusi tak w stołecznom hrodzie swoim Moskwie, iako y po inszych miestach dla ludey, kotoryie w służbu na dwor y u woysku je. mci pryieżdżati buduć, y dla posłow wielikich hospodarey chreścianskich, kotoryie nie tolko od korola je. mci Polskoho y w. k. L., ale y od inszych mnohich wielikich hospodarey chreścianskich u iego hspdarskiey mci czasto bywaiut, kak też dla kupcow kotorych w hspdarstwach je.mci z cudzych państw każdoho czasu mnoho iest, cerkwi łacinskiie rymskoho zakonu pobudowaci rozkazał: iakoby ludzi nie tolko za dobroho zdorowia Panu Bohu służyci, ale też y czasu ostatnieie hodyni smierci swoieie, na kotorych Pan Boh tut smiert dopuscit, z hrechow swoich pered prezwiterami wiery swoie P. Bohu sprawiati się, o duszach swoich pieczołowati się, a po smierti y pohreby teł zmierłych wodłuh zakonu wiery swoieie chreścianskoie mieti mohli, y pry tych cerkwiach aby hspdar jem. szkoły, a po naszomu collegia fundowati y nadati raczył, gdyż to z wielikoiu y niesmiertelnoiu sławoiu samoho hospodara jmci y potomstwa jeho hspdarskoie mci wo wsich narodach budet.

XIII. Kupiectwa, torhowli, ludzi kupcy wsiakiie zo wsich hospodarstw wolno y bezpiecznie odprawowaci maiuć; a w miestach, miasteczkach, hde by się wideło w państwach zobopolnych, miesca y prystani do odprawowania torhowli sposobnyie, słusznyie obraty y postanowity, poradok w tom potrebny uczynit, (sic) starszy osobny dla dohledania poradkow kupieckich postanowici, żeby iako ludziom Polskim, Lit., Rus., Żomoyskim, Inflantskim y innych hspdsrstwach Wołodymirskich, Moskowskich y daley do Kozulbaszy Ord, gde by się im podobało, torhowali, prowadzić dobrowolno, prodawaci y inszych towarow nabywaci y z nimi dobrowolno nazad się zwracaci. Potomuż ludziom kupcom hspdarstw ziem Ruskich, Wołodym., Moskowskich i innych do państw Polskich, w. k. Lit., Rus., Prus., Żomoytskoho, Liflant. y daley do Niemiec, do Włoch, do Angliji, do Francyi, do Iszpanij, do Turek, do Wołoch, do Uhrow y hde by się im wideło, a nazad do zemli swoie wolnoie zwroczanie. A myto na ludziech kupieckich po starynie brano byci maieć bez prybawki.

XIV. Biehuncow, taciow, rozboynikow, zapalaczow, wywołancow y wszelakich szkodnikow, kotoryieby prowiniwszy a uchodzieczy karania do hspdarstw tych soiedynienych ubiehali, takowych na obie storonie bez odwołoki wydawaci.

XV. A isz jekm. chowaie zawżdy woysko niemałoie na hranicy Podolskoy żołnierow za pienięzi, kotoryie na to samo z dochodow jekm. naznaczony suć, y nie masz inszobo tolko oboroczany bywaiuć dla obrony od Tatar pohancow—słuszna recz iest, aby w. hspdar wsieia Rusi, Wołodym., Moskowskiie y innych także woyska iako zawżdy na hranicach od Tatar mieli, dochody iakiie na tom odstawili, iż ieśliby koli pohancy w kotoryie państwo wtorhnuli, aby te woyska jkm. Polskoho y w. k. Lit., także w. hspdara y w. kniazia wsieia Rusi z soboiu złuczyli się y z odnoho prociw Tatarow stoiali, odnako berehuczy obu hspdarstw.

XVI. Staraci się też spolnie maiuć korol jem. Polski y w. k. Lit. y w. hspdar y w. kniaź wsieia Rusi, aby spolnym kosztom y nakładom mieli armatu, korabli woinskiie y ludzi woynskie na moru Litowskom y na moru Wielikom, sztoby hspdarstw swoich hranicy szto nadaley rozszeraty y prybawit mohli.

XVII. Mynca wo wsiech hspdarstwach obieiuch hspdarey maieć byci odnakowa, odnoie ceny, odnoie wahi.

XVIII. Dla doskonałoho soiedynenia tych sławnych hspdarstw y oswiadczenia pred wsim swietom maiuć byci dwoistyie korony uroblenyie, kotoryieby znaczyli dwoch hspdarstw y hspdarow ich

nierozdzielność, wieczność, soiedynenie. Odna korona w Polszcze, kotoraia maieć byci kładziena czeres posła wielikoho hspdara y w. k. Wołodymirskoho, Moskow. y innych na hołowu nayasnieyszoho korola jmci Polskoho y w. k. L., a druhaia korona w Moskwie, kotoraia maieć byci kładziena czerez posła korola jemci Polskoho y w. k. L. na gółowu hspdara jemci y w. k. Wołodymirskoho, Moskowskoho y innych.

XIX. A isz koroli, hspdary, monarchi tak, iako y wsi inszyie ludzi, smierci podlehłymi suć, tohdy hde by się jm. korol Polski y w. k. L. (szto racz Hspdy iako nadaley oddalić) z sieho swieta prestawił się, maiuć panowie rady Polskoie y w. x. Lit. o smierci hspdara swoieho oznaymić wielikomu hspdaru Ruskomu, Wołod., Moskowskomu y o obieraniu nowoho hspdara z niemi się porozumiety y naradziti, nie zahorożaiuczy prystupu synowi korola jemci, żeby ieho narod Polski y Litowski y inszyie do toho należaczyie za korola y hspdara wolnymi hołosy obrać chcieli. Na kotoruiu electiiu ku obieraniu korola je. mci y w. k. L. od stanow korony Polskoie y w. k. L. złożonuiu, maiuć też posły swoie posłać wieliki hspdar y w. k. Wołodymir., Moskow. y innych, s kotorymi posły stany korony Polskoie y w. k. L. y innych w obieraniu hspdara znosity się y porozumiewaty się maiut, nie ubliżaiuczy niwczom wolnoie elektii, kotoruiu zdawna do sieho czasu korona Polskaia y w. k. Lit. używali, kotoruiu sobie y wpierod nieporusznie w całości zachowuiuć. A korol y w. kniaź nowo od panow koronnych y w. k. Lit. zarazom tot że związek, soiedynenie, wiecznuiu przyiaźń y dokonczenie mieży hspdarstwy prereczonemi postanowlenoie poprysiahnuć maieć y mocno nienaruszenie dzierżaci powinien budzieć.

XX. Przy koronacyi korola Polskoho y w. k. L. maieć bywać poseł hspdara y w. k. Wołod., Moskowskoho y innych, y po włożeniu korony Polskoie czerez arcybiskupa na hołowu korola Polskoho, maieć też poseł hspdara jemci Wołodym., Moskow. y innych kłaść druhuiu koronu osobno na to uroblennuiu.

XX. Jeśliby syna kjm. y w. korola hspdara naszoho (czoho Boże uchoway) w żywocie nie stało, tohdy nie zahorożaiuć sobie stany korony Polskoie y w. k. L. obrać za pana hspdara Wołodymirskoho, Moskow. y innych, kotory poprysiahnuwszy prawa y wolnosci narodom korony Polskoie y w. k. L. y ostawszy hspdarem dobrowolnie obranym, panuiuczy dwiema hspodarstwam tak sławnym, szyrokim y wielkim, maieć dwa hody w Polszcze y w Litwie dla odprawowania spraw Polskich y Litowskich, a hod w Moskwie dla odprawowania

spraw Moskowskich sposobom takim, iaki zhodnie postanowion y namowlon budet.

XXII. Jeśliby (szto Boże iako nadołżey oddalić racz) hspdar je.mść Wołod., Moskowski y innych wpierod zmier a syna wielikim hspdarem y w. k. po sobie zostawił, tohdy syn jemci toie soiedynenie wiecznoie poprysiahnuci y dzierżaci nieporuszono maieć. Wiedze na podniesienie jeho na tyie hospodarstwa maieć za oznaymieniem korol je.mci y w. k. hspdar nasz posłać posły swoie, pered kotorymi hspdar jem. Wołod., Moskowski y innych toie soiedynenie mieży narody temi postanowlenoie poprysiahnuci y mocno dzierżaci maieć y powinien budet.

XXIII. Pry koronowaniu abo podniesieniu hspdara na tyie hspdarstwa Wołod., Moskowskoie y innych, maieć poseł korola jemci y w. hospdara naszoho kłaść na hołowu hspdarskuiu koronu na to umyslnie uroblenuiu.

XXIV. Jeśliby (czego Panie Boże racz uchować) po hspdaru y wielikomu kniaziu Wołodymirskomu, Moskow. y innych syna nie zostało, tohdy korol jem. Polski y w. kniaź L., Ruski, Pruski, Liflantski y innych maieć być hospodarom Wołodymirskim, Moskowskim y innych.

О дальнѣйшихъ переговорахъ см. въ Ж. М. Н. Пр. стрр. 119—122. Объ этомъ говоритъ также слѣдующее донесеніе Польскихъ пословъ королю Сигизмунду III изъ Москвы отъ 16 марта 1601 г., перепечатываемое изъ II тома Historica Russiae monumenta, № XXXI, стрр. 52—53. Новый переводъ донесенія имѣется въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки F. IV, № 327, стрр. 100—105 (рук. принадлежала Н. М. Карамзину).

Co się z nami przez te czasy w Moskwie działo, jakiśmy mogli. wynaleść sposób przesłania, nie omieszkiwaliśmy przez pisanie w. k. m. panu naszemu miłościwemu dawać znać. Bo skoro przyjechawszy, wszystek ten czas niedziel dwadzieścia i iednę za wielką strażą w zawarciu byliśmy tak, że ludziom naszym za wrota wychodzić i Moskiewskiey straży z naszemi mówić nie dopuszczono, i aż w sześć niedziel za gęstym i częstym przypominaniem przez przystawy, do ręki przypuszczeni byliśmy, a z bojarami dumnemi, których na rozmowę z nami wysadzono, dosyć leniwo przez niedziel dwadzieścia ledwieśmy kilkakroć rzekomo do traktatów przypuszczeni byli, i to na każdym zasiadaniu o rzeczach przystoynego podania naszego, nie uważając jedno tytułu swego carskiego swemu kniaziowi, a wrócenia zie-

mi Inflantskiey domagali się, przykre rozmowy z nami o tym czyniąc; dobrześmy to baczyli, że nas umyślnie trzymali do przyjazdu posłów ks. Karolusowych, niewstydliwie częstokroć potrząsając,że mu Karolus Esthonii ustępuje i sam mu się z królestwem Szwedzkim poddaje, a nam niebespieczeństwem od Michała grozili, twierdząc, że z pomocą cesarza imci chrześciańskiego woynę przeciw w. k. mci podniósł, i koronę Polską sciska, i co by temu za koniec był, niemniej tego oczekiwali. Ale za pomocą P. Boga wszechmogącego serca ich złośliwe nie ucieszyły się. Albowiem goniec w. k. mci 8 dnia Februarii do Moskwy wjechawszy, a do nas die 11 przyprowadzony, pocieszną i miłą nam od w. k. mości o Michału nowinę przyniósł, że błogosławieństwem Bożym a szczęściem w. k. mości Michał z Wołoch wygnany, nie jedno Wołoskie, ale Multańskie i Siedmigrodzkie państwa utracił, a te pod władzę w. k. mości przyszły. Za co my Panu Bogu dzięki i modlitwy oddawszy, a dnia 20 Februarii dopiero audyencyą otrzymawszy, publice zwycięstwo w. k. mości synowi kniazia wielkiego, że się sam chorobą wymówił, in consessu wszystkiey rady jego oznaymili, i woli Bożey ofiarując tytułu tych państw w. k. mości naszemu miłościwemu panu przypisać potrzebę baczyliśmy. Moskwa wiedziała o tym już wprzód, jednak wyznawać to złość im nie dopuściła. Interim posłowie od Karolusa 18 februarii do Moskwy przyjechali, których umyślnie mimo dwór nasz do gospody prowadzono, a ludziom naszym nad zwyczay patrzyć nie broniono, choć była insza droga prostsza do gospody ich. Gospody im dano niedaleko naszey z tey przyczyny, abyśmy o ich wiedzieli, ale to nas naymniey nie obchodziło. Byli ciż posłowie Karolusowi w zamku trzykroć raz po raz, dnia 23, 25, 28 Februarii. Co by tam sprawowali, dostatecznie wiedzieć nie możem, snadź justyfikując się, że invitus za danim od w. k. mości wielu przyczyn, woynę musiał podnieść przeciw w. k. mości, i zatym wzywał go ad societatem belli, ukazując mu czas i pogodę dobrą na w. k. mość, prosił, aby mu pozwolił z Finlandyi do Inflant woysko prowadzić przez ziemię Moskiewską, snadź by też miał u niego pieniędzy pożyczać, chcąc mu te zamki zastawić, które teraz pobrał w Inflanciech. Baczyliśmy jednak, że Moskwa nie kontenci z poselstwa Karolusowego, i przyjaźń jego, którą zprzodku pochwycili łacno, zaniechawszy, i onę swoję chlubę pierwszą spuściwszy, do nas się obrócili i dopiero na niedzieli 21 po przyjechaniu naszym, co dzień nas wzywając, o pokoju doczesnym (bo do wiecznego non sunt capaces) z nami namowy czynili. Jakoż zawarliśmy pokóy do lat 20, po wyjściu przymierza pierwszego, temiż kondycyami, jako pierwsze

przymierze było zostanowione, a pod ten czas o wiecznym zjednoczeniu przez posły z obustron namowy być mają. O czym wszystkim da Pan Bóg ustnie szerszą sprawę w. k. mości naszemu miłościwemu panu sami damy, i wyjechawszy już w imię Boże z Moskwy 13 Martii, śpieszemy się jako nayprędzey do w. k. mości p. naszego miłościwego przybyć, by jedno zła droga rostokiem nas nie zabawiła i nie zatrudniła. A jeżlibyś w. k. mość wiadomość o wszystkim dostatecznieyszą mieć chciał, tedy dla tego do w. k. mości pana starostę Urzelickiego, który wiadom traktatów, posłaliśmy, żeby w. k. mości naszemu miłościwemu panu ustnie o wszystkim sprawę dał.

Joachima Greve za naszą instancyą kniaź Moskiewski wypuścił i dał go do nas samo czwartego, który iedzie z nami, i insze towarzystwo kniaź obiecał wielki wypuścić i zarazem posłano po nie do Wielkiego Nowogrodu, którzy, spodziewamy się, albo gdzie nam drogę zajadą, albo ich po wyjechaniu naszym z granic za nami wyszlą. — Datum z Możayska, 16 Marca 1601 roku.

Leo Sapieha. Stanisław Warszycki. Eliasz Pielgrzymowski, kasztelan Warszawski.

II.

Къ № 5.—1601—1602 гг. Посольство Салтыкова-Морозова, Плещеева и дьяка Власьева.

Статейный списокъ пословъ въ «Вивліоѳикѣ» напечатанъ былъ, очевидно, по ркп. Императ. Эрмитажа № 488 (нынѣ въ Императ. Публичной Библіотекѣ): въ ней тѣ же самые пропуски въ текстѣ, что и въ изданіи (ср. выше стрр. 109, 128, 160—162 и 170). Рукопись XVII в., въ 4-ку на 164 (II+162) листахъ.

III.

1605 г. Посольство Гонсевскаго.

Объ этомъ посольствѣ русскихъ документовъ не сохранилось. Инструкцію, данную Гонсевскому королемъ Сигизмундомъ въ Краковѣ 23 августа 1605 г., и вѣрющую грамоту отъ того же числа см. въ 1 томѣ «Русской Историч. Библіотеки», изд. Археографич. Комиссіей, Спб. 1872 г., стр. 402—409. Польская рукопись, по которой напечатаны эти документы, хранившаяся въ Библіотекѣ Главнаго Штаба за № 3267, по сообщенію послѣдняго (въ 1911 г.), «была выдана въ 1870 г. д. с. с. Муханову и не возвращена въ Библіотеку; исключена изъ каталога Библіотеки въ 1894 г.».

IV.

1605 г. сентября 5—мая 1606 г.—Посольство Аѳ. Власьева.

Документы, касающіеся этого посольства, находятся: въ польской рукописи Императорской Публичной Библіотеки, F. IV, № 119, извлеченія изъ коей напечатаны въ томъ же I томѣ «Русской Исторической Библіотеки» стрр. 1 и слѣдд. Изъ этой рукописи печатаются: вѣрющая грамота, рѣчи Власьева королю Сигизмунду и отвѣтъ послѣдняго. Часть рѣчей Власьева была напечатана во II т. Актовъ Западной Россіи, № 165, стрр. 251—252, по «современной рукописи Брестскаго воеводы Христофора Зеновича, Miscellanea Poloniae (XVI—XVII вв., писанной въ листъ, стр. 345, № акта 103), хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ». Объ этой рукописи Зеновича И. А. Бычковъ сообщаетъ С. А. Бѣлокурову слѣдующее:

«Я пересмотрѣлъ каталоги нашихъ рукописей латинскихъ, польскихъ и разноязычныхъ, именно отдѣлы исторіи и смѣшаннаго содержанія, — и рукописи Брестскаго воеводы Христофора Зеновича не нашелъ. Обратился я тогда къ печатнымъ «Протоколамъ засѣданій Археографической Коммиссіи», и нашелъ въ нихъ слѣдующее: 7 Января 1838 года рукопись Зеновича была послана изъ Библіотеки въ Археографическую Коммиссію, которая поручила разсмотрѣніе списковъ съ древнихъ актовъ, заключающихся въ этой рукописи, Онацевичу (см. «Протоколы», вып. I, С.-Пб. 1885, стр. 193). Въ засѣданіи 28 Марта 1838 года членъ Коммиссіи протоіерей Григоровичъ читалъ свое донесеніе о содержаніи рукописи Зеновича («огромный сборникъ, въ которомъ встрѣчаются не только историческіе документы, но и сатиры, эпиграммы, военныя пѣсни и пр.») и представилъ реестръ тѣхъ изъ актовъ, которые могутъ быть напечатаны въ Актахъ Западной Россіи («всѣ акты по бо́льшей части писаны на латинскомъ языкѣ; на польскомъ ихъ немного; на бѣлорусскомъ только два», см. тамъ же, стрр. 238—244) [1]. Коммиссія опредѣлила «всѣ исчисленные документы напечатать въ Собраніи актовъ Западной Россіи. Что же касается до постороннихъ актовъ, находящихся

---

[1] Эта же выписка изъ протокола засѣд. Археогр. Коммиссіи была напечатана въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1838 годъ. Ср. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, I, стр. 837 и 1338.—Въ трудахъ польскихъ ученыхъ, занимавшихся рукописями Импер. Публичной Библіотеки, касающимися Польши, не встрѣчается никакихъ указаній на рукопись Зеновича.

въ рукописи Зеновича, то она находитъ предположеніе о. протоіерея о напечатаніи ихъ отдѣльно весьма основательнымъ и предоставляетъ ему составить въ свое время планъ таковому изданію и представить его въ Коммиссію» (тамъ же, стр. 244).

Такого плана, сколько извѣстно, не было потомъ представлено въ Коммиссію.

Въ 1839 году главнымъ редакторомъ иностранныхъ актовъ въ Археографической Коммиссіи былъ назначенъ Востоковъ (бывшій въ то время хранителемъ рукописей Имп. Публ. Библіотеки), а 22 Декабря того же 1839 года министръ народнаго просвѣщенія опредѣлилъ, что «нѣтъ болѣе надобности въ употребленіи къ вышепомянутымъ трудамъ (т.-е. къ отысканію въ Петербургскихъ библіотекахъ актовъ на латинскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и др. языкахъ, относящихся къ Западной Россіи и подготовленію ихъ къ печати) Онацевича, а потому освободить его отъ всякихъ по Археографической Коммиссіи занятій и порученій съ прекращеніемъ производства опредѣленнаго за то денежнаго вознагражденія» (тамъ же, стр. 533).

Затѣмъ я направилъ свои поиски въ архивъ Библіотеки и пересмотрѣлъ дѣла по отправкѣ библіотечныхъ рукописей въ Археографическую Коммиссію за 1837—1841 годы. Оказалось, что рукопись Зеновича была потребована въ Коммиссію въ Декабрѣ 1837 года вслѣдствіе заявленія Онацевича. Изъ препроводительной бумаги Библіотеки видно, что рукопись была «на 408 полулистахъ» (№ рукописи не означенъ, потому что въ старое время, при Востоковѣ, рукописи не были занумерованы, — кромѣ рукописей изъ собранія графа Ѳ. А. Толстого, которыя имѣли тогда свою особую нумерацію согласно печатному каталогу). Далѣе оказалось, что 22 Декабря 1839 года эта рукопись Зеновича была возвращена изъ Коммиссіи въ Библіотеку «какъ нужная Востокову». Несомнѣнно, Онацевичъ, по заявленію котораго рукопись была вытребована въ Коммиссію и который теперь былъ изъ нея уволенъ, просилъ Востокова объ истребованіи этой рукописи въ Библіотеку, гдѣ онъ могъ бы продолжать ее изучать.

Какъ извѣстно, въ Мартѣ 1844 года Востоковъ былъ уволенъ отъ должностей хранителя рукописей Имп. Публ. Библіотеки и старшаго библіотекаря Румянцовскаго Музея вслѣдствіе утраты нѣсколькихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, принадлежавшихъ Библіотекѣ и Музею. А. Терещенко по поводу этого печальнаго событія писалъ (въ Августѣ 1844 года) Востокову, между прочимъ, слѣдующее: «Не мѣшало бы посмотрѣть (т.-е. нѣтъ ли пропавшихъ рукописей и книгъ) между книгами Онацевича, — о, этотъ!» Все изложенное

наводитъ на мысль, что именно Онацевичъ взялъ изъ Библіотеки рукопись Зеновича, которая у него и осталась.

Отъ покойнаго моего родителя я слышалъ объ этомъ же Онацевичѣ, что онъ вырѣзывалъ изъ латинскихъ и польскихъ рукописей Библіотеки нѣкоторыя интересовавшія его статьи.

Пересматривая наши каталоги и нѣкоторыя изъ самыхъ рукописей латинскихъ и польскихъ, я нашелъ въ рукописи Польск. F. IV. № 119 на л. 84 (нижней помѣты) и слѣд. описаніе посольства Власьева, подъ заглавіемъ «Poselstwo wielkiego kniazia Moskiewskie⁰ Dmitra Iwanowica do króla je⁰ mci A⁰1605». Тутъ приводится полностью и тотъ документъ, который вами мнѣ былъ присланъ: Z Boży łaski wielki hospodar cesarz... *и т. д.* kazał mówić: Dla grzechów wszytkiego sławnego chrześciańśtwa y za niezgodę... *и т. д.* На эту рукопись имѣются ссылки у Костомарова въ его «Смутномъ времени Московскаго государства», т. I, С.-Пб. 1868, стр. 268 и слѣд.»....

Copia listu cara Moskiewskiego do króla iego mości.

Nos serenissimus ac invictissimus monarcha, Demetrius Ioannis, Dei gratia caesar et magnus dux totius Russiae atque universorum Tartariae regnorum, aliorumque plurimorum dominiorum, monarchiae Moschoviticae subjectorum, dominus, rex serenissimo ac invictissimo domino, domino Sigismundo tertio, Dei gratia regi Poloniae, magno duci Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae etc. nec non Suecorum, Gottorum, Vandalorumque haereditario regi salutem et faelicem gubernationem a Domino precamur.

Veteri consuetudine apud magnos potentesque reges ac imperatores receptum est, ut postquam quispiam illorum divina clementia imperii aut regni sui solium conscenderit, id ipsum exteris ac vicinis principibus notum faciat, quod idem etiam nos hoc tempore faciundum nobis putavimus. Quando quidem divina providentia in potestatem avia regna nostra recepimus atque ideo per serenissimam imperatricem dominam parentem nostram, benedictione nobis tanquam haeredi impartita, a sanctissimo patriarcha nostro non modo in imperatorem longe lateque patentium dominiorum nostrorum, verum etiam in regem universorum Tartariae regnorum, quae multo ab hinc tempore monarchiae nostrae parent, coronati et sacratissimo chrismate inuncti sumus. Igitur hac de re serenissimam maiestatem vestram regiam per nuncium nostrum Athanasium Ioannis Vlasieiowa, thesaurarium aulae nostrae, certiorem reddimus ac petimus, ut ei in omnibus, quaecunque tantum

nomine nostro apud s. m. v. regiam egerit, fides detur, ejusdemque dicta, ut nostra, accipiantur. Datum Moscoviae, ex solio nostro 5 septembris, anno Domini 1605. S. m. v. intimus amicus Demetrius.

Poselstwo wielkiego kniazia Moskiewskiego Dimitra Iwanowica do króla jego mci 1605.

Boga w Tróicy chwaląc, naiaśnieiszy y niezwyciężony iedinowłaica, wielki hospodar Dimitr Iwanowic, z Bożey łaski cesarz y wielki kniaź wszytkiey Rusi y wszytkich Tatarskich czarstw y innych wielu hospodarstw Moskiewskiey monarchiey podległych hospodar, car y obładaciel etc. wam, naiaśnieiszemu wielkiemu hospodarowi Zigmuntowi, z Bożey łaski królowi Polskiemu y wielkiemu kniaziu Litewskiemu, Ruskiemu, Pruskiemu, Mazowieckiemu, Żmudzkiemu etc. y Szwedzkiemu, Gotskiemu, Wandalskiemu dziedzicznemu królowi, pyzyiacielowi y samsiadowi kazał się pokłonić.

Potym mówieł poselstwo. Z Bożey łaski wielki hospodar, cesarz y wielki kniaź Dimitr Iwanowic, wszytkiey Rusi samodziersca, z wielu hospodarstw hospodar y obładacieł wą, wielkiemu hospodarowi, kazał mówić: Bożym sprawiedliwym sądem y iego mocną prawicą y successią prarodziców naszych, wielkich hospodarów, cesarzów Ruskich, oica naszego, wielkiego hospodara, cesarza y wielkiego kniazia Iwana Wasilowica, wszytkiey Rusi samodziersce, y brata naszego wielkiego hospodara, cesarza y wielkiego kniazia Fiedora Iwanowica, wszytkiey Rusi samodziersce, uczynilizmy się na wielkich hospodarstwach, na Włodzimirskim y na Moskiewskim y na Nowogrodzkim y na carstwach Kazańskim y Astrahańskim y na Siewierskim y na wszytkich wielkich y sławnych hospodarstwach Ruskich carstwa cesarzem y wielkim kniaziem, wszytkiey Rusi samodzierscem y, prosąc Pana Boga łaski, za błogosławieństwem matki naszy Fiedorowy, wielkiey hospodarini, cesarzowey y wielkiey kniaziney, zakonniczki Marthy Fiedorowey wszytkiey Rusi, koronowanizmy od świetnieiszego patriarchy cesarską koroną y diademą. Posłalizmy do was, wielkiego hospodara, po naszy lubvi, hospodarstwo nasze oznaimić podskarbiego naszego y namiestnika Murowskiego y bliźny dumi diaka Janusza Iwanowica Własiewa, y wprzód z wami wielkim hospodarem chcemy być w przyiaźni y w miłości mimo wszytkich wielkich hospodarów, żeby za wspomożeniem Bożym y za naszą cesarską miłą przyiaźnią chrześciańską (chrześciaństwo?) z rąk bisurmańskich wyswobodzone było y wprzód by wszytkim chrześcianom być w pokoiu y w oyczyźnie y

w błogosławionym na każdy czas pomieszkaniu, żeby nasza wielkich hospodarów ręka była wywyszona, a pogańskich poniżona.

Zaś potym mówieł: Съ Божой ласки *) великій господаръ Дмитръ Ивановичъ, всеѣ Руси самодержца, вамъ, великому господару, пріятелеви и сусѣдови своему, Жикгимонтови королеви казалъ мовити:

Для грѣховъ всего православнаго[1] христіянства и за незгодою всихъ великихъ господаровъ христіянскихъ, непріятель крижа святого Христова,[2] Турскій султанъ опановалъ велѣ христіянскихъ панствъ, а наболѣй Грецкихъ...,[3] на которой[4] есть корень и голова всего благословенства,....[5] гдѣ панъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ, Слово Божое, народитися злюбилъ, и святый.....,[6] Галилею и поморскіе[7] земли вси, и самое тамъ-то святое мѣсто Ерусалимъ, гдѣ панъ нашъ Іисусъ Христосъ много чудовъ учинивши, муку и смерть для збавленья нашого доброволнѣ под...,[8] и всталъ зъ мертвыхъ....[9] Тые вси святые мѣста видимъ отриманы Измаилскими[10] гордыми руками, а нашу святую правдивую[11] православную хрестіянскую вѣру отвсюль видимъ....[12] и понижоную, яко овца не маючи пастыря; а згола,[13] поганьская владза вездѣ роз....[14], и много хрестіянскихъ панствъ подъ свою владзу окрутнѣ....,[15] а ничимъ насытитися не могутъ. А теперь вѣдомость до нашего цесарского маестату пришла, ижь непріятель всего хрестіянства,[16] непріятель крижа святого[17] Христова, Турскій султанъ у Родолфа цесара Римского Венгерскіе земли побралъ,[18] и въ инпшихъ[19] мѣстѣхъ православнымъ[20] христіяномъ утѣсненіе чинится. Того мы, великій господаръ цесаръ, великій князь Дмитръ Ивановичъ, всеѣ Руси

---

*) Перепечатывается изъ Актовъ Западной Россіи и отмѣчаются варіанты польской рукописи.

[1] Dla grzechów wszytkiego sławnego chrześciaństwa.

[2] Христова въ польск. текстѣ нѣтъ.

[3]—[4] A nabarzy Graecią, skąd iest.

[5] Błogosławieństwa, błogosławione Betleem, gdzie.

[6]—[7] Y swięte Nazareth y Galileia y zamorskie ziemie.

[8] Dobrowolnie podiął.

[9] Z martwych trzeciego dnia.

[10] Izamelskimi.

[11] Правдивую въ польскомъ текстѣ нѣтъ.

[12] Widziemy wzgardzoną y poniżoną.

[13]—[14] A złośliwą pogańską władzę wszędzie rozciąga się, y wiele.

[15] Okrutnie podbiiaią y niczym.

[16] Chrześcyaństwa y nieprzyiaciel.

[17] Святого въ польскомъ текстѣ нѣтъ.

[18] W Węgierskiey ziemi zamki pobrał.

[19] Y winszych wielu mieiscach.

[20] Prawowierny.

самодержца, жалѣемъ съ души и сердца, и того у пана Бога просимъ и съ пильностію промышляти хочемъ, жебы намъ всимъ великимъ[1] господаромъ христіянскимъ быти межи собою въ пріязни и въ милости и въ едноченью, жебы нашимъ великихъ господаровъ христіянскихъ[2] стараньемъ христіянство зъ рукъ бусурманскихъ высвобожено было, и рука бы наша....,[3] а поганьская была понижена. А васъ великого господаря Жикгимонта короля въ томъ[4] напоминаемъ, и зъ милости вамъ тое великое дѣло объявляемъ, и хочемъ то[5] вѣдати, што умысливаете на тую такъ великую рѣчъ.... — И вамъ бы великому господару Жикгимонтови королеви, пріятелеви и сусѣдови нашему помыслити собѣ, и намъ бы великому господару умыслъ свой объявити, и черезъ подскарбія нашого и намѣстника Муравского,[6] и....[7] думного дьяка, до насъ о томъ отписати, што за умыслъ вашъ на то, жебы нашимъ господарскимъ стараніемъ христіянство зъ рукъ поганьскихъ высвобожено было.

A potym mówi in secretis: naiaśnieyszy y niezwyciężony samodziersca wielki hospodar Dimitr Iwanowic, z łaski Boży cesarz y wielki kniaź wszytkiey Rusi, wszytkich Tatarskich cesarstw y innich wiele hospodarstw Moskiewskiey monarchiey podległych hospodar, car y obładaciel, wam dał wielkiemu hospodarowi Zygmuntowi, z Boży łaski królowi Polskiemu y wielkiemu kniaziowi Litewskiemu y innych, za braterską miłością kazał obiawić: jako za wolą Bożą, a za twoim brata naszego łaskawym wspomożeniem, a po successiey prarodziców naszych wielkich hospodarów naszych, cesarzów Ruskich, oyca naszego wielkiego hospodara, cesarza y wielkiego kniazia Iwana Wasilowica, wszytkiey Rusi samodziersce, y brata naszego wielkiego hospodara, cesarza y wielkiego kniazia Fiedora Iwanowica, wszytkiey Rusi samodziersce, y za błogosławieniem matki naszey, wielkiey hospodariny, cesarzowey y wielkiey kniazyny, zakonniczkiey Marthy Fiedorowey wszytkiey Rusi, uczynilizmy się na naiwysszy stolicy sławnych prarodziców naszych, na wszytkim hospodarstwie y na wszytkich wielkich hospodarstwach Ruskiego carstwa wielkim hospodarem, cesarzem y wielkim kniaziem, wszytkiey Rusi samodziersca, y bieliźmy czołem y

---

[1] Великимъ въ польск. текстѣ нѣтъ.
[2] Христіянскихъ въ польск. текстѣ нѣтъ.
[3] Chrześciaństwo... ręką by się naszą wywyszyło, a.
[4] Въ томъ въ польск. текстѣ нѣтъ.
[5] To od was wiedzieć.
[6] Murowskiego.
[7] Y blizny dumi diaka.

błogosławieństwa prosieli u matki naszy, wielkiey hospodariny, żeby matka nasza błogosławiła nas, wielkiego hospodara, złączyć się zzakonnym actem dla successiey naszego cesarskiego rodzaiu potomków, a poiąć by nam wielkiemu hospodaru w waszych przesławnych hospodarstwach Sendomirskiego woiewody Jerzego Mniszka córkę, dla tego, gdyźmy byli w waszych hospodarstwach, tedy woiewoda Sendomirski ku naszemu cesarskiemu maiestatowi wielkie swoie usługowanie y staranie pokazał y ną służył, y żeby wielki hospodar brat nasz woiewodzie Sendomirskiemu y córce iego do naszego cesarskiego maiestatu iachać pozwolił y dla braterski miłości żebyście wy wielki hospodar był u naszego cesarskiego maiestatu na weselu naszym w hospodarstwie Moskiewskim etc.

.....Nazaiutrz odprawowano posła Moskiewskiego. Pan canclerz Litewski odpowiedział od króla jego mci, że się cieszy s sczesnego na państwo kniazia wielkiego Moskiewskiego (wstąpienia?), chęci swoie ofiarował, a o lidze przeciw Turkowi daliey się porozumiewać maią. Obrażał się potym poseł tym, że w odprawie nie tribuowano panu iego titułu carskiego, tilko kniaziem a hospodarem wielkim go nazwano. Jako tesz przy bankiecie, czegom był przepomniał, obrażało go to, że królowi iego mci w tańcu do nóg przypadała. Na co mu powiedziano, że król j. m. y dobrodzyi iey iest y póki w koronie poddana iego. Tegom przepomniał: gdy u stołu poseł ieść nie chciał, posłał król j. m. do niego pana Woinę, czemu by nie iadł, na co powiedział, że nie godzi się chłopu ieść z monarchami. Posłał drugi raz, aby iadł, gdysz ossobę na sobie pana swego nosi. Odpowiedział: dziękuię królowi iego mści, isz mię imieniem pana mego czestuie; proszę iednak, abym u stołu tak wielkiego monarchy króla Polskiego y jei mci panney Szwedzdkiey nie iadł, tym się contentuiąc, że patrzę na sprawy iako pana y króla Polskiego, tak y panney królewney Szwedźkiey. Pieł potym król jego mć do niego za zdrowie pana iego y spełnieł ią za cztery razy, chociasz ledwie była czwarta część kwarty. Pieł potym, ale mało y ostrożnie, przeglądaiąc a często na pannę pana swego patrzaiąc, a gdy za zdrowie cara abo carowey jei m. pito, wstawał s stołka swego y upadał iako sługa u nóg.

Документы, касающіеся путешествія Власьева съ Мариной Мнишекъ, вѣнчанія ея и пр. см. въ томъ же I томѣ «Русской Историч. Библіотеки» стрр. 72 и др. и во II томѣ Собранія Государств. Грамотъ и Договоровъ №№ 99, 110—113, 116—119, 122—124, 127—129, 131—137 и дрр.

V.

1606 г. — Посольство Гонсевскаго и Олесницкаго.

О пріѣздѣ этихъ пословъ въ Москву «на веселье» (на свадьбу) «царя Дмитрія Ивановича» русскихъ документовъ нѣтъ. Свѣдѣнія объ этомъ находятся въ «Описаніи дѣлъ въ настоящее время въ Москвѣ, составленномъ и посланномъ 1606 г. въ канцелярію его королевскаго величества къ свѣдѣнію его величества нами, послами его королевскаго величества въ настоящее время въ Москвѣ, Малогоскимъ кастеляномъ Николаемъ изъ Олесницы Олесницкимъ и Велижскимъ старостой Александромъ Корвиномъ» (Русская Историческая Библіотека, т. I, стрр. 409—426, за время 12—27 мая). — См. также Historica Russiae monumenta, т. II, № 77.

VI.

1606 г. іюнь. — Грамота патріарха Іова князю В. К. Острожскому о „ростригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ“.

Въ виду упоминаній въ грамотѣ этой о сношеніяхъ между Польшей и Москвой по дѣлу «царя Дмитрія Ивановича» она перепечатывается изъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ» (т. I, Спб. 1846 г., № 151, стрр. 255—263), гдѣ она издана по «современному списку, писанному западно-русскою скорописью, (тетрадь въ листъ, на 6 л.). Въ началѣ заглавіе: Листъ всего духовного собору Московского до благочестиваго князя Василія Костантина Константиновича Острозского, воеводы Кіевского и прочая, писанный зъ Москвы року 1606 мѣсяца іюня. — *Изъ собранія актовъ, принадлежавшихъ архиву бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, нынѣ хранящихся при Святѣйшемъ Синодѣ».*

Божіею милостію благовѣрнаго и христолюбиваго, Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ превознесеннаго, и благочестіемъ всея вселенныя въ концы просіявшаго, истиннаго поборителя православной хрестіяньской вѣры, и во царѣхъ пресвѣтлѣйшаго, великаго и преславнаго хрестіянского г. ц. и в. к. Василья Ивановича, в. в. Р. с. и многихъ государствъ государя и обладателя, богомолцы, митрополиты, и архіепископы, и епископы, всего вселенского собору царствующаго града Москвы и всея великія Росіи, о святѣмъ Дусѣ возлюбленному сыну нашему князю Василію Костянтиновичу Острозскому, воеводѣ Кіевскому, маршалку земли Волыньское, нашего смиренія благословеніе. Божіимъ праведнымъ судомъ, за грѣхъ всего православного хрестіянства, учинился мятежъ и многое кроворозлитіе

въ Московскомъ господарствѣ: былъ у чюдотворца у Олексѣя въ Чюдовѣ манастырѣ въ діяконѣхъ чернецъ, звали его Григоріемъ, и послѣ того изъ Чюдова манастыря взялъ его къ собѣ первопрестолной апостольское церкви Іевъ патріархъ книгъ писати, а до чернечества въ мірѣ его звали Юшкомъ Богдановъ сынъ Отрепьева; и по вражію дѣйству, не оставя онъ прежняго своего злонравія и воровства, какъ дѣлалъ въ міру, отступилъ отъ Бога, впалъ въ ересь и въ чернокнижное звѣздовство и въ иные скверные дѣла, и призванье духовъ нечистыхъ и отреченіе отъ Бога у него выняли, и въ томъ онъ передъ своимъ патріархомъ и передъ нами на соборѣ обличенъ, и по правиломъ Святыхъ Отецъ и по нашему соборному уложенью, приговоренъ былъ сослати на Бѣлоозеро въ Каменный манастырь въ турму на смерть. И тотъ воръ, видѣвъ свою погибель и что его злодѣйство и воровство всѣмъ стало явно, съ своими товарищами съ чернцы, съ попомъ Варламомъ да съ крилошаниномъ съ Мисайломъ съ Повадинымъ, съ Москвы сбѣжалъ за рубежъ въ Литву, въ вашу державу, и богомерзскую свою ересь и отступленье отъ нашіе православные хрестіянскіе вѣры всѣмъ явно показалъ, забылъ иноческое обѣщанье, иноческій образъ съ себе свергъ, и по вражію совѣту, своимъ злодѣйственнымъ измѣннымъ обычаемъ, по умышленью Вишневецкихъ и иныхъ пановъ, которые ему совѣтовали, злочестивые уста и скаредный свой языкъ на злодѣйскіе дѣла изострили, учалъ называтися блаженныя памяти в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., сыномъ царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ; и своимъ злодѣйствомъ и вѣдовствомъ и призваніемъ нечистыхъ духовъ, многую смуту въ хрестіянствѣ учинилъ, многіе свои прелестные грамоты къ великаго государя нашего украинскимъ людемъ писалъ, называючи себе царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, и на Донъ и Ворону къ Донскимъ атаманомъ и казакомъ свое сатанинское знамя съ Литвиномъ Счаснымъ Свѣрскимъ посылалъ. И многіе лазутчики Литовскіе люди, приходячи въ великого государя нашего царство, его вражее писмо приносячи, и въ городѣхъ на посадѣхъ и на дорогахъ тые листы метали, умысля тѣмъ въ Московскомъ царствѣ споръ учинити и кроворозлитье всчати. А о томъ всѣмъ извѣстно, что у в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., былъ сынъ царевичь Дмитрей, и послѣ преставленія блаженныя памяти в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича, в. Р. с., данъ былъ ему съ матерію городъ Углечь. И въ прошломъ 99 году при в. г. блаженныя памяти ц. и в. к. Ѳедорѣ Ивановичѣ, в. Р. с., царевичь Дмитрей Ивановичь убитъ на Углечѣ, по Борисову велѣнію Году-

нова, а на погребеньѣ его была мать его царица и великая княгиня инока Мароа Ѳедоровна; а отпѣвали надъ нимъ Галасѣя митрополитъ Крутицкій и архимандриты и игумены, а в. г. ц. и в. к. Ѳедоръ Ивановичь, в. Р. с., посылалъ на погребеніе его болшихъ своихъ бояръ и съ ними дворянъ. И по сей часъ царевичь Дмитрей лежалъ на Углечѣ въ соборной церкви, и мать его царица и великая княгиня инока Мароа и нынѣ жива, а братья ея и дѣдъ Игнатей и нынѣ служатъ в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичу, в. Р. с. А тотъ воръ, что называлъ себя царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, былъ страдникъ, богоотступникъ, еретикъ и вѣдомой ростирга, сына боярского Богдановъ сынъ Отрепьева. И въ прошлыхъ годѣхъ, во 111 и во 112, о томъ богоотступникѣ еретикѣ изъ Сѣверское землѣ изъ украинныхъ городовъ писали къ тебѣ ко князю Василію Костянтиновичу государя нашего бояре и воеводы многажды, а послѣ того посылалъ къ тебѣ нарочно отецъ нашъ первопрестолникъ святѣйшій патріархъ Іевъ Московскій и всея Россіи посланника своего Аѳонасья Палчикова съ своею грамотою, вѣдая то, что ты, князь Василей Костянтиновичь, истинную непорочную нашу хрестіяньскую вѣру держишь крѣпко, и по благочестіи и по святыхъ Божіихъ церквахъ побораешь. А въ грамотѣ своей писалъ къ тебѣ отецъ нашъ святѣйшій Іевъ патріархъ, что въ твоихъ предѣлѣхъ, по вражію дѣйству, множится ересь, и истинной хрестіянской вѣрѣ многое поруганіе и безчиніе, и великимъ государемъ хрестіянскимъ, ихъ царскому имени, позоръ и укорителство, и межу великихъ господарствъ въ перемирное время ссоры и вражды и кроворозлитія счинаются отъ враговъ креста Христова и измѣнниковъ, которые въ великого государя нашего государствѣ за ихъ богомерзкіе злодѣйскіе дѣла приговорены были, по соборному уложенью и по градному суду, сжечи, а иныхъ сослати на заточеніе, и отъ того сбѣжали въ Литовскую землю за рубежъ, и селятся въ вашихъ предѣлѣхъ, и злые плевелы еретическіе сѣютъ, межу царствъ вражду дѣлаютъ и ссору чинятъ; и про того богоотступника отецъ нашъ патріархъ Іевъ писалъ къ тебѣ въ своей грамотѣ, съ свѣдѣтельствы, обличая того еретика, и откуды тотъ богоотступникъ взялся, и каковъ онъ человѣкъ, и какими обычаи и отчего къ вамъ за рубежъ сбѣжалъ, и богоотступленіе свое и поруганіе иноческому образу и священническому сану показалъ, и какими обычаи царевича Дмитрея не стало; и о томъ тебѣ напоминалъ, что тебѣ князю Василію Костянтиновичу, какъ есть пану хрестіянскому, вѣдая то, православной хрестіянской вѣрѣ иноче-

скому образу ругателства не похотѣти, и межъ великихъ государей и ихъ великихъ государствъ мирного постановенья не нарушити, и кроворозлитья во хрестіянствѣ видѣть не похотѣти, того вора богоотступника и еретика велѣти поймати и прислати его къ Іеву патріарху, и надъ нимъ велитъ учинить по правиломъ Святыхъ Отецъ и по соборному уложенію, чтобъ отъ такихъ злодѣевъ и еретиковъ великое и пресвятое имя Господа нашего Исуса Христа не похулено и иноческій образъ поруганъ не былъ; самому тебѣ извѣстно апостольское преданіе и правило Святыхъ Отецъ и Вселенскихъ седми соборъ про иноческій образъ. И ты, князь Василей Костянтиновичь, противъ тѣхъ всѣхъ грамотъ, невѣдомо какими обычаи, не писалъ къ намъ про того богоотступника ни одного слова, и посланника Аѳанасья Палчикова у себя задержалъ и отпустилъ не съ чѣмъ. А какъ король и паны-рада, преступя свое крестное цѣлованье и нарушивая мирное постановенье, послали съ тѣмъ богоотступникомъ, на раздрушеніе истинные нашіе православные вѣры хрестіянскіе, приведши того богоотступника Гришку Отрепьева къ присязѣ, при папежевомъ легатѣ, на томъ, что ему истинная наша непорочная хрестіянская вѣра соединачить съ Римскою вѣрою, и на разореніе всего Російского царствія, Сендомирского воеводу Юрья Мнишка и Острянского старосту Михайла Ратомского, со многими Полскими и Литовскими людми; и они всѣ шли на Кіевъ, и Днѣпръ перевозились подъ Кіевомъ, и шли въ государя нашего царство въ Сѣверскую землю, всѣ, твоею державою; а ты имъ не воспретилъ и такого богоотступника еретика не обличилъ, а вѣдомо тебѣ было про него подлинно, потому что онъ объявился напередъ въ твоихъ предѣлѣхъ во иноческомъ образѣ. А какъ бояре свѣдали про того богоотступника, что онъ въ Литвѣ, и король и паны-рада, спростираясь на хрестіянское кроворозлитіе и на разореніе истинные нашіе православные хрестіянскіе вѣры, не взыскавъ и не роспрося про него, называютъ его прямымъ царевичемъ Дмитреемъ, — и бояре послали къ паномъ-радѣ къ Полскимъ и Литовскимъ въ посланцѣхъ Смирного Отрепьева, а тотъ Смирной тому богоотступнику еретику родной дядя, отцу его Богдану родной братъ; и паномъ-радѣ бояре о томъ приказывали, чтобы они тому вору не вѣрили и велѣли бы дядю его съ тѣмъ воромъ поставити съ очей на очи, и онъ его воровство объявитъ. И Смирной о томъ, будучи у пановъ-радъ, говорилъ, чтобы съ тѣмъ его племянникомъ, которой называется царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, поставили его съ очей на очи; и паны-рада того вора съ роднымъ его дядею съ очей на очи

не поставили, а отказали Смирному, что они тому вору ничѣмъ не вспомагаютъ и за него не стоятъ. А отпустя Смирного, почалъ Жигимонтъ король и паны-рада тому богоотступнику еретику на розореніе Російского царствія болши прежнего помагати, хотячи истинную нашу православную христіянскую вѣру разрушити. И какъ тотъ богоотступникъ еретикъ, и Сендомирскій воевода, и Михайло Ратомской пришли въ государя нашего землю на Сѣверу, и учалъ Юрій Мнишекъ прелщати и устращивати тутошнихъ севрюковъ королевскимъ именемъ, что будто тотъ воръ прямой царевичь, и король и паны-рада будто про него сыскали подлинно, и стояти за него хотятъ всею Полшею и Литвою. И на Сѣверѣ мужики севрюки, люди простые, забывъ Бога и души свои, повѣря Сендомирскому воеводѣ Юрью Мнишку съ товарыщи, что они паны радные, почали приставати къ тому вору. И бояре и воеводы съ многихъ городовъ и изъ полковъ про царевичеву Дмитрееву смерть и про того вора писали многажды къ Сендомирскому воеводѣ Юрію Мнишку, и къ ротмистромъ, и къ Черкаскимъ атаманомъ о всемъ подлинно, чтобы они тому богоотступнику еретику ростригѣ не вѣрили, и крестного цѣлованія не преступали, и мирного постановенья не нарушивали; и Сендомирской воевода Юрій Мнишекъ съ товарищи тому не повѣрили, и многую кровь христіянскую пролили: про то тебѣ самому вѣдомо. И царь Борисъ посылалъ для того нарочно къ Жигимонту королю посланника своего Постника Огарева, и съ нимъ въ грамотѣ своей къ королю писалъ и рѣчью велѣлъ говорити, что царевича Дмитрея не стало, и какъ тотъ воръ чернецъ рострига Гришка Отрепьевъ, дьяволскимъ ученіемъ и призываніемъ нечистыхъ духовъ, такое злое дѣло замыслилъ, назвался царевичемъ Дмитреемъ, и какъ они ему помагаютъ, чтобы тому увѣрились, что сбѣжалъ воръ да говорилъ такіе невмѣстные слова; да и о томъ царь Борисъ королю съ Постникомъ приказывалъ, держати ему впредь премирья. И Жигмонтъ король и паны-рада предъ посланникомъ предъ Постникомъ во всемъ томъ запиралисъ, а говорили, что тому вору не помагаютъ ничѣмъ, и мирного постановенья не нарушиваютъ, и впередъ держати хотятъ, а тотъ воръ будто ушелъ у нихъ на Волынь, а кто будетъ ему изъ Полши и изъ Литвы помагати, и тѣхъ хотѣли казнити. И отпустивъ отъ себе посланника, болши прежняго почали тому вору всякими мѣрами помагати, изъ Польскихъ и Литовскихъ городовъ и со всѣхъ пограничныхъ мѣстъ въ Московское государство безпрестани старосты и державцы присылали листы, называючи того вора прямымъ царемъ

Дмитреемъ Ивановичемъ, хотячи того, чтобы Московское государство въ ссору и въ разореніе до конца привести, истинную нашу православную христіянскую вѣру изламати; и на Донъ къ казакомъ, по королевскому и пановъ-радъ розсказанью, посылалъ воевода отъ себя Поляка Свѣрьского съ тѣми же съ неподобными рѣчми. И отецъ нашъ первопрестольникъ Іевъ патріархъ Московскій и всея Русіи и мы, митрополиты и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ, видя то, что, дьявольскимъ совѣтомъ, кровь христіянская проливается черезъ крестное цѣлованіе, посылали и къ наивысшей радѣ короны Полской и великого княжества Литовского, къ арцыбискупомъ и бискупомъ и ко всему духовному чину, съ грамотами посланника Андрея Бунакова, а грамоты послали за своими печатми; и писали къ нимъ о томъ богоотступленикѣ еретикѣ о Гришкѣ Отрепьевѣ, свидѣтельствомъ обличая того вора, что онъ прямой воръ богоотступникъ, еретикъ, чернецъ ростригa Гришка Богдановъ сынъ Отрепьева, Іевъ патріархъ и мы всѣ, митрополиты и архіепископы и епископы, сами его знаючи, и во діяконы его Іевъ патріархъ ставилъ, и послѣ того онъ объявился во еретичествѣ, и былъ при всѣхъ на соборѣ и осуженъ былъ на смерть въ заточенье, и убѣжалъ отъ смерти, діявольскимъ совѣтомъ розстригся и назвался царевичемъ Дмитреемъ; и про царевичеву Дмитрееву смерть также съ свидѣтельствомъ писали, чтобы Жигимонтъ король и они паны-рада тому не вѣрили и крови христіянскіе не розливали черезъ крестное цѣлованье. И паны-рада тому всему не вѣрили, и того посланника у себѣ задержали, и то все поставили ни во что, хотячи того, чтобы истинная наша православная христіянская вѣра и все Російское царство въ разореніѣ учинити. И тотъ богоотступникъ еретикъ ростригa Гришка Отрепьевъ, дьяволскимъ ученіемъ и умысломъ и вспоможеніемъ государя вашего Жигимонта короля и пановъ-радъ, въ Російскомъ царствѣ многую смуту и разореніе учинилъ, церкви Божіи осквернилъ и многихъ православныхъ христіанъ, которые его злодѣйство вѣдали и обличали, наипаче же отъ духовного чина и иноковъ многихъ, побарающихъ о вѣрѣ, премучилъ и въ заточеніе отосла; и прелестію бѣсовскою, злыми мечтами своими, тотъ богоотступникъ и царского вѣнца коснуся; а нынѣ[1] понялъ было за себя изъ Полши королевского воеводы Сендомирского дочи, и съ Сендомирскимъ воеводою, и съ старостою Сенацкимъ, и съ Стадницкимъ, и съ Тарломъ, и со княземъ Костянтиномъ Вишневецкимъ,

---

[1] Вмѣсто «а нынѣ» кажется должно читать: «и потомъ».

и съ иными паны Полскихъ и Литовскихъ людей многихъ къ Москвѣ привелъ, и церкви Божьи и святые иконы обругалъ, и православнымъ христіяномъ Російского царствія многое насилство и кроворозлитіе учинилъ. Послѣдній же его злый совѣтъ съ Сендомирскимъ воеводою, и съ Вишневецкимъ, и съ Сенацкимъ старостою, и Сендомирского воеводы съ братіями, и съ Тарломъ[1], и съ Стадницкимъ, и со всѣми Поляки и съ Литвою, которыхъ они привели на разореніе Московского государства, хотѣли на Москвѣ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ, и весь освященный иноческій чинъ, и бояръ и дворянъ и приказныхъ людей, и всѣхъ лучшихъ людей служивыхъ и жилецкихъ Російского царствія побити, а иныхъ въ Польшу и въ Литву отослати, и престолы въ Божіихъ церквахъ разорити, а Римскіе костелы подѣлати, езувитовъ на то съ собою многихъ привели и росписали, кому гдѣ быти. Мы же, митрополиты и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре и дворяне, и всенародное множество Російского[2] царствія, видя такое разрушеніе истинной нашей православной христіянской вѣрѣ и всему Російскому царствію конечную погибель, о томъ зѣлно возрыдали и молили всещедраго и милостиваго человѣколюбиваго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и пречистую его Матерь, нашу надежду и заступницу, и всѣхъ святыхъ, чтобы насъ[3] и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ такіе бѣсовскіе прелести и смущенія[4] избавилъ, и не далъ бы злымъ волкомъ и хищникомъ стада своего въ расхищеніе и истинныя нашія православныя христіянскія вѣры въ попраніе; и прося у Бога милости, обѣщались всѣ, за истинную нашу непорочную христіянскую вѣру, противъ того богоотступника еретика ростриги и противъ его совѣтниковъ такихъ же еретиковъ, которыхъ привелъ на разореніе православныя нашея вѣры, стати и подвизатися крѣпцѣ и мужественнѣ до смерти; и ожидали того, какъ изо всего Російского царствія служилые и всякіе люди съѣдутся. А какъ изо всего Російского царствія служилые и жилецкіе и всякіе люди съѣхались, и царица великая княгиня инока Мареа, царевичева Дмитреева Углецкого мать, сказала предъ нами, митрополиты и архіепископы и епископы, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, и предъ бояры и предъ дворяны и предъ приказ-

---

[1] Въ ркп. «изстарвы».

[2] Тамъ же вмѣсто «Російского» ошибкою: «Римского».

[3] «Чтобы насъ», такъ поправлено по смыслу и примѣняясь къ подобнымъ выраженіямъ въ грамотахъ XVII вѣка. Въ ркп. вмѣсто того сказано: «чтомыхъ нами».

[4] «И смущенія», такъ поправлено; въ ркп. «и мученія».

ными, и предъ всѣми людми служилыми и жилецкими всего Російского царствія: какъ тотъ воръ, вражіею прелестію, пріѣхалъ изъ Путивля къ Москвѣ, и онъ, вѣдая свое воровство и ложный свой злый совѣтъ, послалъ по ней своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того стеречи накрѣпко, чтобы къ ней никто не приходилъ и никто бы съ нею о немъ не розговаривалъ; а какъ велѣлъ къ Москвѣ привезти, и онъ, вражіею своею прелестію, учинилъ будто встрѣчю и навстрѣчю пришолъ къ ней одинъ, а бояре иныхъ никакихъ людей къ ней не пустили, и говорилъ ей съ великимъ прещеніемъ, чтобы его не обличила, претя ей и всему ея родству злыми муками и смертнымъ убойствомъ, и посадилъ еи въ монастырѣ, и приставилъ потомужъ своихъ совѣтниковъ и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобы его воровство было неявно. И она до времени объявити въ народъ его воровства явно не смѣла, покамѣстъ съѣдутся ратные и всякіе люди Російского царствія. А какъ съѣхались къ Москвѣ изъ далнихъ мѣстъ всѣ люди Російского царствія, и она объявляетъ про него вора и обличаетъ его вражію прелесть и діявольскіе мечты предъ всѣми людми, что сынъ ея царевичь Дмитрей зарѣзанъ на Углечѣ, по повелѣнію Бориса Годунова, и умеръ у нее на рукахъ, а тотъ воръ называется ложно. Да у того жъ богоотступника у ростриги сысканъ списокъ съ ихъ злодѣйского съ утверженаго писма, какъ онъ укрѣпился съ Сендомирскимъ воеводою, будучи у него въ имѣніи въ Самборѣ, рука самого Сендомирского воеводы; а въ томъ ихъ писмѣ написано: какъ тотъ богоотступникъ еретикъ доступитъ государства Московского, и пойметъ за себя воеводину дочь, и ему вору дати той женѣ своей два великіе государства, Великій Новгородъ да Псковъ, со всѣми уѣзды, и съ думными людми и съ дворяны и съ дѣтми боярскими, и съ попы, и со всѣми приходы, и съ пригородки и съ мѣсты и съ селы, и волно ей въ тѣхъ великихъ государствахъ манастыри и костелы ставити римскіе, и бискупы и попы латинскіе, и вѣру утвержати римскую безо всякіе забороны, а ему вору, будучи на Московскомъ государствѣ, промышляти о томъ накрѣпко, чтобы всѣхъ людей во области Російского царствія отъ нашія истинныя православныя христіянскія вѣры греческого закона отвести и въ римскую вѣру превратити, и православныя святыя церкви въ Російскомъ царствѣ разорити и подѣлати костелы римскіе. А на томъ на всемъ онъ, богоотступникъ еретикъ, воеводѣ крестъ цѣловалъ и присягалъ передъ римскими ихъ учители, что ему по тому своему писму сдержати крѣпко, и всѣхъ людей Російского царствія въ вѣру римскую привести. Да

и самъ воевода передо всѣми царского величества бояры сказалъ, что таковъ у нихъ договоръ съ тѣмъ воромъ былъ, и межи себе на томъ вѣрились, и то писмо его воеводина рука. Да воевода же сказалъ передъ бояры, что писалъ до него тотъ воръ ростригa съ Москвы листъ Полскимъ писмомъ, за своею рукою, что далъ ему городъ Смоленскъ со всѣмъ уѣздомъ да Сѣверу всю, и позволилъ ему въ тѣхъ государствахъ манастыри и костелы ставити римскіе, и утвержати римскую вѣру; и тотъ листъ сказалъ у себя въ Полши въ имѣню. Да у того жъ богоотступника еретика у ростриги сысканы грамоты, что писалъ къ нему папа и папины бискупы и попы, и что онъ богоотступникъ еретикъ писалъ къ папѣ, и къ кардиналомъ, и бискупомъ, и къ попомъ; а въ тѣхъ грамотахъ пишетъ папа и кардиналы и бискупы и попы къ тому богоотступнику къ ростригѣ, что они его благословили жениться у Сендомирского воеводы на дочери его, потому что онъ отъ греческія вѣры въ римскую вѣру отступилъ и всѣхъ людей государства Московского на то привести хотѣлъ, и онъ бы о томъ промышлялъ накрѣпко, чтобы ранѣе все Московское государство въ римскую вѣру привести и былъ бы онъ во всемъ томъ крѣпокъ и неподвижимъ въ римской вѣрѣ, на чомъ душу свою далъ папѣ и Полскому королю. Да къ тому жъ богоотступнику еретику писалъ Мартинъ Малякрида отъ папы, что папа о томъ радуется и веселится, что онъ ихъ вѣру римскую принялъ, и о томъ ему напоминаетъ, чтобы онъ многое христіянство, широкіе Московскіе государства, своею рукою въ вѣру римскую привелъ и укрѣпилъ, какъ онъ напредъ того въ своей грамотѣ къ прежнему папѣ Клименту изъ Самбора писалъ; и самому бы ему быти крѣпку въ ихъ римской вѣрѣ. Да къ тому жъ богоотступнику еретику и ростригѣ Гришкѣ Отрепьеву писалъ папинъ легатъ, которой живетъ у Полского короля въ Краковѣ, Клявдіусъ Рагаyусъ, что обѣщался онъ папѣ и имъ всѣмъ, чтобъ въ Російскомъ государствѣ греческую вѣру искоренить, а римскую вѣру утвердити, и они тому его слову вѣрятъ; и онъ бы по тому своему слову вскорѣ то учинилъ, и своему имени отъ папы и отъ нихъ ото всѣхъ честь принялъ. Да папа же писалъ кардиналу Краковскому, похваляючи его, что онъ благословилъ на обручанье дѣтей своихъ, того богоотступника Гришку съ воеводянкою Сендомирскою, и онъ бы кардиналъ дочь свою воеводянку укрѣплялъ, чтобы она римскую вѣру держала крѣпко, и всѣмъ прямымъ сердцемъ промышляла съ мужемъ своимъ вмѣстѣ, чтобы Московского государства людей всѣхъ подданыхъ къ римской вѣрѣ привести. А бого-

отступникъ еретикъ писалъ отъ себя грамоты латинскимъ писмомъ къ папѣ и кардиналомъ и къ бискупомъ, что онъ въ ихъ римской вѣрѣ крѣпокъ и неподвиженъ, и всѣ люди Московского государства въ римскую вѣру приведетъ вскорѣ, и манастыри и костелы римскіе велитъ ставить. Да и самъ тотъ богоотступникъ еретикъ рострига Гришка сказалъ, что то все дѣлалъ мечтами бѣсовскими; и которые были въ томъ его зломъ совѣтѣ Поляки и Литва, и тѣ всѣ сказали весь его окаянной злой совѣтъ. И Московского государства люди всенародное множество, видя такой сатанинской умыслъ и его угодниковъ совѣтъ на православную вѣру, и вооружась силою животворящаго креста Христова, облича его, тому богоотступнику еретику месть воздали, злой окаянной животъ свой скончалъ. А какъ онъ врагъ Божій скончася, и Московского государства мы, митрополиты и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ Російского[1] царствія молили и просили, а государскіе дѣти розныхъ господарствъ, которые служатъ въ Московскомъ господарствѣ, и бояре и околничіе[2] и дворяне, и всякіе служилые люди, и гости, и всенародное множество людей Російского царствія в. г. нашему ц. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. били челомъ, чтобы онъ государь смиловался, былъ на великихъ государствахъ на Владимерскомъ, и на Московскомъ, и на Новгородскомъ, и на царствахъ Казанскомъ, и Астороханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ государствахъ Російского царствія царемъ и великимъ княземъ, всея Русіи самодержцемъ, по прародительскому ихъ государскому степени, потому что великій государь нашъ изъ древныхъ лѣтъ отъ корене великихъ государей царей и великихъ князей Російскихъ, отъ великого князя Рюрика, иже отъ колѣна Августа кесаря Римского, и отъ великого князя Владимера Святославича Кіевского и всея Русіи, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещеніемъ, и отъ великого достохвалного великого князя Александра Ярославича, иже многіе побѣды на всѣхъ вразѣхъ своихъ показавшаго, отъ него же великого государя нашего прародители на Суздальское княженіе раздѣлишася, якоже обычай въ Російскомъ государствѣ великихъ государей меншимъ братіямъ на удѣлы садитись; а в. г. ц. и в. к. Ѳедору Ивановичу, в. Р. с., в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичъ в. Р. по родству братъ, а былъ при в. г. ц. и в. к. Ѳедорѣ Ивановичѣ, в. Р. с., въ Московскомъ государствѣ началной болшой бояринъ, а при томъ ворѣ при ростригѣ за истинную нашу православную христіянскую вѣру и за правду

[1] Вмѣсто «Російского» въ ркп. ошибкою: «освященного».
[2] «Околничіе» такъ поправлено; въ ркп. «оличные».

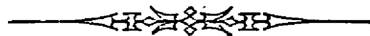
великое изгнаніе претерпѣлъ и злокозненного его умысла не страшился, обличалъ и укорялъ безо всякого[1] сумнѣнія. И нынѣ, по Божіей волѣ, и по прародительской ихъ государской степени, и за моленіемъ и за прошеніемъ Московского государства насъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и всего собора, и за челобитьемъ государскихъ дѣтей и бояръ и околничихъ и дворянъ и воеводъ и всякихъ служилыхъ и приказныхъ людей, и гостей и торговыхъ людей, и всенароднаго множества людей Російского царствія, учинился на великихъ государствахъ на Владимерскомъ, и Московскомъ, и Новгородскомъ, и на царствахъ Казанскомъ, и Астороханскомъ, и Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ Російского царствія, онъ в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичъ, в. Р. с., и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ и діадимою, по древнему ихъ царскому достоянію; а господарь благочестивый, премудрый и праведный и храбрый и милостивый. И нынѣ его царскою милостію государскіе дѣти розныхъ господарствъ, и всѣ князи и бояре и воеводы и дворяне, и всякіе служивые люди и все воинство, и весь народъ Московского государства, его царскому величеству съ радостію великою служатъ. А которые Полскіе и Литовскіе люди пришли къ нему на разореніе Московского государства, и тѣхъ Полскихъ и Литовскихъ людей, за ихъ нестерпимые грубости и насилства, что они въ Московскомъ государствѣ кровь христіянскую по наученію того вора беспрестани проливали, и многіе злые насилства людемъ чинили, хотѣли всѣхъ побити. И в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., по своему царскому милосердому обычаю, кроворозлитіе унялъ, Полскихъ и Литовскихъ людей побити и переграбити не далъ и отъ смерти ихъ свободилъ, а велѣлъ ихъ отпустити въ Полшу и въ Литву, опроче тѣхъ немногихъ, которые межи Московского государства и короною Полскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ болшую ссору и кроворозлитіе учинили, и Московское государство хотѣли съ тѣмъ воромъ разорити.—Еще же тебѣ нѣкое человѣколюбіе Спасителя нашего Бога хощемъ повѣдати: благовѣрный же и христолюбивый в. г. нашъ ц. и в. к. Василей Ивановичь, в. Р. с., вѣдая неправедное заколеніе и кровопролитіе царевича Дмитрея Ивановича, розжизаемъ сердечною любовію и совѣтовавъ о томъ съ нами, митрополиты и архіепископы и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ дворяны и со всѣми людми Російского царствія, посылалъ во градъ Углечь митрополита Фила-

---

[1] «Безо всякого»; въ ркп. «бесовского».

рета Ростовского и Ярославского, что былъ бояринъ Ѳедоръ Никитичь Романовъ, да архіепископа Ѳеодосія Астороханского и Терского, да бояръ своихъ князя Ивана Михайловича Воротынского да Петра Никитича Шереметева, и иныхъ бояръ, а велѣлъ царевича Дмитрея Ивановича гробъ принести съ великою честію въ богоспасаемый царствующій градъ Москву. И по его царскому велѣнію, нынѣ мощи благовѣрнаго царевича Дмитрея съ Углеча привезли въ царствующій градъ Москву, съ великою честію, и положенъ въ соборномъ храмѣ Архангела Михаила, подлѣ отца своего ц. и в. к. Ивана Васильевича всея Русіи; а Божіею силою тѣло его ничѣмъ невредимо. Нынѣ же милосердый Богъ страстотерпца своего благовѣрнаго царевича Дмитрея неизреченными чюдесы[1] прославилъ, многіе исцѣленія почерпаютъ у его праведныхъ мощей приходящіе съ вѣрою, одержимые всякими недуги, и вся великая Росія, Божіею благодатію и святыхъ его угодниковъ молитвами, свѣтится и радуется неизреченною радостію, якоже самъ Богъ рече: «прославляющаго мя прославлю и паки прославлю»; индѣ же глаголетъ: «праведникъ по смерти живъ будетъ, и похваляему праведнику возвеселятся людіе». И тебѣ, воеводѣ, какъ есть пану христіянскому и во благочестіи изрядному, слышавъ такіе неизреченныя чудеса Божіи, о семъ радоватися и веселитися, что истинная наша и непорочная христіянская вѣра тверда и непоколебима пребываетъ, бѣсовавшіи же ся на истину и хотящіи свѣтъ омрачити конечною погибелію погибоша. А милость Божія, и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ молитва, и наше благословеніе да есть и будетъ съ тобою во вѣки, аминь. Писанъ великого государя нашего въ государствѣ, въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7114, іюня мѣсяца.

[1] Въ ркп. «словесы», но должно читать «чюдесы», какъ исправлено.



УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Замѣченныя опечатки.

Страница	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
43	1 снизу	45—53)	45—53
173	10 св.	Вусорчорто	в Усорчорто
300	2—1 сн.	в новой двор	в Новой Двор
424	1 сн.	бояръ	приставовъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВЫШЕДШИХЪ ТОМОВЪ СБОРНИКА
Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Къ каждому тому приложенъ азбучный указатель именъ.

Томъ I. Уставъ Русскаго Историческаго Общества. — Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщены кн. Н. А. Орловымъ и изд. подъ наблюденіемъ А. Ө. Бычкова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщ. изъ государственнаго архива К. К. Злобинымъ. — О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца имп. Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма имп. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ. — Бумаги изъ дѣлъ о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.—Письма имп. Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ. Сообщ. А. Ө. Гамбургеромъ. — Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго, и пр. . Цѣна 2 руб.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія имп. Александра I. Статья К. К. Злобина. — Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ. — Записка графа Поццо-ди Борго о немъ самомъ. Сообшена К. К. Злобинымъ. — Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ө. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго. — Выписка о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ имп. Екатериною II съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ. — Извлеченія изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ. — Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи, и пр. . . . . Цѣна 2 руб.

Томъ III. Записка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ. Сообщена А. Н. Поповымъ. — Записка графа I. Каподистріа о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. — Отвѣтное письмо графа I. Каподистріа Петро-Бею, вождю спартанцевъ. — Инструкція. данная имп. Екатериною II фонъ Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ. — Письма имп. Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской. Сообщ. княземъ А. Н. Волконскимъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ Э. Германомъ. Цѣна 3 руб.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненій проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I. . . . . Цѣна 2 руб.

Томъ V. Письма имп. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщ. Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный имп. Екатеринѣ II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ. — Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сооб-

щено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ Э. Германомъ. Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну Никитѣ Петровичу. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ имп. Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ. — Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ. — Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено кн. Н. В. Репнинымъ.—Записка князя А. А. Чарторижскаго имп. Александру I, 26 іюня 1807 года. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ. Цѣна 3 руб.

Томъ VII. Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, П. П. Пекарскимъ. 1744—1764 г. Часть I. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. Напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. — Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа съ Великою Княжною Александрою Павловною. — Переписка гр. П. А. Румянцева съ гр. Н. И. Панинымъ въ 1765—1771 гг.—Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву. — Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову). . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ X. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ М. И. Д. 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія П. П. Пекарскимъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ и извлеченные изъ Архива Прав. Сената. Собраны и изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 включительно. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть I. Цѣна 3 руб.

Томъ XIII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ госуд. архивѣ М. И. Д. 1771—1774 г. Изданы Я. К. Гротомъ. Часть III . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. Цѣна 3 руб.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. — Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. — Бумаги князя Репнина за время Константинопольскаго посольства. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XVII. Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ. . Цѣна 3 руб.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ рускимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I. . . . . Цѣна 3 руб.

Токъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть II. . Цѣна 3 руб.

Томъ XX. Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. — Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено княземъ Бисмаркомъ и княземъ А. М. Горчаковымъ. — Собственноручныя письма великой княгини Маріи Θеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при Датскомъ дворѣ. — Письма великаго князя Павла Петровича къ барону Сакену, посланнику при Датскомъ дворѣ. — Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. — Записка государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. — Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, 17-го марта 1877 г., подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. — Сотрудничество Екатерины II въ „Собесѣдникѣ" княгини Дашковой. Сообщено Я. К. Гротомъ. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXI. Донесенія И. А. Чернышева имп. Александру I, 1810 и 1811 гг.— Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г. — Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. — Донесенія императору Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцову, 1811 и 1812 гг. — Письма графа П. А. Шувалова императору Александру I, 1811 г. — Донесеніе бар. Сухтелена имп. Александру I, 1812 г. Сообщ. А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ госуд. архива въ С.-Петербургѣ. — Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный императору Александру I М. М. Сперанскимъ. Сообщено А. Θ. Бычковымъ. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ 1763—1766 г. Сообщено изъ берлинскаго госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Θ. Штендмана. Часть I . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXIII. Письма имп. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщено изъ государственнаго архива Мин. Ин. Дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. Я. К. Гротомъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ нидерландскаго государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева, съ 1704—1718 г., и др. бумаги. Съ портр. имп. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1746—1787 гг. Томъ I . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXVII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ Мин. Иностранн. Дѣлъ, съ 1774 по 1778 г. Собраны Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Θ. Штендмана. Часть IV. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ двумя гравюрами и планомъ 1788—1799 г. Томъ II. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I . . . . Цѣна 4 руб.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II. . . . . Цѣна 5 руб.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть IV . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXXIII. Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II, съ приложеніями.— Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику гр. Герману Кейзерлингу. — Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями. Напечатаны подъ наблюденіемъ Я. К. Грота и Г. Ѳ. Штендмана. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, находившихся во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ. Напеч. подъ наблюд. А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I. Цѣна 3 руб.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе вел. кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напеч. подъ набл. Г. Ѳ. Карпова. Томъ I. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть V. . . . . Цѣна 2 руб.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при Русскомъ дворѣ. Сообщено изъ берлинскаго гос. архива. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II. Цѣна 3 руб.

Томъ XXXVIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданы подъ наблюденіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Томъ II. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, 1704—1708 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть III. Цѣна 3 руб.

Томъ XL. Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ дворѣ, 1719—1723 г. Напечатана подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами: Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время великихъ князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ I. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ гос. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, съ 1788 по 1796 г. Собраны Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть VI . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напеч. подъ наблюденіемъ Я. К. Грота. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Томъ II. Цѣна 3 руб.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изд. Г. Ѳ. Штендманомъ. Ч. II. Цѣна 3 руб.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова съ 1779—1798.— Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. Ѳ. Дубровинымъ . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1762—1764 г. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Часть I. Цѣна 3 руб.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 г. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, 1708—1712 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть IV. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LI. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, 1764—1766 гг. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при Русскомъ дворѣ Кампредона. 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV. Цѣна 3 руб.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 2 руб.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами. — Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова. Цѣна 3 руб.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Часть I (февраль — іюнь 1726 г.). Цѣна 3 руб.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Часть II (іюль — декабрь 1726 г.). Цѣна 3 руб.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка импер. Екатерины II, 1766—1767 гг. Часть III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюд. Г. Ѳ. Штендмана Ч. V. Цѣна 3 руб.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, 1533—1560. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Т. II. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго словаря. Часть I. А—Л. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, 1712—1719 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть V. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго словаря. Часть II. М—Ѳ. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 января по конецъ іюня 1727 года. Ч. III. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 руб.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть VI. . . . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г., изданные Ф. Ф. Мартенсомъ . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ 1728—1733 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть VI. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, 1767—1768 г. Ч. IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть VII. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 г. Часть IV. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 руб.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть I. 1800—1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, 1560—1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Т. III. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ графомъ Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Издана подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXIV. Бумаги Высочайше утвержденнаго, 6 декабря 1826 г., «Особаго секретнаго комитета». Изданы подъ редакціей А. А. Половцева . . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXV. Донесенія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ Маньяна, за 1727—1739 гг., и предписанія французскаго министерства. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана Ч. VII. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733—1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VII. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXVII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II. 1803—1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXVIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812—1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта. съ января по конецъ іюня 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VIII. . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXI. Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна, и распоряженія французскаго правительства, за 1730—1733 г. Часть VIII. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху Наполеона I. Часть III. 1805—1806 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXIII. Политическая переписка императора Наполеона I съ генераломъ Савари 1807 г. Извлечена изъ Парижскихъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и національнаго. Напечатанъ подъ наблюденіемъ А. А. Половцева. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXIV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ іюля по конецъ 1728 г. Часть VI. Изданы подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXV. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1740 г. по 3 марта 1741 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. IX. . . . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXVI. Донесенія маркиза де-ла-Шетарди французскому правительству и отвѣты министерства. 1738—1740 гг. Сообщены изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Часть. IX. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1768—1769 г. Часть V. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXVIII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. 1807—1808 гг. Часть IV. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXXXIX. Посольство графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг. Томъ изданъ подъ редакціей Н. К. Шильдера . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XC. Журналы Высочайше утвержденнаго 6 декабря 1826 г. «Особаго секретнаго комитета». Часть II. Изданы подъ наблюденіемъ А. А. Половцева. Цѣна 3 руб.

Томъ XCI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, 1741 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть X . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XCII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и распоряженія французскаго правительства въ 1741 г., по іюнь. Часть X. Изданы подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана. . . . , ... Цѣна 3 руб.

Томъ XCIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть VIII. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XCIV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, январь — іюнь 1729 г. Часть VII. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 руб.

Томъ XCV. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымомъ, Нагаями и Турціею 1508—1521 гг. Изданы подъ редакціею Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана. Т. II. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XCVI. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, за вторую половину 1741 г. Часть XI. Изданы подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана. Цѣна 3 руб.

Томъ XCVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1769—1771 г. Часть VI. Издана подъ наблюденіемъ барона Ѳ. А. Бюлера при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ XCVIII. Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 руб.

Томъ XCIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ іюня 1742 по апрѣль 1744 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XI. . . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ C. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и уполномоченнаго министра д'Алліона съ 1742 по май 1743 г. Часть XII. Изданы подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ іюня 1729 г. по 4 марта 1730 г. Часть VIII. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 3 руб.

Томъ CII. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1744 по 4 января 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XII. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CIII. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 по 1748 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CIV. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакц. А. Н. Филиппова. Т. I. (1731—1732 гг). Цѣна 3 руб.

Томъ CV. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и уполномоченнаго министра д'Алліона съ 1743 по 1745 г. Часть XIII. Изданы подъ редакціею Г. Ѳ. Штендмана. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CVI. Бумаги Кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны. 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ II (1733 г.). Цѣна 3 руб.

Томъ CVII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть IX. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CVIII. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Т. III (1734 г.). Цѣна 3 руб.

Томъ CIX. Дипломатическія сношенія австрійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 руб.

Томъ CX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ IV (1735 г.). Цѣна 3 руб.

Томъ CXII. Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ въ 1814—1816 г. Подъ редакціею А. А. Половцова. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXIII (въ двухъ книгахъ). Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе Императора Николая I. Подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Цѣна 4 руб.

Томъ CXIV. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Т. V (1736 г.). Цѣна 3 руб.

Томъ CXV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть X. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXVI. Донесенія посланниковъ Соединенныхъ Нидерландовъ при русскомъ дворѣ. Отчетъ Альберта Бурха и Іоганна ф. Фельтдриля о посольствѣ ихъ въ Россію въ 1630 и 1631 гг. Съ приложеніемъ очерка сношеній Московскаго государства съ республикою Соединенныхъ Нидерландовъ до 1631 г. Томъ изданъ подъ редакціею В. А. Кордта. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXVII. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Т. VI (1737 г.). Цѣна 3 руб.

Томъ CXVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1772 и 1773 гг. Часть VII. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, при содѣйствіи князя Н. В. Голицына . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXIX. Донесенія представителей французскихъ при русскомъ дворѣ, а также донесенія русскихъ представителей при французскомъ дворѣ за 1817—1818 гг. Подъ редакціею А. А. Половцова . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXX. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ VII (1738 г., январь — іюнь) . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXI. Архивъ кн. А. И. Чернышева. Бумаги А. И. Чернышева за царствованіе императора Александра I. 1809—1825 гг. Подъ редакціею кн. Н. В. Голицына. Цѣна 3 руб.

Томъ CXXII. Архивъ кн. А. И. Чернышева. Жизнеописаніе, всеподданнѣйшіе доклады и переписка кн. А. И. Чернышева. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ CXXIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича. Часть XI . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXIV. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ VIII. 1738 г. (іюль — декабрь) . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXV. Донесенія князя Лобковича и г-на Зедделера Государственному канцлеру князю Кауницу графу Ритбергу. Подъ наблюденіемъ А. А. Половцева. Цѣна 3 руб.

Томъ CXXVI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціей А. Н. Филиппова. Томъ IX. 1739 г. Юрьевъ, 1907 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXVII. Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Подъ редакціей А. А. Половцова. Томъ III. 1819—1820. С.-Петербургъ, 1908 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXVIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Собраны и изданы, по порученію Великаго Князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. Военскаго. Томъ I. С.-Петербургъ, 1909 г. Цѣна 5 руб.

Томъ CXXIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства со Швеціей. 1569—1586 гг. Изданы подъ редакціей В. В. Майкова. С.-Петербургъ, 1910 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXX. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 г.г. Собраны и изданы подъ редакціей А. Н. Филиппова. Томъ X. 1739 г. Юрьевъ, 1909 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXXI. Переписка Императора Николая Павловича съ великимъ княземъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Томъ I. Напечатанъ подъ наблюденіемъ Д. Ѳ. Кобеко. 1825—1829 гг. С.-Петербургъ, 1910 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXXII. Переписка Императора Николая Павловича съ великимъ княземъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Томъ II. Изданъ подъ наблюденіемъ К. А. Губастова. 1830—1831 гг. С.-Петербургъ, 1911 г. . . . . Цѣна 2 руб.

Томъ CXXXIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранные и изданные, по порученію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. Военскаго. Томъ II. Балтійская окраина въ 1812 году. С.-Петербургъ, 1911 г. . . Цѣна 5 руб.

Томъ CXXXIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ Н. Д. Чечулина. Часть XII. С.-Петербургъ. 1911 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXXV. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1774 и 1775 г.г. Часть VIII. Подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича, при содѣйствіи кн. Н. В. Голицына. С.-Петербургъ, 1911 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXXVI. Протоколы Конференціи при Высочайшемъ Дворѣ. Томъ I. 14 марта 1756 г. — 28 февраля 1758 г. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ Н. Д. Чечулина. С.-Петербургъ, 1912 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Томъ CXXXVII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, 1598—1608 г.г. Изданы подъ наблюденіемъ С. А. Бѣлокурова. Т. IV. Москва, 1912 г. . . . . Цѣна 3 руб.

Лица, желающія войти въ сношеніе съ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, могутъ обращаться къ секретарю Общества Александру Александровичу **Гоздаво-Голомбіевскому,** С.-Петербургъ, Милліонная, 36.